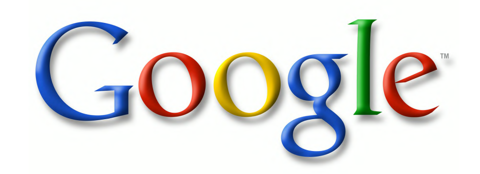
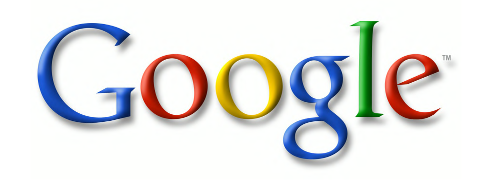

VE
RI
TAS

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

КНИГА X.

МОСКВА.

1895.

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

НА СѢВЕРѢ ДИКОМЪ... *).

(Разсказъ).

V.

Тайна дяди Павла.

Такъ, день за днемъ, тянулось наше сѣренькое существованіе. Ванѣ былъ уже третій годъ на исходѣ, онъ бѣгалъ, все говорилъ, и называлъ дядю Павла «тетей». Мнѣ шелъ восьмой годъ; я былъ бойкимъ, смышленымъ мальчикомъ, вполнѣ предоставленнымъ самому себѣ. Я бродилъ всюду, гдѣ вздумается, самъ посѣщалъ нашихъ знакомыхъ и друзей, отлично катался на конькахъ съ ребятишками, и съ ними же, когда поспѣвала морошка или появлялись грибы, ходилъ на болото и въ маленькій, приземистый лѣсокъ, бывшій въ недалекомъ разстояніи отъ города.

Наконецъ, общимъ совѣтомъ рѣшено было начать меня учить, и эта нелегкая обязанность, опять-таки, легла на дядю Павла. Мой старый Робинзонъ поступилъ въ собственность брата, а я принялся за азбуку. Затѣмъ было приступлено къ основательному чтенію и письму. Происходило это въ длинные зимніе вечера за небольшою лампочкой, бокъ-о-бокъ съ дядею Павломъ, который или переплеталъ, или тачалъ сапоги. По поводу каждаго отрывка, который мнѣ удавалось одолѣть и который я долженъ былъ разсказать своими словами, у насъ затѣвались бесѣды, поражавшія меня з[illegible]ніемъ необыкновенной учености дяди Павла. Онъ все зналъ, о[illegible] всемъ могъ разсказать понятно для моего возраста: о дождѣ, о [illegible]ѣгѣ, откуда является молнія, что такое громъ.

[illegible]днажды мы втроемъ: дядя Павелъ, Софья Алексѣевна и я пред[illegible]яли прогулку къ морю. Я еще ни разу не видалъ его, и страст-

---

Русская Мысль, кн. IX.

ное желаніе узнать, что̀ такое море, томило меня. Никто изъ сверстниковъ не рѣшался совершить такое длинное путешествіе, поэтому, когда дядя Павелъ сказалъ, что возьметъ меня, я запрыгалъ отъ радости и, только что мы вышли изъ города, побѣжалъ впередъ.

Мы прошли длинный, показавшійся мнѣ безконечнымъ, берегъ каменистой, порожистой рѣки, миновали опушку сосноваго лѣса, и когда никакіе предметы не заслоняли больше горизонта, передъ нами открылось пустынное, гладкое, какъ зеркало, сливавшееся съ небомъ узкою темно-фіолетовою полоской море.

Оторопь взяла меня; я остановился и смотрѣлъ, широко раскрывъ глаза и постепенно проникаясь впечатлѣніями грандіозной картины. Это были впечатлѣнія страха и какой-то тяжести, давившей душу, и мнѣ было жутко отъ той могильной тишины, которая господствовала на поверхности безграничной массы воды. Стаи бѣлыхъ чаекъ то поднимались надъ моремъ и бѣлыми точками пропадали вдали, то нивѣсть откуда появлялись снова и опускались на громадные прибрежные камни и испускали жалобные, словно ѣтскіе, крики.

Однако, впечатлѣніе страха скоро прошло и я началъ собирать по берегу красивые камешки. Дядя Павелъ и Софья Алексѣевна сидѣли на камнѣ. Я отошелъ отъ нихъ на нѣсколько саженей и такъ увлекся валунами, что даже не слышалъ, какъ они заговорили, но одно слово «тебѣ», сказанное Софьей Алексѣевной, такъ поразило меня, что заставило остановиться и прислушаться. И этотъ разговоръ, который они вели, почти весь, цѣликомъ надолго врѣзался въ моей памяти.

— Тебѣ будетъ лучше, — говорила Софья Алексѣевна, — ты знаешь, дни мои сочтены, зачѣмъ я буду тебя связывать?

— Меня связывать! Какъ тебѣ не стыдно говорить это, Соня,—воскликнулъ дядя Павелъ,—развѣ не я причиной всему? Ты и захворала-то изъ-за меня, простудившись въ дорогѣ.

— Нѣтъ. Это началось еще тамъ... въ тотъ годъ, помнишь? И я знала, что умру здѣсь, гдѣ ты.

— Умрешь?—воскликнулъ дядя Павелъ, и въ голосѣ его послышались слезы.—Не говори такъ! Ради Бога, не говори! Господи неужели нѣтъ справедливости на свѣтѣ?

— Все идетъ, какъ тому суждено быть,—какимъ-то сухим беззвучнымъ голосомъ отвѣчала она.

— И это ты говоришь? Противъ себя, своихъ убѣжденій...

— Да, вѣдь, и я теперь не та, что была раньше... А гдѣ Николай?

Хватились меня, и я долженъ былъ показаться на зовъ дяди Павла, но я и теперь удивляюсь тому лукавству, которое было тогда во мнѣ, восьмилѣтнемъ ребенкѣ, тому чутью, которое въ этомъ малопонятномъ для меня разговорѣ подсказало мнѣ любовную сцену и побудило, вмѣсто того, чтобъ идти на зовъ, представиться, что я его не слышалъ, и забраться еще дальше.

Дядѣ Павлу стоило не мало усилій заставить меня отозваться и придти. Но пришелъ я къ нимъ уже не такимъ, какимъ уходилъ. Въ мое маленькое сердце уже заронилась искра ревности,—искра, которой, спустя нѣсколько лѣтъ, совсѣмъ по другимъ обстоятельствамъ и при другихъ условіяхъ, суждено было розростись въ цѣлый пожаръ. Да, я уже ревновалъ *моего* дядю Павла къ этой неизвѣстной мнѣ больной дѣвушкѣ, и она мнѣ не нравилась.

И я вдругъ сдѣлался холоденъ къ дядѣ Павлу, даже не показалъ ему камешки, которыми набиты были мои карманы и которые мнѣ ужасно хотѣлось ему показать.

А онъ, этотъ чистый сердцемъ человѣкъ, ничего не подозрѣвая, не зная, что я подслушивалъ ихъ разговоръ, началъ разсказывать мнѣ интересную исторію о морѣ и его обитателяхъ, о рыбахъ, ихъ строеніи и образѣ жизни, о томъ, какъ и чѣмъ ихъ ловятъ и въ какое время, разсказалъ о вѣтрахъ, какіе и въ какіе часы бываютъ, описалъ устройство и оснастку разныхъ судовъ, и то, что я читалъ впослѣдствіи, никогда не могло мнѣ замѣнить живой устной бесѣды.

И я слушалъ съ интересомъ, забывъ на время разговоръ его съ Софьей Алексѣевной, но когда мы собрались уходить, и дядя Павелъ взялъ ее подъ руку, меня опять что-то кольнуло въ сердце, и я крайне опечаленнымъ вернулся домой.

Черезъ годъ я снова увидѣлъ море, но уже совсѣмъ другимъ.

Азямовъ и Биндеръ отправились прогуляться и взяли меня. Дулъ сильный западный вѣтеръ, по мѣстному «шалоникъ». По небу неслись огромныя темныя тучи, придававшія берегу, съ его сѣрыми скалами, и морю мрачный, угнетающій душу видъ. Море волновалось; изъ-зелено-синія волны высоко поднимались одна за дру-
..., падали въ бездну и снова вздымались, грозно щетиня свои
...ые хребты. Стаи чаекъ съ криками, похожими на дѣтскій плачъ,
...чились надъ моремъ.

...ы сѣли съ подвѣтренной стороны, у подножія голой скалы, и
...и смотрѣть на море.

— Григорій, парусъ!—крикнулъ Биндеръ, указывая на за-
...гдѣ, въ хаосѣ волнъ, мелькало что-то бѣлое.—Это шкуна.

Азямовъ привсталъ и началъ пристально смотрѣть на бѣлое пятнышко.

— Нѣтъ, братъ, это не шкуна,—сказалъ онъ,—глаза у тебя не важные.

— Ну, вотъ еще! Конечно, шкуна!

— Нѣтъ. Это шняка. На ней всего два паруса, а на шкунѣ должно быть три.

— Неужели два?

— Посмотри хорошенько. Вотъ она повернула.

Биндеръ вздохнулъ. Брови его нахмурились.

— Не ѣдетъ что-то мой англичанинъ,—пробормоталъ онъ.

— Все еще не оставилъ своей мысли?—спросилъ Азямовъ.

— О, если бы ты зналъ, какъ мнѣ хочется уѣхать! Теперь въ особенности.

— Почему теперь?

Биндеръ не отвѣчалъ и какъ-то странно повелъ глазами на меня.

— Я самъ день и ночь думаю, какъ бы выбраться отсюда. Нарочно завелъ календарь, и каждый день по листочку отрываю, да съ какимъ наслажденіемъ!—сказалъ Азямовъ.

— Да, да, вотъ видишь! — оживился Биндеръ. — А скоро уѣдешь?

— Какъ деньги пришлютъ.

— Счастливецъ!—пробормоталъ Биндеръ, откинулся на скалу и запѣлъ:

«Корабль мой,—пусть тяжелъ мой путь
Въ сырой и бурной мглѣ,—
Неси меня куда-нибудь,
Лишь не къ родной землѣ!»

Я бродилъ по берегу, по обыкновенію, собирая камешки, и по временамъ присоединялся къ пріятелямъ; въ одно изъ такихъ возвращеній я увидалъ Биндера въ чрезвычайно-возбужденномъ состояніи: онъ стоялъ въ полъоборота къ Азямову, смотрѣлъ на море и, размахивая руками, кричалъ:

— Я жить хочу, работать, понимаешь? Жить полною, насто ящею жизнью! Я не могу, какъ всѣ вы, какъ Евгеній, напримѣръ Одно изъ двухъ: или размозжить голову объ этотъ камень, и уйти отсюда! Не покажется мнѣ въ Англіи, уѣду въ Америку, п ступлю къ какому-нибудь фермеру, заберусь на крайній Западъ, н сидѣть на одномъ мѣстѣ, скучать, прозябать я не могу, поним ешь?—не могу! Я хочу быть живымъ человѣкомъ!

— Что же, Англія тебя сдѣлаетъ живымъ человѣкомъ?

— Хотя бы...

— Что же, у всякаго свой вкусъ! Меня, напримѣръ, на родину тянетъ. Отца-старика посмотрѣть.

— Ты? Ну, да, конечно! Ты и здѣсь отлично проживешь!

— Пожалуй, проживу. Не дурно и здѣсь.

— Я не понимаю, зачѣмъ ты хочешь уѣхать?—воскликнулъ Биндеръ.

— Говорю: отца повидать.

— А не будь этого, останешься?

— Пожалуй, и останусь.

Азямовъ, дѣйствительно, остался, и вотъ по какой причинѣ. Деньги на поѣздку домой онъ получилъ вскорѣ послѣ нашей прогулки къ морю и началъ уже поговаривать объ отъѣздѣ, какъ вдругъ пришло извѣстіе о смерти его отца. Тогда Азямовъ рѣшилъ, что ему вовсе не зачѣмъ ѣхать на родину, гдѣ у него, кромѣ отца, никого не было; пришелъ онъ къ намъ однажды вечеромъ и всѣ семьдесятъ рублей, присланные ему на дорогу, отдалъ дядѣ Павлу, какъ хранителю общей кассы, въ которую каждый изъ членовъ нашего кружка обязанъ былъ отдавать свои сбереженія.

О поступкѣ Азямова скоро узнали всѣ въ городѣ. Азямова осуждали, многіе надъ нимъ посмѣивались, но я рѣшительно этого не понимаю. Выросши среди людей, у которыхъ было все общее, которые принимали самое близкое участіе въ радостяхъ и печаляхъ каждаго, которые, прежде чѣмъ рѣшиться на что-нибудь важное въ своей жизни, совѣтовались съ другими и дѣлали такъ, какъ скажутъ всѣ,—я считалъ поступокъ Азямова дѣломъ совсѣмъ обыкновеннымъ. Такъ же думалъ и отецъ, и дядя Павелъ, и даже Биндеръ, замѣтившій, смѣясь:

— Я такъ и думалъ, что онъ останется. Ему все равно, гдѣ ни жить, только бы пустить корни поглубже.

У Азямова была счастливая натура. Отдѣлавшись отъ денегъ, онъ тотчасъ же забылъ, что имѣлъ ихъ, и, попрежнему, спокойный, веселый, ходилъ на службу въ контору, по словамъ Биндера: «та... ъ ярмо».

...и учебныя занятія съ дядей Павломъ шли настолько успѣш...о, будучи 9 лѣтъ, по своимъ познаніямъ я могъ бы свободно ...упить во второй классъ гимназіи.

...перь, когда я вижу десятилѣтнихъ мальчиковъ, изнывающихъ ...нетомъ ненавистной «учебы», зубрящихъ до истощенія силъ: ... mensae» и превращающихся къ 17 годамъ въ мрачныхъ,

нелюдимыхъ юношей, и на ряду съ этимъ припоминаю, чему и какъ я научился, меня удивляетъ то обстоятельство, что мнѣ рѣшительно ничего не приходилось заучивать наизусть, а все какъ-то запоминалось само собою. «Семья» и «школа», такъ страшно разъединенныя при современномъ обученіи дѣтей, обѣ олицетворялись тогда въ моемъ дорогомъ учителѣ, безотлучно находившемся при мнѣ. Не насилуя ни воли моей, ни памяти, совершенно незамѣтно для меня, дядя Павелъ безпрестанно повторялъ со мною мои уроки, экзаменовалъ меня. Въ особенности успѣшно шли у насъ географія и ариѳметика, причемъ дядя Павелъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы рѣшить умственную задачу или разсказать о какой-нибудь странѣ свѣта.

Братъ все меньше и меньше причинялъ хлопотъ моему учителю: ужь не нужно было его ни кормить съ ложечки, ни купать, ни укладывать спать, и у дяди Павла стало больше досуга, который онъ употреблялъ на приготовленіе къ экзаменамъ на учителя. Это была его завѣтная мечта. По вечерамъ, когда мы съ братомъ ложились спать, дядя Павелъ садился за свой самодѣльный сосновый столъ, раскладывалъ книги, записки и принимался читать.

А утромъ знакомое шарканье рубанка указывало на то, что дядя Павелъ уже принялся за свою обычную работу.

И училъ и учился самъ, и работалъ онъ въ самый тяжелый періодъ своей жизни, переживая такую душевную невзгоду, при которой у обыкновенныхъ людей все валится изъ рукъ и они ходятъ, какъ потерянные, а мы никто—ни отецъ, ни Азямовъ, ни Биндеръ, а, тѣмъ болѣе, конечно, я—ничего не замѣчали.

Отецъ — тотъ ушелъ весь въ самого себя, даже на меня съ братомъ пересталъ обращать вниманіе. Онъ похудѣлъ, состарился и его привычное состояніе недовольства перешло въ какую-то мрачную апатію. Такъ и рисуется мнѣ его сухая фигура, съ нахмуренными бровями и глазами, неподвижно-устремленными въ полъ. Онъ никому ничего не говорилъ, ни на что не жаловался, «замолчалъ въ тоскѣ», какъ выразился о немъ однажды Азямовъ, и оживлялся только тогда, когда приходили письма отъ мамы.

Въ этихъ длинныхъ, трогательныхъ письмахъ все опредѣле[нн]ѣе и яснѣе сказывалась близость ея возвращенія; въ нихъ о[на] передавала свои распоряженія насчетъ найма квартиры, пріобр[ѣ]тенія дровъ и проч. И вотъ, наконецъ, мы получаемъ письмо, [в] которомъ она сообщаетъ, что экзамены сошли благополучно, д[и]пломъ на званіе фельдшерицы полученъ, и что она собирается [в] путь.

Это письмо производитъ цѣлую бурю въ нашемъ тихомъ уголкѣ. Дядя Павелъ погружается въ массу хозяйственныхъ мелочей, присматриваетъ квартиру въ четыре комнаты и непремѣнно окнами на улицу, «для пріемовъ», нанимаетъ рабочаго и вмѣстѣ съ нимъ устраиваетъ перегородки, чуланчики, кладовушки, по общему соглашенію покупаетъ обои и самъ оклеиваетъ ими комнаты. И все это дѣлается съ какою-то лихорадочною торопливостью, съ какимъ-то страстнымъ желаніемъ дѣлать, что бы то ни было дѣлать, чтобы хоть этимъ отвлечь свои мысли отъ чего-то рокового, къ чему онѣ возвращаются неизбѣжно.

Но отчего Петръ Спиридонычъ не можетъ попасть на службу, не побывавши, предварительно, у насъ? Такое посѣщеніе всегда является послѣдствіемъ какой-нибудь непредвидѣнности: то часы у Петра Спиридоныча остановились и онъ зашелъ справиться, который часъ, то у Петра Спиридоныча ревматизмъ разыгрался и онъ пришелъ посовѣтоваться съ дядей Павломъ, котораго считаетъ во всѣхъ отношеніяхъ универсальнымъ человѣкомъ.

— Спасибо, спасибо!—говоритъ онъ, когда дядя Павелъ возьметъ его часы-луковицу, свѣритъ съ нашими стѣнными, передвинетъ стрѣлку и сунетъ луковицу старику обратно въ карманъ.— Вотъ теперь и на службу можно идти. Скажите, какіе часы невѣрные! Прошлый разъ чуть на службу не опоздалъ... Двадцать лѣтъ шли хорошо, а теперь пошаливать стали. Ну, до свиданія! Ахъ, кстати: когда ожидаете Вѣру Петровну?

— Ничего нельзя сказать. Ѣдетъ!

— Ѣдетъ!—восторженно восклицаетъ Головешкинъ, роняя на полъ приготовленную понюшку табаку.—Голубушка наша! То-то, чай, вѣстей-то, вѣстей столичныхъ! Да-съ, съ характеромъ дама, съ характеромъ! Шутка сказать: въ столицу махнула! За эстолько верстъ! Просто, можно сказать, удивительно!

И старичокъ, улыбающійся, довольный собою и всѣми, уходитъ.

VI.

„Тише, о жизни покончен вопросъ!"

[illegible] стоялъ на улицѣ, подъ окнами нашего дома, раздумывая, что [illegible]предпринять, на какую пуститься затѣю, куда дѣвать избытокъ [illegible] и молодости,—сзади меня послышались шаги, я оглянулся и [illegible]лъ дядю Павла. Лицо у него было осунувшееся, грустное. За[illegible]чаясь отъ холоднаго осенняго вѣтра, онъ поднялъ воротникъ [illegible] пальто и быстро прошелъ мимо.

Я бросился за нимъ, спрашивая, куда онъ идетъ, и прося взять съ собою. Онъ остановился, съ минуту подумалъ и отвѣчалъ:

— Я иду къ Софьѣ Алексѣевнѣ, она очень больна. Хочешь, пойдемъ?

Мнѣ вдругъ сдѣлалось стыдно, стыдно за то чувство, которое возникло у меня тамъ, на берегу моря, во время нашей прогулки втроемъ. Я пошелъ рядомъ съ дядей Павломъ. Мы прошли весь городъ, и на окраинѣ, у берега рѣки, дядя Павелъ указалъ мнѣ на ветхій деревянный домишко.

— Здѣсь она живетъ,—сказалъ онъ, останавливаясь и переводя духъ, потомъ повернулся ко мнѣ, и я никогда не забуду этого измученнаго выраженія лица, съ которымъ онъ прибавилъ:—Ты знаешь, она моя невѣста!

— Невѣста?—воскликнулъ я,—ты женишься на ней?

Онъ не сразу отвѣтилъ, снялъ шляпу, провелъ рукою по волосамъ и устремилъ задумчивый взглядъ на домикъ.

— Да, женюсь... когда она поправится.

— А она очень больна?

— Да,—вздохнулъ онъ,—пойдемъ!

Мы вошли въ ворота, прошли дворъ и поднялись по деревянной лѣсенкѣ. Въ окнѣ я замѣтилъ старушку въ темномъ платкѣ; эта старушка отворила намъ.

— Ну, что Софья Алексѣевна?—спросилъ дядя Павелъ.

— Да что!—безнадежнымъ тономъ отвѣчала старушка,—сегодня ужь не вставала. Пройдите.

Дядя Павелъ вошелъ въ небольшую комнатку, я остановился позади. Прямо, на кровати, лежала Софья Алексѣевна. Я не сразу узналъ ее,—до того она измѣнилась. Страшно было смотрѣть на этотъ остовъ человѣческаго тѣла, обтянутый сухою, желтою кожей, съ обострившимся носомъ, закрытыми, глубоко ушедшими въ орбиты глазами и волнами спутанныхъ черныхъ волосъ, раскиданными по подушкѣ.

Она открыла глаза, улыбнулась ими и протянула дядѣ Павлу высохшую, блѣдную руку.

Онъ припалъ къ рукѣ и долго цѣловалъ ее, потомъ сѣлъ н стоявшій около постели стулъ. Ни слова не было между ними пр изнесено; дядя Павелъ сидѣлъ ко мнѣ спиною и, какъ мнѣ показ лось, нарочно скрывалъ отъ меня лицо.

— Не нужно,—послышался слабый, какъ шепотъ, голосъ Софь Алексѣевны,—перестань, Павелъ! Какое малодушіе!

Онъ все молчалъ. Мнѣ показалось только, будто плечи его вздрагивали.

— Ты никогда не былъ такимъ, помнишь? Какія были испытанія, и какъ ты ихъ выносилъ! Я тебя не узнаю.

— Э-эхъ!—сдавленнымъ крикомъ вырвалось у него изъ груди.

— Павелъ, Павелъ!—укоризненно покачала головою Софья Алексѣевна,—пойми, что тутъ уже все отжито, все... Знаешь, я запрещаю тебѣ приходить ко мнѣ до тѣхъ поръ, пока все будетъ кончено... слышишь?—запрещаю!

— И за что, за что?—глухимъ протестомъ вырвалось у него изъ груди.

— Ахъ, это все напрасно!—прошептала она.—Я уже тебѣ сказала, что такъ должно быть. Это Николай? Какъ онъ выросъ!

Я подошелъ и протянулъ руку. И мнѣ страшно было пожатіе этой сухой, горячей, костлявой руки.

— Ты будешь молодцомъ! Не станешь плакать надъ тѣмъ, чего нельзя измѣнить, да?—прошептала она.

Тутъ только я увидѣлъ лицо дяди Павла, все омытое слезами. Онъ отвернулся отъ меня и сказалъ тихо, но такимъ тономъ, который не допускалъ возраженія:

— Николай, посиди на дворѣ. Я сейчасъ приду.

Я вышелъ, и только что успѣлъ расположиться на ступенькѣ крыльца, какъ появился дядя Павелъ. Лицо его было спокойно и мрачно, только мускулы щекъ подергивались легкою судорогой.

Онъ быстро пошелъ къ воротамъ, я послѣдовалъ за нимъ. Оглянувшись, я увидѣлъ за окномъ лицо старушки; она печально смотрѣла намъ въ слѣдъ и качала головой.

Софья Алексѣевна умерла въ ту же ночь. Черезъ три дня мы всѣ шли за ея гробомъ, провожая на далекое кладбище нашего городка. Кладбище было расположено на высокомъ берегу рѣки и было бы живописно, если бы не мерзость запустѣнія, которая такъ портитъ наши мѣста вѣчнаго успокоенія. Сгнившіе кресты, осыпавшіяся могилы, полуразрушенныя бесѣдки въ этотъ пасмурный осенній день наводили тоску на сердце. Въ полуобнаженныхъ вѣт- деревьевъ шумѣлъ порывистый вѣтеръ; гонимые имъ, опав- листья прыгали по размытымъ отъ дождя глинистымъ дорож- и кучками залегали между могилами, съ которыхъ сползала ая, посѣрѣвшая отъ утреннихъ морозовъ трава.

молча стояли у раскрытой могилы, а двое здоровенныхъ щиковъ, поплевавъ на руки, уже взялись за широкія, свер- сталью, лопаты.

И, глухо ударяясь о крышку гроба, одинъ за другимъ повалились комья сырой земли.

— Ну, и вотъ... вотъ!—въ какомъ-то не то испугѣ, не то нервномъ растройствѣ повторялъ отецъ.—Ну, вотъ и погибла молодая сила! Къ чему? Зачѣмъ?

— Не «зачѣмъ»,—мрачно замѣтилъ Биндеръ,—а по какому праву? Это—другой вопросъ, и на него въ свое время потребуется отвѣтъ.

Отецъ оглянулся вокругъ, махнулъ рукой и нахлобучилъ шапку на свою значительно полысѣвшую голову.

Всѣ послѣдовали его примѣру и медленно пошли съ кладбища. Дяди Павла не было. Онъ догналъ насъ но дорогѣ къ городу. Лицо его, какъ и тогда, въ день посѣщенія Софьи Алексѣевны, было мрачно-спокойно.

— Да, это была дѣвушка съ характеромъ! — замѣтилъ Биндеръ.—Жаль, что духовныхъ силъ у нея оказалось больше, чѣмъ физическихъ!

— Никакія физическія силы не вынесли бы того, что вынесла она!—замѣтилъ Азямовъ.

— И все напрасно, совершенно напрасно!—твердилъ отецъ.— Гм... «Служители міра»! Скажите на милость! Міръ остался и останется такимъ же подлымъ, какимъ онъ есть!

— «Тише, о жизни покончeнъ вопросъ; больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ!»—продекламировалъ Биндеръ.

— Это ты откуда?—спросилъ Азямовъ.—Знаешь, это очень хорошо!

— Изъ Никитина. Забылъ?

— Забылъ и то,—согласился Азямовъ,—я, братъ, все перезабылъ!

Дядя Павелъ не надолго зашелъ домой и затѣмъ скрылся на цѣлый вечеръ, даже не явился къ чаю. Не знаю почему, но я былъ убѣжденъ, что онъ долженъ былъ находиться въ квартирѣ Софьи Алексѣевны; какой-то инстинктъ подсказывалъ мнѣ, что онъ сидитъ въ бѣдной, тѣсной комнаткѣ, перебираетъ ея письма, вещи и плачетъ одинъ, на свободѣ...

VII.

Радость омрачается горечью.

Метель, или, по-мѣстному, «хивусъ», бушевала уже второй ден Городокъ нашъ былъ до такой степени засыпанъ снѣгомъ, что п

чти прекратилось всякое сообщеніе, и мы сидѣли, словно заживо погребенные, въ своихъ домишкахъ. Съ наступленіемъ вечера, когда темное, какъ бездонная пропасть, и сыпавшее мокрый снѣгъ небо сливалось съ землею въ одинъ мрачный хаосъ и въ немъ не было видно тѣхъ немногихъ фонарей, которые горѣли на главной улицѣ, чувство тоски и какого-то безпомощнаго отчаянія, я увѣренъ, овладѣвало не только нами, но и каждымъ обывателемъ. Сквозь намерзшія окна еле-еле брезжили огоньки въ домахъ и тамъ, за ломберными или чайными столами, украшенными присутствіемъ неизбѣжнаго графинчика водки, обыватели коротали скучные, безконечные вечера. Мы тоже коротали этотъ вечеръ за чаемъ, тоскливо поглядывая другъ на друга и не находя темы для бесѣдъ. Да и о чемъ было бесѣдовать намъ, все переговорившимъ, съ полуслова понимавшимъ другъ друга, сжившимся, какъ одинъ человѣкъ? Я прислушивался къ завыванію метели въ трубѣ и воображеніе уносило меня Богъ вѣсть куда. Иногда я думалъ: чтò, если метель не прекратится? Нашъ городокъ будетъ все заносить, заносить и, наконецъ, мы будемъ похоронены подъ снѣговыми горами. Такъ мы всѣ замерзнемъ. Спустя нѣкоторое время какая-нибудь экспедиція, по какимъ-нибудь признакамъ жилья,—ну, хотя бы по кресту на колокольнѣ нашего собора,—произведетъ раскопки и найдетъ, къ немалому своему изумленію, цѣлый городъ, значащійся на картѣ Россійской имперіи съ нѣсколькими тысячами жителей, замерзшихъ въ своихъ домахъ, за остывшими самоварами и пустыми графинами. Вѣдь, бываютъ разныя катастрофы на землѣ!

Дядя Павелъ, которому я сообщилъ свои предположенія, только улыбнулся и опять началъ читать свои лекціи, прихлебывая чай; отецъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, останавливаясь по временамъ и прислушиваясь къ завыванію вѣтра. Ваня возился въ углу съ игрушками. Въ сѣняхъ послышались шаги, дверь отворилась и вошелъ Биндеръ. Растаявшій снѣгъ образовалъ темныя, мокрыя пятна на его верблюжьей курткѣ, оленья шапочка, какъ росинками, сверкала каплями воды.

— Ну, братъ, какъ ты добрался?—удивился отецъ.—Тонулъ,

- Было всего,—хриплымъ, простуженнымъ голосомъ отвѣ- Биндеръ,—захочешь чаю, такъ на льдинѣ поплывешь. Есть, ли?

Есть. Наливаю,—отвѣчалъ дядя Павелъ.

Чортъ ее знаетъ, куда дѣвалась моя квартирная хозяйка! а ушла къ крестнику и пропала! Не занесло ли ее, грѣхомъ?

— А ты что же, бѣлоручка, самовара не съумѣлъ поставить?—замѣтилъ отецъ.

Къ слову сказать, самъ онъ никогда этого не дѣлалъ и вообще не занимался по хозяйству.

— Ну, вотъ еще! Съумѣть-то съумѣлъ бы, да не хотѣлось Ужъ больно тоскливо одному!—отвѣчалъ Биндеръ, принимаясь за чай.—Ну, что, какъ дѣла?

Съ этими вопросами онъ обратился ко мнѣ, какъ привыкъ обращаться всегда. «Какъ дѣла» должно было означать, какъ идутъ мои учебныя занятія, и хотя въ этомъ вопросѣ не было ничего такого, что̀ бы могло меня задѣвать, но я не любилъ, когда Биндеръ спрашивалъ, какъ вообще не любилъ самого Биндера.

Между нами была, Богъ вѣсть когда и откуда явившаяся, непріязнь,— непріязнь десятилѣтняго мальчика къ взрослому человѣку и обратно. Мнѣ все не нравилось въ Биндерѣ: его наружность (въ особенности глаза), его обыкновеніе держаться, говорить. Я никогда не могъ прямо взглянуть ему въ глаза и, странно, помнится, онъ тоже никогда не смотрѣлъ на меня прямо. Свою непріязнь ко мнѣ онъ скрадывалъ шуточками, вопросами: «какъ дѣла?»—говорилъ обо мнѣ во множественномъ числѣ: «мы сегодня не въ духѣ», «мы, кажется, недостаточно выспались» и проч. Я открыто показывалъ, что не люблю его, замолкалъ, когда онъ являлся, уходилъ въ другую комнату или на улицу, не отвѣчалъ на вопросы.

Дядя Павелъ не могъ этого не замѣтить и спрашивалъ, отчего я не люблю Биндера,—я отмалчивался, да и что могъ сказать, кромѣ ничего не объясняющаго: «такъ»?

Я не отвѣтилъ на вопросъ Биндера, да онъ и не нуждался въ отвѣтѣ. Онъ сейчасъ же началъ болтать, перескакивая съ одного предмета на другой.

Вдругъ отецъ, все время ходившій по комнатѣ, остановился и началъ прислушиваться.

— Тише!—крикнулъ онъ,—тише всѣ!

Мы тоже насторожились. Сквозь завыванія вѣтра мнѣ послышались отдаленные, слабые звуки, похожіе на перезвонъ бубенчиковъ.

— Бубенчики!—воскликнулъ отецъ, блѣднѣя и приближаясь къ окну.

— Да, какъ будто!—подтвердилъ дядя Павелъ.

Оба теперь стояли и смотрѣли другъ на друга. И какъ будто одна и та же мысль явилась у обоихъ, — оба подошли къ висѣ

шимъ на стѣнѣ полушубкамъ и начали ихъ надѣвать. Я замѣтилъ, какъ дрожали руки отца и какъ онъ путался, отыскивая рукава.

— Бубенчики означаютъ вѣсти, — замѣтилъ Биндеръ,—дурныя или хорошія только—вотъ вопросъ.

Онъ тоже былъ блѣденъ и растерянъ, но скорѣе всѣхъ накинулъ куртку и раньше другихъ очутился въ дверяхъ.

— Сидите смирно, — сказалъ мнѣ и брату дядя Павелъ,—мы сейчасъ вернемся!

Не понимая, что̀ могло случиться, я въ страхѣ подсѣлъ къ Ванѣ, который пересталъ играть и смотрѣлъ на меня испуганными глазами.

То, что намъ казалось звономъ бубенчиковъ, то яснѣе доносилось до насъ, то совершенно замирало, заглушаемое воемъ метели. Но вотъ эти звуки сдѣлались сильнѣе и отчетливѣе; теперь уже не могло быть сомнѣній, что это бубенчики. Вскорѣ къ ихъ перезвону присоединился лай собакъ.

У Вани сдѣлалось плачущее лицо и онъ плотнѣе придвинулся ко мнѣ.

— Я боюсь,—шепталъ онъ.

— Чего ты боишься?

— Не знаю.

Вдругъ у нашихъ оконъ совсѣмъ явственно прозвенѣли бубенчики въ послѣдній разъ и смолкли.

Послышались голоса, восклицанія, въ сѣняхъ хлопнула дверь, раздались шаги, дверь квартиры открылась и вошли отецъ съ дядей Павломъ. Сзади стояла закутанная въ платки, занесенная снѣгомъ женщина.

Но я сразу узналъ эту женщину. Сердце мое шибко забилось, что-то словно толкнуло меня, словно какой внутренній голосъ шепнулъ мнѣ: «Это твоя мама!»

— Мама!—крикнулъ я,—мама, это ты?

Въ одну минуту я очутился у ней на груди. Путаясь въ платкахъ, въ большой шубѣ, которая была на ней поверхъ шубки, я [illegible] ея лица, рукъ, цѣловалъ ихъ, гладилъ, смѣялся и плакалъ [illegible]тѣ. И она отвѣчала мнѣ такими же ласками, крѣпко сжимая [illegible] въ объятіяхъ.

[illegible]ступилъ минутный перерывъ и мама бросилась къ Ванѣ. Тотъ [illegible]тельно закричалъ и спрятался за спиною дяди Павла.

[illegible] Ваня! Сынокъ!—звала мама.—Боже мой, онъ меня забылъ, [illegible]аетъ!

— Не хочу! Тетя Павля! Не хочу!—кричалъ Ваня, отбиваясь отъ дяди Павла, подталкивавшаго его слегка къ мамѣ.

— Что вы съ нимъ сдѣлали? — съ огорченіемъ воскликнула мама,— посмотрите, онъ отвыкъ отъ меня, не узнаетъ! Скажите, пожалуйста, Павелъ Иванычъ, онъ къ вамъ больше привыкъ, называетъ «тетя», а меня знать не хочетъ! Вотъ что значитъ четыре года отсутствія!

— Ничего, не смущайтесь, Вѣра Петровна,—заговорилъ дядя Павелъ, самъ не менѣе смущенный,—отвыкъ немножко, это правда, ну, да это вначалѣ... Ну, ладно, ладно, что ты меня за блузу тянешь? Пойди къ брату. А васъ вотъ чаемъ нужно напоить. Самоваръ-то мы весь выпили... Да гдѣ же ямщикъ?

— Тутъ я, — отвѣчалъ изъ угла ямщикъ,— прозябъ больно. Ну, и погодку Богъ далъ!

— Да, погода ужасная! Не хотѣлъ ѣхать. «Занесетъ»,—говоритъ. Едва уговорила,—замѣтила мама.

— А нешто не правда?—отозвался ямщикъ, — на-ко, третій день живусъ! Далеко ли до грѣха?... Ну, ужь и барыня! Смѣлости этой самой... куда другому мужчинѣ!

— Ваня, да подойди же ты ко мнѣ, милый ты мой! Господи, какъ они оба выросли!

Я взялъ Ваню за руку и подвелъ. Онъ долго изподлобья смотрѣлъ на маму, какъ бы изучая и припоминая ея лицо, но, видя, что я къ ней ласкаюсь, рѣшился подойти ближе. Мама обняла его. На глазахъ ея показались слезы.

Вскорѣ готовъ былъ самоваръ и мы всѣ принялись за чай. Бесѣда наша затянулась до поздней ночи.

Мама разсказывала о своей жизни въ Петербургѣ, о томъ, какъ ей приходилось терпѣть и нужду, и скуку, много работать, потомъ стала разсказывать о своемъ обратномъ путешествіи, которое не обошлось безъ неудобствъ, лишеній и даже опасностей, разсказывала, какъ ей приходилось останавливаться не на станціяхъ, которыхъ, въ особенности по мѣрѣ приближенія къ дому, не было вовсе, а въ дымныхъ, закоптѣлыхъ сторожкахъ, гдѣ изъ-за угара не было возможности сидѣть и гдѣ единственнымъ живымъ существомъ оказывался сторожъ, какой-нибудь жалкій, болѣзненный старикъ, просившій у проѣзжихъ подаянія.

Все время, пока разсказывала мама, я не сводилъ съ нея глазъ. Я видѣлъ то же, хорошо знакомое мнѣ, доброе, открытое лицо съ голубыми глазами, обрамленное густыми, гладко причесанными волосами, но какъ оно поблѣднѣло и похудѣло, это дорогое лицо.

кая грусть отразилась на немъ! Видно, много горя перенесла моя милая, дорогая мама и не легко досталось ей то, къ чему она стремилась.

Мнѣ захотѣлось показать ей свое сочувствіе, пожалѣть ее, но что я могъ сдѣлать? У меня не было словъ, я былъ сдержанный, нѣсколько замкнутый мальчикъ, я никогда никому не могъ сказать то, что чувствую, а мамѣ я могъ только показать, какъ я ее люблю и жалѣю. Я подошелъ и обнялъ ее, но тутъ уже не могъ удержаться и заплакалъ.

Утромъ пришли Биндеръ и Петръ Спиридонычъ,—старикъ, по обыкновенію, затѣмъ, чтобы свѣрить часы. Онъ былъ пораженъ и разстроганъ, увидя маму, распаковывавшую чемоданы. Онъ остановился въ дверяхъ, долго смотрѣлъ на маму, потомъ поднялъ обѣ руки кверху и съ возгласомъ бросился къ ней.

— Матушка, Вѣра Петровна, вы ли это? Ручку, ручку вашу, матушка! Позвольте ручку облобызать!—кричалъ онъ.—Господи, наша Вѣра Петровна пріѣхала! Ура и слава намъ! И вы, злодѣи, такъ-таки ничего не сказали мнѣ!

«Злодѣевъ», т.-е. отца и дяди Павла не было, поэтому старикъ погрозилъ пальцемъ мнѣ.

— Въ самую метель, въ самую метель прикатила наша голубушка! Ну, какъ же, какъ же, матушка, вы доѣхали-то, а? Разскажите ужь, разскажите по порядку, родная!

Мамѣ пришлось повторить свой разсказъ. Старикъ удивлялся, возмущался порядками, или, точнѣе, безпорядками въ пути, и, забывъ службу, просидѣлъ у насъ больше часа.

— Вотъ, вотъ, вѣдь, какъ!—восклицалъ онъ, каждый разъ обращаясь ко мнѣ и наставительно грозя перепачканнымъ въ нюхательнонъ табакѣ пальцемъ.—Вотъ, послушай-ка, что маменька разсказываетъ, какъ ей трудно было, сколько горя испытала, а? Шутка, такую путину сломать, да еще зимою! Отъ меня, братъ, косточекъ бы не осталось, а она—на-ко вонъ! Похудѣла, похудѣла голубушка, ну, да это что! Господи, а ужь какъ я-то соскучился, право слово, соскучился! Ходилъ, ходилъ, и все, знаете, какъ будто [illegible]етъ часовъ, а, между прочимъ, справлялся: скоро ли, да когда, [illegible]етъ ли, наконецъ? И, признаться сказать, матушка, было у [illegible] то въ головѣ, что вотъ я уже старъ, болѣнъ, и все такое, и [illegible]е дождаться мнѣ васъ, умру, окачурюсь гдѣ-нибудь подъ за[illegible]ъ...

[illegible]лѣднее было прибавлено для пущаго лиризма, котораго ста-

рикъ не одолѣлъ самъ, вынулъ красный съ синими полосками фуляръ и принялся усиленно сморкаться.

Тотчасъ по уходѣ Головешкина пришелъ Биндеръ, кивнулъ мнѣ и, поздоровавшись съ мамой, небрежно развалился на стулѣ и задымилъ папиросой. Мнѣ показалось, что мама не то что не любитъ его, а какъ будто остерегается. Съ его приходомъ лицо ея сдѣлалось серьезнѣе и она какъ-то вся подтянулась.

— А я не успѣлъ поздравить васъ вчера съ пріѣздомъ,—сказалъ Биндеръ,—объ этомъ мнѣ напомнилъ Головешкинъ, котораго я встрѣтилъ сейчасъ. Навѣрное, приходилъ поздравить.

— Не знаю, съ чѣмъ тутъ поздравлять!—отвѣчала мама.

— Я бы васъ поздравилъ съ энергіей, съ силой воли, которую вы проявили, и, признаюсь, удивили всѣхъ.

— Даже васъ?

— Да, даже меня.

Онъ тоже удивлялся мамѣ, и это мнѣ было непріятнѣе всего.

— Васъ, кажется, ничѣмъ не удивишь!—замѣтила мама.

— Ну, не скажите!

Онъ вдругъ взглянулъ на меня, и, притомъ, такъ, какъ будто предлагалъ удалиться, но я подстерегалъ, ловилъ каждое его слово, какое-то болѣзненное любопытство приковало меня къ моему мѣсту и я бы не ушелъ ни за что. Все-таки, я пошелъ на маленькую уступку и сдѣлалъ видъ, что читаю.

— Вы меня положительно удивили,—продолжалъ Биндеръ,—въ васъ выросъ характеръ.

— А вы этого не замѣчали?

— Раньше? Нѣтъ. Да и лицо у васъ какъ-то измѣнилось. Вы такъ стоите ко мнѣ, что трудно разглядѣть, но мнѣ показалось въ вашемъ лицѣ что-то новое.

— Вотъ какъ!—разсмѣялась мама и повернулась лицомъ прямо къ Биндеру.—Что же именно?

— Постойте.

Биндеръ долго смотрѣлъ на нее (я чувствовалъ, какъ дрожатъ мои пальцы, перевертывавшіе страницы), потомъ сказалъ:

— Ну, да, конечно, я не ошибся! У васъ сдѣлалось одухотт ренное, осмысленное лицо!

— Благодарю васъ! Значитъ, раньше оно было безсмысленн

— Я вовсе не хотѣлъ сказать этого, но что въ выраженіи в шего лица прибавилось мысли, и очень много,—это вѣрно. Посм трите на насъ всѣхъ, посмотрите, какъ подъ вліяніемъ одичало

лишенной всякихъ умственныхъ интересовъ жизни расплываются и тупѣютъ наши физіономіи.

— Да,—усмѣхнулась мама,—напримѣръ, лицо мужа расплылось и отупѣло? Полноте!

— Его въ сторону! Я о немъ не говорю. Онъ просто болѣнъ и раскисъ.

— Чѣмъ онъ болѣнъ?

— Кто его знаетъ? Тоской по родинѣ... скучалъ безъ васъ. А, главное, киснетъ онъ ужасно.

Я ждалъ, что мама возмутится такимъ отзывомъ объ отцѣ,— отъ злости я не могъ глядѣть на Биндера,—но мама ничего не сказала. Неужели она была съ нимъ согласна?

— Словомъ, мы всѣ не годимся,—смягчилъ свой приговоръ Биндеръ,—но вы у насъ героиня!

Мама разсмѣялась. Какое удовольствіе могла ей доставлять бесѣда съ этимъ человѣкомъ? Я недоумѣвалъ, а что-то неестественное, напряженное, болѣзненное все больше и больше наростало во мнѣ.

VIII.

Сонъ и дѣйствительность.

Затѣмъ все пошло по-старому, вошло въ свою колею, если не считать того обстоятельства, что вскорѣ на воротахъ нашего дома появилась синяя вывѣска, гласившая: «Акушерка и фельдшерица». Въ квартирѣ у насъ оказалась одна лишняя комната, получившая жалкое названіе «пріемной». Сюда приходили къ мамѣ за врачебными совѣтами, здѣсь же былъ ея рабочій кабинетъ съ полкою книгъ, шкафчикомъ для лѣкарствъ, банокъ, стклянокъ, бинтовъ и проч. Помнится, народу къ мамѣ ходило много, и она была занята съ утра до вечера. Но она нашла свое настоящее призваніе, самоотверженно отдалась ему, и больные полюбили свою «докторшу».

Въ часы, когда не было пріема, кабинетъ мамы посѣщалъ Биндеръ. Онъ жаловался, что у него слишкомъ много свободнаго времени, и предлагалъ мамѣ свою помощь. Она заставляла его положить стклянки, сшивать бинты, щипать корпію; онъ охотно продѣлывалъ все это, посмѣиваясь и болтая.

Такъ прошло два года. По мѣрѣ того, какъ мама все болѣе сближалась съ Биндеромъ и слово «дружба» не разъ срывалось съ языка по отношенію къ этому человѣку,—росло мое глухое неудовольствіе по поводу ихъ близости. Когда Биндеръ съ обычною

своею развязностью входилъ въ кабинетъ матери, я уже не оставался тамъ ни минуты долѣе,—уходилъ съ стѣсненнымъ сердцемъ и съ мучительнымъ чувствомъ вражды къ ненавистному мнѣ человѣку. Теперь уже мать старалась меня удержать, но я всегда находилъ предлогъ, чтобъ удалиться. Биндеръ измѣнилъ свои отношенія ко мнѣ, пересталъ говорить свысока и во множественномъ числѣ; были случаи, когда онъ прямо какъ будто заискивалъ передъ мной, но это было еще хуже, это еще болѣе утвердило меня въ моемъ ужасномъ подозрѣніи.

— Мнѣ кажется, что ты не любишь Алексѣя Ѳедоровича? Скажи, пожалуйста, за что?—спрашивала меня мать.

— Нѣтъ, это тебѣ такъ показалось,—отвѣчалъ я,—мнѣ не за что его ни любить, ни не любить.

— Ну, да, значитъ, ты его не любишь?

— Нельзя любить всѣхъ, какъ я люблю тебя, отца и Павла. Да Биндеру отъ этого ни тепло, ни холодно.

— Но ты явно показываешь ему свое нерасположеніе.

Чтобъ избѣгнуть этого упрека, я старался насколько возможно не встрѣчаться съ Биндеромъ. Страсть къ охотѣ значительно помогла мнѣ въ этомъ. Какъ только я замѣчалъ на улицѣ Биндера, направлявшагося къ нашему дому, я бралъ ружье и черезъ дворъ уходилъ на «зады», а оттуда въ поле. Я исхаживалъ десятки верстъ, все думая объ одномъ и томъ же: о сближеніи матери съ моимъ врагомъ. Во время этихъ скитаній мысль объ отцѣ не разъ приходила мнѣ голову,—я удивлялся его слѣпотѣ, негодовалъ на него и жалѣлъ. Мнѣ хотѣлось сойтись съ нимъ ближе, поговорить, узнать, что̀ онъ думаетъ объ этомъ, и думаетъ ли онъ такъ же, какъ я, но отецъ сдѣлался совершенно недоступнымъ и раздражительнымъ до того, что съ нимъ нельзя было обмѣняться парою словъ. Я искалъ причины этой раздражительности и мнѣ казалось, что отецъ не такъ слѣпъ, какъ я думалъ, что и у него есть свои подозрѣнія. Но тогда гдѣ же исходъ? Чѣмъ все это кончится?

Наступила осень, а съ нею начался перелетъ птицъ. Я по цѣлымъ днямъ и ночамъ пропадалъ на охотѣ, ночуя въ сторожкѣ лѣсника, на краю огромнаго, изобиловавшаго дичью болота.

Старый отставной солдатъ Ильичъ жилъ бобылемъ и всегд былъ радъ, когда я его посѣщалъ. Вмѣстѣ мы варили незатѣйливый ужинъ, сплошь и рядомъ состоявшій изъ одного картофеля съ хлѣбомъ, вмѣстѣ кипятили воду на таганѣ и заваривали чай, который я бралъ изъ дому, и, расположившись на ночлегъ,—я на лавкѣ, а онъ на печкѣ,—подолгу бесѣдовали объ охотѣ, солдатской

жизни, о разныхъ житейскихъ случаяхъ, очевидцемъ и даже дѣйствующимъ лицомъ въ которыхъ бывалъ самъ Ильичъ.

Однажды, въ глубокія сумерки, я пришелъ къ Ильичу, обремененный добычей: въ мѣшкѣ, замѣнявшемъ ягдташъ, лежало нѣсколько утокъ и паръ восемь болотной дичи. Старикъ сейчасъ же принялся разводить огонь, раздобылъ что-то вродѣ кострюли, я ощипалъ и очистилъ пару утокъ и черезъ часъ, не больше, мы наслаждались великолѣпнымъ ужиномъ. Поужинавъ, мы легли спать. Старикъ попробовалъ еще что-то разсказывать и я слышалъ, какъ на самомъ интересномъ мѣстѣ онъ захрапѣлъ. Я долго не могъ заснуть,—жирныя утки дали себя почувствовать, нѣсколько разъ вставалъ, пилъ чай, подумывалъ даже одѣться и выйти на воздухъ, и вдругъ, не знаю какъ, заснулъ.

Мнѣ приснилось что-то такое, чтò я, какъ будто, видѣлъ раньше во снѣ. Какая-то большая комната, и въ ней мать, растиравшая что-то въ ретортѣ. Она, видимо, старалась скрыть отъ меня свою работу, совершенно такъ же, какъ это было, будто бы, и раньше, и тоже старался показать, что не желаю знать, чтò она дѣлаетъ, но это я дѣлалъ только для нея, чтобъ усыпить ея подозрительность, а, въ сущности, я зналъ все, и задача моя заключалась въ томъ, чтобы помѣшать ея намѣренію. И въ это же время мнѣ необходимо нужно было исполнить много, очень много дѣлъ. А, главное, что, по разнымъ обстоятельствамъ, я никакъ не могъ предупредить отца, которому угрожала опасность. Я искалъ помощи у Озерина (обо всемъ этомъ, будто бы, было переговорено раньше), и онъ, къ моему удивленію и огорченію, отнесся ко всему равнодушно и такъ, какъ будто то, чтò должно было совершиться, было въ порядкѣ вещей и ничего нельзя было ни предотвратить, ни измѣнить. И вотъ на меня напало чувство ужасной, тоскливой безпомощности. Во мнѣ погасла вѣра въ людей. Я вдругъ очутился въ какомъ-то пустынномъ мѣстѣ и говорилъ горячо, убѣжденно самому себѣ, потому что кругомъ меня не было ни души. Я говорилъ: если *она* замышляетъ такое ужасное дѣло, а онъ, Павелъ, знаетъ, и равно-...но говоритъ, что остановить этого нельзя, что такъ нужно,— ...дѣ же тогда справедливость? И за что мы любимъ людей, когда ...ый изъ нихъ, изъ самыхъ любимыхъ нами, сегодня, сейчасъ ...етъ совершить злодѣяніе? И что это за таинственная сила, ко...я толкаетъ людей на преступленіе?

...о, что я говорилъ самому себѣ только, и никто меня не слу...ь, еще болѣе усиливало мою тоску. Она росла, росла и оконч...

лась страшными рыданіями, съ какими-то судорожными подергиваніями всего тѣла.

Я проснулся подъ впечатлѣніями этихъ рыданій, но они были только во снѣ, я тотчасъ же убѣдился въ этомъ, почувствовалъ, что глаза мои сухи, ощупалъ подушку и не ощутилъ на ней мокрыхъ пятенъ. Но сердце билось сильно и замирало.

Помню, какъ мнѣ стало стыдно своихъ сонныхъ рыданій. Проявленіе чрезмѣрной чувствительности и слезы не входили въ программу моего воспитанія. Я заглянулъ на печку. Ильичъ спалъ крѣпко, въ предохраненіе отъ утренняго холодка натянувъ на голову край кафтана.

Только что разсвѣло, и въ сторожкѣ было, дѣйствительно, свѣжо. А, можетъ быть, у меня была нервная дрожь, я не знаю, только я чувствовалъ, какъ зубы мои стучали. Я живо развелъ огонь подъ таганомъ и поставилъ чайникъ съ остатками воды.

И, глядя на разыгравшійся подъ таганомъ огонь, грѣя руки, я припоминалъ подробности моего сна. Но подробностей сна, въ смыслѣ сценъ и фигуръ, собственно не было. Была мысль, нелѣпая, дикая мысль, которую сознаніе старалось окрасить въ живыя краски сна, обставить лицами,—словомъ, придать реальную форму жизни. Откуда же у меня явилась эта мысль? Вѣдь, не могла же она зародиться изъ ничего? Что дало поводъ возникновенію этой мысли? Конечно, то подозрѣніе, которое вотъ уже сколько лѣтъ мучило меня. Я говорю теперь, конечно, не такъ, какъ думалъ тогда, будучи четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, форма была не та, но сущность моихъ размышленій была совершенно та же. И тогда я понималъ, что это, въ сущности, былъ не сонъ,—не естественный, обыкновенный сонъ, какимъ долженъ онъ быть у всякаго человѣка,—а мысль, дума, воплотившаяся въ такую невозможно-уродливую форму.

Стараясь отвлечь свои мысли, я сталъ думать объ охотѣ и понемногу увлекся до того, что забылъ свой сонъ.

Въ это время года былъ перелетъ гусей. «Хорошо бы свалить гуся,—думалъ я, заряжая ружье картечью,—мнѣ еще никогда не приходилось стрѣлять такую крупную дичь». Зная, что гуси очень осторожны и не подпускаютъ близко, я положилъ чуть ли не полуторный зарядъ пороха, крѣпко забилъ пыжи и, въ надеждѣ на удачу, вышелъ изъ сторожки въ то время, когда Ильичъ, разбуженный вознею съ ружьемъ, сѣлъ на своемъ ложѣ, зѣвалъ, крестился и охалъ.

Меня охватило холодною сыростью тумана. Туманъ низко висѣлъ надъ рѣкою и какъ завѣсой застилалъ море.

«Ну, теперь держи ухо остро,—подумалъ я, идя по болоту между громадными сѣрыми камнями и мшистыми кочками и направляясь къ широкому устью рѣки, сплошь заросшему камышомъ,—въ камышахъ, навѣрное, есть гуси!»

Я шелъ тихо, едва передвигая ноги, и ежеминутно останавливался, всматриваясь вдаль и прислушиваясь.

На морѣ туманъ уже начиналъ клубиться и тянуться вверхъ; то тутъ, то тамъ проблескивала свѣтлая полоска воды.

Вдругъ я увидѣлъ тонкое очертаніе мачты, потомъ парусъ, другой, третій. На минуту все закрылось туманомъ, но когда онъ, подобно громадной змѣѣ, свернулся кольцомъ и поднялся, я ясно увидѣлъ шкуну, на которой только что подняли паруса.

Я былъ на берегу и стоялъ за камнемъ. Мнѣ отлично видны были люди, которые суетились на бортѣ судна и махали руками по направленію къ рѣкѣ. Въ это время изъ рѣки въ свѣтлое пятно моря выплыла лодка, на которой были четыре человѣческія фигуры. Три фигуры усиленно гребли къ судну, которое, какъ призракъ, то показывалось, то исчезало въ туманѣ; четвертая, закутанная и напоминавшая женщину, сидѣла на кормѣ.

Въ одну минуту я забылъ охоту, гусей и все на свѣтѣ. Въ этихъ фигурахъ я не узналъ знакомыхъ мнѣ людей,—на такомъ разстояніи узнать было трудно,—но догадался, кто они.

Я вспомнилъ одно ничтожное обстоятельство, бывшее передъ отправленіемъ моимъ на охоту и сдѣлавшееся теперь очень важнымъ,—я вспомнилъ о маленькомъ совѣщаніи между отцомъ, Озеринымъ, Азямовымъ и Биндеромъ. Всѣ четверо имѣли таинственный видъ, говорили тихо, и когда я вошелъ въ комнату, какъ по командѣ замолкли. Повторяю, я не придалъ этому разговору никакого значенія, но теперь туманъ, бывшій въ моей головѣ, какъ этотъ туманъ на морѣ, сталъ разъясняться, и къ тому времени, когда я, быстро переходя отъ одного камня къ другому и старательно прячась за каждымъ, приблизился къ лодкѣ на разстояніи 150—100 шаговъ, разъяснился совершенно.

Лица мнѣ были неясны, но я по фигурамъ, по движеніямъ [illegible]лъ всѣхъ, сидѣвшихъ въ лодкѣ и, помню, меня страшно пора[illegible] то обстоятельство, что отца здѣсь не было. Отца не было, а [illegible] была,—я угадалъ ее въ той закутанной женщинѣ, которая [illegible]ѣла на кормѣ. Слѣдующимъ послѣ нея сидѣлъ Озеринъ, потомъ [illegible]мовъ; оба ровно, не спѣша работали веслами и только они и по-

двигали лодку; Биндеръ, сидѣвшій ближе къ носу и въ отчаянной торопливости бившій не впопадъ веслами по водѣ, только мѣшалъ. Онъ это чувствовалъ самъ, потому что бросилъ весла, какъ обезьяна вскочилъ на носъ и, повернувшись къ шкунѣ, размахивая руками, началъ что-то кричать.

Со шкуны послышался медленный, ровный грохотъ цѣпей. Поднимали якорь. Однако, отсутствіе вѣтра помогало сидѣвшимъ въ лодкѣ: шкуна почти не двигалась и лодка замѣтно настигала ее. Какой-то человѣкъ съ борта (я былъ убѣжденъ, что это былъ нашъ старый знакомый англичанинъ) крикнулъ по направленію къ лодкѣ какое-то односложное слово. Биндеръ забросалъ его непонятными восклицаніями. Лодка была близка къ борту шкуны; оттуда матросъ ловко кинулъ въ нее канатъ, Биндеръ судорожно схватилъ его, какъ-то подобралъ подъ себя и лодка приблизилась къ спущенному трапу.

Не помню, не могу отдать себѣ отчета, какъ это случилось, что̀ руководило мною, но я поднялъ ружье въ уровень сидѣвшихъ въ лодкѣ и ждалъ. Руки мои дрожали.

Чего я ждалъ? Да, я это знаю и могу сказать. Я ждалъ, что̀ станетъ дѣлать мать. Она встала, прошла черезъ всю лодку,— Озеринъ и Азямовъ дали ей дорогу, прижавшись къ бортамъ,—и приблизилась къ Биндеру.

Ахъ, все это было дѣломъ одной минуты, и меньше, чѣмъ одной минуты достаточно было, чтобы спустить курокъ ружья, наведеннаго *на мою мать*. Я смотрѣлъ, я жадно смотрѣлъ, что̀ она будетъ дѣлать, я подстерегалъ каждое ея движеніе, каждый жестъ, только ее одну я и видѣлъ въ лодкѣ, остальныхъ какъ бы не существовало.

Она протянула руку Биндеру, онъ схватилъ ее, прильнулъ къ ней губами, потомъ, не то съ отчаяніемъ, не то съ рѣшимостью, взмахнулъ руками, повернулся и, какъ кошка, вскарабкался по трапу на судно.

Лодка вдругъ отдѣлилась отъ шкуны. На кормѣ, попрежнему, сидѣла мать. Но затѣмъ я уже больше ничего не видѣлъ. Кто-то, какъ будто стоявшій около меня, издалъ какой-то мучительный, страшный крикъ, ружье упало на песокъ и я, въ конвульсивныхъ рыданіяхъ, прямо лицомъ, тоже упалъ на песокъ...

Страхъ, паническій страхъ того, что̀ я, за минуту передъ тѣм готовъ былъ сдѣлать, охватилъ и заледенилъ мою душу. Нестр ною толпой въ головѣ пробѣгали мысли... «Теперь все конче Я проклялъ самого себя! Я никому, никому не могу показаться и не покажусь! Вотъ сейчасъ съ этого мѣста я пойду и буду

ти, идти, пока не упаду и не умру отъ истощенія! Домой нѣтъ возврата!»

Возбужденіе прошло. Я поднялъ голову отъ земли, приподнялся самъ, сѣлъ и взглянулъ на море. Туманъ прошелъ, но было сѣренькое, пасмурное утро. Шкуна ушла далеко; ея три паруса казались не больше крыла чайки, а самое судно превратилось въ маленькую точку.

Съ берега рѣки, отъ камышей, широко шагая, ко мнѣ приближался человѣкъ. Я тотчасъ узналъ въ немъ Озерина. У меня мелькнула мысль встать и бѣжать въ другую сторону, но ноги не повиновались мнѣ и я чувствовалъ себя теперь такимъ слабымъ, такимъ жалкимъ, что у меня духу не хватало уйти.

Весь въ грязи, въ поту, задыхаясь, ко мнѣ подошелъ Озеринъ.

— Что съ тобою?—отрывисто и съ дрожью въ голосѣ спросилъ онъ.—Ты раненъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я, отворачиваясь.

— Что же съ тобою? Встань!

Я всталъ и тотчасъ же сѣлъ на выступъ ближайшаго камня.

— Ну?

Озеринъ пытливо и съ тревогой заглядывалъ мнѣ въ глаза.

— Ничего... ничего...— бормоталъ я.

— Какъ ничего? Я съ лодки слышалъ твой крикъ... мы всѣ слышали. Мамѣ не нравятся твои хожденія на охоту.

— Мамѣ! — съ горечью воскликнулъ я. — А мнѣ... а я... развѣ...

Мнѣ сжало спазмами горло, но я сдѣлалъ надъ собою страшное усиліе и спросилъ:

— Зачѣмъ вы были на лодкѣ? И мама тоже...

— Мы провожали Алешу.

— А отецъ?

— Онъ не поѣхалъ.

Дѣло, повидимому, разъяснялось просто. Но это было такъ только по фактамъ: собрались проводить въ далекій путь товарища, всѣ и поѣхали. Въ сущности же, и Озеринъ зналъ, что это не совсѣмъ такъ, и меня подозрѣвалъ въ томъ, что я знаю, что это не совсѣмъ такъ.

— Да ты это что? — спросилъ онъ вдругъ.— Николай, будь [illegible]ененъ, какъ всегда, скажи всю правду!

— А то!—воскликнулъ я вдругъ, и теперь не помню, какъ это неожиданно случилось, что я крикнулъ.—Я его ненавижу, ненавижу давно и если бы... если бы не... я бы его убилъ, да, убилъ!

— За что, за что, Николай?

— А, ты думаешь я ничего не замѣчалъ, не понималъ?—закричалъ я и почувствовалъ, какъ будто у меня что оборвалось внутри,—сдѣлалось и больно, и какъ будто свободно все, все теперь разсказать,—не замѣчалъ, что она... ближе къ нему, внимательнѣе, чѣмъ къ отцу? Ты, вѣдь, знаешь, что она съ отцомъ почти не говоритъ! Ты знаешь это! Ты видишь, какъ она на него смотритъ! За то она съ тѣмъ всегда и весела, и разговорчива, они сдѣлались близкими друзьями! Она скучаетъ,— я это вижу, какъ она скучаетъ, когда тотъ не приходитъ... какъ она ждетъ...

— Ну, хорошо, довольно! —прервалъ Озеринъ.—Ты все сказалъ, и я понимаю, что̀ тебя мучитъ. Ты развитъ, ты все понимаешь, но понимаешь какъ четырнадцатилѣтній мальчикъ. Самъ-то ты, вѣдь, еще никогда никого не любилъ, и не дай тебѣ Господь въ будущемъ полюбить при такихъ обстоятельствахъ. А, между тѣмъ, любовь не разбираетъ. И ты можешь очутиться въ положеніи Биндера. И тогда какъ бы ты поступилъ? Этого ты не можешь сказать, и ни я, никто — не пророки, не можемъ этого знать. Но дай Богъ, все-таки, чтобы ты поступилъ такъ, какъ они. Биндеръ уѣхалъ навсегда,— ни писемъ, ничего, никакого извѣстія о немъ не будетъ, мы никто ничего не будемъ о немъ знать,—это рѣшено всѣми нами. Онъ умеръ,—понимаешь?—для насъ, для всѣхъ, онъ умеръ! Если бы ты убилъ его изъ этого ружья (я вздрогнулъ,—мнѣ казалось, что Озеринъ угадалъ мои намѣренія, но теперь я думаю, что это просто совпало), ты бы не сдѣлалъ лучше. Оставшись живымъ, все-таки, онъ сдѣлаетъ то, что нужно, принесетъ пользу людямъ. Но для насъ его нѣтъ и больше не будетъ. Мама останется тою же, какою была. У ней страшная сила воли, и если она рѣшилась тогда на разлуку съ вами, то, повѣрь, съумѣетъ задавить, погасить въ себѣ все. И она сдѣлаетъ это ради тебя и брата. Ты видишь, все теперь кончено! А время сотретъ и послѣдніе слѣды воспоминаній. Боже мой, чего только не въ состояніи забыть человѣкъ!

Въ послѣднихъ словахъ Озерина зазвучала такая грустная нотка, что мнѣ вдругъ вспомнилась его любовь къ Софьѣ Алекс[illegible] евнѣ, эта несчастная, больная любовь, такъ жестоко прерван[illegible] смертью любимаго человѣка.

— Оставь, Николай,— продолжалъ Озеринъ, дружески б[illegible] меня подъ руку и отводя отъ моря,— бросимъ объ этомъ думать[illegible] говорить! И, ради Бога, не возбуждай подозрѣній въ мамѣ. По[illegible] лѣй ее хоть теперь, когда ей и такъ тяжело. Бери примѣръ съ [illegible]

ца. Это — больной, измученный, извѣрившійся во все человѣкъ, и находитъ же онъ въ себѣ силы молчать и терпѣть. А ты? Передъ тобою вся жизнь впереди, твоя, твоя собственная жизнь, которую ты можешь устроить по-своему. Не забывай только одного: есть вещи, съ которыми нельзя бороться, которыя, какъ гидры, — отрубишь одну голову, выростетъ другая, — и которыя проходятъ сами собою, если ихъ только не бередить, не трогать. Пройдутъ и забудутся, и все пройдетъ, все забудется. Не забывается только добро и снисхожденіе къ человѣку!

IX.

Дядя Павелъ уѣзжаетъ.

Но во мнѣ долго еще клокотало и рвалось наружу эгоистическое чувство, долго еще я не могъ смотрѣть матери прямо въ глаза и отношенія наши сдѣлались холодными навсегда. Замѣчательно, что и съ отцомъ я былъ также холоденъ. Я и жалѣлъ его, и возмущался его безволіемъ, слабостью. Но еще замѣчательнѣе, что у меня явилось охлажденіе даже къ Озерину. Теперь это былъ уже не тотъ дядя Павелъ, милый, честный, откровенный, — не тотъ человѣкъ, который училъ меня никогда не лгать, не гнуть шеи передъ обстоятельствами, не идти на сдѣлки съ совѣстью, — нѣтъ, это былъ, какъ мнѣ казалось, *такой же, какъ всѣ,* у котораго, также какъ у всѣхъ, слово расходилось съ дѣломъ. Мнѣ припоминалась Софья Алексѣевна и я ставилъ ему въ вину его любовь къ ней. Въ томъ ореолѣ мужества, презрѣнія къ личному счастью, въ какомъ рисовался мнѣ дядя Павелъ, я не узнавалъ теперешняго Озерина, имѣвшаго общія людскія слабости и даже лгавшаго, — да, лгавшаго, потому что то, что̀ случилось въ осеннее утро на берегу моря, была ложь еще болѣе позорная оттого, что это была общая ложь. Не лгалъ только одинъ человѣкъ, и этотъ человѣкъ былъ мой давнишній недругъ — Биндеръ. Я думалъ, что сто̀итъ этому человѣку уѣхать, и я его съ отрадой забуду, но вышло наоборотъ: не было дня, чтобъ я его не вспомнилъ. Утромъ на охотѣ, вечеромъ на лодкѣ, на которой я выѣзжалъ далеко въ море, Бин...ъ внезапно вставалъ въ моей памяти, какъ живой, съ его бо...кой «клинушкомъ», съ блестящими черными глазками, съ его ...мѣшливою улыбкой и рѣзко звенящею пѣснью.

Подъ полными парусами, ныряя въ волнахъ, то разрѣзая ихъ ...мъ острымъ носомъ, то взлетая на сѣдые гребни, лодка моя ...тся въ сизую, невѣдомую даль, а я, припавъ къ рулю, поло-

живъ на него обѣ руки, а на нихъ голову, мечтаю о далекихъ, чуждыхъ странахъ. Туда бы направить свою лодку, пожить, узнать, что тамъ? Тамъ, говорятъ, другіе люди, другіе нравы, другая жизнь,—можетъ быть, тамъ я найду то, чего недостаетъ мнѣ здѣсь?

А мнѣ такъ хочется живой, кипучей дѣятельности, такъ хочется работать надъ какимъ-нибудь большимъ, большимъ общимъ дѣломъ. Гдѣ оно, это дѣло? Гдѣ, въ нашей убогой сѣренькой жизни мертваго городка, та искомая мною *правда,* за которую не жаль отдать всего себя навсегда?...

Я задалъ этотъ вопросъ Озерину, когда мы съ нимъ гуляли въ лѣсу, какъ разъ наканунѣ его отъѣзда на мѣсто учителя. Онъ остановился, пристально посмотрѣлъ на меня и, продолжая идти, отвѣчалъ:

— Въ твои годы это естественно. Я также искалъ *какого-нибудь* большого дѣла, но...

— Не нашли?

— Не то. Только видишь ли что: большія дѣла совершаются или очень большими людьми, или большинствомъ, огромнымъ большинствомъ такъ называемыхъ среднихъ людей, вотъ какъ мы. Въ послѣднемъ случаѣ чаще всего. Затѣмъ должна же быть и почва, на которой станутъ дѣйствовать эти люди, необходимо воспріятіе. На камнѣ не ростетъ рожь.

— Ну, и что же? Значитъ...—перебилъ я.

— Значитъ, сперва нужно воздѣлать почву. Это огромный трудъ. Его хватитъ на нѣсколько поколѣній людей.

— И ты всегда такъ думалъ?

Онъ въ раздумьи покачалъ головой.

— Нѣтъ. Въ томъ-то и сила, что нѣтъ. Это убѣжденіе явилось у меня здѣсь. Вотъ я и стану работать потихоньку да помаленьку.

— Зачѣмъ же такой трудъ? Вѣдь, ты, все равно, не увидишь самъ пользы отъ своего труда.

— Отчего? Кое-что увижу. Съ меня и того довольно.

— А не лучше ли было бы уѣхать, вотъ какъ Биндеръ?

— У Биндера нѣтъ родины,—тихо отвѣчалъ Озеринъ и замолчалъ надолго.

Мы вышли на открытую поляну. Прямо неясными силуэтам растянулись городскія строенія, замыкавшіяся рядами высоких зданій лѣсопильныхъ заводовъ, направо, фіолетовою полоской сливаясь съ горизонтомъ, какъ расплавленная сталь, сверкало море. Солнце закатывалось, легкія, недвижно стоявшія въ небѣ облачка были окрашены въ розовый цвѣтъ. Оставшійся позади насъ лѣс

потемнѣлъ и словно нахмурился. Мы шли около часу, Озеринъ впереди, я немного поодаль. Солнце закатилось, надвинулись легкія сѣверныя сумерки. Дорога, бѣлая отъ пыли, придорожныя поля, болотины, осока на нихъ и кусты, точно тончайшею кисеей, задергивались туманомъ.

Въ этомъ туманѣ я видѣлъ фигуру шедшаго впереди дяди Павла, и мнѣ казалось, что фигура его ростетъ, увеличивается и все удаляется, удаляется отъ меня мой учитель, ставшій мнѣ теперь вдругъ особенно дорогимъ, мой лучшій другъ и союзникъ по духу, удаляется Богъ вѣсть куда, въ какую-то невѣдомую, страшную мглу...

Онъ уѣхалъ утромъ рано. Онъ какъ будто избѣгалъ проводовъ, нарочно никому, кромѣ насъ, не сообщивъ о своемъ отъѣздѣ, какъ будто боялся, что люди, которые его знали и любили,— а такихъ было много въ городѣ,—соберутся около его повозки и ему будетъ тяжело съ ними прощаться. Но, все-таки, объ его отъѣздѣ узнали и пришли. Его комната едва могла вмѣстить желавшихъ проститься съ нимъ и каждый наперерывъ старался подойти и пожать ему руку.

Ямщикъ внесъ въ повозку его маленькій чемоданъ. Онъ поцѣловался съ отцомъ, матерью, со всѣми, кто тутъ находился, поцѣловалъ брата Ваню, который плакалъ навзрыдъ, и, крѣпко сжавъ мою руку, сказалъ:

— Что мнѣ тебѣ пожелать на прощанье, Николай? Въ тебѣ много силъ, старайся не растерять ихъ напрасно. Будутъ у тебя и увлеченія, и разочарованія, и упадокъ духа, но настоящія силы отъ этого только крѣпнутъ. Немножко я здѣсь раскисъ,—ну, а теперь, авось, встряхнусь! Вѣришь, что встряхнусь?

— Вѣрю!—взволнованно и съ убѣжденіемъ воскликнулъ я.

— Ну, и спасибо!

Онъ вскочилъ въ повозку, ямщикъ взмахнулъ возжами, пара малорослыхъ почтовыхъ лошадей дружно рванула и вскорѣ телѣжка и дядя Павелъ, безпрестанно оборачивавшійся и махавшій шапкой, исчезли въ облакѣ пыли.

Въ тотъ же день, безцѣльно шатаясь по окрестностямъ, я за..лъ на кладбище и, не знаю какъ, очутился у могилы Софьи Але..евны. За бѣлымъ крестомъ съ короткою черною надписью вы..ла молодая, аршина въ два березка. Ея круглые, ярко-зеленые ..тья весело трепетали на солнцѣ; эта березка словно олицетво..а собой вѣчно смѣющуюся, жизнерадостную молодость. Другая

молодость, но грустная, задумчивая, мучившаяся надъ разрѣшеніемъ вопросовъ жизни, сама замученная людьми и обстоятельствами, была похоронена подъ этою березой. Что-то было странное и страшное въ судьбѣ Софьи Алексѣевны. Стоя надъ ея могилой, поросшей скромными полевыми цвѣтами, я скорбѣлъ о томъ, что въ моей жизни эта дѣвушка прошла какимъ-то случайнымъ, незамѣтнымъ явленіемъ, что я такъ мало обращалъ на нее вниманія, что не узналъ о ней ничего, не запомнилъ ни въ ней, ни на ней ничего, кромѣ того, что она была всегда грустна, кашляла и держалась за края платка худыми, блѣдными руками. Есть люди, чуждые намъ, пожалуй, вовсе даже для насъ не интересные и, однако, надъ судьбой которыхъ задумаешься и думаешь долго. Такимъ человѣкомъ была для меня Софья Алексѣевна; вѣдь, я же ее не зналъ вовсе, а, между тѣмъ, я все сидѣлъ надъ ея могилой и думалъ объ этой дѣвушкѣ, думалъ безъ конца. Надвигались сумерки, деревья слегка шумѣли своими верхушками, словно перешептывались бѣлые кресты, — множество простыхъ бѣлыхъ крестовъ, — тутъ и тамъ неподвижно вырѣзывались въ зелени кустовъ, молча храня подъ собой угасшія жизни тѣхъ, кто подъ ними лежалъ. Въ каждой такой жизни были страсти, надежды, были радости, страданія, тайны, — и все замолкло на вѣки, какъ эти кресты.

И тяжела, и страшна была для меня мысль, что наступитъ пора, когда кончится и моя жизнь, такъ же безслѣдно и безполезно пройдетъ, какъ жизнь этихъ людей.

«Но для меня еще рано! — въ утѣшеніе себѣ думалъ я, обходя кладбище и постепенно приближаясь къ выходу. — Я молодъ, здоровъ, успѣю еще сдѣлать то, что мнѣ нужно!»

X.

Я подвожу итоги моей жизни.

И я добился, наконецъ, отъ самого себя, что̀ мнѣ было нужно придя къ заключенію, что мнѣ необходимо изучить механику. Конечно, это было только одно изъ средствъ, самыхъ главныхъ къ достиженію цѣли. Кое-какія руководства у меня были, но этого было недостаточно. Я сталъ спрашивать, разыскивать по всему гс роду и у одного чиновника, учившагося когда-то въ технологиче скомъ институтѣ, нашелъ старую нѣмецкую книжку. Этотъ же чи новникъ сказалъ мнѣ, что лучшія работы по механикѣ — на нѣмец комъ языкѣ. Это натолкнуло меня на мысль изучить, хотя те

оретически, нѣмецкій и французскій языки. Я принялся за дѣло усердно и въ теченіе года овладѣлъ обоими языками настолько, что могъ свободно читать книги. Къ сожалѣнію, негдѣ было достать книгъ, такъ какъ не было во всемъ городѣ ни одной механической мастерской, за исключеніемъ слесарной, содержавшейся самоучкой-евреемъ. Дрянной городишко на каждомъ шагу ставилъ мнѣ препятствія къ достиженію цѣли, и я надумалъ покинуть его.

Когда я объявилъ отцу о своемъ намѣреніи ѣхать въ Швецію, онъ ничего не сказалъ мнѣ, но я замѣтилъ, что мысль моя ему не понравилась. Мать, наоборотъ,—какъ я, впрочемъ, и ожидалъ,—отнеслась сочувственно.

— Всѣ разъѣзжаются,— однажды за чаемъ ворчалъ отецъ.— Ваня подростетъ и тоже надумаетъ куда-нибудь.

— Что-жь, и отлично,—отвѣчала мать,—обоимъ нечего тутъ дѣлать.

— Ну, конечно! Пожалуй, и ты куда-нибудь соберешься!

— Я-то ужь никуда не соберусь. Я нашла свое дѣло,—возразила мать.—А еслибъ и хотѣла, такъ меня отсюда не выпустятъ. Одна на весь городъ.

— Не понимаю я этихъ стремленій! — воскликнулъ отецъ.— Куда-то стремятся, уѣзжаютъ... Зачѣмъ? Какъ будто и тамъ не то же, что здѣсь. Вездѣ люди изнываютъ въ работѣ изъ-за куска хлѣба, вездѣ скверно и скучно. По-моему, такъ тамъ еще хуже. Тамъ людей дразнятъ!

— Какъ дразнятъ? Кто?

— Да вонъ эти самые буржуа, собственники, и тѣ, которые не сѣютъ, не жнутъ, а сыты бываютъ!

— Говоришь, дразнятъ? Кого же?

— Рабочаго человѣка. Онъ съ голоду пухнетъ, въ подвалахъ, да на чердакахъ гніетъ, а эти разодѣнутся, да изъ своихъ отелей на кровныхъ лошадяхъ съ лакеями выѣзжаютъ и катаются по городу. По-моему, тутъ у насъ не въ примѣръ лучше: съ голоду мы не околѣваемъ, но и жиру не наживаемъ. Тутъ у насъ всѣ равны, всѣ [illegible]чаково, по-свински живутъ. Другой поморъ—богачъ, тысячникъ, [illegible]пялитъ на себя поддевку, сапоги бураками, и ворванью отъ [illegible] за версту пахнетъ. Видишь, что этотъ человѣкъ—свинья, ну, и [illegible]шься съ его тысячами,—чортъ съ тобой! Только смѣшно ста[illegible]!

[illegible]сталъ день и моего отъѣзда. Такъ же, какъ Биндеръ, я долженъ [illegible] ѣхать на купеческомъ суднѣ. Багажъ мой былъ скроменъ:

нѣсколько паръ бѣлья, пиджачная пара, книги,—все размѣстилось въ маленькомъ, потертомъ чемоданчикѣ. Корабль долженъ былъ тронуться въ путь ночью, и я отговорилъ отъ проводовъ отца и мать, сославшись на неудобство ночного плаванія по рѣкѣ. Сопровождалъ меня Азямовъ, который долженъ былъ пригнать лодку обратно. Мы оба сѣли на весла и лодка быстро отошла отъ берега, съ котораго три темныя фигуры, отецъ, мать и Ваня, долго махали намъ платками. Мнѣ было грустно разставаться съ ними, только теперь, когда берегъ все отдалялся и отдалялся отъ меня, я понялъ, что не легко покидать своихъ близкихъ, не легко вылетать изъ гнѣзда. Но я крѣпился. Мнѣ было шестнадцать лѣтъ, и я пересталъ бы считать себя мужчиной, еслибъ обнаружилъ несвойственную мнѣ слабость.

Азямовъ молчалъ. Можетъ быть, онъ припоминалъ, какъ на этой же лодкѣ, два года тому назадъ, везъ Биндера, котораго онъ, насколько я могъ замѣтить, очень любилъ, можетъ быть, думалъ то же, что отецъ, что вотъ всѣ разъѣзжаются и изъ цѣлаго общества останется два-три человѣка. Азямова я любилъ по воспоминаніямъ дѣтства, хотя никогда не былъ къ нему особенно близокъ, теперь же мнѣ и съ нимъ было жаль разставаться.

— Ты будешь мнѣ писать?—спросилъ я.

— Конечно, буду!—отвѣчалъ онъ.

— Обо всемъ, обо всемъ, пожалуйста, пиши!

Я хотѣлъ просить, чтобъ онъ почаще захаживалъ къ намъ, ближе былъ бы къ отцу, отвлекалъ бы его отъ мрачныхъ мыслей, но все это показалось мнѣ лишнимъ, и я замолчалъ.

Когда мы подплыли къ судну, Азямовъ поднялся во весь ростъ, крѣпко обнялъ меня и мы поцѣловались. Затѣмъ съ борта судна я видѣлъ, какъ лодка повернула назадъ, какъ согнувшаяся въ ней большая, темная фигура мѣрно ударяла веслами по водѣ: разъ—два, разъ—два, лодка и фигура исчезли въ бѣловатомъ туманѣ ночи.

Въ такой же туманъ, болѣе широкій, густой, пахнувшій морскими водорослями, двинулся нашъ корабль. Не наши, не русскія лица, не наши рѣчи напомнили мнѣ, что я теперь отрѣзанный ломоть и, худо ли, хорошо ли, а нужно начинать новую жизнь.

Мнѣ остается досказать немногое. И не о томъ, какъ и что ч[illegible] ствовалъ «отрѣзанный ломоть», какъ и какую новую жизнь [illegible] чалъ онъ на чужбинѣ, — все это когда-нибудь будетъ разсказа[illegible] мною особо, я хочу сказать, какъ чувствуетъ себя этотъ «отр[illegible] занный ломоть» теперь, въ началѣ неизбѣжнаго для всѣхъ на[illegible]

конца, сидящій въ спокойной пристани и окруженный подростающею семьей.

Я чувствую себя одинокимъ, не всегда, но часто и съ каждымъ годомъ все чаще и чаще. Да, я чувствую себя одинокимъ! Частичка моего «я», воплощенная въ моихъ дѣтяхъ, не есть весь я. Кое-чѣмъ я поступился ради современныхъ убѣжденій молодежи, хотя иного, ради чего я поступился, я не совсѣмъ понимаю, а иному прямо-таки не сочувствую. Но я далекъ, сохрани меня Богъ, отъ какихъ бы то ни было обвиненій! Я думаю, что это тотъ же, вѣчно старый и вѣчно юный вопросъ объ «отцахъ и дѣтяхъ». Пусть его рѣшаетъ тотъ, кто сильнѣе меня, мнѣ же кажется, что и разрѣшать его не слѣдуетъ,—придетъ время, и онъ разрѣшится самъ.

Намъ остается одно—оглядываться на прошлое, наше хорошее, свѣтлое прошлое.

И я часто оглядываюсь назадъ, на пройденное поприще моей жизни, полное несбывшихся надеждъ, полное исканія и ненахожденія настоящей правды, я всматриваюсь въ туманную даль моего прошлаго и вижу тамъ образы близкихъ, дорогихъ мнѣ людей.

Яснѣе и отчетливѣе всѣхъ выступаетъ передо мной фигура моего учителя, положившаго прочную основу моему нравственному воспитанію, и мнѣ кажется, что вотъ онъ, какъ живой, стоитъ передо мною, мнѣ кажется, что я еще слышу звуки его рѣчей...

Въ минуты одинокихъ мечтаній вспоминается мнѣ и тотъ отдаленный, Богомъ обиженный край, гдѣ протекла моя юность, рисуется передо мною унылый, скверный городокъ, съ его убогими, деревянными домишками, бѣлою церковью и раскинувшимися вокругъ лѣсопильными заводами, рисуется каменистая рѣчка, густой черный лѣсъ, просторы полей и безграничное, бушующее море, по которому, распустивъ паруса, несется корабль, уносящій къ чуждымъ берегамъ полнаго силъ и желанія борьбы шестнадцалѣтняго юношу. Видится мнѣ и другой борецъ, ловкій и опытный, безукоризненный рыцарь чести, умершій для всѣхъ близкихъ и живой для чуждыхъ ему людей, видится его добродушный сидѣнь-товарищъ, застрявшій навсегда въ этомъ сѣверномъ городишкѣ, постар[illegible]ій, но сохранившій ту же благородную отзывчивость къ нужда[illegible] и горю ближняго.

[illegible]суется мнѣ пріютившееся на краю города унылое, съ осыпавш[illegible]ся могилами и покосившимися крестами, кладбище, на немъ м[illegible]лы отца и матери и еще одна, могила той блѣдной мученицыд[illegible]ки, судьба которой мнѣ теперь такъ ясна и понятна...

Въ длинные зимніе вечера, когда я сижу въ отдаленномъ углу своей комнаты и смотрю на тлѣющіе въ печки угли, такъ часто рисуются мнѣ эти картины прошлаго. И тогда въ глубокой, объемлющей меня вокругъ тишинѣ мнится мнѣ тихій шелестъ шаговъ, я ощущаю часто нѣжное, какъ вѣтерокъ, прикосновеніе, мнѣ слышится чей-то едва уловимый шепотъ. Я напрягаю слухъ, я—весь вниманіе, я стараюсь что-то услышать, что-то понять, и мнѣ кажется, что я, наконецъ, слышу и понимаю.

Да, я понимаю!

Они шепчутъ:

— Пора, пора... къ намъ!...

И это правда.

К. Баранцевичъ.

ГРАФИНЮШКА.

(Этюдъ).

I.

Прадѣдъ, графъ Семенъ Ильичъ Подольскій, жилъ широко. Карты, вино, женщины пріятно наполняли его долголѣтнюю жизнь. Дѣдъ, Илья Семеновичъ, тоже пожилъ въ свое удовольствіе. Молодымъ, крѣпкимъ юношей вступилъ онъ въ сферу наслажденій и, въ силу богатства, пользовался наслажденіями безгранично. Двадцати пяти лѣтъ женился по страстной любви; три мѣсяца не зналъ другихъ утѣхъ, кромѣ утѣхъ гименея; черезъ три мѣсяца послѣ брака вернулся къ прежнему добрачному времяпрепровожденію; въ тридцать лѣтъ облысѣлъ; въ сорокъ пять — умеръ, заживо разлагаясь, какъ трупъ.

Единственный плодъ этого супружества, графъ Илья Ильичъ, воспитанный въ Парижѣ въ строгихъ религіозныхъ правилахъ чопорною незамужнею тетушкой, достигнувъ совершеннолѣтія, быстро и неудержимо ринулся по тому же пути, по которому шелъ отецъ. Только вкусы его были грубѣе отцовскихъ и вертепы, гдѣ онъ прожигалъ жизнь, низменнѣе вертеповъ, излюбленныхъ графомъ Ильею Семеновичемъ. Для удовлетворенія своихъ аппетитовъ графъ Илья Ильичъ не требовалъ обстановки.

Тетушка поспѣшила его женить на молоденькой дѣвушкѣ, до-
я обѣднѣвшей дворянской четы, переселившейся изъ захолустья
ібирской губерніи въ Парижъ ради артистическаго образованія
нственнаго дѣтища. Театральные планы, мечты о славѣ заслоись графскою короной и несомнѣнно любящіе родители стойко
ргли мольбы своей ненаглядной Юлиньки и благословили ее на
ъ съ молодымъ по годамъ, но изнуреннымъ тайными и явными
тами графомъ.

Разсчеты тетушки на возражденіе графа помощью добродѣтельной жены не оправдались. Жена графа Ильи Семеновича три мѣсяца владѣла разумомъ своего мужа, а когда онъ вернулся къ прерванному этими медовыми мѣсяцами времяпрепровожденію, она, въ свою очередь, закружилась въ вихрѣ свѣтскихъ развлеченій. Юлинька и трехъ дней не царила въ сердцѣ мужа. Онъ не измѣнилъ образа жизни и на ироническое поздравленіе собутыльниковъ со вступленіемъ въ законный бракъ и обладаніемъ красавицей-женой брезгливо отвѣчалъ:

— Pouah! c'est bien fade, ma femme... Clair de lune... Bleu de ciel... Violette de Parme... Trop de vertu, ma parole... Un peu de piment ne gâterait rien...

Юлинька не послѣдовала примѣру блестящей и столь знаменитой въ свое время свекрови. Синіе глаза ея дѣлались все больше, все больше оттѣнялись круги подъ ними и взоръ этихъ глазъ принялъ неизмѣнно-недоумѣвающее, испуганное выраженіе.

Она не жаловалась, не плакала, но все точно не могла придти въ себя отъ того страшнаго потрясенія, которое она пережила, когда ее, юную, неопытную, невинную дѣвочку, оставили наединѣ съ тѣмъ, кого ей велѣли называть мужемъ.

Съ той поры нѣжно-розовыя щеки ея побѣлѣли, глаза ввалились и, какъ тѣнь, безучастно скользила она по роскошнымъ комнатамъ своего дома, безучастно наряжалась въ кружева и бархатъ, безучастно выѣзжала съ мужемъ или безъ него, куда ей, графинѣ Подольской, надлежало выѣзжать.

— Fade, bien fade, la jeune comtesse! Une petite poupée de cire,— говорили въ обществѣ.

— Юлинька!... Онъ... не дурно обращается съ тобой?—спросила разъ мать, встревоженная апатичною наружностью нѣкогда веселой, рѣзвой дочери.

— О, нѣтъ, мама! Все прекрасно,—съ улыбкой возразила Юлинька.

Улыбка эта заставила мать похолодѣть и не одну ночь провела она безъ сна, терзаясь сознаніемъ непоправимой вины.

Съ точки зрѣнія свѣта несомнѣнно все было прекрасно. Молодая графиня пользовалась полною свободой. Графъ ее ни въ че[мъ] не стѣснялъ и самъ не стѣснялся. Супруги видѣлись на людяхъ то рѣдко, а когда тяжкая беременность принудила отказаться [отъ] оффиціальныхъ выѣздовъ и на цѣлыя недѣли приковала къ куш[ет]кѣ въ ея будуарѣ, они совсѣмъ перестали видѣться.

Невыносимыя физическія страданія переносила Юлинька,

мучительнѣе всего было то глухое, затаенное чувство вражды, которое она питала къ будущему младенцу, *его* младенцу. Она вся содрогалась при этой мысли и въ кроткихъ синихъ глазахъ загоралась ненависть, и маленькія руки злобно сжимались.

«Воспѣваютъ материнскую любовь!... Вздоръ! Никакой любви нѣтъ!... Все ложь, мерзость, гадость! Нельзя любить ребенка того человѣка, ниже, гаже, отвратительнѣе котораго нѣтъ на свѣтѣ!»

И стонъ не то физической, не то нравственной боли вырывался у Юлиньки, и она въ отчаяніи ломала исхудалые пальцы, и съ ужасомъ, смѣшаннымъ съ отвращеніемъ, озиралась на изысканную обстановку будуара.

Но то были рѣдкія минуты страстнаго протеста противъ совершившагося факта. Бо̀льшею же частью она безучастно проводила долгіе часы на кушеткѣ и покорно подчинялась предписаніямъ врача, совѣтамъ ухаживавшей за нею матери.

Рожденіе дочери чуть не лишило ее жизни. Неподвижно, безъ кровинки въ лицѣ, лежала она вся въ кружевахъ, напоминая болѣе чѣмъ когда-либо восковую куколку, и вѣки ея закрытыхъ глазъ не дрогнули, и блѣдныя губы не пошевельнулись, когда мать наклонилась надъ нею и радостно прошептала:

— Дочку Богъ далъ, Юлинька... Хочешь на нее взглянуть?

Отвѣта не послѣдовало.

«Пусть отдохнетъ, бѣдняжка!»—рѣшила про себя мать.

И Юлиньку оставили одну, и она лежала все такъ же неподвижно, мысленно моля, чтобы ей никого не показывали и не вынуждали проявлять чувства, котораго она не хочетъ, не можетъ имѣть. Какъ во снѣ слышала она осторожный шепотъ матери, подавленные голоса акушерки и врача, но, кромѣ полнаго изнеможенія, ничего не ощущала. Раздался слабый пискъ. Она насторожила слухъ и сердце ея забилось. Легкое движеніе началось около ея постели. Она невольно пошевельнулась. Тотчасъ же надъ нею нагнулась мать. Юлинька открыла глаза и, прежде чѣмъ она опомнилась, маленькое существо, завернутое въ батистъ и кружева, было положено съ ней рядомъ на подушку. Юлинька отвернулась, но что-то помимо воли ..вило ее повернуть голову къ крошечному созданію, красное, без..енное личико котораго утопало въ розовыхъ лентахъ кружевно..ца. Юлинька долго жадно всматривалась въ черты малютки.

.. Мама,—сказала она слабымъ голосомъ,—она, кажется, не .. на... отца.

.. Нѣтъ, нѣтъ!—поспѣшно вскрикнула мать.—Ты, ты... Вы.. какъ ты была!

Юлинька не отводила глазъ отъ дѣвочки и вотъ что-то горячее, нежданное и неимовѣрно сладкое подступило къ ея сердцу. Она обвила рукою малютку и слезы потекли по ея блѣднымъ щекамъ.

— Бѣдная дѣвочка! — нѣжно прошептала она.—Бѣдная маленькая дѣвочка!

II.

Прошло двѣнадцать лѣтъ. Графъ Илья Ильичъ почти не покидаетъ Парижа, гдѣ онъ занимаетъ уже не роскошный hôtel, а средней руки garni. Средствъ у него стало меньше, потребности понизились, понизились и вкусы. Графиня давно живетъ съ дочкой и одряхлѣвшею тетушкой графа въ Россіи, близъ Петербурга, на дачѣ. Благодаря тетушкѣ, дача эта не продана за долги; благодаря тетушкѣ, Юлинька съ графинюшкой, какъ называли домашніе ея дочку, Нюту, продолжаетъ жить въ довольствѣ и даже роскоши.

Жителямъ петербургскихъ острововъ хорошо извѣстна дача графовъ Подольскихъ съ ея китайскими павильонами въ видѣ пагодъ, заканчивающими съ боковъ вычурный фасадъ обширной постройки. Небольшой англійскій садъ, огороженный чугунною съ золоченою рѣзьбой рѣшеткою, отдѣляетъ дачу отъ шоссе. Усыпанныя краснымъ пескомъ дорожки обѣгаютъ вокругъ правильно расположенныхъ цвѣточныхъ клумбъ. Зеленыя кадки съ широколиственными растеніями стоятъ на одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга; посрединѣ сада возвышается зеркальный шаръ. Массивныя скамейки врѣзываются въ землю выгнутыми ножками на самомъ припекѣ, показывая тѣмъ, что онѣ поставлены не столько для удобства, сколько для украшенія. Кадки, шаръ, скамьи уже давно стоятъ все на одномъ и томъ же мѣстѣ. Проходитъ лѣто, наступаетъ другое, а проѣзжающіе мимо дачники видятъ все тѣ же правильно разбитыя клумбы, обвитыя красными дорожками, тѣ же кадки, шаръ, скамейки, сохраняющія неизмѣнный лоскъ новизны. Любопытные прохожіе, заглядывая въ садъ сквозь узорчатую рѣшетку, ничего, кромѣ шара, цвѣтовъ, скамеекъ, не видятъ. Никто на этихъ скамейкахъ не отдыхаетъ, никто не гуляетъ по дорожкамъ. Толі рано утромъ и вечеромъ, послѣ заката солнца, прохожій може видѣть нѣкоторое движеніе въ этомъ образцовомъ по симетричі сти и порядку садикѣ. То садовникъ и его помощники обход клумбы и поливаютъ растенія, а, поливъ ихъ, они заметаютъ красномъ пескѣ свои слѣды, убираютъ опавшіе сухіе листья и у ляются.

Полузавѣшенныя тяжелыми штофными драпировками окна, даже когда раскрываются настежь, представляютъ тоже мало интереснаго для любопытствующаго взора. Сверкнетъ кое-гдѣ золоченая рама картины, загорится солнечный лучъ въ хрустальной подвѣскѣ люстры или выступитъ внезапно кусокъ богатыхъ обоевъ—вотъ и все. Никто, кромѣ лакея, стирающаго пыль со старинной мебели, не показывается въ окнахъ. Въ парадныхъ гостиныхъ и залахъ царитъ безмолвіе днемъ, безмолвіе и мракъ—ночью. А въ былыя, прошедшія времена, когда покойной красавицѣ-графинѣ приходила фантазія провести мѣсяцъ, другой не за границей, а на своей петербургской дачѣ, то фасадъ этой дачи ежедневно, съ наступленіемъ сумерокъ, ярко освѣщался; многочисленные гости наполняли пустынныя теперь комнаты; нарядныя дамы сидѣли на дорогой, теперь выцвѣтшей и тлѣющей мебели; смѣхъ и говоръ, звонъ бокаловъ и пѣніе оглашали далеко за полночь залитыя огнями безчисленныхъ люстръ и канделябръ стѣны. Но то было давно. Умолкли пѣсни, и смѣхъ, и говоръ; бальная музыка не тревожитъ болѣе сонъ сосѣдей, не тревожитъ ихъ больше и стукъ отъѣзжающихъ на зарѣ экипажей. Рѣзныя ворота рѣдко открываются, пропуская рѣдкихъ гостей, и величественный швейцаръ, посѣдѣвшій на службѣ графовъ Подольскихъ, можетъ по цѣлымъ часамъ безпрепятственно предаваться скорбнымъ думамъ о быломъ жизнерадостномъ бытьѣ своихъ господъ.

Съ прибытіемъ дряхлой тетушки и Юлиньки съ графинюшкой домашняя жизнь сосредоточилась въ одномъ изъ китайскихъ павильоновъ, отдѣленномъ отъ парадныхъ покоевъ небольшимъ зимнимъ садомъ. Здѣсь нѣкогда жила знаменитая романтическими приключеніями бабушка графинюшки, здѣсь были ея личныя, изысканною роскошью отличающіяся комнаты, ея спальня, будуаръ, кабинетъ, изъ котораго дверь вела въ зимній садъ, и здѣсь же поселилась Юлинька съ дочкой своей Нютой.

Новыя лица, новыя рамки. Покойная графиня любила яркіе, блестящіе цвѣта, пурпуромъ затканные обои, пурпуромъ расцвѣченные ковры; любила отливы атласа и ліонскихъ шелковъ; лю[illegible] яшму, малахитъ, ляписъ-лазурь, игру брилліантовъ и запахъ [illegible]олій, трюфели и шампанское, итальянское пѣніе и пѣніе цы[illegible]ъ. Юлинька ничего этого не любила. Яркіе обои она замѣнила [illegible]ми жемчужнаго цвѣта, тяжелыя пурпуровыя драпировки на [illegible]хъ—бѣлыми кружевными занавѣсками; изгнала малахитовые, [illegible]овые столики, переливчато-атласныя подушки и пуфы, рояль [illegible]elot розоваго дерева и пурпуровый коверъ и водворила блѣд-

но-голубую мебель, затканный бѣлыми лиліями свѣтло-синій коверъ, піанино изъ чернаго дерева, надъ которымъ висѣли прекрасныя фотографіи Бетховена, Моцарта, Глинки; туманный пейзажъ Коро, вмѣсто чудесной копіи Венеры Тиціана, а надъ письменнымъ столомъ—портретъ масляными красками графинюшки.

Вакханки, сатиры, нимфы, бездѣлушки, статуэтки, изображающія любовь, гнѣвную, пылкую, нѣжную, граціозную, смѣшную, исчезли вмѣстѣ съ запахомъ магнолій. Книжные шкафы изъ чернаго дерева явились замѣстителями художественныхъ украшеній и запахъ ириса носился въ обширной, широкой, просторной комнатѣ, полной свѣта, воздуха и пуританской чистоты.

— И здѣсь вы умудрились водворить свою fadeur!—язвительно замѣтилъ графъ, пріѣхавшій однажды изъ Парижа послѣ продолжительнаго отсутствія взглянуть на дочь, а, главное, для того, чтобы выманить у одряхлѣвшей тетушки нѣкую сумму денегъ.—Если бы maman могла встать изъ гроба и поглядѣть на метаморфозу!... Parole d'honneur, on etouffe среди этихъ gris-perle, paleur, blancheur, fadeur... А, впрочемъ, je m'en moque!...

Юлія Сергѣевна, по обыкновенію, не возражала и, молча, обняла вбѣжавшую въ ту минуту дочку. Румяная, рослая дѣвочка обхватила одною рукой шею матери, а другую, милымъ, непосредственнымъ, дѣтскимъ движеніемъ, протянула отцу.

Безцвѣтные, жесткіе глаза графа смягчились.

— Voilà un beau brin de fille!—съ гордостью произнесъ онъ, удерживая руку дочери въ своей рукѣ.—И не въ обиду будь вамъ сказано, она напоминаетъ прадѣда, графа Семена Ильича... un faux air!... а съ другой стороны—вылитый портретъ бабушки... Меня это радуетъ... Очень, очень радуетъ... Нюта, ты хочешь походить на бабушку?

— Бабушка была красавица?—сказала дѣвочка.

— Еще какая красавица!... Но, кромѣ того, она была и занимательна... Absence de fadeur! и ее всѣ любили... Ты хочешь, чтобы тебя всѣ любили, Нюта?

— Хочу,—отвѣтила дѣвочка, переводя красивые, блестящіе глаза съ желтаго, изношеннаго лица отца на блѣдную, молчалив мать.—Маму тоже всѣ любятъ,—прибавила она, прижимаясь матери.

— Конечно,—галантно согласился графъ.—Но... но бабуш любили иначе, совсѣмъ иначе... И она была счастлива, оче счастлива.

— Не всегда,—вполголоса произнесла Юлія Сергѣевна.

— Pardon, всегда, пока была молода... А когда состарилась... Bon dieu!... Старость—бичъ хорошенькой женщины... Она тоже не могла съ нею помириться... Но и старѣясь, она не сдѣлалась fade... Она умѣла занять, развлечь, привлечь... Нюта, ты хочешь быть занимательной?

Нюта ничего не отвѣчала и только еще крѣпче прижалась къ матери.

Графъ ехидно усмѣхнулся, провелъ рукою по розовой щекѣ дочери и отправился на половину тетушки, гдѣ во время краткаго пребыванія у семейнаго очага онъ проводилъ большую часть дня.

III.

Графъ Илья Ильичъ навѣщалъ свою семью рѣдко, такъ рѣдко, что графинюшка, въ промежуткахъ этихъ вынужденныхъ денежными недочетами посѣщеній, успѣвала почти забыть о самомъ существованіи отца. Имя его никогда не произносилось графиней Юліей и даже старушка-тетушка, втайнѣ питавшая слабость къ своему недостойному племяннику, все меньше и рѣже о немъ говорила.

Графинюшка росла подъ опекой этой старой тетушки и кроткой, нѣжной, молодой еще матери, росла, пышно разцвѣтая, какъ розанъ. Въ двѣнадцать лѣтъ рослая, румяная дѣвочка съ длинною темною косой казалась младшею сестрой своей тоненькой, хрупкой, моложавой матери.

— Графинюшка-то скоро мамашу переростетъ, — говорили слуги.—И станомъ, и лицомъ въ покойную графиню вышла,—въ полголоса прибавляли они.

— Вылитый портретъ бабушки,—продолжалъ по пріѣздѣ заявлять графъ въ присутствіи жены, не безъ злорадства улавливая каждый разъ тѣнь неудовольствія на ея лицѣ, но никогда не дерзая высказать это мнѣніе въ присутствіи тетушки, которая не терпѣла покойную невѣстку.

Нелегко было графу умолить въ этотъ свой пріѣздъ тетушку. ...о не соглашалась она открыть завѣтную шкатулку. Но и стой...ти бываетъ свой предѣлъ. Тетушка, наконецъ, вручила требуе... сумму со словами:

— Послѣдній разъ. Прошу это помнить, mon cher.

— Буду помнить, ma tante,—смиренно возразилъ племянникъ, ...тельно цѣлуя руки тетушки, и нѣсколько часовъ спустя былъ готовъ къ обратному отъѣзду въ Парижъ.

— Карета подана, ваше сіятельство,—доложилъ лакей.

Графъ, въ сѣромъ дорожномъ костюмѣ съ сумкою черезъ плечо, сидѣлъ, въ ожиданіи этого заявленія, у жены. При словахъ лакея, онъ натянулъ на лѣвую руку перчатку, всталъ и приблизился къ Юліи Сергѣевнѣ.

— Желаю здравствовать,—сказалъ онъ, прикасаясь крашеными усами къ ея рукѣ.

Онъ выпрямился, поправилъ жиденькіе волосы на вискахъ и обернулся къ дочери. Графинюшка сидѣла на коврѣ, обнявъ рукою Милорда, красиваго чернаго водолаза.

— Ils fonts tableau!—промолвилъ графъ.—Un beau brin de fille, parole d'honneur!... Нюта! petite fille dénaturée!... ты не хочешь проститься съ отцомъ, съ твоимъ любящимъ отцомъ!—патетически вскрикнулъ онъ.

Графинюшка подняла голову и серьезно взглянула на отца. Онъ протягивалъ къ ней руку. Нюта неохотно поднялась съ полу и подошла къ нему. Графъ взялъ дочку за подбородокъ.

— Ты будешь красавица, предсказываю тебѣ, и вся въ бабушку. Ненавистная кровь Подольскихъ перелилась въ нашу дочь,—съ короткимъ, непріятнымъ смѣхомъ прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ.

Не получивъ отвѣта, онъ снова взглянулъ на дочь. Она осторожно высвободила подборокъ изъ его руки и темные глаза ея исподлобья недовѣрчиво остановились на бѣлесоватомъ лицѣ отца.

— Да, да, скоро, можетъ быть, я пройдусь въ мазуркѣ съ моею красавицей дочкой,—продолжалъ графъ и нагнулся поцѣловать дѣвочку.

Нюта опустила голову и такимъ образомъ уклонилась отъ поцѣлуя. Графу оставалось только поцѣловать ее въ темя.

— Elle est bien dressée,—саркастически произнесъ онъ.

Онъ натянулъ перчатку на правую руку, франтовато выпрямился и направился къ выходу, волоча правую ногу.

— Проводи папу, — въ полголоса приказала Юлія Сергѣевна.

— О, пожалуйста,—подхватилъ графъ, полуоборачиваясь,-безъ сантиментальностей! Я въ нихъ не нуждаюсь, совершенно н нуждаюсь.

Взглядъ его безцвѣтныхъ, холодныхъ глазъ снова остановил на дѣвочкѣ, которая въ нерѣшимости стояла посреди комнаты.

— Подольская! вылитая Подольская!—замѣтилъ онъ.—Уд вительно!... Судьба, графиня! Что дѣлать?

Онъ послалъ воздушный поцѣлуй Нютѣ и вышелъ, раскачивая на ходу свой дряблый станъ.

Дѣвочка обернулась къ матери, когда дверь за графомъ закрылась.

— Мама,—сказала она рѣшительно,—папа злой.

— Нюта!—слабо остановила ее Юлія Сергѣевна.

— Я не люблю его,—еще рѣшительнѣе добавила дѣвочка.

— Нельзя такъ говорить объ отцѣ,—тверже сказала Юлія Сергѣевна.

— Не люблю,—упрямо повторила Нюта.—Онъ тебя дразнитъ.

— Не говори о томъ, чего ты не понимаешь,—довольно строго замѣтила графиня.

— Отлично понимаю. Онъ насъ не любитъ.

Дѣвочка сердитыми глазами взглянула на мать.

Она круто повернулась на каблучкахъ и побѣжала къ выходной двери. Юлія Сергѣевна, подавленная непочтительною рѣзкостью дочки, молча проводила ее глазами.

Въ дверяхъ Нюта искоса и строптиво оглянулась на мать, какъ бы вызывая ее на строгость, но не строгій, карающій взглядъ встрѣтила она, а взглядъ, полный кроткаго укора. Слезы хлынули изъ глазъ Нюты. Она порывисто кинулась къ матери и обвила руками ея шею.

— Мамуся, я злая! Бѣдная мамуся!... Я тоже... Но зачѣмъ онъ сказалъ, что я Подольская... зачѣмъ?... Онъ хотѣлъ обидѣть тебя... Да... я знаю... Тебѣ было больно.

Она по-дѣтски громко всхлипывала, обливая слезами лицо и руки матери.

— Вовсе нѣтъ. Ты не поняла,—увѣряла графиня, обнимая дѣвочку и отирая ей платкомъ глаза.

— Ты не любишь Подольскихъ... Не любишь бабушу.

— Я ее не знала, не застала въ живыхъ.

— Но ты не любила бы ее?

— Почему? Она была умна.

— Но злая!

— Да, нѣтъ же, Нюта! Ты не понимаешь!

Нюта не настаивала. Она прижалась влажною щекой къ щекѣ матери и нѣкоторое время сидѣла на ручкѣ ея кресла совершенно неподвижно.

— Отчего я на тебя не похожа?—проговорила она, наконецъ, с[illegible]ченіемъ.

Юлія Сергѣевна улыбнулась.

— Ты на меня похожа,—сказала она, лаская дѣвочку.

— Папа говоритъ, что на бабушку.

— Наружностью. Развѣ тебѣ не нравится бабушка?... Ты такъ часто смотришь на ея портретъ.

Нюта не отвѣчала. Страдальческое выраженіе выступило на ея лицѣ. Она сжала руками виски.

— Опять болитъ?—тревожно спросила мать.

— Немножко,—уклончиво возразила дѣвочка.—Ничего, пройдетъ.

Она насильственно улыбнулась. Румянецъ сбѣжалъ съ ея щекъ и даже губы поблѣднѣли. Острая боль въ вискахъ вызвала слезы на ея глаза, но она поспѣшно подавила ихъ и, улыбаясь встревоженной матери, промолвила:

— Уже проходитъ... Я пойду въ садъ, мама... Гаря обѣщалъ придти.

Она быстро обняла мать, избѣгая ея испуганныхъ, тревожныхъ взглядовъ, и въ припрыжку выбѣжала изъ комнаты. Затворивъ за собою дверь, она еще пробѣжала нѣсколько шаговъ, но тутъ силы ее оставили. Съ трудомъ задерживая невольный стонъ, она присѣла на кончикъ перваго попавшагося стула.

— Болитъ, ахъ, какъ болитъ!—прошептала она, стискивая руками виски.

Въ глазахъ у нея потемнѣло и на мгновеніе она какъ бы лишилась сознанія, ощущая только невыносимую боль въ головѣ. Изъ комнаты матери до нея донесся слабый шелестъ платья. Нюта вскочила и бѣгомъ кинулась въ садъ, пробѣжала одну аллею, завернула въ другую и скрылась въ бесѣдкѣ, густо обсаженной кустами сирени. Здѣсь она бросилась на диванчикъ и, положивъ руки на стоявшій передъ нимъ круглый столъ, прижалась къ нимъ головой. Долго она сидѣла такъ неподвижно и не подняла головы даже тогда, когда раздался скрипъ сапоговъ и у входа въ бесѣдку появилась долговязая, тощая фигура пятнадцатилѣтняго гимназиста въ лѣтней парусинной парѣ и въ очкахъ. Гимназистъ всею своею нескладною фигурой выразилъ недоумѣніе при видѣ Нюты въ ея согнутой надъ столомъ позѣ, выпятилъ крупныя губы, оттѣнен[illegible] я едва замѣтнымъ темнымъ пушкомъ, хотѣлъ было что-то сказать, [illegible], вмѣсто того, повернулся и исчезъ въ чащѣ. Нюта слабо засто[illegible]-ла, но не пошевельнулась. Гимназистъ скоро вернулся. На плеч[illegible] у него висѣло полотенце, а въ рукахъ держалъ онъ тарелку со льдо[illegible]. Онъ поставилъ тарелку на столъ, сложилъ въ нѣсколько разъ по[illegible]-тенце и, намочивъ его въ ледяной водѣ, приблизился къ дѣвоч[illegible].

— Что, опять болитъ?—угрюмо спросилъ онъ.

Дѣвочка хотѣла было поднять голову, но онъ также угрюмо произнесъ:

— Не надо... Не шевелитесь... Вотъ мы сейчасъ...

Онъ положилъ ей на голову холодный компрессъ. Вздохъ облегченія вырвался у нея. Сумрачное выраженіе лица гимназиста прояснилось. Онъ сѣлъ рядомъ съ дѣвочкой и тщательно занялся выжиманіемъ и намачиваніемъ компресса. Немного погодя Нюта подняла голову.

— Кажется, лучше,—со слабою улыбкой проговорила она.

— И прекрасно. Вамъ бы теперь полежать,—все такъ же угрюмо промолвилъ гимназистъ.

Онъ озабоченно оглянулся. Въ бесѣдкѣ стояла только деревянная садовая мебель.

— Знаете что, графинюшка? Тамъ за бесѣдкой, я видѣлъ, скошена трава и не убрана. Я сейчасъ соберу ее въ копёшку. Отличная будетъ подушка.

Онъ быстро вышелъ и такъ же быстро вернулся.

— Пожалуйте,—предложилъ онъ, осторожно, подъ руку, приподнялъ дѣвучку и вывелъ ее изъ бесѣдки.

Нюта не высказала ни малѣйшаго сопротивленія. Глаза ея, въ которыхъ не исчезло еще выраженіе страданія, свѣтились лаской.

Сейчасъ за бесѣдкой лежало собранное въ кучку сѣно. Гимназистъ вынулъ изъ кармана аккуратно сложенный чистый носовой платокъ, покрылъ имъ импровизированную подушку и отрывисто произнесъ:

— Вотъ и наволочка. Теперь принесу ледъ, а вы ложитесь.

Дѣвочка безпрекословно легла на спину, положивъ голову на душистое сѣно. Гимназистъ вернулся съ тарелкой и, примостившись у ея изголовья, приготовился снова мѣнять компрессы.

— Мнѣ легче, гораздо легче, — прошептала она. — Какой вы добрый, Гаря!

Гаря что-то невнятно пробурчалъ.

[illegible] А вамъ бы заснуть,—коротко замѣтилъ онъ.

[illegible]та точно ждала этого приказанія. Она послушно закрыла г[illegible] и скоро ровное дыханіе возвѣстило, что она дѣйствительно з[illegible]ула. Гаря подождалъ немного, потомъ бережно снялъ съ ея го[illegible] компрессъ, положилъ его въ тарелку, отодвинулся отъ спя[illegible] дѣвочки и, прислонившись спиною къ липѣ, остался неподвиж[illegible]о не надолго. Торопливые, легкіе шаги заставили его под-

няться съ травы и выйти на аллею. Графиня Юлія Сергѣевна поспѣшно подошла къ нему.

— Гдѣ Нюта?—тревожно спросила она.

— Спитъ,—шепотомъ возразилъ Гаря и, пригласивъ жестомъ графиню слѣдовать за собою, провелъ ее въ чащу за бесѣдку.

Дѣвочка спала спокойно. Болѣзненная блѣдность замѣнилась нѣжнымъ румянцемъ; свѣжія, розовыя губки улыбались во снѣ.

— Опять!—чуть слышно промолвила Юлія Сергѣевна, указывая глазами на тарелку со льдомъ.

— Помогаетъ,—лаконически возразилъ Гаря.

— Да, пока,—такъ же тихо замѣтила графиня.

Оба молча смотрѣли на спящую дѣвочку.

— Я жду доктора,— заговорила графиня.—Ее лучше не тревожить... Пусть спитъ... Спасибо, Гаря.

Она повернулась и вышла изъ чащи. Гаря машинально послѣдовалъ за нею. Графиня остановилась. Губы ея вздрагивали.

— Гаря, милый, — сказала она и въ голосѣ ея послышалось отчаяніе. — Я бы хотѣла знать, что это такое?... Такая здоровая, свѣжая, веселая, и вдругъ эти боли, эти ужасныя страданія!

Гаря молчалъ. Лицо его стало еще угрюмѣе, только въ маленькихъ сѣрыхъ глазахъ проступила какъ бы влажность.

— Да, я бы хотѣла знать, — повторила она, жадно впиваясь въ лицо Гари и забывая, подъ вліяніемъ жгучей тревоги, что передъ ней стоитъ не взрослый мужчина, а мальчикъ.

«Онъ гораздо старше своихъ лѣтъ»,—часто говорила она.

И дѣйствительно, не по-дѣтски вдумчиво и заботливо смотрѣлъ на нее этотъ мальчикъ.

— Что говоритъ докторъ?—отрывисто спросилъ онъ.

— Докторъ! —повторила графиня.— Онъ намекаетъ на нѣчто ужасное!...

Графиня запнулась.

— Иди, Гаря... Посиди съ ней, пока я дождусь доктора.

Она кивнула ему головой и ушла.

Гаря снова сѣлъ на траву подъ липой. Нюта спала спокойно; все та же улыбка разжимала ея полныя, свѣжія губки. Гаря терпѣливо оберегалъ ея покой, отмахивая порой назойливую муху или пчелку, близко жужжавшую надъ ея ухомъ.

Пять лѣтъ уже зналъ онъ графинюшку. Пять лѣтъ, какъ его мамочка, вдова подполковника, Марья Игнатьева Скороспѣлова, поступила въ кампаньонки и чтицы къ старой графинѣ.

Мать и сынъ были очень дружны. Веселая, круглолицая,

стенькая вдовушка, еще очень миловидная, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, бодро исполняла нелегкія обязанности и съ невозмутимою ясностью духа переносила брюзжанье, требовательность и фанаберіи старухи, которая, какъ водится, при всякомъ удобномъ случаѣ срывала сердце на компаньонкѣ, а удобныхъ случаевъ встрѣчалось не мало въ жизни выжившей изъ ума старой дѣвицы, и въ молодости не отличавшейся пріятнымъ нравомъ.

— Ты ей не слуга!—съ негодованіемъ обратился Гаря къ матери послѣ того, какъ ему разъ случилось присутствовать при вздорной выходкѣ старой графини. — Уѣдемъ отсюда... Мы не нищіе... Проживемъ какъ-нибудь.

— Съ голоду не помремъ, — невозмутимо возразила Марья Игнатьевна,—но воспитывать тебя мнѣ будетъ не на что... Пенсіи на это не хватитъ... А выклянчивать на твое воспитаніе то у того, то у другого—слуга покорная!... Я готова съ утра до ночи выслушивать воркотню, только бы не обивать пороги. Намъ же съ тобой совсѣмъ не такъ ужь скверно. Графиня, въ сущности, добрая. Другая не согласилась бы оставить при компаньонкѣ сына, да еще такого угрюмаго, непочтительнаго мальчугашку!

Марья Игнатьевна провела рукой по взъерошеннымъ волосамъ Гари и любовно заглянула въ хмурое лицо мальчика.

— Вотъ, если бы да перенести тебя въ деревнюшечку, въ какую ни-на-есть деревнюшечку, да въ свою!—страстно вскрикнулъ мальчикъ, чисто по-дѣтски внезанно предаваясь мечтамъ.—Домикъ бы былъ маленькій, крошечный, да свой домикъ; своя лошадка возила бы тебя въ церковь.

— Да, вотъ если бы!—съ веселымъ смѣхомъ прервала его Марья Игнатьевна.—Если бы да кабы... А пока и такъ ничего, жить можно. И то слава Богу!

Гаря въ душѣ не могъ не согласиться съ матерью, но и не могъ, въ то же время, переселить враждебнаго чувства къ старой графинѣ и ко всему графскому обиходу. Однако, и ему не все было ненавистно въ этомъ домѣ. Кроткая графиня Юлія Сергѣевна примиря-л[illegible]о съ жизнью въ графской семьѣ, но еще болѣе примиряла его с[illegible]ою жизнью маленькая дѣвочка Нюта. Графинюшка, на три го-д[illegible] моложе, привязалась къ нему и незамѣтно крѣпко привяза-л[illegible] себѣ неласковаго и непривѣтливаго мальчика. Онъ охотно и[illegible]нялъ ея прихоти и, сознавая свое превосходство надъ *дѣвоч-*к[illegible] «Будь она распереграфиня»,—какъ говорилъ онъ презритель-н[illegible]-тѣмъ не менѣе, снисходилъ до продолжительныхъ бесѣдъ съ

нею, посвящалъ ее въ событія гимназической жизни, въ свои мечты и дальніе, смутные планы.

Болѣзненные припадки, которымъ въ послѣднее время такъ часто подвергалась графинюшка, искренно сокрушали его. Напрасно онъ допытывался у матери, что̀ означаютъ эти припадки; она или не умѣла, или не хотѣла отвѣтить ему опредѣленно. Но вопросы его неизмѣнно вызывали облако грусти на ея всегда ясное лицо и она съ горестью говорила:

— Бѣдная дѣвочка, бѣдная милая дѣвочка!

IV.

Нюта проснулась. Большіе темные глаза ея остановились на Гарѣ и все лицо ея засіяло улыбкой.

— Я долго спала?—спросила она.

— Порядочно. Полежите еще.

Графинюшка приподняла было голову, но при словахъ Гари тотчасъ же опустила ее на сѣно.

— Мама знаетъ, гдѣ я?

— Знаетъ. Она приходила сюда.

Нюта закинула руки за голову и, лежа на спинѣ, смотрѣла на синее небо, просвѣчивающее сквозь листву липы. Вся ея фигурка, еще дѣтская, но вполнѣ пропорціонально - сложенная, дышала здоровьемъ и силой. Изъ-подъ короткаго батистоваго платья выступала плотная маленькая нога, обутая въ сафьянную туфельку. Свободные рукава лифа обнажали по локоть полныя, круглыя, крѣпкія руки. Никто не могъ подозрѣвать, что въ этомъ красивомъ дѣтскомъ тѣлѣ съ крѣпкими стальными ножками и упругими руками таится зародышъ жестокаго недуга.

Гаря, съ той минуты, какъ проснулась дѣвочка, пересталъ заботливо слѣдить за нею. Онъ нагнулся и травинкой подгонялъ муравья, тащившаго какое-то зернышко.

— Папа уѣхалъ, вы знаете?—спросила Нюта, продолжая смотрѣть вверхъ.

— Знаю,—возразилъ Гаря, не подымая головы, и мысле. прибавилъ: «Скатертью дорога!»

— Я рада, что онъ уѣхалъ,—заговорила снова дѣвочка мѣняя положенія.

Гаря не отвѣчалъ.

— Это нехорошо?—спросила Нюта, помолчавъ.

— Нехорошо и не не-хорошо,—сквозь зубы процѣдилъ Га

отгибая траву, въ которой скрылся отъ своего мучителя муравей съ ношей.

— Мама говоритъ, что это нехорошо,—заговорила Нюта.

Гаря настигъ муравья и снова началъ гонять его туда-сюда травинкой. Слова дѣвочки онъ оставилъ безъ отвѣта.

— И всѣ говорятъ... Вотъ и въ заповѣди... Чти отца и матерь твою.

— Если всѣ говорятъ, то надо слушаться,—иронически произнесъ Гаря.

— А я не могу,—промолвила дѣвочка.—Мама моя одна, а папа... Развѣ я могу ихъ одинаково любить?

Гаря и этотъ вопросъ оставилъ безъ отвѣта. Дѣвочка повернула къ нему голову. Онъ не прерывалъ своихъ наблюденій надъ муравьемъ.

Нюта поднялась и приняла сидячее положеніе.

— Вы любили своего отца?—неожиданно спросила она.

— Я его мало помню... Мама была съ нимъ счастлива.

Глаза дѣвочки загорѣлись.

— Ну, вотъ, вотъ!—съ волненіемъ вскрикнула она.—Теперь вы должны понять... Она была счастлива, а моя мама несчастлива... Онъ злой... Онъ ее дразнитъ... И когда я выросту... И если онъ думаетъ, что я пойду танцовать съ нимъ...

— Какъ танцовать?—перебилъ ее Гаря, предоставляя, наконецъ, несчастнаго муравья его участи и поворачивая къ дѣвочкѣ изумленное лицо.

Нюта поглядѣла въ его расширенные отъ удивленія глаза и внезапно разсмѣялась.

— Вы не понимаете. Онъ говоритъ, что я красавица и что онъ будетъ радъ пройтись со мною въ мазуркѣ.

Гаря съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Что за вздоръ!—пробурчалъ онъ.

Графинюшка зардѣлась.

— Что я красавица?... То-есть онъ говоритъ, что я похожа на б... ку Подольскую, а она была красавица.

Я не про то, а вотъ, что вашъ отецъ собирается танцовать с... ни мазурку... Онъ и ходить-то не...

...аря не продолжалъ, закусилъ было губы и вдругъ неудержимо р...отался. Нюта, молча, съ смущеніемъ смотрѣла на него.

А мнѣ говорятъ, что я должна любить, уважать его,—жа...промолвила дѣвочка и въ голосѣ ея послышались слезы.

Смѣхъ Гари прервался. Онъ ласково взглянулъ на дѣвочку и добродушно произнесъ:

— А вы не думайте объ этомъ... Право, не стòитъ... Бросьте эти мысли... Надо ли уважать, нѣтъ ли... Стоитъ развѣ изъ-за этого себя мучить?—философски замѣтилъ онъ.

Нюта недовѣрчиво покачала головой, но не возражала.

— Голова больше не болитъ?—спросилъ Гаря, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Не болитъ; только въ глазахъ точно туманъ. Вы слышали о бабушкѣ, Гаря?

— Слышалъ,—неохотно отвѣчалъ Гаря.

— Чтò вы слышали? Скажите,—живо спросила Нюта.

— Всякое слышалъ,—такъ же неохотно возразилъ Гаря.

— А именно! Чтò слышали?

— Да чтò слышалъ! Говорятъ, она была красивая, веселая, сорила деньгами... ну, и все такое... Въ общемъ, не интересное.

— Ее всѣ любили... Очень любили!

Гаря исподлобья поглядѣлъ на оживленное лицо дѣвочки.

— Можетъ, и любили,—вяло произнесъ онъ,—вамъ-то какое до нее дѣло?

— Какъ какое дѣло? Все-таки, она моя бабушка.

— Ну, бабушка! Что-жь изъ этого?... Жилъ человѣкъ и нѣтъ его... Вотъ, еслибъ эта самая бабушка оставила по себѣ какой-либо памятникъ, тогда иное дѣло!

— Какой памятникъ?—полюбопытствовала узнать дѣвочка.— Надъ нею есть памятникъ тамъ, въ Ниццѣ.

Гаря снисходительно усмѣхнулся.

— Я не про такой памятникъ. А вотъ, еслибъ она, такая богатая, устроила, напримѣръ, пріютъ для сиротъ, или тамъ школу какую, или тому подобное, тогда можно было бы и память ея чтить. Это и былъ бы памятникъ, настоящій памятникъ,—сентенціозно закончилъ Гаря.

Нюта съ почтеніемъ выслушала его.

— Да, я понимаю, чтò вы хотите сказать,—серьезно проговорила она.—Но вотъ мама тоже ничего подобнаго не сдѣлала, т--есть я хочу сказать о памятникѣ.

— Это совсѣмъ другое дѣло,—уклончиво сказалъ онъ.—Е -кіе памятники бываютъ. Она, можетъ быть, была бы знаменит о пѣвицей.

— Мама—пѣвица?

— До замужства она готовилась къ сценѣ. Вы развѣ не знал ?

— Не знала.

Щеки Нюты покрылись густымъ румянцемъ.

— Конечно, не знала,—живо повторила она.—Вотъ почему она такъ чудно поетъ!

— Ей, говорятъ, пророчили блестящую будущность. Она артистка въ душѣ. Потому-то никакія графскія фанаберіи не могли всосаться ей въ плоть и кровь.

Нюта на мгновеніе задумалась.

— Гаря, какъ это хорошо быть артисткой!—вскрикнула она.

— Хорошо. Всегда хорошо быть чѣмъ-нибудь,—солидно произнесъ Гаря.

— Да, да,—живо согласилась Нюта.—Еслибъ я была мужчиной...

Она остановилась.

— То чѣмъ бы хотѣли быть?—снисходительно спросилъ Гаря.

— Докторомъ. Знаменитымъ докторомъ... Вотъ какъ Боткинъ.

— Зачѣмъ же быть для этого мужчиной? И между женщинами есть много докторовъ.

— А есть между ними Боткинъ?

— Конечно, нѣтъ, но...

— Вы не понимаете,—перебила его Нюта.—Не просто докторомъ хотѣла бы я быть, а Боткинымъ, понимаете? Боткинымъ... Вы знаете, мама меня возила къ нему,—сказала она сдержаннѣе и умолкла.

— Ну, и что же?—съ любопытствомъ спросилъ Гаря.

Дѣвочка не тотчасъ же отвѣчала. Тѣнь легла на ея цвѣтущее личико и въ глазахъ, за минуту такихъ оживленныхъ, проступила тоска.

— Онъ долго смотрѣлъ на меня, такъ ласково смотрѣлъ и... Ему было жаль меня... Да, именно жаль... Гаря, вѣрно я очень больна?

Гаря пробурчалъ что-то невнятное и лицо его приняло снова суровое выраженіе.

— Что они знаютъ, доктора! —пробормоталъ онъ.

— Но не Боткинъ! —горячо возразила Нюта.— Онъ знаетъ. Еслибъ я выздоровѣла совсѣмъ, совсѣмъ... я бы хотѣла быть сестрой милосердія...

— Это далеко отъ Боткина,—пренебрежительно замѣтилъ Гаря.

— Мы бы вмѣстѣ съ мамой поѣхали на войну,—не слушая, продолжала Нюта.—Ухаживали бы за ранеными, за больными... Жили бы вмѣстѣ съ ними въ палаткахъ... Все, все бы вмѣстѣ съ

ними переносили... А не то, я бы хотѣла путешествовать по какимъ-нибудь невѣдомымъ странамъ...

— Напримѣръ, въ Среднюю Азію,— ввернулъ Гаря.

— Въ Среднюю Азію,— задумчиво повторила Нюта.— Нѣтъ, мнѣ бы лучше хотѣлось въ Южную Америку.

— Это вы Майнъ-Рида начитались, — покровительственно заговорилъ Гаря.— Это все вздоръ, басни!... А вотъ, если бы вы читали Пржевальскаго!... Вотъ это человѣкъ! Это путешественникъ!... И ничего, кромѣ правды, не пишетъ.

Графинюшка съ уваженіемъ посмотрѣла на него.

— Я слышала о немъ,— сказала она.

— Еще бы! Теперь только о немъ и говорятъ. Когда я окончу гимназію...

Гаря не продолжалъ.

— Тогда что, Гаря? — живо спросила дѣвочка.

— Нѣтъ! Мнѣ это не удастся,— съ горечью произнесъ онъ.— Мнѣ надо хлѣбъ зарабатывать... Онъ одинъ, свободенъ, независимъ... Чернорабочему съ нимъ нельзя тягаться.

Нюта серьезно смотрѣла на него. На выразительномъ ея лицѣ ясно замѣтна была работа мысли.

— Тетя говоритъ,— начала она осторожно,— что я буду богата... что она мнѣ все оставитъ...

— Тѣмъ лучше для васъ,— сухо замѣтилъ Гаря.

Нюта вспыхнула и замялась.

— А вы развѣ не возьмете у меня на путешествіе... ну, и... на что тамъ нужно? — со страхомъ, робко спросила она.

Гаря нахмурилъ брови и гнѣвно взглянулъ на нее.

— За кого вы меня принимаете?—запальчиво вскрикнулъ онъ, вскидывая назадъ голову, будто его кто ужалилъ.

— Гаря!... о, Гаря!—жалобно пробормотала Нюта, протягивая руку, точно желая остановить его, но Гаря самъ уже опомнился.

— Какая вы еще дѣточка! — сказалъ онъ съ насильственнымъ смѣхомъ.

— Я не понимаю, отчего вы такъ разсердились?—продолжала она такъ же жалобно.

— И понимать нечего,— возразилъ Гаря, стараясь говори ь спокойно и холодно,— и никогда не поймете... Во-первыхъ, ы просто дѣточка, а, во-вторыхъ,— голосъ его зазвучалъ жестче - вы—графинюшка, а я—сынъ компаньонки вашей тети. Этимъ е сказано.

Онъ потянулся и всталъ.

— За вами, кажется, идутъ,— сказалъ онъ.

Нюта тоже поднялась съ мѣста.

Гарѣ, при взглядѣ на ея огорченное, недоумѣвающее личико, хотѣлось сказать что-нибудь ласковое, привѣтливое, но онъ не нашелъ, что сказать, и только посмотрѣлъ ей вслѣдъ, когда она медленно, опустивъ головку, шла по аллеѣ въ сопровожденіи присланной за нею горничной. Угрюмо тряхнувъ головой, онъ повернулъ въ противуположную сторону.

V.

Графиня Юлія Сергѣевна стояла поздно ночью у раскрытаго окна. Въ короткой бѣлой батистовой блузѣ, съ распущенными волосами по плечамъ, она казалась почти дѣвочкой. Худыя, узкія руки ея опирались на подоконникъ и сама она на половину высунулась изъ окна, жадно вдыхая сырой ночной воздухъ петербургскаго августа. Глаза ея опухли отъ слезъ и безсонницы и губы вздрагивали отъ подавленныхъ рыданій.

«За что?—шептала она невольно.—За что?»

Да, за что ея дѣвочка, такая жизнерадостная, такъ блестяще одаренная, должна отвѣчать за чужіе грѣхи?

— Слишкомъ ужь въ свое удовольствіе жили ихъ сіятельства графы Подольскіе!—сказалъ ей съ горечью знаменитый діагностъ.

— Наслѣдственное,—лаконически говорили другіе доктора и не скрывали, что послѣдствіемъ этого рокового наслѣдства можетъ быть слѣпота или... смерть.

На лицѣ своего домашняго доктора, которому она привыкла вѣрить, который вотъ уже нѣсколько лѣтъ слѣдитъ за ея дочкой, Юлія Сергѣевна ясно прочитала, что смерть была бы желательнѣе.

Порывисто откинула она волосы назадъ и привычнымъ движеніемъ скрутила ихъ узломъ на затылкѣ. Въ глазахъ ея, широко раскрытыхъ, отражался ужасъ. Дрожь пробѣгала по ея плечамъ и рукамъ. Вдругъ она замерла на мѣстѣ. Ей послышался стонъ въ сосѣдней комнатѣ. Едва слышно ступая въ мягкихъ туфляхъ безъ каблуковъ, скользнула она въ спальную. Нюта, слабо освѣщенная лампой подъ темнымъ абажуромъ, стоявшей въ дальнемъ углу об…ирной комнаты, спала безмятежнымъ, спокойнымъ сномъ дѣтства; …жный румянецъ игралъ на ея полныхъ щечкахъ; грудь мѣрно, …вно вздымалась. Подъ шелковымъ одѣяломъ обрисовывались …руглыя формы здороваго, крѣпкаго тѣла; обнаженныя руки, спо…йно вытянутыя на голубомъ одѣялѣ, ласкали глазъ бѣлизною и …щною мягкостью очертаній.

Юлія Сергѣевна опустилась на близъ стоявшее кресло.

— Такая красивая, свѣжая, румяная... Да можетъ ли это быть?—чуть не вскрикула она, хватая себя руками за голову.

«Вы должны щадить свои силы»,—вспомнился ей совѣтъ доктора.

— Графиня, ложитесь, засните въ кабпнетѣ. Я посижу тутъ, пока вы спите,—послышался тихій голосъ за ея спиною.

Марья Игнатьевна, въ темномъ капотѣ и съ вязаньемъ въ рукахъ, неслышно вошла въ спальную и стояла теперь у ея кресла.

Юлія Сергѣевна послушно, какъ ребенокъ, поднялась съ кресла.

— Но вамъ тоже нуженъ отдыхъ... Васъ только что отпустили... а ужъ первый часъ,— нерѣшительно произнесла она.

— Старая графиня встаетъ поздно,—спокойно возразила Марья Игнатьевна,—успѣю еще до утра выспаться... Я вотъ сюда перенесу лампу и сяду съ работой... Графинюшкѣ свѣтъ не помѣшаетъ.

Юлія Сергѣевна въ нерѣшимости стояла на мѣстѣ, не спуская глазъ со спящей дѣвочки.

— Марья Игнатьевна, голубушка! — прошептала она сдавленнымъ голосомъ.— Кто можетъ думать? Смотрите, такая розовенькая, хорошенькая...

Марья Игнатьевна ничего не отвѣчала, только въ ясныхъ глазахъ ея блеснули слезы, но она съ дѣловымъ видомъ, осторожно ступая, прошла въ дальній конецъ комнаты и перенесла лампу ближе къ кровати Нюты.

— Такъ я пойду,— тихо произнесла графиня Юлія, когда Марья Игнатьевна, заслоняя собою свѣтъ лампы, удобно помѣстилась въ креслѣ и все свое вниманіе сосредоточила на вязаньѣ.

— Идите, графиня,— сказала она, не подымая глазъ отъ работы, и голосъ ея звучалъ особенно нѣжно, бережно, какъ будто она говорила съ ребенкомъ,—идите, усните... Если будетъ нужно, я разбужу.

Юлія Сергѣевна легла, не раздѣваясь, на постланной на диванѣ постели и скоро усталость взяла свое,—она заснула. Но сонъ ея былъ тревоженъ.

Снился ей прадѣдъ Нюты, графъ Семенъ Ильичъ, въ напудренномъ парикѣ и съ золотою табакеркой въ рукахъ. Онъ откинулся на спинку кресла и громко хохоталъ. Широкое мясистое лицо, румяное, свѣжее на портретѣ, висѣвшемъ среди другихъ фамильныхъ портретовъ въ кабинетѣ графа Ильи Ильича, дышало силой и здоровьемъ; кружевное жабо колыхалось на могучей груди и изъ огром

наго рта, наполненнаго крѣпкими здоровыми зубами, вылетали сквозь раскатистый хохотъ отрывистыя слова:

— Ненавидитъ Подольскихъ! Скажите, пожалуйста!... Ничтожная дворяночка ненавидитъ Подольскихъ!... Ахъ, Богъ мой!... Можно умереть со смѣху!... Ненавидитъ!... Скажите на милость!...

И снова раскатистый хохотъ потрясаетъ могучее тѣло и зловѣще сверкаютъ, искрятся, играютъ брилліанты на его придворномъ, золотомъ затканномъ кафтанѣ.

— Вы насъ ненавидите? Прекрасно. Voyons! Raisonnons, — произноситъ вѣжливо сдержанный голосъ.

На креслѣ сидитъ уже не румяный графъ Семенъ Ильичъ съ плотоядными глазами и чувственными толстыми губами, а графъ Илья Семеновичъ, во фракѣ со звѣздой; рѣдкіе волосы у него зачесаны въ височки; лицо блѣднѣе и тоньше; на губахъ змѣится холодная, циничная усмѣшка.

— Raisonnons, — повторяетъ онъ и беззвучный смѣхъ вдругъ разверзаетъ его безкровныя тонкія губы. — Прошу извиненія... Parole d'honneur!... C'est plus fort que moi... Мой сынъ... Je le méprise... Онъ даже не съумѣлъ справиться съ женой... Quel chiffon!... Да я бы ее... Да какъ она смѣетъ?...

Онъ внезапно выпрямился на креслѣ; глаза его, холодные, злые, уставились на Юлію Сергѣевну.

Юлія Сергѣевна въ ужасѣ заметалась на подушкѣ, но тяжелый, болѣзненный сонъ сковалъ ея члены и снова вихремъ неслись передъ нею отрывистыя сновидѣнія.

— Вы напрасно такъ серьезно смотрите на жизнь, — говоритъ ей пріятный, бархатистый голосъ, и прекрасная свекровь склоняется надъ нею. — Болѣзнь моей внучки, конечно, несчастіе, и, конечно, Подольскіе тому причиной... Но къ чему ненавидѣть?... Вы молоды... Наслаждайтесь, пока можете, а тамъ... Кто вамъ мѣшаетъ пресѣчь эту жизнь, вотъ такъ, какъ я?

Она со смѣхомъ приблизила къ ея губамъ какой-то пузырекъ. Юлинька съ ужасомъ оттолкнула его. Пузырекъ выпалъ изъ рукъ ...авицы и съ легкимъ звономъ ударился о полъ.

— Вы его разбили! Какъ это глупо! — произнесла съ досадой с...ровь. — Что же вы этимъ доказали?... Ничего не доказали... ... умереть... *Ее* вы не спасете.

— Нѣтъ, нѣтъ! — прошептала Юлія Сергѣевна.

— Умереть! — настойчиво повторила свекровь.

— Жаль!... Un beau brin de fille! — проговорилъ съ насмѣш... ...угой знакомый голосъ.

Ярость овладѣла вдругъ Юлинькой; съ крикомъ кинулась она впередъ, вцѣпилась ногтями въ тощую шею своего мужа и... проснулась.

Солнце взошло. За открытымъ окномъ чирикали птички; свѣжій утренній воздухъ волною вливался въ комнату.

Юлинька откинула назадъ спутавшіеся волосы и съ трудомъ подняла съ подушки разгоряченную голову. Лицо ея было блѣдно; подъ глазами легли темные круги. Дико озираясь, еще вся подъ вліяніемъ ночныхъ кошмаровъ, она медленно встала. Шелестъ бумаги въ спальной привелъ ее окончательно въ себя.

Марья Игнатьевна читала у раскрытаго окна. Полуотдернутая драпировка застилала дневной свѣтъ отъ Нюты. Дѣвочка мирно спала.

— Вы плохо спали, графиня,—замѣтила Марья Игнатьевна, когда графиня приблизилась къ кровати дочери.

— Я долго спала,—усталымъ голосомъ произнесла она.— Зачѣмъ вы меня не разбудили?

Немного погодя она подошла къ окну, у котораго сидѣла Марья Игнатьевна.

— Вамъ бы теперь ванну принять, а затѣмъ чайку бы крѣпкаго напиться,—предложила добрая женщина.

Юлія Сергѣевна, не отвѣчая, прислонилась горячею, больною головой къ косяку окна.

— Они сильнѣе меня!—прошептала она точно въ забытьи.— Я не могу съ ними бороться, не могу, не могу...

Глухія рыданія потрясли ея худенькое, слабое тѣло.

Марья Игнатьевна безмолвно обняла ее и безъ малѣйшаго съ ея стороны сопротивленія вывела изъ спальной.

VI.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Нюта рѣдко встаетъ съ постели, а когда встаетъ, то невѣрными шагами, ощупью, двигается впередъ. Глаза ея, ясные, чистые, такъ же прекрасны, какъ прежд но зрѣніе утрачено. Графинюшка ослѣпла, — ослѣпла, какъ у вераждаютъ доктора, навсегда. Они продолжаютъ ѣздить, продол жаютъ совѣщаться, но домашній докторъ не скрываетъ отъ н счастной матери, что припадки, все учащающіеся, могутъ имѣ роковой конецъ.

Графинюшка о такомъ концѣ не думаетъ. Она вѣритъ, что бс лѣзнь должна пройти, зрѣніе должно вернуться, и въ промежуткахъ

между припадками, вызывающими жестокія страданія, она мечтаетъ о лѣтѣ, когда они всѣ, и Марья Игнатьевна съ Гарей, и старая тетушка, и она съ мамой уѣдутъ въ Крымъ. Графинюшка радуется этому проекту и мечтаетъ о томъ, какъ она съ Гарей будетъ кататься верхомъ.

Никто ей не противорѣчитъ и всѣ, какъ бы сговорясь, поддерживаютъ эти мечты.

Графиня Юлія Сергѣевна не отходитъ отъ дочери. На блѣдномъ, безъ кровинки, исхудаломъ лицѣ застыло выраженіе скорбнаго недоумѣнія. Она не можетъ постичь, что ея дочь, именно *ея* дочь, должна быть жертвою разнузданной жизни предковъ. Но въ сердцѣ ея уже нѣтъ страстнаго протеста противъ кары жестокаго закона природы. Она страшится протестовать и смиреніемъ и покорностью пытается замолить, отвратить эту незаслуженную кару.

Чуткій слухъ дѣвочки не улавливаетъ слезъ въ голосѣ матери. Голосъ этотъ звучитъ ровно, спокойно, порой шутливо.

— Какъ ты похудѣла, мама!—сказала она однажды, проводя рукой по впалымъ щекамъ матери.

— Поправишься ты, поправлюсь и я, — весело возразила мать.—Славно мы заживемъ въ Крыму!

— Да, славно!—радостно повторила Нюта.

Наступили рождественскіе праздники. Гаря, свободный отъ уроковъ, цѣлые дни проводитъ съ юною подругой. Она настойчиво требуетъ его присутствія. Онъ для нея почти такъ же необходимъ, какъ и мать, и глаза Юліи Сергѣевны, расширенные безсонницей, краснорѣчивѣе словъ молятъ юношу не покидать бѣдную маленькую страдалицу. Но Гаря и безъ словъ и напоминаній охотно подчиняется требованіямъ графинюшки. Неуклюжій, сумрачный мальчикъ съ отрывистою, неласковою рѣчью точно преобразился. Голосъ его, когда онъ обращается къ Нютѣ, звучитъ мягко, непривычная шутка срывается подчасъ съ его языка и никто не умѣетъ такъ удобно усадить дѣвочку въ креслѣ, обложить подушками, поставить подъ ноги скамеечку; никто не умѣетъ такъ развлечь ее, ... вó-время отвлечь мысли отъ пережитыхъ страданій.

— Какъ я люблю тебя, Гаря!—сказала однажды графинюшка.

...а время болѣзни она привыкла говорить ему «ты» и требова...ого «ты» и съ его стороны.

...ни сидѣли въ зимнемъ саду, гдѣ послѣдніе дни графинюшка ...проводила утренніе часы.

...дъ этотъ нѣкогда славился рѣдкимъ подборомъ растеній. Мра... статуи наядъ и нимфъ плѣнительною наготой вырѣзыва-

лись на блестящемъ фонѣ драценъ и музъ; упоительными ароматами тепличныхъ цвѣтовъ дышали боскеты, бесѣдки, укромные уголки, гдѣ во всякое время можно было укрыться отъ нескромныхъ глазъ; ароматы наполняли насыщенное теплыми испареніями влажной земли тѣсное пространство и настраивали на эротическій ладъ переступавшихъ порогъ этого цвѣточнаго преддверія собственныхъ апартаментовъ покойной владѣлицы дачи Подольскихъ.

Но изъ всѣхъ статуй, частью проданныхъ, частью нашедшихъ себѣ помѣщеніе на половинѣ графа, осталась нынѣ одна маленькая Психея. Погашенный свѣтильникъ лежитъ у ея ногъ и одиноко стоитъ граціозная фигурка на своемъ мраморномъ пьедесталѣ, словно недоумѣвая, за что ее оставили одну въ этомъ зеленомъ пространствѣ, гдѣ яркіе колера цвѣтовъ не тѣшатъ глазъ, сладкіе ароматы не кружатъ голову и любовный шепотъ не сливается съ тихимъ плескомъ фонтана. Фонтанъ этотъ, между тѣмъ, попрежнему, неумолчно журчитъ, но журчанье его не служитъ уже таинственнымъ аккомпаниментомъ таинственныхъ рѣчей и тайныхъ лобзаній, а бодро и весело вторитъ говору двухъ дѣтей, которымъ не для чего понижать голосъ, которымъ нечего скрывать.

— Да, я очень тебя люблю!— повторила Нюта, поворачивая голову къ Гарѣ и нѣжно улыбаясь ему.

Лицо ея, незадолго передъ тѣмъ судорожно перекошенное мучительною болью, выражало полный покой.

— Мнѣ жаль, что я тебя не вижу, — продолжала она. — Мнѣ хотѣлось бы знать, какой ты теперь... Ты такъ перемѣнился.

— Еще бы,—невозмутимо проговорилъ Гаря,—я ужасно похорошѣлъ!

Нюта засмѣялась.

— Мама, правда, что онъ похорошѣлъ?—обратилась она къ матери, которая въ эту минуту подошла къ нимъ.

Юлія Сергѣевна взглянула на Гарю.

— Онъ самъ тебѣ это сказалъ?—спросила она.

— Самъ,—со смѣхомъ подтвердила Нюта.

— Значитъ, нечего и говорить, — шутливо возразила графиня.—Для меня онъ всегда милъ.

Она коснулась рукой взъерошенныхъ, жесткихъ волосъ Гари и, не обращая вниманія на восторгъ, который отразился на лицѣ юноши, такъ же безшумно удалилась отъ дѣтей, какъ безшумно къ нимъ подошла. Гаря посмотрѣлъ ей вслѣдъ и снова обернулся къ дѣвочкѣ. Она продолжала улыбаться.

— Прежде ты не былъ такой веселый,— сказала она. — Что мы будемъ безъ тебя дѣлать, когда ты уѣдешь въ Среднюю Азію?

— Зачѣмъ въ Среднюю Азію? Чего я тамъ не видалъ?

— Вотъ прекрасно! Вѣдь, ты же хотѣлъ съ Пржевальскимъ ѣхать...

Гаря свистнулъ.

— Хотѣлъ ѣхать... Когда хотѣлъ!... Лѣтомъ... Такъ, вѣдь, это такъ было, просто болтовня!... Мнѣ нельзя уѣхать.

Дѣвочка, напрягая слухъ, старалась уловить оттѣнки его голоса.

— Ну, да, я понимаю. Изъ-за твоей мамы.

— Нѣтъ, не только изъ-за мамы, а изъ-за тебя.

Лицо графинюшки оживилось.

— Какой ты хорошій!—радостно произнесла она.—Но если у тебя призваніе?—неувѣренно и не безъ тревоги замѣтила она.

Гаря, насупивъ брови, озабоченно слѣдилъ за нею. Въ маленькихъ глазахъ его проступило удовольствіе при видѣ той радости, которую вызвали его слова.

— Какое тамъ призваніе!—небрежно промолвилъ онъ.—Такъ, желаніе одно... Теперь у меня совсѣмъ другіе планы.

— Какіе планы? Гаря, милый, скажи.

— Да ты не волнуйся... Я и такъ скажу... Только ты не поймешь, пожалуй.

— Пойму, Гаря, милый, хорошій! Когда же я не понимала?

Нюта въ волненіи хотѣла даже приподняться на креслѣ, но Гаря поспѣшно удержалъ ее.

— Сиди, пожалуйста, чего ты волнуешься? Я просто не знаю, какъ выразиться. Еще никому не говорилъ,—нетерпѣливо прибавилъ Гаря, досадую на себя, что не выдержалъ и проболтался передъ больною дѣвочкой въ томъ, что съ нѣкоторыхъ поръ гвоздемъ засѣло въ его головѣ.

— Гаря, что же ты молчишь?—вскрикнула Нюта.

Она сидѣла лицомъ къ мальчику и лицо это, съ широко раскрытыми, ничего не видящими глазами и полуотверстыми отъ ожиданія алыми губками, выражало самый живѣйшій интересъ.

— Видишь ли,—нерѣшительно заговорилъ Гаря,—я хочу быть священникомъ.

Графинюшка слабо вскрикнула. Гаря взялъ ее за руку.

— Священникомъ? — повторила она, крѣпко сжимая горячею ручкой его руку.—Священникомъ?

— Да. Но только не городскимъ, а сельскимъ священникомъ.

Нюта еще крѣпче сжала руку Гари.

— Какъ это странно, Гаря!—сказала она, запинаясь.

Лицо ея вспыхнуло горячимъ румянцемъ. Свободною рукой она схватилась за голову.

— Оставимъ это! Не будемъ говорить!—съ испугомъ пробормоталъ Гаря.—Я напрасно сказалъ.

Онъ тревожно оглянулся на дверь кабинета, гдѣ Юлія Сергѣевна неустанно шагала взадъ и впередъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего!—поспѣшила успокоить его Нюта.—Я не волнуюсь. Право, нѣтъ. Знаешь, Гаря, вѣдь, это ужасно хорошо!

Лицо ея озарилось неподдѣльнымъ восторгомъ. Обѣими горячими ручками она изо всѣхъ силъ стиснула руку Гари.

— Ты это чудесно придумалъ,— промолвила Нюта, еще разъ сжимая ему руку, и вдругъ она поднесла эту руку къ своему лицу и прижала ее къ губамъ.

— Что ты дѣлаешь?—не то гнѣвно, не то растерянно вскрикнулъ Гаря.

Онъ попытался высвободить свои пальцы изъ ея рукъ и не могъ. Тогда онъ осторожно потянулъ къ себѣ ея руки. Глаза дѣвочки, широко раскрытые, были устремлены на Гарю и было что-то трогательное въ этихъ большихъ незрячихъ глазахъ и въ восторженномъ выраженіи ея лица.

— Сегодня не будемъ больше объ этомъ говорить. Послѣ когда-нибудь,—бережно сказалъ Гаря.

Графинюшка, казалось, его не слышала.

— Гаря,—заговорила она трепетнымъ голосомъ,—и тутъ мы будемъ вмѣстѣ. Я буду помогать тебѣ. И я, и мама.

Она съ минуту помолчала, какъ бы собираясь съ духомъ и какъ бы къ чему-то прислушиваясь. Убѣдившись, что никого, кромѣ Гари, нѣтъ около нея, она заговорила быстро, порывисто, нѣсколько задыхаясь и путаясь, какъ всегда говорила, когда ее что либо черезъ-чуръ волновало.

— Какъ-то разъ ночью у меня сдѣлался припадокъ. Я пришла въ себя, но не могла двинуться. Не могла говорить. Они думали что я все еще безъ памяти. Я слышала голосъ твоей мамы. Она сказала... кому?—не знаю... и такъ тихо, такъ тихо, точно шепотомъ. Но я слышала, хорошо слышала: «Бѣдная крошка! за грѣхи отцовъ отвѣчаетъ!» Я много думала потомъ объ этихъ словахъ. Я не знаю, что они значатъ.

Графинюшка примолкла на мгновеніе, чтобы пересилить с

зы, внезапно подступившія ей къ горлу, и такъ же быстро продолжала, видимо, торопясь высказаться:

— Но вотъ что я знаю... Когда я выздоровлю... А, вѣдь, я же выздоровлю, Гаря?

О, сколько мольбы, сколько отчаянія было въ этомъ восклицаніи! Гаря безмолвно погладилъ ея маленькую, слабую, горячую руку. Графинюшка, повидимому, удовлетворилась этимъ молчаливымъ отвѣтомъ. Она живо и тверже продолжала:

— Да, когда я выздоровлю... я буду хорошо учиться, чтобы побольше знать, какъ можно больше. И тогда мы съ мамой оставимъ все это, все, что принадлежало Подольскимъ. Намъ съ мамой не нужно ни креселъ ихъ бархатныхъ, ни картинъ, ни шелковыхъ платьевъ. Мы будемъ жить съ тобой въ деревнѣ. Я буду учить ребятокъ. Буду учительницей. Гаря! еслибъ только поскорѣй, поскорѣй!

Дѣвочка вся дрожала отъ волненія; болѣзненная усмѣшка искривила ей губы; въ глазахъ стояли слезы.

— Гаря, ты не знаешь, какъ бы я хотѣла отсюда вырваться! Сколько лѣтъ еще ждать!... За то потомъ, Гаря, мы всѣ будемъ счастливы тамъ, въ деревнѣ. Сколько дѣла у насъ будетъ! И мы будемъ вмѣстѣ. И кто знаетъ, можетъ быть, тамъ, вдали, работая, помогая другимъ и живя... живя совсѣмъ, совсѣмъ просто, вотъ такъ, какъ Спаситель заповѣдалъ жить, мы съ мамой, наконецъ, замолимъ *ихъ* грѣхи?... Кто знаетъ, Гаря, можетъ быть, и замолимъ?—слабымъ, едва слышнымъ голосомъ закончила она.

Мертвенная блѣдность разлилась по ея лицу. Голова ея опустилась на подушку; глаза закрылись. Гаря со страхомъ и тревогой смотрѣлъ на нее, не выпуская ея похолодѣвшихъ рукъ. Мѣрно и таинственно журчалъ фонтанъ, такъ же мѣрно и таинственно, какъ въ былыя, давно прошедшія времена, полныя веселья, смѣха и безпечныхъ рѣчей. Маленькая Психея задумчиво смотрѣла на свой потухшій свѣтильникъ, а въ сосѣдней комнатѣ, все съ тою же думой на блѣдномъ лицѣ, неустанно двигалась взадъ и впередъ графиня Юлія Сергѣевна.

Глубокое молчаніе, воцарившееся въ зимнемъ саду, заставило ее однако, очнуться отъ скорбнаго забытья. Она осторожно приблизилась къ дѣтямъ.

— Спитъ,—едва слышно прошепталъ Гаря, поворачивая къ ней блѣдное, встревоженное лицо.

[illegible] невыразимый страхъ отразился въ глазахъ матери.

— Пошли за докторомъ,—отрывисто приказала она.

Докторъ засталъ дѣвочку въ глубокомъ обморокѣ. Сознаніе, однако, вернулось, но Юлія Сергѣевна напрасно пыталась уловить хотя бы лучъ надежды на лицѣ врача.

— Сердце плохо,—лаконически промолвилъ онъ.

Она ничего не сказала и молча, какъ автоматъ, исполняла всѣ его предписанія.

Ночь была мучительна. Обычный припадокъ, сопровождаемый неистовыми криками обезумѣвшей отъ боли дѣвочки, повторился съ удвоенною силой и то былъ послѣдній припадокъ. Сердце не выдержало. Мать опустила на подушку прислоненную къ ея плечу головку дочери съ посинѣвшимъ, искаженнымъ отъ страданія лицомъ и отошла къ окну. Кто-то взялъ ее подъ руку и вывелъ въ другую комнату. Она просидѣла неподвижно въ томъ креслѣ, въ которое ее усадили, пока солнце не взошло и не проникло холодными зимними лучами сквозь кружевную занавѣсь. Тогда она встала и прошла въ спальню.

Графинюшка, вся въ бѣломъ, лежала на своей бѣлоснѣжной кроваткѣ. Синева исчезла съ ея лица. Она лежала спокойная, прелестная, и едва уловимая улыбка застыла на раскрытыхъ губахъ. У ея ногъ, сгорбившись на стулѣ, сидѣлъ Гаря.

Юлія Сергѣевна приблизилась къ мальчику и положила ему руку на плечо. Сухими, воспаленными глазами она долго смотрѣла на дѣвочку.

— За что, Гаря, *она* отвѣчаетъ за *нихъ?*—сурово спросила она.

Гаря хотѣлъ что-то сказать, но, вмѣсто того, припавъ лицомъ къ ея рукамъ, зарыдалъ. Въ креслѣ у окна тихо всхлипывала Марья Игнатьевна, но у матери не было ни слезъ, ни рыданій. Не отнимая рукъ у плачущаго мальчика, она смотрѣла сухими глазами на графинюшку, и такъ же сурово и жестко повторяла:

— За что? за что?

Е. Ардовъ.

МАРЧЕЛЛА*).

Романъ мистрисъ Уордъ.

IX.

Марчелла лежала на диванѣ въ гостиной Меллора. Уже стемнѣло, но она сказала Вильяму, чтобъ онъ не зажигалъ лампъ до тѣхъ поръ, пока она не позвонитъ. Она была такъ измучена и такъ нервна, что не могла выносить даже свѣта лампы. Она провела весь день у мистрисъ Гордъ, которая слегла въ постель, и Марчелла присматривала за ея дѣтьми. Горе, постигшее эту семью, легло тяжестью на ея душу, уже ослабленную собственными волненіями.

Теперь она прислушивалась къ звонку и шагамъ, ожидая Альда, и не могла опредѣлить, что̀ ей непріятно: то ли, что онъ запоздалъ, или то, что онъ вообще придетъ. Съ одной стороны, ее томила близость предстоящаго тяжелаго объясненія, съ другой— раздражало отношеніе Альда къ дѣлу объ убійствѣ. Впрочемъ, въ настоящую минуту мысль, что у нея есть поводы быть недовольной Альдомъ, доставляла ей нѣкоторое облегченіе; ей пріятно было ухватиться за что-нибудь, чтобъ обвинить его, и этимъ хоть сколько-нибудь уравновѣсить свою вину.

Ручка у двери повернулась. Наконецъ-то! Она вскочила. Но вошелъ Вильямъ съ вечернею почтой. За нимъ слѣдомъ вошла мистрисъ Бойсъ. Она внимательно посмотрѣла на дочь, спросила, пр[illegible] ли у ней головная боль, и сѣла рядомъ съ работой. Послѣ[illegible] дни она очень заботливо относилась къ Марчеллѣ. Она не ум[illegible] приласкать и утѣшить, но когда Марчелла вернулась изъ деревн[illegible] блѣдная, съ ввалившимися глазами, мистрисъ Бойсъ объяви[illegible] что больше ее туда не пуститъ, уложила ее на диванъ и дала

---

*) [illegible]кая Мысль, кн. IX.

успокоительныхъ капель. Марчелла не противилась, она попросила только написать Альду, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Меллоръ тотчасъ, какъ скоро узнаетъ, къ какому окончательному заключенію привело судебное слѣдствіе. Марчелла просматривала письма и, между прочимъ, напала на пакетъ изъ Лондона, заключавшій въ себѣ массу образчиковъ матерій; она нетерпѣливо отбросила его въ сторону и приподнялась на диванѣ.

— Мама, я должна сказать тебѣ одну вещь.

— Что, дитя мое?

— Мама, свадьбу нужно отложить на нѣсколько недѣль; это необходимо. Ты сама видишь, что я не могу теперь. У меня на рукахъ несчастная женщина. Я не могу думать о платьяхъ и разъѣзжать по портнихамъ. Я чувствую, что я теперь не въ состояніи ни о чемъ думать, какъ только о ней и ея дѣтяхъ.—Она съ трудомъ выговаривала слова необычно высокимъ и напряженнымъ голосомъ.—Судъ будетъ засѣдать на той самой недѣлѣ и кто знаетъ, можетъ быть, какъ разъ въ самый день нашей свадьбы?

Она остановилась и смотрѣла на мать какъ бы угрожающимъ взглядомъ. Мистрисъ Бойсъ не показала и признака удивленія.

— Я такъ и думала, что ты скажешь что-нибудь въ этомъ родѣ,—сказала она послѣ нѣкотораго промежутка.— Съ твоей точки зрѣнія, это вполнѣ естественно. Но, вѣдь, ты понимаешь, конечно, что очень немногіе посмотрятъ твоими глазами. Можетъ быть, Альдъ Рэборнъ будетъ на твоей сторонѣ—тебѣ лучше знать, но его родные, безъ сомнѣнія, будутъ противъ, а твой отецъ найдетъ, что это («безуміе»,—хотѣла она сказать, но смягчила)... глупость.

Въ усталыхъ глазахъ Марчеллы выражалась настойчивость.

— Что же дѣлать? Я иначе не могу. Я немедленно скажу объ этомъ Альду. Нужно отложить, по крайней мѣрѣ, на мѣсяцъ. И тогда еще будетъ достаточно плохо,—прибавила она, внутренно содрогаясь при мысли о томъ, что̀ ожидаетъ несчастнаго Горда и его семью.

Послышался звонокъ. Марчелла приподнялась и облокотилась на ручку дивана. Лицо ея было мрачно и взволнованно.

Вошелъ Альдъ и взялъ ее за руку. Она вопросительно взглянула на него.

— По дѣлу объ Уэсталѣ Гордъ признанъ злонамѣреннымъ убійцей. Сегодня одинъ изъ этой шайки браконьеровъ самъ явился въ судъ, сознался и открылъ другихъ соучастниковъ, такъ что, вѣроятно, дня въ два или три полиція всѣхъ ихъ перехватает

Марчелла опять отодвинулась въ уголъ дивана. Заслоняя глаза рукой отъ свѣта лампы, она старалась говорить спокойно, дѣловымъ тономъ.

— Самъ Гордъ былъ допрошенъ?

— Да. Онъ сообщилъ то же, что тебѣ. Но судъ...

— Не повѣрилъ ему?

— Да. Слишкомъ многое говоритъ противъ него. Изъ его собственнаго показанія ясно, что онъ былъ вожакомъ шайки и въ тотъ вечеръ отправился стрѣлять дичь; онъ былъ вооруженъ, тогда какъ у Уэсталя не было оружія. Затѣмъ онъ сознался, что Уэсталь потребовалъ у него ружье и сумку съ фазанами, но онъ отказался отдать. Тогда Уэсталь подступилъ къ нему, и онъ выстрѣлилъ. Нѣкоторые изъ свидѣтелей утверждаютъ, что онъ давно уже произносилъ угрозы по адресу Уэсталя.

— Трусы, шпіоны! — воскликнула Марчелла, истерически всхлипывая и сжавши кулаки.—Его опять отвели въ тюрьму?— прибавила она немного спустя.

— Да. Въ четвергъ онъ предстанетъ передъ судьями.

— И ты будешь въ числѣ ихъ?

Тонъ, которымъ она произнесла эти слова, озадачилъ Альда. Мистрисъ Бойсъ покраснѣла отъ досады, но рѣшила не вмѣшиваться, сложила свою работу и вышла. Уходя, она услышала отвѣтъ Альда:

— Ты забываешь, что судья, сколько-нибудь прикосновенный къ дѣлу, не участвуетъ въ рѣшеніи его. Вмѣсто меня, будетъ мой дѣдъ.

— Значитъ, судъ будетъ состоять изъ помѣщиковъ,—воскликнула Марчелла,—т. е. изъ людей, которые, конечно, должны осудить браконьера!

— Ты несправедливо относишься къ намъ, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторымъ изъ насъ,—возразилъ Альдъ.—Кстати,—прибавилъ онъ измѣнившимся голосомъ,—я сегодня слышалъ, что Уартонъ беретъ на себя защиту Горда.

— Это тебѣ не по вкусу? Ты, вѣроятно, желалъ бы, чтобъ его никто не защищалъ?—вызывающимъ тономъ проговорила она.

— Марчелла!

Это восклицаніе сразу отрезвило ее. Никогда она не уязвляла ... такъ глубоко. Она готова была уже извиниться передъ нимъ, ... слова не сходили у нея съ языка. Ее смущала мысль, что если ...рь она не имѣетъ на него вліянія въ дѣлѣ, въ которомъ прини...ъ такое горячее участіе и которое представляется ей яснымъ до

очевидности, что же будетъ послѣ свадьбы, можно ли ей разсчитывать на руководящую роль въ семейной жизни?

Такъ какъ онъ молчалъ, она вопросительно взглянула на него.

— Я жду,—сказалъ онъ глухимъ голосомъ.

— Чего?

— Что ты возьмешь свои слова назадъ.

Она замѣтила, какъ болѣзненно оскорбили его ея слова; съ другой стороны, она въ первый разъ почувствовала, что онъ твердо и самоувѣренно заявляетъ свои права по отношенію къ ней. Гордость и самолюбіе запротестовали въ ней.

— Можетъ быть, мнѣ слѣдовало бы иначе выразиться,—заговорила она сдавленнымъ отъ волненія голосомъ,—но мнѣ съ самаго начала было ясно, что... что ты пристрастно относишься къ дѣлу. Ты смотришь на это преступленіе съ точки зрѣнія землевладѣльца, не хочешь допустить, что человѣкъ могъ быть раздраженъ, разгоряченъ,—у тебя нѣтъ состраданія.

Онъ прервалъ ее:

— Знаешь ли ты, гдѣ я былъ сегодня? У жены Уэстаплая, вмѣстѣ съ Гарденомъ. Она суровая, несообщительная женщина, въ деревнѣ ее не любятъ, и никто не пришелъ навѣстить ее. Она въ скоромъ времени ожидаетъ ребенка и теперь находится въ такомъ нервномъ, возбужденномъ состояніи, что докторъ опасается сумасшествія. Неужели тебѣ не жаль ее?

— Конечно, мнѣ жаль ее! — горячо воскликнула Марчелла.— Но я не могу относиться съ одинаковымъ чувствомъ къ притѣснителямъ и къ ихъ жертвамъ. Въ подобныхъ случаяхъ я, прежде всего, думаю о порядкахъ, которые доводятъ людей до преступленія. И я готова молиться,—да, молиться, чтобъ у меня было достаточно мужества и силъ для борьбы. Ты можешь находить меня безумной и дикой, но я такая и всегда буду такъ чувствовать.

Она вся дрожала отъ волненія.

— Ужаснѣе всего то, что я не могу разсчитывать на тебя,—продолжала она,—что я не могу заставить тебя чувствовать такъ, какъ я. И когда мнѣ будетъ нужна твоя помощь, когда я всѣмъ сердцемъ буду искать твоего сочувствія, я не найду его.

Его испугала ея горячность, онъ схватилъ ея горячія дрожащ[illegible] руки и покрылъ ихъ страстными поцѣлуями.

— Скажи, какую помощь я не могу оказать тебѣ? Мнѣ та[illegible] тяжело слышать это!

Но она отвѣчала другимъ вопросомъ:

— Какъ ты думаешь, чѣмъ это должно кончиться?

— Дорогая, вѣдь, я опять разстрою тебя, — сказалъ онъ грустно.

— Нѣтъ, скажи. Ты считаешь его виновнымъ,—значитъ, ты думаешь, что онъ будетъ обвиненъ?

— Если не будетъ какихъ-нибудь новыхъ оправдывающихъ свидѣтельствъ, я не вижу другого исхода.

— Хорошо, значитъ, онъ будетъ приговоренъ къ смерти. Но если, послѣ приговора, пустить въ ходъ какое-нибудь сильное ходатайство, кого-нибудь изъ вліятельныхъ лицъ, хоть лорда Максвеля и тебя, можно будетъ спасти его? Я увѣрена, что радикальная партія попытается что-нибудь сдѣлать. Скажи, могу я разсчитывать, что ты присоединишься къ нимъ? Обѣщай—ради меня.

Онъ молчалъ.

Она смотрѣла на него; глаза ея пылали.

— Если онъ будетъ повѣшенъ,—продолжала она умоляющимъ голосомъ,—это оставитъ неизгладимое пятно на всей моей жизни. Я чувствую себя отвѣтственной за его судьбу. Я постоянно буду упрекать себя: еслибъ я не предавалась такъ собственнымъ дѣламъ—приготовленіямъ къ свадьбѣ и соломенному плетенію, я бы замѣтила, что̀ происходитъ, я бы предотвратила этотъ ужасъ отъ людей, которые были моими *истинными* друзьями.

Она отняла руки, откинулась на спинку дивана и приложила платокъ къ глазамъ.

— Если бы ты ее видѣлъ сегодня утромъ,—заговорила она упавшимъ голосомъ,—если бы ты слышалъ, какъ она говорила мнѣ: «Барышня, если даже они сочтутъ его виновнымъ, они не повѣсятъ его, бѣднаго калѣку, который не имѣлъ никакихъ радостей въ жизни. Это невозможно! Вѣдь, кто-нибудь заступится же за него! Онъ выстрѣлилъ въ припадкѣ безумія. Съ прошлой зимы онъ былъ самъ не свой. Попросите, барышня, мистера Рэборна и лорда Максвеля похлопотать за него. Вѣдь, это случилось изъ-за ихъ дичи. Я буду умолять ихъ. Они такіе важные и богатые люди, а мы постоянно терпѣли крайнюю нужду».

Она остановилась, будучи не въ состояніи продолжать. Онъ наклонился къ ней и поцѣловалъ ее въ лобъ. Было что-то высокое въ этомъ моментѣ: состраданіе къ несчастію другихъ омрачало ихъ собственное счастье. Наконецъ, онъ заговорилъ твердо, но глубоко взволнованнымъ голосомъ:

— Я не хочу заранѣе обѣщать тебѣ что-нибудь опредѣленное. Можешь быть увѣрена только, что я отнесусь къ дѣлу безпристрастно. Но предупреждаю тебя, что я не буду хлопотать о немъ

только потому, что убійство произошло на *моей* землѣ, изъ-за *моей* дичи. Я буду смотрѣть съ общей точки зрѣнія. Ты не можешь себѣ представить, какъ глубоко я сознаю свою нравственную отвѣтственность; это дѣло поставило передо мной настоятельную этическую задачу; необходимость разрѣшить ее и раньше тяготила меня, а теперь это стало для меня пыткой, мукой. Какъ только я возьму въ свои руки управленіе имѣніями, я измѣню весь этотъ ненормальный порядокъ отношеній; я не хочу нести на своей душѣ бѣдствія и страданія людей.

Голосъ его задрожалъ.

— Но,—заговорилъ онъ опять твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ,—эти соображенія не будутъ играть никакой роли въ моемъ сужденіи объ этомъ частномъ случаѣ. По твоему мнѣнію, если убійца заслуживаетъ сожалѣнія, то онъ долженъ быть освобожденъ отъ наказанія. Я стою на другой точкѣ зрѣнія: я думаю, что если бы убійца правильно смотрѣлъ на вещи, онъ бы долженъ былъ самъ требовать своей смерти, какъ единственнаго средства искупить свою вину. Англійскіе законы относительно убійства несовершенны, но въ основныхъ чертахъ я считаю ихъ справедливыми и...

— Ты говоришь такъ, какъ будто милосердія и состраданія не существуетъ на свѣтѣ,—горячо перебила она,—какъ будто люди, вырабатывающіе и исполняющіе законы, сдѣланы изъ другого тѣста, чѣмъ нарушающіе ихъ.

— Да, но, вѣдь, *законъ* вообще гораздо выше отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ и законодателей,—отвѣчалъ онъ тихимъ голосомъ,—законъ, собственно чувство законности, какъ бы ни было оно несовершенно въ наше время, есть нѣчто священное, не потому, что оно вложено въ насъ свыше, но потому, что оно выросло вмѣстѣ съ нами, на почвѣ нашей собственной внутренней жизни.

Эти слова только разожгли негодованіе въ Марчеллѣ: то, что онъ говорилъ, могло быть очень глубокомысленно, но черезъ-чуръ отвлеченно,—его принципамъ недоставало живого чувства. И какъ могъ онъ высказывать подобныя мысли теперь, въ такую минуту? Какъ могъ онъ пускаться въ философскія тонкости и сохран[illegible]ь умственное и душевное равновѣсіе, когда онъ знаетъ, что женщи[illegible]а безумно, отчаянно страдаетъ, а дѣти скоро будутъ сиротами? Кро[illegible]ѣ того, она подозрѣвала, что эти неумолимые принципы едва ли [illegible]ы остались неизмѣнными, если бы дѣло шло не о браконьерѣ, а о [illegible]-мѣщикѣ, не о бѣднякѣ, а о богачѣ.

Но она была слишкомъ измучена, не въ состояніи была обл[illegible]ь

свои чувства въ слова и продолжать споръ. Наконецъ, онъ обратилъ вниманіе на ея изнуренный видъ; она воспользовалась его просьбами, жалобами, совѣтами и высказала мнѣніе о необходимости отложить свадьбу.

Это было для него большимъ ударомъ и вело за собой многія практическія неудобства. Но онъ быстро примирился съ этимъ и съ своею обычною рыцарскою деликатностью и мягкостью пошелъ на встрѣчу ея желанію: рѣшено было отложить свадьбу на шесть недѣль.

— Мнѣ пора домой,— сказалъ онъ, вставая и принужденно улыбаясь.—Нужно возможно мягче передать теткѣ Агнетѣ наше рѣшеніе и задержать нѣкоторыя приготовленія къ свадьбѣ. А ты постарайся думать о чемъ-нибудь другомъ. Возьми книгу, почитай что-нибудь.

Онъ заботливо уложилъ ее на диванъ.

Уходя, онъ спросилъ:

— Видѣла ли ты Уартона послѣ всей этой катастрофы?

— Нѣтъ. Онъ присылалъ сюда своего повѣреннаго съ предложеніемъ взять на себя защиту Горда. Мистрисъ Гордъ и я—мы, конечно, согласились: лучшаго выбора нельзя было сдѣлать.

— Пожалуй, это вѣрно,—сказалъ Альдъ задумчиво.— Онъ очень искусный ораторъ, и я увѣренъ, что онъ возьмется за дѣло съ одушевленіемъ.

Она не отвѣчала. Она сознавала, что онъ великодушенъ, но это не трогало ее.

Онъ подошелъ и наклонился къ ней.

— Прощай, спокойной ночи, бѣдное дитя, сердце мое! Когда я увидалъ тебя сегодня въ хижинѣ Горда, я подумалъ объ евангельскихъ словахъ: дадите, и дастся вамъ. И тотчасъ я поклялся посвятить тебѣ все, что есть во мнѣ лучшаго.

Когда дверь затворилась за нимъ, Марчелла залилась горькими слезами,—этими слезами она прощалась со своею юностью и ея иллюзіями и вступала въ реальную жизнь, полную борьбы и трагизма.

X.

рошло около трехъ недѣль, полныхъ всякаго рода волненій. да окончилось слѣдствіе, какъ казалось Марчеллѣ, въ высшей ени придирчивое и пристрастное по отношенію къ обвиняе-ь. Марчелла отправила Альду письмо, глубоко его огорчившее.

«Прошу тебя, не пріѣзжай ко мнѣ нѣкоторое время,—прочиталъ онъ тамъ.—Моя душа теперь полна чувствъ, которыя тебѣ кажутся нераціональными и несправедливыми. Но въ нихъ вся моя жизнь теперь, и я не могу выносить никакой критики или даже простого несочувствія. Когда тебя нѣтъ, я ясно сознаю, что ты вправѣ думать по-своему и что возмутительно съ моей стороны ждать отъ тебя уступки въ томъ, что̀ ты считаешь своимъ общественнымъ долгомъ. Поэтому не приходи теперь до суда. Я призову тебя, когда мнѣ понадобится твоя помощь; я знаю, ты мнѣ не откажешь. Мистеръ Уартонъ сообщаетъ мнѣ всѣ свѣдѣнія о дѣлѣ. Прилагаю два его письма, изъ которыхъ ты увидишь, какъ онъ толкуетъ нѣкоторыя свидѣтельства».

Съ тяжелымъ и мучительнымъ чувствомъ писалъ Альдъ ей отвѣтъ:

«Я готовъ сдѣлать все, что отъ меня зависитъ, лишь бы облегчить для тебя это тяжелое время. Ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ больно думать, что мое присутствіе еще болѣе омрачаетъ твое настроеніе. Но, все-таки, я понимаю тебя. Объ одномъ только прошу тебя: не представляй себѣ разногласіе между нами больше, чѣмъ оно есть. Письма Уартона заставили меня о многомъ подумать. Если ходъ судебнаго разбирательства позволитъ мнѣ съ чистымъ сердцемъ перейти на сторону твоего воззрѣнія, съ какою радостью я буду просить тебя руководить мной и простить мнѣ тупость моего ума и чувства! Мнѣ кажется, тебѣ пріятно будетъ узнать, что Голленъ держится твоего мнѣнія относительно всего этого дѣла. Дорогая моя, какъ много мнѣ хотѣлось бы сказать тебѣ! Придетъ же, наконецъ, день,—онъ долженъ придти,—когда я все тебѣ выскажу. Теперь же помни, что, несмотря на всѣ невзгоды, я съ каждымъ днемъ люблю тебя все больше и больше».

Марчелла прочла это письмо, испытывая смѣшанныя чувства; ей стало страшно за себя: неужели она никогда больше не будетъ въ состояніи просто и непосредственно чувствовать, и такъ же твердо, какъ прежде, идти по намѣченному пути?

Что касается Альда, въ послѣдующіе дни онъ на всѣ лады передумывалъ о своей размолвкѣ съ Марчеллой. Кромѣ того, о[нъ] внимательно вновь пересмотрѣлъ дѣло объ убійствѣ, тщатель[но] взвѣшивалъ показанія, два раза ѣздилъ въ Видрингтонъ и соб[и]ралъ свѣдѣнія и справки у повѣреннаго Уартона. Онъ узналъ о[тъ] него, что и Уартонъ не надѣется на оправданіе Горда: какъ къ п[о]слѣднему средству, онъ думаетъ прибѣгнуть къ петиціи о пом[и]лованіи.

Его поражала ловкость Уартона, умѣнье стать въ центрѣ движенія: онъ взялъ на себя защиту Горда, онъ проведетъ петицію о помилованіи, его имя будетъ популярно, и онъ заслужитъ благодарность Марчеллы. А самъ Альдъ — какой-то половинчатый человѣкъ: и въ философіи, и въ политикѣ, и въ любви онъ остановился на полпути; постоянно разъѣдаемые рефлексіей, неспособные къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, такіе люди всегда останутся позади Уартоновъ. Вотъ теперь его, Альда, отдалила отъ себя Марчелла, между тѣмъ какъ Уартонъ пользуется ея довѣріемъ и симпатіей и пытается завязать съ ней дружескія отношенія.

— Этому долженъ быть положенъ конецъ! —воскликнулъ онъ вдругъ рѣшительно.—Я имѣю право требовать и настаивать на этомъ. Но только, конечно, не теперь.

Марчелла это время жила тяжелою, напряженною жизнью: она почти не выходила изъ хижины Горда, ухаживая за больными— мистрисъ Гордъ и ея сыномъ. Очень часто, возвращаясь домой, она находила письмо Уартона, который старательно посвящалъ ее во всѣ подробности дѣла. Письма его носили почтительный и дѣловой характеръ: ни малѣйшаго намека на сцену въ библіотекѣ, ни одной фамильярной черточки нельзя было найти въ нихъ; повидимому, онъ хотѣлъ вернуть прежнія товарищескія отношенія и совсѣмъ замолчать и забыть то, что произошло. Но какъ мало онъ зналъ ее, какъ плохо понималъ ея душу!

Однажды, возвращаясь домой, Марчелла увидала у крыльца маленькую двухколеску, запряженную пони, которую держалъ подъ уздцы Вильямъ.

— Мистеръ Уартонъ пріѣхалъ и ждетъ васъ, барышня,—сказалъ ей Вильямъ.

Она остановилась въ изумленіи, потомъ быстро овладѣла собой и спокойно вошла въ комнату. Уартонъ стоялъ у камина и разговаривалъ съ мистрисъ Бойсъ, которая слушала съ обычнымъ своимъ холоднымъ, безучастнымъ видомъ.

Какъ только Уартонъ ее завидѣлъ, онъ пошелъ ей на встрѣчу и церемонно поздоровался, затѣмъ заговорилъ дѣловымъ тономъ, к[illegible]ъ человѣкъ, который пріѣхалъ по дѣлу и которому некогда тер[illegible]ь время.

[illegible]— Я долженъ предупредить васъ, миссъ Бойсъ, что я не над[illegible]сь на оправданіе Горда. Я, конечно, употреблю всѣ усилія, но я [illegible]вѣренъ, что съ нимъ будетъ поступлено строго. Останется одно— п[illegible]ить о помилованіи. Среди своей партіи я, разумѣется, наберу г[illegible]совъ, но необходимо имѣть подписи людей всѣхъ партій. Если

мы не добудемъ подписи нѣкоторыхъ извѣстныхъ консерваторовъ, дѣло будетъ проиграно. Другими словами, можете ли вы склонить мистера Рэборна и лорда Максвеля подписаться подъ петиціей?

Марчелла сидѣла блѣдная и неподвижная.

— Я попытаюсь, — сказала она послѣ нѣкотораго размышленія.

— Только подъ этимъ условіемъ можно разсчитывать на успѣхъ, и мнѣ кажется, вы одна можете это сдѣлать. Во всемъ остальномъ вы можете положиться на меня: на судѣ я пущу въ ходъ всѣ средства, лишь бы предотвратить смертный приговоръ.

— Я услышу вашу рѣчь, я буду на судѣ,—перебила она его.

Онъ изумился такъ же, какъ и мистрисъ Бойсъ.

— И такъ, — сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, — мнѣ пока нечего больше сообщить вамъ. До свиданія!

Марчелла медленно поднялась наверхъ; она вся дрожала. Прежде всего, она ощутила страшную пустоту и одиночество. Потомъ она горячо схватилась за мысль, какими средствами склонить Альда въ пользу петиціи.

XI.

Судъ окончился. Гордъ и двое его товарищей были приговорены къ смертной казни. Въ залѣ суда тамъ и здѣсь слышались всхлипыванія женщинъ.

Марчелла, измученная, обезсиленная, среди густой толпы выходила изъ залы, держа за руку маленькую дочку Горда, между тѣмъ какъ Альдъ велъ подъ руку едва передвигавшую ноги мистрисъ Гордъ.

— Усади ее на извощика,—шепнула Марчелла Альду,—а мнѣ нужно сказать нѣсколько словъ мистеру Уартону.

Обернувшись, она увидала Уартона.

— Миссъ Бойсъ, позвольте мнѣ провести васъ въ отдѣльную комнату, — сказалъ онъ. — Мистеръ Рэборнъ потрудится также зайти туда.

Онъ провелъ ее вдоль корридора и отворилъ дверь налѣво. О
вошли въ маленькую мрачную комнату; въ ней горѣлъ газъ, сто
былъ загроможденъ бумагами.

— Я собралъ подписи, какія могъ, а васъ попрошу взять в
эту копію. Я самъ написалъ петицію и, мнѣ кажется, не упусти
ни одного смягчающаго обстоятельства, но вотъ что касается п
писей...

Онъ вынулъ при этомъ изъ бокового кармана сложенный листъ бумаги.

— Пока очень слабо, — сказалъ онъ, покачивая головой.— Я уже говорилъ вамъ, что дѣло приняло политическую окраску. Хотя голоса либераловъ и радикаловъ намъ обезпечены, но этого мало: необходимо заявленіе мнѣній цѣлаго округа противъ законовъ объ охотѣ или, по крайней мѣрѣ, нужно добыть подписи самыхъ извѣстныхъ мѣстныхъ гражданъ. Не хотите ли просмотрѣть фамиліи?

И онъ провелъ пальцемъ по списку именъ, сопровождая ихъ комментаріями. Несмотря на наружное спокойствіе, онъ не могъ скрыть торжества по поводу своей силы: не сказавши ни слова въ свое оправданіе и извиненіе, онъ добился того, что она опять съ нимъ наединѣ, наклонила свою гордую голову и съ тревожнымъ вниманіемъ прислушивается къ его словамъ.

— Мнѣ кажется, теперь ясно, что̀ нужно дѣлать, — сказалъ онъ, — вы постараетесь привлечь извѣстныхъ вамъ лицъ, а я, съ своей стороны, буду мусировать дѣло въ парламентѣ и въ печати. Радикальныя газеты уже подхватили этотъ случай.

Въ корридорѣ послышались шаги. Дверь отворилась, и вошелъ Альдъ Рэборнъ. Его взглядъ нервно скользнулъ по двумъ фигурамъ, стоявшимъ у стола.

— Съ трудомъ нашли извозщика,—заговорилъ онъ.—Несчастную женщину пришлось приводить въ чувство; я послалъ съ ней одного изъ своихъ слугъ. Наша карета подана.

Онъ говорилъ холоднымъ, формальнымъ тономъ, былъ чрезвычайно блѣденъ, но держалъ себя гордо и съ достоинствомъ.

— Мы говорили съ миссъ Бойсъ о петиціи, которую хотимъ подать министру внутреннихъ дѣлъ, — сказалъ Уартонъ съ такою же холодною вѣжливостью.

Альдъ ничего не отвѣтилъ.

— Еще одно слово, миссъ Бойсъ,—обратился Уартонъ къ Марчеллѣ.—Прошу васъ, внимательно перечитайте петицію, прежде чѣмъ приняться хлопотать. Вся суть ея въ одномъ пунктѣ, который можетъ вызвать сомнѣнія въ правильности рѣшенія дѣла и который былъ совсѣмъ не затронутъ на судѣ.

— Ты скоро поѣдешь? — сказалъ Альдъ Марчеллѣ. Съ трудомъ подавляемое нетерпѣніе сквозило въ его голосѣ: это раздражало ее.

— Я сдѣлаю все, что могу,—сказала она низкимъ голосомъ, отчетливо выговаривая слова.—До свиданія!—и она протянула ему руку. Моментъ былъ знаменательный: это рукопожатіе

въ присутствіи Альда должно было выражать ея прощеніе и благодарность Уартону.

Мужчины обмѣнялись холодными поклонами.

— Надѣюсь, мы съ вами встрѣтимся на будущей недѣлѣ въ парламентѣ?—вскользь замѣтилъ Уартонъ.

— Я поѣду съ тобой въ зáмокъ,—сказала Марчелла, когда они остались вдвоемъ въ каретѣ.

Она все еще держала въ рукахъ пакетъ, переданный ей Уартономъ. Чтобы свободнѣе было дышать, она отбросила назадъ черный газовый вуаль, и тутъ только съ сердечною болью Альдъ замѣтилъ, какіе тяжелые слѣды наложили на нее послѣднія событія. Она была блѣдна, изнурена, но въ каждомъ ея движеніи сквозила болѣзненная, нервная возбужденность.

— Позволь мнѣ молчать,—сказала Марчелла.—Я страшно устала, и мнѣ хочется отдохнуть. Когда мы пріѣдемъ въ зáмокъ, попроси, пожалуйста, миссъ Рэборнъ подать мнѣ обѣдъ въ ея комнату, а въ девять часовъ или около того я сойду внизъ,—мнѣ нужно поговорить съ тобой и лордомъ Максвелемъ.

Онъ положилъ ей подушку за спину, окуталъ пледомъ ноги и сидѣлъ безмолвный, терзаемый мрачными предчувствіями.

Когда они пріѣхали въ зáмокъ, лордъ Максвель и миссъ Рэборнъ поспѣшили на встрѣчу Марчеллѣ.

— Милая моя,—заговорилъ лордъ Максвель, взявши ее подъ руку,—какъ ты измучена!

Альдъ уже успѣлъ шепнуть своей теткѣ, чтобъ она провела Марчеллу въ свою комнату.

Когда Марчелла осталась одна въ комнатѣ миссъ Рэборнъ, она сѣла у пылающаго камина и развернула петицію. По мѣрѣ того, какъ она читала, лицо ея все болѣе и болѣе прояснялось. Все, что въ смутныхъ и неясныхъ чертахъ мелькало въ ея умѣ, было изложено здѣсь сильно и выразительно. Когда она кончила, она тотчасъ взяла клочекъ бумаги и написала слѣдующія слова:

«Прошу тебя и лорда Максвеля прочесть эту петицію раньше, чѣмъ я сойду внизъ. М.».

Затѣмъ она позвонила и попросила горничную передать мис ру Рэборну.

Остальное время до девяти часовъ она перебирала въ умѣ в аргументы въ пользу Горда и старалась собраться съ силами д предстоящей борьбы.

Когда большіе часы внизу пробили девять, она стала спуск

ся по лѣстницѣ. Чувство одиночества въ этомъ большомъ, пустомъ домѣ охватило ее.

Вдругъ дверь отворилась, и Альдъ быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ къ ней на встрѣчу.

— Отдохнула ли ты, дорогая?—заговорилъ онъ, взявши ее подъ руку.—Какая ты блѣдная! Хочешь сейчасъ пойти къ дѣду? Онъ ждетъ тебя!

Лордъ Максвель стоялъ у своего письменнаго стола и смотрѣлъ въ раскрытый передъ нимъ листъ петиціи. При видѣ ихъ онъ поднялъ свою сѣдую голову. Прекрасное, орлиное лицо его было серьезно и взволнованно. Онъ встрѣтилъ Марчеллу въ высшей степени ласково и любезно.

— Сядь вотъ сюда на кресло. Альдъ, усади ее поудобнѣе. Бѣдняжечка, какъ ты утомлена! Я слышалъ, ты хочешь поговорить со мной объ этомъ злосчастномъ дѣлѣ?

Марчелла съ глубокимъ довѣріемъ подняла на него свои глаза; она всегда симпатизировала Максвелю.

— Да,—сказала она, стараясь скрыть волненіе и сдержать свою порывистость.—Да, я хотѣла просить васъ и Альда подписать эту петицію, если это возможно. Я знаю, что это трудно, но мнѣ кажется, я могла бы представить вамъ дѣло въ другомъ свѣтѣ,—убѣдить васъ,—вѣдь, я такъ хорошо знаю этихъ людей, и потомъ чрезвычайно важно заручиться вашими подписями.

Какъ нескладно, какъ безсвязно говорила она! Она чувствовала, что еще не вполнѣ овладѣла собой. Чуждая, роскошная обстановка, присутствіе Альда, который долженъ бы стать на ея сторону, но былъ противъ,—все это смущало ее.

Лордъ Максвель, очевидно, былъ растроганъ. Прежде всего, ему безконечно было жаль Марчеллу, такъ много выстрадавшую за последнее время. Какъ могъ Альдъ допустить это? Какая она худенькая, блѣдная, измученная!

— Дорогая моя!—сказалъ онъ, подойдя къ ней и отечески-ласково положивши ей руку на плечо.—Ты не повѣришь, съ какою радостью я сдѣлалъ бы для тебя это или все, что ты хочешь, если бы [illegible]овѣсти я могъ. И ради тебя, и ради твоего дѣда я далъ бы свое [illegible], еслибъ это не нарушало идеи общественнаго долга, какъ мы [illegible] понимаемъ—я и Альдъ. Я думаю, и тебѣ было бы непріятно, [illegible] бы мы въ своей дѣятельности руководились личными чувства[illegible] мотивами.

— Не въ этомъ дѣло: до сихъ поръ я не имѣла случая погово[illegible] съ вами объ этомъ дѣлѣ, а я держусь совершенно противупо-

ложной точки зрѣнія, чѣмъ Альдъ. Всѣмъ извѣстно, что есть другая сторона, возможность взглянуть на это дѣло иначе, чѣмъ судъ. Вѣдь, вы не были на судѣ.

— Я не былъ, но я очень внимательно прочиталъ всѣ свидѣтельства, и только что вмѣстѣ съ Альдомъ мы обсудили всѣ сомнительные пункты.

— Съ Альдомъ!—заговорила она другимъ тономъ.—Я думаю, онъ могъ бы предоставить мнѣ поговорить съ вами сначала, хотя бы на этотъ разъ!

Альдъ наклонился къ ней.

— Ты мнѣ прислала петицію,—сказалъ онъ, и я понялъ такъ, что мы должны прочесть и обсудить ее вмѣстѣ.—Мнѣ очень жаль, что я тебя не понялъ.

Она пыталась овладѣть собой и провела рукой по лбу. Ей казалось уже, что все погибло; гнѣвъ и отчаяніе охватили ее.

— Все дѣло въ томъ,—горячо заговорила она, цѣпляясь за послѣднее средство,—можно ли дать вѣру собственному показанію Горда? Судъ отвергнулъ его, настаивая на старинной враждѣ и ненависти. Но неужели оно безусловно немыслимо и невозможно? Во всякомъ случаѣ, оно вводитъ нѣкоторое сомнѣніе, и если даже признать, что это убійство,—его надо рѣзко отличать отъ другихъ видовъ убійства.

Теперь она напала на настоящій путь; она говорила образно, убѣдительно, съ полнымъ знаніемъ дѣла во всѣхъ подробностяхъ. Но сквозь логическую связь ея аргументовъ пробивалось одушевлявшее ея рѣчь чувство жалости, состраданія. Эта исторія, представлявшаяся лорду Максвелю такою гнусной, звѣрской и обыденной, превратилась въ ея воображеніи въ трагическую поэму, и она всѣмъ существомъ жила и страдала за ея дѣйствующихъ лицъ.

Когда она кончила, высказавши все, что могла придумать, она умоляюще взглянула на лорда Максвеля.

Онъ помолчалъ нѣсколько времени, потомъ подошелъ къ ней и взялъ ее за руку.

— Ты говорила,—сказалъ онъ растроганнымъ голосомъ,—прекрасно, благородно, какъ женщина съ отзывчивою, сострадател нюю душой. Но, милое дитя, все, что ты говорила, не ново для м ня. Мы съ Альдомъ добросовѣстно старались стать на твою точ зрѣнія, но, несмотря на все желаніе, по совѣсти, ни я, ни Альд мы не можемъ раздѣлять твоего мнѣнія. Я считаю Горда злонам реннымъ убійцей и думаю, что онъ заслуживаетъ своей кары.

И въ короткихъ словахъ, ясно и серьезно, изложилъ онъ перед

ней свои основанія. Въ его тонѣ и обращеніи высказывалась невольная дань уваженія не столько лично къ Марчеллѣ, сколько къ новому общественному положенію женщины.

Марчелла съ внутреннимъ безпокойствомъ слушала его. Краска, которая выступила у нея на щекахъ во время ея монолога, мало-по-малу исчезла, и она становилась все блѣднѣе и блѣднѣе. Когда лордъ Максвель замолчалъ, она быстро проговорила:

— Значитъ, вы не подпишете?

— Нѣтъ,—рѣшительно возразилъ онъ,—я не могу подписать.

Марчелла содрогнулась.

— Значитъ,—медленно проговорила она,—Гордъ будетъ казненъ?

Лорда Максвеля передернуло отъ нетерпѣнія.

— Вовсе одно изъ другого не слѣдуетъ,—сказалъ онъ.—Правда, иногда, благодаря петиціи, пересматриваютъ и перерѣшаютъ дѣло. Но если бы министръ внутреннихъ дѣлъ сталъ рѣшать вопросъ о преступленіи не на основаніи законовъ и совѣсти, а по какимъ бы то ни было другимъ соображеніямъ, онъ былъ бы недостоинъ занимать свое мѣсто ни одного дня, ни даже часа. Ты неправильно представляешь себѣ все положеніе вещей.

Марчелла продолжала стоять на своемъ: въ ней трепетало страстное негодованіе противъ предразсудковъ и привилегій высшаго класса.

— А ты держишься того же мнѣнія? — обратилась она къ Альду.

— Я не могу подписать петиціи,—мрачно проговорилъ онъ.—Ты не повѣришь, какъ мнѣ тяжело отказывать тебѣ.

Это было тяжелымъ ударомъ для Марчеллы. Какъ ни была она, повидимому, подготовлена къ неудачѣ, въ глубинѣ души она, всетаки, сохраняла увѣренность, что, въ концѣ-концовъ, побѣда склонится на ея сторону. Она привыкла къ тому, чтобы всѣ преграды рушились передъ силой ея личнаго вліянія и обаянія.

Лордъ Максвель уловилъ страдальческое выраженіе лица у Альда и быстрое, безпокойное дыханіе у Марчеллы.

— Альдъ,—сказалъ онъ, вставая,—я оставлю васъ на нѣко[illegible]е время. Дай Марчеллѣ отдохнуть и успокоиться. Потомъ при[illegible]те къ намъ пить кофе. Прежде всего, убѣди ее, пожалуйста, [illegible] мы отъ души ее любимъ и цѣнимъ, но что въ подобнаго рода [illegible]ахъ она должна предоставить намъ поступать, какъ повелѣ[illegible] совѣсть.

[illegible]гда онъ вышелъ, Марчелла вскочила.

— Вели подать экипажъ,—сказала она глухимъ голосомъ.— Я хочу сейчасъ ѣхать.

— Марчелла! — воскликнулъ Альдъ. — Если ты не можешь быть великодушна, будь, по крайней мѣрѣ, справедлива ко мнѣ.

— Справедлива! — повторила она съ выраженіемъ отвращенія и оттолкнула его отъ себя.— Ты смѣешь говорить о справедливости!

Онъ пробовалъ что-то сказать, но замялся и замолчалъ. Никогда онъ не любилъ ее такъ страстно, какъ въ настоящую минуту, но, въ то же время, чувствовалъ, что внутри оборвалось что-то, и первое предчувствіе разрыва болѣзненно зашевелилось въ сердцѣ.

— Ты, въ этомъ домѣ,— заговорила она, порывисто шагая взадъ и впередъ по комнатѣ,— при такой жизни, вздумалъ говорить о справедливости! Вотъ что называется у васъ справедливостью — казнить людей, подобныхъ Горду! А я должна возвратиться въ жалкую хижину, къ несчастной женщинѣ, и сказать ей, что нѣтъ *никакой* надежды! И все потому, что ты слѣдуешь своей совѣсти. О, лучше бы было, если бы, вмѣсто совѣсти, у тебя было сердце! Пожалуйста, не подходи ко мнѣ. Я должна обдумать, какъ мнѣ поступить. Такъ дальше идти не можетъ. Я терзаюсь и заставляю тебя страдать. Но, во всякомъ случаѣ, теперь я должна идти къ *ней*, къ *бѣднымъ* людямъ, которыхъ я люблю и всегда ношу въ сердцѣ своемъ!

И она разразилась рыданіями.

— Ты презираешь богатство,— заговорилъ онъ, стараясь взять ее за руки,— но ты не имѣешь права презирать человѣка, который отдалъ тебѣ свое сердце и проситъ только объ одномъ, чтобы ты не считала его бездушнымъ лицемѣромъ.

Дрожь пробѣжала по всѣмъ ея членамъ. Въ первое время ее какъ будто смутилъ рѣшительный тонъ его голоса и моральный упрекъ, заключавшійся въ его словахъ. Но она быстро отдѣлалась отъ этого и сказала:

— Прошу тебя, вели подать экипажъ. Мнѣ необходимо ѣхать домой и отдохнуть. Когда-нибудь я попрошу у тебя прощенія [illegible] это и... и...— голосъ измѣнялъ ей,—и за другія вещи. Но тепе[illegible] я уѣду. Я рада, что у меня есть хоть одинъ человѣкъ, котор[illegible] мнѣ сочувствуетъ. Я этого никогда не забуду!

Слушая эти опрометчивыя слова и намеки, Альдъ какъ бы ок[illegible]менѣлъ. Машинально двинулся онъ къ звонку и нажалъ его.

Черезъ минуту Марчелла выѣзжала изъ замка.

XII.

— Это, наконецъ, невыносимо! — сказалъ Альдъ.— Она дома и отказывается принять меня!

Оскорбленіе, нанесенное Альду, вывело изъ себя даже мистрисъ Бойсъ, несмотря на всю ея сдержанность и самообладаніе.

— Къ сожалѣнію, это такъ,—нервно заговорила она.—Я пыталась уговорить ее, но ничего не добилась. Я думаю, будетъ благоразумнѣе вамъ теперь не настаивать.

Альдъ растерянно смотрѣлъ внизъ. Черезъ нѣсколько времени онъ спросилъ:

— По крайней мѣрѣ, не поручила ли она что-нибудь передать мнѣ?

— Нѣтъ, ничего. Она только сказала, что не желаетъ видѣть никого изъ зáмка, даже васъ, пока судьба Горда не будетъ окончательно рѣшена.

Альдъ сталъ оглядывать комнату, и взглядъ его упалъ на конвертъ, адресованный на имя Марчеллы; почеркъ былъ ему знакомъ; конвертъ лежалъ на креслѣ, тутъ же въ ручку кресла была воткнута иголка съ черною ниткой: очевидно, Марчелла только что сидѣла тутъ и убѣжала отъ него.

Альдъ подошелъ къ мистрисъ Бойсъ и сѣлъ около нея.

— Скажите, пожалуйста,—заговорилъ онъ рѣшительно,—мнѣ кажется, я имѣю право задать этотъ вопросъ: состоитъ ли Марчелла въ постоянной перепискѣ съ Уартономъ?

— Мнѣ кажется,— быстро отвѣтила она.— Насколько я могу судить, онъ пишетъ ей черезъ день.

— Она показываетъ вамъ его письма?

— Да, очень часто. Они касаются исключительно дѣла Горда.

— Не находите ли вы,— сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія,— что со времени его пріѣзда сюда взгляды Марчеллы коренньмъ образомъ измѣнились подъ его вліяніемъ?

Хотя мистрисъ Бойсъ давно ожидала подобнаго вопроса, на этотъ разъ, все-таки, смутилась и не сразу отвѣчала ему. Она [illegible] въ руки свое вышиванье: по ея мнѣнію, въ критическія ми[illegible] работа для женщины играетъ ту же роль, что сигара для [illegible]омата.

— Да, несомнѣнно,—сказала она, наконецъ.—Онъ заставилъ [illegible]ого читать и размышлять о тѣхъ вопросахъ, о которыхъ она [illegible]ла толковать и раньше, и, такимъ образомъ, значительно по[illegible] на складъ ея мнѣній.

Она замѣтила, что Альдъ поморщился при этихъ словахъ, но она не хотѣла скрывать отъ него ничего.

— Скажите, ихъ отношенія ограничивались только этимъ?— спросилъ Альдъ не своимъ голосомъ.

— Я не знаю, — отвѣтила она спокойно, — но я *не думаю,* чтобъ они зашли дальше. Позвольте мнѣ высказать свое мнѣніе.

— Прошу васъ,—сказалъ онъ и положилъ свою руку на ея.

— Оставьте Марчеллу на нѣкоторое время въ покоѣ. Она теперь сама не своя. Но когда всѣ эти тяжелыя событія пройдутъ и она нѣсколько оправится, тогда предложите ей этотъ вопросъ.

Спустя минуту, желая перемѣнить разговоръ, мистрисъ Бойсъ спросила:

— Вы сегодня вернулись изъ Лондона?

— Да,—отвѣтилъ онъ, пытаясь улыбнуться,— и сегодня же долженъ уѣхать опять.

— Я не понимаю, какъ вы можете отлучаться въ такое напряженное время?—спросила мистрисъ Бойсъ.

— Что же дѣлать? — сказалъ онъ.—Когда васъ терзаютъ сомнѣнія и подозрѣнія, вы ни на что не обращаете вниманія. Кромѣ того, со времени суда я чувствую себя негоднымъ ни для какого дѣла.

Онъ говорилъ просто, но сердце ея сжималось отъ жалости.

— Посмотрите,—сказала она, поднимая съ пола кусокъ черной матеріи,—Марчелла уже шьетъ траурныя платья для дѣтей,— очевидно, она не надѣется на помилованіе Горда.

— Неужели вы ничего не можете сдѣлать? — сказалъ онъ съ укоромъ и отчаяніемъ въ голосѣ.—И день, и ночь только и думать объ одномъ,—вѣдь, это ужасно! А я безсиленъ, отвергнутъ.

И онъ закрылъ лицо руками.

— Нѣтъ, я ничего не могу сдѣлать,—сказала мистрисъ Бойсъ задумчиво. Затѣмъ черезъ минуту она прибавила:—Какъ вы думаете, петиція можетъ имѣть успѣхъ?

Онъ покачалъ головой.

— Нѣтъ. Недавно я встрѣтилъ одного изъ судей, который сообщилъ мнѣ, что министерство отвѣтитъ отказомъ. Пожалуй[illegible], только не говорите ничего Марчеллѣ о томъ, что я спрашив[illegible]ъ судью,—прибавилъ онъ быстро, умоляющимъ голосомъ,—мнѣ б[illegible]о бы очень непріятно, еслибъ она подумала...

Мистрисъ Бойсъ никогда въ голову не приходило, что она [illegible]жетъ увидать Альда въ такомъ жалкомъ, растерянномъ видѣ.

— Мнѣ пора идти,— сказалъ онъ, вставая. — Передайте [illegible]

пожалуйста, отъ меня, что съ ея стороны очень жестоко отказать мнѣ въ свиданіи, между тѣмъ какъ я ради нея пренебрегъ дѣлами и нарочно пріѣхалъ изъ Лондона.

— Ужь предоставьте это мнѣ самой, — сказала мистрисъ Бойсъ.—Ахъ, кстати: Марчелла поручила мнѣ благодарить васъ. Сегодня мистеръ Уартонъ написалъ ей, что вы дали ему рекомендаціи къ двумъ очень важнымъ для него лицамъ.

Альдъ отвѣтилъ презрительнымъ, нетерпѣливымъ жестомъ. Когда онъ вышелъ изъ дома, Марчелла изъ окна слѣдила за нимъ.

На другое утро Марчелла получила слѣдующую телеграмму отъ Уартона:

«Все кончено. Министръ отказался поддержать петицію. Примите мое сочувствіе и сожалѣніе».

Вечеромъ, наканунѣ казни Горда, несмотря на протесты отца, Марчелла отправилась въ деревню. Она надѣла длинный плащъ, взяла съ собой дѣвушку, которая освѣщала путь фонаремъ.

Ночь была темная, дождь лилъ, какъ изъ ведра.

Передъ дверью хижины Марчелла отпустила дѣвушку и остановилась на мгновеніе, прислушиваясь: изъ хижины доносился знакомый ей голосъ священника, который вслухъ читалъ Евангеліе.

Она тихо вошла, чтобы не нарушить чтенія, и сѣла въ сторонѣ, у постели больного мальчика. По серединѣ неподвижно лежала мистрисъ Гордъ съ тупымъ, безжизненнымъ лицомъ, закрытыми глазами и безпорядочно разбросанными сѣдѣющими волосами.

Мистеръ Гарденъ окончилъ чтеніе Евангелія, обратился со словами утѣшенія къ мистрисъ Гордъ и вышелъ.

Марчелла рѣшила остаться здѣсь на всю ночь. Она принесла съ собой усыпительныхъ капель и уговорила мистрисъ Гордъ принять ихъ. Черезъ нѣсколько минутъ послышалось ея ровное дыханіе; мальчикъ тоже вскорѣ заснулъ.

Сильный дождь при порывистомъ вѣтрѣ хлесталъ въ окна; Марчелла дрожала отъ холода, хотя сидѣла у ярко горѣвшаго камина.

Ночь длилась безконечно. Марчелла принесла съ собой книгу, но не раскрывала ея. Ночная тишина возбуждала ее, напрягала ей н[illegible]вы; мрачныя думы томили ее, страшные призраки носились пе[illegible]ъ ней.

[illegible]аконецъ, слабый свѣтъ пасмурнаго мартовскаго утра пробил[illegible] [illegible]квозь окна. Марчелла посмотрѣла на часы: было безъ десяти [illegible]мь. Пора было будить мистрисъ Гордъ, — Марчелла считала [illegible] не вправѣ отнять у несчастной женщины этотъ послѣдній [illegible] жизни ея мужа.

Она отдернула занавѣски, обернулась и съ ужасомъ увидала при дневномъ свѣтѣ, что у мальчика открыты глаза и смертельно-блѣдное личико. Внутренно дрожа, она подбѣжала къ нему и схватила его за руки: онѣ были холодны, какъ ледъ.

— Мистрисъ Гордъ, мистрисъ Гордъ!—закричала она отчаяннымъ голосомъ,—посмотрите, что съ Вилли!

Та дико вскочила, бросилась къ мальчику, начала оттирать ему ноги и руки, но все напрасно. Убѣдившись, что все кончено, она пронзительно вскрикнула, упала на колѣни и закрыла лицо руками, трясясь всѣмъ тѣломъ.

Послышался глухой звукъ колокола: церковные часы пробили восемь. Мистрисъ Гордъ подняла голову и стала прислушиваться.

— О, Джимъ, бѣдный мой!—жалобно простонала она.

Эти простыя слова обезсиленной отъ мукъ отчаянія женщины болѣзненно отдались въ сердцѣ Марчеллы. Она сѣла на постель умершаго мальчика, обняла руками несчастную мать и стала шептать ей слова утѣшенія и молитвы.

XIII.

Черезъ два дня Альдъ Рэборнъ входилъ въ гостинную Меллора. Заслышавши его шаги, мистрисъ Бойсъ хотѣла удалиться изъ комнаты, но онъ съ большою настойчивостью задержалъ ее.

— Не уходите. Мнѣ необходимо разъяснить одну вещь. Скажите, правда ли, что она считаетъ меня въ нѣкоторой степени виновникомъ смерти Горда, и на этомъ основаніи желаетъ разорвать со мной?

Онъ держалъ въ рукахъ смятое письмо Марчеллы.

— Марчелла сама объяснитъ вамъ все,—сказала мистрисъ Бойсъ.—Она не уполномочила меня говорить съ вами. Да по правдѣ сказать, я не понимаю ея, и чѣмъ больше я узнаю ее, тѣмъ больше убѣждаюсь, что она совсѣмъ чужда мнѣ. Такъ и должно было быть. Она воспитана не дома, и между нами не образовалось никакой взаимной связи. Поэтому я не могу помочь вамъ.

— Еще одно слово, прошу васъ. Скажите мнѣ, что произош... съ четверга? Я написалъ ей, но только сегодня утромъ получи... отвѣтъ.

Мистрисъ Бойсъ разсказала ему въ короткихъ словахъ о те... граммѣ Уартона, о ночи, проведенной Марчеллой въ хижинѣ Горд... о смерти мальчика. Альдъ съ видимымъ ужасомъ выслушивалъ ... разсказъ.

— Знаете ли вы, что отъ этихъ впечатлѣній она не отдѣлается всю жизнь?—спросилъ онъ.—Такое страшное потрясеніе, такія ужасныя сцены! И къ чему это? Зачѣмъ?

— Я понимаю. Вы осуждаете меня, зачѣмъ я допустила. Это вполнѣ понятно. Но въ данномъ случаѣ мы съ вами расходимся во взглядахъ. По-моему, каждому необходимо знать жизнь со всѣми ея ужасами, намъ, женщинамъ, въ особенности. Однако, мнѣ нужно идти, а то мужъ войдетъ сюда за мной, а мнѣ кажется, вамъ надо прежде всего повидаться съ Марчеллой.

Онъ согласился и взволнованнымъ голосомъ попросилъ прислать къ нему Марчеллу. Когда мистрисъ Бойсъ вышла, Альдъ началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, придумывая, что сказать ей.

Наконецъ, ручка у двери повернулась. Марчелла вошла.

Онъ не пошелъ ей на встрѣчу. Она приготовилась встрѣтить съ его стороны или упреки, или мольбы и собиралась или разсердиться, или смягчиться, сообразно съ тѣмъ, какъ бы онъ повелъ себя. Но онъ молчалъ, и она принуждена была, худо ли, хорошо ли, прервать это тягостное молчаніе.

— Я хотѣла все объяснить тебѣ,—заговорила она низкимъ голосомъ, подойдя къ нему.—Моя вчерашняя записка была слишкомъ рѣзка и груба. Я вовсе не хотѣла быть грубой. Но я черезъчуръ утомлена, и все, что я говорю или дѣлаю, выходитъ нервно и рѣзко.

Она опустилась на стулъ. Извиненіе совсѣмъ не входило въ ея программу и вышло какъ-то невольно.

— Марчелла!—сказалъ онъ, садясь рядомъ съ ней.—Ты прочитала мое письмо, которое я прислалъ тебѣ наканунѣ того?

— Да.

— И послѣ этого ты, все-таки, утверждаешь, что я пренебрежительно отношусь къ твоему душевному состоянію и вообще къ горю и страданіямъ людей?

— Я сужу не по тому, что̀ ты говоришь, а по тому, что̀ ты дѣлаешь,—сказала она съ мрачнымъ видомъ, смотря въ сторону.

— Что же такое я сдѣлалъ?—гордо проговорилъ онъ.—Я только потребовалъ для себя той свободы сужденія, свободы совѣсти, которую ты такъ страстно добиваешься для другихъ. Ты мнѣ отказываешь въ этой свободѣ и даже больше того: послѣднія пять недѣль ты отнимала у меня самое дорогое право—откровенно высказаться передъ тобой, показать тебѣ, что, несмотря на печальную разницу воззрѣній, отъ которой я страдаю неизмѣримо больше, чѣмъ ты,

въ сущности, мы съ тобой преслѣдуемъ однѣ и тѣ же цѣли, страдаемъ отъ однѣхъ и тѣхъ же бѣдъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула она, повернувшись къ нему и ухватившись за послѣднее слово,—отъ какихъ бѣдъ ты страдалъ? Я знаю, тебѣ было грустно, ты жалѣлъ меня, можетъ быть, и *ихъ*. Но ты смотрѣлъ на все это сверху, свысока, и не имѣлъ на это никакого права. Меня просто бѣсило, что ты можешь взирать съ высоты на подобныя вещи, между тѣмъ какъ я была тамъ, внизу, среди всѣхъ ужасовъ и несчастій.

— Но чья же вина,—прервалъ онъ,—что я не былъ съ тобой? Развѣ я не предлагалъ тебѣ, не умолялъ тебя? Обсудимъ, прежде всего, слѣдующій пунктъ. Неужели ты хотѣла бы, чтобъ я, ради того только, что ты меня просишь, подписался подъ заявленіемъ, которое считаю несправедливымъ, ложнымъ? Ты обязана дать мнѣ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

— Ты забылъ,—горячо воскликнула она,—что вовсе не это оттолкнуло меня отъ тебя, а твоя неспособность почувствовать состраданіе къ человѣку, нежеланіе понять, что это нашъ долгъ по отношенію къ людямъ, подобнымъ Горду,—обездоленнымъ и неимущимъ.

Ея губы задрожали.

— Значитъ,—заговорилъ онъ рѣшительно,—еслибъ я былъ бѣднякомъ, мнѣ было бы позволено думать и дѣйствовать по совѣсти въ подобныхъ случаяхъ. Пойми, что я несу на себѣ обязанности гражданина и что состраданіе есть только одна составная доля справедливости. Проступокъ Горда направленъ не противъ меня лично, а имѣетъ общественный характеръ, поэтому я обязанъ былъ, прежде всего, подумать объ общемъ благѣ, прежде даже, чѣмъ о тебѣ и о твоихъ желаніяхъ. А ты хочешь лишить меня самаго основного, нравственнаго права, ты пренебрегаешь моими чувствами, моею совѣстью. Ради удовлетворенія твоего самолюбія и чувства жалости, я долженъ принести себя въ жертву. Марчелла! Ты проповѣдуешь справедливость, равенство, почему ты отказываешь въ этомъ одному мнѣ,—мнѣ, за котораго ты обѣщала выйти замужъ?

Голосъ его дрогнулъ на послѣднихъ словахъ. Онъ наклони ся къ ней и хотѣлъ взять ея руку. Но она отшатнулась о него рѣзкимъ движеніемъ.

— Не трогай! Оставь меня! Можетъ быть, ты правъ. Може быть, я поступила легкомысленно, жестоко, несправедливо. неужели ты не видишь, что если теперь по этому поводу

могли такъ рѣзко разойтись во взглядахъ, что же будетъ, когда мы поженимся? Я не должна была давать тебѣ своего слова ни въ какомъ случаѣ, даже въ то время. Но *теперь*, посмотри самъ: я стала совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Многое во мнѣ исчезло окончательно, но, вмѣсто того, меня жжетъ и томитъ внутренній огонь, который такъ или иначе пробьетъ себѣ дорогу. Когда я вспомню, что̀ меня прельщало стать твою женой—богатство, нарядные туалеты, драгоцѣнности, много слугъ и въ особенности общественное положеніе и вліяніе,—мнѣ станетъ досадно и стыдно. Теперь мнѣ трудно дышать въ такомъ домѣ, какъ вашъ. Я думаю, что только бѣдные *живутъ* настоящею жизнью и дѣйствительно *страдаютъ*. Я буду жить съ ними, для нихъ работать, имъ помогать. А ты долженъ отказаться отъ меня. О, ты сдѣлаешь это съ радостью, когда узнаешь, *что̀ я такое!*

Эти слова испугали его. Что сталось съ этою смѣлою пророчицей? Она лежала блѣдная, недвижимая, уткнувши лицо въ ручку кресла.

Въ одно мгновеніе онъ былъ на колѣняхъ у ея ногъ.

— Марчелла! — едва слышно прошепталъ онъ, прижимая ея дрожащую руку къ своимъ губамъ. — Ты рѣшаешься утверждать, что страдать могутъ только одни бѣдняки: неужели ты не понимаешь, какую страшную рану ты мнѣ наносишь, порывая со мной?

Она вырвала свою руку.

— Не подходи, не подходи ко мнѣ!—закричала она, всхлипывая отъ душившихъ ее рыданій. — Есть еще нѣчто, что̀ я должна сказать тебѣ.

Альдъ поднялся.

— Ты хочешь сказать, — проговорилъ онъ измѣнившимся голосомъ, — что постороннее вліяніе, что другой человѣкъ сталъ между нами?

Она приподнялась и употребила усилія, чтобы сдержать слезы.

— Съ какимъ удовольствіемъ я сказала бы тебѣ только слѣдующее,—заговорила она съ длинными остановками послѣ каждой фразы:—когда я давала тебѣ слово, я не знала себя и не понимала своей роли въ жизни. Я ошиблась, но прости меня и разстанемся, ради в[illegible]его общаго блага; я знаю, сказать это было бы очень тяжело, но, в[illegible]таки, несравненно легче, чѣмъ то, что̀ мнѣ предстоитъ теперь. Н[illegible]жели ты ничего не подозрѣвалъ? Когда мистеръ Уартонъ пріѣ[illegible]ъ, я скоро стала смотрѣть на вещи совсѣмъ другими глазами, п[illegible] его вліяніемъ. Я никогда не встрѣчала человѣка, который бы т[illegible] глубоко возбудилъ всѣ силы моего ума и души: онъ открылъ [illegible] передо мной широкіе планы и вызвалъ во мнѣ жажду по-

жертвовать ради нихъ не только своимъ имуществомъ, но даже жизнью. Я считала наши отношенія дружбой, но, въ то же время, чувствовала, что со мной происходитъ что-то необычное. Наконецъ, послѣ бала, когда я вернулась домой и сидѣла въ своей комнатѣ, я услыхала шаги, — ты знаешь, что въ этой части дома у насъ являлись привидѣнія,—я вышла посмотрѣть. Можетъ быть, въ глубинѣ души,—нѣтъ, я не знаю, не могу тебѣ сказать,—какъ бы тамъ ни было, онъ оказался тамъ. Мы вошли въ библіотеку и разговаривали. Онъ совсѣмъ не хотѣлъ разстраивать нашей свадьбы, но, все-таки, наговорилъ мнѣ много безразсудныхъ вещей и, въ концѣ-концовъ, поцѣловалъ меня.

Послѣднія слова она произнесла беззвучнымъ шепотомъ. Она часто представляла себѣ, какъ она признается въ этомъ Альду; но она никогда не ожидала, что можетъ дойти до такого глубокаго самоуничиженія.

Альдъ медленно поднялся со стула.

— Когда это случилось?—спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Я уже сказала тебѣ — въ ночь послѣ бала, въ ту самую ночь, когда произошло убійство, — прибавила она съ внутреннею дрожью, — мы видѣли, какъ Гордъ пересѣкалъ аллею. Я тебѣ хотѣла разсказать все это тогда же.

— И отказалась отъ этого намѣренія?

Она повернулась къ нему и заговорила опять вызывающимъ тономъ:

— Когда мнѣ было думать о своихъ личныхъ дѣлахъ?

— Или о моихъ?—съ горечью прибавилъ онъ.

Она не отвѣчала.

Онъ подошелъ къ камину. Лицо его было чрезвычайно блѣдно, но глаза горѣли страннымъ блескомъ. Взглянувши на него, она поняла, что ея желаніе исполнилось: его гнѣвъ и презрѣніе служили для нея искупленіемъ.

— Какъ же ты могла скрывать отъ меня такъ долго? За все это время ты не дала никакого намека, ты спокойно принимала мои извиненія и оправданія, ты позволяла мнѣ вѣрить въ чист[illegible]у и безкорыстіе твоихъ намѣреній, ты мнѣ присылала его пись[illegible], которыя поддерживали мои заблужденія, а, между тѣмъ...

— Но, вѣдь, я хотѣла тебѣ разсказать, я все время думал[illegible]о томъ, чтобы тебѣ разсказать!—горячо воскликнула она.—Я не [illegible]ь состояніи была бы жить съ такою тяжестью на душѣ—не ради [illegible]-бя, но ради самой себя я должна была тебѣ сказать.

— И, однако, ты жила такъ долго, — сказалъ онъ, — а какъ я мучился это время, какъ страстно любилъ тебя!...

Онъ оборвалъ. Она лежала на креслѣ въ полномъ изнеможеніи.

Онъ взялъ шляпу и подошелъ къ ней.

— Ты причинила мнѣ большія страданія. Не дай Богъ тебѣ испытать что-нибудь подобное! Позволь мнѣ написать тебѣ или же прислать моего друга Голлена провѣдать тебя. Теперь же я не хочу больше тревожить тебя.

Онъ подождалъ нѣсколько времени, но она не отвѣчала. Ея образъ въ этомъ состояніи полнѣйшаго физическаго и нравственнаго изнеможенія глубоко растрогалъ его. Тихо, не произнеся ни слова, вышелъ онъ изъ комнаты. Она слышала, какъ затворилась дверь, какъ замерли его шаги, и почувствовала себя одинокою, но свободною.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Усталая и измученная возвращалась Марчелла домой, въ свою лондонскую квартиру.

Она только что взяла мѣсто сестры милосердія въ одномъ изъ городскихъ округовъ и самоотверженно ухаживала за больными. Весь предъидущій годъ она провела въ больницѣ, усердно приготовляясь къ званію сестры милосердія. Теперь на ея попеченіи были бѣдные люди ея участка, и ей приходилось браться за самыя разнообразныя дѣла. Такъ, сегодня ей пришлось сдерживать и успокоивать женщину въ буйномъ припадкѣ помѣшательства: потребовалось столько мускульнаго и нервнаго напряженія, что теперь Марчелла чувствовала себя совершенно разбитою.

Она подошла къ огромному каменному дому, вошла черезъ желѣзныя ворота на узкій асфальтовый дворъ. Солнце жгло невыносимо, въ воздухѣ стояла пыль, нѣсколько грязныхъ ребятишекъ играли во дворѣ, непривѣтливыя казарменныя зданія были пере... нены мелкими жильцами,—всѣ эти впечатлѣнія мало способство... и успокоенію нервовъ.

Она поднялась по лѣстницѣ и отворила дверь своей квартиры. ...лѣдующемъ номерѣ жила Минта Гордъ съ дѣтьми: Марчелла ...сала ее изъ Меллора, предложивши небольшое вознагражденіе ...ѣмъ, чтобъ она прислуживала ей по дому; кромѣ того, со вре... казни мужа она получала пенсію отъ неизвѣстнаго лица.

Двѣ небольшія комнатки, которыя составляли все помѣщеніе Марчеллы, были уютно и изящно обставлены. На столѣ уже былъ приготовленъ чайный приборъ.

— Минта, — крикнула Марчелла въ дверь,— приготовьте мнѣ чаю и сварите яйцо.

Войдя въ комнату, Минта Гордъ неодобрительно посмотрѣла на Марчеллу.

— Почему вы такъ поздно сегодня?—жестко спросила она.— Вы заболѣете, если будете такъ голодать.

— Ничего не подѣлаешь, Минта. Былъ очень тяжелый случай.

Между ними установились странныя отношенія. Марчелла обращалась съ ней просто и дружески, просила называть ее, какъ сестру, по имени, играла съ ея дѣтьми, шила для нихъ; но Минта сторонилась отъ нея, осуждала ея занятія, всю ея жизнь и держала себя принужденно, фальшиво.

Оправившись отъ утомленія, вечеромъ Марчелла вышла изъ своей квартиры, прошла нѣсколько улицъ и позвонила у подъѣзда стариннаго дома.

Алиса Голленъ, сестра Эдуарда, полная женщина лѣтъ тридцати пяти, съ пріятнымъ лицомъ, отворила ей дверь и привѣтливо съ ней поздоровалась. Братъ ея быстро вскочилъ изъ-за письменнаго стола и поспѣшилъ на встрѣчу Марчеллѣ.

— Какъ вы поздно! Мы съ Алисой уже начали думать, что вы забыли насъ.

— Я вернулась домой только въ четыре и должна была немножко прилечь,— сказала Марчелла, слегка конфузясь.

— Неужели вы провели съ больными ночь?

— Да, пришлось.

— Алиса, вели подать ужинъ и позаботься о томъ, чтобъ она у насъ отдохнула.

Онъ подкатилъ къ открытому окну большое покойное кресло и усадилъ на него Марчеллу.

— Было бы гораздо пріятнѣе намъ однимъ провести нынѣшній вечеръ,—сказалъ Голленъ.— Вы бы лучше отдохнули.

— А развѣ кто-нибудь придетъ?—спросила Марчелла съ н которымъ неудовольствіемъ.

— Вашъ старый пріятель, Франкъ Ливенъ. Когда онъ усл халъ, что вы будете у насъ, онъ во что бы то ни стало рѣши повидаться съ вами. Ну, разскажите, что вы подѣлываете?—ск залъ Голленъ, перегнувшись къ ней.

— О, ничего интереснаго! Теперь въ модѣ восхищаться д

тельностью сестеръ милосердія, но мнѣ кажется это страннымъ: мы исполняемъ свое дѣло, какъ и всѣ другіе люди: и худо, и хорошо. И многія изъ насъ не стали бы работать, если бы не нуждались въ заработкѣ.

Послѣдними словами она какъ бы хотѣла предупредить сантиментальное отношеніе къ своей дѣятельности.

— Скажите, теперешнія ваши занятія вамъ болѣе по вкусу, чѣмъ жизнь въ больницѣ?

— Да, это болѣе живое дѣло, даетъ больше впечатлѣній. Но есть, конечно, и свои неудобства. Тамъ было все точно опредѣлено, каждый часъ размѣренъ; вы дѣлали свое однообразное дѣло, за то свободнымъ временемъ пользовались какъ хотѣли.

— Удивительно!—сказалъ онъ.—Никакъ не ожидалъ, чтобы такая монотонная жизнь по звонку могла нравиться вамъ!

— Напрасно. Мнѣ кажется, вы могли это предвидѣть. Но и въ больницѣ вначалѣ мнѣ было очень тяжело. Сестра, которая была старшей надъ нами, командовала нами, какъ пѣшками; особенно со мной она обращалась грубо, насмѣхалась надъ моимъ неумѣньемъ и неловкостью; между тѣмъ, она была въ высшей степени ограниченная женщина, и будь это въ Меллорѣ, я не обратила бы на нее ни малѣйшаго вниманія. Но потомъ, когда я стала привыкать къ дѣлу и аккуратно исполнять всѣ предписанія, она стала относиться ко мнѣ благосклоннѣе, и тогда жизнь въ больницѣ стала казаться мнѣ очень привлекательной.

— Да, вы не привыкли повиноваться!—сказалъ Голленъ, съ любопытствомъ всматриваясь въ ея измѣнившіяся черты. Лицо ея было все такое же выразительное и одушевленное, но тотъ оттѣнокъ жесткости и холодной серьезности во взглядѣ, который въ началѣ знакомства дѣйствовалъ на него отталкивающимъ образомъ, исчезъ совершенно и смѣнился нѣсколько печальнымъ, но необыкновенно кроткимъ выраженіемъ. Затѣмъ она разсказала ему о своихъ невзгодахъ, о столкновеніяхъ съ докторами и съ больными, объ оскорбленіяхъ, которыя ей пришлось выносить, и Голленъ едва вѣрилъ своимъ ушамъ: эти мелкія обиды Марчелла воспринимала с[illegible]исто-женскою чувствительностью. Куда дѣвалась ея сила и г[illegible]ость? И онъ невольно почувствовалъ приливъ нѣжности въ ней, е[illegible] хотѣлось приласкать и успокоить ее, какъ дитя.

[illegible]о въ эту минуту онъ замѣтилъ, что она устремила глаза на п[illegible]енный столъ и, протягивая руку, сказала:

[illegible] Передайте мнѣ этотъ портретъ.

[illegible]ъ передалъ ей портретъ Альда и замѣтилъ:

— На-дняхъ Алиса привезла его отъ миссъ Рэборнъ. Мнѣ кажется, онъ очень похожъ.

— Да, чрезвычайно,—сказала она послѣ нѣкотораго молчанія.—Неужели онъ такъ посѣдѣлъ?

— Да. Я очень радъ, что онъ ѣдетъ съ лордомъ Максвелемъ въ Италію на десять дней. Ему необходимо отдохнуть: онъ слишкомъ много работалъ въ этомъ году и, по-моему, напрасно онъ принялъ новый постъ.

— Какой постъ?

— Развѣ вы не слыхали? Товарища министра внутреннихъ дѣлъ.

— А какъ здоровье лорда Максвеля?—спросила она вдругъ.

— Онъ очень постарѣлъ и едва ли долго протянетъ.

Голленъ замѣтилъ, какъ легкая судорога пробѣжала по ея лицу. Затѣмъ она быстро оглядѣлась кругомъ,—миссъ Голленъ въ другомъ концѣ комнаты хлопотала на счетъ ужина.

— Скажите мнѣ,—заговорила Марчелла нервнымъ полушепотомъ, перекинувшись къ Голлену черезъ ручку кресла,—начинаетъ онъ забывать прошлое?

Голленъ молчалъ, но по его полу-грустной, полу-иронической улыбкѣ Марчелла поняла отвѣтъ.

— Почему онъ не женится?—съ досадой проговорила она.

— На это нѣтъ никакой надежды, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ,—сухо сказалъ онъ.

И лицо его, при этихъ словахъ, приняло холодное, чуждое выраженіе. Съ того памятнаго дня, когда, на другой день послѣ ея объясненія съ Альдомъ, Голленъ по его просьбѣ пришелъ къ ней, пришелъ врагомъ и ушелъ другомъ, его отношеніе къ этому вопросу оставалось неизмѣннымъ. Въ это свиданіе, цѣлью котораго было предостеречь ее отъ замужства съ Уартономъ, деликатность его при выполненіи своей щекотливой задачи, искренность, простота, нѣжное и внимательное отношеніе къ Марчеллѣ растрогали ее до слезъ, вызвали въ ней бурный приливъ откровенности и мольбы о помощи и поддержкѣ.

Съ этого дня завязалась между ними переписка. Письма ея (ли страстнымъ изліяніемъ тогдашняго ея мрачнаго настроенія, довольства собой и жизнью; они были полны вопросовъ филос скаго и соціальнаго характера, выражали исканіе безусловı правды и стремленіе къ туманнымъ идеаламъ. Голленъ живо ин ресовался ея письмами, и ему чрезвычайно жаль было своимъ т вымъ словомъ охлаждать ея горячіе порывы и мечты.

Но, несмотря на все возроставшую между ними дружбу, одинъ пунктъ оставался неизмѣннымъ: Голленъ продолжалъ рѣзко осуждать ея поступокъ съ Альдомъ. Хотя онъ никогда не высказывалъ ей этого прямо, но она ясно видѣла, какъ глубоко залегло это чувство въ его душу. Минутами это заставляло ее чувствовать сожалѣніе, раскаяніе, но минутами вызывало протестъ ея упрямой натуры, какъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ.

— Я сегодня получила письмо отъ Уартона, —вдругъ сказала она.—Онъ придетъ ко мнѣ завтра, а въ пятницу я, вѣроятно, пойду въ палату слушать его рѣчь.

При имени Уартона Голленъ слегка вздрогнулъ, но не сказалъ ни слова, а началъ перебирать письма, лежавшія на столѣ. Его молчаніе раздразнило ее.

— Вы помните, — заговорила она твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ,—я говорила вамъ, что всегда буду ему благодарна и никогда не забуду того, что онъ сдѣлалъ.

— Да, помню, — сказалъ онъ съ нѣкоторою горечью въ тонѣ.—Вы даже говорили, что предлагали ему свою помощь, если ему понадобится. Можетъ быть, онъ теперь обращается къ вамъ за этимъ?

Она объяснила ему, что въ письмѣ онъ спрашиваетъ адресъ Людовика Кравена, о которомъ она просила его, и хочетъ дать ему занятія въ своей газетѣ. Затѣмъ она заговорила объ Уартонѣ, спрашивала мнѣніе Голлена о немъ, объ его политической карьерѣ, объ ораторскомъ талантѣ, и хотя въ тотъ знаменательный разговоръ, который сблизилъ ихъ, Марчелла рѣшительно заявила, что она никогда не выйдетъ замужъ за Уартона, Голленъ не могъ отдѣлаться отъ нѣкотораго недовѣрія и подозрѣнія и теперь отвѣчалъ на ея вопросы коротко и неохотно. Эти легкіе уколы и съ той, и съ другой стороны внесли струю холода въ разговоръ, и онъ долго опять не налаживался. Но, тѣмъ не менѣе, Марчелла продолжала себя чувствовать легко, просто и свободно въ этомъ домѣ, среди этихъ сердечныхъ людей. Хотя она часто спорила и ссорилась съ Голленомъ, но въ сущности, она высоко цѣнила его, готова была отдаться его вліянію и досадовала, что онъ не берется быть ея вождемъ и руководителемъ.

II.

Въ эту минуту послышался знакомый голосъ:

— Я не помѣшаю вамъ, Голленъ?

И молодой человѣкъ осторожно высунулъ въ дверь свою кудрявую голову.

— Франкъ, это вы? Войдите, войдите!—сказалъ Голленъ.

Франкъ Ливенъ вошелъ, широко ступая, и, увидавши Марчеллу, воскликнулъ:

— Какъ я радъ, миссъ Бойсъ! Я думаю, никто изъ вашихъ прежнихъ друзей ужь не разсчитывалъ съ вами встрѣтиться. Однако...

Онъ попятился назадъ отъ изумленія.

— Кажется, онъ ожидалъ увидать меня въ чепцѣ и фартукѣ,— сказала Марчелла, смѣясь.

— Я, дѣйствительно, ожидалъ чего-нибудь неправдоподобнаго! А, между тѣмъ, вы все такая же, только вдвое лучше. Не правда ли, Голленъ?—сказалъ Ливенъ, продолжая всматриваться въ Марчеллу.

— Да, только сегодня она кажется очень усталой,—сказалъ Голленъ, пытаясь улыбнуться. Всѣ почувствовали какую-то неловкость, боязнь даже въ самыхъ простыхъ словахъ усмотрѣть намекъ, и очень кстати миссъ Голленъ пригласила всѣхъ къ ужину.

Скромный ужинъ прошелъ очень оживленно. Студентъ своимъ веселымъ, беззаботнымъ настроеніемъ заразилъ всѣхъ. По окончаніи ужина, когда вся компанія расположилась у окна, вошло еще четверо гостей: одинъ былъ Беннетъ, старинный пріятель Голлена, другой—Вилькинсъ, остальные двое были простые рабочіе. Голленъ отвелъ ихъ въ сторону, и они тотчасъ вступили въ оживленный дѣловой разговоръ. Очевидно было, что Голленъ не соглашался съ ними и горячо имъ возражалъ.

Марчелла съ любопытствомъ прислушивалась къ ихъ спору и хотѣла сѣсть поближе, какъ вдругъ Франкъ Ливенъ остановилъ ее.

— Не уходите, пожалуйста. Посидите немножко со мной.

По его лицу Марчелла поняла, что онъ жаждетъ излить передъ ней свои скорби и печали; и прежде онъ имѣлъ обыкновеніе выбирать ее въ свои повѣренныя.

— Опять какая-нибудь сердечная тайна?—спросила Марчелла.

— Да, мнѣ хочется разсказать вамъ и, въ то же время, я не р шаюсь... можетъ быть, мнѣ даже не слѣдовало бы разсказыва вамъ, пожалуй, вы сочтете меня грубымъ и безтактнымъ.

Онъ былъ красенъ, какъ ракъ, и въ смущеніи кусалъ губы. Ма челла положила ему руку на плечо, чтобъ ободрить и поощрить е

Вслѣдъ затѣмъ онъ повѣдалъ ей свою исторію вродѣ тѣхъ, к торыя она много разъ отъ него слышала. Тамъ фигурировала

рошенькая барышня, «очаровательное созданіе», надѣленное всѣми добродѣтелями и издѣвающееся надъ его нѣжными чувствами.

— И знаете,—горячо продолжалъ юноша,—хотя она страшно красива, просто обворожительна, всегда чудно одѣта и все тому подобное, однако, не подумайте, чтобъ она была пустенькая или глупенькая. Напротивъ, она массу читала, массу! Я увѣренъ, миссъ Бойсъ, что еслибъ вы ее увидали, вы бы нашли ее ужасно умной. Притомъ, она такая маленькая, такая прелестная, и какъ танцуетъ—просто чудо! А какъ она добра, страшно добра! Напримѣръ, мать ея—несносная, старая ворчунья,—ну, положимъ, я такъ не думаю, но вы понимаете, она старая, больная, всегда кутается въ шаль и катается въ креслѣ, и Бетти просто какъ ангелъ обращается съ ней, а та ее постоянно пилитъ. А къ бѣднымъ какъ...

Марчелла перебила его.

— Скажите же, наконецъ, самое главное: сдѣлали вы ей предложеніе?

— Слава Богу, конечно,—съ жаромъ проговорилъ онъ.—Постоянно дѣлаю, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю. Мнѣ кажется, она со мной кокетничаетъ. Впрочемъ, я увѣренъ, я имѣлъ бы успѣхъ, если бы не мать, эта отвратительная старуха,—нѣтъ, разумѣется, я такъ не думаю. Дальше я не долженъ бы былъ вамъ разсказывать, я знаю, что не слѣдуетъ.

— Почему, что такое? Вы обязаны договорить,—сказала Марчелла.

— Ну, хорошо, вѣдь, вы не заподозрите меня! Но, все-таки, какъ будто немножко дерзко съ моей стороны говорить объ этомъ... Дѣло въ томъ, что она ѣдетъ въ Италію съ Рэборнами. Она ихъ дальняя родственница, и миссъ Рэборнъ въ послѣднее время привязалась къ ней. Я понимаю, къ чему это клонится! Но едва ли Бетти пойдетъ на это. Онъ слишкомъ старъ для нея, не правда ли?

И, открывши свои сокровенныя подозрѣнія, Ливенъ тутъ только спохватился, что поступилъ неделикатно по отношенію къ Марчеллѣ, заговоривши о Рэборнѣ; смутившись, онъ сталъ бормотать безсвязныя извиненія.

— Я не понимаю, что съ вами,—заговорила Марчелла рѣшино.—Неужели вы думаете, что въ моемъ присутствіи нельзя ...инать имени Рэборна? Пожалуйста, не извиняйтесь. Очевидно, ...вѣрно представляете себѣ дѣло. Мнѣ не слѣдовало бы давать о Рэборну. Я съ нимъ поступила нехорошо, и мое самое ... желаніе состоитъ теперь въ томъ, чтобы онъ женился.

...венъ по[illegible] на нее изумленными глазами.

Черезъ минуту Марчелла спросила его своимъ обыкновеннымъ тономъ:

— Значитъ, вы полагаете, что миссъ Рэборнъ имѣетъ на нее виды? А какъ относится къ этому мистеръ Рэборнъ?

— О, Альду, повидимому, она очень нравится!—уныло проговорилъ онъ.—Она постоянно дразнитъ его и пристаетъ къ нему. Когда она у нихъ, она не оставляетъ его ни на минуту въ покоѣ, то заставляетъ читать себѣ вслухъ, то ѣздить съ ней верхомъ. Она разговариваетъ съ нимъ о такихъ вещахъ, о которыхъ никто не рѣшился бы заговорить съ нимъ,—о своихъ поклонникахъ, объ ухаживаньяхъ и вообще о любви. Удивительно, какъ она вертитъ имъ! Одинъ разъ на вечерѣ она страшно скучала. Тогда она подбѣжала къ Альду и стала упрашивать его танцовать—и, представьте, добилась, какъ онъ ни отказывался.

— А какъ вы думаете, мистеру Рэборну это было пріятно?—спросила Марчелла.

— Да, Бетти сама мнѣ говорила, что съ тѣхъ поръ они стали друзьями, и онъ все ей разсказываетъ,—нѣтъ,—спохватился Ливенъ въ замѣшательствѣ,—я не то хотѣлъ сказать! Разумѣется, она очень польщена и говорила мнѣ, что она обожаетъ его, что онъ очень замѣчательный человѣкъ и что я недостоинъ даже чистить его сапоги, и тому подобный вздоръ. И вдругъ теперь она ѣдетъ съ ними въ Италію! Право, мнѣ остается пустить себѣ пулю въ лобъ!

— Хорошо, только не сейчасъ, — сказала Марчелла.—Подождите, пока они вернутся.—А теперь я пойду послушаю, что тамъ говорятъ.

Она встала, и Ливенъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на ея высокую, стройную фигуру.

Марчелла сѣла возлѣ миссъ Голленъ и сдѣлала видъ, что она прислушивается къ разговору. На самомъ дѣлѣ мысли ея были далеко: она старалась представить себѣ Альда Рэборна мужемъ этой шаловливой куколки. «По всей вѣроятности,—думала она,—ихъ привязанность есть тяготѣніе противуположностей—основаніе большинства счастливыхъ браковъ. Но шансы Ливена, очевидно, оче[нь] незначительны».

Вдругъ неожиданно до ея уха долетѣла фамилія Уартона и, [при]слушавшись, она замѣтила, что среди группы разговаривающ[ихъ] шелъ горячій споръ о немъ, о его положеніи среди рабочей пар[тіи] и о видахъ на будущее.

Оба рабочіе настойчиво стояли за организацію особой рабо[чей]

партіи съ Уартономъ во главѣ. Они постоянно ссылались на Парнелля и на то, что онъ сдѣлалъ для ирландцевъ. Чтобы доставить рабочей партіи преобладаніе въ парламентѣ, по ихъ словамъ, необходимо воспользоваться урокомъ уніонизма и парнеллизма, дѣйствовать единодушно и нападать одинаково на либераловъ и на консерваторовъ. Ради этого нужна особая организація, особое мѣсто въ палатѣ и особые дѣятели. И оба они стояли за то, чтобы вождемъ партіи избранъ былъ Уартонъ. Они съ восторгомъ отзывались объ его газетѣ *Голосъ Труда*, а самого Уартона они считали крупною, независимою силой и не только талантливымъ, но и въ высшей степени честнымъ человѣкомъ.

Вилькинсъ, очень видный дѣятель среди рабочей партіи и, по общимъ отзывамъ, опасный соперникъ Уартона, съ ожесточеніемъ опровергалъ ихъ мнѣнія. Не будучи въ состояніи сдержать себя, онъ пустился на путь личныхъ нападокъ, сталъ разоблачать очень неопрятныя дѣянія Уартона, притомъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ. Марчелла съ изумленіемъ и негодованіемъ смотрѣла на этого великана съ сверкающими глазами, длиннымъ, одутловатымъ лицомъ, всклокоченными черными волосами и рѣзкимъ сѣвернымъ акцентомъ. Какъ позволяетъ онъ себѣ употреблять такія выраженія и мѣшать человѣка съ грязью!

Голленъ, несмотря на страшную усталость, пытался примирить споришихъ. Но Вилькинсъ нѣкоторыми выходками такъ разгорячилъ рабочихъ, что споръ вспыхнулъ съ новымъ ожесточеніемъ.

— Еслибъ я только могъ предполагать, что, пріѣхавши въ Лондонъ, я долженъ буду отдать себя и свою партію въ распоряженіе Уартона, я бы остался дома, — кричалъ Вилькинсъ, хлопая себя по колѣнамъ. — Если эта партія должна быть народной въ полномъ смыслѣ слова, скажите, на кой чортъ мы поставимъ во главѣ ея какого-то молодого, распутнаго барчонка, — человѣка, который только воспользуется нами для собственнаго возвышенія, а потомъ, когда мы ему будемъ не нужны, онъ плюнетъ на насъ? Развѣ это не такъ? Скажите, кто онъ? *Нашъ* ли онъ, — плоть отъ плоти и кость отъ костей нашихъ? Нѣтъ, онъ *землевладѣлецъ* и аристок[illegible]тъ! Развѣ люди его класса сдѣлали что-нибудь для народа? Был[illegible]ли когда-нибудь землевладѣльцы на нашей сторонѣ? А вы увѣр[illegible]те меня, что человѣкъ, вышедшій изъ ихъ среды и живущій с[illegible]ю рентой и прибылью и прижимающій бѣдноту, — этотъ челов[illegible]ъ можетъ руководить нашей партіей! Къ чему намъ выбирать э[illegible]го гнуснаго лицемѣра? Пусть онъ идетъ къ своимъ или пусть о[illegible]будетъ другомъ рабочихъ въ сторонѣ отъ насъ: я не имѣю ни-

чего противъ того, чтобъ онъ подавалъ за меня голосъ, но я не хочу признавать его господиномъ надъ собой и давать ему право говорить отъ нашего имени въ парламентѣ. Вождемъ партіи необходимо выбрать человѣка изъ нашей среды,—такого, который бы жилъ нуждами и болѣлъ болями рабочаго класса.

— Если Уартонъ и изъ помѣщиковъ, то, во всякомъ случаѣ, изъ порядочныхъ,—возразилъ одинъ изъ рабочихъ. — Многіе изъ насъ знаютъ, какъ онъ хозяйничаетъ въ своемъ имѣніи, какъ онъ пытается ввести улучшенія,—напримѣръ, онъ устроилъ кооперативную ферму. Онъ не виноватъ, что родился аристократомъ.

— Говорю вамъ, что все это онъ дѣлаетъ для своей собственной выгоды!—упорно продолжалъ Вилькинсъ.—И газету онъ издаетъ для личныхъ цѣлей: я самъ убѣдился въ этомъ. Когда-нибудь я докажу это! Онъ также высказывается противъ помѣщичьихъ правъ, а посмотрите, вступитъ ли онъ въ дѣйствительную борьбу? Я знаю этихъ людей!

Въ эту минуту вмѣшался въ споръ чистый женскій голосъ.

— Однако, мнѣ представляется страннымъ,—заговорила Марчелла презрительнымъ тономъ,—пока вы здѣсь, въ Лондонѣ, охаете и вздыхаете по поводу антисанитарнаго состоянія жилищъ и дѣлаете лишь ничтожныя одиночныя попытки, почти половина деревенскаго населенія Англіи за послѣднія 2—3 десятилѣтія получила новыя жилища отъ этихъ самыхъ помѣщиковъ, и безъ всякаго шума и криковъ; притомъ, эти новыя просторныя помѣщенія сдаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ за ничтожную плату — за шиллингъ и четыре пенса въ недѣлю.

Голленъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Марчеллу. Вилькинсъ тоже уставился на нее изъ-подъ нависшихъ бровей,—онъ не любилъ женщинъ, въ особенности барынь. Онъ грубо отвѣтилъ ей, что если даже помѣщики дѣйствительно сдѣлали это, — въ чемъ онъ, однако, сомнѣвается, — то не иначе, какъ изъ личныхъ цѣлей,—можетъ быть, для того, чтобы подкупить общественное мнѣніе, а, можетъ быть, просто изъ хвастовства: люди, которые имѣютъ образцовый скотъ и свиней, конечно, должны имѣть и образцовыя жилища для фермеровъ, оставляя, впрочемъ, этихъ фер[...]ровъ на рабскомъ положеніи.

Возбужденная, съ горящими глазами, Марчелла стала воз[...]жать и обратилась къ фактамъ, указала на разницу между пом[...]щичьими и такъ называемыми «независимыми» деревнями, на ра[...]личные хозяйственные эксперименты, производимые крупными [...]мѣщиками, и подъ конецъ замѣтила, что даже для національза[...]

земли гораздо удобнѣе обширныя имѣнія, чѣмъ та система мелкихъ хозяйствъ, которая господствуетъ во Франціи.

Изумленію Голлена не было предѣловъ: «Откуда она все это почерпнула?»—онъ просто не вѣрилъ своимъ ушамъ.

Послѣ небольшого оживленнаго спора, въ который Марчелла внесла обычную свою горячность и любовь къ парадоксамъ, всѣ встали и начали прощаться.

— Вамъ бы слѣдовало придти къ намъ въ клубъ поспорить,— сказалъ Беннетъ, шутя, Марчеллѣ,—такъ легко васъ тамъ бы не выпустили.

Когда всѣ ушли, Марчелла обратилась къ Голлену:

— Неужели у васъ въ рабочей партіи много подобныхъ субъектовъ?

— Да, нашъ Вилькинсъ плохой собесѣдникъ,— съ улыбкой отвѣчалъ Голленъ,—но когда онъ говоритъ въ большихъ собраніяхъ, онъ оказываетъ неотразимое вліяніе на толпу. Онъ прямой и честный человѣкъ, но его характеръ и нетерпимость возбуждаютъ многихъ противъ него. Да, вы поразили его, но еще болѣе вы поразили насъ съ Франкомъ.

— Не могла же я спокойно выслушивать подобныя клеветы! Политика и злословіе — двѣ совершенно различныя вещи! — сказала Марчелла съ своимъ характернымъ жестомъ—закидываніемъ головы назадъ.

Когда Марчелла и Франкъ Ливенъ ушли, Голленъ подошелъ къ письменному столу и смотрѣлъ нѣкоторое время въ горькомъ раздумьи на портретъ Рэборна.

Когда сестра его ушла спать, онъ сѣлъ въ кресло и опять вернулся мыслью къ Марчеллѣ: «Она сейчасъ противорѣчила себѣ, какъ и въ тотъ разъ! Она и справедливость—вещи несоизмѣримыя! Если бы въ прошломъ году она хоть разъ думала такъ о помѣщикахъ, можетъ быть...»

И онъ погрузился въ безконечную цѣпь воспоминаній, которыя совсѣмъ разогнали сонъ. Отъ Рэборна и Марчеллы онъ перешелъ къ самому себѣ. Несмотря на слабость здоровья, которое позволяло ему работать только урывками, онъ считалъ свою жизнь необыкновенно удачною и счастливою. Съ тѣхъ поръ, какъ попытка читать лекціи для рабочихъ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, онъ страстно предался этому дѣлу и легко и бодро переносилъ всѣ лишенія, связанныя съ болѣзнью. Изученіе экономическихъ и историческихъ вопросовъ съ прямою практическою цѣлью; мечты—водворить «царство Божіе» на землѣ; увѣренность, что его любятъ,

что онъ имѣетъ вліяніе и можетъ быть вождемъ рабочихъ,—людей, благу которыхъ онъ посвятилъ всю свою дѣятельность,— все это доставляло ему радость и давало силы работать съ энтузіазмомъ. И вдругъ теперь ему пришлось въ первый разъ натолкнуться на сопротивленіе, на охлажденіе и недовѣріе друзей.

Весной въ Лондонѣ появилась книга подъ заглавіемъ: *To morrow and the land*, написанная молодымъ и очень способнымъ экономистомъ и трактующая о національзаціи земли. Въ живописномъ изображеніи авторъ пытался представить благодѣтельныя послѣдствія и для городской, и для сельской жизни экспропріаціи земли и обращенія ея въ національное достояніе. Книга эта отличалась отъ *Progress and Poverty* Генри Джорджа тѣмъ, что вводила очень остроумную и простую финансовую систему для вознагражденія помѣщиковъ; она была короче и доступнѣе для пониманія рабочихъ, написана очень живо, съ веселымъ юморомъ и снабжена массой примѣровъ изъ современной англійской жизни.

Книга пользовалась огромнымъ успѣхомъ, читалась на-расхватъ. Скоро Голленъ замѣтилъ, что всѣ наиболѣе выдающіеся и дѣятельные представители рабочей партіи увлеклись ею. Во всѣхъ изданіяхъ для рабочихъ, въ рабочихъ клубахъ—у всѣхъ на языкѣ была эта новая теорія.

Голленъ, ставившій на ряду съ экономическими и этическія задачи, горячо возсталъ противъ книги и ея выводовъ и заявилъ свое отношеніе прямо и открыто съ каѳедры. Въ результатѣ—въ первый разъ за всѣ одиннадцать лѣтъ—онъ почувствовалъ, что его положеніе среди рабочаго класса пошатнулось и вліяніе на рабочихъ начало ускользать изъ-подъ рукъ. Но его цѣльная, искренняя натура неспособна была ни къ малѣйшему компромиссу, и онъ рѣшилъ съ горячностью и упорствомъ броситься въ неравную борьбу.

Онъ уже получилъ нѣсколько предложеній на чтеніе публичныхъ лекцій по вопросамъ, волновавшимъ теперь весь рабочій міръ Лондона. Онъ охотно принялъ всѣ эти предложенія, но теперь со страхомъ думалъ, какъ онъ увидитъ вокругъ себя тысячи враждебныхъ лицъ, и чувствовалъ себя одинокимъ, безъ друзей и сочувствія.

«Трагедія жизни заключается въ столкновеніи между творческою дѣятельностью человѣка и скрытою мудростью міра, которая замѣтно ограничиваетъ первую». Эти слова, сказанныя его любимымъ писателемъ, глубоко запечатлѣлись въ его душѣ и теперь стояли передъ нимъ. «Не скрытая судьба или зло, но именно скрытая *мудрость*»,—думалъ онъ.

А.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ А. Мюссе.

I.

Когда заря своимъ румянцемъ алымъ
Прогонитъ тьму съ высотъ небесныхъ прочь,
Или весь міръ звѣздистымъ покрываломъ
Окутаетъ задумчивая ночь
И грудь твоя для счастья развернется,—
Пусть съ роемъ грёзъ, въ полночной тишинѣ,
Какъ дальній звонъ, мой вздохъ къ тебѣ несется:
О, вспомни обо мнѣ!

Когда судьба, безжалостной рукою,
Меня съ тобой навѣки разлучитъ,
И жизнь скорбей, извѣданная мною,
Съ годами грудь мою испепелитъ,—
Не позабудь минуты разставанья,
И пусть порой, какъ будто въ смутномъ снѣ,
Доносятся къ тебѣ мои рыданья:
О, вспомни обо мнѣ!

Когда твой другъ, измученный, разбитый,
Въ сырой землѣ покой себѣ найдетъ,
И надъ его могилой позабытой
Весной цвѣтокъ свой вѣнчикъ развернетъ
И ты смежишь на сонъ грядущій очи,—
Пусть шепотъ мой, въ глубокой тишинѣ,
Почудится тебѣ во мракѣ ночи:
О, вспомни обо мнѣ!

II.

Когда-бъ еще любви желанья
Могли мнѣ сердце волновать
И свѣтъ волшебный упованья
Мой трудный путь могъ озарять,

И ты, съ духовной красотою,
Способной ангеловъ плѣнить,
Явилась вдругъ передо мною,—
Я-бъ не посмѣлъ тебя любить.

Закрыты мнѣ любви скрижали!
Но если падаетъ твой духъ
Подъ гнетомъ горя и печали,—
Ты приходи ко мнѣ, мой другъ!

Довѣрь мнѣ, чѣмъ твой духъ мятется,
Все бремя тяжкое его,
И сердце друга отзовется
На вопли сердца твоего!

Д. Михаловскій.

МЕЛОЧИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Первое горе.

Разсказъ Шарля Фолей.

I.

Торопливо снявши подвѣнечное платье и одѣвшись въ дорожный костюмъ, Анна-Мари сошла въ сѣни. Поль Фортье ждалъ ее. Онъ осторожно отворилъ дверь, ведущую въ садъ, и прошепталъ дрожащимъ голосомъ:

— Уйдемъ тихонько, чтобъ избѣжать прощаній... такъ лучше.

Она послѣдовала за нимъ безъ возраженій, такъ какъ заранѣе предупредила родителей, что уйдетъ незамѣтно, чтобы не потревожить семейнаго пиршества. Молодые супруги быстро прошли подъ освѣщенными окнами стараго деревенскаго дома. Тепло и блескъ большого салона, веселый шумъ бала представляли собою полный контрастъ съ закутаннымъ ночнымъ туманомъ неподвижнымъ садомъ.

На ходу Анна-Мари оглядывалась, стараясь разобрать среди множества силуэтовъ, снующихъ взадъ и впередъ за отпотѣвшими стеклами, фигуры своей матери, своего отца и брата. Ей такъ хотѣлось взглянуть на нихъ еще разъ, въ послѣдній разъ послать имъ свой послѣдній дѣвичій привѣтъ, свои пожеланія счастья, и она подъ накидкой прижимала руку къ сердцу, какъ дѣлала это ...енькою дѣвочкой, когда за нихъ молилась. Но Фортье, ея мужъ, — ...къ съ нынѣшняго утра, — спѣшно шелъ впередъ изъ опасенія, ... ихъ могутъ вернуть, что случайная встрѣча можетъ ихъ выну...ь возвратиться въ домъ выслушивать всѣ пожеланія, подверг...ься поцѣлуямъ безъ конца. Они повернули за уголъ дома, ми...ли огородъ и подошли къ старой каменной лѣстницѣ, подни...ейся къ виноградникамъ, расположеннымъ уступами. Тамъ-

наверху, за маленькою зеленою калиткой, они выйдутъ на тропинку, вьющуюся по полю, и черезъ десять минутъ будутъ на станціи. Ихъ багажъ былъ отправленъ впередъ, и простой уходъ, безъ шума и проводовъ, избавлялъ ихъ отъ любопытства сосѣдей, сразу давалъ возможность остаться вдвоемъ.

Наканунѣ Анна-Мари очень одобрила такой планъ Фортье, теперь же ей тяжело было покинуть вдругъ столькихъ людей и столько вещей, любимыхъ ею горячо, чуть не бѣгомъ проходить мимо дорогихъ ей кустовъ, мимо піоновъ и ирисовъ, посаженныхъ ея руками. И наверху, у зеленой калитки, ея сердце такъ сильно билось, что она едва дышала. При мысли, что пройдетъ еще минута и не увидитъ она болѣе ни зеленыхъ лужаекъ, ни акацій, нависшихъ надъ потемнѣвшими крышами, ей страшно сдѣлалось и она остановилась.

— Который часъ?—спросила она тихо.

— Половина одиннадцатаго.

— Поѣздъ отходитъ въ одиннадцать часовъ пятнадцать минутъ. До станціи намъ идти не больше пятнадцати минутъ. До поѣзда остается еще много времени.

И еще тише, еще нѣжнѣе она продолжала:

— Прошу васъ, позвольте мнѣ отдохнуть здѣсь, у лѣстницы, подъ этими сиренями. Никто насъ не увидитъ, никто не предполагаетъ, что мы тутъ еще. Насъ никто не потревожитъ... Мнѣ же такъ пріятно будетъ еще разъ посмотрѣть на нашъ милый старый домъ!

— Но развѣ мы не можемъ отдохнуть, выйдя отсюда, на полевой тропинкѣ?—возразилъ онъ недовольнымъ тономъ, въ досадѣ на всю эту усадьбу, не имѣвшую никакого отношенія къ его прошлому.

Анна-Мари обратила къ нему свое хорошенькое блѣдное лицо и улыбнулась ему, вся облитая мягкимъ луннымъ свѣтомъ, потомъ проговорила ласково, съ оттѣнкомъ грусти:

— Будьте же хоть немножко снисходительны къ моей сантиментальности моложенькой провинціалки, скептикъ-парижанинъ! Уйдя отсюда, я уже буду принадлежать вамъ одному и на всѣ в
чера нашей жизни вмѣстѣ. А теперь, вѣдь, это послѣдній вечер
моей жизни дѣвушкой, и вечеръ этотъ здѣсь никогда уже не ве
нется такимъ, какимъ я его переживаю... Такъ не сокращайте я
мнѣ его. Позвольте мнѣ навсегда насмотрѣться на все это, забра
въ мое сердце все... что становится для меня моимъ прошедши
въ настоящую минуту.

Она сѣла на мшистую ступеньку лѣстницы, на свое любимое мѣстечко, и, сложивши руки на колѣняхъ, въ своей прежней позѣ маленькой дѣвочки, задумчивой и молчаливой, она смотрѣла, смотрѣла...

II.

Покорный, повидимому, но задѣтый въ своемъ самолюбіи тѣмъ, что она могла оторвать мысль свою отъ него и сосредоточить ее на чемъ-то иномъ, онъ сѣлъ рядомъ съ женою въ тѣни сиреней, скрывавшей отъ него выраженіе ея лица. Въ его душѣ шевельнулось раздраженіе противъ такого спокойнаго созерцанія. И не для того, чтобъ опечалить ее, а съ единственною цѣлью вновь привлечь къ себѣ ея вниманіе и подъ вліяніемъ безсознательной ревности, Поль Фортье спросилъ:

— Такъ вы любите его, этотъ старый домъ?

— Очень!

— Онъ построенъ во времена Реставраціи, не правда ли?... Стиль путанный, довольно тяжелый.

— Не знаю.

— Я предпочитаю современное,—у меня все новое.

И, поддаваясь эгоистическому и необдуманному побужденію сорвать на чемъ-нибудь свою досаду, накопившуюся за цѣлый день натянутости, онъ продолжалъ довольно не кстати:

— Вашъ мэръ тянулъ необыкновенно, а священникъ вашъ и его перещеголялъ; я думалъ, что никогда они не кончатъ!

Она отвѣтила со взглядомъ, затуманившимся грустью:

— Взволнованы они были, эти милые люди... знали меня совсѣмъ крошечною!

— Такъ же, какъ за завтракомъ вашъ дядя, сказавшій цѣлую рѣчь, и вашъ крестный отецъ, угостившій насъ стихами... Большихъ усилій мнѣ стоило, чтобы не расхохотаться.

— Сдѣлали они это отъ добраго и чистаго сердца.

— Не спорю, но вышло это замѣчательно потѣшно. А удивительнѣе всего то, что всѣхъ растрогало его жалкое риѳмоплетство. ...ши папаша и мамаша слезы проливали! Я замѣтилъ, впрочемъ, ...о въ вашей семьѣ всѣ не въ мѣру слезливы.

Она молчала, не отрывая глазъ отъ стараго дома, и взоръ ея ... больше и больше заволакивался печалью.

— Ваши родители, — продолжалъ Фортье, — прекраснѣйшіе ...и, но слабые, до крайности слабые... съ прислугой, во-пер-

выхъ: распущенность во всемъ поразительная!... А затѣмъ и въ отношеніи вашего юнаго братца...

Анна-Мари сдѣлала надъ собою усиліе и проговорила измѣнившимся голосомъ:

— Его, правда, немного балуютъ, но онъ добрый и хорошій мальчикъ. И со мною онъ всегда былъ такъ милъ, такъ милъ!...

— Всякихъ благъ желаю ему за это. Но, согласитесь сами, мнѣ онъ дѣлалъ довольно кислыя мины.

— Мы съ нимъ никогда не разставались. Теперь онъ будетъ совсѣмъ одинокимъ. Тяжело ему это... и если онъ ревнуетъ немного, то вы должны извинить ему.

— И я извиняю. Только его дикое бѣгство въ то время, какъ вы ушли переодѣваться, потомъ нелѣпая фантазія запереться въ своей комнатѣ, откуда вы могли такъ же точно, какъ и я, слышать его рыданія... посудите сами, до чего это смѣшно! Повторяю, въ вашей семьѣ плачутъ изъ-за всякихъ пустяковъ.

Она ничего не отвѣтила и сидѣла блѣдная, съ глазами, полными тоски, въ тѣни развѣсистыхъ сиреней. Молодой супругъ не замѣтилъ ея волненія и дотронулся до ея плеча.

— Вдоволь насмотрѣлись?... Идти не пора ли?

III.

Она все такъ же упорно смотрѣла на покинутый домъ. Тогда Поль Фортье обхватилъ рукой ея талію, поднялъ ее и повелъ къ зеленой калиткѣ. Анна-Мари напрягала всѣ силы на то, чтобы преодолѣть охватившую ее слабость, не выдать своихъ чувствъ, не заплакать, такъ какъ онъ находилъ это смѣшнымъ. Она рѣшилась уйти съ нимъ, не останавливаясь, не оглядываясь назадъ.

Но когда они переступили порогъ, она поняла, что калитка затворится за нею и все будетъ кончено,—не увидитъ она болѣе ни любимыхъ лужаекъ, ни акацій, склонившихся надъ потемнѣвшими крышами,—она не выдержала, инстинктивно поддалась неодолимому, ребяческому, суевѣрному желанію взглянуть еще разъ, взглянуть въ послѣдній разъ. Она протянула руку, лихорадочно оперлась ею на оштукатуренный столбикъ калитки. Какъ разъ въ этотъ мигъ Фортье торопливо захлопнулъ калитку и придавилъ ею пальцы своей молодой супруги.

Она вскрикнула не отъ физической боли, а потому, что этотъ крикъ могъ облегчить гнетъ, давившій ея сердце, что въ слезахъ она могла вылить тревогу и волненіе, томившія ея душу.

— О, больно вы мнѣ сдѣлали... очень больно, страшно больно!

Онъ схватилъ ея руку, увидалъ, что крови нѣтъ на ней,—едва замѣтная ссадинка,—и успокоился.

— Вы испугали меня,—я думалъ, что раздавилъ вамъ руку... Пройдетъ сейчасъ...

И, чувствуя себя на пустынной тропинкѣ болѣе свободнымъ, избавленнымъ отъ непріятныхъ впечатлѣній стараго дома, онъ прижалъ къ губамъ пальцы жены, цѣловалъ ихъ долгимъ страстнымъ поцѣлуемъ, утѣшалъ ее, какъ успокоиваютъ малое дитя:

— О, бѣдные, милые пальчики!... Славные мои, хорошіе!... Вотъ и прошло... я вылечилъ ихъ!

И на самомъ дѣлѣ ссадины она уже не чувствовала, но, при воспоминаніи объ его разочаровывающихъ словахъ, въ глубинѣ, въ самой глубинѣ ея сердца все еще болѣла нанесенная ему ранка. Анна-Мари плакала. А онъ понять не могъ такихъ горькихъ слезъ изъ-за ничтожной царапинки и, хотя раздосадованный, продолжалъ цѣловать ея пальцы, повторяя:

— Не прошло еще, не вылечилъ? Цѣловалъ, должно быть, мало... Да, скажите, мало цѣловалъ, мало?

Пристыженная тѣмъ, что она кажется ему такимъ ребенкомъ, доведенная до очаянія своими рыданіями, которыхъ она не имѣла силы сдержать, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, раздраженная его полнымъ непониманіемъ настоящей причины ея горя, она ничего не нашла отвѣтить, кромѣ жестокой, неосторожно сказанной имъ фразы:

— Не обращайте вниманія. Вы уже сами замѣтили, что въ моей семьѣ... плачутъ изъ-за всякихъ пустяковъ!

Отъ него ускользнула горечь ироніи, затаенной въ ея отвѣтѣ, и онъ разсмѣялся.

— Наконецъ, вы сами сознались въ этомъ.

И онъ опять торопливо повелъ ее впередъ. Она не проговорила ни слова больше. Но теперь ея затуманеннымъ слезами глазамъ станція, съ ея мигающими огоньками, поля и лѣса, вся такъ хорошо знакомая мѣстность, все окружающее показались вдругъ какими-то чуждыми, невѣдомыми, крайне унылыми. И, идя рука об[о] руку съ молодымъ человѣкомъ, съ мужемъ, она въ первый ра[зъ] въ жизни почувствовала себя совершенно одинокою, страшно од[ин]окою подъ сумракомъ ночи.

Внушеніе.

Разсказъ Жана Рейбраха.

I.

— Докторъ, маленькій сеансъ: усыпите кого-нибудь, — сказала хозяйка дома.

Выраженіе недовольства пробѣжало по лицу доктора Денова.

— Извините меня, сударыня, я не занимаюсь болѣе магнетизмомъ.

— О, почему это?

Другія дамы бросились было къ нему съ лицами, сіяющими любопытствомъ, и просьбы, готовыя сорваться съ ихъ пунцовыхъ губокъ, остались не высказанными, губки сложились въ мины упрека. Докторъ повторилъ задумчиво.

— Почему?

Потомъ, послѣ короткаго колебанія, онъ проговорилъ:

— Чтобы вы простили меня за отказъ, я считаю себя обязаннымъ объяснить вамъ его причину. Если угодно, къ вашимъ услугамъ.

— Событіе разскажете?—спросилъ кто-то.

— Истинное происшествіе,—отвѣтилъ Деновъ.

Онъ сѣлъ и началъ разсказъ.

II.

«Полтора года назадъ я поѣхалъ въ провинцію повидать одного изъ моихъ друзей. Назовемъ его, пожалуй, Полемъ. Насъ давно разлучили разныя житейскія случайности, въ особенности его женитьба, вынудившая его засѣсть въ имѣніи, въ деревенской глуши. Но очень нерѣдко, среди моихъ занятій, мечты мои, не безъ примѣси затаенной зависти, влекли меня къ мирному уголку, гдѣ онъ отдавалъ свое время охотѣ, рыбной ловлѣ, прогулкамъ верхомъ.

«Съ самаго пріѣзда всѣ ожиданія мои осуществились. Покоемъ, яснымъ довольствомъ, безмятежною тишиной вѣяло отъ тѣнистой аллеи, въ концѣ которой замокъ временъ Людовика XIII утоп[illegible]ъ въ зелени холмовъ, покрытыхъ лѣсами. Настоящею идилліей [illegible]шало все кругомъ: прохлада полутемныхъ аллей, бархатъ лѣсн[illegible]ъ мховъ, отсутствіе шума, всякой дѣловой суеты.

«Поль встрѣтилъ меня на станціи. Его жену я увидалъ нем[illegible]го позднѣе, передъ самымъ обѣдомъ. Она оказалась замѣчательно к[illegible]сивой: черные глаза, блестящій взглядъ изъ-подъ длинныхъ в[illegible]с-

ницъ такъ и сверкалъ, точно острія стрѣлъ, фигура восхитительная, цвѣтъ кожи слегка янтарный, полный жизни, согрѣтый кровью, бьющею горячимъ ключомъ.

«Не восхищаться такою женщиной я не могъ. Но, странное дѣло, я испытывалъ, въ то же время, своего рода разочарованіе. Былъ ли то плодъ моей фантазіи, или же вліяніе этой слишкомъ сильной красоты, подобной знойному лѣту, только жена моего пріятеля далеко не подходила къ моей идилліи. Такъ и казалось мнѣ, что слишкомъ напряженная энергія ея жизненности разрушитъ тѣсную для нея рамку покоя и мирнаго благополучія.

«Такое впечатлѣніе особенно усилилось, когда пріѣхалъ гость, молодой человѣкъ, ихъ деревенскій сосѣдъ. И когда я обратилъ взглядъ на Поля, мнѣ показалось, будто онъ вдругъ какъ-то измѣнился, точно принизился. Первая радость при встрѣчѣ со мной потухла въ его глазахъ; я видѣлъ его, несомнѣнно, уже такимъ, каковъ онъ всегда: немного постарѣвшимъ, почти стѣсняющимся, какъ бы подъ вліяніемъ неопредѣленной нервности недовѣряющаго мужа, боящагося выдать свою затаенную мысль.

«Долго раздумывать объ этомъ мнѣ не пришлось,—меня унесли далеко нахлынувшія на насъ воспоминанія среди уютной столовой съ дверью, отворенною въ паркъ, на который неторопливо спускались меланхолическія вечернія тѣни. Затѣмъ, съ половины обѣда, разговоръ, довольно вялый вначалѣ, вдругъ оживился, сразу перешелъ на предметъ, живо интересовавшій всѣхъ въ то время, а именно: на явленія гипнотизма и внушеній.

«Мой другъ съ момента первыхъ открытій сильно увлекся изученіемъ этихъ явленій, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ они служили сюжетомъ частыхъ споровъ между нимъ и его женой.

«Она отрицала все, что имѣетъ отношеніе къ этой области изслѣдованій, и во всемъ этомъ упорно видѣла только одно шарлатанство, тогда какъ Поль, помимо почерпнутаго имъ изъ книгъ, считалъ себя вправѣ утверждать многое и очень любопытное, добытое имъ личными опытами.

«Однажды въ Парижѣ онъ съ полнымъ недовѣріемъ предло-
ъ произвести опытъ надъ нимъ самимъ, былъ усыпленъ, по-
ъ разбуженъ и, совершенно непроизвольно, продѣлалъ все то,
было приказано ему во снѣ.

«— Надъ вами, просто, потѣшались,—сказала его жена и об-
лась ко мнѣ: — Будьте добры, докторъ, помогите мнѣ разубѣ-
его въ этомъ вздорѣ. Онъ съ ума надъ нимъ сходитъ.

Іоставленный въ необходимость высказаться, я принужденъ

былъ не согласиться съ ея мнѣніемъ и объяснилъ, что самъ живо интересуюсь этимъ вопросомъ, передалъ неопровержимые факты, которыхъ я былъ очевидцемъ. Она стояла на своемъ съ непобѣдимымъ упрямствомъ и, улыбаясь милою улыбкой хорошенькой женщины, объявила, что повѣритъ лишь тогда, когда убѣдится своими глазами, да и то еще какъ придется.

«— Дѣло очень простое,—продолжала она,—такъ какъ мой мужъ поддается внушеніямъ, то сдѣлайте одолженіе, произведите опытъ надъ нимъ.

«Поль, съ своей стороны, выразилъ такое же желаніе.

«Я посмотрѣлъ на него и по его нетвердому взгляду понялъ, что онъ тотчасъ же подчинится моему вліянію.

«Мы перешли въ гостиную.

«Поль оказался превосходнѣйшимъ субъектомъ и съ первыхъ же пассъ впалъ въ гипнотическій сонъ.

«Сидя въ креслѣ, его жена зорко слѣдила за нами полузакрытыми глазами.

«— Онъ спитъ,—сказалъ я.

«Она позвала мужа, потомъ подошла къ нему, взяла за руку, приподняла ее и выпустила,—рука безсильно упала.

«— Правда, спитъ,—проговорила хозяйка,—теперь сдѣлайте ему какое-нибудь внушеніе...

«Она, повидимому, придумывала, что̀ бы заставить его сдѣлать.

«— Знаете, надо приказать что-нибудь необычное, настолько странное, чтобъ онъ не могъ угадать, что̀ не входило бы въ его привычки...

«Она осмотрѣлась кругомъ. На столѣ лежала книга гипнотическаго журнала, а на ней перламутровый разрѣзной ножъ. Молодая женщина быстро перелистовала нумеръ журнала.

«— Вотъ,—сказала она, указывая пальцемъ на открытую страницу,—вотъ опытъ, который былъ уже произведенъ съ полнымъ успѣхомъ, какъ говорятъ, въ больницѣ Сальпетріеръ. Повторите его, тогда я повѣрю.

«Опытъ заключался въ томъ, чтобы внушить паціенту произвести въ указанный часъ опредѣленное дѣйствіе, и въ данномъ случаѣ такимъ дѣйствіемъ должно было оказаться самоубійство совершенно безвреднымъ орудіемъ, которое субъектъ приметъ за настоящій кинжалъ.

«— Извольте,—согласился я.

«Она подала мнѣ перламутровый ножъ.

«— Онъ очень дорожитъ этимъ ножомъ,— добавила она,— и такъ какъ эта вещица очень хрупкая, то онъ сломаетъ ее непремѣнно о свое платье. Тогда не останется у меня никакого сомнѣнія въ искренности моего мужа.

«— Смѣю завѣрить, ножъ будетъ сломанъ,—подтвердилъ я.

«Я обратился къ моему другу и, поднося перламутровый ножъ къ его глазамъ, проговорилъ:

«— Вы видите этотъ кинжалъ? Я кладу его на это мѣсто, на столъ. Завтра утромъ, когда позвонятъ къ завтраку, вы возьмете этотъ кинжалъ и убьете себя.

«Я разбудилъ Поля. Онъ ничего не помнилъ и лишь слегка волновался, довольно забавно, заинтригованный тѣмъ дѣйствіемъ, которое я могъ ему внушить, и въ ожиданіи съ минуты на минуту, что вотъ-вотъ явится непреодолимое желаніе, развитіе котораго онъ хотѣлъ тщательно прослѣдить.

«Вечеръ закончился очень весело.

«На другой день утромъ мы втроемъ прогуливались на террасѣ, когда прозвонилъ колоколъ къ завтраку. Поль насторожился, потомъ торопливо насъ покинулъ и пошелъ въ домъ. Его жена сильно поблѣднѣла.

«— Идемте скорѣе!—сказалъ я.

«Она не двинулась съ мѣста.

«— Зачѣмъ?—отвѣтила она.—Я хорошо вижу, что внушеніе подѣйствовало. Онъ ушелъ... Теперь уже совсѣмъ обезумѣетъ!

«Я быстро направился въ гостиную слѣдомъ за моимъ субъектомъ. Въ дверяхъ я громко вскрикнулъ: Поль лежалъ на полу мертвый съ кинжаломъ въ груди».

III.

— Съ настоящимъ кинжаломъ?—спросилъ кто-то.

— Да,—отвѣтилъ Деновъ,—съ настоящимъ!

И онъ добавилъ:

— Я взглянулъ на столъ,—перламутровый ножъ исчезъ.

олчавши немного, онъ проговорилъ:

Жена Поля, спустя нѣкоторое время, вышла замужъ вторич.. вышла замужъ за ихъ деревенскаго сосѣда, за того молодог... сѣда, который обѣдалъ съ нами наканунѣ.

Полина Лаварди.

Разсказъ Жана де-Рувруа.

I.

Громадная толпа тѣснилась во Дворцѣ Юстиціи. Тамъ судили Полину Лаварди, жену извѣстнаго банкира. Обвиняемую только что ввели въ залу суда.

При появленіи обвиняемой сильное волненіе охватило зрителей.

Полина Лаварди, очень спокойная, сѣла между двумя муниципальными гвардейцами. Ея глаза смотрѣли мягко и гордо; во всей ея фигурѣ не было замѣтно тѣни рисовки или слабости.

Допросъ прошелъ быстро. Полина Лаварди во всемъ созналась: она убила мужа. Но въ силу какихъ причинъ совершила она это преступленіе?

— Мой защитникъ объяснитъ вамъ это, — просто отвѣтила обвиняемая.

И, завернувшись въ черную шерстяную шаль, надвинувши на волосы вуаль, приколотую къ креповой шляпѣ, она сложила руки на колѣняхъ и сидѣла въ выжидательной позѣ.

Тогда заговорилъ прокуроръ. Онъ произнесъ довольно запутанную обвинительную рѣчь. На самомъ дѣлѣ, онъ самъ не находилъ объясненія преступленію, — оно для всѣхъ оставалось загадочнымъ, и во все время слѣдствія обвиняемая не отвѣтила на вопросы слѣдователя, разсчитывая, вѣроятно, всѣ объясненія дать передъ судомъ присяжныхъ. А потому прокуроръ считаетъ необходимымъ сперва выслушать защиту и затѣмъ уже выскажется съ своей стороны. Предварительно же онъ обращается къ совѣсти присяжныхъ засѣдателей: преступленіе совершено, за него должно послѣдовать возмездіе, и уже дѣло суда будетъ опредѣлить мѣру наказанія.

Слова эти были выслушаны въ глубокомъ молчаніи.

По приглашенію предсѣдателя поднялся съ своего мѣста защитникъ. Въ рукахъ у него была какая-то рукопись.

— Отъ себя лично мнѣ не придется ничего сказать,—заявилъ онъ.—Въ запискѣ, составленной въ тюрьмѣ обвиняемою, она излагаетъ обстоятельства и причины, вызвавшія преступленіе. Когда я прочту этотъ документъ, вы придете къ тому же заключенію, къ какому пришелъ и я,—что всякія судебныя пренія тутъ совершенно неумѣстны, и намъ останется только выслушать вердиктъ присяжныхъ.

Вотъ содержаніе записки, которую прочелъ защитникъ Полины Лаварди.

II.

«До тѣхъ поръ, пока былъ живъ мой сынъ, я считала своею обязанностью молчать. Чтобы спасти честь его имени, я рѣшила не раскрывать мотивовъ моего преступленія. Я и на судѣ не сказала бы ни слова, и совершенное мною дѣяніе, оставшись, такимъ образомъ, необъяснимымъ, могло бы представиться актомъ безумія. Теперь мой несчастный ребенокъ умеръ, онъ не перенесъ,—слабый, бѣдняжка,—того жестокаго горя, которое причинилъ ему арестъ матери. О томъ, что нѣтъ его въ живыхъ, я узнала, когда предварительное слѣдствіе было уже закончено. Его нѣтъ и для меня нѣтъ основанія хранить долѣе молчаніе. Не будучи уже вынужденною оберегать его честь, я могу сказать въ настоящее время, что рѣшилась на убійство ради того, чтобы спасти свою честь.

«Мнѣ двадцать восемь лѣтъ. Едва сравнялось мнѣ двадцать лѣтъ, какъ мои родители выдали меня замужъ за г. Лаварди. Я тотчасъ же поняла, насколько печальна будетъ моя жизнь съ нимъ. Г. Лаварди, человѣкъ дѣловой, женился на мнѣ единственно изъ-за моего приданаго; онъ меня не любилъ и не могъ полюбить. И я, съ своей стороны, тщетно пыталась вызвать въ моемъ сердцѣ хотя бы искру нѣжнаго чувства къ нему.

«У меня родился ребенокъ. На немъ сосредоточилась вся любовь, къ какой было способно мое сердце. Разъ у женщины есть ребенокъ, она легко можетъ обходиться безъ супружеской любви,—она уже не одинока.

«Проходили годы. Мой мужъ жилъ почти постоянно внѣ дома. Онъ всегда ссылался на серьезныя дѣла, требовавшія его присутствія то въ Бельгіи, то въ Англіи. Всего разъ или два въ годъ онъ давалъ большіе обѣды, за которыми слѣдовали балы.

«На одномъ изъ такихъ баловъ онъ представилъ мнѣ г. Люсьена де-Северакъ. Я знала его до моего замужства, такъ какъ его родители были въ дружескихъ отношеніяхъ съ моими родными. Ему было восемнадцать лѣтъ, когда я потеряла его изъ вида. Теперь же передо мною былъ вполнѣ сформировавшійся молодой человѣкъ, очень привлекательный и умный. Онъ сказалъ мнѣ, что родители его умерли, что онъ одинъ-одинехонекъ на бѣломъ свѣтѣ и имѣетъ колоссальное состояніе, съ которымъ рѣшительно не знаетъ, что дѣлать.

«Потомъ я видала его нѣсколько разъ, и вскорѣ мнѣ ясно стало, что онъ увлекается мной. Былъ ли то мимолетный капризъ съ его стороны, или серьезная и глубокая любовь,—это меня нисколько не интересовало.

«Я жила жизнью женщины, которой уже нечего ждать никакихъ радостей. Но жизнь была спокойная, и я довольствовалась ею. Нежданно разразился страшный ударъ.

«Разъ утромъ,—тому около двухъ мѣсяцевъ,—мой мужъ объявилъ мнѣ, что онъ разоренъ. Катастрофа эта такъ и осталась никому неизвѣстной: г. Лаварди встрѣтилъ это событіе съ своимъ обычнымъ хладнокровіемъ и съ безпощадною энергіей пытался устранить надвигающуюся опасность. Какъ бы то ни было, однако, онъ надолго не могъ оттянуть время, когда всѣмъ сдѣлалось бы извѣстно, что не только все его состояніе, но и капиталы многихъ лицъ, положившихъ свои деньги въ банкъ, погибли безвозвратно.

«Повторилась самая обычная исторія множества финансистовъ. Широкая жизнь, любовницы, удовольствія и отчаянныя спекуляціи для покрытія расходовъ на все это... Вначалѣ г. Лаварди, по привычкѣ ворочать милліонами, не задумывался ни надъ чѣмъ. Все шло такъ, какъ ему хотѣлось, до того часа, когда наступила полоса неудачъ. Его звѣзда угасала, а онъ упорно продолжалъ игру, проигрывалъ, доходилъ до крайности. Тогда, совсѣмъ потерявши голову, онъ все забылъ и пересталъ уже различать въ своей кассѣ наши собственные капиталы отъ весьма крупныхъ суммъ, отданныхъ въ его руки довѣріемъ публики. Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ дѣла колебались то въ ту, то въ другую сторону, и, въ концѣ-концовъ, наступалъ полный разгромъ. Чтобы маскировать страшный дефицитъ, г. Лаварди пустился на мошенническія продѣлки.

«Вотъ въ чемъ онъ мнѣ признался въ то утро.

«Порывъ жалости привлекъ меня къ нему. Я видѣла его въ несчастьи и уже не думала осуждать его, сознавала только мои обязанности жены и матери. Безъ укоровъ и попрековъ я старалась ободрить его, поддержать и утѣшить.

«Увы, не за тѣмъ онъ пришелъ ко мнѣ...

«— Знаете ли вы, до какой суммы доходятъ мои потери? — спросилъ онъ холодно.

«Что могла я отвѣтить? Дѣлъ его я не знала. Онъ продолжалъ:

«— До милліона семисотъ тысячъ франковъ!

«Цифра эта привела меня въ ужасъ. Я поняла, что все погибло, что нѣтъ надежды на спасеніе. Еслибъ я выпросила у отца ту часть состоянія, которая досталась бы мнѣ послѣ его смерти, и тогда мы не покрыли бы даже четвертой части такой громадной суммы.

«— Стало быть, вамъ остается только умереть! — проговорила я.

«— Умереть?—воскликнулъ г. Лаварди.

«Онъ разсмѣялся, почти презрительно, такимъ смѣхомъ, который отдается въ моихъ ушахъ даже въ ту минуту, когда я пишу эти строки. Я смотрѣла на мужа. Онъ ни на мгновеніе не утратилъ своего спокойствія и сказалъ:

«— Вы можете мнѣ помочь все поправить.

«Всю правду тяжело раскрывать, но я принуждена сдѣлать это. Тотъ, чье имя я носила, кто обязанъ былъ уважать во мнѣ, по крайней мѣрѣ, мать своего ребенка, если не супругу, рѣшился предложить мнѣ позорную сдѣлку: я должна сдѣлаться любовницей Люсьена де-Северакъ, и тогда тотъ, въ качествѣ компаньона г. Лаварди, внесетъ въ его кассу сумму, необходимую для покрытія дефицита.

«Какъ не упала я мертвою, убитою наповалъ, выслушавши такое чудовищное предложеніе? Мнѣ до сихъ поръ кажется, будто какое-то безуміе охватываетъ мою голову. Не бредъ ли то былъ? Вправду ли я пережила такой ужасъ?

«Отдавшись чувству негодованія, я поднялась съ мѣста, хотѣла убѣжать. Г. Лаварди удержалъ меня за руку и, оставаясь, попрежнему, невозмутимымъ, сказалъ:

«— Полина, не ради меня только вы должны спасти меня, но ради себя и нашего сына. Нельзя допустить, чтобъ имя наше было опозорено срамомъ банкротства. Люсьенъ де-Северакъ готовъ дать мнѣ деньги, которыя я просилъ у него, — такъ не отталкивайте же его!

«— И онъ воображаетъ, что меня купить можно?

«— Онъ любитъ васъ. О, повѣрьте мнѣ, я уже давно отлично вижу это! Къ тому же, могу признаться вамъ, я перехватилъ письмо, которое онъ написалъ вамъ и въ которомъ сообщалъ вамъ о своемъ обожаніи. Тогда я отправился къ нему и въ качествѣ оскорбленнаго мужа потребовалъ отъ него удовлетворенія.

«— И что же?

«— Мнѣ принадлежитъ право опредѣлить, въ чемъ должно заключаться удовлетвореніе. Я разсказалъ де-Севераку про катастро[illegible] которая грозитъ мнѣ гибелью. Кто же, какъ не онъ, можетъ [illegible]учить меня изъ бѣды? Состояніе г. де-Северакъ я оцѣни[illegible] въ [illegible]ладцать милліонъ, проживаетъ онъ не болѣе шестиде[illegible] ты[illegible]ъ франковъ въ годъ... Если онъ любитъ васъ, то н[illegible]янъ ли [illegible]анъ спасти насъ, не онъ ли долженъ позаботиться [illegible] вашемъ [illegible]тьи?

«— Что же отвѣтилъ вамъ г. де-Северакъ?

«— Отвѣчать ему было нечего. Я отдалъ ему письмо, которое онъ писалъ вамъ, и пригласилъ его явиться къ вамъ лично. Само собою разумѣется, что отъ него я заполучилъ подписанный имъ актъ вступленія со мною въ товарищество.

«Я онѣмѣла, не могла произнести ни одного слова. Силы меня покинули, вся кровь какъ бы застыла въ моихъ жилахъ.

«— А за симъ,—продолжалъ мой мужъ,—вы ужь меня извините: въ теченіе нѣсколькихъ дней меня не будетъ дома. Вы сами понимаете, что послѣ такихъ страшныхъ тревогъ, только что пережитыхъ мною, мнѣ необходимъ нѣкоторый отдыхъ. Я проведу съ недѣлю въ нашемъ помѣстьи, въ Артене, и вы пріѣдете ко мнѣ туда въ сопровожденіи г. де-Северака.

«Какъ прошла остальная часть дня послѣ этого ужаснаго разговора, я передать не могу. Въ моей памяти сохранилось лишь то, что потомъ произошло.

«Около шести часовъ вечера явился г. де-Северакъ и выразилъ желаніе видѣть меня. Въ эту минуту г. Лаварди вошелъ въ комнату, гдѣ я сидѣла. Сомнѣнія не оставалось въ томъ, что торгъ состоялся: г. де-Северакъ пришелъ получить то, что ему принадлежало,—я была продана!

«На губахъ г. Лаварди была такая улыбка, отъ которой вся душа во мнѣ возмутилась.

«Онъ тихо сказалъ мнѣ:

«— Идите же, Полина, нашъ другъ ждетъ васъ.

«И онъ направился къ двери. Что происходило во мнѣ? Я быстро подошла къ зеркальному шкафу, открыла его и взяла маленькій револьверъ, купленный мною въ виду поѣздки въ деревню, такъ какъ я очень пуглива и хотѣла имѣть его для собственнаго успокоенія.

«— Иду!—сказала я.

«Войдя въ гостиную, гдѣ меня ждалъ г. де-Северакъ, я воскликнула, обращаясь къ нему:

«— Васъ судить я не стану, предоставляю вашей совѣсти выяснить вамъ всю подлость того, что вы сдѣлали. Иное дѣло мой мужъ: такъ какъ онъ присвоилъ себѣ право продать меня вамъ, и я считаю себя вправѣ расплатиться съ нимъ за его мерзости!

«Г. Лаварди въ испугѣ хотѣлъ броситься ко мнѣ.

«— Г. де-Северакъ,—сказала я,—узнаетъ, по крайней мѣр что на вашъ торгъ моего согласія не было.

«Я выстрѣлила въ г. Лаварди.

«Онъ умеръ. Меня арестовали, меня будутъ судить. Пусть д

лают со мною, что хотятъ... Возможно, впрочемъ, что усомнятся въ правдивости моихъ показаній. Въ такомъ случаѣ, мой защитникъ прочтетъ письмо, которое написалъ ему г. де-Северакъ, покинувшій Парижъ и уѣхавшій въ Америку тотчасъ послѣ ужасной сцены. Въ своемъ письмѣ онъ подтверждаетъ все, разсказанное мною. Если я совершила преступленіе, то не была ли я вынуждена сдѣлать это? Честь женщины и матери заставляла меня поступить такъ, и объ этомъ я не могу пожалѣть, не могу раскаиваться въ этомъ».

III.

Записка эта была прочтена взволнованнымъ голосомъ. Въ залѣ раздались кое-гдѣ аплодисменты.

Прокуроръ поднялся съ своего мѣста.

— Если обвиняемая сказала правду,— проговорилъ онъ,— то мнѣ нечего прибавлять къ моимъ прежнимъ словамъ: пусть же господа присяжные рѣшаютъ по совѣсти своей и по своему разумѣнію.

Онъ взглянулъ на госпожу Лаварди.

Въ свою очередь она встала и ясно, отчетливо сказала:

— Клянусь памятью моего несчастнаго ребенка, я показала суду всю правду, какъ на исповѣди передъ Богомъ!

Присяжные вынесли оправдательный приговоръ.

IV.

На другой день стало извѣстно, что госпожа Лаварди покончила самоубійствомъ.

Вернувшись домой освобожденною изъ-подъ ареста, она написала записку: «Теперь, когда на память обо мнѣ не можетъ быть брошено никакого подозрѣнія, я ухожу къ моему ребенку».

И она отравилась быстро дѣйствующимъ ядомъ.

М. Р.

ЮБИЛЕЙ.

(Не совсѣмъ обыкновенная исторія).

> *Юбилей*—такъ назывался 7-й изъ субботнихъ лѣтъ еврейскаго лѣтоисчисленія. Этотъ годъ посвящался отдохновенію; долги прощались, рабы и плѣнные отпускались на свободу, наслѣдственныя имущества возвращались прежнимъ собственникамъ или ихъ наслѣдникамъ. Обычай этотъ (получившій свое названіе отъ еврейскаго слова *юбель* — козій рогъ, потому что въ него трубили, возвѣщая начало юбилея) соблюдался, какъ думаютъ, до вавилонскаго плѣна.
>
> *Энциклопедическій всенаучный словарь В. Клюшникова.*

1.

— ... Что до меня, господа, то я вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію, что его слѣдуетъ почтить...

— Старикъ! Прослужилъ тридцать пять лѣтъ!

— Да, но согласитесь...

— Я полагаю, что мы, какъ товарищи...

— Согласитесь, однако...

— Никого не тащутъ за шиворотъ. Я думаю, этотъ вопросъ принципіальный, и потому...

— Эхъ, господа, и всего-то три рубля съ носу! Стóитъ о томъ толковать!

— Дѣло не въ трехъ рубляхъ. Я хочу только сказать...

— Коротко и ясно. Кто желаетъ подписаться?

— Я подпишусь!

— Я тоже!

— Мы всѣ!

Споръ этотъ происходилъ въ учительской комнатѣ (она же физическій кабинетъ) одной изъ петербургскихъ гимназій, во вре

большой перемѣны. Группа преподавателей тѣснилась у стола, за которымъ сидѣлъ толстый и грузный господинъ, съ заткнутымъ подъ бородою кончикомъ носового платка, вмѣсто салфетки, передъ тарелкою съ подернувшимся слоемъ застывшаго уже маргарина бифштексомъ,— преподаватель всеобщей географіи, Иванъ Данилычъ Поплясухинъ, въ обычное время невозмутимо спокойный и мало-подвижный, но теперь чѣмъ-то взволнованный. Да и всѣ были взволнованы, всѣ стояли на ногахъ, горячились,— кто со стаканомъ простывшаго чаю въ рукахъ, кто жестикулируя надкушеннымъ бутербродомъ — принесеннымъ изъ дому завтракомъ.

Вниманіе всѣхъ сосредоточивалъ лежавшій передъ Поплясухинымъ листъ писчей бумаги, съ проведенною вдоль него толстою чертой, какъ это дѣлается, когда собирается на что-либо подписка или пожертвованіе. Въ самомъ верху совершенно пока чистой страницы стояли, одна подъ другой, три фамиліи:

И. Поплясухинъ . . . . *3 р.*
Л. Грохотунскій . . . . *3 р.*
Н. Бубенцовъ. . . . . *3 р.*

И Грохотунскій, и Бубенцовъ, составлявшіе въ данный моментъ прочный тріумвиратъ съ Поплясухинымъ, стояли по обѣимъ сторонамъ его стула, поддерживая своими репликами въ тѣхъ случаяхъ, когда Поплясухинъ, обладавшій медленною и затрудненною рѣчью, искалъ выраженій.

Преподаватель русской словесности Грохотунскій, снабдившій свою подпись молодецкимъ росчеркомъ, являлъ собой господина, перешедшаго уже зрѣлый возрастъ. Съ длинными космами рыжихъ волосъ, падавшихъ у него по плечамъ, какъ у художника изъ забулдыжныхъ, въ висѣвшемъ мѣшкомъ вицмундирѣ съ засаленными лацканами, обыкновенно въ пуху и съ ѣздившимъ то къ правому, то къ лѣвому уху галстучнымъ бантомъ, онъ постоянно имѣлъ видъ человѣка, только что вывернувшагося изъ какой-нибудь свалки. Товарищъ его Бубенцовъ, преподаватель исторіи, совсѣмъ еще юный и стройный, съ тонкими усиками, томными, съ поволокой, глазами и пунцовыми губками, въ элегантно сшитомъ темносинемъ ...менномъ фракѣ, велъ себя очень тихо и сдержанно, лишь пере...ывая во рту папироску, въ противуположность словеснику, ко...ый брызгалъ слюною и визжалъ, покрывая всѣ голоса.

Вообще группа у стола была весьма оживленная. Исключеніе ... всѣхъ составляли лишь трое. У стеклянныхъ шкафовъ, изъ ...рыхъ одинъ былъ наполненъ приборами для физическихъ опы... а въ другомъ помѣщались въ строгомъ ранжирѣ сочиненія

Жуковскаго, Пушкина и другихъ русскихъ классиковъ, стояли два господина: среднихъ лѣтъ, худощавый, съ желчнымъ лицомъ, преподаватель алгебры и геометріи, Драницынъ, и прислонившійся задомъ къ электрической машинѣ коротенькій, толстый, апоплексическаго вида молодой человѣкъ, съ лысою уже, какъ яйцо, головой, нѣмецъ Думкеллеръ,—погруженные въ бесѣду въ полголоса, съ видомъ людей, до которыхъ горячіе дебаты товарищей такъ же касаются, какъ и до того гипсоваго бюста писателя Гоголя, сильно уже пожелтѣвшаго, что̀ возвышался на шкафу съ русскими классиками, прямо надъ ихъ головами, въ компаніи гипсовыхъ параллелепипедовъ, призмъ, лѣпныхъ орнаментовъ, въ видѣ цвѣтовъ и узоровъ, и т. п. предметовъ для рисованія. Третій былъ одиноко сидѣвшій за столомъ у окошка субъектъ съ русою апостольскою бородой, въ темныхъ очкахъ,—преподаватель греческаго и латинскаго языковъ, чехъ Абсцессъ. Онъ прихлебывалъ чай и жевалъ бутерброды, которые осторожно вытаскивалъ изъ лежавшаго передъ нимъ свертка газетной бумаги. Сидѣлъ онъ спокойно и невозмутимо, наблюдая поверхъ очковъ маленькими пытливыми глазками за отдѣльными фигурами группы, повидимому, совсѣмъ безучастно, но, въ сущности, слѣдилъ очень внимательно за всѣми перипетіями происходившей борьбы.

Нетрудно было понять, что противную партію представлялъ, въ строгомъ смыслѣ, только одинъ человѣкъ,—маленькій, рыженькій господинъ, Торопыгинъ, преподаватель русскаго языка въ младшимъ классахъ. Имя его было Серапіонъ Николаичъ, но заглазно, между товарищами, оно давно было уже передѣлано въ «Скорпіона», въ ознаменованіе тонкаго ехидства и скрытной злобности его обладателя. Онъ больше всѣхъ кипятился, а кипятился онъ потому, что во главѣ партіи стоялъ Грохотунскій. Поплясухинъ былъ только орудіемъ, заварилъ же всю кашу одинъ Грохотунскій, съ которымъ Скорпіонъ Николаичъ былъ на ножахъ и потому старался увлечь за собой большинство, стоявшее раньше на его сторонѣ, частью въ силу безсознательнаго духа протеста, присущаго русскому человѣку въ случаяхъ затѣваемаго какого бы то ни было общаго дѣла, частью просто изъ одного удовольстві травли.

Но вотъ вдругъ кому-то все это, наконецъ, уже надоѣло и, н категорическомъ вопросѣ Поплясухина, онъ порѣшилъ дѣло изъя леніемъ согласія своего подписаться и, въ ту же минуту, ка будто отъ него только этого ждали, за нимъ единодушно согла лись всѣ прочіе... Серапіонъ Николаичъ былъ побѣжденъ.

Грохотунскій подскочилъ тотчасъ же къ первому изъ присоединившихся, обмакнулъ въ чернила перо и предупредительно подалъ. То же продѣлалъ онъ съ остальными. Бубенцовъ только повелъ торжествующе прекрасными своими глазами и затянулся изъ папироски.

Поплясухинъ молча принималъ трехрублевки, сдвигая ихъ въ кучу, подъ тарелку съ бифштексомъ. Подписывавшіеся нагибались, расчеркивались и, вручивъ деньги, отходили въ сторонку. Совершалось все это съ безмолвною торжественностью. Только одинъ изъ подписывавшихся заявилъ неожиданно, хлопнувъ себя по боковому карману:

— У меня денегъ нѣтъ, господа!... Страхъ вчера въ винтъ не везло!

— Все равно, потомъ отдадите,— успокоилъ его Поплясухинъ.

— На обѣдѣ самомъ отдадите,—присовокупилъ Грохотунскій.

— Крестикъ только рядомъ поставьте,— молвилъ отъ себя Бубенцовъ.

Серапіонъ Николаичъ подписался послѣднимъ. Принимая перо изъ рукъ Грохотунскаго, онъ дернулъ плечомъ съ видомъ человѣка, склонившагося передъ неодолимою силой, и, мелкимъ, бисернымъ почеркомъ написавъ свое имя, передалъ обратно перо съ глубокимъ поклономъ, подъ которымъ скрывалась цѣлая пучина ехидства.

— Кто еще? Господа!—повелъ глазами вокругъ Грохотунскій и обратился къ Абсцессу, который стоялъ теперь вытянувшись, словно проглотивши аршинъ, и съ достоинствомъ застегивалъ на себѣ вицмундиръ. — Святополкъ Игнатьичъ, желаете вы подписаться?

— О, да, натурал-лно! Я тол-лко что самъ намѣревался сейчасъ присовокупить свое имя.

Святополкъ Игнатьичъ Абсцессъ, котораго вся гимназія помнила длиннымъ, тощимъ и робкимъ, безпрестанно примѣшивавшимъ въ русскій свой діалектъ чешскія и нѣмецкія выраженія (это было года полтора назадъ, когда онъ только что пріѣхалъ изъ Праги), являлъ теперь собой высокаго, умѣренной полноты джентльмена, съ медленными, солидными жестами и правильною русскою рѣчью, съ твердыми удареніями на буквѣ *л*, которую онъ произносилъ какъ *л-л*, мягкимъ, сочнымъ баскомъ.

Подойдя торжественнымъ шагомъ къ столу, онъ перегнулся надъ нимъ пополамъ, подписалъ свое имя, медленно выпрямился и, вручивъ Поплясухину три рублевыхъ кредитки, которыя до-

сталъ изъ бумажника, съ выраженіемъ древняго римлянина, совершающаго публичное жертвоприношеніе, сентенціонно прибавилъ:

— Всякая заслуга, кол-лми паче правител-ству, должна быть почтена̀!

— Кто еще не подписывался? Алексѣй Григорьичъ! Августъ Васильичъ! — воззвалъ Грохотунскій къ Драницыну и Думкеллеру, бесѣда которыхъ шла теперь въ полный голосъ.

Апоплексическій молодой человѣкъ горячо говорилъ:

— О, да, я не отрицаю! Но вашъ Пушкинъ, все-таки, не великій писатель. Если сравнить его съ Гёте и Шиллеромъ...

— Августъ Васильичъ! Алексѣй Григорьичъ! — визжалъ Грохотунскій.

— Все, что въ немъ лучшаго, суть одно подражаніе...

— Господа!

— Я скажу даже больше: Шекспиръ...

— Оставьте въ покоѣ Шекспира, Августъ Васильичъ! Желаете вы подписаться?

— А? Что такое? Да, подписаться... Развѣ всѣ подписались?

— Всѣ, остались только вы съ господиномъ Драницынымъ.

— Ну, что-жь, я могу, если всѣ... — заявилъ Думкеллеръ, приближаясь къ столу. Взявъ въ руки перо, онъ прибавилъ: — Я всегда, если всѣ... Какъ говорится по-русски: «я на міръ не *человичникъ*»...

— Что до меня, господа, — тягуче-методическимъ тономъ заговорилъ математикъ Драницынъ, — то я, съ своей стороны, тоже присоединяюсь, конечно... разъ уже всѣ рѣшили этотъ вопросъ (онъ обвелъ глазами присутствовавшихъ). Моего мнѣнія, положимъ, не спрашивали... пусть такъ!... Теперь уже дѣло покончено и я не стану къ нему возвращаться. Но я не могу, все-таки, не выразить своего удивленія, почему вопросъ, вызвавшій, насколько удалось мнѣ прислушаться, горячій протестъ со стороны нѣкоторыхъ изъ нашихъ товарищей, вдругъ такъ быстро, можно сказать, въ одно мгновеніе ока, рѣшился?... Я очень жалѣю, что пропустилъ этотъ интересный моментъ... Что до меня, повторя[ю], то я присоединяю, конечно, свое имя къ общему списку... — Ту[тъ] Драницынъ наклонился къ столу и принялся медленно, букву буквой, выводить свою фамилію, продолжая говорить одновремен[но] тѣмъ же тягучимъ, методическимъ тономъ: — Вмѣстѣ съ тѣмъ, должен̆ъ сказать... разъ могу теперь вставить, наконецъ, св[ое] слово... что со своей стороны... принципіально... (онъ сдѣлалъ

подписи длинный крючокъ)... я согласенъ вполнѣ съ мнѣніемъ Серапіона Николаича.

— Ага! Вы видите всѣ, господа,— заметался опять Торопыгинъ, причемъ злые глазки его вспыхнули огнемъ торжества,— я былъ правъ! Хотя одинъ въ полѣ не воинъ, но я, все-таки, и теперь повторяю: я протестую!

— Позвольте, Серапіонъ Николаичъ,— завизжалъ со своей стороны Грохотунскій,— вы подписались!

— Да, и я, и мы всѣ подписались! Это всегда такъ бываетъ, что мы сперва протестуемъ, а потомъ, какъ бараны...

— Серапіонъ Николаичъ, умѣрьте, прошу васъ...

— Это будетъ всегда, что кто палку взялъ...

— Серапіонъ Николаичъ, послушайте...

— Послушайте, господинъ Торопыгинъ...

— Это, господа, уже чортъ знаетъ что!

— Довольно, пора это прекратить, господа!

— Пора это прекратить, наконецъ!

— О чемъ шумъ, о чемъ споръ, достопочтеннѣйшіе коллеги?— раздался неожиданно чей-то вопросъ, и звукъ этого спокойнаго голоса былъ дѣйствіемъ струи холодной воды, которой плеснули въ волнующійся во всѣ пары кипятокъ. Всѣ тотчасъ утихли.

Задалъ этотъ вопросъ о. Константинъ Братолюбовъ, старшій законоучитель гимназіи, протоіерей благолѣпнаго вида, уже съ значительною просѣдью въ большой бородѣ и волнистыхъ густыхъ волосахъ, ниспадавшихъ на плечи шелковой темно-фіолетовой рясы. Онъ только что прибылъ къ своимъ двумъ послѣднимъ урокамъ, внеся съ собой въ спертую атмосферу учительской свѣжій ароматъ зимняго воздуха улицы.

Пока онъ здоровался, душевно пожимая въ обѣихъ своихъ мягкихъ ладоняхъ протягиваемыя ему руки товарищей (причемъ Святополкъ Игнатьичъ принялъ даже благословеніе), Грохотунскій, успѣвшій тѣмъ временемъ снова овладѣть позиціей, познакомилъ его, въ краткихъ чертахъ, съ обстоятельствомъ, бывшимъ причи... спора.

— А-а! Юбилей! — протяжно повторилъ о. Константинъ, по...вляя золотыя очки на своемъ римскомъ носу.— Господину Не...мокаеву? Нашему преподавателю чистописанія и рисованія? ...дцать пять лѣтъ его службы, вы говорите?... Похвально!... Это ...вально!

— Не правда ли, вы тоже присоединитесь къ нашему чество-

ванію, о. Константинъ?—завизжалъ тотчасъ же около него Грохотунскій.

— Присоединюсь, всеконечно... Старикъ почтенный... Достоинъ, — подтвердилъ протоіерей Братолюбовъ.—Но въ чемъ состоитъ программа этого чествованія, желательно знать?

— Адресъ отъ всѣхъ насъ, товарищей...—объявилъ Грохотунскій,—отъ учениковъ, можетъ быть, адресъ...

— Обѣдъ...—вставилъ отъ себя Поплясухинъ.

— Подарокъ... Чернильница... Портсигаръ, напримѣръ! — вмѣшались вперебой еще нѣсколько другихъ голосовъ.

О. Братолюбовъ поглаживалъ бороду и, закрывая глаза, тихо помавалъ головою при каждомъ изъ перечисляемыхъ предметовъ «программы», какъ бы запечатлѣвая все это въ сердцѣ своемъ.

— Гм... Такъ...—произнесъ, наконецъ, онъ задумчиво, когда вокругъ него замолчали.—Только осмѣлюсь сдѣлать отъ себя замѣчаніе... Дозволительно мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе?—обвелъ онъ глазами присутствовавшихъ.

— Говорите, говорите, пожалуйста, о. Константинъ! — раздались вокругъ него голоса.

— Меня смущаетъ одно опасеніе... Кромѣ обѣда—подарокъ... Будетъ ли опредѣленная на всѣ эти предметы сумма достаточной?

— Вполнѣ! Все уже высчитано! — тотчасъ же успокоительно возразилъ Грохотунскій.—Не одни мы участники. Мы и другихъ привлечемъ... Сумма выйдетъ порядочная. За это я ужь ручаюсь!

— Обѣдъ недорого станетъ,—замѣтилъ отъ себя Поплясухинъ.—Устроимъ въ «Маломъ Ярославцѣ» или «Москвѣ»... Тамъ меня знаютъ...

— Ну, когда такъ! — воскликнулъ о. Константинъ, закатывая правый рукавъ, и, размахнувшись, отпрянулъ назадъ, какъ бы собираясь дать туза Грохотунскому, но, въ сущности, движеніемъ этимъ только распахивая одну изъ полъ рясы, причемъ обнаружился свѣтлосиній подрясникъ и вышитый разноцвѣтными шелками кушакъ. Изъ глубокаго кармана подрясника о. протоіерей извлекъ большой сафьянный бумажникъ, а изъ него десятирублевую кредитку, которую и поднесъ Поплясухину.

— Съ радостію готовъ присоединить свою лепту,—заяви[л] еще разъ о. Константинъ, послѣ того, какъ, получивъ сдачу [и] усѣвшись на стулъ, который предупредительно пододвинули [к] нему Бубенцовъ съ Грохотунскимъ, онъ взялъ въ руки перо. [—] Да, да... Старикъ достойный, почтенный...

Обмакнувъ уже въ чернила перо и совсѣмъ приготовившис[ь]

о. Константинъ вдругъ откинулся туловищемъ, словно ужаленный, и тревожно задалъ вопросъ:

— А Андрей Ардальонычъ? Знаетъ объ этомъ Андрей Ардальонычъ?

— Нѣтъ, ему не говорили еще... Но это вздоръ! Онъ не будетъ препятствовать! — заявили согласнымъ тріо Грохотунскій и Бубенцовъ съ Поплясухинымъ.

— Ай, ай, ай, господа, господа! — смутился о. Константинъ и даже въ раздумьи поникъ. — Какъ же такъ, безъ начальства? Безъ начальства-то какъ же быть, господа?... Теперь ужь я, право, не знаю...

— Будьте спокойны! Мы уговоримъ его! Будьте спокойны! — опять подтвердили всѣ трое.

— Эхъ, господа, господа! — скорбно вздохнулъ о. Константинъ. Затѣмъ онъ вдругъ махнулъ рукою, какъ бы желая сказать: «пропадай моя голова!» — твердымъ почеркомъ написалъ свое имя и всталъ.

Этимъ дѣйствіемъ о. Константина словно была поставлена точка дебатамъ. Три агитатора приняли озабоченный видъ. Прочіе имѣли видъ не то усталый, не то равнодушно-скучающій, какой появляется у людей долго споривших, послѣ того какъ предметъ спора исчерпанъ. Всѣ разбились на группы. Только Серапіонъ Николаичъ одиноко стоялъ у окошка и, глядя въ него на противуположную стѣну двора, сосредоточенно грызъ себѣ ногти.

Пронзительно грянулъ звонокъ, возвѣщая конецъ большой перемѣны, и залился дребезжащими трелями по корридорамъ гимназіи, гдѣ шныряли уже надзиратели, загоняя мальчугановъ по классамъ. Преподаватели хватали журналы и устремлялись къ дверямъ, между тѣмъ какъ стоявшій на верхней площадкѣ лѣстницы, чтò вела въ квартиру директора, старый гимназическій вахтеръ, Емельянъ Чубуковъ, зажмуривъ глаза и мѣрно качая надъ ухомъ рукавомъ съ желтымъ шевронолмъ, продолжалъ трезвонить своимъ колокольчикомъ.

Призвавъ всѣхъ къ порядку, онъ вошелъ въ пустую учительск[illegible]ю, собралъ на подносъ пустые стаканы, вмѣстѣ съ бифштекс[illegible], котораго такъ и не удалось доѣсть Поплясухину, побросалъ ту[illegible]же окурки и удалился.

[illegible]ихо стало во всѣхъ корридорахъ, тихо въ учительской, съ сл[illegible]о оцѣпенѣвшими въ безъисходной тоскѣ шкафами съ прибора[illegible] для физическихъ опытовъ и русскими классиками, съ электр[illegible]ской машиной въ углу и яснѣе бѣлѣвшимся подъ потолкомъ

бюстомъ Гоголя, который все время внимательно слушалъ произносившіяся здѣсь спорныя рѣчи, и длинноносая его голова съ характерною прядью на лбу и застывшею навѣки тонкою улыбкой, обративъ свои незрячія очи къ окошкамъ, откуда падалъ на нихъ мутный свѣтъ ноябрьскаго дня, казалось, думала горькую думу:

«Охъ, ужь какъ же и скучно на этомъ свѣтѣ у васъ, господа!»

Въ четвертомъ часу потокъ гимназистовъ хлынулъ изъ подъѣзда ученаго зданія. Рѣзво бѣжали, подгоняемые крѣпкимъ морозцемъ, малыши и подростки, солидно шли юноши,—иные уже съ значительною растительностью на щекахъ и подбородкахъ, многіе уже говорившіе басомъ,—и, рѣдѣя, разсыпались по смежнымъ улицамъ и переулкамъ.

Откинувшій полость извощичьихъ санокъ, о. Константинъ Братолюбовъ приподнялъ высокую бобровую шапку на прощанье съ товарищами, сѣлъ и поѣхалъ.

Сумерки плотно сгущались и кое-гдѣ вспыхивали уже фонари.

Бубенцовъ, въ шинели и блестящемъ цилиндрѣ, и Грохотунскій, въ облѣзлой еноткѣ, шли рядомъ. Позади и нѣсколько поодаль отъ нихъ тяжко шагалъ Поплясухинъ, а сбоку его сѣменилъ въ пальтецѣ Серапіонъ Николаичъ, который все еще не могъ успокоиться по поводу затѣяннаго юбилейнаго чествованія и изливалъ весь накопившійся ядъ.

— Чортъ знаетъ! Придумали тоже! Юбилей вдругъ! Кому? Преподавателю чистописанія! Ха!... Предметъ тоже, скажите! «Заслуга должна быть почтенà»,—передразнилъ Торопыгинъ Абсцесса.— Положимъ, что согласился этотъ чухна: не даромъ же онъ подлипало! Я не удивляюсь даже попу: извѣстная елейная шельма! Думкеллеръ... ну, этому было бы только гдѣ-нибудь нализаться. Меня изумляетъ Драницынъ... вотъ кто меня изумляетъ! Человѣкъ интеллигентный и умный—и не могъ высказать вò-время мнѣнія! Удивительно, право... Ха-ха! Почему не устроить бы кстати ужь юбилей Емельяну, а? Какъ вы полагаете? Почему не почтить бы ужь Чубукова? Ха-ха!

— Гм... Ну, это—разница... Странно бы было... Солдату... — промямлилъ сквозь воротникъ необъятной шубы своей Поплясухинъ. Онъ спокойно слушалъ своего собесѣдника, изрѣдка испуская въ отвѣтъ на его злобныя рѣчи лишь краткія фразы.

— *Солдату?*—взвизгнулъ Серапіонъ Николаичъ,—солдату, вы говорите? Да, именно, именно! То-то и важно — солдату! Онъ тоже старикъ! Онъ былъ на войнѣ! Онъ свою кровь проливалъ!

Тутъ *идея*—вотъ что именно важно!... Да! Не только что важно—и нужно! А Непромокаева чествовать... Ха! Кому это надобно? Я понимаю, положимъ... вонъ *тѣмъ*,—онъ кивнулъ головою впередъ.—Одному—покраснобайничать, помолоть чепухи, а другому... я ужъ и не знаю, что̀ тутъ нужно другому! Ну, мнѣ сюда. До свиданія!

Серапіонъ Николаичъ сунулъ тощую ручку свою въ пятерню Поплясухина, торопливо стиснулъ ее и шмыгнулъ въ переулокъ налѣво.

«Знаемъ мы, что *тебѣ* тоже нужно! Пожрать—вотъ что тебѣ только нужно!» —продолжалъ уже про себя не высказанную до конца свою мысль Торопыгинъ, зябко ёжась въ своемъ пальтецѣ и пряча носъ въ воротникъ.

Шедшіе впереди педагоги остановились подождать Поплясухина.

— Ну, что тебѣ говорилъ Скорпіонъ?—спросилъ Грохотунскій.

— А, что̀... пустое! — нехотя процѣдилъ Поплясухинъ. — Волнуется все... Злючка, понятно... Богъ съ нимъ совсѣмъ... До свиданія, братцы! Извощикъ, въ Разъѣзжую!

II.

Тихонъ Антонычъ Непромокаевъ шелъ къ себѣ домой, на Пески.

Сегодня былъ у него всего одинъ урокъ—рисованія, и онъ отдѣлался, сравнительно, рано. Обыкновенно, въ этотъ день, пятницу, онъ поспѣвалъ нѣсколько раньше домой, но сегодня Тихонъ Антонычъ какъ-то дольше плелся изъ гимназіи. На улицѣ совсѣмъ «размокропогодилось», и его старая ватная шинель съ облѣзлымъ воротникомъ изъ кошачьей шкурки, нѣкогда сходившей за «нѣмецкій» боберъ, что-то особенно тяжко давила ему спину и плечи. Да еще и ревматизмъ этотъ проклятый въ ногѣ разыгрался.

Пройдя добрую половину Песковъ, Тихонъ Антонычъ достигъ одной изъ тѣхъ улицъ, гдѣ еще уцѣлѣли идиллическіе деревянные домики, которыхъ, годъ отъ году, благодаря періодически здѣсь повторяющимся, подобно разлитіямъ Нила въ Египтѣ, пожарамъ, стано[illegible]тся все меньше и меньше, а на мѣстѣ ихъ выростаютъ новыя, ки[illegible]чныя, зданія. Возможно, что такую же участь долженъ былъ ко[illegible]-нибудь претерпѣть и тотъ старенькій домикъ, который служи[illegible] обителью для Тихона Антоныча. Недаромъ онъ жался такъ ро[illegible] промежъ двухъ желтыхъ трехъэтажныхъ домовъ, выпятивши[illegible] нахально на тихую улицу своими ярко-цвѣтными вывѣсками[illegible] одного портерной, у другого трактира—и будто ждавшихъ

лишь случая стереть съ лица земли безъ остатка этого жалкаго, затесавшагося между ними сосѣда. По крайней мѣрѣ, подобная дума уже не разъ проходила въ головѣ Тихона Антоныча, какъ прошла она и въ эту минуту, когда его скромный сѣренькій домикъ взглянулъ на него подслѣповатыми своими окошками изъ-подъ низко нахлобученной крыши, съ повисшими на манеръ сталактитовъ ледяными сосульками, съ которыхъ падали на земь, какъ слёзы, тяжелыя капли, и словно отвѣтилъ ему: «Да, скверны, братъ, наши дѣла!»

Черезъ калитку, надъ которой висѣла дощечка, гласившая, что домъ сей принадлежитъ «г-жѣ П. Н. Непромокаевой», вступилъ онъ во дворъ, заваленный высокими сугробами снѣга, и, обогнувъ одинъ уголъ дома, вошелъ черезъ настежъ открытую дверь въ темныя сѣни. Тамъ онъ нашарилъ на стѣнкѣ ручку звонка и дернулъ ее, послѣ чего очутился въ маленькой свѣтлой прихожей, гдѣ отворившая Тихону Антонычу толстая, довольно неопрятная дѣвка, съ пылавшимъ и покрытымъ каплями пота лицомъ, совлекла съ него и водворила на надлежащемъ мѣстѣ шинель, а сама тотчасъ исчезла въ противуположную дверь, которая соединяла прихожую съ кухней, гдѣ что-то шумно трещало и шипѣло на сковородкѣ и стлалась пелена синяго чада.

Тихонъ Антонычъ прошелъ черезъ двѣ небольшихъ комнаты въ третью, имѣвшую назначеніе спальни, скинулъ тамъ вицмундиръ и все верхнее свое одѣяніе, не исключая сапогъ, и, очутившись въ туфляхъ и халатѣ, вернулся въ первую комнату, которая, будучи нѣсколько больше другихъ, служила одновременно заломъ, гостиной и кабинетомъ.

— Здр-равія желаю!—привѣтствовалъ его изъ угла чей-то голосъ.

Голосъ этотъ принадлежалъ попугаю, пріобрѣтенному давно, уже нѣсколько лѣтъ, Тихономъ Антонычемъ на весеннемъ базарѣ у Биржи, отъ одного изъ тѣхъ заѣзжихъ субъектовъ, которые появляются каждогодно, съ открытіемъ у насъ навигаціи, съ коллекціей змѣй, обезьянъ, зеленыхъ лягушекъ и другихъ заморскихъ диковинъ. Попугай оказался съ нѣкоторыми начатками образован[...] хотя дурно направленнаго, такъ какъ зналъ исключительно толь[...] нѣсколько нѣмецкихъ ругательствъ, и потому Тихонъ Антоны[...] окрестивъ его предварительно именемъ «Тришки», занялся пр[...] вильнымъ его воспитаніемъ, въ чемъ и преуспѣлъ въ соверш[...] ствѣ, такъ что попугай съ теченіемъ времени привыкъ болт[...] очень чисто многія фразы, умѣлъ, кромѣ того, скрипѣть, свиста[...]

подражать звуку ножа по стеклу и проч. Тихонъ Антонычъ даже научилъ его хохотать.

— Здр-равія желаю!—настойчивѣе уже повторилъ воспитанникъ Тихона Антоныча.

Обыкновенно это привѣтствіе возбуждало большое удовольствіе въ Тихонѣ Антонычѣ.

— Попочка-а!—весело восклицалъ въ отвѣтъ ему Тихонъ Антонычъ. Затѣмъ онъ подходилъ къ тришкиной клѣтлѣ, гдѣ, ожидая его, попугай сидѣлъ неподвижно, прижавъ къ рѣшеткѣ свою горбоносую голову, и, когда его хозяинъ приближался на разстояніе руки, произносилъ глухимъ басомъ:

— Почеши попочкѣ шейку.

Тихонъ Антонычъ ласково исполнялъ желаніе Тришки и затѣмъ они разставались, вполнѣ довольные другъ другомъ.

На этотъ разъ онъ, однако, не сдѣлалъ ни того, ни другого, вслѣдствіе чего обиженный Тришка попробовалъ сперва перекусить толстую проволоку своей мѣдной тюрьмы, поднялъ презрительно хвостъ и поползъ по ней внизъ головою, цѣпляясь по проволокѣ своими корявыми лапами.

Не обратилъ также вниманія Тихонъ Антонычъ на то, что около него давно ужь вертѣлся лохматый Дружокъ, плодъ союза между дворняжкой и пуделемъ, и усердно вилялъ пушистымъ хвостомъ, стараясь поймать его сочувственный взглядъ. Равнымъ образомъ не замѣтилъ онъ и того, что покоившійся на сидѣньѣ мягкаго кресла большой рыжій котъ, одаренный необыкновенно жирною комплекціей и потому совсѣмъ не оправдывавшій присвоенной ему клички Зефира, потянулся при его приближеніи и, раскрывъ одинъ глазъ, замурлыкалъ, чѣмъ обнаружилъ ясный признакъ желанія, чтобъ его приласкали. Ни на что это не обратилъ благосклоннаго вниманія своего Тихонъ Антонычъ. Онъ только прошелся взадъ и впередъ, безшумно ступая гарусными своими туфлями по комнатѣ, и остановился противъ высокаго, въ старинной рамѣ краснаго дерева, зеркала, висѣвшаго въ простѣнкѣ между окошками.

[illegible]амъ отразился бѣлый, какъ лунь, старичокъ—маленькій, кругле[illegible]ій, съ бритымъ лицомъ, добродушными, кофейнаго цвѣта, глаза[illegible] и большимъ пухлымъ носомъ, отчасти похожимъ на спѣлую гру[illegible]у. Въ сущности, не будь этихъ бѣлыхъ волосъ да морщинъ, Ти[illegible]на Антоныча было бы совсѣмъ нельзя назвать старикомъ, набл[illegible]ч, какъ бодро шелъ онъ по улицѣ, нѣсколько выпятивъ грудь и п[illegible]гивая правою ногой, что часто свойственно людямъ воен-

нымъ. И щеки его были совсѣмъ еще круглыя, даже съ довольно свѣжимъ румянцемъ.

Но теперь, когда онъ стоялъ и разсматривалъ свое отраженіе, Тихонъ Антонычъ почти не узналъ самъ себя. Конечно, это былъ онъ, самъ онъ, несомнѣнно (кто же могъ быть иной?), только постарѣвшій лѣтъ на десятокъ въ теченіе, можетъ быть, этихъ четырехъ-пяти дней, въ которые ему не случилось поглядѣться внимательно въ зеркало. Вмѣсто щекъ, висѣли мѣшки, морщины около рта и носа врѣзались глубже, глаза смотрѣли уныло и тускло. Старикъ, дряхлый старикъ, да и полно!

«Охъ, Господи, Господи!» —глубоко вздохнувъ, прошепталъ Тихонъ Антонычъ, отошелъ прочь отъ зеркала и, дойдя до дивана, понуро на него опустился.

Крышка! Капутъ! Вотъ и ревматизмъ все чаще и чаще напоминаетъ ему о себѣ, и вотъ эта слабость, которую онъ чувствуетъ всѣ эти дни, и спина вотъ, и грудь ноютъ, болятъ, словно разбитыя.

Онъ медленно поднялъ глаза, осмотрѣлся по сторонамъ—и теперь, въ первый разъ, вдругъ замѣтилъ, что все, рѣшительно все вокругъ него тоже состарѣлось. И Тришка въ углу, въ своей клѣткѣ, и диванъ, со своею шерстяною полинялою обивкой, и, передъ письменнымъ столомъ, вышитый букетами коврикъ, и тюлевыя гардины на окнахъ, уставленныхъ горшками съ геранью, алоэ и кактусами, и гравюры на стѣнахъ, въ черныхъ тоненькихъ рамкахъ,—все это уже старики, старики!

«Охъ, Господи Боже мой!»

Онъ тяжело, словно разслабленный, отвалился на спинку дивана, и взглядъ его упалъ въ одно мѣсто на противуположной стѣнѣ, той самой, къ которой былъ прислоненъ письменный столъ, а надъ нимъ пестрѣла четырехугольникомъ симметрично развѣшанная коллекція фотографическихъ карточекъ въ рамкахъ,—все снимки съ близкихъ родныхъ, живыхъ и умершихъ: покойныхъ брата, отца, умершаго первенца-сына, второго сына, въ гимназической формѣ, замужней дочери въ одной группѣ съ мужемъ и ихъ троими дѣтьми, разныхъ половъ и возрастовъ. Но онъ смотрѣлъ не на нихъ, а нѣсколько выше, туда, гдѣ, какъ бы господствуя надъ всѣмъ этимъ собраніемъ родичей, виднѣлась, подъ стекломъ, въ позолоченной рамкѣ, акварель, изображавшая молодую особу, судя по нѣсколько натянутой позѣ ея, сдѣланная по фотографической карточкѣ, какъ оно и было въ дѣйствительности, и, притомъ, работы собственныхъ рукъ Тихона Антоныча: стоило подойти только поближе, и го-

бы разсмотрѣть въ одномъ углу бѣлаго поля сдѣланную чернилами подпись: *Рис. Т. А. Непромокаевъ*, а внизу годъ и число.

Какъ сказано, акварель изображала молодую особу, даму или дѣвушку, лѣтъ двадцати съ небольшимъ, съ неправильными, но пріятными чертами лица и большими голубыми глазами. Рѣзче всего обращала вниманіе исполненная ярко-пунцовою краской та скромно-кокетливая принадлежность костюма, на манеръ пиджачка, въ какой щеголялъ женскій полъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, и извѣстная подъ названіемъ «зуавки». Изображенной на портретѣ особѣ была придана сидячая поза, причемъ одна рука ея опиралась, какъ бы въ задумчивости, на нѣчто вродѣ тумбы или невысокой колонны, а другая, небрежно лежавшая у нея на колѣняхъ, держала раскрытую книжку.

Въ продолженіе тридцати слишкомъ лѣтъ, ежедневно, этотъ портретъ былъ передъ глазами Тихона Антоныча. Но почему-то теперь Непромокаевъ неожиданно поднялся съ дивана, подошелъ и уставился въ него пристальнымъ взоромъ. Онъ стоялъ и смотрѣлъ на портретъ, не шевелясь, съ совсѣмъ мертвымъ лицомъ, только глаза его начинали блестѣть и увлажаться слезами, и вотъ вдругъ одна проползла у него по щекѣ и задрожала на кончикѣ носа.

Приходилось ли вамъ, разбирая случайно старыя, ненужныя вещи, обратить вдругъ вниманіе на какой-нибудь ничтожный, совсѣмъ безполезный предметъ, вродѣ простенькаго сухого цвѣтка, попавшагося между страницами ветхой, забытой и давнымъ-давно прочитанной книги? Вы читали ее въ юную, свѣжую пору уже потонувшаго въ забвеніи прошлаго, и интереснѣе, лучше ея не было тогда ни одной изъ всѣхъ когда-либо написанныхъ книгъ. Съ тѣхъ поръ вы развились, поумнѣли—и, о, насколько смѣшнымъ, наивнымъ и глупымъ возстаетъ въ вашей памяти то, что̀ когда-то было прочитано въ той старой книгѣ! Вы никогда уже не возьмете ея больше въ руки—и пусть ѣдятъ ее мыши, за одно со всѣмъ остальнымъ ненужнымъ вамъ хламомъ. Но вотъ она случайно опять попалась вамъ на глаза. Машинально перевернули вы страницу, другую—и вдругъ этотъ засохшій цвѣтокъ! Онъ прежній, такой же, какимъ былъ сорванъ въ лѣсу и положенъ сюда вмѣсто закладки. Правда, онъ потерялъ съ тѣхъ поръ свѣжесть и запахъ. И въ ту же минуту съ этихъ желтыхъ, заплѣсневѣлыхъ страницъ пахну̀ло на насъ ароматомъ яснаго лѣтняго полудня и всѣмъ тѣмъ свѣжимъ и чистымъ, что̀ погибло во мракѣ невозвратнаго прошлаго, когда солнце болѣе ярко свѣтило, птицы пѣли болѣе сладкія пѣсни и весь міръ представлялся однимъ ликующимъ праздникомъ...

— Да чтой-то, Тихонъ Антонычъ, тебя нельзя докричаться? На что тамъ такое ты засмотрѣлся?

Въ комнатѣ рядомъ ходили, брянчали посудой, даже два раза взывали къ нему, и ничего этого не слыхалъ Тихонъ Антонычъ. Онъ очнулся только теперь, при этомъ вопросѣ, произнесенномъ раздражительнымъ тономъ, причемъ въ дверь заглянуло лицо какой-то упитанной дамы.

— Иди фрыштыкать. Котлеты простынутъ,— прибавила дама и скрылась.

Тихонъ Антонычъ, который при ея появленіи быстро отвернулся къ окну, сдѣлавъ видъ, что сморкается, еще постоялъ съ полминуты и затѣмъ медленно пошелъ, куда его звали.

Онъ усѣлся за круглый обѣденный столъ, съ безчисленнымъ количествомъ ножекъ, за которымъ уже помѣщалась фигура упитанной дамы, супруги его, Прасковьи Никифоровны, занятой накладываньемъ ему на тарелку котлетъ съ брюквеннымъ соусомъ, налилъ себѣ изъ графинчика въ рюмку какой-то коричневой жидкости (смѣсь водки съ нѣкою ароматическою «горечью», которую пилъ «противъ желудка» Тихонъ Антонычъ), проглотилъ ее, крякнулъ и, зажмурившись, принялся рѣзать котлету.

— Наказаніе сущее!—воскликнула Прасковья Никифоровна.— Билась, билась съ котлетами—не растопляется плита, дѣлай что хочешь!... Съ этой дурищей Дунькой одно только мученіе: тычется безъ толку, а тутъ дрова не горятъ! Сыры ли, что ли, или плита... Понять не могу! Совсѣмъ дымомъ пахнутъ котлеты. Ты слышишь, какъ онѣ дымомъ пахнутъ?

— Нѣтъ... ничего,—пробормоталъ Тихонъ Антонычъ.

— Совсѣмъ не ничего, а просто воняютъ!... Ну, да у тебя, извѣстно, носъ деревянный.

Прасковья Никифоровна, поймавъ на вилку котлету, поднесла ее къ собственному тонкому носу, подержала нѣсколько времени съ глубоко-сосредоточеннымъ видомъ и, бросивъ ее на тарелку, воскликнула:

— Это плита! Непремѣнно надо будетъ позвать печника. Бѣда, все у насъ точно разваливается!

— Да... все разваливается,—глухо повторилъ Тихонъ Антонычъ.

Онъ положилъ ножикъ и вилку и, опустившись всѣмъ туловищемъ, уставился неподвижнымъ взоромъ въ тарелку.

Прасковья Никифоровна погрузилась въ ѣду, а Тихонъ Антонычъ продолжалъ пребывать истуканомъ, только глаза его обр[illegible]ти-

лись теперь на сидѣвшую насупротивъ фигуру жены, на ея расплывшійся бюстъ, похожій на перетянутую посрединѣ подушку, на ея склоненную надъ тарелкою голову, съ широкимъ проборомъ среди полусѣдыхъ и рѣдкихъ волосъ, на морщинистыя и отвислыя щеки, и, въ то же самое время, мысленный взоръ Тихона Антоныча облекалъ ее въ кокетливую, пунцоваго цвѣта, зуавку, на мѣстѣ жидкихъ и собранныхъ на затылкѣ въ комочекъ волосъ видѣлъ онъ густую темнорусую косу, а на дряблыхъ щекахъ—румянецъ здоровья и молодости...

— Охъ-хо-хо, Боже мой!—глубоко вздохнулъ Тихонъ Антонычъ.

Голова Прасковьи Никифоровны быстро поднялась отъ тарелки, и глаза ея, уже не голубые теперь, а блѣдно-сѣрые, выцвѣтшіе, но такіе же большіе, какъ прежде, съ тѣмъ же, давнишнимъ, сохранившимся, несмотря на всю даль прошедшихъ годовъ, выраженіемъ, остановились на мужѣ.

— Чего ты вздыхаешь?

— Я... ничего...

— Не ври мнѣ, пожалуйста. Отчего ты не ѣшь?... Нездоровъ?

— Да, какъ будто. Немножко. Нога вотъ опять. Должно быть, погода.

— Хм... А голова не болитъ?—допрашивала Прасковья Никифоровна, не спуская съ Тихона Антоныча глазъ, въ которыхъ сквозила теперь подозрительность.

— Нѣтъ... не болитъ,—отвѣтилъ Тихонъ Антонычъ и прибавилъ, подымаясь со стула:—Я лучше пойду, полежу.

Не взглянувъ на жену и сгорбивши спину, на которой онъ чувствовалъ тяготѣніе подозрительныхъ глазъ Прасковьи Никифоровны, провожавшихъ его вплоть до самыхъ дверей, онъ вышелъ изъ этой комнаты въ спальню. Взобравшись тамъ на кровать, онъ вытянулся, подложилъ руки подъ голову и принялся смотрѣть въ потолокъ.

Онъ слышалъ все, что происходило въ столовой. Слышалъ, какъ Прасковья Никифоровна наградила кого-то шлепкомъ, должно б ь, Зефира, покусившагося на оставленную хозяиномъ втунѣ к лету, слышалъ, какъ двинули стуломъ, слышалъ стукъ двери и кухни, пришествіе Дуньки, шепотомъ сдѣланный о чемъ-то в росъ Прасковьи Никифоровны, шепотомъ же послѣдовавшій за ъ отвѣтъ Дуньки и, наконецъ, осторожное приближеніе къ с ьнѣ шаговъ Прасковьи Никифоровны...

ихонъ Антонычъ тотчасъ зажмурился, прикинувшись спящимъ.

Жена нѣсколько времени постояла въ дверяхъ, вѣроятно, его наблюдая, затѣмъ скрипнула половицей и скрылась такъ же тихо, какъ подошла.

Тихонъ Антонычъ осторожно открылъ снова глаза и, попрежнему, устремилъ ихъ въ потолокъ.

Да, такъ ему было легче, совсѣмъ одному со своими мыслями, которыхъ не могъ онъ настолько въ себѣ затаить, чтобы не вызвать разспросовъ и этимъ пришибленнымъ видомъ своимъ, и этими глубокими вздохами, словно нарочно его выдававшими именно въ то самое время, когда онъ старался особенно не возбуждать ничьихъ подозрѣній, и какъ разъ постоянно встрѣчалъ испытующій взглядъ Прасковьи Никифоровны.

А что онъ ей можетъ сказать, въ какихъ выраженіяхъ можетъ ей объяснить, когда и самому-то себѣ онъ не въ силахъ отвѣтить, что съ нимъ такое творится?... Онъ чувствуетъ только, что сдѣлался совершенно другимъ, совсѣмъ не такимъ, какимъ былъ онъ прежде, словно изъ него что-то вынули, словно весь онъ надломленъ...

И произошло это съ нимъ не вчера, а началось постепенно, именно когда онъ рѣшился выйти въ отставку.

Натолкнуло его на это рѣшеніе многое: глаза уже стали замѣтно ему измѣнять, особенно по утрамъ, въ эти тусклые осенніе дни, похожіе больше на сумерки, да и самъ вообще началъ уже онъ уставать, тяготиться. Сперва онъ сообщилъ свою мысль Прасковьѣ Никифоровнѣ, и та вполнѣ одобрила это намѣреніе. Конечно, чего оставаться? Пенсію выслужилъ, а принимая во вниманіе собственный домъ, принесенный ею въ приданое, въ которомъ живутъ они, да проценты съ ея капитальца, лежащаго въ банкѣ, чего имъ двоимъ еще болѣе надобно? Дѣти, слава Богу, сами уже на ногахъ, ничего отъ нихъ не потребуютъ. И отлично! По крайней мѣрѣ, онъ можетъ теперь пожить на покоѣ. Послужилъ и довольно!

Затѣмъ сообщилъ онъ объ этомъ директору. Андрей Ардальонычъ выразилъ ему свое сожалѣніе, убѣждалъ подумать, остаться. «Нѣтъ, послужилъ и довольно! — отвѣтилъ ему Тихонъ Антонычъ и прибавилъ шутливо: — Пора дорогу дать молодымъ Сообщилъ онъ потомъ еще кое-кому изъ товарищей и на вопросы ихъ о причинахъ отвѣчалъ такъ же шутливо: «Пора дорог дать молодымъ!»

Въ первые дни послѣ того, какъ Тихонъ Антонычъ оповѣст по гимназіи о своей предстоящей отставкѣ, ему казалось, что дл него началось что-то новое. Будто вступалъ онъ въ другую поло

жизни. Не придется уже больше ему торопиться вставать по утрамъ, чтобы шагать нѣсколько верстъ, не взирая ни на какую погоду, возиться съ оравой лѣнивыхъ и дерзкихъ мальчишекъ, измученнымъ возвращаться домой и радоваться каждому свободному дню, словно празднику, какъ радуется самый послѣдній поденщикъ... Скоро конецъ всему этому. Баста!

И Тихонъ Антонычъ самодовольно оглядывался по сторонамъ людныхъ улицъ, которыми шествовалъ, возвращаясь къ своему жилищу, а по мѣрѣ того, какъ затихали за нимъ постепенно шумныя волны уличной жизни столичнаго «центра» и надвигалась все ближе полусонная тишь его родимой окраины, что-то похожее на умиленное чувство пловца, достигшаго желаннаго берега, спускалось въ усталую душу учителя, и та же самая дума, все та же свѣтлая дума о близкой отставкѣ продолжала идти въ немъ своимъ чередомъ.

Отдыхъ... Служилъ тридцать пять лѣтъ вѣрой и правдой... А всякій ли можетъ этимъ похвастаться?... Не даромъ же и Андрей Ардальонычъ о немъ сожалѣлъ и остаться просилъ... «Нѣтъ ужь, ваше превосходительство, благодарю васъ покорно! (При этомъ Тихонъ Антонычъ лукаво кивнулъ головой, подмигнувъ однимъ глазомъ.) Послужите-ка съ наше вотъ вы... Хе-хе-хе!... А мы, старики, взяли свое... Пора дорогу дать молодымъ!»

«Пора дорогу дать молодымъ!»—произнесъ даже вслухъ Тихонъ Антонычъ.

Произнесъ онъ эти слова, подойдя уже къ калиткѣ своего обиталища, и вдругъ ему показалось, что его деревянный сѣренькій домикъ, на который никогда не обращалъ онъ вниманія, взглянулъ на него какъ-то особенно. Одинъ-одинёхонекъ по всей этой улицѣ, затиснутый между двухъ каменныхъ высокихъ громадинъ, низенькій, слегка покосившійся, онъ взглянулъ на хозяина изъ-подъ тяжело придавившей его снѣжной шапки своими окошками и какъ бы повторилъ вслѣдъ за нимъ, съ горькою ироніей:

«Правда, братъ, правда!... Пора дорогу дать молодымъ!»

И въ ту же минуту Тихонъ Антонычъ почувствовалъ въ себѣ ч[illegible]-то странное. Это было какое-то смутное, скверное чувство,— н[illegible] то что-то вродѣ конфуза, не то что-то вродѣ обиды, — въ с[illegible]ой степени похожее на ощущеніе человѣка, который только ч[illegible]ыступалъ горделиво въ надѣтомъ на немъ въ первый разъ нов[illegible] платьѣ, воображая, что всѣ обращаютъ вниманіе на красивое е[illegible]одѣяніе, и вдругъ нивѣсть какой-то налетѣвшій на него сорв[illegible]ъ далъ ему киселя, или изъ отворившейся неожиданно отку-

да-то двери на него плеснули помоями. Повторяю, не это самое именно, но нѣчто очень подобное испыталъ въ эту минуту Тихонъ Антонычъ.

Весь какъ-то съёжившись, вошелъ онъ въ свой домъ, разсѣянно сбросилъ шинель на руки Дуньки, холодно отвѣтилъ на привѣтствіе Тришки и ласки Дружка, и когда Прасковья Никифоровна пришла звать его къ завтраку, то нашла своего мужа сидѣвшимъ, какъ истуканъ, на диванѣ, со взоромъ, устремленнымъ пристально въ полъ. За ѣдой онъ былъ молчаливъ и задумчивъ, тотчасъ послѣ завтрака направился въ спальню и, испустивъ тяжкій вздохъ, полѣзъ на кровать.

Онъ лежалъ на спинѣ и смотрѣлъ въ потолокъ, а внутри его происходила работа, которую затѣялъ какой-то маленькій, ехидный червякъ, незамѣтно откуда-то вползшій въ душу Тихона Антоныча, и чувствовалъ Тихонъ Антонычъ, какъ этотъ червякъ ползъ и точилъ, все ползъ и точилъ, оставляя за собой червоточины, что̀ дѣлаетъ онъ, когда заберется въ спѣлое яблоко, и Тихону Антонычу, наконецъ, до того стало скверно, что онъ поднялся съ подушекъ и сѣлъ на кровати, въ тоскѣ прошептавъ самъ съ собою:

«Господи!... да что̀ же это такое?!»

Онъ такъ и застылъ на кровати, свѣсивъ безжизненно ноги и вытаращивъ глаза на рукомойникъ съ фаянсовымъ тазомъ въ углу, точно тамъ теперь хоронилось что-то особенное.

Тамъ сидѣлъ и смотрѣлъ на него кто-то невидимый и, насмѣшливо щурясь, неслышнымъ голосомъ спрашивалъ:

«Ну, что? Раскусилъ, наконецъ?»

О, да, все теперь ему было ясно!... Все, что было ему до сихъ поръ незамѣтно, о существованіи чего самая легкая тѣнь подозрѣнія, даже хотя бы на мигъ, отуманила свѣтлое любованье собою, которое носилъ онъ въ себѣ, вдругъ встало воочію и наполнило холодомъ всю его душу.

И стыдно, и горько ему теперь за себя. Какъ смѣшонъ долженъ былъ казаться онъ, старый, нелѣпый колпакъ, ничего дальше своего носа не видѣвшій! Дѣло въ томъ, что онъ, совсѣмъ не намѣренно, съ веселою, самодовольною улыбкой, произнесъ надъ собо приговоръ, и всѣ это знаютъ, всѣ это запомнили, начиная съ ди ректора и кончая какимъ-нибудь Чубуковымъ, и всѣ согласилис что онъ больше не нуженъ, что пора ему, въ самомъ дѣлѣ, «до гу дать молодымъ»; но только лишь давеча, уже подойдя къ с ему старому дому и повторивъ вслухъ эти слова свои, онъ ура мѣлъ вдругъ заключавшійся въ нихъ горькій смыслъ. Да, о

самъ, какъ его старый, покосившійся домъ, никому больше не нуженъ, онъ самъ, какъ и тотъ, одиноко торчитъ, мозоля глаза проходящимъ, и въ то время, какъ все вокругъ развалилось или сломано, чтобы дать мѣсто другимъ, отвѣчающимъ новымъ вкусамъ жилищамъ, этотъ ничтожный домишко однимъ досаднымъ пятномъ портитъ весь стройный ихъ рядъ.

«Ну, и ладно, отлично... и уйду, и уйду!» — прошепталъ Тихонъ Антонычъ, смахнувъ выступившія на глазахъ его старческія, холодныя слезы.

Весь остатокъ этого дня онъ провелъ въ одинокихъ удручающихъ думахъ, избѣгая взглядовъ Прасковьи Никифоровны, мучительно дотянулъ время до ночи и видѣлъ разные скверные сны.

На другое утро онъ всталъ совершенно разбитый, и, во власти тѣхъ же удручающихъ думъ, плелся всю дорогу вплоть до гимназіи.

Было ли такъ въ самомъ дѣлѣ, или только ему показалось?... Андрей Ардальонычъ поздоровался съ нимъ какъ-то холодно, Поплясухинъ взглянулъ на него какъ-то странно, да и прочіе всѣ изъ товарищей, съ кѣмъ пришлось ему въ тотъ день повстрѣчаться, держали себя по-другому. Даже мальчишки больше чѣмъ когда-либо шумѣли и школьничали. Мало того. Второй урокъ—рисованія — былъ у него въ третьемъ классѣ. Когда подходилъ онъ къ дверямъ, то явственно слышалъ, какъ изъ гурьбы учениковъ, шумѣвшихъ у самыхъ дверей, кто-то крикнулъ: «Сычъ! сычъ идетъ!»—послѣ чего всѣ бросились въ классъ. Это крикнулъ Скворешниковъ, самый большой негодяй изъ учениковъ всего класса. Онъ же больше всѣхъ школьничалъ во время урока, такъ что Тихонъ Антонычъ вынужденъ былъ записать его на штрафную страницу. Онъ съ трудомъ досидѣлъ до звонка, и когда урокъ кончился, ощутилъ облегченіе пытаемаго, котораго выпустили, наконецъ, изъ застѣнка.

Никогда еще, кажется, онъ не чувствовалъ себя такъ отвратительно!

«Господи Боже мой, за что же, за что?»— шепталъ Тихонъ ...тонычъ, припоминая по дорогѣ домой весь рядъ полученныхъ ...ъ въ тотъ день впечатлѣній. Онъ теперь уже отрѣзанный ло...ть—это ясно. Никто не сказалъ ему этого прямо въ глаза, но ...ъ прочиталъ эту мысль и въ директорѣ, и во всѣхъ сослужив...хъ, даже въ швейцарѣ Васильѣ, подавшемъ шинель ему далеко ...е не съ тою услужливостью, къ которой привыкъ Тихонъ Анто...чъ, потому что даже для этого самаго швейцара Василья онъ те-

перь уже почти посторонній и только дотягиваетъ свои послѣдніе дни, послѣ чего мѣсто его заступитъ другой, а онъ уйдетъ и исчезнетъ безслѣдно, словно его совсѣмъ уже не существуетъ на свѣтѣ, словно и никогда его здѣсь не бывало.

Кто вспомнитъ о немъ? Не эти ли сотни мальчишекъ, прошедшихъ передъ нимъ вереницей въ теченіе тридцати пяти лѣтъ, которыхъ онъ заставлялъ выводить правильно буквы и упражнялъ въ техникѣ штриховъ и контуровъ?... А самъ-то онъ чѣмъ можетъ ихъ вспомнить? Чѣмъ были для него эти мальчишки и въ какомъ видѣ живутъ они теперь въ его памяти?...

Онъ углубляется въ прошлое и видитъ только туманный хаосъ разнообразныхъ головъ, въ которомъ мелькнетъ на мгновеніе какая-нибудь смирная дѣтская рожица и тотчасъ заслонится вихрастымъ силуэтомъ какого-нибудь сорванца; въ области заднихъ скамеекъ звучитъ мелодія, производимая игрою на пёрушкахъ, воткнутыхъ остріями въ планку парты; откуда-то взвивается вдругъ къ потолку и повисаетъ на ниточкѣ чортикъ, вырѣзанный изъ писчей бумаги, а сбоку внезапно на Тихона Антоныча налетаетъ Скворешниковъ и восклицаетъ прямо въ лицо ему:

— Сычъ!

«Сычъ!»—повторяетъ въ полголоса Тихонъ Антонычъ и представляетъ на память лицо свое, какимъ онъ давеча видѣлъ его въ отраженіи зеркала.

Да, круглыя щеки, круглые глазки кофейнаго цвѣта и повисшій внизъ носъ... Дѣйствительно, онъ похожъ на сыча. Никогда не подозрѣвалъ онъ объ этомъ и никогда не узналъ бы, если бы не сегодняшній случай. Мѣткая кличка! Вѣроятно, она установилась за нимъ уже давно и переходитъ изъ одного поколѣнія гимназистовъ въ другое. Дѣти росли, становились юношами, выходили въ жизнь, дѣлались учителями, купцами, чиновниками, а онъ сидѣлъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ сычъ, за столикомъ, между окномъ, упиравшимся въ кирпичную стѣну, и желтенькою каѳедрой, и правилъ тетрадки... Жизнь текла неудержимою струей, все росло, развивалось, боролось, одни изнемогали и падали, другіе шли бодро и торжествовали побѣду, а онъ лишь сидѣлъ и правилъ тетрадки... Старый пень, обросшій лишаями и мхомъ, молча гнил разрушаясь, но упавшія вокругъ него сѣмяна, въ ту еще пор когда онъ былъ полнымъ деревомъ, давно принялись, дали ростк тѣ пустили побѣги, и веселая семья шумѣла теперь надъ оста ками своего патріарха, а Тихонъ Антонычъ все сидѣлъ и п вилъ тетрадки... И такъ изо дня въ день, изъ года въ годъ .

теченіе цѣлыхъ тридцати пяти лѣтъ! Цѣлыхъ тридцать пять лѣтъ ненужной, безсмысленной дѣятельности! Параллелепипеды, ромбы, головки въ профиль, головки en face, штрихи и контуры... И за то онъ теперь — надворный совѣтникъ, у него орденъ Анны, заслуженная пенсія и право дожить свои дни въ полномъ покоѣ, не тревожась мыслью о завтрашнемъ днѣ, заботой о томъ, что нужно вѣ время встать и поспѣть, такъ какъ отнынѣ онъ можетъ располагать самъ собою, свободенъ дѣлать что хочетъ,—словомъ, теперь онъ, что называется, вольный козакъ! А впереди еще годы жизни, можетъ быть, пять, десять лѣтъ, даже больше, такъ какъ онъ еще бодръ, въ немъ есть силы, онъ не знаетъ въ себѣ никакого недуга... Чѣмъ онъ наполнитъ ихъ, эти годы?...

Онъ вздымается тихо съ подушекъ, обхватываетъ руками колѣни и принимается смотрѣть напряженно въ пространство. Прямо передъ нимъ голубые обои стѣны. Этимъ обоямъ не мало ужь лѣтъ, они мозолятъ глаза ему каждое утро, но онъ, все-таки, ихъ пристально начинаетъ разсматривать и только теперь замѣчаетъ покрывающій ихъ плотною сѣткой рисунокъ. Фонъ голубой, а на немъ узенькія, желтаго цвѣта полоски... Одна, двѣ, три, четыре, пять, шесть... Да, шесть полосокъ, а рядомъ седьмая, толще ихъ всѣхъ, вмѣстѣ взятыхъ, затѣмъ опять шесть полосокъ и — пустое пространство. Въ пустомъ пространствѣ бѣлый цвѣтокъ, вѣрнѣе — кружокъ, обрамленный пятью язычками. Всѣ язычки расположены на равныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другого, такъ что получается, въ сущности, звѣздочка. Внизу у ней хвостикъ, а на немъ такихъ же три язычка: одинъ — налѣво, два — направо. Въ общемъ выходитъ цвѣтокъ. Дальше опять полоски, съ толстою чертой посрединѣ, за ними цвѣтокъ, потомъ снова полоски, снова цвѣтокъ — и такъ безъ конца...

Чѣмъ наполнить ихъ, эти годы?

Онъ все сидитъ неподвижно, сцѣпивъ руками колѣни, и смотритъ пристально въ стѣну. Полоски — цвѣтокъ, полоски — цвѣтокъ...

Онъ медленно опускается опять на подушки. Тамъ, впереди — пустота, и вокругъ — пустота, и въ немъ самомъ — и въ груди, и … головѣ — пустота. Посреди этой, наполняющей все и вся, пусто… подымается кто-то огромный, незримый, невѣдомый и прости…тъ надъ нимъ безконечную руку, и чувствуетъ Тихонъ Анто…чъ, какъ воля и желанія совершенно его покидаютъ, лишь съ …кимъ вздохомъ, вырвавшимся изъ самой глубины его существа, …ы его тихо шепчутъ:

«Господи, пошли поскорѣе мнѣ смерть!»

Онъ поднимаетъ руки на грудь, укладываетъ на ней ихъ крестъ-на-крестъ и закрываетъ глаза.

. . . .

Тихонъ Антонычъ лежитъ, какъ лежалъ, на спинѣ, руки, крестъ-на-крестъ, сложены у него на груди и вѣки плотно сомкнуты. Онъ имѣетъ вполнѣ видъ мертвеца, потому что онъ, дѣйствительно, умеръ, ушелъ изъ этого міра. Тѣло его неподвижно и на лицѣ присутствуетъ выраженіе покоя, какимъ проникнуты черты трупа, надъ которымъ безсильны всѣ впечатлѣнія внѣшняго міра, ибо для Тихона Антоныча тоже не существуетъ теперь внѣшняго міра, не существуетъ стѣнъ этой комнаты, цѣлыхъ Песковъ, Прасковьи Никифоровны, гимназіи,—онъ даже не помнитъ, что все это когда-то существовало на свѣтѣ. Онъ блуждаетъ въ иныхъ совершенно пространствахъ, испытываетъ иныя тревоги, волнуется, ищетъ и впадаетъ въ отчаяніе.

Дѣло въ томъ, что онъ очутился въ какомъ-то невѣдомомъ городѣ. Онъ одинъ, совершенно одинъ, бродитъ во тьмѣ, по никогда имъ доселѣ невиданнымъ улицамъ. Въ этомъ городѣ нѣтъ у него ни единой знакомой души. Городъ безконечно огромный, съ колоссальными, уходящими въ небо домами. Небо черно и во всемъ городѣ царствуетъ кромѣшная тьма, словно онъ покинутъ совсѣмъ обитателями. А, между тѣмъ, въ немъ кипитъ самая напряженная жизнь. Люди сидятъ въ огромныхъ домахъ, за огромными черными окнами, люди толпятся на тротуарахъ, мчатся въ экипажахъ по улицамъ, плывутъ на пароходахъ и лодкахъ по рѣкамъ и каналамъ—въ страшномъ количествѣ, въ большой суетѣ и въ полномъ безмолвіи. Толпы встрѣчаются, сталкиваются, экипажи сцѣпляются, лошади взвиваются тамъ и сямъ на дыбы, люди мечутся и суетятся, и происходитъ все это въ непроницаемой тьмѣ и въ полномъ безмолвіи. Тихонъ Антонычъ подвигается дальше, теряясь все пуще и пуще, боясь на что-либо наткнуться, быть сшибленнымъ съ ногъ, попасть подъ колеса. Онъ все время старается держаться рѣки, гдѣ происходитъ цѣлая свалка среди сплотившихся вмѣстѣ пароходовъ и барокъ. Вотъ широчайшій, безконечнѣйшій мостъ. Ба! да это, вѣдь, Николаевскій мостъ, и рѣка эта—Нева, а городъ—его родной Петербургъ, въ которомъ онъ не былъ тридцать пять лѣтъ! Онъ узнаетъ Литейный проспектъ, Бассейную, Кирочную. Только все въ немъ теперь перестроено, все передѣлано сызнова, даже всѣ улицы перемѣщены совсѣмъ по-другому. Онъ страшно усталъ, онъ еле передвигаетъ ногами, ему хочется сѣсть отдохнуть, и онъ не можетъ этого сдѣлать, потому что городъ

сбилъ его съ толку. Онъ давно уже забылъ и потерялъ изъ виду мѣсто, откуда вышелъ сначала, и безполезно думать найти его. Онъ узнаетъ знакомую улицу, вспоминаетъ, что въ ней стоялъ домъ, въ который онъ прежде ходилъ, и могъ бы теперь войти въ него и тамъ отдохнуть, но знакомая улица вдругъ обращается въ совсѣмъ для него неизвѣстную мѣстность, и Тихонъ Антонычъ останавливается въ полномъ отчаяніи. А самое главное, самое ужасное въ томъ, что онъ никого здѣсь не знаетъ. Онъ снимается съ мѣста и тащится дальше... Вотъ площадь. Она, какъ и все вокругъ, погружена тоже во тьму, но и здѣсь, какъ повсюду, есть тоже люди. Они сидятъ во тьмѣ и безшумно работаютъ. Мостовая вся разворочена, груды камней торчатъ словно скалы, а между ними зіяютъ глубокія ямы съ перекинутыми узкими досточками. Тихонъ Антонычъ вступаетъ на досточку и переходитъ. Дальше новая яма и новая досточка. Онъ перейдетъ и по ней, потому что сейчасъ должна быть академія художествъ, въ которой онъ посѣщалъ когда-то рисовальные классы. Онъ непремѣнно дойдетъ до нея, потому что тамъ, въ одномъ изъ безконечныхъ ея корридоровъ, Тихона Антоныча ожидаетъ отецъ. Раньше онъ думалъ, что отецъ его умеръ, но теперь онъ узналъ, что тотъ былъ только боленъ и жилъ все время въ отсутствіи, а теперь онъ здоровъ, возвратился и ожидаетъ его. Тихонъ Антонычъ идетъ по длинному, теряющемуся вдали корридору. Его обгоняютъ, встрѣчаются съ нимъ и уступаютъ дорогу ему какіе-то люди. Всѣ они съ нимъ раскланиваются, какъ бы признавая знакомаго, но онъ ихъ не знаетъ, потому что всѣ эти люди совершенно безъ лицъ... Вотъ, наконецъ, онъ въ маленькой комнатѣ. Въ ней кровать, а на кровати—отецъ. Онъ совершенно такой, какимъ былъ во время своей послѣдней болѣзни, лежитъ на боку, повернувшись къ сыну лицомъ, и покрытъ до груди одѣяломъ. Только почему-то еще голова его повязана по-бабьи платкомъ... «Батюшка...»—говоритъ, приближаясь къ нему, Тихонъ Антонычъ.—«Тсс...»—дѣлаетъ тотъ, прикладывая палецъ къ губамъ. Другою рукой онъ начинаетъ манить къ себѣ сына. Тихонъ Антонычъ подходитъ на цыпочкахъ. «Ближе!»—шепчетъ отецъ. Тихонъ Антонычъ подходитъ совсѣмъ ужъ близко и наклоняетъ къ отцу свою голову. Тотъ прикладываетъ къ уху Тихона Антоныча губы и шепотомъ спрашиваетъ: «Отчего ты не хочешь съѣсть эту котлету?» — «Она пахнетъ дымомъ»,—отвѣчаетъ Тихонъ Антонычъ.—«Врешь, ты долженъ ее съѣсть непремѣнно!» Тихонъ Антонычъ начинаетъ ѣсть котлету подъ брюквеннымъ соусомъ, дѣлая надъ собою усилія, потому что

ему совершенно не хочется ѣсть. «Ѣшь!»—повторяетъ отецъ и Тихонъ Антонычъ принимается одолѣвать снова котлету. Онъ глотаетъ съ трудомъ, потому что чувствуетъ, какъ она совсѣмъ ему наполняетъ желудокъ, поднимается выше къ груди, лѣзетъ въ горло, стѣсняетъ дыханіе... «Охъ, Господи, Боже мой!» — мучительно стонетъ Тихонъ Антонычъ — и просыпается.

Въ спальнѣ висятъ уже сѣрыя сумерки. Онъ лежитъ, весь разбитый, подъ впечатлѣніемъ только что пережитаго сна. Мало-помалу онъ приводитъ свои мысли въ порядокъ и, наконецъ, сознаетъ, что теперь еще день, что онъ заснулъ послѣ завтрака и наступаетъ время обѣда. Но ему трудно пока еще встать. Голова тяжела, какъ свинецъ, грудь что-то давитъ... Онъ приподнялъ было одну ногу съ кровати, но она тотчасъ же безсильно упала, какъ плеть... Нѣтъ, онъ долженъ немного еще отлежаться...

И Тихонъ Антонычъ лежитъ, устремивъ глаза въ потолокъ. Во всей квартирѣ царитъ тишина. Маятникъ тикаетъ въ кухнѣ, и его мѣрный звукъ глухо отдается сквозь стѣну. Слышно, какъ Прасковья Никифоровна стукнула дверью, прошла въ столовую, отворила шкафчикъ съ посудой и, побренчавши тамъ чѣмъ-то, ушла опять въ кухню.

Сумерки сгущаются все больше и больше. На улицѣ, насупротивъ дома, засвѣтился фонарь и его трепещущій лучъ проникъ въ окошко гостиной, отразивъ на темномъ полу яркій квадратъ, съ чернымъ крестомъ посрединѣ, и задѣвъ Тришкину клѣтку.

Попугай, пребывавшій все время въ неподвижной апатіи, встряхнулся, переползъ на верхнюю перекладину клѣтки и сталъ наблюдать, какъ отдѣлившійся отъ фонарнаго столба человѣкъ побѣжалъ, изгибаясь подъ тяжестью лѣстницы, черезъ перекрестокъ, и затѣмъ тамъ еще засвѣтился фонарь... Чернѣвшаяся посреди улицы длинная лужа заискрилась блестящими змѣйками... Изъ мрака выдѣлились чьи-то толстыя ноги, съ краемъ поднятаго высоко подола, перешагнули черезъ лужу и опять потонули во мракѣ...

Тришка испустилъ слабый свистъ и, для развлеченія, сталъ болтать самъ съ собою:

«Боже мой, Боже мой, съ морковью пирогъ, почеши попочкѣ шейку, половина шестого, будьте здоровы...»

III.

Было около восьми часовъ вечера.

На столѣ передъ диваномъ горѣла лампа, а наклонившись подъ нею сидѣла Прасковья Никифоровна, въ круглыхъ очкахъ, держа-

шихся на самомъ кончикѣ носа, и вязала изъ красной шерсти платокъ,—работа, съ незапамятныхъ временъ ею затѣянная и не предвидѣвшая себѣ окончанія, подобно знаменитому тканью Пенелопы. Съ другой стороны помѣщался Тихонъ Антонычъ, который, устремивъ задумчивый взоръ свой на лампу, выбивалъ пальцами по краю стола не то маршъ, не то польку. На ручкѣ дивана, въ позѣ сфинкса, дремалъ сладко Зефиръ. На полу, въ полосѣ свѣта отъ лампы, храпѣлъ, не менѣе сладко, Дружокъ. Бодрствовавшій пока еще Тришка сидѣлъ въ кольцѣ своей клѣтки и однимъ лѣвымъ глазомъ созерцалъ издали эту мирную группу. А черезъ темную прихожую изъ полурастворенной кухонной двери слышалось сонное тиканье висѣвшихъ въ кухнѣ часовъ да шумные вздохи, испускаемые отъ времени до времени Дунькой, гадавшей на разбухшихъ и засаленныхъ картахъ, при энергической помощи языка, суслившаго большой палецъ гадальщицы, когда приходилось доставать изъ колоды новую карту, между тѣмъ какъ наставленный въ углу самоваръ тихо затягивалъ свою монотонную арію.

Неизвѣстно, какъ долго должно было еще протянуться это безмолвіе, въ которое была погружена вся квартира, когда вдругъ въ прихожей грянулъ звонокъ.

Какъ бываетъ всегда при какомъ-либо внезапномъ явленіи, вторгшемся въ царство тишины и покоя, все въ одинъ мигъ встрепенулось.

Дунька вихремъ влетѣла въ прихожую. Дружокъ вскочилъ и залаялъ. Тришка заметался по клѣткѣ и крикнулъ:

— «Ау!»

Остановившись вязать, Прасковья Никифоровна подняла голову и устремила вопросительный взглядъ на Тихона Антоныча, который въ свою очередь вздрогнулъ и тоже глядѣлъ во всѣ глаза на жену.

— Телеграмма,—шепнулъ съ какою-то непонятною тревогой Тихонъ Антонычъ.

— Вотъ еще!... Отъ кого?—возразила, тоже пониженнымъ голосомъ, Прасковья Никифоровна.

Затѣмъ оба супруга притихли и повернули выжидательно ...вы къ темной прихожей, гдѣ кто-то густо откашливался, ...каясь съ калошами.

— Валерьянъ!—воскликнулъ взволнованно Тихонъ Антонычъ, ...зая изъ кресла.

— Онъ и есть... Валерьянъ Алексѣичъ!—подтвердила Пра...ья Никифоровна, тоже поднимаясь съ дивана, и откинула на

лобъ очки движеніемъ воина, который поднялъ забрало.—Конечно, Валерьянъ Алексѣичъ! Кому быть другому? А онъ: «телеграмма!» Выдумалъ тоже.

Изъ мрака прихожей вырисовалось что-то черное, большое, косматое, нѣчто среднее между кустомъ и растрепанною шваброй,— въ сущности, голова человѣка, но въ такомъ изобиліи покрытая волосяною растительностью, что всѣ узаконенныя природой принадлежности облика, въ видѣ глазъ, носа и проч., совершенно терялись въ дебряхъ начинавшейся прямо со скулъ бороды, сливавшихся съ нею усовъ, нависшихъ бровей и разлетавшихся во всѣ стороны прядей волосъ, такъ что о нихъ, этихъ упомянутыхъ выше частяхъ нормальнаго лица человѣческаго, и говорить даже нечего. Послѣ головы показались плечи, спина, затѣмъ все это вытянулось на безконечныхъ ногахъ, словно обладатель этой фигуры постепенно изслѣдовалъ, достаточно ли будетъ для ея помѣщенія высоты этой комнаты, и передъ хозяевами возникъ уже совсѣмъ, цѣликомъ, тощій, длиннѣйшій, чуть не подъ самый потолокъ, господинъ въ коротком пиджачкѣ и таковыхъ же штанахъ, который разматывалъ съ шеи пестрый платокъ, по окончаніи чего подалъ поочередно супругамъ огромную волосатую руку и произнесъ густымъ басомъ:

— Здравствуйте!

— Здравствуй, братъ, Валерьянъ! Здравствуйте, Валерьянъ Алексѣичъ!—отвѣтили въ одинъ голосъ супруги.—Садитесь,—прибавила отъ себя Прасковья Никифоровна.

Валерьянъ Алексѣичъ, котораго фамилія была Феноменовъ, устремилъ подозрительный взглядъ на предложенное ему у стола мягкое кресло, попробовавъ даже качнуть его легонько за спинку, какъ бы въ цѣляхъ изобличенія подстроенной ему хозяевами какой-либо неожиданной каверзы. Успокоенный, повидимому, этимъ осмотромъ, онъ досталъ папиросу, зажегъ ея кончикъ на лампѣ и медленно погрузился въ объятія кресла.

Съ приходомъ его словно совсѣмъ ничего не случилось. Прасковья Никифоровна снова наклонилась къ вязанью. Тихонъ Антонычъ опять устремилъ вниманіе на лампу и забарабанилъ по столу прерванный маршъ.

Гость мрачно молчалъ и курилъ, блуждая глазами изъ-подъ косматыхъ бровей по ближайшимъ предметамъ, съ видомъ человѣка, который пришелъ сюда съ самыми злобными цѣлями. Устремляясь на столъ, на лампу, на стѣны, съ чернѣвшимися на нихъ въ видѣ пятенъ картинками, взоры его дышали презрѣніемъ; скользя по

сидѣвшей насупротивъ Прасковьѣ Никифоровнѣ, они принимали выраженіе негодующей жалости, а вонзаясь въ кротко созерцавшаго лампу Тихона Антоныча, можно сказать, даже ненависти.

Не взирая на это, проснувшійся при его появленіи жирный Зефиръ заморгалъ на гостя дружелюбнѣйшимъ образомъ и даже сдѣлалъ было попытку покинуть свое помѣщеніе, чтобы взобраться къ нему на колѣни, но почему-то раздумалъ, а Дружокъ понюхалъ его сапоги и задвигалъ хвостомъ съ самымъ гостепріимнѣйшимъ видомъ.

Вдругъ Феноменовъ устремилъ глаза на склоненную голову Прасковьи Никифоровны и зловѣще спросилъ:

- Вы что это дѣлаете?

— Вяжу, — отвѣчала, двигая спицами, Прасковья Никифоровна.

— Гм...—многозначительно произнесъ Феноменовъ.—Все тотъ же платокъ?

— Все тотъ же платокъ.

— Гм...—еще многозначительнѣе произнесъ Феноменовъ и, повернувшись къ хозяину, тѣмъ же зловѣщимъ тономъ задалъ вопросъ и ему:—А ты?

— А?—словно пробужденный отъ сна откликнулся Тихонъ Антонычъ, отрывая взоръ свой отъ лампы.

— *Ты* что дѣлаешь, я тебя спрашиваю?—настойчиво повторилъ свой допросъ Валерьянъ Алексѣичъ, и въ голосѣ его звучало уже раздраженіе.

Тихонъ Антонычъ поигралъ нерѣшительно перстами по воздуху и съ затрудненіемъ вымолвилъ:

— Да какъ-то вотъ такъ... эдакъ все... ничего.

— Гм...—произнесъ Феноменовъ и, посмотрѣвъ нѣсколько времени пристально своими черными глазами на задумчиваго хозяина, какъ бы желая проникнуть въ самыя нѣдра его существа, медленно вытянулъ длинную свою фигуру изъ кресла и принялся шагать по комнатѣ взадъ и впередъ, словно паукъ, посаженный въ банку. Проходя мимо одной изъ висѣвшихъ по стѣнамъ картинокъ, онъ остановился противъ нея, промычалъ что-то подъ носъ и снова принялся шагать. Затѣмъ онъ постоялъ у окошка, которое выходило на улицу, и опять промычалъ что-то подъ носъ. Третья его остановка была у Тришкиной клѣтки, гдѣ на этотъ разъ и закончилась его прогулка по комнатѣ.

Необходимо замѣтить, что Тришка, до того пребывавшій, какъ сказано выше, въ полнѣйшемъ спокойствіи, съ момента появленія

здѣсь Феноменова находился въ большой ажитаціи. Онъ ползалъ по клѣткѣ, царапался за нее своими когтями, пробовалъ перекусить клювомъ проволоку,—словомъ, продѣлывалъ все, чтобъ освободиться изъ своего заточенія. И это съ нимъ бывало всегда, когда приходилъ Валерьянъ Алексѣичъ, котораго Тришка ненавидѣлъ со всею силой души.

Теперь его врагъ находился на разстояніи шага и смотрѣлъ на его эволюціи. Мало того: онъ протянулъ свою руку и звонко щелкнулъ пальцемъ по клѣткѣ.

При этой безпримѣрнѣйшей дерзости, Тришка зашипѣлъ по-змѣиному и заметался, какъ одурѣлый. Онъ ползалъ, скакалъ, кувыркался и, въ то же самое время, стремительно приникая головою къ рѣшеткѣ, старался поймать врага за рукавъ, чтобы вырвать изъ него хоть клочокъ. А Валерьянъ Алексѣичъ, злорадно наблюдая гнѣвъ Тришки, держалъ на готовѣ сомкнутые вмѣстѣ концами средній и большой пальцы руки, чтобы дать щелчка ему въ носъ. Наконецъ, ему удалось это исполнить, послѣ чего уничтоженный врагъ жалобно свистнулъ и поползъ внизъ головою, признавъ себя побѣжденнымъ.

— Валерьянъ Алексѣичъ, зачѣмъ вы дразните Тришку?—спросила съ дивана Прасковья Никифоровна.

— А что?—сурово освѣдомился Валерьянъ Алексѣичъ, причемъ въ его тонѣ звучало торжество побѣдителя.

— Оттого онъ васъ и не любитъ.

— Гм...! Вы мнѣ лучше вотъ что скажите...—тутъ Феноменовъ взглянулъ на хозяйку съ такимъ выраженіемъ, какъ будто готовился ее уничтожить).—Будетъ сегодня у васъ самоваръ?

— Давно уже поставленъ, должно быть, теперь уже скоро,—кротко отвѣтила Прасковья Никифоровна, и громко воскликнула:—Дуня! Заснула ты, что ли, тамъ съ самоваромъ-то?

— То-то!—строго, хотя смягченнымъ уже голосомъ, замѣтилъ Валерьянъ Алексѣичъ.

Затѣмъ онъ подошелъ и, опустившись на свое прежнее мѣсто, свѣсилъ голову на руку, съ видомъ человѣка, которому ни до чего нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Такъ онъ сидѣлъ и молчалъ во в[се] продолженіе времени, пока въ сосѣднюю комнату поданъ былъ с[а]моваръ, а около него принялась хлопотать Прасковья Никифоровн[а], бренча чайною посудой, и пребывалъ въ этой позѣ до тѣхъ с[а]мыхъ поръ, когда хозяйка позвала его съ мужемъ пить чай.

Утолялъ онъ жажду свою въ томъ же безмолвіи, торопливо [и] жадно втягивая съ блюдца горячую влагу, кряхтя и испуская шу-

ные вздохи, и осушилъ такимъ образомъ въ теченіе короткаго времени четыре стакана, не проронивъ ни единаго слова. Передъ пятымъ стаканомъ онъ сдѣлалъ антрактъ, откинувшись спиною на стулъ и устремивъ мрачно-сосредоточенный взоръ въ неопредѣленную точку.

Прасковья Никифоровна, опять завладѣвшая своею безконечною работой, шевелила безшумно, въ тѣни самовара, вязальными спицами. Тихонъ Антонычъ игралъ чайною ложечкой, погруженный въ глубокую думу.

— Вы хотя въ свой пикетъ бы сразились! — воскликнула вдругъ Прасковья Никифоровна. — А то, право, сидятъ словно мертвые... Тошно смотрѣть!

— Да, въ самомъ дѣлѣ...—слабо присоединилъ свое мнѣніе Тихонъ Антонычъ и взглянулъ на мрачнаго гостя. Тотъ только повелъ глазами на него, на Прасковью Никифоровну, на самоваръ, отхлебнулъ изъ стакана и не сказалъ ничего.

— Я сейчасъ вамъ карты подамъ!—прибавила оживившаяся Прасковья Никифоровна и встала со стула, бросивъ работу.

Передъ хозяиномъ съ гостемъ появился листъ писчей бумаги съ карандашомъ, чтобы записывать взятки, и двѣ колоды подержанныхъ картъ.

— Твоя сдача, мой ходъ,—объявилъ Тихонъ Антонычъ, послѣ того какъ на вскрышкѣ у него оказался валетъ, а у Валерьяна Алексѣича—двойка.—Въ прошлый разъ ты что-то много за мной записалъ... Всего съ прежними, помнится, тридцать шесть тысячъ и...

— Не трудись вспоминать, у меня все отмѣчено,—перебилъ его Феноменовъ и, вытащивъ изъ бокового кармана бумажникъ, по записной книжкѣ прочелъ:—Тридцать шесть тысячъ пятьсотъ.

— Ты меня вздулъ,—говорилъ, подбирая карты, Тихонъ Антонычъ.

— И сегодня вздую опять,—сурово замѣтилъ Валерьянъ Алексѣичъ и сталъ объявлять:—Шесть картъ да пятнадцать, три туза, четырнадцать королей... девяносто восемь... Выходи!

[illegible]авъ мужу съ гостемъ занятіе, Прасковья Никифоровна снова [illegible]билась въ вязанье, между тѣмъ какъ съ другого конца стола [illegible]авалось: «Сто одинъ!»—«Разъ...»—«Сто два!»—«Разъ...»—[illegible] три!...»—«Разъ...» Голосъ мужа звучалъ печально и тихо, [illegible]оменова—громко и торжествующе. «Валетовъ разнесъ? И де[illegible]ти разнесъ?!» — восклицалъ Валерьянъ Алексѣичъ. — «Раз[illegible]...»—вздыхалъ Тихонъ Антонычъ. По воцарившемуся не па-

долго молчанію слѣдовало судить, что начиналась новая сдача, а затѣмъ опять слышалось: «Квартъ отъ дамы... Шесть картъ...»— «А гдѣ-жь твои трефы? Сбросилъ трефовую масть?!»—грозно допрашивалъ Валерьянъ Алексѣичъ.—«Сбросилъ...»—виновато сознавался Тихонъ Антонычъ.—«Чортъ тебя знаетъ, съ ума ты сошелъ! Это чортъ знаетъ что!»—кричалъ Феноменовъ.

Прасковья Никифоровна прислушивалась ко всѣмъ этимъ раздававшимся около нея восклицаніямъ, значеніе которыхъ было для нея тарабарскою грамотой, и понимала только одно, что Валерьянъ Алексѣичъ сердится на Тихона Антоныча за то, что онъ плохо играетъ, и она сама сознавала, что онъ плохо играетъ, что онъ разсѣянъ, не похожъ на себя, что онъ не обнаруживаетъ того оживленія, даже задора, съ которымъ онъ играетъ всегда въ свой любимый пикетъ. И мысль эта порождала новую думу въ головѣ Прасковьи Никифоровны,—думу о томъ, что̀ съ ея мужемъ творится? Или онъ чѣмъ-то болѣнъ, или удрученъ какою-то заботой, но непремѣнно съ нимъ что-то неладно; недаромъ онъ сталъ раздражителенъ, мраченъ, временами кажется даже какимъ-то убитымъ. Она уже нѣсколько разъ принималась ломать свою голову надъ вопросомъ: что̀ бы это могло быть такое?

— На какого же дьявола ты даму-то сбрасывалъ?!—злобно воскликнулъ опять Валерьянъ Алексѣичъ.—Нѣтъ, съ тобой сегодня просто невозможно играть!

Онъ убилъ послѣднюю карту и, такъ какъ «король» былъ сыгранъ, принялся дѣлать разсчетъ, мрачно сопя и нахмурившись.

Тихонъ Антонычъ уныло вздохнулъ и поникъ. Онъ самъ сознавалъ, что играетъ сегодня совсѣмъ отвратительно, и тѣмъ у него хуже выходитъ, чѣмъ болѣе старается онъ лучше сыграть, изъ всѣхъ силъ напрягая вниманіе и все ощутительнѣе сознавая въ себѣ невозможность въ этомъ успѣть. И ничего не можетъ онъ съ этимъ подѣлать! Эхъ, ужь лучше бы Феноменовъ прекратилъ этотъ проклятый пикетъ и оставилъ его поскорѣе въ покоѣ!

А тотъ, отнюдь не подозрѣвая таковыхъ желаній въ своемъ уныломъ партнерѣ, вскрылъ новую карту, и Тихонъ Антоны[illegible], признавъ опять невозможность уклониться отъ велѣній неодоли[illegible]й судьбы, сдѣлалъ то же. Выпало опять сдавать Феноменову, что̀ [illegible]ъ и исполнилъ съ суровымъ спокойствіемъ. Послѣ того, какъ к[illegible]-дымъ были объявлены карты, Тихонъ Антонычъ сдѣлалъ вых[illegible]ъ съ туза, и Валерьянъ Алексѣичъ уже вытащилъ карту, чтобъ [illegible]у отвѣчать, но вдругъ откинулся спиною на стулъ, и, уставивш[illegible]ь

глазами въ хозяина, нѣсколько времени молча его наблюдалъ, потомъ спросилъ страннымъ тономъ:

— Скажи мнѣ, пожалуйста, ты не подлецъ?

Тихонъ Антонычъ поднялъ съ недоумѣніемъ голову.

— Ты не скотина?—допрашивалъ Валерьянъ Алексѣичъ, все не спуская съ него пытливаго взгляда.

— Объясни мнѣ... Я понять не могу... Что такое?—въ замѣшательствѣ молвилъ Тихонъ Антонычъ, переводя глаза на Феноменова, потомъ на Прасковью Никифоровну. Та оторвалась отъ работы и тоже переводила глаза вопросительно съ гостя на мужа.

— Онъ не можетъ понять! Скажите, пожалуйста!—воззвалъ Феноменовъ къ Прасковьѣ Никифоровнѣ, какъ бы приглашая ее быть свидѣтельницей возмутительнаго поведенія мужа.—*Онъ не можетъ понять*!... Каково?... И еще имѣетъ нахальство смотрѣть прямо въ глаза!...

— Что такое?—въ безпокойствѣ воскликнула Прасковья Никифоровна.

— Въ чемъ дѣло? Объясни мнѣ, пожалуйста!—тоже воскликнулъ, крайне взволнованный, Тихонъ Антонычъ.

— Изволь, объясню... Гм... Ты думаешь, что я не знаю про твой юбилей?

— Какой юбилей?—въ одинъ голосъ спросили оба супруга.

Валерьянъ Алексѣичъ посмотрѣлъ на ихъ лица и, кромѣ выраженія удивленія и любопытства, не прочелъ на нихъ ничего.

— Гм... Такъ и въ самомъ дѣлѣ ничего ты не знаешь?—подозрительно спросилъ Феноменовъ хозяина.

— Божусь, въ первый разъ только слышу... Разскажи, ради Бога... Не мучь ты меня... Что такое? Какой юбилей?—лепеталъ Тихонъ Антонычъ, совершенно растерянный.

— Да *твой* же, *твой*, говорю... Твой юбилей собираются праздновать.

— Праздновать?... *Мой* юбилей?...—пробормоталъ, какъ во снѣ, Тихонъ Антонычъ и, не въ состояніи промолвить больше ни ...ва, точно задохнувшись, открылъ ротъ и выпученными глазами ...авился въ лицо Феноменову.

— А я, вѣдь, думалъ все время, что тебѣ ужь извѣстно... ...жу, человѣкъ не въ себѣ и съ такою таинственною рожей... ...тъ животное,—думаю,—молчитъ и не скажетъ!»

...алерьянъ Алексѣичъ замолчалъ и нахмурился, потомъ вдругъ ...ился.

— Ну, чего ты раскисъ?—закричалъ онъ на хозяина.—Играть, такъ играть! Что у тебя тамъ дальше еще на рукахъ?

Тихонъ Антонычъ машинально сбросилъ какую-то карту. Валерьянъ Алексѣичъ ее тотчасъ побилъ и вышелъ съ туза, на котораго его партнеръ положилъ короля.

— Развѣ у тебя король бланкъ? А гдѣ же валетъ?

Тихонъ Антонычъ сидѣлъ весь багровый, отиралъ со лба потъ и дышалъ тяжело, словно бѣжалъ отъ погони. Вмѣсто отвѣта на вопросъ Феноменова, онъ бросилъ карты на столъ, вскочилъ и разразился неожиданнымъ хохотомъ.

— Ха-ха-ха, вотъ такъ штука!

Онъ прошелся взволнованно взадъ и впередъ, остановился передъ Феноменовымъ, блаженно ему улыбнулся и задалъ вопросъ:

— Откуда узналъ ты?

Валерьянъ Алексѣичъ изподлобья взглянулъ на Тихона Антоныча и пробурчалъ, угрюмо нахмурившись:

— Отъ Грохотунскаго вашего... Пьянаго встрѣтилъ.

— Ха-ха-ха!—расхохотался опять Тихонъ Антонычъ, прошелся еще взадъ и впередъ и снова спросилъ:—Ну, какъ же, какъ же все это было?... Ты мнѣ разскажи.

— Да что мнѣ разсказывать?... Ну, встрѣтились... Пьяный онъ былъ... А встрѣтилъ я его потому, что зашелъ въ «Назаретъ»... Кружку пива выпить хотѣлъ... Смотрю, а онъ тамъ... Совсѣмъ уже мокрый... Съ компаніей какихъ-то юнцовъ... И съ нимъ этотъ вашъ... Какъ его?... Сахарная рожа такая, терпѣть его не могу... Ну, чортъ, какъ его?...

— Бубенцовъ? Ха-ха-ха!... Ну-ну-ну?

Тихонъ Антонычъ сѣлъ опять на старое мѣсто и жадно уставился въ лицо Феноменову.

Валерьянъ Алексѣичъ разсказывалъ неохотно и вяло, точно вытаскивая каждое слово клещами, даже съ какою-то злобой. О Грохотунскомъ онъ выражался съ презрѣніемъ, упомянувъ нѣсколько разъ, что пьянъ тотъ былъ такъ, что «хоть выжми», о Бубенцовѣ сказалъ, что онъ «бабникъ», а объ «юнцахъ», что они всѣ «глупыши»: сидятъ и въ ротъ Грохотунскому смотрятъ.

— «Ангельчики! Золотые мои!—запищалъ вдругъ Феноменов , изображая растроганнаго Грохотунскаго,—какъ же намъ не ı -чтить старика? Сколькихъ поколѣній, вѣдь, былъ онъ свидѣтелем› ›

— Такъ и сказалъ: «сколькихъ поколѣній»?—переспроси ь Тихонъ Антонычъ.

— Такъ и сказалъ... Балалайка!... «Мы все это ему въ адре ѣ

выразимъ...»—запищалъ опять Феноменовъ и злобно прибавилъ, своимъ уже голосомъ:—Ну, и вотъ, будетъ обѣдъ тебѣ, адресъ, подарокъ тебѣ поднесутъ... плевательницу, тамъ, что ли, какую-то.

— Плевательницу?... Почему же плевательницу?—съ недоумѣніемъ спросилъ Тихонъ Антонычъ.

— А, чортъ, почемъ я знаю, что тебѣ поднесутъ? Ну, не плевательницу, другое что... Не все ли равно? Вишь, у людей въ головѣ вѣтеръ свищетъ, такъ сыръ-боръ и горитъ... Ну, и довольно съ тебя! Ничего я больше не знаю!

Тихонъ Антонычъ умиленно вздохнулъ и, погодя немного, спросилъ:

— Ну, а какъ же я-то?... Что со мной будутъ дѣлать?

— А тебя вмѣстѣ съ Тришкой въ одну клѣтку посадятъ и поставятъ на площади! — угрюмо отрѣзалъ Валерьянъ Алексѣичъ.

Тихонъ Антонычъ всталъ и началъ ходить. Воцарилось молчаніе. Феноменовъ неустанно курилъ. Хозяинъ непрерывно ходилъ взадъ и впередъ,—не тою нерѣшительною, слабою походкой, которая у него замѣчалась въ эти послѣдніе дни, а какою-то особенной, словно плавая въ воздухѣ, словно не самъ онъ ходилъ, а его что-то носило... Валерьянъ Алексѣичъ изъ-подъ своихъ косматыхъ бровей слѣдовалъ взглядомъ за мелькавшею по комнатѣ его круглою фигуркой съ такимъ выраженіемъ, какъ будто собирался дать ей тумака.

Пикетъ былъ забытъ окончательно, а потому Прасковья Никифоровна убрала со стола карты и исчезла изъ комнаты для распоряженій объ ужинѣ, который вскорѣ явился, въ видѣ оставшагося отъ обѣда жаркого и домашняго студня. Появился также графинчикъ съ коричневою жидкостью, изъ котораго Прасковья Никифоровна собственноручно налила гостю и мужу, а затѣмъ достала изъ шкафчика бутылку съ портвейномъ, сохранившимся отъ какого-то домашняго пиршества, налила себѣ изъ нея полную рюмку и, торжественно подойдя къ Тихону Антонычу, чокнулась съ нимъ и сказала:

— Поздравляю тебя!

Потомъ чокнулась она съ Феноменовымъ и выпила небольшими [глоточками].

Тихонъ Антонычъ побагровѣлъ, чокнулся съ гостемъ, выпилъ, [хо]тѣлъ что-то сказать, но вдругъ всхлипнулъ и, быстро вскочивъ, [бро]сился въ уголъ... Тамъ онъ постоялъ нѣсколько времени, при[ст]ально разсматривая какой-то узоръ на обояхъ и усердно смор[кая]сь...

Валерьянъ Алексѣичъ оглянулся и посмотрѣлъ, что̀ онъ дѣлаетъ, потомъ усы его странно раздвинулись какимъ-то необычнымъ движеніемъ, похожимъ отчасти на судорогу, которую можно было, однако, счесть и улыбкой, и изъ-подъ нихъ послышалось тихо:

— Дуракъ!

Вернувшись, Тихонъ Антонычъ занялъ свое прежнее мѣсто и погрузился взоромъ въ тарелку. Ѣлъ онъ разсѣянно, былъ молчаливъ и задумчивъ, но задумчивость эта казалась особаго рода,— главнымъ образомъ, въ тѣ минуты, когда онъ поднималъ вдругъ глаза и пристально устремлялъ ихъ на гостя, или на Прасковью Никифоровну, или просто въ неопредѣленную точку, и очевидно было въ такія минуты, что глаза эти видятъ не то, на что они смотрятъ, но созерцаютъ нѣчто другое, невѣдомое никому изъ здѣсь находящихся, что̀ наполняетъ все существо Тихона Антоныча неизреченнымъ блаженствомъ. По временамъ онъ вдругъ спрашивалъ:

— Такъ и сказалъ про меня: «скольких поколѣній былъ онъ свидѣтелемъ», а?

— Кто? — недоумѣвалъ сперва Феноменовъ и, сообразивъ, отвѣчалъ раздражительно:— Ну, чортъ! Сто разъ тебѣ повторять!

Тихонъ Антонычъ повергался снова въ задумчивость и сидѣлъ нѣсколько времени молча. Затѣмъ свѣтлая улыбка расплывалась у него по лицу и неожиданно слѣдовалъ новый вопросъ:

— «Надо, — говоритъ, — почтить старика», а? «Почтить»? Такъ и сказалъ?

Но Валерьянъ Алексѣичъ скоро пересталъ ему отвѣчать, отдѣлываясь только безмолвнымъ сопѣньемъ, да тѣмъ, что ожесточеннѣе затягивался своею папиросой. Наконецъ, при какомъ-то новомъ вопросѣ онъ поспѣшно всталъ съ мѣста и началъ прощаться.

Сперва онъ пожелалъ доброй ночи Прасковьѣ Никифоровнѣ, а затѣмъ обратился къ хозяину:

— Прощай, юбиляръ!

И, потрясши руки обоихъ супруговъ, Валерьянъ Алексѣичъ устремился въ прихожую.

Провожавшіе гостя Тихонъ Антонычъ съ Прасковьей Никиф ровной стояли въ дверяхъ, а Дунька свѣтила взятою изъ кухі жестяною керосиновою лампочкой, пока Феноменовъ, сразившис успѣшно съ калошами, обматывалъ шею своимъ безконечны платкомъ, потомъ, при помощи Дуньки, влѣзъ въ коротенькое мі ховое пальто. Все это продѣлывалъ онъ, отвернувшись къ стѣн

словно уже не будучи въ силахъ выносить дольше вида хозяевъ. Въ заключеніе, нахлобучивъ на себя огромную шапку, тотчасъ же сдѣлавшую его похожимъ на Пугачева, какъ изображенъ онъ на картинѣ Перова, Валерьянъ Алексѣичъ буркнулъ: «Прощайте!» — и повернулся къ выходу въ сѣни.

— Посвѣти барину, Дуня! — сказала Прасковья Никифоровна.

— Не нужно! — буркнулъ опять Валерьянъ Алексѣичъ.

Не взирая на то, Дунька отворила передъ нимъ услужливо дверь и, выскочивъ въ сѣни, свѣтила, пока Феноменовъ шествовалъ къ двери во дворъ.

— Правѣе, баринъ, держите, тутъ сбоку-то склизко,— говорила усердная Дунька, освѣщая дорогу. — Давеча дворникъ-анаѳема, шомши съ водой, почитай цѣлое ведро расплескалъ... А не то я васъ лучше подъ ручку...

— Пошла къ чорту! — огрызнулся на нее Феноменовъ.

— Хи, хи, хи! — Дунька бросилась къ двери и, отымая щеколду, сказала: — Дайте-ка я отворю вамъ...

— Засохни! — былъ отвѣтъ Феноменова.

— Хи, хи, хи! Спокойной ночи, баринъ, пріятнаго сна! — закричала ему Дунька въ догонку.

Феноменовъ ничего не отвѣтилъ и, скрипя кожаными своими калошами по подмерзшему снѣгу, потонулъ въ сумракѣ ночи.

Вернувшись на кухню, Дунька застала тамъ Прасковью Никифоровну, съ которою подѣлилась веселымъ своимъ впечатлѣніемъ, полученнымъ отъ «занятнаго барина», а затѣмъ ихъ бесѣда перешла къ кулинарнымъ проектамъ на завтрашній день, причемъ передъ умственнымъ взоромъ кухарки и барыни возникла снова тѣнь печника, долженствовавшаго быть приведеннымъ во что бы ни стало. Напослѣдокъ всего хозяйка спросила:

— Ставни закрыты?

Отвѣтъ полученъ былъ утвердительный.

— А Дружка водила гулять?

— Водила, барыня.

— Зефирка дома?

— Дома... Вонъ спитъ, толстомясый!

— Ну, значитъ, всѣ дома,— прошептала Прасковья Никифоровна и прибавила: — Завтра разбуди меня къ ранней...

Посѣщеніе ранней обѣдни Прасковьей Никифоровной было довольно рѣдкимъ явленіемъ и пріурочивалось, кромѣ великихъ праздниковъ, къ днямъ торжественныхъ годовщинъ, вродѣ именинъ или рожденія котораго-нибудь изъ супруговъ. Такъ какъ ничего подоб-

наго на завтрашній день не усматривалось, то Прасковья Никифоровна, провидя могущую произойти нѣкую смуту въ строѣ идей получившей необычайный наказъ этотъ Дуньки, сочла нужнымъ еще разъ подтвердить:

— Слышала? Разбуди непремѣнно!

И она вышла изъ кухни.

Тихонъ Антонычъ истуканомъ сидѣлъ за столомъ, на своемъ прежнемъ мѣстѣ, и, при входѣ жены, не повернулъ головы, даже совсѣмъ не шелохнулся.

Прасковья Никифоровна прошла въ спальню и занялась приготовленіями ко сну. Сперва затеплила она передъ иконой лампадку, затѣмъ постелила постель, причемъ сочла нужнымъ смѣнить простыни и надѣть на подушки чистыя наволочки, послѣ того она заглянула въ кувшинъ, налита ли вода въ немъ для умыванья на завтрашній день. Все это заняло у нея, по крайней мѣрѣ, минутъ десять времени. Когда все было готово, она окинула общимъ взоромъ всю обстановку, остановивъ дольше глаза на лампадкѣ. Та ровно и тихо мерцала, посылая лучи отъ серебряной ризы Спасителя и озаряя кроткимъ свѣтомъ своимъ стѣны спальни и ложе престарѣлыхъ супруговъ съ ярко-бѣлѣвшимися и взбитыми высоко подушками.

— Тихонъ Антонычъ!—позвала мужа Прасковья Никифоровна.

Тотъ не откликнулся. Онъ сидѣлъ въ той же позѣ, какъ давеча, когда Прасковья Никифоровна проходила изъ кухни, и можно бы было подумать, что онъ задремалъ, если бы раскрытые широко глаза его не указывали на самое напряженное бодрствованіе.

Прасковья Никифоровна подошла и тронула его за плечо.

— Пора спать, Тихонъ Антонычъ... Двѣнадцатый часъ.

Тихонъ Антонычъ вздрогнулъ всѣмъ туловищемъ и въ глазахъ его, обратившихся теперь на жену, было выраженіе человѣка, неожиданно сброшеннаго изъ надзвѣзднаго міра мечтаній въ нашу земную юдоль.

— Двѣнадцатый часъ,— повторила Прасковья Никифоровна.

— Иду, иду... Да, да, да... Хорошо, — пробормоталъ Тихо[нъ] Антонычъ, поспѣшно поднимаясь со стула.

Однако, онъ не трогался съ мѣста. Онъ стоялъ и смотрѣлъ [на] жену, и на лицѣ его она прочла выраженіе, которое вдругъ, [в] одинъ мигъ, воскресило предъ нею изъ тьмы прожитого два никог[да] неизгладимыхъ момента. Ей вспомнился Тихонъ Антонычъ, теперешній, сѣдой и въ морщинахъ, а тотъ, румяный и свѣжі[й] новобрачный супругъ ея, который точно вотъ такъ же смотрѣлъ

нее, когда они, послѣ вѣнца и свадебнаго пира въ кухмистерской, остались одни съ глазу на глазъ... А еще она вспомнила другой незабвенный моментъ, когда, послѣ ея тяжкихъ мукъ первыхъ родовъ, она, чуть живая, разбитая, но счастливая сознаніемъ миновавшей опасности и полная новымъ, неизвѣданнымъ чувствомъ, лежала въ постели, а Тихонъ Антонычъ стоялъ и смотрѣлъ на нее, держа въ рукахъ своего новорожденнаго первенца-сына... Странно, не къ мѣсту, и зачѣмъ это вспомнилось?

Но она ничего не сказала. Она только обычно, какъ всегда это дѣлала передъ отходомъ ко сну, перекрестила мужа широкимъ крестомъ и тотъ, съ своей стороны, сдѣлалъ то же, послѣ чего она дала, тоже обычный, поцѣлуй ему въ лобъ, а онъ поцѣловалъ ея руку, на которой она почувствовала горячую влагу, и, тотчасъ же отвернувшись отъ мужа, направилась въ спальню.

Тамъ, уже въ одной ночной кофтѣ и въ чепчикѣ, скрывшемъ ея сѣдую, жидкую косу, она прочла обычный рядъ молитвъ передъ образомъ, уложила свое тучное тѣло въ постель, покрыла его одѣяломъ и вдругъ, совсѣмъ для себя неожиданно, пролила беззвучныя слезы, тѣ бабьи глупыя слезы, которыя имѣютъ свойство такъ же легко появляться, какъ исчезать... Она ихъ смахнула рукавомъ своей кофты, вздохнула и принялась ждать терпѣливо пришествія сна.

Она стала уже забываться первою дремотой, когда, осторожно ступая въ своихъ мягкихъ туфляхъ, вошелъ въ спальню Тихонъ Антонычъ, раздѣлся и легъ.

Лампадка горѣла ровнымъ, нетрепетнымъ свѣтомъ. Мѣрно тикалъ маятникъ въ кухнѣ. Гдѣ-то въ углу тихо скреблась мышь.

Тихонъ Антонычъ лежалъ сперва на спинѣ, потомъ повернулся на лѣвый бокъ, повернулся на правый, и все не могъ найти удобнаго для себя положенія. Ему не спалось. Одѣяло душило его. Онъ отбросилъ прочь одѣяло, разметался и легъ опять навзничь. Онъ чувствовалъ, какъ старая кровь его жарко била въ виски, а въ головѣ вихремъ крутились разныя мысли... Уйти бы теперь куда-удь далеко и все бродить, бродить безъ конца!

Онъ положительно не въ силахъ былъ дольше лежать, поднялся галъ спускаться съ кровати.

— Что ты возишься? — сквозь сонъ пролепетала Прасковья кифоровна. — Животъ болитъ?

- Нѣтъ... не животъ, — прошепталъ Тихонъ Антонычъ. хнулъ и снова покорно улегся.

Время шло. Мышь въ углу все скреблась. Маятникъ въ кухнѣ все такъ же безостановочно тикалъ.

Тихонъ Антонычъ лежалъ на спинѣ и видѣлъ передъ собою освѣщенную залу, наполненную массой людей. Тутъ Бубенцовъ, Грохотунскій, Андрей Ардальонычъ и посреди ихъ — онъ самъ, Тихонъ Антонычъ, центръ вниманія всѣхъ, счастливый и гордый. «Сколькихъ поколѣній онъ былъ свидѣтелемъ!» —возглашаетъ торжественно, указывая на него, Грохотунскій.

— Охъ... не хочу огурца... не надо мнѣ огурца!—стонетъ жалобнымъ голосомъ Прасковья Никифоровна, потому что печникъ, о которомъ былъ сегодня разговоръ у ней съ Дунькой, валитъ на нее большой огурецъ, и огурецъ этотъ съ рогами, въ сущности, не огурецъ даже, но квартъ отъ дамы, той самой, что̀ живетъ насупротивъ въ каменномъ домѣ и встрѣчается каждое утро съ Прасковьей Никифорной въ мясной, когда она тамъ покупаетъ говядину, а по стѣнѣ бѣгутъ короли, быстро-быстро, какъ тараканы, цѣлыхъ четырнадцать королей, всѣ пестренькіе, всѣ въ маленькихъ зубчатыхъ коронкахъ...

Тихонъ Антонычъ не спитъ. Лампадка все слабѣе и слабѣе мерцаетъ. Темнота постепенно воцаряется въ спальнѣ. Охъ, какая долгая, какая несносно-долгая ночь!

«Сколькихъ поколѣній онъ былъ свидѣтелемъ!»—шепчетъ Тихонъ Антонычъ.

Это въ немъ уже послѣдній проблескъ сознанія, а затѣмъ глубокій, тяжелый, какъ гранитная глыба, совсѣмъ уже мертвенный, сонъ смыкаетъ его усталыя вѣжды, и Тихонъ Антонычъ ничего больше не видитъ, не слышитъ...

«Бом-мъ...»—глухо гудитъ за окномъ первый ударъ къ ранней обѣднѣ, плывя съ колокольни церкви Рождества Богородицы.

IV.

— *«Въ кругу лицъ дорогихъ сердцу моему сослуживцевъ, почтившихъ меня высокою честію вспомнить... почтившихъ меня высокою честію собраться, чтобы вспомнить...»*

Это бормочетъ Тихонъ Антонычъ, стоя въ халатѣ посреди комнаты и устремивъ глаза въ потолокъ. Въ рукѣ его листокъ почтовой бумаги, исписанный крупнымъ, красивымъ почеркомъ Тихона Антоныча. Онъ подноситъ къ глазамъ этотъ листокъ и громко прочитываетъ:

— «... *Чтобы вспомнить о томъ незабвенномъ днѣ моей жи*

ни, когда, тридцать пять лѣтъ назадъ, я вступилъ въ дружную педагогическую семью нашей гимназіи, я чувствую, что вновь молодѣю душой!»

Тихонъ Антонычъ обводитъ глазами вокругъ. Въ комнатѣ нѣтъ никого, кромѣ Дружка, который, спрятавъ голову въ вытянутыя переднія лапы и зажмурившись, наслаждается полуденнымъ солнцемъ, что̀ льется золотистымъ столбомъ сквозь ледяные узоры окошка, перерѣзывая наискось комнату. При громко произнесенныхъ словахъ своего хозяина, Дружокъ поднимаетъ вверхъ голову и начинаетъ внимательно слушать. Тришка, сидя на нижней перекладинѣ клѣтки, тоже внимательно слушаетъ.

Тихонъ Антонычъ дѣлаетъ паузу, прохаживается взадъ и впередъ, опять останавливается и прочитываетъ вновь по бумажкѣ:

— *«До глубины души моей тронутый всѣми привѣтствіями, которыя мнѣ сейчасъ пришлось здѣсь услышать, я чувствую, что тридцать пять лѣтъ слетаютъ долой съ моихъ плечъ».*

Голосъ Тихона Антоныча звучитъ патетически. Онъ опускаетъ внизъ руку съ бумажнымъ листкомъ, обводитъ глазами письменный столъ, картинки на стѣнахъ, Тришкину клѣтку, Дружка—и восклицаетъ:

— *«Да, и опять повторяю передъ вами: я вновь молодѣю душой!»*

Дружокъ сочувственно стучитъ хвостомъ по полу. Тришка наклоняетъ голову на бокъ и принимается однимъ лѣвымъ глазомъ смотрѣть на оратора, но пребываетъ безмолвенъ. Очевидно, онъ ждетъ, что̀ тотъ еще дальше скажетъ.

Но Тихонъ Антонычъ не произноситъ больше ни слова. Онъ стоитъ нѣсколько времени молча, потомъ снимается съ мѣста, подходитъ къ дивану и тихо на него опускается. Все время глаза его смотрятъ съ такимъ выраженіемъ, точно онъ находится внѣ всего окружающаго. Въ столовую торопливо входитъ изъ кухни Прасковья Никифоровна, съ засученными по локоть рукавами, съ краснымъ и мокрымъ отъ поту лицомъ и заплаканными отъ дыму глазами. Она в[illegible] охвачена пыломъ ожесточенной борьбы вмѣстѣ съ Дунькой н[illegible] печкой. Сегодня воскресенье и потому обѣдъ долженъ быть н[illegible]олько раньше; кромѣ того, къ обѣду придутъ дочь съ зятемъ и [illegible]чъ; вѣроятно, будетъ и Валерьянъ Алексѣичъ; все это усилив[illegible] раздражительное состояніе духа Прасковьи Никифоровны. В[illegible]ла она затѣмъ, чтобы достать изъ буфета чайную ложечку. П[illegible]ходя мимо двери, она бросаетъ испытующій взглядъ въ сосѣд-

нюю комнату. Тихонъ Антонычъ сидитъ на диванѣ и смотритъ... смотритъ прямо, въ упоръ на нее, такъ что ихъ взгляды встрѣчаются, но, очевидно, не видитъ Прасковьи Никифоровны, какъ не видитъ ничего, что вокругъ него дѣлается. Глаза его неподвижны и вытаращены. Совершенный лунатикъ!

Прасковья Никифоровна испускаетъ подавленный вздохъ и удаляется обратно въ кухню, гдѣ тотчасъ же вступаетъ въ бурную полемику съ Дунькой по вопросу о кулебякѣ, составляющей «гвоздь» сегодняшней трапезы и совершенно готовой отправиться въ печь, откуда уголья, однако, недостаточно выгребены. И во все это время, когда Прасковья Никифоровна препирается съ Дунькой, и послѣ того, какъ вопросъ этотъ улаженъ, изъ головы Прасковьи Никифоровны не выходитъ мысль о сожителѣ и видится ей его лунатическій взглядъ. Еще давеча, утромъ, слухъ ея былъ пораженъ голосомъ мужа, который, какъ сперва ей показалось, съ кѣмъ-то громко бесѣдовалъ. По наведеніи справки у Дуньки: «съ кѣмъ онъ тамъ разговариваетъ?» и по полученіи категорическаго отвѣта кухарки, что пока она еще никому не отпирала дверей, Прасковья Никифоровна самолично, на мѣстѣ, изслѣдовала это явленіе, причемъ оказалось, что Тихонъ Антонычъ стоитъ среди комнаты и твердитъ свою «рѣчь». Эта самая «рѣчь», долженствовавшая быть произнесенною юбиляромъ на своемъ торжествѣ, доставила ему не мало мученій. Ихъ, этихъ «рѣчей», было составлено нѣсколько. Каждую, стоившую автору ихъ сильныхъ мозговыхъ напряженій, онъ прочитывалъ Прасковьѣ Никифоровнѣ, и, несмотря на клятвенныя ея увѣренія, что рѣчь прекрасна и не можетъ быть лучше, Тихонъ Антонычъ безжалостно разрывалъ ее на клочки и принимался терзать себя надъ сочиненіемъ новой. Эта, послѣдняя, была по счету уже, кажется, пятая. Тихонъ Антонычъ засѣлъ вчера за нее тотчасъ послѣ ужина. Какъ ни убѣждала его Прасковья Никифоровна лечь спать, на основаніи русской пословицы, что утро мудренѣе вечера, и въ силу собственныхъ своихъ опасеній, что онъ совсѣмъ изведется, Тихонъ Антонычъ былъ непреклоненъ, и Прасковья Никифоровна пошла спать безъ него. Она долго не могла заснуть и слышала, какъ онъ кряхтѣлъ, вздыхалъ, вст-валъ, ходилъ по комнатѣ и снова садился. Прасковья Никифоров получила въ ту ночь наглядный образчикъ явленія, дотолѣ ею н-виданнаго, которое называется «мукáми творчества». Такъ она заснула, не дождавшись супруга. Неизвѣстно, который могъ бы уже часъ,—пожалуй, было даже подъ утро, во всякомъ случаѣ, о совсѣмъ уже крѣпко спала,—какъ Тихонъ Антонычъ ее разбуди.

Онъ стоялъ передъ нею, растрепанный, съ распахнутымъ воротомъ, со свѣчкой въ рукѣ, и читалъ свою «рѣчь». Сперва, спросонья, она разсердилась, но потомъ, все-таки, выслушала. Признаться, она смутно поняла ея содержаніе, хотя опять-таки выразила полное свое одобреніе. «Хорошо?» — переспросилъ Тихонъ Антонычъ.— «Отлично», — сквозь зѣвоту отвѣтила Прасковья Никифоровна. — «Я и самъ думаю, что теперь хорошо», — подтвердилъ Тихонъ Антонычъ тихимъ, проникнутымъ голосомъ автора, довольнаго вполнѣ своимъ дѣтищемъ.

«Охъ, ужь поскорѣй бы насталъ онъ, юбилей этотъ самый!» — думала теперь Прасковья Никифоровна.

Юбилей! Онъ заполонилъ всѣ мысли и чувства Тихона Антоныча. Онъ думалъ объ юбилеѣ, пробуждаясь отъ сна, поутру, думалъ, идя въ гимназію, сидя въ классѣ, во время урока, думалъ по дорогѣ домой, думалъ во время обѣда и вечерняго чая, думалъ, предаваясь ночному покою, думалъ даже во снѣ, потому что и самыя теперешнія грёзы его были связаны съ этимъ долженствующимъ совершиться событіемъ. Все, что происходило вокругъ, если оно не имѣло съ юбилеемъ какой-либо связи, скользило мимо него, не задѣвая вниманія, въ крайнемъ случаѣ мѣшало ему, раздражало его, какъ раздражаетъ насъ какая-нибудь извнѣ ворвавшаяся грубая нота, въ то время, когда вся наша душа звучитъ и поетъ въ ладъ высокой мелодіи, когда, напримѣръ, мы упиваемся оперною аріей, дыханіе стѣснилось въ нашей груди, сердце не бьется и въ глазахъ стоятъ слезы, а откуда-то вдругъ со двора раздались пошлые взвизги гармоники.

— Взгляни, который часъ, Тихонъ Антонычъ, не пора ли пирогъ сажать въ печку? — послышался голосъ Прасковьи Никифоровны, и голова ея просунулась въ комнату изъ двери столовой.

Тихонъ Антонычъ поднялъ на жену тупые глаза человѣка, котораго вдругъ разбудили, какъ бы соображая, чего хотятъ отъ него.

— Взгляни же, тебѣ говорятъ! — нетерпѣливо воскликнула Прасковья Никифоровна и прибавила: — Наши въ кухнѣ стоятъ.

Тихонъ Антонычъ машинально снялся съ дивана и, подойдя къ ...ьменному столу, на которомъ тикали, въ стойкѣ изъ маленьъ раковинъ, его карманные часики, медленно издалъ отвѣтъ:

— Половина второго.

...олова Прасковьи Никифоровны быстро исчезла.

...ихонъ Антонычъ вздохнулъ, прошелся нѣсколько разъ взадъ ...ередъ, остановился противъ Тришкиной клѣтки и, задумчиво ...я въ глаза попугаю, растягивая слова, произнесъ:

«Да... и опять повторяю: я вновь молодѣю душой!»

Все не спуская задумчивыхъ глазъ своихъ съ Тришки, Тихонъ Антонычъ постоялъ еще съ полминуты, отошелъ прочь отъ клѣтки и медленно опустился опять на диванъ.

Онъ снова принялъ ту самую позу, въ которой, немного минутъ передъ тѣмъ, застала его Прасковья Никифоровна. Онъ сидѣлъ неподвижно, какъ замороженный, вытянувъ шею и уставившись глазами въ противуположную стѣну, именно въ то самое мѣсто на ней, гдѣ висѣлъ акварельный портретъ, изображавшій молодую особу въ пунцовой зуавкѣ. Тришка, тоже какъ бы застывшій на перекладинѣ клѣтки, пристально наблюдалъ своего хозяина издали. Дружокъ сладко дремалъ на полу, выставивъ лохматую голову на встрѣчу лучамъ яркаго солнца.

Ни единый звукъ не нарушалъ тишины, и духъ Тихона Антоныча опять бродилъ безпрепятственно въ призрачномъ мірѣ лицъ и явленій, въ которомъ онъ жилъ теперь постоянно и который давалъ ему столько счастья.

Вотъ длинный столъ, сверкающій бѣлоснѣжною скатертью, весь залитый свѣтомъ свѣчей въ канделябрахъ. Толпа въ парадныхъ одеждахъ. Тутъ же и самъ директоръ, Андрей Ардальонычъ. Все безмолвно, все проникнуто однимъ ожиданіемъ—ожиданіемъ *его*, юбиляра. Но вотъ въ этой толпѣ прошелъ шепотъ: «Пріѣхалъ... слышите?... пріѣхалъ!... Непромокаевъ пріѣхалъ!...» Шепотъ ростетъ, подымается говоръ, потомъ—опять тишина. Всѣ ждутъ напряженно. Шаги... Это шаги юбиляра... Да, онъ пріѣхалъ!... Онъ входитъ—и буря рукоплесканій встрѣчаетъ его появленіе. Апплодируютъ всѣ—мужчины, дамы, дѣвицы... На всѣхъ лицахъ любовь и привѣтъ... Вотъ адресъ... Грохотунскій громко читаетъ: «Сколькихъ поколѣній былъ онъ свидѣтелемъ!...» Онъ тронутъ, желаетъ выразить свои чувства... Опять рукоплещутъ... Но вотъ онъ говоритъ... Тсс... Все безмолвно. «Въ кругу лицъ дорогихъ сердцу моему сослуживцевъ... Тридцать пять лѣтъ назадъ я вступилъ въ дружную педагогическую семью нашей гимназіи... Я чувствую, что вновь молодѣю душой... Тридцать пять лѣтъ слетаютъ долой съ моихъ плечъ... Да, и опять повторяю предъ вами: я внов молодѣю душой!...» Послѣднюю фразу онъ произноситъ громк торжественно и обводитъ глазами присутствующихъ. Онъ умо каетъ... Буря рукоплесканій... Андрей Ардальонычъ подходитъ бокаломъ... Впрочемъ, нѣтъ—почему же съ бокаломъ? Вѣдь, будетъ потомъ, за обѣдомъ... Все равно, Андрей Ардальонычъ п ходитъ, обнимаетъ и цѣлуетъ его... Всѣ обнимаютъ и цѣлую

его... Онъ переходитъ изъ объятій въ объятія... У дамъ и дѣвицъ цѣлуетъ онъ ручки... Потомъ...

— Ну, это просто изъ рукъ вонъ, наконецъ!—раздается надъ нимъ восклицаніе Прасковьи Никифоровны.

Тихонъ Антонычъ вздрагиваетъ и устремляетъ глаза на жену.

Та—въ полномъ парадѣ. Главный циклъ ея хозяйственной дѣятельности теперь уже законченъ, она освѣжила лицо омовеніемъ, одѣта, причесана и готова къ пріему гостей.

— Ну, чего смотришь?—продолжаетъ она раздражительно.— Вѣдь, полчаса ужь третьяго!... Господи! Того и гляди, всѣ придутъ! Что-жь ты, такъ все и будешь въ халатѣ? Да еще съ голою грудью... Безстыдникъ!... Нѣтъ, это, просто, ей-Богу... О чемъ ты думаешь только, скажи мнѣ на милость?

— Ну, ну, ладно, отстань... Экая важность! Долго одѣться!— бормочетъ Тихонъ Антонычъ и направляется въ спальню. «Какая она иногда бываетъ несносная!»—мелькаетъ въ его головѣ на мгновеніе мысль по поводу Прасковьи Никифоровны.

Какъ бы то ни было, оказалось, совсѣмъ для него незамѣтно, что онъ промечталъ цѣлый часъ, какъ это случалось теперь съ нимъ постоянно. Область этихъ мечтаній была все одна, неизмѣнно, равно какъ формы и краски деталей. Онъ только комбинировалъ ихъ, располагалъ въ различномъ порядкѣ, дополняя новымъ штрихомъ, гдѣ его не хватало, дѣлая ту или другую поправку. Вотъ и теперь онъ сдѣлалъ такую поправку. Рѣчь свою онъ говоритъ не при поднесеніи адреса. Она должна быть потомъ, за обѣдомъ, когда предлагаются тосты. Въ этихъ случаяхъ произносится только нѣсколько словъ—краткихъ, но выразительныхъ, какъ говорится, «прочувствованныхъ». Онъ долженъ необходимо ихъ приготовить. Да, да, именно краткихъ, «прочувствованныхъ»! Какъ это раньше не пришло ему въ голову?

И Тихонъ Антонычъ снова зацѣпенѣлъ неподвижно, въ надѣтомъ на одно плечо сюртукѣ...

Неизвѣстно, сколько времени простоялъ бы онъ такимъ образомъ, еслибъ его не вывела изъ этого состоянія заглянувшая въ сп[illegible]ьню Прасковья Никифоровна.

— Ну, о чемъ еще задумался?—спросила она и, вздохнувши, пр[illegible]авила:—Охъ, Господи! У меня съ тобой, кажется, скоро терпі[illegible]ья не хватитъ!

[illegible]ихонъ Антонычъ вперилъ въ жену тотъ упорный, ничего не ра[illegible]чающій взглядъ, который появился у него въ эти послѣдніе дн[illegible] и такъ пугалъ Прасковью Никифоровну, когда она его подмѣ-

чала. Передъ Тихономъ Антонычемъ возникъ образъ этой самой Прасковьи Никифоровны, но не той, которая стояла теперь передъ нимъ, изливая свое раздраженіе (ея какъ будто даже и совсѣмъ не существовало на свѣтѣ), а другой, которую онъ видѣлъ въ эту минуту среди радостныхъ, любящихъ лицъ, собравшихся въ честь юбиляра, пріобщенной къ его торжеству, счастливой и гордой своимъ положеніемъ спутницы жизни «свидѣтеля стольких поколѣній». Но этотъ образъ въ одно мгновеніе ока исчезъ передъ новою мыслью, которая засвербила въ его головѣ. Это была та самая мысль, которая за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ поселилась въ немъ, все время смутно его безпокоила и назойливо теперь заявила права свои. Нѣсколько краткихъ, но выразительныхъ словъ... «прочувствованныхъ»... Вѣдь, надо будетъ ихъ сочинить непремѣнно!

Тихонъ Антонычъ, машинально окончившій свой туалетъ, вышелъ изъ спальни, потомъ вдругъ остановился и взялъ себя за голову. Онъ внезапно почувствовалъ, что тамъ поднялась какая-то каша, что мысли его бѣгутъ во всѣ стороны, какъ стая испуганныхъ зайцевъ, что голова его начинаетъ болѣть и кружиться, что ему нужно поскорѣе на воздухъ.

Слѣдовавшая за нимъ по пятамъ Прасковья Никифоровна тревожно спросила:

— Что съ тобой? Нездоровится?

— Нѣтъ... ничего... Голова только что-то... Я немножко пройдусь, освѣжусь.

Тихонъ Антонычъ направился въ прихожую. Прасковья Никифоровна проводила его, собственноручно сняла шинель мужа съ вѣшалки, помогла ему облачиться въ нее, открыла и заперла дверь за нимъ, во все время не проронивъ ни единаго слова. Только уже оставшись одна, Прасковья Никифорова испустила продолжительный вздохъ и, войдя въ первую комнату, опустилась на диванъ, на то самое мѣсто, гдѣ сидѣлъ передъ тѣмъ Тихонъ Антонычъ, склонила голову на руку и задумалась тяжкою думой...

. . . .

Тихонъ Антонычъ очутился на улицѣ.

Чистый, за ночь выпавшій снѣгъ сверкалъ и искрился на солнцѣ милліонами мелкихъ алмазовъ. Воздухъ былъ чистъ. Стоялъ легкій морозецъ.

На душѣ Тихона Антоныча въ одну минуту стало бодро и весело. Онъ вздохнулъ полною грудью и почувствовалъ себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Тамъ, у себя, въ своихъ душныхъ, низенькихъ комнатахъ,

онъ жилъ совершенно особенною жизнью, въ томъ призрачномъ мірѣ, который возникъ для него послѣ памятнаго посѣщенія Феноменова, потрясшаго его тогда своею новостью и съ тѣхъ поръ обратившаго жизнь его въ существованіе особаго рода, которое пугало Прасковью Никифоровну внѣшнимъ своимъ проявленіемъ, но которымъ онъ, на самомъ дѣлѣ, былъ счастливъ. Въ сущности, онъ теперь не жилъ, какъ всѣ, какъ живетъ каждый живой человѣкъ, какъ до того жилъ онъ самъ, Тихонъ Антонычъ. Правда, онъ попрежнему ѣлъ, пилъ, разговаривалъ, двигался, спалъ и опять просыпался, но все это продѣлывала лишь тѣлесная его оболочка, поскольку она прикасалась къ этому внѣшнему, условному міру, между тѣмъ какъ его духовное «я» обитало все время въ томъ, иномъ Тихонѣ Антонычѣ, котораго не зналъ и не видѣлъ никто.

А, между тѣмъ, онъ былъ не призракъ, не созданіе мечты, а совершенно живое, съ плотью и кровью, лицо, обладавшее вполнѣ самочувствіемъ и сознаніемъ относительно совершавшихся вокругъ него внѣшнихъ явленій. Этотъ новый, невѣдомый никому Тихонъ Антонычъ гордо стоялъ одинокимъ и съ презрительною жалостью смотрѣлъ на окружавшую его мелкую житейскую пошлость, въ видѣ всѣхъ этихъ чаепитій, обѣдовъ, волненій по вопросу о томъ, удастся или нѣтъ какой-нибудь дурацкій пирогъ, и страдалъ за своего двойника, которому неизбѣжно приходится принимать во всемъ этомъ участіе, потому что зналъ, что тотъ его понимаетъ, такъ какъ онъ близокъ ему, онъ одинъ его видитъ и ощущаетъ, гордится, любуется имъ и каждый разъ за него негодуетъ, когда его свѣтлое чувство своего превосходства чѣмъ-нибудь омрачается. И часто случалось, что этотъ новый Тихонъ Антонычъ чувствовалъ вдругъ, что онъ-то и есть этотъ самый двойникъ, тотъ прежній, привычный для всѣхъ Тихонъ Антонычъ, который совсѣмъ не умеръ въ прошедшемъ, но существуетъ на свѣтѣ, что онъ все тотъ же, такой же, въ своемъ заношенномъ сѣромъ халатѣ, и что у него на плечахъ голова, въ которой идетъ кутерьма, а потому ему слѣдуетъ поскорѣе лечь спать или выйти на улицу.

А погода стояла тогда превосходная, и потому каждый разъ, совершая послѣднія свои путешествія на уроки въ гимназію, Тихонъ Антонычъ ощущалъ наслажденія, которыхъ онъ давно-давно уже не испытывалъ.

Этотъ свѣжій, бодрящій утренній воздухъ, пропитанный легкимъ морозцемъ, будто вливалъ въ него новыя силы, и многое давно позабытое, что не можетъ опять повториться, какъ не повторяется прожитая молодость, вставало вокругъ съ этихъ, погружен-

ныхъ въ дремоту и повитыхъ пока еще предразсвѣтною мглою пустынныхъ улицъ Песковъ, такъ хорошо изученныхъ имъ въ продолженіе тридцати пяти лѣтъ.

На углу перекрестка дремлетъ на облучкѣ своихъ санокъ извощикъ. Онъ изъ ночныхъ: у нихъ у всѣхъ такой видъ. Старый знакомый! Ровно тридцать пять лѣтъ, каждое утро, въ стужу и ростепель, точно такъ же онъ дремлетъ на углу какой-нибудь улицы—Шестой, Дегтярной или Слоновой. Вотъ сейчасъ, въ переулкѣ, мерцавшій насупротивъ булочной фонарь мигнулъ и погасъ, и отдѣлившійся отъ него небольшой человѣкъ спустился по приставленной лѣсенкѣ, поднялъ ее на плечо и, прихрамывая подъ этою тяжестью, пробѣжалъ вприпрыску мимо Тихона Антоныча, катя за собой на колесцахъ темно-зеленый металлическій ящикъ. И ты, братецъ, все тотъ же и такъ же смѣшно, попрежнему, бѣгаешь! А вонъ аптека со своими красными и голубыми шарами. За прилавкомъ съ вѣсами высокій чернобородый мужчина, который сердито хмурится, потому что его разбудили, и, сонно моргая при свѣтѣ притушенной лампы, читаетъ поданный ему Тихономъ Антонычемъ рецептъ, а самъ Тихонъ Антонычъ, который и совсѣмъ не ложился въ ту ночь, дрожа и задыхаясь, лепечетъ: «Ради Бога, господинъ аптекарь, нельзя ли скорѣе?... Прошу васъ, поскорѣе, пожалуйста!»... Флегматическій нѣмецъ, не отвѣчая ни слова, стучитъ и бренчитъ разными банками, мѣряетъ, вѣшаетъ, а Тихонъ Антонычъ, присѣвшій въ углу, на деревянный диванчикъ, слѣдитъ, какъ тотъ все это медленно дѣлаетъ, и въ немъ кипитъ сердце. Точно этотъ варваръ не знаетъ, какъ для него дорого время и чтò тамъ у него каждую минуту можетъ случиться! Жена, три дня назадъ благополучно разрѣшившаяся отъ бремени сыномъ, вдругъ почему-то почувствовала себя сегодня вечеромъ скверно, и Тихонъ Антонычъ побѣжалъ тотчасъ же за акушеркой и докторомъ, который пришелъ, посмотрѣлъ и прописалъ этотъ рецептъ—только его и видали!—а акушерка и теперь сидитъ у нихъ,—правда, да что она можетъ въ этихъ вещахъ понимать? «Охъ, Господи, да неужели еще не готово?» — восклицаетъ онъ вслухъ, не въ силахъ долѣе сдерживать своего нетерпѣнія. Но [illegible]карство совсѣмъ уже готово, и аптекарь, методически обверну[illegible]ь стклянку въ бумагу, подаетъ ее Тихону Антонычу, который [illegible]спѣшно выхватываетъ и, расплатившись, устремляется вонъ [illegible]ь аптеки, а прислонившійся къ стѣнѣ своей будки блюститель гор[illegible]ского спокойствія, давно уже цѣпенѣвшій въ непреоборимой дре[illegible]

тѣ, вдругъ пробуждается и строго выпучиваетъ глаза на Тихона Антоныча, подозрѣвая въ немъ запоздившагося домой забулдыгу. Тихонъ Антонычъ, не переводя духа, мчится впередъ, а сердце его сжалось въ комокъ и шибко-шибко колотится... «Господи, Господи,—взываетъ Тихонъ Антонычъ,—не попусти, спаси и помилуй!» Онъ ныряетъ въ калитку, не слыша ногъ подъ собою, бѣжитъ по двору, полумертвый отъ волненія и страха, оказывается въ темныхъ сѣняхъ, словно сквозь сонъ ищетъ ручку у двери, чувствуя только, что ноги его совершенно подкашиваются, въ то время, какъ онъ переступаетъ порогъ, и... о, неужели все уже безполезно?!...

«Благодарю Тебя, Боже, что все это прошло ужь и кончилось!»—съ глубокимъ, радостнымъ вздохомъ шепчетъ Тихонъ Антонычъ, и ему снова хочется видѣть свидѣтелей тогдашнихъ его душевныхъ терзаній, запечатлѣвшихся въ немъ на всю жизнь...

Будки нѣтъ. Ея давно уже нѣтъ, и Тихонъ Антонычъ самъ давно уже забылъ, что она тутъ когда-то стояла, но теперь ему кажется странно, что вдругъ ея нѣтъ.

Вотъ сейчасъ, за угломъ, въ низку́ должна быть старенькая табачная лавочка. Она тоже исчезла, а теперь на томъ мѣстѣ мясная, съ вывѣской, изображающей золотого быка. Впереди— перекрестокъ, а вотъ на углу, по той сторонѣ, сейчасъ засіяли въ лучахъ багроваго зимняго солнца, поднявшагося въ эту минуту надъ крышами противуположныхъ домовъ, золотыя литеры по красному полю: «Traiteur». Онъ, этотъ трактиръ, тоже неожиданно какъ-то здѣсь очутился. Тихонъ Антонычъ хочетъ припомнить, что̀ раньше тутъ было, но оказывается, что память ему измѣнила. Кажется, прежде на мѣстѣ его стоялъ просто досчатый заборъ. Несомнѣнно, потому что остатки его и теперь существуютъ.

Тихонъ Антонычъ смотритъ на его старыя щелеватыя доски и шаги его замедляются. Онъ останавливается, бросаетъ взглядъ вокругъ и, какъ прежде, у оконъ аптеки, отрѣшается отъ настоящаго времени. Онъ видитъ рядомъ съ собой своего двойника, который раньше сидѣлъ на деревянномъ диванчикѣ, въ нетерпѣливомъ ожиданіи лѣкарства, а теперь идетъ съ нимъ бокъ-о-бокъ.

...го все онъ же, молодой Тихонъ Антонычъ, который тридцать ... назадъ такъ же вотъ шелъ по этому самому мѣсту, въ такое ...е зимнее утро, тоже направляясь въ гимназію, такой же ...ъ тогда легкій, бодрящій морозецъ и такъ же тогда надъ кры- ... противуположныхъ домовъ вдругъ поднялось багровое солнце ...тило всю улицу.

...онъ Антонычъ проходитъ мимо забора, минуетъ рядъ без-

молвныхъ строеній, пересѣкаетъ опять перекрестокъ, поворачиваетъ въ лѣвую сторону, переходитъ Конногвардейскую улицу, незамѣтно достигаетъ до Греческаго проспекта и оказывается незамѣтно на Невскомъ. Онъ продолжаетъ свой путь, безотчетно переходя перекрестки, разсѣянно взглядывая на знакомыя вывѣски, среди все болѣе и болѣе ростущаго окрестъ него грохота уличной жизни, и во все это время неотступно идетъ съ нимъ рядомъ двойникъ.

Тихонъ Антонычъ видитъ себя передъ подъѣздомъ гимназіи, открываетъ тяжелую дубовую дверь и вступаетъ въ полутемныя сѣни. Бросившійся на встрѣчу Василій отвѣшиваетъ ему почтительный, въ поясъ, поклонъ и снимаетъ шинель. Тихонъ Антонычъ привѣтливо киваетъ головой швейцару. Онъ не сомнѣвается болѣе, что Василій его любитъ попрежнему и жалѣетъ о томъ, что Тихонъ Антонычъ выходитъ въ отставку. По дорогѣ въ учительскую онъ встрѣчаетъ спѣшащихъ по классамъ товарищей и въ рукопожатіяхъ, которыми онъ съ ними обмѣнивается, Тихонъ Антонычъ чувствуетъ, что всѣ они его любятъ и тоже, какъ и Василій, жалѣютъ о томъ, что онъ выходитъ въ отставку. Всѣ они готовятъ ему юбилей и думаютъ, что онъ объ этомъ не знаетъ, а онъ вотъ знаетъ уже нѣсколько дней и, размышляя о томъ, что они всѣ представляютъ себѣ, какъ долженъ онъ быть пораженъ неожиданностью, лукаво про себя усмѣхается.

Онъ сидитъ въ третьемъ классѣ, на обычномъ мѣстѣ своемъ, за столикомъ между окномъ и желтенькою каѳедрой. Весь классъ рисуетъ. Онъ водитъ глазами по рядамъ черныхъ партъ, унизанныхъ десятками дѣтскихъ головъ, и отыскиваетъ между ними вихрастаго простофилю Скворешникова. Онъ, какъ и всѣ, склонился надъ своею тетрадью и тоже, какъ всѣ, что-то въ ней чертитъ. «Морочитъ, шельмецъ!»—съ добродушнымъ лукавствомъ подмигиваетъ Тихону Антонычу не покидающій его во все время двойникъ.—Просто, небось, держитъ у себя на колѣняхъ какого-нибудь Майнъ-Рида или Эмара и всласть имъ упивается».

Тихонъ Антонычъ не спускаетъ глазъ съ этого вихрастаго профиля, но передъ нимъ теперь не Скворешниковъ, а совсѣмъ другой мальчуганъ, Пересвѣтовъ, такой же всклокоченный, въ такомъ [illegible], какъ тотъ, разорванномъ постоянно подъ мышкой мундирчичѣ [illegible] и Тихону Антонычу вспоминается даже кличка его—«Мериносъ» [illegible]

Онъ большой сорванецъ и лѣнтяй. Во всякомъ коллективн[illegible]ъ школьничествѣ Пересвѣтову принадлежитъ всегда первое мѣс[illegible] и Тихонъ Антонычъ его недолюбливаетъ. Теперь онъ видитъ его [illegible]-редъ собою, какъ онъ подходитъ съ тетрадью рисунковъ, и г[illegible]а

Тихонъ Антонычъ сидитъ, углубившись въ поправки, и дѣлаетъ ему свои замѣчанія, «Мериносъ» стоитъ сбоку, у столика. Вокругъ тихо, но вдругъ кто-то фыркнулъ, за нимъ кто-то еще, а затѣмъ вдругъ весь классъ потрясается взрывами смѣха. Поднявъ голову, Тихонъ Антонычъ видитъ, что всѣ одновременно заражены какимъ-то непонятнымъ весельемъ; кто прыскаетъ, закрывшись ладонью, кто прямо хохочетъ. Тихона Антоныча осѣняетъ догадка, что причиной долженъ быть «Мериносъ». Онъ быстро оглядывается. Мальчишка стоитъ, потупивъ скромно глаза, а, между тѣмъ, рядомъ съ нимъ, за спиной Тихона Антоныча, на черной доскѣ, виднѣется каррикатурный портретъ его самого, Тихона Антоныча, сдѣланный нѣсколькими бойкими взмахами, причемъ главное мѣсто удѣлено его носу, изображенному совсѣмъ въ видѣ груши, и даже со впадиной, обозначенной крупною точкой.

Выходка, по дерзости своей, безпримѣрная! Тихонъ Антонычъ прерываетъ урокъ и, внѣ себя отъ негодованія, идетъ поспѣшными шагами къ директору, который вмѣстѣ съ нимъ немедленно является въ классъ. Отпереться отъ шалости Пересвѣтову не представляется ни малѣйшей возможности: уликой былъ мѣлъ, зажатый въ его рукѣ, которую онъ спряталъ тотчасъ себѣ за спину, какъ только учитель къ нему обернулся. «Хорошо,—холодно рѣшаетъ директоръ,—вы будете исключены изъ гимназіи!» Въ ту же минуту Пересвѣтовъ дѣлается бѣлъ, какъ платокъ. Онъ поднимаетъ глаза на учителя, котораго жестоко такъ оскорбилъ, и шевелитъ беззвучно губами. Очевидно, онъ проситъ прощенія, но директоръ круто отъ него отворачивается и выходитъ изъ класса.

Прерванный урокъ рисованія оканчивается въ гробовой тишинѣ. Раздается звонокъ, Тихонъ Антонычъ встаетъ и, съ журналомъ подъ мышкой, направляется къ дверямъ въ корридоръ. Онъ поспѣшно проходитъ, стараясь ни на кого не глядѣть, мимо стоящаго на ногахъ всего класса и у самыхъ дверей почти натыкается на «Мериноса», который, очевидно, выбѣжалъ изъ задняго ряда скамеекъ, гдѣ постоянное его мѣстопребываніе, чтобы Тихонъ Антонычъ увидѣлъ его... Тотъ безотчетно поднимаетъ глаза и встрѣча[illegible] ими съ устремленнымъ къ нему лицомъ Пересвѣтова... Онъ см[illegible]итъ на него тѣмъ же давешнимъ взглядомъ, такой же блѣдны[illegible] какъ давеча, и шевелитъ беззвучно губами... Но Тихонъ Анто[illegible]ъ, подобно директору, круто отъ него отворачивается и выхо[illegible] изъ класса.

[illegible]ъ тоже безповоротно рѣшилъ, что Пересвѣтовъ долженъ быть ис[illegible]енъ. Тихонъ Антонычъ никѣмъ никогда еще не былъ жесто-

ко такъ оскорбленъ... Сколько злобы, ехидства, испорченности въ такомъ раннемъ возрастѣ! Все время, пока идетъ онъ домой, ему мерещится этотъ каррикатурный портретъ съ носомъ въ видѣ бойко нарисованной груши... Онъ не сказалъ объ этомъ ни слова женѣ, но цѣлый день былъ разстроенъ. Ложась ночью спать, онъ вспомнилъ опять о портретѣ и сказалъ про себя: «Да, негодный мальчишка долженъ быть исключенъ!» А, вмѣстѣ съ тѣмъ, почему-то рядомъ съ этимъ несчастнымъ портретомъ передъ нимъ вдругъ возникло мертвенно-блѣдное лицо Пересвѣтова и глаза на этомъ блѣдномъ лицѣ, сѣрые, живые глаза, искрящіеся огонькомъ молодого задора, теперь помученные глубокимъ отчаяніемъ... «Нѣтъ, онъ непремѣнно долженъ быть исключенъ!» — сурово рѣшилъ опять про себя Тихонъ Антонычъ.

Раннее утро застаетъ уже его на ногахъ, на дорогѣ въ гимназію. Въ воздухѣ стоитъ легкій, бодрящій морозецъ. На улицахъ царитъ тишина и не видно ни единой души. Блѣдно-сизая предразсвѣтная мгла, которою окутаны зданія, таетъ и исчезаетъ въ розоватомъ сіяніи, одолѣвающемъ постепенно послѣдніе призраки ночи, и вотъ надъ крышами противуположныхъ домовъ поднялось багровое солнце, освѣтивъ въ одно мгновеніе ока всю улицу и щелеватыя доски забора...

— Извощикъ! — кричитъ, совершенно для самого себя неожиданно, Тихонъ Антонычъ. — Изво-ощикъ!

Нѣкое глухое томленіе, которое онъ чувствовалъ съ момента, какъ только что открылъ сегодня глаза, окончилось въ эту минуту рѣшеніемъ, долженствующимъ быть непремѣнно исполненнымъ. Для этого ему обязательно поспѣть пораньше въ гимназію, за нѣсколько времени до начала уроковъ, такъ какъ ему нужно видѣть директора, съ которымъ придется ему имѣть разговоръ и употребить съ этою цѣлью, по меньшей мѣрѣ, четверть часа.

Слава Богу, на углу оказываются дрянныя извощичьи санки, въ которыя поспѣшно бросается Тихонъ Антонычъ, говоритъ извощику, куда нужно ѣхать, и нетерпѣливо прибавляетъ: «Скорѣе!» Ему необходимо выиграть какъ можно болѣе времени.

Всю дорогу онъ терзается страшнымъ волненіемъ, безпрест[...] понукаетъ извощика и, оказавшись, наконецъ, у подъѣзда ги[...] зіи, бомбой устремляется въ сѣни, на-лету скидываетъ шинел[...] руки подскочившаго къ нему въ ту же секунду швейцара и [...] гаетъ по лѣстницѣ вверхъ... Благодареніе Господу, время еш[...] потеряно!

— Ваше превосходительство, прошу простить Пересвѣто[...]

выпаливаетъ Тихонъ Антонычъ изумленному внезапнымъ его появленіемъ директору.—Сегодня долженъ состояться совѣтъ, а на немъ будетъ разсматриваться его вчерашній поступокъ. Я нарочно явился васъ умолять, чтобъ объ этомъ не поднимать вопроса... Выходка его дерзка, отвратительна, я съ вами совершенно согласенъ, но оскорбленъ я одинъ — и я его отъ всегó сердца прощаю... Умоляю васъ, не губите его!... Замѣните увольненіе изъ гимназіи карцеромъ, арестомъ на нѣсколько воскресеній подрядъ, дѣлайте съ нимъ, что хотите, но только не увольняйте его! Я не могу забыть его глазъ, которыми онъ вчера два раза посмотрѣлъ на меня, они мнѣ сегодня даже снились всю ночь, и я буду глубоко несчастенъ, если вы его не простите!...

. . . .

Тихонъ Антонычъ немного еще постоялъ у забора, который, въ эти послѣдніе дни, каждый разъ, когда случалось ему мимо него проходить, возстановлялъ въ его головѣ давній эпизодъ его жизни, и двинулся дальше.

Онъ бродилъ уже больше часа и подумалъ теперь, что долженъ вернуться домой, что Прасковья Никифоровна непремѣнно волнуется, ожидая его, такъ какъ у нихъ сегодня обѣдъ, на который соберутся дочь съ зятемъ и сынъ, а потому необходимо ему поспѣшить... Тихонъ Антонычъ повернулся неохотно домой...

Милые, старые призраки исчезаютъ изъ глазъ, но они обитаютъ постоянно въ душѣ и съ ними еще можно дожить до конца!

— Ничего, старикъ, поживемъ!—говоритъ Тихонъ Антонычъ, очутившись у калитки своего дряхлаго дома и кивая его маленькимъ, подслѣповатымъ окошкамъ.—Много добраго мы съ тобою видѣли, и пусть-ка попробуетъ кто-нибудь намъ сказать, что жизнь наша прожита даромъ!... Поживемъ еще, старикъ, не робѣй!

. . . .

А Прасковья Никифоровна, послѣ того, какъ мужъ ушелъ на прогулку, посидѣла еще нѣсколько времени въ тяжкой задумчивости, свѣсивъ голову на руку, потомъ облегчила себя продолжительнымъ вздохомъ и встала съ дивана.

Какъ разъ въ эту минуту за дверью, въ прихожей раздались в[illegible]ъ голоса. Погруженная въ свои глубокія думы, она не слыхал[illegible]акъ тамъ позвонили. Прасковья Никифоронна придала тотчасъ с[illegible]му лицу обычное для него выраженіе и направилась встрѣтить п[illegible]едшихъ.

[illegible]азалось семейство Опорковыхъ—дочь Надя съ мужемъ Иван[illegible]емьянычемъ и дѣвочками Парашей и Машей.

[illegible]дравствуй, Надя! Здравствуйте, дѣти! — привѣтствовала

Прасковья Никифоровна, цѣлуя дочь, потомъ ея юныхъ отпрысковъ, по девятому и пятому году, которые вошли уже въ комнату, и, заглянувъ въ прихожую, гдѣ еще возился, разоблачаемый Дунькой отъ верхняго своего одѣянія, медлительный во всѣхъ своихъ движеніяхъ Иванъ Демьянычъ, спросила: — А гдѣ же Сережа? Развѣ онъ не съ тобой? Здравствуйте, Иванъ Демьянычъ! Что-жь вы не взяли Сережу?

Вопросъ Прасковьи Никифоровны былъ о семи-лѣтнемъ внучкѣ ея, самомъ любимомъ ею изъ всѣхъ дѣтей дочери.

На это Опорковъ, успѣвшій, наконецъ, освободиться отъ верхняго платья и тихими, какъ бы крадущимися шагами вступить въ комнату, нѣжно и нараспѣвъ отвѣчалъ:

— Добрый день... Съ праздникомъ... Вы про Сережу?... А видите, такъ какъ онъ вчера вечеромъ...

— Несовсѣмъ онъ здоровъ,— прервала его Надежда Тихоновна,—простудился!

— Инфлуэнца...—вставилъ было Иванъ Демьянычъ, но жена тотчасъ же опять его перебила:

— Полно врать! Перестань ты, пожалуйста!

Опорковъ кашлянулъ кротко въ ладонь и умолкъ.

— Ахъ, Надя, какъ можешь ты беззаботно такъ относиться?— возмутилась встревоженная Прасковья Никифоровна.—Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ у него инфлуэнца? Вѣдь, опять она, проклятая, ходитъ... Что же болитъ у него?

— Голова...—опять нараспѣвъ началъ было Опорковъ.

— Молчи!—оборвала снова его Надежда Тихоновна.—Просто, долго вчера по двору бѣгалъ, ничего нѣтъ мудренаго! Малиной на ночь его напоила, чтобы пропотѣлъ, ну, и, конечно, послѣ нея нельзя выходить... Да ему сегодня ужь лучше... Инфлуэнца!... Вѣдь, вы его знаете!—кивнула Надежда Тихоновна головою на мужа.—Мало того, что самъ сочинилъ себѣ десять тысячъ болѣзней, такъ и у другихъ то же мерещится... Ну, а у васъ что? Гдѣ папаша? Что его не видать?— заключила она, осмотрѣвшись по сторонамъ и садясь на диванъ.

Дамы занялись оживленною бесѣдой. Параша и Маша прил... и къ Тришкиной клѣткѣ. Одинъ Иванъ Демьянычъ сидѣлъ сиро... й въ уголку, переводя взоръ на разные пункты, какъ бы изучая ...-слѣдовательно каждый предметъ. Поглядѣвъ нѣсколько минутъ ...а Дружка, который сидѣлъ на заднихъ лапахъ и смотрѣлъ прямо ...ъ глаза ему, Иванъ Демьянычъ перенесъ вниманіе на Тришкину кл...-ку съ прильнувшими къ ней фигурками дѣвочекъ, затѣмъ медл... ...ю

обратилъ глаза на диванъ, на письменный столъ, облитый теперь яркимъ солнцемъ, на окно, откуда это солнце свѣтило, потомъ вперилъ взоръ въ собственные свои сапоги, чѣмъ и закончилъ циклъ своихъ наблюденій. Видъ его былъ самоуглубленный, задумчивый, даже отчасти страдальческій. Онъ былъ смуглъ, черноволосъ, брилъ усы, но носилъ бакенбарды. По внѣшности, Иванъ Демьянычъ казался здоровымъ и крѣпкимъ мужчиной, тѣмъ не менѣе, онъ былъ убѣжденъ въ полномъ разстройствѣ своего организма, а потому не пилъ вина, не курилъ табаку, избѣгалъ кофе, какъ яда, не говоря уже про такія опасныя вещи, какъ уксусъ и перецъ. Говорилъ онъ нѣжно и нараспѣвъ, медленнымъ, меланхолическимъ голосомъ, причемъ со стороны можно было подумать, что онъ желаетъ кого-то примирить, успокоить, и предварялъ всегда свою рѣчь легкимъ кашлемъ. Самъ онъ никогда не спорилъ, не горячился, участвуя въ общей бесѣдѣ исключительно лишь въ качествѣ слушателя, и если вокругъ него хохотали, онъ улыбался грустною улыбкой, съ видомъ человѣка, давно покончившаго всѣ земные разсчеты. Но иногда на него находилъ, что называется, разговорчивый стихъ, особенно если ему попадался терпѣливый субъектъ и не было вблизи постороннихъ; тогда онъ говорилъ долго, упорно и обстоятельно. Характерною особенностью рѣчи Ивана Демьяныча было то, что онъ начиналъ ее не иначе, какъ придаточнымъ предложеніемъ, такими словами, какъ, наприм., «потому что», «который» и проч., и, въ концѣ-концовъ, поселялъ въ своемъ слушателѣ чувство безъисходной тоски, а въ иномъ, смотря по характеру, даже и злости.

— На кр-раулъ!—рѣзко крикнулъ вдругъ Тришка.

Дѣвочки съ испугомъ отскочили отъ клѣтки, тотчасъ же разразились восторженнымъ смѣхомъ и снова прильнули къ ней, а Иванъ Демьянычъ, вдосталь наглядѣвшійся на свои сапоги, нѣсколько минутъ созерцалъ попугая, потомъ перенесъ взоръ свой къ дивану и сталъ прислушиваться къ бесѣдѣ тещи съ женой.

Разговоръ былъ о домашнихъ дѣлахъ, и, какъ разъ въ эту минуту, о томъ, что̀ особенно близко женскому сердцу — о дѣтяхъ. I[illegible]емъ, вопросъ этотъ въ темахъ бесѣдъ ихъ былъ всегда первствующимъ, такъ какъ въ теченіе десятилѣтней супружеской [illegible]и Опорковыхъ онъ постоянно находился въ какой-нибудь ста[illegible] своего существованія. Или кто-либо изъ старшихъ дѣтей забо[illegible] или маленькій отымался отъ груди, или Надежда Тихоновна [illegible]ала симптомы, сулившіе новое приращеніе потомства. Обык[illegible] послѣднія два обстоятельства между собой совпадали. Дѣ-

тей у Опорковыхъ было теперь уже четверо, не считая двоихъ, которыя умерли раньше. Съ мѣсяцъ назадъ Надежда Тихоновна сообщила по секрету Прасковьѣ Никифоровнѣ, что она чувствуетъ, «какъ будто опять»...—«Опять?—воскликнула съ ужасомъ мать.—Господи, да когда вы это кончите только?»—«Охъ, никогда, кажется, маменька!»—тяжко вздохнула Опоркова. Въ тотъ же вечеръ, отходя съ мужемъ ко сну, Прасковья Никифоровна подѣлилась съ нимъ этою новостью: «А каковъ нашъ-то умирающій!... Знаешь?... Вѣдь, у него Надя *опять*...—и съ негодованіемъ прибавила:—Хотѣла бы знать, въ чью онъ только голову? Безобразіе просто!»

Теперь Надежда Тихоновна горячо сообщала Прасковьѣ Никифоровнѣ:

— Ну, просто рветъ, рветъ съ молока, что вы хотите!...

— Цсс... Ну, а если бы попробовать кашки?—осторожно спросила Прасковья Никифоровна.

— Ахъ, просто не знаю, что̀ мнѣ ужь съ нимъ дѣлать!

— А докторъ что̀?

— Эхъ, да что докторъ!... Всѣ они негодяи!

Обѣ дамы задумались, отвернувшись въ разныя стороны. Немного погодя Прасковья Никифоровна задала опять вопросъ дочери:

— А что новая прислуга твоя? Ты ею довольна?

Опоркова вздрогнула, будто къ ней прикоснулись каленымъ желѣзомъ, и быстро повернулась къ Прасковьѣ Никифоровнѣ.

— Степанида?... Хочу прогнать ее! Негодяйка!

— Какъ? Степанида?... Она такая тихая, кажется.

— Тихая! А вотъ она какая тихая, я вамъ сейчасъ разскажу.. Ахъ, если бы вы знали, какъ она третьёводни меня напугала!

— Какъ, какъ, что такое?—насторожилась вся Прасковья Никифоровна.

— А вотъ вы послушайте!—воскликнула Надежда Тихоновна и, близко придвинувшись къ матери, въ полголоса стала разсказывать. Все время не спускавшій съ нихъ глазъ Иванъ Демьянычъ сдѣлалъ было попытку подвинуться изъ своего уголка, чтобы тоже послушать, но быстро брошеннымъ на него въ ту же минуту взглядомъ жены былъ оставленъ на мѣстѣ. Правда, онъ зналъ подро[illegible]о эту исторію. Тѣмъ не менѣе, Опорковъ, все-таки, старался р[illegible]-слушать, уловляя въ промежуткахъ шепота, которымъ продолжа[illegible]а разсказъ, раздававшіяся отдѣльно слова и короткія фразы: [illegible]ь кухнѣ темно... свѣчку... на столѣ сороковка... изъ-подъ одѣ[illegible]а четыре ноги... съ бородой... представьте, представьте»...

— Пьяный?—громко спросила Прасковья Никифоровна.

— Чортъ его знаетъ!—тоже громко отвѣчала разскащица.—Страшный, лохматый... Дрожу, какъ осиновый листъ... «Вонъ, вонъ,—кричу,—вонъ сейчасъ же отсюда!» Представьте!... Хорошо, что случилось мнѣ къ нимъ заглянуть! Развѣ трудно было ему насъ всѣхъ зарѣзать, а? Какова ваша «тихая»?...

— Прогнать! Я бы часу ее не оставила!—твердо сказала качнувъ головой, Прасковья Никифоровна.

— Прогоню, прогоню обязательно! — повторила Опоркова и прибавила, понизивъ опять голосъ до шепота:—Да это не все еще. Вдругъ, вчера...

Какъ разъ въ эту минуту рѣзко, почти оглушительно, раздался звонокъ.

Опорковъ кашлянулъ въ ладонь и промолвилъ:

— Антонъ Тихонычъ, вѣрно.

— Кому быть другому! — съ неудовольствіемъ подтвердила Прасковья Никифоровна.—Каждый разъ удивляюсь, какъ онъ не оборветъ колокольчика.

Оказался, дѣйствительно, Антонъ Тихонычъ, сынъ Тихона Антоныча и Прасковьи Никифоровны, мужчина лѣтъ тридцати съ небольшимъ.

Кстати сказать, дѣти Непромокаевыхъ напоминали родителей. Дочь Надя походила на мать и лицомъ, и характеромъ — властнымъ и повелительнымъ; разница между ними была только въ томъ, что Прасковья Никифоровна съ самаго начала замужства обнаружила расположеніе къ тучности, а Надя, наоборотъ, все больше худѣла. Братъ Антонъ имѣлъ сходство съ отцомъ и въ фигурѣ немного ниже средняго роста, и отчасти въ лицѣ, но по внутреннимъ свойствамъ совсѣмъ отъ него отличался. Тихонъ Антонычъ и въ молодости, да и теперь былъ скроменъ, даже застѣнчивъ, медлителенъ въ дѣйствіяхъ, умѣренъ въ привычкахъ. Антонъ былъ, напротивъ, развязенъ, стремителенъ, шумливъ, егозливъ, имѣлъ слабость къ спиртнымъ напиткамъ и во хмѣлю даже наклоненъ былъ къ буйству. Онъ былъ коренастъ, одѣвался небрежно и носилъ тараканьи усы. Отличительнымъ свойствомъ его [illegible]о то, что онъ ничего не доводилъ до конца, начиная съ гимна[illegible], откуда вышелъ изъ четвертаго класса, и во весь дальнѣйшій [illegible]ъ своей жизни: то онъ готовился поступить въ военную службу, [illegible]другъ оказывался письмоводителемъ мирового судьи, то даже [illegible]ался было совсѣмъ уѣхать съ Миклухой-Маклаемъ въ Австра[illegible] просвѣщать папуасовъ. Онъ былъ то, что называется, человѣкъ [illegible]определенныхъ занятій, и дѣйствительно, Тихонъ Антонычъ

съ Прасковьей Никифоровной рѣшительно затруднились бы отвѣтить, если бы задать имъ вопросъ, чѣмъ ихъ сынъ въ данный моментъ существуетъ? Со скорбью надо сознаться, что Антонъ, наслѣдовавшій имя умершаго маленькимъ ихъ первенца сына, котораго они до сихъ поръ не переставали оплакивать, совсѣмъ не оправдалъ ожиданій родителей. Прасковья Никифоровна прямо-таки его не любила.

— Здравствуйте, маменька! Здравствуй, Надя!—привѣтствовалъ громко Антонъ, отдирая съ усовъ ледяныя сосульки. Поцѣловавъ у матери руку и чмокнувъ въ губы сестру, онъ обернулся къ Опоркову и, поднявъ руку высоко на воздухъ, воскликнулъ:— Ивану Демьянычу наше съ кисточкой!

Опорковъ, тотчасъ же вставшій при его приближеніи, поймалъ эту руку въ обѣ свои и пропѣлъ:

— Добрый день... Съ праздникомъ...

Затѣмъ, сердечно смотря въ глаза родственнику, Иванъ Демьянычъ кашлянулъ, очевидно, собираясь что-то сказать и все продолжая держать руку Антона, но тотъ безцеремонно выдернулъ ее изъ ладоней Опоркова, осмотрѣлся вокругъ и спросилъ:

— А отецъ?

— Ушелъ. Скоро вернется,—сквозь зубы и не оборачивая къ нему головы, отвѣчала Прасковья Никифоровна.

— А! и мелочь здѣсь тоже!—крикнулъ Антонъ, очутившись у клѣтки, и, подхвативъ съ полу на воздухъ Парашу и Машу, поцѣловалъ на-лету и подбросилъ подъ потолокъ ту и другую племянницу, не обращая вниманія, что тѣ пищали, барахтались и были готовы удариться въ слезы.

— Ахъ, Антоша, ужасно этого я не люблю! — вся сморщившись, заявила Опоркова.

— Долго ли уронить, — въ полголоса вставила отъ себя и Прасковья Никифоровна.

— Ну, ну, экая важность, разсыплются, что ли?—отозвался Антонъ, щелкнулъ пальцемъ по клѣткѣ, отчего Тришка зашипѣлъ и раскрылъ злобно клювъ, отошелъ къ Ивану Демьянычу, опустился съ нимъ рядомъ на стулъ и спросилъ, дружески хл-нувъ того по плечу:—Ну, а вы, батенька, какъ? Молодцомъ!

Иванъ Демьянычъ махнулъ только рукой и улыбнулся горьк улыбкой.

— Вы все насмѣхаетесь...

— Нѣтъ, ей-ей, честное слово! Право, отлично вы вы дите!

Опорковъ вздохнулъ и закашлялся.

— Геморрой замучилъ совсѣмъ... Печень вотъ тоже...

— Чепуха! Плюньте на это! Движенія больше! На билліардѣ бы вамъ! Хотите, на билліардѣ я васъ научу?... Эхъ, взялъ бы я въ руки васъ!... А по чести сказать, всѣ болѣзни у васъ оттого, что водки не пьете. Ей-ей! Какъ честнòй человѣкъ! Посмотрите вотъ на меня... Кулакъ—видите?... Давайте свой—видите? Какое сравненіе! А почему? Водку пью! Безъ водки, батенька, у насъ, въ Россіи, шабашъ, помереть... Климатъ такой!

Опорковъ усмѣхнулся и покачалъ головой. Онъ понемногу сталъ оживляться. Кстати сказать, къ Антону Иванъ Демьянычъ питалъ большую симпатію, вслѣдствіе, можетъ быть, контраста натуръ ихъ, а не то, всего вѣроятнѣе, въ силу нѣкотораго рода сродства, чувствуемаго человѣкомъ, на котораго смотрятъ пренебрежительно, по отношенію къ другому, не пользующемуся тоже сочувствіемъ окружающихъ. Во всякомъ случаѣ, Опорковъ съ Антономъ всегда много и охотно бесѣдовалъ.

Онъ и сейчасъ затѣялъ съ нимъ разговоръ по поводу, конечно, недуговъ, въ числѣ которыхъ на первомъ планѣ стоялъ геморрой, а затѣмъ, по связи идей, перешелъ къ своимъ сидячимъ занятіямъ, тоже одной изъ любимыхъ темъ Ивана Демьяныча. Онъ служилъ въ казенной палатѣ, гдѣ началъ съ низшихъ чиновъ и, подвигаясь очень медленно, дошелъ теперь, къ пятидесяти годамъ, несмотря на свою пунктуальность и рачительность къ службѣ, лишь до должности столоначальника, между тѣмъ какъ всѣ его вокругъ обгоняли. Это было тоже одно изъ больныхъ мѣстъ Ивана Демьяныча, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ и причину—требуемый нынѣ образовательный цензъ. Образованными теперь, университетскими даже, просто хоть прудъ пруди, и это стало нынче уже въ порядкѣ вещей, между тѣмъ какъ самъ онъ, Опорковъ, дальше уѣзднаго училища не былъ нигдѣ. Конечно, кто станетъ противъ образованія спорить, и онъ самъ очень уважалъ образованныхъ, но если посмотрѣть съ другой стороны, то развѣ образованіе—первое дѣло на службѣ?

- Потому что который, напримѣръ, университантъ или былъ ...академіи, произошелъ тамъ всякую мудрость, ему наше дѣло ...ожно, онъ къ нему свысока... Онъ это въ полдень пришелъ, ...талъ, покурилъ, фить-фить—и прощайте! А отъ этого дѣло ...даетъ... Гдѣ же тутъ справедливость?—спрашивалъ Опорковъ ...она.

...ъ только кивалъ головой, смотря задумчиво въ полъ, и ни

разу не возразивъ Ивану Демьянычу. Очевидно, мысли Антона витали совсѣмъ въ другомъ мірѣ и на лицѣ его разлита была меланхолія.

— Нѣтъ, позвольте спросить васъ, гдѣ же тутъ справедливость?—повторилъ снова Опорковъ съ горячностью.

Антонъ скользнулъ разсѣяннымъ взоромъ по лицу своего собесѣдника и чутъ слышно пропѣлъ, что было его всегдашнею привычкой въ минуты глубокой задумчивости:

«Устюшкина мать
Собиралась помирать»,—

а потомъ громко спросилъ:

— Маменька, да что же отецъ-то? Куда онъ, наконецъ, провалился?

Тотчасъ же, какъ бы въ отвѣтъ ему, раздался звонокъ.

— Наконецъ! Слава Богу!

Но ему пришлось ошибиться. Въ прихожей послышалось густое откашливанье и звуки ожесточеннаго сраженія съ калошами,—всѣ признаки присутствія тамъ Феноменова.

Опорковъ какъ-то подобрался на стулѣ и вытянулся; Антонъ пребылъ вполнѣ равнодушенъ. Первый почему-то всегда испытывалъ вблизи Феноменова чувство стѣсненія, почти даже робости; второй, по неизвѣстной тоже причинѣ, его недолюбливалъ.

Появился, дѣйствительно, Валерьянъ Алексѣичъ. Съ всегдашнимъ своимъ мрачнымъ видомъ онъ поздоровался съ дамами, подалъ руку мужчинамъ (причемъ одинъ всталъ и пропѣлъ свое обычное: «добрый день, съ праздникомъ», а другой ограничился безмолвнымъ пожатіемъ), затѣмъ покосился на Парашу и Машу, усѣлся въ кресло сбоку Прасковьи Никифоровны и, задавъ тоже вопросъ о хозяинѣ, разразился негодованіемъ:

— Какъ? Его нѣтъ? Зоветъ обѣдать гостей, а самъ удираетъ?... Ну, ужь этого я ему не прощу, извините!... Ахъ, ты, юбиляръ несчастный!...

Валерьянъ Алексѣичъ былъ правъ. Всѣ явились сюда приглашенные. У Опорковыхъ была самолично звать ихъ къ обѣду П сковья Никифоровна. Къ сыну и Феноменову ѣздилъ Тихонъ Ан нычъ и, не заставъ того и другого, оставилъ записки. И та обѣдъ былъ въ своемъ родѣ торжественный. Въ этой затѣѣ са Тихонъ Антонычъ былъ совсѣмъ не причемъ, и она никогда бы пришла ему въ голову, если бы не Прасковья Никифоровна, к рая заявила, что это непремѣнно такъ нужно. Разсуждая по с

ведливости, Прасковья Никифоровна говорила сущую правду. Что-то тамъ еще будетъ потомъ, и почему знать, каковъ-то еще окажется этотъ, затѣваемый Богъ вѣдаетъ кѣмъ, «юбилей», а пока, разъ уже стало извѣстно, что Тихона Антоныча за его службу рѣшили почтить и объ этомъ хлопочутъ, стараются,—съ кѣмъ, какъ не съ его родными и близкими этимъ порадоваться? Такова была идея сегодняшней трапезы, высказанная Прасковьей Никифоровной, и Тихонъ Антонычъ не возразилъ ей ничего, покорно отправившись дѣлать свои приглашенія.

Такимъ образомъ, всѣ собрались сюда съ приподнятыми нѣсколько чувствами и съ интересомъ, ощущаемымъ нами по отношенію къ человѣку, съ которымъ мы привыкли видѣться запросто и который совсѣмъ для насъ неожиданно, напримѣръ, получилъ генерала или выигралъ крупный кушъ въ лотерею. Это сказывалось въ томъ чувствѣ натянутости, которое проникало все сборище, мѣшая ему слиться въ общей бесѣдѣ, и возростало все пуще, по мѣрѣ того, какъ минуты текли за минутами, а хозяина все еще не было.

Естественно, что какъ только Валерьянъ Алексѣичъ упомянулъ о «юбилярѣ», Прасковья Никифоровна не вытерпѣла, и все, что накипѣло у нея съ того вечера, когда Феноменовъ объявилъ свою новость, сдѣлавшись, такимъ образомъ, виновникомъ получившихся отъ того результатовъ, не могло болѣе оставаться подъ спудомъ. Она разсказала исторію всѣхъ этихъ дней, о терзаніяхъ Тихона Антоныча надъ сочиненіемъ «рѣчи», о томъ, какъ онъ бредитъ во снѣ, ходитъ и смотритъ, «словно лунатикъ», не забыла упомянуть и о томъ, какъ онъ сегодня цѣлое утро твердилъ вслухъ эту «рѣчь», послѣ чего все сидѣлъ и все думалъ, а потомъ вдругъ сказалъ, что у него болитъ голова, что ему нужно пройтись, тотчасъ ушелъ—и вотъ Господь одинъ знаетъ, гдѣ онъ теперь бродитъ.

Разсказъ этотъ на всѣхъ произвелъ впечатлѣніе. Феноменовъ, успѣвшій тѣмъ временемъ закурить папиросу, затянулся, медленно выпустилъ облако дыма и сказалъ многозначительно: «Гм!» Надя вздохнула и глубоко задумалась. Опорковъ кашлянулъ энергично въ ладонь и тоже задумался. Антонъ, все время не сводившій тупо... широренныхъ глазъ съ одной точки въ неопредѣленномъ пространс...ѣ, что означало тоже сильнѣйшую степень задумчивости, тихо ...квалъ по обычаю:

«Устюшкина мать
Собиралась помирать...»

Господи, не знаю даже, что ужь и дѣлать, иной разъ просто ...аже къ нему приступиться! — съ страданіемъ въ голосѣ

воскликнула Прасковья Никифоровна,—и о чемъ онъ молчитъ и все думаетъ—ума приложить не могу!

Снова наступила тяжелая пауза. Только Антонъ, все не сводя своихъ тупо-расширенныхъ глазъ съ прежней точки въ неопредѣленномъ пространствѣ, чуть слышно закончилъ:

«Помереть не померла,
Только время провела»...

— Ахъ, мамаша, знаете, что я на вашемъ мѣстѣ бы сдѣлала?—горячо заговорила Опоркова,—я просто бы на просто сказала папашѣ...

Она взглянула по направленію къ прихожей и въ ту же минуту круто осѣклась. Всѣ тоже повернули въ ту сторону головы... Въ дверяхъ стоялъ Тихонъ Антонычъ.

Какъ объяснилось потомъ, по разслѣдованіи этого обстоятельства Прасковьей Никифоровной, дверь въ сѣни оказалась незапер той, почему онъ и вошелъ совершенно неслышно, словно подкрался.

Онъ окинулъ глазами все общество и произнесъ лишь въ полголоса:

— А!

Все въ одинъ мигъ оживилось и поднялось съ своихъ мѣстъ. Надежда Тихоновна привѣтствовала отца поцѣлуемъ. Антонъ его обнялъ. Опорковъ горячо и сердечно жалъ ему руку и съ особеннымъ участіемъ спросилъ о здоровьѣ. Феноменовъ поздоровался молча, но посмотрѣлъ въ глаза ему долгимъ и испытующимъ взоромъ.

Тихонъ Антонычъ принялъ безмолвно всѣ эти привѣтствія и опустился на стулъ. Всѣ тоже усѣлись по своимъ прежнимъ мѣстамъ и принялись смотрѣть на хозяина. Тотъ, кто видѣлъ его за минуту передъ тѣмъ, какъ онъ переступилъ черезъ порогъ калитки своего обиталища, сказалъ бы теперь, что это совсѣмъ другой человѣкъ. Не оставалось слѣда того жизнерадостнаго, бодраго вида, который былъ у него во все время прогулки, словно въ одно мгновеніе ока Тихонъ Антонычъ покинулъ его, вмѣстѣ съ воздухомъ улицы... Онъ казался утомленнымъ, разсѣяннымъ и медленно г дилъ головки прильнувшихъ къ нему Параши и Маши, не глядя на кого изъ гостей, такъ что, пожалуй, можно бы было подума что онъ недоволенъ присутствіемъ ихъ.

Молчаніе даже стало дѣлаться тягостнымъ. Всѣхъ выруч Прасковья Никифоровна, появившись въ дверяхъ и пригласивъ диться за столъ.

Тихонъ Антонычъ тотчасъ же всталъ и сказалъ, съ выраженіемъ, напомнившимъ его всегдашнее былое радушіе:

— Гости дорогіе, пожалуйте.

Всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ и направились гурьбою въ столовую.

Усѣсться пришлось очень тѣсно. Какъ водится, хозяева размѣстились по противуположнымъ концамъ. По лѣвую руку Тихона Антоныча сѣлъ Феноменовъ, по правую сынъ, затѣмъ зять. Рядомъ съ Прасковьей Никифоровной расположились, съ одной стороны, дочь и Параша, съ другой была посажена Маша. Надежда Тихоновна подвязала салфетку подъ подбородокъ Парашѣ, Прасковья Никифоровна то же самое сдѣлала съ Машей.

Обѣду предшествовала небольшая закуска: селедка, омары и сыръ. Для мужчинъ пріобрѣтена была бутылка очищенной. Для прекраснаго пола имѣлась наливка.

Антонъ тотчасъ же завладѣлъ бутылкой съ очищенной и, поднявъ ее въ воздухѣ, объявилъ, что слѣдуетъ выпить за здоровье папаши. Опорковъ кашлянулъ и принужденнымъ тономъ сказалъ: «непремѣнно». Феноменовъ молча протянулъ свою рюмку. Антонъ налилъ ему и себѣ. Надежда Тихоновна тоже обнаружила желаніе выпить. Прасковья Никифоровна сказала, чтобы дали нѣсколько капель и ей. Съ Опорковымъ у Антона вышла борьба, такъ какъ тотъ, въ качествѣ абсолютно непьющаго, находилъ совершенно достаточнымъ, если онъ чокнется хотя бы пустою даже рюмкой, и лишь послѣ энергичныхъ настояній Антона позволилъ налить себѣ немного на донышко. Затѣмъ всѣ торжественно чокнулись съ Тихономъ Антонычемъ, налившимъ себѣ своей обычной желудочной «горечи», выпили дружно, причемъ у Ивана Демьяныча появился видъ человѣка, котораго заставили принять смертельнаго яду, и стали закусывать. На послѣдовавшее вскорѣ приглашеніе Антона «еще пройтись по блондиночкѣ» отозвался одинъ Валерьянъ Алексѣичъ. Остальные всѣ отказались, а Опорковъ стремительно заслонилъ свою рюмку ладонью и даже припалъ къ ней.

Закусывали въ глубокомъ молчаніи. Только между мужемъ и [illegible]о Опорковыми возникъ à parte маленькій споръ по поводу [illegible]овъ, которыхъ было очень желательно Машѣ. Иванъ Демья[illegible] заявилъ, что омары ей вредны и поэтому давать ихъ не слѣ[illegible]ъ. Этимъ онъ вызвалъ у дѣвочки горькія слезы. Надежда Ти[illegible]вна моментально прекратила ихъ тѣмъ, что положила на та[illegible]у немного омаровъ и протянула ребенку. Иванъ Демьянычъ съ [illegible]омъ взглянулъ на жену и зловѣщимъ тономъ замѣтилъ:

— А когда, вотъ недавно, помнишь еще, на моихъ именинахъ...

— Глупости, отъ такихъ пустяковъ ничего ей не сдѣлается!

— Но тогда, на моихъ именинахъ...—продолжалъ свое упорно Опорковъ, но жена не дала ему кончить, сказавъ:

— Перестань, говорю!

Иванъ Демьянычъ, какъ всегда, кротко кашлянулъ и умолкъ.

Былъ поданъ пирогъ. Аппетитный паръ защекоталъ обоняніе присутствовавшихъ, когда Прасковья Никифоровна принялась его рѣзать, спѣша и волнуясь, что, конечно, будетъ понятно сердцу каждой хозяйки. Отрѣзавъ и раздавъ всѣмъ по куску, она съ тревогой принялась наблюдать произведенное имъ впечатлѣніе.

Феноменовъ промычалъ одобрительно. Надежда Тихоновна съ чувствомъ воскликнула: «отличный пирогъ!» Антонъ сказалъ, что по этому случаю слѣдуетъ выпить, но, не встрѣтивъ въ прочихъ сочувствія, выпилъ одинъ, закусилъ пирогомъ, послѣ чего заявилъ торжественнымъ голосомъ, что онъ такъ превосходенъ, что теперь уже совершенно безспорно и по всей справедливости необходимо почтить его еще рюмкой водки—и эти слова свои моментально привелъ въ исполненіе. Какъ бы то ни было, пирогъ, дѣйствительно, удался на славу. Прасковья Никифоровна испустила вздохъ облегченія и даже повеселѣла, что̀ выразилось съ ея стороны обращеніемъ къ Ивану Демьянычу, чтобы тотъ налилъ ей и женѣ своей по рюмкѣ наливки.

Во все это время самъ хозяинъ не промолвилъ ни единаго слова, исключительно сосредоточившись, повидимому, на процессѣ насыщенія желудка. Иногда онъ вскидывалъ разсѣянный взглядъ на того или другого изъ застольнаго общества и погружалъ его снова въ тарелку. Иногда онъ встрѣчался глазами съ устремленнымъ въ лицо ему взоромъ котораго-нибудь изъ Опорковыхъ, отъ времени до времени на него украдкой посматривавшихъ, но и при этомъ выраженіе Тихона Антоныча было такое, какъ будто передъ нимъ находилось пустое пространство. Во взглядахъ Опорковой проявлялось все пуще и пуще выраженіе нетерпѣнія, и, наконецъ, она прямо обратилась къ отцу.

— Папаша, мы слышали про васъ очень пріятную новость

Тихонъ Антонычъ медленно поднялъ глаза и устремилъ ихъ дочь. Въ нихъ обнаружился признакъ вниманія.

— Говорятъ, что устраиваютъ вамъ юбилей.

— Да, да, — качнулъ головой Тихонъ Антонычъ, и на лѣ его выступила яркая краска,—удостоился, удостоился... да!

— И кто могъ бы представить, вы даже не знали объ этомъ?— тономъ глубокаго изумленія продолжала Надежда Тихоновна.

— Не зналъ... Это вотъ онъ,—указалъ на Феноменова Тихонъ Антонычъ,—пришелъ и сказалъ.

Это ужь было извѣстно изъ сообщеній Прасковьи Никифоровны, тѣмъ не менѣе, всѣ взоры устремились на Феноменова, который просопѣлъ и свирѣпо нахмурился.

— Какъ же вы это узнали? Разскажи-ите, Валерьянъ Алексѣичъ!—просительно протянула Опоркова.

Хотя и это было тоже извѣстно, опять-таки изъ устъ Прасковьи Никифоровны, однако, общее вниманіе, устремленное на Феноменова, продолжало сохранять свою напряженность.

Тотъ опять просопѣлъ и еще свирѣпѣе нахмурился, но не промолвилъ ни слова, а потому Прасковья Никифоровна сочла необходимымъ взять его роль на себя и повторить все то, что онъ ей съ мужемъ разсказывалъ. Въ своемъ изложеніи она допустила нѣсколько отступленій отъ истины, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ память ей измѣняла. При этомъ она бросила нѣсколько вопросительныхъ взглядовъ на Валерьяна Алексѣича, въ разсчетѣ на возстановленіе съ его стороны исторической точности, но тотъ, впеpивъ неподвижный взоръ свой въ тарелку, сохранялъ видъ человѣка, до котораго это совсѣмъ не касается.

— Должно быть, какой это прекрасный человѣкъ, Грохотунскій!—произнесла съ чувствомъ Опоркова, послѣ того, какъ Прасковья Никифоровна довела свой разсказъ до конца.

— По этому случаю слѣдуетъ выпить! — воскликнулъ Антонъ.—Надо поздравить папашу!

— Налей мнѣ тоже наливки, Антоша,—сказала Надежда Тихоновна.

Послѣ того, какъ обѣ рюмки были наполнены, братъ и сестра подошли вмѣстѣ къ отцу, и Антонъ, котораго языкъ уже нѣсколько сталъ заплетаться, произнесъ растроганнымъ голосомъ:

— Папаша... Отъ всего чистаго сердца... Дай Богъ вамъ...— т[illegible] онъ запнулся, и, махнувъ рукой, закончилъ:—ну, да, слов[illegible]ъ, вы понимаете,—потомъ опрокинулъ рюмку въ свой ротъ и с[illegible]нулъ въ объятіяхъ Тихона Антоныча.

[illegible]тъ сына Тихонъ Антонычъ перешелъ въ объятія дочери, зат[illegible]ъ въ объятія зятя, послѣ чего всѣ разсѣлись опять по мѣстамъ, в[illegible]довольно разстроенныхъ чувствахъ. На нѣсколько времени воц[illegible]илось безмолвіе.

— Молодецъ Грохотунскій! Хвалю!—произнесъ вдругъ Антонъ, протянувъ руку къ бутылкѣ.—За его здоровье слѣдуетъ выпить!

Разговоръ вернулся опять къ юбилею. Опоркова сказала задумчиво:

— Хотѣлось бы знать, какой поднесутъ папашѣ подарокъ, а? Какъ, мамаша, объ этомъ вы думаете?

— О томъ пока еще ничего неизвѣстно,—развела руками въ отвѣтъ Прасковья Никифоровна.

— Я поднесла бы на ихъ мѣстѣ часы, — замѣтила снова Опоркова.

— Чернильницу тоже,—вставилъ отъ себя мужъ.

— Ну, вотъ еще, глупости! Очень нужно чернильницу!

— А, можетъ быть, портсигаръ... Тоже вотъ хорошо серебряный портсигаръ, напримѣръ, — высказалъ новую свою догадку Опорковъ, но жена возразила ему съ раздраженіемъ:

— Все ты вздоръ говоришь! Развѣ онъ куритъ?

— Можно продать,—не сдавался Опорковъ.

Надежда Тихоновна махнула только рукой и сказала:

— Что съ тобой разговаривать!

Но Иванъ Демьянычъ на этотъ разъ разошелся. Онъ снова замѣтилъ:

— Въ газетахъ обо всемъ напечатаютъ.

— Ну, ужь будто въ газетахъ?—съ сомнѣніемъ взглянула на зятя Прасковья Никифоровна.—Вѣдь, онъ у насъ не генералъ или не знаменитый какой.

— А какъ же? Непремѣнно въ газетахъ!—подтвердилъ Иванъ Демьянычъ съ горячностью.—Да вотъ я скажу вамъ... О какомъ-то одномъ тоже учителѣ я недавно читалъ. Въ *Новомъ Времени*, да! Такъ тамъ даже сказано было: и какія рѣчи ему говорили, и какія тамъ разныя поздравительныя ему телеграммы прислали, даже, кажется, сказано было, какія за обѣдомъ кушанья ѣли. Какъ же, непремѣнно напишутъ въ газетахъ!—повторилъ твердо Опорковъ и съ новымъ жаромъ прибавилъ:—Да это не все! Въ другихъ, провинціальныхъ, еще перепечатано будетъ! Непремѣнно! Это я знаю отлично!

— Гм... Н-да... На всю Россію прославятъ,—пробормоталъ, ни къ кому не обращаясь, Антонъ, котораго воспаленные и подернувшіеся влагой глаза покоились на стоявшей передъ нимъ пустой рюмкѣ, и замѣтилъ, икнувъ:—П-пріятно, чортъ побери!

Въ это время по праздничному одѣтая Дунька подавала жареные рябчики и къ нимъ, вмѣсто салата, варенье. Прасковья Никифо-

ровна начала было накладывать его на тарелки, но вдругъ остановилась и принялась смотрѣть съ безпокойствомъ на мужа. Прочіе тоже на него обратили вниманіе.

Тихонъ Антонычъ, который, попрежнему, все время безмолвствовалъ, предавшись мыслямъ своимъ и, повидимому, снова забывъ о присутствующихъ, колыхался на стулѣ, какъ бы силясь отодвинуть свое сѣдалище отъ плотно сжимавшихъ его съ обѣихъ сторонъ стульевъ сосѣдей. На лицѣ его написана была озабоченность.

— Что съ тобой? Что ты хочешь? Животъ?—съ тревогой спросила Прасковья Никифоровна.

Надежда Тихоновна тоже съ безпокойствомъ спросила:

— Что съ вами, папаша? Встать, что ли, хотите?

— Рѣчь, — бормоталъ Тихонъ Антонычъ, стараясь подняться.—Я хочу вамъ прочесть свою рѣчь.

— Пустите его. Онъ хочетъ прочесть свою рѣчь,—громко повторила Прасковья Никифоровна.—Впрочемъ, нѣтъ, лучше сиди! Гдѣ у тебя она спрятана? Я сейчасъ принесу.

— Скажите только, гдѣ она спрятана? Я принесу вамъ, папаша,—выразила съ своей стороны готовность и дочь.

— Нѣтъ... не нужно... я самъ...—твердо сказалъ Тихонъ Антонычъ и, высвободивъ, наконецъ, изъ-за стула свое туловище, благодаря вставшему съ мѣста Опоркову, вышелъ и скоро вернулся, держа въ рукѣ исписанный листокъ почтовой бумаги.

Тихонъ Антонычъ откашлялся. Воцарилось молчаніе.

— «*Милостивые государыни и государи!*»—прочелъ громко Тихонъ Антонычъ и обвелъ глазами присутствовавшихъ.

Дочь впилась въ него взоромъ. Мужъ ея меланхолически смотрѣлъ въ неопредѣленную даль. Прасковья Никифоровна потупилась въ находившееся передъ нею жаркое. Антонъ засопѣлъ. Феноменовъ уткнулся въ тарелку. Уходившая было изъ комнаты Дунька стояла, завязнувъ въ дверяхъ, и во всѣ глаза глядѣла на барина.

— «*Душа моя преисполнена*, — продолжалъ читать дальше Тихонъ Антонычъ.—*Отъ избытка сердца глаголютъ уста, говорится въ Священномъ Писаніи, а, между тѣмъ, я чувствую нынѣ, какъ уста эти нѣмѣютъ. За что я почтёнъ, превозвышенъ? Чѣмъ я заслужилъ эту честь—видѣть вокругъ себя собравшимися тѣсною толпой преподавателей разныхъ наукъ, этихъ, если можно такъ выразаться, свѣточей знанія?*» Затѣмъ ораторъ, въ краткихъ, но сильныхъ словахъ очертилъ свою личность. Онъ признавалъ себя недостойнымъ этого чествованія. Онъ зналъ лишь всегда одно свое скромное дѣло. Онъ никогда не

выдвигался чѣмъ-либо, ничѣмъ не былъ отмѣченъ. Онъ оглянулся на всю свою прошлую дѣятельность и увидѣлъ себя принужденнымъ съ грустью сознаться, что не нашелъ въ ней ничего, что бы могло оказаться достойнымъ быть занесеннымъ на скрижали исторіи, послужить въ назиданіе потомству. Тѣмъ болѣе онъ долженъ быть тронутъ высокою честью, которую ему оказали дорогіе товарищи, собравшись вмѣстѣ, чтобы вспомнить «о незабвенномъ днѣ его жизни, когда онъ, тридцать пять лѣтъ назадъ, вступилъ въ дружную педагогическую семью ихъ гимназіи»; онъ чувствуетъ, что вновь молодѣетъ душой. «*Да, и опять повторяю передъ вами: я вновь молодѣю душой!*»—закончилъ торжественнымъ голосомъ Тихонъ Антонычъ, затѣмъ сложилъ тщательно почтовый листокъ и спряталъ его въ боковой карманъ сертука.

— Великолѣпно! Отлично!—воскликнула въ восторгѣ Опоркова.

Иванъ Демьянычъ прилично и сдержанно захлопалъ въ ладоши.

— Молодца! Ай-да папаша! Вотъ вы на него и смотрите!—заплетающимся уже языкомъ одобрилъ Антонъ.

Феноменовъ не сказалъ ничего, даже не поднялъ глазъ отъ тарелки.

Дунька шумно вздохнула и исчезла изъ комнаты.

— Можно хоть прямо въ печать!—прибавилъ Опорковъ.

— Да, а если бы вы знали, чего ему это стоило!—обратилась къ зятю Прасковья Никифоровна.—Чуть, вѣдь, не десять разъ принимался. Меня-то даже измучилъ.

— За то и вышло прекрасно!—замѣтили въ одно слово Опорковы.

Потомъ всѣ замолчали и принялись за жаркое. Отъ времени до времени Иванъ Демьянычъ задумывался и, тряхнувъ головой, въ полголоса самъ себѣ восклицалъ:

— Чудесная рѣчь!

Когда съѣли пирожное (бисквиты съ битыми сливками), Тихонъ Антонычъ опять, какъ и давеча, заколыхался на стулѣ, собираясь подняться. Видъ у него былъ совсѣмъ утомленный, огасшій. Онъ сказалъ, что хочетъ пойти—полежать.

— И отлично, поди!—одобрила это желаніе Прасковья Никифоровна, обмѣнявшись съ дочерью многозначительнымъ взглядомъ.—Гости тебя не осудятъ.

— Конечно, идите, идите, папаша!—подтвердила и дочь.

Тихонъ Антонычъ поднялся со стула, а за нимъ сталъ вылѣзать изъ-за стола и Валерьянъ Алексѣичъ.

— Прощай,—мрачно отверзъ въ первый разъ уста свои Феноменовъ.

— Какъ, вы развѣ не будете пить съ нами кофей, Валерьянъ Алексѣичъ?—съ огорченіемъ спросила Прасковья Никифоровна.

— Нѣтъ, я пойду,—отвѣтилъ отрывисто ей Феноменовъ.

— Я т-тоже... п-пойду,—пробормоталъ, запинаясь, Антонъ, всталъ и качнулся.

Ему Прасковья Никифоровна ничего не сказала.

Хозяинъ простился съ обоими, направился въ спальню и притворилъ дверь за собою.

Оставшись одинъ, Тихонъ Антонычъ глубоко вздохнулъ, какъ бы сбросивъ съ себя нѣкую, долго его угнетавшую, тяжесть. Потомъ снялъ онъ сюртукъ и прочее свое одѣяніе, подошелъ къ кровати и разслабленно на нее опустился. Нѣсколько времени сидѣлъ онъ на ней, не шевелясь, словно мертвый, и устремивъ глаза въ одну точку. Въ этихъ глазахъ опять стоялъ прежній, пугавшій Прасковью Никифоровну, «лунатическій» взглядъ.

«*Да, я вновь молодъ душой!*»—пробормоталъ въ полголоса Тихонъ Антонычъ, потомъ оглянулся на стѣны, кряхтя и съ усиліемъ поднялъ на кровать свои ноги, протянулся, вздохнулъ и завелъ медленно вѣки...

Мих. Альбовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КАМО ГРЯДЕШИ? *)

(QUO VADIS).

Романъ изъ временъ Нерона.

Генрика Сенкевича.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Виницій Лигіи:

«Невольникъ Флегонъ, съ которымъ я посылаю тебѣ это письмо,—христіанинъ, и, значитъ, будетъ однимъ изъ тѣхъ, который получитъ свободу изъ твоихъ рукъ, дорогая моя. Это старый слуга нашего дома, я могу довѣриться ему безъ опасенія, чтобъ мое письмо попало въ чьи-нибудь другія руки. Я пишу изъ Лаурента, гдѣ мы задержались, благодаря жарамъ. Когда-то эта великолѣпная вилла принадлежала Отону, потомъ онъ подарилъ ее Поппеѣ, а та, хотя и развелась съ мужемъ, сочла за лучшее удержать прекрасный подарокъ... Когда я подумаю о женщинахъ, которыя теперь окружаютъ меня, и о тебѣ, то мнѣ кажется, что изъ камней Девкаліона[1]) образовались разные, совершенно несходные другъ съ другомъ сорта людей, и ты принадлежишь къ тѣмъ, которые образовались изъ кристалла. Я удивляюсь тебѣ и люблю тебя всею душой, такъ что хотѣлъ бы говорить съ тобою только о тебѣ, а долженъ принуждать себя писать о путешествіи, о томъ, что дѣлается со мной, и о придворныхъ новостяхъ. И такъ, цезарь—гость Поппеи, которая втихомолку приготовила ему великолѣпный пріемъ. Августіанъ она пригласила къ себѣ немного, но я и Петроній получили пригла-

---

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

[1]) По греческому миѳу, послѣ потопа, погубившаго всѣхъ людей, Девкаліонъ и его жена Пирра стали бросать черезъ себя камни, изъ которыхъ произошло новое поколѣніе людей.

шеніе. Послѣ *прандія*[2]) мы въ золоченыхъ лодкахъ катались по морю, а оно было такъ тихо, какъ будто спало, и такъ лазурно, какъ твои очи, божественная! Мы гребли сами,—Августѣ, вѣроятно, было лестно, что ее везутъ консулярные мужи или ихъ сыновья. Цезарь, въ пурпурной тогѣ, стоя у руля, пѣлъ въ честь моря гимнъ, который сочинилъ прошедшею ночью и къ которому подобралъ музыку вмѣстѣ съ Діодоромъ. На другихъ лодкахъ намъ вторили индійскіе невольники,—они умѣютъ играть на морскихъ раковинахъ,—а около насъ подпрыгивали дельфины, какъ будто бы дѣйствительно вызванные музыкой изъ глубины Амфитриты[3]). А я... знаешь ли ты, что я дѣлалъ? Я думалъ о тебѣ и тосковалъ о тебѣ, и хотѣлъ бы взять это море, этотъ ясный день и эту музыку и отдать тебѣ все. Хочешь ли ты, августа моя, чтобъ мы поселились у морского берега, вдали отъ Рима? У меня въ Сициліи есть помѣстье, гдѣ миндальные лѣса весною цвѣтутъ розовымъ цвѣтомъ и такъ близко спускаются къ морю, что концы ихъ вѣтвей чуть не касаются воды. Тамъ я буду любить тебя и исповѣдывать ученіе, съ которымъ меня познакомитъ Павелъ,—я уже знаю, что оно не противится любви и счастью. Хочешь ты?... Но, прежде чѣмъ я услышу отвѣтъ изъ твоихъ устъ, я продолжаю разсказывать о томъ, что̀ случилось на лодкѣ. Когда берегъ остался уже за нами, мы увидѣли вдали передъ собою парусъ и заспорили, обыкновенная ли это рыбачья ладья, или большой корабль изъ Остіи. Я различилъ его первый, а Августа сказала тогда, что, очевидно, ничто не можетъ скрыться отъ моихъ глазъ, и, вдругъ, опустивъ покрывало, спросила, узналъ ли бы я ее и въ такомъ видѣ? Петроній тотчасъ же отвѣтилъ, что за тучей даже и солнца видѣть невозможно, но она, смѣясь, продолжала, что такой проницательный взглядъ можетъ быть ослѣпленъ только развѣ любовью, и, перечисляя имена разныхъ августіанокъ, начала разспрашивать и дѣлать догадки, въ кого я влюбленъ. Я отвѣчалъ спокойно, но она въ концѣ назвала и твое имя. Говоря о тебѣ, она снова открыла лицо и начала смотрѣть на меня злыми и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пытливыми глазами. Я чувствую необыкновенную признательность къ Петронію,—онъ въ эту минуту накренилъ лодку и всеобщее вниманіе отвратилось отъ меня, а что еслибъ я услышалъ о тебѣ какое-нибудь недоброжелательное или оскорбительное слово, то не съумѣлъ бы скрыть гнѣва и долженъ былъ бы бороться съ желаніемъ разбить весломъ голову этой

---

[2]) Prandium—завтракъ.

[3]) Амфитрита—жена Нептуна; глубины Амфитриты—море.

развращенной и злой женщинѣ... Ты помнишь, что наканунѣ отъѣзда я разсказывалъ тебѣ въ домѣ Линна о своемъ приключеніи на пруду Агриппы? Петроній боится за меня и еще сегодня заклиналъ меня, чтобъ я не раздражалъ самолюбія Августы. Но Петроній уже не понимаетъ меня и не знаетъ, что безъ тебя нѣтъ для меня ни наслажденія, ни красоты, ни любви, и что къ Поппеѣ я чувствую только отвращеніе и презрѣніе. Ты измѣнила мою душу, и такъ сильно, что я уже не могъ бы возвратиться къ прежней жизни. Но не опасайся, чтобы меня здѣсь могло встрѣтить какое-нибудь зло. Поппеа не любитъ меня, потому что она неспособна любить никого, а ея прихоти происходятъ только отъ гнѣва на цезаря, который хотя еще находится подъ ея вліяніемъ и даже, можетъ быть, любитъ ее, но уже не щадитъ ея и не скрываетъ передъ ней своего безстыдства и своихъ пороковъ. Наконецъ, я тебѣ скажу и другую вещь, которая должна успокоить тебя: передъ моимъ выѣздомъ Петръ сказалъ мнѣ, чтобъ я не боялся цезаря, ибо ни одинъ волосъ не спадетъ съ моей головы,—и я вѣрю ему. Какой-то голосъ говоритъ въ моей душѣ, что каждое его слово должно осуществиться, а такъ какъ онъ благословилъ нашу любовь, то ни цезарь, ни всѣ силы Гадеса, ни даже само предопредѣленіе не могутъ отнять у меня тебя, о Лигія! Когда я думаю объ этомъ, то я счастливъ,—какъ будто бы я—небо, которое одно счастливо и спокойно. Но тебя, христіанку, можетъ быть, оскорбляетъ то, что я говорю о небѣ и предопредѣленіи? Въ такомъ случаѣ, прости меня, потому что я грѣшу безъ намѣренія. Крещеніе еще не омыло меня, и сердце мое—пустая чаша, которую Павелъ Тарсянинъ долженъ наполнить вашимъ сладкимъ ученіемъ, тѣмъ болѣе сладкимъ для меня, что это—твое ученіе. Ты, божественная, сочти мнѣ въ заслугу хоть то, что изъ этой чаши я вылилъ жидкость, которая наполняла ее до сихъ поръ, и протягиваю ее, какъ человѣкъ, томимый жаждой и стоящій у чистаго источника. Въ Антіи я днемъ и ночью буду слушать Павла, который среди моихъ людей въ первый же день нашего путешествія нашелъ такое вліяніе, что его постоянно окружаетъ толпа и видитъ въ немъ не только *тавматурга* [4]), но чуть ли не сверхестественное существо. Вчера я видѣлъ радость на его лицѣ, а когда спросилъ, что̀ онъ дѣлаетъ, онъ отвѣтилъ мнѣ: «сѣю». Петроній знаетъ, что онъ находится съ моими людьми и хочетъ видѣться съ нимъ, точно также какъ и Сенека, который наслышался о немъ отъ Галлона. Но, Лигія, звѣзды уже блѣднѣ-

---

[4]) Thaumaturgos—греч. слово „чудотворецъ“.

ютъ, а утренній *люциферъ* [5]) разгорается все ярче. Скоро заря зарумянитъ море, вокругъ все спитъ, только я думаю о тебѣ и люблю тебя. Привѣтъ тебѣ, вмѣстѣ съ утреннею зарей, sponsa mea!» [6])

II.

Виницій Лигіи:

«Была ли ты когда-нибудь, дорогая, съ Авломъ въ Антіи? Если нѣтъ, то я буду счастливъ, когда современемъ покажу его тебѣ. Отъ самаго Лаурента, вдоль побережья, одна за другою тянутся виллы, а самъ Антій—это безконечный рядъ дворцовъ и портиковъ, колонны которыхъ отражаются въ водѣ. И у меня здѣсь есть пристанище, у самаго моря, съ оливковымъ и кипариснымъ лѣсомъ за виллой, и когда я подумаю, что современемъ это жилище станетъ твоимъ, мраморъ кажется мнѣ болѣе бѣлымъ, сады болѣе тѣнистыми, море болѣе лазурнымъ. О, Лигія, какъ хорошо жить и любить! Мой старикъ управляющій, Мениклъ, посадилъ на лугахъ подъ миртами цѣлыя группы ирисовъ, и при видѣ ихъ мнѣ пришелъ на память домъ Авла, вашъ имплювій и вашъ садъ, гдѣ я сидѣлъ возлѣ тебя. И тебѣ эти ирисы будутъ напоминать родной домъ, поэтому я увѣренъ, что ты полюбишь Антій и эту виллу. Тотчасъ же по прибытіи мы долго разговаривали съ Павломъ. Говорили мы о тебѣ, потомъ онъ началъ поучать меня, я заслушался и скажу тебѣ только одно, что еслибъ я даже умѣлъ писать такъ, какъ Петроній, то не могъ бы выразить всего, что въ это время прошло чрезъ мою мысль и душу. Я не ожидалъ, чтобы на свѣтѣ могло быть такое счастье, красота и покой, о какихъ люди до сихъ поръ не знаютъ. Но все это я приберегаю до разговора съ тобой, когда я въ первую свободную минуту пріѣду въ Римъ. Скажи мнѣ, какъ земля можетъ въ одно время выносить такихъ людей, какъ апостолъ Петръ, какъ Павелъ Тарсянинъ и цезарь? Я спрашиваю потому, что вечеръ, послѣ поученія Павла, провелъ у Нерона, и, знаешь ли, что я слышалъ тамъ? Прежде всего, цезарь читалъ свою поэму о разрушеніи Трои и началъ горевать, что никогда не видалъ ...рящаго города. Онъ завидовалъ Пріаму и называлъ его счастли...мъ человѣкомъ потому только, что онъ могъ зрѣть пожаръ и ...гибель родного города. На это Тигеллинъ сказалъ: «Скажи слово, ...жественный, я возьму факелъ, и, прежде чѣмъ протечетъ ночь,

---

[5]) Lucifer — букв. „приносящій свѣтъ“; такъ называется утренняя звѣзда, т.-е. ...эта Венера.

...) „Моя невѣста“.

ты увидишь горящій Антій». Но цезарь назвалъ его глупцомъ. «Куда же,—спросилъ онъ,—я буду пріѣзжать дышать морскимъ воздухомъ и охранять голосъ, которымъ одарили меня боги и о которомъ, какъ говорятъ, я долженъ заботиться для блага людей? Развѣ не Римъ мѣшаетъ мнѣ, развѣ не зловонныя испаренія Субуры и Эсквилина заставляютъ меня хрипѣть, развѣ горящій Римъ не представлялъ бы во сто разъ болѣе величественнаго и трагическаго зрѣлища, чѣмъ Антій?» Тутъ всѣ начали говорить, какою неслыханною трагедіей была бы картина города, подчинившаго себѣ весь міръ и обратившагося въ кучу сора и пепла. Цезарь объявилъ, что тогда его поэма превзошла бы пѣсни Гомера, а потомъ началъ говорить, какъ построилъ бы вновь городъ и какъ будущіе вѣка должны были бы удивляться его дѣлу, передъ которымъ померкли бы всѣ другія человѣческія дѣла. Тогда пьяные гости начали кричать: «Сдѣлай это! сдѣлай!»—а онъ сказалъ: «Для этого нужно имѣть болѣе вѣрныхъ и болѣе преданныхъ людей». Признаюсь, я сначала встревожился, потому что въ Римѣ живешь ты, carissima. Теперь я самъ смѣюсь надъ своими опасеніями и думаю, что цезарь и августіане, хотя они и безумные люди, не отважатся на такое безуміе, а, все-таки, человѣку свойственно тревожиться за любимое существо, и я предпочиталъ бы, чтобъ домъ Линна стоялъ не въ узкомъ переулкѣ и находился бы не въ той части города, которая населена иноплеменнымъ народомъ, на который въ данномъ случаѣ обратятъ меньшее вниманія. Я считаю, что самые палатинскіе дворцы недостойны были бы быть твоимъ жилищемъ, но я хотѣлъ бы, чтобъ ты не испытывала недостатка отъ отсутствія тѣхъ удобствъ, къ которымъ ты привыкла съ дѣтства. Переселись въ домъ Авла, Лигія. Я много думалъ объ этомъ. Еслибъ цезарь былъ въ Римѣ, вѣсть о твоемъ возвращеніи могла бы черезъ невольниковъ, дѣйствительно, дойти до Палатина, обратить на тебя вниманіе и подвергнуть преслѣдованію за то, что ты осмѣлилась поступить вопреки волѣ цезаря. Но онъ долго пробудетъ здѣсь, въ Антіи, а когда возвратится, тогда и невольники перестанутъ говорить о тебѣ. Линнъ и Урсъ могутъ жить съ тобою. Наконецъ, я живу надеждой, что, прежде чѣмъ Палатинъ увидитъ цезаря, ты, моя божественная будешь жить въ собственномъ домѣ на Каринахъ. Да будутъ благословленны день, часъ и минута, когда ты переступишь мой порогъ, и если Христосъ, познавать Котораго я учусь, сдѣлаетъ это то да будетъ благословенно и Его имя. Я буду служить Ему и отдамъ за Него свою жизнь. Не такъ я сказалъ: служить Ему будем

мы оба, до тѣхъ поръ, пока хватитъ пряжи нашей жизни [1]). Люблю тебя и привѣтствую всею душой».

III.

Урсъ черпалъ воду изъ цистерны и, вытягивая на веревкѣ двойныя амфоры, въ полголоса напѣвалъ странную лигійскую пѣсню, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, радостными глазами смотрѣлъ на Виниція и Лигію, которые, среди кипарисовъ сада Линна, бѣлѣлись, какъ двѣ статуи. Ни малѣйшее дуновеніе вѣтра не волновало ихъ одежды. Въ саду царилъ золотисто-фіолетовый сумракъ, а они, среди вечерней тишины, разговаривали, держа другъ друга за руки.

— Маркъ, ты не можешь поплатиться за то, что оставилъ Анцій безъ позволенія цезаря?—спрашивала Лигія.

— Нѣтъ, дорогая моя, — отвѣчалъ Виницій. — Цезарь объявилъ, что запрется съ Терпносомъ на два дня и будетъ составлять новыя пѣсни. Онъ часто такъ дѣлаетъ и тогда ни о чемъ другомъ не знаетъ и не помнитъ. Наконецъ, что̀ мнѣ цезарь, если я возлѣ тебя и смотрю на тебя? Я очень ужь стосковался, а въ послѣднія ночи меня даже покинулъ сонъ. Иногда уснешь отъ утомленія и тотчасъ же просыпаешься съ чувствомъ, что надъ тобою виситъ опасность, а то приснится, что у меня свели подставныхъ лошадей, которыя должны были перенести меня изъ Антія въ Римъ и на которыхъ я проѣхалъ это разстояніе такъ скоро, какъ никогда не удастся даже гонцу цезаря. Дольше я не могъ бы вытерпѣть безъ тебя. Ужь очень я люблю тебя, дорогая моя!

— Я знала, что ты пріѣдешь. Урсъ два раза по моей просьбѣ бѣгалъ на Карины и разспрашивалъ о тебѣ въ твоемъ домѣ. Линнъ смѣялся надо мной и Урсъ также.

Дѣйствительно, было видно, что она ждала его, потому что, вмѣсто обычной темной одежды, надѣла мягкую бѣлую сто̀лу, изъ красивыхъ складокъ которой ея обнаженныя руки и голова выставлялись какъ разцвѣтшіе подснѣжники изъ снѣга. Нѣсколько красныхъ анемоновъ украшали ея волосы.

Виницій прижалъ губы къ ея рукѣ. Они сѣли на каменную скамью посреди дикаго винограда и молча смотрѣли на зарю, послѣдніе отблески которой отражались въ ихъ глазахъ. Обаяніе тихого вечера мало-по-малу овладѣвало ими.

— Какъ тутъ тихо и какъ хорошо!—сказалъ Виницій, понизя голосъ.—Наступаетъ удивительно погожая ночь. Я такъ счаст-

1) Имѣется въ виду миѳъ, по которому Парки (богини судьбы) прядутъ нить жизни каждаго человѣка; когда онѣ ее перерѣзываютъ, человѣкъ умираетъ.

ливъ, какъ не былъ никогда въ жизни. Скажи мнѣ, Лигія, что это такое? Я никогда не предполагалъ, чтобы любовь могла быть такова. Я думалъ, что это только огонь въ крови и страсть, и только теперь вижу, что можно любить каждою каплей крови и каждымъ дыханіемъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствовать спокойствіе, такое сладкое и неизмѣримое, какъ будто бы твою душу уже убаюкали Сонъ и Смерть. Для меня это что-то новое. Только теперь я понимаю, что можетъ быть счастье, о которомъ люди не знали до сихъ поръ. Только теперь я понимаю, почему и ты, и Помпонія Грецина такія ясныя... Да!... Это даетъ Христосъ!...

Она опустила свою прелестную головку на его плечо и сказала:

— Мой Маркъ, дорогой...

Дальше говорить она не могла. Радость, признательность, сознаніе, что теперь ей можно любить, отняли у нея голосъ, за то наполнили глаза слезами волненія. Виницій, обнявъ рукою ея гибкій станъ, прижалъ ее къ себѣ и сказалъ:

— Лигія! да будетъ благословенна минута, когда я впервые услыхалъ Его имя!

А она тихо отвѣтила:

— Я люблю тебя, Маркъ.

На кипарисахъ погасли послѣдніе фіолетовые отблески, на небѣ показался серпъ луны и осеребрилъ садъ.

Черезъ минуту Виницій началъ говорить:

— Я знаю... Едва я вошелъ сюда, едва поцѣловалъ твою руку, какъ я прочелъ въ твоихъ глазахъ вопросъ, понялъ ли я божественное ученіе, которое ты признаешь, и окрестили ли меня? Нѣтъ, я еще не окрещенъ, а знаешь ли ты, цвѣтокъ, отчего? Павелъ сказалъ мнѣ: «Я убѣдилъ тебя, что Богъ пришелъ въ міръ и далъ Себя распять для его спасенія, но въ источникѣ благодати да омоетъ тебя Петръ, который впервые простеръ надъ тобою руку и первый благословилъ тебя». И я также хотѣлъ, чтобъ ты, дорогая, смотрѣла на мое крещеніе и чтобы моею матерью была Помпонія. Поэтому я остался некрещеннымъ, хотя вѣрю въ Избавителя и Его ученіе. Павелъ убѣдилъ меня, обратилъ, да и могло ли быть иначе? Какъ же бы я не повѣрилъ, что Христосъ пришелъ въ міръ, коль скоро такъ говоритъ Петръ, который былъ Его ученикомъ, и Павелъ, которому Онъ явился? Какъ же бы я не повѣрилъ, что Онъ былъ Богомъ, коль скоро Онъ воскресъ? Вѣдь, Его видѣли и въ городѣ, и близъ озера, и на горѣ, и видѣли люди, уста которыхъ не знали лжи. Я вѣрилъ въ это уже съ того времени, какъ слы

шалъ Петра въ Остраніи, потому что тогда еще сказалъ себѣ: скорѣе всякій другой человѣкъ могъ бы солгать, чѣмъ тотъ, который говоритъ: «я видѣлъ!» Но ученія вашего я боялся. Мнѣ казалось, что оно отнимаетъ тебя у меня. Я думалъ, что въ немъ нѣтъ ни мудрости, ни красоты, ни счастья, но теперь, когда я понялъ его, что-бъ я былъ за человѣкъ, еслибъ не хотѣлъ, чтобы на свѣтѣ царствовала правда, а не ложь, любовь, а не ненависть, добро, а не преступленіе, вѣрность, а не измѣна, милосердіе, а не месть Нашелся ли бы такой, который не желалъ и не хотѣлъ бы этого? А, вѣдь, это проповѣдуетъ ваше ученіе. Другія ученія также хотятъ справедливости, но только одно ваше дѣлаетъ человѣческое сердце справедливымъ. И, кромѣ того, оно дѣлаетъ его чистымъ, какъ твое сердце и сердце Помпоніи, и дѣлаетъ его вѣрнымъ, какъ твое сердце и сердце Помпоніи. Я былъ бы слѣпцомъ, если бы не видалъ этого. А если при этомъ Христосъ Богъ обѣщалъ вѣчную жизнь и такое неизреченное счастье, какое можетъ дать только всемогущество Божіе, то можетъ ли человѣкъ желать большаго? Еслибъ я спросилъ Сенеку, по какимъ соображеніямъ онъ предписываетъ добродѣтель, коль скоро порокъ приноситъ болѣе счастья, онъ, конечно, ничего не могъ бы отвѣтить мнѣ разсудительнаго. Но я теперь знаю, почему долженъ быть добродѣтельнымъ. Потому именно, что добро и любовь проистекаютъ отъ Христа, и потому, что когда смерть сомкнетъ мнѣ вѣжды, я могъ бы вновь найти жизнь, найти счастье, найти самого себя и тебя, дорогая... Какъ же мнѣ не любить и не принять ученія, которое, въ одно и то же время, говоритъ правду и попираетъ смерть? Кто бы не предпочелъ добро злу? Я думалъ, что это ученіе противится счастью, а Павелъ убѣдилъ меня, что оно не только ничего не отнимаетъ, но преумножаетъ. Все это едва умѣщается въ моей головѣ, но я чувствую, что это правда, ибо никогда не былъ такъ счастливъ и не могъ бы быть, хоть и похитилъ бы тебя силою и держалъ бы въ своемъ домѣ. Ты только что сказала мнѣ: «я люблю тебя», а этихъ словъ я не вырвалъ бы у тебя при помощи всей силы Рима. О, Лигія! Разумъ говоритъ мнѣ, что это ученіе — лучшее и божественное, сердце чувствуетъ это, а кто устоитъ противъ этихъ двухъ силъ?

Лигія слушала Виниція, устремивъ на него свои голубые глаза, ...и свѣтѣ мѣсяца похожіе на какіе-то мистическіе цвѣты, и такъ увлаженные, какъ цвѣты.

— Да, Маркъ! Правда! — сказала она, сильнѣе прижимаясь ...овой къ его плечу.

Въ эту минуту они чувствовали себя необыкновенно счастли-

выми; они понимали, что, кромѣ любви, ихъ соединяетъ еще какая-то другая сила, сладкая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непреоборимая, вслѣдствіе которой сама любовь становится чѣмъ-то неразрушимымъ, не подчиняющимся измѣненію, розочарованію, измѣнѣ и даже смерти. Сердца ихъ были полны увѣренностью, что, что бы съ ними ни случилось, они не перестанутъ любить и принадлежать другъ другу. Виницій при этомъ чувствовалъ, что эта любовь не только чистая и глубокая, но и совсѣмъ новая любовь, которую міръ до сихъ поръ не зналъ и не могъ дать. Она слагалась въ его сердцѣ изъ всего: и изъ Лигіи, и изъ ученія Христа, и изъ луннаго свѣта, тихо спящаго на кипарисахъ, и изъ погожей ночи, — вся вселенная казалась ему переполненною этою любовью.

И онъ заговорилъ голосомъ тихимъ и дрожащимъ:

— Ты будешь душою моей души и будешь самымъ дорогимъ существомъ для меня. Вмѣстѣ будутъ биться наши сердца, одинакова будетъ молитва и одинакова благодарность Христу. О, дорогая! Вмѣстѣ жить, вмѣстѣ почитать кроткаго Бога и знать, что когда придетъ смерть, очи наши, какъ будто послѣ сладкаго сна, откроются вновь на новый, лучезарный блескъ,—чего можно пожелать лучшаго? И я удивляюсь только тому, какъ раньше не понималъ этого. И знаешь ли, что мнѣ кажется теперь? Вѣдь, противъ этого ученія не устоитъ никто. Черезъ двѣсти или триста лѣтъ его приметъ весь міръ, люди забудутъ объ Юпитерѣ и не будетъ другихъ боговъ, кромѣ Христа, и другихъ храмовъ, кромѣ христіанскихъ. Кто бы не хотѣлъ собственнаго счастья! Ахъ, да, я слышалъ бесѣду Павла съ Петроніемъ и знаешь ли, что Петроній сказалъ въ концѣ? Онъ сказалъ: «Это не для меня», но больше ничего отвѣтить не съумѣлъ.

— Повтори мнѣ слова Павла,—сказала Лигія.

— Это было у меня, вечеромъ. Петроній началъ небрежно говорить и шутить, какъ это онъ дѣлаетъ всегда, а Павелъ тогда сказалъ ему: «Какъ ты, мудрый Петроній, можешь противорѣчить тому, что Христосъ существовалъ и воскресъ, когда тебя въ то время не было на свѣтѣ, а Петръ и Іоаннъ видѣли Его, и я видѣлъ по дорогѣ въ Дамаскъ? Поэтому пусть твоя мудрость докажетъ, что мы—лжецы, а ужь потомъ возстанетъ противъ нашихъ свидѣтельствъ». Петроній отвѣчалъ, что онъ не думаетъ отрицать этого, онъ знаетъ, что совершается много непонятныхъ вещей, которыя тѣмъ не менѣе, подтверждаются людьми, достойными довѣрія. Но, говорилъ онъ, открытіе какого-нибудь чужеземнаго Бога — дѣло одно, а принятіе Его ученія—другое. «Я не хочу,—сказалъ онъ,—

знать ни о чемъ, что̀ могло бы испортить мою жизнь и уничтожить ея красоту. Дѣло не въ томъ, истинны ли наши боги,—они прекрасны, намъ при нихъ весело и мы можемъ жить безъ заботъ» Тогда Павелъ отвѣтилъ такъ: «Ты отвергаешь ученіе любви, справедливости и милосердія изъ опасенія предъ заботами жизни, но подумай, Петроній, дѣйствительно ли ваша жизнь свободна отъ заботъ? И ты, господинъ, и всѣ богатѣйшіе и могущественные мужи не знаете, засыпая вечеромъ, не разбудитъ ли васъ смертный приговоръ. Но скажи: еслибъ цезарь исповѣдывалъ ученіе, которое предписываетъ любовь и справедливость, неужели бы твое счастье не было болѣе прочно? Ты опасаешься за твои радости, но тогда жизнь не была ли бы болѣе веселою? А что касается услады жизни и искусства, то если вы настроили столько великолѣпныхъ храмовъ и статуй въ честь божествъ злыхъ, мстительныхъ, развратныхъ и измѣнчивыхъ, то чего бы вы ни сдѣлали въ честь единаго Бога любви и правды? Ты хвалишь свою судьбу потому, что могущественъ и живешь въ роскоши, но ты могъ бы быть бѣднымъ и покинутымъ, хотя и происходишь изъ знаменитаго рода, а тогда тебѣ воистину было бы лучше на свѣтѣ, если бы люди признавали Христа. Въ вашемъ городѣ даже богатые родители, чтобъ не утруждать себя воспитаніемъ дѣтей, часто выбрасываютъ ихъ изъ дома. Такія дѣти называются алюмнами, и ты, господинъ, могъ бы быть алюмномъ. Но если бы твои родители жили согласно нашему ученію, съ тобою не могло бы этого приключиться. Если бы, достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, ты женился на любимой женщинѣ, то желалъ бы, чтобъ она осталась тебѣ вѣрна до смерти. А посмотри, что дѣлается у васъ: сколько срама, сколько позора, сколько пренебреженія къ супружеской вѣрности! Вы и сами удивляетесь, когда встрѣтитесь съ женщиной, которую вы называете univira [1]). Но я говорю тебѣ, что тѣ, которыя будутъ носить Христа въ своемъ сердцѣ, не нарушатъ вѣрности къ мужу, равно какъ и мужья христіане останутся вѣрны женамъ. Но вы не увѣрены ни въ вашихъ владыкахъ, ни въ вашихъ отцахъ, ни въ женахъ, ни въ дѣтяхъ, ни въ слугахъ. Передъ вами дрожитъ весь міръ, а вы дрожите передъ [...]ими невольниками, ибо вы знаете, что въ каждый часъ они мо[...]ъ объявить страшную войну вашему гнету, да и объявляли не [...]ъ. Ты богатъ, но не знаешь, что завтра не прикажутъ ли тебѣ [...]статься съ твоимъ богатствомъ; ты молодъ, но, можетъ быть, [...]ѣ завтра нужно будетъ умереть. Ты любишь, но тебя подстере-

---

[1]) Женщина, имѣющая одного мужа, „одномужница“.

гаетъ измѣна; ты любишь свои виллы и статуи, но завтра можешь быть изгнанъ на Пандатарію [2]); у тебя тысячи слугъ, но завтра эти слуги могутъ выпустить изъ тебя кровь. А если это такъ, то какъ же вы можете быть спокойны, счастливы и жить въ радости? А я провозглашаю любовь, провозглашаю ученіе, которое владыкамъ повелѣваетъ любить подданныхъ, господамъ любить невольниковъ, невольникамъ служить изъ любви, провозглашаю справедливость и милосердіе, а въ концѣ обѣщаю счастье, какъ море, неизмѣримое. Какъ же ты, Петроній, можешь говорить, что это ученіе портитъ жизнь, если оно исправляетъ ее и если ты самъ былъ бы во сто разъ болѣе счастливымъ и самоувѣреннымъ, еслибъ оно охватило весь міръ такъ, какъ охватило его ваше римское владычество?» Такъ говорилъ Павелъ, а тогда Петроній сказалъ: «Это не для меня»,—и, притворившись, что ему хочется спать, ушелъ, но, уходя, прибавилъ: «Я предпочитаю свою Эвнику твоему ученію, іудей, но не хотѣлъ бы состязаться съ тобою публично». Но я прислушивался къ его словамъ всею душой, а когда онъ говорилъ о нашихъ женщинахъ, я всѣмъ сердцемъ восхвалялъ ученіе, изъ котораго возродилась ты, какъ весною выростаютъ лиліи. И думалъ я тогда: вотъ Поппеа, которая бросила двухъ мужей для Нерона, вотъ Кальвія Криспинилла, вотъ Нигидія, и почти всѣ, которыхъ я знаю, кромѣ одной Помпоніи, торговали своею вѣрностью и обязанностями. Только одна, только одна моя Лигія не уйдетъ отъ меня, не измѣнитъ, не угаситъ домашняго очага, хотя бы мнѣ измѣнило и обмануло меня все, на что я возлагалъ свою надежду. И я говорилъ тебѣ изъ глубины души: чѣмъ я отблагодарю тебя, если не любовью и почетомъ? Чувствовала ли ты, что тамъ, въ Антіи, я бесѣдовалъ съ тобою, говорилъ постоянно, безпрерывно, какъ будто ты была возлѣ меня? Я во сто разъ больше люблю тебя за то, что ты убѣжала отъ меня изъ дворца цезаря. И я не хочу его. Не хочу я его роскоши и музыки,—я хочу только одну тебя. Скажи слово, и мы покинемъ Римъ, чтобы поселиться гдѣ-нибудь далеко.

Лигія, не поднимая головы съ его плеча, задумчиво подняла глаза на осеребренныя верхушки кипарисовъ и отвѣтила:

— Хорошо, Маркъ. Ты писалъ мнѣ о Сициліи. Тамъ и Ав поселится съ женою подъ старость.

Виницій съ радостью перебилъ:

---

[2]) Pandataria — очень плодородный островокъ въ Тирренскомъ морѣ около аполитанскаго залива (нынѣ Vandotina), служившій въ императорское время мѣсті ссылки.

— Да, дорогая моя! Наши земли находятся недалеко другъ отъ друга. Это чудный берегъ, гдѣ климатъ еще мягче, а ночи еще погожѣе, чѣмъ въ Римѣ, свѣтлыя и благоуханныя... Тамъ жизнь и счастье,—это почти одно и то же.

И онъ началъ мечтать о будущемъ.

— Тамъ можно забыть о всѣхъ заботахъ. Мы будемъ ходить въ оливковыхъ лѣсахъ и отдыхать въ ихъ тѣни. О, Лигія, какая это жизнь — чувствовать себя умиротвореннымъ, любить, вмѣстѣ смотрѣть на небо, вмѣстѣ на море, вмѣстѣ поклоняться кроткому Богу, и все это въ спокойствіи!

Они смолкли, заглядывая въ будущее. Виницій все крѣпче прижималъ къ себѣ Лигію рукою, на которой, при блескѣ мѣсяца, отсвѣчивалъ воинскій перстень. Въ кварталѣ, населенномъ бѣдными рабочими, все спало, ни одинъ звукъ не нарушалъ тишины.

— Ты дозволишь мнѣ видѣть Помпонію?—спросила Лигія.

— Да, дорогая. Мы будемъ приглашать ихъ къ себѣ или сами станемъ ѣздить къ нимъ. Хочешь, мы возьмемъ съ собою Петра апостола? Онъ угнетенъ жизнью и трудомъ. Павелъ также будетъ навѣщать насъ, обратитъ въ христіанство Авла Плавтія, и, какъ солдаты образовываютъ колоніи въ отдаленныхъ странахъ, такъ и мы образуемъ христіанскую колонію.

Лигія взяла руку Виниція и хотѣла прижать ее къ своимъ губамъ, но онъ заговорилъ шепотомъ, какъ будто боялся спугнуть свое счастье:

— Нѣтъ, Лигія, нѣтъ! Это я люблю и поклоняюсь тебѣ. Дай мнѣ свою руку.

— Я люблю тебя.

Онъ прильнулъ губами къ ея бѣлымъ, какъ цвѣтъ жасмина, рукамъ. Въ воздухѣ не было ни малѣйшаго вѣтерка, и кипарисы стояли такъ же неподвижно, какъ будто и они затаили дыханіе въ груди..

Вдругъ тишину неожиданно прервало какое-то рычаніе, точно выходящее изъ-подъ земли. По тѣлу Лигіи пробѣжала дрожь, а Виницій всталъ съ мѣста и сказалъ:

— Это львы рычатъ въ виваріяхъ [1]).

...ни оба начали прислушиваться. Одному взрыву отвѣтилъ дру... третій, десятый,—со всѣхъ сторонъ, изо всѣхъ концовъ го... Въ Римѣ иногда бывало по нѣсколько тысячъ львовъ, заклю...ыхъ при разныхъ аренахъ, и ночью, подойдя къ рѣшеткѣ и

[1]) ...ivarium—мѣсто, гдѣ содержались животныя.

упершись въ нее своею косматою головой, они изливали свою тоску по волѣ и пустынѣ. Они и теперь затосковали и, подавая голосъ одинъ другому, огласили весь городъ рычаніемъ. Въ немъ крылось что-то неожиданное и печальное, и Лигія, чувствуя, какъ ея ясныя и спокойныя мечты о будущемъ разсѣиваются отъ этого рычанія, прислушивалась къ нимъ съ сердцемъ, сжавшимся отъ какой-то странной тревоги и грусти.

Но Виницій обнялъ ее и сказалъ:

— Не бойся, дорогая. Игрища будутъ скоро,—всѣививаріи переполнены.

И они вошли въ домикъ Линна, сопровождаемые все болѣе усиливающимся львинымъ ревомъ.

IV.

А тѣмъ временемъ Петроній въ Антіи чуть не каждый день одерживалъ все новыя побѣды надъ августіанами, перебивавшими у него благоволеніе цезаря. Вліяніе Тигеллина совершенно померкло. Въ Римѣ, гдѣ нужно было устранять людей, которые представлялись опасными, грабить ихъ имущество, устраивать политическія дѣла, давать зрѣлища, поражающія роскошью и дурнымъ вкусомъ, а въ особенности удовлетворять уродливыя вожделѣнія цезаря, Тигеллинъ, человѣкъ ловкій и готовый на все, оказывался необходимымъ, но въ Антіи, среди дворцовъ, отражающихся въ лазури моря, цезарь жилъ жизнью грека. Съ утра до вечера читали стихи, разсуждали объ ихъ структурѣ и изяществѣ, восхищались удачными оборотами, занимались музыкой, театромъ, — однимъ словомъ, тѣмъ, что изобрѣлъ и чѣмъ украсилъ жизнь греческій геній. При такихъ условіяхъ Петроній, несравненно болѣе образованный, чѣмъ Тигеллинъ и другіе августіане, остроумный, краснорѣчивый, богатый тонкими понятіями и вкусомъ, конечно, долженъ былъ получить перевѣсъ. Цезарь искалъ его общества, интересовался его мнѣніемъ, требовалъ его совѣта, когда самъ сочинялъ что-нибудь, и оказывалъ ему расположеніе больше, чѣмъ когда-либо. Придворнымъ казалось, что вліяніе Петронія одерживаетъ окончательную побѣду, что дружба между нимъ и цезаремъ окончательно окрѣпла и продлится многіе годы. Даже тѣ, которые раньше высказывали нерасположеніе къ изящному эпикурейцу, начали ухаживать за нимъ и добиваться его благоволенія. Многіе даже совершенно искренно радовались, что въ силу вошелъ человѣкъ, который хорошо зналъ, что̀ и о комъ нужно какъ думать

скептическою улыбкой относился къ раболѣпству вчерашнихъ враговъ, но, по лѣни ли, или по врожденной деликатности, не былъ мстительнымъ и вліяніемъ своимъ не пользовался для того, чтобъ губить кого-нибудь или приносить кому-нибудь вредъ. Бывали минуты, когда онъ могъ погубить даже Тигеллина, но Петроній предпочиталъ насмѣхаться надъ нимъ и выставлять на видъ недостатки его образованія и пошлость. Сенатъ въ Римѣ отдохнулъ, когда въ теченіе полутора мѣсяцевъ не было подписано ни одного смертнаго приговора. И въ Антіи, и въ Римѣ разсказывали истинныя чудеса объ изысканности, до какой дошелъ развратъ цезаря и его фаворитовъ, но всякій предпочиталъ жить подъ властью цезаря развращеннаго, чѣмъ озвѣрѣвшаго подъ вліяніемъ Тигеллина. Самъ Тигеллинъ терялъ голову и колебался, не признать ли себя побѣжденнымъ, потому что цезарь многократно заявлялъ, что въ Римѣ и при его дворѣ только двѣ души, способныя понять другъ друга, только два истинныхъ грека—онъ и Петроній.

Удивительная тактичность Петронія приводила всѣхъ къ убѣжденію, что его вліяніе переживетъ всѣ остальныя. Считалось совершенно невозможнымъ, чтобы цезарь могъ обойтись безъ него. Съ кѣмъ же ему разговаривать о поэзіи, музыкѣ, ристалищахъ, въ чьи глаза онъ будетъ смотрѣть для того, чтобъ удостовѣриться, что его произведеніе дѣйствительно изящно? А Петроній, со свойственною ему небрежностью, казалось, не придавалъ никакого значенія своему положенію. Какъ и прежде, онъ былъ небреженъ, лѣнивъ, остроуменъ и скептиченъ. Часто онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, который издѣвается надъ людьми, надъ самимъ собой, надъ цезаремъ и надъ всѣмъ міромъ. Иногда онъ осмѣливался въ глаза осуждать цезаря, и когда другіе думали, что онъ заходитъ черезъ-чуръ далеко или прямо готовитъ себѣ гибель, Петроній своему осужденію вдругъ придавалъ такую окраску, что всѣ убѣждались, что нѣтъ положенія, изъ котораго онъ не вышелъ бы съ тріумфомъ. Однажды, черезъ недѣлю послѣ возвращенія Виниція изъ Рима, цезарь въ небольшомъ обществѣ читалъ отрывокъ изъ своихъ *Троика* [1]), а когда кончилъ и когда смолкли восторженныя рукоплесканія, вопросительно посмотрѣлъ на Петронія, тотъ сказалъ:

— Плохіе стихи, ихъ нужно бросить въ огонь.

У всѣхъ сердце перестало биться отъ страха,—Неронъ съ дѣтскихъ лѣтъ не слыхалъ такого приговора,—и только лицо Тигел-

[1]) Troica—описаніе Троянской войны.

лица засвѣтилось радостью. За то Виницій поблѣднѣлъ; онъ думалъ, что Петроній, который не напивался никогда, на этотъ разъ окончательно напился.

А Неронъ началъ допрашивать медовымъ голосомъ, въ которомъ, однако, звучало глубоко уязвленное самолюбіе:

— Что дурного находишь ты въ нихъ?

Петроній напалъ на него:

— Не вѣрь имъ,—сказалъ онъ, указывая рукою на окружающихъ,—они ничего не понимаютъ. Ты спрашиваешь, что дурного въ твоихъ стихахъ? Если хочешь правды, то я скажу тебѣ: стихи хороши для Виргилія, хороши для Овидія, даже хороши для Гомера, но не для тебя. Такіе тебѣ нельзя писать. Пожаръ, который ты описываешь, недостаточно горитъ, твой огонь недостаточно жжетъ. Не слушай лести Лукана. За нимъ за такіе же стихи я призналъ бы геній, но не за тобою. А знаешь почему? Ты больше ихъ. Кому боги дали столько, сколько тебѣ, съ того можно больше требовать. Но ты лѣнишься. Ты предпочитаешь спать послѣ прандія, чѣмъ заниматься работой. Ты можешь создать произведеніе, о которомъ до сихъ поръ не слыхалъ міръ, и поэтому я въ глаза говорю тебѣ: напиши лучшіе стихи!

Онъ говорилъ небрежно, какъ будто полушутя, полусердясь, а глаза цезаря затуманились отъ наслажденія и онъ сказалъ:

— Боги дали мнѣ немного таланта, но, кромѣ того, дали еще большее—друга, истиннаго цѣнителя, который умѣетъ говорить правду въ глаза.

И онъ протянулъ свою толстую, покрытую рыжими волосами, руку къ золотому канделябру, похищенному изъ Дельфъ, чтобы сжечь стихи, но Петроній выхватилъ папирусъ, прежде чѣмъ пламя коснулось его.

— Нѣтъ, нѣтъ!—сказалъ онъ,—даже и такіе плохіе стихи принадлежатъ человѣчеству. Оставь ему ихъ.

— Въ такомъ случаѣ, позволь мнѣ прислать ихъ тебѣ въ ящичкѣ, сдѣланномъ по моему плану, — сказалъ Неронъ и обнялъ Петронія.

Черезъ минуту онъ добавилъ:

— Да. Ты правъ. Мой пожаръ Трои недостаточно свѣтитъ, г огонь недостаточно жжетъ. Но я думалъ, что, если сравняюсь Гомеромъ, то этого будетъ достаточно. Нѣкоторая робость и ст гая оцѣнка самого себя всегда мѣшали мнѣ. А ты открылъ м глаза. Но знаешь ли ты, почему ты сказалъ правду? Потому, когда скульпторъ захочетъ изваять изображеніе бога, то онъ

женъ искать себѣ образца, а у меня его нѣтъ. Я никогда не видалъ горящаго города, а потому въ моемъ описаніи недостаетъ правды.

— А я тебѣ скажу, что нужно быть великимъ артистомъ, чтобы понимать это.

Неронъ задумался, но потомъ спросилъ:

— Отвѣть мнѣ, Петроній, на одинъ вопросъ: ты жалѣешь, что Троя сгорѣла?

— Жалѣю ли я?... Клянусь хромымъ супругомъ Венеры, ни мало! И я скажу тебѣ, почему. Троя не сгорѣла бы, если бы Прометей не одарилъ людей огнемъ и если бы греки не объявили Пріаму войны, а если бы не было огня, то Эсхилъ не написалъ бы своего Прометея, точно такъ же, какъ безъ войны Гомеръ не написалъ бы Иліады. А я предпочитаю, чтобы существовали Прометей и Иліада, чѣмъ если бы сохранился городишко, по всей вѣроятности, дрянной и грязный, въ которомъ теперь по самой большей мѣрѣ сидѣлъ бы какой-нибудь ничтожный прокураторъ и изнывалъ въ распряхъ съ мѣстнымъ ареопагомъ.

— Вотъ что называется говорить умно! — отвѣтилъ цезарь. — Для поэзіи и искусства можно и должно жертвовать всѣмъ. Счастливы ахейцы, которые послужили Гомеру темой для Иліады, счастливъ и Пріамъ, который видѣлъ гибель своего очечества. А я?... Я не видалъ горящаго города.

Наступило молчаніе, которое прервалъ Тигеллинъ.

— Я уже говорилъ тебѣ, цезарь, — сказалъ онъ, — прикажи, и я сожгу Антій. Или знаешь что? Если тебѣ жаль этихъ виллъ и дворцовъ, я прикажу сжечь корабли изъ Остіи или построю на Албанскомъ склонѣ деревянный городъ, въ который ты самъ бросишь пламя. Хочешь ты?

Неронъ бросилъ на него взглядъ, полный презрѣнія.

— Мнѣ смотрѣть, какъ горятъ деревянные сараи? Твой умъ совершенно обезплодѣлъ, Тигеллинъ. И при этомъ я вижу, что ты не особенно цѣнишь мой талантъ и мои *Троика*, если думаешь, что какая-нибудь жертва была бы черезъ-чуръ велика для нихъ.

Тигеллинъ смѣшался, а Неронъ, какъ бы желая придать разго-ру другое направленіе, добавилъ:

— Идетъ лѣто... О, какое зловоніе теперь должно быть въ мѣ!... Но, однако, на лѣтнія игрища намъ нужно будетъ возвра-ться туда.

Тогда Тигеллинъ сказалъ:

— Цезарь, когда ты отпустишь августіанъ, дозволь мнѣ на ту остаться съ тобой.

Часъ спустя Виницій, возвращаясь изъ виллы цезаря, говорилъ Петронію:

— Была минута, когда я испугался. Я думалъ, что ты пьянъ и сгубилъ себя окончательно. Помни, что ты играешь со смертью.

— Это моя арена, — небрежно сказалъ Петроній, — меня забавляетъ сознаніе, что на ней я — могучій гладіаторъ. А посмотри, чѣмъ все окончилось. Мое вліяніе возросло еще больше. Онъ пришлетъ мнѣ свои стихи въ ящикѣ, который (хочешь биться объ закладъ?) будетъ баснословно богатъ и баснословно безвкусенъ. Я прикажу своему врачу хранить въ немъ слабительныя средства. Сдѣлалъ я это еще и для того, чтобы Тигеллинъ, видя, что такія вещи удаются, захотѣлъ бы слѣдовать моему примѣру... я воображаю себѣ, что будетъ, если онъ щегольнетъ остротою. То же самое, какъ если бы пиренейскій медвѣдь вздумалъ ходить по натянутой веревкѣ. Я буду смѣяться, какъ Демокритъ[2]). Еслибъ я хотѣлъ, то могъ бы, пожалуй, погубить Тигеллина и занять его мѣсто префекта преторіанцевъ. Но мнѣ лѣнь. Ради скуки я предпочитаю такую жизнь, какую веду, и даже стихи цезаря.

— Но что за ловкость, которая даже и порицаніе можетъ обратить въ похвалу! А стихи эти дѣйствительно такъ плохи? Я въ этомъ ничего не понимаю.

— Не хуже другихъ. У Лукана въ одномъ пальцѣ больше таланта, но и въ мѣднобородомъ что-то есть. Прежде всего, его необыкновенное пристрастіе къ поэзіи и музыкѣ. Черезъ два дня мы должны быть у него, чтобы выслушать его музыку къ гимну въ честь Афродиты, — онъ окончитъ его сегодня или завтра. Общество будетъ небольшое, — только я, ты, Туллій Сенеціонъ и молодой Нерва. А что касается его стиховъ... я говорилъ тебѣ когда-то, что они служатъ мнѣ послѣ пира тѣмъ же, чѣмъ Вителію служитъ перо фламинго — это неправда!... Иногда они бываютъ краснорѣчивы. Слова Гекубы трогательны... Она жалуется на родовыя муки и Неронъ нашелъ удачныя выраженія, можетъ быть, потому, что въ мукахъ рождаетъ каждый стихъ... По временамъ мнѣ жаль его. Клянусь Поллуксомъ, какая это странная смѣсь! У Калигулы былъ изъянъ въ умѣ, но и онъ не былъ такимъ диковиннымъ.

— Кто можетъ предвидѣть, до чего можетъ дойти безуміе Агнобарба? — спросилъ Виницій.

— Рѣшительно никто. Могутъ случиться такія вещи, что, в воспоминаніи о нихъ, у людей, черезъ цѣлыя сотни лѣтъ, буду

---

[2]) Демокритъ — греческій философъ V вѣка до Р. Х., котораго преданіе п ставляетъ постоянно смѣявшимся.

вставать волосы дыбомъ. Но это-то собственно и интересно, это-то и занимательно, хотя теперь я скучаю, какъ Юпитеръ Аммонскій въ пустынѣ, но, все-таки, думаю, что при другомъ цезарѣ скучалъ бы во сто разъ больше. Твой іудей, Павелъ, краснорѣчивъ,—я не отнимаю у него этого, — и если подобные люди станутъ проповѣдовать христіанское ученіе, наши боги должны опасаться не на шутку, какъ бы не отправиться на чердакъ. Правда, что если бы цезарь былъ христіаниномъ, то мы всѣ чувствовали бы себя въ большей безопасности, но твой пророкъ изъ Тарса, примѣняя ко мнѣ свои доказательства, не сообразилъ, видишь ли ты, что для меня неувѣренность составляетъ прелесть жизни. Кто не играетъ въ кости, тотъ не проигрываетъ состоянія, но, однако, люди играютъ въ кости. Въ этомъ какое-то блаженство и какое-то забвеніе. Я зналъ сыновей всадниковъ и сенаторовъ, которые добровольно дѣлались гладіаторами. Ты говоришь, что я играю съ жизнью, — правда, но я дѣлаю такъ потому, что это меня занимаетъ, а ваши христіанскія добродѣтели наскучили бы мнѣ, какъ разсужденія Сенеки, въ одинъ день. Поэтому краснорѣчіе Павла не послужило ни къ чему. Онъ долженъ понимать, что такіе люди, какъ я, не примутъ его ученія никогда. Ты—дѣло другое! Съ твоими наклонностями ты могъ бы чуждаться имени христіанина, какъ заразы, или сдѣлаться христіаниномъ. Я признаю его резонность и—зѣваю при этомъ. Мы безумствуемъ, стремимся къ пропасти, изъ будущаго идетъ къ намъ что-то неизвѣстное, что-то подламывается подъ нами, что-то умираетъ около насъ, — согласенъ! Умереть-то мы съумѣемъ, но пока намъ не хочется обременять жизни и служить смерти, прежде чѣмъ она не завладѣетъ нами. Жизнь существуетъ сама для себя, а не для смерти.

— А мнѣ жаль тебя, Петроній.

— Не жалѣй меня больше, чѣмъ я жалѣю самого себя. Прежде мы жили въ ладу, прежде, когда ты сражался въ Арменіи, то тосковалъ по Римѣ.

— И теперь я тоскую по Римѣ.

— Да, потому что полюбилъ христіанскую весталку, которая ;итъ въ Затибрской части города. Но я не удивляюсь этому, не ждаю тебя. Я удивляюсь тому, что хотя, по твоимъ словамъ, ше ученіе — это море счастья, хотя твоя любовь скоро будетъ ѣнчана,—грусть не сходитъ съ твоего лица. Помпонія Грецина но грустна, ты, съ того времени, какъ сдѣлался христіаниномъ, ке перестал улыбаться. Не внушай же мнѣ, что это веселое ніе! Изъ Рима ты возвратился еще болѣе грустнымъ. Если вы

всѣ такъ любите по-христіански, то, клянусь свѣтлыми кудрями Вакха, я не пойду по вашимъ слѣдамъ.

— Это совсѣмъ другое,—отвѣтилъ Виницій.—Я клянусь тебѣ не кудрями Вакха, а душой моего отца, что прежде никогда я не могъ себѣ представить такого счастья, какимъ дышу теперь. Но я жестоко томлюсь и, что странно, когда я далеко отъ Лигіи, мнѣ все кажется, что надъ ней виситъ какая-то опасность. Какая — я не знаю и не знаю, откуда она можетъ придти, но предчувствую ее такъ, какъ предчувствуется гроза.

— Черезъ два дня я берусь выхлопотать для тебя отпускъ изъ Антія на какое угодно время. Поппеа также стала спокойнѣе и, насколько я знаю, съ ея стороны ничего не угрожаетъ ни тебѣ, ни Лигіи.

— Еще сегодня она спрашивала у меня, что я дѣлалъ въ Римѣ, хотя мой отъѣздъ былъ тайный.

— Можетъ быть, она приказала слѣдить за тобой. Впрочемъ, теперь и она должна считаться со мною.

Виницій остановился и сказалъ:

— Павелъ говоритъ, что Богъ иногда предостерегаетъ, но въ предчувствія вѣрить не велитъ; я борюсь противъ этого и не могу пересилить себя. Я тебѣ скажу, что̀ случилось, чтобъ облегчить сердце. Мы сидѣли съ Лигіей въ такую же погожую ночь, какъ теперь, и строили планы нашей будущей жизни. Не съумѣю тебѣ сказать, какъ мы были счастливы и спокойны. И вдругъ начали рычать львы. Въ Римѣ это вещь обыкновенная, но, однако, съ этой минуты я не вижу спокойствія. Мнѣ кажется, что въ этомъ рычаніи была какая-то угроза, точно предвѣстіе чего-то злого... Ты знаешь, что тревога не легко овладѣваетъ мною, но тогда случилось что-то такое, что эта тревога затмила своимъ мракомъ всю эту ночь. Случилось это такъ странно и неожиданно, что и теперь въ моихъ ушахъ слышатся эти голоса, а въ сердцѣ — неутихающее безпокойство, какъ будто Лигія нуждается въ моей помощи противъ чего-то страшнаго... хотя бы противъ тѣхъ же самыхъ львовъ. И я мучаюсь. Придумай какой-нибудь поводъ для моего отъѣзда, иначе я уѣду безъ разрѣшенія. Не могу я сидѣть здѣсь, повтор тебѣ, не могу!

Петроній разсмѣялся.

— До того еще не дошло, чтобы сыновей консулярныхъ муж или ихъ женъ отдавали на растерзаніе львовъ. Васъ може встрѣтить какая-нибудь другая смерть, только не такая. Впрочем кто знаетъ, львы ли то были,— германскіе туры рычатъ не ху

ихъ. Что касается меня, то я смѣюсь надъ судьбой и надъ предчувствіями. Вчера ночь была темная и я видѣлъ, что звѣзды сыпались, какъ дождь. Многимъ дѣлается не по себѣ при такомъ зрѣлищѣ, а я подумалъ: если между этими звѣздами есть и моя, то, по крайней мѣрѣ, мнѣ не будетъ недостатка въ обществѣ!

Онъ замолчалъ на минуту, подумалъ и сказалъ:

— Наконецъ, если вашъ Христосъ воскресъ, то Онъ можетъ и васъ охранить отъ смерти.

— Можетъ,— отвѣтилъ Виницій, смотря на небо, усѣянное звѣздами.

V.

Неронъ игралъ и пѣлъ гимнъ въ честь «владычицы Кипра»,— онъ самъ составилъ стихи и музыку. Въ этотъ день онъ былъ въ голосѣ и чувствовалъ, что музыка его дѣйствительно увлекаетъ слушателей, а сознаніе это придало особую силу звукамъ, которые онъ извлекалъ изъ себя, и такъ всколебало его душу, что онъ казался вдохновленнымъ. Въ концѣ онъ самъ поблѣднѣлъ отъ неподдѣльнаго волненія. Въ первый разъ въ жизни онъ не хотѣлъ слушать похвалъ присутствующихъ. Съ минуту просидѣлъ онъ съ поникшею головой, съ руками, опущенными на цитру, потомъ вдругъ всталъ и сказалъ:

— Я утомленъ, мнѣ нуженъ воздухъ. Пока настройте цитры.

Онъ повязалъ горло шелковымъ платкомъ.

— Вы пойдете со мной,—обратился онъ къ Петронію и Виницію, которые сидѣли въ углу залы.—Виницій, подай мнѣ руку, у меня не хватаетъ силъ, а Петроній будетъ говорить мнѣ о музыкѣ.

Они вышли на дворцовую террасу, выложенную алебастромъ и посыпанную шафраномъ.

— Здѣсь дышется свободнѣе,— сказалъ Неронъ.— Душа моя взволнована и грустна, хотя по сегодняшнему опыту я вижу, что могу выступить публично и что это будетъ такой тріумфъ, какой не выпадалъ на долю ни одного римлянина.

— Ты можешь выступить здѣсь, въ Римѣ, и въ Ахайи. Я удивляюсь тебѣ всѣмъ сердцемъ и умомъ, божественный! — отвѣтилъ Петроній.

— Я знаю. Ты черезъ-чуръ лѣнивъ, чтобы принуждать себя хвалить кого-нибудь противъ воли. И ты искрененъ, какъ Туллій Сципіонъ, но понимаешь больше его. Скажи мнѣ, что ты думаешь о музыкѣ?

— Когда я слушаю поэзію, когда смотрю на колесницу, которою ты управляешь въ циркѣ, на прекрасную статую, прекрасный храмъ или картину, то охватываю взглядомъ то, что̀ вижу въ цѣлости, и въ моемъ восторгѣ заключается все, что̀ эти вещи могутъ дать. Но когда я слушаю музыку, въ особенности твою, передо мной открываются новые красоты и восторги. Я бѣгу за ними, хватаю ихъ, но, прежде чѣмъ восприму ихъ въ себя, они наплываютъ опять, новые и новые, какъ морскія волны, которыя идутъ изъ безконечности. И вотъ я говорю тебѣ, что музыка, это—море. Мы стоимъ на одномъ берегу и видимъ даль, но другого берега намъ разсмотрѣть невозможно.

— Ахъ, какой ты глубокій знатокъ! — сказалъ Неронъ.

Нѣсколько минутъ они прохаживались молча, только шафранъ тихо шелестѣлъ подъ ихъ ногами.

— Ты высказалъ свою мысль,—наконецъ, сказалъ Неронъ,— и поэтому я повторю, что во всемъ Римѣ только ты одинъ умѣешь понимать меня. Да. То же самое и я думаю о музыкѣ. Когда я играю и пою, я вижу такія вещи, о которыхъ я не зналъ раньше, существуютъ ли онѣ въ моемъ государствѣ или гдѣ-нибудь на свѣтѣ. Я цезарь, весь міръ принадлежитъ мнѣ, я могу сдѣлать все. А, однако, музыка открываетъ мнѣ новыя царства, новыя горы и моря и новыя наслажденія, которыхъ я не испытывалъ до сихъ поръ. Я не умѣю ни назвать ихъ, ни понять умомъ,— я только чувствую ихъ. Я чувствую боговъ, вижу Олимпъ. Какой-то неземной вѣтеръ вѣетъ на меня, сквозь туманъ я различаю какія-то громады, необъятныя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясныя, какъ восходъ солнца... Весь *сферосъ*[1]) сверкаетъ вокругъ меня и я скажу тебѣ... (здѣсь голосъ Нерона задрожалъ неподдѣльнымъ изумленіемъ), что я, цезарь и богъ, въ эту минуту чувствую себя малымъ, какъ пылинка. Повѣришь ты этому?

— Да. Только великіе артисты чувствуютъ себя малыми передъ лицомъ искусства.

— Сегодня — ночь искренности и потому я открываю передъ тобою душу, какъ передъ другомъ, и скажу тебѣ еще больше... Ты думаешь, что я слѣпъ или лишенъ разума? Ты думаешь, я не зна[illegible], что въ Римѣ, на домовыхъ стѣнахъ, пишутъ оскорбительныя [illegible]я меня надписи, называютъ меня матереубійцей и женоубійцей... [illegible]о меня считаютъ чудовищемъ и злодѣемъ потому, что Тигеллинъ [illegible]-требовалъ у меня нѣсколько смертныхъ приговоровъ для мо[illegible]ъ

1) О сферосѣ см. примѣч. въ майской книгѣ на стр. 158. Здѣсь „сферос[illegible]го же, что „міръ“.

враговъ? Да, дорогой мой, меня считаютъ чудовищемъ, и я знаю это... О жестокости моей говорили столько, что я иногда самъ задаю себѣ вопросъ, дѣйствительно ли я жестокъ?... Но они не понимаютъ того, что дѣла человѣка иногда могутъ быть жестоки, а самъ человѣкъ можетъ быть не жестокимъ. Ахъ, никто не повѣритъ, даже, можетъ быть, и ты, дорогой мой, не повѣришь, что по временамъ, когда музыка взволновываетъ мою душу, я чувствую себя добрымъ, какъ ребенокъ въ колыбели! Клянусь тебѣ звѣздами, которыя горятъ надъ нами, что я говорю истинную правду: люди не знаютъ, сколько доброты живетъ въ этомъ сердцѣ и какія сокровища я самъ нахожу въ немъ, когда музыка откроетъ дверь, ведущую къ нимъ.

Петроній, который не имѣлъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Неронъ въ эту минуту говоритъ искренно и что музыка, дѣйствительно, освобождаетъ наружу благородныя способности его души, заваленныя горами эгоизма, разврата и преступленій, сказалъ:

— Тебя нужно знать такъ близко, какъ знаю я. Римъ никогда не могъ оцѣнить тебя.

Цезарь сильнѣе оперся на плечо Виниція, какъ будто сгибался подъ бременемъ несправедливости, и отвѣтилъ:

— Тигеллинъ говорилъ мнѣ, въ сенатѣ шепчутъ, что Діодоръ и Терпносъ лучше меня играютъ на цитрѣ. Мнѣ хотятъ отказать даже и въ этомъ! Но ты, который всегда говоришь правду, скажи мнѣ откровенно: дѣйствительно ли они играютъ лучше меня, или такъ же, какъ я?

— Ничуть. Твой ударъ мягче и, вмѣстѣ съ тѣмъ, у тебя больше силы. Въ тебѣ виденъ артистъ, въ нихъ—искусные ремесленники. Положительно, когда услышишь ихъ музыку, тогда только и поймешь, каковъ ты.

— Если такъ, то пусть они останутся живы. Они никогда не догадаются, какую услугу ты оказалъ имъ въ эту минуту. Наконецъ, еслибъ я осудилъ ихъ, то долженъ былъ бы взять другихъ на ихъ мѣсто.

— А люди, вдобавокъ, говорили бы, что ты изъ самолюбія гу-[illegible]ь музыку въ государствѣ. Никогда не убивай искусства для [illegible]усства, божественный.

— Какъ ты отличаешься отъ Тигеллина!—отвѣтилъ Неронъ.— [illegible] видишь ли, собственно говоря, я во всемъ артистъ, и такъ какъ [illegible]ка открываетъ передо мною пространства, о существованіи [illegible]рыхъ я не догадывался, страны, которыми я не владѣю, [illegible]деніе и счастье, какихъ я не испытывалъ, то я и не могу

жить обыкновенною жизнью. Музыка говоритъ мнѣ, что сверхъестественное существуетъ, и вотъ я ищу его со всею силой могущества, которое боги отдали въ мои руки. Иногда мнѣ кажется, что для того, чтобы достигнуть до этихъ олимпійскихъ міровъ, нужно сдѣлать что-нибудь такое, чего до сихъ поръ ни одинъ человѣкъ не дѣлалъ, нужно превысить человѣческій уровень въ добрѣ или въ злѣ. Я знаю, люди обвиняютъ меня въ томъ, что я безумствую. Но я не безумствую, я только ищу, а если и безумствую, то со скуки и отъ злости, что не могу найти. Я ищу,—понимаешь меня?—и потому хочу быть больше, чѣмъ человѣкъ, ибо только такимъ способомъ могу быть великимъ артистомъ.

Онъ понизилъ голосъ такъ, чтобы Виницій не могъ его слышать, и, приложивъ губы къ ушамъ Петронія, шепнулъ:

— Знаешь ли, что поэтому собственно я осудилъ на смерть мать и жену? У вратъ незнаемаго міра я хотѣлъ принести величайшую жертву, какую только можетъ принести человѣкъ. Я думалъ, потомъ что-нибудь свершится, разверзнутся какія-нибудь двери, за которыми я увижу что-нибудь неизвѣстное. Пусть бы это удивляло или устрашало человѣческое пониманіе, только было бы необычайно и велико... Но этой жертвы было недостаточно. Чтобъ отворить олимпійскія двери, очевидно, требуется бо́льшая жертва, и пусть будетъ такъ, какъ хочетъ судьба.

— Что ты намѣренъ дѣлать?

— Увидишь, увидишь раньше, чѣмъ ты думаешь. А теперь знай, что живутъ два Нерона: одинъ такой, какимъ его знаютъ люди, другой—артистъ, котораго знаешь одинъ ты и который, если убиваетъ, какъ смерть, или безумствуетъ, какъ Бахусъ, то только потому, что его давитъ плоскость и ничтожество обычной жизни, и который хотѣлъ бы искоренить ихъ, хотя бы пришлось прибѣгнуть къ огню или желѣзу... О, какъ пошлъ будетъ этотъ міръ, когда меня не станетъ!... Никто еще не постигаетъ, даже ты, дорогой мой, какой я артистъ. Но поэтому-то я и страдаю, и искренно говорю тебѣ, что по временамъ душа моя бываетъ такъ же грустна, какъ тѣ кипарисы, что чернѣются передъ нами. Тяжело человѣку единовременно влачить бремя величайшаго могущества и величайшаго таланта.

— Цезарь, я сочувствую тебѣ всею душой, а со мною земля и море, не считая Виниція, который боготворитъ тебя въ душѣ.

— Онъ всегда былъ пріятенъ мнѣ,—сказалъ Неронъ,—хотя служитъ Марсу, а не музамъ.

— Онъ, прежде всего, служитъ Афродитѣ,—отвѣтилъ Петроній.

И онъ рѣшилъ сразу устроить дѣло племянника, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, устранить всѣ опасности, которыя могли угрожать ему.

— Онъ влюбленъ, какъ Троилъ въ Крессиду [2]). Позволь ему, господинъ, ѣхать въ Римъ, иначе онъ весь изсохнетъ. Знаешь ли ты, что лигійская заложница, которую ты подарилъ ему, отыскалась и Виницій, выѣзжая въ Антій, оставилъ ее подъ покровительствомъ нѣкоего Линна? Я не говорилъ тебѣ объ этомъ, пока ты слагалъ свой гимнъ,—потому что эта вещь важнѣе всего. Виницій хотѣлъ, чтобъ она сдѣлалась его любовницей, но когда она оказалась такъ же цѣломудренной, какъ Лукреція, влюбился въ ея добродѣтель и хочетъ жениться на ней. Она царская дочь и не умалитъ его достоинства, но онъ истинный солдатъ: вздыхаетъ, сохнетъ, стонетъ, но ждетъ разрѣшенія своего императора.

— Императоръ не выбираетъ женъ солдатамъ. На что ему мое разрѣшеніе?

— Господинъ, я говорилъ, что онъ боготворитъ тебя.

— Тѣмъ болѣе онъ можетъ быть увѣренъ въ разрѣшеніи. Красивая дѣвушка, но узка въ бедрахъ. Августа Поппеа жаловалась мнѣ, что она околдовала нашу дочь въ Палатинскихъ садахъ.

— Но я сказалъ Тигеллину, что божества не подчиняются злымъ вліяніемъ. Помнишь, божественный, какъ онъ смѣшался и какъ ты самъ крикнулъ: habet!

— Помню.

И Неронъ обратился къ Виницію:

— Ты любишь ее такъ, какъ говоритъ Петроній?

— Я люблю ее, господинъ!—отвѣтилъ Виницій.

— Тогда я повелѣваю тебѣ завтра же ѣхать въ Римъ, жениться на ней и не показываться ко мнѣ на глаза безъ вѣнчальнаго кольца.

— Благодарю тебя, господинъ, всѣмъ сердцемъ и душою.

— О, какъ пріятно дѣлать людей счастливыми!—сказалъ цезарь.— Хотѣлось бы мнѣ всю жизнь ничего другого не дѣлать.

— Окажи намъ еще одну милость, божественный,—сказалъ Петроній,—и объяви свою волю въ присутствіи Августы. Виницій н[...]огда не осмѣлился бы жениться на существѣ, къ которому Авгу[...]та питаетъ нерасположеніе, но ты, господинъ, однимъ словомъ р[...]сѣешь это, когда скажешь, что ты самъ повелѣлъ такъ.

---

[2]) Троилъ—сынъ Пріама. О любви его къ Крессидѣ у древнихъ нѣтъ никакого и[...]ія, и даже женщина съ этимъ именемъ у нихъ не упоминается. Свѣдѣніе это в[...]торомъ изъ Шекспира.

— Хорошо,—сказалъ цезарь.—Тебѣ и Виницію я не могъ бы ни въ чемъ отказать.

Онъ повернулъ къ виллѣ, а патриціи пошли за нимъ, исполненные радости отъ одержанной побѣды. Виницій долженъ былъ воздерживаться, чтобъ не броситься на шею Петронію, — теперь ему казалось, что всѣ опасности и преграды устранены.

Въ атріи виллы молодой Нерва и Туллій Сенеціонъ занимали Августу разговоромъ, а Терпносъ и Діодоръ настраивали цитры. Неронъ, войдя, сѣлъ на кресло, выложенное черепахой, шепнулъ что-то стоящему рядомъ мальчику греку и остался въ ожиданіи.

Мальчикъ ушелъ и скоро вернулся съ толстымъ ящичкомъ. Неронъ открылъ его, выбралъ ожерелье изъ крупныхъ опаловъ и сказалъ:

— Вотъ камни, достойные сегодняшняго вечера.

— Въ нихъ играетъ зарница,—сказала Поппеа, убѣжденная, что ожерелье предназначается ей.

Цезарь то поднималъ, то опускалъ ожерелье, наконецъ, сказалъ:

— Виницій, это ожерелье ты подаришь отъ меня молодой лигійской царевнѣ, на которой я повелѣваю тебѣ жениться.

Взглядъ Поппеи, полный гнѣва и недоумѣнія, началъ переходить съ цезаря на Виниція, наконецъ, остановился на Петроніи, но тотъ, небрежно перегнувшись черезъ поручень кресла, водилъ рукою по грифу арфы, какъ будто хотѣлъ получше запомнить его форму.

Виницій выразилъ свою признательность за подарокъ, приблизился къ Петронію и сказалъ:

— Чѣмъ я могу отблагодарить тебя за то, что ты сдѣлалъ для меня сегодня?

— Принеси Эвтерпѣ [3]) пару лебедей, хвали пѣсни цезаря и смѣйся надъ предчувствіями,—отвѣтилъ Петроній.—Надѣюсь, что львиное рычаніе отнынѣ не будетъ прерывать ни твоего сна, ни сна твоей лигійской лиліи?

— Нѣтъ,—сказалъ Виницій,—теперь я совершенно спокоенъ.

— Да будетъ Фортуна благосклонна къ вамъ. Но теперь б[ud]ь внимателенъ,—цезарь снова беретъ *формингу* [4]). Задержи ды[ха]ніе, слушай и роняй слезы.

Дѣйствительно, цезарь взялъ формингу въ руки и поднялъ г[ла]-

---

[3]) Эвтерпа—муза пѣнія.

[4]) Phorminx—струнный музыкальный инструментъ греческаго происхожден

за кверху. Говоръ въ залѣ утихъ и люди сидѣли неподвижно, какъ окаменѣлые. Только Терпносъ и Діодоръ, которые должны были акомпанировать цезарю, посматривали то на его губы, то другъ на друга, въ ожиданіи первыхъ звуковъ пѣсни.

Вдругъ въ сѣняхъ поднялся шумъ и крикъ. Черезъ минуту изъ-за занавѣси показался отпущенникъ императора, Фаонъ, а вслѣдъ за нимъ консулъ Леканій.

Неронъ нахмурилъ брови.

— Прости, божественный императоръ,—задыхающимся голосомъ сказалъ Фаонъ,—въ Римѣ пожаръ! Большая часть города въ огнѣ!...

При этой вѣсти всѣ вскочили съ мѣста. Неронъ положилъ формингу и сказалъ:

— Боги!... Я увижу горящій городъ и окончу *Троика!*

Потомъ онъ обратился къ консулу:

— Если я выѣду сейчасъ, то успѣю увидать пожаръ?

— Господинъ!—отвѣтилъ блѣдный, какъ полотно, консулъ,—надъ городомъ одно море огня; дымъ душитъ жителей и люди лишаются чувствъ или теряютъ разумъ и бросаются въ огонь. Римъ гибнетъ, господинъ!

Наступила тишина, которую прервалъ крикъ Виниція:

— Vae misero mihi!...[5])

И молодой человѣкъ, сбросивъ тогу, въ одной туникѣ выбѣжалъ изъ дворца.

А Неронъ воздѣлъ руки къ небу и воскликнулъ:

— Горе тебѣ, священный градъ Пріама!...

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Горе мнѣ несчастному!"

*
* *

Помедли улетать, мечтательница-грёза,
Продли блаженство чаръ, въ моей душѣ побудь...
Въ конецъ измучила томительная проза,
А ты даруешь свѣтъ, вливая счастье въ грудь.

Въ тебѣ еще жива поэзія святая,
Но въ мигъ, какъ снова ты умчишься въ свой чертогъ,
Какъ мрачныхъ демоновъ назойливая стая,
Мнѣ сердце возмутитъ зловѣщій рой тревогъ.

Сомнѣніе вползетъ змѣею ядоносной,
По жиламъ пробѣжитъ его проклятый ядъ,
А жизнь покажется столь жалкой и несносной,
Что предпочелъ бы ей,—не жить бы только,—адъ.

Л. Медвѣдевъ.

Русская былина, ея слагатели и исполнители *).

Не имѣя въ виду исчерпать наблюденій надъ былинными зачинами, я укажу только на значеніе, которое они имѣютъ для критики былинъ и, быть можетъ, для ихъ хронологіи и исторіи сложенія. Извѣстный зачинъ могъ принадлежать вначалѣ одной былинѣ или группѣ былинъ объ одномъ богатырѣ. Затѣмъ, какъ мы видѣли, тотъ же зачинъ могъ быть усвоенъ другимъ былинамъ, какъ удобный исходный пунктъ для слагателя, имѣвшаго въ виду обдѣлать въ видѣ былины какой-нибудь новый сюжетъ. Вѣдь, въ настоящее время уже указано не мало чисто-сказочныхъ сюжетовъ, прикрѣпившихся къ имени того или другого богатыря. Если мы вспомнимъ при этомъ, что съ извѣстнымъ зачиномъ былъ связанъ извѣстный *напѣвъ* и что напѣвъ запоминается скорѣе словъ и помнится тверже, то поймёмъ, какое значеніе получаютъ зачины при сложеніи «новыхъ погудокъ на старый ладъ».

Говоря о *зачинахъ*, нельзя не упомянуть и о томъ, что во множествѣ записанныхъ и изданныхъ былинъ мы не находимъ перечисленныхъ зачиновъ или имъ подобныхъ. По моимъ наблюденіямъ, такія былины либо вообще плохи, т.-е. записаны отъ плохихъ сказителей, либо представляютъ отдѣльное похожденіе какого-нибудь богатыря [1]), извѣстнаго нѣсколькими подвигами, такъ что составляютъ какъ бы часть, отторгнутую отъ цѣлаго.

Помимо нѣсколькихъ стереотипныхъ зачиновъ, слагатель новой былины имѣетъ передъ собою цѣлую массу старыхъ эпическихъ матеріаловъ, годныхъ для новой постройки. Я говорю о давно установившихся описаніяхъ, представляющихъ рядъ передвижныхъ картинокъ, которыя могутъ быть расходуемы по мѣрѣ надобности при каждомъ подходящемъ случаѣ. Поясню это [illegible]мѣрами.

[illegible]ли богатырь, по требованіямъ сюжета, выѣзжаетъ изъ родительскаго дом[illegible]о обязательно проситъ благословенія у родителей, чаще у матушки, въ [illegible]ихъ словахъ:

---

*) Русская Мысль, кн. IX.

[1]) См., наприм., былины о трехъ поѣздкахъ Ильи Муромца: *Гильф.*, №№ 221, 266, [illegible]

„Ты родитель, моя матушка,
Дай прощеньице съ благословеньицемъ
Ѣхать мнѣ къ“ (такому-то городу).

Затѣмъ:

„Онъ добра коня засѣдлываетъ,
На коня накладаетъ пóтничекъ,
Пóтничекъ то онъ кладетъ шелковенькій,
А на потничекъ—подпотничекъ,
На (под)потничекъ сѣделышко черкасское,
Черкасское сѣделышко недержано,
Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Тринадцатый для-ради крѣпости,
Чтобы въ чистомъ полѣ конь съ подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца въ полѣ не выронилъ;
А стремяночки подкладывалъ булатныя,
Пряжечки-то красна золота,—
Да не для красы угожества,
Ради крѣпости все богатырскоей:
Шелковы подпруги тянутся—нé рвутся,
Да булатъ желѣзо гнется—не ломается,
Пряжечки-то красна золота,
Онѣ мокнутъ да не ржавѣютъ,
И садится (богатырь) на добра коня,
Видѣли добра молодца сядучи,
Да не видѣли удалого поѣдучи“ и т. д.

Для скачки богатыря давно усвоена такая картинка:

„Скакалъ онъ выше лѣсу стоячаго,
Чуть пониже облака ходячаго,
Съ горы на гору перескакивалъ,
Рѣки-озера перескакивалъ,
Широки раздолья (мелки рѣки) промежъ ногъ пущалъ“ и т. п.

Чтобъ изобразить ловкость и удаль мóлодца на конѣ въ чистомъ полѣ, можно взять слѣдующую обычную картинку:

„А кидаетъ онъ палицу булатную,
Подъ облако, подъ ходячее,
Одной рукой палицу подхватываетъ,
Какъ перомъ лебединымъ поигриваетъ“.

Если богатырю приходится стрѣлять, то:

„Вынималъ онъ изъ налучна тýгой лукъ,
Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
Кáлену стрѣлу во правую,
Накладываетъ стрѣлочку каленую,
На тетивочку шелковую,
Натянулъ онъ тугой лукъ зà ухо,
Калену стрѣлу семи четвертей:
Заскрипѣли полосы булатныя,
И завыли рога у туга лука,
Спѣла тетивочка шелковая,
Полетѣла стрѣлочка каленая“, и т. д.

Если богатырь пріѣзжаетъ къ какому-нибудь лицу на широкій дворъ, тогда онъ:

„Привязываетъ добра коня
У того ли столба у точенаго,
У того кольца золоченаго,
Заходитъ въ палаты бѣлокаменны,
Крестъ кладетъ да по писаному,
Поклонъ ведетъ да по ученому,
Бьетъ челомъ да поклоняется
На всѣ четыре на стороны
(Такому-то) во особицу".

Если его видятъ впервые, то ему предлагаютъ обычные вопросы:

„Ты откудова, удалый добрый молодецъ,
Ты коей земли, коей орды,
Коего отца матери,
Какъ тебя по имени зовутъ,
Нарекаютъ по изотчинѣ?"

Если за этимъ слѣдуетъ угощенье, «ѣствушкой сахàрной и питьями медвянами», то, при поднесеніи чары въ полтора или полтретья ведра, мо̀лодецъ

„Скоро встаетъ на ножки рѣзвыя,
Беретъ чарочку да во бѣлы руки.
Поднимаетъ ее одною рукой,
Испиваетъ-то ее единымъ духомъ" и т. д.

Если на пиру идетъ похвальба, то и она выливается въ опредѣленныя формы:

„Всѣ-то на пиру напивалися,
Всѣ на честно̀мъ наѣдалися,
Всѣ на пиру порасхвастались,
Иной хвастаетъ городами съ пригородами,
Иной хвастаетъ золотой казной,
Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
Разумный хвалится родной матушкой,
Безумный хвастаетъ молодой женой" и т.

Если слагателю понадобится картина поспѣшности, если кого-нибудь застали врасплохъ, то это лицо обязательно

„Накидываетъ шубочку на одно плечо,
Выскакиваетъ въ тонкихъ чулочкахъ безъ чеботовъ,
Въ тонкой бѣлой рубашкѣ безъ пояса".

Если встрѣтитъ мо̀лодецъ дѣвицу или добудетъ ее, то и тутъ есть установленный пріемъ обращенія:

„Онъ беретъ ее за ручушки бѣлыя,
Беретъ за перстни за злаченые,
Цѣлуетъ во уста во сахàрныя".

Если сказителю нужно изобразить заставу богатырскую, то онъ прибавитъ, что мимо ея

„Никто пѣхотой не прохаживалъ,
На добромъ конѣ не проѣзживалъ,

Черный воронъ не пролетывалъ,
Лютый звѣрь не прорыскивалъ".

Если нужна картинка богатыхъ *даней-выходовъ*, то онъ запомнитъ обычный составъ:

„Двѣнадцать лебедей, да двѣнадцать кречетовъ,
Двѣнадцать сивыхъ соколовъ,
Двѣнадцать мисъ красна золота,
Двѣнадцать мисъ чиста серебра,
Двѣнадцать мисъ скатна жемчуга" и т. д.

Словомъ, при просмотрѣ нашего былиннаго репертуара окажется длинный рядъ такихъ шаблонныхъ описаній, такихъ общихъ мѣстъ, которыя сложились искони, застыли и передвигаются сказителями весьма свободно изъ одной былины въ другую. Нечего и говорить, насколько эти трафареты облегчали созданіе новыхъ былинъ, т.-е. обработку новыхъ сюжетовъ въ былинную форму, и содѣйствовали появленію многочисленныхъ варіантовъ одного и того же былевого сюжета.

Другой пріемъ, растягивающій былевой разсказъ, это—многочисленныя повторенія однихъ и тѣхъ же стиховъ, такъ сказать, эпическая *ретардація*. Для поясненія этого пріема приведемъ нѣсколько примѣровъ наудачу, такъ какъ ихъ можно найти въ обиліи почти въ каждой длинной былинѣ.

Въ былинѣ о Михаилѣ Потокѣ сказителя Калинина [1]) князь Владиміръ даетъ разныя порученія тремъ богатырямъ: Ильѣ Муромцу, Добрынѣ Никитичу и Потыку Михайловичу, первому—съѣздить за данью въ Каменну орду, второму—въ Золотую орду, третьему—въ землю Подольскую. Вмѣсто того, чтобы прямо заявить свое согласіе, Илья Муромецъ въ своемъ отвѣтѣ повторяетъ цѣликомъ данное ему княземъ порученіе:

„Испрого́ворит казакъ да Илья Муромецъ:
—„Ахъ ты солнышко Владиміръ стольно-кіевской!
Отправляй-ко ты меня да въ большу землю,
Во большую ту землю да въ Каменну орду,
Тамъ повыправлю да дани выходы,
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною".

Вслѣдъ за нимъ встаетъ Добрыня Никитичъ и повторяетъ то же самое, замѣнивъ слова «Каменну орду» словами «Золоту орду», а далѣе тотъ же отвѣтъ съ замѣной «Золотой орды» «землею Подольской» цѣликомъ влагается въ уста Потыка Михайловича. Послѣ этого

„Первый руськіи могучій бо́гатырь,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Ставае онъ по утрышку ранёхонько,
Умывается онъ да бѣлёхонько,
Снаряжается да хорошохонько,
Онъ сѣдлае своего добра коня,

[1]) *Гильф.*, № 6=*Рыбн.*, т. IV, № 12.

Кладываe онъ же пôтнички на пôтнички,
А на пôтнички онъ клâде войлочки,
А на войлочки черкальское сѣдельшко" и проч.,

т.-е. повторяется безъ сокращенія «общее мѣсто»—картина сѣдланія. Затѣмъ

„Другіи руській могучіи бôгатырь,
Молодой Добрынюшка Никитиничъ,
Онъ ставае по утрышку ранёхонько" и т. д.

Наконецъ, то же самое и въ тѣхъ же выраженіяхъ разсказывается о третьемъ «русскомъ могучемъ богатырѣ», Михайлѣ Пôтыкѣ сынѣ Ивановичѣ. Такимъ образомъ, осложняясь повтореніями, ходъ былины тянется крайне медленно, не особенно богатая содержаніемъ былина достигаетъ огромныхъ размѣровъ—почти тысячи стиховъ.

Думаю, что вообще въ *развитыхъ* (а не скомканныхъ) былинахъ доля *повтореній* составляетъ не меньше трети. Если при этомъ принять во вниманіе обычныя общія мѣста, то, съ одной стороны, становится понятнымъ, почему былина съ очень небогатымъ содержаніемъ можетъ достигнуть нѣсколькихъ сотенъ стиховъ, съ другой — почему одинъ и тотъ же сюжетъ получаетъ такую различную разработку, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи объема, въ устахъ различныхъ слагателей-сказителей. Выражаюсь такъ потому, что сказитель, какъ мы видѣли, является каждый разъ до нѣкоторой степени слагателемъ былины, такъ какъ онъ не можетъ повторить ее снова безъ нѣкоторыхъ измѣненій—перестановокъ, пополненій или опущеній.

Изъ вышесказаннаго видно, что въ нашихъ былинахъ выдѣленіе *готоваго* эпическаго матеріала, которымъ пользовались слагатели, не представляетъ труда. Обращаю при этомъ случаѣ вниманіе на тотъ интересъ, который съ этой стороны представляютъ наши былины для изученія технической стороны сложныхъ эпопей, вродѣ Иліады и Одиссеи, въ основѣ которыхъ также нѣкогда были отдѣльныя пѣсни, обнимавшія цѣлый эпическій циклъ и слагавшіяся рапсодами. Извѣстно, что на изученіи составныхъ частей греческихъ эпопей изощряется критика западно-европейскихъ филологовъ школы Лахмана и Кирхгофа. Одинъ изъ изслѣдователей Гомера, Роте (Rothe), не такъ давно (въ 1890 году) издалъ остроумное изслѣдованіе «о значеніи повтореній для гомерическаго вопроса» [1]), въ которомъ онъ пришелъ къ тому выводу, что повтореніе однѣхъ и тѣхъ же или сходныхъ чертъ въ изображеніяхъ у Гомера, точно также какъ совпаденіе въ стихахъ, вовсе не объясняется тѣмъ, что слагатель въ одномъ мѣстѣ подражалъ другому, но тѣмъ, ... слагатели имѣли въ своемъ распоряженіи наслѣдованныя изстари типи... ія стихотворныя мѣста. Такой фондъ поэтическихъ формулъ, выкован... ь долгимъ употребленіемъ, существовалъ уже у слагателей (пѣвцовъ) са... ъ древнихъ, достижимыхъ нашему анализу, пѣсенъ, и они усвояли его ...тью при тщательномъ изученіи наизусть. Только путемъ традиціи, свя-

---

[1]) „Die Bedeutung der Wiederholungen für die Homerische Frage", въ Лейпцигѣ, (... поводу 200-лѣтія французской гимназіи въ Берлинѣ).

то оберегаемой въ поэтической школѣ въ теченіе многихъ столѣтій, могъ быть выработанъ тотъ выдержанный однообразный эпическій тонъ, который проникаетъ греческій эпосъ и придаетъ мыслямъ и разсказамъ многочисленныхъ поэтовъ-слагателей характеръ однородный, такъ что эпопея могла представляться произведеніемъ одного поэта [1]). Такимъ образомъ, тѣ выводы, до которыхъ путемъ продолжительнаго изученія и самаго тщательнаго анализа доходитъ нѣмецкая гемерическая критика,— эти выводы, повторяю, подтверждаются сравнительно легко наблюденіями надъ современнымъ намъ состояніемъ русской былевой традиціи.

Кромѣ отдѣльныхъ эпическихъ картинокъ или поэтическихъ формулъ, бывшихъ въ распоряженіи нашихъ слагателей, они располагали и запасомъ *красокъ*, которыми окрашивали отдѣльные предметы, входившіе въ описаніе и разсказъ. Я разумѣю готовый фондъ постоянныхъ, искони утвердившихся эпитетовъ. Собственно говоря, постоянные эпитеты составляютъ принадлежность вообще языка народныхъ произведеній и не относятся спеціально къ языку былинъ. Но я все же считаю не лишнимъ остановиться на нихъ, во-первыхъ, потому, что нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ только былевой поэзіи, такъ какъ прикрѣплены къ лицамъ и предметамъ, спеціально входящимъ въ ея оборотъ (наприм., къ именамъ богатырей, народовъ, странъ, городовъ и т. д.); во-вторыхъ, потому, что въ ихъ употребленіи иногда можно подмѣтить тѣ же черты, что въ эпитетахъ греческаго (или германскаго) эпоса, причемъ эти черты въ былинныхъ эпитетахъ могутъ служить хорошимъ комментаріемъ къ гомерическимъ.

Поясню это примѣрами. При чтеніи Гомера мы часто наблюдаемъ, какъ удачно поэтъ выбралъ тотъ или другой эпитетъ изъ фонда, находившагося въ его распоряженіи, для характеристики того или другого лица или предмета. Но нерѣдко украшающій эпитетъ (epitheton ornans) повторяется, какъ бы безсознательно, тамъ, гдѣ онъ кажется намъ совершенно неумѣстнымъ [2]). Неумѣстнымъ, наприм., представляется эпитетъ корабля «быстрый», когда корабль спокойно стоитъ въ гавани, или эпитетъ неба «звѣздное», въ то время, когда свѣтитъ солнце; если преступникъ Евримахъ называется «богоравнымъ», свинопасъ—«властителемъ людей», если при ругательствахъ лицо, на котораго сыплются ругательства, называется тутъ же *божественнымъ* или *Зевсомъ хранимымъ*. Очевидно, что эпитетъ уже потерялъ свою первоначальную свѣжесть, образность и ходитъ въ школѣ пѣвцовъ, какъ ходячая монета, иногда расходуемая кстати, иногда зря, машинально. То же самое явленіе, но въ гораздо большей степени наблюдается и въ нашихъ былинахъ, по которымъ не прошлась рука поэта-художника. По[illegible] въ каждой былинѣ мы найдемъ примѣры такого безсознательнаго употр[illegible] ленія эпитетовъ, причемъ иногда получаются, на нашъ взглядъ, удивите[illegible]

---

[1]) См. статью *Caeur'a*: „Eine Schwäche der homerischen Denk art" въ *Rhei[illegible] ches Museum f. Philologie*. 47 Band., 1 Heft., 1892, стр. 107.

[2]) См. примѣры у *Karl Franke*: „De nominum prorpriorum epithetis Homeri (Greifswald, 1887).

ныя наивности и курьёзы. Намъ извѣстно, что князь Владиміръ постоянно называется «ласковымъ», и дѣйствительно, иногда своею щедростью и привѣтливостью онъ оправдываетъ этотъ эпитетъ, прикрѣпившійся къ нему, очевидно, очень давно. Однако, въ нѣкоторыхъ былинахъ Владиміръ поступаетъ очень неласково. Въ былинѣ о Калинѣ разсказывается, что за то, что Илья пришелъ незванымъ на пиръ, Владиміръ приказалъ посадить его въ глубокій погребъ и «поморить смертью голодною». Но этотъ поступокъ съ любимымъ народнымъ богатыремъ нисколько не мѣшаетъ сказителю тутъ же называть Владиміра «ласковымъ». Дружина Калина называется «хороброю», хотя со всею ею справился одинъ Илья Муромецъ и разогналъ этихъ храбрецовъ во всѣ стороны; татаринъ Калинъ царь, отправляя своего посла въ Кіевъ, говоритъ ему, нисколько не иронизируя, что было бы неумѣстно:

„Ай же ты поганыи татарищо!
Знаешь говорить да ты по русскому,
А мычать про себя да по татарскому,
Снеси-ко ты писёмышко ко князю ко Владиміру [1])!“

Впрочемъ, и посолъ не остается въ долгу и съ тою же эпическою наивностью, передавая порученіе своего повелителя, преспокойно называетъ его «собака-Калинъ царь».

„Очищай-ко ты (Владиміръ) всѣ улички стрѣлецкія,
Всѣ великіе дворы да княженецкія,
По всему-то городу по Кіеву,
А по всѣмъ-то переулкамъ княженецкіимъ
Наставь сладкіихъ хмѣльныхъ напиточекъ,
Чтобъ стояли бочка о бочку близко-по-близку,
Чтобы было у чего стоять *собакѣ царю Калину*
Со своими-то войскамы со великима
Во твоемъ во городѣ во Кіевѣ“ [2]).

Отмѣчу еще любопытное употребленіе эпитетовъ, обозначающихъ возрастъ богатырей: такъ, Илья Муромецъ постоянно называется *старымъ* казакомъ, Добрыня Никитичъ *молодымъ*, такъ же, какъ Алеша Поповичъ, князь Владиміръ и друг. Установленный такимъ образомъ эпическій возрастъ остается неизмѣннымъ, и въ большинствѣ былинъ, разсказывающихъ отдѣльные подвиги того или другого богатыря, ихъ обычные эпитеты кажутся намъ естественными. Но есть былины, въ которыхъ, по ходу разсказа, богатыри, казалось бы, должны старѣть, а, между тѣмъ, они сох[illegible]лютъ одинъ и тотъ же возрастъ. Такъ, Добрыня, прослуживъ лѣтъ д[illegible]адцать при князѣ Владимірѣ въ разныхъ должностяхъ, продолжаетъ н[illegible]ваться послѣ этого *молодымъ*, и онъ же оказывается молодымъ и даж[illegible]называется матерью «дитё мое милое», когда послѣ двѣнадцатилѣтняго о[illegible]твія возвращается въ Кіевъ и узнаетъ, что его «молода» жена (такъ

[illegible]*ильф.*, № 57.
[illegible]*ф.*, № 75.

же сохранившая свой прежній возрастъ), выходить за «молода» Алешу Поповича, который также уже назывался молодымъ раньше отъѣзда Добрыни. Особенно ярка такая несообразность въ нѣкоторыхъ сводныхъ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ, въ которыхъ представляется его исцѣленіе каликами и первый выѣздъ изъ дому. Здѣсь оказывается, что Илья уже *старый* казакъ, какъ только выѣхалъ за ворота родительскаго дома. Впрочемъ, нужно замѣтить, что *нестарѣніе* богатырскихъ лицъ рѣже бросается намъ въ глаза, чѣмъ въ сложныхъ эпопеяхъ, наприм., Нибелунгахъ и Одиссеѣ. Въ нихъ, несмотря на нерѣдкія указанія большихъ промежутковъ времени, возрастъ героевъ и героинь также остается неизмѣннымъ. Пенелопа и черезъ 20 лѣтъ послѣ рожденія Телемаха продолжаетъ сіять красотою молодости, Гизельхеръ черезъ 36 лѣтъ послѣ начала своей героической карьеры продолжаетъ называться мальчикомъ.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать механическое употребленіе постоянныхъ эпитетовъ, встрѣчающееся какъ въ нашемъ, такъ и въ другихъ эпосахъ. Но для характеристики роли эпическихъ формулъ, на которую я уже указалъ выше, слѣдуетъ еще обратить вниманіе на то, что не одни эпитеты, но и цѣлыя традиціонныя картинки (loci communes) не всегда употребляются сказителями умѣстно. Мы видѣли, что отъѣзжающій богатырь проситъ въ обычной формулѣ благословенія у родителей. Эта картинка вполнѣ умѣстна, наприм., тамъ, гдѣ Добрыня, выѣзжая на змѣеборство, проситъ благословенія у своей матери «матерой» вдовы, или гдѣ Илья Муромецъ беретъ у батюшки, у матушки «прощеньице-благословеньице» ѣхать въ стольный Кіевъ-градъ. Но уже страннымъ и неумѣстнымъ является то же эпическое христіанское благословеніе родительское, наприм., когда его проситъ у своего отца язычника Вахрамѣя Вахрамѣевича волшебная дѣвица Марья лебедь бѣлая:

„Летать-то мнѣ по тихімъ заводямъ,
А по тымъ по зеленымъ по зätресьямъ
Бѣлой лебедью три года...“

На ряду съ безсознательнымъ употребленіемъ эпическихъ формулъ можно поставить и такіе случаи въ нашихъ былинахъ, когда сказитель въ разсказѣ о какомъ-нибудь дѣйствіи эпическаго лица некстати припоминаетъ аналогическое дѣйствіе другого лица въ другомъ былинномъ сюжетѣ и переноситъ въ свой разсказъ детали, неумѣстныя изъ другого сюжета. Такъ, наприм., въ былинахъ о змѣеборствѣ Добрыни нерѣдко встрѣчается такой эпизодъ: Добрыня купается въ Пучай-рѣкѣ и какія-то стоящія на берегу дѣвицы-портомойницы предостерегаютъ его, чтобъ онъ не купался н[illegible]ъ тѣломъ; Добрыня, однако, не слушаетъ ихъ предостереженія и ника[illegible]ъ дурныхъ послѣдствій для него отсюда не вытекаетъ. Очевидно, что [illegible]ицы-портомойницы не входили прежде въ планъ былины и забралис[illegible]ъ нее изъ былинъ о Васильѣ Буслаевѣ только благодаря эпической ана[illegible]и. Василій Буслаевъ, этотъ удалецъ, не вѣрующій ни въ сонъ, ни въ ч[illegible] а только въ «червленый вязъ», купается въ Іордань-рѣкѣ «нагим[illegible]ѣ-

ломъ». Дѣвицы-портомойницы предостерегаютъ его, говоря, что онъ долженъ купаться въ сорочкѣ, ради святости рѣки, и что «нагимъ тѣломъ» въ ней купался только самъ Іисусъ Христосъ. Васька не слушаетъ увѣщанія портомойницъ, отпускаетъ имъ крупную ругань, и за такое святотатство, также какъ за другія проявленія своего упрямства, платится жизнью. Очевидно, при купаньѣ Добрыни въ Пучаѣ нѣкоторые сказители припомнили купанье Василья Буслаева въ Іордани и изъ этого сюжета некстати перенесли въ былину о Добрынѣ *портомойницъ*, которыхъ присутствіе и рѣчи не получаютъ, однакожь, на новомъ мѣстѣ никакого значенія. То, что случалось съ нашими сказителями, повидимому, случалось и съ греческими рапсодами, на что можно найти указанія въ статьѣ Кауера [1]), хотя нужно думать, что редакторская рука кое-гдѣ сгладила подобныя шероховатости. Такъ, въ 3-й пѣснѣ Одиссеи (ст. 72—74) Несторъ ставитъ пріѣхавшимъ къ нему въ гости царевичу Телемаху и Ментору нѣсколько странный вопросъ, не морскіе ли они разбойники. Ѳукидидъ (I, 5) выводитъ отсюда, что въ древнія времена греки смотрѣли на пиратство, какъ на ремесло нисколько не постыдное. Древній критикъ Аристархъ, однако, возражалъ на это, указывая, что вопросъ Нестора, обращенный къ мирнымъ гостямъ, совершенно неумѣстенъ. «Объясняется ли этотъ вопросъ Нестора тѣмъ,—спрашиваетъ Кауеръ,—что поэтъ въ данномъ случаѣ не выдержалъ характера почтеннаго царя Нестора и приписалъ ему безтактность? Это возможно». Но для Кауера болѣе вѣроятнымъ представляется слѣдующее объясненіе, къ которому присоединяюсь и я: «Если мы вспомнимъ,—говоритъ онъ,—что тѣ же самыя слова мы находимъ въ X пѣснѣ Одиссеи (ст. 253 и слѣд.) въ устахъ Циклопа, къ грубому міросозерцанію котораго они вполнѣ подходятъ, то мы отдадимъ предпочтеніе предположенію, что эти слова были впервые созданы въ пѣснѣ о Циклопѣ, гдѣ они умѣстны, и затѣмъ какимъ-нибудь позднѣйшимъ поэтомъ были неудачно введены въ 3-ю пѣсню и вложены въ уста Нестора».

Въ нашихъ былинахъ подобныя несообразности въ перенесеніи деталей обстановки гораздо чаще и ярче. Подъѣзжая къ широкому двору княженецкому, богатыри привязываютъ коней къ *точеному* столбу. Но нерѣдко богатыри ночуютъ среди чистаго поля, и здѣсь также оказывается «точеный» столбъ, какъ будто богатырь возитъ его съ собой [2]). Точно также, когда богатырю Ильѣ Муромцу, скрученному татарами въ ихъ лагерѣ чембурами или путинами шелковыми, нужно помолиться передъ его извѣстнымъ подвигомъ (маханіемъ татариномъ), то у татаръ даже оказы-...тся *церковь соборная* [3]), которую они, нужно думать, привезли съ собой.

...Ізъ предшествующаго разсмотрѣнія технической стороны нашихъ бы-...ъ позволяю себѣ сдѣлать выводъ, что участіе въ ихъ исполненіи про

---

[1]) *Cauer*: „Eine Schwäche der Homerischen Denkart“, помѣщ. въ журналѣ ...*isches Museum*. Band 47, Heft 1, p. 110.

[2]) *...ильфердингъ*, № 57 (столб. 308).

[3]) *...ильфердингъ*, столб. 309.

фессіональныхъ пѣвцовъ, составлявшихъ корпорацію, какъ старинные скоморохи или нынѣшніе калики-слѣпцы, представляется несомнѣннымъ. Только путемъ передачи былинной техники изъ поколѣнія въ поколѣніе, учителемъ ученику, объясняются разсмотрѣнныя нами черты былины: ея запѣвы, исходы, поэтическія формулы или loci communes, постоянные эпитеты и вообще весь ея складъ. Думать, что всѣ эти формы установились путемъ той, болѣе или менѣе случайной, традиціи, которую мы застаемъ еще въ настоящее время среди крестьянъ Олонецкой губерніи, нѣтъ возможности. Крестьяне были только послѣдними хранителями (нерѣдко и исказителями) былиннаго репертуара. Но онъ сложился въ другой средѣ, и традиціонныя формы былины, вся ея техника, нѣкогда, и, притомъ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, вырабатывалась въ средѣ профессіональныхъ пѣвцовъ и сберегалась, посредствомъ обученія, гораздо тщательнѣе, чѣмъ въ нынѣшней средѣ олонецкихъ пѣтарей, сказителей и каликъ.

Выше я привелъ данныя изъ былинъ, указывающія на то, что онѣ входили прежде въ репертуаръ профессіональныхъ пѣвцовъ, отъ которыхъ затѣмъ перешли къ олонецкимъ крестьянамъ. Я предположилъ, что такими профессіональными пѣвцами были, главнымъ образомъ, древне-русскіе скоморохи. Для подтвержденія этой мысли считаю необходимымъ представить извѣстныя въ нашей литературѣ свѣдѣнія объ этихъ «веселыхъ людяхъ», какъ называютъ ихъ наши пѣсни и былины [1]).

Скомороховъ давно приводятъ въ связь съ представителями народнаго веселья въ греко-римскомъ мірѣ, мимами, проявлявшими свое разнообразное искусство при народныхъ празднествахъ. Институтъ мимовъ является наслѣдіемъ древней культуры, уцѣлѣвшимъ отъ погрома народныхъ передвиженій начала среднихъ вѣковъ. *Мимы* и *гистріоны* встрѣчаются уже при дворѣ первыхъ германскихъ властителей [2]) и получили уже рано чисто-нѣмецкое названіе *шпильмановъ*. Какъ въ византійскомъ, такъ и въ германскомъ мірѣ церковь явилась открытымъ врагомъ шпильмана, причисливъ его званіе и занятія къ крайне грѣховнымъ. Государство ограничивало до крайности ихъ юридическія права, церковь лишала ихъ причастія, громила ихъ проповѣдью и постановленіями соборовъ. Но, тѣмъ не менѣе, эти бродячіе пѣвцы, фокусники и плясуны были любимы народомъ, являлись на его игрища, свадьбы, пиры, похороны и, какъ носители культурнаго преданія, близкаго по уровню къ духовному кругозору народа, распространяли въ немъ новыя пѣсни и сказки, заговорныя формулы, поражали его воображеніе любопытными фокусами, забавляли его пляской, маріонетками, медвѣдя› собаками и пр. До насъ дошелъ рядъ средневѣковыхъ памятниковъ, ?

---

[1]) О скоморохахъ см. изслѣдованія акад. А. Н. Веселовскаго (*Разысканія области русскаго духовнаго стиха*, № VII, стр. 149 и слѣд.); А. С. Фаминцына (*Скоморохи на Руси*. Спб., 1889 г.); также И. Бѣляева (*О скоморохахъ*, во *Времен. И. М. Общ. Исторіи и Древностей* 1854 г., стр. 79).

[2]) *А. Н. Веселовскій*, назван. соч., стр. 149.

комящихъ насъ съ разнообразною литературною и художественною программой шпильмана или жонглёра. Они умѣли играть на разнообразныхъ музыкальныхъ инструментахъ, пѣть всякія пѣсни, разыгрывать сцены, надѣвая *личины,* ходили по канату, прыгали черезъ кольца, играли мячомъ и пр. Впослѣдствіи литературная сторона ихъ дѣятельности начинаетъ сильнѣе проявляться. Въ репертуаръ нѣмецкихъ шпильмановъ входятъ эпическія и историческія пѣсни, новеллы, басни, загадки, пословицы [1]. Французскіе жонглёры также соединяли неизмѣнное искусство фигляра съ литературными вкусами. Они поютъ chansons de geste, но знаютъ и пришлыя сказанія, библейскія и классическія, сказки, соблазнительныя фабліо и пр. Вообще въ ихъ профессіи въ XII—XIII в. замѣчается дифференціація. Въ то время, какъ одна часть жонглёровъ спускается до роли площаднаго шута, возбуждающаго смѣхъ циническими выходками, и шарлатана-знахаря, другіе идутъ въ литературу и не только поютъ сложенныя другими пѣсни, но и сами слагаютъ ихъ и перерабатываютъ старыя.

Бродячіе потѣшники съ такимъ же разнообразнымъ репертуаромъ уже рано являются въ славяно-русскомъ мірѣ подъ разными именами. Нѣмецкое слово шпильманъ зашло къ славянамъ, по мнѣнію Востокова, еще въ X—XI вв. съ приходившими отъ нѣмцевъ представителями этой профессіи. Но еще большее распространеніе получило названіе *скомрахъ,* русское *скоморохъ,* зашедшее къ славянамъ, повидимому, изъ Византіи. Этимологія этого имени, впрочемъ, не можетъ считаться вполнѣ разъясненной. Нѣкоторые (Веселовскій) возводятъ его къ арабскому слову masxara — шутка, шутъ, гистріонъ. На Западѣ арабское слово перешло въ значеніе буффона, потѣшника, но приняло и новое—ряженаго, маски; названіе скомрахъ объясняютъ, хотя не вполнѣ точно, перестановкой изъ маскарасъ [2], чрезъ переходную форму *скамарасъ.* Въ виду фонетическихъ недочетовъ этого производства, недавно проф. Кирпичниковъ [3] предложилъ другое, впрочемъ, также далеко не убѣдительное, изъ предполагаемаго имъ греческаго слова, неизвѣстнаго въ памятникахъ.

Каково бы ни было происхожденіе названія скомороховъ, на Руси они были, несомнѣнно, людьми захожими, какъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, ихъ нерусскій костюмъ. Суздальскій лѣтописецъ говоритъ объ ихъ латинскомъ костюмѣ и кротополіи. Зашедши на Русь вмѣстѣ съ другими атрибутами культуры Византіи, скоморохи скоро акклиматизировались въ народѣ и начали уже рано вербовать въ свои труппы охочихъ людей изъ русскихъ, такъ что хотя среди нихъ традиціонно сохранялись типическіе кос[...]ы и пріемы ихъ искусства, однако, содержаніе въ этихъ прежнихъ фо[...]хъ близко примыкало уже къ русскому народному обычаю. Какъ назва[...] пришлое, слово скоморохъ должно было имѣть опредѣленное техни-

---

[...]амъ же, стр. 174.
[...]*еселовскій,* стр. 182.
[...]*просу о древне-русскихъ скоморохахъ.* 1891 г.

ческое значеніе, обозначать нѣчто такое, чего дохристіанская Русь не знала; пѣвцы и музыканты, безъ сомнѣнія, были у насъ,—стало быть, скоморохи первоначально ни то, ни другое,—но у насъ не было такихъ фигляровъ, какихъ зналъ Константинополь, и не было представителей театральнаго искусства [1]. Вѣроятно, первоначально скоморохи были тѣми и другими. Самое раннее на Руси изображеніе скомороховъ, вѣроятно, византійскихъ, находится на извѣстныхъ фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора, объясненіемъ которыхъ въ послѣднее время занимались проф. Кондаковъ и его ученики гг. Рѣдинъ и Айналовъ [2]. Здѣсь мы находимъ фигуры ряженыхъ музыкантовъ, паяцовъ, акробатовъ и фигляровъ; всѣ актеры изображены въ одеждахъ скомороховъ,—либо въ короткихъ туникахъ съ разрѣзными полами, либо (арфисты) въ длинныхъ, перетянутыхъ поясомъ, кафтанахъ, которые еще въ XIV—XV ст. извѣстны, какъ обычный костюмъ захожихъ скомороховъ-шпильмановъ, паяцовъ на Руси, наприм., въ Новгородѣ, на что указываетъ изображеніе послѣднихъ въ миніатюрахъ новгородскихъ рукописей [3]. Отношеніе церкви къ скоморохамъ было на Руси то же, что въ Византіи и на Западѣ. Наши проповѣдники пользовались въ своихъ выходкахъ противъ «богомерзкихъ, бѣсовскихъ» пѣсенъ и увеселеній, противъ скоморошескихъ переодѣваній и игръ стариннымъ византійскимъ оружіемъ, повторяли выраженія византійскихъ проповѣдниковъ, переиначивая ихъ въ частностяхъ согласно съ условіями русской жизни. Въ этихъ проповѣдяхъ, начиная съ XI в., появляются свидѣтельства о пристрастіи народа къ скоморохамъ. Такъ, въ поученіи, приписываемомъ преподобному Ѳеодосію, *О казняхъ Божіихъ,* мы читаемъ: «Друзіи зачиханью вѣрують, юже бываеть многажды на здравіе главѣ; но сими діаволъ льстить и другими нравы, и всяческими лестми превабляемы отъ Бога, влъхованіемъ, чародѣяніемъ, блудомъ, запойствомъ, рѣзоиманіемъ, приклады, татбою и лжею, завистію, клеветою, зубами, *скоморохи,* гусльми, сапѣлми и всякими играми и дѣлесы неподобными» [4]. Въ изданномъ академикомъ Срезневскимъ поученіи зарубскаго черноризца Георгія (по рукоп. XIII в.), обращенномъ къ какому-то юному духовному чаду, принадлежавшему къ знатному роду, встрѣчается, между другими наставленіями, слѣдующее: «Смѣха бѣгаи лихаго *скомороха»* [5]. Гораздо обильнѣе становятся извѣстія о скоморохахъ въ московскій періодъ: видно, что скоморохи принимали значительное участіе въ народныхъ забавахъ, являлись необходимымъ аттрибутомъ свадебнаго веселья. Въ опредѣленіяхъ *Стоглава* (1551 г.) читаемъ

---

1) *Кирпичниковъ*, стр. 15.

2) *Н. П. Кондаковъ:* „О фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора“. З... *И. Р. Археол. Общ.* 1888 г., т. III. *Д. Айналовъ и Е. Рѣдинъ:* „Кіево-Софійс... собор“. Спб., 1889 г. См. *Кирпичниковъ,* стр. 12.

3) *Кирпичниковъ*, назван. соч., стр. 13.

4) *Ученыя Записки 2-го отд. Акад. Н.*, кн. II, вып. II. Спб., 1856 г., стр. . 95.

5) *Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ.* ... II, 1867 г.

такое запрещеніе: «Къ вѣнчанію ко святымъ церквамъ *скомрахомъ* и глумцомъ предъ свадьбою не ходити» (гл. 41, воп. 16). Въ статьѣ о многихъ неисправленіяхъ, «неугодныхъ Богу и не полезныхъ душѣ», приписываемой Кассіану, владыкѣ рязанскому, жившему въ срединѣ XVI в., говорится, между прочимъ: «Свадьбы творятъ и на браки призываютъ ереевъ со кресты и скоморохов з дудами» [1]). Оффиціально изгоняя скомороховъ изъ мірскихъ свадебъ, самъ Иванъ IV любилъ, какъ извѣстно, тѣшиться скоморохами и дѣлалъ ихъ участниками своихъ безпутствъ. О его пированіи со скоморохами имѣемъ свидѣтельство Курбскаго: «Упившись, началъ (царь Иванъ) со скоморохами въ машкарахъ (личинахъ) плясать и сущіе пирующіе съ нимъ» [2]). Но наиболѣе интересное для насъ извѣстіе о скоморохахъ, потѣшавшихъ царя, сохранилось во 2-й новгородской лѣтописи подъ 1571 годомъ: «В тѣ поры въ Новѣгородѣ и по всѣмъ городамъ и по волостемъ на государя брали веселыхъ людей...», а вслѣдъ затѣмъ говорится, что «поѣхалъ изъ Новгорода на подводахъ къ Москвѣ Субота (дьякъ) и съ скоморохами» [3]). Вѣроятно, привозъ скомороховъ въ Москву изъ Новгорода и его пригородовъ стоитъ въ связи съ извѣстностью новгородскихъ скомороховъ. Богатая городская жизнь, сношенія съ Западною Европой, широкое развитіе торговли,—все это представляло въ Новгородѣ условія, благопріятствующія развитію класса профессіональныхъ искусниковъ,—музыкантовъ, фигляровъ, плясуновъ,—для развлеченія богатыхъ горожанъ. Еще обильнѣе являются извѣстія о скоморохахъ въ XVII вѣкѣ. Олеарію, въ его бытность въ Россіи, пришлось видѣть и слышать скомороховъ въ Ладогѣ, въ предѣлахъ прежнихъ новгородскихъ владѣній. «Въ Ладогѣ,— пишетъ онъ,— услышали мы русскую музыку: когда мы сидѣли за обѣдомъ, пришли двое русскихъ съ лютней и гудкомъ (скрипкой) на поклонъ къ гг. посламъ, начали играть и пѣть о великомъ государѣ и царѣ Михаилѣ Өедоровичѣ» [4]). Послѣ серьезнаго пѣнія началась пляска и другія потѣхи. Замѣтка Олеарія относится къ 1633 году. Къ сожалѣнію, онъ не приводитъ содержанія пѣсни скомороховъ о царѣ Михаилѣ, но все же мы можемъ сдѣлать тотъ выводъ, что ладожскіе скоморохи внесли въ свой репертуаръ пѣсню недавно, лишь за нѣсколько лѣтъ, сложенную, вѣроятно, въ Москвѣ, пѣсню патріотическую и по тому времени модную, которою они и сочли умѣстнымъ дебютировать предъ иноземцами. Въ XVII в. упоминаются не только *бродячіе* скоморохи, но и *осѣдлые,* принадлежавшіе богатымъ и знатнымъ частнымъ лицамъ, предшественники тѣхъ крѣпостныхъ актеровъ и музыкантовъ, которые извѣстны были въ попетровское [время] вплоть до эпохи эмансипаціи крѣпостныхъ.

[Мос]...ъ, въ 1633 году подали царю челобитную, по поводу совершеннаго

---

[1]) [В]еселовскій: „Разысканія", VII, стр. 199. *Фаминцынъ,* назван. соч., стр. 20.

[2]) [Ф]аминцынъ, стр. 15.

[3]) [П]. *собр. р. л.,* т. III, стр. 167.

[4]) [С]м. *Олеарій:* „Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ [Мос][кову и] Персію". Перев. Барсова. Москва, 1870 г., стр. 26.

надъ ними насилія приказнымъ Крюковымъ *скоморохи князя* Ивана Шуйскаго и князя Дмитрія Пожарскаго [1]). Указаніе на осѣдлыхъ скомороховъ, проживавшихъ въ деревняхъ, находимъ, впрочемъ, еще въ XVI в. въ приговорѣ монастырскаго собора Троицкой лавры (1555 в.), запрещавшемъ подъ угрозой пени держать въ волости скомороховъ: «Не велѣли есмя имъ въ волости держати скомороховъ ни волхвей... и учнутъ держати, у котораго сотскаго въ его сотной выймутъ... и на томъ сотскомъ и его сотнѣ взяти пени десять рублевъ денегъ, а скомороха или волхва... бивъ да ограбивъ, да выбити изъ волости вонъ... а *прохожихъ* скомороховъ въ волость не пущать» [2]). Въ разныхъ правительственныхъ распоряженіяхъ уже съ XV в. встрѣчаются мѣры противъ усилившагося скоморошества, вызванныя не столько церковнымъ предубѣжденіемъ противъ ихъ ремесла, сколько насиліями, творимыми этими распутными бродячими людьми надъ мирнымъ населеніемъ. Скоморохи бродили ватагами въ 60—100 человѣкъ и сильно напоминали теперешнихъ цыганъ. «Да по дальнимъ странамъ,—говорится въ *Стоглавѣ*,—ходятъ скоморохи, совокупясь ватагами многими до шестидесяти и до семидесяти и до ста человѣкъ и по деревнямъ у крестьянъ сильно (=насильно) ядятъ и піютъ и съ клѣтей животы грабятъ, а по дорогамъ разбиваютъ». Порицанія духовныхъ лицъ не находили себѣ серьезной поддержки у властей до тѣхъ поръ, пока скоморохи не стали наносить уже существеннаго матеріальнаго ущерба жителямъ страны своею алчностью и нахальствомъ. Сначала свѣтскія власти ограждаютъ особыми грамотами, въ видѣ привилегій, тѣ или другія селенія и волости отъ насильственныхъ нашествій скомороховъ, далѣе принимаются правительствомъ уже общія мѣры. Однако, до царствованія Михаила Θеодоровича преслѣдованіе скомороховъ не велось настоятельно и серьезно. Да и мѣры, принятыя при немъ, едва ли ослабили скоморошество, такъ какъ грозные указы врага скомороховъ, благочестиваго царя Алексѣя Михайловича, рисуютъ намъ картину широкаго распространенія скоморошьихъ ватагъ и безчинствъ. Рядъ указовъ юнаго царя подъ угрозой пени, батоговъ, кнута, опалы и проч. преслѣдуетъ всякія безчинства въ сельскомъ и городскомъ населеніи, всякіе остатки старинныхъ языческихъ обрядовъ, бѣсовскія игры, пѣсни, кулачные бои, вожденіе медвѣдей, дрессированныхъ собакъ, всякіе виды музыки и особенно скомороховъ, которые участвуютъ на свадьбахъ и на поминкахъ. Всѣ аттрибуты скоморошества: домры, сурны, гудки, гусли, хари— велѣно истреблять и жечь. Указы царскіе разсылались по всѣмъ городамъ и волостямъ и читались горожанамъ и сельчанамъ. Заключавшіяся въ этихъ указахъ запрещенія подкрѣплялись угрозами строжайшихъ наказані[illegible] которыя и приводились въ исполненіе надъ ослушниками. Суровое, неос[illegible]бѣвавшее гоненіе на скомороховъ въ теченіе всего царствованія должн[illegible]ыло привести къ тому, что «веселые молодцы», бродячіе скоморохи пост[illegible]нно

[1]) *Фамицынъ*, стр. 152.

[2]) Тамъ же, стр. 154.

исчезають, такъ что къ петровской реформѣ упоминанія о профессіональныхъ скоморохахъ встрѣчаются все рѣже и рѣже.

Передѣлка общества на европейскій покрой, вызвавшая уже иные вкусы, иныя потребности, окончательно убила древне-русское скоморошество, и послѣдніе представители этого класса доживали свой вѣкъ уже не при княжескихъ и боярскихъ хоромахъ, а гдѣ-нибудь въ захолустьяхъ провинціи, поближе къ тѣмъ классамъ населенія, которые оставались и послѣ реформы вѣрны старинѣ и преданію. Преслѣдуемые администраціей въ городахъ, тамъ, гдѣ они были на виду, скоморохи уходили подальше въ деревни, гдѣ еще былъ спросъ на ихъ искусство, и передали немалую долю, по крайней мѣрѣ, своего музыкальнаго и литератррнаго репертуара простонародью, отъ котораго въ настоящее столѣтіе и были людьми науки записаны эти остатки въ видѣ былинъ, историческихъ и бытовыхъ пѣсенъ, прибаутокъ, загадокъ, сказокъ и т. п.

Сдѣлавъ бѣглый обзоръ судьбы скоморошества на Руси, постараюсь теперь уяснить, какое значеніе имѣли скоморохи, какъ хранители эпическихъ пѣсенъ. Мы видѣли, что искусство скомороховъ, какъ нѣмецкихъ шпильмановъ и французскихъ жонглёровъ, было весьма разнообразно. Они были и плясуны, и фигляры, и фокусники, и гадальщики, и актеры, и медвѣжатники, и музыканты, и пѣвцы,—словомъ, мастера на всѣ руки. Но для насъ они интересны только какъ пѣвцы и слагатели былинъ. Поэтому поищемъ въ самихъ былинахъ указаній на эту сторону ихъ дѣятельности.

Соотвѣтствуя дѣйствительности, былины изображаютъ, съ одной стороны, ватаги скомороховъ, упоминаемыя въ письменныхъ памятникахъ, съ другой—скомороховъ осѣдлыхъ, проживающихъ въ городѣ при княжемъ дворѣ и забавляющихъ своею игрой его гостей. Въ былинѣ о гостѣ Терентьищѣ является такая ватага бродячихъ скомороховъ: «веселые скоморохи,—скоморохи люди вѣжливые, скоморохи очестливые». Въ былинѣ о Ставрѣ Ставрова жена спрашиваетъ князя Владиміра:

„Чѣмъ ты, Владиміръ князь, въ Кіевѣ потѣшаешься?
Есть ли у тебя веселые молодцы?"

И князь заставляетъ своихъ скомороховъ забавлять посла. Лучшимъ доказательствомъ участія скомороховъ въ исполненіи и даже сложеніи былинъ можетъ служить то, что въ былинахъ нерѣдко богатыри играютъ на гусляхъ и поютъ не хуже скомороховъ, производятъ на слушателей сильное впечатлѣніе и, облекаясь въ костюмъ скомороха, являются желанными ...тями на княжескомъ пиру. Очевидно, профессіональные пѣвцы былинъ ...тарались отдать должное *своему* искусству, возвысить его въ глазахъ ...шателей. Такъ, одинъ изъ любимѣйшихъ богатырей, Добрыня, переодѣв...сь скоморохомъ, немедленно находитъ доступъ въ княжескія палаты, гдѣ ...тъ свадебный пиръ, и, занявъ мѣсто скоморошье, уже первыми звуками ...влекаетъ всеобщее вниманіе, переходящее затѣмъ въ восторгъ. Вотъ ...вѣтствующіе стихи:

„Учалъ онъ по стрункамъ похаживать,
Учалъ онъ голосомъ поваживать...
И всѣ на пиру пріутихли—сидятъ,
Сидятъ—на скоморошину посматриваютъ...
Всѣ же за столомъ да призадумались,
Всѣ же тутъ игры призаслухались...
Эдакой игры на свѣтѣ не слыхано,
На бѣлоемъ игры не видано...
Заигралъ Добрыня по уныльнёму,
По уныльнёму, по умильнёму,
Какъ всѣ-то, вѣдь, ужъ князи и бояре-ты,
А ты эты русскіе богатыри
Какъ всѣ они тутъ пріослушались...
„Ай же, мала скоморошина!—(говоритъ князь).—
За твою игру за великую,
За утѣхи твои за нѣжныя,
Безъ мѣрушки пей зелено вино,
Безъ разсчету получай золоту казну“ [1]).

Характеризуя необыкновенное искусство и разнообразіе напѣвовъ Добрыни, слагатель былины говоритъ:

„Какъ началъ онъ гуселокъ налаживати,
Струну натягивалъ будто отъ Кіева,
Другу отъ Царяграда,
А третью съ Еросалима,
Тонцы онъ повелъ-то великіе,
Припѣвки-то онъ припѣвалъ изъ-за синя моря“ [2]).

Или:

„Тонцы повелъ отъ Новагорода,
Другіе повелъ отъ Царяграда...
Третій разъ сталъ наигрывати,
Все свое похожденіе разсказывати“ [3]).

Обратимъ здѣсь вниманіе на слѣдующія подробности: во-первыхъ, эти *тонцы* отъ Царяграда, Новгорода, Іерусалима, вѣроятно, термины знакомые профессіональнымъ гуслярамъ, можетъ быть, разнохарактерные напѣвы изъ ихъ музыкальнаго репертуара; во-вторыхъ, переодѣтый скоморохомъ Добрыня поетъ подъ акомпаниментъ гуслей пѣсню о *своихъ* похожденіяхъ, богатырскихъ подвигахъ. Слѣдовательно, исполненіе пѣсенъ о воинскихъ дѣлахъ, о богатыряхъ входило въ репертуаръ скомороховъ, какъ игра великая, важная, умильная. Дѣйствительно, нельзя думать, чтобы къ репертуару «веселыхъ людей скомороховъ» сводились исключительно пѣсни фривольнаго содержанія, юмористическія, шуточныя съ прибаутками и циническими намеками. Какъ артисты, подлаживающіеся ко всѣмъ вкусамъ, с

---

[1]) *Фаминцынъ*, стр. 28—29; *Рыбниковъ*, I, стр. 136, 166; II, 31. *Гильферди*. столб. 45, 136, 250, 972, 1030.

[2]) Тамъ же, стр. 31. *Рыбниковъ*, I, стр. 136, 144; II, стр. 31. *Гильферди* столб. 214, 356, 498, 1058, 1096.

[3]) *Фаминцынъ*, стр. 33; *Рыбниковъ*, III, № 16.

морохи въ своемъ обширномъ репертуарѣ имѣли пьесы и для солидной публики, интересовавшейся преданіями старины, подвигами русскихъ богатырей, историческими крупными лицами и событіями. Я уже упомянулъ, что ладожскіе скоморохи пѣли при Олеаріи пѣсни въ честь Михаила Ѳеодоровича. Въ дошедшей до насъ пѣснѣ о любимцѣ народномъ Михаилѣ Скопинѣ, именно въ ея конечной припѣвкѣ, находимъ ясное свидѣтельство о томъ, что ее пѣли веселые люди. Вотъ эта припѣвка:

„То старина, то и дѣянье,
Какъ бы синему морю на утѣшенье,
А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перениманье,
Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшенье,
Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
Испиваючи меды, зелено вино.
Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову“ 1).

Упоминаніе боярина великаго въ связи съ содержаніемъ пѣсни свидѣтельствуетъ о томъ, что пѣсни въ этомъ серьезномъ родѣ исполнялись скоморохами и въ боярскихъ хоромахъ.

Кромѣ Добрыни, производившаго такое впечатлѣніе своею игрою великой, рядъ другихъ эпическихъ личностей оказываются искусными гуслярами и пѣвцами. Пріѣзжій въ Кіевъ изъ-за моря Волынскаго, изъ-за острова Кодольскаго Соловей Будимировичъ привезъ съ своей родины и припѣвки. Забавляясь игрой на гусляхъ, онъ

„Тонцы по голосу налаживаетъ...
А всѣ малыя припѣвки за синя моря,
За синя моря Волынскаго,
Изъ-за того острова Кодольскаго,
Изъ-за того Лукоморья зеленаго“ 2).

Про Ставра его жена, переодѣвая посломъ, припоминаетъ, что

„Онъ мастеръ играть въ гусли яровчаты“

и что лучше его никто не играетъ въ Кіевѣ. Кіевскій щапъ Чурило Пленковичъ, поступивъ въ постельничьи къ князю Владиміру, долженъ былъ на гусляхъ спотѣшать княжескую чету:

„Стелетъ (Чурила) перину пуховую,
Кладываетъ зголовьице высокое,
И сидитъ у зголовьица высокаго,
Играетъ въ гуселышки яровчаты,
Спотѣшаетъ князя Владиміра,
А княгиню Опраксію больше того“ 3).

---

1) *Кирша Даниловъ*, стр. 391.
2) *Рыбниковъ*, I, стр. 324.
3) *Рыбниковъ*, I, стр. 265.

Перечисленныя лица не являются профессіональными гуслярами, а только любителями, играющими при случаѣ. Но въ нашемъ эпосѣ есть и профессіональный гусляръ Садко, который, пока не разбогатѣлъ, ходилъ играть по пирамъ; но и сдѣлавшись богатымъ гостемъ, не покинулъ своего искусства. Вспомнимъ, что его чудная игра увлекаетъ морского царя, который щедро награждаетъ музыканта; вспомнимъ, какъ на днѣ синяго моря расплясался царь морской, взволновалось все поддонное царство отъ игры нашего Орфея. Любовь Садка, уже богатаго купца, къ гуслямъ видна въ томъ, что когда выпалъ ему жребій быть брошеннымъ въ море, онъ еще въ послѣдній разъ передъ смертью хочетъ поиграть на любимомъ инструментѣ, который даже беретъ съ собой въ море:

„Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Давайте мнѣ гуселки яровчаты
Поиграть-то мнѣ въ остатнее:
Больше мнѣ въ гуселки не игрывати“ [1]).

И такъ, присутствіе въ нашихъ былинахъ цѣлаго ряда личностей, играющихъ на гусляхъ, присутствіе профессіональнаго гусляра, частое упоминаніе о гуслярахъ-скоморохахъ,—все это можетъ служить указаніемъ на то, что музыка и пѣніе были очень развиты въ той средѣ, которая исполняла и складывала былины. А такими профессіональными пѣвцами и музыкантами были, главнымъ образомъ, скоморохи. Слѣдуетъ думать, что въ ихъ искусномъ исполненіи былины были произведеніями болѣе художественными, чѣмъ въ устахъ нынѣшнихъ олонецкихъ сказителей, перенявшихъ ихъ репертуаръ. Ихъ пѣніе сопровождалось музыкальнымъ аккомпаниментомъ: гуслями, гудкомъ. Вспомнимъ, какъ часто въ нашемъ эпосѣ поминаются гусли яровчатые, нынѣ уже совсѣмъ вышедшіе изъ употребленія. Олонецкіе крестьяне, перенявъ мотивы (напѣвы) нѣкоторыхъ былинъ, не научились у профессіональныхъ музыкантовъ игрѣ на гусляхъ или если умѣли, то давно покинули этотъ инструментъ [2]). Вообще современное состояніе былевой поэзіи представляется періодомъ ея паденія, захуданія, ведущимъ свое начало отъ той поры, когда былины отъ профессіональныхъ пѣвцовъ-гусляровъ, распѣвавшихъ ихъ нѣкогда и въ боярскихъ хоромахъ, и въ купецкихъ домахъ, перешли къ олонецкимъ крестьянамъ, которые на сказыванье былинъ уже не смотрѣли какъ на профессію, и отчасти къ каликамъ, которые, хотя и спеціалисты по пѣнію духовныхъ стиховъ, не могли наслѣдовать отъ скомороховъ ни ихъ музыкальнаго искусства, ни очень многихъ былинныхъ сюжетовъ, слишкомъ несоотвѣтствующихъ ихъ благочестивому репертуару.

Если вышеприведенные факты достаточно доказываютъ роль скомо[illegible]-ховъ, какъ пѣвцовъ былинъ, то нѣсколько труднѣе рѣшить вопросъ, к[illegible]ъ

1) *Рыбниковъ*, I, стр. 377.

2) Объ употребленіи гуслей олонецкими сказителями былинъ въ прошлом[illegible]-лѣтіи см. у Е. Барсова: *Памятники народнаго творчества Олонецкой губерніи*, ст[illegible]).

велико было участіе скомороховъ въ *сложеніи* дошедшихъ до насъ былинъ. Этотъ вопросъ можетъ быть уясненъ только детальнымъ анализомъ дошедшихъ до насъ былевыхъ сюжетовъ. Но думается мнѣ, что этотъ анализъ долженъ привести насъ къ заключенію, что среди былинъ нашихъ найдется не мало такихъ, которыя носятъ яркіе признаки скоморошьей обработки. Таковы, напримѣръ, былины о гостѣ Терентьищѣ и Ставрѣ Годиновичѣ. Въ первой веселые люди скоморохи являются героями скандальнаго происшествія: они помогаютъ недогадливому рогоносцу мужу проучить невѣрную жену. Былина пересыпана скабрезными намеками и потому въ изобиліи украшена въ изданіи Калайдовича точками скромности. Въ былинѣ о Ставрѣ также упоминаются скоморохи при дворѣ Владиміра и разсказъ объ испытаніи пола переодѣтой посломъ Ставровой жены также уснащенъ пикантными подробностями и двусмысленными загадками. Свою печать наложили скоморохи и на обработку былинъ о кіевскомъ Донъ-Жуанѣ Чурилѣ Пленковичѣ и удальцѣ Хотѣнѣ Блудовичѣ [1]). Къ предположенію скоморошьей переработки былины о Василіи Буслаевичѣ приводитъ детальный анализъ этой былины проф. И. Н. Жданова [2]). Вообще слѣдовъ скоморошьей обработки можно всего скорѣе искать въ былинахъ-новеллахъ или фабліо, въ которыхъ изображаются происшествія городской жизни, преимущественно любовныя похожденія съ исходомъ то комическимъ (Терентій), то трагическимъ (смерть Чурилы Пленковича, Алеша и сестра Збродовичей). Конечно, меньше слѣдовъ оставили скоморохи, какъ пѣвцы былинъ *богатырскаго* содержанія, гдѣ только нѣкоторые юмористическіе эпизоды и подробности могутъ быть отнесены на ихъ счетъ. Но что скоморохи пѣли и эти былины, на это мы имѣемъ прямое указаніе историка Татищева [3]), который говоритъ: «Я прежде у скомороховъ пѣсни старинныя о князѣ Владимірѣ слыхалъ, въ которыхъ женъ его именами, тако-жь о славныхъ людѣхъ Ильѣ Муромцѣ, Алексѣѣ Поповичѣ, Соловьѣ Разбойникѣ, Долкѣ (Дюкѣ?) Стефановичѣ упоминаютъ и дѣла ихъ прославляютъ, и въ исторіи весьма мало или ничего». Это важное свидѣтельство, въ достовѣрности котораго нельзя сомнѣваться, должны имѣть въ виду тѣ ученые, которые полагаютъ, что скоморохи были представителями только комическаго и фривольнаго элемента въ нашемъ эпосѣ. Ясно, что даже былины о солидномъ богатырѣ, народномъ идеалѣ старомъ Ильѣ Муромцѣ, распѣвались тѣми же «веселыми людьми», которые забавляли публику былинами-новеллами.

Вс. Миллеръ.

---

[1]) См. мои статьи: *Къ былинамъ о Чурилѣ Пленковичѣ* (въ сборникѣ *Починъ*. М., ...) и *Къ былинѣ о Хотѣнѣ Блудовичѣ* (*Жур. Мин. Нар. Просв.* 1895 г., № 3).

[2]) *Русскій былевой эпосъ. Матеріалы и изслѣдованія.* Спб., 1895 г., стр. 401.

[3]) *Исторія Россійская*, I, стр. 44.

Цезарь Ломброзо, какъ ученый и мыслитель *).

XI.

Мы уже знаемъ, что, по теоріи Ломброзо, преступность вообще есть выраженіе атавизма, дегенераціи; геніальность, которую авторъ такъ часто привлекаетъ въ *Il delitto politico* къ вопросу о политической преступности, есть, какъ это намъ тоже уже извѣстно, также явленіе ненормальное, стоящее въ самой тѣсной внутренней связи съ дегенераціею. Политическій преступникъ или, точнѣе, общественно-политическій нонконформистъ, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, по убѣжденію нашего мыслителя, есть субъектъ также ненормальный, также поврежденный, также выростающій на почвѣ дегенераціи. Вотъ поэтому-то онъ такъ усердно и сопоставляется, и сближается съ уголовнымъ преступникомъ, съ геніемъ, съ самоубійцею, съ сумасшедшимъ (какая разнокалиберная компанія получается!), къ которымъ онъ оказывается очень близкимъ, тѣсно-родственнымъ, благодаря общей имъ всѣмъ основной чертѣ—дегенераціи. Сопоставлять и сближать названнаго нонконформиста со всѣми только что перечисленными представителями типа вырожденія Ломброзо понадобилось для того, чтобы во что бы то ни стало доказать, что это—того же самаго поля ягода, чтобы насильственно втиснуть его въ общую группу дегенерированныхъ. *Всѣ*, безъ исключенія, субъекты, непримиряющіеся съ даннымъ *statu quo*, *всѣ* новаторы (въ сферѣ соціальной, политической, религіозной), *всѣ* агитаторы, *всѣ* протестанты противъ даннаго порядка вещей, *всѣ* дѣятели инсуррекціи и революціи—существа поврежденныя. Таково общее положеніе нашего *pensatore di ginio*. Въ отстаиваніи этого положенія Ломброзо проявляетъ такое же упорство, такую же изворотливост, такое же свободное отношеніе къ фактамъ, такую же склонность къ с- ропалительнымъ обобщеніямъ, къ систематическимъ натяжкамъ и къ стояннымъ противорѣчіямъ, какія имъ были блистательно проявлены и вопросахъ объ общей преступности и о геніальности. Чтобы наглядно казать читателю, до какой степени авторъ *Il delitto politico* неуклон-

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

послѣдователенъ, прямолинеенъ и даже, если хотите, безпощаденъ въ строго систематическомъ примѣненіи своего тезиса, касающагося политической преступности, мы остановимся только на одномъ примѣрѣ, но за то этотъ примѣръ настолько крупенъ, рѣзокъ, характеренъ и доказателенъ, что дѣлаетъ совершенно ненужнымъ приведеніе какихъ бы то ни было другихъ примѣровъ.

Оставимъ въ жертву нашему «геніальному» теоретику всѣхъ тѣхъ *rivoluzionari e ribelli politici,* которыхъ онъ относитъ къ категоріи «прирожденныхъ преступниковъ» и «нравственно-помѣшанныхъ» и которыми онъ занимается въ VIII главѣ своей книги; предоставимъ ему расправляться и съ тѣми *rei politici,* которые, по его соображеніямъ, оказываются «сумасшедшими» (гл. IX); не будемъ возражать противъ подведенія имъ подъ рубрику дегенерированныхъ и тѣхъ субъектовъ, которыхъ онъ окрещиваетъ именемъ *mattoidi politici* и *altruisti istero-epilettici* (гл. X); отдадимъ ему безъ спора на растерзаніе и *rei politici per occasione,* политическихъ преступниковъ случайныхъ, уличенныхъ имъ въ дегенераціи въ главѣ XI, и остановимъ вниманіе читателя только на *rei politici per passione,* политическихъ преступникахъ по страсти, разсматриваемыхъ въ той же (XI) главѣ. Что это, спрашивается, за люди съ криминально-антропологической точки зрѣнія? А вотъ, послушайте, что̀ говоритъ на этотъ счетъ Ломброзо.

Подходитъ нашъ антропологъ-криминалистъ къ этимъ людямъ, внимательнѣйшимъ, подозрительнымъ взоромъ окидываетъ ихъ съ ногъ до головы и, несмотря на глубокое свое убѣжденіе въ томъ, что передъ нимъ существа несомнѣнно ненормальныя, не можетъ найти у нихъ *никакихъ* физическихъ изъяновъ, *никакихъ* «стигматъ». Очевидность заставляетъ его, скрѣпя сердце, признать, что всѣ эти люди, точно на подборъ, отличаются замѣчательно-совершеннымъ физическимъ типомъ. «Въ нихъ отсутствуетъ почти всякій слѣдъ дегенераціи» (p. 340). Изъ 60 лицъ этой категоріи, описанныхъ Маріано д'Айяла (все это итальянцы эпохи, предшествовавшей объединенію Италіи), у 26—*fisonomia bellissima,* только у 4—нѣкоторая ненормальность «въ выраженіи»; 26 отличаются высокимъ ростомъ и только 3—малымъ. Изъ 30 извѣстнѣйшихъ политическихъ преступниковъ другой стороны, у 18—*fisonomie bellissime* и только у остальныхъ 12 замѣчаются кое-какія аномаліи или дегенеративные признаки, къ тому же, большею частью изолированные, а не скомбинированные въ одномъ лицѣ. Только у одного изъ этихъ 12 лицъ имѣются три признака вмѣстѣ (выдающіяся надбровныя дуги, жесткій взглядъ (*occhio duro*) и ненормально боль[...] нижняя челюсть, — *tipo criminale*), у трехъ — по два признака, а у [...]альныхъ—по одному (то бровныя дуги, то недостатокъ волосъ на бородѣ, [...] лапчатыя уши, то прогнатизмъ, то курчавые волосы (!), то мужской [...]дъ лица у женщины и пр.). Изъ французскихъ революціонеровъ *belle* [...]*nomie* оказывается у Демулена, Барраса, Бриссо, Карно и проч. *Carlo* [...]*d era bellissimo*. «Кто не поразится гармоничною, здоровою красотой [...]оты Корде, Орсини?» «Стоитъ только бросить взглядъ на собраніе

портретовъ (итальянскихъ) главнѣйшихъ революціонеровъ, чтобъ увидѣть, что всѣ они имѣютъ общія черты, которыя могутъ назваться антипреступными. Широкій лобъ, обильная растительноссь на бородѣ, объемистый черепъ, мягкій и ясный взглядъ,—все это дѣлаетъ изъ нихъ одну общую семью, несмотря на то, что они принадлежатъ къ самымъ различнымъ областямъ и населеніямъ» (pp. 340—341).

И такъ, вотъ каковъ физическій типъ политическихъ преступниковъ по страсти. По внѣшности, это — отборный цвѣтъ населенія. Ну, а какова у нихъ душевная физіономія? «Красота душевная, — говоритъ Ломброзо, — превосходитъ у нихъ красоту тѣлесную. Это все — настоящіе геніи въ сферѣ чувства (*i genî del sentimento*), и мы прекрасно сознаемъ, до какой степени должно казаться жестокимъ приравниваніе ихъ къ вульгарнымъ преступникамъ даже только по имени (*per sola necessità filologica*),—ихъ, представляющихъ собою необыкновенно полное выраженіе доблести человѣческаго духа, олицетвореніе благожелательности, святости (*l'eccesso della umana bontà, il benefico, il santo*). И, казалось бы, даже просто только желать поближе разсмотрѣть ихъ при свѣтѣ психіатріи значило бы уподобляться тому, кто сталъ бы изучать прекрасныя линіи Венеры Медицейской при помощи циркуля, не обращая никакого вниманія на высочайшую красоту и гармонію цѣлаго» (*Il delitto politico*, p. 342).

Но если все это такъ, то какъ же, спрашивается, быть съ этими странными людьми, такъ рѣшительно не поддающимися подведенію ихъ подъ общій знаменатель ломброзовской теоріи и такъ всецѣло ускользающими изъ рукъ антрополога-криминалиста? Какъ посадить ихъ на скамью обвиняемыхъ по дѣлу о «дегенераціи», когда уже самому туринскому криминально-антропологическому департаменту приходится, волей-неволей, выдавать имъ такія лестныя свидѣтельства объ ихъ антропологической «благонадежности»? Казалось бы, въ виду ихъ, этихъ людей, нашему антропологу-инквизитору остается только руки отъ отчаянія опустить и съ болью въ сердцѣ отказаться отъ безнадежныхъ попытокъ найти противъ нихъ хоть какую-нибудь, даже косвенную, «улику». Если вы, читатель, все это думаете, если все это вамъ кажется, то я долженъ сказать вамъ, что вы жестоко ошибаетесь,—ошибаетесь, очевидно, потому, что совсѣмъ не знаете Ломброзо. Совсѣмъ онъ не такой человѣкъ, чтобы приходить въ отчаяніе, опускать безнадежно руки въ виду хотя бы даже и неодолимыхъ, на первый взглядъ, препятствій, и отступаться отъ того, что̀ онъ рѣшилъ въ своемъ умѣ. Разъ эти люди,—какъ бы они ни блистали своею *bellezza dell'anima e del corpo*,—оказываются въ роли политическихъ преступниковъ, активныхъ нонконформистовъ, то у нихъ непремѣнно *должны быть* «стигматы»,- и, будьте увѣрены, Ломброзо ихъ у нихъ найдетъ, они не ускользну отъ его проницательнаго слѣдовательскаго взора. Обратите вниманіе т то, что, вѣдь, эти странные люди, осмѣливающіеся учинять такой в піющій безпорядокъ въ сферѣ ломброзовской теоріи, стоятъ передъ о. цомъ этой теоріи *подъ конвоемъ*, — и, притомъ, особенно усиленнымъ

жандармовъ. А, вѣдь, прикосновенность къ «жандарму», какъ мы это уже знаемъ, въ глазахъ адептовъ туринской школы, является самымъ надежнымъ «признакомъ», самымъ несомнѣннымъ указаніемъ на то, что у конвоируемаго субъекта, если на него взглянуть съ криминально-антропологической точки зрѣнія, непремѣнно есть какіе-нибудь,—и, притомъ, не малые,— изъяны. Не замедлитъ, конечно, этотъ драгоцѣнный «признакъ» и теперь оказать нашему ученому такую же серьезную услугу, какую онъ ему постоянно оказывалъ и въ вопросѣ объ общей преступности. Будемъ же слушать.

«О, святыя души, обрекшія себя на служеніе идеѣ, простите насъ!— долетаетъ до насъ со страницы 342 подозрительно-мягкій голосъ Ломброзо, обращающагося къ «обвиняемымъ» субъектамъ.—Мы (т.-е. авторы книги, Ломброзо и Ласки) чувствуемъ, что одного вашего появленія на землѣ достаточно для того, чтобы заставить насъ относиться съ бо̀льшимъ уваженіемъ къ человѣческому роду и вознаградить насъ за печальное зрѣлище массы, для которой грубое удовлетвореніе насущныхъ потребностей является единственною цѣлью существованія».

Приступъ, не обѣщающій для «обвиняемыхъ» рѣшительно ничего хорошаго. Ужь если Ломброзо заговорилъ такимъ слащавымъ голосомъ, да уже заранѣе началъ просить прощенія, то, очевидно, имъ уже постановленъ уничтожающій приговоръ: «эти люди повинны въ дегенераціи и не заслуживаютъ снисхожденія». «Но у мыслителя есть свои обязанности,—продолжаетъ свою рѣчь нашъ антропологъ-криминалистъ, причемъ въ его голосѣ пробиваются уже сурово-холодныя нотки, — отдавъ дань удивленія и благоговѣнія, онъ долженъ взяться за циркуль». Эти слова звучатъ уже совсѣмъ зловѣще. Очевидно, судьба злополучныхъ «политическихъ преступниковъ по страсти» уже безповоротно рѣшена въ криминально - антропологической инстанціи; очевидно, имъ, несмотря даже на только что выданное свидѣтельство объ ихъ антропологической «благонадежности», ни подъ какимъ видомъ не удастся избѣжать насильственнаго заключенія въ категорію «дегенерированныхъ». Бѣдныя жертвы криминально-антропологическаго фанатизма!

Что же, однако, Ломброзо нашелъ у нихъ, вооружившись своимъ «циркулемъ»? Нашелъ, конечно, «стигматы», съ «несомнѣнностью» изобличающіе ихъ въ психо-физіологической ненормальности, поврежденности, да еще какіе «стигматы»! Прежде всего, у нихъ оказывается ненормально высокое, ненормально сильно-развитое, черезъ-чуръ преувеличенное понятіе о нравственномъ достоинствѣ человѣка,—*l'esagerazione dell'onestà*. Если у нихъ ... богатство, они безъ малѣйшихъ колебаній отдаютъ его на осуществле... дорогой имъ идеи, а сами остаются нищими; если они занимаютъ хо...ее общественное положеніе, они съ радостью жертвуютъ имъ, разъ это ...но ради служенія той же идеѣ» и пр. (слѣдуютъ фактическіе примѣры, ...42). Скажите, пожалуйста, развѣ же это нормально, развѣ же это не ...ѣтельствуетъ о психической поврежденности? «Душой они обладаютъ ...роднѣйшею, великодушною, мужественною, но черезъ-чуръ ужь пыл-

кою, черезъ-чуръ отважною» (р. 343). «Почти у всѣхъ у нихъ мы констатируемъ ненормально высокую чувствительность (*una sensibilita esagerata*), настоящую гиперестезію (*una vera iperestesia*), подобно тому, какъ это наблюдается и у простыхъ преступниковъ по страсти» (р. 344). «Всякаго рода несправедливости они чувствуютъ несравненно сильнѣе и въ болѣе раннемъ возрастѣ, чѣмъ остальные люди, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаютъ и болѣе страстное желаніе реформъ, ради осуществленія которыхъ они готовы, не задумываясь, жертвовать собою. Они до такой степени жаждутъ правды, проявляютъ такую крайнюю степень наивности, оказываются такими безразсудными энтузіастами, что часто вѣрятъ въ торжество своихъ идеаловъ только потому, что черезъ-чуръ сильно желаютъ этого торжества» (*ibidem*). На ряду съ чрезмѣрною, ненормально повышенною впечатлительностью у нихъ обыкновенно наблюдается и ненормальная, поразительная нечувствительность къ личнымъ лишеніямъ, мученіямъ и страданіямъ (*anestesia, vera parestesia paradossa*), являющаяся результатомъ чрезмѣрно-страстнаго сосредоточенія на одной идеѣ» (р. 350). «У нихъ оказывается и ненормальный, чрезмѣрный альтруизмъ (*un esagerato altruismo*); страданія ближняго отражаются на нихъ несравненно сильнѣе, чѣмъ на всѣхъ остальныхъ людяхъ». Посмотрите, наприм., на Гарибальди. Въ *Мемуарахъ* своихъ онъ съ горячею любовью упоминаетъ не только обо всѣхъ своихъ погибшихъ друзьяхъ и сподвижникахъ, не только о своей матери,— все это еще куда бы ни шло,—но даже о своей собакѣ, Пасторе, околѣвшей съ горя послѣ того, какъ владѣлецъ ея вынужденъ былъ оставить ее въ Танжерѣ. Онъ же, будучи еще совсѣмъ маленькимъ мальчуганомъ, взялъ какъ-то разъ въ руки кузнечика и ненарочно отломилъ ему лапку; такъ, вѣдь,—можете себѣ представить!—болѣе часа заливался изъ-за такого пустяка горькими слезами. А то, вотъ, еще другой субъектъ, въ такой же необычайной степени впечатлительный (*straordinariamente impressionabile*), пылкій и отзывчивый: когда ему было всего еще только 11 лѣтъ, онъ разъ бросился въ борьбу съ разбойниками, напавшими на домъ сосѣда, а сосѣдъ-то этотъ былъ, къ тому же, смертельнымъ врагомъ его, мальчугана, семьи. Не очевидно ли, что субъекты, обремененные такими «чрезмѣрностями», никоимъ образомъ не могутъ претендовать на званіе нормальныхъ, психически-уравновѣшенныхъ и здоровыхъ людей и должны быть зачислены, хотя и съ прискорбіемъ, въ категорію поврежденныхъ, психопатовъ?

Весьма возможно, что нашъ читатель, *кто бы онъ ни былъ*,—будь то даже тотъ самый «жандармъ», который конвоируетъ «изучаемаго» нашимъ антропологомъ-криминалистомъ «политическаго преступника по страсти», не только не удовлетворится и не убѣдится только что приведенными н ломброзовскими указаніями и доводами, но отнесется къ нимъ очень рово. Быть можетъ, онъ найдетъ, что *такое* обращеніе,—не съ полить скими преступниками: не о нихъ тутъ совсѣмъ рѣчь,—а съ извѣстна рода нравственными понятіями, по меньшей мѣрѣ, непохвально и не ı жетъ быть оставляемо безъ горячаго, негодующаго протеста. Быть

жетъ, онъ весьма рѣзко скажетъ нашему мыслителю, что такія вещи, какъ беззавѣтная преданность идеѣ (какой,—это рѣшительно все равно), самоотверженная любовь, не знающая границъ, альтруизмъ и проч., нельзя безцеремонно трепать ради удовлетворенія требованіямъ какой бы то ни было теоріи, *ad majorem gloriam* этой теоріи. Быть можетъ, онъ, повышая голосъ, презрительно броситъ, по адресу Ломброзо, замѣчаніе, что нельзя хладнокровно, безъ крайне тяжелаго чувства, слушать, какъ игриво разсказываютъ объ *esagerazione dell'onestà*, *esagerato altruisma* и проч., какъ о симптомахъ психической дегенераціи, и что такія кощунственныя рѣчи шокируютъ здравый смыслъ, оскорбляютъ нравственное чувство. Что же касается насъ, то мы, мимоходомъ, предупредивъ читателя, что отъ Ломброзо онъ услышитъ еще и не такія рѣчи, что все это были еще только «цвѣточки»,—поспѣшимъ указать вкратцѣ на остальныя соображенія автора *Il delito politico* по тому же вопросу, разъ ужь мы заговорили на эту тему.

«Ко всѣмъ этимъ признакамъ (*caratteri*),—читаемъ мы на страницѣ 349,—мы должны прибавить еще одинъ, а именно—проявляемую ими (т.-е. «политическими преступниками по страсти») потребность или сильное желаніе чувствовать боль, страдать... Страданіе- -хорошая вещь,—говоритъ у Достоевскаго одинъ изъ его политическихъ героевъ. Само собою разумѣется, что для нихъ предпочтительнѣе страданіе, переносимое ими ради какой-либо великой идеи; но нерѣдко также влеченіе къ нему у нихъ обнаруживается и безъ всякаго отношенія къ идеѣ: такъ, наприм., они рады будутъ принять внутрь горькое вещество исключительно только ради того, чтобы подвергнуть себя страданію отъ горечи (*ameranno prendere delle sostanze amare senz'altro scopo che di soffrire l'amaro*)». «У нихъ, какъ и у геніевъ, нѣтъ недостатка въ неврозахъ, разныхъ психическихъ аномаліяхъ», галлюцинаціяхъ, странностяхъ и проч. (p. 354). Взгляните, наприм., на Лассаля. Что это былъ за невозможный для нормальной соціальной жизни человѣкъ!... Вѣдь, это былъ, поистинѣ, «гигантъ страсти», какъ онъ самъ про себя справедливо говорилъ. Вѣдь, «про него съ полнымъ правомъ можно сказать то, что̀ онъ говорилъ про Эраклита: въ существѣ его бушевалъ ураганъ» (p. 360). Или, вотъ, напримѣръ, Кавуръ (нота-бене: надъ нимъ, вѣдь, произнесенъ былъ даже смертный приговоръ!). Это былъ человѣкъ, съ раннихъ лѣтъ страдавшій несомнѣнною психическою «гиперестезіей». Уже будучи политическимъ дѣятелемъ и проживая въ Швейцаріи, куда онъ спасся отъ преслѣдованій, о[illegible] испытывалъ приступы мрачной меланхоліи, переходилъ отъ веселости к[illegible] убійственной тоскѣ и обратно и, находя свою жизнь нелѣпою, безс[illegible]сленною, останавливался на мысли о самоубійствѣ (pp. 358—359). В[illegible]ъ, далѣе, передъ нами молодая женщина, принадлежащая къ той же к[illegible]егоріи людей и представляющая цѣлый рядъ рѣзкихъ ненормальностей. З[illegible]чки у нея плохо реагируютъ на свѣтъ; она «необыкновенно легко к[illegible]нѣетъ», «быстро влюбляется въ перваго встрѣчнаго и такъ же быстро

разочаровывается»; «какъ любовь, такъ и ненависть отличаются у нея болѣзненно-напряженнымъ характеромъ»; «несмотря на то, что она знакома съ медициной, она оказывается необыкновенно высокаго мнѣнія о женщинахъ (*ha una inadeguata idea della donna*), которыхъ она считаетъ равными мужчинамъ», и проч., и проч. (р. 354). Что все это, какъ не очевиднѣйшіе, несомнѣннѣйшіе симптомы патологическаго состоянія психики?

Будетъ, однако же, объ этомъ. Мы уже въ достаточной степени насмотрѣлись на то, какіе пріемы и средства Ломброзо пускаетъ въ ходъ, чтобы, во что бы то ни стало, подвести и «политическихъ преступниковъ по страсти» (среди которыхъ, какъ мы видѣли, фигурируютъ и Гарибальди, и Кавуръ и проч.) подъ общую рубрику натуръ психопатическихъ, дегенерированныхъ,—какъ онъ быстро и рѣшительно обобщаетъ на всѣхъ черты и черточки, случайно найденныя имъ у единицъ, и т. д. А теперь, въ заключеніе настоящей главы, сдѣлаемъ еще только одно маленькое замѣчаніе общаго характера. Не мало намъ, на нашемъ вѣку, довелось прочитать всяческихъ книжекъ, не мало прошло передъ нашими глазами произведеній разныхъ—и умныхъ, и неумныхъ—авторовъ; но, признаемся, еще въ первый разъ въ жизни намъ теперь, въ лицѣ Ломброзо, пришлось столкнуться съ авторомъ, который до такой невѣроятной степени неразборчивъ при пользованіи источниками, до такой изумительной степени беззаботенъ по части критической оцѣнки попадающихся ему подъ руку данныхъ, до такой невозмутимой степени легковѣренъ по отношенію къ тому вздору, который онъ старательно откапываетъ во всевозможномъ печатномъ хламѣ. Ему рѣшительно все равно, откуда взять то или другое указаніе, тотъ или иной «фактъ», лишь бы только этимъ «фактомъ» можно было воспользоваться для доказательства того или иного придуманнаго имъ положенія, «обобщенія», вывода. Такъ, наприм., данныя для глубокомысленныхъ соображеній о явленіяхъ русской жизни онъ извлекаетъ, между прочимъ, и изъ *Бѣсовъ* Достоевскаго, и изъ какихъ-то *Les scandales de Saint-Pétersbourg* какого-то анонимнаго автора, и изъ писаній какого-то нѣмецкаго борзописца *Scheer'a*, городящаго невообразимый вздоръ о «нигилистахъ», и изъ какихъ-то, видимо, устныхъ разсказовъ, преподнесенныхъ ему, очевидно, или шутниками, или... пустоголовыми болтунами. Онъ, не мудрствуя лукаво, все беретъ съ благодарностью и потомъ, съ торжествующимъ видомъ, валитъ въ свое «ученое изслѣдованіе». Мало того, выудивъ въ какомъ-нибудь мутномъ источникѣ тотъ или другой, болѣе или менѣе «подтверждающій» его теорію «фактъ», онъ иногда еще и цитируетъ его невѣрно, фальсифицируетъ, искажаетъ его сущность, придаетъ е[illegible] тотъ смыслъ, какого въ подлинникѣ совсѣмъ не оказывается, но как[illegible] ему, Ломброзо, желателенъ и нуженъ для обоснованія того или друго[illegible] тезиса,—другими словами, совершаетъ очень некрасивую... передержку ([illegible] можетъ быть, просто только сильно «увлекается»?) Мы прекрасно поним[illegible] емъ, какое серьезное обвиненіе, говоря это, мы возводимъ на авто[illegible] *Il delitto politico*, а потому и спѣшимъ доказать примѣромъ справед[illegible]

вость нашего утвержденія,—примѣромъ очень характернымъ и тельнымъ.

Ломброзо категорически утверждаетъ, что между политическими і новенными уголовными преступниками, помимо всего прочаго, суп етъ еще и духовное родство, что въ тюрьмѣ первые нерѣдко льнутъ ко вторымъ, ассимилируются съ ними, заимствуютъ у нихъ ихъ нравы, ихъ отрицательную нравственность, вплоть до ихъ склонности къ... противуестественнымъ порокамъ. Въ доказательство справедливости этого «геніально»-сквернаго «обобщенія», Ломброзо ссылается на данныя, приведенныя въ статьѣ нѣкоего Готье (въ *Archives d'anthropologie criminelle* за 1888 годъ). Кто такой, спрашивается прежде всего, этотъ Готье? Это *бывшій анархистъ,* вмѣстѣ со многими другими анархистами судившійся въ 1882 г. въ Ліонѣ, приговоренный къ пятилѣтнему тюремному заключенію, черезъ два года помилованный, выпущенный на свободу, раскаявшійся (раньше или послѣ освобожденія, не знаемъ) въ своихъ заблужденіяхъ, отрекшійся отъ прежнихъ своихъ товарищей и единомышленниковъ и, если не ошибаемся, пристроившійся, въ качествѣ сотрудника, къ редакціи парижскаго *Figaro*. Изъ-подъ его-то именно пера и вышла только что упомянутая статья (*Le monde des prisons*). Какъ читатель видитъ, источникъ, изъ котораго Ломброзо почерпнулъ матеріалъ для характеристики политическихъ преступниковъ, представляется довольно смутнымъ: статью писалъ *ренегатъ,* а къ показаніямъ этого сорта людей,—особенно, когда эти люди говорятъ о своихъ прежнихъ товарищахъ,—по весьма понятнымъ причинамъ, всегда приходится относиться съ крайнею осторожностью, съ большимъ скептицизмомъ. Но оставимъ личность Готье и обратимся къ указанію на другое, весьма пикантное обстоятельство. Точный смыслъ вполнѣ точно переданной нами выдержки изъ книги Ломброзо *) тотъ, что, будто бы, по наблюденіямъ Готье, *вообще* на 50 политическихъ осужденныхъ (взятыхъ изъ рабочаго класса) *всегда* приходится, *въ среднемъ*, до полудюжины такихъ недоброкачественныхъ субъектовъ, которыхъ, въ нравственномъ отношеніи, съ полнымъ правомъ можно поставить на одну доску съ обыкновенными уголовными преступниками. И что же? По справкѣ оказывается, что Готье *scrive* совсѣмъ не то, что ему приписываетъ Ломброзо, весьма существенно исказившій смыслъ его словъ. Названный *ex*-анархистъ въ статьѣ своей говоритъ исключительно только о тѣхъ 50 *анархистахъ*, въ компаніи съ которыми онъ сидѣлъ въ ліонской тюрьмѣ, и вовсе не помышляетъ ни о какихъ обобщеніяхъ. А разъ рѣчь идетъ объ «анархистахъ», то совсѣмъ другой и разговоръ выходитъ: мало ли какими «художествами» могутъ проявлять себя «анархисты»! Извѣстно, вѣдь, что теперь, хотя бы въ той же Франціи, чуть не каждый мо-

---

*) „Sopra 50 condannati politici (scrive Gauthier) presi nella media, se no nel io[illegible] della classe operaia di una grande città, come Lione, si puo trovarne una mezza do[illegible]ina che in prigione si sentono nel loro ambiente, e vanno di preferenza verso i de[illegible]nti per delitto comune, di cui prendono"... и проч. (*Il delitto politico*, p. 141).

шенникъ или воришка, попадаясь въ руки полиціи, спѣшитъ прикрыться званіемъ «анархиста». Но обо всемъ этомъ Ломброзо умолчалъ, анархистовъ замѣнилъ «политическими осужденными» вообще и изъ частнаго случая сдѣлалъ общее правило, возложивъ отвѣтственность за всѣ эти операціи на Готье (*scrive,* будто бы, *Gauthier*)... Такъ «доказываетъ» авторъ *Il delitto politico* свои положенія.

XII.

Итакъ, всѣ безъ исключенія нонконформисты, принадлежащіе къ самымъ разнообразнымъ категоріямъ, оказываются, волею Ломброзо, подведенными подъ одинъ и тотъ же общій знаменатель — *дегенерацію*. Эту, иногда очень трудную и вообще довольно-таки неблагодарную, задачу авторъ нашъ, какъ мы видѣли, выполнилъ съ очень большимъ усердіемъ, энергіей, рѣшительностью и стремительностью. Но самыя-то эти энергія и стремительность не мало и повредили Ломброзо, такъ какъ, оказавшись въ избыткѣ, увлекли его нѣсколько дальше той цѣли, въ которую онъ мѣтилъ, и ввергли его въ пучину всяческихъ противорѣчій, между прочимъ, и такихъ, указать на которыя читателю мы не имѣли еще случая. Одно изъ этихъ наиболѣе крупныхъ и сильно бросившихся намъ въ глаза противорѣчій заключается въ слѣдующемъ. Нашъ суровый, прямолинейный, безпощадный и жестокій антропологъ-криминалистъ «уличилъ» въ дегенераціи *всѣхъ* нонконформистовъ, въ томъ числѣ и двѣ крупнѣйшія категоріи ихъ—*мятежниковъ* и *революціонеровъ*. Мы нарочно подчеркиваемъ эти два слова, потому что они въ данномъ случаѣ очень важны. Въ самомъ дѣлѣ, если по отношенію къ представителямъ «мятежа» требованія теоріи оказались удовлетворенными (допустимъ это), то по отношенію къ представителямъ «революціи», съ точки зрѣнія той же теоріи, у Ломброзо вышло что-то, какъ будто бы и совсѣмъ ужь неладное. Если, по ученію автора *Il delitto politico*, всякаго рода мятежниковъ слѣдовало заключить въ категорію дегенерированныхъ, то, по смыслу этого же самаго ученія, поступать такимъ же образомъ съ революціонерами, какъ кажется, совсѣмъ бы ужь не полагалось, а, между тѣмъ, Ломброзо,—очевидно, увлекшись,—между тѣми и другими не дѣлалъ, какъ мы видѣли, никакого различія и постоянно сваливалъ ихъ въ одну кучу. Объяснимся, почему съ одними ломброзовская теорія требовала такого обращенія, а съ другими иного.

У Ломброзо есть довольно своеобразная общая философская доктр[illegible], весьма недурно резюмирующая все его соціально-политическое міросозер[illegible]ніе. По внутреннему смыслу этой доктрины,—поговорить о которой въ [illegible]стоящей статьѣ мы не имѣли возможности, — человѣчество совсѣмъ, к[illegible] будто бы, не должно было бы шевелиться и двигаться впередъ, а, на[illegible]тивъ, должно было бы довольствоваться даннымъ положеніемъ и си[illegible] тихо, смирно, спокойно и чинно. На такое сидѣніе его обрекаетъ из[illegible]

тенный Ломброзо специальный «законъ природы». Нарушать этотъ «законъ» — значитъ идти противъ велѣній природы и, въ то же самое время, посягать на волю большинства, которое всегда оказывается покорнымъ названному «закону». Это посягательство преступно; къ нему-то именно и сводится понятіе о «политическомъ преступленіи» *). Воля, желанія, идеи, чувства, стремленія большинства—норма. Здоровый человѣкъ всегда къ этой нормѣ и приспособляется, ея и придерживается, въ ея предѣлахъ и устраиваетъ свою жизнь, и борется за свое существованіе; если же индивидуумъ, живущій въ данномъ обществѣ, переступаетъ эту норму, то онъ, очевидно, недостаточно приспособленъ къ окружающей его соціальной средѣ, потому ли, что онъ представляетъ собою атависта, продуктъ дегенераціи (термины Ломброзо), потому ли, что онъ оказывается, говоря излюбленными терминами г. Дриля, «порочною, недостаточною организаціей», «продуктомъ недостаточнаго органическаго развитія». Геній, обладающій оригинальнымъ душевнымъ складомъ, провозглашающій всяческія «новыя слова», продуцирующій новыя идеи, усматривающій новые пути, открывающій новыя «Америки», порывающійся къ этимъ «Америкамъ» и пытающійся при этомъ увлечь за собою и другихъ, оказывается обыкновенно врагомъ установленныхъ нормъ, проявляетъ сильнѣйшую наклонность игнорировать ихъ, выходить за ихъ предѣлы, вноситъ въ нормированное общество новаторскій, безпокойный духъ. Очевидно, въ виду всего, что онъ представляетъ собою совершенно неприспособленную къ соціальной средѣ, дегенерированную организацію **). Соціально-политическій нонконформистъ, въ которомъ, по Ломброзо, почти всегда пробивается болѣе или менѣе сильная струйка геніальности, отрицательно относится къ существующимъ нормамъ, въ самой идеѣ ихъ, и пытается водворить въ окружающей его средѣ новыя, по его мнѣнію, лучшія нормы, причемъ приходитъ въ открытое столкновеніе съ большинствомъ или съ представляющею это большинство общественно-политическою властью. Очевидно, и онъ—существо неприспособленное, ненормальное, дегенерированное. Обыкновенный преступникъ почти никогда даже и не помышляетъ о самой сущности соціальныхъ нормъ, вовсе и не думаетъ отрицать ихъ въ самомъ ихъ основаніи, онъ чаще всего признаетъ ихъ, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, но, тѣмъ не менѣе, все-таки, нарушаетъ ихъ въ частныхъ случаяхъ, руководясь при этомъ вовсе не какою-либо идеей, а соображеніями о личной выгодѣ; такъ или иначе, но онъ, все-таки, оказывается на прак-

---

*) По опредѣленію, данному въ *Il delitto politico*, „политическое преступленіе е[illegible] всякое насильственное посягательство на власть, установленную большинствомъ [illegible] поддержанія и охраны угодной для него политической, соціальной и экономиче[illegible] организаціи" (p. 437).

[illegible]) Извѣстный французскій ученый проф. Ш. Рише, шокированный терминомъ [illegible]нерація" въ примѣненіи его къ геніямъ, рекомендовалъ называть этихъ послѣд[illegible]ь не „выродившимися", а „переразвившимися",—не *degénérés*, а *progénérés*; но Ломб[illegible]), насколько намъ извѣстно, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на эту реко[illegible]дацію.

тикѣ субъектомъ, не уживающимся мирно съ нормами, а потому онъ—тоже существо ненормальное, дегенерированное или атавистическое.

Такова общая идея Ломброзо, положенная имъ въ основу всѣхъ его ученыхъ изслѣдованій и красною нитью проходящая и черезъ *Uomo delinquente,* и черезъ *Uomo di genio,* и черезъ *Il delitto politico.* Въ результатѣ систематическаго примѣненія этой идеи получается, какъ будто, нѣчто очень цѣльное, стройное, логически-послѣдовательное и гармоничное. Съ точки зрѣнія этого широкаго философскаго обобщенія, очень многое становится, какъ будто бы, совершенно яснымъ и понятнымъ, цѣлая масса разнороднѣйшихъ и, на первый взглядъ, не имѣющихъ ничего между собою общаго соціальныхъ явленій освѣщается однимъ и тѣмъ же лучомъ свѣта, цементируется однимъ и тѣмъ основнымъ принципомъ. Теорія, въ фундаментѣ которой краеугольнымъ камнемъ заложена идея о дегенераціи, оказывается всеобъемлющею, поражающею своею широтой и соблазняющею своею удивительною простотой. Прекрасная теорія! Но, не говоря уже о томъ, что при построеніи ея пришлось разбить на-голову логику и обратить въ бѣгство здравый смыслъ, она, эта соблазнительная теорія, на практикѣ оказывается, увы, совсѣмъ непримѣнимою къ весьма широкой и существенной категоріи тѣхъ самыхъ явленій, для объясненія которыхъ она именно и создана: стоитъ только подойти съ нею къ сферѣ общественно-политическаго нонконформизма, столь «удачно», какъ мы видѣли, подогнанной къ объединяющему понятію о дегенераціи, да начать систематически примѣнять ее въ этой интересной сферѣ, какъ ея «недостаточность, порочность» тотчасъ же начинаютъ бить въ глаза даже самому Ломброзо. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте только: соціальная неподвижность, консервированіе существующихъ нормъ общежитія предписываются декретированнымъ Ломброзо «закономъ природы»; всякая попытка нарушенія этого «закона» преступна, а, между тѣмъ, весьма нерѣдко случается, что само общественное большинство,—то самое большинство, въ угоду которому онъ, Ломброзо, даже генія заклалъ на алтарѣ своей теоріи,—очень безпокойно шевелится, опрокидываетъ ломброзовскій «законъ природы», отбрасываетъ своими собственными усиліями, или же руками представляющей его власти, существующія нормы, замѣняетъ ихъ новыми, находя эти послѣднія лучше, удобнѣе, выгоднѣе старыхъ, — учиняетъ, однимъ словомъ, настоящее возстаніе противъ «природы», любящей, по соображеніямъ нашего ученаго, тишь, гладь, спокойствіе и неподвижность. И вотъ, Ломброзо, скрѣпя сердце, дѣлаетъ поправку.

Всѣ соціально-политическія движенія онъ надумывается разбить на [illegible]ѣ категоріи, не одинаковыя по своему внутреннему смыслу и достоинс[illegible]у. Въ первую изъ этихъ категорій онъ относитъ *мятежи*, во вторую—[illegible]*е-волюціи*, въ широкомъ смыслѣ, подъ который, къ слову сказать, мож[illegible]ть быть подведенъ, наприм., и правительственный актъ 19 февраля 186[illegible] г. (вѣдь, и онъ былъ тоже ниспроверженіемъ существовавшихъ нормъ). [illegible]я-тежи—явленіе ненормальное, патологическое и, слѣдовательно, возбуж[illegible]ть

ихъ, принимать въ нихъ участіе могутъ только люди ненормальные, дегенерированные. Что же касается истинныхъ революцій, то онѣ представляются, дескать, ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ «нормальной эволюціи»; въ нихъ, несмотря на ихъ бурный иногда внѣшній характеръ, вовсе, однако же, для нихъ не обязательный (революціи, и, притомъ, очень крупныя, могутъ быть и бываютъ очень тихими и спокойными), нѣтъ, въ сущности, ничего патологическаго. Благодаря такой ломброзовской стратегемѣ, и большинство оказывается «сыто», и теорія «цѣла». Такъ, по крайней мѣрѣ, полагаетъ самъ Ломброзо. Но, вѣдь, если такъ, то, въ такомъ случаѣ, и дѣятели революціи, какъ процесса нормальнаго, должны быть существами тоже нормальными, такъ какъ они работаютъ въ направленіи воли большинства и, слѣдовательно, оказываются приспособленными къ жизни этого большинства или, говоря вообще, къ окружающей ихъ соціальной средѣ. А если все это такъ, то, значитъ, по отношенію къ нимъ и рѣчи не можетъ быть ни о какой дегенераціи. А, между тѣмъ, что же мы видимъ у Ломброзо? Революцію онъ признаетъ процессомъ нормальнымъ, а революціонеровъ, какъ это видно чуть не на каждой страницѣ его книги, онъ постоянно смѣшиваетъ съ представителями мятежа и, наравнѣ съ послѣдними, уличаетъ въ дегенераціи. Вотъ и извольте разбираться въ такихъ вопіющихъ противорѣчіяхъ!

XIII.

Какъ эти противорѣчія, сами по себѣ, ни крупны и ни существенны, но, по значенію своему, они оказываются нестоющими вниманія пустяками въ сравненіи съ тѣми откровеніями, которыя мы находимъ у Ломброзо по вопросу о томъ, чѣмъ отличается мятежъ отъ революціи. Но, прежде чѣмъ говорить объ этихъ поистинѣ поразительныхъ откровеніяхъ, обратимся отъ себя съ нѣсколькими словами къ нашему читателю. Мы съ вами, читатель, можемъ быть самыхъ не одинаковыхъ убѣжденій, взглядовъ, симпатій; то, что вамъ кажется бѣло, мнѣ можетъ казаться черно, и наоборотъ; но это обстоятельство намъ, одинаково претендующимъ на извѣстную степень умственнаго и нравственнаго развитія, все-таки, не помѣшаетъ имѣть кое-что общее, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы будемъ совершенно расходиться въ оцѣнкѣ того или иного даннаго явленія. Возьмемъ, въ видахъ демонстраціи, какое-нибудь историческое событіе, при обсужденіи котораго могло бы рѣзко сказаться различіе въ нашихъ взглядахъ. Вотъ, напримѣръ, знаменитый въ лѣтописяхъ исторіи государственный [illegible]воротъ, учиненный Наполеономъ III въ декабрѣ 1851 г. Вы, быть мо[illegible]ъ, скажете, что это былъ актъ преступный, позорный, гнусный; я, мо[illegible]ъ быть, заявлю вамъ, что, напротивъ, это было дѣяніе прекрасное во [illegible]хъ смыслахъ и отношеніяхъ. Оцѣнки одного и того же факта у насъ [illegible] вами окажутся діаметрально противуположными, и, все-таки, повто[illegible], у насъ съ вами даже и въ этихъ оцѣнкахъ очень много общаго. [illegible]амомъ дѣлѣ, почему вы утверждаете, что наполеоновскій *coup d'état*

былъ актъ скверный? Да потому, скажете вы, что авторъ этого дѣянія обманулъ довѣрившуюся ему страну, совершилъ клятвопреступленіе, попралъ законъ, надругался надъ конституціей, укралъ ее въ то время, какъ ему поручено было ее охранять, подалъ примѣръ неуваженія къ законности, внесъ тѣмъ самымъ деморализацію въ общество и проч., и проч. А почему я буду рукоплескать Наполеону III? Да потому, положимъ, что онъ, дескать, своимъ переворотомъ спасъ Францію отъ демагогіи, анархіи, и проч., и проч. Что же тутъ, скажете вы, общаго? Да то общее, что какъ моя, такъ и ваша оцѣнка факта исходитъ изъ соображеній *идейно-нравственныхъ*. Да изъ какихъ же иныхъ соображеній она можетъ исходить?!—съ недоумѣніемъ воскликнете вы. —То-то вотъ!... И мы раньше полагали, что ни на какихъ иныхъ соображеніяхъ такого рода оцѣнки и основывать совершенно невозможно, а теперь, вотъ, прочитали *Il delitto politico* и узнали, что въ интересующихъ насъ случаяхъ можно прекрасно обходиться и безъ такихъ пустяковъ, какъ идейно-нравственныя соображенія.

Знаете, чѣмъ, по Ломброзо, мятежъ отличается отъ революціи? Тѣмъ, что онъ обыкновенно *не сопровождается успѣхомъ*, а революція обыкновенно бываетъ *успѣшна*, *торжествуетъ*... Представимъ себѣ дѣло такъ: Иванъ олицетворяетъ собою существующій порядокъ, а Петръ возстаетъ противъ этого порядка. Кто такой Петръ?—спрашиваете вы у нашего знаменитаго ученаго,—мятежникъ или революціонеръ?—А вотъ, погодите,— отвѣчаетъ вамъ знаменитый ученый,—когда борьба Петра съ Иваномъ окончится, тогда я вамъ и скажу, кто такой Петръ, въ какую категорію дѣятелей его отнести. Если ему удастся выбить Ивана изъ занимаемой тѣмъ позиціи, тогда онъ будетъ представлять собою революцію, будетъ прогрессивнымъ дѣятелемъ, выразителемъ нормальной исторической эволюціи; ну, а если Иванъ подавитъ его попытку, да самого его ввергнетъ въ тюрьму, тогда онъ—ничто иное, какъ представитель мятежа, преступный и вредный дѣятель, выразитель дегенераціоннаго типа. Все дѣло тутъ въ томъ, кто кого...

Но, вѣдь, это же, въ полномъ смыслѣ слова, возмутительно!—съ негодованіемъ восклицаете вы, *какихъ бы убѣжденій вы ни были.*—Вѣдь, это—раболѣпное преклоненіе передъ силой кулака!... Вѣдь, это—откровенная до цинизма апологія успѣха!... Кто успѣлъ, кто побѣдилъ, кто восторжествовалъ, тотъ и правъ, тотъ и прогрессивенъ, тотъ и нормальную историческую эволюцію собою выражаетъ!... Вѣдь, это—позоръ говорить, да еще отъ лица *науки*, такія гнусныя вещи! Прежде чѣмъ расшаркиват и передъ Петромъ или лягать его,—смотря по тому, успѣлъ онъ или не - пѣлъ въ своемъ предпріятіи,—*обязательно*, кажется, навести справк о томъ, представителемъ какихъ идей, принциповъ и стремленій онъ являет .

Вовсе никакихъ справокъ объ его идеяхъ и принципахъ навод ь нѣтъ надобности,—категорически заявляетъ вамъ, въ отвѣтъ на ваши - годующіе возгласы, Ломброзо.—Разъ дѣло его не выгорѣло, разъ онъ -

зывается ввергнутымъ въ кутузку, то что-жь тутъ и разговаривать? Очевидно, криминальная антропологія имѣетъ, въ лицѣ его, дѣло съ простымъ мятежникомъ, съ преступникомъ, съ существомъ психопатическимъ, дегенерированнымъ. Это ясно, какъ Божій день.

Вы рѣшительно не вѣрите своимъ ушамъ,—до такой степени все это дико и скверно звучитъ,—и обращаетесь къ намъ съ запросомъ, вѣрно ли мы изобразили въ предъидущихъ строкахъ взглядъ Ломброзо на различіе между мятежами и революціями? Какъ будто бы, вѣрно,—отвѣчаемъ мы. А, впрочемъ, вотъ вамъ подлинныя рѣчи Ломброзо; читайте и судите сами.

«Революція,—говоритъ онъ на стр. 31,—есть историческое выраженіе эволюціи. Пра данномъ положеніи вещей, при данномъ состояніи религіозныхъ вѣрованій, научныхъ воззрѣній и проч., переставшихъ уже находиться въ соотвѣтствіи съ новыми условіями существованія, съ новыми политическими результатами и проч., она (революція) измѣняетъ общественный строй съ наименьшею тратой силъ (въ текстѣ—съ наименьшимъ треніемъ) и съ наибольшимъ успѣхомъ (*col massimo del successo*)» *). Все это пока еще ладно, хотя нельзя не замѣтить, что и тутъ уже выдвигается на сцену моментъ *успѣха*; но будемъ читать дальше, остановимъ наше вниманіе на рѣчахъ болѣе выразительныхъ. «Такимъ образомъ, однимъ изъ ея (революціи) отличительныхъ признаковъ является успѣхъ, который можетъ быть достигнутъ раньше или позже,—*uno dei suoi caratteri distintioi, dunque, è il successo, che può raggiungersi presto o tardi*» (p. 32). «Хотя въ самомъ началѣ революція бываетъ очень часто не особенно успѣшна, но, въ противуположность мятежамъ, она почти всегда кончаетъ торжествомъ» (p. 33).

---

*) Во избѣжаніе недоразумѣній при чтеніи какъ этой, такъ и всѣхъ нижеслѣдующихъ цитатъ, настоятельно рекомендуемъ читателю отказаться на время отъ ходячихъ представленій о мятежахъ и революціяхъ и помнить, что тѣ и другія разсматриваются здѣсь по существу, какъ всякаго рода попытки измѣненія существующихъ общественныхъ нормъ, *откуда бы эти попытки ни исходили.* Пытаться измѣнить названныя нормы можетъ какъ народъ или какая-либо фракція его, приходя при этомъ въ столкновеніе съ правительствомъ страны, такъ и сама государственная власть, само правительство, наталкивающееся въ этой своей реорганизаціонной дѣятельности на активное или пассивное сопротивленіе народа, общества, вообще, соціальной среды. Если имѣющая въ виду общественную реорганизацію попытка (индивидуальная, групповая, классовая, народная, правительственная) оказывается неудачною, она пріурочивается Ломброзо къ понятію мятежа, т.-е. преступнаго посягательства на *существующій строй* (а вовсе не на данную правительственную систему, какъ это обыкновенно понимаютъ). Если же она увѣнчивается успѣхомъ, то —актъ революціонный, въ истинномъ смыслѣ слова, т.-е. эволюціонный, прогрес-ный... Если читатель не будетъ имѣть въ виду этого критерія, то онъ окажется полнѣйшемъ недоумѣніи при чтеніи тѣхъ мѣстъ *Il delitto politico*, гдѣ Ломброзо находитъ возможнымъ точно опредѣлить, къ какой категоріи явленій,—къ мятеж- или революціонной,—слѣдуетъ отнести, наприм., реформы Петра Великаго или истра Помбаля въ Португаліи, далѣе—христіанство или буддизмъ, въ первыя вре-ъ ихъ существованія, и пр., и пр. Такія и имъ подобныя явленія, по Ломброзо, -ятся ни къ той, ни къ другой категоріи, а къ промежуточной (см., напримѣръ, 35 и мн. др.).

«Мятежъ представляетъ собою революціонный абортъ, въ гораздо бо̀льшей степени конвульсію, чѣмъ нормальное движеніе, а потому и служитъ выраженіемъ болѣзни и слабости» (р. 34). И во время настоящей революціи могутъ совершаться такія дѣянія, которыя заинтересованными лицами могутъ разсматриваться, какъ мятежныя, «но въ самый моментъ совершенія дѣяній нельзя опредѣленно отвѣтить на вопросъ, что̀ это такое (мятежный актъ или нѣтъ); отвѣтъ можетъ быть данъ только позже, только въ виду окончательнаго исхода движенія» (р. 36). «Революціи есть феноменъ физіологическій, а возстанія (*rivolte*)—феноменъ патологическій. Въ виду этого, первыя никогда (*mai*) не бываютъ преступленіемъ, такъ какъ общественное мнѣніе ихъ оправдываетъ и санкціонируетъ (*perchè l'opinione pubblica le suggella e dà loro ragione*), между тѣмъ какъ вторыя, наоборотъ, всегда есть если и не прямо преступленіе, то нѣчто ему эквивалентное» (р. 35). «Одинъ только успѣхъ опредѣляетъ, будетъ ли сегодняшній мятежникъ торжествующимъ революціонеромъ завтрашняго дня (*è il successo che determina se il ribelle dell'oggi sia il rivoluzionario trionfante della domane*» стр. 35—36).

Прекращаемъ выписки и теперь уже, въ свою очередь, обращаемся къ читателю съ просьбою категорически отвѣтить намъ, вѣрно или невѣрно мы изобразили выше ломброзовскій взглядъ на различіе между мятежомъ и революціею. Въ смыслѣ этого отвѣта мы, впрочемъ, ни на одну минуту не сомнѣваемся: вѣдь, только что приведенныя нами ломброзовскія рѣчи настолько выразительны и недвусмысленны, что понять ихъ иначе, чѣмъ мы ихъ поняли, довольно затруднительно. Успѣхъ, успѣхъ—вотъ критерій для отличенія революціи отъ мятежа, здоровыхъ общественныхъ движеній отъ патологическихъ, представителей психо-физіологической нормы отъ представителей дегенераціи, органическаго регресса, дѣятелей соціальнаго прогресса отъ адептовъ реакціи. Мы глубоко убѣждены въ томъ, что къ этому ломброзовскому критерію съ одинаковою гадливостью отнесутся *всѣ*, всѣ хоть сколько-нибудь мыслящіе и развитые нравственно люди, какихъ бы мнѣній они ни придерживались, какое бы соціально-политическое *profession de foi* ни исповѣдовали, къ какому бы лагерю или партіи ни принадлежали. Не будь у насъ этого убѣжденія,—и мы не стали бы и толковать здѣсь о такихъ «неудобныхъ» для разговора вещахъ.

А теперь, читатель, попробуемъ вооружиться ломброзовскимъ критеріемъ и сдѣлаемъ бѣглую экскурсію въ область исторіи. Вотъ, напримѣръ, передъ нами христіане первыхъ временъ. Ихъ безпощадно гонятъ, бьютъ, заточаютъ въ тюрьмы, отдаютъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ, жг[illegible], вѣшаютъ, распинаютъ на крестахъ. Они только страдаютъ, терпятъ [illegible] возможныя лишенія, мученія, поношенія, гибнутъ, гибнутъ массами. Н[illegible] какомъ фактическомъ торжествѣ ихъ въ ту мрачную и тяжелую [illegible] нихъ эпоху не было, конечно, и помина. Какое ужь тутъ торжеств[illegible] Кто же, спрашивается, они были *тогда*,—мятежники, «порочныя, [illegible] достаточныя организаціи», продукты дегенераціи или дѣятели прогре[illegible]

выразители эволюціи, положительные, а не отрицательные, въ духовномъ отношеніи, элементы? Кто они? Прикладывая къ нимъ ломброзовскій аршинъ, съ крупною надписью: *«успѣхъ»*, мы неибѣжно приходимъ къ тому опредѣленію, что они были мятежниками (хотя и пассивными) и, слѣдовательно, «выродками» (*dégénérés*). А если у насъ, несмотря на полученные нами результаты измѣренія аршиномъ, все-таки, останется нѣкоторое сомнѣніе и если мы за разрѣшеніемъ этого сомнѣнія обратимся къ самому Ломброзо, то онъ, какъ мы уже знаемъ, отвѣтитъ намъ,— хотя, очевидно, и не безъ сильнаго смущенія, что это—люди промежуточные, ни то, ни се, и что, во всякомъ случаѣ, криминальная антропологія должна ихъ оставить подъ сильнѣйшимъ подозрѣніемъ. Въ то самое время, когда вы раздумываете надъ этими «учеными» рѣчами, до слуха вашего долетаетъ, со страницъ Евангелія, кроткій, горячій, проникающій вамъ въ душу голосъ Христа: «Блаженны изгнанные за правду, ибо ихъ есть царство небесное,—говоритъ Спаситель по адресу тѣхъ, о комъ вы только что наводили справки у Ломброзо.—Блаженны вы, когда будутъ поносить васъ и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня... Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесахъ: такъ гнали и пророковъ, бывшихъ прежде васъ... Вы—соль земли... Вы—свѣтъ міра» (Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 10—15). При первыхъ же звукахъ этого чарующаго голоса вы, конечно, отбрасываете отъ себя лежащую передъ вами, раскрытую на 35 страницѣ, книгу Ломброзо: и безъ помощи ея вы можете ясно и отчетливо сказать, кто эти люди, о которыхъ вы сейчасъ спрашивали, съ цѣлью проэкзаменовать знаменитаго ученаго.

Оставляемъ христіанъ и идемъ хотя бы, наприм., къ болгарамъ, стонущимъ подъ турецкимъ игомъ. Несчастные «райи», въ конецъ измученные варварскимъ азіатскимъ режимомъ, съ его жестокостями, насиліями, хищничествомъ и вопіющими несправедливостями, начинаютъ терять терпѣніе и вспоминаютъ, что они, вѣдь, тоже люди; въ ихъ средѣ проявляется броженіе, начинаютъ вспыхивать революціонные искорки и огоньки. Наиболѣе смѣлые и рѣшительные изъ нихъ уходятъ въ «балканъ» (горы), унося съ собою въ сердцѣ непримиримую ненависть и жгучую злобу къ турчину за обезчещенныхъ женъ, сестеръ, дочерей, за злодѣйски прирѣзанныхъ родителей и дѣтей, за разграбленное имущество, организуются въ горахъ въ гайдуцкія шайки и затѣмъ, улучая моментъ, налетаютъ внезапно на «поганаго турчина», поработителя и осквернителя родины, жгутъ, рѣжутъ, грабятъ, стараются взять за око два ока, за зубъ два зуба. Если при такихъ налетахъ имъ случится просчитаться, т.-е. натолкнуться на слишкомъ большую вражью силу, если ихъ настигнетъ «потеря» (погоня), если пути отступленія въ гостепріимный балканъ оказываются отрѣзанными, они, гайдуки, платятся головами, сажаются на колъ, вздергиваются на висѣлицу, гніютъ въ ужасныхъ азіатскихъ тюрьмахъ. Нѣсколько позже и въ долинахъ время отъ времени появляются геройскія повстанническія «четы» и вступаютъ съ «турчиномъ» въ отчаянную, но совсѣмъ нерав-

ную, совершенно безнадежную борьбу, въ которой и гибнутъ, причемъ озлобленный повстанцами властелинъ-турокъ, не ограничиваясь свирѣпымъ истребленіемъ тѣхъ, кто попался ему съ оружіемъ въ рукахъ, обрушивается и на мирную райю, вырѣзываетъ и выжигаетъ цѣлыя селенія, цѣлые города, заливая многострадальную болгарскую землю потоками крови, заваливая ее трупами мужчинъ, женщинъ, дѣтей... Узнавая объ этихъ дикихъ расправахъ, Европа вздрагиваетъ отъ ужаса. Гладстонъ, Лавеле и др. умоляютъ цивилизованное человѣчество положить конецъ неописуемымъ злодѣйствамъ, творящимся на Балканскомъ полуостровѣ. Наконецъ, мы, русскіе, бросаемся за Дунай, заслоняемъ собою гибнущихъ «братушекъ» и, огромною цѣной 200,000 собственныхъ жизней, вырываемъ истекающую кровью Болгарію изъ когтей ея пятивѣкового мучителя... Припоминая все это, мы спрашиваемъ у Ломброзо, кто такіе были болгарскіе повстанцы, вступавшіе съ турками въ *безнадежную* борьбу и неизбѣжно, роковымъ образомъ *погибавшіе* въ этой борьбѣ? Да, вѣдь, если они гибли, если дѣло ихъ было безнадежно въ ту эпоху, если объ успѣхѣ, о торжествѣ ихъ тогда не могло быть и рѣчи, то ясно, кто они были: мятежники, преступники, конечно, не приспособленныя (къ турецкому игу?) организаціи, неуравновѣшенныя, недостаточныя, дегенерированныя натуры. Прослушавъ такой отвѣтъ, вы, изъ опасенія, что съ языка у васъ невольно сорвется, чего добраго, крѣпкое слово, поспѣшно отходите отъ слишкомъ ужь ученаго туринскаго профессора и мысленно отвѣшиваете благоговѣйный поклонъ передъ памятникомъ, воздвигнутымъ въ г. Софіи русскими оккупаціонными властями въ память одного изъ наиболѣе тяжкихъ изъ числа только что упомянутыхъ мятежниковъ-«преступниковъ», главнѣйшаго организатора послѣдняго передъ освобожденіемъ болгарскаго возстанія, діакона Левскаго, погибшаго на висѣлицѣ.

Многое множество и другихъ историческихъ картинъ въ томъ же родѣ проносится у васъ передъ вашими умственными взорами,— вѣдь, исторія полнымъ-полна такими картинами; длинною вереницей проходятъ въ вашей памяти величавыя фигуры и единичныхъ нонконформистовъ, которымъ тоже приходилось погибать гораздо раньше торжества ихъ идей. Вонъ Джіордано Бруно на кострѣ, вонъ Галилей въ цѣпяхъ, вонъ святой энтузіастъ, фанатикъ идеи освобожденія негровъ въ Америкѣ, Джонъ Броунъ, съ горстью освобожденныхъ имъ на отцовской фермѣ рабовъ и немногими единомышленниками выступающій (въ концѣ 40-хъ или началѣ 50-хъ годовъ) въ настоящій военный походъ противъ рабовладѣльцевъ-южанъ, тотчасъ же попадающій въ ихъ руки и безжалостно разстрѣливаемый; в Кола-ди-Ріензи, вонъ Саванаролла, Гусъ, Іоганнъ Жижка, вонъ длин фаланга мучениковъ за объединеніе Италíи, вонъ толпы изнывающихъ изгнаніи или задыхающихся въ гнилыхъ тюрьмахъ Кайенны жертвы полеоновскаго *coup d'état*, вонъ длинные ряды избиваемыхъ, гоним гугенотовъ... Да развѣ всѣхъ ихъ можно перечесть и указать? И е прикинуть къ нимъ ломброзовскую мѣрку, если попытаться опредѣлить

достоинство при помощи указаннаго Ломброзо критерія, то, вѣдь, всѣхъ, всѣхъ ихъ придется отнести въ преступную, дегенераціонную категорію. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, непосредственнаго успѣха они не имѣли,—вѣдь, они только гибли, а не торжествовали.

Но, быть можетъ, Ломброзо скажетъ, что онъ и не говоритъ о *непосредственномъ* успѣхѣ (а, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же онъ даже первыхъ христіанъ, не говоря уже ни о комъ другомъ, относитъ въ сомнительную, промежуточную категорію?), что онъ имѣетъ въ виду торжество, достигаемое «раньше или позже». Прекрасно; но если мы, не обращая уже вниманія на непрерывныя и вопіющія ломброзовскія противорѣчія, вооружимся противъ Ломброзо этимъ самымъ «раньше или позже», то, вѣдь, отъ всѣхъ его безконечно-длинныхъ «ученыхъ» разглагольствованій на интересующую насъ теперь тему, буквально, ни одной іоты не уцѣлѣетъ,—все, все развалится прахомъ.

Хотя бесѣдовать съ Ломброзо о вещахъ, по поводу которыхъ у насъ была рѣчь на предъидущихъ страницахъ, и совсѣмъ не поучительно, и не заманчиво, но у васъ въ головѣ стоитъ одинъ большой, слегка только затронутый выше вопросъ, на который вы еще не получали до сихъ поръ прямого отвѣта, и вотъ вы, скрѣпя сердце, подходите къ знаменитому антропологу-криминалисту еще разъ—и послѣдній—и говорите ему, примѣрно, слѣдующее: «Мы—живые люди и, въ качествѣ таковыхъ, никакъ не можемъ успокоиться на высказываемыхъ вами положеніяхъ и заключеніяхъ. Вы, вотъ, говорите, что между мятежнымъ и истинно-революціоннымъ,—т.-е., по существу, эволюціоннымъ,—движеніемъ существуетъ глубокая разница. Первое, по вашимъ словамъ, всегда преступно, всегда является выраженіемъ общественной слабости и болѣзни, говоритъ о дегенераціи его участниковъ, оказывается вреднымъ для общества; что же касается второго, то оно характеризуется какъ разъ обратными свойствами и признаками. Прекрасно; но какъ намъ воспользоваться вашими учеными соображеніями на практикѣ? Мы хотимъ служить добру, общественному благу, прогрессу; мы не желаемъ потакать вредной, патологической дѣятельности кого бы то ни было. Не можетъ ли ваша наука дать намъ какіе-нибудь совѣты и указанія, при помощи которыхъ мы могли бы безошибочно опредѣлять, что̀ хорошо, что̀ дурно изъ числа совершающихся вокругъ насъ общественно-политическихъ явленій и, такимъ образомъ, сознательно относиться къ окружающей насъ дѣйствительности, сознательно принимать участіе въ кипящей вокругъ насъ жизни, сознательно бороться противъ зла, противъ вредныхъ, регрессивныхъ тенденцій и поползновеній? Предположимъ, что мы живемъ во Франціи и что на нашихъ глазахъ совершается, наприм., наполеоновскій *coup d'état*. Какъ намъ быть, какъ намъ отнестись къ этому крупному общественно-политическому событію? Что намъ дѣлать,—стать ли на сторону угрожаемаго *status quo* и, вмѣстѣ съ Викторомъ Гюго, Шельхеромъ, Ледрю-Ролленомъ, Боденомъ и другими защищать попираемую Наполеономъ III конституцію, или же помочь

этому самому Наполеону, «спасающему Францію отъ демагогіи»? Откровенно говоря, у насъ имѣются довольно опредѣленныя мнѣнія по этому вопросу, и, по всей вѣроятности, мнѣніями этими мы и будемъ руководствоваться въ нашемъ поведеніи. Но, тѣмъ не менѣе, намъ, въ нашей дѣятельности, не хотѣлось бы становиться въ разрѣзъ съ законами и требованіями вашей почтенной науки... Такъ вотъ какой же отвѣтъ дастъ намъ эта ваша наука на только что поставленные вопросы?

— Милостивые государи и милостивыя государыни! — отзывается знаменитый Ломброзо.—«Мы, представители криминальной антропологіи, рѣшительно не можемъ опредѣленно высказаться относительно совершающихся, но еще не совершившихся, фактовъ, не можемъ сказать, выраженіемъ чего они служатъ,—революціи или мятежа (*è impossibile sulle prima il distinguere, quando un atto sia rivoluzionario o sia sedizioso,* p. 35). Мы тутъ далеко не всегда можемъ отличить революціонера отъ мятежника, который, какъ мы уже знаемъ, одинъ только и долженъ считаться настоящимъ преступникомъ (*non sempre potremo sceverare nell'esame individuale i rivoluzionari dai ribelli, che sarebbero i soli veramente rei,* ibid.). Такъ какъ это очень важно, то поэтому мы особенно на этомъ настаиваемъ и считаемъ нужнымъ повторить еще разъ: когда мы имѣемъ передъ собою какихъ-либо участниковъ въ совершающемся общественно-политическомъ движеніи, то мы не знаемъ, мятежники это или революціонеры (*non sappiamo se... sien ribelli o rivoluzionari,* p. 379). Наука наша говоритъ, что единственно надежнымъ критеріемъ въ данномъ случаѣ является успѣхъ. Но успѣхъ выдвигается на сцену только въ концѣ всякаго дѣла или движенія, а потому и нужно ждать этого конца, хотя... хотя въ этомъ выжиданіи можетъ пройти и очень много времени (*occore del tempo e di molto,* p. 36). А на чьей сторонѣ будетъ успѣхъ, это вы опредѣлите по очень простому признаку, выясненному нашею наукой: кого влекутъ въ кутузку, тотъ не получилъ успѣха; тотъ же, кто влечетъ,—успѣлъ, восторжествовалъ. Вы просите у меня совѣта, какъ вамъ быть въ виду совершающихся событій. Говорю вамъ отъ лица науки: изъ боязни ошибиться, не вмѣшивайтесь въ начинающуюся на вашихъ глазахъ борьбу; не становитесь ни на сторону одного, ни на сторону другого изъ противниковъ; отойдите вдаль отъ поля борьбы и выжидайте, кто кого побѣдитъ, а затѣмъ привѣтствуйте побѣдителя: онъ—орудіе общественной эволюціи, онъ—нормальный дѣятель, онъ—двигатель прогресса... Это все, что можетъ отвѣтить на вашъ вопросъ наша наука».

Полагаемъ, что лучше всего будетъ оставить эти глубокомыслен «ученыя» рѣчи безъ всякихъ комментаріевъ.

XIV.

Мы кончили и ждемъ, что читатель нашъ съ недоумѣніемъ спрос насъ: да неужели же въ ломброзовскихъ произведеніяхъ и, въ частнос въ *Il delitto politico* такъ-таки ужь и нѣтъ ничего болѣе серьезн

дѣльнаго, умнаго и поучительнаго, чѣмъ все то, о чемъ была рѣчь въ настоящей статьѣ?... О, нѣтъ, читатель, какъ не быть!... Вѣдь, въ сущности, едва ли даже и возможно написать такую большую, такую тяжеловѣсную книгу такъ, чтобы въ ней не оказалось ровно ужь ничего хорошаго, цѣннаго, заслуживающаго вниманія. Есть, конечно, хорошее, между прочимъ, и въ сочиненіи *Il delitto politico*, которое мы имѣли главнымъ образомъ въ виду въ нашей статьѣ. Такъ, и въ этой книгѣ собранъ огромный запасъ фактовъ, между которыми есть немало и очень интересныхъ, и очень поучительныхъ и которыми читатель можетъ воспользоваться для своихъ собственныхъ соображеній, извлекши ихъ предварительно изъ стѣнъ возведеннаго Ломброзо «зданія». Найдутся тамъ, конечно, и недурныя мысли, здравыя положенія, заслуживающія вниманія соображенія, указанія и рекомендаціи; такъ, наприм., читатель съ удовольствіемъ прочтетъ въ *Il delitto politico* многія страницы, на которыхъ трактуется важный вопросъ о предупрежденіи политическихъ преступленій... Но, къ сожалѣнію, то хорошее, что̀ есть въ книгѣ, буквально тонетъ въ пучинѣ всевозможныхъ противорѣчій, натяжекъ, поспѣшныхъ и легкомысленныхъ обобщеній и выводовъ, неосмысленныхъ сопоставленій, грубѣйшихъ логическихъ ошибокъ... Нелады автора съ логикой, отсутствіе у него критической мысли и безсиліе его проникнуть во внутреній смыслъ трактуемыхъ имъ явленій бросаются читателю въ глаза положительно на каждомъ шагу, подрываютъ всякое довѣріе къ автору и заставляютъ крайне подозрительно относиться ко всѣмъ, вообще, его соображеніямъ, заключеніямъ и положеніямъ. Представьте себѣ, что вы перелистываете какой-нибудь математическій трактатъ, въ которомъ вы, къ изумленію своему, наталкиваетесь на рядъ несомнѣнныхъ доказательствъ того, что писавшій этотъ трактатъ не совсѣмъ твердъ даже по части элементарной ариѳметики; представьте себѣ, что вы просматриваете какую-нибудь естественно-историческую книгу и находите въ ней пресерьезныя сообщенія о томъ, наприм., что у змѣи есть «жало» или что китъ есть рыба, или что громъ есть грохотъ, производимый быстро мчащеюся въ облакахъ колесницей пророка Ильи... Натолкнувшись на такіе перлы, вы съ полнымъ основаніемъ и правомъ заключаете, что едва ли возможно ожидать отъ авторовъ чего-либо путнаго... Ну, такъ вотъ почти то же самое можно сказать и про Ломброзо...

Нѣтъ, мы рѣшительно не согласны съ цитированнымъ нами въ началѣ статьи Вирджиліо, утверждающимъ, что Ломброзо есть, будто бы, *pensatore* [illegible] *genio*... До «генія» ему, какъ до звѣзды небесной, далеко. Какъ это [illegible]красно видно по всѣмъ продуктамъ его ученаго творчества, умъ его не [illegible]окъ, не силенъ, не проницателенъ; мысль его мелка, всегда почти [illegible]ьзитъ только по поверхности затрогиваемыхъ ею вопросовъ и оказы[illegible]ся совершенно безсильною уловить внутренній смыслъ и постигнуть [illegible]нную, логическую связь тѣхъ явленій, вокругъ которыхъ она рѣзво [illegible]етъ. Ломброзо, по всѣмъ видимостямъ, даже и понятія не имѣетъ о

томъ, что такое критическая мысль,—до такой степени эта послѣдняя блистаетъ своимъ отсутствіемъ во всѣхъ его произведеніяхъ. Не мудрено поэтому, что ученый криминалистъ-антропологъ почти постоянно оказывается въ довольно натянутыхъ отношеніяхъ и съ логикой, которая, за пренебреженіе къ себѣ, на каждомъ шагу и мститъ ему самымъ безжалостнымъ образомъ. Вопіющихъ противорѣчій, логическихъ несообразностей, доказательствъ поразительнаго безсилія мысли, примѣровъ младенчески-наивнаго мышленія въ ломброзовскихъ писаніяхъ не оберешься. Иногда, какъ это, наприм., имѣетъ мѣсто въ *Il delitto politico*, конецъ трактата отрицаетъ его начало, одна глава побиваетъ другую; бываетъ даже и такъ, что страницы, находящіяся въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ, оказываются въ непримиримой враждѣ между собою. Объясняется все это, между прочимъ, и тѣмъ весьма существеннымъ обстоятельствомъ, что нашъ *pensatore di genio* въ сферѣ соціальныхъ явленій оказывается совершеннѣйшимъ профаномъ. Въ волнахъ человѣческой исторіи онъ не усматриваетъ ничего, кромѣ череповъ, носовъ, ушей, зубовъ, волосъ и тому подобныхъ любопытныхъ предметовъ, подлежащихъ его антропологическому вѣдѣнію. Всякаго рода соціологическіе вопросы,—каковъ, наприм., вопросъ о преступности вообще и политической въ частности,—лежатъ, очевидно, совсѣмъ внѣ предѣловъ его компетенціи, что, однако же, нимало не мѣшаетъ ему проявлять необыкновенную самоувѣренность, поразительное самомнѣніе при обсужденіи и рѣшеніи этихъ вопросовъ. Онъ пренаивно считаетъ себя глубокимъ, проницательнымъ мыслителемъ и всеобъемлющимъ ученымъ; въ антропологіи, какъ и во всѣхъ прочихъ наукахъ, считая тутъ, конечно, и соціологію, онъ—наикомпетентнѣйшій судья, непогрѣшимый папа; никакого противорѣчія себѣ онъ не выноситъ; малѣйшее несогласіе съ его взглядами и теоріями онъ принимаетъ чуть не за личное себѣ оскорбленіе; даже тѣнь сомнѣнія въ его авторитетности, въ его научномъ значеніи, въ истинности его доктринъ выводитъ его изъ себя, переполняетъ его пылкое сердце чувствомъ гнѣва и заставляетъ прекомично сердиться. О высказанныхъ имъ «новыхъ словахъ», о построенныхъ имъ теоріяхъ, о сдѣланныхъ имъ «открытіяхъ» въ сферѣ мысли онъ чрезвычайно высокаго мнѣнія. Такъ, напримѣръ, его криминально-антропологическія идеи кажутся ему до такой степени глубокими, важными, драгоцѣнными, что степенью воспріимчивости къ нимъ онъ опредѣляетъ, — боимся, что читатель не повѣритъ, — и степень духовной зрѣлости, интеллектуальнаго развитія, и способность данной страны или даннаго народа къ усвоенію новыхъ формъ жизни и мысли, къ движенію впередъ, къ прогрессу. Если въ извѣстной стра[нѣ] плохо прививаются ученія и откровенія, исходящія изъ Турина, стра[на] эта, по соображеніямъ Ломброзо, страдаетъ отсталостью или представляет[ся] безнадежною въ духовномъ отношеніи; если же дѣло стоитъ обратно, е[сли] къ словесамъ туринскаго пророка гдѣ-либо внимательно прислушиваю[тся], а передъ самимъ этимъ пророкомъ благоговѣйно преклоняютъ колѣна, народъ, къ которому принадлежатъ эти колѣнопреклоненные ученики,

ладаетъ, очевидно, духовною свѣжестью и отличается прогрессивнымъ духомъ. Мы уже имѣли случай замѣтить, что насъ, русскихъ, Ломброзо относитъ къ числу народовъ, наименѣе приверженныхъ къ рутинѣ, наиболѣе склонныхъ ко всякимъ новшествамъ, наиболѣе новаторскихъ, прогрессивныхъ (*essenzialmente novatori*). На основаніи чего же, спрашивается, онъ выдаетъ намъ такой аттестатъ? Да исключительно только на основаніи того знаменательнаго «факта», что, съ одной стороны, «въ Россіи процвѣтаютъ соціалистическія идеи» (?!?), а съ другой, что «какъ разъ именно въ Россіи итальянская криминальная школа (ломброзовская) и находитъ себѣ главнѣйшихъ послѣдователей» (*l'idea socialistica fiorisce in Russia, e la scuola penale italiana ha appunto in Russia i suoi principali fautori. Delitto politico*, p. 131). Разъ ломброзовскія идеи находятъ для себя главнѣйшую поддержку въ русскихъ ученыхъ (?!?), то ясно, стало быть, что Россія—очень прогрессивная и многообѣщающая страна (да простятся Ломброзо за такое лестное мнѣніе о нашей родинѣ всѣ его безчисленныя прегрѣшенія противъ здраваго смысла и логики!). Замѣтивъ мимоходомъ, что, очевидно, кто-то злокозненно подшутилъ надъ Ломброзо, введя его въ пріятное заблужденіе относительно мнимаго процвѣтанія его идей въ Россіи, обратимся къ другимъ народамъ. Вотъ, наприм., французы и бельгійцы, среди которыхъ, какъ извѣстно, проповѣдь ломброзизма, увы, остается гласомъ воіющаго въ пустынѣ. Почему это и о чемъ этотъ фактъ свидѣтельствуетъ? Да не о чемъ иномъ, какъ о томъ, что «бельгійцы и французы еще умственно не созрѣли, не доросли до этихъ новыхъ теорій (ломброзовскихъ), а потому и не могутъ ихъ понимать, подобно тому, какъ дальтонисты (страдающіе цвѣтною слѣпотой) не могутъ судить о красномъ цвѣтѣ» *). Отрицаютъ ломброзизмъ—значитъ не понимаютъ его, а не понимаютъ и не могутъ понять потому, что не доросли еще до этого пониманія. Что касается, въ частности, французовъ, среди которыхъ ломброзовскія идеи, теоріи и «открытія» встрѣчаютъ наиболѣе рѣшительный отпоръ и отрицаніе, то это — самая необстоятельная, несерьезная и нестоющая нація, отъ которой нечего и ждать чего-либо путнаго. Кто не знаетъ, что, проявляя сильнѣйшую наклонность къ однимъ только безтолковымъ и безплодным «мятежамъ», французы въ исторіи своей «насчитываютъ чрезвычайно мало творцовъ истинныхъ революцій, политическихъ и научныхъ» (*frequentemente in istato di sedizione, contano scarsissimi creatori di vere revoluzioni politiche e scientifiche. Il delitto politico*, p. 131). Вотъ какое важное значеніе имѣетъ непризнаваніе ломброзовскихъ ид[illegible]! Читая подобныя вещи,—къ слову сказать, прекрасно характеризу[illegible]ія степень серьезности и основательности ломброзовскихъ умозаключе[illegible] и выводовъ,—невольно начинаешь думать, что если недостатокъ или

„I belgi ed i francesi non erano maturati a queste nuove teorie e non le po[illegible]o comprendere, e si trovano quindi nella condizione dei daltonici che dovesse[illegible]dicare del color rosso" (миланская *Corriere della Sera* 1892, 1 sept.).

отсутствіе скромности есть признакъ геніальной натуры, то Ломброзо, несомнѣнно, очень большой геній...

Повторяемъ еще разъ: Ломброзо вовсе не «геніальный», а весьма плохой и весьма легкомысленный мыслитель. Продукты его мышленія кажутся намъ довольно характерными обращиками того, какъ *не надо* мыслить и философствовать, а тяжеловѣсные плоды его ученыхъ изслѣдованій—наглядными примѣрами того, какъ *не надо* производить ученыхъ изслѣдованій. Показать это и было задачею настоящей статьи.

И. Д—въ.

Изъ итоговъ земскаго школьнаго дѣла.

Въ настоящемъ очеркѣ мы попытаемся сдѣлать оцѣнку школьной дѣятельности нижнедѣвицкаго уѣзднаго земства. Въ лѣтописяхъ дѣятельности этого земства по народному образованію нѣтъ блестящихъ страницъ, которыя давали бы ему право на какое-нибудь выдающееся положеніе среди другихъ уѣздныхъ земствъ. Напротивъ, крайняя осторожность, съ которою дѣлается имъ каждый новый шагъ, медленность, часто граничащая съ неподвижностью, ставятъ его въ многочисленный разрядъ тѣхъ уѣздныхъ земствъ земледѣльческой полосы, заурядная дѣятельность которыхъ, не привлекая ничьего вниманія, проходитъ совершенно незамѣченной. Тѣмъ, однако, интереснѣе присмотрѣться къ результатамъ этой работы, оцѣнить ея производительность и значеніе: въ общемъ теченіи жизни наиболѣе крупною величиной всегда были и будутъ именно заурядныя явленія; они первенствуютъ своею многочисленностью, и съ нихъ-то и приходится начинать изученіе дѣйствительности.

Ближайшимъ поводомъ къ тому, что мы остановились именно на Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ, послужило слѣдующее обстоятельство: въ началѣ 1894 года нижнедѣвицкій училищный совѣтъ поручилъ тремъ членамъ своимъ: П. И. Ткачеву, А. П. Иваньшину и Я. И. Харкѣевичу, — произвести повѣрочное испытаніе знаній бывшихъ учениковъ всѣхъ начальныхъ училищъ уѣзда, съ цѣлью выяснить, остается ли что-нибудь въ памяти прошедшихъ начальную школу по прошествіи пяти-десяти лѣтъ по полученіи ими свидѣтельства о грамотности. Испытанія были произведены, главнымъ образомъ, во время великаго поста 1894 г., когда крестьяне наиболѣе свободны, и результатомъ ихъ былъ докладъ училищному совѣту, издан... потомъ отдѣльною брошюрой, подъ заглавіемъ: *Долго ли помнятъ* ...*моту крестьяне, прошедшіе начальную народную школу, читаютъ* ...*чи по выходѣ изъ школы, и что по преимуществу, гдѣ берутъ* ...*и* (Воронежъ, 1894 г.). Докладъ этотъ, составленный на основаніи ...товъ болѣе чѣмъ тысячи человѣкъ, имѣлъ въ виду рѣшить лишь по...енные выше вопросы, и потому далеко не могъ исчерпать всего со...ія предлагаемыхъ письменными работами матеріаловъ. Получивъ воз-

можность подробно ознакомиться съ подлинными экзаменаціонными работами окончившихъ курсъ крестьянъ, мы убѣдились, что съ помощью ихъ можно близко подойти къ отвѣту на вопросъ, не менѣе интересный, чѣмъ тѣ, на которые отвѣтилъ уже училищный совѣтъ, а именно на вопросъ о той роли, какую играетъ теперь и можетъ играть въ будущемъ начальная школа въ жизни сельскаго населенія.

Нижнедѣвицкій уѣздъ, занимающій площадь въ 333,938 десятинъ, съ населеніемъ въ 175,000 человѣкъ обоего пола, принадлежитъ къ числу уѣздовъ съ наиболѣе рѣзко выраженнымъ земледѣльческимъ характеромъ. Кустарные промыслы развиты въ немъ очень слабо, фабричная и заводская дѣятельность почти совершенно отсутствуетъ, и крестьяне, во владѣніи которыхъ находится 81,4% всей площади земли, занимаются исключительно земледѣліемъ, пополняя свой скудный бюджетъ отхожими, преимущественно сельско-хозяйственными промыслами, для какой цѣли они ежегодно массами двигаются на югъ Россіи и на Кавказъ. Въ виду постепеннаго истощенія производительныхъ силъ земли и пониженія ея урожайности, площадь распашки съ каждымъ годомъ увеличивается въ ущербъ другимъ хозяйственнымъ угодьямъ, и въ настоящее время подъ пашней въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ занято около 80% всей площади земли.

Исключительно земледѣльческій характеръ уѣзда налагаетъ, конечно, замѣтную печать на всѣ стороны жизни мѣстнаго населенія, не исключая и типа и степени его умственнаго развитія.

Въ отношеніи грамотности населеніе уѣзда лѣтъ тридцать тому назадъ находилось въ самомъ жалкомъ положеніи: изъ тысячи и болѣе душъ, жившихъ въ одномъ селеніи, едва ли можно было насчитать пятерыхъ, которые умѣютъ читать, и то развѣ со включеніемъ сюда отставныхъ солдатъ, выучившихся грамотѣ въ полку. Хотя въ уѣздѣ и насчитывалось пять сельскихъ школъ, учрежденныхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ, но значеніе ихъ, въ смыслѣ распространенія грамотности, сводилось къ нулю. Крестьяне,—пишетъ современный изслѣдователь мѣстной жизни *),—неохотно отдаютъ дѣтей въ школы, во-первыхъ, потому, что школы эти не имѣютъ постоянныхъ учителей, а, во-вторыхъ, потому, что крестьяне не убѣждены въ пользѣ грамотности для своего быта и считаютъ ее не только дѣломъ излишнимъ, но даже вреднымъ. Оно и понятно: крестьянинъ, которому счастливая звѣзда его открывала путь къ грамотности, составлялъ въ то время такое рѣдкое исключеніе среди своихъ односельчанъ, что ему слишкомъ трудно было удержаться отъ соблазна, [съ] всѣхъ сторонъ манившаго его воспользоваться выгодами его исключите[ль]наго положенія. И часто молодые люди, обученные грамотѣ, уже не в[оз]вращались къ занятіямъ своихъ родителей, а дѣлались писарями въ се[...]

---

*) *Воронежскій Литературный Сборникъ* 1861 г., статья П. Малыхина: *Го[родъ] Нижнедѣвицкъ и его уѣздъ*, стр. 265.

скихъ расправахъ, волостныхъ правленіяхъ и окружныхъ управленіяхъ, становились какъ бы во враждебное отношеніе къ обществу, злоупотребляя своимъ вліяніемъ на цѣлую массу крестьянскаго населенія. Нравственная устойчивость въ невѣжественной средѣ не могла имѣть мѣста, и стоило только на мгновеніе оторваться отъ стихійной «власти земли», настраивавшей все міросозерцаніе крестьянина на опредѣленный ладъ, стоило только на вершокъ выше подняться надъ темною крестьянскою средой, почувствовать свое превосходство надъ ней, чтобы навсегда забыть свою кровную связь съ ней и стать такимъ же безграмотнымъ деспотомъ, какимъ было въ тѣ времена «начальство». Да что начальство? Всякій пройдоха, запасшійся писанымъ листомъ, могъ выдавать себя за чиновника и собирать обильную дань съ довѣрчивыхъ и забитыхъ крестьянъ: писанный листъ въ глазахъ безграмотнаго населенія былъ непоколебимымъ авторитетомъ, и съ помощью его можно было безнаказанно творить въ деревнѣ все, что хотѣлось. Фактовъ для иллюстраціи этого положенія можно было найти не мало, и изслѣдователь отмѣчаетъ, между прочимъ, одинъ характерный случай, повторившій собой исторію Хлестакова, но только въ иной обстановкѣ. Одинъ господинъ,—пишетъ онъ,—выдалъ себя за посланнаго правительствомъ топографа и объѣхалъ въ уѣздѣ почти всѣ села государственныхъ крестьянъ, забирая обывательскихъ лошадей и собирая съ невѣжественнаго населенія дань самымъ пошлымъ обманомъ. Пріѣхавъ въ село, онъ узнавалъ, кто изъ мужиковъ побогаче, бралъ съ собою вѣху и отправлялся съ нею къ избѣ такого мужика, приказывалъ рыть яму и ставилъ въ нее вѣху, говоря, что эту избу и дворъ нужно снести на другое мѣсто. Крестьянинъ приходилъ въ отчаяніе и вступалъ съ обманщикомъ въ переговоры, оканчивавшіеся денежнымъ откупомъ.

На такой почвѣ безпрепятственно возникали и развивались предразсудки и суевѣрія. Мѣстный крестьянинъ въ предразсудкахъ рождался, среди нихъ онъ жилъ и, сопутствуемый ими, сходилъ въ могилу. Не говоря уже о домовыхъ, лѣшихъ, русалкахъ, вѣдьмахъ и оборотняхъ, которые безпрестанно держали въ страхѣ и безъ того уже напуганное всякими напастями воображеніе мужика, цѣлый рядъ грубыхъ предразсудковъ и примѣтъ заполнялъ весь домашній обиходъ его. Все въ немъ было предусмотрѣно, каждая случайность должна была неизбѣжно вызывать тѣ или иныя роковыя послѣдствія, такъ что для мысли не оставалось никакой работы. Сидѣть и трепетать въ ожиданіи неотвратимыхъ событій, которыя по всѣмъ примѣтамъ въ большинствѣ случаевъ заранѣе сулили горе или во[illegible]ще что-нибудь недоброе, — вотъ тѣ рамки, въ какія должна была съ дѣ[illegible]тва укладываться личная иниціатива и энергія зауряднаго деревенскаго об[illegible]ателя.

[illegible]ъ такомъ положеніи застала сельское населеніе Нижнедѣвицкаго уѣзда ве[illegible]ая реформа 1861 г., а затѣмъ, спустя четыре съ небольшимъ года, и [illegible]орма мѣстнаго самоуправленія.

[illegible] переходѣ школъ въ вѣдѣніе земства, во всей Воронежской губер-

ніи числилось, по вѣдомости министерства государственныхъ имуществъ, 333 школы съ 13,300 учащимися. Но это была одна изъ тѣхъ фикцій, которыми тѣшили себя люди дореформеннаго порядка. Большинство этихъ школъ существовало лишь на бумагѣ, а въ число учениковъ дѣйствительно существовавшихъ школъ заносились всѣ дѣти, которыя имѣли какое-нибудь, даже чисто-случайное соприкосновеніе со школой: въ списки попадалъ не только тотъ, кто разъ-два посѣтилъ школу, но даже и всѣ тѣ, которые призывались въ школу въ особенно экстренныхъ случаяхъ, для парада. «Народное образованіе, — говоритъ г. Щербина, — во всякомъ случаѣ, не было организовано; не было ни лицъ, ни учрежденій, которыя могли бы объединить единичныя и разрозненныя попытки веденія школьнаго дѣла; населеніе выказывало полный индифферентизмъ къ грамотѣ, учителямъ и училищамъ, никакихъ фондовъ и опредѣленныхъ матеріальныхъ средствъ на школьное дѣло не существовало, а сборы съ государственныхъ крестьянъ на этотъ предметъ получали какое-то темное назначеніе; большинство сельскихъ учителей отличалось круглымъ невѣжествомъ, да и такихъ учителей было очень мало; не было также, за немногими исключеніями, спеціально приготовленныхъ для школъ помѣщеній; учебники и учебныя пособія составляли своего рода рѣдкость,—короче, отсутствовали всѣ тѣ условія, при которыхъ только и мыслима сколько-нибудь удовлетворительная постановка народнаго образованія *).

Создать эти условія и было задачей нижнедѣвицкаго уѣзднаго земства.

Первые годы дѣятельности земства опредѣляются чрезвычайно скромными цифрами, какія ассигнуются на народное образованіе: 574 руб. въ 1866 г., 817 руб. въ 1867 г., 922 руб. въ 1868 г.—вотъ тѣ крохи, которыя отдавало земство на школьное дѣло въ уѣздѣ. Но большаго собственно нельзя было и требовать. Располагая весьма ограниченными денежными средствами и очутившись сразу распорядителемъ сложнаго хозяйственнаго дѣла уѣзда,—дѣла совершенно новаго, неорганизованнаго,—земство должно было первое время главныя свои усилія направить на изученіе тѣхъ условій, въ которыхъ ему предназначено было работать. Исподволь, шагъ за шагомъ расширяло оно кругъ своей дѣятельности по всѣмъ указаннымъ ему земскимъ положеніемъ направленіямъ, и, начавъ удовлетвореніе всѣхъ необязательныхъ потребностей скромною цифрой 4,732 руб., оно на 1894 г. назначило по смѣтѣ 68,827 руб. 56 к., т.-е. на всѣ необязательныя потребности нижнедѣвицкое земство расходуетъ въ настоящее время слишкомъ въ $14^1/_2$ разъ больше, чѣмъ израсходовало оно въ первый годъ своей дѣятельности.

Въ 1867 г. земство открыло первые пять училищъ, и съ этого ... да собственно и начинается земское школьное дѣло въ Нижнедѣвицкомъ ... з-дѣ. Въ первое десятилѣтіе открытіе новыхъ училищъ идетъ сравнитель... ы-

---

*) *Воронежское земство 1865 — 1889 г. Историко-статистическій* ... ъ. Сост. Ф. Щербина. Воронежъ, 1891 г., стр. 552.

стро. Въ 1870 г. земство одновременно открываетъ 9 училищъ и, кромѣ того, выдаетъ субсидіи по 80 руб. двумъ школамъ, которыя содержатся на прибыли знаменскаго общественнаго банка. Въ 1871 г. къ открытымъ уже училищамъ присоединяется еще три новыхъ; черезъ два года открывается еще одно, и, такимъ образомъ, число земскихъ училищъ въ уѣздѣ достигаетъ цифры 20, на которой и замираетъ. Всѣ перемѣны въ составѣ училищъ съ этого времени ограничиваются лишь закрытіемъ старыхъ, почему-либо не удовлетворяющихъ своему назначенію, и открытіемъ въ замѣнъ ихъ новыхъ на другихъ мѣстахъ. Въ семидесятые же годы открыты были и существующія нынѣ пять воскресныхъ школъ, и хотя въ декабрѣ 1890 г., на основаніи постановленія очередного земскаго собранія, училищнымъ совѣтомъ были основаны еще пять воскресныхъ школъ въ селахъ: Истобномъ, Никольскомъ, Прогорѣломъ, Хорошиловѣ и Солдатскомъ, но уже въ февралѣ 1891 г. вновь открытыя школы были закрыты, вслѣдствіе выраженнаго бывшимъ воронежскимъ губернаторомъ г. Куровскимъ нежеланія на открытіе упомянутыхъ школъ.

Такимъ образомъ, въ 1894 г., когда производились повѣрочные экзамены, въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ находилось 20 одноклассныхъ сельскихъ училищъ и 5 воскресныхъ школъ *).

Въ первые годы своей дѣятельности земство нанимало для школъ обыкновенныя крестьянскія избы; такъ же поступали и сельскія общества. Обычнымъ типомъ крестьянской избы въ то время, по описанію современника, служило тѣсное, маленькое деревянное зданіе, рѣдко обмазанное глиной даже снаружи, а внутри—почти никогда. Пазы между бревнами прокладывались мхомъ или паклею, что служило самымъ удобнымъ убѣжищемъ для прусаковъ и таракановъ, постоянныхъ и даже почетныхъ обитателей крестьянскихъ избъ. Внутри, отъ постояннаго дыма во время топки печей, избы постоянно закопчены, такъ что сажа, или, какъ ее называютъ здѣсь, сапуха, наростаетъ на стѣнахъ и потолкѣ толстымъ слоемъ коры, имѣющей иногда блескъ глазури; по временамъ ее обметаютъ метлами. Разумѣется, такія помѣщенія никакъ нельзя было назвать пригодными для школъ, и занятія при такой обстановкѣ, тяжелой для учащихся и совершенно непривычной для учащихъ, не могли быть успѣшными. Мало соотвѣтствующими своему назначенію оказались и тѣ зданія, которыя въ 60-хъ годахъ нѣкоторыя сельскія общества строили спеціально для школъ. Низкія, тѣсныя и недостаточно снабженныя мебелью, которая также была совершенно неприспособлена къ школьнымъ потребностямъ, по[illegible]ройки эти были, съ небольшими поправками, скопированы съ тѣхъ же кр[illegible]тьянскихъ избъ и могли сослужить дѣлу народнаго образованія лишь од[illegible] службу: онѣ наглядными образомъ показали свою полную непригод-

[illegible] Въ 1894 г. были открыты еще два училища: Боровское, устроенное на средств[illegible]ожертвованныя для развитія школьнаго дѣла въ уѣздѣ мѣстнымъ предводите-лем[illegible] дворянства И. Т. Алисовымъ, и Удобинское, представляющее собственно парал-лел[illegible] отдѣленіе Ясеневскаго училища.

ность и, такимъ путемъ, намѣтили для дѣятельности земства и сельскихъ обществъ одну весьма опредѣленную задачу. Содержаніе школьныхъ помѣщеній, ремонтъ ихъ лежитъ на обязанности сельскихъ обществъ. Земство долго и упорно боролось съ халатнымъ отношеніемъ крестьянскихъ обществъ къ принятымъ ими на себя обязательствамъ. Въ настоящее время большинство школьныхъ помѣщеній, по отзыву училищнаго совѣта, удовлетворительно; сельскія общества исправно ремонтируютъ и отапливаютъ ихъ; они же берутъ на себя и наемъ сторожа, а нѣкоторыя изъ нихъ выдаютъ и квартирныя деньги учащимъ по 25, 30 р. въ годъ. Всѣ существующія теперь въ уѣздѣ школьныя помѣщенія далеко оставляютъ за собою, по удобствамъ, существовавшія раньше, хотя для дальнѣйшей дѣятельности въ этомъ направленіи остается еще очень и очень многое. Дѣло въ томъ, что большинство училищъ, по своимъ размѣрамъ, совершенно не соотвѣтствуютъ количеству дѣтей, желающихъ учиться, и учителя сплошь и рядомъ отказываютъ въ пріемѣ. Нѣкоторыя училища до сего времени не имѣютъ собственныхъ помѣщеній: такъ, Бекетовское училище, въ которомъ занимается до 55 мальчиковъ и дѣвочекъ, тѣснится въ церковной сторожкѣ; Знаменское, Шаталовское и Городищенское помѣщаются совмѣстно: первое съ волостнымъ, послѣднія два съ сельскими правленіями. Вообще, школы переполнены настолько, что о соблюденіи какихъ бы то ни было требованій школьной гигіены не можетъ быть и рѣчи. Въ протоколахъ третьяго съѣзда земскихъ врачей Воронежской губерніи (въ 1881 г.), на которомъ въ числѣ другихъ вопросовъ разсматривался и обсуждался также и вопросъ о школьныхъ помѣщеніяхъ, мы находимъ слѣдующія указанія относительно размѣровъ классныхъ комнатъ: классныя помѣщенія должны строиться съ такимъ разсчетомъ, чтобы на каждаго учащагося приходилось около двухъ кв. аршинъ пространства или 8 куб. аршинъ воздуха. Эти требованія, по признанію съѣзда, далеки отъ *идеала* школы и выражаютъ собою лишь то желательное, которое возможно при мѣстныхъ экономическихъ условіяхъ. Нижнедѣвицкій уѣздъ далекъ, однако, и отъ этого урѣзаннаго идеала; размѣры классныхъ помѣщеній сельскихъ училищъ въ уѣздѣ въ настоящее время таковы: средняя длина классныхъ комнатъ $16^1/_2$ аршинъ, ширина—$7^1/_2$ арш. и вышина 3,6 арш.; на каждаго учащагося приходится въ общемъ 1,5 кв. арш. пространства или 4,4 кубич. арш. воздуха.

Содержаніемъ школьныхъ помѣщеній исчерпывается въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ непосредственное участіе сельскихъ обществъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Всѣ остальные расходы несетъ земство.

Расходы на учебныя пособія и письменныя принадлежности соста[illegible]ютъ въ настоящее время довольно солидную статью въ земскомъ шк[illegible]номъ бюджетѣ. Какъ видно изъ отчетовъ инспектора народныхъ учил[illegible]ъ и училищныхъ совѣтовъ, земскія училища снабжены какъ тѣми, такъ и другими въ количествѣ, вполнѣ достаточномъ для школьныхъ потребност[illegible], а всегда своевременная ихъ доставка обезпечиваетъ училищамъ пол[illegible]ю правильность въ занятіяхъ. Затраты на это дѣло съ 70-хъ годовъ сос[illegible]-

ляютъ обыкновенно около 12% общихъ расходовъ земства на народное образованіе.

Въ несравненно худшемъ положеніи находится вопросъ о снабженіи училищъ книгами для внѣкласснаго чтенія. Не будемъ говорить объ учительскихъ библіотекахъ, которыхъ нигдѣ при училищахъ Нижнедѣвицкаго земства нѣтъ, если не считать журнала *Русскій Начальный Учитель*, который выписывается земствомъ для учителей въ количествѣ десяти экземпляровъ, но и ученическія библіотеки далеко не могутъ похвастать своею полнотой. Составляются онѣ преимущественно изъ изданій постоянной коммиссіи по устройству народныхъ чтеній и петербургскаго комитета грамотности, которыхъ при каждомъ училищѣ имѣется—по отчетамъ—около 150 экземпляровъ. Однако, число это нельзя назвать точнымъ. Изданія названныхъ учрежденій заключаются, главнымъ образомъ, въ маленькихъ брошюркахъ, которыя быстро рвутся, и учителя безпрестанно жалуются на то, что ихъ убогія школьныя библіотеки таютъ, какъ вешній снѣгъ. Только послѣдніе два года вопросъ о внѣклассномъ чтеніи принялъ на земскихъ собраніяхъ желательное направленіе. Въ 1893 г. земское уѣздное собраніе постановило ассигновать на покупку книгъ для внѣкласснаго чтенія пяти училищамъ по 40 руб. на каждое. Такое же постановленіе состоялось и въ очередную сессію 1894 г. Въ этомъ послѣднемъ году земское собраніе разсмотрѣло, кромѣ того, предложеніе петербургскаго комитета грамотности слѣдующаго содержанія: комитетъ грамотности безплатно, на собранныя пожертвованія, предоставитъ въ распоряженіе земства нѣсколько народныхъ библіотекъ, если земство, съ своей стороны, возьметъ на себя обязательство дать этимъ библіотекамъ помѣщеніе, содержать библіотекаря и пополнять библіотеки въ будущемъ новыми книгами. Нижнедѣвицкое земское собраніе, выслушавъ это предложеніе, постановило: ассигновать на дѣло устройства пяти народныхъ библіотекъ 250 рублей ежегодно; изъ этой суммы назначить вознагражденіе пяти учителямъ, которымъ будетъ поручено завѣдывать библіотеками, по 40 руб. каждому, а на пополненіе библіотекъ по 10 руб. на каждую; помѣщеніе для библіотекъ отвести въ земскихъ училищахъ.

Соотвѣтственно медленному возростанію числа школъ, медленно возростаетъ и количество учащихся, и съ начала 80-хъ годовъ, когда число училищъ уже прочно установилось въ уѣздѣ, возростанія числа учащихся также почти не замѣтно. Земское собраніе 1882 г. уже констатируетъ фактъ переполненія школъ учащимися. Такъ, въ 1881 г. прибавилось только 100 учащихся, а въ 1882 г.—524, т.-е. почти ⅓ всѣхъ учащихся въ уѣздѣ. По отдѣльнымъ школамъ наплывъ учащихся въ этомъ году характеризуется еще болѣе рѣзкими отношеніями: въ Солдатскомъ училищѣ, напримѣръ, количество учениковъ возросло почти вдвое. Но съ этого времени существующія классныя помѣщенія задерживаютъ дальнѣйшее развитіе, и количество учащихся почти замираетъ на одной точкѣ. Въ двадцати одноклассныхъ училищахъ Нижнедѣвицкаго уѣзда:

въ	1883	году	было	1687	учащихся
»	1887	»	»	1639	»
»	1889	»	»	1602	»
»	1892	»	»	1661	»
»	1893	»	»	1720	»

Въ послѣднемъ 1893 году число всѣхъ учившихся въ сельскихъ школахъ составляетъ не болѣе 1% общаго числа населенія уѣзда, а количество дѣтей школьнаго возраста составляетъ приблизительно около 15% всего населенія. Къ этому надо добавить еще, что школы распредѣлены въ уѣздѣ неравномѣрно; есть, напримѣръ, волости: Старомѣлавская, съ населеніемъ въ 14 тыс. жителей, и Пригородненская, съ населеніемъ въ $12^1/_2$ тысячъ, гдѣ земскія школы совершенно отсутствуютъ, и населеніе обречено черпать грамотность изъ случайныхъ источниковъ.

Неподвижность числа школъ и учащихся обусловливала собою также и численную неподвижность преподавательскаго персонала. Въ 1893 году учителей, учительницъ и законоучителей въ сельскихъ начальныхъ училищахъ уѣзда насчитывалось 56.

Въ школахъ министерства государственныхъ имуществъ преподаваніе Закона Божія и другихъ предметовъ соединялось обыкновенно въ одномъ лицѣ священника или діакона. Земство, прежде всего, разграничило эти отрасли начальнаго образованія, оставивъ за духовенствомъ преподаваніе Закона Божія и поручивъ преподаваніе другихъ предметовъ особо приглашаемымъ для этого въ каждую школу учителямъ. Оказалось, однако, что приглашать было некого: условія русской жизни того времени не благопріятствовали появленію типа такого человѣка, который годился бы для роли народнаго учителя. Въ тѣ времена Русь знала только «невѣжественный народъ» и «образованное дворянство», и народнаго учителя приходилось создавать. Эту задачу взяло на себя и воронежское губернское земство, организовавъ съ 1868 г. педагогическіе курсы для народныхъ учителей при воронежской гимназіи. Курсы эти, впрочемъ, существовали недолго: уже въ 1875 г. въ Воронежѣ министерствомъ народнаго просвѣщенія учреждена была учительская семинарія, а земство постановило содержать въ ней 20 стипендіатовъ. Постановка учебнаго дѣла въ семинаріи, повидимому, не соотвѣтствуетъ требованіямъ, какія предъявляетъ къ сельскому учителю практика земской народной школы. По крайней мѣрѣ, съ половины 80-хъ годовъ нижнедѣвицкое уѣздное земство, подобно многимъ другимъ, охладѣваетъ къ учителю-спеціалисту, стараясь привлечь въ школу лицъ съ общимъ среднимъ образованіемъ.

Приводимъ таблицу, изъ которой можно видѣть, какъ измѣнялся составъ учительскаго персонала въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ съ 1883 г.:

	Учителей:			
	Получившихъ специальное образованіе.	Получившихъ среднее образованіе.	Домашняго или низшаго образованія.	Всего.
Въ 1883 г.	8	3	21	32
» 1884 »	11	10	13	34
» 1885 »	12	11	12	35
» 1886 »	15	11	12	38
» 1888 »	13	11	13	37
» 1893 »	7	15	10	32

Чтобъ улучшить составъ преподавательскаго персонала, земство устраивало краткосрочные учительскіе съѣзды, но, несмотря на замѣтное вліяніе, которое оказывали они на успѣшность преподаванія въ школахъ *), министерство отнеслось къ нимъ несочувственно, и съѣзды прекратились. Губернское земство два раза (въ 1890 и 1891 гг.) ходатайствовало передъ правительствомъ о разрѣшеніи уѣзднымъ земствамъ продолжать устраивать подобные съѣзды, но оба эти ходатайства остались неудовлетворенными. Точно также осталось неудовлетвореннымъ и ходатайство губернскаго земства о расширеніи программы преподаванія въ учительской семинаріи включеніемъ въ число обязательныхъ предметовъ обученія основныхъ свѣдѣній по отчизновѣдѣнію, географіи, о способахъ измѣренія земли и о тѣхъ правахъ и учрежденіяхъ, которыми сельское населеніе пользуется, наприм., о волостныхъ судахъ, земскомъ положеніи и проч.

Вообще всѣ попытки земства, имѣвшія цѣлью, сообразно даннымъ опыта и мѣстнымъ условіямъ, улучшить и распространить дѣло народнаго образованія, встрѣчали постоянную оппозицію, и въ этомъ надо видѣть одну изъ существенныхъ причинъ, постепенно ослаблявшихъ энергію земскихъ дѣятелей. Изъ наиболѣе существенныхъ ходатайствъ, потерпѣвшихъ фіаско, укажемъ слѣдующія: ходатайство о реорганизаціи училищныхъ совѣтовъ, съ цѣлью предоставленія земству большей самостоятельности въ дѣлѣ постановки и развитія народнаго образованія (1880 г.); ходатайство о внесеніи въ правила уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ учебнаго вѣдомства такого параграфа: уѣздные училищные совѣты обязаны заботиться объ устройствѣ чтеній для народа въ школьныхъ помѣщеніяхъ, подъ руководствомъ инспекторовъ народныхъ училищъ, по вопросамъ религіозно-нравственнымъ, по сельскому хозяйству, гигіенѣ и по отечественной исторіи **) (1839 г.); ходатайство объ освобожденіи лицъ, окончившихъ курсъ на-...ныхъ училищъ, отъ тѣлеснаго наказанія; это послѣднее ходатайство

---

*) Въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ процентъ оканчивающихъ съ 8,7 въ 1885 г. уве-...я послѣ съѣзда, бывшаго въ этомъ году, до 10% въ 1886 г.

**) Ходатайство это земство мотивировало тѣмъ соображеніемъ, что распростра-...на училищные совѣты учебнаго вѣдомства тѣхъ же правъ, какими пользуются ...іальные училищные совѣты, дало бы возможность земской школѣ, почти не уве-...я расходовъ, добиваться болѣе широкаго распространенія полезныхъ свѣдѣній.

земство повторило два раза, въ 1890 и 1891 гг., и оба раза одинаково безуспѣшно.

Стремленіе свое воздѣйствовать на постановку школьнаго дѣла,—стремленіе, встрѣчавшее, какъ мы видѣли, постоянныя препятствія извнѣ, земство могло осуществлять, стало быть, лишь однимъ путемъ: увеличивая оклады жалованья учительскому персоналу, земство получало возможность привлекать къ школамъ лучшія и наиболѣе подготовленныя силы. Нижнедѣвицкое уѣздное земство хотя и пользовалось этимъ средствомъ, но пользовалось крайне осторожно, почему и не могло разсчитывать на сколько-нибудь замѣтные результаты.

До 1874 г. оклады жалованья преподавателямъ отличались и бѣдностью, и разнообразіемъ. Съ этого года земство впервые устанавливаетъ опредѣленный окладъ, въ размѣрѣ 150 руб. въ годъ; спустя нѣсколько лѣтъ установлены были двѣ нормы окладовъ: 200 руб. для лицъ, получившихъ среднее или спеціальное образованіе, и 180 руб.—для всѣхъ остальныхъ. Такой порядокъ удерживался вплоть до 1893 г., когда вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи учителей снова представленъ былъ на обсужденіе земскаго собранія. «Отъ такого или иного рѣшенія этого вопроса зависитъ будущее земской школы», — писалъ въ своемъ докладѣ училищный совѣтъ, а по его предложенію, для распредѣленія вознагражденія учителямъ, принятъ былъ слѣдующій порядокъ: при опредѣленіи на должность назначается, какъ это дѣлалось и раньше, учителямъ и учительницамъ, получившимъ среднее или спеціальное образованіе, 200 руб. въ годъ, всѣмъ же остальнымъ по 180 руб.; послѣднимъ черезъ годъ, по засвидѣтельствованіи успѣшности ихъ занятій, жалованье увеличивается до 200 руб.; затѣмъ какъ первымъ, такъ и послѣднимъ за успѣшное веденіе дѣла въ школѣ черезъ каждые три года жалованье увеличивается на 25 руб., пока годовой окладъ не достигнетъ 300 руб. Учащимъ, выслужившимъ уже требуемые сроки на ту или иную прибавку и заслуживающимъ одобренія училищнаго совѣта, таковая назначается теперь же.

Постепенное, хотя и медленное движеніе впередъ школьнаго дѣла въ уѣздѣ лучше всего можно прослѣдить на слѣдующихъ цифрахъ, представляющихъ ежегодныя затраты земства на народное образованіе черезъ пятилѣтніе промежутки:

Въ	1866	г.	израсходовано	на	народное	образованіе	575	руб.
»	1871	»	»	»	»	»	3,000	»
»	1876	»	»	»	»	»	5,175	»
»	1881	»	»	»	»	»	5,785	»
»	1886	»	»	»	»	»	7,484	»
»	1892	»	»	»	»	»	9,042	»

Всѣ расходы нижнедѣвицкаго земства на народное образованіе съ 86 по 1894 г. составляютъ сумму приблизительно въ 200,000 руб.

Приступая теперь къ изслѣдованію тѣхъ результатовъ, какіе да

селенію уѣзда земская школа, мы, къ сожалѣнію, не располагаемъ данными для того, чтобы точно опредѣлить процентъ грамотныхъ въ настоящее время; по приблизительнымъ разсчетамъ можно сказать, что грамотныхъ въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ должно быть около 7%. Впрочемъ, въ интересахъ большей точности мы будемъ пользоваться данными переписи 1887 г. *), когда грамотныхъ и учащихся въ уѣздѣ было 6,255 человѣкъ, т.-е. 4%.

Цифра эта составилась, разумѣется, не исключительными усиліями однихъ только земскихъ училищъ. Въ распространеніи грамоты среди населенія принимали и принимаютъ участіе и церковно-приходскія училища, и школы грамоты, которыхъ въ 1892 г. насчитывалось въ уѣздѣ до 35, и, наконецъ, само крестьянское населеніе, выдвигающее изъ среды своей частныхъ учителей, обучающихъ грамотѣ у себя на дому **). Къ такимъ профессіональнымъ педагогамъ принадлежатъ отставные солдаты, писаря, вообще грамотные односельчане, но особенно видную роль въ этомъ отношеніи играютъ такъ называемыя «чернички»: это — крестьянскія дѣвушки, давшія почему-либо обѣтъ безбрачія; не поступая въ монастырь, онѣ остаются въ родной деревнѣ, носятъ черное платье, строго соблюдаютъ всѣ религіозные обряды и вообще подражаютъ во внѣшнихъ пріемахъ монашкамъ. Чернички издавна занимаются образованіемъ молодого поколѣнія деревни, и эту задачу онѣ выполняютъ и въ настоящее время, устраивая небольшія частныя школы у себя въ «кельяхъ», которыя помѣщаются гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, чаще всего на краю села.

Земской школѣ принадлежитъ, конечно, первое мѣсто въ ряду всѣхъ остальныхъ источниковъ крестьянскаго просвѣщенія, а процентъ грамотныхъ вездѣ находится въ прямой зависимости отъ количества земскихъ училищъ.

Нижнедѣвицкій уѣздъ въ административномъ отношеніи дѣлится на 13 волостей, количество школъ въ которыхъ и вмѣстимость ихъ весьма неравномѣрны; приводимъ таблицу, изъ которой можно видѣть, какъ распредѣляются по волостямъ грамотные въ зависимости отъ числа и вмѣстимости школъ.

Волости.	Училища.	% грамотности.
Никольская, съ насел. въ 10 тыс.	2 училища (каждое на 5 тыс. жителей), съ 5 учащими; учащихся 139	6%
Знаменская, съ насел. въ 5 тыс.	1 училище съ 2 учащими; учащихся 65 .	5,8%

*) *Сборникъ статистич. свѣдѣній по Воронежской губ.*, т. 6-й, вып. 1-. Изд. воронежскаго губ. земства. 1889 г.

**) Церковно-приходскія школы, впрочемъ, можно не принимать въ разсчетъ, такъ какъ именно въ годъ производства переписи (1887) земская управа докладывала собранію, что по свѣдѣніямъ, ею собраннымъ, церковно-приходскія школы оказались „въ очень неудовлетворительномъ положеніи“.

Солдатская, съ насел. въ 11 тыс.	3 училища (каждое на 3,6 тыс. жит.), съ 6 учащими; учащихся 160	5,8%
Семидесятская, съ насел. въ 10 тыс.	2 училища (каждое на 5 тыс. жителей), съ 5 учащими; 205 учащихся	5,6%
Туровская, съ насел. въ 17 тыс.	2 училища (каждое на 8,5 тыс. жит.), съ 5 учащими; учащихся 218	4,5%
Роговатовская, съ насел. въ 12 тыс.	3 училища (каждое на 4 тыс. жителей), съ 8 учащими; учащихся 305	4,4%
Синелинягинская, съ насел. въ 10 тыс.	1 училище съ 3 учащими; 113 учащихся .	4,4%
Ясеневская, съ насел. въ 10 тыс.	1 училище съ 2 учащими; учащихся 75 .	4,3%
Новоольшанская, съ насел. въ 11 тыс	1 училище съ 3 учащими; учащихся 94 .	3,9%
Истобенская, съ насел. въ 16 тыс.	1 училище съ 2 учащими; учащихся 64 .	3%
Чужиковская, съ насел. въ 17 тыс.	2 училища (каждое на 8,5 тыс. жит.), съ 4 учащими; учащихся 122	3%
Старомѣлавская, съ насел. въ 14 тыс.	Нѣтъ земскихъ училищъ	2,3%
Пригородненская, съ насел. въ 12,5 т.	Нѣтъ земскихъ училищъ	2,3%

Правильность, съ которою понижается процентъ грамотныхъ по волостямъ по мѣрѣ того, какъ ростетъ численность населенія, которое можетъ претендовать на услуги училища, кое-гдѣ нарушается, но эти отклоненія только видимыя и легко могутъ быть объяснены.

Такъ, Солдатская волость, въ которой на каждое земское училище приходится 3,5 тыс. жителей, имѣетъ только 5,6% грамотныхъ,—количество весьма ничтожное по сравненію съ другими волостями уѣзда, въ которыхъ на каждое училище приходится по 5 тыс. жителей. Явленіе это объясняется большою разбросанностью Солдатской волости, состоящей изъ 35 болѣе или менѣе мелкихъ селеній, такъ что хотя въ волости и находится 3 училища, но правильно пользоваться ими весьма затруднительно въ виду громадныхъ разстояній.

Совершенно обратное явленіе замѣчается въ Туровской волости. Волость состоитъ изъ пяти селеній, и въ двухъ изъ нихъ находятся земскія училища, но такъ какъ эти два села составляютъ наиболѣе населенные пункты волости, то тамъ и возможенъ высокій сравнительно процентъ (4,5) грамотныхъ при двухъ только училищахъ, на каждое изъ которыхъ приходится болѣе 8,5 тыс. жителей.

Еще съ большею наглядностью выясняется первенствующая роль земскихъ училищъ въ дѣлѣ распространенія грамотности, если наблюдать количество грамотныхъ не по волостямъ, а по селамъ.

Въ Никольской волости, напримѣръ, въ селахъ Старо-Никольскомъ и

Никольскомъ на Еманчѣ, гдѣ существуютъ земскія училища, грамотныхъ насчитывается 6,8%; въ остальныхъ же селахъ, гдѣ нѣтъ училищъ, грамотныхъ только 1,7%. Въ Знаменскомъ, въ которомъ есть училище, и въ с. Владиміровкѣ, въ которомъ училище также было во время переписи (теперь оно закрыто), грамотныхъ было 8,7%; въ остальныхъ селахъ Знаменской волости ихъ только 3,2%.

И такъ, земская школа представляетъ почти единственный разсадникъ грамотности, а, слѣдовательно, почти единственный источникъ свѣта среди темноты деревенской жизни, и потому вопросъ о степени вліянія земской школы есть, въ то же время, и вопросъ о силѣ и качествѣ свѣта, проникающаго въ деревню.

Съ 1876 г., т.-е. съ того времени, когда школы Нижнедѣвицкаго уѣзда начали производить постоянные, регулярные выпуски учениковъ, выдавая имъ установленныя свидѣтельства, окончило полный курсъ ученія 1,914 человѣкъ. Изъ нихъ на повѣрочное испытаніе явилось 1,038 челов., т.-е. 54,7% всего числа получившихъ свидѣтельства о грамотности.

По выпускамъ число явившихся на испытаніе распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

окончившихъ курсъ 15 и болѣе лѣтъ тому назадъ (выпусковъ 1876—1880 гг.) явилось на испытаніе 75 человѣкъ или 36,4% общаго числа окончившихъ курсъ за этотъ періодъ и 7% всего количества явившихся на испытаніе;

окончившихъ курсъ съ 1881 по 1885 г. включительно, т.-е. не менѣе 10 лѣтъ тому назадъ, явилось 204 человѣка или 35,5% общаго числа получившихъ свидѣтельства за этотъ періодъ и 20% всѣхъ испытуемыхъ;

изъ позднѣйшихъ выпусковъ, окончившихъ курсъ съ 1885 по 1890 г. включительно, явилось 424 человѣка или 61,4% всѣхъ окончившихъ за эти годы и 40% всѣхъ испытуемыхъ;

наконецъ, окончившихъ за послѣдніе три (1891—1893) года явилось на испытаніе 341 человѣкъ или 74,7% всего числа получившихъ за эти годы свидѣтельство и 33% всѣхъ пришедшихъ засвидѣтельствовать о своихъ знаніяхъ, вынесенныхъ ими изъ земской школы.

Такимъ образомъ, на испытаніе явились люди разныхъ возрастовъ *), причемъ меньше всего (35,5%) выдѣлила изъ себя группа лицъ, окончившихъ земское училище въ періодъ съ 1881 по 1885 г. Мы теперь же укажемъ и на другія особенности, отличающія эту группу отъ остальныхъ, чтобъ имѣть возможность выдѣлить ее и въ дальнѣйшемъ изложеніи не ·ращаться къ ней. Дѣло въ томъ, что эта группа характеризуется по ·мъ отвѣтамъ какъ наиболѣе слабая; знанія ея по всѣмъ почти пред·мъ курса народныхъ училищъ, за исключеніемъ лишь чтенія русскаго

*) Было нѣсколько случаевъ явки на испытаніе въ разныхъ участкахъ двухъ ·олѣній, получившихъ свидѣтельства о грамотности въ одной и той же школѣ; ··ся, напримѣръ, отецъ съ сыномъ или, одинъ разъ, отецъ съ дочерью.

(по печатной книгѣ) и рукописнаго, оцѣнены экзаменаціонною коммиссіей ниже знаній всѣхъ остальныхъ выпусковъ. Чтобъ объяснить это странное, повидимому, явленіе, надо имѣть въ виду, что эта группа бывшихъ учениковъ земскихъ училищъ обнимаетъ собою возрастъ, годный для военной службы: къ этой группѣ преимущественно принадлежатъ лица или только что поступившія на службу, или уже отбывающія ее, или, наконецъ, заканчивающія установленные сроки службы. Цвѣтъ этой группы вырванъ, слѣдовательно, изъ деревни, и отсутствіе его должно было, конечно, отразиться не только на количественномъ, но и на качественномъ составѣ оставшихся. Наконецъ, если мы примемъ во вниманіе еще и то обстоятельство, что экономическія условія Нижнедѣвицкаго уѣзда заставляютъ цѣлыя массы населенія его искать постоянныхъ и временныхъ заработковъ внѣ родной деревни и что молодежь въ возрастѣ 20—25 лѣтъ, какъ наиболѣе подвижной и энергичный элементъ деревни, принимаетъ, несомнѣнно, наиболѣе живое участіе въ этомъ бродячемъ образѣ жизни, то особенности разсматриваемой группы выяснятся для насъ совершенно: военная служба и отхожіе промыслы лишаютъ эту группу лучшихъ ея силъ, почему она такъ неудачно и выступила на повѣрочныхъ испытаніяхъ.

Испытанія производились по всѣмъ предметамъ преподаванія: по Закону Божію, чтенію, русскому, славянскому и рукописному, по письму и по ариѳметикѣ. Знанія испытуемыхъ оцѣнивались 5 баллами, причемъ 2 ставились въ случаѣ неудовлетворительнаго знанія, 3 и 4 — удовлетворительнаго и 5 при вполнѣ удовлетворительномъ знаніи.

По Закону Божію отвѣты испытуемыхъ состояли: въ чтеніи главнѣйшихъ молитвъ, въ разсказахъ о событіяхъ изъ священной исторіи Новаго и Ветхаго Завѣта, въ объясненіи заповѣдей Моисея и о блаженствахъ, а также притчъ, въ которыхъ содержатся основныя положенія ученія Христа. Мѣстами особенно лучшіе ученики выказывали достаточныя познанія изъ богослуженія и общее знакомство съ содержаніемъ Евангелія, вынесенное, очевидно, изъ чтенія.

Слѣдуя принятой системѣ сравненія знаній бывшихъ учениковъ трехъ послѣдовательныхъ пятилѣтій, члены училищнаго совѣта, производившіе испытаніе, опредѣлили средніе баллы отдѣльно для выпусковъ 1880, 1885 и 1890 годовъ. Оказалось, что всѣ экзаменовавшіеся выпуска 1880 г., которыхъ изъ 17 училищъ было 46 человѣкъ, выказали знанія, оцѣненныя въ среднемъ балломъ 3,7; 62 человѣка изъ 18 училищъ выпуска 1885 г. получили въ среднемъ 3,3, и, наконецъ, 110 человѣкъ выпуска 1890 г.—3,6 балла. Такимъ образомъ, ученики самыхъ давнихъ вып[illegible] сковъ не только не забыли того, чему по Закону Божію выучились [illegible] школѣ, но выказали, сравнительно съ среднимъ уровнемъ всѣхъ шко[illegible] лучшія познанія, такъ какъ общій средній баллъ по закону Божію [illegible] всѣхъ 1,038 человѣкъ, экзаменовавшихся во всѣхъ 19 училищахъ и п[illegible] надлежащихъ къ выпускамъ всѣхъ 18 лѣтъ, выразился цифрою 3,3.

По отдѣльнымъ училищамъ средній баллъ, выражающій знанія б[illegible]

шихъ учениковъ, начинаясь съ 2,8 въ двухъ училищахъ, въ остальныхъ затѣмъ, постепенно и ровно поднимаясь, достигаетъ 3,6 въ четырехъ училищахъ; двѣ школы: Роговатовская (4,0) и Кочетовская (4,1) выдѣляются замѣтнѣе по величинѣ средняго балла. Въ общемъ знанія по Закону Божію во всѣхъ школахъ довольно равны и вообще удовлетворительны.

При испытаніи по чтенію ставились отдѣльные баллы: по русскому чтенію, по славянскому и въ 6 училищахъ по рукописному, а такъ какъ баллы всегда неизбѣжно выражаютъ до извѣстной степени субъективное впечатлѣніе экзаменатора и, во всякомъ случаѣ, человѣку постороннему, не присутствовавшему при испытаніи лично, не даютъ яснаго представленія о тѣхъ знаніяхъ, какія ими оцѣнены, то экзаменаторами принято было отмѣчать число строкъ, прочитанныхъ каждымъ испытуемымъ въ минуту. Быстрота чтенія сама по себѣ, конечно, не даетъ еще,— говорятъ экзаменаторы въ своемъ докладѣ,— всѣхъ основаній для заключенія о томъ, насколько вообще хорошо чтеніе; достаточно скорое чтеніе можетъ быть не достаточно понятнымъ не только для слушающихъ, но и для самого читающаго; кромѣ того, быстрота чтенія—вообще довольно измѣнчивый, непостоянный элементъ; она много зависитъ отъ содержанія читаемаго: постоянно приходится наблюдать, что одинъ и тотъ же ученикъ читаетъ весьма различно, въ особенности относительно скорости, понятный для него бытовой разсказъ или, напримѣръ, разсужденіе. Крайнюю трудность составляютъ для всѣхъ въ начальной школѣ художественныя описанія; здѣсь быстрота чтенія уменьшается чуть не вдвое. Но, дѣлая эти оговорки, нельзя не признать за всѣмъ тѣмъ, что, все-таки, быстрота чтенія, въ общемъ, можетъ служить до извѣстной степени вѣрнымъ и уже, во всякомъ случаѣ, достаточно объективнымъ и самымъ удобнымъ показателемъ качества чтенія для того, кто самъ не слыхалъ его, но желаетъ составить себѣ понятіе о немъ. Стóитъ самому прочитать страницу по указанной книгѣ, опредѣлить число строкъ, прочитанныхъ въ минуту, сравнить это число съ тѣмъ, какое читали подвергавшіеся испытанію, чтобы составить себѣ весьма приблизительное и ясное понятіе объ ихъ чтеніи. Для болѣе точнаго представленія слѣдуетъ принять во вниманіе тѣ баллы, какими при испытаніи оцѣнивалось чтеніе, чтобы судить о томъ, насколько прочитанное съ данною быстротой было прочитано правильно и насколько затѣмъ понято и разсказано самимъ читавшимъ.

Чтобы сдѣлать возможнымъ сравненіе между училищами, вездѣ чтеніе велось по одной и той же популярной книжкѣ по народной гигіенѣ доктора В[illegible]шевскаго (*О сохраненіи здоровья*. Казань, 1881 г.), а по-славянски ч[illegible]ли по Евангелію, славянскому, съ русскимъ переводомъ на другой по[illegible]нѣ страницы; поэтому двѣ строки такого чтенія приравнивались одной с[illegible]кѣ русскаго чтенія; рукописное чтеніе производилось по литографиров[illegible]ому сборнику Подобы, изд. 1891 г.

[illegible]редняя быстрота русскаго чтенія, колеблясь по разнымъ училищамъ

между 8 и 13 строками, въ общемъ составляла 11 строкъ въ минуту съ оцѣнкою его 3,5 баллами.

Славянское чтеніе по быстротѣ въ общемъ мало разнится отъ русскаго (10 строкъ въ минуту), но предѣлы скорости въ разныхъ училищахъ расходятся нѣсколько болѣе, чѣмъ въ русскомъ чтеніи, именно отъ 6 до 13 строкъ въ минуту; общая оцѣнка его равна 3,4.

Для чтенія рукописнаго выбрана была скорость средней трудности въ отношеніи разборчивости письма. Скорость чтенія его, колеблясь между 1 и 7 строками, въ общемъ равнялась 6 строкамъ въ минуту, съ оцѣнкою его 2,9 баллами *).

Такимъ образомъ, черезъ 10, 15 и болѣе лѣтъ по выходѣ изъ школы бывшіе ученики не только не забываютъ чтенія, но начинаютъ читать лучше, чѣмъ читаютъ теперь выпускаемые изъ школы и чѣмъ читали они въ школѣ сами; чтеніе ихъ становится болѣе выразительнымъ и осмысленнымъ, потому что они легче усвоиваютъ прочитанную мысль, чѣмъ дѣлали это въ школѣ, когда они были еще въ дѣтскомъ возрастѣ.

Ни одного случая рецидива безграмотности, какъ показало это испытаніе, не обнаружено въ уѣздѣ, и хотя произведенное изслѣдованіе касалось лишь 54,7% всего числа получившихъ свидѣтельства о грамотности, но результаты его мы имѣемъ полное основаніе обобщить и на всѣхъ тѣхъ, кто не былъ подвергнутъ провѣрочному испытанію. Дѣло въ томъ, что въ числѣ испытуемыхъ находилось не мало людей, которые, съ грѣхомъ пополамъ окончивъ сельскую школу, потомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, не брали въ руки ни пера, ни книги и, тѣмъ не менѣе, отвѣты ихъ, оцѣниваемые иногда и неудовлетворительными баллами, показывали, что тѣ скромныя знанія, какія они вынесли изъ школы, не утрачиваются даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ жизни. Вотъ, наприм., крестьянинъ села Роговатаго; по его собственному признанію, въ школѣ не было хуже его, когда онъ кончалъ курсъ. По выходѣ изъ школы, онъ никогда не читалъ: «не бралъ у руки книгу годовъ 14, а усехъ сроду 30 лѣтъ», а, между тѣмъ, быстрота его чтенія (русское—7 строкъ, славянское—8, рукописное—3 строки въ минуту) и умѣнье излагать свои мысли письменно, хотя и съ ошибками, заставляютъ и въ немъ признать человѣка грамотнаго.

Было четыре случая, когда испытуемые почти не умѣли читать по-славянски, и до пятнадцати случаевъ неумѣнья читать скорописное, но надо замѣтить,—говорятъ экзаменаторы,—что въ прежнее время не всегда и не во всѣхъ школахъ упражнялись въ чтеніи рукописнаго, а мѣстами рѣдко читали и по-славянски, такъ что недостатокъ знанія въ этомъ отношеніи не составляетъ рецидива неграмотности, а долженъ быть отнесенъ къ упущенію въ самой постановкѣ дѣла обученія.

*) Чтобы по приведеннымъ цифрамъ можно было яснѣе и нагляднѣе судить о скорости чтенія, экзаменаторы дѣлаютъ замѣчаніе, что они сами читаютъ только около 20 строкъ въ минуту изъ тѣхъ статей, какія давались для чтенія при испытаніи.

Отъ не вполнѣ правильнаго въ прошломъ веденія учебнаго дѣла зависить и другое явленіе. При оцѣнкѣ чтенія баллами принимались въ разсчетъ какъ быстрота чтенія, такъ и осмысленность, и еще болѣе умѣнье пересказать прочитанное. Завися отъ всѣхъ этихъ условій, выставляемый баллъ не всегда могъ находиться въ прямомъ отношеніи съ каждымъ изъ нихъ. Такъ, Знаменское и Шаталовское училища, по средней быстротѣ чтенія (12 строкъ въ минуту), принадлежать къ числу лучшихъ училищъ въ уѣздѣ; быстро сравнительно читаютъ въ Россошенскомъ и Хорошиловскомъ училищахъ (по 11 строкъ въ минуту), но по среднему баллу за русское чтеніе (3,3 во всѣмъ четырехъ училищахъ) они поставлены нѣсколько ниже Городищенскаго и Синелинягинскаго, имѣющихъ въ среднемъ 3,4 балла, хотя изъ нихъ въ Синелинягинскомъ быстрота чтенія значительно ниже,—всего 8 строкъ въ минуту; но, медленно читая, здѣсь лучше передаютъ прочитанное.

Для письменной работы была избрана не диктовка, которую трудно вести съ людьми, пишущими, какъ можно было предполагать, довольно различно, по крайней мѣрѣ, относительно скорости, а даны были вопросы: о лѣтахъ, составѣ семьи, времени окончанія курса, вообще о занятіяхъ по выходѣ изъ школы, а въ частности о томъ, часто ли читалъ и писалъ испытуемый по выходѣ изъ школы, какія книги читалъ, гдѣ бралъ ихъ и какія изъ нихъ ему болѣе понравились. Отвѣты на эти вопросы и составили содержаніе письменныхъ работъ. Пользуясь ими, мы можемъ теперь прослѣдить, какое употребленіе дѣлаютъ крестьяне изъ той механической грамотности, которую дала имъ школа и которая, какъ мы только что видѣли, вполнѣ сохраняется въ памяти бывшихъ учениковъ земскихъ училищъ.

На вопросъ, часто ли приходится читать, дали отвѣты 638 экзаменовавшихся; 406 отвѣтили «рѣдко» и только 232 читаютъ «часто». 15 человѣкъ категорически заявили, что они никогда не читаютъ. «А книги нигдѣ не бралъ, и не читалъ, и не писалъ, и задачи не дѣлалъ»,—пишетъ какъ бы въ сердцахъ одинъ изъ испытуемыхъ, отдѣлываясь отъ докучливаго вопроса. Но если категорическое «никогда», отвѣчая на вопросъ прямо и точно, въ поясненіяхъ не нуждается, то нельзя того же сказать о неопредѣленныхъ отвѣтахъ «часто», «рѣдко». Поищемъ разъясненій.

Лѣтомъ никогда не читаю, лѣтомъ не брался ни за какія книги, лѣтомъ читаю рѣже,—вотъ обычные отвѣты испытуемыхъ; оно и понятно: крестьяне Нижнедѣвицкаго уѣзда—земледѣльцы по преимуществу, а всѣмъ извѣстно, что лѣтомъ «наша мужицкая работа стоитъ сильнѣе». Конечно, деревенская аристократія, не соприкасающаяся съ земледѣльческимъ трудомъ непосредственно, можетъ позволять себѣ духовныя развлеченія независимо отъ времени года, но за то кустари, работники или лица, занятыя зимними отхожими промыслами, не дѣлаютъ различія между зимой и лѣтомъ въ совершенно иномъ смыслѣ. Такіе пишутъ въ своихъ отвѣтахъ: «зимою рѣдко занимался (чтеніемъ), потому что портняжилъ», «лѣтомъ н[illegible] вовсе некогда, а зимою тоже некогда», «лѣтомъ некогда, а зимою

какъ придется». Зима, однако, и этимъ труженикамъ даетъ больше досуга для чтенія и въ отвѣтахъ чаще всего встрѣчаются указанія именно на это время года. Болѣе точныя опредѣленія чрезвычайно разнообразны. Читаютъ, дѣйствительно, «какъ придется»: кто разъ въ годъ, кто «не болѣе двухъ разовъ», кто три, четыре и т. д., и т. д. Общее между ними то, что читали они «по своей слободности, въ праздничные дни». Въ будни почти никто не читаетъ — некогда. Въ праздничные дни тоже не всякому удается сѣсть за книгу: то въ городъ поѣдешь, то какая-нибудь экстренная надобность по хозяйству,—и праздникъ прошелъ, какъ его и не было. Читающіе каждый праздникъ составляютъ рѣдкое исключеніе; въ большинствѣ же случаевъ на праздникъ указывается лишь какъ на время, наиболѣе досужное для чтенія: «отдохнувши, иногда и почитаешься»; «въ зимнее время, праздничный день, придешь къ сосѣдскимъ ребятишкамъ, которые ходятъ въ школу, и почитаешься»,—пишетъ парень 24-хъ лѣтъ, котораго книга или, вѣрнѣе, недостатокъ книгъ заставляетъ подыскивать себѣ компанію среди сосѣдскихъ ребятишекъ не болѣе десяти-двѣнадцатилѣтняго возраста.

Недосугъ, по словамъ крестьянъ, служитъ главнымъ тормазомъ умственнаго развитія деревни. Изъ 82 человѣкъ, давшихъ въ своихъ письменныхъ работахъ отвѣты на вопросъ, почему они мало читаютъ, 55 указали именно на недостатокъ времени. Жалобы на недосугъ по нѣкоторымъ школамъ, какъ, наприм., по Городищенской (9), Бекетовской, Ясеневской (6), повторяются особенно часто. «Я какъ кончилъ курсъ, такъ сталъ забывать; читать не сталъ, такъ какъ въ работѣ каждый день»; «некогда; тогда брался за книги, когда учился»,—пишутъ нѣкоторыя крестьяне, указывая на годы ученія, какъ на время, когда только и можно было водить знакомство съ книгой. Мало читалъ, «потому что у насъ домашная работа», «потому что мнѣ нужно зарабатывать свой хлѣбъ, потому что у насъ хлѣба нѣтъ»,—вотъ обычные аргументы, которыми крестьяне оправдываютъ свое равнодушіе къ книгѣ. Семейное положеніе въ этомъ случаѣ играетъ видную роль, и часто парень, котораго уже никакъ нельзя было бы упрекнуть въ нежеланіи читать, совершенно забрасываетъ книгу съ измѣненіемъ своего семейнаго положенія. «Мало читалъ и писалъ, потому что у меня отецъ умеръ», «потому что дома дѣдъ старъ и братья малы»,—пишутъ экзаменовавшіеся, и эти отвѣты мы должны понимать въ томъ смыслѣ, что вся работа по хозяйству легла на плечи этихъ кормильцевъ семьи, среди которыхъ встрѣчаются парни, едва-едва вышедшіе изъ школьнаго возраста.

Положеніе бездомовнаго работника и того хуже. Грустная жалоба свою горькую долю слышится въ ихъ лаконическихъ отвѣтахъ, котор по тетрадямъ разныхъ школъ разбросано не мало. «Не читалъ,— пиш одинъ,—потому что живу у хозяина, а у хозяина ихъ некогда чита «некогда было,—говоритъ другой,—а тѣмъ болѣе, что я жилъ по чуж людямъ, и до ухода на службу (военную) совсѣмъ не читалъ». Боль

ство такихъ горемыкъ даже не считаетъ нужнымъ пояснять свои отвѣты, а пишутъ просто: «потому что живучи на желѣзной дорогѣ», «потому что жилъ въ людяхъ» и т. п., или обозначивъ родъ своихъ занятій: «работникъ,—замѣчаютъ дальше,—чтеніемъ не занимался, никакъ некогда». Этотъ постоянный недосугъ, заставляющій нерѣдко школьника тотчасъ же по выходѣ изъ училища всецѣло отдаваться хозяйственнымъ заботамъ семьи, постепенно вызываетъ паденіе интереса къ книгѣ и нерѣдко даже суровое отношеніе къ ней. «Не имѣю лишнихъ прогулокъ»,—пишетъ бывшій ученикъ Хорошиловскаго училища на вопросъ о томъ, читалъ ли онъ по выходѣ изъ школы. Съ такимъ взглядомъ на чтеніе, какъ на лишнія прогулки, конечно, далеко не уѣдешь, и потому не удивительно, что въ отвѣтахъ испытуемыхъ встрѣчаются откровенныя признанія, что читать «охоты не стало», что теперь уже «не до книгъ». Вотъ, напримѣръ, что пишетъ бывшій ученикъ Роговатовскаго училища, выпуска 1886 г.: «А теперь разскажу про свое ученіе: прежде зналъ читать и писать, а ариеметику не очень хорошо, потому что мы въ нуждѣ и земледѣльцы, некогда намъ до этого доходить, мы въ каждомъ часѣ въ нуждѣ. Кой-когда зимою въ сельское училище пойдешь выпросить у учителя книжку; если дадутъ, тогда и почитаешься, а своихъ книгъ нѣтъ, *а потому что уже не до нихъ*». «Некогда, и охоты не стало»,—пишетъ другой ученикъ того же училища.

Но неужели тягота крестьянской жизни такъ безнадежно велика, что среди этого вѣчнаго недосуга нѣтъ дѣйствительно никакихъ силъ удѣлять часъ, другой удовлетворенію духовныхъ потребностей? Внимательно прислушиваясь къ жалобамъ на безпрестанное деревенское «утѣсненіе», угнетающее мужицкую мысль, можно замѣтить, что жалобы эти не всегда слѣдуетъ относить на счетъ того недосуга, который лично у меня, Ивана, Петра, поглощаетъ каждую минуту моего трудового дня. Часто *общая атмосфера* деревни, избы, гдѣ все, отъ мала до велика, занято постоянными заботами о «дневномъ пропитаніи», уже сама по себѣ мѣшаетъ усѣсться за книгу, хотя бы для этого и выбрался свободный часъ. Какъ-то неловко, неудобно взять въ руки книгу, когда вокругъ тебя безостановочно совершается обычный процессъ деревенской сутолоки, когда и передъ тобою стоитъ длинная вереница всякихъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ крестьянскаго обихода, которые ежеминутно могутъ потребовать твоего присутствія и заботы. «Дома я никогда не читаю»,—пишетъ одинъ изъ бывшихъ учениковъ Семидесятской школы. Дома читать нельзя, дома ь не хочетъ становиться въ привилегированное положеніе по отношенію всей семьѣ, которую одолѣваетъ «крестьянское дѣло»; дома пропадаетъ ота къ чтенію, и онъ нуждается во внѣшнихъ стимулахъ, чтобы вновь обудить въ себѣ остывающее желаніе «почитаться». Такимъ внѣшнимъ муломъ въ томъ же Семидесятскомъ является воскресная школа, и другой ватель села дополняетъ вышеприведенный отвѣтъ такъ: «чтеніемъ и ьмомъ занимаюсь только въ воскресной школѣ».

Вл. Кр.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Иванъ Грозный и его оппоненты.

I.

Въ недавно вышедшемъ послѣднемъ выпускѣ *Критическихъ опытовъ* Н. К. Михайловскаго находимъ большую статью, посвященную русской исторіи: *Иванъ Грозный въ русской литературѣ*. Это весьма обстоятельный обзоръ многочисленныхъ и разнорѣчивыхъ взглядовъ на историческое значеніе Грознаго и его царствованіе, разновременно высказанныхъ учеными изслѣдователями. Такіе обзоры чрезвычайно цѣнны, разъ они касаются сложныхъ и спорныхъ вопросовъ науки. Если извѣстный вопросъ остается открытымъ, несмотря на то, что по поводу его успѣла нарости объемистая спеціальная литература, если всѣ предшествующіе труды не только не разрѣшили вопроса, но даже не подготовили сколько-нибудь надежной почвы для его болѣе или менѣе удовлетворительнаго разрѣшенія, невольно зарождается подозрѣніе, нѣтъ ли какого-нибудь коренного грѣха въ самомъ способѣ его постановки? Въ этомъ отношеніи литература вопроса и должна сослужить свою отрицательную службу, самыя ошибки предшественниковъ должны преподать намъ цѣнные руководящіе уроки. Въ чемъ причина не прекращающейся разноголосицы — вотъ что должны выяснить, прежде всего, такіе обзоры, и только въ этомъ случаѣ они — эти обзоры — способны оказать благотворное вліяніе на дальнѣйшее движеніе науки.

Удовлетворяетъ ли этому основному требованію работа г. Михайловскаго? «Мнѣ кажется, что устраненіе разногласія о Грозномъ есть, дѣйствительно, неосуществимая и праздная мечта, по крайней мѣрѣ, для настоящаго времени, и для ближайшаго, да и довольно отдаленнаго буд щаго. Очевидно, существуютъ какія-то непреодолимыя трудности для то чтобы которое-нибудь изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ мнѣній шихъ историковъ стало общепризнаннымъ» (стр. 15).

Вотъ какъ формулируетъ г. Михайловскій общій выводъ своего кри ческаго опыта. Изъ только что приведенныхъ словъ можно было бы, залось, сдѣлать то заключеніе, что г. Михайловскій, разобравъ всѣ су

ствующіе взгляды по занимающему его вопросу, не примкнулъ ни къ одному изъ нихъ и не противупоставилъ имъ какой-либо новой точки зрѣнія: вышелъ изъ своего обзора такъ же, какъ и приступилъ къ нему,—съ пустыми руками. Однако, такое заключеніе было бы ошибочно. Въ концѣ очерка г. Михайловскій вполнѣ опредѣленно высказываетъ собственный взглядъ (мы скоро увидимъ, какой именно) на личность Грознаго и на историческое значеніе его дѣятельности. Читатель безъ труда отмѣчаетъ на этомъ взглядѣ отраженіе цѣлаго литературнаго теченія, образцы котораго только что были разсмотрѣны самимъ г. Михайловскимъ въ общемъ составѣ посвященной Грозному литературы. Провозгласивъ полную научную безплодность всей предшествующей литературы, критикъ самъ становится затѣмъ въ ея ряды, беретъ подъ свою защиту одно изъ тѣхъ воззрѣній, которыя, по его собственному признанію, всѣ одинаково безсильны дать матеріалъ для устойчивыхъ и плодотворныхъ ученыхъ выводовъ. Въ концѣ-концовъ, съ пустыми руками остается не самъ авторъ, но его читатель.

Я не хочу сказать этимъ, что трудъ г. Михайловскаго пропалъ даромъ. Правда, читатель не найдетъ здѣсь обстоятельной, методологической критики разсматриваемыхъ воззрѣній, но за то онъ получитъ яркую формулировку этихъ воззрѣній и ихъ поучительное сопоставленіе. Матеріалъ для выводовъ къ его услугамъ.

XVI вѣкъ вообще и царствованіе Ивана Грознаго въ частности—одинъ изъ капитальнѣйшихъ моментовъ нашей исторіи. Въ связи съ изученіемъ наполняющихъ его явленій подымается цѣлый рядъ вопросовъ объ общемъ ходѣ нашего историческаго развитія. Вотъ почему мы и рѣшаемся представить вниманію читателей нѣсколько вызванныхъ работой г. Михайловскаго соображеній. Г. Михайловскій разсматриваетъ посвященную Грозному литературу въ хронологическомъ порядкѣ ея постепеннаго наростанія, не сортируя по категоріямъ ея отдѣльныхъ теченій. Между тѣмъ, такая сортировка не только возможна, но и весьма поучительна. Она-то, думается намъ, какъ разъ и можетъ подсказать нѣсколько иной выходъ изъ противорѣчивыхъ впечатлѣній, навѣваемыхъ занимающею насъ литературой, чѣмъ тотъ, къ которому пришелъ г. Михайловскій.

Все содержаніе этой литературы сводится, въ сущности, къ постоянному чередованію и взаимному соперничеству двухъ самостоятельныхъ тенденцій. Одна ищетъ ключъ ко всѣмъ эпизодамъ замѣчательнаго царствованія въ перипетіяхъ внутренней душевной драмы царя. Другая выдвигаетъ [на] первый планъ общеисторическіе процессы, въ связи съ которыми старается объяснить и личную исторію Грознаго. Параллельное литературное [разви]тіе обѣихъ тенденцій представляется въ слѣдующемъ видѣ.

[П]режде всего, историческая литература занялась самимъ Грознымъ. [Рѣзкая, драматиче]ская, эффектная фигура царя, какъ и естественно, на первыхъ порахъ [засло]нила собою отъ глазъ историковъ самое царствованіе. Такъ явились [психологи]ческіе портреты Грознаго, набросанные Щербатовымъ, Карамзинымъ,

Полевымъ. Историки слѣдили за поворотами настроеній Грознаго, старались объяснить разновременные фазисы его личной исторіи, отгадать его психическую индивидуальность. Развитіе государственныхъ формъ, взаимоотношеніе общественныхъ классовъ, общія условія народной жизни,— все это оттѣснялось на второй планъ, и если привлекалось къ дѣлу, то лишь въ качествѣ удобной внѣшней рамы для центральной исторической фигуры самого Грознаго.

Столь односторонняя постановка вопроса должна была вызвать реакцію съ дальнѣйшимъ прогрессомъ науки. Научная идея закономѣрности народной жизни взростила интересъ къ отысканію общеисторическихъ процессовъ, лежащихъ въ основѣ единичныхъ явленій. Съ тѣмъ вмѣстѣ и на дѣятельность Грознаго историки взглянули, какъ на частный эпизодъ изъ общей исторіи эпохи. Въ прежнихъ попыткахъ изображенія Грознаго теперь увидѣли результатъ «незрѣлости науки, непривычки обращать вниманіе на связь, преемство явленій. Іоаннъ IV,—говорили теперь,— не былъ понятъ, потому что былъ отдѣленъ отъ отца, дѣда и прадѣда своихъ» (*Соловьевъ:* «Исторія Россіи», т. VI). Такъ расширялась первоначальная задача. Предстояло связать дѣятельность Грознаго съ основными чертами его эпохи, а для объясненія этой эпохи—вскрыть ея отношеніе къ предшествующему времени.

Въ литературѣ начали появляться попытки широкихъ построеній общаго хода русской исторіи. Историки пустились на поиски за главнымъ, центральнымъ, руководящимъ началомъ, въ которомъ можно было бы открыть основную сущность и истинный философскій смыслъ пережитаго нами историческаго процесса. Не наша задача касаться исторіи этихъ поисковъ. Для насъ важно лишь отмѣтить, какъ отразились на постановкѣ вопроса о дѣятельности Грознаго нѣкоторыя попытки приложить эти широкія обобщающія схемы къ конкретному историческому матеріалу. Подъ вліяніемъ этихъ попытокъ тиранническая дѣятельность Грознаго, его правительственный терроръ получили новое освѣщеніе. Въ нихъ перестали видѣть исключительно плодъ прихотливыхъ капризовъ коронованнаго психопата. Ихъ ставили въ связь со всею политикой московскаго княжескаго дома, а въ самой этой политикѣ вскрывали отраженіе общихъ условій, двигавшихъ ходомъ народной жизни. Такъ появились два новыхъ Грозныхъ въ нашей исторической литературѣ: кавелинскій и соловьевскій.

Кавелинская формула русскаго историческаго развитія извѣстна. Она изложена въ свѣжей, талантливо и горячо написанной статьѣ *Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи,* которая появилась въ 1847 году въ журналѣ *Современникъ*, въ качествѣ перваго литературнаго дебюта Кавелина. Согласно этой формулѣ, содержаніе всей исторіи сводилось къ постепенному росту значенія и самостоятельности отдѣльной личности въ общественной и государственной жизни.

На зарѣ исторіи во всѣхъ сферахъ жизни царили начала родового быта. Отдѣльная личность имѣла значеніе лишь какъ одна изъ сост-

ныхъ частей своего рода. Дальнѣйшее движеніе исторіи заключалось въ распатываніи родовыхъ порядковъ, въ борьбѣ государственнаго начала съ началомъ родовымъ. Вмѣстѣ съ все болѣе назрѣвавшею побѣдой государственнаго начала отдѣльная личность эмансипировалась отъ опеки ветшавшихъ родовыхъ формъ, становилась въ непосредственныя отношенія къ государству и тѣмъ выигрывала въ своей самостоятельности. Дѣятельность Ивана Грознаго—одно изъ крупныхъ звеньевъ указаннаго процесса. Иванъ Грозный, это—коронованный пропагандистъ государственной идеи, которой принадлежала будущность. Условія соотвѣтствовавшаго историческаго момента и особенности личнаго темперамента царя сдѣлали то, что эта пропаганда получила характеръ правительственнаго террора. Кавелинскій Иванъ Грозный — поэтъ государственной идеи. Ея практическое осуществленіе—его завѣтный, страстно искомый идеалъ. Между тѣмъ, въ тогдашнемъ обществѣ совершенно отсутствовали элементы для лучшаго порядка вещей. Общество коснѣло въ старыхъ формахъ полупатріархальнаго быта. «Равнодушіе, безучастіе, отсутствіе всякихъ духовныхъ интересовъ—вотъ что встрѣчалъ онъ (Иванъ Грозный) на каждомъ шагу. Борьба съ ними ужаснѣе борьбы съ открытымъ сопротивленіемъ»... «Растерзанный, измученный безплодною борьбой, Іоаннъ могъ только мстить за неудачи, подъ которыми похоронилъ онъ всѣ свои надежды, всю вѣру, все, что было въ немъ великаго и благороднаго, и мстилъ страшно» (*Кавелинъ:* «Сочиненія», т. I, стр. 356 и 363).

И такъ, тиранническая дѣятельность кавелинскаго Грознаго можетъ быть названа, пожалуй, нецѣлесообразною, но ее никакъ нельзя назвать безцѣльною. Нѣтъ, у нея была вполнѣ опредѣленная цѣль: пропаганда государственной идеи,—передъ Иваномъ стоялъ реальный, а не созданный больнымъ воображеніемъ врагъ: старинный, патріархальный жизненный строй. Въ лицѣ Ивана и его враговъ столкнулись двѣ Россіи — новая и старая; въ основѣ террористической политики Грознаго лежали историческіе, а не одни только психологическіе мотивы.

Не трудно замѣтить, что конечный выводъ, вытекающій изъ кавелинскаго изображенія Грознаго, гораздо цѣннѣе самого этого изображенія. Краснорѣчивыя страницы, посвященныя Грозному Кавелинымъ, сбиваются гораздо болѣе на блестящую ораторскую импровизацію, чѣмъ на научное воспроизведеніе историческихъ данныхъ. Всѣ элементы начертанной картины—сплошь гипотетичны. Отсутствіе всякихъ духовныхъ интересовъ въ тогдашнемъ обществѣ, равнодушіе и безучастіе этого общества къ текущимъ вопросамъ жизни, идеализмъ и какая-то, чуть ли не міровая, скорбь непонятаго Грознаго,—все это голая гипотеза, и, притомъ, противорѣчащая фактамъ. Говорить объ индефферентизмѣ русскаго общества того времени значитъ закрывать глаза на тотъ разцвѣтъ публицистической литературы, которымъ знаменуются конецъ XV и начало XVI вѣка, тѣ проявленія то явной, то подпольной общественной оппозиціи устанавливавшемуся московскому порядку, которыя получали такія разнообразныя формы—отъ откры-

таго вооруженнаго возстанія оскорбленнаго служилаго князя до озлобленной воркотни опальнаго дружинника въ уединенной кельѣ заѣзжаго изъ Греціи ученаго монаха.

Рисовать Грознаго разочарованнымъ идеалистомъ, въ отчаяніи истребляющимъ то, чтò ему не удавалось согласно своимъ идеаламъ преобразовать, значитъ, въ одно и то же время, и незаслуженно ставить его въ какую-то исключительную сравнительно съ его предшественниками позу, и незаслуженно преувеличивать безплодность его правительственной дѣятельности. Правительственный терроръ сдѣлался обычнымъ пріемомъ московской политики задолго до Грознаго. Казни и опалы временъ Ивана III и Василія III имѣютъ важное историческое значеніе и въ значительной степени отнимаютъ у казней Ивана IV эффектъ историческаго экспромпта. Дѣйствуя въ тонъ фамильной политикѣ своего дома, Иванъ IV не могъ являться провозвѣстникомъ какихъ-то совершенно новыхъ началъ, недоступныхъ кругозору его современниковъ,—оказывается, напротивъ, эти начала еще до Ивана IV не только обращались въ общественномъ сознаніи, но въ извѣстной мѣрѣ получали и практическое осуществленіе въ рядѣ правительственныхъ мѣропріятій. Съ другой стороны, итоги царствованія Грознаго отнюдь не свелись къ однимъ казнямъ, внушеннымъ Грозному, по мнѣнію Кавелина, отчаяніемъ безсилія. Нѣтъ, это царствованіе, какъ и вообще XVI вѣкъ—крупный поворотный пунктъ въ ходѣ нашего государственнаго развитія: Грозный завершилъ цѣлый рядъ назрѣвшихъ къ его времени коренныхъ, органическихъ реформъ по организаціи общественныхъ классовъ и государственнаго управленія, и въ результатѣ этихъ реформъ государственный строй окончательно установился на новыхъ основаніяхъ—общественнаго закрѣпощенія. Эти новыя начала государственнаго устройства вполнѣ отвѣчали условіямъ текущаго историческаго момента, они были продиктованы повелительными требованіями времени, и вотъ въ чемъ заключался секретъ ихъ устойчивости и живучести, вотъ почему даже перипетіи смутнаго времени если и расшатали, то отнюдь не разрушили ихъ.

Но если политическіе идеалы Грознаго какъ разъ совпадали съ неотразимыми требованіями историческаго момента, то развѣ ему приличествуетъ поза царя-неудачника? Спрашивается, однако, слѣдуетъ ли, въ виду несостоятельности кавелинскихъ воззрѣній на значеніе Грознаго, отвергать тотъ общій выводъ, который изъ нихъ вытекаетъ,—тотъ выводъ, что въ основѣ его дѣятельности лежали не одни психологическіе, но и общеисторическіе мотивы? Не слѣдуетъ ли, наоборотъ, предположить, что Кавелинъ просто ошибочно вскрылъ эти историческіе мотивы, увлеченный своею общею с[illegible]-мой русской исторіи? Иначе говоря, неудачное примѣненіе метода комп[illegible]-метируетъ ли въ этомъ случаѣ самый методъ?

И Соловьевъ, подобно Кавелину, подошелъ къ изслѣдованію древ[illegible]й русской жизни съ точки зрѣнія родовой теоріи. Но Соловьеву иначе, чѣ[illegible]ь Кавелину, пришлось прилагать свою схему къ фактическому матеріа[illegible]. Вмѣсто быстраго обзора à vol d'oiseau всего хода русской исторіи, Солов[illegible]ь

написалъ *Исторію Россіи,* прервавшуюся на 29 томѣ. Здѣсь уже нельзя было ограничиться общею характеристикой крупныхъ историческихъ моментовъ съ точки зрѣнія своей схемы,—надлежало прослѣдить осуществленіе открытаго имъ общаго начала русской исторіи на каждомъ отдѣльномъ историческомъ эпизодѣ, на каждомъ отдѣльномъ сплетеніи реальныхъ отношеній и общественныхъ силъ. По представленію Соловьева, переработка родового строя жизни въ государственный растянулась на цѣлый рядъ вѣковъ и, конечно, разнообразіе жизни давало этому основному процессу нашей исторіи тысячу самыхъ различныхъ и измѣнчивыхъ выраженій. Что же представлялъ собою съ этой точки зрѣнія тотъ моментъ русской жизни, на который пало царствованіе Грознаго? Соловьевъ даетъ на это опредѣленный отвѣтъ въ VI томѣ своей исторіи.

Съ вѣрною остротой историческаго зрѣнія онъ увидѣлъ въ этомъ моментѣ эпоху борьбы двухъ столкнувшихся теперь періодовъ русской жизни, изъ которыхъ одинъ заканчивался, а другой зарождался. По выраженію Соловьева, это было время «сопоставленія двухъ началъ, изъ которыхъ одно стремилось къ дальнѣйшему полному развитію, а другое хотѣло удержать его въ этомъ стремленіи, удержать во имя старины, во имя старыхъ, исчезнувшихъ отношеній, необходимо было столкновеніе». Представителями одной изъ столкнувшихся сторонъ явились московскіе князья, начиная съ Ивана III, и Иванъ IV въ томъ числѣ, а другую сторону составили верхи тогдашняго общества: потомки вчерашнихъ удѣльныхъ князей и верхній слой дружины—боярство. И такъ, столкновеніе верховной власти съ аристократическими элементами общества — вотъ въ чемъ заключался, по Соловьеву, основной фактъ періода и вотъ съ какой точки зрѣнія слѣдуетъ оцѣнивать и дѣятельность Грознаго. Въ качествѣ врага тогдашней аристократіи верховная власть дѣлается естественнымъ союзникомъ низшей массы. Аристократія отдѣлила свое дѣло отъ дѣла народнаго. «Народъ,—говоритъ далѣе Соловьевъ,—увидалъ въ нихъ (князьяхъ и боярахъ) людей, которые остались совершенно преданными старинѣ и въ томъ отношеніи, что считали прирожденнымъ правомъ своимъ кормиться насчетъ ввѣреннаго имъ народонаселенія, и кормиться какъ можно сытнѣе. Понятно, что земля всѣми своими сочувствіями обратилась къ началу, которое одно могло защитить ее отъ этихъ людей, положить границу ихъ своекорыстнымъ стремленіямъ, и вотъ молодой царь (Иванъ IV) пользуется ошибками тѣхъ, въ комъ видитъ враговъ своихъ, и съ лобнаго мѣста, во услышаніе всей земли, говоритъ, что власть князей и бояръ, лихоимцевъ и сребролюбцевъ, судей неп зедныхъ кончилась, что онъ самъ будетъ теперь судья и оборона, и р оръ просьбъ поручаетъ человѣку, котораго взялъ изъ среды бѣдныхъ и езначительныхъ людей: на мѣстѣ Шуйскихъ, Бѣльскихъ, Глинскихъ, в имъ Адашева: Исавъ продалъ право первородства младшему брату за з омое блюдо» (*Исторія Россіи,* т. VI, стр. 61, 64).

Кавелинъ обозначилъ шумную дѣятельность Грознаго просто, какъ одно

изъ проявленій основного процесса русской исторіи: борьбы государственнаго начала съ началомъ родовымъ.

Соловьевъ, опираясь на изученные имъ факты, опредѣленно указываетъ, въ какія конкретныя формы облеклась эта вѣковая борьба въ эпоху Грознаго: она получила въ то время характеръ борьбы аристократическаго боярства съ демократическою монархіей, при этомъ политическій вопросъ осложнился вопросомъ соціальнымъ: низшая масса отшатнулась отъ боярства и предала его московскому княжескому правительству, спасаясь отъ экономической порабощенности, въ которую его забивала дѣятельность землевладѣльческаго боярства.

Такимъ образомъ, и здѣсь, и у Соловьева для Грознаго подысканъ реальный, дѣйствительный врагъ, съ которымъ онъ вынужденъ былъ бороться, и здѣсь тираннія Грознаго не является исключительно плодомъ внутренней потребности исковерканной натуры, искусствомъ для искусства, она направлена къ осуществленію опредѣленной политической программы. На счетъ личныхъ свойствъ царскаго темперамента можно и должно отнести лишь изощренныя формы его тиранніи, но ея основная и конечная цѣль была подсказана исторически назрѣвшимъ антагонизмомъ различныхъ общественныхъ слоевъ.

Въ основѣ соловьевской схемы лежатъ, какъ мы только что видѣли, два историческихъ наблюденія: 1) аристократическая тенденція боярства; 2) союзъ верховной власти съ низшею массой на почвѣ общихъ интересовъ

Соотвѣтствуютъ ли, однако, эти наблюденія подлиннымъ фактамъ?

На этотъ вопросъ приходится отвѣчать отрицательно. Мы не видимъ въ боярствѣ того времени *аристократіи* въ полномъ смыслѣ этого слова, общественнаго слоя, объединеннаго ясно сознанными едиными сословными интересами и чувствами, даже единствомъ своего историческаго происхожденія,—это была масса, составленная изъ весьма разнородныхъ элементовъ туземныхъ и иноземныхъ. Лишенное даже и тѣни какой-либо корпоративной внутренней связи, боярство, какъ боярство, какъ обособленный въ самомъ себѣ общественный слой, не составляло въ то время самостоятельной исторической силы. Были бояре, но не было боярскаго принципа, какъ совершенно справедливо замѣтилъ г. Михайловскій (*Крит. опыты*, стр. 104). Вотъ почему боярство и не могло бы противупоставить Грозному аристократической оппозиціи. Съ другой стороны, мы не находимъ никакихъ слѣдовъ союза верховной власти съ низшею массой населенія,—для такого союза не было почвы. Нисшая масса порывала съ боярствомъ, спасаясь отъ экономическаго порабощенія,—говоритъ Соловьевъ.—Но что она мо[illegible]ъ получить отъ своего мнимаго союзника—верховной власти? На это д[illegible]ь намъ отвѣтъ организаторская дѣятельность московскаго правительс[illegible]. Правительственная система того времени, подсказанная суровыми требо[illegible]ніями жизни, заключалась въ одинаковомъ закрѣпощеніи государстве[illegible]й службѣ всѣхъ общественныхъ слоевъ безъ различія, высшихъ и низш[illegible], причемъ каждому слою присвоивалась своя спеціальная повинность: [illegible]-

жилые люди должны были нести ратную и приказную службу, а низшая масса—содержать этихъ служилыхъ людей своимъ подневольнымъ, обязательнымъ земледѣльческимъ трудомъ. И такъ, порабощенность низшей массы какъ разъ входила въ виды верховной власти въ качествѣ одной изъ составныхъ частей тогдашней правительственной программы. Спрашивается, гдѣ же тутъ благопріятная почва для какихъ-то спеціальныхъ демократическихъ тенденцій, которыя приписываются Грозному? Указанныя слабыя стороны соловьевскаго построенія быстро привлекли вниманіе критики. При этомъ разборъ несостоятельности выставленныхъ въ литературѣ историческихъ мотивовъ террора Грознаго привелъ опять къ отрицанію у него вообще какой бы то ни было исторической подкладки. Такъ снова всплыла на поверхность чисто-психологическая точка зрѣнія на значеніе Грознаго въ нашей исторіи. Застрѣльщикомъ выступилъ К. Аксаковъ. Въ написанномъ имъ разборѣ VI тома *Исторіи Россіи* (*К. С. Аксаковъ:* «Сочиненія», т. I, изд. II, стр. 124—168) мы находимъ и критику соловьевскаго взгляда и изложеніе собственныхъ воззрѣній автора.

Тираннія Грознаго не была вызвана *борьбой*, по той простой причинѣ, что Грозному не съ кѣмъ было бороться, передъ нимъ не стояло никакого реальнаго дѣйствительнаго врага—вотъ основной тезисъ К. Аксакова. Бояре и не нападали, и не оборонялись. «Бояре противупоставляли Іоанну одно терпѣніе. Единственное, что они употребляли въ свою защиту, это—отъѣздъ, ихъ древнее право. Но для Іоанна врагъ, и врагъ опасный, точно существовалъ *въ его воображеніи*, и онъ всюду видѣлъ небывалые заговоры и умыслы противъ него» (ibid., стр. 135). И такъ, Иванъ Грозный дѣйствительно терроризировалъ общество во имя какой-то борьбы, но эта борьба была фикціей его больного воображенія.

Тираннія Грознаго, это—скорѣе страница изъ исторіи его личной біографіи, чѣмъ изъ исторіи развитія русской жизни. Русская жизнь того времени не представляла никакихъ элементовъ борьбы и смуты. Напротивъ, то былъ, по воззрѣнію Аксакова, золотой вѣкъ нашего прошлаго, когда получила свое полнѣйшее выраженіе свойственная духу русскаго народа основная формула русской общественности.

Аксаковъ видитъ въ Грозномъ правовѣрнаго проводника въ жизнь славянофильской политической доктрины раздѣленія земли и государства. Два учрежденія эпохи Грознаго: земскій соборъ и опричнина, взятыя вмѣстѣ, явились практическимъ выраженіемъ славянофильской формулы: землѣ—сила мнѣнія, государству—сила власти.

Политика Грознаго какъ разъ совпадала, такимъ образомъ, съ потребностями всего общества, вытекавшими изъ коренныхъ чертъ національнаго духа. Передъ такимъ торжествомъ чисто-національной политики должны были безслѣдно таять эгоистическія поползновенія отдѣльныхъ общественныхъ слоевъ. Среди общаго чувства національной удовлетворенности, притязанія дружины звучали диссонансомъ, которому ни откуда не могло быть отклика. Вотъ почему «царь сокрушаетъ дружину» безъ всякихъ усилій,

безъ всякой борьбы и «народъ молча присутствуетъ при ея сокрушеніи». Но, въ такомъ случаѣ, откуда же эти потоки крови, эти насилія и казни? Они не были вызваны практическою необходимостью. Вступая на путь террора, Грозный лишь отдавалъ дань основнымъ инстинктамъ своей природы. Затѣмъ слѣдуетъ личная характеристика Грознаго, какъ человѣка съ обостреннымъ художественнымъ чувствомъ, лишеннымъ, однако, всякой нравственной основы. Обостренное художественное чувство пріучило его искусственно становиться въ красивыя позы, выдумывать себѣ сильныя драматическія положенія, устраивать шумныя, эффектныя сцены. Отсутствіе нравственнаго чувства заслоняло отъ него нравственную сущность того или другого положенія яркимъ блескомъ его видимыхъ формъ. Критеріума добра и зла не было, была одна погоня за красивыми эффектами. Грозный переходилъ отъ образа къ образу, отъ картины къ картинѣ, и эти картины онъ любилъ осуществлять въ жизни. «То представлялась ему площадь, полная присланныхъ отъ всей земли представителей, и царь, стоящій торжественно подъ осѣненіемъ крестовъ на лобномъ мѣстѣ и говорящій рѣчь народу. То представлялось ему торжественное собраніе духовенства—и опять царь посрединѣ, предлагающій вопросы. То являлись ему, и тоже съ художественной стороны, площадь, уставленная орудіями пытки, страшное проявленіе царскаго гнѣва, громъ, губящій народъ—и вотъ ужасы казней московскихъ, ужасы Новгорода» и т. д. («Сочиненія», стр. 164).

Итакъ, борьба съ боярствомъ—плодъ самовнушенія, вся политика террора—игра въ красивую позу карающаго мстителя: такъ понимаетъ Аксаковъ руководящія черты въ дѣятельности Грознаго. Мы не будемъ разбирать этой остроумной характеристики съ психологической стороны. Сдѣлаемъ мимоходомъ только одно замѣчаніе: политика террора, какъ мы уже упоминали выше, унаслѣдована Грознымъ отъ своихъ предшественниковъ. Слѣдуя Аксакову, намъ придется, такимъ образомъ, заключить, что не только одинъ Иванъ IV, но его отецъ и дѣдъ,—все это были позёры, что въ теченіе чуть ли не цѣлаго столѣтія московскіе князья выдумывали себѣ несуществующихъ враговъ только для того, чтобъ имѣть случай встать въ драматическое положеніе карающихъ мстителей не нанесенной обиды. Могутъ возразить: Иванъ IV первый придалъ террору небывалыя раньше, кричащія своимъ картиннымъ изувѣрствомъ формы. И это не точно. И до Ивана Грознаго бывали случаи, когда вся дорога отъ Москвы до Новгорода устанавливалась, какъ верстовыми столбами, висѣлицами съ повѣшенными на нихъ трупами крамольниковъ. Самъ Грозный призналъ бы эту казнь мастерскимъ эффектомъ по части картиннаго террора. Итакъ, вопросъ о тираннической дѣятельности Грознаго снова возвращался къ своей первоначальной постановкѣ. Послѣ немногихъ попытокъ трактовать этотъ вопросъ исторически опять была выдвинута чисто-психологическая точка зрѣнія. Съ этихъ поръ психологическая точка зрѣнія прочно утверждается въ спеціальной литературѣ о Грозномъ. Особенно содѣйствова[illegible] ея

распространенію въ читающей публикѣ популярный историкъ Костомаровъ. Онъ пошелъ по слѣдамъ Аксакова. Отбросивъ спеціально-славянофильскую часть аксаковской характеристики, его представленіе о полной гармоніи земскаго собора и опричнины съ коренными чертами народнаго духа, Костомаровъ съ тѣмъ большимъ удареніемъ настаиваетъ на фиктивномъ характерѣ поднятой Грознымъ борьбы. Возвращаясь нѣсколько разъ въ различныхъ статьяхъ къ характеристикѣ Грознаго, Костомаровъ все болѣе сгущаетъ краски, стараясь, притомъ, окончательно снять съ личности Грознаго всякій ореолъ сильной, выдающейся натуры. Въ концѣ-концовъ, Костомаровъ отрицаетъ у Грознаго и ту жилку художественнаго чутья, на которой Аксаковъ основалъ всю свою характеристику. Костомаровскій Грозный—грязный тиранъ съ мелкою душой, деспотъ и трусъ, человѣкъ пустой и ничтожный. Это—тотъ же салтыковскій Іудушка въ мономаховой шапкѣ.

На ту же психологическую точку зрѣнія становится и г. Михайловскій въ заключительныхъ главахъ своего очерка. Отвергнувъ гипотезу о борьбѣ съ Грознымъ аристократическаго боярства, отвергнувъ существованіе въ русской жизни того времени «боярскаго принципа», г. Михайловскій отрицаетъ затѣмъ у Грознаго какую бы то ни было сознательную политическую программу и опредѣляющимъ факторомъ его жизни и дѣятельности объявляетъ «несчастное сочетаніе крайней слабости воли и сознанія съ непомѣрною властью, не даромъ пугавшею современниковъ». Грозный—маньякъ и только. «Если Грозный,—говоритъ г. Михайловскій,—и создалъ легенду о принципіальной борьбѣ съ боярствомъ, то извѣстно, что маньяки иногда подыскиваютъ чрезвычайно замысловатыя объясненія для своихъ совершенно безсмысленныхъ поступковъ». (*Критич. опыты*, стр. 112).

Таково послѣднее въ хронологическомъ смыслѣ слово о дѣятельности Грознаго въ нашей литературѣ.

Намъ ясно теперь, на какой почвѣ возродилось это психологическое, такъ сказать, направленіе, къ которому примкнулъ и г. Михайловскій. Соловьевъ указалъ на аристократическое боярство, какъ на того врага, съ которымъ приходится бороться Грозному. Критика не нашла въ средѣ тогдашняго боярства ни элементовъ борьбы, ни элементовъ аристократизма и сдѣлала отсюда тотъ выводъ, что у Грознаго и не было никакихъ враговъ, кромѣ созданныхъ больною подозрительностью призраковъ. Не поспѣшенъ ли, однако, подобный выводъ? Мы понимаемъ Аксакова, который, исходя изъ своего славянофильскаго построенія русской исторіи, доказыв[illegible]ъ, что въ ту эпоху торжества исконно-народныхъ общественныхъ нач[illegible]ъ *и не могло быть* какой-либо внутренней борьбы. Но почему тѣ, кто в[illegible]аздѣляетъ славянофильскаго построенія, останавливаются передъ ди[illegible]ой: или бояре-аристократы, или призраки больного воображенія? Отч[illegible] не поискать другихъ элементовъ борьбы въ обществѣ того времени и[illegible]мимо боярскаго аристократизма? Мы думаемъ, что эти элементы су[illegible]твовали, мы думаемъ, что борьба была реальная, а не фиктивная, и мы

сейчасъ же укажемъ на тотъ руководящій принципъ, который лежалъ въ основѣ общественной оппозиціи того времени. То былъ не спеціально «боярскій принципъ», а—если можно такъ выразиться—«удѣльный принципъ», принимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ.

Основнымъ источникомъ недоразумѣній въ разсмотрѣнной нами литературѣ о Грозномъ мы считаемъ то обстоятельство, что изслѣдователи неравномѣрно распредѣляли свое вниманіе между двумя боровшимися сторонами: много занимались Грознымъ и недостаточно пристально вглядывались въ его оппозицію. Между тѣмъ, вопросъ о томъ, изъ кого состояла эта оппозиція, и даже существовала ли она въ дѣйствительности, является, какъ мы только что видѣли, центральнымъ пунктомъ разногласій.

Оппозиція Грознаго зародилась не при Грозномъ. Вотъ почему, для болѣе отчетливаго выясненія предлагаемой ниже точки зрѣнія, мы должны сдѣлать сейчасъ экскурсъ въ эпоху, непосредственно предшествовавшую царствованію Грознаго.

II.

XVI вѣкъ—крупный поворотный пунктъ нашего историческаго развитія. По обѣ стороны этого вѣка лежатъ двѣ совершенно различныя Россіи: удѣльная и московская Русь. Что такое удѣльная Русь? Это—собраніе большихъ и малыхъ княжествъ, разсыпанныхъ по трущобамъ тогдашней лѣсистой Россіи, съ очень слабыми задатками взаимнаго политическаго единенія и съ весьма настоятельными мотивами вѣчнаго взаимнаго соперничества.

Внутри каждаго удѣла руководящимъ началомъ политическаго порядка являлся *договоръ, рядъ*, т.-е. совершенно свободное соглашеніе между княземъ, хозяиномъ удѣла, и вольнымъ человѣкомъ, приходившимъ въ предѣлы его княжества и поступавшимъ на его службу. Эти договоры устанавливали для обѣихъ сторонъ взаимныя права и обязательства. Договорныя условія отнюдь не были вѣчны, отнюдь не накидывали на договаривающіяся стороны мертвой петли, они могли быть прекращены путемъ такого же свободнаго соглашенія, какимъ и заключались. Такъ каждый являлся въ то время творцомъ своего собственнаго положенія. Это порождало крайнюю пестроту и крайнюю неустойчивость политическихъ формъ. Конечно, практика вырабатывала нѣкоторые устойчивые типы договорныхъ условій, изъ которыхъ и выростали постепенно общія очертанія такъ называемаго удѣльнаго порядка, но, тѣмъ не менѣе, въ основѣ этого порядка все лежало свободное столкновеніе индивидуальныхъ интересовъ.

Что такое московская Русь? Это—крѣпко сплоченное военное государство, построенное на началахъ сильнѣйшей централизаціи. Потребность вооруженной самообороны—вотъ опредѣляющее начало московскаго политическаго устройства. Удѣльная свобода смѣнилась теперь закрѣпощенностью всѣхъ общественныхъ классовъ государственной власти. Инди-

дуальный интересъ потонулъ въ суровыхъ требованіяхъ дисциплины. Мѣстные нужды и интересы не принимались въ разсчетъ при построеніи новыхъ порядковъ, ими и некогда было заниматься, когда молодому государству приходилось вести самую примитивную борьбу за существованіе. Политическій строй московской Руси и явился плодомъ сознательной системы, направленной къ тому, чтобы ни одинъ атомъ народныхъ силъ не ускользалъ отъ общей обязательной работы на защиту государства. Эта работа была построена на началахъ строгаго раздѣленія труда. Общество распредѣлилось на классы и каждому классу была присвоена своя спеціальная государственная повинность. Для цѣлей самообороны государству нужны были двѣ вещи: деньги и войско. Сообразно съ этимъ общество было разбито на *тяглыхъ людей,*—городскихъ и сельскихъ,—которые должны были, неся обязательный торгово-промышленный или земледѣльческій трудъ, вносить съ него въ казну подати, и *служилыхъ людей,* обязанныхъ государству пожизненною ратною службой. Первые поставляли деньги, вторые—войско. Въ распредѣленіи этихъ повинностей между общественными классами московскій порядокъ не допускалъ никакой личной иниціативы. Все было подчинено всеопредѣляющей правительственной регламентаціи. Каждый былъ разъ навсегда поставленъ на свое опредѣленное мѣсто и въ этомъ заключался весь секретъ устойчивости и силы московскаго порядка. Потомки удѣльныхъ дружинъ, потомки удѣльнаго крестьянства превратились теперь въ безгласные винты сложной годударственной машины. Административный механизмъ Московскаго царства преслѣдовалъ тѣ же цѣли, что и организація общественныхъ классовъ. Органы администраціи, разсыпанные по уѣздамъ московской Руси, всецѣло являлись агентами центральной власти. Ихъ назначеніемъ было контролировать ростъ мѣстныхъ силъ и кажный приростъ ихъ тотчасъ обращать на удовлетвореніе тѣхъ же государственныхъ нуждъ. Всѣ эти воеводы, губные и земскіе старосты являлись въ общемъ составѣ государственной машины насосами, приставленными центральною властью къ источникамъ народнаго благосостоянія. Очерченный порядокъ неминуемо приводитъ къ двумъ знаменательнымъ послѣдствіямъ: 1) полному подавленію общественной свободы и мѣстнаго развитія; 2) къ чрезвычайно одностороннему развитію народной жизни вообще. Мѣстные, провинціальные интересы тонули въ интересахъ общегосударственныхъ, а въ составѣ самихъ этихъ общегосударственныхъ интересовъ потребности военной самообороны совершенно подавляли развитіе обще-
...нной жизни, развитіе народнаго просвѣщенія. Сопоставимъ теперь двѣ ...ко что представленныя картины: удѣльной и московской Руси. Что ...ду ними общаго? Это—два разнородныхъ міра, два другъ друга исклю...щихъ жизненныхъ уклада.

...VI вѣкъ и былъ тѣмъ моментомъ нашей исторіи, когда окончательно ...ршилась переработка удѣльнаго строя въ строй московскій. Въ этомъ его ...вное историческое значеніе, въ этомъ основной интересъ его изученія. ...гко понять, какимъ глубокимъ общественнымъ потрясеніемъ сопро-

вождалась такая коренная переработка. Вотъ чѣмъ объясняется тотъ яркій драматизмъ, которымъ полна эта эпоха и который былъ пріуроченъ притупленнымъ историческимъ глазомѣромъ послѣдующихъ поколѣній къ личности одного Грознаго.

Московскіе князья далеко не сразу выступаютъ врагами удѣльныхъ порядковъ. Довольно популярное воззрѣніе, по которому Московское княжество изначала явилось колыбелью иного политическаго уклада сравнительно съ остальною Русью удѣльной эпохи и московскіе князья вступили на политическое поприще *съ новымъ словомъ*, что̀ и обезпечило успѣхъ ихъ собирательной дѣятельности,—это воззрѣніе совершенно ошибочно. Напротивъ, московскіе князья побѣдили прочихъ удѣльныхъ князей, всецѣло опираясь на удѣльные порядки. И уже затѣмъ, побѣдивъ съ помощью удѣльныхъ порядковъ удѣльныхъ князей, они объявили войну и самимъ удѣльнымъ порядкамъ.

Удѣльный порядокъ по самой внутренней своей сущности былъ обреченъ на быстрое разрушеніе. Въ его основѣ лежали два взаимно противорѣчивыя начала: политическая раздробленность Руси и ея общественное единство. Первое начало выражалось въ полной политической самостоятельности отдѣльныхъ удѣльныхъ княжествъ, второе—въ ничѣмъ не стѣсненной свободѣ передвиженія изъ удѣла въ удѣлъ для всѣхъ свободныхъ классовъ тогдашняго общества. Основныя условія народнаго труда постоянно вызывали потребность въ такомъ передвиженіи. Междукняжескіе договоры неизмѣнно санкціонировали это право для всѣхъ свободныхъ классовъ общества, открывали имъ, по выраженію памятниковъ того времени, по всей Русской землѣ «путь чистъ, безъ рубежа».

Указанное обстоятельство налагало рѣзкую печать на характеръ удѣльнаго общества. Въ средѣ удѣльнаго общества не могло выработаться чувство мѣстнаго удѣльнаго патріотизма. Съ другой стороны, удѣльное общество отличалось необыкновенною измѣнчивостью и подвижностью своего личнаго состава. Экономическій интересъ явился главнымъ могущественнымъ рычагомъ народнаго передвиженія. Въ силу отмѣченныхъ особенностей, установившаяся было система самостоятельныхъ удѣльныхъ княжествъ могла бы разсчитывать на продолжительное сохраненіе лишь при одномъ условіи: при полномъ равенствѣ тѣхъ мѣстныхъ выгодъ, какія представлялись населенію каждымъ отдѣльнымъ удѣломъ. Дѣйствительность не могла допустить такого условія. Удѣлы, лишенные счастливаго географическаго положенія, обойденные благами природы, быстро пустѣли. Населеніе стягивалось мало-по-малу въ опредѣленные пункты съ болѣе п[illegible] тягательными мѣстными условіями. Оставляемые князья прибѣгали [illegible] антрепренерскимъ уловкамъ, соперничая другъ съ другомъ въ обѣщаніи соблазнительныхъ льготъ новымъ пришельцамъ. Напрасно. Потокъ на[illegible] ныхъ переселеній получалъ съ теченіемъ времени все болѣе опредѣлен[illegible] направленіе. Скоро обозначился и еще одинъ факторъ, управлявшій п[illegible]

движеніемъ народныхъ массъ: потребности самозащиты отъ наступавшихъ внѣшнихъ враговъ, съ востока и юга—татаръ, съ запада—Литвы.

Подъ вліяніемъ указанныхъ условій направленіе народнаго движенія окончательно опредѣлилось,—оно шло *отъ окраинъ къ центру*.

Вотъ та почва, на которой московскіе князья построили свое первоначальное политическое возвышеніе. Ихъ удѣлъ возвышался и расширялся въ силу счастливаго положенія и въ экономическомъ, и въ стратегическомъ отношеніяхъ. Основная политическая задача того времени разрѣшалась въ ихъ пользу. Съ точки зрѣнія личныхъ интересовъ московскимъ князьямъ было выгодно выступать въ роли охранителя, а никакъ не разрушителя основъ политическаго строя удѣльной эпохи. Всѣ приходили къ нимъ, никто не уходилъ отъ нихъ. Вотъ почему московскимъ князьямъ выгодно было поддерживать и въ теоріи, и на практикѣ свободу удѣльнаго договора, «ряда», свободу удѣльнаго «отъѣзда» и «перехода». Московское возвышеніе не было плодомъ какой-то исключительной передовой политической мудрости московскихъ князей; эти князья въ развитіи своихъ успѣховъ оставались настоящими дѣтьми своего вѣка, пользовались исключительно *удѣльными средствами*. Москва расширялась, поглощая своимъ ростомъ прочіе удѣлы, но сама по характеру своего внутренняго устройства оставалась такимъ же удѣломъ, какъ и уничтоженныя ею княжества. Это была борьба съ удѣльными правительствами, но не съ удѣльными порядками. Собирательная дѣятельность шла безостановочно. Каждый успѣхъ увеличивалъ могущество Москвы, а увеличеніе могущества, въ свою очередь, обезпечивало дальнѣйшіе успѣхи, еще болѣе поднимая притягательную силу Москвы въ глазахъ населенія. Мѣстныя выгоды тянули къ Москвѣ, отсутствіе удѣльнаго патріотизма не удерживало въ своемъ удѣлѣ, въ результатѣ удѣльныя княжества пустѣли, удѣльныя правительства оставались одинокими, безъ почвы подъ ногами, и успѣхъ Москвы былъ обезпеченъ задолго до того момента, когда она рѣшалась нанести послѣдній, уничтожающій ударъ. Такъ, передъ паденіемъ Тверского княжества толпы тверскихъ бояръ перекочевываютъ въ Москву. Вотъ какъ объясняли они мотивы своего переселенія: «Гдѣ межи сошлися съ межами и гдѣ ни изобидятъ московскіе дѣти боярскіе, то пропало, а гдѣ тверичи изобидятъ и то князь московскій съ поношеніемъ посылаетъ и съ грозами къ тверскому и отвѣтамъ его вѣры не иметъ и суда не даетъ».

Московскій князь, выдвигаясь изъ среды собратій по размѣрамъ своихъ успѣховъ, первоначально ничѣмъ не выдвигается ни по пріемамъ своей по[illegible]ики, ни по содержанію своей политической программы. Съ теченіемъ [illegible]мени, однако, положеніе измѣняется. Мы только что видѣли, что поли[illegible]ская раздробленность удѣльной Руси соединялась съ ея общественнымъ [illegible]ствомъ. Отсутствіе мѣстнаго, удѣльнаго патріотизма въ тогдашнемъ [illegible]ествѣ окупалось довольно сильною обостренностью общерусскаго, на[illegible]альнаго патріотизма.

[illegible]перь населеніе и пріурочиваетъ одушевляющія его патріотическія чув-

ства къ личности московскаго князя. Оно привыкаетъ видѣть во власти этого князя надежнѣйшее обезпеченіе своихъ правъ и своихъ выгодъ. На этой-то почвѣ въ оборотѣ общественнаго сознанія назрѣваетъ новое, не свойственное удѣльной эпохѣ представленіе о князѣ, какъ о носителѣ и выразителѣ общерусскихъ, національныхъ интересовъ. Борьба съ иноземными сосѣдями фактически оправдываетъ такое воззрѣніе. Опираясь на скопившуюся въ ихъ рукахъ матеріальную силу, московскіе князья наносятъ этимъ національнымъ врагамъ наиболѣе жестокіе удары. Наблюдатели текущихъ событій видятъ теперь въ каждомъ выдающемся явленіи времени слѣды благотворной дѣятельности московскаго князя, въ Москвѣ — источникъ общаго благополучія: и внутренняго «наряда», и внѣшней безопасности для всей Русской земли. Уже къ дѣятельности Ивана Калиты прикидывается такая точка зрѣнія на ходъ событій. «Благовѣрному великому князю Ивану Даниловичу... вся... добрѣ управляя, злодѣйственныхъ разбойниковъ и хищниковъ и татьбу содѣвающихъ упраздни *отъ земли своея.* Во дни же его бысть тишина велія христіаномъ *по всей Русской земли* на многа лѣта. Тогда и татарове престаша воевать *русскія земли»* *).

Сами московскіе князья всего менѣе участвовали своими сознательными стремленіями въ этой переработкѣ своей политической роли. Въ ихъ первоначальныхъ дѣйствіяхъ мы не открываемъ никакой національной программы: они строили свой удѣлъ и только. Но само населеніе подсказало московскимъ князьямъ иную точку зрѣнія на сущность власти, а сосредоточившаяся въ ихъ рукахъ, благодаря ходу событій, фактическая сила дала имъ матеріальную возможность удовлетворять вытекавшимъ изъ этой новой точки зрѣнія новымъ задачамъ. Національная идея княжеской власти вытекла, такимъ образомъ, какъ непредвидѣнный, хотя и естественный результатъ успѣшной устроительной и собирательной дѣятельности московскаго князя, лишенной какой бы то ни было националистической подкладки. Но затѣмъ, войдя въ новую роль, московскіе князья усвоиваютъ себѣ національную точку зрѣнія и какъ сознательный пріемъ политики. Удѣльные князья, не встрѣчая сочувствія и поддержки въ удѣльныхъ обществахъ, ищутъ опоры въ Литвѣ. Московское правительство тотчасъ же объявляетъ ихъ измѣнниками русскаго народа, и борьба за новые «примыслы» превращается въ борьбу за неприкосновенность русской національности.

Спрашивается теперь, какъ долженъ былъ отразиться этотъ ростъ національнаго значенія московскаго князя на особенностяхъ политическаго строя удѣльной эпохи? Московскій князь выросъ въ князья всей Русской земли, опираясь на господствующія тенденціи вѣка. Мы видѣли, како[вы] были источники этихъ господствующихъ тенденцій въ обществѣ того в[ре]мени. Общественное мнѣніе превозгласило московскаго князя своимъ на[ціо]нальнымъ княземъ лишь потому, что оно сознавало въ его власти луч[...]

*) *Никон.*, III, 141; *Соловьевъ*: „Ист. Россіи“, т. III, гл. 5.

гарантію своихъ тогдашнихъ интересовъ, т.-е. своихъ экономическихъ выгодъ и своихъ *удѣльныхъ правъ*.

Московское единодержавіе, какъ охрана удѣльной свободы,—вотъ тотъ своеобразный политическій идеалъ, на который работало общество, возвышая московскаго князя, и которому никогда не суждено было осуществиться. Въ основѣ разсмотрѣннаго нами единенія общества и московскаго удѣльнаго правительства лежало глубокое недоразумѣніе. Московскій князь, какъ и всякій другой удѣльный князь, видѣлъ въ охранѣ удѣльныхъ правъ общества необходимое орудіе для борьбы со всѣми другими удѣльными князьями, своими естественными соперниками. Общество, своимъ сочувствіемъ придвигая московскаго князя къ успѣшному окончанію этой борьбы, тѣмъ самымъ все болѣе лишало его практической необходимости бережливо охранять тѣ общественныя права, на которыхъ зиждилась общественная свобода удѣльной эпохи. Для общества охрана удѣльныхъ правъ была кореннымъ жизненнымъ вопросомъ, для княжескаго правительства это было лишь временное боевое средство въ борьбѣ съ политическою самостоятельностью другихъ удѣльныхъ княжествъ. И единодержавіе, и его національная задача одинаково сдѣлались и правительственною, и общественною традиціей московской Руси. Но оффиціальная и общественная точка зрѣнія не разъ кореннымъ образомъ расходились въ пониманіи внутренняго содержанія національной программы единодержавнаго правительства. Когда единодержавіе было отождествлено съ самодержавіемъ, а національная политика потребовала коренной ломки удѣльныхъ общественныхъ правъ, тогда московскому правительству пришлось начать новую борьбу: покончивъ съ удѣльными князьями, приняться за своего недавняго союзника, объявить войну удѣльному обществу и его удѣльному міровоззрѣнію.

Первые признаки этой борьбы обозначаются съ половины XV вѣка. Уже изъ сказаннаго выше можно видѣть, что то была борьба не за монархическій принципъ: единодержавіе было создано усиліями самого удѣльнаго общества. Борьба возгорѣлась вслѣдствіе того, что единодержавное правительство вынуждено было обмануть ожиданія общества, мечтавшаго объ упроченіи своихъ удѣльныхъ правъ подъ сѣнію московской монархіи.

А. Кизеветтеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Историческая эволюція и психологическіе законы *).

II.

Лакомбъ въ своей книгѣ *Объ исторіи какъ наукѣ* говоритъ, что въ современномъ обществѣ народилась новая сила, «это—сила ассоціаціи, свободная и добровольная группировка людей для достиженія всевозможныхъ цѣлей, личныхъ и безкорыстныхъ; таковы, напримѣръ, общества взаимопомощи и трезвости, общества распространенія просвѣщенія въ народѣ, общества археологическія и т. д. Что такое, въ сущности, всѣ эти общества? Маленькія правительства безъ полномочій или, вѣрнѣе, сами присвоившія себѣ полномочія» **). Оставляя въ сторонѣ юридическую неточность этого опредѣленія (въ современномъ государствѣ всякое общество возникаетъ съ прямо выраженнаго или безмолвнаго согласія государства, кромѣ, разумѣется, обществъ тайныхъ, съ которыми государство борется), мысль Лакомба нельзя не признать вѣрною и, въ то же время, старою. Но многія и многія старыя мысли не мѣшаетъ повторять почаще, потому что нерѣдко вновь подымаются и распространяются и старыя заблужденія. Возростаніе роли сознанія и переходъ отъ стихійныхъ соединеній въ свободныя общества характеризуютъ историческій процессъ человѣчества; по многими отрицается и творческая роль сознанія, и добровольная организація общественнаго строя. Для нѣкоторыхъ мыслителей исторія заключена въ неизбѣжный круговоротъ, въ которомъ необходимо повторяются ступени развитія и паденія народовъ; для другихъ государство есть организмъ, клѣточки котораго не имѣютъ самостоятельнаго значенія, подчинены цѣлому. Наивныя формы уподобленія и отождествленія организма съ государствомъ (обществомъ) отжили свой вѣкъ, но этого далеко нельзя сказать про органическія те[...] вообще. Въ ряду новыхъ работъ въ этомъ направленіи заслуживаетъ [...]манія книга Піоже: *Соціальная жизнь, мораль и прогрессъ* ***).

Авторъ проводитъ параллель между организаціей индивидуумовъ, к[...]

*) *Русская Мысль,* кн. VIII.

**) Привожу по русскому переводу (*Соціологическія основы исторіи,* стр. 3[...]

***) *Julien Pioger*: „La vie sociale, la morale et le progrès“. Paris, 1894.

рые составляютъ общество, и организаціей анатомическихъ элементовъ, составляющихъ живой организмъ. Когда мы говоримъ объ обществѣ пчелъ или муравьевъ, мы не отдѣляемъ пчелъ отъ меда и улья, муравьевъ отъ муравейника. Между ульемъ и пчелами, между муравьями и построенными ими жилищами существуетъ тѣсная связь, истинная инкорпорація. То же самое происходитъ и въ человѣческомъ обществѣ. Его исторію нельзя понять внѣ связи съ географическими условіями, съ качествами почвы, со всѣми обстоятельствами, облегчающими или дѣлающими болѣе трудною борьбу человѣка съ природою за существованіе.

Переходя къ опредѣленію общества, Піоже замѣчаетъ, что не слѣдуетъ смѣшивать, прежде всего, органа, организма и жизни: существуютъ живыя существа безъ органовъ (протисты), органы безъ жизни (машины). Организмъ есть равнодѣйствующая взаимныхъ вліяній, уподобленій, солидаризаціи анатомическихъ элементовъ. Организмъ представляетъ изъ себя нѣчто большее, чѣмъ простая совокупность его элементовъ; это *абсолютно* вѣрно,—говоритъ Піоже,—и по отношенію къ обществу и его организаціи. Общественная жизнь различается отъ физіологической и общество, вслѣдствіе большой сложности его отправленій и устройства, правильно называютъ надъ-организмомъ *(super-organisme)* или высшимъ организмомъ. Это названіе кажется автору особенно удобнымъ потому, что, заключая въ себѣ признаніе біологическихъ и психологическихъ началъ въ общественномъ организмѣ, оно подчеркиваетъ и его различіе, не даетъ терять изъ виду важныхъ особенностей, которыя существуютъ между обществомъ и живымъ организмомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. При этомъ Піоже предостерегаетъ противъ черезъ-чуръ отвлеченнаго и искусственнаго отношенія къ человѣческому обществу, которое мыслилось часто безъ необходимыхъ для его существованія условій, безъ среды, къ которой оно приспособляется или съ которой онъ борется.

Человѣка въ обществѣ французскій ученый уподобляетъ кровяному шарику въ живомъ организмѣ. Эти шарики представляютъ, физіологически, живой элементъ по преимуществу. Они повсюду двигаются, возбуждаютъ дѣятельность, силу. Такъ и человѣкъ: онъ двигается по всѣмъ общественнымъ тканямъ, работаетъ, производитъ разнообразныя приспособленія вещества и силъ природы, устанавливаетъ усовершенствованные пути сообщенія, вступаетъ въ обмѣнъ и т. д.

Въ первобытныхъ обществахъ, какъ въ простѣйшихъ организмахъ, индивидуумы исполняютъ или способны исполнять однѣ и тѣ же функціи. По мѣрѣ развитія организма, происходитъ дифференціація функцій и органовъ. То же самое (раздѣленіе труда, учрежденія) происходитъ и въ прогрессирующемъ обществѣ. По мѣрѣ того, какъ увеличиваются и улучшаются средства сообщенія между людьми, въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи, исчезаетъ индивидуалистическій, анархическій строй, совершенствуется общественная солидарность, развивается соціальная функція—трудъ. И здѣсь,

какъ и повсюду въ живомъ мірѣ, функція вліяетъ на органъ, въ данномъ случаѣ на общественный строй и порядки. Трудъ соціализируетъ людей.

Книга Піоже принадлежитъ къ числу «экспериментальныхъ» изслѣдованій, и ея авторъ изгоняетъ поэтому метафизическую игру словами и онтологическія олицетворенія. Тѣмъ не менѣе, общая воля,—народа, представительнаго собранія, союза,—есть фактъ. Она не можетъ быть признана простымъ подсчетомъ отдѣльныхъ воль, а является результатомъ ихъ взаимодѣйствія. Это замѣчаніе Піоже мнѣ представляется очень важнымъ. Когда говорятъ о грубомъ большинствѣ, о механическомъ (ариѳметическомъ) рѣшеніи вопросовъ общественно-нравственнаго значенія, то упускаютъ изъ виду, что такое рѣшеніе бываетъ результатомъ взаимныхъ уступокъ, соглашеній, отказовъ отъ притязаній, оказавшихся несправедливыми, и т. д. Рѣшенія подобнаго рода съ полнымъ правомъ должны поэтому называться *общею* волей даннаго народа, собранія и т. п. Общественная жизнь—унификація людей въ соціальномъ тѣлѣ,—говоритъ Піоже,—соціализація ихъ, подобно тому, какъ физіологическая жизнь есть унификація въ живомъ организмѣ его анатомическихъ элементовъ. Искать поэтому принципъ общественной жизни слѣдуетъ не въ соперничествѣ (Дарвинъ), не въ соглашеніи на борьбу (Ланессанъ), не въ ассоціаціи для борьбы (Поль Комбъ) или въ подражаніи (Тардъ): мы должны помѣстить его въ *соціализаціи*, которая играетъ въ данномъ случаѣ такую же роль, какую *организація* играетъ въ жизни индивидуальной. При этомъ, обсуждая современныя общества, не слѣдуетъ забывать, что они, представляя болѣе сложный *организмъ*, обладаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, гораздо менѣе развитою *организаціей*, чѣмъ наше тѣло. Въ успѣхахъ общественной организаціи и будетъ заключаться, въ значительной мѣрѣ,—даже главнымъ образомъ,—историческій прогрессъ.

Піоже останавливается на параллели между кровью въ организмѣ и богатствомъ въ обществѣ. Эта параллель приводитъ его къ заключенію о существованіи важныхъ неправильностей въ обращеніи и распредѣленіи «общественной крови», вслѣдствіе чего страдаетъ организмъ, какъ цѣлое. Соглашаясь съ теоретиками экономическаго матеріализма въ томъ, что экономическія потребности суть потребности основныя, какъ потребность питанія для организма въ обычномъ смыслѣ, Піоже прибавляетъ: это— извѣстное *здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ*, но отсюда не слѣдуетъ выводить *тѣла безъ духа*.

Соціализацію (socialisation), которая имѣетъ мѣсто во всемъ мірѣ, являясь, наравнѣ съ закономъ приспособленія, основнымъ біологическимъ закономъ, Піоже различаетъ отъ общежительности (*socialibité*,—я затр-няюсь точно передать по-русски этотъ терминъ). Эта послѣдняя игра[...] въ обществѣ такую же роль, какую въ физіологической жизни игра[...] органическая чувствительность (sensibilité organique ou coenesthésie). [...] развитіе пропорціонально общественному дифференцированію и органи[...]ціи. Общежительность, по выраженію Прудона, есть взаимное тяготѣ[...] чувствующихъ существъ. При своемъ зарожденіи общежительность не[...]

дѣлима съ жизненностью вообще и можетъ быть разсматриваема какъ выраженіе сходства органическихъ потребностей у членовъ одного и того же общества. Послѣдовательно развиваются затѣмъ интеллектуальная и нравственная потребности, сходство въ которыхъ приводитъ къ общежительности въ гуманномъ смыслѣ этого слова. Она является коллективною чувствительностью общественнаго тѣла, источникомъ и объясненіемъ многихъ явленій въ общественной жизни, непонятныхъ съ перваго взгляда *).

Переходя къ вопросу о нравственности (moralité), Піоже замѣчаетъ, что въ этой области, какъ и повсюду въ мірѣ явленій, существуютъ факты и ихъ истолкованіе. Когда мы анализируемъ нравственное значеніе какого-либо дѣйствія, т.-е. когда мы называемъ его добрымъ или злымъ, мы не можемъ устранить мысли объ его дѣйствительныхъ или возможныхъ послѣдствіяхъ для общества. Нравственность, какова бы ни была наша теорія, непремѣнно включаетъ въ себѣ общественную точку зрѣнія. Истинная нравственность начинается, конечно, съ того момента, когда наше поведеніе становится сознательнымъ, когда нами руководитъ и наши поступки внушаетъ намъ желаніе общаго блага. Нравственность есть способъ, которымъ совершаются взаимныя отношенія въ обществѣ, нормальныя, правильныя, подобно тому, какъ здоровье есть гармонія органическихъ функцій. Въ нравственности, какъ и въ здоровьи, есть степени, и безнравственность есть болѣзнь общественнаго тѣла **). Являясь результатомъ умственной и общественной эволюціи человѣка, нравственность сводится на вопросъ солидарности, взаимности и обоюдной зависимости.

Повтореніе, привычка обращаютъ наши нравственныя дѣйствія въ автоматичныя. Это не отымаетъ отъ нихъ цѣны: нельзя сказать, что умственная операція у человѣка, привыкшаго къ мышленію, менѣе интеллектуальна, чѣмъ та же операція, съ трудомъ производимая непривыкшимъ къ правильному мышленію человѣкомъ. Усилія, борьбу ради совершенія опредѣленнаго поступка не должно смѣшивать съ нравственностью: мы имѣемъ тутъ дѣло съ заслугой, подвигомъ. Исторія показываетъ намъ, что нравственность развивается съ успѣхами общественной организаціи, и многія дѣйствія, бывшія прежде заслугою, становятся обычными, не теряя отъ этого своего нравственнаго достоинства.

Для Піоже приведенное нами сравненіе нравственности съ здоровьемъ не простое сближеніе, а настоящее объясненіе: нравственность точно такъ же отвѣчаетъ нашему родовому инстинкту самосохраненія, какъ гигіена ...тинкту личнаго самосохраненія. Невозможно представить себѣ общество, ... господствовали бы необузданные эгоисты, членами котораго были бы

*) Въ другомъ мѣстѣ Піоже называетъ *sociabilité* совокупностью способовъ взаимодѣйствій и воздѣйствій между членами общества („... l'ensemble des modes d'ac... et de réactions entre les membres d'une même société", p. 118).

**) Необходимо упомянуть, что французское *moralité*, въ отличіе отъ *morale*, ...етъ болѣе узкій и опредѣленный смыслъ, чѣмъ русское слово *нравственность*, ... поведеніе.

люди, неспособные говорить истину, и т. д. Значительная часть нервныхъ разстройствъ, которыя наблюдаются въ современномъ обществѣ, объясняется хаосомъ въ нравственныхъ идеяхъ. Все тѣсно связывается и переплетается въ развитіи цивилизаціи, и невозможно понять эволюціи экономической безъ эволюціи нравственной, той и другой безъ эволюціи умственной.

Но каково отношеніе *эволюціи*, по мнѣнію Піоже, къ *прогрессу?* Что такое прогрессъ? Отношеніе цѣлаго къ части, потому что авторъ говоритъ о неправильности и смутномъ пониманіи прогресса до тѣхъ поръ, пока не выяснится истинный органическій характеръ общественной эволюціи человѣчества. Прогрессъ есть улучшеніе въ положеніи человѣка. Все, что прямо или косвенно облегчаетъ соціальную жизнь, есть прогрессъ. Онъ означаетъ развитіе человѣка, его способностей, чувствъ, идей, развитіе гражданской жизни, общественныхъ отношеній. Идея прогресса всегда включаетъ въ себя общественный идеалъ. Правильное ученіе о прогрессѣ Піоже впервые находитъ у Сенъ-Симона, который въ основу общественнаго совершенствованія положилъ способности и трудъ. Можно сказать,—замѣчаетъ Піоже,—что прогрессъ есть законъ общественной жизни, какъ подборъ есть законъ жизни органической. Изъ этого не слѣдуетъ, что каждое общество необходимо прогрессируетъ: общество, какъ индивидуумъ, подвергается послѣдствіямъ его строенія, наслѣдственнаго или пріобрѣтеннаго.

Какова же въ этомъ прогрессѣ роль личности, сознанія, идей? Піоже вынужденъ признать ихъ огромное значеніе.

Онъ отмѣчаетъ, прежде всего, тотъ фактъ, что въ современномъ европейскомъ обществѣ каждый стремится принимать все болѣе и болѣе сознательное участіе въ общественныхъ дѣлахъ, будучи побуждаемъ къ этому и личными интересами, и ростомъ общественной солидарности и справедливости. Здѣсь видитъ онъ источникъ непреодолимаго движенія. Высшею формой сознательной дѣятельности человѣка является наука, которая указываетъ ему мѣсто въ природѣ, даетъ вѣрное понятіе объ отвѣтственности, о справедливости, въ личномъ и общественномъ смыслѣ слова. Опытъ и наука освѣщаютъ человѣчеству дорогу, даютъ средства къ тому, что служитъ его совершенствованію въ физическомъ и духовномъ отношеніи.

Соціальная жизнь или эволюція характеризуется у французскаго мыслителя, какъ результатъ индивидуальныхъ свободныхъ дѣятельностей, которыя сталкиваются, поддерживаютъ другъ друга, стремятся установить равновѣсіе. Соціальная дѣятельность обусловливается соціальною организаціей, какъ наша физіологическая дѣятельность—анатомическимъ строеніемъ нашего тѣла. Но, замѣтимъ мы, Піоже слишкомъ уже настаиваетъ на *абсолютномъ* сходствѣ общества съ организмомъ. Допустимъ, что человѣкъ въ серьезномъ смыслѣ слова можно уподобить кровяному шарику, но только этотъ *шарикъ* надѣленъ сознаніемъ, ставитъ для своей дѣятельности цѣли, можетъ вступать въ планомѣрные договоры съ другими *шариками* и, такимъ образомъ, преобразовывать тотъ организмъ, въ которомъ

заключается. Самъ Піоже говоритъ: «Не странно ли, что понадобилось столько вѣковъ страданій и бѣдствій для пониманія такой истины: человѣкъ есть источникъ по преимуществу жизненности общества, и первое условіе для крѣпости цивилизаціи состоитъ въ томъ, чтобъ обезпечить для человѣка цѣлостное развитіе (dévelopрement intégral)» *).

Исторія показываетъ намъ, что цивилизаціи, по скольку дѣло касается сознательнаго вмѣшательства человѣка въ общественную дѣятельность, всегда были отраженіемъ общаго міропониманія эпохи, представленія о той роли, какую человѣкъ долженъ и можетъ играть въ *общественной машинѣ*. Чувства, страсти, идеи являются великими двигателями человѣчества. Одною изъ такихъ идей Піоже признаетъ идею труда, какъ общественной функціи, какъ продолженія, какъ внѣшняго выраженія физіологической и психической функціи (*travail-fonction-sociale*). Совершенствованіе этой функціи зависитъ отъ совершенствованія органа-общества (и наоборотъ), поэтому по мѣрѣ развитія историческаго сознанія все болѣе и болѣе выдвигается въ обществѣ договорное начало. Въ этомъ Піоже видитъ источникъ истиннаго прогресса.

Таковы, въ общихъ чертахъ, главныя мысли, развиваемыя въ книгѣ Піоже. Новѣйшіе успѣхи психологіи постоянно подкрѣпляютъ ученіе о возростающей въ исторіи роли сознанія, идей-силъ, по терминологіи Фуллье **). Интересно въ этомъ отношеніи новое сочиненіе Фуллье: *Темпераментъ и характеръ* ***).

Онъ замѣчаетъ, что одною изъ причинъ, по которымъ долгое время пренебрегали теоріей характера, было ошибочное предположеніе о первоначальномъ тождествѣ (духовномъ) всѣхъ людей. Но многія психологическія особенности индивидуума глубоко коренятся въ организмѣ, и отвлеченная, общая психологія, которая разлагаетъ людей на ихъ общіе элементы, не въ состояніи объяснить именно индивидуальнаго въ ихъ характерѣ, подобно тому, какъ разложить картину Рафаэля на ея составныя части совсѣмъ не значитъ объяснить самую картину ****).

Характеръ,—показатель индивидуума, его отличительная особенность,—

---

*) *La vie sociale*, 186. Ту же самую мысль мы встрѣчаемъ на стр. 21 („...c'est l'activité humaine qui est le fond, le moteur, l'âme de la société"). На стр. 36, 37, 39, 40 и др. находятся выраженія, въ значительной мѣрѣ противорѣчащія такому утвержденію, въ которыхъ сказывается увлеченіе автора органическою теоріей общества. На стр. 51 человѣкъ называется „le facteur social par excellence" и т. д. Всѣ об[щ]ественныя перемѣны,—по крайней мѣрѣ, въ современномъ обществѣ,—Піоже сводит[ъ] къ психологическимъ пріобрѣтеніямъ личности, какъ къ источнику (стр. 64—65).

**) Ср. *Гольцевъ*: „Психологія идей-силъ" (*Вопросы Философіи и Психологіи*, се[нт]ябрь 1894 г.).

***) *Alfred Fouillée*: „Tempérament et caractère selon les individus, les sexes et les races". 1895.

****) Довольно интересныя работы въ этомъ направленіи представляютъ книги Арреа (Lucien Arréat): *Psychologie du peintre* (1892) и *Mémoire et imagition (peintres, musiciens, poètes et orateurs)* 1895.

есть его относительно единственный и постоянный способъ чувствовать, мыслить, желать. Одинъ и тотъ же мотивъ или двигатель,—наприм., видъ опасности, мысль о безчестіи и т. д.,—возбуждаетъ, какъ извѣстно, въ людяхъ разныя реакціи. Идея владычества, которая поведетъ Бонапарта по всему міру, не въ состояніи сдвинуть съ мѣста Лапласа. Характеръ, это—общее направленіе, принятое волею, вслѣдствіе чего реагированія на внѣшнія воздѣйствія принимаютъ постоянство и устойчивость. Нашъ врожденный характеръ, это—организмъ, разсматриваемый извнутри, а нашъ организмъ, это—нашъ врожденный характеръ, разсматриваемый извнѣ. Наша индивидуальность есть совокупность элементовъ. «Я» составляетъ ихъ ассоціацію. Наша личная природа, какъ сложное цѣлое, уже является соціальною природой, результатомъ отношеній составныхъ органическихъ частей. Нашъ характеръ образуется постоянными наслоеніями, онъ проходитъ эволюцію, какъ все въ органическомъ мірѣ и въ области исторіи. Но характеръ въ тѣсномъ смыслѣ слова вырабатывается сознательнымъ воздѣйствіемъ воли и разума на его естественныя данныя, на темпераментъ. Мы свободны, раціонально говоря, по стольку, по скольку подлежимъ измѣненіямъ сознательнымъ, планомѣрнымъ. Человѣкъ въ значительной степени самъ себя дѣлаетъ: его природѣ свойственно всегда прибавлять къ своей природѣ. И поэтому воспитаніе и идеи имѣютъ великое значеніе.

Въ планъ этихъ очерковъ не входятъ подробности чисто-психологическихъ изслѣдованій и поэтому я не буду говорить о тѣхъ главахъ книги Фуллье, которыя посвящены темпераменту и его особенностямъ у мужчинъ и женщинъ. Укажу только, что въ послѣднемъ отношеніи Фуллье приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: цивилизація народа,— это несомнѣнно,— измѣряется степенью гуманности и справедливости, оказываемыхъ женщинамъ. Функціи женщины и мужчины неодинаковы, но необходимы въ одинаковой степени, и поэтому права и обязанности мужчины и женщины, не будучи тождественными, должны быть равномѣрными. Одною изъ величайшихъ задачъ будущаго Фуллье и считаетъ разрѣшеніе этого вопроса.

Возвращаюсь къ вопросу о роли сознанія, Фуллье противупоставляетъ печальному фатализму Спинозы, Шопенгауэра, Тэна и родственныхъ имъ мыслителей могущество сознанія. Нашему разуму принадлежитъ сила реакціи, онъ — одинъ изъ первоначальныхъ дѣятелей, образующихъ характеръ, отличающій его отъ темперамента. Идеямъ и идеаламъ французскій психологъ отводитъ высокое мѣсто. Идеалъ не только освѣщаетъ,— говоритъ онъ,—но и притягиваетъ, какъ тотъ, который заставлялъ Данта под-ниматься къ Біатрисѣ. Въ другихъ людяхъ мы должны любить не м[illegible] низмъ или организмъ, безсознательные, а именно сознательное сущес[illegible] которое мыслитъ, чувствуетъ, желаетъ. Можно сказать, что истинная [illegible] нова нашего характера есть наша любовь, ея форма и содержаніе. К[illegible] слѣпыя побужденія и инстинктивные вкусы входятъ въ область созна[illegible] темпераментъ уже превращается въ характеръ, разрозненныя стремл[illegible] сводятся къ единству, формулируется «я». А сказать «я» не значитъ то[illegible]

констатировать фактъ, а начать дѣйствовать: «я» становится центромъ притяженія, возникаетъ и укрѣпляется наша личность съ прочными особенностями. Дѣятельность этой личности, по силѣ и продолжительности ея воздѣйствій на внѣшній міръ (въ широкомъ смыслѣ слова), и сравнивать нельзя съ разрозненными безсознательными реакціями нашего организма. Дарвинизмъ доказываетъ намъ,—говоритъ Фуллье,— что въ борьбѣ за существованіе разумъ давалъ постоянно перевѣсъ. Само собою разумѣется, что, являясь произведеніемъ эволюціи, онъ пріобрѣтаетъ возростающее значеніе по мѣрѣ хода этой эволюціи. Такимъ образомъ, чтобы возвысить нашъ характеръ, надо возвысить наши мысли.

Разсматривая роль характера въ расахъ, Фуллье, руководствуясь болѣе точными пріемами изслѣдованія, чѣмъ Лебонъ, приходитъ, конечно, и къ инымъ результатамъ. Раса имѣетъ господствующее, нивеллирующее вліяніе на первоначальныхъ ступеняхъ исторической жизни. Индивидуальныя различія у полудикихъ народовъ ничтожны. Такъ, напримѣръ, объемъ череповъ у нихъ почти равенъ, у современныхъ же французовъ разница между черепами достигаетъ 600 кубич. сантиметровъ, у нѣмцевъ до 700. Вайцъ указываетъ, что физическое сходство людей мало развитыхъ расъ параллельно большему сходству въ психическомъ отношеніи.

Во второй періодъ развитія различія въ физическомъ строеніи и въ нравственномъ характерѣ между различными племенами уменьшаются, а въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго племени увеличиваются. Раса менѣе тяготѣетъ надъ индивидуумомъ. Фуллье полагаетъ, что человѣчество приближается теперь къ третьему періоду, синтезу двухъ предшествующихъ, въ которомъ возростающія сходства не будутъ мѣшать возростающимъ различіямъ. Усиленіе коллективнаго вліянія не воспрепятствуетъ усиленію индивидуальной дѣятельности. Благодаря разуму, своимъ изобрѣтеніямъ, чувствамъ и волѣ, личность будетъ съ вѣками все усиливать значеніе своей роли.

В. Гольцевъ.

Дидро *).

Въ своихъ *Мемуарахъ о жизни и трудахъ Дидро (Mémoires sur la vie et les ouvrages de Diderot)*,—говоритъ Коллиньонъ въ предисловіи къ своей книгѣ: *Дидро, его жизнь, сочиненія и переписка*,—Нежонъ жалуется на молчаніе, распространившееся о Дидро послѣ его смерти. «Для тѣхъ, кто заинтересованъ прогрессомъ человѣческихъ знаній,—говоритъ Нежонъ,—нѣтъ ничего болѣе печальнаго, какъ общественное равнодушіе къ трудамъ, способствовавшимъ перемѣнѣ господствующаго характера вѣка и давшимъ этому вѣку большое движеніе».

Теперь, какъ и въ то время, когда ученикъ и другъ Дидро писалъ эти строки,—продолжаетъ Коллиньонъ,—было бы несправедливо забывать великихъ писателей и философовъ XVIII вѣка: Дидро, д'Аламбера, Монтескьё, Руссо, Вольтера, Бюффона, Гельвеціуса, Гримма, Кондорсе, Гольбаха и др.

Необходимо, если не прочесть ихъ съ начала до конца, то, по крайней мѣрѣ, хорошенько познакомиться съ ихъ идеями о вселенной и о человѣкѣ, о Богѣ и о душѣ, о религіи и объ общественныхъ учрежденіяхъ, о морали и эстетикѣ, о добрѣ, о прекрасномъ, о любви, объ истинѣ, объ искусствѣ и жизни, объ условіяхъ индивидуальнаго счастья и соціальнаго прогресса, чтобы прослѣдить въ ея источникѣ всю современную философію.

Ихъ вліяніе на насъ очевидно. Оно сказывается во всемъ: въ нашихъ законахъ, нравахъ, въ нашемъ языкѣ. Эти великіе люди были болѣе чѣмъ основателями школы, они были преобразователями общества.

Философы XVIII вѣка преслѣдовали одну общую цѣль: эмансипацію духа (esprit), свободу во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности и уничтоженіе нетерпимости и религіозныхъ суевѣрій. *Энциклопедія* была центро… всѣхъ этихъ усилій. Дидро, которому принадлежитъ первая мысль, ор… низовалъ ее и придалъ ей силу, восторжествовавшую несмотря на всѣ п… пятствія. Одинъ Дидро въ XVIII вѣкѣ былъ способенъ понять, основать… возвести до факта подобный памятникъ. Никто болѣе него не облада…

*) *A. Collignon*: „Diderot. Sa vie, ses oeuvres, sa correspondance".

легкостью труда, пылкостью и мощью, необходимыми для того, чтобы довести до конца такое гигантское предпріятіе. Обыкновенно ученые не бываютъ артистами, а люди чувства—людьми разсудка, но Дидро, ученый и артистъ, скептикъ и вѣрующій, философъ и поэтъ, пылкій и постоянный, соединяетъ въ себѣ самыя разнообразныя качества. Онъ обладаетъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ и самымъ тонкимъ анализомъ, глубокою проницательностью и самымъ широкимъ развитіемъ. Такимъ образомъ, Дидро одинъ изъ самыхъ удивительныхъ людей своего вѣка и одинъ изъ исключительнѣйшихъ умовъ, которые когда-либо существовали.

Съ точки зрѣнія критическаго разума и прогресса знаній, XVIII вѣкъ является одной изъ славнѣйшихъ и изобильнѣйшихъ эпохъ въ нашей исторіи. Ему принадлежатъ самыя благородныя и великодушныя стремленія. Не отступая ни передъ какими послѣдствіями, онъ храбро борется съ различными химерами, которыя такъ всегда мѣшали человѣческому счастью. Наблюденіе и опытъ—его путеводители. Руководствуясь такими принципами, XVIII вѣкъ возвелъ мораль и политику до положенія независимыхъ наукъ. Онъ положилъ основаніе свободы совѣсти, философской свободы мысли и права свободнаго изслѣдованія. Онъ преобразовалъ гражданскій кодексъ, смягчилъ законы, сдѣлалъ уголовный кодексъ менѣе жестокимъ, освободилъ рабовъ и положилъ основаніе гражданскому равенству.

Разсмотримъ поближе эту философію XVIII вѣка, противъ которой такъ много возмущались. Спросимъ самихъ ея враговъ: эта философія XVIII в. была или нѣтъ воодушевлена любовью къ человѣчеству? Стремилась она или нѣтъ всегда къ одной цѣли—къ реализаціи справедливости и къ улучшенію человѣческой участи на землѣ?

Даже Гизо, чувствовавшій мало симпатіи къ научному матеріализму, говоритъ въ IV томѣ своихъ *Мемуаровъ*: «Много простится этому вѣку симпатіи и искренной, человѣческой вѣры, потому что онъ много любилъ». Независимость ума была въ самомъ дѣлѣ преобладающимъ характеромъ ихъ философіи, — продолжаетъ Коллиньонъ, — и, благодаря этой мужественной независимости, дѣло свободы было выиграно. Благодаря ей, наши современные философы—не скромные рабы теологовъ и не подчиняются болѣе игу Аристотеля и Сорбоны.

Слѣдуя сами дорогой, указанной Бекономъ и Декартомъ и расширенной Бэйлемъ, Малебраншемъ и Спинозой, философы XVIII вѣка окончательно порвали съ культомъ авторитета и замѣнили его индивидуальнымъ доказательствомъ, основаннымъ на знаніи и разумѣ. «Первый шагъ къ ..лософіи—это сомнѣніе»,—утверждалъ Дидро наканунѣ своей смерти.

Таковы труды и побѣды XVIII вѣка. Изучая Дидро, мы увидимъ, ка..ы были его идеи и доктрины.

I.

..енисъ Дидро родился въ Лангрѣ, въ Шампани, 5 октября 1713 года. ..ейство Дидро занималось въ Лангрѣ профессіей ножевщика, переходив-

шей отъ отца къ сыну въ теченіе 200 лѣтъ. Его отецъ былъ человѣкъ стараго закала, твердый и строгій. Одѣтый въ рабочій фартукъ, онъ съумѣлъ пріобрѣсти уваженіе всѣхъ своихъ соотечественниковъ. Онъ былъ очень искусенъ въ своей профессіи и даже изобрѣлъ ланцеты какой-то особенной формы.

«Мой отецъ,—говоритъ Дидро,—былъ извѣстенъ своею строгою честностью. Когда онъ умеръ, бѣдные оплакивали его смерть. Во время его болѣзни большіе и маленькіе выказывали участіе. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ приближается къ концу, весь городъ былъ опечаленъ. Его образъ еще передъ моими глазами. Мнѣ кажется, что я его вижу сидящимъ въ креслѣ, съ его спокойною осанкой, съ его яснымъ лицомъ. Мнѣ кажется, что я его еще слышу».

Денисъ, философъ, старшій въ семьѣ, былъ сначала отчаяніемъ своихъ родныхъ, гордостью которыхъ онъ сдѣлался впослѣдствіи. Отецъ предназначалъ его къ духовному званію. Жизнь Дидро описана просто и искренно его дочерью, m-me де-Вандёль. Она и Нежонъ—его лучшіе біографы, всѣ другіе мало прибавили къ нимъ.

У Дидро была страннаго характера, но прекраснаго сердца сестра, которую онъ прозвалъ экономкой. Не обладая образованіемъ и развитіемъ брата, она походила на него складомъ ума и характера. Живая, веселая, рѣшительная, дѣятельная, не заботящаяся ни о настоящемъ, ни о будущемъ, не поддающаяся вліянію ни людей, ни условій, свободная въ своихъ поступкахъ, еще болѣе свободная на словахъ, она была нѣчто вродѣ Діогена въ юбкѣ. Эта честная дѣвушка не вышла замужъ, чтобы лучше ухаживать за своимъ отцомъ.

У Дидро былъ также братъ, каноникъ въ лангрскомъ соборѣ, очень набожный и нетерпимый человѣкъ. По смерти философа, онъ потребовалъ его бумаги, чтобъ ихъ сжечь, но, къ счастью для насъ,—говоритъ Коллиньонъ,—онѣ были въ Россіи вмѣстѣ съ библіотекой Дениса Дидро. Этотъ нетерпимый братъ понималъ буквально католическій принципъ: внѣ церкви нѣтъ спасенія. «Онъ поссорился съ моимъ отцомъ,—говоритъ дочь Дидро,—потому, что онъ не былъ вѣрующимъ, съ моею матерью потому что она была его жена; онъ никогда не хотѣлъ меня видѣть потому, что я была его дочь; онъ не хотѣлъ обнять моихъ дѣтей потому, что они были внуки его брата; и мой мужъ, котораго онъ охотно принималъ прежде, нашелъ его дверь запертой, какъ только женился на мнѣ».

Вотъ что писалъ Дидро своему брату по поводу терпимости въ 1760 году: «Умъ можетъ соглашаться только съ тѣмъ, чтò ему кажется истинным сердце можетъ любить только то, чтò ему кажется хорошимъ. Принужде сдѣлаетъ человѣка притворщикомъ, если онъ слабъ, и мученикомъ, е онъ храбръ. Слабый или храбрый, онъ будетъ чувствовать несправед вость гоненія и вознегодуетъ. Неблагородно желать предписывать зако совѣсти. Нужно ее просвѣщать, а не насиловать. Люди, которые оши ются, достойны сожалѣнія, а не наказанія. Если можно вырвать вол

у того, кто думаетъ иначе, чѣмъ мы, можно будетъ и располагать его головой, ибо нѣтъ границъ несправедливости».

Также какъ и Вольтеръ, Дидро первое образованіе получилъ у іезуитовъ своего родного города. Отъ природы живой, рѣзвый, съ раннимъ развитіемъ, съ характеромъ, легко поддающимся увлеченіямъ всякаго рода, онъ уже въ коллежѣ превосходилъ товарищей знаніями, но былъ недисциплинированъ и неисправенъ. Онъ часто пропускалъ занятія, предпочитая охоту и другія развлеченія.

Въ противуположность Вольтеру и другимъ великимъ людямъ XVIII вѣка, Дидро навсегда сохранилъ любовь къ своей семьѣ и прекрасное воспоминаніе о своихъ дѣтскихъ годахъ. Позднѣе онъ любилъ вспоминать маленькій домикъ ножевщика въ Лангрѣ, свои дѣтскія радости, вечера, проведенные съ братомъ, аббатомъ, и сестрой, экономкой, веселыя вакаціи и свои первые успѣхи въ коллежѣ, заставившіе плакать отъ радости его старика-отца. Въ 50 лѣтъ Дидро пишетъ своему другу, m-lle Воланъ: «Самый пріятный моментъ въ моей жизни, и я вспоминаю о немъ, какъ будто это было вчера, это—когда мой отецъ увидѣлъ меня возвращающимся изъ коллежа, съ руками, полными полученныхъ мною наградъ, и съ плечами, нагруженными вѣнками, которыми меня увѣнчали и которые, будучи слишкомъ широки для моей головы, спустились мнѣ на плечи. Какъ только отецъ меня увидѣлъ, онъ оставилъ свою работу, подошелъ къ двери и началъ плакать. Какая прекрасная вещь, когда плачетъ хорошій и строгій человѣкъ!»

Между тѣмъ, утомленный постоянно получаемыми выговорами по поводу своихъ выходокъ, молодой Дидро объявилъ однажды отцу, что онъ не хочетъ болѣе учиться. «Ты, значитъ, хочешь быть ножевщикомъ?» — «Отъ всего сердца». Ему дали рабочій фартукъ и онъ помѣстился около отца, причемъ портилъ все, что ему попадалось въ руки. Такъ продолжалось нѣсколько дней, по прошествіи которыхъ Дидро взялъ свои книги и вернулся въ коллежъ. Съ тѣхъ поръ занятія его не прерывались.

Такъ какъ Денисъ Дидро подавалъ большія надежды, то іезуиты хотѣли удержать его при себѣ и съ этою цѣлью уговорили его оставить родительскій домъ и уѣхать съ однимъ изъ нихъ, но отецъ, предупрежденный объ этомъ похищеніи, отвезъ сына въ Парижъ и помѣстилъ въ Collège d'Harcourt, гдѣ Денисъ и окончилъ курсъ, считаясь все время хорошимъ ученикомъ и прекраснымъ товарищемъ. Покончивъ съ ученіемъ, Дидро, по желанію отца, помѣстился у прокурора M. Clément de Ris, друга и соотечественника старика Дидро. Будущій философъ пробылъ у него два год[...] но крючкотворство было ему по душѣ не болѣе теологіи. Все свободное в[...]мя онъ употреблялъ на изученіе математики, греческаго, латинскаго, и[...]альянскаго и англійскаго языковъ. M. Clément de Ris счелъ себя вын[...]жденнымъ извѣстить отца о дурномъ употребленіи, которое сынъ дѣлае[...] изъ своего времени.

[...]огда Денису было предложено сдѣлать выборъ изъ трехъ профессій: д[...]ра, прокурора и адвоката. Онъ отвѣчалъ, что профессія доктора ему

не нравится потому, что онъ не хочетъ никого убивать, прокуроромъ онъ не желаетъ быть потому, что эти обязанности трудно честно выполнить, что онъ охотно сдѣлался бы адвокатомъ, если бы не имѣлъ такого непреодолимаго отвращенія къ занятіямъ всю жизнь чужими дѣлами.

«Но чѣмъ же вы желаете быть?»—спросилъ Клеманъ де-Ри.—«Честное слово, ничѣмъ,—ну, ровно ничѣмъ. Я очень счастливъ, очень доволенъ и не желаю ничего другого».

Извѣщенный о такомъ отвѣтѣ, отецъ Дидро лишилъ сына всякой денежной помощи. Денисъ Дидро остался вѣренъ самому себѣ, но, не желая быть въ тягость Клеману, онъ ушелъ изъ его дома, нанялъ маленькую комнату, гдѣ и предался своимъ любимымъ занятіямъ. Пока велись небольшія деньги, бывшія у него, онъ занимался только расширеніемъ своихъ знаній, но вскорѣ явилась нужда. Онъ долженъ былъ жить въ конурѣ, обѣдать за шесть су, но ничто не могло его поколебать и въ продолженіе десяти лѣтъ онъ велъ это бѣдное, но свободное существованіе, посвященное наукамъ. Отецъ упорствовалъ въ своемъ отказѣ денежной помощи, но мать, отъ времени до времени, присылала ему небольшую сумму съ служанкой, которая дѣлала пѣшкомъ 60 льё, передавала Дидро деньги, прибавляла къ нимъ свои собственныя скромныя сбереженія и отправлялась обратно. Три раза она доказывала такимъ образомъ свою преданность Дидро. За это время мы видимъ Дениса Дидро то въ хорошей, то въ дурной компаніи, то погруженнаго въ занятія или грустныя размышленія, то опьяненнаго весельемъ. Нужда такъ давила его, что онъ хватался за всякую работу. Между прочимъ, онъ давалъ уроки математики и, въ то же время, самъ занимался ею. Если ученикъ былъ живъ и понятливъ, Дидро давалъ ему урокъ цѣлый день, если же ему попадался глупый мальчикъ, то онъ совсѣмъ не возвращался на урокъ. Ему платили книгами, мебелью, бѣльемъ, деньгами, а иногда и ничѣмъ, какъ придется. Кромѣ уроковъ, Дидро дѣлалъ переводы для книгопродавцевъ, писалъ проповѣди для проповѣдниковъ, а иногда и пастырскія посланія для епископовъ. Наконецъ, онъ попробовалъ быть наставникомъ дѣтей богатаго финансиста Райдона, который предложилъ ему комнату, столъ и 150 франковъ въ годъ. Но черезъ три мѣсяца эта зависимая жизнь сдѣлалась для Дидро невыносимой и онъ вернулся къ свободѣ и нуждѣ.

Дидро имѣлъ нѣсколько друзей. Его комната принадлежала первому, кто ею завладѣвалъ. Нуждающійся въ постели приходилъ, бралъ у него матрацъ и водворялся въ его конурѣ. Такъ же поступалъ и Дидро. Онъ приходилъ къ товарищу, обѣдалъ у него, писалъ, ужиналъ, спалъ, пока не п[illegible]ходила нужда. Но случалось такъ, что у него не было ни одного экю[illegible], несмотря на всю свою бодрость, Дидро иногда приходилъ въ отчаяні[illegible] и рѣшался оставить науки и заняться чѣмъ-нибудь, что могло бы его [illegible]мить, но строка Гомера, какая-нибудь задача, мысль Ньютона разстраива[illegible] и его благоразумные планы. Однажды, пошаривъ въ своихъ карманахъ, Ди[illegible]о не нашелъ въ нихъ ничего. Не желая надоѣдать своимъ друзьямъ, [illegible]ъ

пошелъ прогуляться, думая разсѣять меланхолію. Можно прогнать тоску, но нельзя прогнать голода, и Дидро вернулся къ себѣ, истомленный ходьбой и изнемогая отъ голода. При входѣ съ нимъ сдѣлалось дурно и хозяйка дала ему немного хлѣба съ виномъ. «Въ этотъ день,—говорилъ онъ своей дочери,—я поклялся, если когда-либо буду имѣть что-нибудь, никогда въ жизни не отказывать бѣдняку, и скорѣе отдать все, чѣмъ заставить моего ближняго пережить подобныя страданія».

«Никогда,—говоритъ m-me де-Вандёль,—клятва не была болѣе свято и часто выполняема».

Къ этому времени относится знакомство Дидро съ одною молодою работницей, m-lle Шампіонъ, которая честною работой жила съ своею матерью. Дидро полюбилъ ее и женился на ней въ 1744 году, несмотря на протестъ своего отца.

Дидро было тогда 31 годъ и онъ еще ничего не напечаталъ.

Бракъ былъ заключенъ тайно. Онъ не принесъ счастья Дидро. M-me Дидро, отличаясь поразительною красотой, была, вмѣстѣ съ тѣмъ, слишкомъ ограниченнаго ума и грубаго воспитанія, чтобы понимать своего мужа. Она была добрая, но мелочная женщина и не могла долго удержать любовь такого человѣка, какъ Дидро. У него было отъ нея четверо дѣтей, изъ которыхъ одна только дочь, m-me де-Вандёль, осталась въ живыхъ. Желая поправить дурныя отношенія съ родными, Дидро отправилъ ее къ своимъ родителямъ въ Лангръ, что и вызвало желаемое примиреніе съ отцомъ.

Между тѣмъ, Дидро, чтобы покрыть новые расходы, вызванные его женитьбой, еще усиленнѣе предался литературнымъ занятіямъ. Онъ переводилъ за сто экю съ англійскаго *Исторію Греціи* въ трехъ томахъ, потомъ *Медицинскій словарь* и такимъ образомъ кое-какъ поддерживалъ существованіе семьи. «Очень часто,—говоритъ m-me де-Вандёль,—когда мой отецъ обѣдалъ въ городѣ, мать моя ѣла одинъ черный хлѣбъ, съ удовольствіемъ сберегая деньги, чтобы на другой день пополнить скромное меню своего мужа. Кофей былъ непозволительною роскошью въ ихъ маленькомъ хозяйствѣ, но она каждый день давала ему шесть су, чтобъ онъ могъ пойти выпить свою чашку въ café de la Régence и посмотрѣть, какъ играютъ въ шахматы».

Между тѣмъ, Дидро разочаровался въ своей женѣ. Онъ сходился поочередно съ m-me de Prunevaux и съ m-me de Puisieux (другой ужасъ, продолжавшійся десять лѣтъ) и, наконецъ, съ m-lle Воланъ, которая одна оказалась достойной его любви.

Чтобы покрыть расходы m-lle de Puisieux, Дидро перевелъ *Опытъ о заслугѣ и добродѣтели* Шефтебюри и написалъ *Les pensées philosophiques (Философскія мысли)*. За каждую изъ этихъ работъ онъ получилъ по 50 луидоровъ. *La lettre sur les aveugles (Письмо о слѣпыхъ)* было написано по поводу операціи катаракты, сдѣланной Реомюромъ надъ однимъ слѣпорожденнымъ: Дидро хотѣлъ присутствовать при операціи, чтобы

наблюдать первыя ощущенія больного, вызванныя свѣтомъ, но Реомюръ допустилъ къ операціи только одну невѣжественную даму, по имени m-me Dupré de Saint Maur. Эта дама, недовольная замѣчаніями Дидро, посадила его въ венсенскую тюрьму черезъ протекцію своего любовника М. д'Аржансонъ.

По другимъ свѣдѣніямъ, болѣе вѣроятнымъ, Дидро попалъ въ тюрьму по доносу священника его прихода, обвинявшаго его въ безбожіи. Онъ провелъ въ тюрьмѣ 3 мѣсяца и 10 дней. Дидро нашелъ тамъ средство нѣсколько скрасить свою скуку. Отодравъ кусочекъ аспиднаго камня отъ окна, онъ истолокъ его, развелъ въ винѣ, зубочистка послужила ему перомъ, а разбитый стаканъ — чернильницей. Имѣя при себѣ томъ *Потеряннаго Рая* Мильтона, онъ покрылъ его бѣлыя поля и промежутки между строками замѣтками о поэмѣ и размышленіями по поводу своего положенія.

Во время пребыванія Дидро въ тюрьмѣ, его навѣстилъ тогдашній его другъ Руссо. Дидро далъ ему совѣты относительно того, какъ трактовать вопросъ, предложенный дижонскою академіей: «Способствовало ли возрожденіе наукъ и искусствъ очищенію нравовъ?» Главное мѣсто въ *Discours sur l'inégalité (Разсужденіе о неравенствѣ)* принадлежитъ также Дидро. Въ то время Дидро и Руссо были еще друзьями; впослѣдствіи, какъ извѣстно, ихъ семнадцати-лѣтняя дружба порвалась. «Настоящую причину ихъ ссоры,—говоритъ m-me де-Вандёль,—нельзя разсказать—это какія-то сплетни, въ которыхъ самъ дьяволъ ничего не разберетъ. Если кто-нибудь понимаетъ что-нибудь въ этой тарабарщинѣ, такъ это Гриммъ, если же и онъ ничего не знаетъ, то никто никогда ничего не пойметъ въ этой исторіи». Въ другомъ мѣстѣ она говоритъ: «Все, что я вижу въ этой исторіи, такъ это то, что мой отецъ далъ Руссо идею *Discours sur les arts (Разсужденіе объ искусствѣ)*, что онъ его просмотрѣлъ, а, можетъ быть, и поправилъ, что онъ нѣсколько разъ давалъ Руссо денегъ». Вѣроятно,— говоритъ Коллиньонъ,—вина была съ обѣихъ сторонъ, но все заставляетъ думать, что первый поводъ подалъ недовѣрчивый и подозрительный характеръ Руссо.

«Порвавъ съ Дидро, — читаемъ мы въ X книгѣ *Confessions (Исповѣдь)*,—я всегда сохранялъ въ душѣ привязанность къ нему и даже уваженіе къ нашей прежней дружбѣ, которая долго была искренней съ обѣихъ сторонъ. Я считаю его не столько злымъ, сколько несдержаннымъ и слабымъ. Совсѣмъ другое дѣло съ Гриммомъ, человѣкомъ фальшиваго характера, никогда меня не любившимъ и даже не способнымъ любить, который безъ всякаго повода, только въ силу своей черной зависти, втихомо[illegible]у былъ моимъ самымъ жестокимъ клеветникомъ».

Дидро уже 36 лѣтъ, а онъ еще ничего не сдѣлалъ для своей сла[illegible]ы. Но съ этихъ поръ Дидро начинаетъ занимать его великое произведеніе, [illegible]о памятникъ, его главная заслуга передъ потомствомъ, это—*Энциклопед[illegible]я*, въ которой онъ, въ теченіе почти 30-ти лѣтъ, раскрываетъ всю силу с[illegible]е-его генія и разнообразіе своихъ удивительныхъ талантовъ.

Собрать въ одномъ произведеніи всѣ человѣческія знанія, судить прошедшее съ точки зрѣнія современной науки, соединить, посредствомъ сообщества, въ одномъ трудѣ самые разнообразные таланты, создать изъ нихъ страшную силу, могущую сломать всѣ сопротивленія прежнихъ взглядовъ,—такова была мысль, вдохновлявшая Дидро.

Въ самомъ началѣ, *Энциклопедія,* это полное резюме идей, къ которымъ пришло человѣческое знаніе въ XVIII вѣкѣ, должна была быть только просмотрѣннымъ и дополненнымъ переводомъ англійскаго словаря Шальмера. Принимаясь за этотъ трудъ, Дидро думалъ только о томъ, какъ бы прокормить семью, и предпочелъ бы употребить свои таланты на что-либо другое, болѣе подходящее къ его вкусамъ. «На какіе только поступки,—пишетъ Дидро,—ни рѣшается человѣкъ ради своей жены и дѣтей, между тѣмъ какъ для самого себя онъ не сдѣлалъ бы ничего подобнаго. Я встрѣчаю на своемъ пути женщину, прекрасную, какъ ангелъ, я имѣю отъ нея четверыхъ дѣтей, и вотъ я принужденъ бросить матемаматику, которую любилъ, Гомера и Виргилія, которыхъ всегда носилъ въ карманѣ, театръ, къ которому чувствовалъ склонность, и я счастливъ, что могъ предпринять *Энциклопедію,* которой посвятилъ 25 лѣтъ моей жизни». Но, со свойственною ему пылкостью, Дидро скоро увлекся своею идей, расширилъ ее и рѣшилъ сдѣлать изъ *Энциклопедіи* универсальный сборникъ наукъ того времени. «Мы можемъ сказать,—писалъ Дидро,—что если бы древніе создали *Энциклопедію,* какъ создали столько великихъ вещей, и что еслибъ изъ всей знаменитой александрійской библіотеки уцѣлѣла бы одна эта рукопись, то она могла бы насъ утѣшить въ потерѣ всѣхъ остальныхъ».

Дидро, сначала при помощи д'Аламбера, а потомъ одинъ былъ архитекторомъ этого коллективнаго сооруженія, въ которомъ онъ разсыпалъ тысячи блестящихъ страницъ. Не довольствуясь отдѣломъ исторіи философіи, онъ написалъ массу статей, отъ которыхъ отказывались всѣ остальные сотрудники. Такъ, онъ одинъ сдѣлалъ описаніе механическихъ искусствъ (ремеслъ). Чтобы честно выполнить эту задачу, Дидро цѣлые дни проводилъ въ мастерскихъ. Приходя, онъ внимательно разсматривалъ машину, заставлялъ объяснять себѣ ея строеніе, затѣмъ мастеръ работалъ при немъ, послѣ чего Дидро самъ садился на мѣсто рабочаго и не разъ удивлялъ окружающихъ своею ловкостью и понятливостью. Такимъ образомъ, онъ хорошо усвоилъ многія ремесла и могъ съ успѣхомъ сдѣлать ихъ описаніе. Д'Аламберъ и Дидро, на которыхъ лежали редакторскія обязанности, постарались привлечь къ сотрудничеству извѣстнѣйшихъ людей того времени, ...ь что между авторами *Энциклопедіи* мы встрѣчаемъ имена Руссо, Воль..., Бюффона, Мармонтеля, Гольбаха, Дюкло, Монтескьё, Неккера и т. д.

Дидро часто упрекаютъ въ недостаткѣ терпѣнія въ вопросахъ, требо...шихъ много времени и размышленія, и забываютъ, что, несмотря на ...тоянныя преслѣдованія, низость книгопродавцевъ, отступничество нѣко...ыхъ изъ самыхъ лучшихъ сотрудниковъ, онъ имѣлъ упорную храбрость ...вести до конца это огромное зданіе. И когда въ наше еще время Дидро

упрекаютъ въ томъ, что онъ растратилъ свой геній въ тысячи маленькихъ бумагъ и въ тысячи летучихъ листковъ, не оставивъ ни одного крупнаго произведенія, забываютъ одно крупное произведеніе, которое называется *Энциклопедіей*.

Въ то время въ наукахъ совершилась большая революція. Къ изученію человѣка и морали начинали прикладывать методъ наблюденія и опыта. Своимъ орлинымъ взглядомъ Дидро подмѣтилъ важность этой философской революціи и присоединился къ ней всѣми силами своего духа. Но едва вышли два первые тома, какъ, по доносу іезуитовъ, произведеніе было запрещено. Дидро обратился тогда къ Мальзербу, либеральному директору печатнаго дѣла, и къ тому самому министру д'Аржансону, который когда-то посадилъ его въ тюрьму. Печатаніе было снова разрѣшено и продолжалось цѣною уступокъ, которыя д'Аламберъ считалъ необходимыми и которыя приводили въ негодованіе Дидро и Вольтера. Несмотря на всѣ предосторожности, послѣ 7 тома на *Энциклопедію* опять обрушился ударъ. Въ это-то время Мальзербъ предупредилъ Дидро, что завтра онъ дастъ приказаніе объ арестѣ его бумагъ. «То, что вы мнѣ сообщаете,—отвѣчаетъ Дидро, — меня страшно огорчаетъ. Я не имѣю времени перевезти всѣ мои рукописи и, къ тому же, не легко въ 24 часа найти людей, которые согласились бы ихъ взять и у которыхъ онѣ были бы въ безопасности». «Пришлите ихъ ко мнѣ,—пишетъ Мальзербъ,—ко мнѣ не придутъ съ обыскомъ».

И Дидро отправилъ свои рукописи къ директору печатнаго дѣла, который самъ отдалъ приказъ о конфискаціи. Странное время! — прибавляетъ Каллиньонъ.

Между тѣмъ, д'Аламберъ, утомленный и обезкураженный постоянными преслѣдованіями, удалился отъ дѣла послѣ изданія восьмого тома, и Дидро остался одинъ какъ разъ въ то время, когда его задача дѣлалась особенно тяжелой и опасной. По доносу генеральнаго адвоката Селье, парламентъ назначилъ коммисаровъ для ареста произведенія, а совѣтникъ Паскье объявилъ открыто, что «достаточно жгли книги философовъ и что пора сжечь ихъ самихъ». Къ этому же времени относится открытіе Дидро передѣлокъ, произведенныхъ, изъ осторожности, книгопродавцемъ Бретономъ при выпускѣ *Энциклопедіи*. Отчаянію Дидро не было предѣловъ.

«Вы меня подло обманывали въ продолженіе двухъ лѣтъ,—пишетъ Дидро Бретону,—вы убили или заставили убить трудъ двадцати честныхъ людей, которые даромъ посвятили вамъ свое время, свои таланты, свои безсонныя ночи, только изъ любви къ истинѣ и добру». И далѣе: «Вы изувѣчили, изрѣзали въ куски философію, безъ всякаго толку, безъ всякой осторо ности и вкуса. Вы сдѣлали насъ безвкусными и плоскими. Вы изгна изъ вашей книги все, что въ ней было привлекательнаго, интер наго и новаго. Вотъ результатъ 25-ти лѣтнихъ трудовъ, непріятност издержекъ, опасностей и огорченій всякаго рода! Глупецъ остроготъ ра рушаетъ все въ одну минуту. Я говорю о томъ мясникѣ, которому вы п ручили насъ растерзать. Въ концѣ-концовъ, выходитъ, что презрѣніе, сты

разореніе, поруганіе приходятъ къ намъ отъ главнаго собственника произведенія! Когда нѣтъ энергіи, добродѣтели и храбрости, нужно отдать себѣ справедливость и предоставить другимъ опасныя предпріятія». Въ post scriptum Дидро прибавляетъ: «Вы требуете, чтобъ я пришелъ къ вамъ, какъ прежде, просмотрѣть корректуры. Вы не знаете, чего хотите. Вы не знаете, сколько презрѣнія съ моей стороны вамъ придется переварить,—я раненъ до могилы».

«Отъ этого удара,—говоритъ m-me де-Вандёль,—мой отецъ чуть не заболѣлъ, онъ хотѣлъ бросить работу, но современемъ, не утѣшившись, успокоился, однако, никогда не могъ говорить объ этомъ равнодушно».

Наконецъ, 25 іюля 1765 года Дидро могъ написать m-lle Воланъ: «Наконецъ-то я не буду больше ходить въ эту проклятую мастерскую, гдѣ я испортилъ мои глаза для людей, которые не дадутъ мнѣ и палки, чтобы меня вести. Черезъ 8 или 10 дней будетъ окончено предпріятіе, которое меня занимаетъ болѣе 30 лѣтъ, которое не составило мнѣ состоянія, изъ-за котораго я не разъ рисковалъ быть изгнаннымъ изъ отечества и лишиться свободы». И далѣе: «Я отдалъ этой работѣ около 30 лѣтъ. Изъ всѣхъ преслѣдованій, которыя только можно себѣ представить, нѣтъ ни одного, которое бы я не испыталъ: произведеніе было запрещено, мнѣ угрожали разнообразные эдикты короля и аресты парламента. Нашими заклятыми врагами были дворъ, вельможи, военные, не имѣющіе другого мнѣнія, какъ мнѣніе двора, священники, полиція, судьи, писатели, не участвовавшіе въ предпріятіи, свѣтскіе люди и тѣ изъ гражданъ, которые идутъ за большинствомъ. Несмотря на этотъ союзъ, всѣ подписывались. Они хотѣли имѣть произведеніе и погубить авторовъ. Изъ имени энциклопедиста сдѣлали нѣчто вродѣ сквернаго прозвища, придаваемаго людямъ, которыхъ хотѣли выставить передъ королемъ—какъ опасныхъ подданныхъ, передъ духовенствомъ—какъ его враговъ, передъ судьями—какъ людей, которыхъ нужно сжечь, передъ потомствомъ—какъ дурныхъ гражданъ. Не мудрено, что, среди всѣхъ этихъ безпокойствъ, *Энциклопедія* при всѣхъ достоинствахъ прекраснаго произведенія имѣетъ недостатки плохого. Такова, какъ она есть, она не безъ заслугъ и не безъ значенія. Но какъ повысились бы ея достоинства, еслибъ она была тѣмъ, чѣмъ могла быть!»

Энциклопедія, составившая состояніе книгопродавцу, въ самомъ дѣлѣ, дала очень мало Дидро. Онъ получилъ 2,500 франковъ за каждый изъ 17 томовъ, составляющихъ произведеніе, и затѣмъ еще сумму въ 10,000 франк. Но что это сравнительно съ тою массой труда, которую онъ положилъ на этотъ огромный словарь въ продолженіе почти тридцати лѣтъ?

«Дидро,—говоритъ С.-Бёвъ,—расточалъ свои огромныя способности всѣми своими порами и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Вѣчное стѣсненіе и нужда, странная легкость характера, безумная трата жизненныхъ силъ, энциклопедическое товарищество постоянно истощали наибольшаго метафизика и артиста изъ всѣхъ геніевъ того времени. Гриммъ въ своей *Correspondance litteraire* (*Литературная переписка*), Гольбахъ въ своихъ

сочиненіяхъ, Рейналь въ своей *Histoire des deux Indes* (*Исторія двухъ Индій*) не разъ пользовались услугами Дидро.

Дидро, добрый по натурѣ, лишенный зависти, расточительный, потому что чувствовалъ себя богатымъ, довольный тѣмъ, что можетъ распространять свои идеи, мало заботился объ употребленіи, которое изъ нихъ дѣлали. Его жизнь проходила въ томъ, что онъ, прежде всего, думалъ и думалъ, затѣмъ высказывалъ свои мысли, излагалъ ихъ въ письмахъ къ своимъ друзьямъ, разбрасывалъ въ журналахъ, въ статьяхъ *Энциклопедіи*, въ посредственныхъ романахъ, въ замѣткахъ объ общественныхъ условіяхъ. Доброта и великодушная снисходительность Дидро были поразительны. Его время, мысли, жизнь были всегда къ услугамъ другихъ. Однимъ изъ лучшихъ моментовъ его жизни,— говоритъ Мармонтель,— было, когда какой-нибудь писатель приходилъ къ нему за совѣтомъ относительно своего произведенія. Если сюжетъ оказывался стоющимъ, нужно было видѣть, какъ Дидро ухватывался за него, проникался имъ, разрабатывалъ его богатства и красоты. Импровизируя, онъ передѣлывалъ произведеніе, послѣ чего хвалилъ его, какъ будто самъ не былъ его авторомъ.

M-me де-Вандёль разсказываетъ слѣдующій анекдотъ о своемъ отцѣ. Дидро оказалъ какую-то услугу одному бродягѣ, по имени Ривьеръ. Послѣдній, прощаясь, поблагодарилъ Дидро и спросилъ его: «Г. Дидро, знаете ли вы естественную исторію»?—«Да, немного, я могу отличить алоэ отъ латука и голубя отъ колибри.»—«Знаете ли вы исторію «formica leo»?—Нѣтъ».—«Это маленькое, очень ловкое насѣкомое; оно вырываетъ въ землѣ нору въ формѣ воронки, покрываетъ ее сверху тонкимъ слоемъ песку, заманиваетъ туда легкомысленныхъ насѣкомыхъ, схватываетъ ихъ, высасываетъ и потомъ говоритъ имъ: «Г. Дидро, честь имѣю вамъ кланяться». Мой отецъ смѣялся, какъ сумашедшій, надъ этимъ приключеніемъ».

Съ 1759 года начинается интимная дружба Дидро съ m-lle Воланъ. Въ продолженіе 15 лѣтъ, какъ только они разлучились, онъ писалъ ей раза два-три въ недѣлю и описывалъ мельчайшія событія своей жизни. «Съ вами я чувствую, я люблю, я слушаю, я смотрю». По своемъ возвращеніи изъ Россіи, послѣ 20-ти лѣтней связи, Дидро пишетъ м-lle Воланъ съ такою же душевною теплотой, какъ и въ первые дни. Его привязанность къ ней была такъ велика и искренна, что онъ охотно провелъ бы всю свою жизнь около нея. Онъ писалъ Фальконету, что онъ предпочелъ бы лишиться свободы, скомпрометировать свою жизнь, перенести всевозможныя несчастія, лишь бы не потерять ее. «Я никогда не причинилъ ей ни малѣйшаго огорченія и предпочелъ бы умереть, чѣмъ заставить ее про[illegible]ь хоть одну слезу».

У насъ мало свѣдѣній относительно m-lle Воланъ,—говоритъ Кол[illegible]-онъ.—Она жила съ своею матерью и сестрой и, кажется, была образован[illegible]о и умною особой, достойною привязанности, которую она внушала Д[illegible]о въ продолженіе болѣе 20 лѣтъ, до самой своей смерти, послѣдовавшеі [illegible]ъ 1784 г. за пять мѣсяцевъ до смерти Дидро.

«Будемъ такъ поступать, мой другъ,—пишетъ Дидро m-lle Воланъ,—чтобы наша жизнь была безъ лжи; чѣмъ болѣе я васъ буду уважать, тѣмъ болѣе вы мнѣ будете дороги; чѣмъ болѣе я вамъ проявлю хорошихъ качествъ, тѣмъ болѣе вы меня будете любить. Четыре года тому назадъ вы мнѣ показались прекрасной и я воздвигъ вамъ въ моемъ сердцѣ статую, которую никогда не хотѣлъ бы разбить. Нѣкогда я говорилъ женщинѣ, которую любилъ и въ которой открывалъ недостатки (m-me de-Puisieux): сударыня, берегитесь, вы обезображиваетесь въ моемъ сердцѣ; тамъ есть образъ, на который вы болѣе не походите.

«Не будемъ дѣлать зла. Будемъ любить другъ друга, чтобы взаимно дѣлаться лучше. Будемъ, какъ прежде, вѣрными цензорами другъ друга. Сдѣлайте меня достойнымъ васъ и внушите мнѣ ту чистоту, откровенность и кротость, которыя вамъ свойственны».

Дидро гоститъ у барона Дольбаха и вотъ какъ онъ описываетъ свое времяпровожденіе:

«Онъ отвелъ мнѣ маленькое отдѣльное помѣщеніе, очень покойное, очень веселое и теплое. Здѣсь, между Гораціемъ и Гомеромъ и портретомъ моей подруги, я читаю, размышляю, пишу, вздыхаю, и такъ отъ 6 часовъ утра до часу. Въ половинѣ второго я одѣтъ и схожу въ гостиную, гдѣ уже всѣ собрались. Иногда баронъ заходитъ ко мнѣ; если онъ видитъ, что я занятъ, онъ привѣтствуетъ меня рукой и уходитъ; если же онъ находитъ меня незанятымъ, онъ садится и мы бесѣдуемъ. Хозяйка не стѣсняется съ гостями и ихъ не стѣсняетъ. Гости какъ будто бы у себя, а не у нея.

«Мы обѣдаемъ хорошо и долго. Столъ сервированъ, какъ въ городѣ, а, можетъ быть, и еще роскошнѣе. Послѣ обѣда дамы удаляются; баронъ располагается на диванѣ, а я дѣлаю, что хочу. Между тремя и четырьмя часами мы беремъ наши палки и идемъ гулять, дамы въ одну сторону, я и баронъ въ другую. Мы дѣлаемъ очень большія прогулки. Ничто насъ не останавливаетъ, ни холмы, ни лѣса, ни овраги, ни пашня. Дорóгой мы говоримъ объ исторіи, политикѣ, химіи, литературѣ, физикѣ или о морали. Заходъ солнца и вечерняя свѣжесть гонятъ насъ домой, куда мы никогда не приходимъ раньше семи часовъ. Дамы уже вернулись и переодѣлись. На столѣ свѣчи и карты. Мы отдыхаемъ немного и затѣмъ принимаемся за пикетъ. Баронъ похожъ на ночную сову. Онъ играетъ плохо, но счастливо. Обыкновенно ужинъ прерываетъ нашу игру. Мы ужинаемъ, а выйдя изъ стола, доканчиваемъ партію. Половина одиннадцаго; мы болтаемъ до 11; въ $11^1/_2$ мы уже всѣ спимъ, или, по крайней мѣрѣ, должны спать. Завтра мы [illegible]чинаемъ сначала. Вотъ наша жизнь.

«Я пишу вамъ, дорогой другъ, даже о самыхъ незначительныхъ со[illegible]тіяхъ. Если я слышу что-нибудь, что мнѣ нравится, я запоминаю это, [illegible]бы потомъ подѣлиться съ вами.

«Я не разъ спрашивалъ себя, почему, съ моимъ мягкимъ, снисходи[illegible]нымъ, веселымъ характеромъ, я такъ мало созданъ для общества? Это [illegible]ому, что я не могу быть въ обществѣ, какъ съ моими друзьями, и по-

тому, что мнѣ незнакомъ этотъ холодный, безчувственный языкъ, которымъ говорятъ съ посторонними. Я съ ними или молчаливъ, или нескроменъ. Я настаиваю, мой другъ; у меня нѣтъ ни одного ліарда этой монеты. Я умѣю все сказать, кромѣ bonjour. Я никогда не пойду дальше a, b, c во всѣхъ этихъ разговорахъ, которые переносятъ изъ одного дома въ другой и которые раздаются во всѣхъ кварталахъ въ одинъ и тотъ же часъ».

Вотъ какъ Дидро описываетъ природу Лангра: «У насъ здѣсь прелестная прогулка; это большая аллея густыхъ деревьевъ, ведущая въ рощу съ деревьями, разбросанными безъ симметріи и порядка. Въ ней находятъ свѣжесть и уединеніе. По грубой лѣстницѣ спускаются къ фонтану, выходящему изъ скалы. Его воды, собранныя въ чашу, вытекаютъ изъ нея и образуютъ первый бассейнъ, онѣ текутъ далѣе и наполняютъ второй, затѣмъ по каналамъ достигаютъ третьяго бассейна и посрединѣ его поднимаются водопадомъ. Чаша и бассейны расположены по скату, одинъ ниже другого, на значительномъ разстояніи. Послѣдній бассейнъ окруженъ старыми липами; онѣ теперь въ цвѣту; между каждою липой сдѣланы каменныя скамейки: сюда я прихожу въ пять часовъ. Мои глаза блуждаютъ по прекраснѣйшему пейзажу въ свѣтѣ. Это цѣпь горъ, перерѣзанная садами и домами, внизу которыхъ змѣится источникъ, орошающій луга. Увеличиваясь отъ водъ фонтана и нѣкоторыхъ другихъ, онъ теряется въ долинѣ. Здѣсь цѣлыми часами я читаю, размышляю, любуюсь природой, мечтаю о моей подругѣ. О, какъ хорошо быть втроемъ съ этою каменною скамейкой! Это rendez-vous—мое и влюбленныхъ кантона. Они приходятъ сюда вечеромъ, когда конецъ дня прерываетъ ихъ работы и отдаетъ ихъ другъ другу. День долженъ имъ казаться очень долгимъ, а вечеръ очень короткимъ».

Несмотря на свою бѣдность, Дидро былъ очень расточителенъ. Онъ никогда не отказывалъ себѣ въ книгахъ. У него являлись фантазіи покупать картины, гравюры, миніатюры, а на другой день онъ ихъ отдавалъ кому-нибудь. Не мудрено, что съ такими наклонностями и при тѣхъ обязательныхъ расходахъ, которые у него были, Дидро не могъ ничего скопить.

Въ 1765 г. онъ рѣшился продать свои книги, чтобы на полученную сумму сдѣлать приданое своей дочери.

Черезъ посредство Гримма Дидро предложилъ императрицѣ Екатеринѣ купить его библіотеку за 15,000 франковъ. Гриммъ передалъ предложеніе Бецкому. Онъ отвѣчалъ, что императрицѣ непріятно, что такой знаменитый философъ вынужденъ лишить себя своего сокровища, что она согласна купить книги за 15,000 франковъ, но съ однимъ услові[illegible]ь, чтобы Дидро оставался хранителемъ библіотеки съ ежегоднымъ пенсіон[illegible]ъ въ 1,000 франковъ. Эта сумма намѣренно не была выплачиваема Д[illegible]ю въ продолженіе двухъ лѣтъ. По прошествіи этого времени, русскій пос[illegible]нникъ, князь Голицынъ, спросилъ Дидро, получаетъ ли онъ аккуратно с[illegible]ю пенсію. Дидро отвѣчалъ, что онъ объ этомъ и не думаетъ, счастливый [illegible] тѣмъ, что государыня купила его лавку и оставила ему его инструм[illegible].

Черезъ нѣсколько времени Екатерина II извѣстила Дидро, что, желая оградить его на будущее время отъ такой неаккуратности, она высылаетъ ему деньги за 50 лѣтъ впередъ. Такимъ образомъ, Дидро получилъ 50,000 фр. Тогда у него явилась мысль поѣхать въ Россію и лично выразить Екатеринѣ свою признательность.

Людовикъ XV-й, который раньше воспрепятствовалъ вступленію Дидро въ академію, хотѣлъ теперь воспрепятствовать и его поѣздкѣ въ Петербургъ. «Дидро,—говорилъ онъ,—этотъ посланникъ клики философовъ, будетъ развлекать иностранцевъ на мой счетъ. Его нога никогда не была во дворцѣ, а онъ разскажетъ сотни ужасовъ о моей частной жизни. Онъ будетъ дурно говорить обо мнѣ, потому что увидитъ, что этимъ доставляетъ удовольствіе слушателямъ». Ла-Врилльеръ готовъ былъ уже приготовить приказъ объ арестѣ Дидро, но Людовикъ сказалъ ему: «Боже васъ сохрани отъ этого, вы меня поссорите по смерть съ императрицей. Она желаетъ Дидро,—пускай онъ ѣдетъ».

Отправляясь въ Петербургъ, Дидро желалъ выразить Екатеринѣ свою благодарность и разсчитывалъ только на аудіенцію по пріѣздѣ и при прощаніи. Но тотчасъ по представленіи онъ сдѣлался постояннымъ и необходимымъ гостемъ кабинета императрицы. Въ продолженіе пяти мѣсяцевъ не прошло ни одного дня, чтобъ у него не было долгихъ разговоровъ съ Екатериной II. Она была рада видѣть Дидро и такъ писала Вольтеру: «Я его вижу очень часто. У насъ нескончаемые разговоры. Это необыкновенная голова!... Такое сердце должно было бы быть у всѣхъ людей. Я не знаю, очень ли они (Дидро и Гриммъ) скучаютъ въ Петербургѣ, что касается меня, я разговаривала бы съ ними безъ устали всю мою жизнь».

Дидро очень цѣнилъ умъ Екатерины и то, что въ ея обществѣ всѣ чувствовали себя свободно. Онъ былъ съ нею вообще откровененъ, а когда не рѣшался сказать что-нибудь, императрица говорила ему: «Продолжайте, между мужчинами все позволяется». Дидро, не стѣсняясь, высказывалъ передъ ней свою любовь къ свободѣ. Однажды, когда онъ былъ очень откровененъ, императрица, выслушавъ его внимательно, сказала: «Я никогда не слышала отъ васъ ничего, что доставило бы мнѣ такое удовольствіе, но посмѣли ли бы вы высказать все это въ Парижѣ»?—«Нѣтъ, государыня,—отвѣчалъ философъ,—но я принесъ душу свободнаго человѣка въ страну, которую называютъ страною рабовъ».

Екатерина выслушивала съ удовольствіемъ теоріи Дидро о преобразованіи Россіи, но не считала практичными реформы, которыя онъ ей предлагалъ. Въ этихъ разговорахъ Дидро не забывалъ, что онъ французъ. Онъ старался доказать Екатеринѣ опасность отъ союза съ королемъ прусскимъ и пользу отъ союза съ Франціей и такъ успѣлъ въ этомъ, что по праву могъ сказать: «Мы чувствуемъ великолѣпнѣйшее негодованіе противъ короля Пруссіи; въ этомъ отношеніи дворъ и философы согласны».

Дидро вернулся въ Парижъ въ октябрѣ 1774 года, привезя съ собой

великолѣпную шубу, муфту и три тысячи рублей, которые Екатерина заставила его взять.

Несмотря на недолгое пребываніе въ Россіи, петербургскій климатъ оказалъ дурное вліяніе на легкія Дидро. Здоровье его пошатнулось, но онъ надѣялся прожить еще лѣтъ десять, которыя онъ и прожилъ. По-прежнему трудолюбивый, онъ посвящалъ часовъ по 15-ти своему *Опыту о царствованіяхъ Клавдія и Нерона* (*Essai sur les regnes de Claude et de Néron*). Часовъ въ пять онъ ходилъ одинъ въ Palais-Royal гулять и мечтать. Когда шелъ дождь, онъ отправлялся въ café de la Régence поболтать и посмотрѣть, какъ играетъ въ шахматы знаменитый Филидоръ.

Въ февралѣ 1784 года у него появилось сильное кровохарканіе. «Это конецъ,—сказалъ онъ своей дочери,—намъ надо разстаться. Я силенъ. Это случится, можетъ быть, не черезъ два дня, но черезъ двѣ недѣли, два мѣсяца, черезъ годъ».

Дидро поселился сначала въ Севрѣ у своего стараго друга М. Белля, но потомъ переѣхалъ въ Парижъ на улицу Ришелье, въ прекрасное помѣщеніе, полученное имъ отъ Екатерины II. Дидро, жившій всегда въ четвертомъ этажѣ и имѣвшій свою библіотеку въ пятомъ подъ крышей, чувствовалъ себя въ своей новой квартирѣ въ Rez de chaussée, какъ во дворцѣ, но онъ пользовался ею только 12 дней.

Онъ слабѣлъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Увѣренный въ своей скорой смерти, но не желая огорчать близкихъ ему людей, Дидро каждый день занимался чѣмъ-нибудь такимъ, что могло бы ихъ обмануть. Онъ приказывалъ размѣщать то новую мебель, то новыя картины. Наканунѣ смерти ему принесли болѣе спокойную кровать. Работники старались получше ее поставить. «Мои друзья,—сказалъ онъ имъ,—вы слишкомъ хлопочете о вещи, которая не прослужитъ и четырехъ дней». Вечеромъ Дидро принималъ своихъ друзей. Завязался разговоръ о философіи и о различныхъ путяхъ, ведущихъ къ ней. «Первый шагъ къ философіи,—сказалъ онъ,—это—сомнѣніе».

На другой день, 30 іюля 1784 года, вставъ съ постели, Дидро все утро разговаривалъ съ зятемъ и съ своимъ докторомъ, затѣмъ сѣлъ за столъ завтракать. M-me Дидро спросила его, какъ онъ себя чувствуетъ. Не получая отвѣта, она подошла къ нему, но его уже не было въ живыхъ.

Подъ конецъ такой содержательной жизни Дидро, читая у Сенеки *Трактатъ о краткости жизни,* спросилъ себя, не растратилъ ли, не потерялъ ли онъ свою жизнь? Онъ относилъ къ себѣ слова третьей главы: «Просмотри твои дни и твои годы, заставь ихъ отдать отчетъ. Ск[illegible]и намъ, сколько времени ты позволилъ похитить у себя кредитору, люб[illegible]-ницѣ, покровителю, кліенту? Сколько людей разграбляли твою жи[illegible], между тѣмъ, какъ ты и не сознавалъ, что ты теряешь. «Я нико[illegible]а не читалъ эту главу, не краснѣя, — написалъ Дидро на этой стран[illegible]ѣ изъ Сенеки, — это моя исторія. У меня нѣтъ сознанія, что я упо[illegible]-билъ и половину моихъ силъ,—до сихъ поръ я занимался пустяка[illegible]».

По этимъ сожалѣніямъ писателя и артиста, не успѣвшаго осуществить свой идеалъ, можно противупоставить великодушныя слова философа: «Мою жизнь вовсе не обворовываютъ, — писалъ онъ m-lle Воланъ, — я ее даю; и могу ли я лучше поступить, какъ удѣлить часть ея тому, кто меня настолько уважаетъ, что добивается этого подарка?» И далѣе: «Удовольствіе только для меня одного мало меня захватызаетъ и не долго продолжается. Я читаю, размышляю, пишу, слушаю, смотрю и чувствую для себя и для моихъ друзей. Въ ихъ присутствіи я принадлежу имъ. Я постоянно думаю объ ихъ счастьѣ. Поражаетъ ли меня какая-нибудь прекрасная строка, они ее знаютъ. Встрѣчаю ли я какую-нибудь прекрасную черту, я обѣщаю себѣ подѣлиться съ ними. Вижу ли я какое-нибудь восхитительное зрѣлище, незамѣтнымъ образомъ я уже составляю разсказъ для нихъ. Для нихъ я сохранилъ всѣ мои чувства и всѣ мои способности. Въ этомъ, можетъ быть, причина того, что все преувеличивается и немного обогащается въ моемъ воображеніи и въ моихъ словахъ, а они иногда упрекаютъ меня за это, неблагодарные!»

Дидро,—говоритъ Гриммъ,—былъ отъ природы постояненъ въ своихъ симпатіяхъ и имѣлъ всѣ качества и всѣ достоинства, не требовавшія строгой послѣдовательности въ мысляхъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ обладалъ необыкновенною живостью чувствъ и воображенія и постоянною подвижностью мысли, въ чемъ онъ самъ сознавался и приписывалъ это вліянію своей родины. Дидро замѣтилъ, что въ Лангрѣ такія колебанія атмосферы, что въ 24 часа переходятъ отъ холода къ теплу, отъ тишины къ бурѣ, отъ яснаго неба къ дождю; невозможно, чтобы такая измѣнчивость климата не отражалась на душѣ туземцевъ.

«Жители моей страны,—говоритъ онъ,—обладаютъ большимъ умомъ, слишкомъ большою живостью и непостоянствомъ флюгера. Голова на плечахъ обитателя Лангра все равно, что церковный пѣтухъ на верхушкѣ колокольни,—она не держится долго на одномъ мѣстѣ и, если и возвращается къ нему опять, то не для того, чтобы тамъ остаться. При поразительной быстротѣ движеній, желаній, плановъ, фантазіи, мыслей, у нихъ медленный разговоръ. Что касается меня, то я принадлежу моей странѣ; только пребываніе въ столицѣ и усидчивыя занятія меня немного исправили, но, несмотря на быструю смѣну впечатлѣній, я постояненъ въ моихъ вкусахъ».

Вотъ забавный разсказъ о посѣщеніи Дидро Гара (Garat).

Гара искалъ уединенія, чтобы сосредоточиться и написать книгу.

«Одинъ другъ снабдилъ меня помѣщеніемъ въ прекрасномъ домѣ, въ деревнѣ, которая могла сдѣлать поэта и философа изъ человѣка, способнаго къ этому. Едва я успѣлъ пріѣхать, какъ узнаю, что Дидро помѣщается около меня въ томъ же домѣ. Я не прибавлю ничего, если скажу, что сердце у меня сильно забилось, я забылъ обо всѣхъ своихъ проектахъ относительно прозы и поэзіи и думалъ только о томъ, какъ бы увидѣть великаго человѣка, геніемъ котораго я столько разъ восхищался. Я вхожу къ нему, причемъ онъ не выражаетъ ни малѣйшаго удивленія. Онъ избав-

ляетъ меня отъ неловкихъ фразъ въ извиненіе моего визита и, повидимому, догадывается объ его причинѣ, судя по моему восхищенному виду.

«Онъ избавляетъ меня также отъ вступительныхъ разговоровъ, которые непремѣнно надо было свести на поэзію и прозу.

«Едва мы дошли до нихъ, какъ онъ встаетъ, устремляетъ свой взглядъ на меня, но очевидно, что при этомъ совершенно не видитъ меня и начинаетъ говорить, но сначала такъ тихо и скоро, что, несмотря на то, что я около него, я съ трудомъ слышу и понимаю его. Я тотчасъ же догадываюсь, что вся моя роль въ этой сценѣ должна ограничиться нѣмымъ восхищеніемъ и это рѣшеніе мнѣ не дорого стоитъ. Понемногу его голосъ усиливается и дѣлается яснымъ и звучнымъ. Сначала онъ почти неподвиженъ, но затѣмъ его жесты учащаются и оживляются. Онъ видитъ меня въ первый разъ, но когда мы стоимъ, онъ обхватываетъ меня руками, когда мы сидимъ, онъ хлопаетъ меня по ногамъ, какъ будто это были его ноги. Если въ разговорѣ ему случается употребить слово «законъ», онъ мнѣ рисуетъ планъ законодательства, послѣ слова «театръ» онъ мнѣ даетъ на выборъ пять или шесть плановъ трагедіи и драмы. По поводу картинъ, которыя надо ввести въ театръ, онъ вспоминаетъ, что Тацитъ былъ величайшимъ художникомъ древности, и разсказываетъ мнѣ или переводитъ *Лѣтописи* и *Исторіи*. Но какъ это ужасно, что варвары похоронили подъ развалинами такое огромное количество художественныхъ произведеній Тацита! Если бы памятники, отрытые въ Геркуланѣ, могли что-нибудь вернуть! Эта надежда приводитъ его въ восхищеніе и онъ, какъ итальянскій инженеръ, излагаетъ нѣсколько осторожныхъ и хорошихъ плановъ относительно раскопокъ. Отъ воспоминаній о развалинахъ древней Италіи онъ переходитъ къ счастливымъ днямъ Леліевъ и Сципіоновъ, когда даже побѣжденные народы съ удовольствіемъ присутствовали на тріумфахъ, одержанныхъ надъ ними. Онъ разыгрываетъ передо мной цѣлую сцену изъ Теренція, напѣваетъ нѣсколько пѣсенъ Горація, поетъ полнымъ голосомъ пѣсню, сочиненную имъ за однимъ ужиномъ, и, наконецъ, разсказываетъ мнѣ очень милую комедію, которую онъ напечаталъ въ одномъ экземплярѣ.

«Между тѣмъ, масса людей собирается вокругъ насъ. Шумъ отъ придвигаемыхъ и отодвигаемыхъ стульевъ прерываетъ его воодушевленные монологи. Онъ подходитъ ко мнѣ, какъ къ человѣку, съ которымъ съ удовольствіемъ встрѣчался раньше. Онъ вспоминаетъ даже, что мы вели интересные разговоры о законахъ, драмахъ, исторіи, признается, что онъ много выигралъ въ бесѣдѣ со мной, и предлагаетъ поддерживать связь, [illegible] которой онъ сознаетъ. Прощаясь, онъ даетъ мнѣ два поцѣлуя въ [illegible] и съ искреннимъ огорченіемъ вырываетъ свою руку изъ моей».

Этотъ разсказъ былъ напечатанъ въ *Меркуріи* 15 февраля 1779 г. Ди[illegible]ро очень смѣялся, читая его, и написалъ по этому поводу: «Я еще не проч[illegible]ъ письма Гара въ *Меркуріи* по случаю распространившагося слуха, бу[illegible] [illegible] обидѣлся. Авторъ настолько добръ, что встревожился этимъ. На[illegible] [illegible]съ

того, что успокою его. Потѣшный разсказъ о нашей первой встрѣчѣ не лишенъ правды, я узналъ себя въ немъ и посмѣялся надъ тонкою поэтическою ироніей, которой онъ проникнутъ и которая дѣлаетъ его пикантнымъ. Возможно, что меня примутъ за оригинала; но что же изъ этого? Развѣ это такой большой недостатокъ, если человѣкъ, вращаясь постоянно въ обществѣ, съумѣлъ сохранить остатки природы и нѣкоторыми угловатыми сторонами отличается отъ множества однообразныхъ и плоскихъ валуновъ, которыми изобилуютъ морскіе берега? Я уважаю автора *Похвалы Сугерію*; я вовсе не далекъ отъ того, чтобы полюбить его; и когда ему захочется снова очутиться передъ моделью, милую каррикатуру которой онъ сдѣлалъ, я готовъ его принять и позировать передъ нимъ во второй разъ».

С.-Бёвъ изображаетъ Дидро съ высоко-поднятою и немного лысою головой, съ большимъ лбомъ, обнаженнымъ на вискахъ, съ огненнымъ взглядомъ, открытою распахнутою шеей, съ «доброю и круглою спиной» и съ руками, простертыми къ будущему.

Одинъ художникъ того времени, Мишель Ванлоо, сдѣлалъ его портретъ, но Дидро не узналъ себя въ немъ. «Дѣти мои,—сказалъ онъ,—я васъ предупреждаю, что это не я. Въ теченіе одного дня я имѣлъ сто различныхъ физіономій, смотря по получаемому мною впечатлѣнію: я былъ ясенъ, печаленъ, мечтателенъ, нѣженъ, порывистъ, страстенъ, энтузіастъ, но я никогда не былъ такимъ, какимъ вы меня видите. У меня былъ большой лобъ, живые глаза, довольно крупныя черты, голова древняго оратора, добродушіе, близко граничившее съ глупостью, и грубость старинныхъ временъ.

«Только одинъ разъ я былъ хорошо воспроизведенъ,—это бѣднякомъ, по имени Гаранъ, которому я удался, какъ иногда глупцу удается умное слово. Кто видитъ мой портретъ, сдѣланный Гараномъ, видитъ меня. Ессо il vero polichinello» (Вотъ настоящій паяцъ) *).

Въ 1780 г., по постановленію города Лангра, мэръ и четыре эшевена написали Дидро и просили его заказать для нихъ свой портретъ. Тронутый такимъ вниманіемъ своихъ соотечественниковъ, Дидро послалъ имъ свой бюстъ изъ бронзы, сдѣланный Гудономъ. Онъ былъ поставленъ въ залѣ ратуши на шкафу, наполненномъ *Энциклопедіей* и остальными сочиненіями Дидро.

II.

Изъ массы первоклассныхъ писателей того времени,—говоритъ Тэнъ,— дро былъ единственнымъ истиннымъ художникомъ. Выводимые имъ обзы какъ бы сами собою появлялись и развивались.

Человѣкъ, написавшій *Les salons (Салоны), Les petits romans (Маленькіе романы), Les entrentiens (Разговоры)*, *Le paradoxe du comé-*

---

*) *Salon de* 1771.

dien (Парадоксъ комедіанта), въ особенности *Le reve de d'Alembert (Мечта д'Аламбера)* и *Le neveu de Rameau (Племянникъ Рамо)*, былъ единственнымъ въ свое время. Какъ ни живы и ни блестящи дѣйствующія лица Вольтера, они, все-таки, манекены; ихъ движенія несвободны, изъ-за нихъ всегда виднѣется авторъ, который дергаетъ за шнурокъ. У Дидро этотъ шнурокъ обрѣзанъ. Онъ не говоритъ устами своихъ дѣйствующихъ лицъ, для него они не подвижныя куклы, а независимыя существа, имѣющія свои собственныя страсти, темпераментъ, идеи, философію, языкъ, душу, и иногда, какъ, наприм., въ *Le neveu de Rameau*, такую оригинальную, сложную, живую и безобразную душу, что она является въ естественной исторіи человѣка чудовищемъ и безсмертнымъ документомъ. «Нѣтъ ничего болѣе сумасшедшаго и глубокаго».

Въ своихъ романахъ,—говоритъ Коллиньонъ,—Дидро является предтечей литературы нашего вѣка. Въ нихъ есть то, что составляетъ красоту современнаго романа: природа, правдивость и наблюдательность.

Романы Руссо отличаются краснорѣчіемъ и чувствительностью, романы Вольтера — блестящею философіей, Дидро заставляетъ жить своихъ дѣйствующихъ лицъ.

Въ *La réligieuse (Монахиня)* Дидро обнажаетъ непривлядныя тайны монастырской жизни. «Во многихъ мѣстахъ,— говоритъ Дюкро,— его разсказъ живъ, страстенъ и совсѣмъ не декламатиченъ».

Племянникъ Рамо — странный типъ аббата-паразита, обезпечивающаго театральные успѣхи актрисъ. «Иногда Рамо худъ и истощенъ, какъ больной въ послѣднемъ градусѣ сухотки; можно подумать, что онъ не ѣлъ нѣсколько дней или выходитъ изъ затвора; черезъ его щеки можно счесть зубы. Въ слѣдующій мѣсяцъ онъ толстъ и жиренъ, какъ будто онъ не выходилъ изъ-за стола финансиста или былъ заключенъ въ монастырь бернардинцевъ. Сегодня—въ грязномъ бѣльѣ, въ разорванныхъ штанахъ, прикрытый рубищемъ, почти безъ башмаковъ, онъ идетъ съ опущенною головой и прячется. Такъ и хочется подозвать его и подать милостыню. Завтра — напудренный, завитой, обутый, хорошо одѣтый, онъ выставляется съ высоко-поднятою головой и вы могли бы принять его приблизительно за честнаго человѣка; онъ живетъ изо дня въ день печальный или веселый, смотря по обстоятельствамъ... Это смѣсь высоты и низости, здраваго смысла и безразсудства... Онъ безъ хвастовства показываетъ свои хорошія качества и безъ скромности—дурныя».

Его мораль очень проста: хорошій столъ, хорошая постель, деньги въ карманѣ и «да здравствуетъ мудрость Соломона!» «Что касается меня, то я былъ бы добродѣтеленъ, если бы добродѣтель вела къ богатству; хотѣли, чтобъ я былъ смѣшнымъ и шутомъ, и я сталъ такимъ, а относительно того, чтобы быть порочнымъ, то за это поплатилась бы одна природа; когда я говорю порочнымъ, то это единственно, чтобы говорить на вашемъ языкѣ, потому что если бы мы объяснились, то возможно, что то, что̀ вы называете порокомъ, я назвалъ бы добродѣтелью».

Этотъ типъ совсѣмъ не исчезъ и между нами всегда найдется много племянниковъ Рамо.

Jaques le fataliste (Жакъ-фаталистъ)—рядъ эпизодовъ, между которыми встрѣчаются прекрасныя страницы. «Я очень бы желалъ имѣть Дидро въ моемъ распоряженіи,—говорилъ Дудонъ m-lle Годаръ,—чтобъ отмѣтить въ Жакѣ-фаталистѣ страницы, годныя для чтенія. Конечно, въ немъ нужно сдѣлать массу купюровъ, но на два льё въ окружности нѣтъ ни одного экземпляра. Это жаль, потому что тамъ встрѣчаются удивительно живые разсказы и сильные штрихи, напоминающіе прекрасныя гравюры крѣпкою водкой нѣкоторыхъ рѣзкихъ и энергическихъ мастеровъ».

Писалъ ли кто-нибудь на тему о дружбѣ,—продолжаетъ Коллиньонъ,—болѣе нѣжныя страницы, какъ въ этомъ маленькомъ разсказѣ: *Le deux amis de Bourbonne*? Они любили другъ друга, не подозрѣвая этого. Оливье спасъ жизнь Феликсу, который чуть было не утонулъ. Ни тотъ, ни другой не вспоминали объ этомъ. Сто разъ Феликсъ выручалъ Оливье въ непріятностяхъ, въ которыя этого послѣдняго вовлекалъ его пылкій характеръ, и никогда Оливье не приходило въ голову поблагодарить Феликса; они возвращались вмѣстѣ домой, не разговаривая или разговаривая о чемъ-нибудь другомъ. Феликсъ былъ контрабандистъ. Онъ попался и его присудили къ смертной казни. Оливье освобождаетъ своего друга, а затѣмъ думаетъ, какъ бы убѣжать и самому. «Но солдатъ изъ объѣздной команды штыкомъ пронзилъ ему бокъ, причемъ Оливье и не замѣтилъ этого. Онъ добрался до городскихъ воротъ, но дальше идти не могъ. Жалостливые извощики положили Оливье на телѣжку и довезли до двери его дома за минуту до его смерти. Онъ успѣлъ только сказать своей женѣ: «Жена, подойди, чтобъ я могъ тебя обнять; я умираю, но Феликсъ спасенъ».

«Дидро былъ неудовлетворительнымъ романистомъ,—говоритъ Дюкро,—но прекраснымъ разсказщикомъ. Въ своихъ маленькихъ исторійкахъ онъ умѣетъ сдѣлать эскизъ физіономіи, нарисовать жестъ, быстро вставить анекдотъ, и если онъ не создаетъ дѣйствующихъ лицъ, то, по крайней мѣрѣ, заставляетъ ихъ говорить».

III.

Художники и скульпторы того времени считали Дидро своимъ, больше того, онъ былъ между ними мыслителемъ съ общими идеями, философомъ той поэзіи, которая выражается на полотнѣ или на мраморѣ. Дидро имѣлъ ...удожниковъ большой авторитетъ, онъ давалъ имъ совѣты, поправлялъ ... и, съ перомъ въ рукѣ, былъ ихъ гидомъ и учителемъ.

...ругъ Фальконета, котораго онъ, по порученію императрицы Екате...ы II, выписалъ въ Петербургъ, чтобы тамъ поставить памятникъ Петру ...икому, Дидро не разъ давалъ ему прекраснѣйшіе и благороднѣйшіе со...ы относительно искусства и нравственныхъ идей, которыя должны ру...дить художникомъ. Въ своей перепискѣ Дидро старался внушить Фаль-

конету любовь къ славѣ и желаніе безсмертія,— чувства, которыя, вовсе не исключая соревнованія, возвышаютъ душу и вызываютъ вдохновеніе. Человѣкъ работающій долженъ считать міръ и свой трудъ вѣчными. Для художника и для философа потомство все равно, что загробный міръ для человѣка вѣрующаго.

«Если, по утвержденію всего окружающаго меня вѣка, я могу сказать себѣ, что послѣ меня я оставляю лучшую часть самого себя, что моменты моей жизни, которымъ я придаю значеніе, увѣковѣчены, то смерть мнѣ кажется менѣе горькою».

Художникъ долженъ быть безкорыстенъ. Съ той минуты, какъ онъ начинаетъ думать о деньгахъ, онъ теряетъ чувство прекраснаго. «Художникъ долженъ имѣть одушевленіе, священный огонь Прометея, демона вдохновенія; тогда къ его ногамъ посыпятся мѣшки съ золотомъ, но они не коснутся его, ибо золото—не настоящая его награда».

Какъ художественному критику, Дидро отдавалъ себѣ полную справедливость. «Что касается меня,—говорилъ онъ,—у меня высокая душа, отъ времени до времени ко мнѣ приходятъ большія, сильныя мысли и иногда я умѣю ихъ представить въ поразительной формѣ; я умѣю войти въ душу, покорить ее, тронуть, увлечь. Если д'Аламберъ безконечно лучше меня можетъ рѣшить какое-нибудь дифференціальное уравненіе, я лучше его умѣю возвысить сердце, заставить его сильнѣе биться, внушить ему прочную любовь къ добру и истинѣ. Добродѣтель производитъ на меня болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ порокъ. Я тихо отвертываюсь отъ злыхъ и улетаю къ добрымъ. Если въ какомъ-нибудь произведеніи, въ характерѣ, въ картинѣ, въ статуѣ я встрѣчаю прекрасное мѣсто, мои глаза останавливаются на немъ, я вижу только его, вспоминаю только о немъ, остальное я забываю».

Въ 1764 году Гриммъ предложилъ Дидро написать въ *Correspondance littéraire* отчетъ о художественныхъ выставкахъ. Вмѣсто одного письма, какъ хотѣлъ этого Гриммъ, Дидро посылаетъ ему цѣлый томъ. Сначала Гриммъ былъ не особенно этимъ доволенъ, но, прочтя эти блестящія страницы, онъ пришелъ въ восхищеніе. «Клянусь моею душой,—воскликнулъ онъ,—никто не могъ бы сдѣлать ничего подобнаго, но въ его годы такое напряженіе силъ не можетъ пройти безнаказанно. Онъ взялъ перо и писалъ семнадцать дней съ утра до вечера, наполнивъ своими мыслями болѣе двухъ сотъ страницъ».

Дидро, которому тогда было за 50 лѣтъ, три года продолжалъ эту работу и, такимъ образомъ, ввелъ въ моду художественныя выставки и просвѣщенную критику искусствъ.

Какъ примѣръ необыкновенной легкости труда, которую Дидро с[illegible] [illegible]нялъ всю жизнь, Нежонъ приводитъ *L'éloge de Richardson (Пох[illegible] Ричардсону)*,—образцовое произведеніе, написанное Дидро въ 15 час[illegible]ъ.

«Не подумайте,— говоритъ С.-Бёвъ,— что если онъ пишетъ скор[illegible]то пишетъ опрометчиво. Нисколько, его слогъ совершенно наученъ и п[illegible]ъ тѣхъ гармоническихъ эффектовъ, которые соотвѣтствуютъ самымъ тон[illegible]ъ

оттѣнкамъ чувства и мысли. Слогъ Дидро отражаетъ природу и зелень безконечно больше, чѣмъ слогъ Бюффона и Руссо». Дидро ввелъ въ языкъ краски палитры и радуги; онъ умѣетъ видѣть природу изъ мастерской и понимаетъ чувство художника. Онъ развилъ во французахъ вкусъ къ искусствамъ и нашелъ способъ заставить ихъ въ живописи полюбить идею».

«До сихъ поръ,— говоритъ m-me Неккеръ,— я видѣла въ картинахъ только плоскія и безжизненныя краски; воображеніе Дидро придало имъ выпуклость и жизнь; его генію я обязана почти новымъ чувствомъ».

Въ самомъ дѣлѣ,—продолжаетъ Коллиньонъ,—его критика была цѣлая поэма, цѣлое творчество. Въ 1767 году художникъ Верне выставилъ въ салонѣ семь картинъ. Дидро рѣшилъ, что, прежде чѣмъ приступить къ анализу этихъ видовъ и маринъ, онъ долженъ поѣхать въ деревню на берегъ моря и тамъ понаблюдать реальные виды. По возвращеніи онъ ихъ описываетъ, вставляя въ свои описанія разговоры, прогулки, споры разнообразныхъ собесѣдниковъ, которые говорятъ о природѣ, объ искусствѣ, о мірѣ. Мимоходомъ Дидро разсыпаетъ тысячи идей, которыми онъ полонъ; но подъ конецъ вдругъ оказывается, что естественные пейзажи, рисуемые имъ, ничто иное, какъ полотна Верне, которыя ему пришла фантазія такъ описать.

Дидро говорилъ: «Рисунокъ придаетъ предметамъ форму, а краски — жизнь. Нѣтъ недостатка въ прекрасныхъ рисовальщикахъ, но мало великихъ колористовъ. То же самое и въ литературѣ. На сто холодныхъ логиковъ приходится одинъ большой ораторъ; на десять большихъ ораторовъ— одинъ прекрасный поэтъ. Сильное впечатлѣніе вызываетъ быстрое вдохновеніе въ краснорѣчивомъ человѣкѣ, но что бы ни говорилъ Гельвеціусъ, нельзя написать и десять хорошихъ стиховъ подъ страхомъ смертной казни».

Художникъ меньше интересуется мыслями и чувствами, чѣмъ линіями, пластикой, гармоніей, контрастами красокъ. Дидро, любившій, несмотря на свой приподнятый тонъ, естественное и простое, находилъ, что реализмъ или рабское подражаніе природѣ недостаточны. «Нужно,—говорилъ онъ,— чтобы художникъ въ своемъ воображеніи имѣлъ нѣчто болѣе высокое, чѣмъ природа». По его мнѣнію, «сдѣлать добро пріятнымъ, порокъ противнымъ, смѣшное бросающимся въ глаза—вотъ цѣль человѣка, берущагося за перо или за кисть».

Дидро сдѣлалъ для искусства то же, что Монтескьё для законовѣдѣнія и Бюффонъ для естественной исторіи. Онъ служилъ посредникомъ между [х]удожниками и публикой. Онъ былъ полезенъ художникамъ своего времени [те]мъ, что объяснялъ литературно, т.-е. понятно, достоинства ихъ картинъ. [Ис]торически,—говоритъ Коллиньонъ,—Дидро былъ первымъ французскимъ [вели]чайшимъ художественнымъ критикомъ.

IV.

Въ театръ, какъ и въ живопись,— продолжаетъ Коллиньонъ,— Дидро [старa]лся ввести природу и жизнь. Онъ первый сказалъ, что сцена должна

быть открыта не для одной любви королей и королевъ и что другіе граждане имѣютъ такъ же, какъ и они, свои страсти и слезы.

«Какъ? Развѣ вы не понимаете впечатлѣнія, которое произвела бы на васъ реальная сцена, вѣрные костюмы, разговоры, соотвѣтствующіе поступкамъ, простые поступки, опасности, не заставляющія васъ дрожать за вашихъ родныхъ, друзей, за самихъ себя? Потеря состоянія, страхъ къ неблагородному, послѣдствія нужды, страсть, ведущая человѣка къ разоренію, отъ разоренія къ отчаянію, отъ отчаянія къ насильственной смерти—вовсе не рѣдкія событія, и вы думаете, что они произвели бы на васъ меньшее впечатлѣніе, чѣмъ баснословная смерть тирана или принесеніе въ жертву ребенка на алтари аѳинскихъ и римскихъ боговъ?»

Дидро хотѣлъ замѣнить трагедію драмой. «Какое дѣло,—говорилъ онъ,—намъ, французамъ XVIII вѣка, до приключеній Агамемнона и Ореста? Я ищу на сценѣ подобныхъ мнѣ соотечественниковъ, а не исключительныя существа, раздираемыя страстями, которыя я не могу ни понять, ни раздѣлить».

Дидро хотѣлъ, чтобы театръ былъ нравственнымъ руководителемъ. «Я всегда думалъ,—писалъ онъ,—что когда-нибудь на сценѣ будутъ обсуждаться важнѣйшіе нравственные вопросы и безъ всякаго вреда для быстраго и сильнаго хода драматическаго дѣйствія».

Можно сказать, что Дидро предвидѣлъ театръ Дюма-сына.

Это стремленіе придать театру морализующее вліяніе привело Дидро къ тому, что онъ изъ драмы сдѣлалъ проповѣдь. Его драма имѣетъ значеніе только какъ протестъ противъ условнаго, противъ ложнаго вкуса эпохи, какъ призывъ къ реальности чувствъ, къ прямому наблюденію надъ природой.

Дидро написалъ двѣ пьесы *) и обѣ съ цѣлью высказать свои теоріи и показать ихъ превосходство. Немудрено, что онѣ не имѣли успѣха. Несмотря на это, Дидро думалъ, что его призваніе быть драматическимъ писателемъ. «Случай, — говорилъ онъ, — а еще болѣе нужда располагаютъ нами по своему желанію. Кто знаетъ это лучше меня? Въ этомъ причина того, что въ продолженіе 30-ти лѣтъ я занимался *Энциклопедіей* и написалъ только двѣ пьесы для театра».

V.

«Я жду съ большимъ нетерпѣніемъ,—писалъ Вольтеръ Тьеріо,—появленія размышленій Пантофила (Вселюба) Дидро о Танкредѣ. Это совершенно въ сферѣ дѣятельности его генія; съ высотъ метафизики онъ переходитъ къ ремеслу ткача, а оттуда идетъ въ театръ... Это единственны человѣкъ, способный написать исторію философіи».

Въ самомъ дѣлѣ, одинъ Дидро зналъ достаточно древность, философо которой онъ изучалъ спеціально, чтобы приступить къ ихъ исторіи. Пе

*) *Le fils naturel* и *Le père de famille*.

вый шагъ въ этомъ отношеніи во Франціи сдѣлалъ Дидро, и хотя онъ работалъ послѣ Брюккера, но у него есть своя часть оригинальныхъ взглядовъ. «Конечно,—говоритъ Виллъмэнъ,—въ его анализѣ греческихъ школъ не найдутъ научной точности, метода изобрѣтательнаго возстановленія, который характеризуетъ нѣкоторыя изслѣдованія по древней философіи, появившіяся въ наше время, но Дидро охватываетъ всѣ періоды греческой философіи, начиная съ системъ Гераклита и Анаксагора включительно до александрійскаго синкретизма и переходя затѣмъ къ работѣ человѣческаго ума въ средніе вѣка, съ первыхъ схоластиковъ и до Вана Гельмонта. Нельзя не поражаться такою громадой знаній и такою дѣятельною прозорливостью!»

И такъ, какъ историкъ философіи, Дидро пользовался работами Брюккера. Отъ его многочисленныхъ статей въ *Энциклопедіи* нельзя требовать точной эрудиціи Гассенди и Бейля. Вынужденный быть слишкомъ осторожнымъ и крайне стѣсняемый различными условіями, Дидро не могъ тамъ вполнѣ искренно выражать свои задушевныя мысли.

Но не вся философія въ изложеніи идей древнихъ. Прежде всего, она наука отношеній и причинъ. Дидро такъ ее и понимаетъ и ищетъ основаніе вещей въ единствѣ человѣческой природы и міровой субстанціи. Вмѣсто того, чтобы подчиниться какой-нибудь изъ многочисленныхъ системъ, которыя онъ такъ хорошо знаетъ, Дидро сохраняетъ свою независимость. Онъ не эклектикъ, какъ Викторъ Кузенъ. Онъ не думаетъ, что въ этомъ отношеніи все уже сдѣлано и что остается только констатировать періодическое возвращеніе тѣхъ же четырехъ системъ. Онъ признаетъ, наоборотъ, что наука безгранична, что она организуется по мѣрѣ своего развитія и что, благодаря прогрессу опытныхъ наукъ, философіи открывается обширный горизонтъ. Дидро одинаково способенъ овладѣть и тонкими отношеніями, и массовыми. Онъ вполнѣ современный мыслитель; онъ не резюмируетъ свое время, онъ его опережаетъ; даже и теперь онъ все еще стоитъ впереди. Не требуйте отъ Дидро системы: его мысль слишкомъ широка, она не вмѣщается ни въ какую систему.

Наука, въ его глазахъ,— естественное объясненіе міра. Она сводитъ цѣпь причинъ къ ея первому звену. И такъ какъ міровое начало обнаруживается пространствомъ и мыслью, то и философія есть, въ одно и то же время, и наука о человѣческомъ духѣ, и наука о физическомъ мірѣ.

У Дидро, какъ у Гёте, культъ природы, разума и истины.

Дидро видитъ во вселенной жизненный круговоротъ: «Я останавливаю свой взглядъ на общей массѣ тѣлъ, я вижу все въ дѣйствіи и противодѣйствіи, все уничтожается въ одной формѣ и возобновляется въ другой, изъ чего я заключаю, что матерія разнородна, что въ природѣ существуетъ безконечное количество различныхъ элементовъ, что каждый изъ этихъ элементовъ имѣетъ свою особенную силу, прирожденную, неизмѣнную, вѣчную, неразрушимую, и что эти силы имѣютъ свои притяженія, откуда проистекаетъ движеніе, или, скорѣе, общее броженіе вселенной».

Методъ его состоитъ въ наблюденіи надъ природой, въ размышленіи и

въ опытѣ. Наблюденіе собираетъ факты, размышленіе ихъ комбинируетъ, а опытъ оживляетъ результатъ комбинаціи.

Природа одна, и факты, добытые наукой, должны быть соединены такъ, чтобы показывать ея единство.

Дидро положилъ начало теоріи эволюціи.

«Природа,—говоритъ онъ,—любитъ до безконечности видоизмѣнять одинъ и тотъ же механизмъ. Если наблюдать царство животныхъ, то можно замѣтить, что между четвероногими животными нѣтъ ни одного, функціи и органы (въ особенности низшіе) котораго не были бы совершенно похожи на другое четвероногое. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что нѣкогда было только одно животное, прототипъ всѣхъ животныхъ, и что природа только удлиняла, укорачивала, видоизмѣняла, развивала или уничтожала нѣкоторые его органы?

«Когда замѣчаютъ, какъ послѣдовательныя метаморфозы оболочки прототипа нечувствительнымъ образомъ приближаютъ одно царство къ другому, кто не рѣшится повѣрить, что нѣкогда было только одно существо, прототипъ всѣхъ существъ?»

Послѣ Аристотеля Дидро былъ однимъ изъ самыхъ синтетическихъ умовъ; аналитическое знаніе самыхъ мельчайшихъ деталей не мѣшало ему подниматься къ общимъ идеямъ, вотъ почему онъ былъ предтечей трансформизма.

«Органы производятъ потребности,—говоритъ Дидро,—а потребности, въ свою очередь, производятъ органы. Наши органы, по его словамъ, могутъ быть разсматриваемы какъ отдѣльныя животныя; они имѣютъ каждый свою отдѣльную жизнь, но законъ непрерывности дѣлаетъ изъ нихъ одну общую жизнь.

«Организація опредѣляетъ функціи и потребности. Иногда потребности вліяютъ на организацію и это вліяніе можетъ дойти иногда до производства органовъ и всегда до видоизмѣненія ихъ. Какъ въ царствахъ животномъ и растительномъ индивидуумъ начинается, ростетъ, продолжается, погибаетъ и проходитъ, не можетъ ли быть также и съ цѣлыми родами? Нельзя ли заподозрить, что животныя, изъ вѣка вѣковъ, имѣли свои особенные элементы разсѣянными и смѣшанными въ массѣ матеріи? Случилось, что эти элементы соединились (такъ какъ это совершенно возможно), эмбріонъ, образовавшійся изъ этихъ элементовъ, прошелъ черезъ безконечное количество организацій и развитій, протекли милліоны лѣтъ между каждымъ изъ такихъ развитій, возможно, что этотъ эмбріонъ подвергся другимъ развитіямъ и приращеніямъ, намъ неизвѣстнымъ, что него было или будетъ состояніе постоянное, что онъ удаляется или у... лится отъ этого состоянія, благодаря вѣчному погибанію, во время ко... раго его способности выйдутъ изъ него, какъ вошли, и что онъ исчезн... навсегда изъ природы, или, скорѣе, что онъ будетъ существовать, но другою формой и съ другими способностями».

Всѣ царства и всѣ роды соприкасаются на своихъ границахъ. М

моръ дѣлается изъ плоти, а плоть изъ мрамора. Кусокъ мрамора, обращенный въ прахъ, смѣшивается съ землей и съ растеніями, которыя ростутъ въ черноземѣ и съѣдаются затѣмъ человѣкомъ. Самъ человѣкъ такое же животное, только съ высшею организаціей.

«Вся душа собаки—на концѣ ея носа. Вся душа орла—въ его глазу, душа крота—въ его ухѣ. Но не такъ относительно человѣка. Между его чувствами существуетъ такая гармонія, что ни одно изъ нихъ не преобладаетъ; онъ сохраняетъ свою автономію, которая служитъ ему для совершенствованія. Вѣчная природа все извлекаетъ изъ самой себя. Она чувствуетъ въ животномъ, прозябаетъ въ растеніи, думаетъ и хочетъ въ человѣкѣ».

Такимъ образомъ, до Ламарка, до Дарвина Дидро предвидѣлъ трансформизмъ и формулировалъ теорію эволюціи. Нужно констатировать этотъ фактъ и воздать должное Дидро,—говоритъ Коллиньонъ,—ибо нѣмецкіе философы, кажется, забываютъ это и приписываютъ себѣ первенство въ этомъ отношеніи. «Во главѣ цивилизаціи,—говоритъ Геккель,—стоятъ теперь англичане и нѣмцы, которые открытіемъ и развитіемъ теоріи эволюціи положили основаніе новаго періода интеллектуальной культуры».

VI.

Дидро въ метафизикѣ, въ морали и въ эстетикѣ признаетъ только одинъ законъ: природу и человѣческую организацію, природу безъ румянъ, во всей ея простотѣ, но также и во всей ея силѣ и величіи.

Его критеріумъ добра такой же, какъ и критеріумъ прекраснаго. Такимъ образомъ, эстетика Дидро соприкасается съ его моралью, которая для него ничто иное, какъ эстетика, приложенная къ жизни.

Въ статьѣ *Le juste* (*Справедливое*) въ *Энциклопедіи* Дидро говоритъ такъ: «Свойства поступковъ зависятъ отъ природы человѣка; поступокъ подходитъ или не подходитъ къ природѣ существа, которое его совершаетъ, вслѣдствіе этого поступокъ можетъ быть нравственно дурнымъ или хорошимъ, такъ какъ онъ согласуется съ сущностью объекта, который его совершаетъ, или отклоняется отъ нея.

«Если мы желаемъ исполнять свои обязанности относительно другихъ, будемъ справедливы и добры: несправедливость, роковая причина всѣхъ несчастій человѣческаго рода, вредитъ не тѣмъ только, кто является ея жертвою; несправедливость, это—родъ змѣи, которая сначала терзаетъ грудь того, кто ее носитъ. Она рождается изъ стремленія къ богатству или къ п…естямъ. Ей сопутствуютъ безпокойство и горе. Привычка къ справедли-в…ти и къ добродѣтели, главнымъ образомъ, дѣлаетъ насъ счастливыми, б…годаря движеніямъ нашего сердца, но также и благодаря чувствамъ, к…орыя она вызываетъ у тѣхъ, кто насъ окружаетъ».

Счастье одного человѣка зависитъ отъ счастья другихъ и права однихъ д…жны служить границею для другихъ. Такимъ образомъ, общественная п…льза—вотъ цѣль и основаніе морали Дидро.

Въ своей статьѣ *Plaisir (Удовольствіе)* Дидро возвращается назадъ и развиваетъ идею, что справедливость и добродѣтель тѣсно связаны со счастьемъ.

Мы всѣ стремимся къ счастью. Разнообразіе путей къ нему указываетъ только на единство цѣли. У насъ есть страсти, которыя вызываютъ потребности, а эти потребности выражаются въ естественномъ желаніи удовольствія. Сами по себѣ страсти не могутъ быть дурны. Наоборотъ, это онѣ указываютъ намъ дорогу къ счастью. Съ этою цѣлью нужно обдумывать наши поступки, т.-е. для развитія и совершенствованія нашего существа заставлять служить разсудокъ, нашу высшую способность, которая вмѣстѣ съ другими способностями только помогаетъ нашему счастью.

Такимъ образомъ, Дидро, въ сущности, раздѣляетъ моральную доктрину Эпикура, мораль интереса и счастья. Дидро самъ признаетъ Эпикура своимъ учителемъ: «Эпикуръ, единственный изъ древнихъ философовъ, съумѣлъ соединить свою мораль съ истиннымъ счастьемъ человѣка и свои предписанія съ влеченіями и потребностями природы».

Утилитарное пониманіе слова «страсть» почти всегда казалось низкимъ или, по крайней мѣрѣ, мало благороднымъ. «Люди,—говоритъ Дидро,—которые всегда соединяли съ понятіемъ объ интересѣ представленіе о золотѣ или серебрѣ, возмутились противъ доктрины, дѣлавшей интересъ двигателемъ всѣхъ нашихъ поступковъ; такъ опасно въ философіи отстраняться отъ обыкновеннаго и популярнаго смысла словъ».

Дидро выступаетъ и въ *Философскихъ мысляхъ* на защиту страстей, на которыя такъ нападаютъ близорукіе моралисты.

«Постоянно возстаютъ противъ страстей, объясняя ими всѣ несчастія человѣка, и забываютъ, что онѣ служатъ также и источникомъ всѣхъ его удовольствій. Только страсти, и только большія страсти, могутъ возвысить душу до великихъ дѣлъ. Значитъ, это счастье—имѣть сильныя страсти? Да, конечно, если между ними существуетъ справедливая гармонія».

Дидро,—говоритъ Коллиньонъ,—возвышаетъ человѣка и своею защитой великодушныхъ страстей возстановляетъ его достоинства.

По мнѣнію Дидро, идеальная мораль есть та, которая свойственна нормальной и идеальной организаціи человѣка. Но совершенное и абсолютное не существуютъ ни въ человѣкѣ, ни въ созданной имъ морали, такъ какъ она ничто иное, какъ констатированіе и наука прогрессивныхъ отношеній между людьми. Такимъ образомъ, мораль, шагъ за шагомъ, слѣдуетъ за медленнымъ прогрессомъ человѣческаго рода. Сначала она открывается мудрецамъ, затѣмъ понемногу открывается всѣмъ; она улучшается вѣка и смягчается, въ зависимости отъ среды и климата.

Что касается моральной свободы, то Дидро считаетъ ее пустымъ -комъ и предразсудкомъ. Въ человѣкѣ, который размышляетъ, есть сцѣп... е идей, а въ человѣкѣ, который дѣйствуетъ, есть сцѣпленіе поступковъ, -мый незначительный изъ которыхъ также вызванъ, какъ закатъ сол... ь. Воля—только послѣдній импульсъ, послѣдній результатъ всего того о

было со времени рожденія и до даннаго момента. Что касается общественной морали, то ее резюмируетъ слово: «справедливость».

Въ своей статьѣ *О прекрасномъ* Дидро разсматриваетъ главныя мнѣнія, выраженныя по этому поводу. Ни одно изъ нихъ его не удовлетворяетъ и онъ старается пополнить теоріи своихъ предшественниковъ глубокимъ анализомъ понятій, отношеній, порядка и симметріи.

По его мнѣнію, эти понятія такъ же экспериментальны, какъ и другія. Они вытекаютъ изъ способности чувствовать или думать, а способность эта вызывается нашими потребностями. Прекрасное—это все то, что вызываетъ въ насъ идею отношеній, относится ли это къ чувству, или къ разуму. Само по себѣ прекрасное относительно.

Въ статьѣ *Le beau* (*Прекрасное*), въ *Pensées sur la peinture* (*Мысли о живописи*) и въ *Salons* (*Салоны*) Дидро высказываетъ мысль о связи между прекраснымъ и добромъ, между эстетикой и моралью. Почему произведенія искусства древнихъ отличаются высокимъ характеромъ? Потому, что они всѣ посѣщали школы философовъ. Каждое произведеніе скульптуры или живописи должно быть выраженіемъ какой-нибудь большой мысли, должно быть урокомъ для зрителя, въ противномъ случаѣ оно нѣмо. Двѣ вещи необходимы въ искусствѣ: мораль и перспектива.

29 іюля 1884 года въ Парижѣ и въ Лангрѣ праздновали столѣтній юбилей Дидро, а два года спустя въ каждомъ изъ этихъ городовъ ему воздвигли статую.

13 іюля 1886 г., при открытіи статуи Дидро въ Парижѣ около Saint-Germain de Pris, Бюхнеръ произнесъ рѣчь, въ которой онъ такъ резюмировалъ роль Дидро:

«Дидро — слава не одной Франціи, на него предъявляютъ права всѣ друзья свободной науки и свободной мысли, какой бы странѣ и какому бы языку они ни принадлежали. Дидро—космополитъ науки и свободной мысли. Онъ писалъ и жилъ для цѣлаго міра. При его жизни имъ такъ же восхищались на берегахъ Невы, какъ и на берегахъ Сены. Широкія теоріи, общіе взгляды Дидро было санкціонированы наукой. Великая доктрина эволюціи, которую онъ предчувствовалъ, была основана Ламаркомъ и Дарвиномъ. Истина—космополитична, какъ и ея знаменитый защитникъ. Она ни французская, ни нѣмецкая, ни русская, ни итальянская: она истина и принадлежитъ тѣмъ, кто ее можетъ понять и открыть.

«Нужно вѣрить въ науку, въ опытную философію и въ надежды тѣхъ, кто хочетъ сдѣлать родъ человѣческій болѣе счастливымъ, благороднымъ, ѣе достойнымъ, чѣмъ онъ есть теперь, тогда мысль достигнетъ своей ли въ будущемъ человѣчества, т.-е. свободы, просвѣщенія и благосостоянія всѣхъ».

Да, — замѣчаетъ Коллиньонъ, — Дидро, поистинѣ, заслуживаетъ памят-. Великій двигатель мысли, проницательный, изобильный умъ, онъ за-вляетъ смотрѣть далеко по всѣмъ направленіямъ, потому что заставляетъ ать. Оригинальный критикъ, онъ даетъ массу новыхъ идей по живо-

писи, скульптурѣ, въ драматическомъ искусствѣ. Разскащикъ, критикъ, философъ, ученый натуралистъ, журналистъ, энциклопедистъ, онъ высказываетъ все, что видитъ, думаетъ, чувствуетъ, своимъ живописнымъ слогомъ, который въ ту эпоху былъ новъ и оригиналенъ.

Говорятъ, что Руссо «изобрѣлъ демократію». Она красива, эта демократія Руссо, но великимъ демократомъ прошлаго вѣка былъ Дидро. Онъ имъ былъ по своему рожденію и по любви къ народу, для котораго онъ мечталъ о многихъ реформахъ.

Дидро настаивалъ на необходимости расширить общественное образованіе. Ему нравилось, какъ это дѣло было поставлено въ Германіи. «Тамъ,—говорилъ онъ,—утромъ и вечеромъ есть назначенные часы для дарового общественнаго обученія, но послѣ того школьный учитель за умѣренную плату занимается съ дѣтьми болѣе зажиточныхъ гражданъ». При этомъ Дидро находитъ, что нужно убавить количество часовъ, отведенныхъ мертвымъ языкамъ.

По его мнѣнію, въ школахъ должны давать понятіе о всѣхъ знаніяхъ, необходимыхъ гражданину, начиная съ законовѣдѣнія и кончая механическими искусствами, которыя такъ много дали обществу. «Зрѣлище человѣческой промышленности само по себѣ полезно и велико, хорошо знать разнообразныя условія, посредствомъ которыхъ каждый принимаетъ участіе въ благосостояніи общества». Въ одномъ діалогѣ между отцомъ и дочерью послѣ разговора объ обязанностяхъ богатыхъ относительно бѣдныхъ дочь, которую Дидро выводитъ на сцену, говоритъ: «Мой добрый отецъ задумался; я спросила его, о чемъ онъ думаетъ, но онъ затруднялся отвѣтить, боясь, что его мысли будутъ недоступны моему пониманію, и въ самомъ дѣлѣ я тогда не поняла всей ихъ широты. «Неужели я умру,—сказалъ онъ мнѣ,—не увидѣвъ примѣненія того, что уничтожило бы милліоны ежегодныхъ несправедливостей и повело бы къ безконечному количеству добра? Это — обнародованіе общаго податного тарифа и его распредѣленіе. Такимъ путемъ можно было бы узнать населеніе одной мѣстности, уменьшеніе населенія въ другой, богатство или бѣдность каждаго гражданина. Явилась бы помѣха неравенству распредѣленія. Подати должны падать только на того, кто имѣетъ больше, у кого же меньше, тотъ не долженъ ничего платить. Не говорю уже о томъ, какую узду наложила бы эта публичность на жадность и притѣсненія тѣхъ, кто завѣдуетъ сборомъ податей. Нужно только видѣть, до какой крайности доходитъ это злоупотребленіе въ нашихъ провинціяхъ, въ нашихъ деревняхъ». Этотъ разговоръ продолжался до вечера и мнѣ было непріятно его прервать».

Такова личность и заслуги Дидро, слава котораго все возростаетъ началу XX столѣтія.

С. Л—ор.

Культурные мотивы иностранной журналистики.

Въ полуанглійскомъ, полуамериканскомъ *Pall Mall Magasine* за іюль нынѣшняго года помѣщена интересная иллюстрація: передъ нами два чрезвычайно любопытныхъ представителя современной культуры. Слѣва—типичный tramp (бродяга) въ лохмотьяхъ и маленькой сдвинутой на затылокъ шапочкѣ; грубое лицо, изборожденное морщинами, выдающійся подбородокъ, носъ «башмакомъ», жесткіе усы надъ полуоткрытымъ ртомъ, злые, скошенные въ сторону глаза загнаннаго волка и небрежно торчащая въ зубахъ трубка,—таковъ первый изъ нихъ, стоящій внизу общественной лѣстницы. Направо—фешенебельная фигура въ изящномъ сьютѣ и съ моноклемъ въ глазу; неправильно очерченный черепъ, торчащія уши, нѣсколько приподнятыя брови, тонкія линіи носа и пара большихъ, какъ будто возбужденныхъ и устремленныхъ вдаль глазъ,—таковы отличительныя черты второго. Казалось бы, что между ними общаго? И въ самомъ дѣлѣ, иллюстрація изображаетъ намъ соціальные *контрасты*. Но чѣмъ мы больше вглядываемся въ эти двѣ фигуры, тѣмъ яснѣе выступаетъ передъ нами какое-то смутное сходство, что-то родственное въ обоихъ лицахъ. Наконецъ, «какъ бы подъ вліяніемъ экстаза» (такъ любитъ выражаться туринскій профессоръ Ц. Ломброзо), мы произносимъ только одно слово, которымъ, однако, все сказано: это модное теперь слово *вырожденіе*. Да, несомнѣнно оба описанные субъекта—вырождающіеся; клеймо отбросовъ цивилизаціи ясно начертано на ихъ лицахъ и мы смотримъ на нихъ съ сожалѣніемъ, какъ на приговоренныхъ къ смерти.

Понятіе «вырожденія» распространилось среди нашей публики съ лег-... руки д-ра Макса Нордау, послѣдняя книга котораго въ прошломъ го... почти одновременно вышла въ двухъ русскихъ переводахъ. Недавно ... переплыла Атлантическій океанъ и произвела сенсацію среди положи...ныхъ янки; американскіе журналы посвящаютъ рядъ статей возбужнымъ въ ней вопросамъ; самъ Нордау не остается спокойнымъ свидѣ...темъ этой журнальной полемики и принимаетъ въ ней дѣятельное уча... Онъ очень строго относится къ своимъ критикамъ и расточаетъ по ...дресу рядъ довольно звонкихъ ругательствъ, среди которыхъ срав-

неніе съ «изступленными готтентотами» (*Century*, August) производитъ впечатлѣніе невинной шутки. Тѣмъ не менѣе, я рискну высказать свое сужденіе о нѣкоторыхъ положеніяхъ его книги. И хотя въ статьѣ д-ра Charles'а Dana, помѣщенной въ іюньской книжкѣ американскаго *Forum'а* (*Вырождаемся ли мы?*), имѣется обстоятельное изложеніе взглядовъ Нордау, мнѣ кажется интереснѣе обратиться прямо и непосредственно къ первоисточнику. Свое *Вырожденіе* Максъ Нордау начинаетъ опредѣленіемъ понятія fin de siècle и перечисляетъ тѣ ненормальности, которыя видитъ въ современномъ обществѣ. Все это—результаты «вырожденія», которое онъ опредѣляетъ со словъ Мореля слѣдующимъ образомъ: «вырожденіе мы должны представлять себѣ, какъ болѣзненное отклоненіе отъ первоначальнаго типа; это явленіе, сначала весьма мало замѣтное, разростается и особь становится все менѣе и менѣе способною исполнять свои обязанности по отношенію къ человѣчеству; болѣзненное же начало грозитъ и нисходящему поколѣнію». Далѣе мы узнаемъ, что «вырожденіе проявляется у людей въ извѣстныхъ физическихъ недостаткахъ». Есть вѣрное средство доказать, что большинство представителей современнаго искусства—просто вырождающіеся; «для выясненія, что это доказанный фактъ, слѣдовало бы только произвести физическое измѣреніе авторовъ и познакомиться съ ихъ генеалогическимъ деревомъ». Впрочемъ, и этого не нужно. «Наука открыла рядомъ съ физическими и характерные душевные признаки вырожденія; послѣдніе можно очень легко отыскать во всѣхъ произведеніяхъ вырождающихся». Затѣмъ остается только выставить эти «найденные наукой» признаки и постараться констатировать ихъ въ созданіяхъ современныхъ поэтовъ и художниковъ. Максъ Нордау такъ и поступаетъ. Но, по мѣрѣ чтенія его книги, вы не только убѣждаетесь, что гр. Толстой, Зола, Вагнеръ, Суинбернъ, Готье, Флоберъ, Бодлеръ, Ибсенъ, Шопенгауэръ, Ницше и т. д. несомнѣнные вырождающіеся, но что весь міръ, всѣ ваши знакомые (и вы сами въ томъ числѣ) носятъ слѣды несомнѣннаго тупоумія и идіотизма. Въ этомъ громадномъ сумасшедшемъ домѣ только нѣсколько психіатровъ остаются внѣ подозрѣнія... но нѣтъ, слѣдуя методу Макса Нордау, вы постепенно открываете и въ нихъ зловѣщіе признаки. Многіе критики указывали уже автору, что, къ сожалѣнію, и онъ самъ долженъ быть зачисленъ въ группу «маттоидовъ» или «графомановъ». Понятно, какимъ презрѣніемъ отвѣчаетъ онъ имъ на это. Но такого рода заключеніе неотразимо является каждому читателю книги д-ра Нордау. Пользуясь его способомъ констатировать помѣшательство, можно легко доказать, что самъ онъ одержимъ «хорошо извѣстною психіатрамъ» болѣзнью—ma blasphematoria или «ругательнымъ помѣшательствомъ». Если же онъ не гласится съ этимъ, то вся система его падаетъ и книга *Entartung* тается злымъ и остроумнымъ памфлетомъ на современность—не бо Charles Dana защищаетъ многихъ знаменитостей отъ нападокъ Нордау полагаетъ, что заслуга послѣдняго состоитъ въ установленіи метода, средствомъ котораго мы можемъ разобраться въ нашихъ впечатлѣні

отъ произведеній искусства. Мнѣ кажется, напротивъ, что д-ръ Максъ Нордау учитъ насъ, какъ *не надо* подходить къ произведеніямъ искусства. Въ сущности, «методъ» его сводится къ тому, чтобы клеймить именемъ «вырождающагося» всякаго художника, не симпатичнаго критику. А за доказательствами дѣло не станетъ: «признаковъ» такъ много, что ихъ хватитъ на всякаго. Дѣло только въ томъ, чтобы пріискать въ клиническихъ лекціяхъ Солье, Фере или Маньяна какую-нибудь особенность завѣдомо больного субъекта, открыть ее у даннаго писателя или художника, приклеить къ нему этикетку вырождающагося и сдать его въ сумасшедшій домъ. Но я охотно уступаю мѣсто спеціалисту; вотъ что говоритъ по поводу этого психіатръ д-ръ Вильямъ Гиршъ, книга котораго (*Геніальность и вырожденіе*) только что вышла въ русскомъ переводѣ: «Разумѣется, Нордау находитъ у своихъ умственно-расшатанныхъ современниковъ всѣ симптомы вырожденія, описанные Морелемъ, Маньяномъ и др. Но именно та манера, съ которою онъ пользуется психіатрическими понятіями, изобличаетъ его полный диллетантизмъ. Всякій, имѣющій какую-либо коллекцію или собирающій старинные предметы, страдаетъ, по мнѣнію Нордау, оніоманіей (страстью къ покупкамъ). Кто интересуется какимъ-либо предметомъ больше, чѣмъ это разрѣшаетъ Нордау, страдаетъ навязчивыми представленіями. Кто пишетъ что-нибудь не нравящееся Нордау, тотъ графоманъ. Кто сочиняетъ любовную драму, тотъ эротоманъ. Кто задумывается надъ задачами, уже рѣшенными Нордау, тотъ страдаетъ маніей сомнѣнія. Это было бы все равно, какъ если бы мы стали приписывать легочную чахотку каждому, кто разъ случайно кашлянулъ». Но, въ такомъ случаѣ, что же собственно означаетъ «вырожденіе»? Имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ научнымъ понятіемъ, или это одна изъ тѣхъ «великихъ идей», которыхъ такъ много изготовляется за послѣднее время въ итальянскихъ психіатрическихъ клиникахъ? Людей неуравновѣшенныхъ каждый можетъ наблюдать въ жизни сколько угодно. Такія натуры были всегда: геніальные поэты всѣхъ временъ и народовъ оставили намъ цѣлую галлерею подобныхъ фигуръ. Въ современной окраскѣ еще недавно два нашихъ писателя пытались изобразить у своихъ героевъ такую дисгармонію душевныхъ способностей, доведенную почти до болѣзни. А. П. Чеховъ въ своемъ Лоевскомъ (*Дуэль*) и А. И. Эртель въ Мансуровѣ (*Смѣна*) подошли къ модному вопросу съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія, но на обоихъ нашихъ даровитыхъ беллетристовъ несомнѣнно повліяли современныя ученія о вырожденіи. Такимъ образомъ, для каждаго наблюдательнаго человѣка должно [illegible]ъ ясно, что существуетъ какой-то особый видъ психическаго разстрой[illegible], который проявляется въ самыхъ разнообразныхъ степеняхъ и фор[illegible]ъ и мало подходитъ къ понятію нашему о сумасшествіи. Каждый ре[illegible]окъ теперь знаетъ, что это—вырожденіе. Если же читатель, не посвя[illegible]нный въ тайны психіатріи, захочетъ уяснить себѣ это понятіе болѣе [illegible]но, то онъ натолкнется на непреоборимыя трудности. Въ опредѣленіи, [illegible]чемомъ творцомъ теоріи—Морелемъ, наслѣдственность играетъ видную

роль; этотъ ученый строитъ даже схему постепеннаго въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ развитія болѣзни. Психіатръ д-ръ Нордау, повидимому, находитъ возможнымъ обойтись и безъ этой подробности, устанавливая у цѣлаго ряда писателей діагнозъ «вырожденія» на основаніи симптомовъ, проявившихся въ ихъ произведеніяхъ; о предкахъ больныхъ онъ находитъ возможнымъ даже и не справляться. Напротивъ, психіатръ д-ръ Розенбахъ категорически заявляетъ: «для того, чтобы можно было извѣстный типъ назвать вырождающимся, *необходимо доказать*, что особенности его организаціи составляютъ проявленіе *наслѣдственной передачи* болѣзненныхъ отклоненій отъ нормы» (курсивъ мой). Психіатръ же д-ръ Гиршъ держится другого мнѣнія: онъ находитъ, что «если мы желаемъ удержать понятіе дегенераціи или вырожденія, то это возможно лишь при условіи, чтобы свести къ нему всѣ тѣ случаи, въ которыхъ дѣло идетъ о недостаточно-развитомъ или, такъ сказать, изувѣченномъ психическомъ организмѣ». Вырожденіемъ поэтому будетъ и всякое благопріобрѣтенное въ раннемъ возрастѣ разстройство психической дѣятельности. Если мы далѣе захотимъ уяснить себѣ, что же такое тотъ «нормальный типъ», о которомъ говоритъ г. Розенбахъ, то и здѣсь встрѣтимся съ такими же недоразумѣніями. «Ненормальность», «болѣзненность» выражается въ рядѣ симптомовъ, частью физическихъ (неправильное строеніе черепа, ассиметрія лица, торчащія уши и т. д., и т. д.), частью психическимъ; на послѣднихъ стоитъ нѣсколько остановиться. Вотъ важнѣйшіе изъ нихъ (по Маньяну): «страсть къ вопросамъ, болѣзнь сомнѣнія, боязнь острія, боязнь открытыхъ мѣстъ (агорафобія), боязнь закрытыхъ мѣстъ (клаустрофобія), запой (дипсоманія), неодолимое влеченіе къ ѣдѣ (ситіоманія), влеченіе къ поджигательству (пироманія), побужденіе къ воровству (клептоманія), страсть къ покупкамъ (оніоманія), болѣзненная любовь къ животнымъ (зоофиломанія), исканіе имени или слова (ономатоманія)» и т. д. Мы поймемъ, какова цѣна всѣмъ этимъ симптомамъ, когда наряду съ ихъ перечисленіемъ услышимъ изъ устъ психіатра, что «вырожденіе отличается отъ другихъ душевныхъ болѣзней именно нетипичностью проявленія и теченія его симптомовъ» (*Гиршъ*, ibid.). Конечно, тутъ дѣло вовсе не въ симптомахъ самихъ по себѣ, ибо «неодолимое влеченіе къ ѣдѣ», сколько мнѣ извѣстно, можно наблюдать у всякаго человѣка, дня два не принимавшаго пищи; съ другой стороны, «болѣзнь сомнѣнія», по моему, очень хорошая вещь и человѣчество многимъ ей обязано. Стало быть, весь вопросъ въ степени, что̀ теоретически признается, конечно, и самимъ Нордау (см. его статью *Society's Protection against Degenerates. Forum*, J[illegible] А если такъ, то мы снова приходимъ просто къ неуравновѣшанности, [illegible] дисгармоніи душевныхъ способностей человѣка. Не мое дѣло разсужд[illegible] *какъ* опредѣлять ее въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но во имя [illegible]гики и здраваго смысла я могу предостеречь читателя отъ преждеѣ[illegible]менныхъ выводовъ изъ этого темнаго еще и неопредѣленнаго науч[illegible] понятія. Черезъ-чуръ ярые жрецы новаго ученія, подходя къ жизнен[illegible]

вопросамъ съ шаткими и едва намѣченными научными положеніями, каждую минуту противорѣчатъ сами себѣ и другъ другу; ихъ не спасаетъ отъ смѣшныхъ положеній даже «важная тога науки» и профессорское званіе. Но довольно о вырожденіи! Вернемся къ нашей иллюстраціи въ *Pall Mall Magasine*. Говорятъ: «лѣсъ рубятъ — щепки летятъ». Ни одинъ шагъ по пути прогресса не обходится человѣчеству даромъ. Эволюція соціальныхъ отношеній въ своемъ постоянномъ, неуклонномъ, хотя и медленномъ движеніи впередъ отбрасываетъ въ обѣ стороны негодные. продукты цивилизаціи: со сцены одинаково сходятъ, какъ разслабленные мистики во вкусѣ Леона Плошовскаго (*Безъ догмата* Сенкевича), такъ и несчастные герои *l'Assomoir'a* Зола. Но между пропойцами, съ одной стороны, и великосвѣтскими мистиками, съ другой — живутъ и дѣйствуютъ здоровые люди. Пытаясь наладить свои отношенія и серьезно изучая исторію послѣднихъ, они мало-по-малу убѣждаются, что золотой вѣкъ у нихъ вовсе не позади, а впереди; начинаютъ вѣрить въ постепенный прогрессъ человѣчества и сознательно работать для скорѣйшаго достиженія своихъ идеаловъ въ будущемъ. «Изъ различныхъ искаженій истины воображеніемъ, — говоритъ Бокль,—нѣтъ ни одного, который бы сдѣлалъ такъ много вреда, какъ преувеличенное уваженіе къ прошедшимъ временамъ. Это благоговѣніе къ древности противно всякому здравому смыслу,—это не болѣе, какъ избытокъ поэтическаго влеченія ко всему отдаленному и неизвѣстному». Говоря такимъ образомъ, Бокль, конечно, имѣлъ въ виду преимуществено прогрессъ идейный, движеніе впередъ науки, развитіе промышленности и торговли,— словомъ, прогрессъ накопленія. При такой постановкѣ вопроса, кажется, не должно бы быть двухъ мнѣній: въ послѣднемъ столѣтіи мы дѣйствительно далеко ушли впередъ по этому пути. Но понятно само собою, что и въ этой области прогрессъ не можетъ быть изображенъ прямою линіей: человѣчество пользуется только частью плодовъ каждаго прогрессивнаго движенія, потому что остальная часть гибнетъ въ волнахъ реакціи. Эту элементарную мысль берется *доказать* проф. Ломброзо, что онъ и выполняетъ въ статьѣ *Atavism and Evolution* (*Contemporary Review*, July) слѣдующимъ образомъ. Самыми прогрессивными народами туринскій профессоръ считаетъ евреевъ, англичанъ и американцевъ. Но во многихъ отношеніяхъ всѣ эти три націи очень консервативны и мы находимъ въ ихъ установленіяхъ и обычаяхъ много «переживаній», за которыя они, однако, крѣпко держатся. Что касается всего человѣчества, то оно, вообще говоря, не далеко ушло впередъ. Такъ, наприм., исторія убѣждаетъ насъ, что самыя ...менитыя усовершенствованія наши въ области политики часто предпри...мались и столь же часто оставлялись древними народами (Марсель еще XIV ст. предлагалъ (sic) ввести во Франціи единообразіе админи...ація, распространить на всѣхъ подданныхъ политическія права, пере...ъ верховную власть народу и установить пропорціональное, прогрессив... обложеніе). Мы гордимся нашимъ нравственнымъ превосходствомъ ...ъ предками, но нами утеряны обычаи гостепріимства, чувства полити-

ческаго и религіознаго альтруизма» (?). Въ области открытій и изобрѣтеній мы будто бы только повторяемъ себя. Такъ, явленія гипнотизма и спиритизма были извѣстны уже древнимъ. Римляне пользовались громоотводами и рыли артезіанскіе колодцы даже въ Сахарѣ. Въ 1662 г. Франція обладала уже омнибусами. Гомеопатія давнымъ-давно извѣстна. Греки знали секретъ приготовленія шерстяныхъ или льняныхъ кирасъ, непроницаемыхъ для самыхъ острыхъ кинжаловъ, и т. д., и т. д. Вообще все это, по мнѣнію Ломброзо, доказываетъ, что человѣчество постоянно возвращается назадъ. Въ одномъ мы прогрессируемъ, въ другомъ регрессируемъ. Такъ, наприм., «мы, несомнѣнно, выиграли въ развитіи мозга и отдѣленіи отъ руки большого пальца, но за то мы потеряли цѣлый органъ—хвостъ, нѣсколько позвонковъ и волосы, которые служатъ естественною одеждой четвероногимъ». Можетъ быть, этихъ доказательствъ недостаточно? Въ такомъ случаѣ, проф. Ломброзо можетъ представить еще и слѣдующія соображенія, которыя удивительно слышать изъ устъ современнаго ученаго: «Быстро накопляются факты, показывающіе, что если мы путемъ усвоенія рѣчи и алфавита и пріобрѣли много вѣтвей знанія, которыя чужды варварскимъ расамъ, то, съ другой стороны, мы лишились, въ то же время, многихъ цѣнныхъ способностей, которыми владѣли нѣкоторые представители нецивилизованныхъ народовъ; таковы были, наприм., пророчицы, маги, факиры, обладавшіе по временамъ предчувствіемъ будущаго, хотя и не совершеннымъ; они, несомнѣнно, могли видѣть на большихъ разстояніяхъ, причемъ непрозрачныя тѣла не служили для этого препятствіемъ, наконецъ, они читали мысли,— все это явленія, которыя встрѣчаются теперь въ формѣ гипнотизма или спиритизма только какъ искусственныя переживанія—у особъ истеричныхъ и ненормальныхъ». Несмотря на всѣ эти обстоятельства, самъ проф. Ломброзо сознаетъ, что мы, все-таки, прогрессируемъ. Иначе думаетъ Фердинандъ Брюнетьеръ, все еще продолжающій свой походъ противъ науки на страницахъ *Revue des Deux Mondes* (1 mai — *La moralité de la doctrine évolutive*). «Что мы движемся—это вѣрно,—говоритъ онъ,—но идемъ ли впередъ—вотъ въ чемъ вопросъ». Здѣсь, правда, имѣется въ виду уже не накопленіе, а эволюція человѣческихъ отношеній, ростъ индивидуальнаго счастья,—словомъ, прогрессъ справедливаго распредѣленія. Конечно, это вопросъ болѣе сложный. Мнѣ кажется, что его всегда будутъ рѣшать различно—въ зависимости отъ точки зрѣнія, избранной изслѣдователемъ. Если мы начнемъ съ разсмотрѣнія бѣдствій современныхъ рабочихъ (какъ дѣлаетъ Брюнетьеръ) и станемъ равнивать положеніе послѣднихъ со счастливою жизнью крестьянина добраго стараго времени, то, конечно, придемъ къ самымъ пессимистическимъ выводамъ. Но слѣдовало бы начинать сравненіе изображеніе ужасовъ среднихъ вѣковъ и тогда участь даже рудокоповъ Кармо явится въ смягченномъ видѣ. Къ сожалѣнію, такихъ попытокъ мало. О части пути этому слѣдуетъ извѣстный американскій статистикъ Карро Райтъ (Carroll Wright) въ статьѣ, помѣщенной имъ въ майской книжкѣ *Forum'a;* но сравненіе выходитъ не особенно ярко, такъ какъ эп

ха, для него избранная, слишкомъ близка къ намъ. Авторъ интересуется именно ростомъ правильнаго распредѣленія и приходитъ къ самымъ оптимистическимъ выводамъ. «Пауперизмъ,—говоритъ онъ,—существовалъ всегда: безработица, голодъ, нищета и преступленіе встрѣчались въ прежнее время такъ же часто, какъ и теперь. Мы до сихъ поръ переживаемъ кризисъ, созданный изобрѣтеніемъ машинъ, и до сихъ поръ не вполнѣ еще освоились съ новымъ режимомъ. Поэтому, для сравненія съ современнымъ положеніемъ дѣлъ, правильнѣе всего было бы брать такіе историческіе періоды, когда развитіе промышленности пріостанавливалось, благодаря какимъ-нибудь крутымъ внѣшнимъ вліяніямъ». Но нашъ авторъ избѣгаетъ такого отношенія къ вопросу. Онъ приводитъ нѣсколько историческихъ свидѣтельствъ изъ недалекаго прошлаго, не отмѣченнаго никакими народными бѣдствіями. Первое изъ нихъ (*Разсужденіе о колонизаціи на Западѣ*) относится къ 1584 г. и принадлежитъ перу англичанина Ричарда Гэклуйта (R. Hakluyt); здѣсь, между прочимъ, читаемъ: «Правда въ томъ, что, благодаря долгому миру и рѣдкимъ болѣзнямъ... народонаселеніе нашей страны стало многочисленнѣе, чѣмъ когда-либо; поэтому число людей всякихъ профессій возросло до такой степени, что всѣмъ имъ трудно ужиться вмѣстѣ и они готовы даже пожрать другъ друга». Благодаря этому, увеличивается неустойчивый элементъ въ государствѣ, безработные ложатся тяжелымъ бременемъ на общество, а тюрьмы наполняются всякаго рода преступниками. Другое свидѣтельство относится къ 1629 году (оставлено Джономъ Уинтропомъ). «Эта страна (Англія),—говоритъ онъ, между прочимъ,—начинаетъ тяготиться своими жителями, такъ что человѣкъ, самое драгоцѣнное изъ всѣхъ твореній, цѣнится здѣсь меньше, чѣмъ земля, по которой мы ходимъ, и стоитъ дешевле, чѣмъ лошадь или баранъ». Наконецъ, вотъ отрывокъ изъ описанія Англіи въ концѣ XVII ст., сдѣланнаго Вильямомъ Петти въ его *Политической ариѳметикѣ*: «Доходы съ земель по большей части пали; поэтому (и по многимъ другимъ причинамъ) все королевство съ каждымъ днемъ становится бѣднѣе и бѣднѣе; прежде у насъ было много золота, теперь и золото, и серебро — въ рѣдкость. Ни торговли, ни дѣла для народа не существуетъ, а, между тѣмъ, страна перенаселена, а налоги тяжелы и многочисленны»... Если мы, съ другой стороны, обратимся къ статистическимъ даннымъ за послѣднія 30 лѣтъ, то увидимъ, что въ Америкѣ, наприм., гдѣ капитализмъ распустился пышнымъ цвѣтомъ, замѣтенъ, однако, медленный, но постоянный ростъ достаточныхъ классовъ. Такъ, въ 1860 г. прибыльными профессіями заняты были 26,19% всего населенія (в томъ числѣ дѣтей и женщинъ), въ 1870 г.—32,43%; въ 1880 г.—34 ‚8%; въ 1890 г.—36,31% (*Forum*, May, стр. 306—307). Понятно само со ..., что эти цифры (какъ и остальныя данныя статьи К. Райта), взятыя ос някомъ, еще ровно ничего не доказываютъ; мало убѣдительны и истори .скія свидѣтельства, приведенныя выше. Никакихъ положительныхъ закл ченій изъ этихъ случайныхъ данныхъ я не взялся бы дѣлать. Но ци пvемая работа доказываетъ, что вопросъ объ эволюціи правильнаго

распредѣленія вовсе не можетъ считаться рѣшеннымъ въ пессимистическомъ смыслѣ: она намѣчаетъ путь, слѣдуя которому будущіе изслѣдователи рабочаго вопроса могутъ добыть для насъ неожиданныя и интересныя данныя. Но есть другая сторона статьи Райта, на которую я хочу обратить вниманіе читателя. Въ ней мимоходомъ затронутъ одинъ изъ величайшихъ вопросовъ нашего времени. «Альтруистическое чувство, — говоритъ американскій ученый, — выросло среди представителей интеллигенціи, благодаря чему улучшилось положеніе меньшей братіи». Конечно, здѣсь рѣчь идетъ не о томъ рыхломъ чувствѣ, которое толкаетъ замоскворѣцкую купчиху одѣлять мѣдяками собравшихся на паперти нищихъ; авторъ имѣетъ въ виду ростъ *сознательнаго альтруизма*. Послѣдній призванъ не уничтожить въ корень эгоистическія побужденія человѣка (какъ думаетъ Брюнетьеръ), а, напротивъ, дать наивысшее содержаніе эгоизму, пріучивъ каждаго къ мысли, что счастье отдѣльнаго индивида находится въ тѣсной зависимости отъ процвѣтанія всего общества. Можетъ быть, Брюнетьеръ правъ въ томъ, что прогрессъ научный и промышленный стоилъ обществу черезъ-чуръ дорого; развитіе капитализма, напримѣръ, обгоняетъ ростъ справедливаго распредѣленія; но, вѣдь, только *добравшись до извѣстной* ступени цивилизаціи, могли мы оглянуться внизъ, измѣрить пройденное пространство и помочь тѣмъ,

„Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ“.

Въ этомъ сознаніи своего долга народу заключается истинный прогрессъ нашего времени. Мы вовсе не думаемъ отказываться отъ пріобрѣтеній, стоившихъ столькихъ жертвъ и страданій,—это значило бы зарыть свой талантъ въ землю; напротивъ, вооруженные всѣмъ, что можетъ дать современная наука и техника, мы спустимся внизъ и попытаемся облегчить страданія, скрасить мрачную дѣйствительность «отщепенцамъ» современной цивилизаціи. Каждый наблюдательный человѣкъ согласится, что такое движеніе существуетъ и ростетъ въ нѣкоторыхъ слояхъ общества. Свое отраженіе нашло оно, конечно, и у насъ. Недавно вышедшая книга г. Кривенко (*На распутьи*) пытается собрать воедино скудныя печатныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ попыткахъ такого рода, имѣвшихъ мѣсто въ нашемъ отечествѣ. Но какъ тусклы, блѣдны и разрозненны усилія нашего общества по сравненію съ тѣмъ, что дѣлается въ этомъ направленіи въ Англіи и Америкѣ! Припомнимъ въ самыхъ общихъ чертахъ относящіеся сюда фа[illegible]ы. Въ маѣ 1887 г. въ бѣднѣйшей части Лондона былъ открытъ «Народный [illegible]о-рецъ». Устройство его стоило болѣе милліона рублей, собранныхъ по [illegible]д-пискѣ. Это обширное учрежденіе поставило себѣ три задачи: 1) дос[illegible]ть народу тѣ развлеченія, которыми пользовались раньше только люди [illegible]а-тые; 2) способствовать народному образованію (преимущественно те[illegible]е-скому) и 3) содѣйствовать сближенію между собой разрозненныхъ [illegible]

дыхъ другъ другу рабочихъ. Первая цѣль преслѣдуется устройствомъ постоянныхъ концертовъ, выставокъ и всевозможныхъ празднествъ въ главной залѣ «дворца», вмѣщающей 2,500 человѣкъ. Образовательныя цѣли достигаются частью обученіемъ малолѣтнихъ въ особомъ техническомъ училищѣ, частью же вечерними занятіями для взрослыхъ—по всевозможнымъ отраслямъ науки, искусства и техники. Особенный успѣхъ среди народа имѣли именно эти вечерніе курсы: въ первый же годъ число слушателей дошло до 3,716 лицъ обоего пола. Наконецъ, сближенію между собой народа содѣйствуютъ многочисленные клубы, состоящіе при дворцѣ, частыя вечеринки, всевозможныя собранія, балы и т. д., и т. д. Чтобы пользоваться всѣми перечисленными благами, нужно записаться въ число членовъ съ ежегоднымъ взносомъ—для мужчинъ 5 р. и для женщинъ 2 р. 50 к. Но множество увеселеній (концерты, выставки) «Народный дворецъ» предлагаетъ и посторонней публикѣ—или просто даромъ, или за ничтожную входную плату. Какимъ успѣхомъ пользуется это учрежденіе, видно изъ того, что число его членовъ давно уже перешло за 5,000; мало того, кромѣ этихъ постоянныхъ членовъ и учащихся, «дворецъ» въ первый же годъ своего существованія принялъ въ своихъ стѣнахъ полтора милліона посѣтителей. На ряду съ этимъ оригинальнымъ установленіемъ въ той же части города процвѣтаетъ еще болѣе любопытное учрежденіе: читатель догадывается, конечно, что рѣчь идетъ о Тойнби-Голлѣ. Въ 1883 г. умеръ одинъ изъ тьюторовъ (приватъ-доцентъ) Оксфордскаго университета Арнольдъ Тойнби. Вся его краткая жизнь посвящена была проповѣди любви къ ближнимъ и помощи беднякамъ. Его друзья рѣшились увѣковѣчить его память и пошли по начертанному имъ пути далѣе, чѣмъ шелъ онъ самъ. Такимъ образомъ, въ бѣднѣйшей, восточной части Лондона возникло «университетское поселеніе». Въ сущности, Тойнби-Голль представляетъ изъ себя современный культурный монастырь, гдѣ окончившая въ Оксфордѣ и Кембриджѣ молодежь пытается «засыпать соціальную пропасть» между богатыми и бѣдными. «Резиденты» (члены) этого учрежденія поселяются въ особомъ величественномъ зданіи, построенномъ среди жалкихъ жилищъ бѣдняковъ, сами оплачиваютъ свое содержаніе и отдаютъ все свое время и всѣ силы на смягченіе участи окружающихъ «меньшихъ братьевъ». Предпріятіе это имѣло огромный успѣхъ и по образцу его устроилось уже нѣсколько новыхъ поселеній въ разныхъ частяхъ Лондона (въ томъ числѣ одно женское). Мало того, одинъ изъ резидентовъ Тойнби-Голля переплылъ въ Америку и не только основалъ тамъ (въ Нью-Йоркѣ) подобное же «университетское поселеніе», но испробовалъ еще новый видъ помощи рабочимъ: онъ устроилъ тамъ такъ называемыя «сосѣдскія гильдіи», которыя за послѣднее время все болѣе и болѣе прививаются среди рабочихъ Америки и Англіи. Это—товарищества, состоящія изъ многихъ семей (до 1[illegible]), соединяющихся для того, чтобы вмѣстѣ бороться съ нуждою, болѣзн[illegible] и неправосудіемъ; «гильдіи» не только оказываютъ матеріальную и нравственную поддержку своимъ членамъ, но стремятся сообща скрасить

мрачную жизнь бѣдняковъ-сотоварищей, доставляя имъ цѣлый рядъ удовольствій, недоступныхъ отдѣльнымъ рабочимъ. Не имѣя возможности останавливаться на всѣхъ подобныхъ предпріятіяхъ, скажу еще только нѣсколько словъ о результатахъ движенія, «цѣль котораго заключается въ томъ, чтобы привести университетъ къ народу, если народъ не можетъ придти къ университету». Это движеніе началось еще въ семидесятыхъ годахъ и направлено было на распространеніе высшаго образованія среди занятаго рабочаго люда. Въ Америкѣ оно выразилось въ учрежденіи «Чотокуайскаго научно-литературнаго кружка» *), а въ Англіи въ созданіи цѣлой цѣпи филіальныхъ отдѣленій Кембриджскаго и Оксфордскаго университетовъ, распространившихся по всей странѣ и дающихъ рабочимъ возможность въ свободное для нихъ время ознакомиться съ популярными лекціями по главнымъ отраслямъ знанія. Вотъ цифровыя данныя, свидѣтельствующія о томъ, что сдѣлано этимъ движеніемъ. Въ 1889—90 гг. въ 150 городахъ читалось 377 различныхъ курсовъ, которые слушались 42,312 студентами обоего пола; всѣхъ слушателей за 18 лѣтъ движенія было не менѣе 200,000 человѣкъ. При этомъ знанія, вынесенныя изъ этихъ курсовъ, не только не ниже, но часто даже выше тѣхъ, которыя обнаруживаются студентами Оксфорда и Кембриджа на соотвѣтствующихъ экзаменахъ.

Напомнивъ читателю эти факты, я могу перейти къ сообщенію о новыхъ попыткахъ въ томъ же направленіи, имѣвшихъ мѣсто въ Америкѣ. Въ іюльскомъ *Forum*'ѣ находимъ интересную статью, посвященную этому вопросу. Она состоитъ изъ трехъ частей, написанныхъ лицами, стоящими близко къ дѣлу. Первая изъ нихъ принадлежитъ перу Гэмлина-Гарлэнда, довольно извѣстнаго американскаго беллетриста и предсѣдателя «Центральнаго художественнаго общества», которое, по его мнѣнію, «сдѣлаетъ для искусства то же, что для высшаго образованія сдѣлали народные университеты». «Почти въ каждомъ городѣ,—такъ начинаетъ свою статью м-ръ Гарлэндъ,—пріютомъ для литературныхъ произведеній служитъ публичная библіотека, часто весьма внушительная, какъ по внѣшнему виду, такъ и по количеству находящихся въ ней книгъ; нѣтъ ни одного города безъ театра, въ которомъ современная драма (какова бы она сама по себѣ ни была) не нашла себѣ пристанища; между тѣмъ, многіе наши города—не только маленькіе, но и большіе—обходятся безъ общественныхъ музеевъ живописи и ваянія». Вслѣдствіе этого художественный вкусъ народныхъ массъ остается совершенно неразвитымъ. И что бы ни дѣлали для борьбы съ такимъ зломъ разные кружки и клубы, дѣло весьма мало по[дви]гается впередъ: изученіе исторіи и теоріи искусства не ведетъ ни къ [...]у

*) Въ августовскомъ *Nineteenth Century* имѣется статья, посвященная [...] движенію въ Америкѣ (*University Extension in America*), а въ августовскомъ *For*[*um*] проф. Альбертъ Кукъ довольно подробно сообщаетъ намъ объ устройствѣ и зада[чахъ] оригинальнаго народнаго университета въ Чотокуа (штатъ Нью-Йоркъ) (*Chautau*[*qua*]: *Its Aims and Influence*).

безъ знакомства съ художественными образцами. Съ другой стороны, именно американскому художнику приходится рѣдко сталкиваться лицомъ къ лицу съ американскою публикой, а отъ этого обстоятельства теряютъ, конечно, обѣ стороны. Между тѣмъ, «простой народъ—и въ особенности женщины—стремятся получить свою долю наслажденія, даваемаго знакомствомъ съ лучшими произведеніями искусства». Эти соображенія вызвали къ жизни годъ тому назадъ «Центральное американское художественное общество». Его девизъ: «поощреніе произведеній истиннаго искусства и распространеніе ихъ среди народныхъ массъ». Этимъ девизомъ опредѣляется дѣятельность общества. Оно издаетъ дешевыя книги по художественнымъ вопросамъ; устраиваетъ отдѣльныя лекціи и цѣлые курсы, читаемые спеціалистами; его «критическое бюро» оцѣниваетъ произведенія молодыхъ художниковъ и аранжируетъ спеціальныя выставки для ознакомленія съ ними публики. Но, главнымъ образомъ, дѣятельность общества была пока сосредоточена на устройствѣ передвижныхъ выставокъ. Каждый городъ, имѣющій хотя бы и небольшой кружокъ художественнаго самообразованія (а такіе кружки существуютъ почти во всѣхъ городахъ Америки), можетъ обратиться въ общество съ просьбою устроить передвижную выставку. Городъ оплачиваетъ только пересылку картинъ и статуй, страхуетъ ихъ и отводитъ для нихъ помѣщеніе. Такимъ образомъ, расходы по выставкѣ доведены до минимума (выставка 150 холстовъ обошлась, наприм., городу Дженсвиллю всего 150 р.). При картинахъ посылается человѣкъ, умѣющій размѣстить ихъ, а по особому заявленію города, и лекторъ-спеціалистъ. Благодаря такому устройству, небольшой городъ въ 10 тыс. жителей можетъ свободно устраивать въ годъ четыре художественныя выставки. Опыты въ этомъ родѣ были такъ удачны, что въ нѣкоторыхъ глухихъ городкахъ уже поднятъ вопросъ о постройкѣ постоянныхъ зданій для выставокъ или устройствѣ въ публичныхъ библіотекахъ особыхъ художественныхъ отдѣленій. Общество существуетъ всего 6 мѣсяцевъ. Свою дѣятельность оно начало безъ всякихъ средствъ и поддерживается лишь пожертвованіями и членскими взносами. Но оно успѣло уже многое сдѣлать, привлекло къ себѣ общія симпатіи публики и дальнѣйшее процвѣтаніе его обезпечено.

Еще интереснѣе статья м-ра Бернхейма, дающая отчетъ о выставкахъ картинъ, устроенныхъ для рабочаго люда въ нижнемъ Нью-Йоркѣ. Этотъ громадный городъ съ 1.700,000 жителей рѣзко дѣлится Четырнадцатою улицей на двѣ части—сѣверную (новую) и южную (старую). Болѣе трети н еленія скучено въ старомъ городѣ (150,000 чел. на кв. милю) и польз тся сравнительно малыми удобствами и развлеченіями (такъ, наприм., з сь имѣется всего 50 акровъ публичныхъ садовъ). Остальные, болѣе состоятельные жители заселяютъ новую часть города (всего 30,000 чел. на в милю) и пользуются всѣми современными удобствами (здѣсь 5,000 акр ъ занято общественными парками). Само собою разумѣется, что всѣ библ теки и музеи сосредоточены въ новой, богатѣйшей части города, чѣмъ

рабочему люду затруднено пользованіе ими; такъ, наприм., бѣднякамъ нижняго Нью-Йорка надо употребить два часа на путешествіе въ городскіе музеи и обойдется ему это удовольствіе около 20 к. на каждаго члена семьи. Словомъ, эта вторая половина столицы Соединенныхъ Штатовъ находится въ такомъ же положеніи, какъ и бѣднѣйшіе (восточные) кварталы Лондона. Между тѣмъ, въ послѣднихъ извѣстные уже намъ «резиденты» Тойнби-Голля устроили съ громаднымъ успѣхомъ выставку картинъ, которую за четыре недѣли ея существованія посѣтили 50,000 человѣкъ. М-ръ Бернхеймъ, казначей и одинъ изъ основателей «нью-йоркскаго университетскаго поселенія» (цѣль котораго «сблизить образованныхъ мужчинъ и женщинъ съ рабочими классами—ко взаимной пользѣ тѣхъ и другихъ»), присутствовалъ на этой выставкѣ и рѣшился сдѣлать нѣчто подобное въ своемъ родномъ городѣ. Однако, это предпріятіе вызывало многія опасенія. Интересуется ли населеніе нижняго Нью-Йорка искусствомъ? Явятся ли вообще рабочіе на выставку и станутъ ли посѣщать ее по нѣскольку разъ? Какъ отнесутся они къ этой «забавѣ богачей»? Три выставки, устроенныя въ бѣднѣйшей части Нью-Йорка, дали отвѣтъ на всѣ эти вопросы. Первая изъ нихъ (66 картинъ, нѣсколько акварелей и около 20 этюдовъ) была открыта лѣтомъ 1892 года и продолжалась 41 день. Посѣтителей было 36,095 чел., въ среднемъ 880 чел. въ день. Вторая выставка (107 картинъ, нѣсколько статуй и этюдовъ) просуществовала 6 недѣль (съ 17 іюня по 29 іюля). Помѣщеніе было крайне неудобно и тѣсно, жара все время стояла исключительная, и, тѣмъ не менѣе, выставку посѣтило 56,659 чел. Въ слѣдующемъ (1894) году промышленный кризисъ и безработица помѣшали всякимъ народнымъ увеселеніямъ. Наконецъ, въ 1895 г. открылась 7 мая третья выставка, состоявшая изъ 123 картинъ; за 33 дня ее посѣтило 105,696 чел., въ среднемъ—3,202 ежедневно (были дни съ 7,244 посѣтителями). Но понимала ли что-нибудь въ искусствѣ вся эта масса народа? Устроители прежде всего интересовались этимъ вопросомъ. Помимо тѣхъ разъясненій, которыя давались публикѣ, они рѣшили освѣдомляться у всѣхъ посѣтителей о впечатлѣніи, произведенномъ на нихъ картинами. Отвѣты, въ большинствѣ случаевъ, были вполнѣ осмысленные. Ландшафтъ не пользовался особымъ успѣхомъ: толпѣ нравились больше драматическіе сюжеты. Особенно пренебрежительно отнеслась публика къ импрессіонизму. По поводу одной картины, носившей яркіе слѣды принадлежности къ этой школѣ, рабочій, на предложенный ему вопросъ, замѣтилъ: «Это не картина, а мазня». При третьей выставкѣ былъ устроенъ курсъ лекцій по вопросамъ, касающимся искусства. Большія опасенія въ средѣ устроителей возбуждали соціалисты-вожди рабочихъ, относившіеся сначала очень недружелюбно къ этимъ «подачкамъ богачей»... Но потомъ все обошлось благополучно и изо дня въ день можно было видѣть на выставкѣ этихъ джентльменовъ во главѣ толпы рабочихъ, которымъ они старательно разъясняли сюжеты и художественныя достоинства отдѣльныхъ произведеній.

Третья статья принадлежитъ перу миссъ Джэнъ Аддамсъ, основатель-

ницы «Женскаго клуба» въ Чикаго, который, по словамъ редакціи *Forum*'а, «въ дѣлѣ просвѣщенія народныхъ массъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ полезныхъ и самыхъ славныхъ въ мірѣ учрежденій». Авторъ касается дѣятельности «Клуба» и его резидентокъ только въ области *художественнаго* просвѣщенія, а потому мы не можемъ, къ сожалѣнію, познакомиться въ подробностяхъ съ этимъ любопытнымъ установленіемъ. Среди другихъ занятій «клубъ» нашелъ нужнымъ развивать вкусъ простого народа и пріучать его находить отраду и утѣшеніе въ искусствѣ. Одна изъ основательницъ (миссъ Старръ) настояла на томъ, чтобы стѣны «клуба» были увѣшаны тщательно выбранными художественными произведеніями. Она прочла для желающихъ курсъ исторіи искусства, который сопровождался обильными демонстраціями снимковъ съ тѣхъ оригиналовъ, о которыхъ шла рѣчь. При клубѣ существуетъ коллекція гравюръ, копій и фотографій, которыя выдаются желающимъ на домъ; черезъ двѣ недѣли картины должны быть предъявлены къ обмѣну, но могутъ быть выданы тому же лицу на новый срокъ. По инициативѣ «клуба» создалось особое общество для снабженія городскихъ школъ картинами. Наконецъ, въ зданіи клуба устроено было уже восемь картинныхъ выставокъ, причемъ главная забота резидентокъ сводилась къ тому, чтобы показать народу картины, въ которыхъ извѣстный «подъемъ духа» соединяется съ совершенствомъ выполненія.

Кажется, этихъ фактовъ достаточно. Они несомнѣнно доказываютъ, что лучшая часть интеллигенціи пришла, наконецъ, къ сознанію своего долга народу и пытается возвратить его. Такимъ образомъ, мы видимъ, что изъ нѣдръ современной цивилизаціи вышло могучее движеніе, стремящееся залечить соціальныя раны и засыпать пропасть, существовавшую всегда между «контрастами», представленными намъ иллюстраціей *Pall Mall*'я. Это уже несомнѣнный прогрессъ, которымъ мы въ значительной степени обязаны людямъ науки: почти все движеніе вышло изъ стѣнъ университетовъ и находитъ себѣ поддержку въ содѣйствіи самыхъ знаменитыхъ ученыхъ Англіи и Америки. И скоро, быть можетъ, и та болѣзнь, которую современная наука называетъ «вырожденіемъ», будетъ доведена до минимума, благодаря именно этому движенію. Оно дастъ бѣдняку удовольствія, не имѣющія ничего общаго съ алкоголемъ, и, въ то же время, наполнитъ пустую жизнь скучающаго и отравляющаго себя разными ядами «интеллигента» величайшимъ изъ доступныхъ человѣку наслажденій — разумною дѣятельностью на пользу ближняго.

Т. Полнеръ.

Англійская пугачевщина *).

Свиданіе въ Майлендѣ.

Мы видѣли, что тѣснимый въ Тоуерѣ король согласился на свиданіе съ эссекскими ополченцами въ Майлендѣ. Оно воспослѣдовало въ пятницу на слѣдующій день послѣ праздника Corpus Christi. Король, по свидѣтельству Вольсингама, прибылъ съ небольшою свитой, запуганный и дрожащій, да и было отчего. Слухъ ходилъ, что вожаки крестьянъ намѣреваются овладѣть имъ, чтобы затѣмъ съ бо̀льшимъ успѣхомъ издавать приказы его именемъ **). Въ то время, какъ король бесѣдовалъ съ народными массами, ему неизвѣстенъ былъ еще печальный исходъ архіепископа и пріора госпиталійцевъ. Мятежникамъ можно было поставить въ вину только совершенные ими погромы и поджоги, да убійство, въ большинствѣ случаевъ, темныхъ или мало извѣстныхъ личностей.

Опасаясь худшаго, Ричардъ II, съ согласія своихъ совѣтниковъ, пообѣщалъ толпѣ прощеніе причиненныхъ ею насилій подъ условіемъ немедленнаго ихъ прекращенія. Крестьяне должны были разойтись по домамъ и ждать тамъ полученія королевскихъ грамотъ, обезпечивающихъ миръ и удовлетворяющихъ ходатайство объ отмѣнѣ крѣпостной зависимости. Лѣтописецъ Сентъ-Албанской обители не даетъ бо̀льшихъ подробностей о свида-

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

**) Вотъ по-моему то заключеніе, какое мы вправѣ сдѣлать изъ приводимаго эвесгамскимъ монахомъ сознанія Джака Стро, будто бы сдѣланнаго передъ казнью. Принять его за историческій фактъ такъ же трудно, какъ и повѣрить тому, что Боль передъ казнью назвалъ Виклефа и его послѣдователей главными виновниками крестьянскаго возстанія. Но каждое изъ обоихъ свидѣтельствъ отражаетъ на себѣ ве[illegible]а вѣрно тѣ представленія, какія владѣтельные классы дѣлали себѣ о тайныхъ за[illegible]с-лахъ народныхъ вожаковъ. Не мѣшаетъ сопоставить то, что говоритъ эвесга[illegible]ій монахъ, со словами Вольсингама о первомъ свиданіи кентскихъ ополченцевъ с[illegible]о-ролемъ. Я указалъ выше, что нѣтъ основанія полагаться на одностороннее с[illegible]ѣ-тельство Вольсингама и утверждать, что это свиданіе дѣйствительно имѣло мѣст[illegible]и, притомъ, въ той обстановкѣ, какая ему приписывается. Но цѣнно заявленіе лѣт[illegible]с-ца, что сопровождавшая короля свита не рѣшилась причалить, такъ какъ опаса[illegible]ь, что мятежники захватятъ Ричарда въ свои руки.

ніи и заканчиваетъ свой разсказъ словами, что эссекскія ополченія охотно выслушали эти заявленія, такъ какъ въ виду наступающихъ работъ по сѣнокосу и жатвѣ спѣшили вернуться домой къ женамъ и дѣтямъ *).

Рѣшено было, поэтому, удовлетворить требованію короля, оставивъ немногихъ изъ своей среды до момента выдачи обѣщанныхъ грамотъ. Иначе отнеслись къ сдѣланному предложенію кентскія банды, которыя сохранили занятыя ими позиціи въ теченіе всей слѣдующей ночи **).

Замѣчательно, что у Вольсингама не говорится прямо о личномъ присутствіи короля въ Майлендѣ, хотя въ послѣднемъ не можетъ быть сомнѣнія, въ виду встрѣчающихся о томъ упоминаній въ другихъ хроникахъ и потому, что въ показаніяхъ присяжныхъ говорится о лицахъ, встрѣтившихъ короля въ пятницу, около Ольдгета, ѣдущимъ на свиданіе. Въ отпечатанномъ Рилей отрывкѣ изъ недошедшей до насъ хроники,— отрывкѣ, найденномъ въ архивѣ Сити,—говорится, что король прибылъ изъ Тоуэра, сопровождаемый рыцарями, сквайрами и гражданами на коняхъ, что мать Ричарда вскорѣ послѣдовала за нимъ въ экипажѣ *). Дальнѣйшее свидѣтельство того же лѣтописца менѣе правдоподобно. «Уступая требованіямъ разъяренной толпы,— говоритъ онъ,— король дозволилъ личную расправу съ тѣми, кого она считала измѣнниками; убивать ихъ велѣно всюду, гдѣ удастся наложить на нихъ руку».

Въ этомъ разсказѣ наивно проглядываетъ нерасположеніе къ Ричарду, какъ будущему виновнику временной потери городомъ многихъ изъ его вольностей, высокаго обложенія гражданъ и остановки политической жизни націи на цѣлое десятилѣтіе.

Всего опредѣленнѣе высказывается о заявленныхъ въ Майлендѣ требованіяхъ монахъ Эвесгамской обители. Тогда какъ Кнайтонъ совершенно опускаетъ эпизодъ о свиданіи короля въ Майлендѣ и, смѣшивая происшедшее въ пятницу съ тѣмъ, что̀ имѣло мѣсто въ субботу, упоминаетъ только о свиданіи въ Смисфильдѣ и предъявленіи королю извѣстныхъ требованій Уотомъ Тейлоромъ,—Фруассаръ, собравшій свои свѣдѣнія на мѣстѣ отъ личныхъ свидѣтелей происшедшаго, весьма опредѣленно говоритъ о митингѣ въ Майлендѣ и даже приводитъ слова какъ назначенныхъ толпою уполномоченныхъ, такъ и самого короля. Придерживаясь этихъ двухъ разсказовъ эвесгамскаго монаха и французскаго лѣтописца,—разсказовъ, составленныхъ независимо другъ отъ друга и, въ то же время, весьма сходныхъ, можно возстановить въ слѣдующемъ видѣ обстановку личной встрѣчи короля съ общинами и самый ходъ переговоровъ. Майлендъ было мѣстомъ гулянья, ьма обширнымъ, но все же не достаточнымъ, чтобы включить всѣхъ .стниковъ движенія. Мы видѣли, что съ четверга въ немъ расположился ıвный корпусъ эссекскихъ ополченцевъ, тогда какъ кентскіе занимали экгисъ. Передъ Тоуэромъ дѣйствовали по преимуществу кентцы, но въ

) *Wolsingam*, т. I, стр. 462.

) См. *Riley*, стр. 449 и 450.

числѣ ведшихъ переговоры съ королемъ обвинительными актами присяжныхъ упоминается и лондонскій уроженецъ Томасъ Фарингдонъ *).

Какъ мы видѣли, часть бывшихъ передъ Тоуэромъ мятежниковъ осталась для производства кровавыхъ расправъ какъ въ самомъ замкѣ, такъ и въ окрестныхъ съ нимъ кварталахъ, и только немногіе отправились на Майлендъ для присутствія на обѣщанномъ свиданіи. Такимъ образомъ, въ большинствѣ оказались эссекскіе ополченцы. Повторившіеся на слѣдующій день личные переговоры короля въ Смисфильдѣ заставляютъ думать, что кентцы и эссекцы сохраняли большую или меньшую независимость въ своихъ рѣшеніяхъ, такъ что съ тѣми и другими пришлось толковать въ отдѣльности. Предводителя кентскихъ дружинъ, Уота Тейлора, мы не встрѣчаемъ на первомъ свиданіи; если онъ позволяетъ себѣ поставить королю новыя требованія, о которыхъ не было рѣчи въ Майлендѣ, то, очевидно, потому, что подчиненіе эссекцевъ волѣ короля не считалось обязательнымъ для кентцевъ, слабо представленныхъ на первомъ митингѣ. Сказанное объясняетъ намъ также, почему Уотъ Тейлоръ дѣйствительно выступилъ на этотъ разъ въ роли предводителя. Вольсингамъ опредѣленно говоритъ, что эссекцы ушли изъ Лондона, а остались одни только кентцы. Фруассаръ же опредѣляетъ и самое число послѣднихъ, упоминая о 30,000 человѣкъ, которые не послушались приказа разойтись по домамъ и продолжали пребывать въ столицѣ **).

И такъ, на ходатайства, заявленныя въ Майлендѣ, слѣдуетъ смотрѣть какъ на запросъ по преимуществу эссекскихъ уроженцевъ, къ которому кентцы имѣли многое что прибавить, не только отъ собственнаго имени, но и въ защиту интересовъ поддерживаемыхъ ими крестьянъ Сентъ-Албана. Имѣя все это въ виду, легче понять различіе и въ характерѣ заявленныхъ требованій, и въ пріемѣ, оказанномъ имъ королемъ. Въ пятницу Ричардъ II и его совѣтники имѣютъ еще передъ собой всю массу возставшихъ, которая, по оцѣнкѣ современниковъ, достигала цифры 100,000 человѣкъ, тогда какъ въ субботу налицо остаются только 30,000,— сила хотя и значительная, но съ которой все же легче было справиться организовавшемуся за послѣдніе два дня ополченію зажиточныхъ гражданъ. Не удивительно поэтому, если на первомъ свиданіи король обнаруживаетъ уступчивость, о которой нѣтъ болѣе и помину на второмъ, хотя, какъ мы сейчасъ увидимъ, въ Майлендѣ задѣты были, несомнѣнно, болѣе крупные интересы, чѣмъ тѣ, о которыхъ зашла рѣчь въ Смисфильдѣ. «Мы хотимъ, — заявляютъ уполномоченные эссекскихъ дружинъ въ той передачѣ, которая дана ихъ рѣчи

---

*) О немъ говорится въ показаніяхъ присяжныхъ Эссекса: fuit apud l. „Torhill die veneris proximo post festum C. Cr. 4. Ric. II et ibidem locutus fuit domino Rege ut donaret sibi titulum intrandi in quodam tenementum in London quod Ricardus Weston ei disseisiavit et dicit nisi dominus Rea vellet dare sibi titulum in eodem tenemento per hujus modi potentiam commitive predicto intrare ea auctoritate sua propria vellet". De termino Pasche 5. Ric. II. *Coram Rege Rolls*. C. Essex.

**) *Фруассаръ*, т. IX, стр. 406.

Фруассаромъ,—чтобы впредь и мы, и наше потомство, и наши земли считались свободными,— чтобы никто не относился къ намъ и не называлъ насъ крѣпостными». Къ этому желанію эвесгамскій монахъ *) присоединяетъ еще слѣдующее: «свободу торга въ городахъ, бургахъ, селахъ и на рынкахъ на протяженіи всей Англіи». Такое требованіе вполнѣ понятно со стороны лицъ, не мало терпѣвшихъ отъ того, что вся доставляемая въ городъ провизія должна была поступать на рынокъ, гдѣ ее обкладывали сборами въ пользу казны, и сдѣлки о продажѣ не могли, въ теченіе одного и того же дня, состояться иначе, какъ по цѣнѣ, установленной съ самаго начала. При запрещеніи оптовыхъ закупокъ и спекуляцій на разницу, при требованіи, чтобы цеховой, запасшійся матеріаломъ, превышающимъ размѣръ его нуждъ, уступилъ часть его любому изъ товарищей по той же цѣнѣ, терпѣли не одни капиталисты, но и крестьяне-производители, точно такъ же, какъ отъ возвышенія цѣнъ на предметы первой необходимости, благодаря рыночнымъ сборамъ, страдало большинство незажиточнаго гражданства. Понятно послѣ этого, что запросъ въ пользу свободы внутренняго рынка вышелъ изъ среды сельскаго люда и городской черни. Но требованіе, чтобы «подданные впредь были свободны покупать и продавать на протяженіи всего королевства» (таковы буквальныя выраженія лѣтописца), могло означать еще свободу всякаго рода сдѣлокъ, предметомъ которыхъ былъ личный трудъ крестьянина и рабочаго,—другими словами, отмѣну цеховыхъ и гильдейскихъ монополій, а также всего законодательства, которымъ, начиная съ черной смерти, правительство стремилось регулировать заработки сельскихъ и городскихъ наймитовъ. Если прибавить, что, согласно показаніямъ того же эвесгамскаго монаха, крестьяне въ Майлендѣ ходатайствовали одновременно, чтобы размѣръ платимыхъ сеньорамъ рентъ не превышалъ четырехъ динаріевъ съ акра, то не трудно будетъ заключить, что они боролись также съ тою стороной соціальнаго законодательства Эдуарда III, которая требовала сохраненія прежняго размѣра платежей за землю, несмотря на то, что съ моровою язвой число съемщиковъ значительно уменьшилось и что, поэтому, арендная плата естественно должна была пасть.

Ко всему этому уполномоченные присоединили еще просьбу о прощеніи всѣхъ совершенныхъ мятежниками дѣяній и объ обезпеченіи имъ мира и спокойствія. Они говорили королю, по свидѣтельству того же лѣтописца, что онъ плохо окруженъ и имѣетъ дурныхъ совѣтниковъ, что впредь сами они укажутъ ему, какъ онъ долженъ дѣйствовать. Принимать эти послѣдн[illegible]слова не за что другое, какъ за личную оцѣнку авторомъ только что изл[illegible]енныхъ требованій, было бы смѣшно, точно такъ же, какъ трудно приз[illegible]ть объективное значеніе за свидѣтельствомъ, что король, не зная, какъ у[illegible]ги отъ толпы, согласился на ея ходатайства и обѣщалъ выдачу патентн[illegible]ъ писемъ о свободѣ. Начать съ того, что эти патентныя письма вы-

---

*) Historia vitae et regni Ricardi, т. II, стр. 28.

даны были не сразу и удовлетворили далеко не всѣмъ требованіямъ, даруя одну амнистію и свободу отъ крѣпостной зависимости. Послѣдняя же настолько была подготовлена всѣмъ предшествующимъ ходомъ экономическаго развитія, тѣми многочисленными соглашеніями, которыя еще съ XIII вѣка перевели на деньги большинство крестьянскихъ службъ и повинностей, оставляя за помѣщикомъ только право выбора въ порядкѣ расплаты, что, если бы не послѣдовавшее за чумою вздорожаніе цѣнъ на трудъ, во второй половинѣ XIV столѣтія, осуществилось бы уже то фактическое вымираніе крѣпостного хозяйства, одинаково невыгоднаго для обѣихъ сторонъ, какое мы встрѣчаемъ полустолѣтіемъ позже, въ то время, когда Джонъ Фортескью писалъ свои *Похвалы англійскимъ законамъ* и, сопоставляя порядки своей родины съ французскими, объявлялъ крѣпостное право изчезнувшимъ въ Англіи. Трудность его вынужденія, особенно вслѣдъ за современною отмѣной и прекратившимся платежомъ натуральныхъ рентъ и барщины, настолько сознавалась нѣкоторыми крупными собственниками, что никто иной, какъ герцогъ ланкастерскій, несмотря на то, что король и парламентъ объявили недѣйствительными дарованныя крестьянамъ вольности, не счелъ возможнымъ настаивать на своихъ владѣльческихъ правахъ и согласился на отмѣну барщины *). По мѣрѣ того, какъ вліяніе черной смерти на возвышеніе заработковъ было парализовано не столько законодательствомъ, сколько естественнымъ ростомъ населенія, примѣръ герцога и аббата сталъ находить все большее и большее число послѣдователей; помѣстное сословіе само помирилось съ мыслью о потерѣ даровыхъ службъ крестьянъ и отчасти пошло на встрѣчу естественному переходу крѣпостного владѣнія въ оброчное и прежнихъ вилланов въ членовъ той землевладѣльческой йоманри, въ которой писатели XV столѣтія видятъ уже главный залогъ экономическаго и политическаго преобладанія Англіи надъ ея вѣковою соперницей—Франціей **).

И другое требованіе крестьянъ о свободѣ внутренняго торга, насколько оно не задѣвало непосредственно фискальныхъ интересовъ и не грозило потерей королемъ дохода отъ рыночныхъ сборовъ, нашло въ Ричардѣ II, много лѣтъ спустя послѣ возстанія, серьезнаго ревнителя. Въ отпечатанныхъ кемденскимъ обществомъ отрывкахъ изъ современныхъ хроникъ мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее любопытное извѣстіе. Въ 1390 году король отмѣняетъ привилегію мелочной торговли, признанную дотолѣ за одними лондонскими купцами, и допускаетъ къ ней постороннихъ. Два года спустя послѣ того, какъ спеціально назначенное судебное слѣдствіе открыло злоупотребленія въ дѣйствіяхъ мѣстныхъ булочниковъ и мясник[illegible], зарабатывавшихъ «чрезмѣрно», «откладывавшихъ по семи и десяти [illegible]-

*) *Archeologia Cantiana*, т. IV. Чужеродцы, прибывшіе въ Кентъ съ сѣвер[illegible] [illegible]-домляютъ жителей осенью 1381 года, что герцогъ объявилъ крестьянъ свобод[illegible] и на протяженіи всѣхъ своихъ владѣній.

**) Обо всемъ этомъ см. болѣе подробно въ моемъ сочиненіи *Общест[illegible]й строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ*, гл. II.

линговъ отъ каждыхъ десяти квартеровъ обращенной въ хлѣбъ пшеницы или отъ каждыхъ десяти быковъ, поступившихъ на бойню», король устами своего верховнаго судьи объявляетъ, что намѣренъ отнять у Сити, какъ и у другихъ городовъ, «regimen civitatis» или право самоуправленія, въ виду дурного пользованія имъ (pro vestro malo regimine), а это, въ сущности, означало, ни болѣе, ни менѣе, какъ отмѣну цеховой автономіи. Гражданамъ Лондона приходится уплатить сумму въ сорокъ тысячъ ливровъ, чтобъ откупиться отъ конфискаціи ихъ старинныхъ вольностей. На практикѣ добрыя намѣренія короля не имѣютъ, слѣдовательно, другого исхода, кромѣ увеличенія падающаго на бѣдные классы налога. Сорокъ тысячъ ливровъ распредѣлены такимъ образомъ,—говоритъ лѣтописецъ,—что многіе нашли лучшимъ бѣжать изъ Лондона и тѣмъ избавиться отъ необходимости расплаты *). Но для насъ важенъ не общій исходъ, а та тенденція, какая выступаетъ въ королевскихъ планахъ о реформѣ. Она, очевидно, сходится съ тою, какая замѣтна въ требованіяхъ, предъявленныхъ крестьянами въ Майлендѣ. Въ виду сказаннаго, трудно думать, чтобы король и тѣ, кто поддерживалъ или внушалъ ему мысль о необходимости потушить мятежъ реформами, отнесся къ обѣщаннымъ вольностямъ какъ къ средству выйти изъ затрудненія, избѣжать тенетъ заговорщиковъ. Болѣе вѣроятно, что средства къ умиротворенію умовъ обдуманы были еще до свиданія и что на совѣтѣ, состоявшемся въ Тоуэрѣ въ ночь съ четверга на пятницу, или въ самое утро послѣдней, установленъ былъ максимумъ тѣхъ уступокъ, какія могутъ быть сдѣланы народнымъ массамъ.

Этимъ объясняется то обстоятельство, что дарованныя вольности значительно меньше тѣхъ, какихъ требовали уполномоченные эссекскихъ дружинъ. Королевская грамота, текстъ которой приведенъ у Вольсингама, гласитъ буквально слѣдующее: «Ричардъ, Божьей милостью король Англіи и Франціи и повелитель Ирландіи, всѣмъ бальифамъ и вѣрноподданнымъ (fidelibus), къ кому дойдутъ эти письма, шлетъ привѣтъ и объявляетъ по собственной милости: отпускаемъ мы всѣхъ подвластныхъ намъ и зависимыхъ людей (ligeos et singulos subditos nostros), а также и всѣхъ другихъ, имъ подобныхъ (et alios), въ предѣлахъ такого-то или такого-то графства; дѣлаемъ каждаго изъ нихъ свободнымъ отъ крѣпостной зависимости (ab omni bondagio), прощаемъ имъ также всѣ преступленія, измѣны, проступки и вымогательства, совершенныя ими или любымъ изъ нихъ, наконецъ, все то, что поставило ихъ внѣ закона (сдѣлало ихъ utlagi, откуда и употребляемый грамотой терминъ utlegaria). Всѣмъ имъ и каждому въ отдѣльности [illegible]щаемъ мы нашъ верховный миръ. Въ утвержденіе же всего этого мы [illegible]овелѣли издать настоящія грамоты». Подпись указываетъ на составленіе [illegible] въ Лондонѣ 15 іюня (т.-е. въ день самаго свиданія), въ четвертый [illegible]ь правленія короля **).

*) См. *Continuation of the Eulogium Cotton Ms. Calba* E. VII, издано въ при[illegible]ніи къ *An englich chronicle of the reigns of Ricard II, Henry IV, Henry V* [illegible] *Henry VI*, стр. 125.

[illegible] *Wolsingham*, т. I, стр. 467.

Чтобы понять дальнѣйшій ходъ событій, надо имѣть въ виду, что овладѣвшая зажиточными классами паника значительно пала съ отбытіемъ эссекскихъ дружинъ; въ то же время, потребность въ серьезномъ отпорѣ стала чувствоваться все сильнѣе въ виду непрекращающагося погрома дворцовъ и частныхъ зданій и убійства многихъ выдающихся гражданъ. Томасъ Вольсингамъ, за одно съ монахомъ Сентъ-Албанскаго монастыря, отмѣчаетъ тотъ фактъ, что высшіе слои городской буржуазіи, предвидя необходимость помѣриться съ крестьянствомъ и чернью, стали привлекать въ свои жилища родственниковъ и знакомыхъ, жившихъ обыкновенно внѣ Лондона, и, снабдивъ кого слѣдовало оружіемъ, готовились ко всякой случайности. Весьма опредѣленно говоритъ объ этомъ Фруассаръ *), который приводитъ даже приблизительную цифру этихъ вооруженныхъ сторонниковъ порядка, говоря о семи или восьми тысячахъ человѣкъ, внезапно явившихся на выручку короля въ Смисфильдъ. Этому самопроизвольно организовавшемуся отряду удалось найти пользовавшагося военною славой предводителя въ лицѣ Роберта Кнольсъ, игравшаго нѣкогда выдающуюся роль въ войнахъ Эдуарда III съ французами и успѣвшаго составить себѣ всѣми правдами и неправдами, въ бытность свою въ Нормандіи, громадное для того времени состояніе во сто тысячъ экю **).

Такимъ образомъ, когда король отправился на свиданіе съ кентскими дружинами, въ столицѣ имѣлось уже значительное число лицъ, готовыхъ уже къ сопротивленію. Это надо принять во вниманіе, чтобъ объяснить меньшую сговорчивость молодого монарха въ переговорахъ съ кентскими общинами.

Одно обстоятельство также способно вызвать недоумѣніе: это—пассивность, съ какой лондонское простонародье, еще недавно столь симпатичное къ крестьянамъ, смотритъ на пораженіе кентскихъ ополченій и даже содѣйствуетъ задержанію главныхъ вожаковъ. И это находитъ объясненіе себѣ частью въ дѣйствіяхъ самихъ мятежниковъ, частью въ порожденномъ ими и упорно распространяемомъ слухѣ о предстоящемъ поджогѣ столицы. Монастырскіе анналисты, точно сговорившись, влагаютъ въ уста главныхъ вожаковъ движенія наивную исповѣдь въ томъ, что расхитить Лондонъ и предать его пламени составляло ихъ завѣтную мысль. Фруассаръ идетъ

---

*) Въ субботу, когда король Ричардъ послѣ убійства Уота и видимой готовности кентскихъ общинъ выместить его на свитѣ, не знаетъ, на что рѣшиться, мэръ считаетъ возможнымъ ободрить юнаго монарха, говоря: „Arons tentos grant coufort de ceuls de Londres des bonnes gens de nostre les qui sont pour veus et armés eux et leurs aucis“. (*Froissart*: „Oeuvres“, изданіе Кервинъ де-Леттенгофа, т. IX, стр. 414).

**) *Simeon Luce*: „La Jacquerie“, стр. 20. Въ *Полихроникѣ* Ронульфа Гигдена, монаха честерскаго, мы встрѣчаемъ подъ 1395 годомъ слѣдующія подробности о поведеніи Кнольса въ Нормандіи. Робертъ Кнольсъ былъ такъ воинственъ и такъ страшенъ врагамъ, что въ его прославленіе сложилось слѣдующее двустишіе: „О Робертъ Кнольсъ, изъ-за тебя Франція размякла, ты грабишь ее въ свою пользу и наносишь ударъ ея вымъ“ („O Roberto Knollis, per te fit Francia mollis“ etc. *Highden ad Babyngton*, a 1865, т. VIII, стр. 358).

еще далѣе въ этихъ утвержденіяхъ: онъ заставляетъ самого Уота Тейлора держать рѣчь кентскимъ дружинамъ о пользѣ поспѣшить съ погромомъ, пока не подоспѣютъ ополченія другихъ графствъ, съ которыми въ противномъ случаѣ пришлось бы дѣлиться добычей. Лѣтописецъ не замѣчаетъ противорѣчія, въ какомъ такой фактъ стоитъ съ приписанными Тейлору мѣрами противъ грабителей и съ принятымъ крестьянами рѣшеніемъ оплачивать все необходимое имъ для жизни. И составители монастырскихъ хроникъ и французскій аристократъ-лѣтописецъ, очевидно, вѣрятъ на слово тому, что было разсказано имъ о событіяхъ членами владѣтельныхъ классовъ; эти же послѣдніе не задавались мыслью, въ какой мѣрѣ заслуживаютъ довѣрія сдѣланныя подъ пыткой показанія и даже было ли произнесено Жакомъ Стро или Болешъ то, что имъ приписывается. Если, такимъ образомъ, существованіе самаго намѣренія поджечь Лондонъ далеко не доказано, то никакого сомнѣнія не вызываетъ тотъ фактъ, что слухъ объ этомъ ходитъ въ лондонской толпѣ, настраивая ее извѣстнымъ образомъ по отношенію къ еще недавнимъ союзникамъ.

Въ утро субботы трудно было, однако, предвидѣть близкое пораженіе столь успѣшныхъ дотолѣ народныхъ дружинъ. И послѣ ухода эссексцевъ отъ тридцати до сорока тысячъ человѣкъ оставалось еще въ Лондонѣ, такъ что въ одномъ Смисфильдѣ, этомъ по пятницамъ конномъ рынкѣ, въ моментъ прихода короля толпилось не менѣе двадцати тысячъ кентцевъ. Столько же,—говоритъ Фруассаръ,—разсѣяно было по отдѣльнымъ кварталамъ столицы и могло во всякое время поспѣшить на выручку. Король и его приближенные, знавшіе о численности враговъ и имѣвшіе случай уже видѣть ихъ воочію, не могли, разумѣется, не помышлять о судьбѣ епископа и пріора и готовились къ принятію мученическаго вѣнца. Нѣтъ, поэтому, ничего невѣроятнаго въ разсказѣ французскаго лѣтописца, что въ утро субботы король, проведши ночь въ жилищѣ матери въ La Riolle, извѣстномъ подъ названіемъ гардеробной, отслушалъ обѣдню въ Вестминстерѣ, горячо молился передъ чудотворною иконой Божьей Матери, въ часовнѣ Ея имени, и причастился Святыхъ Таинъ *). Но что заслуживаетъ меньшаго вѣроятія, это—разсказъ того же лѣтописца, что, сѣвъ на коня въ три часа послѣ полудня, Ричардъ II въ сопровожденіи шестнадцати человѣкъ свиты сталъ разъѣзжать по городу въ разныхъ направленіяхъ, ища выбраться изъ него. Совершенно случайно натолкнулся онъ, якобы, на кентскія дружины, собранныя въ Смисфильдѣ и уже собирался повернуть лошадь, когда былъ замѣченъ главнымъ предводителемъ и указанъ толпѣ. Это свидѣтельство, не встрѣчающееся у другихъ лѣтописцевъ, кажется потому неправдоподобнымъ, что наканунѣ Ричардъ обнаружилъ большую стойкость и присутствіе духа въ переговорахъ съ эссекцами, что ему не было основанія ждать худшаго пріема отъ кентцевъ послѣ того, какъ имъ объявлена была амнистія и свобода отъ крѣпости, и что, наконецъ, нельзя допустить,

*) *Froissart*, т. IX, стр. 409.

чтобы королю и его приближеннымъ не было извѣстно заранѣе присутствіе главной толпы ополченцевъ въ Смисфильдѣ. Мы думаемъ, поэтому, что король сознательно прибылъ на свиданіе и что митингъ въ субботу долженъ былъ завершить дѣло умиротворенія, такъ успѣшно начатое наканунѣ. Надлежало объявить кентцамъ монаршую волю объ оставленіи столицы, обѣщая имъ, въ то же время, свободу отъ крѣпости, отмѣну стѣсненій, какими обложено было совершеніе имущественныхъ сдѣлокъ, и пониженіе земельныхъ рентъ до уровня четырехъ пенсовъ съ акра.

Эти двѣ послѣднія мѣры, на которыя король еще не соглашался въ пятницу, повидимому, рѣшены были его совѣтомъ въ промежутокъ между обоими свиданіями. Рѣчь о нихъ заходитъ въ тѣхъ патентныхъ письмахъ, которыми монархъ объявляетъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя недѣйствительность всѣхъ дарованныхъ имъ льготъ *).

Замѣтимъ, однако, что на случайность встрѣчи короля съ народною толпой намекаетъ и эвесгамскій монахъ, заявляя: на обратномъ пути изъ Вестминстера, гдѣ онъ собственными глазами хотѣлъ убѣдиться въ томъ, не причиненъ ли какой вредъ усыпальницѣ Эдуарда Исповѣдника, Ричардъ, проѣзжая по предмѣстьямъ, наткнулся на кентскія ополченія **). Совсѣмъ иначе представляетъ дѣло Вольсингамъ, который говоритъ о формальномъ обѣщаніи короля прибыть на свиданіе и вводитъ инцидентъ съ сэръ Джономъ Ньютономъ, посланнымъ будто бы къ Ричарду ополченцами ***). Но всего категоричнѣе высказывается по интересующему насъ вопросу Мальвернъ, показаніе котораго, какъ человѣка, писавшаго по живымъ слѣдамъ, для насъ особенно цѣнно. Въ девять часовъ утра, по его словамъ, король, въ сопровожденіи многихъ гражданъ Лондона, отправился въ Вестминстеръ для молитвы (causa orationis); сошедши съ лошади, онъ набожно поцѣловалъ крестъ, вынесенный ему навстрѣчу монахами, и отъ волненія не въ силахъ былъ удержать слезъ. Войдя въ аббатство, Ричардъ направился къ могилѣ Эдуарда Исповѣдника и здѣсь, стоя на колѣняхъ, молилъ святого о помощи. Когда всадники сѣли на коней, король со свитою поѣхалъ по направленію къ городу и прибылъ въ мѣсто, называемое planus campus, т.-е. ровное поле (разумѣется, Смисфильдъ) для свиданія и бесѣды съ главою крестьянскаго ополченія (colloquium habituri cum duce villane urbe); послѣдній же съ безчисленною толпой поселянъ ожидалъ прибытія короля, въ надеждѣ добиться отъ него измѣненія дарованной наканунѣ грамоты о

---

*) „Licet nuper in turbatione detertabili etc... certae literae nostrae patenter ad ipsorum insurgentium instantiam importunam factae fuissent continentes. Quidque voluimus quod iidem liberi esseut ad emendum et vendendum quibuscunque civitatibus burgis, villis mercantoriis et aliis locis infra regnum nostrum Angliae. Et quod nulla acra terrae in comitatibus praedictis quae in bandagio vel servitio tenetur altius quam ad quatuor denarios haberetus et si qua minus antea tenta fuisset in posterum non exalteretur". *Rymer*: „Foedera", т. VII, стр. 317.

**) *Hearn*, стр. 28.

***) Ibid., т. I, стр. 464.

вольностяхъ *). Самый характеръ открывшихся въ Смисфильдѣ переговоровъ ни мало не говоритъ о неожиданности встрѣчи. И въ передачѣ Фруассара Уотъ Тейлоръ обращается къ королю съ запросомъ, когда же будутъ выданы обѣщанныя грамоты; въ разсказѣ же Кнайтона онъ не только подымаетъ о нихъ рѣчь, но и доказываетъ недостаточность дарованныхъ уже вольностей, требуя спеціальнаго упоминанія о свободѣ охоты и рыбнаго улова **). Эвесгамскій монахъ, не пускаясь въ подробности, замѣчаетъ, согласно съ Кнайтономъ, что Уотъ Тейлоръ, подъѣхавъ къ королю, просилъ его объ исправленіи дарованныхъ наканунѣ грамотъ ***). Всего баснословнѣе версія, даваемая Вольсингамомъ; у него Уотъ Тейлоръ проситъ отъ короля ни больше, ни меньше, какъ полномочія отсѣчь голову судьямъ, финансовымъ чиновникамъ и, въ частности, тѣмъ, которые завѣдуютъ конфискаціей имуществъ и вообще всѣмъ, кто или обученъ законамъ, или по причинѣ занимаемой имъ должности имѣетъ какое-либо касательство къ праву ****). Во всѣхъ лѣтописныхъ разсказахъ король или не даетъ никакого отвѣта на поставленный ему запросъ, или отдѣлывается словами, говоря, что грамоты будутъ выданы и что кентскія ополченія должны разойтись по домамъ *****). Что случилось затѣмъ, по всей вѣроятности, навсегда останется загадкой. Самыя условія, въ которыхъ происходила бесѣда, не допускаютъ мысли о серьезной опасности для Ричарда. Всѣ согласны въ томъ, что Уотъ отъѣхалъ отъ толпы, и, притомъ, на разстояніе настолько значительное, что паденіе его съ лошади могло быть скрыто отъ нея окружавшею короля свитой. Фруассаръ, возлагающій всю вину за случившееся на Уота, въ то же время, даетъ понять, что онъ не имѣлъ при себѣ оружія. Если вѣрить сообщеннымъ Фруассару разсказамъ, между Уотомъ и его сообщниками было условлено, что они набросятся и искрошатъ свиту, при первомъ сигналѣ съ его стороны, щадя одного короля. Можно ли видѣть попытку къ подачѣ такого сигнала въ томъ обстоятельствѣ, что, какъ го-

---

*) *Highden*, т. IX, стр. 4.

**) *Apud Twysden*, стр. 26, 36. „Petunt a rege ut omnes warennae tam in aquis quam in parco et boscis communes fierent omnibus, ita ut libere posset tam pauper quam dives ubicunque in regno in aquis et stangnis piscariis et bocis et forestis fereis capere in campis lepores fugare et sic haec et hujusmodi alvia multa sine contradictione exercere“.

***) „Et statim unus re ducibus eorum Watte Failar cooperto eum turvo vultu versus Rege in processit petem ab eo ore minatim praecipiendo literos quos eis concesserat meliorari et corrigi“.

****) „Volut manque, ante alia, commissionem pro se et suis obtinuisse, ad decol-[illegible] um omnes juridicos, et caetores, et universis, qui vel in lege docti fuere vel cum [illegible] ratione officii communicavere“. *Wolsingham*, т. I, стр. 464.

*****) См. въ частности у Фруассара, т. IX, стр. 412. „C'est nostre entente que [illegible] uns de nous par villages et mairies aura se lettre. У Кнайтона говорится, что [illegible] ль медлилъ съ отвѣтомъ, что и заставило Уота прибѣгнуть къ угрозамъ. Cum [illegible] rex de hujusmodi concessione cum deliberatione tardaret Jakke Strawe (котораго [illegible] тонъ считаетъ за одно лице съ Тейлеромъ) proprius accedens et regem mina-[illegible] alloquens fraenum equi regis quo ausu nescio manu arripuit“, стр. 26, 36.

ритъ Фруассаръ, Уотъ потребовалъ отъ оруженосца Ричарда сперва кинжала, а затѣмъ сабли короля, что и было поводомъ къ крупному препирательству между ними, или же, наоборотъ, приходится повѣрить Кнайтону и эвесгамскому монаху, которые изображаютъ намъ Уота схватывающимъ королевскаго коня за уздцы,—другими словами, противящимся отбытію Ричарда? Если держаться перваго показанія, то въ заявленіи, что Уотъ такъ близко подъѣхалъ къ Ричарду, что хвостъ его лошади касался головы королевскаго коня, можно скорѣе видѣть попытку бѣгства по направленію къ оставленнымъ товарищамъ, а далеко не желаніе посягнуть на жизнь монарха. Впрочемъ, никто изъ лѣтописцевъ и не говоритъ, что съ этою цѣлью предприняты были какія-либо дѣйствія. Но всѣ указываютъ, что въ свитѣ опасались такого исхода, а потому неудивительно, если, увидавъ главу заговорщиковъ вблизи короля или отмѣтивъ рѣзкій тонъ ихъ бесѣды, лордъ мэръ поспѣшилъ на выручку и, желая сбросить Уота съ лошади, нанесъ ему ударъ своей шашкой (baselaire, называетъ ее Фруассаръ). Король во всякомъ случаѣ не отдалъ приказа объ убійствѣ Тейлора, а только объ его задержаніи. На это согласно указываютъ и Вольсингамъ, и Фруассаръ *). Но едва полученный по головѣ ударъ свалилъ Тейлора съ лошади, какъ подбѣжавшіе со всѣхъ сторонъ придворные стали рубить его своими мечами **).

Окружавшая толпа скрыла отъ глазъ народныхъ дружинъ внезапное исчезновеніе ихъ вожака. Трупъ успѣли оттащить до сосѣдней церкви святого Варѳоломея, прежде чѣмъ кто-либо изъ кентскихъ ополченцевъ догадался о случившемся. Когда все, наконецъ, сдѣлалось извѣстнымъ, изъ рядовъ послышался дружный кликъ: «Они убили нашего вождя; пойдемъ убивать ихъ!» ***). Смѣлость и находчивость молодого монарха остановили на время дальнѣйшее кровопролитіе. Подъѣхавъ къ дружинамъ одинъ безъ свиты, Ричардъ сказалъ имъ: «у васъ нѣтъ другого вождя, кромѣ короля», и подтвердилъ снова дарованныя вольности ****). Лѣтописцы влагаютъ также королю въ уста приказъ слѣдовать за нимъ въ открытое поле за предѣлы Лондона. Подъ этимъ нужно разумѣть, по всей вѣроятности, повтореніе того, что случилось днемъ раньше, когда король потребовалъ отъ эссекскихъ дружинъ немедленнаго удаленія изъ столицы. Фруассаръ категорически утверждаетъ это, приписывая королю еще болѣе хитрый ма-

---

*) *Wolsingham*, т. I, стр. 465. *Froissart*, т. IX, стр. 413.

**) „At mox ab aliis ministris regis circumclusus, gladiis deversis in locis c ris transverberatur“. *Wolsingham*, т. I, стр. 465.

***) „Il ont mort nostre capitaine, alons, alons ochions tout“ (*Froissart*, стр. 4 Или въ болѣе цвѣтистой передачѣ *Wolsingham*: „Mortuus est capitaneus noster, ditiose peremptus est ductor noster. Stemus simul, moriamus cum ipso, sagitter vindicemus viriliter mortem ejus“, стр. 465.

****) См. *Froissart*, т. IX, стр. 414, исторію жизни Ричарда II, написанную гамскимъ монахомъ, стр. 28. *Wolsingham*, стр. 465, монахъ Сентъ-Албанскаг настыря, стр. 287.

невръ: когда подоспѣла помощь восьмидесяти тысячъ «добрыхъ гражданъ» и выстроилась уже въ боевомъ порядкѣ, Ричардъ, вопреки протестамъ мэра и настояніямъ Кнольса, довольствуется требованіемъ отъ мятежниковъ однихъ, выданныхъ наканунѣ, знаменъ *).

Кентцы, которые дотолѣ постоянно дѣйствовали именемъ монарха, видя, что онъ открыто осуждаетъ ихъ дѣйствія, бросаютъ луки и обращаются въ бѣгство. Немногія банды остаются на площади и въ то время, какъ король отъѣзжаетъ со Смисфильда, Кнольсъ со своими хорошо вооруженными ратниками набрасывается на эти разрозненные полки и устраиваетъ имъ настоящую кровавую баню. Вечеромъ, входя въ покои своей матери, Ричардъ объявляетъ ей, что, съ Божьею помощью, онъ вернулъ свое наслѣдство и потерянную имъ корону Англіи.

На слѣдующее утро, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о возведеніи въ рыцарское званіе убійцы Тейлора, мэра Вольворса, и трехъ **) другихъ именитыхъ гражданъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ ополченіи Кнольса и отобраніи знаменъ у мятежниковъ, населеніе столицы оповѣщено о приказѣ всѣмъ, кто не принадлежитъ къ числу ея уроженцевъ и не прожилъ въ ней года, удалиться немедленно въ свое обычное мѣстожительство.

Большинство гражданъ сочувственно относятся къ этой мѣрѣ и даже содѣйствуютъ аресту Якова Стро. Голова Тейлора, отсѣченная отъ трупа еще наканунѣ, выставляется затѣмъ на лондонскомъ мосту въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по его распоряженію, — говоритъ Фруассаръ, — предана была на поруганіе голова примаса Англіи, архіепископа кентерберійскаго. Возстаніе разсѣяно, по крайней мѣрѣ, въ Лондонѣ и король приступаетъ къ осуществленію своей мести—обѣщанія, даннаго еще въ Смисфильдѣ въ отвѣтъ на требованіе мэра о немедленной расправѣ съ народными полчищами ***). Мы видѣли, что Ричардъ обязался отпустить крестьянъ на свободу. Положившись на него, эссекскія дружины согласились покинуть Лондонъ еще въ пятницу. При переговорахъ съ Уотомъ Тейлоромъ, какъ и въ обращеніи къ кентскимъ ополченцамъ послѣ убійства ихъ вождя, король формально подтвердилъ, что свобода будетъ дарована. Такое обѣщаніе и было главною причиной удаленія большинства изъ столицы. Все это не

---

*) Кнайтонъ даетъ эту послѣднюю цифру.

**) *Knyghton*, стр. 2636. Іоганъ, Филипотъ, Николай Брембръ, Іоганъ Лейдъ и Николай Твифордъ, таковы имена гражданъ, возведенныхъ королемъ въ рыцари. Въ хроникѣ Фебіана мы находимъ о двухъ изъ нихъ слѣдующія подробности: Николай [...]мбръ принадлежалъ къ числу оптовыхъ торговцевъ (Grocers) и въ 1378 году былъ [...]мъ Лондона, Джонъ Филипотъ, той же гильдіи, былъ въ 1379 году шерифомъ въ [...]онѣ.

[Ф]руассаръ заодно съ Кнайтономъ объявляетъ, что Радульфъ (у Кнайтона Іо[...]ъ), который, по его словамъ, былъ дѣйствительнымъ убійцей Тайлора, также воз[...]енъ былъ въ рыцарское званіе (см. изданіе Кервинъ де-Леттенгофа, томъ IX, [...]414). Эвесгамскій монахъ, не приводя именъ новыхъ рыцарей, упоминаетъ о [...]ъ или четырехъ лицахъ, возведенныхъ въ это званіе.

[***]) „Je roi dissait que il en prendroit bien venganche“.

помѣшало, однако, тому, что первымъ дѣйствіемъ начавшейся реакціи было изданіе приказа, объявлявшаго: «Крѣпостные люди и другіе зависимые владѣльцы обязаны совершать попрежнему обычныя службы и платежи въ пользу сеньоровъ».

Манифестъ повелѣно обнародовать въ городахъ, бургахъ, ярмарочныхъ мѣстечкахъ и селеніяхъ отдѣльныхъ графствъ. Тѣхъ, кто окажется неисправнымъ въ отправленіи своихъ обязанностей къ помѣщику, приказано задерживать и препровождать въ тюрьму *).

Позволено сомнѣваться, конечно, чтобы королевская воля сразу была услышана и чтобы крестьяне безропотно подчинились новой неволѣ. Задолго до возстанія барщина фактически перестала существовать во многихъ графствахъ. Еще въ первый годъ правленія Ричарда общины въ особой петиціи къ королю заявляли, что въ разныхъ мѣстностяхъ крестьяне, по совѣту и благодаря поддержкѣ постороннихъ лицъ, видящихъ въ томъ свою выгоду, ходатайствуютъ о выдачѣ королевскими судами выписей изъ *Думздебука*, т.-е. того генеральнаго кадастра, въ которомъ по приказу Вильгельма Завоевателя сдѣлана была опись земель и владѣній каждаго и указанъ, между прочимъ, размѣръ повинностей и платежей, требуемыхъ обычаемъ отдѣльныхъ помѣстій. Позволяя себѣ, какъ жалуется палата, самое фальшивое толкованіе этихъ выписей, крѣпостные отказываютъ сеньорамъ въ барщинѣ, говоря, что еще Вильгельмъ Завоеватель отмѣнилъ какъ личную, такъ и имущественную ихъ зависимость. Тщетны всѣ усилія сеньоровъ и управителей принудить крестьянъ къ отправленію ихъ обязанностей. Они образовали изъ себя союзы и вошли въ соглашеніе противиться силой (a fort mayen) требованіямъ помѣщиковъ, «стоять другъ за друга, какъ одинъ человѣкъ, въ случаѣ призыва къ отвѣту» **). При такихъ условіяхъ трудно думать, чтобы вслѣдъ за полученіемъ королевскихъ писемъ объ эмансипаціи крестьяне легко согласились вернуться къ отправленію прежнихъ службъ и повинностей и чтобы для этого достаточно было одного заявленія имъ сеньорами монаршей воли. Потребовалось изданіе новаго акта, объявлявшаго, что государь признаетъ ничтожными всѣ сдѣланныя имъ крестьянамъ уступки и беретъ обратно выданныя уже письма о вольностяхъ. Весьма характерна та мотивировка, какую совѣтники короля даютъ этому рѣшенію. «Грамоты о вольностяхъ,—значится въ королевскомъ манифестѣ, — изданы были второпяхъ, безъ зрѣлаго обсужденія и въ противность законамъ. Онѣ могутъ принести только вредъ нашей коронѣ, а также прелатамъ, дворянамъ и магнатамъ королевства, мало этого, церкви и всему государству. Руководствуясь этими соображеніями, король съ согласія своего совѣта объявляетъ, что дарованныя имъ свободы ничтожны по существу и удостовѣрявшія ихъ письма отнынѣ теряютъ всякую силу.

Но, поступая такимъ образомъ, правительство не отказывается вполнѣ

*) *Rymer*: „Foedera“, томъ VII, стр. 316.
**) *Parliamentary Rolls*, томъ III, стр. 21.

отъ мысли облегчить участь крестьянъ и говорить о томъ, что въ его намѣреніяхъ надѣлить ихъ современемъ такими милостями, которыя будутъ угодны Богу и полезны государству и которыми всѣ вѣрные подданные вправѣ будутъ считать себя удовлетворенными *). Король лелѣетъ ту же надежду и въ ноябрѣ 1381 года, когда (четвертаго числа) открылась сессія парламента, созваннаго, главнымъ образомъ, съ цѣлью рѣшить участь крѣпостныхъ людей, лордъ-казначей Гюгъ Сегравъ въ присутствіи короля и всего собранія духовныхъ и свѣтскихъ пэровъ и депутатовъ отъ общинъ читаетъ текстъ слѣдующей деклараціи: «Вамъ не безъ вѣдома, что во время возстанія государь поставленъ былъ въ необходимость выдать крѣпостнымъ крестьянамъ (neifs) грамоты о свободѣ. Но, поступая такимъ образомъ, онъ зналъ, что не можетъ сдѣлать этого по совѣсти и согласно законамъ **). Онъ поступилъ такъ, чтобы скорѣе потушить пожаръ, поднятый дурными людьми, и положить конецъ ихъ жалобамъ, ихъ хитрымъ продѣлкамъ; онъ не могъ избрать другого средства, такъ какъ въ это время онъ не пользовался фактически правами короля ***). Но стоило только Господу Богу вернуть его къ прежней власти и положить,—по крайней мѣрѣ, отчасти,—конецъ безпорядкамъ, какъ король, съ согласія своего совѣта, распорядился, чтобы письма, имъ изданныя, и пожалованія, въ нихъ заключавшіяся, объявлены были ничтожными; теперь же король хочетъ знать ваши желанія и выслушать ихъ отъ васъ самихъ,—отъ васъ, прелатовъ, сеньоровъ и общинъ, здѣсь собранныхъ; онъ спрашиваетъ васъ, хорошо ли онъ поступилъ, взявъ обратно королевскія письма, и согласно ли это съ вашими намѣреніями, или нѣтъ? Онъ объявляетъ вамъ, что буде вы всѣ съ общаго согласія захотите освободить и отпустить на волю вашихъ крѣпостныхъ, какъ этого желаютъ, по слухамъ, нѣкоторые изъ васъ, король согласенъ будетъ принять ваше прошеніе». Отвѣтъ заставилъ себя ждать, такъ какъ, повидимому, трудно было достигнуть единогласія, и когда, пять дней спустя, одиннадцатаго ноября, въ понедѣльникъ, парламентъ снова собрался, рыцарь Ричардъ Вальдгревъ въ обращеніи къ королю заявилъ: «Мы расходимся во мнѣніяхъ по поставленному намъ запросу, а потому намъ желательно въ вашемъ присутствіи выслушать снова то, что вы предлагаете». Тогда Ричардъ Скронъ, новый канцлеръ, повторилъ сказанное на прежнемъ засѣданіи, говоря: «Именемъ короля спрашиваю васъ, довольны ли вы отмѣной грамотъ о вольностяхъ, или недовольны?»

На это всѣ прелаты, свѣтскіе сеньоры, рыцари и горожане единогласно отвѣтили: «Король хорошо поступилъ, отобравши грамоты; отпущеніе на [illegible]ю крѣпостныхъ невозможно безъ согласія тѣхъ, кто всего болѣе въ [illegible]ъ заинтересованъ; но эти лица никогда не пойдутъ на выдачу воль[illegible]хъ ни по собственному почину, ни иначе, пока имъ всѣмъ не придется

*) *Rymer*, стр. 317.

**) „Sachant bien adongue que ce ne practil fair a bone foy et la loy de sa terre“ [illegible]*rl. Rolls*, т. III, стр. 99).

***) „Come celluy ye n'estoit alors en son droit poair de Roi“. Ibid.

умереть въ одинъ и тотъ же день. Такъ какъ король даровалъ вольности подъ вліяніемъ принужденія и къ ущербу государства, то мы желаемъ, чтобы сдѣланное имъ было отмѣнено властью парламента и чтобы тотъ же парламентъ утвердилъ рѣшеніе правительства отобрать вольныя, какъ мѣру справедливую и полезную». Къ такому рѣшенію присоединились всѣ единогласно *).

Бѣлый терроръ.

Отмѣнѣ дарованныхъ вольностей предшествовали экзекуціи; онѣ начались тотчасъ же послѣ событій 14 іюня. Король,—значится въ лѣтописи Мальверна,—созвалъ свою милицію и во главѣ ея отправился въ графство Эссексъ наказывать виновныхъ. Вольсингамъ сообщаетъ нѣкоторыя добавочныя подробности о самомъ созывѣ народнаго ополченія. Онъ говоритъ, что въ три дня собралось до 40,000 и что никогда еще въ Англіи не видѣли большаго войска **).

Прежде чѣмъ отправиться въ Эссексъ, Ричардъ снарядилъ коммиссію для разслѣдованія и суда надъ участниками лондонскихъ безпорядковъ. Во главѣ ея поставленъ былъ бывшій лордъ-мэръ, только что возведенный въ званіе рыцаря, Вильямъ Вольворсъ, убійца Уота Тейлора. Одинъ за другимъ предстали на его разбирательство главные виновники мятежа, его зачинщики и вожаки. Стро, по словамъ лѣтописей, выданъ былъ еще въ субботу самими мятежниками, которые указали полчищамъ Кнольса дорогу къ его убѣжищу. Никто изъ предводителей, по сознанію самого Вольсингама, не счелъ ни возможнымъ, ни нужнымъ отрицать своего участія.

Платя равнымъ равное, судьи рѣшили рубить головы виновнымъ. Такъ погибъ Джакъ Стро и съ нимъ два другихъ предводителя, Джонъ Киркби и Аланъ Тредеръ (купецъ). На это указываетъ Вольсингамъ. Другіе лѣтописцы прибавляютъ, что голова Джака была выставлена на Лондонъ-Бриджъ рядомъ съ головою Уота Тейлора. Передъ смертью Стро якобы призналъ, что онъ самъ и товарищи готовы были перебить всѣхъ дворянъ, поджечь Лондонъ ***) и возвести на престолъ Уота. Въ числѣ первыхъ подвергся казни и убійца архіепископа кентерберійскаго, нѣкій Іоганъ Старлингъ изъ Эссекса. Онъ самъ,—говоритъ Вольсингамъ,—громко заявлялъ о своемъ поступкѣ, видимо гордясь имъ ****). Рядъ другихъ лицъ подвергнутъ былъ той же участи на правахъ соучастниковъ. Слухъ о жестокой расправѣ не замедлилъ дойти до Кента и Эссекса, этихъ первыхъ очаговъ крестьянскаго бунта. Какъ и можно было ожидать, онъ вызвалъ въ нихъ

---

*) Ibid., стр. 100.

**) *Highden*: „Polychronicon continuatio Highdeni“, томъ IX, стр. 6. *Вольсингамъ*, томъ II, стр. 14.

***) См. лѣтопись эвесгамскаго монаха: *Chronicon a monacho Sancti Albani*, стр. 309 и 310.

****) „Glariabatur se archiepiscopum decolasse“.

только стремленіе къ дальнѣйшему сопротивленію. Мальвернъ, разсказъ котораго проникнутъ жалостью къ осужденнымъ, и въ этомъ отношеніи рѣзко выдѣляется изъ ряда другихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, съ любовью распространяющихся о жестокостяхъ, причиненныхъ королевскимъ правосудіемъ, справедливо ставитъ въ связь эти новыя попытки мятежа съ тѣмъ впечатлѣніемъ ужаса и сознаніемъ безысходности своего положенія, какое участники бунта вынесли, слыша о томъ, что происходило въ столицѣ. И все же эта первая расправа была менѣе сурова, чѣмъ слѣдовавшая за нею. Когда правительство увидѣло, что мятежъ далеко не потушенъ и что крестьяне настаиваютъ на пользованіи дарованными имъ вольностями, оно рѣшило, что истребленіе массами и квалифицированная казнь одни могутъ нагнать на крестьянъ тотъ ужасъ, при которомъ всякое дальнѣйшее сопротивленіе сдѣлается немыслимымъ. Прежде всего, эта новая политика испробована была въ Эссексѣ. Здѣсь въ августѣ 1381 г. опять сдѣлана была попытка вооруженнаго сопротивленія. Вблизи помѣстья Гатерельдъ-Певерель, въ мѣстечкѣ, называемомъ Билерика, собралась толпа недавнихъ ополченцевъ и рѣшила, что «лучше умереть, чѣмъ отказаться отъ свободы». Постановлено отправить къ королю, проживавшему въ то время въ Вольдгамѣ, особыхъ посланцевъ; они должны были напомнить ему о данномъ обѣщаніи и ходатайствовать объ освобожденіи крестьянъ, между прочимъ, отъ присутствія въ помѣстныхъ судахъ. Крестьяне соглашались только на посѣщеніе судебныхъ разъѣздовъ шерифовъ, повторявшихся не болѣе двухъ разъ въ годъ. Грозно принялъ король представшихъ къ нему делегатовъ; его рѣчь къ нимъ, въ томъ видѣ, въ какомъ она передается Вольсингамомъ, напоминаетъ извѣстное обращеніе Іеровоама къ израильтянамъ: «Отецъ мой кормилъ васъ ранами, азъ же вскормлю васъ скорпіонами». «Вы всегда были крѣпостными,—сказалъ разгнѣванный монархъ,—остаетесь ими нынѣ и будете ими всегда, но не такъ, какъ теперь, а въ несравненно болѣе унизительномъ смыслѣ» *).

Уполномоченные вернулись ни съ чѣмъ, а король поспѣшилъ отправить въ графство ополченіе подъ предводительствомъ Томаса Вудстокъ, графа Бекингамскаго, и Томаса Перси, графа Нортумберландскаго. Крестьяне прибѣгли къ тому же способу защиты, какой испробованъ былъ ими въ время осады епископомъ ворвичскимъ; они окопались въ занятыхъ позиціяхъ и воздвигли подобіе баррикадъ, пользуясь, между прочимъ, своими телѣгами. Подобныя защиты построены были среди лѣса, въ которомъ, какъ извѣстно, легче вести партизанскую войну. И дѣйствительно, осаждавшія войска не рѣшались проникнуть въ кущу, считая болѣе безопаснымъ устроить облаву. Такимъ образомъ прекращенъ былъ подвозъ провіанта и около 800 лошадей, предназначенныхъ инсургентами для этой цѣли, попали въ руки осаждавшихъ. Хотя ими и было перебито болѣе пятисотъ чело-

---

*) „Rustici quidem fuistis, estis in bondagio permanebitis non ut hactenus sed incomparabiliter viliori“. *Вольсингамъ*, т. II, стр. 18.

вѣкъ, но эта цифра далеко не можетъ служить указателемъ числа всѣхъ участниковъ возстанія. Немного времени спустя, значится у Вольсингама, крестьяне, часть которыхъ успѣла укрыться, снова стали устраивать заговоры (calcitrare et maliniari). Сперва они обратились къ гражданамъ Кольгестра, умоляя ихъ о помощи, но когда ни просьбы, ни угрозы не оказали ожидаемаго дѣйствія, они направились сами въ Судбери. Помѣщики въ лицѣ Фицъ Вальтера и Іоганна Гарлетона пустились за ними въ погоню, внезапно напали на нихъ и «истребили столько, сколько имъ было угодно» (et quod placuit occiderunt). Захваченные въ плѣнъ вскорѣ затѣмъ наполнили собою тюрьмы.

Въ Кентѣ движеніе приняло еще болѣе серьезный характеръ. Въ нашихъ рукахъ имѣются показанія присяжныхъ отъ пятаго года правленія Ричарда II, въ которыхъ болѣе или менѣе подробно изложены дѣйствія отдѣльныхъ участниковъ этого вторичнаго бунта. Начало ему положено было тридцатаго сентября 1381 года. Мятежники собрались поджечь Медстонъ, то самое помѣстье архіепископа кентерберійскаго, въ которомъ нѣкогда въ заточеніи сидѣлъ Джонъ Боль. Попрежнему, повторяются обвиненія въ намѣреніи убить шерифа и отдѣльныхъ помѣщиковъ, а также въ принужденіи многихъ слѣдовать за собой вопреки ихъ желанію. Томасъ Гардингъ признается первымъ зачинщикомъ рядомъ съ другими столь же мало извѣстными людьми. Всѣ приговоренные объявлены неимѣющими ни земель, ни имуществъ. Цѣлью возстанія, какъ видно изъ показанія свидѣтелей, было настоять на исполненіи данныхъ народу обѣщаній. «Эти преступные люди,—стоитъ въ текстѣ протоколовъ,—требовали своихъ вольностей и тѣхъ грамотъ о помилованіи, которыя они исторгли у короля недавно въ Майлендѣ». «Буде же король не согласится добровольно на ихъ просьбу, они намѣревались убить его, отмѣнить затѣмъ законъ Англіи и довести государство до полнаго разстройства». Большая роль въ подъемѣ народныхъ массъ признается за странниками (peregrini), подъ которыми разумѣются нищенствующіе монахи; они пришли съ сѣвера въ Кентербери и стали распространять слухъ, что Джонъ Гонтъ, герцогъ ланкастерскій, освободилъ своихъ крѣпостныхъ въ разныхъ графствахъ; это заставило бунтовщиковъ послать особыхъ пословъ къ герцогу, съ цѣлью убѣдиться въ справедливости переданнаго слуха; еслибъ онъ подтвердился, герцогу предстояло быть провозглашеннымъ королемъ Англіи и крестьяне намѣревались дѣйствовать во всемъ съ нимъ за одно. Заговоръ, повидимому, былъ открытъ однимъ изъ участниковъ, который довелъ до свѣдѣнія королевскаго коммиссара, Джона де-Тринингамъ, о намѣреніяхъ бунтовщиковъ и позволилъ ему своевременно принять мѣры къ ихъ аресту *). По словамъ Вольсингама, король, услышавъ о происходившемъ, хотѣлъ сначала стереть съ лица земли (de terra viventium explanare) весь родъ этихъ

*) *Archeologia Cantiana*, т. IV, въ которомъ Flaherty отпечаталъ найденныя имъ въ архивѣ въ Miscellanea treasury of the receipt 21/13 Praesentationes de malefactoribus qui surrexerunt contra dominum regem. 4 et 5 Ric., II, стр. 65 и сл.

говорщиковъ-кентцевъ, но дворянство и магнаты графства поручились за сохраненіе мира общинами и тогда Ричардъ удовольствовался посылкой однихъ судей для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ.

О дѣятельности посланцевъ подробно говорятъ судебные протоколы. Обвиненіе поручено представить присяжнымъ; къ свидѣтельству же привлечены и сами участники, которые выкупаютъ себѣ жизнь, становясь доносчиками прежнихъ товарищей. Въ такое положеніе попадаетъ, между прочимъ, нѣкій Джонъ Котъ; но обвиненные признаютъ его показаніе клеветой и требуютъ назначенія суда Божьяго. Поединокъ происходитъ въ назначенный день и кончается неблагопріятно для обвиненныхъ. Ихъ затѣмъ тащатъ къ висѣлицѣ, но, прежде чѣмъ поднять на воздухъ, имъ вскрываютъ животъ и вынимаютъ внутренности, которыя тутъ же сожигаются. Доносчикъ же получаетъ прощеніе.

Ту же казнь терпятъ, кромѣ перваго зачинщика, Томаса Гардинга, еще восемь другихъ его ближайшихъ сообщниковъ. Вольсингамъ объясняетъ причину, по которой судьи отказались отъ прежняго вида казни. Въ началѣ,—говоритъ онъ,—пришлось имѣть дѣло съ такимъ множествомъ обвиненныхъ, что приходилось довольствоваться однимъ отсѣченіемъ головы, но это наказаніе затѣмъ показалось недостаточнымъ для такихъ преступниковъ и потому постановили подвергать ихъ повѣшенію и четвертованію *).

Отмѣтимъ ту интересную черту, что въ послѣднемъ процессѣ кентскихъ мятежниковъ съ особою наглядностью выступаетъ участіе францисканцевъ. Имъ приписана роль эмиссаровъ, волнующихъ народъ и готовыхъ поднять его противъ короля въ пользу герцога ланкастерскаго. Неудивительно послѣ этого, если въ лѣтописяхъ встрѣчаются рѣзкія нападки на этихъ «нищенствующихъ только по имени братій». Имъ ставится въ вину не одна стяжательность, пристрастіе къ хорошей пищѣ и чужимъ женамъ, но и то, что, одобряя преступленія вельможъ и завидуя надѣленному собственностью священству, они вводятъ простонародье въ заблужденіе и распространяютъ въ его средѣ всякія лжи (mendaciae), такъ что въ обычай вошло говорить: «ужь коли братъ, то непремѣнно лжецъ» **). Гауэръ въ своей *Vox clamantii*, написанной вслѣдъ за подавленіемъ возстанія, повторяетъ приблизительно тѣ же нападки: и для него нищенствующіе ордена составлены изъ лицемѣровъ, способныхъ только принести вредъ церкви и государству ***).

За подавленіемъ движенія въ Эссексѣ и Кентѣ, очагомъ недовольства вооруженнаго сопротивленія оставался Гертеордширъ и, въ частности, тридцать пять селеній, которыя какъ мы видѣли выше, вошли въ союзъ между собою съ цѣлью добиться возстановленія Сентъ-Албанскимъ мона-

*) *Вольсингамъ*, т. II, стр. 20.

**) *Вольсингамъ*, т. 2, стр. 13 и 14. *Chronicon a monacho Sancti Albani*, 312.

***) См. *Poema, quod vocatur vox clamantis*, изданіе Roxburgh Club, кн. IV, 16 и 19.

стыремъ того, что они считали своими исконными вольностями и привилегіями. Ихъ попытки были вполнѣ успѣшны и, прежде чѣмъ слухъ о пораженіи кентскихъ ополченій въ столицѣ дошелъ до аббата, новыя грамоты уже были изготовлены и крестьяне вошли въ обладаніе общинными выпасами, правомъ охоты и улова и свободой отъ помѣщичьихъ монополій. Теперь предстояло все это отобрать. Задача была нелегкая и король одно время думалъ двинуть все свое войско въ Сентъ-Албанъ, ставъ самъ во главѣ его. Но рыцарь Вальтеръ Атте-Ли, уроженецъ графства, предвидя, что одного прихода королевскихъ полчищъ будетъ достаточно, «чтобы внести опустошеніе на пять миль въ окружности» *), убѣдилъ Ричарда поручить ему одному дѣло умиротворенія. Во главѣ тысячи пяти сотъ всадниковъ, вооруженныхъ пиками, и значительнаго числа пѣхотинцевъ прибылъ онъ къ Петрову дню въ Сентъ-Албанъ. Увѣдомленные заблаговременно объ его пріѣздѣ, крестьяне собрались на сходку, чтобы выслушать предложеніе своего побѣдоноснаго вождя Гриндекоба. Послѣдній и на этотъ разъ обнаружилъ прежнюю стойкость и энергію; онъ не только удержалъ слабодушныхъ отъ мысли искать спасенія въ бѣгствѣ, но и внушилъ большинству готовность стоять за свои права. Вольсингамъ приводитъ рѣчь, сказанную имъ собравшимся. Она рисуетъ намъ сентъ-албанскаго вождя далеко не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ представляется обыкновенный крестьянскій агитаторъ, вродѣ Джона Стро. Да онъ и не былъ имъ по самому рожденію. Всѣ современныя свидѣтельства единогласно относятъ его къ числу горожанъ Сентъ-Албана и говорятъ о воспитаніи, полученномъ въ стѣнахъ Сентъ-Албанской обители. Гриндекобъ далекъ отъ мысли терроризировать аббата новыми насиліями и погромами. Крестьяне достигли желаемаго и должны стоять за осуществленіе данныхъ имъ обѣщаній. Никогда условія не были болѣе благопріятны. «Будьте мужественны,—говоритъ онъ толпѣ,—помня, что всѣ сосѣднія селенія въ союзѣ съ вами и готовы стоять другъ за друга. Выйдемъ поэтому на встрѣчу рыцарю и спросимъ его, пришелъ ли онъ къ намъ съ миромъ. Если да, мы примемъ его охотно, если нѣтъ, выгонимъ изъ нашего селенія». «Эта глупая рѣчь,—говоритъ Вольсингамъ,—пришлась дуракамъ по вкусу» **). Позволено сомнѣваться, чтобы въ данныхъ условіяхъ можно было остановиться на болѣе мудромъ рѣшеніи. Такимъ оно, повидимому, показалось и прибывшему рыцарю. Обмѣнявшись дружескими поклонами съ толпою, онъ вошелъ въ городъ во главѣ своего ополченія, но не какъ противникъ, а какъ благожелатель. Въ день Петра и Павла изданъ былъ манифестъ о томъ, чтобы

*) См. *Gesta abbatum monasterii Sancti Albani*, т. III, стр. 357, и *В сингамъ*, т. II, стр. 22. Оба приводятъ содержаніе рѣчи, произнесенной Вальтер Атте-Ли въ обращеніи къ крестьянамъ Сентъ-Албана; въ ней, между прочимъ, вст чаются слова: „Явись король со своимъ войскомъ, всѣ плоды и всѣ хлѣба были уничтожены. Съ нимъ такое число воиновъ, что на пять миль въ окружности остается ни сѣна, ни другого провіанта для людей и животныхъ“.

**) „Plaenit ergo stultus sermo stultis“.

крестьяне всѣхъ сосѣднихъ селеній сошлись въ Дерфольдѣ у опушки лѣса. Собралась такая толпа, что королевскому посланцу показалось и на этотъ разъ благоразумнѣе говорить въ примирительномъ смыслѣ. Указавъ крестьянамъ, что своимъ прибытіемъ онъ избавилъ ихъ отъ опустошеній королевскаго войска, Вальтеръ Атте-Ли объявилъ имъ, что въ своемъ разслѣдованіи онъ намѣренъ положиться на показанія мѣстныхъ присяжныхъ и поручить имъ выдачу зачинщиковъ. Рѣчь эта большинствомъ была принята сочувственно. Вальтеръ собираетъ въ тотъ же день членовъ обвинительнаго жюри и требуетъ, чтобы завтра же они пришли къ нему съ заявленіемъ именъ главныхъ виновниковъ. Ночь проведена была крестьянами въ совѣщаніяхъ, и когда на слѣдующій день присяжные предстали предъ Вальтеромъ, послѣдній не въ состояніи былъ получить отъ нихъ другого отвѣта, кромѣ слѣдующаго: мы никого не можемъ обвинить, всѣ вѣрныя слуги короля. Когда, прослушавъ обѣдню, Вальтеръ обратился къ тѣмъ же лицамъ съ предложеніемъ вернуть недавнія грамоты, полученныя отъ аббатства, присяжные послѣ новаго совѣщанія отвѣтили отказомъ, говоря, что не смѣютъ сдѣлать этого изъ страха отвѣтственности предъ обществомъ. Вальтеръ принимаетъ мѣры къ ихъ задержанію, но заступничество аббата возвращаетъ имъ свободу. Королевскій посланецъ снова рѣшается собрать толпу и назначаетъ мѣстомъ свиданія лѣсъ подъ Барнетомъ. На этотъ разъ крестьяне являются уже вооруженными и въ ихъ средѣ оказывается не меньше трехсотъ стрѣлковъ.

Въ виду этого, Вальтеръ Атте-Ли ограничивается повтореніемъ сдѣланнаго уже запроса о выдачѣ грамотъ, воздерживаясь, въ то же время, отъ какихъ бы то ни было угрозъ. Одновременно, призвавъ къ себѣ больнеровъ или сельскихъ старостъ по назначенію аббата, онъ поручаетъ имъ тайно овладѣть личностью главныхъ зачинщиковъ и въ числѣ ихъ Гриндекоба и Іоганна цирюльника, который первый вынулъ изъ полу пріемной мельничные жернова, принесенные предками бунтовщиковъ, какъ свидѣтельство готовности подчиняться монополіи аббата. Захваченныхъ приказано препроводить въ Гартфордъ, куда самъ Вальтеръ отправлялся въ тотъ же вечеръ со всѣмъ своимъ ополченіемъ. Вожаки принуждены были провести ночь въ тюрьмѣ. На слѣдующій день, согласно распоряженію Вальтера, отрядъ, составленный изъ зажиточнѣйшихъ гражданъ города, сопровождалъ арестованныхъ до Гартфорда. Крестьяне не имѣли поэтому возможности отбить ихъ по дорогѣ и войска Вальтера усилились присоедине[illegible]емъ къ нимъ городского отряда. Когда въ Сентъ-Албанѣ разнеслось из[illegible]стіе о случившемся, крестьяне стали волноваться. Послышались рѣчи о[illegible]ъ, что если ихъ вожакамъ причиненъ будетъ какой-нибудь вредъ, они уб[illegible]ютъ сто человѣка за каждаго. Пошли сборища и переговоры, начались сх[illegible]дки въ поляхъ и лѣсахъ за предѣлами города. Разнеслась молва, что аббат[illegible]во будетъ сожжено, и можно было ждать самыхъ тяжелыхъ послѣдствій, та[illegible]акъ на мѣстѣ не было никого, способнаго остановить произвольную ра[illegible]зу толпы. Испуганный аббатъ приказалъ гражданамъ и монастырскимъ

управителямъ немедленно вернуться въ Сентъ-Албанъ. Они подчинились его волѣ, но скрѣпя сердце, такъ какъ,—говоритъ Вольсингамъ,—«жалѣли о невозможности присутствовать при казни преступниковъ» *). Хотя Вальтеръ и согласился отдать крестьянамъ на поруки ихъ главнаго вожака Гриндекоба, но только въ разсчетѣ, что послѣдній, желая спасти свою жизнь, выскажется въ пользу возвращенія грамотъ. Только подъ этимъ условіемъ обѣщано было крестьянамъ сохранить жизнь ихъ любимому вождю. Ожиданія, однако, не оправдались, и Гриндекобъ открыто высказался противъ мысли промѣнять свободу согражданъ на собственную жизнь. Лѣтописцы Сентъ-Албанскаго монастыря, несмотря на свою враждебность къ главѣ непокорныхъ, не могутъ отказать въ уваженіи человѣку, такъ охотно жертвовавшему собою для общаго дѣла. Вольсингамъ влагаетъ въ уста Гриндекобу рѣчь, которая способна была бы доставить безсмертіе и болѣе крупному борцу за народную волю. «Сограждане,—сказалъ онъ, по возвращеніи въ селеніе,—вы, которыхъ недавно рожденная свобода избавила отъ узъ долгаго угнетенія, не занимайтесь моею судьбой и настаивайте на своемъ. Если мнѣ придется умереть изъ-за торжества вашихъ вольностей, я буду считать себя счастливымъ и кончу охотно свою жизнь мученичествомъ. Поступайте же такимъ образомъ, какъ если бы меня уже постигла казнь въ Гартфордѣ. Вѣдь, мой конецъ близокъ былъ еще вчера и только отозваніе аббатомъ воиновъ спасло мнѣ жизнь. Они обвиняли меня во многомъ, а судья былъ расположенъ въ ихъ пользу и жаждалъ моей крови» **).

Были ли сказаны именно эти слова, мы рѣшить не беремся; но они вполнѣ отвѣчаютъ тому характеру искренняго патріота, съ какимъ сентъ-албанскій трибунъ выступаетъ во все время препирательствъ съ аббатствомъ. Его роль защитника народныхъ интересовъ началась уже давно. Авторъ *Житій* говоритъ о немъ, какъ о вожакѣ, еще въ царствованіе Эдуарда III, когда, продолжая старинную распрю и требуя отъ аббатства точнаго соблюденія мнимыхъ вольностей, якобы дарованныхъ королемъ Офой при самомъ основаніи монастыря, крестьяне воспротивились силой новому размежеванію земель ***). Съ этого времени Гриндекобъ, преданный отлученію отъ церкви, не переставалъ быть душою всѣхъ движеній, затѣваемыхъ съ цѣлью возстановленія старыхъ или полученія новыхъ вольностей. Ему принадлежала мысль личнаго обращенія къ королю и онъ же велъ переговоры съ Уотомъ Тейлоромъ и добился посылки имъ отряда въ подмогу инсургентамъ. Если возстаніе имѣло счастливый исходъ и крестьяне безъ кровопролитія добились отмѣны помѣщичьихъ монополій и возстанов[illegible]я исконныхъ общинныхъ сервитутовъ, то этимъ они во многомъ об[illegible]я были находчивости и благоразумію своего вождя. Вольсингамъ р[illegible]страняется поэтому о неблагонадежности крестьянъ, рѣшившихъ поже[illegible]вать его жизнью изъ-за собственныхъ выгодъ. Онъ говоритъ, что [illegible]

*) *Вольсингамъ,* т. II, стр. 25 и слѣдующ.

**) См. *Вольсингамъ,* т. II, стр. 27; *Gesta,* т. III, стр. 341.

***) *Gesta,* стр. 369.

слѣдокъ самъ агитаторъ долженъ былъ «сознаться въ своей глупости и раскаяться въ содѣянномъ» *). Эти разсужденія надо, разумѣется, оставить на отвѣтственности автора.

Ближайшія событія ни мало не указывали на возможность рокового исхода и Вальтеръ Атте-Ли, повидимому, готовъ былъ пощадить Гриндекоба. Препровожденный обратно въ гартфордскую тюрьму, Гриндекобъ и оттуда продолжалъ руководить крестьянскою оппозиціей, побуждая ихъ къ упорному сопротивленію. Такъ, когда прошелъ слухъ о приближеніи къ Сентъ-Албану войскъ подъ начальствомъ графа Ворвика и лорда Томаса Перси, никто, какъ онъ, поспѣшилъ увѣдомить о томъ своихъ согражданъ.

Сообщеніе сдѣлано было ему братомъ, пребывавшимъ въ Лондонѣ. Активная роль, принятая и на этотъ разъ Гриндекобомъ, повидимому, рѣшила его судьбу. Даже предстательство аббата въ его пользу оказалось безсильнымъ, главнымъ образомъ, потому, что въ Сентъ-Албанѣ начались вскорѣ новыя сходки, новыя попытки вооруженнаго сопротивленія. Правда, при извѣстіи о приближеніи войскъ, крестьяне рѣшились было войти въ переговоры о возвращеніи отобранныхъ грамотъ. Но монастырское начальство предпочло воздержаться отъ односторонняго рѣшенія старой распри, возлагая надежду на скорое прибытіе королевскихъ судей. Когда ожидаемый приходъ Ворвика не осуществился, крестьяне, по словамъ монастырскихъ лѣтописцевъ, перестали падать духомъ, говоря: «Дураки мы, что повѣрили лживымъ словамъ и готовы были уже выдать наши грамоты. Будемъ стоять на своемъ и не покроемъ себя болѣе такимъ позоромъ». Когда, сообщаютъ тѣ же источники, король узналъ о перемѣнѣ настроенія, онъ пришелъ въ сильное бѣшенство и рѣшился самъ пойти съ войскомъ въ Сентъ-Албанъ. Его прихода одинаково испугались и крестьяне, и аббатъ, предвидя опустошеніе страны войсками. Но всѣ попытки удержать Ричарда на этотъ разъ оказались праздными. Даже открывшіяся снова переговоры съ аббатомъ, возвращеніе мельничныхъ жернововъ, похищенныхъ изъ пріемной, обѣщаніе уплатить 200 ливровъ убытковъ и построить на собственный счетъ разнесенную усадьбу не успокоили короля. Онъ прибылъ въ Сентъ-Албанъ при колокольномъ звонѣ, въ сопровожденіи тысячнаго отряда и судебной коммиссіи, главою которой былъ Робертъ Трезиліанъ, «опытный юристъ, горластый и съ мудростью змѣиной» **). Я не буду утомлять вниманія читателя подробнымъ описаніемъ послѣдовавшихъ казней. Довольно будетъ сказать, что Джонъ Боль, недавно захваченный въ Ковентри, Гриндекобъ, нѣкій Вильгельмъ Кадингдонъ и Джонъ брадо-[illegible]ѣй были повѣшены и четвертованы. Вольсингамъ, а за нимъ аббатъ [illegible]нтъ-Албанскаго монастыря слѣдующимъ образомъ выражаются о казни

*) „Poenituit tamen Willelmain Gryndecobbe, sed sero stultitiae suae, quia vicinos os in superbiam etiam cum vellet, non potuit a stultitia revocare“. *Gesta*, стр. 342; *[illegible]сингамъ*, т. II, стр. 28.

*) „Dominus Robertus Trysilian, Miles, Justiciarus, vis multum habens pectorii et entiae serpentinae“. *Gesta*, т. III, стр. 347; *Вольсингамъ*, т. II, стр. 31.

Боля: «tractus, suspentus et decollatus est presente rege et cadaver ejus quadripartitum quatuor regno civitatibus missum est» [1]). Чтобы добиться выдачи присяжными именъ сентъ-албанскихъ вожаковъ, пришлось прибѣгнуть къ хитрости. Трезиліанъ объявилъ присяжнымъ, не дававшимъ другого отвѣта, кромѣ того, что нѣтъ виновныхъ и всѣ вѣрные слуги короля: «Вина заговорщиковъ мнѣ хорошо извѣстна и вы только навлекаете на себя личную отвѣтственность безцѣльнымъ упрямствомъ». Присяжные сдались и утвердили представленный имъ списокъ. Чтобы придать обвиненію характеръ народнаго рѣшенія, Трезиліанъ трижды повторялъ ту же комедію передъ тремя различными по составу присяжными коммиссіями. И послѣ казни народъ продолжалъ волноваться. Ночью сняты были тѣла повѣшенныхъ и пришлось пустить въ ходъ угрозы, чтобы заставить крестьянъ снова поднять ихъ на висѣлицу [2]). Когда король удалился изъ Сентъ-Албана, аббатство испытало на себѣ всѣ послѣдствія народной ярости. Въ населеніи ходилъ слухъ, что настоятель далъ королю большую сумму, чтобы побудить его къ приходу. Во время процесса крестьяне пустили противъ аббата обвиненіе въ томъ, что онъ первый послалъ ихъ къ лондонскимъ ополченцамъ и тѣмъ сдѣлался виновникомъ всѣхъ послѣдующихъ бѣдствій. Не желая подчиниться мельничной монополіи, они, несмотря на новый приказъ короля, рѣшились покупать муку на сторонѣ, а когда такое поведеніе вызвало репрессію, послѣдовалъ поджогъ монастыря, причемъ всѣ усилія открыть виновника оказались тщетными [3]). Поведеніе Трезиліана въ Сентъ-Албанѣ существенно не отличалось отъ того, какое позволяли себѣ лондонскіе судьи съ Вольворсомъ во главѣ, кентскіе—съ Лазушемъ и норфолькскіе—съ Вильгельмомъ де-Уфордомъ [4]).

Всюду части подсудимыхъ обѣщано было прощеніе подъ условіемъ, если они выдадутъ сообщниковъ. Характерный примѣръ этому мы находимъ въ процессѣ Іоганна Вроу, одного изъ главныхъ вожаковъ движенія въ Суффолькѣ. Онъ пытается вовлечь въ общую съ нимъ отвѣтственность нѣкоего Томаса де-Корнирдъ, рыцаря, и только передъ смертью соглашается снять съ него это обвиненіе [5]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ подсудимому предоставляется доказать свою правоту поединкомъ съ обвинителемъ. Такъ, напримѣръ, вслѣдъ за вторымъ возстаніемъ въ Кентѣ, Джонъ Котъ, сдѣлавшій доносъ на Джона Стертаутъ и Вильгельма изъ Дальтона, долженъ былъ, какъ мы видѣли, принять поединокъ съ обвиняемыми [6]). Побѣда осталась за нимъ и они были повѣшены. Тотъ же Котъ, мѣсяцъ спустя,

---

[1]) *Вольсингамъ*, т. II, стр. 32; *Chronicon a monacho Sancti Albani*, стр. 332.

[2]) *Gesta*, т. III, стр. 355; *Вольсингамъ*, т. II, стр. 40.

[3]) *Gesta*, т. III, стр. 360—364.

[4]) Въ Кентѣ во главѣ судебной коммиссіи стоялъ тотъ же Трезиліанъ, въ Сэрре и Миддельсексѣ—Вольворсъ.

[5]) „Johannes Wrawe quesitus est ab eo si ipse appellum suum manutenere vellit necne qui dicit quod non". *Coram Rege Rolls*. 5, Ric. II. De termino Paschae, c. Suffolk.

[6]) 25 октября 1381 г. *Archeologia cantiana*, т. IV.

дѣлаетъ подобный доносъ и на нѣкоего Вильяма Атевель, но присяжные объявляютъ его невиннымъ и Коту предстоитъ казнь. Тогда норвическій епископъ заступается за него и король прощаетъ доносщику, очевидно, въ награду за оказанныя услуги. Приведенные факты даютъ право положиться на свидѣтельство Мальверна, что, желая избѣжать казни, многіе предательски обвиняли ближнихъ [1]).

Тотъ же лѣтописецъ разсказываетъ, что нѣкоторыя лица возводили лживыя обвиненія на своихъ враговъ, мстя имъ за старые доносы [2]). Кнайтонъ утверждаетъ то же, говоря: кто былъ обвиненъ предъ судьею Трезиліаномъ по справедливости или изъ ненависти, неминуемо приговариваемъ былъ къ казни [3]). О числѣ смертныхъ приговоровъ можно судить по тому, что, какъ говоритъ Мальвернъ, прежнихъ висѣлицъ не хватало и заведены были новыя. За повѣшеніемъ слѣдовало отсѣченіе головы, нерѣдко также тому и другому предпосылалось вскрытіе живота и сожженіе внутренностей. Подчасъ одинъ и тотъ же трупъ вѣшали въ четырехъ разныхъ концахъ города [4]). Среди Лондона, на одной изъ самыхъ оживленныхъ улицъ Сити, въ Чинсайдъ, устроенъ былъ эшафотъ и приготовлена сѣкира. Экзекуція поручалась часто женамъ потерпѣвшихъ фламанцевъ [5]). Вѣшали на одной висѣлицѣ до десяти человѣкъ, нерѣдко и болѣе. Число изведенныхъ казнью было, однако, значительно меньше числа избитыхъ дворянскими ополченіями: эвесгамскій монахъ считаетъ, что помѣщики при подавленіи возстанія истребили болѣе семи тысячъ [6]). Когда, такимъ образомъ, цѣлыя толпища крестьянъ искупили жизнью попытку выйти изъ неволи и даже въ высшихъ слояхъ сталъ слышаться ропотъ противъ чрезмѣрныхъ жестокостей [7]), король, съ согласія членовъ совѣта, рѣшился, какъ говоритъ Мальвернъ, положить конецъ излишнему усердію своихъ судей [8]). Созванный вскорѣ затѣмъ парламентъ ходатайствовалъ о выдачѣ грамотъ о прощеніи. Эти послѣднія буквально гласили слѣдующее: «Отпускаемъ такому-то отвѣтственность за нарушеніе мира и злодѣянія, совершенныя имъ по 14 декабря 1381 года» (конечный срокъ возстанія, на-

---

1) „Celeris accusatii ut citius mortem evaderet onere gravissimae militiae depressus perfidi accusatoris satisfecit per singula vota...“ *Hyghden:* „Polychronicon“, т. IX, стр. 8.

2) „Plurimi sui singuli erga quos anescentis odi, malitia movebantur tanti maleficii crimen inponebant ut vel tali objectionis titulo diu affectatam in has quos aderant explerent vindictam“. Ibid., стр. 8 и 9.

3) Apud *Twysden,* стр. 2644.

4) Ibid., *Knyghton.*

5) *Malvern* (*Hyghden,* т. IX, стр. 8): „Truncus ligneus cum securi in medio chepe itus erat in expeditionem amputationis uxoribus Flandrensium data potestas de·'andi“.

6) *Historia vitae et regni Ricardi II* (Hearne), стр. 32.

7) См. объ этомъ у *Malvern.*

8) Кнайтонъ хвалитъ Трезиліана за то, что, отмщая совершенныя мятежниками ̌ства судей и присяжныхъ, онъ „ubique discurrens et nulli parcens fecii ftragum mam... Nec ipse aliquam pepercit vicem pro vice rependens“.

чало котораго, какъ видно изъ другихъ одновременныхъ писемъ короля, за большою печатью, Ричардъ относитъ къ маю мѣсяцу). Помилованіе не распространялось на частныхъ воровъ и убійцъ и на лицъ, бѣжавшихъ изъ тюрьмы *).

Ходатайствуя о расширеніи королевской амнистіи, общины, въ то же время, представили цѣлый списокъ лицъ, подлежавшихъ немедленной казни. Этотъ списокъ сохранился въ протоколахъ парламента и представляетъ самое любопытное свидѣтельство о характерѣ ближайшихъ виновниковъ движенія. Парламентъ называетъ ихъ principales ductores et inceptores, т.-е. вожаками и зачинщиками. Число ихъ въ разныхъ графствахъ различно: всего больше въ Лондонѣ, разумѣя подъ нимъ какъ Сити, такъ и графства Сэрре и Миддельсексъ. Затѣмъ слѣдуютъ Кентъ и Кентербери, Эссексъ, Норфолькъ и Суффолькъ, Кембриджъ, Суссексъ и Сомерсетъ, Винчестеръ и Гартфордъ. На одну Сити приходится 150 человѣкъ, а если прибавить къ ней и Миддельсексъ, то 173. Въ другихъ графствахъ осуждены на казнь, гдѣ, какъ въ Кентѣ, 20 человѣкъ, а гдѣ, какъ, въ Сомерсетѣ или въ Суссексѣ, всего 13 и 8. Для Норфолька и Суффолька, вмѣстѣ взятыхъ, указано 36 человѣкъ, для Эссекса—11, для Сомерсета—13, для Винчестера—8, для Гартфорда, гдѣ произошли уже казни вожаковъ сентъ-албанскаго движенія, всего четыре.

Въ двухъ городахъ, Кентербери и Кембриджѣ, насчитывается въ первомъ 8 приговоренныхъ къ смерти, во второмъ 4. Прочитывая самые списки, мы убѣждаемся въ томъ, что движеніе вытекло въ равной мѣрѣ изъ среды какъ сельскаго, такъ и городского простонародья. Не только не встрѣчается аристократическихъ именъ, но и мастера-ремесленники рѣдки, все больше ученики-подмастерья, appreuticii. За то представлены всѣ промыслы. Мы находимъ и пахаря (laborer), и сѣятеля (sower), и молотильщика (grynder), и пастуха (shepherd), и сельскаго наймита (servins), и плотника (carpenter), и кузнеца (smyth), и лодочника (boteman), и каменщика (manon), и кровельщика (tylere), и кабатчика (taverner), и повара (cook), и пивовара (brewere), и цирульника (barberes). Въ городахъ ученики (appreuticii) всѣхъ возможныхъ промысловъ стоятъ рядомъ съ домашнею прислугой, начиная отъ привратника (portur) и лакея (woleys) и оканчивая садовникомъ (gardines), лѣсникомъ (forster) и подвальнымъ (wynedrawer и pyper). Особенно многочисленны ткачи и вообще лица, занятыя низшими видами труда въ шерстяномъ промыслѣ. Слова; webbe, corde maker, bosier, sherman, fouller, dyer, taillour—встрѣчаются на каждомъ шагу; но всѣ эти ткачи, веревочники, бѣлошвеи, стригальщики, валяльщики, по[...]ные—не болѣе, какъ лица, работающія на хозяевъ. Это тотъ самый клас[...] изъ котораго вербовались главные участники извѣстнаго возстанія «Сіом[...] во Флоренціи и одновременныхъ движеній народной черни въ Сіенѣ. Не ма[...] лицъ, занятыхъ отдѣльными видами кожевеннаго производства, начин[...]

*) *Parliamentary Rolls*, т. III, стр. 119.

отъ дубильщика (skynner) и сапожника (shoemaker) и оканчивая перчаточникомъ (glover) и сѣдельщикомъ (sadeler). Точильщики (tourner) также попадаются не рѣдко. Менѣе часты указанія на желѣзниковъ (ferrour), на шпорниковъ (sporiers) и вообще на лицъ, занятыхъ обработкою металловъ. Золотыхъ дѣлъ мастеръ (goldsnith) упоминается всего разъ; изъ торговыхъ профессій представлены по преимуществу коробочники (cobeler) и вѣтовщики или старьевщики (peddelers). Отсутствуютъ оптовщики, нѣтъ ни торговцевъ пряностями, ни лицъ, связанныхъ съ отпускомъ шерстяныхъ тканей за границу, ни, разумѣется, иностранныхъ купцовъ, ганзейскихъ, ломбардскихъ или фламанскихъ. Изъ лицъ высшаго общественнаго положенія болѣе другихъ представлены сельскіе священники,—не столько настоятели церквей, сколько ихъ викарные и замѣстители (vicarius et capellanus): въ Норфолькѣ Вильгельмъ Квинбергъ, капланъ изъ Скоштау, въ Суффолькѣ уже знакомый намъ Іоганъ Вроу, капланъ, и Альфредъ Парфе, викарный церкви Всѣхъ Святыхъ въ Судбери; о двухъ другихъ значится, что они personae такой-то или такой-то церкви; это значитъ, что они принадлежатъ не къ священно, а церковно-служителямъ. Въ Эссексѣ упоминается Іоганъ Тайлоръ, капланъ. Въ городахъ, какъ и можно было ожидать, лица духовнаго званія совершенно отсутствуютъ. Будучи больше на глазахъ у епископа, городскіе священники не могли, очевидно, вербоваться изъ среды единомышленниковъ Боля и послѣдователей церковныхъ доктринъ Виклефа, такъ называемыхъ лоллардовъ. Что касается другихъ либеральныхъ профессій, то упоминаются только клерки или второстепенные нотаріальные служители и писцы (scryveyn). Только одинъ разъ встрѣчается имя адвоката—мастеръ (magister) Джонъ Феррургъ изъ Рочестера, но за то есть указаніе на участіе нѣкоторыхъ лицъ, принадлежащихъ къ числу если не дворянъ, то живущихъ дворянскимъ образомъ, т.-е. безъ опредѣленной профессіи. Въ такомъ положеніи находится, напримѣръ, въ Норфолькѣ Thomas gentilhomme de Buxton. Есть также не мало городскихъ обывателей, занятія которыхъ не указаны, повидимому, потому, что они жили своими рентами. Въ общемъ большинство вполнѣ отвѣчаетъ тому представленію, какое Гауеръ даетъ намъ объ участникахъ крестьянскаго движенія въ своей извѣстной *Vox clamantis*. Будучи самъ землевладѣльцемъ въ Кентѣ *), Гауеръ, въ поэмѣ, написанной вскорѣ послѣ окончанія крестьянскаго движенія, легко могъ изобразить видѣнное или слышанное имъ отъ непосредственныхъ свидѣтелей**). Въ II главѣ первой книги англійскій поэтъ рисуетъ намъ картину безчинствъ, совершенныхъ мятежниками: Іотъ кличетъ, Томъ идетъ и Симонъ поспѣшаетъ, Гибу и Гику данъ

---

*) См. *John Gower's*: „Bezichungen zu Chaucer und König Richard II". Bon, 1 г., стр. 24.

**) Самъ онъ говоритъ, что передаетъ не только то, что видѣлъ собственными ми, но и то, чему другіе были свидѣтелями и что онъ узналъ изъ ихъ разсказ ь. См. *Gower*: „Poema, quod vocatur vox clamantis" (Roxburgh Club). Introducti стр. XI.

приказъ явиться, Коль воруетъ въ сообществѣ съ Геффомъ и Виль обѣщаетъ помочь обоимъ, Гриджъ грабитъ въ то время, какъ Дау наноситъ удары. Обоихъ поддерживаетъ Гобъ, Лоркинъ не хочетъ уступить никому. Цебъ грозитъ, Юдъ бросаетъ на землю, Гудъ поражаетъ мечомъ, Жакъ убиваетъ кого ему вздумается, Гоггъ обнаруживаетъ свое великолѣпіе и считаетъ себя по благородству выше короля, а Боль, пророкъ, поучаетъ, получивши самъ воспитаніе отъ того лукаваго духа, который и былъ основателемъ всей школы (намекъ на Виклефа). Но если, такимъ образомъ, низшіе классы общества почти одни участвуютъ въ рядахъ инсургентовъ, то какъ объяснить, что въ спискахъ конфискованныхъ за измѣну имуществъ въ одномъ Кембридширѣ и Гентингдонѣ указано до пятидесяти случаевъ уплаты штрафовъ изъ имѣній и доходовъ, принадлежавшихъ участникамъ возстанія *)?

Надо помнить, что движеніе въ Кембриджѣ приняло особый характеръ и что, благодаря враждебности города къ университету, почти всѣ классы общества участвовали въ немъ. Вотъ почему въ спискѣ конфискацій встрѣчаются отсутствующіе въ другихъ мѣстахъ суконщики (drapers), принадлежавшіе къ числу цеховой аристократіи, собственники нерѣдко восьми лавокъ, свободные владѣльцы и съемщики чужихъ земель (libere tenentes et firmarii). Сказаннаго недостаточно, однако, чтобъ объяснить значительное число земельныхъ пользователей, тѣмъ болѣе, что оно встрѣчается и въ другихъ спискахъ, напримѣръ, въ томъ, какой составленъ былъ 25 октября, въ 5-й годъ правленіи Ричарда, нѣкіемъ Іоганомъ Ридъ, королевскимъ escheater въ Норфолькѣ и Суффолькѣ. И въ немъ встрѣчаются десятки лицъ, поставленныхъ внѣ закона, «utlagati», казненныхъ за измѣну королю или бѣжавшихъ отъ преслѣдованія, fugitini pro prodicione. Обо всѣхъ значится, что изъ ихъ имущества король получилъ или долженъ получить то десятки шиллинговъ, то нѣсколько фунтовъ **).

Недоразумѣнія исчезаютъ, разъ мы примемъ во вниманіе ту тѣсную связь, въ какой стояли въ XIV вѣкѣ съ землею не только крестьяне, но и ремесленники, особенно тѣ, которые отправляли свои промыслы въ селахъ. По этой причинѣ и владѣльцы крѣпостныхъ надѣловъ, еще несшіе

*) См. въ *Record Office Fxchequer Zaw Treasmy Remembrant*. „Eurolled accounts ot Escheators", № 18 (R.II). Compatus Ricard: Wykes Esch. Regis Ricard II in comitatibus Cautebret Huntingdon a 12 die Nov. a 4 usque ad 15 diem Decembris.

**) Напримѣръ, Джонъ Сутонъ изъ Тотингтона, бѣглецъ, обложенъ штрафомъ въ четыре фунта шесть солидовъ. Они будутъ уплачены изъ имущества виновнаго взявшимъ его на поруки. Іоганъ Ботцъ обложенъ сорока шиллингами; такъ какъ онъ въ бѣгахъ, то платежъ произведенъ будетъ изъ его имущества женою и двумя сосѣдями. Отмѣтимъ также, что лица, потерпѣвшія отъ погрома, представляютъ противъ отдѣльныхъ виновниковъ иски на сумму нерѣдко въ десятъ фунтовъ. Такъ поступаетъ, напримѣръ, помѣщикъ Гугонъ Фанстольфъ; причиненные ему убытки оцѣнены въ двадцать четыре фунта и онъ требуетъ ихъ съ Джона Кифка изъ Бокстона, такъ какъ послѣдняго не оказывается на мѣстѣ, то уплата падаетъ на его управителя (bolivus).

барщину кузнецы, плотники, кожевники, сѣдельщики, валяльщики, каменщики, красильщики, маляры и т. п., фигурируютъ въ счетахъ королевскихъ канфискаторовъ на правахъ если не собственниковъ, то владѣльцевъ съ опредѣленнымъ годовымъ доходомъ.

Предводитель крестьянскихъ бандъ, разсѣянныхъ епископомъ норвичскимъ, Альфредъ Листэръ, котораго Вольсингамъ объявляетъ красильщикомъ изъ Норвича *), оказывается владѣльцемъ весьма скромнаго, правда, имущества, изъ продажи котораго можно выручить всего-на-всего девять солидовъ. Не большимъ капиталомъ (catalla) располагаетъ и капланъ Стефанъ изъ Фельдгама, также «измѣнникъ и потому поставленный внѣ закона», utlagus, и нѣкій Робертъ кузнецъ изъ Риделингтона, бѣглецъ, измѣнникъ. Но рядомъ съ ними Ричардъ де-Боменъ, также скрывавшійся отъ преслѣдованій, уже владѣетъ имуществомъ, достаточнымъ для уплаты штрафа въ 25 солидовъ, а Джонъ Россель по иску аббата Эдмундсбери платитъ изъ своего состоянія за убытки сорокъ шиллинговъ. Послѣдніе два, а также Іоганъ Бутцъ изъ сѣвернаго Вальтгама и Джонъ Сутонъ изъ Тотингтона, съ которыхъ конфискаторъ взыскиваетъ два и четыре фунта шесть шиллинговъ, очевидно, свободные владѣльцы, снимающіе землю у помѣщиковъ и въ томъ числѣ у аббатства. Въ Кембриджширѣ и Гентингдонѣ, гдѣ, по указаннымъ выше причинамъ, число зажиточныхъ лицъ, принявшихъ участіе въ движеніи, является болѣе значительнымъ, все же съ тридцати восьми лицъ экзиторъ получаетъ всего 88 фунтовъ 12 солидовъ и 11 пенсовъ. Большая часть этой суммы составлена изъ имуществъ такихъ владѣльцевъ и фермеровъ, какъ Іоганъ Бруксъ, голова котораго отсѣчена была въ окрестностяхъ Рамзэ (мѣсто пребыванія извѣстнаго аббатства) или Іоганнъ Канчагъ, также потерявшій голову въ Кентербери. Этотъ послѣдній снимаетъ земли въ разныхъ мѣстностяхъ въ предѣлахъ Кентерберійскаго діоцеза и діоцеза епископа Эли, почему послѣдній, ссылаясь на текстъ старинныхъ грамотъ, надѣлившихъ его предшественниковъ правомъ обращать въ свою пользу имущества бѣглыхъ преступниковъ (catalla feonum fugitivorum), требуетъ поступленія конфискованной собственности въ свои руки. Имущества обоихъ виновниковъ оцѣнены приблизительно въ 20 фунтовъ. Значительную часть общей суммы (88 фунтовъ) составляетъ также собственность повѣшеннаго въ Кембриджѣ владѣльца восьми лавокъ, Джона Когесгель, и Вильгельма Бокингамъ, о которомъ значится, что онъ держалъ въ своихъ рукахъ девять участковъ въ Генкгтонѣ, заключавшихъ 61 акръ пахоти и два акра пастбища. Эти земли приносятъ ежегоднаго

---

*) *Вольсингамъ*, томъ II, стр. 5. Сентъ-албанскій лѣтописецъ называетъ его ...ster, Фруассаръ говоритъ о немъ какъ о Listier. Эта послѣдняя транскрипція ...вильнѣе, такъ какъ въ оффиціальныхъ источникахъ онъ значится Lyster и, при... ...ъ, не Иваномъ, а Альфредомъ. Въ счетѣ королевскаго экзитора въ Норфолькѣ и ...фолькѣ стоитъ буквально: „Henricus Botter de Felmyngham et Agnes quondam ...r Galfridi Lyster de cadem debet reddere de bonis et catallis ejusdem Galfridi de...ti pro prodicione—IX solidos“.

дохода 18 солидовъ 6 пенсовъ. Такъ какъ, значится въ счетѣ королевскаго конфискатора, Вильямъ Бокингамъ поднялъ знамя возстанія съ четырнадцатаго іюня, т.-е. съ пятницы, слѣдующей за праздникомъ Corpus Christi, то земли его взяты въ управленіе казною. Изъ числа остальныхъ лицъ, упоминаемыхъ въ счетѣ, два кузнеца, Джонъ Смисъ и Вильямъ Смисъ, производятъ наиболѣе крупные платежи: первый, напримѣръ, 74 солида 4 пенса. Такъ какъ Джонъ Смисъ казненъ, то его имущество поступаетъ въ руки пріора въ Гентингдонѣ, пользовавшагося, очевидно, тѣмъ же правомъ на оставленную преступниками собственность, на какое претендовалъ епископъ Эли.

Несравненно меньшимъ доходомъ владѣютъ прочія лица, упомянутыя въ счетѣ, т.-е. громадное большинство. Съ Вильгельма суконщика едва ли не взыскивается наибольшая сумма штрафа, а именно 8 солидовъ 9 пенсовъ, остальные отвѣчаютъ предъ казною всего въ размѣрѣ нѣсколькихъ солидовъ и еще чаще пенсовъ; такъ какъ большинство ихъ въ бѣгахъ, то взносъ штрафа порученъ управителямъ или сосѣдямъ, которые вправѣ продать всю собственность въ уплату. Самый размѣръ взысканій стоитъ въ связи съ величиной имущества. Такъ какъ всего чаще у отправляемаго на казнь не оказывается никакой собственности, то въ судебныхъ протоколахъ стоитъ одно краткое заявленіе: et non habet bona et catalla *). Въ рѣдкихъ случаяхъ эта фраза замѣняется другой: et inquiratus de berris et catallis suis. Такимъ образомъ, общее впечатлѣніе, выносимое нами изъ счетовъ королевскихъ конфискаторовъ, ни мало не подрываетъ того положенія, что движеніе 1381 года вытекло по преимуществу изъ среды демоса, какъ сельскаго, такъ и городскаго, и нашло только рѣдкихъ союзниковъ въ землевладѣльческомъ сословіи, да и то не въ средѣ собственниковъ а второстепенныхъ владѣльцевъ и арендаторовъ.

Максимъ Ковалевскій.

---

*) См. *Coram Rege Rolls* 5. Ric. II, графства: Эссексъ, Кентъ, Сэрре, Мидсексъ, Норфолькъ и Суффолькъ.

Очерки провинціальной жизни.

Живя въ деревнѣ, вы на каждомъ шагу видите, какъ сильны еще привычки, чувства, взгляды крѣпостного времени. Если Ивана, Василья, Степана, Дарью, Варвару рѣдко уже называютъ Ванькой, Васькой, Степкой, Дашкой, Варькой, то обращеніе къ народу на *ты* остается до сихъ поръ господствующимъ. На Западѣ обращеніе къ рабочему на *ты* составляетъ оскорбленіе; тамъ сознаніе гражданскаго равенства вошло уже въ плоть и кровь общества; у насъ въ обращеніи съ народомъ весьма ярко проявляются слѣды недавняго рабства. Джентльменъ съ равными и высшими считаетъ ни за что обругать рабочаго человѣка по самому пустому поводу. Пропутешествуйте въ крестьянской одеждѣ недѣлю, другую и тогда вы увидите, какъ мало уважается личность народа. Въ № 31 *Недѣли* напечатано письмо какого-то помѣщика, въ которомъ онъ свой родной народъ называетъ «темнымъ стадомъ»,—не толпою, а именно стадомъ,—и выражаетъ къ этому стаду свое полное презрѣніе. Газета справедливо считаетъ такое письмо типичнымъ, ради чего она его и напечатала. Сотни лѣтъ,—справедливо замѣчаетъ газета,—дворяне сидѣли въ крѣпостное время у себя въ усадьбахъ и научились смотрѣть на мужика не какъ на своего ближняго, а какъ на какое-то особое, «подлое» существо, съ особою «черною костью»,—существо, не имѣющее права на свободу и счастье. Вспомните, что еще такъ недавно, оставаясь «благороднымъ», можно было не только лишить свободы, оскорбить человѣка, унизить, прибить, отнять у него имущество, дѣтей, осквернить жену, лишить отечества (сослать въ Сибирь), но можно было промѣнять человѣка собаку, продать, заложить, и что право на все это было даже исклюельнымъ признакомъ благородства. Крестьянинъ, коренной гражданинъ ударства—вещь, собственность дворянина. Только великій актъ 19 феля разсѣкъ эту вѣковую, безобразную ложь и призналъ въ крестьяни человѣка. Но вѣковая ложь исчезаетъ не скоро. Еще очень многіе поцики остались въ полномъ невѣжествѣ: попрежнему они смотрятъ на стьянина и не понимаютъ его,—все онъ еще кажется имъ не *человѣ*-ъ. а животнымъ изъ «стада», существомъ низшей расы.

Какъ мало церемонятся съ достоинствомъ личности рабочаго человѣка, какъ мало уважаютъ его законнѣйшія права—объ этомъ въ нашихъ очеркахъ приводятся непрерывно яркіе примѣры. Вотъ два новыхъ случая, показывающихъ, до какихъ—едва мыслимыхъ—размѣровъ доходитъ попраніе правъ крестьянскаго населенія. Въ Васильскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, земскій начальникъ, къ изумленію всей волости, велѣлъ перенести мезонинъ волостного правленія на домъ своего любимца. Вотъ какъ разсказывается объ этомъ въ *Самарской Газетѣ*. У крестьянина Филюкова есть дочь, которая показалась бывшему земскому начальнику весьма подходящей для роли «экономки». Отъ судьбы, какъ говорится, не уйдешь, но умные люди пользуются, по крайней мѣрѣ, ея дарами. Филюковъ—мужичокъ очень умный. Въ виду этого, онъ избралъ себѣ профессію сельскаго «аблаката» въ томъ самомъ участкѣ, въ которомъ дочь его занимала столь выдающееся положеніе. Адвокатскія способности сего взысканнаго судьбою человѣка оказались столь блестящими, что онъ выигрывалъ у земскаго начальника даже такія дѣла, которыя послѣднему вовсе и не подсудны. За симъ взысканный судьбою человѣкъ задумалъ построить себѣ хоромы, приличныя его новому званію. И что же? Крестьяне трехъ обществъ по внезапному душевному порыву стали возить ему (безплатно и радостно) строевой лѣсъ на постройку. Правда, въ семьѣ не безъ урода: одинъ изъ старостъ отказался наряжать мірянъ на «добровольную» повинность и за это отсидѣлъ въ кутузкѣ. Филюкову этотъ небольшой инцидентъ не помѣшалъ, однако, благополучно вывести свои палаты подъ крышу, и пришло, наконецъ, время подумать объ «увѣнчаніи зданія». Взысканный судьбою человѣкъ, какъ извѣстно, всегда нѣсколько прихотливъ и, пожалуй, даже причудливъ. Филюкову стало почему-то казаться, что его хоромы будутъ не хоромы, ежели онъ ихъ не украситъ мезониномъ, принадлежащимъ мѣстному волостному правленію. Идея, разумѣется, совершенно безумная, но оказалось, что нѣтъ ничего невозможнаго въ Васильскомъ уѣздѣ. Вскорѣ смѣлыя архитектурныя мечтанія Филюкова возымѣли практическое осуществленіе. Старшина получилъ отъ г. земскаго начальника письменное распоряженіе, коимъ начальникъ приказывалъ ему, не спрашиваясь у схода, продать мезонинъ волостного правленія желающимъ стороннимъ лицамъ, причемъ, въ качествѣ наиболѣе подходящаго покупателя, въ той же оффиціальной бумагѣ рекомендовался Филюковъ. А чтобы жадные мужики не прижали добраго старичка цѣной, то и сумма предусмотрительно назначена въ бумагѣ: тридцать рублей!... Цѣна, разумѣется, для старика вовсе не обидная, такъ какъ подобные мезонины, вообще говоря, стóятъ во много разъ дороже. И вотъ происходитъ въ Васильскомъ уѣздѣ волшебное событіе: удивленные міряне видятъ, какъ въ одинъ прекрасный день мезонинъ ихъ волостного правленія сволакивается съ исконнаго мѣста и «увѣнчиваетъ зданіе» родителя экономки земскаго начальника. Это маловѣроятное происшествіе констатировано оффиціальнымъ дознаніемъ, такъ какъ нѣкоторое—и, притомъ, не малое—время спустя высшія политическія конъюнктуры

въ Васильскомъ уѣздѣ измѣнились въ сторону невыгодную для г. З., и г. васильскій предводитель дворянства счелъ нужнымъ ознакомить губернское присутствіе съ фактами, которые ему, разумѣется, были извѣстны очень давно. Произведено дознаніе, факты подтвердились и земскому начальнику предложено выйти въ отставку «по домашнимъ обстоятельствамъ».

А вотъ другое, столь же поразительное самоуправство уѣздной власти. Нѣкоторые изъ крестьянъ села Никольскаго, Самарской губерніи,—разсказываетъ *Самарскій Вѣстникъ*,—захотѣли подѣлить свою землю на наличныя души, о чемъ и стали хлопотать передъ мѣстнымъ земскимъ начальникомъ. Несмотря на то, что хлопотали объ этомъ не всѣ крестьяне, а только тѣ, кому новый передѣлъ земли былъ выгоденъ, а такихъ набралось около $^1/_8$ всѣхъ однообщественниковъ, земскій начальникъ одобрилъ желаніе крестьянъ и потребовалъ у общества приступить немедленно къ новому передѣлу. Но когда дѣло дошло до схода, то большинство крестьянъ высказалось противъ передѣла. Несмотря на полную законность постановленія схода, земскій начальникъ сдѣлалъ изумительное распоряженіе: онъ *воспретилъ крестьянамъ паханіе земли*, и они вслѣдствіе этого до сихъ поръ не провели въ полѣ ни одной борозды и, конечно, останутся на будущій годъ безъ ржаного посѣва: это—во-первыхъ; а во-вторыхъ, если крестьянамъ запрещено будетъ пахать землю осенью, то они могутъ остаться также и безъ ярового посѣва, а это ужь прямо грозитъ крестьянамъ положительнымъ разореніемъ.

Чистокровными крѣпостниками «добраго стараго времени» ведутъ себя нерѣдко даже люди съ высшимъ образованіемъ. Вотъ, напримѣръ, что разсказывается въ письмѣ изъ Златоустовскаго уѣзда въ *Недѣлю* объ управителѣ Саткинскаго казеннаго завода, г. Панцержинскомъ. Г. Панцержинскій—горный инженеръ, т.-е. человѣкъ съ высшимъ образованіемъ; повидимому, ему не должны быть чужды нѣкоторыя нравственныя понятія, а, между тѣмъ, вотъ что онъ себѣ позволяетъ: 17 іюля онъ охотился на границѣ казенной дачи, прилегающей къ землямъ частныхъ желѣзныхъ рудниковъ князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго и гг. Балашевыхъ, причемъ замѣтилъ, что нѣсколько рудничныхъ крестьянъ косятъ траву въ предѣлахъ казенной дачи; необходимо замѣтить, что рудничнымъ крестьянамъ, содержащимъ большое количество лошадей для зимней возки руды въ заводы, не хватаетъ своего сѣна, и они каждый годъ покупаютъ часть по[illegible]овъ у крестьянъ Саткинскаго завода. Г. Панцержинскій, не давъ даже [illegible]ѣ труда спросить крестьянъ, куплена ли ими трава (а она была ими [illegible]лена), накидывается на нихъ съ ругательствами, ломаетъ у нихъ косы, [illegible]окидываетъ котелки съ ѣдой и избиваетъ въ кровь ихъ физіономіи, [illegible]чемъ одного изъ работниковъ, башкира Ахмата Батеева, изо всѣхъ [illegible] ударяетъ въ лицо револьверомъ и разбиваетъ ему скулу подъ самымъ [illegible]омъ настолько, что у него отваливается цѣлый лоскутъ мяса; потеря [illegible] была настолько сильна, что когда онъ добѣжалъ до рудничной боль-

ницы и фельдшеръ началъ дѣлать ему перевязку, онъ упалъ въ обморокъ. Весь этотъ разбойничій набѣгъ совершенъ г. Панцержинскимъ единственно изъ любви къ искусству. Ни въ чемъ неповинные крестьяне, разумѣется, и не подозрѣвали возможности такого варварскаго нападенія и не скрылись при приближеніи г. Панцержинскаго; напротивъ, они сняли шапки и поздоровались съ нимъ, онъ же набросился на нихъ съ плетью и револьверомъ. И это далеко не первый набѣгъ г. Панцержинскаго; незадолго передъ этимъ онъ избилъ крестьянина Саткинскаго завода Ивана Солодникова за то, что тотъ, ночуя въ лѣсу, осмѣлился развести огонь и взять съ собою ружье; когда же Солодниковъ хотѣлъ довести дѣло до суда, г. Панцержинскій постарался замять дѣло. Въ заводѣ же рѣдкій день обходится безъ мордобитій, которыя до сихъ поръ сходятъ безнаказанно для г. Панцержинскаго.

Безцеремонное отношеніе къ личности рабочаго человѣка, попираніе его правъ, безучастіе къ его жизненному положенію и здоровью,—всѣ эти явленія бросаются въ глаза какъ въ деревняхъ, городахъ, такъ и на фабрикахъ, заводахъ, не взятыхъ законодательствомъ подъ свою защиту. О положеніи рабочихъ, напримѣръ, на сахарныхъ заводахъ разсказываетъ слѣдующее одинъ изъ сотрудниковъ *Недѣли*, посѣтившій недавно заводъ, считающійся «благоустроеннымъ». Работаютъ на немъ до тысячи человѣкъ. Въ теченіе года подвергается обработкѣ до полутора милліоновъ пудовъ. Заводъ огромный. Шесть вакумъ-аппаратовъ, свой подъѣздной путь, обошедшійся въ сто тысячъ рублей, электрическое освѣщеніе. Что касается условій труда, то они убійственны. Работаютъ по 12 часовъ въ день и 30 рабочихъ дней въ мѣсяцъ,—праздниковъ не имѣютъ. Почти во всемъ заводѣ температура воздуха страшно высокая. Работаютъ голышомъ, только покрываютъ голову бумажнымъ колпакомъ да вокругъ пояса носятъ короткій фартукъ. Въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ, наприм., въ камерахъ, куда приходится вкатывать телѣжки, нагруженныя металлическими формами, наполненными сахаромъ, жара доходитъ до 70 градусовъ. Этотъ адъ до того измѣняетъ организмъ, что и въ казармахъ, гдѣ рабочимъ приходится жить, они не выносятъ температуры ниже 30°. Работа голышомъ совсѣмъ заглушаетъ чувство стыда. Голые мужчины работаютъ въ одномъ отдѣленіи съ одѣтыми бабами. Въ интересахъ потребителей авторъ статьи обращаетъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство, замѣченное имъ при обходѣ завода. Рѣзка сахара на мелкіе куски производится съ помощью особыхъ машинъ, отъ которыхъ мелкая сахарная пыль летитъ во всѣ стороны и стоитъ въ воздухѣ. Весь полъ устланъ этою пылью. Вотъ въ такомъ-то отдѣленіи авторъ сообщенія видѣлъ несомнѣнныхъ сифилитиковъ, которые брали куски сахара своими руками, плевали на полъ и т. д. Пыль съ пола подметается и идетъ опять въ дѣло на подбѣлку сахара. Тяжелыя работы, пропитанный сахарною пылью воздухъ обусловливаютъ развитіе на сахарныхъ и рафинадныхъ заводахъ особой специфической болѣзни, которая, между прочимъ, выражается появленіемъ на кожѣ б

шихъ язвъ и ранъ. И съ такими-то язвами рабочіе таскаютъ тяжелыя головы сахару, по нѣскольку за разъ, лазяютъ въ сушильныя камеры и проч. Санитарный надзоръ существуетъ лишь на немногихъ заводахъ, наприм., у графа Бобринскаго въ Смѣлѣ. На рафинадномъ заводѣ, кончая работы, рабочіе моются въ вонючей и грязнѣйшей водѣ. Зимою на одномъ большомъ заводѣ можно видѣть, какъ иногда по снѣгу бѣжитъ черезъ дворъ голый человѣкъ къ ватерклозету, помѣщающемуся далеко отъ главнаго корпуса. А бываетъ и такъ, что для избѣжанія столь непріятнаго путешествія по холоду рабочіе отправляютъ свои маленькія нужды и прямо въ чаны съ патокой.

Въ своемъ высокомѣрномъ отношеніи къ крестьянству помѣщики любятъ указывать на плохое состояніе его сельскаго хозяйства, какъ на доказательство косности и невѣжества массы. Но такое указаніе болѣе чѣмъ странно. Кто же не знаетъ, что земледѣліе на помѣщичьихъ земляхъ мало чѣмъ отличается отъ крестьянскаго, между тѣмъ какъ въ средствахъ для веденія промысла разница несоизмѣримая. Тутъ сотни и тысячи десятинъ владѣнія, а тамъ двѣ - три десятины. Помѣщики платятъ ничтожный налогъ, а крестьяне обложены 100 и болѣе процентами ихъ земельнаго дохода. Крестьяне платили и продолжаютъ платить выкупные платежи, а помѣщики ихъ получили. Милліарды, полученные помѣщиками изъ земельныхъ банковъ, ушли не въ землю, не на сельско-хозяйственныя улучшенія, а на удовольствія и роскошь, что и повело за собою раззореніе и ликвидацію дѣлъ въ массѣ имѣній. То, что мы приведемъ сейчасъ изъ газеты *Кіевлянинъ* о состояніи помѣщичьяго хозяйства въ Переяславскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, съ полнымъ правомъ можетъ быть отнесено къ большинству уѣздовъ нашего отечества. Переѣхавъ Днѣпръ,— говоритъ г. Р—въ,—авторъ статьи *Поѣздка въ Переяславскій уѣздъ*,— хозяинъ Кіевской губерніи оказывается какъ бы сразу отодвинутымъ лѣтъ на двадцать, а то и болѣе по отношенію къ земледѣльческой культурѣ. То, что для него у себя дома сдѣлалось уже вполнѣ нормальной потребностью, безъ чего онъ не можетъ мыслить свое хозяйство: желѣзные плуги, рядовыя сѣялки, жатвенныя машины, всѣ эти усовершенствованныя земледѣльческія орудія, прочно утвердившіяся въ большинствѣ даже такихъ хозяйствъ, въ которыхъ ежегодная запашка не превосходитъ двухсотъ десятинъ, въ громадномъ большинствѣ переяславскихъ хозяйствъ совершенно отсутствуютъ. Глядя на безконечныя равнины Переяславскаго уѣзда съ ихъ необычайно однообразными посѣвами хлѣбныхъ злаковыхъ растеній, [illegible]омъ посѣвовъ, произведенныхъ вполнѣ первобытнымъ способомъ, ка[illegible]ся, что находишься гдѣ-то очень, очень далеко, а не всего лишь въ [illegible]колькихъ часахъ ѣзды отъ Кіева. То, что называется разнообразіемъ [illegible]йственныхъ культуръ и что теперь кладется въ основу нормальной [illegible]йственной жизни, въ Переяславскомъ уѣздѣ почти совершенно отсут[illegible]чуетъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ крупныхъ имѣній, вы повсюду ви[illegible] рожь, пшеницу, овесъ, ячмень, просо и гречиху, т.-е. именно тѣ

хлѣбныя растенія, однообразное производство которыхъ одинаково вредно вліяетъ и на почву, на которой они воздѣлываются, и на рынки, куда вся эта масса хлѣбныхъ продуктовъ выбрасывается. Несмотря на то, что г. Р—въ сдѣлалъ по уѣзду около 100 верстъ на лошадяхъ по проселкамъ, онъ нигдѣ, рѣшительно нигдѣ, не видѣлъ посѣвовъ конскаго боба, вики, чечевицы, гороха, маку, рапса и проч., безъ которыхъ кіевскія хозяйства уже довольно трудно мыслимы. И въ этомъ,—замѣчаетъ авторъ,—нѣтъ ничего удивительнаго. Разъ обработка почвы производится первобытнымъ способомъ, разъ о рядовыхъ сѣялкахъ имѣется только смутное представленіе, то о культурѣ помянутыхъ выше растеній едва ли даже можетъ быть и рѣчь. Единственное изъ «новшествъ», привившееся въ хозяйствахъ Переяславскаго уѣзда,—это культура рыжея. Но и здѣсь, въ посѣвахъ рыжея, сказывается та же небрежность и то же неумѣнье какія характеризуютъ остальныя хозяйственныя культуры Переяславскаго уѣзда. При такомъ порядкѣ хозяйства, не мудрено, что Переяславскій уѣздъ оказывается столь безпомощнымъ во взносахъ разнаго рода платежей и даетъ ежегодно большое число имѣній, публикуемыхъ въ продажу за недоимки. Дѣло просто. При сравнительно хорошемъ урожаѣ десятина земли, обработанная по завѣтамъ Гостомысла, въ заложенныхъ имѣніяхъ Переяславскаго уѣзда, дохода едва даетъ на покрытіе обязательныхъ банковыхъ платежей и уплату повинностей. И, несмотря на это, даже землевладѣльцы, живущіе въ деревняхъ и не имѣющіе надобности разставаться съ этой жизнью, все-таки, отдаютъ свои земли исполу, а не ведутъ хозяйства самостоятельно. Здѣсь испольщина приводитъ къ тому, что «жизнь» такого землевладѣльца сводится къ простому прозябанію безъ радостей для себя и безъ пользы для окружающаго населенія. Переяславскія захолустья таятъ въ своихъ нѣдрахъ достаточное количество такихъ «баръ», культура которыхъ отличается отъ крестьянской лишь покроемъ платья и формою экипажей, и жизнь которыхъ поневолѣ сосредоточивается на мелочномъ скопидомствѣ. Словомъ,—заключаетъ авторъ,—куда ни посмотрѣть, за что ни взяться, всюду видны ясные слѣды отсутствія культурности и даже стремленія къ ней.

Помѣщики имѣютъ полную матеріальную возможность помочь самимъ себѣ; улучшить хозяйство, поднять доходность имѣній—въ ихъ рукахъ. Иначе поставленъ въ этомъ отношеніи многомилліонный крестьянскій міръ. Безъ государственной и земской помощи онъ безсиленъ измѣнить строй сельско-хозяйственной жизни и поднять свое матеріальное положеніе. Что можетъ сдѣлать, напримѣръ, крестьянство Самарской губерніи,—губе[illegible], еще недавно пользовавшейся репутаціей житницы Россіи? Съ финансо[illegible] точки зрѣнія губернія эта представляетъ собою огромный минусъ, т[illegible] какъ недоимки ростутъ, а для оказанія продовольственной помощи н[illegible]ленію приходится постоянно прибѣгать къ обще-государственнымъ с[illegible]ствамъ. Упадокъ Самарской губерніи начался съ 1875 года, когда з[illegible] разразился памятный еще многимъ голодъ. Не поддержанное во вре[illegible]

въ должной мѣрѣ, экономическое положеніе населенія пошло рѣшительно на ущербъ. Съ тѣхъ поръ недоимки быстро возростаютъ и къ настоящему времени достигли громадной цифры. По свидѣтельству *Южнаго Края*, къ началу 1872 года недоимокъ по казеннымъ платежамъ числилось не болѣе 6% годового оклада; за двадцать же послѣднихъ лѣтъ онѣ увеличились въ 70 разъ. Въ 1875 г. онѣ превосходили окладъ и въ теченіе пятилѣтія стояли близко къ годовому окладу, но въ 1883 году составляютъ уже 231 процентъ годового оклада. Въ этомъ году манифестомъ сложено было 8 милл. руб.; но недоимки продолжали рости и къ началу послѣдняго голоднаго года перешли тройной годовой окладъ (306 проц.). Послѣ голоднаго года недоимка увеличилась, и къ 1894 году составляла $4\frac{1}{2}$ годового оклада. Но такъ какъ кромѣ казенныхъ недоимокъ есть еще земскія, то количество всѣхъ недоимокъ значительно больше и, по вычисленію губернской управы, къ серединѣ 1894 года онѣ равнялись 35 милліонамъ рублей. Заслуживаетъ вниманія,—говоритъ газета,—что, оказываясь несостоятельнымъ плательщикомъ передъ государствомъ и земствомъ, населеніе Самарской губерніи несетъ также огромные налоги въ пользу возникшаго въ послѣднее десятилѣтіе класса сельскихъ ростовщиковъ. По тѣмъ же исчисленіямъ, долги, числящіеся за крестьянами частнымъ лицамъ, превосходятъ по своимъ размѣрамъ даже общую сумму недоимокъ. Въ 1891 году ихъ зарегистровано до 25 милліоновъ рублей. Если принять даже низшій процентъ, уплачиваемый крестьянами по этимъ долгамъ, въ 25 р. за сто, то и тогда ежегодная дань въ пользу ростовщиковъ составитъ около 5 милл. руб. Дѣйствительные размѣры ея, конечно, много выше. Какъ результатъ всего этого—масса крестьянъ приходитъ въ полное раззореніе и превращается въ пролетаріатъ, на почвѣ увеличенія котораго создается новый типъ крупнаго кулацкаго хозяйства. Многіе полагаютъ даже, что именно этому хозяйству и принадлежитъ «будущее». Но, тогда, куда дѣнутся, гдѣ найдутъ работу всѣ лишившіеся земли? Вотъ вопросъ, надъ которымъ и надъ послѣдствіями котораго приходится раздумывать всякому, слѣдящему за ходомъ нашей экономической жизни.

Въ теченіе значительнаго уже періода времени земледѣльческая техника у насъ представляетъ, говоря вообще, почти полную неподвижность. Вслѣдствіе этого, въ то время какъ на нашихъ черноземныхъ почвахъ мы получаемъ не болѣе 8 гектолитровъ съ одного гектара обрабатываемой земли, во Франціи эта цифра повышается до 13—15 гектолитровъ, въ Швеціи, Норвегіи, Германіи—до 20, въ Бельгіи и Голландіи съ ихъ песками—до [illegible] а въ Англіи даже до 27 гектолитровъ. Люди, живущіе на худшихъ [illegible]ляхъ, но лучше вооруженные, умѣютъ получать отъ земли въ 2—3 раза [illegible]ьше нашего землевладѣльца и земледѣльца. Это обстоятельство, въ связи [illegible] малымъ развитіемъ внѣземледѣльческихъ промысловъ, держитъ народъ въ [illegible]ности. Статистическія данныя о производствѣ въ Россіи хлѣба и его потреб[illegible]и свидѣтельствуютъ, что нашъ народъ потребляетъ на $\frac{1}{5}$ меньше, нежели [illegible]жно согласно съ требованіями гигіены. По причинѣ бѣдности народъ

имѣетъ и плохія жилища. Все это приводитъ къ тому, что европейская Россія стоитъ на первомъ мѣстѣ по смертности. Та же народная бѣдность порождаетъ сильное развитіе ростовщичества, а послѣднее, въ свою очередь, еще болѣе подкашиваетъ экономическую состоятельность населенія. Печать изобилуетъ сообщеніями о громадныхъ процентахъ, платимыхъ народомъ ростовщикамъ. Вотъ одинъ изъ образчиковъ современныхъ условій кредита для крестьянъ: недавно въ камерѣ земскаго начальника Коломенскаго уѣзда, Московской губерніи, читаемъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, разсматривалось дѣло по обвиненію старосты деревни Петровой, Протопоповской волости, Константина Васильева Богачева, въ отдачѣ въ ссуду денегъ подъ чрезмѣрные проценты. Свидѣтели и потерпѣвшіе, крестьяне деревень Петровой и Хлопки, селъ Гололобова и Лыкова выяснили, на какихъ невозможныхъ условіяхъ приходится крестьянамъ пользоваться ссудами и какія вопіющія беззаконія совершаютъ мѣстные кулаки, пользуясь несчастіемъ ближняго, находящагося въ крайности. Нѣтъ надобности приводить всѣ показанія,—они въ общемъ сходны между собою,—достаточно указать хотя одно изъ нихъ. Крестьянка деревни Петровой Арина Петрова Меньшова показала: Семь лѣтъ тому назадъ брала у Богачева деньги, 24 рубля, на похороны мужа. Въ обезпеченіе исправнаго платежа Меньшова выдала Богачеву росписку, что продала корову. Процентовъ обязалась платить по 7 копѣекъ съ рубля въ мѣсяцъ. Къ Пасхѣ слѣдующаго года Богачевъ потребовалъ уплаты денегъ. Денегъ у Меньшовой не было. Богачевъ въ обезпеченіе уплаты процентовъ взялъ у Меньшовой женскую шубку, шерстяной платокъ, сорокъ четыре аршина холста и теплое пальто ея сына, всего на сумму около 40 рублей. Къ Петрову дню того же года Богачевъ вновь потребовалъ денегъ; у Меньшовой опять ихъ не было, и она, вмѣстѣ съ Богачевымъ, на его лошади, поѣхала на базаръ продавать корову. Продали за 24 рубля, деньги Богачевъ взялъ себѣ. Къ концу лѣта, для уплаты процентовъ, ѣздила опять съ Богачевымъ на базаръ. Продали трехъ овецъ. Деньги Богачевъ взялъ себѣ. Потомъ, осенью, ѣздили еще, продали трехъ телокъ—одну за одиннадцать рублей, а другую,—Меньшова не упомнитъ,—за 10 или 12. Деньги Богачевъ взялъ себѣ. И теперь Богачевъ считаетъ за Меньшовой долгъ, сколько—Меньшова не знаетъ, но вещей Богачевъ не возвращаетъ, а также не возвращаетъ росписки о продажѣ коровы. Правдивость показанія Меньшовой подтверждается протоколомъ осмотра вещей у Богачева. Подъ протоколомъ подписался урядникъ Балкашинъ и понятые. По протоколу значится, что всѣ вещи Меньшовой найдены у Богачева, что стоятъ эти вещи 40 руб. . Подобныя же показанія даны еще восемью крестьянами, вызванными ь разныхъ селъ и деревень. Кто занималъ на свадьбу, кто—на похор , кто послѣ пожара, кто на обсѣмененіе, кто на уплату податей и п - ностей—всѣ одинаково, разъ занявши у Богачева, попадали къ нему ь кабалу. Богачевъ, обезпечивая уплату долга и процентовъ фиктивными - писками о продажѣ скота, часто на сумму, превышающую долгъ, росп ь

никогда никому не возвращалъ, а потому разъ взявшему ссуду приходилось въ случаѣ нужды вновь обращаться къ этому благодѣтелю. Благодѣтель никогда не отказывалъ въ услугѣ, нужно—онъ и на базаръ, на своей лошади, сведетъ послѣднюю скотину и послѣднюю одежду отберетъ. И все это совершалось на законномъ основаніи, все по роспискамъ, скрѣпленнымъ печатью старостъ.

Чтобы пособить крестьянству въ его усиліяхъ справиться съ экономическими невзгодами и нуждою, большинство земствъ стало на путь распространенія въ массѣ сельско-хозяйственныхъ знаній. Въ ряду такихъ земствъ пермское занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Накопленный земскими агрономами опытъ привелъ пермскую губернскую земскую управу, по сообщенію журнала *Хозяинъ*, къ слѣдующему плану правильной постановки сельско-хозяйственныхъ мѣропріятій въ уѣздахъ. Каждый уѣздъ долженъ быть раздѣленъ на однородные въ естественно-историческомъ и сельско-хозяйственномъ отношеніяхъ районы и въ каждомъ районѣ должно быть устроено опытное поле или ферма, имѣющія цѣлью вырабатывать наиболѣе цѣлесообразные для мѣстныхъ условій способы хозяйства. Положительные результаты, добытые опытными полями, демонстрируются населенію на показательныхъ участкахъ, причемъ организація опытовъ лежитъ на обязанности особыхъ странствующихъ учителей-инструкторовъ, подъ общимъ руководствомъ завѣдующаго опытнымъ полемъ. Эти инструкторы должны также знакомить населеніе съ усовершенствованными земледѣльческими машинами и орудіями, принимать заказы на сѣмена, минеральныя удобренія, улучшенный инвентарь и породистый скотъ. При опытныхъ поляхъ или другихъ болѣе удобныхъ пунктахъ устраиваются сельско-хозяйственные склады сѣмянъ и земледѣльческихъ орудій. Крестьянамъ разсылаются отчеты объ опытахъ, въ которыхъ выясняется значеніе послѣднихъ и причины, опредѣляющія тотъ или иной результатъ. Въ отчетѣ о дѣятельности агрономическихъ смотрителей за 1894 годъ опубликованы данныя о показательныхъ опытахъ по 8 уѣздамъ. Здѣсь имѣются свѣдѣнія о 914 опытахъ, разбросанныхъ по всему пространству уѣздовъ.

Заботясь энергично о распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній въ массѣ населенія, пермское земство, равно какъ и другія земства, прекрасно понимаютъ, что этотъ путь воспособленія земледѣльческому населенію можетъ раскрыть свое полное значеніе лишь тогда, когда и государственная политика направится рѣшительно на улучшеніе быта сельскаго населенія. Земство своими мѣрами старается распространить сельско-хозяйственныя ...нія во всей массѣ населенія, въ самые глухіе углы губерніи; но, оче...но, однихъ знаній еще недостаточно; населенію надо имѣть также ма...альныя средства для того, чтобы воспользоваться этими знаніями, чтобы ...ложить ихъ къ землѣ. Только государство своими широкими мѣропрія...ми можетъ поставить сельское населеніе въ такія условія хозяйства, что ...пріобрѣтетъ нужныя для земледѣльческихъ улучшеній средства, и тогда

только нашъ земледѣльческій промыселъ встанетъ на путь правильнаго и благодѣтельнаго для всѣхъ развитія.

Выше говорено было о томъ, что безцеремонное отношеніе къ личности рабочаго человѣка, попираніе его правъ, безучастіе къ его жизненному положенію представляютъ до сихъ поръ слишкомъ обычныя явленія нашей ежедневной жизни. Это такъ. Но справедливо также и то что, на ряду съ ветхимъ завѣтомъ наросли и наростаютъ отличные отъ него элементы жизни, выступаетъ «новая Россія». На всемъ обширномъ пространствѣ нашей родины замѣтно ростетъ число людей, чутко относящихся къ народной нуждѣ и стремящихся приносить посильную помощь народу. Рѣдкій день не найдешь въ той или другой изъ провинціальныхъ газетъ сообщенія о появленіи въ той или иной мѣстности лица или кружка людей, работающихъ въ интересахъ народа. Это многообѣщающее явленіе не рѣдко отмѣчается теперь провинціальною печатью. Справедливо говоритъ по этому поводу *Приазовскій Край,* что факты культурной работы интеллигенціи, направленной къ подъему умственнаго и матеріальнаго состоянія массы, *дѣлаются все болѣе и болѣе обыденными* въ нашей жизни. Всего болѣе извѣстій объ этой работѣ относится къ области народнаго просвѣщенія. Въ одномъ мѣстѣ открывается, благодаря усиліямъ кружка интеллигенціи или отдѣльнаго лица, народная библіотека; въ другомъ—устроенъ книжный складъ, имѣющій цѣлью распространять хорошія книги въ народной средѣ; тамъ открыта новая воскресная школа; здѣсь очень успѣшно идутъ народныя чтенія; въ пятомъ мѣстѣ, пріѣхавшая въ деревню ради лѣтняго отдыха, молодая интеллигентная дѣвушка, устраиваетъ импровизированную лѣтнюю школу для взрослыхъ; въ шестомъ мѣстѣ организуется подобіе народнаго театра; въ седьмомъ—устраиваются своего рода литературные вечера въ деревнѣ; въ восьмомъ, благодаря пожертвованію состоятельнаго интеллигента, устраивается ежедневная школа. Въ значительно меньшемъ количествѣ встрѣчаются факты иныхъ видовъ культурной работы интеллигенціи, но и этого рода факты становятся все болѣе и болѣе частыми. Все чаще мы узнаемъ о врачахъ и фельдшерицахъ, которые выходятъ на не легкое поприще врачебной дѣятельности въ селахъ и деревняхъ за свой страхъ, безъ всякаго жалованья, разсчитывая лишь на вольную практику. Начинаемъ мы встрѣчать также интеллигентныхъ людей, посвящающихъ свою дѣятельность и свои спеціальныя знанія содѣйствію народнымъ кустарнымъ промысламъ—въ смыслѣ ихъ экономической организаціи и поднятія техники. Есть уже и работники, посвятившіе себя распростране[illegible] путемъ примѣра, сельско-хозяйственныхъ знаній въ народной средѣ. Вс[illegible]чаемъ мы и юристовъ, посвятившихъ себя малокорыстной дѣятельно[illegible] направленной на огражденіе и защиту темнаго люда отъ всякаго рода [illegible]лаковъ и отъ разныхъ юридическихъ недоразумѣній. Встрѣчаются и ин[illegible] виды культурной работы интеллигенціи. Газета припоминаетъ, между [illegible]чимъ, ту воронежскую помѣщицу, которая организовала правильное п[illegible]

селеніе около тысячи семей крестьянъ изъ своей мѣстности въ Алтайскій округъ и тѣмъ спасла этихъ бѣдняковъ отъ цѣлаго ряда бѣдъ, обычно выпадающихъ на долю переселенцевъ.

За послѣдній мѣсяцъ почта принесла намъ слѣдующія сообщенія объ альтруистической дѣятельности нашей интеллигенціи.

Орловскій домъ трудолюбія,—читаемъ въ *Орловскомъ Вѣстникѣ*,—съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развиваетъ свою дѣятельность и въ настоящее время являетъ изъ себя нѣчто вродѣ небольшой колоніи, видъ которой производитъ на зрителя пріятное впечатлѣніе. Войдя въ калитку, вамъ прежде всего бросаются въ глаза чистота и опрятность огромнаго двора, на которомъ разбросаны въ разныхъ направленіяхъ небольшія зданія, гдѣ размѣщены убѣжище для дѣтей, мастерскія, спальни, пріюты, ночлежные дома и пр. Здѣсь же между зданіями разбиты палисадники, не большой древесный питомникъ, огороды, цвѣтники,—словомъ, все дышетъ относительнымъ довольствомъ, на всемъ лежитъ печать заботы и любви къ дѣлу. Лѣтомъ дворъ переполненъ шумными криками многочисленныхъ дѣтишекъ—питомцевъ дѣтскаго убѣжища, на который и направлены главныя заботы администраціи. Дѣти выглядываютъ бодро и весело. Общее количество призрѣваемыхъ дѣтей превосходитъ почти вдвое цифру призрѣваемыхъ взрослыхъ. За послѣдній годъ услугами дома трудолюбія воспользовались и находились на его довольствіи 33,471 человѣкъ или 89 въ день. Устроенная при домѣ трудолюбія дешевая столовая отпустила въ отчетномъ году 21,827 обѣдовъ, 76,223 отдѣльныхъ порцій и 18,221 кружекъ чая, всего на сумму 1,951 руб. 77 к.; израсходовано же на ея содержаніе 2,240 руб. 55 коп. Кровомъ ночлежнаго пріюта воспользовались 18,908 ночл., заплатившихъ 945 р. 40 к.; содержаніе ихъ, считая ужинъ и чай,—обошлось администраціи въ 1,268 р. 56 к.

Въ одномъ изъ нашихъ очерковъ мы говорили, что въ селѣ Беково, Саратовской губерніи, кружкомъ сельской интеллигенціи основано общество улучшенія народнаго труда. Въ настоящее время общество имѣетъ уже около сотни членовъ съ шестирублевымъ взносомъ въ годъ. Общество намѣтило слѣдующую программу дѣятельности: 1) озаботиться устройствомъ дешеваго кредита для крестьянскаго населенія; 2) поддерживать и развивать существующія на мѣстѣ кустарныя производства; 3) устраивать выставки земледѣльческихъ орудій и кустарныхъ произведеній съ продажею ихъ; 4) ввести при мѣстныхъ народныхъ училищахъ преподаваніе элементарнаго курса сельскаго хозяйства и народной медицины; 5) открыть ре...енные классы при сельскихъ школахъ, существующихъ въ районѣ дѣй...й комитета, и открыть при мѣстномъ двухклассномъ мужскомъ министер...мъ училищѣ третій спеціально ремесленный классъ съ цѣлью подготов... мастеровъ-руководителей для ремесленныхъ отдѣленій, учреждаемыхъ ... сельскихъ народныхъ школахъ, и 6) устроить народную безплатную ...ліотеку и публичныя чтенія въ селѣ Бековѣ для рабочихъ и крестьянъ. ... этой программы общество успѣло уже выполнить. Подобное же об-

щество, какъ сообщаетъ *Смоленскій Вѣстникъ*, дѣйствуетъ въ с. Жерелево, Мосальскаго уѣзда. Въ настоящее время оно состоитъ изъ 23 членовъ. На средства общества содержится въ окрестныхъ деревняхъ 10 школъ грамотности (открытіе школъ поставлено цѣлью комитета въ томъ соображеніи, что безъ первоначальной грамотности немыслимо болѣе или менѣе успѣшное распространеніе въ средѣ крестьянъ утилитарныхъ знаній). Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что въ послѣднее время крестьяне стали помогать обществу изъ своихъ средствъ, а именно: 5 сельскихъ обществъ Жерелевской волости постановили на сходахъ выдавать на содержаніе школъ ежегодно по 20—40 коп. съ души. Благодаря этому, у комитета остается больше средствъ на осуществленіе спеціальныхъ цѣлей общества улучшенія народнаго труда.

Изъ Рыбинска сообщаютъ въ *Русскія Вѣдомости*, что тамошнее «общество трезвости», желая доставить возможно большему количеству недостаточнаго люда недорогую и доброкачественную пищу, открыло *вторую народную чайно-столовую*, въ арендованномъ имъ у города, за 200 руб. въ годъ, зданіи, на берегу р. Волги, недалеко отъ биржи. Выборъ мѣстности оказался очень удаченъ: здѣсь постоянно толпятся, особенно лѣтомъ, массы народа, въ ожиданіи нанимателей; поэтому въ чайно-столовой ежедневно можно встрѣтить до 1,500 чел., обѣдающихъ или пьющихъ чай, причемъ это удовлетвореніе ихъ потребностей не отвлекаетъ рабочихъ отъ рынка спроса на мускульный трудъ, что для рабочихъ составляетъ весьма существенное удобство. Цѣны въ чайно-столовой очень доступныя: обѣдъ изъ 3 блюдъ—10 к., порціями—отъ 3 коп при. достаточномъ количествѣ ржаного хлѣба; чай, порціонно, отъ 3 к. и дороже, въ розницу—1 к. за стаканъ. Для благотворителей, раздающихъ ручную милостыню, обществомъ открыта продажа особыхъ марокъ, цѣнностью отъ ½ коп. до 10 к., дающихъ право получать изъ чайно-столовыхъ кушанье и чай. Обществу разрѣшены *народныя чтенія* съ туманными картинами, которыя въ Рыбинскѣ особенно нужны, такъ какъ здѣсь въ лѣтнюю пору скопляются громадныя массы рабочаго люда, пріѣзжающаго для занятій на пристаняхъ и желѣзной дорогѣ.

Однимъ изъ наиболѣе симпатичныхъ филантропическихъ учрежденій Казани является организованная здѣсь «школа дѣтскаго труда». Цѣль и забота этой школы,—какъ сообщаетъ *Самарскій Вѣстникъ*,—призрѣніе бѣдныхъ уличныхъ дѣтей, воспитаніе ихъ, обученіе полезнымъ для жизни работамъ, доставленіе пищи, одежды, обуви и т. п. Всѣ дѣти бѣдн[...] родителей, обреченныя нуждой на ежедневныя скитанія по городскимъ [...]цамъ съ протянутою за подаяніемъ рукой, находя себѣ заботливый ух[...] въ «школѣ» и выходя оттуда, становятся полезными для общества р[...]никами. Въ настоящее время количество питомцевъ этого учрежденія д[...]гаетъ 130 человѣкъ. Всѣ призрѣваемые или постоянно живутъ въ сте[...] школы, или же приходятъ сюда только временно, днемъ, а вечеромъ [...]правляются къ своимъ роднымъ. Для безпріютныхъ дѣтей, ростущихъ [...]

всякаго призора, безъ воспитанія и обученія, эта школа является спасительницей. Въ школѣ дѣти обучаются Закону Божію, грамотѣ, церковному пѣнію и, кромѣ того, дѣвочки—рукодѣлью, а мальчики—столярному, сапожному, переплетному и проволочному ремесламъ. Когда воспитанники школы достигаютъ возраста, требуемаго для поступленія въ частныя мастерскія, школа озабочивается пріисканіемъ для нихъ мѣста. Найдя бывшимъ питомцамъ занятія, школа и тогда не оставляетъ ихъ безъ вниманія; она оказываетъ имъ матеріальную и нравственную поддержку, допускаетъ ихъ къ воскреснымъ занятіямъ въ школѣ и снабжаетъ ихъ книгами для чтенія. Содержаніе школы дѣтскаго труда обходится въ годъ около 5,000 рублей. Изъ суммы этой около 1,500 руб. падаетъ на жалованье служащимъ въ школѣ лицамъ, а остальная часть идетъ на содержаніе воспитанниковъ и воспитанницъ. Благодаря существованію упомянутой школы, въ городѣ почти совершенно прекратилось дѣтское нищенство.

Точно такое же учрежденіе для бездомныхъ дѣтей открыто въ августѣ нынѣшняго года въ Херсонѣ. Здѣсь будутъ воспитываться и обучаться грамотѣ, счету и ремесламъ отъ 60 до 70 дѣтей обоего пола.

По словамъ волжскихъ газетъ, нигдѣ нельзя найти такую массу безпризорныхъ, шатающихся дѣтей, какъ на нижегородской ярмаркѣ, о чемъ слѣдовало бы подумать и позаботиться ярморочному комитету. Что можетъ быть печальнѣе,—говоритъ *Нижегородскій Листокъ*,—положенія безпріютныхъ и безпризорныхъ дѣтей, бродящихъ теперь по всероссійскому торжищу, именуемому нижегородскою ярмаркой! Эти несчастныя, безпомощныя маленькія человѣческія существа скитаются по ярмаркѣ цѣлыми сотнями, среди безчисленнаго множества всевозможныхъ соблазновъ и опасностей, угрожающихъ имъ на каждомъ шагу. На-дняхъ ночью были задержаны въ ярмарочной мѣстности 5 мальчугановъ, размѣстившихся на ночлегъ въ упаковочныхъ ящикахъ и бочкахъ. У одного изъ нихъ мать занимается на ярмаркѣ поденною работой, другой явился сюда изъ Горбатова разыскивать свою мать, третій... Но нужно ли разсказывать, какъ и для какой цѣли очутился на ярмаркѣ третій, четвертый и пятый изъ этихъ безпріютныхъ скитальцевъ. Всѣ они, какъ и тысячи подобныхъ имъ несчастныхъ дѣтей, бродятъ безпризорными повсюду, питаясь, какъ и чѣмъ придется; проводятъ ночи, прикурнувъ гдѣ-нибудь въ пустомъ сараѣ, въ товарномъ вагонѣ или заброшенномъ саду; бродятъ безъ дѣла и опредѣленной цѣли, никому не нужныя, жалкія, всѣми и отовсюду гонимыя, какъ какія-нибудь ...дныя собачонки... Это обыкновенно дѣти нужды, всяческихъ лишеній ...езъисходнаго горя. Мать-вдова, прачка или поденщица; если живъ ...цъ, а не мать,—онъ чаще всего тоже поденьщикъ, горькій пьяница, па... Въ результатѣ такого «семейнаго положенія» и всей обстановки жизни ...ъ несчастныхъ дѣтей—тюрьма или исправительная колонія, въ кото... они попадаютъ нерѣдко уже физически и нравственно искалѣченными. ...имъ путемъ комплектуются, между прочимъ, кадры многочисленной ар-

міи тѣхъ отверженныхъ, которые именуются у насъ преступниками и которыхъ народъ называетъ «несчастненькими».

Чтобы подать хотя слабую руку помощи этимъ несчастнымъ жертвамъ соціальнаго строя, земства и общественные кружки устраиваютъ колоніи-пріюты для малотнихъ преступниковъ. Такихъ колоній въ настоящее время насчитывается около тридцати. Газеты сообщаютъ о предстоящемъ открытіи еще трехъ колоній: въ Черниговѣ, Курскѣ и Екатеринбургѣ. Въ Черниговѣ уже состоялась закладка зданія для земледѣльческо-ремесленной исправительной колоніи. Средства нарождающейся исправительной колоніи состоятъ, главнымъ образомъ, изъ земскихъ губернскихъ отчисленій, продолжавшихся безпрерывно нѣсколько лѣтъ и составившихъ къ текущему году около 25,000 рублей. Кромѣ того, устроенная по губерніи подписка на колонію дала за послѣдніе два года болѣе 7,200 р. Такая же колонія въ непродолжительномъ времени будетъ открыта въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ. Уѣздное земство ассигнуетъ на содержаніе колоніи ежегодно по 2,000 р.; въ расходахъ приметъ участіе также екатеринбургская городская дума. По сообщеніямъ газетъ, будутъ открыты колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ и въ нѣкоторыхъ другихъ зауральскихъ уѣздахъ, причемъ губернское земство будетъ отпускать на содержаніе пріютовъ 5,000 рублей. *Курскія Вѣдомости* извѣщаютъ, что въ Курскѣ колонія для малолѣтнихъ преступниковъ будетъ открыта зимою текущаго года. Главное зданіе вчернѣ уже закончено.

Въ 1892 году, во время неурожая и связаннаго съ нимъ голода, Шадринскій уѣздъ былъ однимъ изъ наиболѣе пострадавшихъ. Масса народа находилась въ самомъ отчаянномъ положеніи и многія лица ѣхали туда изъ Петербурга и другихъ мѣстностей, чтобы принести посильную помощь голодавшему народу. Въ ихъ числѣ была и г-жа Огнева, которая поѣхала въ Шадринскъ открывать столовыя и оставила по себѣ память открытіемъ пріюта для сиротъ въ селѣ Пескахъ. Въ первый годъ своего существованія,—какъ сообщаетъ *Екатеринбургская Недѣля,*—пріютъ былъ смѣшанный, т.-е. въ немъ содержались и мальчики, и дѣвочки, всего въ количествѣ 53 чел., причемъ для жилья мальчиковъ была нанята особая квартира. На пропитаніе, одежду, наемъ квартиры и т. п. было израсходовано въ тотъ годъ 1,234 р. 40 к., что составитъ *на одного человѣка* въ годъ съ пищей, одеждой, отопленіемъ и освѣщеніемъ—23 р. 28 к. Въ концѣ года мальчики увезены въ другой мужской пріютъ въ Надырьевъ Мостъ, а въ Пескахъ остался пріютъ для дѣвочекъ. Всѣ воспитанницы—круглыя сироты, за исключеніемъ трехъ, у которыхъ есть отцы, но нѣтъ ма[...] Возрастъ дѣвочекъ, находящихся въ пріютѣ, отъ 6 до 16 лѣтъ. Изъ [...] 15 дѣвочекъ школьнаго возраста учатся въ мѣстной земской школѣ. [...] скія занятія, кромѣ обученія грамотѣ, состоятъ въ плетеніи круж[...] тканьѣ ковровъ; для послѣдняго рукодѣлія привезенъ недавно изъ [...] бурга станокъ. Нѣкоторыя изъ воспитанницъ оказались весьма способ[...] въ этихъ искусствахъ. Онѣ отправлены въ Петербургъ и помѣ[...]

Маріинскую школу рукодѣлій. Черезъ два года онѣ должны возвратиться въ Пески и сдѣлаться учительницами остальныхъ. Всѣ работы по пріюту исполняются самими воспитанницами, какъ-то: мытье половъ и бѣлья, шитье платья и т. д. Кромѣ того, лѣтомъ, въ страду, воспитанницы работаютъ по найму у крестьянъ въ полѣ. Пріучая, такимъ образомъ, дѣвочекъ къ разнообразной работѣ, незамѣтно создали и цѣль пріюта, а именно—сформировать изъ нихъ хорошихъ впослѣдствіи работницъ, поставить ихъ на собственныя ноги и выпустить въ жизнь умѣлыми хозяйками и мастерицами.

Хорошій примѣръ своимъ профессіональнымъ коллегамъ подаютъ врачи города Вязьмы. Они, въ числѣ шести человѣкъ,—какъ сообщаетъ *Смоленскій Вѣстникъ,*—подали въ городскую управу заявленіе о необходимости въ городѣ Вязьмѣ безплатной амбулаторіи для бѣдныхъ и изъявили желаніе принимать тамъ больныхъ 5 дней въ недѣлю по 3 часа ежедневно, если городъ дастъ соотвѣтствующее помѣщеніе и необходимыя средства, въ размѣрѣ хотя бы 600 р. въ годъ. Гласные, въ полномъ составѣ, выразили сочувствіе врачамъ и подали городскому головѣ просьбу о томъ, чтобы по возможности ускорить открытіе лечебницы. Въ отвѣтъ на это городской голова предоставилъ для амбулаторіи одинъ изъ имѣющихся въ распоряженіи города домовъ, благодаря чему амбулаторія скоро откроется и городской бѣднотѣ будетъ обезпечена медицинская помощь.

Нельзя также не привѣтствовать, какъ проявленіе роста общественной самодѣятельности, успѣшный ходъ дѣлъ «рыбинскаго общества взаимнаго вспомоществованія частному труду». Общество это недавно издало отчетъ, съ содержаніемъ котораго знакомитъ насъ корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей.* Изъ отчета видно, что общество вступило въ девятый годъ существованія. Открытое въ 1886 г. безъ всякаго основного или запаснаго капитала, при 50 членахъ-учредителяхъ, общество къ 1895 г. насчитывало въ своей средѣ уже 194 члена, а денежныя средства его къ этому году достигли 18,566 рублей. Цѣль общества—улучшеніе матеріальнаго быта и нравственное развитіе лицъ, добывающихъ средства къ жизни частнымъ служебнымъ трудомъ. Огромное большинство людей этой категоріи, получая небольшое жалованье, живутъ изо дня въ день, расходуя весь заработокъ сполна и не имѣя возможности отложить что-либо въ запасъ на случай болѣзни, старости и т. п. Въ такихъ случаяхъ общество приходитъ на помощь своимъ нуждающимся членамъ, выдавая имъ ежемѣсячныя пособія отъ 10 до 20 рублей, или, по желанію, ссуды не свыше 200 рублей, на срокъ не болѣе 6 мѣсяцевъ, за поручительствомъ двухъ членовъ общества. Въ экстренныхъ случаяхъ выдаются единовременныя пособія до 25 р. и безъ поручительства. Независимо отъ денежныхъ пособій, общество, въ лицѣ правленія, комитета и всѣхъ членовъ, пріискиваетъ потерявшимъ занятія членамъ новыя мѣста, сообразно способностямъ и прежнему служебному положенію каждаго. Всѣ члены общества могутъ пользоваться безплатными совѣтами врача общества и скидкою 30% съ таксы

при покупкѣ лекарствъ изъ двухъ аптекъ; при подпискѣ на право чтенія книгъ и журналовъ въ публичной библіотекѣ рыбинскаго соединеннаго собранія всѣхъ сословій членамъ общества дѣлается скидка въ 45% и не требуется залогъ. Кромѣ того, обществомъ положено начало и собственной небольшой библіотеки. При обществѣ учреждена особая «вспомогательная касса», имѣющая спеціальную цѣль—вспомоществованіе бѣднѣйшимъ престарѣлымъ и неспособнымъ къ труду членамъ, ихъ семействамъ, вдовамъ и другимъ родственникамъ. «Касса» эта дѣйствуетъ на основаніи своего отдѣльнаго устава; капиталъ ея нынѣ составился уже въ суммѣ до 4,200 р. и ежегодно увеличивается извѣстными отчисленіями изъ общихъ средствъ общества и однорублевыми взносами членовъ. Кромѣ того, при обществѣ учрежденъ спеціальный капиталъ на обученіе дѣтей, составившійся уже въ суммѣ болѣе 1,100 р. Въ отчетномъ году воспользовалось ссудами подъ векселя 80 членовъ, позаимствовавшихъ 4,908 р. 27 к., уплачено ссудъ на 4,830 р. 67 к.; къ 1 января 1895 г. остатокъ долга по ссудамъ составился въ суммѣ 2,534 р.; за ссуды взимается обществомъ 6% годовыхъ. Кромѣ жителей Рыбинска, въ средѣ общества насчитывается до 60 членовъ иногороднихъ, проживающихъ въ Орлѣ, Ростовѣ-на-Дону, Баку, Петербургѣ, Кронштадтѣ, Тихвинѣ, Череповцѣ, Вытегрѣ, Вологдѣ, Мологѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Астрахани и другихъ городахъ.

Интересныя иллюстраціи къ вопросу о культурномъ ростѣ народа подъ вліяніемъ школы нашли мы въ послѣднихъ нумерахъ *Вятскаго Края, Харьковскихъ Вѣдомостей* и *Саратовскаго Листка*. Разсказывая о жизни рабочихъ на Ижевскомъ заводѣ, *Вятскій Край* сообщаетъ, что въ настоящее время одними рабочими здѣсь выписывается болѣе 500 экземпляровъ газетъ и журналовъ. Читаются, главнымъ образомъ, слѣдующія изданія: *Свѣтъ, Родина, Вокругъ Свѣта, Природа и Люди, Нива, Сельское Хозяйство, Сѣверъ, Звѣзда, Живописное Обозрѣніе* и др. Вмѣстѣ съ умственнымъ развитіемъ у рабочихъ появляется стремленіе къ порядку и чистотѣ въ платьѣ и жилищахъ. Всѣ лица сельскаго управленія, начиная со старшинъ и кончая выборными, грамотные, что благопріятно отражается на дѣлахъ. Раскладки денежныхъ сборовъ идутъ правильно, а также и отчетность въ расходахъ волостныхъ суммъ контролируется ежегодно людьми, хорошо знакомыми со счетоводствомъ, а таковыхъ, благодаря школамъ, здѣсь не мало. Ежегодныя операціи здѣшняго сельскаго банка простираются до 200 тысячъ, и все сложное банковское дѣло съ успѣхомъ ведется исключительно людьми, получившими образованіе въ заводскихъ школахъ.

Корреспондентъ *Харьковскихъ Вѣдомостей* разсказываетъ о в[illegible] школы на жизнь села Уды. Здѣсь,—говоритъ онъ,—въ короткое [illegible] возникли, по иниціативѣ крестьянъ, такія общественныя учрежденія, к[illegible] не имѣются еще во многихъ городахъ. Во-первыхъ, открыта безплат[illegible] народная читальня, снабженная достаточнымъ числомъ книгъ. Завѣ[illegible]щимъ читальней утвержденъ сельскій учитель, а библіотекаремъ—мѣс[illegible]

волостной писарь, одинъ изъ первыхъ учениковъ школы. Читальня имѣетъ просторное удобное помѣщеніе и достаточный контингентъ читателей. Вмѣстѣ съ читальней устраиваются народныя чтенія, привлекающія многочисленныхъ слушателей. Вскорѣ чтенія эти будутъ происходить съ пояснительными картинами, для чего пріобрѣтается уже волшебный фонарь. Рядомъ съ этими благотворными учрежденіями, сельское общество, для противодѣйствія кабакамъ, открыло свою чайную, которая сразу завоевала расположеніе лучшей части мѣстнаго общества. Для чайной нанятъ домикъ въ центрѣ села, по 12 р. въ мѣсяцъ, съ тѣмъ, чтобы хозяинъ и хозяйка дома занимались и продажей чая. Чайная имѣетъ кубъ для кипяченія воды, столы, стулья и маленькую библіотеку книгъ и брошюръ. Посѣтителямъ за 4 коп. предлагаются ½ золотника чая, три куска сахара и сколько угодно горячей воды. Денежныя дѣла чайной идутъ превосходно: въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ со дня открытія выручено 380 р., изъ коихъ погашено 100 р. долгу, сдѣланнаго на обзаведеніе чайной, и на 50 р. сдѣланъ запасъ разныхъ матеріаловъ для чайной. Съ удовольствіемъ собираются тутъ жители, чтобы за чаемъ послушать чтеніе и посовѣтоваться о дѣлахъ; тутъ принимаются и новые члены, въ числѣ которыхъ состоятъ, между прочимъ, волостной старшина, предсѣдатель волостного суда и волостной писарь. Недавно на сходѣ Удянскаго сельскаго общества было заявлено о необходимости имѣть собственныхъ сапожниковъ, столяровъ, плотниковъ и другихъ ремесленниковъ, чтобъ избѣжать безполезной траты времени, сопряженной съ ѣздой для покупки необходимыхъ предметовъ домашняго обихода въ городъ, гдѣ всегда приходится переплачивать. Приговоромъ общества и постановлено, съ цѣлью образованія своихъ мастеровъ, открыть собственное ремесленное училище. Приговоръ представляется на усмотрѣніе уѣзднаго земскаго собранія, сходъ же обязался ассигновать на училище половину той суммы, какая будетъ признана необходимой земствомъ.

Изъ села Озерокъ (Саратовскаго уѣзда) пишутъ въ *Саратовскій Листокъ*, что крестьяне, постановивъ на сельскомъ сходѣ открыть въ селѣ библіотеку и получивъ на то надлежащее разрѣшеніе, отправили въ настоящее время мѣстнаго учителя въ Москву закупить книгъ для вновь открывающейся библіотеки на сумму 250 р. (200 р. изъ коихъ пожертвованы крестьянами) непосредственно изъ книжныхъ магазиновъ крупныхъ московскихъ фирмъ.

Всѣ эти факты вызовутъ хорошее чувство въ каждомъ, кто любитъ свою родину; тѣ же лица, которыя участвуютъ непосредственно въ вели..ъ дѣлѣ просвѣщенія народа, испытаютъ глубокое нравственное удовле..еніе.

Статья наша была написана, когда мы получили газету *Южный Край* сообщеніемъ о закладкѣ Тургеневской школы. Какъ по величинѣ, такъ ..о архитектурѣ новая школа, основанная въ память И. С. Тургенева, ..тъ одной изъ лучшихъ г. Харькова. Она разсчитана на нѣсколько

сотъ учениковъ и будетъ вмѣщать: три большихъ классныхъ комнаты, большой залъ, квартиру для учителя, прихожую и раздѣвальную комнату. Работами завѣдуетъ городской архитекторъ г. Шторхъ. Закончить постройку вчернѣ предполагаютъ къ 1 октября. Деньги на школу пожертвованы нѣсколькими лицами изъ мѣстной интеллигенціи. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что въ дѣлѣ помощи народному просвѣщенію харьковская интеллигенція занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Чтобы дать понятіе объ энергіи и успѣшности ея дѣятельности въ этой области, достаточно указать на работу харьковскаго комитета народныхъ библіотекъ. Вотъ что сообщаетъ о ней въ *Приазовскомъ Краѣ* хорошій знатокъ учрежденій для народнаго образованія г. Я. Абрамовъ: «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ харьковское общество распространенія въ народѣ грамотности открыло въ Харьковѣ первую народную библіотеку - читальню. Дѣло это началось при самыхъ скромныхъ условіяхъ—съ небольшимъ запасомъ книгъ, при небольшихъ средствахъ, или, вѣрнѣе, при полномъ отсутствіи средствъ. Иниціаторы дѣла, однако, глубоко вѣрили въ то, что дѣло, столь полезное, какъ народная библіотека, должно быть только начато, а дальнѣйшій ростъ его неизбѣженъ. Ожиданія эти оправдались самымъ блестящимъ образомъ. Въ настоящее время первая харьковская народная читальня - библіотека имѣетъ уже болѣе 4 тысячъ томовъ книгъ, получаетъ 20 періодическихъ изданій, имѣла въ 1894 году на приходѣ 3,076 р., израсходовала 2,159 р. и имѣла въ кассѣ наличными къ 1 января 1895 г. 1,404 р. Дѣятельность читальни - библіотеки выразилась въ отчетномъ году въ весьма солидныхъ цифрахъ. Читальня была посѣщаема 2,003 лицами, сдѣлавшими 10,768 посѣщеній и взявшими для чтенія въ помѣщеніи читальни 13,565 книгъ и 4,984 №№ журналовъ и газетъ. Библіотека имѣла къ 1 января 1894 году 1,587 наличныхъ абонентовъ; въ теченіе 1894 г. записалось 2,038 абонентовъ, выбыло 2,046 и къ 1 января 1895 г. наличныхъ абонентовъ состояло 1,578. Книгъ и періодическихъ изданій взято для чтенія на дому въ теченіе года 49,966. Приведенныя цифры показываютъ, что первая харьковская безплатная чительня-библіотека работаетъ въ размѣрахъ, въ нѣсколько разъ превышающихъ дѣятельность публичныхъ библіотекъ большинства нашихъ губернскихъ городовъ, не исключая и самыхъ крупныхъ. Такая обширная дѣятельность требуетъ значительнаго труда со стороны администраціи библіотеки, и весь этотъ трудъ выполняется даромъ сотрудниками и сотрудницами читальни, которыхъ въ прошломъ году было больше 50 человѣкъ.

Но успѣхъ дѣла этимъ не исчерпывается. Дѣятели читальни ясн[illegible] дѣли, что одна безплатная библіотека - читальня не можетъ удовлетво[illegible] потребности населенія такого большого города, какъ Харьковъ, уже в[illegible] ствіе отдаленности своего нахожденія отъ многихъ пунктовъ, населенн[illegible] рабочимъ классомъ. И вотъ, въ Харьковѣ въ самый короткій промежу[illegible] возникли еще двѣ безплатныя библіотеки-читальни, работающія также в[illegible] успѣшно.

Успѣхъ харьковскихъ народныхъ читаленъ-библіотекъ обратилъ на себя вниманіе всѣхъ, интересующихся дѣломъ просвѣщенія народной массы. Множество лицъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей, желая организовать народныя библіотеки и не зная, какъ приступить къ этому дѣлу, стали обращаться въ Харьковъ съ запросами объ организаціи дѣла. Для удовлетворенія этихъ запросовъ пришлось устроить при первой читальнѣ особую коммиссію, а затѣмъ явилась мысль, что харьковская интеллигенція могла бы оказывать помощь дѣлу устройства народныхъ библіотекъ въ глухихъ углахъ нашего отечества не только разъясненіями, но и болѣе активнымъ образомъ. Тогда при харьковскомъ обществѣ распространенія въ народѣ грамотности возникъ комитетъ по устройству сельскихъ библіотекъ и народныхъ читаленъ. Комитетъ этотъ возникъ лишь въ срединѣ 1894 года и сдѣланное имъ за короткій промежутокъ времени достаточно для того, чтобы на его дѣятельность было обращено общественное вниманіе и чтобы она вызвала подражаніе со стороны образованныхъ людей въ другихъ нашихъ городахъ.

И. Иванюковъ.

Картинки современныхъ нравовъ.

I.

Благодаря пониженнымъ тарифамъ и свойственному русскимъ людямъ легкомыслію, я возымѣлъ довольно смѣлую мысль—насладиться нынѣшнимъ лѣтомъ провинціальною идилліей.

Въ самомъ дѣлѣ, казалось весьма соблазнительнымъ, вмѣсто того, чтобы совершить обычное переселеніе въ петербургскія окрестности съ ихъ коварно прикрытыми зеленью болотами, холодомъ и сыростью и видѣть на вокзалѣ, на музыкѣ, въ паркѣ,—словомъ, на каждомъ шагу,—все ту же петербургскую публику—чинно-скучающихъ дачницъ и ошалѣлыхъ дачныхъ мужей—махнуть куда-нибудь подальше отъ Петербурга, въ тепло, на благодатный югъ.

Но, разумѣется, не въ излюбленныя и достаточно уже загаженныя соотечественниками мѣста, не въ Крымъ и не на Кавказъ, эти Мекку и Медину богатыхъ дебѣлыхъ купчихъ, зрѣлыхъ генеральшъ съ пошаливающими нервами и тугонабитымъ кошелькомъ, и всевозможныхъ «Мимочекъ».

Какая тамъ можетъ быть идиллія?

Во-первыхъ, тамъ васъ оберутъ, какъ липку, аборигены-разбойники уже за то, что вы пріѣхали и не нашли даже примитивныхъ удобствъ, какія найдете въ любой швейцарской деревнѣ, если вы не въ состояніи платить баснословныхъ цѣнъ.

А, во-вторыхъ, уже одно непрерывное созерцаніе и этихъ кутящихъ представителей и представительницъ нашей чумазой, мало воспитанной буржуазіи, бросающихъ на показъ бѣшеныя деньги («мы де-при своемъ капиталѣ!») и потому нагло-самодовольныхъ и торжествующихъ, и этихъ «друзей человѣчества», курортныхъ юркихъ докторовъ, «обхаживающи[illegible] богатыхъ паціентовъ съ уловками татей, и этихъ молодцоватыхъ, рослы[illegible] здоровенныхъ татаръ-проводниковъ въ расшитыхъ золотомъ курткахъ, мясистыми, красивыми и тупыми лицами и нагло-вызывающими взгля[illegible] на улыбающихся дамъ,—одно ужь это способно отравить всякія пре[illegible] Крыма и Кавказа и возмутить невозмутимѣйшаго человѣка.

Разсчитывая на идиллію, я имѣлъ въ виду глухія мѣста, какую-ни[illegible]

захолустную, патріархальную «дыру», вродѣ той, гдѣ жили Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна,—«дыру», еще не тронутую своеобразною отечественною цивилизаціей,—гдѣ благорастворение воздуховъ, обиліе плодовъ земныхъ, тишина и дешевизна, гдѣ не знаютъ ни «брянскихъ», ни «Нобеля», ни абиссинскаго ордена «Печати Соломона» и гдѣ, если только вѣрить публицистамъ *Гражданина* и *Московскихъ Вѣдомостей*, бьется истинный пульсъ русской жизни и водится не совсѣмъ еще испорченный земствомъ и судами обыватель—трезвенный, трудолюбивый, скромный и не вороватый, не зараженный ядомъ суемудрія, не знающій ни мыла, ни книгъ, ни газетъ и денно и нощно благословляющій свое мирное и благоденственное житіе и своихъ попечительныхъ начальниковъ, хотя бы они время отъ времени и прописывали, въ видѣ предупредительныхъ мѣръ, отеческое наказаніе.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что названные публицисты тенденціозно преувеличиваютъ добродѣтели обитателей глухихъ мѣстъ и ихъ благоденствіе и, по всей вѣроятности, приписываютъ начальникамъ собственныя свои вожделѣнія къ отеческимъ наказаніямъ, но во всякомъ случаѣ, любопытно было заглянуть въ одинъ изъ такихъ аркадскихъ уголковъ.

Но, главное, вонъ изъ Петербурга, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше.

Не подумайте, что я заклятый врагъ Петербурга вродѣ москвичей. Напротивъ, я очень люблю Петербургъ. Что тамъ ни говори, а онъ, все-таки, самый культурный городъ въ Россіи.

Не желая обременять читателя перечисленіемъ культурныхъ преимуществъ Петербурга, замѣчу только, что въ немъ и квартиры со всѣми удобствами, и улицы чистыя аккуратно поливаются, и дворники сообразительные, и мостовыя хоть и оставляютъ желать многого, но, все-таки, не грозятъ поврежденію вашихъ внутренностей, и въ думѣ можно говорить противъ городского головы, не рискуя навлечь на себя подозрѣніе въ антиправительственномъ образѣ мыслей даже со стороны князя Мещерскаго, и въ нѣсколькихъ десяткахъ журналовъ и газетъ можно, безъ всякой опаски, раскатывать на всѣ корки иностранныхъ министровъ и воздавать должное почтеннымъ отечественнымъ дѣятелямъ и даже печатать ихъ портреты, и городовые не только образцово-вѣжливые, но и настолько проницательные, что зря за шиворотъ не хватаютъ и въ участки не ввергаютъ, а если бы, паче чаянія, и случилась такая прискорбная ошибка (въ семьѣ не безъ урода), то можете быть увѣрены, что никакого недоразумѣнія не произойдетъ, ибо тамъ знаютъ законы, объясняющіе, что не всѣ граждане пользуются правомъ быть высѣченными; въ различныхъ учрежденіяхъ, куда попадете по дѣлу или за справкой и гдѣ увидите нынче людей, изнемогающихъ въ усердіи и разрывающихся отъ обилія дѣлъ (прошли, какъ видно, старинные счастливые дни Аранжуеца!), васъ примутъ вѣжливо, выслушаютъ внимательно, пообѣщаютъ сдѣлать все возможное по закону и, въ случаѣ, предложатъ даже папироску, чтобы вы не подумали, что теперь человѣкъ 20 числа въ Петербургѣ недоступенъ, какъ въ былыя времена.

Все это такъ, и, тѣмъ не менѣе, несмотря на свою несомнѣнную культурность, Петербургъ дѣйствуетъ на нервы. Не самъ по себѣ, конечно, а, главнымъ образомъ, новѣйшимъ складомъ жизни, духомъ и нравами его обитателей, кичившихся—и давно ли?—что они единственные вѣрные стражи окна въ Европу, прорубленнаго Петромъ.

Другія времена, другіе люди, другія пѣсни!

Теперь общественно-бытовая жизнь Петербурга отличается отъ другихъ городовъ развѣ тѣмъ, что рѣшительнѣе бьетъ въ глаза низменностью и даже отсутствіемъ какихъ бы то ни было интересовъ, кромѣ личныхъ, самодовольною пошлостью и своихъ вкусовъ, и своихъ развлеченій, и тою безпринципностью на почвѣ безшабашнаго дешеваго скептицизма, которая въ послѣднее время съ наглымъ апломбомъ не стѣсняется заявлять о себѣ, какъ объ единственномъ здравомъ руководящемъ принципѣ для всякаго мало-мальски смѣтливаго человѣка при всякихъ обстоятельствахъ. При этомъ она еще обосновывается якобы научными данными, доказывающими, что человѣкъ, прежде всего, животное, и примѣрами изъ древней, средней и новой исторіи. Изъ этихъ примѣровъ вамъ объяснятъ не безъ игривой развязности, что, собственно говоря, понятія о долгѣ, объ альтруизмѣ, о стыдѣ и совѣсти являются болѣе или менѣе нелѣпыми «фикціями», отжившими свой вѣкъ и выдуманными разными моралистами для устрашенія фефёлъ и ротозѣевъ, какъ чортъ выдуманъ для острастки пошаливающихъ купчихъ проблематическихъ лѣтъ. Гдѣ она, эта хваленая на всѣ лады совѣсть и почему она до сихъ поръ не только не торжествуетъ, а ходитъ, отрепанная, оплеванная, побираючись, и отъ которой всѣ сторонятся, точно отъ прокаженной? Вѣдь, значительная или небольшая часть біографій разныхъ знаменитыхъ историческихъ героевъ, лучшимъ образцикомъ которыхъ является «геніальный» Наполеонъ, тѣмъ и отличается, что въ этихъ біографіяхъ нѣтъ и помина о стыдѣ и совѣсти, а, напротивъ, изобиліе данныхъ безстыдства, эгоизма, наглости и жестокостей, и, тѣмъ не менѣе, такимъ смѣльчакамъ и ставятся памятники благодарнымъ потомствомъ тѣхъ самыхъ людей, которыхъ «герой» приносилъ въ жертву своего честолюбія, расходуя человѣческими жизнями съ небрежною расточительностью, съ легкимъ сердцемъ какого-нибудь дикаго короля ашантіевъ. А стыдливые—и много ли ихъ бываетъ?—въ то время охали да ахали и гнили въ тюрьмахъ... благодарю покорно!

Приведутъ вамъ не менѣе вразумительные примѣры и изъ современной жизни и укажутъ на нѣкоторыя біографіи современниковъ, на нашихъ глазахъ достигшихъ богатства, значенія и извѣстности,—не на тѣ, р умѣется, біографіи, которыя печатаются иногда въ иллюстраціяхъ портретахъ, а на подлинныя и всѣмъ хорошо извѣстныя, и не безъ т жества замѣтятъ, что и эти біографіи далеко не блещутъ добродѣтеля перечисленіемъ которыхъ, по старой привычкѣ, еще уснащены прописи напоминаютъ скорѣе похожденія Рокамболя, Ваньки-Каина и, въ лучш случаѣ, героя мопасановскаго романа *Bel ami*.

И, однако, всѣ считаютъ за честь пожать руку—красную, обжирѣвшую, волосатую руку—этого самаго «нашего извѣстнаго, уважаемаго и просвѣщеннаго общественнаго дѣятеля, предсѣдателя разныхъ акціонерныхъ обществъ, щедраго благотворителя и мецената», который только благодаря смѣлой воровской ловкости и нѣкоторой спутанности въ юридическихъ понятіяхъ о грабежѣ законномъ, т.-е. не предусмотрѣнномъ уложеніемъ о наказаніяхъ, и грабежѣ беззаконномъ,—занимаетъ видное и почетное положеніе въ обществѣ, имѣетъ бухарскую звѣзду и только что получилъ «Печать Саломона», интервьируется репортерами и задаетъ лукулловскіе обѣды и фестивали, собирающіе избранное общество, вмѣсто того, чтобы, по принципамъ стыда и совѣсти, быть въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири съ бубновымъ тузомъ на спинѣ.

Кто откажется прогуляться подъ ручку съ Ноздревымъ-внукомъ, этимъ великолѣпнымъ молодымъ человѣкомъ, подающимъ надежды сцапать милліонъ отъ своей «старушки» и затѣмъ жениться на какой-нибудь изъ обнищалыхъ дѣвицъ, происходящей отъ Рюриковичей? Напротивъ, вездѣ его принимаютъ; онъ блестящій женихъ и, разумѣется, не виноватъ, что, не имѣя большого наслѣдства,—дѣдушка, вѣдь, былъ порядочный кутила,—пристроился къ старушкѣ. И эта профессія, если откинуть предразсудки, не хуже другихъ.

А этотъ, тотъ, другой, третій, четвертый, пятый, десятый... развѣ перечислишь всѣхъ, біографіи которыхъ такъ же темны, какъ осенняя ночь, и которые, однако, преподаютъ всѣмъ правила житейской мудрости и считаютъ себя въ нѣкоторомъ родѣ столпами отечества?

Чѣмъ же я-то хуже другихъ? На какомъ основаніи я, кончившій съ золотою медалью курсъ наукъ и жившій впроголодь все время ученія, обязанъ прозябать въ качествѣ какого-нибудь мелкаго чиновника или учителя, имѣя въ боковомъ карманѣ стыдъ и совѣсть, когда другіе, именно потому, что въ карманѣ ничего не имѣютъ, кромѣ бумажника, или имѣютъ этой совѣсти и стыда въ микроскопическомъ количествѣ, достигаютъ всѣхъ благъ земныхъ, не особенно думая ни о благахъ небесныхъ, ни о мнѣніи потомства, еслибъ на таковое даже и разсчитывали.

Пусть себѣ отдаленное потомство читаетъ въ *Русской Старинѣ* всякія поношенія—наплевать! А некрологъ, все-таки, будетъ болѣе или менѣе восторженный. Не станетъ же наша пресса къ тому времени похожей на американскую. Это дудки! И, слѣдовательно, супруга и дѣти, читая мои некрологи въ газетахъ, будутъ только умиляться, что я съумѣлъ быть «[illegible]тнѣйшимъ дѣятелемъ» и, въ то же время, не имѣя за душой ни алтына, [illegible]аградилъ ихъ милліоннымъ наслѣдствомъ.

[illegible] такомъ родѣ, съ болѣе или менѣе откровеннымъ цинизмомъ, теперь вы[illegible]ывается, нисколько не стѣсняясь, болѣе смѣлый и безстыжій человѣ[illegible] самаго послѣдняго фасона. Менѣе смѣлый не кидаетъ вамъ въ глаза св[illegible] откровенной этики, но лишь дѣйствуетъ по ней. А тотъ, нерѣшительн[illegible]слабый и безхарактерный россіянинъ, который составляетъ большин-

ство, тотъ, лицемѣрно вздыхая и указывая меланхолическимъ взглядомъ на нѣсколькихъ прелестныхъ малютокъ,—именемъ которыхъ, кстати замѣтить, какихъ только пакостей ни дѣлаютъ!—покорно идетъ за господствующимъ въ данную минуту настроеніемъ и съ тою же легкостью сжигаетъ сегодня то, чему съ такою же легкостью вчера поклонялся.

II.

И некуда дѣваться отъ этой безшабашной легкости и безпринципности жизни. Такъ-таки некуда, хотя бы вы и не принимали въ ней непосредственнаго участія и хоронились въ своей мурьѣ.

Она, все-таки, преслѣдуетъ васъ и нагло лѣзетъ въ глаза, издѣваясь надъ тѣми, кто еще въ это безстыжее время не потерялъ стыдливости и имѣетъ кое-какіе предразсудки. Она играетъ доминирующую роль и торжествуетъ. Она на улицѣ въ этой нервной, суетливой сутолокѣ, на гуляньяхъ, на всѣхъ публичныхъ сборищахъ, въ современныхъ пьесахъ, въ массѣ пошлой беллетристики, въ декадентскихъ стихахъ, въ адвокатскихъ рѣчахъ, въ газетахъ, порой даже на каѳедрѣ. Вы ее видиде въ этихъ, словно бы выкроенныхъ по одному шаблону, самодовольно-внушителеныхъ, серьезно-почтительныхъ или уныло-меланхолическихъ (глядя по положенію и окладу), блѣдно-желтыхъ лицахъ двадцатаго числа, слышите въ разговорахъ старцевъ, пожилыхъ и молодыхъ людей и даже юношей и дѣвъ въ этихъ, ежедневно мѣняющихся, болѣе или менѣе невѣрныхъ слухахъ и сплетняхъ о «новыхъ вѣяніяхъ», о назначеніяхъ, о томъ, кто кому «подложилъ или подложитъ свинью». Она въ искательныхъ подлыхъ улыбкахъ мужчинъ и въ кокетливо-вызывающихъ взглядахъ женъ, радѣющихъ за мужей, въ этомъ повальномъ, характерномъ, какъ знаменіе времени, стремленіи интеллигентныхъ барышень въ пѣвицы или въ актрисы, такомъ же интензивномъ, какимъ было въ шестидесятыхъ годахъ стремленіе къ высшему образованію, къ идейному дѣлу.

Посмотрите, сколько развелось за послѣднее время музыкальныхъ школъ, драматическихъ курсовъ и профессоровъ пѣнія, ставящихъ, поправляющихъ голоса и даже выучивающихъ пѣть безголосыхъ. И всѣ эти школы переполнены, всѣ эти профессора заняты съ утра до вечера такъ, что можно думать, будто Россія, главнымъ образомъ, нуждается въ пѣвицахъ и актрисахъ. Нѣтъ ни одной квартиры въ Петербургѣ, гдѣ не обрѣталась бы будущая Патти или Лукка, Дузе или Сарра Бернаръ, поощряемая маменьками, папеньками и разными профессорами пѣнія и драматическаго искусства, которымъ, конечно, на руку эта эпидемическая зараза, приносящая имъ обильную жатву. И всѣ эти будущія Патти и Сарры Бернаръ, болѣзненно-самолюбивыя, тщеславныя и воображающія себя талантами, благодаря тому, что на журъ-фиксахъ, когда они терзаютъ уши подневольныхъ слушателей, имъ апплодируютъ, говорятъ комплименты и предрекаютъ великіе успѣхи,—всѣ онѣ, окончивъ ученье, горько разочаровываются и обвиняютъ театраль-

ное начальство въ интригахъ за то, что всей этой несмѣтной толпѣ безголосыхъ пѣвицъ и бездарныхъ актрисъ рѣшительно нѣтъ мѣста на сценахъ, и безъ того переполненныхъ далеко не выдающимися артистками, какъ ни многочисленны въ наши дни разсадники будущихъ Патти.

Рядомъ съ проявленіемъ этой безпринципности васъ положительно угнетаетъ и та наглая увѣренность, съ какою говорятъ о томъ, что Россія первая страна въ мірѣ, и нѣтъ ей другой подобной страны; и это мѣднолобое пренебреженіе къ тѣмъ иностраннымъ державамъ или, какъ поютъ солдаты, «наша матушка Россія всему свѣту голова», съ подмигиваньемъ на тамошнія злоупотребленія, которыя, благодаря шуму, поднятому и въ палатахъ, и въ газетахъ, становятся извѣстными и возбуждаютъ взрывъ народнаго негодованія. «Вотъ хваленые порядки! Вотъ вамъ Европа!»—торжествующе заявляетъ вамъ ликующій россіянинъ, забывая, что всѣ эти европейскія «Панамы», по крайней мѣрѣ, раскрыты, преданы полной и широкой гласности и суду, тогда какъ такія же «Панамы» могутъ водиться и у насъ, хотя и не всегда попадаютъ на судъ и дѣлаются извѣстными большой публикѣ. А что «Панамы» водились, то довольно лишь вспомнить знаменитое, оффиціально подтвержденное, расхищеніе башкирскихъ земель, бывшее лѣтъ двадцать тому назадъ, или хотя бы безчисленные такъ называемые интендантскіе процессы послѣ послѣдней турецкой войны, обнаружившіе на судѣ такое повальное и грандіозное хищеніе, которое, пожалуй, заткнетъ за поясъ и «Панаму». Въ «Панамѣ» грабили публику, а у насъ—солдатъ во время войны.

Но ликующій россіянинъ какъ будто забылъ все это. Онъ продолжаетъ костить Европу и приходитъ въ восторженное настроеніе и по случаю пріѣзда и отъѣзда абиссинцевъ, и по случаю дипломатическаго пораженія японцевъ («они - де кровожадные, эти японцы!» — писалъ какой-то фельетонистъ), и по поводу газетныхъ проектовъ о скорѣйшемъ изгнаніи «жида» и усмиреніи «чухны», и по поводу появленія новой опереточной пѣвицы. Эти ликованія рѣшительно дѣлаются нестерпимыми, какъ нестерпимы и эти разговоры послѣднихъ дней насчетъ акцій «брянскихъ», «рыбинско-бологовскихъ», «нефтяныхъ»,—разговоры, которые вы слышите теперь на улицѣ, въ театрѣ, въ ресторанахъ, въ гостиныхъ и которые свидѣтельствуютъ о биржевой заразѣ, нашедшей, благодаря жизни, лишенной всякаго общественнаго смысла, благодарную почву и охватившей рѣшительно всѣ классы петербургскаго общества.

Играютъ на биржѣ всѣ, у кого есть какія-нибудь деньги: и представители знати, и свѣтскія дамы, и крупные чиновники или, для предусмотрительности, ихъ жены, и мелкая чиновничья сошка, и адвокаты, и актеры, и журналисты, и студенты, и веселыя дѣвицы, и проблематическія вдовы. Всѣмъ хочется поскорѣе нажить, благо это кажется такимъ легкимъ дѣломъ — купилъ бумагу и жди ея повышенія. Всѣ точно обезумѣли въ этой погонѣ за быстрымъ обогащеніемъ неизвѣстно на чей счетъ и не видя, конечно, ничего безнравственнаго въ этомъ... Стоитъ теперь

зайти въ какой-нибудь банкъ, чтобъ увидѣть уголокъ Бедлама въ этой толпѣ играющей публики, пришедшей посовѣтоваться, какія бумаги покупать, какія продавать,— однимъ словомъ, какъ безъ всякаго труда и въ самое кратчайшее время обогатиться. И публика, жадная и глупая, думающая, что играть на биржѣ такъ же просто, какъ играть въ дурачки, и что это какая-то безпроигрышная лотерея, въ которой всѣ выигрываютъ,—съ благоговѣйнымъ вниманіемъ выслушиваетъ и хозяевъ, и конторщиковъ банкирскихъ конторъ, которые съ дѣловитымъ видомъ знатоковъ дѣла даютъ совѣты своимъ кліентамъ.

Вы только посмотрите на выраженіе лицъ этихъ игроковъ изъ публики. Сколько въ нихъ алчности, едва скрываемой подъ личиной улыбки, сколько льстивости, заискиванія къ этимъ совѣтчикамъ. Биржевики, «зайцы», дѣльцы теперь рѣшительно въ модѣ въ качествѣ экспертовъ, юрисконсультовъ, свѣдущихъ людей. Съ ними ищутъ знакомства, дамы съ ними кокетничаютъ, надѣясь получить цѣнное указаніе на то, чтò купить. Но еще пріятнѣе знакомство съ людьми, близко стоящими въ финансамъ и находящимися въ курсѣ дѣла всей этой биржевой махинаціи. Тамъ знаютъ, гдѣ раки зимуютъ. Какой-нибудь чиновникъ, сообщившій вò-время, что такое-то предпріятіе разрѣшено, можетъ, по настоящимъ временамъ, быть вѣстникомъ цѣлаго состоянія.

И кого только ни увидите вы въ банкирскихъ конторахъ! Онѣ теперь модныя мѣста, «rendez-vous» знакомыхъ игроковъ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, которые не рѣшаются сами безъ совѣта другихъ писать или телефонировать: «купите такія-то или такія-то бумаги». Тутъ и старички генералы, военные и статскіе, тутъ и старушки, и молодыя дамы, и офицеры, и ученые...

— И вы, ваше превосходительство, поигрываете?—спрашивалъ я одного знакомаго, почтеннаго генерала, встрѣтивъ его въ конторѣ Юнкера, куда я зашелъ за полученіемъ перевода—гонорара изъ Москвы.

— Какъ же, какъ же!... Играю помаленьку. Нельзя же, всѣ играютъ. А семья у меня большая, а жалованье не Богъ знаетъ какое... Ну, и надо поправлять дѣлишки.

— Ну, и поправляете?

— Пока не смѣю жаловаться, тысченку нажилъ! — весело говоритъ старикъ.

У всѣхъ радостныя лица; всѣ какъ будто нажили или предвкушаютъ удовольствіе нажить. У всѣхъ разгораются страсти и текутъ слюнки по мѣрѣ того, какъ становится извѣстнымъ, что такой-то въ недѣлю нажилъ 20,000, такой-то 50,000.

Тутъ же въ конторѣ называютъ имя одного господина, прежняго профессіональнаго юриста, а нынче директора одного частнаго банка, который въ послѣднее время выигралъ биржевою игрой двѣсти тысячъ, замѣтьте, почти не имѣя денегъ, а пользуясь кредитомъ и разными [illegible]здѣпіями того же банка.

Всѣ завидуютъ этому счастливцу и никто, разумѣется, не находитъ ничего предосудительнаго въ томъ, что человѣкъ, близко стоящій къ банку и имѣющій точныя свѣдѣнія о паденіи или подъемѣ бумагъ, играетъ, собственно говоря, въ безпроигрышную игру.

Вынь изъ бумажника у сонного человѣка — воръ и скамья подсудимыхъ, а въ данномъ, едва ли не аналогичномъ, случаѣ—умница, заслуживающій зависти и восхищенія.

Быть такимъ умницей, найти, благодаря связямъ и знакомствамъ, средство играть навѣрняка, то-есть попросту вытаскивать деньги изъ чужихъ кармановъ, составляетъ желаніе каждаго. Что же тутъ дурного?

Въ этой бѣшеной погонѣ за наживой безъ всякаго труда, охватившей не одно только, такъ сказать, охвостье интеллигенціи, но и самую интеллигенцію, рѣшительно потеряно всякое чувство примитивной этики и стыда; общество точно одичало и, охваченное нравственною гангреной, указывающею на разложеніе, словно бы не сознаетъ этого.

Съ этой точки зрѣнія эта биржевая горячка крайне характерна, какъ знаменіе времени... Думала ли играть на биржѣ интеллигенція шестидесятыхъ годовъ?

Можно себѣ только представить, какой вопль и скрежетъ зубовный поднимутъ всѣ эти многочисленныя, якобы невинныя жертвы, которыя, не имѣя возможности играть навѣрняка, играли на авось, руководствуясь лишь алчностью и невѣжествомъ, когда они въ одно прекрасное утро узнаютъ, что, вмѣсто удвоеннаго и утроеннаго капитала, они лишены всѣхъ своихъ капиталовъ и сбереженій, которые, само собою разумѣется, очутятся въ карманахъ профессіональныхъ биржевиковъ, какъ только имъ будетъ угодно разыграть послѣдній актъ этой биржевой траги-комедіи.

Это будетъ достойнымъ наказаніемъ современной безпринципности. И чѣмъ сильнѣе она будетъ наказана, тѣмъ лучше.

Нѣтъ сомнѣнія, что, въ случаѣ краха, раздадутся жалобы и сожалѣнія на то, что городовые не защитили безпомощную публику. Если бы своевременно у банкирскихъ конторъ стояли городовые съ инструкціями не допускать публику до биржевой игры и, въ случаѣ сопротивленія, тащить въ участокъ, ничего бы этого не случилось. Денежки были бы цѣлы, и благополучный россіянинъ, удержанный отъ увлеченія способомъ исключительно отечественнымъ и во вкусѣ истинно-русскихъ людей, наслаждался бы, попрежнему, ликующій и торжествующій, своею безшабашною, безпринципною жизнью, вмѣсто того, чтобы впасть въ уныніе и благимъ матомъ кричать «караулъ!»

Но пока еще разыгрывается второй актъ. Пока еще лукавые режиссеры биржевой феерiи находятъ удобнымъ гнать въ гору не только цѣнныя и неоцѣнныя бумаги, но даже и макулатуру, отпечатанную за-ново и обозначающую разныя разоренныя и даже никому невѣдомыя, едва ли существующія предпріятія.

Зараза распространяется все сильнѣе и сильнѣе, захватывая все

большее и большее число охотниковъ на рубль нажить тысячу. Примѣръ интеллигенціи заразилъ и низшіе классы населенія, и не далѣе какъ весной швейцаръ нашего дома, Викентій, отставной унтеръ-офицеръ изъ литвиновъ, человѣкъ весьма прижимистый и, какъ онъ самъ выражается, «аккуратный вокругъ себя», однажды пришелъ ко мнѣ нѣсколько взволнованный и напряженный и говоритъ:

— Я къ вамъ посовѣтоваться.

— Въ чемъ дѣло, Викентій?

Викентій, какъ «аккуратный вокругъ себя» человѣкъ, оглянулся и, понижая свой голосъ до конфиденціальнаго шепота, объяснилъ, что за пять лѣтъ, что живетъ въ швейцарахъ, онъ скопилъ пятьсотъ рублей, и лежатъ эти пятьсотъ рублей въ сберегательной кассѣ и приносятъ очень мало процента.

— А люди говорятъ, что теперь довольно даже глупо деньгамъ такъ зря лежать!—заключилъ Викентій.

— Что-жъ, вы хотите кому-нибудь дать деньги на проценты? — спросилъ я, не догадываясь, къ чему онъ клонитъ рѣчь.

Но швейцаръ энергично протестовалъ. Онъ, слава Богу, не дуракъ, чтобы польститься на проценты и потерять капиталъ. Онъ никому денегъ не даетъ. Слыхалъ онъ, какъ пропадаютъ деньги.

— А я вотъ пришелъ спросить насчетъ акціевъ. Какія, значитъ, лучше купить, чтобъ опосля продать и нажить деньги.

Оказывалось, Викентій собирался тоже играть на биржѣ.

— Но откуда вамъ это пришло въ голову?

— Слава Богу, я тоже газету читаю,—обидчиво замѣтилъ Викентій.— Да и люди говорили. Вотъ у насъ въ домѣ живетъ генералъ Ерихонскій, такъ онъ на этомъ самомъ двадцать тысячъ въ одну недѣлю нажилъ. И камердинеръ его тоже тысячу рублей... и всего только, говоритъ, сто рублей истратилъ... На биржѣ, значитъ, игралъ вмѣстѣ съ бариномъ.

— А если проиграете и потеряете всѣ свои деньги?

Викентій, очевидно, не имѣвшій никакого понятія ни о биржѣ, ни о биржевой игрѣ, выразилъ на своемъ лицѣ недовѣріе.

— Зачѣмъ потерять? Это дѣло вѣрное, только знать, что̀ купить. Вотъ и околоточный нашъ тоже нажилъ... Всѣ вокругъ наживаютъ. Зачѣмъ же я одинъ буду дуракомъ? Ужь вы, сдѣлайте одолженіе, посовѣтуйте насчетъ акціевъ.

Напрасно я совѣтовалъ ему оставаться въ дуракахъ и держать деньги въ сберегательной кассѣ. Онъ не внялъ моимъ совѣтамъ и черезъ нед[illegible] радостно сообщилъ, что, по совѣту камердинера генерала, купилъ на п[illegible] сотъ рублей «брянскихъ», и торжествующе прибавилъ, что онѣ подымаю[illegible]

Съ тѣхъ поръ я часто заставалъ Викентія въ швейцарской, жадно [illegible]тавшаго биржевую хронику, и каждый разъ онъ съ радостью говори[illegible]

— Подымаются. А вы вотъ не совѣтовали. Теперь, если продать [illegible]маги, двѣсти рублей лишковъ будетъ.

— Такъ что-жъ вы не продаете?

— Еще поднимутся... И въ газетахъ пишутъ, и люди говорятъ... Такъ зачѣмъ же я буду такой дуракъ, что продамъ? — отвѣчалъ Викентій, и прежнее добродушное лицо приняло алчное выраженіе, и въ глазахъ блестѣлъ огонекъ.

Нѣтъ, положительно надо было бѣжать изъ Петербурга и отдохнуть отъ зрѣлища этого Бедлама въ какой-нибудь далекой глуши!

III.

Оставалось выбрать глухое мѣсто, такое, однако же, чтобъ оно было не очень далеко отъ желѣзной дороги, чтобы письма доходили до него не слишкомъ медленно, чтобъ былъ врачъ на случай болѣзни кого-либо изъ семьи.

Развернули карту Россійской имперіи. Глухихъ мѣстъ оказалось видимо-невидимо въ разныхъ южныхъ губерніяхъ, но какое выбрать — вотъ вопросъ, осложненный еще другимъ: какъ бы не попасть въ дифтеритную полосу, а такихъ полосъ много на благодатномъ югѣ.

По счастью, явился одинъ пріятель и разрѣшилъ недоумѣніе. Оказалось, что въ одной настоящей дырѣ живутъ его знакомые. Немедленно же были посланы письма за справками. Справки оказались самыя благопріятныя,—увы,—я не сообразилъ тогда, что онѣ давались двумя милѣйшими и добрѣйшими въ подлунной барынями, умѣвшими находить въ каждомъ человѣкѣ симпатичныя черты,—дыра весьма недурная, сады, двѣ рѣки. Сообщеніе удобное: до Кіева по желѣзной дорогѣ, а отъ Кіева на пароходѣ. Домъ въ 6 комнатъ съ мебелью и посудой—25 руб. въ мѣсяцъ. При домѣ садъ. Жизнь тихая, мирная. Хозяйка дома — единственная генеральша въ маленькомъ городкѣ—ангелъ. Дешевизна поразительная: цыпленокъ 8 коп., утка 15, зелень почти даромъ и все въ такомъ родѣ.

Думать было нечего. Предвкушая идиллію, настоящую идиллію глухихъ мѣстъ, я телеграфировалъ, что беру домикъ ангела-генеральши и черезъ недѣлю отправляю семью.

Первыя письма оттуда хотя и были восторженны отъ тепла, отъ чудныхъ южныхъ ночей, акацій и соловьевъ, но объ ангельскомъ чинѣ хозяйки умалчивали и какъ будто бы не давали представленія о полной идилліи. Вдобавокъ, оказалось, что доѣхать до дыры было можно въ двое съ половиною сутокъ, а письма и газеты путешествовали по четыре. Денежныя письма и по десяти сутокъ.

Наконецъ, я и самъ поѣхалъ вкусить идилліи.

О пыткѣ путешествія, о встрѣчахъ и наблюденіяхъ и о томъ, какая была идиллія глухихъ мѣстъ и какъ благоденствуютъ въ нихъ люди— слѣдующаго фельетона.

К. Станюковичъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Дѣло А. А. Штевенъ.—По поводу оффиціальныхъ данныхъ о вліяніи винной монополіи казны.—Попечительство о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ.—Четвертый съѣздъ представителей исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ.—† Н. В. Стасова.—Сорокалѣтіе со дня кончины Грановскаго.

Въ приложеніи къ № 11 *Нижегородскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей* за 1895 годъ было напечатано опредѣленіе нижегородскаго епархіальнаго училищнаго совѣта, ограничивающее для мѣстной землевладѣлицы г-жи Штевенъ право работать на поприщѣ просвѣщенія народа. Опираясь на доклады княгининскаго, сергачскаго и арзамасскаго отдѣленій, на отношенія нѣкоторыхъ священниковъ и ревизорскіе отчеты архимандритовъ Макарія и Евѳимія, нижегородскій епархіальный училищный совѣтъ рѣшилъ, что А. А. Штевенъ не оправдала довѣрія, съ которымъ къ ней относилось духовное начальство въ дѣлѣ организованіи церковно-приходскихъ школъ въ духѣ православной церкви. Основаніемъ для такого вывода послужили слѣдующія условія въ дѣятельности г-жи Штевенъ: 1) Открывая школы грамоты, г-жа Штевенъ не руководствовалась правилами, которыя установлены относительно этого предмета, а дѣйствовала самопроизвольно и часто нарушала правила. Ею было открыто нѣсколько школъ грамоты безъ вѣдома мѣстныхъ приходскихъ священниковъ; въ эти школы она присылала учителей, неизвѣстныхъ приходскимъ священникамъ, не подвергавшихся со стороны послѣднихъ предварительному испытанію и не получавшихъ отъ священниковъ письменнаго разрѣшенія на преподаваніе. 2) Г-жа Штевенъ, назначая учителей безъ вѣдома священниковъ, не принимала въ разсчетъ ихъ религіозно-нравственное направленіе и политическую благонадежность. Изъ этихъ учителей въ послѣднемъ учебномъ го[...] четверо были уволены, такъ какъ они, по своей религіозно-нравствен[...] неблагонадежности, не соотвѣтствовали своему положенію, а одна учите[...] ница, устроенная въ школѣ тѣмъ же незаконнымъ способомъ, была у[...] лена по неблагонадежности политической. 3) Г-жа Штевенъ, при снабж[...] школъ учебниками, не руководилась установленными правилами. Она пр[...] почитала книги Льва Толстого и Баранова книгамъ Родонежскаго и Поп[...]

хотя у нея былъ складъ книгъ синодальнаго изданія и она имѣла полную возможность снабжать школы учебниками, которые одобрены училищнымъ совѣтомъ при св. синодѣ. Для внѣкласснаго же чтенія учениковъ г-жа Штевенъ пользовалась брошюрами Льва Толстого; изъ нихъ однѣ не рекомендованы св. синодомъ для чтенія, а другія даже запрещены. 4) Въ теченіе лѣтняго вакаціоннаго времени г-жа Штевенъ безъ разрѣшенія духовнаго и гражданскаго начальства имѣла у себя педагогическіе курсы для подготовки учителей въ школы грамоты. Въ этомъ дѣлѣ г-жѣ Штевенъ помогали лица, неизвѣстныя епархіальному начальству по религіозно-нравственнымъ и политическимъ убѣжденіямъ: учитель земской школы Мизингъ, получившій университетское образованіе, г. Діомидовъ, учитель земледѣльческой школы, г-жа Завріева съ Кавказа, удаленная отъ учительства по политической неблагонадежности. И, въ то же время, приходскій священникъ вовсе не былъ приглашаемъ г-жею Штевенъ къ этимъ занятіямъ. 5) Г-жа Штевенъ избѣгала сношеній съ приходскими священниками и старалась ослабить ихъ вліяніе на школы; для этого она поручила наблюденіе надъ школами и руководство малоопытныхъ учителей не священникамъ, что требуется правилами о школахъ грамоты, а стороннимъ лицамъ: преподователямъ земскихъ школъ. 6) Г-жа Штевенъ прикрывалась званіемъ учредительницы школъ грамоты и, въ то же время, поставила себѣ цѣлью обратить учрежденныя ею школы въ земскія. Объ этомъ она заявляла публично, и въ печати, и въ арзамазскомъ земскомъ собраніи. Для достиженія этой цѣли, она являлась на сельскіе сходы въ нѣсколькихъ деревняхъ, произносила рѣчи о превосходствѣ земскихъ школъ предъ церковными, предлагала денежныя пособія отъ себя и отъ земства въ тѣхъ случаяхъ, если крестьяне согласятся на учрежденіе въ своихъ деревняхъ земскихъ училищъ, вмѣсто предположенныхъ къ открытію школъ грамоты. Такимъ образомъ, г-жа Штевенъ была уже не поборницею церковной школы, какою она первоначально выдавала себя передъ церковными властями, а агитаторомъ противъ этихъ школъ.

Высказавъ эти обвиненія, нижегородскій епархіальный училищный совѣтъ постановилъ: 1) Воспретить А. А. Штевенъ всякую дѣятельность по открытію и устроенію школъ въ нижегородской епархіи, освободить ее отъ званія попечительницы тѣхъ школъ, при которыхъ она состояла въ этомъ званіи, сообщить приходскимъ священникамъ, чтобъ они не вступали съ г-жею Штевенъ ни въ какіе переговоры по дѣламъ церковныхъ школъ и доносили бы немедленно епархіальному училищному совѣту, еслибъ она совершала самовольно какія-либо дѣйствія въ этомъ направленіи. 2) Дѣйствія о. Евѳимія относительно увольненія нѣкоторыхъ учителей, опредѣленныхъ г-жею Штевенъ, должны быть признаны правильными. 3) Циркулярно предписать духовенству нижегородской епархіи, чтобъ оно, при открытіи школъ грамоты, строжайше руководствовалось установленными для того правилами. 4) Принять мѣры къ поддержанію школъ грамоты, учрежденныхъ г-жею Штевенъ. Этой поддержкѣ должно предшествовать собра-

ніе свѣдѣній о томъ, какое пособіе получаетъ школа грамоты отъ мѣстнаго сельскаго общества, какое пособіе можетъ получать впредь и какая помощь потребуется отъ училищнаго совѣта.

Обвинительный актъ нижегородскаго епархіальнаго училищнаго совѣта является важнымъ историческимъ документомъ: онъ важенъ по результатамъ, которые произведетъ въ общественной жизни трехъ уѣздовъ Нижегородской губерніи, по тяжести наказанія, которому подверглась обвиняемая, и по крайнему несоотвѣтствію этого наказанія проступкамъ г-жи Штевенъ.

При вялой, безцвѣтной общественной жизни въ нашемъ отечествѣ, при настойчивомъ желаніи огромнаго большинства русскихъ людей уйдти исключительно въ свои частные интересы, при чисто-формальномъ, чиновничьемъ отношеніи къ общимъ дѣламъ даже со стороны многихъ и многихъ людей, на которыхъ эти дѣла возлагаются, какъ служебныя обязанности, А. А. Штевенъ представляетъ очень рѣдкое, очень яркое и очень отрадное исключеніе. Въ помѣщичьихъ усадьбахъ, поскольку онѣ еще не заброшены владѣльцами, играютъ въ карты, ломаютъ голову надъ тѣмъ, въ какую бы канцелярію пристроить на службу дѣтей и какъ увеличить размѣръ ссуды изъ дворянскаго земельнаго банка; гдѣ тонъ жизни выше, тамъ дѣятельность пріурочивается къ хозяйству, но оно слѣдуетъ, съ небольшими отклоненіями, тѣмъ пріемамъ и способамъ земледѣлія, которыхъ держались еще отцы и дѣды, тамъ они пріурочиваются къ земскому самоуправленію, но часто соотвѣтствуютъ поговоркѣ: «тише ѣдешь—дальше будешь». И на такомъ-то сѣромъ, уныломъ фонѣ помѣщичьей жизни, среди немногихъ, тамъ и сямъ разсѣянныхъ оазисовъ, возникаетъ центръ кипучей просвѣтительной дѣятельности. Этотъ центръ имѣетъ только внѣшнее сходство съ тѣми средоточіями, которыя во время голодныхъ и холернаго годовъ были основаны въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи: тогда проявился взрывъ гуманности, который нерѣдко вызываетъ сильныя потрясенія общественной жизни; его творческая сила велика, но часто отличается непродолжительностью. Здѣсь же мы находимъ одушевленіе, неослабно поддерживающееся цѣлыхъ пять лѣтъ, въ сѣрое, обычное, спокойное время, когда ничто не выводитъ жизни изъ ея колеи. Здѣсь энергія съ теченіемъ времени не только не ослабѣваетъ, но даже крѣпнетъ, закаляется и приноситъ обильные плоды: 50 народныхъ школъ, созданныхъ одною женщиной въ четырехъ уѣздахъ Нижегородской губерніи. И эти народо-просвѣтительные подвиги не связаны ни съ какими сторонними побужденіями: къ нимъ не примѣшивается корыстолюбія, ибо они требуютъ отъ г-жи Штевенъ значительныхъ расходовъ изъ личныхъ средствъ; къ нимъ не примѣшивается честолюбія, ибо они совершаются въ глухой провинціи, вдали отъ печат[и], которая можетъ ежедневно воздавать своимъ любимцамъ хвалу. Этотъ по[д]вигъ связанъ съ непрерывнымъ самопожертвованіемъ, съ пожертвованіем[ъ] денегъ, здоровья, покоя, который тѣмъ болѣе обезпеченъ русскому че[ло]вѣку, чѣмъ дальше сторонится онъ отъ общественной дѣятельности.

Пять лѣтъ разумнаго и безкорыстнаго труда дали уже замѣтные [р]

зультаты. Каждый, дорожащій преуспѣяніемъ родины, долженъ принять въ разсчетъ не только усердную дѣятельность А. А. Штевенъ, выразившуюся въ объѣздѣ селеній, въ приглашеніи крестьянъ устраивать школы, въ обученіи дѣтей, но и ея литературную дѣятельность, обнаружившую и большую педагогическую опытность, и глубокое проникновеніе въ излюбленное дѣло. Статья г-жи Штевенъ, напечатанная въ *Вѣстникѣ Европы* (августъ 1895 г.), даетъ живое доказательство этихъ качествъ, образующихъ истиннаго воспитателя. Питомцы г-жи Штевенъ не были для нея безразличною массой, члены которой разнятся другъ отъ друга только ростомъ, цвѣтомъ глазъ и волосъ, а личностями, индивидуальнымъ особенностямъ которыхъ она даетъ полную и многостороннюю оцѣнку. И то въ воспоминаніяхъ г-жи Штевенъ, надъ чѣмъ глумился одинъ московскій уличный листокъ,—подробныя характеристики темпераментовъ дѣтей и ихъ отношенія къ отдѣльнымъ предметамъ преподаванія,—получаетъ въ глазахъ каждаго, знакомаго съ задачами педагогіи, глубокій смыслъ. Каждый свѣдущій въ дѣлѣ педагогическаго искусства, принявъ все это въ разсчетъ, скажетъ, что еслибъ къ пяти годамъ, которые А. А. Штевенъ потрудилась въ Нижегородской губерніи, прибавить еще нѣсколько пятилѣтій, то грамотность народа, привычка къ чтенію и умственное развитіе далеко двинулись бы впередъ. Опредѣленіе нижегородскаго епархіальнаго совѣта остановило эту дѣятельность и лишило мѣстное населеніе очень крупной просвѣтительной силы. Такимъ образомъ, въ результатѣ для мѣстности является очень большой минусъ, не легко замѣнимый уже потому, что наша родина такъ бѣдна людьми, умѣющими навсегда и безповоротно связать себя со служеніемъ народному благу.

Обращаетъ на себя вниманіе и тяжесть кары, постигшей г-жу Штевенъ. На первыхъ порахъ приговоръ нижегородскаго епархіальнаго училищнаго совѣта производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто А. А. Штевенъ не понесетъ большого ущерба: она—состоятельная помѣщица, могущая и послѣ этого приговора оставаться въ той жизненной обстановкѣ, которую могутъ создавать вокругъ себя люди обезпеченныхъ классовъ. И если народная учительница, уволенная отъ службы за неблагонадежность, можетъ лишиться даже послѣдняго куска хлѣба, то подобный приговоръ не помѣшаетъ арзамасской помѣщицѣ жить въ собственной усадьбѣ или поселиться въ большомъ городѣ, заниматься литературой и дѣлиться съ читающею публикой результатами своего педагогическаго опыта.

Однако, глубже вдумываясь въ дѣло, видишь ошибочность такого вывода. Онъ вполнѣ вѣренъ относительно людей поверхностныхъ, непостоянныхъ, способныхъ увлекаться полезнымъ дѣломъ, но способныхъ и быстро охладѣвать къ нему. Если внѣшняя обстановка такихъ людей благопріятна, то они легко утѣшаются, избираютъ себѣ новое дѣло и забываютъ постигшій ихъ ударъ. Для человѣка же, который съ увлеченіемъ и даже самозабвеніемъ посвятилъ себя дѣлу, такой приговоръ равносиленъ серьезному ограниченію правъ, болѣе тяжелому для нихъ, нежели лишеніе «всѣхъ

особенныхъ правъ и преимуществъ» для многихъ, которые подвергаются такому наказанію по суду. Кто излюбилъ дѣло, и, притомъ, дѣло общественное, кто проникнутъ чувствомъ и сознаніемъ его высокаго значенія,—а именно народно-просвѣтительная дѣятельность легко поддерживаетъ такое чувство и сознаніе,—тотъ чувствуетъ себя искалѣченнымъ, какъ скоро ему прегражденъ доступъ къ этому труду. Приговоръ нижегородскаго епархіальнаго училищнаго совѣта не мѣшаетъ А. А. Штевенъ, вообще, заниматься просвѣтительною дѣятельностью, например, служить учрежденію и улучшенію земскихъ школъ; однако, косвенно, онъ до чрезвычайности затрудняетъ эту дѣятельность: онъ награждаетъ приговоренную такою репутаціей, которая, при условіяхъ нашей общественной жизни, можетъ отталкивать отъ него мѣстныхъ дѣятелей, вызывать опасеніе отъ его сотрудничества, т.-е. почти окончательно лишаетъ его возможности работать въ этой сферѣ.

Но какъ ни велика для мѣстности потеря отъ того, что А. А. Штевенъ выходитъ изъ ряда общественныхъ дѣятелей, какъ ни тяжка постигшая ее кара, можно было бы примириться съ нею, если бы она соотвѣтствовала проступку. Но именно этого мы и не находимъ.

Всѣ проступки А. А. Штевенъ сведены къ 6 пунктамъ, причемъ одни могутъ быть признаны проступками, другіе, какъ оказалось, были приписаны ей по недоразумѣнію и, наконецъ, третьи, хотя и были совершены, вовсе не заслуживаютъ упрека.

Ко второй категоріи относятся проступки, отмѣченные подъ пп. 2 и 4. Ближайшее разслѣдованіе этого дѣла показало, что такіе проступки вовсе не были совершены. Лица учительскаго персонала, хотя и были заподозрѣны въ недостаточной благонадежности, не заслуживали этого, а г-жа Заврiева, заподозрѣнная въ политической неблагонадежности, оправдала себя сполна отъ этого обвиненія. Окончательно падаетъ обвиненіе и подъ 4 пунктомъ. Веденіе педагогическихъ курсовъ обставлено у насъ различными формальностями, невыполненіе которыхъ можетъ быть вмѣнено въ вину. Но здѣсь не можетъ быть и рѣчи о педагогическихъ курсахъ: горячо преданная учебному дѣлу, А. А. Штевенъ не хотѣла никогда быть свободною отъ него, а потому и занималась по лѣтамъ съ нѣкоторыми изъ своихъ учениковъ. Въ ея усадьбѣ, служившей центромъ образовательной дѣятельности въ пользу мѣстнаго населенія, гостило нѣсколько учителей земскихъ школъ; немудрено, если и они помогали ей иногда въ занятіяхъ съ учениками. И именно потому, что это не были учительскіе курсы, приходскій священникъ не былъ приглашенъ ею къ участію. О пригласила бы его, еслибъ намѣревалась устроить что-либо вродѣ пе гогическихъ курсовъ; но разъ это были занятія съ небольшимъ число учениковъ, частные, то и не было побужденій приглашать приходск священника, обремененнаго занятіями уже по своему сану.

Подъ пп. 3 и 6 А. А. Штевенъ обвиняется въ проступкахъ, кото должны быть признаны безразличными актами. Ей ставятъ въ вину т

что она предпочла книгамъ, которыя одобрены, въ качествѣ учебниковъ, св. синодомъ, такія книги, которыя не получили одобренія. Подобный поступокъ былъ бы непохваленъ, если бы попечительницы народныхъ школъ держались книгъ, вообще не одобряемыхъ учебнымъ вѣдомствомъ, а тѣмъ болѣе запрещаемыхъ. Но въ данномъ случаѣ ученикамъ были рекомендованы книги, принятыя другимъ учебнымъ вѣдомствомъ—министерствомъ народнаго просвѣщенія. Если предложить каждому, кто знакомъ съ дѣломъ преподаванія и безпристрастенъ, вопросъ о томъ, какъ слѣдовало бы поступить въ подобномъ случаѣ, то можетъ быть только одинъ отвѣтъ: «разсматривать всю учебную и учебно-вспомогательную литературу, одобряемую св. синодомъ и министерствомъ народнаго просвѣщенія, какъ одно цѣлое, и брать изъ этого цѣлаго то, что имѣетъ больше достоинствъ». Можно къ этому сдѣлать добавленіе, составляющее уже серьезную уступку: «Если нѣсколько книгъ по одному предмету обладаютъ равными достоинствами, то слѣдуетъ въ церковныхъ школахъ держаться предпочтительно книгъ, одобряемыхъ св. синодомъ, а въ школахъ земскихъ и министерскихъ—книгъ, рекомендуемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія». А разъ г-жа Штевенъ была убѣждена, что нѣкоторые учебники, употребляемые въ церковныхъ школахъ, значительно уступаютъ другимъ, принятымъ въ школахъ земскихъ и министерскихъ, то она была обязана дѣйствовать согласно съ этимъ убѣжденіемъ. Ей, конечно, извѣстно, что, во-первыхъ, духъ православія проникаетъ въ Россіи всѣ административныя вѣдомства и не можетъ быть столкновенія между ними по этому поводу, и что, во-вторыхъ, ученіе православной церкви не признаетъ догмата непогрѣшимости, а тѣмъ самымъ и допускаетъ, что книги, одобренныя училищнымъ совѣтомъ при св. синодѣ, могутъ имѣть менѣе достоинствъ, нежели книги, рекомендованныя министерствомъ народнаго просвѣщенія. И подъ п. 6 А. А. Штевенъ обвиняется въ проступкѣ, который долженъ быть отнесенъ къ безразличнымъ актамъ: г-жа Штевенъ,—узнаемъ мы изъ этого пункта,—отдавала предпочтеніе земскимъ школамъ передъ церковными и не разъ публично высказывала свои убѣжденія какъ печатно, такъ въ земскомъ собраніи и на сельскихъ сходахъ. Что въ этомъ криминальнаго? По содержанію, въ такихъ убѣжденіяхъ нѣтъ ничего предосудительнаго, ибо, имѣя передъ собою двоякую организацію школьнаго дѣла, она отдавала предпочтеніе одной изъ нихъ, и именно той, которая уже дала много доказательствъ своего успѣшнаго развитія и благотворнаго вліянія на общественную жизнь. Къ примѣрамъ, которые уже отмѣчены нашею печатью, пріобщимъ данныя изъ [...]та о положеніи школъ кіевскаго учебнаго округа. *Кіевлянинъ,* приводя [...]держки изъ этого отчета, сопоставляетъ такія цифры о школьномъ дѣлѣ [...] Волынской губерніи. За 1894 годъ содержаніе одного министерскаго [...]скаго одноклассныго училища стоило среднимъ числомъ 540 рублей, [...]ченіе въ немъ одного ученика стоило 8 руб. 95 коп., а стоимость од[...] окончившаго—78 руб. 31 коп. На 1 министерское училище, при [...]5 учащихся, приходится 7 человѣкъ, окончившихъ на льготу 4 разряда

по воинской повинности. Содержаніе одной церковно-приходской школы обошлось за тотъ же годъ въ 95 руб. 16 коп., одного учащагося—въ 3 руб. 20 коп., одного окончившаго курсъ—въ 101 руб. 83 коп. Отсюда видно, что обученіе одного окончившаго курсъ стоило на $23^1/_2$ руб. дороже въ церковно-приходской школѣ, чѣмъ въ министерской. Пріобщая эти факты ко множеству другихъ, однородныхъ имъ, мы вполнѣ понимаемъ, что А. А. Штевенъ отдавала земскимъ и министерскимъ школамъ предпочтеніе передъ церковно-приходскими. А если образъ мыслей г-жи Штевенъ не заслуживаетъ упрека по содержанію, то нельзя ставить ей въ укоръ и то, что она откровенно высказывала это мнѣніе во всѣхъ случаяхъ, когда ей приходилось говорить о школѣ. Развѣ прямота человѣка, полное соотвѣтствіе мысли и слова не составляютъ обязанности гражданина? И развѣ это не отвѣчаетъ также на требованія православной церкви? Но,—скажемъ къ чести г-жи Штевенъ,—мы находимъ у нея еще большее: полное соотвѣтствіе между мыслью, словомъ и дѣломъ; убѣжденная въ превосходствѣ школъ одного типа передъ другими, она приглашала крестьянъ къ устройству тѣхъ, которыя болѣе отвѣчаютъ на нужды учебнаго дѣла, и обѣщала такимъ школамъ матеріальное пособіе. Конечно, поведеніе А. А. Штевенъ было бы предосудительно, если бы, дѣйствуя въ церковно-приходскихъ школахъ, она не заботилась объ ихъ усовершенствованіи, относилась бы къ своимъ обязанностямъ небрежно и не способствовала бы успѣхамъ учебнаго дѣла; можно было бы вмѣнить ей въ вину несоотвѣтствіе словъ съ дѣломъ, если бы, печатая въ журналѣ статьи о народномъ образованіи и произнося рѣчи въ общественныхъ собраніяхъ, она была бы нерадивою попечительницей школъ и вовсе не двинула бы въ своей мѣстности народнаго образованія. Тогда можно было бы говорить о томъ, что она злоупотребила довѣріемъ духовнаго начальства. Факты говорятъ совсѣмъ иное: А. А. Штевенъ дала Нижегородской губерніи не одну тысячу грамотныхъ крестьянъ, и даже самъ нижегородскій епархіальный училищный совѣтъ, какъ бы чувствуя, что приглашеніемъ г-жи Штевенъ въ попечительницы онъ послужилъ дѣлу народнаго просвѣщенія въ губерніи, заканчиваетъ свой приговоръ словами: «Предложить отдѣленіямъ арзамасскому, лукояновскому, сергачскому и княгининскому принять мѣры къ поддержанію учрежденныхъ г-жею Штевенъ школъ грамоты».

Но два пункта въ приговорѣ нижегородскаго епархіальнаго училищнаго совѣта касаются такихъ поступковъ г-жи Штевенъ, которые были связаны съ нарушеніемъ правилъ о церковно-приходскихъ школахъ. Мы узнаемъ изъ п. 1, что нѣкоторыя школы грамоты открывались г-жей Ште без вѣдома приходскихъ священниковъ, и изъ п. 5, что наблюденіе школами поручалось иногда не священникамъ, а стороннимъ лицамъ. Д ствуя въ этихъ случаяхъ противъ буквы правилъ о церковно-приходск школахъ, г-жа Штевенъ не совершала ничего вреднаго и предосуди наго, а поступала такъ потому, что иначе нельзя было разсчитывать успѣшное развитіе школъ грамоты. Среди приходскихъ священниковъ

люди вполнѣ преданные школьному дѣлу и способствующіе его преуспѣянію; но многіе не принимаютъ въ немъ участіе или по неимѣнію времени, или по равнодушію. Поставить въ зависимость отъ такихъ лицъ открытіе школъ или преподаваніе въ нихъ—значитъ до крайности замедлить дѣло, а иногда и вовсе затормазить его. И вотъ, г-жа Штевенъ, привлекая священниковъ къ участію, не обращалась къ ихъ помощи въ тѣхъ случаяхъ, когда не было основанія разсчитывать на помощь, и когда дальнѣйшее развитіе учебнаго дѣла было обезпечено только нѣкоторымъ нарушеніемъ правилъ о церковныхъ школахъ. Г-жа Штевенъ и указываетъ въ своемъ письмѣ, что, обыкновенно дѣйствуя съ согласія мѣстныхъ священниковъ, она поступила вопреки имъ при открытіи школъ въ с. Шадринѣ и въ приходѣ с. Ново-Покровскаго. Но и дѣйствуя такимъ образомъ, г-жа Штевенъ доводила объ открытыхъ школахъ до уѣздныхъ отдѣленій епархіальнаго училищнаго совѣта.

И такъ, мы нашли подъ двумя пунктами факты, которые могутъ быть названы нарушеніями правилъ о церковно-приходскихъ школахъ. Эти нарушенія были невелики, чисто-формальны и вели къ дальнѣйшему распространенію школъ. Епархіальный училищный совѣтъ могъ бы на будущее время предупредить всѣ, даже малѣйшія, нарушенія правилъ и, въ то же время, сохранить для Нижегородской губерніи г-жу Штевенъ, какъ въ высшей степени полезнаго дѣятеля. Ему слѣдовало бы въ подробностяхъ разузнать о томъ, гдѣ школы были основаны А. А. Штевенъ безъ участія приходскихъ священниковъ и гдѣ, для наблюденія за училищами, нужно было пригласить не священниковъ, а другихъ лицъ. Тѣмъ священникамъ, которые были обойдены г-жею Штевенъ, такъ какъ не обнаруживали желанія работать на пользу народной школы, слѣдовало внушить о первостепенной обязанности трудиться на этомъ поприщѣ; можетъ быть, эти напоминанія не пропали бы безслѣдно. Еслибъ обнаружилось относительно нѣкоторыхъ приходскихъ священниковъ, что они, будучи обременены требами, имѣя очень большіе приходы, вовсе не могутъ удѣлить времени народной школѣ, то нужно было бы согласиться съ тѣмъ, что къ дѣлу привлечены были другія лица, достаточно опытныя. Отнесись нижегородскій епархіальный училищный совѣтъ такимъ образомъ, онъ сохранилъ бы въ лицѣ А. А. Штевенъ полезную сотрудницу и оказалъ бы дѣлу просвѣщенія народа бо̀льшую услугу, нежели суровымъ приговоромъ, который, въ большей своей части, даже не соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ дѣла. Что высшая администрація не сочувствуетъ постановленію нижегородскаго епар[хіа]льнаго училищнаго совѣта, доказывается результатами поѣздки въ Ар[ск]ъ нижегородскаго вице-губернатора, г. Родіонова. Побывавъ въ Ар[ск]скомъ уѣздѣ, онъ убѣдился, что въ дѣятельности А. А. Штевенъ не [был]о ничего не соотвѣтствующаго видамъ правительства. Этотъ приговоръ, [котор]ымъ мы въ заключеніе, способенъ только придать большій вѣсъ аргу[мента]мъ, которые приводятся въ пользу того, что земская школа можетъ [лучш]е служить дѣлу просвѣщенія народа, чѣмъ церковно-приходская.

Съ нынѣшняго года въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ: Пермской, Самарской, Оренбургской и Уфимской,—введена казенная продажа питей. Въ будущемъ году предстоитъ осуществленіе той же мѣры еще въ 19 губерніяхъ. Правительство поставило себѣ очень сложную задачу: не только увеличить доходъ казны посредствомъ устраненія частныхъ лицъ отъ торговли виномъ, но и способствовать улучшенію народной нравственности чрезъ уменьшеніе пьянства. Это послѣднее должно быть, по мнѣнію правительства, достигнуто уже потому, что исчезъ кабакъ, уничтожена распивочная продажа вина и винная лавка освободилась отъ одной изъ самыхъ развращающихъ сторонъ кабака—быть для посѣтителей мѣстомъ заклада и пропоя ихъ одежды и небогатаго домашняго скарба. Посмотримъ же, что говорятъ объ обнаружившемся вліяніи реформы тѣ свѣдѣнія, которыя уже поступили изъ восточныхъ губерній и недавно напечатаны въ *Вѣстникѣ Финансовъ*.

Корреспондентъ изъ Оренбурга отмѣчаетъ похвалы, которыя слышатся со стороны мѣстнаго населенія по адресу качества вина: очищенное отъ сивушныхъ маслъ, вредно дѣйствующихъ на организмъ, казенное вино не дѣйствуетъ такъ на голову, какъ прежнее. Можно отмѣтить и тотъ результатъ, что потребленіе вина стало болѣе правильнымъ. «Наблюденія надъ городскимъ населеніемъ въ обыкновенное и въ праздничное время, а также надъ селами во время ярмарокъ, указываютъ на значительное сокращеніе пьянства въ его внѣшнихъ проявленіяхъ. Ограниченіе времени продажи вина, смѣна прежнихъ кабатчиковъ новымъ элементомъ—все это не могло не отразиться видимымъ уменьшеніемъ пьянства». Изъ той же корреспонденціи мы узнаемъ, что въ Оренбургской губерніи питейная реформа увеличила доходъ казны: за первую половину 1894 года въ Орскомъ и Оренбургскомъ уѣздахъ было выпито 104,947 ведеръ вина и доходъ казны составилъ около 510,000 рублей, а за первую половину 1895 года было выпито 82,944 ведра, однако, казна получила дохода 732,464 руб. Столь же благопріятные отзывы находимъ мы и изъ другихъ мѣстностей. Въ Самарской губерніи за первую половину 1894 года доходъ казны опредѣлился около 1.340,000 рублей, а за первую половину 1895 г.—около 2 милл. Кореспондентъ изъ с. Анурасовки, Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи, пишетъ: «Результаты реформы до сихъ поръ, въ общемъ, выразились такъ: во-первыхъ, вино стало лучше; затѣмъ исчезло то безобразіе, какое было неразрывно съ прежнею винною торговлей, гдѣ спаивали потребителей лишь для того, чтобы потомъ обобрать ихъ до чиста. Второе преимущество настоящей реформы, то, что въ казенныхъ лавкахъ продажа в. производится лишь въ тѣ сроки, которые указаны въ правилахъ, то какъ при частной торговлѣ продажа вина производилась во всѣ дни, всякое время дня и ночи, для того, чтобы спаивать потребителей вся. самодѣльною бурдой, нажиться отъ этого хозяину и сидѣльцу, чѣмъ на леніе доводилось до окончательнаго разоренія». Къ этимъ и другимъ о̧ роднымъ сообщеніямъ можно присовокупить извѣстія, относящіяся до

печительствъ о трезвости, которыя уже начали свою дѣятельность. Въ Самарской губерніи попечительство открыло нѣсколько чайныхъ и предполагаетъ имѣть при нихъ механическіе музыкальные инструменты и волшебные фонари для народныхъ чтеній. Намѣчено также нѣсколько селеній для открытія народныхъ читаленъ и уже рѣшено выписывать для нихъ слѣдующіе журналы: *Сельскій Вѣстникъ*, *Досугъ и Дѣло*, *Русскій Паломникъ*, *Воскресенье*, *Вѣстникъ Краснаго Креста*. Подобныя же свѣдѣнія поступаютъ изъ Уфимской и Оренбургской губерній: мензелинскій комитетъ о трезвости предположилъ устроить въ больницахъ кровати для алкоголиковъ, златоустовскій—ассигновалъ деньги на пріобрѣтеніе 5 волшебныхъ фонарей для народныхъ чтеній; оренбургское попечительство о народной трезвости рѣшило устроить библіотечки при 10 сельскихъ школахъ и ассигновало по 30 рублей на каждую. Замѣтимъ также, что оренбургскій комитетъ устроилъ народное гулянье, гдѣ присутствовало 5,000 чел. и поддерживался образцовый порядокъ. Всѣ эти факты были бы очень утѣшительны, если бы сами корреспонденты не сообщали свѣдѣній, которыя способны смутить даже крайнихъ оптимистовъ. Вотъ что пишутъ изъ Оренбурга: «Правда, много недовольства вызываетъ появившееся вмѣстѣ съ реформою, какъ ея неизбѣжный на первое время результатъ, уличное пьянство, которое иными принимается даже за признакъ усиленія разгула и которое, несомнѣнно, требовало бы устраненія». Дабы предупредить на улицахъ попойки и другія безобразія, въ Оренбургѣ установлены полицейскіе посты вблизи казенныхъ винныхъ лавокъ. Число лицъ, подобранныхъ въ пьяномъ видѣ на улицахъ, увеличилось: съ 1 января до 1 августа 1894 года таковыхъ было 651, а за тотъ же періодъ 1895 г.—680. Въ Оренбургскомъ и Орскомъ уѣздахъ потребленіе вина уменьшилось почти на 22,000 ведеръ. Но, — прибавляетъ корреспондентъ, — «эти цифры слѣдуетъ принимать лишь съ извѣстными оговорками. Крупная разница въ количествѣ потребленнаго вина нѣсколько уменьшится, если принять во вниманіе тайное водвореніе вина извнѣ губерніи. Всего дѣлъ о нарушеніи акцизнаго устава въ первой половинѣ нынѣшняго года было 84, противъ 76 въ 1894 году». Корреспондентъ изъ Челябинска жалуется на неблагопріятное вліяніе трактировъ. Такъ какъ кабаковъ болѣе не существуютъ, то трактиры привлекаютъ къ себѣ много рабочаго люда. Комитеты трезвости жалуются на вліяніе трактировъ и задаютъ вопросъ, не слѣдуетъ ли уменьшить ихъ число. Въ Златоустѣ уже началась борьба съ трактирами: городское управленіе поставило трактирщикамъ такія высокія требованія, что они не нашли воз-
;нымъ удовлетворить ихъ, и въ настоящее время въ Златоустѣ нѣтъ ни
ого трактира. Казалось бы, что это должно сильно уменьшить пьян-
о. Но вотъ что мы читаемъ далѣе: «Какъ результатъ вѣковой привычки,
ранить которую быстро нечего и думать, здѣсь наблюдается уличное
нство. Въ деревняхъ крестьяне большею частью сходятся для выпивки
дного изъ односельчанъ, въ городахъ же пьютъ преимущественно на
цахъ, въ садикахъ, а, наприм., въ Златоустѣ пользуются для этой цѣли

окружающими городъ холмами. Во всякомъ случаѣ нарушеніе уличнаго благообразія требуетъ дѣятельныхъ мѣръ со стороны полиціи».

Вотъ факты, которые мы извлекаемъ изъ корреспонденцій *Вѣстника Финансовъ*. Хотя эти факты касаются немногихъ мѣстностей четырехъ губерній, однако, затрогиваютъ такія стороны жизни, которыя имѣютъ всеобщее значеніе. Они показываютъ, что винная монополія можетъ доставить казнѣ значительное увеличеніе доходовъ. При самомъ введеніи монополіи можно было предсказать этотъ результатъ: устраняя много лицъ, прикосновенныхъ къ питейному дѣлу, и становясь на ихъ мѣсто, казна можетъ получить отъ питей не только акцизъ, но и торговую прибыль. Если же акцизное вѣдомство достаточно энергично въ преслѣдованіи корчемства, то послѣднее, хотя бы и увеличилось сравнительно съ предыдущими годами, не достигнетъ такихъ размѣровъ, чтобы былъ поглощенъ весь излишекъ доходовъ, доставляемыхъ казнѣ винною монополіей. Но вторая задача—борьба съ пьянствомъ—стоитъ въ условіяхъ, которыя не обѣщаютъ ей успѣха. Конечно, государство можетъ вліять на нѣкоторыя формы проявленія пьянства. Главнымъ мѣстомъ опьяненія былъ кабакъ; замѣнивъ его винною лавкой и прекративъ распитіе вина на мѣстѣ его продажи, администрація уничтожила одно изъ мѣстъ, въ которомъ происходило много безобразій. Но остался трактиръ. Трактиры считаются не столь опасными для развитія пьянства потому, что право содержанія ихъ оплачивается большими деньгами, а потому они не многочисленны и не такъ общедоступны, какъ кабаки. Однако, и они, какъ мы видимъ изъ вышеприведеннаго сообщенія, усиленно привлекаютъ рабочій людъ, т.-е. увеличиваютъ число своихъ кліентовъ. Но можно закрыть многіе трактиры и свести до minimum'а общественныя зданія, въ которыхъ происходитъ пьянство. Тогда остаются улицы и площади, общественные сады. И эти мѣста могутъ быть сдѣланы предметомъ болѣе или менѣе строгаго контроля: можно увеличить число полицейскихъ чиновъ. Это перенесетъ пьянство и за предѣлы города (какъ мы то узнаемъ относительно Златоуста) и въ семью. Сюда уже не проникнетъ полицейскій надзоръ. Но еще вопросъ, выиграетъ ли что-нибудь народная нравственность отъ перенесенія пьянства изъ кабака къ домашнему очагу. Какъ ни безобразно пьянство въ кабакѣ, оно не происходитъ на глазахъ дѣтей; передъ ними не развертывается всей картины опьяненія отъ веселаго похмѣлья до полной потери сознанія и человѣческаго вида. Съ перенесеніемъ всего этого процесса въ семью подростающія поколѣнія будутъ ближе къ примѣру отцовъ и, быть можетъ, будутъ легче подпадать подъ это вліяніе. Такимъ образомъ, мы не видимъ, чтобъ одно уничтоженіе кабаковъ могло имѣть хотя бы самое слабое вліяніе на пьянство. Остается открытымъ и вопросъ о томъ, насколько уничтоженіе кабаковъ освободило людей, склонныхъ къ пьянству, отъ кабалы, которая выпадала имъ на долю. Мѣстомъ кабалы служилъ кабакъ, гдѣ принималось въ закладъ убогое имущество крестьянъ. Теперь не существуетъ болѣе этого мѣста заклада. Но есть ли данныя утверждать, что сельскій ростов-

щикъ, если онъ и не торгуетъ виномъ, не исполняетъ этой функціи кабатчика? Несомнѣнно, онъ исполняетъ эту функцію: давая деньги въ ссуду на покупку лошади, коровы, сѣмянъ, уплату податей, онъ ссужаетъ мельчайшими суммами на выпивку и обезпечиваетъ эти ссуды залогомъ крестьянскаго скарба. Ростовщическія дѣйствія, какъ извѣстно, принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя не легко поддаются наблюденію. Но думать, что каждый сельскій ростовщикъ не дастъ мелкихъ суммъ на попойки, — думать такъ потому только, что объ этомъ не слышно,—значитъ жить въ царствѣ мечты: соблазнъ выпить для людей, которые усвоили эту привычку, такъ великъ, а разница между закладомъ поддевки и топора у цѣловальника и закладомъ у сосѣда-ростовщика такъ ничтожна, что никто, имѣющій наклонность къ пьянству, не затруднится фактомъ устраненія кабака и найдетъ нужный ему двугривенный въ другомъ мѣстѣ.

Но, вѣдь, есть попечительства о народной трезвости; на нихъ возлагаютъ много надеждъ. Мы твердо вѣримъ, что проповѣдь трезвости со стороны людей, горячо убѣжденныхъ въ этомъ и подающихъ примѣръ воздержности, можетъ принести обильные плоды. Извѣстно вліяніе, которое оказывала въ Англіи и, особенно, въ Ирландіи проповѣдь Матью. Извѣстно, что въ Швеціи, Норвегіи, Финляндіи, Соединенныхъ Штатахъ общества трезвости способствовали уменьшенію пьянства. Эти союзы потому и оказываютъ такое вліяніе, что образуются, помимо всякаго внѣшняго принужденія, изъ людей, которые безкорыстно преданы дѣлу и у которыхъ слова строго соотвѣтствуютъ поступкамъ. И у насъ есть примѣры такого естественнаго образованія обществъ трезвости—чаще въ деревняхъ, чѣмъ въ городахъ. Однимъ изъ важныхъ условій для воздѣйствія общества трезвости на людей, склонныхъ къ опьяненію, служитъ близость послѣднихъ къ членамъ первыхъ, принадлежность тѣхъ и другихъ къ одному и тому же общественному слою, возможность для пьяницы видѣть и часто видѣть, какъ живетъ трезвый, и всегда быть свидѣтелемъ его воздержности. Сопоставляя въ этомъ отношеніи сельскія и городскія общества трезвости, мы отдаемъ предпочтеніе первымъ. Жертвами пьянства являются преимущественно бѣдные люди, въ городахъ—мѣщане, ремесленники, фабричные работники, самые мелкіе чиновники. Сельское общество трезвости состоитъ изъ крестьянъ, которые въ отношеніи бытовомъ образуютъ вмѣстѣ съ деревенскими пьяницами одну сплошную массу, а потому въ селѣ общество трезвости можетъ оказывать большое вліяніе. Городское общество трезвости образуется людьми состоятельныхъ классовъ, къ которымъ ихъ кліенты-
ницы вовсе не вхожи. Члены городского общества трезвости, соціаль-
рѣзко отграниченные отъ пьянствующаго люда, могутъ соприкасаться
ними только поверхностно: по-очередно дежурить въ чайныхъ, читать
воучительные разсказы и проч. Весь же домашній бытъ этихъ людей
итъ за тридевять земель отъ нуждъ, печалей и заботъ фабричнаго и
терового люда, склоннаго къ пьянству. А потому и вліяніе этихъ
ствъ можетъ быть только очень незначительно. Поэтому развѣ дѣти мо-

гутъ считать заслугой общества трезвости, что оно открыло столько-то чайныхъ. Но городскія общества, состоящія изъ частныхъ лицъ, образуемыя безъ всякаго толчка извнѣ, могутъ быть названы союзами добровольцевъ: одни становятся членами, такъ какъ это вошло въ моду; другіе же вступаютъ потому, что имѣютъ искреннее расположеніе къ этому дѣлу. Попечительства о народной трезвости не могутъ даже имѣть и то вліяніе, какое оказываютъ городскія общества трезвости. Попечительства остаются подъ давленіемъ извнѣ. Законъ о попечительствахъ, изданный въ началѣ 1894 года, приглашаетъ къ участію въ нихъ всю мѣстную администрацію, которая считаетъ себя обязанной пристать къ этому дѣлу, хотя бы большинство ея членовъ вовсе не было расположено не только къ воздержанію отъ спиртныхъ напитковъ, но и къ проповѣдыванію трезвости. Законъ поощряетъ членовъ общества обѣщаніемъ почетныхъ наградъ и отпускаетъ денежныя суммы въ распоряженіе попечительствъ. Можно ли допустить, чтобъ эти союзы хотя въ малой мѣрѣ воздѣйствовали на пьянство? Самая постановка вопроса ручается за то, что повсюду возникнутъ попечительства. Въ Петербургѣ этого хотятъ, и вся провинція покроется сѣтью союзовъ, заботящихся о народной трезвости. Всѣ чиновники поступятъ въ члены; отъ нихъ постараются не отстать многіе землевладѣльцы-дворяне, именитое и среднее купечество. Члены будутъ считаться многими тысячами, но они будутъ безконечно далеки отъ тѣхъ, которыхъ было бы желательно удерживать отъ пьянства; первые будутъ относительно послѣднихъ не близкими людьми, а просто «начальствомъ».

Винная монополія казны можетъ оказать значительную услугу и въ дѣлѣ борьбы съ русскимъ пьянствомъ; но эта услуга можетъ быть только косвенной. Излишекъ въ питейномъ доходѣ можетъ получить различныя назначенія. Онъ можетъ быть употребленъ или на увеличеніе расходовъ по какой-либо статьѣ нашего бюджета, или на уменьшеніе какого-либо налога. Было бы всего полезнѣе употребить весь приростъ этихъ доходовъ на развитіе народнаго образованія. Теперь поставленъ вопросъ о введеніи всеобщаго обученія. Было бы очень хорошо, еслибы возростаніе доходовъ изъ этого источника повело правительство къ организаціи всеобщаго обученія, на первыхъ порахъ хотя бы только въ 3—4 губерніяхъ. Бѣдность и невѣжество являются главными условіями, благопріятствующими развитію пьянства. Борьба съ каждыми изъ этихъ условій посредствомъ обще-культурныхъ мѣръ можетъ быть гораздо болѣе успѣшна, нежели попытки уменьшить пьянство закрытіемъ кабаковъ или созданіемъ оффиціальныхъ попечительствъ о народной трезвости.

---

1 сентября 1895 года высочайше утверждено положеніе о состоящ… подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Алекс… ры Θеодоровны попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ дом… Попечительство имѣетъ цѣлью содѣйствовать учрежденію домовъ труд… бія, а также поддерживать уже существующія благотворительныя зав…

нія этого рода. Въ этихъ видахъ попечительство а) выдаетъ въ потребныхъ случаяхъ денежныя пособія на открытіе домовъ трудолюбія, б) поддерживаетъ уже учрежденные дома трудолюбія единовременными пособіями и срочными ссудами и в) дѣлаетъ указанія какъ относительно устройства домовъ трудолюбія, такъ и относительно наиболѣе цѣлесообразнаго направленія ихъ дѣтельности. Въ составъ попечительства входятъ члены четырехъ разрядовъ: дѣйствительные, почетные, благотворители и соревнователи. Дѣйствительными членами состоятъ лица, назначаемыя на 3 года Августѣйшею Покровительницей въ составъ комитета, для завѣдыванія дѣлами попечительства. Почетными членами могутъ быть члены Россійской Императорской Фамиліи, иностранныя высочайшія особы, а также духовныя и свѣтскія лица, которыя оказали попечительству услуги выдающимися пожертвованіями или инымъ образомъ содѣйствовавшія успѣшному развитію дѣятельности попечительства. Почетные члены утверждаются въ этомъ званіи по непосредственному усмотрѣнію Ея Императорскаго Величества. Дабы получить званіе члена-благотворителя, лицо обязано внести единовременно не менѣе 1,000 руб. или обязаться ежегодно вносить не менѣе 100 руб. И, наконецъ, члены-соревнователи вносятъ 100 рублей единовременно или по 10 рублей ежегодно. Почетные члены и члены-благотворители получаютъ порученія по обзору отдѣльныхъ домовъ трудолюбія. Доходы попечительства слагаются изъ обычныхъ категорій доходовъ благотворительныхъ обществъ; но единовременно отчисляются 500,000 руб. изъ суммъ общественнаго призрѣнія. Управленіе дѣлами попечительства сосредоточивается въ комитетѣ, предсѣдательницей котораго является Августѣйшая Покровительница; въ составъ комитета входятъ также вице-предсѣдатель или вице-предсѣдательница и 10 дѣйствительныхъ членовъ. Комитетъ можетъ пригласить въ свое засѣданіе съ совѣщательнымъ голосомъ лицъ, которыя могутъ быть полезны попечительству. Это положеніе объединяетъ дома трудолюбія, которые за послѣдніе годы возникли въ разныхъ городахъ Россіи. Ихъ насчитывается болѣе 25. Составъ попечительства даетъ основаніе думать, что оно привлечетъ большіе капиталы, которые и могутъ послужить источникомъ дальнѣйшаго развитія этихъ учрежденій. Однако, для наиболѣе цѣлесообразной постановки дѣла въ домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ, необходимо, чтобы члены попечительства возможно ближе ознакомились съ практикой этихъ учрежденій въ Западной Европѣ. Англія, а за послѣднія десятилѣтія и Германія являются странами, въ которыхъ выработались разные типы до...ъ трудолюбія и работныхъ. Вѣковой опытъ, особенно въ Англіи, по...ываетъ, что обезпечиваетъ правильное развитіе этихъ учрежденій и ...носитъ пользу ихъ населенію и чего нужно избѣгать. Конечно, близкое ...ніе того, что уже сдѣлано на Западѣ, должно идти рука объ руку съ ...ченіемъ условій, среди которыхъ живетъ бѣдный, безработный людъ ...нашемъ отечествѣ.

Успѣшное развитіе домовъ трудолюбія можетъ улучшить положеніе многихъ городскихъ бѣдняковъ, неимѣющихъ занятія, и облегчить оздоровленіе городовъ посредствомъ мѣръ, направленныхъ на ночлежные дома и квартиры, гдѣ живутъ артели рабочихъ и, вообще, ютится бѣднота. Мы узнали изъ доклада М. В. Духовского московской городской думѣ, что дома, населенные московскими бѣдными, находятся въ ужасномъ состояніи. Г. Духовской, изучивъ въ качествѣ представителя пречистенскаго санитарнаго попечительства, дома въ районѣ Пречистенской части, пришелъ къ выводу, что «помѣщенія бѣднѣйшаго класса населенія столицы, размѣщающагося въ подвалахъ, углахъ, въ спеціально принаровленныхъ для этого домахъ... находятся въ Москвѣ въ безусловно неудовлетворительномъ состояніи. Лица эти живутъ внѣ всякихъ мало-мальски сносныхъ гигіеническихъ условій и часто въ отвратительной нравственной обстановкѣ». М. В. Духовской указываетъ на домъ Рогожиной, какъ типичнаго представителя домовъ этого рода. Изъ 70 квартиръ 60 заняты мелкими коморочно-коечными квартирами. Объемъ каждой квартиры, при высотѣ въ $3^1/_2$ аршина, колеблется отъ 2 до 15 саженъ; квартиры сыры и темны; печи дымятъ. Зимой по вечерамъ квартиры такъ переполнены, что представляютъ ужасную картину. Изъ цѣлаго ряда цифръ, приведенныхъ въ докладѣ г. Духовского, мы узнаемъ, что на 1 обитателя этихъ квартиръ приходится отъ 0,4 до 0,6 куб. саж. воздуха. Въ другихъ домахъ, которые считаются уже не столь переполненными, на 1 обитателя приходится отъ 0,5 до 0,8 куб. саж. А, между тѣмъ, наименьшее количество на душу, согласно съ требованіемъ гигіены, составляетъ 2 куб. саж. Эти дома, не требуя ежегоднаго ремонта и принося владѣльцамъ не менѣе 15% дохода, являются гнѣздами заразныхъ болѣзней. Г. Духовской, ссылаясь на опытъ въ большихъ городахъ Западной Европы, сдѣлавшихъ много для улучшенія жилищъ бѣдныхъ классовъ, предлагаетъ и московской думѣ содѣйствовать направленію частной благотворительности въ эту сторону и самой приняться за дѣло при помощи особаго займа. Конечно, предложеніе М. В. Духовского заслуживаетъ полнаго сочувствія. Но такъ какъ общественное управленіе нашихъ городовъ и даже столицъ не отличается особенною предпріимчивостью, то трудно разсчитывать, что въ ближайшемъ будущемъ сдѣлаютъ много для улучшенія жилищъ бѣднѣйшихъ классовъ. Частная благотворительность отличается большою подвижностью. И если правильная постановка дѣла въ домахъ трудолюбія будетъ сближать благотворителей съ населеніемъ угловъ и подваловъ, то получится болѣе благопріятное условіе и для того, чтобы доброхотныя даянія направлялись и въ сторону и облегчали удовлетвореніе городскимъ бѣднякамъ потребности жилищъ.

Съ 28 августа по 2 сентября въ Москвѣ засѣдалъ съѣздъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній. Однимъ изъ наиболѣе интерныхъ докладовъ былъ докладъ представителя министерства юстиціи с

тора Таганцева, ознакомившаго собраніе съ новымъ проектомъ судопроизводства по дѣламъ о малолѣтнихъ преступникахъ. Проф. М. В. Духовской доложилъ съѣзду о работахъ парижскаго международнаго конгресса по разнымъ вопросамъ, которые относятся до малолѣтнихъ преступниковъ. Директоръ одесскаго исправительнаго пріюта г. Савелко прочиталъ докладъ объ устройствѣ артельныхъ мастерскихъ для питомцевъ пріютовъ, когда они отбыли срокъ заключенія. Обсуждался вопросъ о патронатѣ для питомцевъ по выходѣ изъ пріюта. Наконецъ, былъ обсужденъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли издать общее положеніе объ исправительныхъ пріютахъ. Проектъ такого положенія выработанъ бюро съѣздовъ по порученію 3 съѣзда. Проектъ, состоящій изъ 21 параграфа, былъ сдѣланъ предметомъ обсужденія, причемъ участники съѣзда старательно отклоняли всѣ статьи проекта, которыя вносятъ въ дѣло излишнюю регламентацію. Замѣтимъ, что Д. А. Дриль, представитель министерства юстиціи, энергически высказывался за исключеніе изъ проекта всѣхъ статей, которыя могутъ стѣснить свободное и самостоятельное развитіе этихъ заведеній.

---

30 сентября образованный Петербургъ почетно похоронилъ Надежду Васильевну Стасову, одну изъ наиболѣе симпатичныхъ, умныхъ и энергическихъ женщинъ, трудами которыхъ созданы высшіе женскіе курсы и положено доброе основаніе для университетскаго образованія женщинъ. Представительницы петербургскихъ такъ называемыхъ бестужевскихъ курсовъ въ горячихъ рѣчахъ помянули плодотворную дѣятельность покойной Н. В. Стасовой. Она скончалась въ тотъ моментъ, когда, послѣ долгаго и томительнаго ожиданія, женское образованіе вновь признается дѣломъ вполнѣ достойнымъ заботливости правительства и живѣйшаго сочувствія общества.

---

4 октября исполнилось сорокъ лѣтъ со дня кончины знаменитаго профессора Московскаго университета Тимоѳея Николаевича Грановскаго. Москва помянула его въ этотъ день. На могилѣ проповѣдника гуманности была отслужена паннихида. Нѣсколько профессоровъ (далеко не для всѣхъ нынѣшнихъ преподователей Московскаго университета дорога память Грановскаго), писателей, довольно много студентовъ и слушательницъ женскихъ курсовъ собралось передъ памятникомъ, украшеннымъ растеніями и цвѣтами, у подножія котораго лежали два вѣнка отъ студентовъ. Профессоръ Корелинъ, гг. Якушкинъ и Чеботаревскій произнесли хорошія, про-
...я, искреннія рѣчи. Одинъ изъ студентовъ прочелъ написанное имъ въ
...ть Грановскаго стихотвореніе. Вечеромъ въ тотъ же день состоялось
...ѣданіе Историческаго общества, въ которомъ гг. Герье и Якушкинъ
...вятили свои рѣчи Грановскому, а г. Ключевскій—Сергѣю Михайловичу
...вьеву, скончавшемуся шестнадцать лѣтъ тому назадъ также 4 октября.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Международныя отношенія къ концу нынѣшняго года усложняются. Армянскій вопросъ принялъ острый характеръ. Въ Константинополѣ, въ Трапезундѣ, во многихъ городахъ и селеніяхъ Турціи происходитъ избіеніе христіанъ (армянъ). Христіанскія миссіи подвергаются разгрому, христіане убиваются въ Китаѣ. Англія энергично выступаетъ въ защиту европейцевъ и требованій европейской культуры и на дальнемъ Востокѣ, и передъ Блистательною Портой. И въ послѣднемъ случаѣ правительство лорда Салисбюри можетъ попасть въ довольно затруднительное положеніе. Несомнѣнно, что заступничество Великобританіи за турецкихъ армянъ подняло ихъ духъ. Требованія турецкому правительству предъявлены въ опредѣленной и рѣшительной формѣ. Если они не будутъ исполнены, Англіи придется перейти отъ угрозъ къ дѣйствіямъ. Британскій флотъ въ Архипелагѣ усиленъ въ послѣднее время и можетъ форсировать Дарданеллы. Что же произойдетъ потомъ? *Занять* Константинополь англичане едва ли будутъ въ состояніи. Фанатическое мусульманское населеніе этого города начнетъ повальное избіеніе христіанъ. Такъ или иначе, другимъ великимъ державамъ придется вмѣшаться и можетъ вспыхнуть общеевропейскій пожаръ. Долгомъ европейской дипломатіи было бы, въ предотвращеніе великихъ бѣдствій войны, твердо поддержать въ Константинополѣ справедливыя, основанныя на международномъ договорѣ требованія Великобританіи. Наши внутренніе турки возстаютъ противъ этого и находятъ, что избіеніе армянъ въ Константинополѣ за ихъ мирную демонстрацію въ пользу реформъ, обѣщанныхъ великими державами (въ томъ числѣ, разумѣется, и Россіею) есть утѣшительное *возстановленіе порядка*. Но такая анти-христіанская и *не русская* точка зрѣнія составляетъ принадлежность нез чительной лишь группы публицистовъ, самозванно присвоившихъ себѣ послѣдніе годы истолкованіе «русскаго духа». Политика Англіи часто б вала корыстна и жестока, это не подлежитъ сомнѣнію. Такова бывал политика всѣхъ остальныхъ европейскихъ державъ. Но изъ Англіи же ı ходили могучіе призывы къ борьбѣ противъ невольничества, на защ

угнетаемыхъ болгаръ, а теперь армянъ. Разныя соображенія собственнаго государственнаго интереса могутъ побуждать наше правительство сдержанно и осторожно дѣйствовать въ армянскомъ вопросѣ. Но нѣтъ интереса, достойнаго великаго народа, который побудилъ бы наше государство прямо или косвенно поддерживать дикій и жестокій произволъ турецкихъ властей въ Арменіи или въ самомъ Константинополѣ.

Почти то же самое можно сказать и о нашемъ новомъ восточномъ *другѣ поневолѣ*—Китаѣ. Не мало русской крови, усилій и ума понадобилось для того, чтобъ стать твердою ногой на Амурѣ и Уссури. Въ Средней Азіи Небесная имперія также являлась для насъ опаснымъ сосѣдомъ, и намъ пришлось отказаться отъ Кульджи, чтобъ не довести дѣла до войны съ Китаемъ. Побѣды японцевъ не даютъ никакого основанія для того, чтобы намъ видѣть друзей въ китайцахъ. По нашему мнѣнію, въ высшей степени было бы унизительно для Россіи искать союза или благосклонно принимать искательства политической дружбы со стороны фанатически-магометанской Турціи, ненавидящаго христіанство и европейскую цивилизацію языческаго Китая, подозрительно православной и несомнѣнно дикой Абиссиніи. Въ интересахъ европейскаго мира достаточно нашей дружбы (быть можетъ, и союза) съ Французскою республикой. Россійская имперія есть государство европейское,—въ особенности послѣ преобразованій императора Александра Второго,—и мы съ гордостью и радостью можемъ отмѣтить новый фактъ, свидѣтельствующій объ уваженіи и довѣріи къ Россіи со стороны просвѣщеннѣйшихъ странъ Западной Европы: великобританское и голландское правительства, по взаимному соглашенію, обратились къ нашему правительству съ просьбою принять на себя третейскій судъ въ ихъ спорѣ. Предложеніе было принято, судьею назначенъ профессоръ Мартенсъ,—и это назначеніе, по сообщенію *Правительственнаго Вѣстника*, съ благодарностью принято Великобританіей и Нидерландами. Сторонникъ мира, — въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе *русскій* сторонникъ мира,—не можетъ не признать этого факта въ высшей степени отраднымъ. Здѣсь торжествуютъ идея справедливости и гуманная наука, надъ которыми такъ часто потѣшаются нѣкоторые изъ нашихъ публицистовъ-консерваторовъ.

Газеты сообщили, что французскія войска овладѣли столицей говасовъ. Цѣль экспедиціи, такимъ образомъ, достигнута. Въ нѣкоторыхъ французскихъ газетахъ (радикальныхъ и монархическихъ) мы встрѣчали рѣзкія нападенія на правительство (на военное и морское министерства) за неѣлое веденіе этой экспедиціи. Не беремся, конечно, судить, основатель-ли эти нападенія. Во всякомъ случаѣ, такое предпріятіе, какъ завоеіе Мадагаскара,—мало изслѣдованной страны, площадь которой болѣе нціи,—было дѣло труднымъ. Французскія войска много терпѣли отъ доровага климата. Двигаясь впередъ, имъ приходилось прокладывать эги, заботиться о сохраненіи сообщенія съ Маюнгой, о своевременной

доставкѣ продовольствія и т. д. Экспедиція стоила нѣсколько сотъ жизней и около семидесяти милліоновъ франковъ. Установитъ ли Франція надъ Мадагаскаромъ «тѣсный протекторатъ» (что вѣроятнѣе и благоразумнѣе), или просто присоединитъ къ себѣ островъ,—фактически онъ все равно будетъ въ ея распоряженіи, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ его внѣшней торговлѣ (разныя племена, болѣе или менѣе подчинявшіяся говасамъ, могутъ остаться въ столь же неопредѣленномъ положеніи и по отношенію къ французамъ,—въ ближайшее, по крайней мѣрѣ, будущее). Общественное мнѣніе Франціи успокоено и обрадовано военнымъ успѣхомъ тяжелой колоніальной экспедиціи, и кабинетъ Рибо къ открытію парламентской сессіи оказывается болѣе прочнымъ, чѣмъ это предполагали еще въ недавнее время. Впрочемъ, внутренняя политика кабинета, его отношеніе къ нуждамъ рабочаго класса и къ темнымъ финансовымъ продѣлкамъ болѣе или менѣе высокопоставленныхъ лицъ продолжаетъ возбуждать во многихъ не безъосновательное негодованіе.

Къ новымъ колоніальнымъ захватамъ, по послѣднимъ телеграфнымъ извѣстіямъ, приступаетъ и Италія. Предрекаютъ, что борьба съ Абиссиніей будетъ стоить ей дорого. Внутреннее положеніе государства далеко не блестяще. Въ нѣсколькихъ провинціяхъ (въ томъ числѣ въ Сициліи) масса населенія бѣдствуетъ. Военная экспедиція ляжетъ новымъ и очень тяжелымъ бременемъ на итальянскомъ народѣ. Но правительство, руководимое Криспи, не имѣетъ ни малѣйшаго желанія останавливаться передъ подобными соображеніями. «Великодержавность» составляетъ его неизлечимую манію. Эта манія сказалась и въ торжествахъ по случаю двадцатипятилѣтія вступленія итальянскихъ войскъ въ Римъ. Криспи произнесъ при открытіи памятника Гарибальди длинную рѣчь, оправдывавшую отнятіе у папы свѣтской власти. Среди итальянскихъ католиковъ (не говоря уже о католикахъ въ другихъ странахъ) рѣчь министра-президента возбудила сильное неудовольствіе. Папа въ письмѣ къ кардиналу Рамполлѣ рѣзко осуждаетъ празднованіе 20 сентября 1870 года и мысли, которыя высказывалъ Криспи. Левъ XIII возмущается *апотеозомъ революціи*, который устроило итальянское правительство. Онъ указываетъ на партійные раздоры, на бѣдствія, которыя испытываетъ народъ объединенной Италіи, рѣшительно отвергаетъ увѣренія Криспи, что папскій престолъ пользуется полною независимостью. «Это,— пишетъ папа,— не дѣйствительная, но внѣшняя независимость, эфемерная благодаря тому, что она подчинена капризу другой стороны. Кто далъ ее вчера, тотъ можетъ уничтожить ее сегодня». Левъ XIII требуетъ возстановленія свѣтской власти папъ, возвращенія имъ Рима. «Е[сли] итальянцы послушаются насъ,—говоритъ римскій первосвященникъ,—е[сли] въ традиціяхъ предковъ и въ сознаніи своихъ истинныхъ интересовъ [они] почерпнутъ мужество, необходимое для того, чтобъ *свергнуть иго м[асо]новъ* (!), то мы откроемъ нашу душу самымъ сладкимъ надеждамъ. Е[сли] же этого не будетъ, то новыя опасности и новыя несчастія не замедл[ятъ]

разразиться надъ итальянскою землей». Это, какъ видятъ читатели, открытое объявленіе войны королю Гумберту и его правительству. Быть можетъ, Криспи преднамѣрно постарался обострить отношенія съ Ватиканомъ: противъ клерикализма и противъ стремленія отнять у Италіи ея нынѣшнюю столицу большая часть противниковъ Криспи выступитъ его союзниками. Въ такомъ случаѣ всѣ другіе вопросы, какъ бы они ни были важны, отодвинутся на второй планъ, и Криспи, можетъ быть, удастся умереть министромъ-президентомъ. Но такая изворотливость бывшаго радикала и гарибальдійца не дешево обойдется итальянскому народу и новыя бѣдствія, о которыхъ пророчествуетъ папа, на самомъ дѣлѣ, могутъ оказаться недалекими. Во всякомъ случаѣ, благодаря политикѣ Криспи, росту милитаризма, плохой податной системѣ, отсутствію серьезныхъ мѣръ для улучшенія положенія земледѣльцевъ и фабричныхъ рабочихъ, клерикализмъ въ Италіи подымаетъ голову. Мы уже много разъ говорили, какъ искусно пользуется Ватиканъ соціальнымъ вопросомъ для увеличенія авторитета римско-католической церкви. Такая политика можетъ разсчитывать на особенный успѣхъ въ странѣ, какъ Италія, гдѣ во многихъ провинціяхъ масса населенія погружена еще въ глубокое невѣжество.

Въ томъ же мѣсяцѣ, въ который Италія шумно праздновала двадцатипятилѣтіе своего государственнаго объединенія, минула четверть вѣка существованія Французской республики. Со времени первой революціи ни разу еще смѣнявшіяся во Франціи формы правленія не доживали до такого срока. Республика пустила глубокіе корни и надежды бонапартистовъ и орлеанистовъ на возстановленіе монархіи съ каждымъ годомъ уменьшаются. Возникшая въ ужасную для Франціи годину, когда крушеніе имперіи, казалось, повлечетъ за собою гибель страны, республика спасла честь Франціи, возстановила ея экономическія силы, достигла блистательныхъ успѣховъ въ народномъ образованіи. Сторонники монархіи долгое время старались запугивать французское общественное мнѣніе тѣмъ одиночествомъ, въ которомъ республика должна была находиться среди монархическихъ державъ. Событія показали, однако, что Франція вовсе не изолирована, что она могла вступить въ тѣсное соглашеніе съ нашимъ отечествомъ, и это соглашеніе французскій министръ иностранныхъ дѣлъ назвалъ даже союзомъ.

Никакихъ празднествъ по случаю двадцатипятилѣтія третьей республики во Франціи не происходило. *Journal des Dèbats* замѣчаетъ, что иначе и быть не могло: воспоминаніе объ основаніи республики неразрывно связано съ ...чными воспоминаніями о несчастной войнѣ. Первая республика была про...глашена послѣ побѣды при Вальми, когда было отражено иностранное на...ствіе, нынѣшняя республика явилась послѣ позорнаго пораженія наполео...ской Франціи при Седанѣ. Не легко было залечить тяжелыя раны, труд...ъ оказался и новый порядокъ управленія, потому что бюрократизмъ во...ъ въ плоть и кровь французскаго общества. Несомнѣнно, однако, что это

общество сдѣлало во многихъ отношеніяхъ значительные успѣхи. Они были бы неизмѣримо болѣе велики, если бы милитаризмъ не истощалъ силы французскаго народа и еслибъ законодательство не развивалось такъ медленно въ области экономической и финансовой жизни.

Выборы въ вѣнскую городскую думу окончились пораженіемъ нѣмецкой либеральной партіи. Объ ошибкахъ этой партіи, объ упорной несправедливости, съ которой она относится къ нуждамъ рабочихъ и къ стремленіямъ чеховъ и словенцевъ, мы много разъ говорили. Тѣмъ не менѣе, нѣтъ большихъ основаній привѣтствовать побѣду коалиціи, въ которой главную роль играли антисемиты. Ихъ вожаки, съ докторомъ Люгеромъ во главѣ, не скупились на обѣщанія, но едва ли захотятъ и будутъ въ состояніи исполнить эти обѣщанія. Во всякомъ случаѣ, тяжелый урокъ, полученный либералами-централистами, вполнѣ заслуженъ, и понятна радость, съ которою привѣтствуютъ ихъ пораженіе чешскія газеты. *Politik* напоминаетъ, что нѣмцы-либералы владѣли въ вѣнской думѣ большинствомъ непрерывно въ теченіе тридцати четырехъ лѣтъ. Ихъ пораженіе газета считаетъ окончательнымъ. Но и *Politik* указываетъ на разнородность анти-либеральной коалиціи, на трудность объединить общею положительною программой антисемитовъ, христіанскихъ соціалистовъ и нѣмецкихъ націоналистовъ.

Въ Германіи за событіями во внутренней жизни Цислейтаніи слѣдятъ съ понятною тревогой. Вопросъ о будущемъ австро-нѣмецкой либеральной партіи горячо обсуждается въ германской печати. Въ *Preussischen Jahrbüchern* печатаются статьи, въ которыхъ говорится о возможности и желательности измѣненія австрійской конституціи въ федералистическомъ смыслѣ. Авторъ одной изъ этихъ статей (въ августовской книжкѣ) полагаетъ, что нѣмцы безъ всякаго вреда для своихъ существенныхъ интересовъ могли бы вступить въ соглашеніе съ чехами. Этимъ двумъ національностямъ несомнѣнно принадлежитъ руководительство австрійскою частью имперіи,—говоритъ, къ нашему удивленію, германскій публицистъ (...dieser zwei Nationalitäten, «denen die Leitung des oesterreichischen Theiles der Monarchie zweifellos gebürht»). На эту статью въ сентябрьской книжкѣ возражаетъ «высокопоставленный австрійскій государственный человѣкъ». Онъ находитъ, что федерализмъ окажется вреднымъ для австрійскихъ нѣмцевъ, но рѣшительно вооружается противъ стѣсненій, къ какимъ прибѣгали австро-нѣмецкіе либералы, не допуская, напримѣръ, открытія словенской гимназіи въ Чили. По его мнѣнію, плохо думаютъ о германизмѣ тѣ, кто старается охранять его подобными средствами. Редакція *Preuss. Jahr*[illegible]ъ своей стороны полагаетъ, что централизмъ въ Австріи мертвъ, что габс[illegible]-ская монархія должна быть перестроена на федералистическомъ началѣ. Т[illegible]е мнѣніе весьма серьезнаго германскаго журнала является добрымъ признак[illegible]ъ роста общественнаго сознанія. Не безполезно было въ интересахъ разв[illegible]я этого сознанія опубликованіе газетою *Vorwärts* писемъ со стороны мн[illegible]ъ

высокопоставленныхъ прусскихъ консерваторовъ къ главному публицисту этой партіи, барону Гаммерштейну. Самъ баронъ, какъ извѣстно читателямъ, растратилъ деньги, порученныя ему для общественныхъ цѣлей, совершилъ длинный рядъ другихъ уголовныхъ преступленій и спасается бѣгствомъ изъ Германіи. Консерваторъ *fin du siècle*. Особенный эффектъ возбудило письмо пастора Штёкера. Этотъ протестантскій іезуитъ развиваетъ передъ барономъ Гаммерштейномъ безсовѣстный планъ систематическаго обманыванія императора Вильгельма II въ интересахъ консервативной партіи и ея вождей. Штёкеръ, которому тогда политика князя Бисмарка казалась черезъ-чуръ умѣренною, указываетъ, какъ надо было клеветать на имперскаго канцлера и раздражать самолюбіе молодого и властолюбиваго монарха, чтобы довести дѣло до разрыва между нимъ и Бисмаркомъ. Этотъ эпизодъ изъ темной дворцовой интриги весьма характеренъ для современной Германіи, гдѣ консерваторамъ самъ Бисмаркъ представлялся недостаточно благонадежнымъ.

Послѣ опубликованія этихъ знаменитыхъ отнынѣ писемъ въ лагерѣ юнкеровъ и ихъ приспѣшниковъ на первыхъ порахъ произошло было смятеніе. Потомъ они нѣсколько оправились и ихъ газеты заявляютъ, что ничего особеннаго не случилось.

Neue Freie Presse замѣтила какъ-то, что бельгійскаго короля Леопольда преслѣдуетъ рѣдкое несчастье: онъ все болѣе и болѣе теряетъ популярность, хотя его выдающіяся личныя качества признаются даже его ожесточенными противниками. *Независимое государство Конго* оказалось далеко не блестящимъ предпріятіемъ. Оно находится «въ собственности» самого короля Леопольда и Бельгія не желаетъ присоединенія къ ней этой колоніи. Недавнюю поѣздку короля въ Парижъ ставятъ въ связь съ его намѣреніемъ продать Конго Франціи.

Еще болѣе тяжелый ударъ популярности короля Леопольда наноситъ утвержденіе имъ новаго школьнаго закона, отдающаго народное образованіе въ руки клерикаловъ. Несмотря на нѣкоторыя поправки и уступки, сдѣланныя во время обсужденія законопроекта Весте-Шеллоерта въ палатѣ депутатовъ и въ сенатѣ, онъ, все-таки, сохранилъ реакціонный характеръ. Противъ него возставали многіе изъ лучшихъ представителей консервативной партіи, напримѣръ, бывшій министръ-президентъ Бернаэртъ, бывшій министръ юстиціи Лежёнъ. Въ странѣ начинается снова сильное движеніе, какъ это было передъ избирательною реформой. Нѣкоторые вожди рабочихъ сознаютъ теперь, что они поступали неправильно, покинувъ тогда въ избирательной борьбѣ либераловъ, которые добились распространенія избирательныхъ правъ на массу рабочаго населенія.

Намъ доставлена софійская газета *La Bulgarie*, перешедшая съ конца сентября въ руки новой редакціи. Газета ставитъ своею цѣлью ознакомле-

ніе Европы съ истиннымъ положеніемъ вещей въ Болгаріи и борьбу съ клеветою и обвиненіями, которыя раздаются противъ княжества (т.-е. противъ его правительства). Мы можемъ, конечно, только привѣтствовать такое намѣреніе и пожелать болгарской газетѣ достойно его выполнить. *La Bulgarie* заявляетъ себя сторонницей искренняго сближенія съ нашимъ отечествомъ и подтверждаетъ, что болгарскій народъ сохранилъ добрыя чувства къ Россіи. Мы думаемъ, что это въ значительной степени справедливо и что ошибки болгарскихъ правителей (отчасти и русской дипломатіи) не вырыли между Болгаріей и ея освободительницею отъ турецкаго ига непроходимой пропасти. Но за добрыми словами должны послѣдовать и добрыя дѣла.

В. Г.

Письмо въ редакцію *).

Позвольте мнѣ на страницахъ вашего журнала протестовать противъ упорной защиты со стороны *Русской Мысли* и другихъ либеральныхъ изданій необходимости всеобщаго народнаго образованія. Великій государственный мужъ, смирившій во Франціи крамолу и давшій ей политическое величіе, кардиналъ Ришелье, глубокомысленно замѣтилъ: какъ чудовищно было бы то тѣло, у котораго были бы глаза повсюду, такъ чудовищно и государство, если въ немъ всѣ подданные будутъ образованы. Тогда окажется мало послушанія.

Нельзя поэтому не привѣтствовать, вопреки либеральнымъ крикунамъ, московскую городскую думу, которая для народнаго образованія старается дѣлать какъ можно меньше и хуже. Считаю своимъ долгомъ привести новыя этому доказательства и обращаю вниманіе читателей на *Отчетъ о состояніи городскихъ начальныхъ училищъ, учрежденныхъ московскою городскою думой, за 1894—95 учебный годъ*. Спрашиваю прямо: какое либеральное земство поручило бы составленіе этого отчета и учебно-воспитательный надзоръ за школами человѣку безграмотному? Ни одно! А московская городская дума, крѣпкая русскимъ духомъ, не убоялась осужденія со стороны господъ доктринеровъ. Вотъ, напримѣръ, что напечатано въ *Отчетѣ:* «Часовые уроки прерываются *пятиминутными* перемѣнами, *которыя* въ нѣкоторыхъ училищахъ, по мѣстнымъ соображеніямъ, *продолжаются 10 минутъ*; большая до четверти часа, длительность перемѣны представляетея едва ли удобною» (стр. 38). «Многія училища посѣщали художественную Третьяковскую галлерею, развивая чувство изящнаго въ своихъ учащихся» (стр. 41). «Не слѣдуетъ стремиться, *чтобы* всѣ до од[...]) оканчивающіе курсъ учащіеся достигли блестящихъ результатовъ, [...]аздо правильнѣе, *чтобы* дѣтей было болѣе въ отдѣленіи или классѣ, [...]*обы* преподанное имъ было твердо и въ должной мѣрѣ усвоено, причемъ [...]ѣльные немногіе ученики сами достигнутъ и большихъ успѣховъ, нежели [...]нѣ удовлетворительный уровень класса» (стр. 46). Хорошо написа-

*) Въ интересахъ всесторонняго обсужденія важнаго вопроса мы охотно пом[ѣщ]аемъ письмо нашего литературнаго противника. *Ред.*

но? Тысячу разъ правъ составитель отчета, г. Лебедевъ, утверждая, что «въ начальномъ народномъ училищѣ важно не доставленіе знаній и умѣній, а, главнымъ образомъ, доброе воспитаніе» (стр. 39). Да и какъ почтенный г. Лебедевъ, не умѣя даже грамотно писать по-русски, сталъ бы наблюдать за развитіемъ *знаній и умѣній*? Доброе же воспитаніе даетъ ему, очевидно, силу для добросовѣстнаго исполненія своихъ педагогическихъ обязанностей.

Само собою разумѣется, что при такомъ отношеніи къ дѣлу окажется переполненіе классныхъ комнатъ, недостатокъ учителей, частые отказы въ пріемѣ учениковъ и т. п. Все это констатируется *Отчетомъ*, въ безграмотной, конечно, формѣ (напримѣръ: «По ариѳметическому *среднему подсчету* среднее число—штатное—было бы на отдѣленіе 37 учащихся, въ прошломъ году среднее число на отдѣленіе въ дѣйствительности было *42,0*, а въ отчетномъ необычайно высоко—42,3 человѣкъ» (стр. 19). Многіе ученики покидаютъ школу до окончанія курса (въ *Отчетѣ* объ этомъ говорится въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Главнѣйшею причиной выбытія учащихся до окончанія курса остается *имущественная необходимость въ семьяхъ учащихся,* какъ то видно изъ наблюденій», стр. 25).

Отчетъ г. Лебедева, члена городской управы, нѣсколько портится отчетами училищныхъ врачей: въ нихъ указано множество вопіющихъ недостатковъ въ постановкѣ школьнаго дѣла. Не слѣдовало, по моему мнѣнію, ихъ вовсе печатать: они могутъ дать только пищу для либеральнаго пустословія. Въ заключеніе нельзя не пожелать г. Лебедеву долгихъ и долгихъ лѣтъ столь же плодотворной дѣятельности. Желаю ему и побольше послѣдовательности. Въ заключеніи отчета онъ говоритъ о необходимости изгнать изъ школы многопредметность. Слѣдовало бы выразиться рѣшительнѣе: кромѣ Закона Божія, надо обучить читать, писать, четыремъ правиламъ ариѳметики—и только. Въ старшихъ отдѣленіяхъ преподаваніе нужно еще болѣе сконцентрировать на одномъ диктантѣ. Доброе поведеніе отъ этого только выиграетъ.

Московскій обыватель.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Октябрь 1895 года.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Три конца“. *Д. Мамина-Сибиряка.*—„Записки духа“. *В. Л. Величко.* — „Китайскія тѣни“. *П. П. Гнѣдича.*—„Собраніе стихотвореній“ *Виктора Гюго.*

Три конца. (Уральская лѣтопись). Д. Мамина-Сибиряка. Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1895 г. Цѣна 2 руб. Авторъ совершенно правильно назвалъ это свое произведеніе *Уральскою лѣтописью,* такъ какъ въ этомъ повѣствованіи нѣтъ ни первенствующихъ героя и героини, ни послѣдовательно развивающагося дѣйствія, состоящаго въ прямой и непосредственной связи съ центральными лицами, сосредоточивающими на себѣ все вниманіе и весь интересъ читателей. *Три конца* — не цѣльная даже картина, заключенная въ одну раму, это— рядъ картинъ, рядъ повѣствованій, соединенныхъ между собою единствомъ мѣста, идеи и многихъ дѣйствующихъ лицъ, послѣдовательно являющихся въ различныхъ житейскихъ столкновеніяхъ. Общимъ центромъ для всего служитъ огромный металлургическій заводъ съ приписными къ нему пятью тысячами душъ крестьянъ, собранныхъ владѣльцами съ разныхъ сторонъ Россіи и живущихъ тремя поселками или „концами“, какъ называютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такія отдѣльныя поселенія одного управленія или одного прихода. *Лѣтопись* г. Мамина начинается въ любопытнѣйшій моментъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ манифестомъ 19 февраля 1861 года и захватываетъ лишь послѣдній день рабства многихъ тысячъ заводскихъ людей подъ управленіемъ, состоящимъ сплошь изъ крѣпостныхъ, начиная съ „самого“ главноуправляющаго, грознаго Луки Назаровича. Этотъ крѣпостной административный персоналъ, 35 лѣтъ назадъ сошедшій со сцены и могущій показаться нынѣ чѣмъ-то совершенно легендарнымъ, поразительно вѣрно и типично изображенъ г. Маминымъ въ его *Лѣтописи,* которая во многихъ отношеніяхъ представляетъ собою вполнѣ достовѣрное описаніе того, что было въ дѣйствительности въ дореформенныя времена. Мы считаемъ себя вправѣ утверждать это категорически, такъ какъ близко видѣли управленія

огромными барскими имѣніями, состоявшими въ полномъ распоряженіи крѣпостныхъ людей, занимавшихъ должности главноуправляющихъ, управляющихъ, прикащиковъ, конторщиковъ, лѣсничихъ, фельдшеровъ, учителей и т. д. Большое впечатлѣніе производитъ разсказанный въ *Лѣтописи* эпизодъ съ нѣсколькими молодыми людьми, отправленными, по волѣ господина, обучаться горнозаводскому дѣлу въ высшія учебныя заведенія Франціи. „Часть воспитанниковъ получила дипломы въ École des mines, а другіе въ знаменитой École polytechnique. Къ послѣднимъ принадлежалъ и Pierre Mouchine, окончившій курсъ первымъ ученикомъ...“ Многіе изъ этихъ молодыхъ людей переженились за границей на иностранкахъ, когда нежданная смерть владѣльца заставила ихъ вернуться на родину крѣпостными: баринъ *забылъ* выдать имъ вольныя. Несчастныхъ, европейски образованныхъ рабовъ постигла ужасная участь: ихъ образованность, привычки, усвоенныя въ чужихъ краяхъ, ихъ иноземные костюмы, ихъ жены иностранки,—словомъ, все, что принесли они съ собою, озлобляло до дикаго ожесточенія заводское крѣпостное начальство, которое, не задумываясь, обратило инженеровъ и техниковъ въ чернорабочихъ, отправило ихъ въ шахты выбивать руду, умышленно давая имъ чувствовать всю необузданность тяготѣвшаго надъ ними произвола... Пришла „воля“, но для всѣхъ пришла она поздно: изъ десяти крѣпостныхъ инженеровъ какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ одинъ Мухинъ, добился положенія управляющаго; остальные погибли, кто спился, кто умеръ жертвою крѣпостной каторги, одинъ покончилъ самоубійствомъ, одинъ, выпоронный по приказанію Луки Назаровича, сошелъ съ ума... На одномъ изъ „трехъ концовъ“ развертывается широкая, блестящими красками написанная картина раскольничьяго быта. На другомъ „концѣ“ рызгрывается рядъ драматическихъ сценъ, обусловленныхъ исканіемъ „вольной“ земли освобожденными крестьянами, не утратившими на подневольной заводской работѣ своей исконной любви къ хлѣбопашеству. Изъ домовъ „богатѣевъ“, съумѣвшихъ нажить состоянія во время крѣпостного положенія и живущихъ уже на купеческій ладъ, авторъ переноситъ насъ въ избы, гдѣ давитъ людей нищета, изводитъ голодъ; изъ заводскаго центра онъ ведетъ читателя въ глушь раскольничьихъ скитовъ, на раскольничье богомолье у могилы старца, почитаемаго ими за святого... Черезъ всю *Лѣтопись* проходитъ общій мотивъ — смѣна отжитаго крѣпостного порядка новымъ положеніемъ, со своими новыми требованіями, въ силу которыхъ прежніе люди отходятъ къ сторонѣ, такъ или иначе расплачиваясь за былое, а новые люди становятся на ихъ мѣста, пытаются повернуть жизнь народной массы по своему разумѣнію и усмотрѣнію, которыя далеко не всегда приводятъ къ добру. Въ этомъ отношеніи очень характеренъ эпизодъ перемѣны всего заводскаго управленія, удаленіе бывшихъ крѣпостныхъ новымъ главноуправляющимъ, горнымъ инженеромъ, назначеннымъ изъ Петербурга. Этотъ „новый“, чужой человѣкъ рѣшаетъ сразу повернуть все дѣло по-своему, на европейски-капиталистическій ладъ. Рабочіе, сносив[…] всяческія тяготы, не могли помириться съ такимъ водвореніемъ пор[…]ковъ, совершенно не подходящихъ къ вѣками сложившимся характе[…] и обычаямъ народнымъ. Заводское населеніе отказалось отъ работ[…] побрело врознь. Не стерпѣлъ старикъ, крутой „крѣпостной“ крѣпос[…]никъ Лука Назаровичъ, и пришелъ къ новому главноуправляющем[…] сталъ указывать ему на опасность: „Весь народъ разбѣжится съ [...]шихъ заводовъ! Значитъ, не втерпежъ, если побросали и дома, и в[…]

кое обзаведеніе, и побрели, куда глаза глядятъ".—„Вы безпокоитесъ совершенно напрасно: безъ рабочихъ не останемся. Наймемъ изъ другихъ мѣстъ, наконецъ, выпишемъ изъ Россіи..."—„Другихъ?—ужаснулся старикъ.—Нѣтъ, ужь извините, другихъ такихъ-то вы днемъ съ огнемъ не сыщите... Напрасно... даже весьма напрасно: вѣдь, это полное разореніе. Сила уходитъ, капиталъ, котораго и не нажить... Послушайте меня, старика, опомнитесь... Вѣдь, это похуже крѣпостного права, ежели ужь никакого житья не стало... По душѣ надо сдѣлать... Мы наказывали, мы и жалѣли при случаѣ. Тоже въ каждомъ своя совѣсть есть..." И Мухинъ, бывшій ученикъ политехнической школы, выстрадавшій свой вѣкъ при тѣхъ же уральскихъ заводахъ, предупреждалъ новаго распорядителя: „Рабочіе, прежде всего,—люди,—говорилъ онъ.—У нихъ есть свое самолюбіе, извѣстныя традиціи, наконецъ, просто человѣческое достоинство... По моему мнѣнію, именно этихъ сторонъ и не слѣдуетъ трогать".—„Это все сантиментализмъ,—возражалъ формалистъ главноуправляющій.—Я смотрю на рабочую силу какъ на всякую машину—и только. Ни больше, ни меньше. Каждая машина стóитъ столько-то и должна давать такой-то процентъ выгодной работы, а разъ этого нѣтъ, я выкидываю ее за бортъ. Развѣ можетъ быть самолюбіе у паровой машины? Вы отстали отъ современныхъ взглядовъ на крупную промышленность. Лучшій примѣръ для насъ—Европа, въ особенности Англія. У насъ рабочія массы страшно распущены и необходимо ихъ субординировать. Будемъ учиться у Европы".—„Какъ мнѣ кажется,—не соглашался Мухинъ,—намъ не слѣдовало бы перенимать именно больныя мѣста европейской промышленности, тѣмъ болѣе, что и условія производства у насъ нѣсколько иныя". Никакіе доводы не подѣйствовали на упорнаго насаждателя западно-европейскихъ фабричныхъ порядковъ на Уралѣ, и заводы остановились. Совершенно иными оказались не только „условія производства", но и характеръ „рабочей силы". „Почти все мужское взрослое населеніе разбрелось, куда глаза глядятъ, побросавъ дома и семьи. Случилось что-то стихійно-ужасное..." Не стачка, не бунтъ, съ которыми можно управиться такъ или иначе, опираясь на весь сложившійся вѣками строй западно-европейской жизни,—произошло явленіе чисто-русское: „житья не стало" и народъ ушелъ, побрелъ, куда глаза глядятъ, побросавши дома и семьи, ушелъ „капиталъ, котораго не нажить",—капиталъ, у котораго оказались и самолюбіе, и свои традиціи, и сознаніе человѣческаго достоинства и который неотразимо доказалъ, что его нельзя „субординировать" никакими способами, пригодными съ рабочими массами западныхъ пролетаріевъ... Въ заключительныхъ главахъ авторъ весьма ясно раскрываетъ, на чемъ зиждется и чѣмъ крѣпка сила пассивнаго сопротивленія русскаго народа новому его закрѣпощенію капиталу, какъ о томъ мечтаютъ нѣкоторые нынѣшніе экономисты одного пошиба съ выведеннымъ г. Маминымъ ...нымъ инженеромъ—главноуправляющимъ. Въ заключеніе позволимъ ...ѣ еще разъ повторить: *Три конца*, при всѣхъ достоинствахъ чисто-...летристическаго произведенія, есть достовѣрная „лѣтопись", ярко ...бражающая переходное время, пережитое заводскимъ населеніемъ ...ала въ первое десятилѣтіе по освобожденіи крестьянъ отъ крѣпост...й зависимости.

Записки духа (Quasi una fantasia), Нежданчикъ, Первая муха. ...Л. Величко. Изданіе М. М. Ледерле и К°. Спб., 1895 г. Цѣна ...руб. Вечеромъ у одного скромнаго литератора въ очень небольшомъ

кружкѣ „маленькій нервный человѣчекъ въ золотыхъ очкахъ“ высказалъ, между прочимъ, такія мысли: „Чего ради мы собственно пишемъ? И всѣхъ боимся, всего боимся! И примутъ ли, и пропустятъ ли, и что критика?...“ Какая ужъ тутъ можетъ быть искренность? „У насъ, какъ у прежнихъ, дивидендовъ нѣтъ,—ну, и маемся, дурѣемъ отъ будничныхъ заботъ... Борьба за существованіе—не шутка! А тутъ и самолюбіе, и нервность, и пятое-десятое! Чтобы быть искреннимъ, нужно отрѣшиться отъ мелкихъ заботъ и страстишекъ. Чтобы сказать правду, настоящую правду, нужно, насколько возможно, забыть свое „я“ или, вѣрнѣе, отойти отъ него, взглянуть на него и на окружающую жизнь со стороны, объективно, какъ взглянулъ бы безплотный духъ на...“ И вотъ этотъ „маленькій нервный человѣчекъ“ умеръ и передаетъ свои впечатлѣнія отъ момента смерти до окончанія своего погребенія. Умеръ онъ совсѣмъ по-настоящему. Все описанное видитъ и слышитъ его „духъ“, отдѣленный или оторванный отъ бреннаго „футляра“, какъ называетъ онъ свое безжизненное тѣло, вокругъ котораго происходитъ все то, что при подобныхъ обстоятельствахъ совершается въ большинствѣ случаевъ. Сразу, однако, „духъ“ не можетъ отстать отъ привычекъ и взглядовъ, усвоенныхъ долгимъ пребываніемъ въ „футлярѣ“. „Духъ“ всѣмъ еще интересуется, не перестаетъ волноваться отношеніями къ нему родныхъ, знакомыхъ, сослуживцевъ, начальниковъ, въ особенности же—любимой женщины, съ которою „нервный человѣчекъ“ прожилъ нѣсколько лѣтъ безъ брака. „Объективность“ или, вѣрнѣе, спокойствіе и невозмутимость приходятъ постепенно, по мѣрѣ того, какъ „духъ“ освоивается съ своимъ новымъ „безфутлярнымъ“ положеніемъ. Въ концѣ-концовъ, наступаетъ или должно наступить полное умиротвореніе и равнодушіе ко всему земному, пережитому на этомъ свѣтѣ. Совсѣмъ не новъ пріемъ повѣствованія „изъ-за гроба“ о житейскихъ дѣлахъ въ томъ предположеніи, что при такой формѣ получается возможность „быть искреннимъ“ и „сказать правду, настоящую правду“. На самомъ же дѣлѣ и искренность, и „настоящая“ правда quasi-духа оказываются непремѣнно субъективнымъ сочинительствомъ писателя, вынужденнаго считаться съ тѣмъ, „примутъ ли, пропустятъ ли и что скажетъ критика...“ А для того, кто не имѣетъ „дивидендовъ“, это дѣло весьма существенное, способное сильно повліять на изложеніе мыслей „духа“, что и отразилось, конечно, на небольшомъ мемуарѣ d'autre-tombe „маленькаго нервнаго человѣчка“. Мы думаемъ, что подобная форма лишь тѣмъ облегчаетъ задачу автора, что даетъ возможность повѣствующему „духу“ безпрепятственно проникать въ дома и комнаты, недоступныя для обыкновеннаго живого человѣка, причемъ „духъ“ видитъ и слышитъ многое скрытое отъ глазъ и ушей посторонних людей. Ничего особенно выдающагося повѣствующій „духъ“ г. Величко не видалъ, не слыхалъ и не разсказалъ: все обошлось, по смерти маленькаго человѣчка, самымъ заурядным образомъ,—наслѣдники, братья и сестра, хватаются за наслѣдство, товарищи тяну[illegible] къ чиновничьему мѣсту, сдѣлавшемуся вакантнымъ, любимая и лю[illegible]щая женщина одна только сокрушается... да и то есть надежда, [illegible] и она утѣшится. Тѣмъ не менѣе, *Записки духа* читаются съ инте[illegible]сомъ, благодаря бойкости изложенія, живости изображенныхъ сцен[illegible] остроумію повѣствователя, умѣющаго дать многому очень мѣткія и [illegible] рѣдко язвительныя опредѣленія. Нельзя, между прочимъ, не отмѣт[illegible] довольно страннаго мнѣнія автора о томъ, что ждетъ „духа“ въ бо[illegible] или менѣе далекомъ будущемъ. Мнѣніе это высказываетъ „нович[illegible]

на томъ свѣтѣ, нервному человѣчку, другой „духъ“, случайно разговорившійся съ нимъ и болѣе его свѣдущій. „Отрѣшиться отъ праха,—объясняетъ умудренный уже „духъ“,—значитъ понять, что онъ (прахъ) яйца выѣденнаго не стоитъ, и что всѣ наши радости и печали—сущій вздоръ, не стоющій даже воспоминанія, а не то что сожалѣнія или ожесточенія...“ „Конечно, вы чувствуете себя значительно свободнѣе безъ стѣснительной оболочки и сопряженныхъ съ нею страданій,—подобно чиновнику, отпущенному на покой. Это такъ, но васъ, все-таки, тянетъ взглянуть на то, что̀ вы покинули, ваши мысли—*тамъ,* а не *здѣсь*. Оно и естественно. Сперва вы должны *понять,* настоящимъ образомъ понять, то, что̀ вы покинули, а затѣмъ ужь, если вы эту задачу выполните, наступитъ для васъ иное бытіе“.—„А если я не все пойму?“—спрашиваетъ новичокъ.—„Тогда придется вамъ снова влѣзть въ маленькую, неудобную дѣтскую оболочку и снова продѣлать всю исторію... Въ новую оболочку вы внесете много установившихся понятій, добытыхъ вами за прежнее время. Эти понятія будутъ, конечно, не очень опредѣленны и по смутности своей будутъ подходить скорѣе къ категоріи инстинктовъ, но...“ И такъ, по мнѣнію „духа“ умудреннаго, „неотрѣшившимся отъ праха“ духамъ предстоитъ перевоплощеніе и проживаніе съизнова, „продѣлываніе всей исторіи“ со дня рожденія... Выходитъ, что авторъ вѣритъ въ переселеніе душъ, въ неоднократность земной жизни для однихъ и тѣхъ же духовъ до полнаго „обученія равнодушію“... Въ утѣшеніе „новичку“, сокрушающемуся сознаніемъ своей безслѣдности на землѣ, болѣе опытный „духъ“ говоритъ: „Ваши мысли, переданныя близкимъ, передадутся ими другимъ, будутъ передаваться безъ конца,—въ этомъ и состоитъ земное безсмертіе! Въ мірѣ ничто не пропадаетъ!...“

Нежданчикъ есть шутливый разсказъ стараго холостяка о томъ, какъ онъ все собирался сдѣлать предложеніе нравившейся ему дѣвушкѣ, а тѣмъ временемъ его пріятель, нежданно для всѣхъ и для себя самого, женился на этой барышнѣ и зажилъ съ нею счастливо-пресчастливо, ко всеобщему удовольствію всѣхъ дѣйствующихъ лицъ повѣствованія. Книжка заканчивается трехъ-актною комедіей *Первая муха,* о которой мы уже высказали наше мнѣніе въ отдѣлѣ *Современное искусство* послѣ ея перваго представленія на сценѣ Малаго театра, гдѣ комедія эта идетъ необыкновенно живо. Мы думаемъ, что и на провинціальныхъ сценахъ она должна пользоваться большимъ успѣхомъ.

Китайскія тѣни. Романъ П. П. Гнѣдича. Спб., 1895 г. Цѣна 1 руб. 50 коп. На послѣдней страницѣ романа авторъ разсказываетъ, какъ у г-жи Чебановой нѣсколько знакомыхъ забавлялись волшебнымъ фонаремъ. „Одинъ Осоргинъ (герой романа) былъ молчаливъ“, смотрѣлъ на *Китайскія тѣни,* „и въ параллель имъ, въ его воображеніи проплывали такія же тѣни впечатлѣній послѣдняго времени. И мучи-
тельная операція, и сгорѣвшій великанъ, и мертвая дѣвочка въ лѣсу, похороны великаго писателя, и картина моднаго художника, и но-
ый журналъ,—развѣ это не тѣ же плоскія проходящія картины, одна ярче, другая поблѣднѣе, одна торжественнѣе, другая проще? Онѣ
къ же ничѣмъ не связаны другъ съ другомъ, такъ же разрозненны, обособлены, какъ и эти прозрачныя стеклянныя тѣни. Но нѣтъ, въ
оспоминаніяхъ у него проступаетъ образъ Кати... проступаетъ уже
тѣнью, а чѣмъ-то живымъ, какъ будто залогомъ на новое хорошее будущее“. Такія опредѣленія автора мы считаемъ правильными.

На самомъ дѣлѣ, многое изъ разсказаннаго въ романѣ имѣетъ не большее значеніе, чѣмъ „плоскія, прозрачныя стеклянныя тѣни“ волшебнаго фонаря, „разрозненныя“ и ненужныя для сущности самого романа. Кромѣ того, такого рода „разрозненныя“ тѣни представляются намъ непригодными и нехорошими еще и потому, что въ этихъ „плоскихъ картинахъ“ мы видимъ изображенія живыхъ лицъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, дѣйствительныхъ событій и различныхъ намековъ, непонятныхъ, можетъ быть, для большой публики, но довольно ясныхъ для небольшого круга людей. Противъ подобныхъ писательскихъ пріемовъ мы всегда высказывались, находя ихъ не литературными. Очень жаль, что въ ряду *Китайскихъ тѣней* фигурируютъ знакомыя лица и извѣстныя событія. По нашему мнѣнію, романъ много выигралъ бы, еслибъ этого не было, еслибъ авторъ ограничился тѣмъ, что имѣетъ прямое и непосредственное отношеніе къ роману, разыгравшемуся между его героемъ Осоргинымъ и героинею Катей Чебановой. Какъ эти два лица, такъ и мамаша Кати, и нѣкоторыя изъ вторыхъ лицъ, достаточно оригинальны и интересны для того, чтобы ими наполнить повѣствованіе, не усложняя его экскурсами въ область, чуждую беллетристики. Изъ всѣхъ лицъ романа въ особенности удалась автору maman Чебанова, отличный обращикъ дуры, нежданно-негаданно получившей огромное наслѣдство и отъ того совсѣмъ уже ошалѣвшей. Такъ же хороша, хотя и менѣе ярка, фигура героя Осоргина, петербургскаго чиновника, очень хорошаго человѣка, искренно любящаго дочь Чебановой, Катю, и ею, несомнѣнно, любимаго, но требующаго отъ жизни и отъ любимой женщины совсѣмъ не того, что занимаетъ Катю, всецѣло захватываетъ ея честную душу, жаждущую „настоящаго“ дѣла, страстно ищущую полезной дѣятельности, въ которую она могла бы вѣрить и которой въ состояніи была бы отдаться всѣмъ существомъ своимъ. Катя любитъ Осоргина настолько, что дѣлается его любовницей, живетъ съ нимъ,—но не вмѣстѣ, не на одной квартирѣ,—и на всѣ упрашиванія стать „законною“ женой отвѣчаетъ требованіями „подождать“, а въ концѣ-концовъ отказываетъ окончательно и уѣзжаетъ въ провинцію, гдѣ нашла себѣ „дѣло“ по сердцу: занялась организаціей пріюта для несчастныхъ дѣтей, родители которыхъ сосланы въ Сибирь. Конечно, при своемъ большомъ состояніи, Катя могла бы дѣлать то же самое, выйдя замужъ за „хорошаго“ человѣка, какимъ и есть Осоргинъ, но... вотъ именно съ тою зависимостью, которая для обоихъ супруговъ обусловливается законнымъ бракомъ, эта увлекающаяся дѣвушка никакъ помириться не можетъ. Слишкомъ она впечатлительна, слишкомъ чутка и искренна для того, что мириться съ какии бы ни было уступками, всегда отзывающимися нѣкоторою фальшью. Всѣ перипетіи исканія Катей подходящаго для нея дѣла придуманы авторомъ очень хорошо, мотивъ, положенный въ основу романа, довольно оригиналенъ, въ развитіе его внесено не мало новаго, и тѣмъ болѣе жаль, что авторъ испестрилъ свое произведеніе лишними „плоскими“ тѣнями, на которыя мы указали выше и котор[ыя] никакой связи не имѣютъ съ основнымъ сюжетомъ, каковы, нап[ри]мѣръ, „похороны знаменитаго писателя“, спиритическіе сеансы у гв[ар]дейскаго офицера, писаніе „князькомъ“ романа подъ диктовку „дух[а]“, появленіе на сцену нѣкоторыхъ фигуръ, къ которымъ могутъ бы[ть] пришпилены карточки съ именами живыхъ людей, и т. под.

Собраніе стихотвореній Виктора Гюго въ переводахъ русскихъ писателей, подъ редакціей И. Ф. Тхоржевскаго. Выпускъ I. Ти[п.]

лисъ, 1895 г. Цѣна каждаго выпуска 20 коп. Недавно окончено г. Тхоржевскимъ изданіе *Полнаго собранія пѣсенъ Беранже*, о которомъ мы въ свое время сообщили наше мнѣніе читателямъ. Теперь, приступая къ печатанію стихотвореній Виктора Гюго, почтенный издатель уже не обѣщаетъ дать *полнаго* собранія стихотвореній славнаго французскаго поэта, значеніе котораго во французской и во всемірной литературѣ неизмѣримо больше, чѣмъ значеніе чисто-національнаго пѣвца Беранже. И первое пожеланіе наше будетъ, конечно, чтобъ издатель познакомилъ русскую публику съ возможно бо́льшимъ числомъ произведеній главы романтической школы, имѣющаго несомнѣнное право считаться не только поэтомъ національнымъ, но и міровымъ. Правда, при передачѣ на русскомъ языкѣ стихотвореній Виктора Гюго переводчикамъ приходится преодолѣвать несравненно большія трудности, чѣмъ при переводахъ живыхъ и, по большей части, веселыхъ пѣсенъ Беранже. Въ предисловіи къ изданію своихъ произведеній въ 1880 г. Викторъ Гюго говоритъ: „Человѣкъ, который пишетъ, пишетъ книгу, эта книга—онъ самъ... (цитируемъ по переводу издателя). Изъ каждаго произведенія, какъ бы оно ни было ничтожно или значительно, вырисовывается личность—личность писателя. Въ этомъ его наказаніе, если онъ мелокъ; въ этомъ его награда, если онъ великъ. Эта истина открывается намъ только въ концѣ длинной жизни, полной труда и полной грозъ, отданной всецѣло мысли и дѣятельности. Выступаетъ на видъ отвѣтственность, неразлучная спутница свободы. Человѣкъ, пишущій эти строки, понимаетъ это. Онъ спокоенъ. Какъ онъ ни незамѣтенъ передъ Безконечнымъ, онъ не чувствуетъ себя смущеннымъ. На всѣ вопросы, какіе могутъ исходить отъ Неизвѣстнаго, у него только одинъ отвѣтъ: я—совѣсть“... Эти значительныя строки налагаютъ огромную отвѣтственность на всякаго, кто берется переводить произведенія человѣка, считавшаго себя вправѣ сказать въ концѣ долгой трудовой и бурной жизни: „я—совѣсть“,—человѣка, надъ гробомъ котораго современники сказали: „Ты великій поэтъ и гражданинъ!“ Въ этомъ была „его награда“, и будетъ дѣяніемъ преступнымъ, если не такою же представится личность писателя для тѣхъ, кто судить о немъ будетъ только по переводамъ. Въ данное время, имѣя въ рукахъ лишь нѣсколько страницъ переводовъ, мы не беремся рѣшить, какъ будетъ выполнена трудная задача, за которую взялся г. Тхоржевскій. Изъ десяти *Одъ*, вошедшихъ въ первый выпускъ, одна подписана именевъ В. Костомарова, одна—именемъ В. Буренина, двѣ—именемъ О. Михайловой, подъ одной поставлены двѣ звѣздочки и пять подписаны псевдонимомъ Иванъ-да-Марья,—послѣднія шесть появляются въ переводахъ, нигдѣ до сихъ поръ ненапечатанныхъ. Наименѣе удачнымъ мы находимъ безъименный переводъ оды *Возстановленіе статуи Генриха IV*. По поводу этого стихотворенія и нѣкоторыхъ другихъ въ томъ же родѣ мы считаемъ нужнымъ привести выдержку изъ *Преди..ловія* (автора) къ *Одамъ и балладамъ*, изданнымъ въ 1853 г., когда ..кторъ Гюго жилъ въ изгнаніи, послѣ государственнаго переворота ..52 г. и захвата верховной власти Наполеономъ III. „Ихъ темное ..оисхожденіе (Мюрата и Нея) считается какъ бы лишнимъ правомъ .. уваженіе и усиливаетъ блескъ достигнутаго ими положенія. Но изъ ..хъ лѣстницъ, ведущихъ изъ мрака къ свѣту, самая достойная и ..ая трудная для восхожденія, конечно, слѣдующая: родиться ари..ократомъ и ройялистомъ и стать демократомъ. Подняться изъ ла..чки во дворецъ,—это рѣдко и прекрасно, если хотите; подняться

отъ заблужденія къ истинѣ, это еще рѣже и еще прекраснѣе. Въ первомъ изъ этихъ восхожденій человѣкъ съ каждымъ сдѣланнымъ шагомъ что-нибудь выигрываетъ и увеличиваетъ свое благосостояніе, свое могущество, свое богатство; при второмъ восхожденіи—наоборотъ"... Ему „на каждой пройденной ступени приходится платиться матеріальною жертвой за нравственное пріобрѣтеніе, приходится оставлять какую-нибудь выгоду, отказываться отъ благъ и почестей свѣта, рисковать своимъ состояніемъ, своимъ очагомъ, своею жизнью. За то, совершивъ этотъ подвигъ, позволительно имъ гордиться".. И Викторъ Гюго, выпуская въ свѣтъ свои *Оды и баллады*, считаетъ своимъ законнымъ правомъ „съ гордостью и удовлетворенною совѣстью показать свои дѣтскія и юношескія оды рядомъ съ демократическими произведеніями, написанными въ зрѣломъ возрастѣ. Это,—заканчиваетъ поэтъ,—я думаю, позволительная гордость, особенно, когда, совершивъ восхожденіе, найдешь на вершинѣ изгнаніе и можешь помѣтить это предисловіе мѣстомъ своей ссылки". Предисловіе помѣчено: „Джерсей, іюль 1853 года". Въ заключеніе считаемъ нужнымъ замѣтить, что, по нашему мнѣнію, г. Тхоржевскій выбралъ очень неудобную форму для своего изданія, давая его листовыми выпусками, причемъ на обложки и оглавленія пропадаетъ напрасно по четыре страницы въ выпускѣ, и самые выпуски легко теряются и, по меньшей мѣрѣ, утрачиваютъ свою свѣжесть.

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

„Вопросы **Философіи и Психологіи**".—„**Современная германская** психологія". *Т. Рибо*.—„О **чувственной памяти**". *Его же*.—„**Мозгъ и мысль**". *Проф. Генрика Гойера*.—„**Геніальность и помѣшательство**". *Ц. Ломброзо*.

Вопросы Философіи и Психологіи, *сентябрь*. Профессоръ Корелинъ помѣстилъ въ сентябрьской книжкѣ московскаго философскаго журнала интересную статью объ этическомъ трактатѣ знаменитаго итальянскаго гуманиста Лоренцо Валлы: *Объ удовольствіи и объ истинномъ благѣ* (напечатанъ въ Павіи въ 1431 году). Интересъ къ нравственнымъ вопросамъ составляетъ одну изъ характернѣйшихъ особенностей эпохи Возрожденія. „Новая этика,—говоритъ г. Корелинъ,—которая могла бы замѣнить отжившій католическій аскетизмъ и давала бы санкцію новымъ вкусамъ и стремленіямъ, стала насущною необходимостью для гуманистовъ, и моральные вопросы съ самаго начала движенія занимаютъ видное мѣсто въ ихъ письмахъ, трактатахъ и даже беллетристическихъ произведеніяхъ". Прокладывать новые пути въ этой области было небезопасно въ виду фанатической нетерпимости могущественной и не разборчивой на средства (не исключая и жестокихъ казней) римско-католической церкви.

Анализируя трактатъ Валлы, написанный въ формѣ діалога (п вильнѣе—трехъ большихъ монологовъ), г. Корелинъ отмѣчаетъ про ворѣчіе между католически-благочестивымъ предисловіемъ къ нему содержаніемъ и тономъ діалога: Беккаделли, напримѣръ, одно изъ г ворящихъ за Валлу лицъ, ужь черезъ-чуръ пылко защищаетъ чу ственныя удовольствія (восхваленію вина посвящена цѣлая глав Беккаделли доказываетъ, что удовольствіе есть единственное бла Ему возражаетъ Никколи. Статья г. Корелина еще не окончена.

Нравственнымъ вопросамъ посвящена въ этой книжкѣ журна

статья В. С. Соловьева: *Мнимыя начала правильнаго поведенія.* Авторъ критикуетъ различные виды эвдемонизма. По мнѣнію автора, высшее благо (цѣль жизни), сводящееся къ удовольствію, „при кажущейся ясности, простотѣ и реальности, встрѣчаетъ непреодолимыя затрудненія именно на пути своего реальнаго примѣненія": въ дѣйствительности нельзя найти единаго для всѣхъ удовольствія, а лишь неопредѣленное множество всевозможныхъ удовольствій, не имѣющихъ между собою ничего общаго. Не удовлетворяетъ г. Соловьева и принципъ утилитаризма (находящійся въ соотвѣтствіи съ нравственнымъ принципомъ альтруизма). „Истинная мысль,—говоритъ авторъ,—къ которой тяготѣетъ утилитаризмъ въ лучшихъ своихъ представителяхъ, есть идея *солидарности* всего человѣчества, вслѣдствіе чего частное благополучіе каждаго человѣка связано со всеобщимъ благополучіемъ. Но эта идея не имѣетъ своихъ корней на почвѣ утилитаризма и не вмѣщается, какъ практическій принципъ, въ предѣлахъ утилинарнаго и вообще эвдемонистическаго образа мыслей".

Сентябрьская книжка *Вопросовъ Философіи и Психологіи* даетъ и третью статью о нравственныхъ вопросахъ, кн. С. Н. Трубецкого: *Этика и догматика.* Въ ней разсматриваются этика и догматика въ христіанской церкви, отношеніе между Нагорною проповѣдью и Никейскимъ символомъ. Протестъ противъ догматизма и ритуализма, все болѣе и болѣе проникающій въ обширные слои общества, князь Трубецкой считаетъ явленіемъ нормальнымъ и неизбѣжнымъ въ связи съ распространеніемъ просвѣщенія. Для каждаго образованнаго человѣка, принимающаго близко къ сердцу нравственные и религіозно-нравственные вопросы, статьи г. Соловьева и кн. Трубецкого,—превосходно написанныя,—представляютъ весьма значительный интересъ.

Въ статьѣ *Природа и искусство* г. Иванцовъ излагаетъ и разбираетъ извѣстную читателямъ *Русской Мысли* книгу Шербюлье *Искусство и природа* (русск. переводъ 1894 г.) Г. Вагнеръ разсуждаетъ *О прекрасномъ въ музыкѣ* (по поводу книжки Ганслика *О музыкально-прекрасномъ* (второй русскій переводъ, г. Лароша, вышедшій въ нынѣшнемъ году). Основныя положенія Ганслика, поддерживаемыя у насъ г. Ларошемъ, состоятъ въ слѣдующемъ: 1) музыка *не можетъ выражать чувства;* она *возбуждаетъ* ихъ всего болѣе у диллетантовъ, всего менѣе *у образованныхъ* (?) художниковъ; 2) *прекрасное* въ музыкѣ заключается только въ звукахъ, въ ихъ разнообразныхъ сочетаніяхъ; 3) вслѣдствіе этого (а частью и вслѣдствіе другихъ причинъ) „музыка не имѣетъ и содержанія въ смыслѣ сюжета". Статья г. Вагнера заключаетъ въ себѣ обстоятельное и остроумное опроверженіе этихъ вздорныхъ *„ученыхъ"* утвержденій. Мы отсылаемъ къ ней тѣхъ читателей, которые интересуются вопросами искусства. Замѣтимъ, что подъ *образованными* музыкантами нужно понимать просто-на-просто людей, изучившихъ музыкальную теорію и технику дѣла. Всякому понятно, что кой *образованный* человѣкъ можетъ быть круглымъ невѣждою. Кро- того, привычка къ техническому анализу, дѣйствительно, ведетъ , тому, что такой *образованный* музыкантъ, слушая геніальное исполніе геніальнаго произведенія, ничего *не чувствуетъ*, а только испываетъ пріятное раздраженіе барабанной перепонки, да подсчитываетъ учитываетъ звуки; но такой ремесленникъ-музыкантъ, какъ бы онъ былъ искусенъ въ своемъ ремеслѣ, въ данномъ случаѣ можетъ возждать лишь улыбку сожалѣнія.

Библіографическій обзоръ и обзоръ журналовъ составленъ съ обыч-

ною тщательностью. *Вопросы Философіи и Психологіи* стараются не пропустить ни одной замѣтной книги или статьи въ русской и иностранной философской и психологической литературѣ.

Современная германская психологія (опытная школа). Т. Рибо. Переводъ со 2-го французскаго изданія, исправленнаго и дополненнаго Л. Ройзмана. Изданіе журнала „Научное Обозрѣніе“. Спб., 1895 г. — О чувственной памяти. Т. Рибо. Переводъ съ французскаго сочиненія „Recherches sur la mémoire affective, par Th. Ribot“, врача Н. Вырубова и Е. Николаевой. Подъ редакціей проф. В. М. Бехтерева. Казань, 1895 г. Редакція *Научнаго Обозрѣнія* издала переводъ извѣстной книги Рибо, отчасти руководясь тѣмъ соображеніемъ, что очеркъ успѣховъ новѣйшей опытной психологіи особенно умѣстенъ „въ виду замѣтнаго возрожденія у насъ разныхъ отживающихъ метафизическихъ и супранатуральныхъ ученій“. Быть можетъ, не совсѣмъ понятно, какъ это метафизика, по мнѣнію почтеннаго журнала, въ одно и то же время, и возрождается, и отживаетъ, но, во всякомъ случаѣ, къ появленію труда Рибо на русскомъ языкѣ слѣдуетъ отнестись съ большимъ сочувствіемъ. Тѣ, кто впервые познакомятся съ этимъ сочиненіемъ французскаго мыслителя, съ интересомъ и удовольствіемъ прочтутъ въ предисловіи блестящую, хотя и нѣсколько одностороннюю характеристику старой психологіи и получатъ ясное понятіе о важныхъ задачахъ, которыя поставило себѣ новое направленіе въ наукѣ о душѣ. Рибо разсматриваетъ психологическія теоріи тѣхъ нѣмецкихъ изслѣдователей, которые въ своихъ трудахъ руководились индуктивнымъ методомъ и обладали глубокими знаніями по физіологіи. Онъ излагаетъ ученія Гербарта, его школы, Лотце, Гельмгольца, Фехнера, Вундта и друг. и подвергаетъ ихъ серьезному разбору. Къ сожалѣнію, достоинства книги ослабляются для русскихъ читателей мало удовлетворительнымъ переводомъ; обиліе безцѣльныхъ иностранныхъ выраженій, множество опечатокъ, неточности и галлицизмы,—все это затрудняетъ пользованіе весьма поучительною работой французскаго психолога. Зачѣмъ, напримѣръ, г. Ройзманъ всякій разъ употребляетъ слово „детерминація“ тамъ, гдѣ онъ могъ бы съ большимъ удобствомъ сказать „опредѣленіе“? Удачна ли фраза: „взрослое сознаніе фатально принимаетъ знанія, *посредственнымъ* путемъ полученныя, за непосредственныя“ (стр. 162)? Какъ понять, что „психологія... должна быть практикуема, какъ естественная наука“ (стр. 168)? Такихъ примѣровъ можно было бы привести очень, очень много.

Переведенная подъ редакціей проф. В. М. Бехтерева брошюра Рибо *О чувственной памяти* на своихъ 42 страницахъ вмѣщаетъ очень глубокое и серьезное содержаніе и, несомнѣнно, повлечетъ за собой цѣлый рядъ новыхъ изслѣдованій въ той области, которую освѣтилъ своею книжкой французскій психологъ. Онъ задается важнымъ и интереснымъ вопросомъ относительно того, бываютъ ли у насъ въ сферѣ обонятельныхъ, вкусовыхъ и внутреннихъ ощущеній чувственныя в... поминанія, не вызванныя непосредственно дѣйствительнымъ событіе... а возрожденныя въ сознаніи самопроизвольно или по нашему желан... Большинство изслѣдователей отрицаютъ существованіе въ насъ так... памяти и полагаютъ, что воскресаютъ не самое ощущеніе или душ... ная эмоція, а только обстоятельства, которыя сопровождали ихъ. Рибо на основаніи очень любопытныхъ фактовъ, отчасти приведенныхъ ... его брошюрѣ, оспариваетъ мнѣніе этихъ психологовъ и приходитъ ... нѣкоторымъ оригинальнымъ выводамъ. Для него одно общее для всѣ...

рѣшеніе вопроса представляется невозможнымъ, и онъ склоненъ къ мысли, что наличность или отсутствіе чувственныхъ воспоминаній зависитъ отъ индивидуальности и темперамента. Онъ раздѣляетъ людей на двѣ категоріи: одни обладаютъ ложною или абстрактною памятью, другіе—истинною или конктретною. Первые оживляютъ событіе, фактъ, но не свое настроеніе; послѣдніе, наоборотъ, воскрешаютъ именно то состояніе, которое они когда-то пережили. У первыхъ преобладаетъ интеллектуальный, у послѣднихъ — эмоціональный элементъ. Правда, воспоминаніе едва ли является вполнѣ точною копіей своего оригинала и всегда содержитъ въ себѣ извѣстный придатокъ или, наоборотъ, нѣкоторую убыль. Чѣмъ сложнѣе эмоція, тѣмъ труднѣе поддается она оживленію; въ иныхъ случаяхъ замѣчается, что тѣ образы упорнѣе всего ускользаютъ отъ отчетливаго воспоминанія, которые богаты двигательными элементами. Субъекты, одаренные чувственною или конкретною памятью, долго сохраняющіе въ себѣ однажды пережитыя душевныя движенія, болѣе склонны къ нравственной жизни сравнительно съ тѣми, кто чувствуетъ мимолетно и поверхностно и не въ состояніи воскрешать былыхъ настроеній. Чувственная амнезія часто служитъ причиной грубо-эгоистическихъ поступковъ: если я забылъ и не могу осязательно испытать страданіе, которое меня когда-то постигло, то я не симпатизирую, не сострадаю другимъ людямъ; чувственная память, такимъ образомъ, можетъ играть роль моральнаго стимула. Но надо имѣть въ виду, что почти не существуетъ общаго чувственнаго типа, т.-е. такой психической организаціи, которая позволяла бы оживлять всѣ виды чувствованій. Гораздо распространеннѣе частичные типы, и въ то время, какъ одни легко воскрешаютъ вкусовыя и обонятельныя представленія, другіе способны пробуждать высшія, духовныя эмоціи, причемъ опять-таки одинъ оживляетъ пріятныя, другой — тягостныя состоянія, одного его психика располагаетъ къ оптимизму, другой—отъ природы пессимистъ. Слѣдуетъ еще замѣтить и то, что сила первоначальнаго впечатлѣнія вовсе не является залогомъ того, что оно будетъ безъ труда возрождено въ сознаніи; оживленіе, по словамъ Рибо, „гораздо болѣе зависитъ отъ условій мозговой дѣятельности и внутреннихъ особенностей организма". Можно живо чувствовать и не воскрешать своихъ чувствованій, и, наоборотъ, слабая эмоція можетъ усилиться, будучи воспроизведенной.

Эти общія указанія достаточно обнаруживаютъ всю важность проблемы, затронутой Рибо. Французскій мыслитель представилъ только талантливую попытку разобраться въ этомъ вопросѣ, но и она возбудитъ живой интересъ у знатоковъ и любителей психологіи. Съ благодарностью поэтому слѣдуетъ отнестись къ проф. Бехтереву и гг. переводчикамъ (Н. Вырубову и Е. Николаевой), вполнѣ удачно справившимся со своею задачей.

Мозгъ и мысль. Проф. Генрика Гойера (Henryk Hoyer). Переводъ съ польскаго. Изданіе журнала „Научное Обозрѣніе". ...б., 1895 г. Проф. Гойеръ принадлежитъ къ числу сторонниковъ ...зіологической психологіи, и, какъ показываетъ самое заглавіе его ...ижки, онъ старается установить связь между мозговыми и интеллек...альными процессами. Не принадлежа къ матеріалистамъ, не считая ...сли продуктомъ матеріи, еще менѣе раздѣляя воззрѣнія идеалистовъ, ...оф. Гойеръ разъясняетъ психическія явленія на основаніи данныхъ, ...нтыхъ изъ біологіи. „Я думаю,—говоритъ онъ,—что мнѣ удалось дока...ь возможность примиренія между психологомъ и физіологомъ" (стр. 92).

Не сомнѣваясь въ плодотворности метода, которымъ пользуется проф. Гойеръ, мы должны замѣтить, что физіологическая часть его статьи находится въ очень слабой и трудно уловимой связи съ психологической; мозгъ, такъ сказать, остается мозгомъ, а мысль — мыслью, и для рѣшенія вопроса о взаимодѣйствіи и соотношеніи этихъ двухъ факторовъ попрежнему не остается ничего, кромѣ гипотезъ. Мы, конечно, не упрекаемъ въ этомъ почтеннаго ученаго; разумѣется, наука обладаетъ еще слишкомъ незначительными силами, чтобы найти ключь къ одной изъ величайшихъ „міровыхъ загадокъ". Мы хотимъ сказать лишь то, что и въ книжкѣ проф. Гойера физіологія и психологія, всетаки, расходятся въ разныя стороны; гдѣ только наступаетъ необходимость сочетать физіологическій моментъ съ психологическимъ, тамъ авторъ опускаетъ руки и сталкивается съ неизвѣстнымъ. „Легко понять, — говоритъ онъ, напримѣръ, на стр. 67—68, — что сущность ихъ (памяти и сочетанія психическихъ фактовъ) такъ же загадочна для насъ, какъ сущность процесса нервнаго возбужденія... Тѣмъ не менѣе, изслѣдователь природы чувствуетъ потребность пополнить этотъ важный недостатокъ своихъ познаній, хотя бы гипотетическимъ сравненіемъ, опирающимся на аналогическія явленія въ области чистофизическихъ процессовъ".

Книжка проф. Гойера читается съ интересомъ, хотя она и не сообщаетъ ничего новаго; наиболѣе самостоятельно разсматриваетъ авторъ чувствованія. Полагая, въ противуположность метафизическому панпсихизму, что психологическая дѣятельность возможна лишь при наличности особаго прибора, т.-е. нервной системы, проф. Гойеръ очень подробно излагаетъ нервное устройство животныхъ и человѣка, а затѣмъ говоритъ о психическихъ функціяхъ нервной системы. Книжка снабжена рисунками, къ сожалѣнію, очень неотчетливыми и грязными. Переводъ вполнѣ удовлетворителенъ, хотя и встрѣчаются шероховатости, вродѣ „музыкальныя способности развились у птицъ... путемъ *свадебныхъ* соисканій" (стр. 55).

Геніальность и помѣшательство. Ц. Ломброзо. Пер. съ 4 итальянскаго изд. К. Тетюшиновой. 3 изд. Ф. Павленкова. Спб., 1895 г. Въ издательскомъ дѣлѣ бываютъ факты, рѣшительно не поддающіеся объясненію. Кто могъ бы, напримѣръ, предсказать, что книга проф. Ломброзо въ теченіе десяти лѣтъ выдержитъ у насъ три изданія? Вяло и неопредѣленно поставленные тезисы, безконечная вереница фактовъ, ихъ подтверждающихъ, и болѣе чѣмъ скромные результаты всего изслѣдованія—таково содержаніе книги; она какъ бы прямо приспособлена для того, чтобъ усыпить читателя, рискнувшаго послѣдовать за авторомъ, „съ холоднымъ спокойствіемъ" (какъ онъ самъ говоритъ) собирающимъ отовсюду нужные ему факты. Что сдѣлала для науки теорія Ломброзо—это другой вопросъ, но мы рѣшительно отказываемся понять успѣхъ его книги среди большой публики. Присмотримся, однако, поближе къ этому ученому произведенію. Характеризовать методъ проф. Ломброзо мы не будемъ: читатель найдетъ такую характеристику въ статьѣ г. И. Д—ва, мысли котораго объ интересующ[illegible] насъ книгѣ (см. *Русск. Мысль*, кн. VIII, стр. 1—17) мы только [illegible] пытаемся дополнить.

Для того, чтобы сравнивать два класса явленій, необходимо вы[illegible]нить себѣ *существенныя* особенности каждаго изъ нихъ; несоблюде[illegible] этого условія влечетъ за собою множество недоразумѣній. Во-первыхъ въ поле сравненія, по произволу изслѣдователя, вводятся явле[illegible]

не имѣющія ничего общаго со сравниваемыми классами, и тогда становится возможнымъ доказать *фактами* что угодно. Во-вторыхъ, для проведенія параллели берутся вовсе не характерныя для данныхъ классовъ особенности. Въ-третьихъ, большое значеніе придается самымъ симптомамъ, а не производящимъ ихъ причинамъ; между тѣмъ, одни и тѣ же симптомы могутъ быть вызваны не сходными, а, напротивъ, различными свойствами сравниваемыхъ явленій. Но мы не окончили бы никогда, если бы стали перечислять всѣ слѣдствія коренной ошибки проф. Ломброзо: онъ сравниваетъ не геніальность и помѣшательство, а пеструю толпу выдающихся, по его мнѣнію, людей съ тѣми сумасшедшими, которыхъ онъ изучалъ въ психіатрическихъ клиникахъ. Останавливаться на этомъ подробнѣе мы не будемъ (въ статьѣ г. И. Д—ва и въ только что вышедшей по-русски книгѣ В. Гирша: *Геніальность и вырожденіе* читатель найдетъ разборъ сочиненія проф. Ломброзо съ этой именно точки зрѣнія); замѣтимъ только, что, благодаря такой неопредѣленности и такому смутному пониманію поставленныхъ себѣ задачъ, авторъ лишилъ свое изслѣдованіе *въ цѣломъ* почти всякаго научнаго значенія. Но, можетъ быть, такіе пріемы не помѣшали проф. Ломброзо придти къ какимъ-нибудь широкимъ выводамъ, заманчивымъ для обыкновеннаго читателя своею новизной и оригинальностью? Увы, резюме всей работы нашего автора сводится къ слѣдующимъ (болѣе чѣмъ скромнымъ) мыслямъ: „Въ физіологическомъ отношеніи между нормальнымъ состояніемъ геніальнаго человѣка и патологическимъ помѣшаннаго существуетъ не мало точекъ соприкосновенія. Между геніальными людьми встрѣчаются помѣшанные и между сумасшедшими—геніи. Но было и есть множество геніальныхъ людей, у которыхъ нельзя отыскать ни малѣйшихъ признаковъ умопомѣшательства, за исключеніемъ нѣкоторыхъ ненормальностей въ сферѣ чувствительности“. Поистинѣ, ради такихъ цѣнныхъ указаній не стоило предпринимать столь обширнаго и солиднаго изслѣдованія! Однако, кромѣ этихъ выводовъ, въ книгѣ проф. Ломброзо остаются еще *факты*, которые могутъ имѣть научное значеніе. Въ предисловіи къ четвертому изданію онъ самъ говоритъ: „На язвительныя насмѣшки и мелочныя придирки нашихъ противниковъ мы, по примѣру того оригинала, который для убѣжденія людей, отрицавшихъ движеніе, двигался въ ихъ присутствіи,—отвѣтимъ лишь тѣмъ, что будемъ собирать новые факты и новыя доказательства въ пользу нашей теоріи. Что можетъ быть убѣдительнѣе фактовъ и кто станетъ отрицать ихъ? Развѣ одни только невѣжды, но торжеству ихъ скоро наступитъ конецъ“. Посмотримъ же, каковы факты, собранные нашимъ ученымъ, и что они доказываютъ. Здѣсь мы, прежде всего, наталкиваемся на крайнюю недостовѣрность всего матеріала. Авторъ или совсѣмъ не сообщаетъ намъ, откуда почерпнулъ онъ свѣдѣнія о приводимыхъ имъ фактахъ, или дѣлаетъ это въ такой формѣ, что провѣрка ихъ почти эвозможна. Между тѣмъ, многіе изъ нихъ вызываютъ по меньшей ѣрѣ недоумѣніе. Такъ, напримѣръ, на стр. 18 проф. Ломброзо въ эказательство чувствительности геніевъ безъ дальнихъ околичностей общаетъ намъ, что „живописецъ Франчіа умеръ отъ восхищенія, слѣ того, какъ увидѣлъ картину Рафаэля“. На той же страницѣ таемъ: „Амперъ до такой степени живо чувствовалъ красоты приэды, что едва (?) не умеръ отъ счастья, очутившись на берегу Жевскаго озера“. Далѣе (на стр. 21) намъ сообщаютъ, что „Сантени шелъ съ ума отъ радости, найдя эпитетъ, который тщетно пріиски-

валъ долгое время", а „Сеубуйа, арабскій грамматикъ, умеръ съ горя оттого, что съ его мнѣніемъ относительно какого-то грамматическаго правила не согласился калифъ Гарунъ-аль-Рашидъ". Просматривая стр. 22, узнаемъ еще слѣдующіе поучительные факты: „О Ньютонѣ разсказываютъ, что однажды онъ сталъ набивать себѣ трубку пальцемъ своей племянницы, и что когда ему случалось уходить изъ комнаты, чтобы принести какую-нибудь вещь, онъ всегда (!) возвращался, не захвативъ ея. О Тюшерелѣ говорятъ, что онъ одинъ разъ забылъ даже, какъ его зовутъ". О Шопенгауэрѣ среди другихъ любопытныхъ извѣстій сообщается на стр. 73 слѣдующее: „Однажды его служанка видѣла во снѣ, что вытираетъ чернильное пятно, а на утро онъ дѣйствительно пролилъ чернила, и вотъ великій философъ дѣлаетъ изъ этого такой выводъ: „все происходящее происходитъ въ силу необходимости". На основаніи такой странной логики впослѣдствіи была построена имъ замѣчательная по своей глубинѣ система".

Такихъ извѣстій проф. Ломброзо собралъ въ своей книгѣ съ трудолюбіемъ, достойнымъ лучшей задачи, сотни (если не тысячи), и почти всѣ они стóятъ другъ друга. Помимо недостовѣрности подобныхъ сообщеній, они часто вовсе не доказываютъ тѣхъ положеній, ради подтвержденія которыхъ приводятся. Иногда кажется, что не авторъ выбираетъ нужные ему факты, а они сами назойливо лѣзутъ на страницы ученой книги и являются подчасъ вовсе не на мѣстѣ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. „Многіе изъ великихъ мыслителей,— говоритъ проф. Ломброзо,—подвержены, подобно помѣшаннымъ, судорожнымъ сокращеніямъ мускуловъ и отличаются рѣзкими, такъ называемыми „хореическими" тѣлодвиженіями". Для подтвержденія этой мысли разсказывается тутъ же, что „Бюффонъ, погруженный въ свои размышленія, забрался однажды на колокольню и спустился оттуда по веревкѣ совершенно безсознательно, какъ будто въ припадкѣ сомнамбулизма" (стр. 9). На стр. 10—11 проф. Ломброзо хочетъ доказать, что „не рѣдки случаи, когда, вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, которыя такъ часто вызываютъ сумасшествіе, т.-е. вслѣдствіе болѣзней и поврежденій головы, *самые обыкновенные люди превращаются въ геніальныхъ*". Для обоснованія этой мысли сообщается, между прочимъ, что „нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ кретинъ изъ Савойи, укушенный бѣшеною собакой, сдѣлался совершенно разумнымъ человѣкомъ въ послѣдніе дни своей жизни". На стр. 15 высказано слѣдующее (не вполнѣ ясное) положеніе: „Замѣчено, что почти всегда великія созданія мыслителей получаютъ окончательную форму или, по крайней мѣрѣ, выясняются *подъ вліяніемъ какого-нибудь специальнаго ощущенія*". Для доказательства приводятся, между прочимъ, слѣдующія сообщенія, окончательно затемняющія мысль автора: „Факты доказываютъ, что всѣ великія открытія были сдѣланы подъ вліяніемъ (?) органовъ чувствъ, какъ это подтверждаетъ и Молешоттъ. Нѣсколько лягушекъ, изъ которыхъ предполагалось приготовить цѣлебный отваръ для жены Гальвани, послужили къ открытію гальванизма". И далѣе: „Гогартъ н[illegible]шелъ типы для своихъ каррикатуръ въ тавернѣ, послѣ того ка[illegible] одинъ пьяница разбилъ тамъ ему носъ въ дракѣ". На стр. 46 пр[illegible] Ломброзо говоритъ: „Далѣе, большинство геніальныхъ людей не пе[illegible]даетъ своихъ качествъ потомкамъ еще и потому, что остаются б[illegible] *дѣтными*, вслѣдствіе вырожденія. Въ примѣчаніи къ этому мѣсту [illegible]таемъ: „Шопенгауэръ, Декартъ, Лейбницъ, Мальбраншъ, Контъ, Кан[illegible] Спиноза, Микель-Анджело, Ньютонъ, Фосколо, Альфіери, Лассаль, [illegible]

голь, Лермонтовъ, Тургеневъ остались холостыми" (значитъ ли это, что всѣ они не имѣли дѣтей?), „а изъ женатыхъ многіе великіе люди были несчастны въ супружествѣ, напримѣръ, Сократъ, Шекспиръ, Данте, Байронъ, Пушкинъ и др.".

Наконецъ, въ разбираемой книгѣ попадаются „факты", прямо созданные воображеніемъ ея ученаго автора. Такъ, напримѣръ, въ двухъ мѣстахъ (стр. 163 и 174) и по разнымъ поводамъ онъ негодуетъ на Свифта за то, что тотъ, „считаясь демагогомъ, предлагаетъ простолюдинамъ отдавать своихъ дѣтей на убой для приготовленія изъ ихъ мяса лакомыхъ блюдъ аристократамъ". Оказывается, что одно изъ поразительнѣйшихъ созданій великаго англійскаго памфлетиста („A modest proposal for utilising the childern of poor people in Irland") нашъ ученый изслѣдователь принялъ „въ серьезъ" и на основаніи этого „факта" дѣлаетъ, по обыкновенію, свои глубокія заключенія. Вообще Свифту въ книгѣ Ломброзо повезло: среди многихъ нелѣпостей, о немъ сообщаемыхъ, мы съ удивленіемъ узнаемъ, что Свифтъ часто мѣнялъ свои профессіи и спеціальности; такъ, „кромѣ сатиръ, *писалъ еще о мануфактурахъ въ Ирландіи*, занимался теологіей, политикой и составилъ историческій очеркъ царствованія королевы Анны" (стр. 165—166). Не безъ труда сообразили мы, о какихъ „мануфактурахъ" писалъ Свифтъ. Оказывается, что рѣчь идетъ объ его политическомъ памфлетѣ противъ запретительныхъ пошлинъ, наложенныхъ въ 1699 г. англійскимъ парламентомъ на ирландскія шерстяныя матеріи! Впрочемъ, можетъ быть даже авторъ говоритъ здѣсь о знаменитыхъ *Письмахъ суконщика*, направленныхъ Свифтомъ противъ монеты Вуда. Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о „фактахъ", собранныхъ проф. Ломброзо. Прежде чѣмъ кончить рецензію, намъ хочется сдѣлать еще одно замѣчаніе. Какъ мы видѣли, *въ разбираемой книгѣ* этотъ ученый приходитъ къ довольно скромнымъ и безвреднымъ выводамъ. Онъ отнюдь не отождествляетъ здѣсь геніальности и помѣшательства, такъ что Шарль Рипэ, одинъ изъ сторонниковъ его идеи, имѣлъ въ свое время полное право сказать: „Ломброзо никогда не ставилъ на одну линію генія и помѣшаннаго. Онъ неповиненъ въ этой колоссальной глупости и имѣетъ полное право возмущаться тѣми, кто приписываетъ ему подобное утвержденіе". Однако... однако, проф. Ломброзо, видимо, недоволенъ своими скромными выводами. Раньше онъ утверждалъ (см. выше), что „было и есть множество геніальныхъ людей, у которыхъ нельзя отыскать ни малѣйшихъ признаковъ умопомѣшательства". Теперь же онъ, по увѣренію г. Гирша (цитированная книга, стр. 66), провозглашаетъ буквально слѣдующее: „Если у истинно геніальныхъ натуръ нѣтъ признаковъ ненормальнаго расположенія, то это просто заблужденіе; въ такихъ случаяхъ либо вовсе не искали аномалій, либо имѣли дѣло съ недостаточными доказательствами". Какъ будто похоже на то, что проф. Ломброзо мало-по-малу приближается къ той „колоссальной глупости", о которой говоритъ одинъ изъ его горячихъ почитателей.

ИСТОРІЯ.

„Аѳинская Политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Аѳинъ до конца V в.“. *В. Бузескула.* — **„Древняя гражданская община“.** *Фюстель де-Куланжа.*

Аѳинская Политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Аѳинъ до конца V в. В. Бузескула. Харьковъ, **1895 г.** Въ ряду странъ, ученые которыхъ наиболѣе дѣятельно занялись изслѣдованіемъ вопросовъ, возбужденныхъ новооткрытымъ произведеніемъ Аристотеля, Россія занимаетъ видное мѣсто; множество замѣтокъ, статей и даже цѣлыхъ брошюръ и книгъ, посвященныхъ этимъ вопросамъ русскими эллинистами въ послѣдніе четыре года, свидѣтельствуютъ объ интересѣ, который вызвалъ въ ихъ средѣ новый источникъ, и не мало соображеній, вошедшихъ потомъ въ науку подъ именами западныхъ ученыхъ, были впервые высказаны въ русской литературѣ. Проф. Бузескулу по справедливости принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди русскихъ изслѣдователей *Аѳинской Политіи:* съ самаго открытія трактата и до настоящаго времени онъ неустанно работалъ какъ надъ его текстомъ, такъ и надъ вызванною имъ литературой, и особенно въ послѣднемъ отношеніи оказалъ важныя услуги наукѣ. Теперь передъ нами новая книга проф. Бузескула, посвященная *Политіи,*—самая крупная изъ русскихъ работъ по этому вопросу. Изъ четырехъ главъ, на которыя она раздѣлена, только послѣдняя впервые появляется въ печати; первыя три составляютъ перепечатку и отчасти переработку статей, уже ранѣе напечатанныхъ авторомъ въ различныхъ журналахъ. Первая глава *(Вопросъ о новооткрытой „Аѳинской Политіи“ въ современной литературѣ),* по нашему мнѣнію, одна изъ важнѣйшихъ во всемъ сочиненіи; подробное изложеніе всѣхъ мнѣній о *Политіи,* высказанныхъ учеными со дня ея открытія, является драгоцѣннѣйшимъ пособіемъ для всякаго спеціалиста, тѣмъ болѣе, что по полнотѣ и точности библіографическихъ указаній, по строго-систематическому распредѣленію матеріала, оно можетъ быть названо образцовымъ. Читатель, можетъ быть, не во всѣхъ случаяхъ будетъ согласенъ съ оцѣнкой, которую авторъ даетъ разбираемымъ трудамъ, но онъ всегда найдетъ здѣсь достаточный матеріалъ для самостоятельнаго сужденія. Вторая глава *(Аѳинская Политія, какъ произведеніе Аристотеля)* посвящена вопросу о принадлежности *Политіи* Аристотелю,—вопросу, который, какъ справедливо говоритъ самъ авторъ, въ настоящее время можно считать исчерпаннымъ. Но здѣсь мы находимъ не только подробный анализъ доводовъ, говорящихъ за авторство Аристотеля, но и превосходное изслѣдованіе о времени составленія трактата, сравненіе *Политіи* съ *Политикой,* впрочемъ, довольно бѣглое и далеко не исчерпывающее предмета, далѣе—совершенно вѣрную въ общемъ характеристику политическихъ взглядовъ автора *Политіи* и, наконецъ, въ послѣднихъ двухъ параграфахъ—изложеніе взгляда самого автора на общій характеръ трактата, на его достоинства и недоста[illegible]и и на причины, объясняющія нѣкоторые изъ этихъ недостатковъ. [illegible]ъ третьей главѣ разсмотрѣны источники Аристотеля въ *Политіи* и [illegible]о отношеніе къ нимъ; наконецъ, четвертая глава *(Исторія государст[illegible]наго строя Аѳинъ въ новооткрытомъ трактатѣ),* занимающая ок[illegible]о половины всей книги (стр. 277—476), содержитъ анализъ извѣ[illegible]й *Политіи* съ точки зрѣнія ихъ достовѣрности и значенія. Матеріа[illegible], изложенный въ этихъ двухъ главахъ, настолько обширенъ и, въ с[illegible]-

ности, еще такъ мало разработанъ, что отъ общаго сочиненія о *Политіи* невозможно требовать одинаковой глубины и обстоятельности въ рѣшеніи всѣхъ многочисленныхъ вопросовъ, которые были возбуждены трактатомъ Аристотеля: это—дѣло спеціальныхъ изслѣдованій. По каждому изъ этихъ вопросовъ читатель найдетъ въ книгѣ проф. Бузескула подробныя библіографическія указанія, выясняющія современное состояніе вопроса, и очень часто также самостоятельныя наблюденія или догадки автора. Въ частности, однако, многіе изъ взглядовъ автора оказываются скорѣе намѣченными, чѣмъ доказанными, а нѣкоторымъ существеннымъ пунктамъ онъ удѣляетъ слишкомъ мало вниманія. Такъ, вопросъ объ отношеніи Плутарха къ *Политіи*, столь важный для сужденія о послѣдней, затронутъ лишь слегка; нѣсколько подробнѣе слѣдовало бы, кажется, остановиться на цитатахъ изъ стихотвореній Солона, на вопросѣ о пользованіи Ѳеопомпомъ и т. д. Лучшимъ отдѣломъ 4-й главы мы считаемъ анализъ извѣстій Аристотеля о реформѣ Солона, слабѣйшимъ — исторію олигархіи 411 г., господства Тридцати и возстановленія демократіи (§§ 10 и 11), сводящуюся, въ сущности, на простое изложеніе соотвѣтствующихъ главъ *Политіи* съ прибавкой немногихъ примѣчаній. Общій взглядъ автора на *Политію* въ главныхъ чертахъ совершенно вѣренъ. Проф. Бузескулъ возстаетъ противъ предположенія о тенденціозномъ характерѣ трактата; въ *Аѳинской Политіи*, какъ и во всѣхъ остальныхъ *Политіяхъ*, Аристотель, по его мнѣнію, преслѣдовалъ, прежде всего, научную цѣль и хотѣлъ показать—„не какъ слѣдуетъ гражданствовать, а какъ гражданствовали предки". „Правда, — говоритъ авторъ, — составляя свои *Политіи*, предназначая ихъ для широкаго круга читателей, Аристотель могъ преслѣдовать при этомъ и цѣль практическую: онъ имѣлъ въ виду... научить современниковъ „политикѣ", способствовать политическому образованію общества, распространить въ немъ здравые, съ точки зрѣнія автора, политическіе взгляды и сознательное отношеніе къ существующему строю, какъ естественному результату предшествовавшаго развитія". Къ сожалѣнію, при оцѣнкѣ *Политіи*, авторъ обратилъ слишкомъ мало вниманія на политическую сторону трактата, и это, можетъ быть, главный пробѣлъ въ его книгѣ. Замѣчанія, изложенныя на стр. 246—250, очень кратки и поверхностны, а въ 4-й главѣ эта сторона дѣла совсѣмъ упущена изъ виду.

Между тѣмъ, авторъ едва ли можетъ отрицать, что изслѣдованія Кейля, Дюммлера, Покровскаго и др., направленныя именно къ выясненію полемической тенденціи *Политіи*, впервые пролили свѣтъ на многія извѣстія трактата, которыя раньше казались намъ странными и непонятными. Такъ, напримѣръ, разсказъ Аристотеля о законодательствѣ Солона сдѣлался понятнымъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ только благодаря гипотезѣ объ олигархическомъ источникѣ, противъ котораго полемизировалъ Аристотель; проф. Бузескулъ и самъ при-[illegible]аетъ правильность этой гипотезы, но въ отдѣлахъ о Солонѣ (гл. IV [illegible] 5 и особенно гл. II § 4 *a*, гдѣ это было необходимо) почти не поль-[illegible]ется ею. Въ общемъ, повторяемъ, новая книга проф. Бузескула яв-[illegible]ется цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для русской литературы по греческой [illegible]оріи и несомнѣнно сдѣлается настольною справочною книгой для [illegible]хъ изучающихъ *Политію*. Изложеніе книги, по живости, ясности [illegible]ростотѣ, заслуживаетъ большой похвалы. Мы не можемъ отказать [illegible]ѣ въ удовольствіи привести здѣсь заключительныя слова проф. Бу-[illegible]кула, содержащія прекрасную характеристику общаго значенія этого

трактата. Новооткрытый источникъ, по мнѣнію автора, не только даетъ намъ рядъ новыхъ фактовъ и проливаетъ свѣтъ на многіе вопросы,— важно также и то, какъ представляется въ немъ общій ходъ развитія аѳинской политіи. „Чѣмъ болѣе изучаются исторія и археологія Греціи, тѣмъ больше обнаруживается связь между отдѣльными ея эпохами и моментами; открываются посредствующія звенья тамъ, гдѣ раньше ихъ и не подозрѣвали, между такими періодами и явленіями, которые, казалось, раздѣляла цѣлая пропасть. Въ этомъ отношеніи важенъ и нашъ новый источникъ. Онъ изображаетъ постепенное, чрезвычайно послѣдовательное, чисто-органическое развитіе государственнаго строя Аѳинъ, безъ особенно рѣзкихъ скачковъ. Постепенно совершается переходъ отъ монархіи къ аристократіи, затѣмъ такъ же постепенно демократія занимаетъ мѣсто аристократіи... Словомъ, *Политія* еще яснѣе показываетъ намъ, что аѳинская демократія была чисто-народнымъ созданіемъ, результатомъ работы цѣлаго ряда дѣятелей и поколѣній, а не результатомъ честолюбія и интригъ отдѣльныхъ личностей".

Древняя гражданская община. (La cité antique). Фюстель де-Куланжа. Изслѣдованіе о культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. Переводъ съ послѣдняго XIV издания Н. Н. Спиридонова. Москва, 1895 г. Книга Фюстель де-Куланжа въ свое время получила широкое распространеніе въ русскомъ обществѣ,— много говорить о ней, поэтому, не приходится. Напомнимъ только читателю, что авторъ объясняетъ особенности античной общины культомъ предковъ, игнорируя хозяйственныя условія, которыя, по его мнѣнію, начали дѣйствовать лишь въ позднѣйшій періодъ. Несмотря на этотъ капитальный недостатокъ, лучшей картины античнаго строя въ литературѣ нѣтъ и, вѣроятно, долго не будетъ. Благодаря изумительно ясному и простому изложенію, эта, въ сущности, ученая книга можетъ служить отличнымъ пособіемъ въ старшихъ классахъ нашихъ гимназій, гдѣ такъ много говорятъ о древнемъ мірѣ и такъ мало его знаютъ. Между тѣмъ, достать ее въ послѣднее время было не легко, такъ какъ прежніе переводы,—Е. Корша и Н. Бабкина,—давно вышли изъ продажи. Новый переводъ, г. Спиридонова, сдѣланъ съ послѣдняго французскаго изданія; неизвѣстно почему, опущенъ указатель, который имѣется въ оригиналѣ и, конечно, совершенно необходимъ. Переводъ, вообще говоря, удовлетворителенъ,— грубыхъ искаженій подлинника мы не замѣтили. Намъ показалось только, что работа сдѣлана нѣсколько поспѣшно,— этимъ, вѣроятно, объясняются многочисленные мелкіе недосмотры: magistratures передается черезъ „управленіе", authentique — черезъ „явный", suprématie sacerdotale—„священное первенство" (?) и т. п. Иногда встрѣчаются очень неловкіе обороты; чтобы не затруднять читателя выписками, приведемъ одинъ образчикъ. На стр. 65 читаемъ: „Домашняя религія передавалась по крови отъ мужчины мужчинѣ. *Потомство мужской линіи* установляло между двумя лицами ту религіозную связь, которая позволяла одному продолжать культъ другого". У Фюстел[illegible] вторая фраза поясняетъ первую: онъ хочетъ сказать, что религіозн[illegible] связь опредѣляетъ *происхожденіе по мужской линіи* (la descendance [illegible] ligne masculine, p. 84). Г. Спиридоновъ выводитъ на сцену „пото[illegible]ство", чѣмъ окончательно затемняется смыслъ первой фразы. Не сто[illegible] бы указывать на эти промахи, если бы рѣчь шла о какой-нибудь „[illegible]пулярной" стряпнѣ, столь изобильной въ послѣднее время на пари[illegible]скомъ книжномъ рынкѣ. Но *Cité antique,* помимо всего прочаго,—обр[illegible]зецъ исторической прозы, чего въ переводѣ совсѣмъ не видно.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Очерки политико-экономической литературы". *Н. Х. Бунге.*—„Къ ученію о цѣнности". *Вл. Дена.*—„Промышленная исторія Англіи". *Г. Гиббинса.*

Очерки политико-экономической литературы. Н. Х. Бунге. Спб., 1895 г. Мы не знаемъ, на какого читателя разсчитывалъ покойный Н. Х. Бунге для *всей* своей книги, но ясно, что *отдѣльные* очерки разсчитаны на *разныхъ* читателей. Книга составлена изъ 4-хъ статей. Стоящій во главѣ ея *Историческій очеркъ экономическихъ ученій* представляетъ собой крайне сжатый и крайне элементарный обзоръ различныхъ экономическихъ ученій въ ихъ хронологической послѣдовательности; онъ предназначенъ, очевидно, для людей, только что приступающихъ къ изученію экономической науки. Непосредственно слѣдующая за нимъ статья *Теорія согласія частныхъ интересовъ Кэри*, а равно и 4-й очеркъ *Шмоллеръ о Менгерѣ*, отличаются уже совершенно инымъ характеромъ: какъ по ихъ темамъ, такъ и по разрботкѣ этихъ темъ, они могутъ представить лишь спеціальный интересъ для лицъ, изучающихъ исторію политической экономіи. Наконецъ, третья по оглавленію статья о Миллѣ занимаетъ какъ бы среднее мѣсто между элементарнымъ историческимъ очеркомъ и спеціальными изслѣдованіями о Кэри и Менгерѣ; она можетъ быть прочтена всякимъ, знакомымъ съ начатками политической экономіи и интересующимся трактатомъ Милля.

Самое слабое, что есть въ книгѣ, это упомянутый *Историческій очеркъ*. Онъ слишкомъ кратокъ и неполонъ даже для перваго ознакомленія съ исторіей науки. Экономическимъ системамъ классической древности посвящено здѣсь три совершенно безцвѣтныхъ страницы, послѣ чего авторъ переходитъ прямо къ *Экономической литературѣ новоевропейскихъ народовъ*. Мы понимаемъ историковъ, которые начинаютъ сразу съ новаго времени, но совершенно не понимаемъ Н. Х. Бунге, трактующаго о Платонѣ и Аристотелѣ на трехъ страницахъ и затѣмъ опускающаго св. Августина, Ѳому Аквинскаго и всѣ средніе вѣка. Неполнота составляетъ основную черту всего дальнѣйшаго очерка. Меркантилизмъ очерченъ, напримѣръ, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, причемъ изъ его литературныхъ представителей упомянутъ одинъ Т. Мёнъ. Среди послѣдователей классической школы въ Германіи не названы даже по имени Германнъ и Тюненъ, въ Англіи Кернсъ и Джевонсъ. Изъ нашихъ современниковъ отсутствуютъ Брентано, бр. Менгеры, Шёнбергъ и многіе др. Еще важнѣе опущеніе всей итальянской школы, существованія которой и не заподозритъ читатель, ознакомившійся со всѣмъ *Историческимъ очеркомъ* Н. Х. Бунге.

Съ наибольшею подробностью трактуетъ авторъ о соціализмѣ и коммунизмѣ, которымъ посвящено *семь* спеціальныхъ главъ или *большая* половина *Очерка* (117 стр. изъ 200). Къ сожалѣнію, ни изложеніе, ни классификація, ни критика соціалистическихъ системъ въ книгѣ Н. Х. Бунге не могутъ быть названы особенно удачными. Гл. IX, *Критика соціалистами современнаго хозяйственнаго быта*, представляетъ собою случайную коллекцію ничѣмъ не связанныхъ замѣчаній, предъявлявшихся въ разное время различными писателями: Фурье, Прудонъ, Лассаль и Марксъ протягиваютъ здѣсь страннымъ образомъ другъ другу руки. Еще менѣе удовлетворительна гл. X, гдѣ соціализмъ *вообще* излагается въ терминахъ одного утопическаго соціализма и плохо отгра-

ничивается отъ коммунизма (см. стр. 48). Классификація соціалистическихъ системъ поражаетъ своею неожиданностью: такъ, напримѣръ, Лассаль почему-то включенъ въ число утопистовъ, Прудонъ же зачисленъ (*между* Родбертусомъ и Марксомъ) въ представители философскаго и критическаго соціализма. Критика самого Н. Х. Бунге, не отличаясь оригинальностью, обыкновенно скользитъ по поверхности. Вотъ одинъ изъ ея образцовъ: „Ихъ (соціалистовъ) не смущаютъ факты, удостовѣряющіе, что милліарды, хранящіеся въ сберегательныхъ кассахъ, накоплены народомъ, и что большинство предпринимателей-капиталистовъ вышло изъ среды рабочихъ, умомъ, трудолюбіемъ и бережливостью достигшихъ общественнаго положенія и богатства. Обратить пріобрѣтенное этими тружениками имущество въ общественное достояніе не есть ли вопіющая несправедливость, ограбленіе лучшихъ людей изъ трудящагося класса? Развѣ Оуэнъ сдѣлался милліонеромъ, благодаря выжиманію изъ рабочихъ прибавочной цѣнности? Развѣ нѣтъ капиталистовъ-предпринимателей, которые не злоупотребляютъ властью, предоставляемою имъ богатствомъ? Развѣ уровень благосостоянія рабочаго класса не возвысился противъ прежняго времени?“ (стр. 137 и 138). Странно какъ-то, что подобныя фразы фигурируютъ въ качествѣ возраженій противъ ученія Маркса. Еще удивительнѣе, что Н. Х. Бунге (подобно Льву XIII, со стороны котораго это менѣе удивительно) въ защиту частной земельной собственности указываетъ на трудъ, влагаемый собственникомъ (ужь будто бы всякимъ?) въ свою землю. Какъ на примѣръ сбивчивости понятій, проявляемой Н. Х. Бунге въ критикѣ соціализма, мы укажемъ на стр. 126—127, гдѣ выраженіе „капиталистическая форма“ подвергается со стороны автора самымъ страннымъ и неопредѣленнымъ толкованіямъ.

Несмотря на сочувствіе автора къ нѣкоторымъ современнымъ нѣмецкимъ школамъ, онѣ не получаютъ съ его стороны лучшей оцѣнки, чѣмъ соціализмъ. Достаточно будетъ привести для примѣра слѣдующія ничего не опредѣляющія опредѣленія (стр. 3—4): „историческая школа пытается примирить различныя (?) доктрины и принимаетъ (?) какъ для нихъ, такъ и для хозяйственнаго устройства извѣстные историческіе моменты, переживаемые каждымъ народомъ. Вырабатывается, наконецъ, статистическое направленіе, которое ищетъ въ исторіи не характеристическіе моменты и типическіе періоды, но только матеріалы для выводовъ“. И только.

Но самою слабою стороной историческаго очерка является отсутствіе въ немъ какихъ-либо указаній на исторію экономической жизни. Экономическія доктрины трактуются Н. Х. Бунге съ полною обособленностью отъ порождающей ихъ на свѣтъ экономической дѣйствительности, почему въ его изложеніи онѣ и оставляютъ впечатлѣніе какой-то безконечной цѣпи мнѣній, неизвѣстно какъ возникающихъ и неизвѣстно почему сходящихъ со сцены. Въ этомъ—да, впрочемъ, и во многихъ другихъ отношеніяхъ—очеркъ Н. Х. Бунге уступаетъ нѣкоторым изъ существующихъ уже у насъ руководствъ, напримѣръ, курсу проф Чупрова, равному ему по объему (историческая часть).

Иное слѣдуетъ сказать о другихъ, составляющихъ книгу Н. Х. Бунг статьяхъ. Если бы не общность нѣкоторыхъ, развиваемыхъ во всѣх очеркахъ взглядовъ, можно было бы подумать, что они принадлежат перу не одного писателя,—настолько различны ихъ сравнительныя д стоинства. *Теорія согласія частныхъ интересовъ Кэри* представляе собою обстоятельное, можетъ быть, даже черезъ-чуръ обстоятельно

изложеніе одного изъ первыхъ трудовъ этого писателя: *Principles of political economy*. Статья была напечатана впервые въ *Отечественныхъ Запискахъ* еще въ 1859 г. и нынѣ перепечатана съ нѣкоторыми поправками, которыя, по объясненію Н. Х. Бунге, „не касаются, однако, началъ промышленной свободы и частной собственности, составляющихъ основаніе всякаго разумнаго экономическаго порядка". Въ общемъ русскій авторъ, дающій намъ прекрасный очеркъ экономическихъ взглядовъ Кэри и осторожно критикующій нѣкоторыя изъ его положеній, оказывается во многомъ солидарнымъ съ американскимъ экономистомъ. Гораздо строже его отношеніе къ Миллю, котораго онъ упрекаетъ за уступки соціализму, за злоупотребленіе дедукціей и за ошибочный взглядъ на коренное будто бы различіе между законами производства и законами распредѣленія. Входить въ подробное разсмотрѣніе обширной и изобилующей замѣчаніями статьи: *Милль, какъ экономистъ* мы не считаемъ возможнымъ *). Интересующіеся найдутъ въ этомъ блестящемъ очеркѣ много любопытнаго матеріала для собственныхъ размышленій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, встрѣтятся здѣсь, какъ и въ статьѣ о Кэри, съ нѣкоторою предвзятостью и отдѣльными, слишкомъ рискованными утвержденіями русскаго автора.

Намъ странно читать, напримѣръ, такія строки: „Англійская школа считаетъ земельную собственность монополіей, а земельный доходъ— платою за даръ природы, присвоенный человѣкомъ. Представляя подобный порядокъ вещей естественною необходимостью (на этомъ въ особенности настаивалъ Мальтусъ), экономисты не могли не видѣть въ немъ зла неизбѣжнаго, но, все-таки, зла" (стр. 256). Собственный взглядъ Н. Х. Бунге весьма отличается отъ того, который приписывается имъ англійской школѣ, ибо онъ, съ своей стороны, склоненъ не видѣть никакого зла въ отмѣченномъ явленіи. Но въ данномъ случаѣ насъ интересуетъ больше его рискованное утвержденіе, что англійская школа считала ренту результатомъ монополіи; по отношенію къ Смиту это, пожалуй, еще справедливо, но не по отношенію къ Рикардо и особенно къ Мальтусу, который начинаетъ свои разсужденія о рентѣ (*Principles of political economy*, ch. 3) полемикой противъ того самаго взгляда, который приписываетъ ему Н. Х. Бунге, какъ одному изъ представителей англійской школы. „Ученія Мальтуса и Рикардо (о рентѣ) ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть разсматриваемы какъ однородныя" (стр. 387). Утвержденіе это, ничѣмъ не подкрѣпленное, кажется намъ столь же рискованнымъ, какъ предъидущее или, напримѣръ, такое: „только совершеннымъ незнакомствомъ съ сочиненіями Фурье можно объяснить, почему Милль умалчиваетъ объ эпикурейскомъ сенсуализмѣ этого ученія" (стр. 375).

Трудно вполнѣ согласиться и со многими другими утвержденіями Н. Х. Бунге. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не признать, что какова бы ни была основательность тѣхъ или иныхъ его взглядовъ, въ нихъ чувствуется всегда глубокое убѣжденіе, подобно тому, какъ во всей его книгѣ, при многихъ ея слабыхъ сторонахъ, видѣнъ серьезный, вдумчивый умъ, стремящійся идти своею дорогой, хотя и сбивающійся подчасъ на избитые и уже забрасываемые пути. Намъ думается, что многіе изъ читателей Н. Х. Бунге воспользуются его же совѣтомъ (см.

---

*) Очерка *Шмоллеръ о Менгерѣ*, являющагося лишь сокращеннымъ переводомъ шмоллеровской статьи (изъ сборника *Zur Literaturgeschichte der Staats-und-Socialwissenschaften* 1888) мы совершенно не коснемся.

предисловіе къ книгѣ) „смѣть свое сужденіе имѣть“ и не пожалѣютъ о времени, потраченнымъ на чтеніе *Очерковъ*.

Къ ученію о цѣнности. Три очерка: А. Смитъ, Д. Рикардо, К. Родбертусъ. Владиміра Дена. Спб., 1895 г. Не безъ чувства предубѣжденія приступили мы къ чтенію книжки г. Дена: трудно сказать что-нибудь новое о писателяхъ, такъ полно и всесторонне изученныхъ и съ догматической, и съ критической стороны, какъ Смитъ, Рикардо и Родбертусъ, и еще труднѣе это сдѣлать по вопросу, избранному г. Деномъ, вопросу о цѣнности. И, признаемся, чтеніе книжки г. Дена не разсѣяло нашего предубѣжденія: она мало даетъ для выясненія ученій названныхъ экономистовъ. Въ виду серьезности и сложности вопросовъ, трактуемыхъ г. Деномъ, и въ виду недостатка мѣста, намъ придется лишь въ краткихъ чертахъ коснуться содержанія книжки г. Дена, и, притомъ, въ тѣхъ только частяхъ, которыя представляютъ сравнительную новизну и оригинальность.

Въ I очеркѣ г. Денъ стремится показать, что вліяніе физіократовъ на Смита гораздо больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Хотя, по мнѣнію г. Дена, Смиту „принадлежитъ огромная заслуга, заключающаяся въ томъ, что онъ на первый планъ выдвинулъ экономическое значеніе труда“ (стр. 3), тѣмъ не менѣе, „онъ не только не создалъ новаго взгляда, противнаго взглядамъ физіократовъ, но онъ, напротивъ, самъ находился подъ вліяніемъ этихъ взглядовъ и заимствовалъ ихъ“ (стр. 12). Нельзя не видѣть въ этихъ словахъ противорѣчія: неужели выдвинуть на первый планъ экономическое значеніе труда не значитъ создать новаго взгляда, противнаго физіократамъ, которые „первенствующее мѣсто въ экономической жизни отдавали природѣ?“ (стр. 4) (что также не вполнѣ вѣрно). Для доказательства своего положенія г. Денъ употребляетъ довольно распространенный въ нѣмецкой литературѣ и, по нашему мнѣнію, глубоко не научный пріемъ—сравнивать писателей не по *общимъ и основнымъ* воззрѣніямъ, но по *отдѣльнымъ выраженіямъ*. Благодаря такому пріему, вліяніе физіократовъ на Смита г. Денъ видитъ не только тамъ, гдѣ его видитъ большинство изслѣдователей (ученіе о свободной конкурренціи, о рентѣ и нѣкот. друг.), но даже и въ подробностяхъ вплоть... до перевода отдѣльныхъ выраженій. Даже въ трудѣ, какъ основѣ цѣнности, г. Денъ усматриваетъ чисто-физіократическую черту. Г. Денъ чинитъ допросъ съ пристрастіемъ не одному Смиту, но и физіократамъ: оказывается, наприм., что одно изъ своихъ основныхъ положеній: *telle est valeur vénale, telle est richesse* физіократы заимствовали у меркантилистовъ. Можно бы указать еще не мало странныхъ сближеній, которыя дѣлаетъ г. Денъ въ своихъ историческихъ изысканіяхъ; но всѣ эти сближенія мало убѣждаютъ читателя. При помощи пріемовъ г. Дена можно было бы найти пункты духовнаго сродства и между К. Марксомъ и... В. Рошеромъ. Очеркъ, посвященный Рикардо, самый слабый во всей книжкѣ. Г. Денъ находитъ, что ученіе Рикардо построено на 3-хъ „абстракціяхъ“: 1) оно имѣетъ въ виду лишь предметы, количество которыхъ можетъ быть увеличено трудомъ; 2) оно предполагаетъ, что весь капиталъ состоитъ изъ заработной платы; 3) оно игнорируетъ рыночныя колебанія цѣнъ, или, по терминологіи г. Дена, приписываемой имъ и Р., цѣнностей. Не говоря уже о совершенно произвольномъ употребленіи слова *абстракція* въ такомъ значеніи, въ какомъ его никто никогда не употребляетъ, въ этомъ утвержденіи скучена цѣлая пропасть недоразумѣній, въ которыхъ безъ труда разберется всякій, знакомый съ подлин-

нымъ трактатомъ Р. А, между тѣмъ, г. Денъ находитъ, что „эти абстракціи далеко отклонили ученіе Р. отъ дѣйствительности; между тѣмъ, онѣ-то (sic) и привели къ ученію, что высота цѣнности опредѣляется количествомъ труда“ (стр. 84). Въ разборѣ ученія Родбертуса главный интересъ сосредоточивается на критикѣ попытки Р. обосновать трудовую теорію цѣнности (справедливыя замѣчанія автора о противорѣчіяхъ въ теоріи распредѣленія Р. не представляютъ интереса новизны; равнымъ образомъ мало интересенъ въ научномъ отношеніи и вопросъ объ абсолютномъ мѣрилѣ стоимости по Р—у). Эта критика тѣмъ интереснѣе, что авторъ не принадлежитъ къ числу сторонниковъ трудовой теоріи. Къ сожалѣнію, собственная точка зрѣнія г. Дена едва намѣчена, и возраженія его противъ трудовой теоріи формулированы весьма неясно и кратко. Несвободна отъ недоразумѣній аргументація г. Дена и здѣсь. Критикуя, наприм., воззрѣніе Р—а, что природныя блага, находящіяся въ ограниченномъ количествѣ, получаютъ свою цѣнность благодаря существованію частной собственности, г. Денъ аргументируетъ такъ: „наступленіе такого состоянія общества, при которомъ нѣтъ права собственности на землю, немыслимо и представляется немыслимымъ и Родбертусу“. „Это вполнѣ сознаетъ и Р. и, поэтому, въ свой планъ будущаго соціальнаго строя онъ вводитъ никакъ не въ отмѣну права собственности на земли, но замѣну частной собственности общественною собственностью“ (стр. 125). Причина заключается въ томъ, что „въ основѣ права собственности на землю именно и лежитъ естественный фактъ: ограниченность пространства земли и производительныхъ силъ природы“ (стр. 127). Аргументируя такимъ образомъ, г. Денъ дѣлаетъ двойную ошибку—и юридическаго, и экономическаго свойства: юридическаго—смѣшивая право *частной* собственности и *общественнаго* обладанія, экономическаго—предполагая при иномъ общественномъ строѣ тѣ же отношенія обмѣна, которыя существуютъ при господствѣ частной собственности. Мысль Р. относится именно къ явленіямъ цѣнности, существующимъ при частномъ обладаніи землей и капиталомъ. При иномъ общественномъ строѣ, по его идеалу, трудовая цѣнность станетъ впервые безусловнымъ закономъ, а предметы, не стоящіе труда, не будутъ представлять и цѣнности.

Мы сказали, что на собственныя воззрѣнія г. Дена едва сдѣланъ намекъ въ его книжкѣ. Это тѣмъ болѣе жаль, что въ своихъ приговорахъ г. Денъ строгъ и неумолимъ, а въ своихъ сужденіяхъ категориченъ. Приведемъ примѣры: „Обнаружилось,—заявляетъ г. Денъ,—что цѣнность этихъ предметовъ (количество которыхъ не можетъ быть увеличиваемо трудомъ) зависитъ отъ тѣхъ же обстоятельствъ, отъ которыхъ зависятъ и колебанія рыночной цѣнности тѣхъ благъ, цѣнность которыхъ стремится къ совпаденію съ издержками производства. Обнаружилось также, что въ этихъ обстоятельствахъ надо искать основную причину того, что нѣкоторыя блага приходится производить въ условіяхъ неодинаково благопріятныхъ“ (стр. 157). „Цѣнность, въ концѣ-концовъ, вытекаетъ изъ потребности людей, съ одной стороны, и изъ сравнительной рѣдкости тѣхъ благъ, которыя способны удовлетворить эти потребности,—съ другой“ (стр. 160). Подобное воззрѣніе, выставляемое г. Деномъ въ формѣ краткихъ положеній, далеко не раздѣляется многими экономистами, въ томъ числѣ большинствомъ русскихъ выдающихся экономистовъ. Поэтому можно было бы желать отъ русскаго автора нѣсколько болѣе обстоятельной аргументаціи. Трудовой теоріи г. Денъ ставитъ въ упрекъ слѣдующее: 1) „Цѣнности

цѣлой категоріи благъ она не объясняетъ вовсе" (стр. 16) (скажемъ болѣе, и не задается объяснить, почему, какъ къ *теоріи*, упрекъ этотъ къ ней совсѣмъ неприложимъ); 2) „колебанія рыночной цѣнности благъ несовмѣстимы съ ученіемъ, что цѣнность вытекаетъ изъ труда" (стр. 161) (это утвержденіе представляетъ полнѣйшее petitio principii). 3) Понятіе объ общественно-необходимомъ времени заключаетъ въ себѣ указаніе на то, что источникъ цѣнности надо искать не въ трудѣ, но въ общественныхъ условіяхъ, *т.-е.* въ общественныхъ потребностяхъ и въ количествѣ благъ, находящихся въ распоряженіи общества для ихъ удовлетворенія (стр. 16) (подчеркнутое *т.-е.* представляетъ изъ себя также petitio principii). 4) Трудовая теорія не объясняетъ тѣхъ видоизмѣненій, которыя влечетъ за собой стремленіе прибыли къ уравненію въ связи съ различіями въ составѣ капитала и времени его оборота (стр. 161). (Когда г. Денъ познакомится съ III т. *Капитала*, онъ увидитъ, что въ этомъ направленіи есть очень интересная попытка).

Ко всему этому надо добавить, что книжка г. Дена написана тяжелымъ и мѣстами чрезвычайно неяснымъ языкомъ, имѣется не мало отдѣльныхъ недоразумѣній, на которыхъ мы здѣсь не остановимся. Тѣмъ не менѣе, книжка написана съ большимъ знаніемъ дѣла и съ большою внимательностью къ изучаемымъ писателямъ. Поэтому она составитъ полезный вкладъ въ нашу скудную теоретическую литературу, особенно въ виду подъема интереса къ теоретическимъ вопросамъ политической экономіи, характеризующаго за послѣднее время русское общество.

Промышленная исторія Англіи. Г. Гиббинса. Переводъ съ англійскаго съ примѣчаніями и предисловіемъ А. П. Каменскаго. Спб., 1895 г. „Эта сжатая маленькая исторія экономической жизни величайшей изъ промышленныхъ и торговыхъ націй міра, — говоритъ г. Каменскій въ предисловіи къ своему труду,—представляетъ живую и крайне поучительную для насъ *въ отрицательномъ смыслѣ* картину постепеннаго превращенія земледѣльческой страны, съ преобладавшею домашнею системой производства, какою оставалась Англія почти до половины XVIII столѣтія, въ средоточіе всемірной торговли и капитализма, причемъ земледѣліе, бывшее прежде основою народнаго благосостоянія, сдѣлалось второстепенною отраслью, годъ отъ году приходящею въ бо̀льшій упадокъ, а пропитаніе населенія стало почти въ полную зависимость отъ снабженія иностранныхъ рынковъ и отдаленныхъ колоній".

Тенденціозность цитируемаго предисловія можетъ навести читателя на мысль, что, пожалуй, и самая книга Гиббинса написана съ спеціальною публицистическою цѣлью. Въ дѣйствительности ничего подобнаго нѣтъ и предисловіе г. Каменскаго свидѣтельствуетъ только о томъ, какъ мало онъ проникся духомъ переведенной имъ книги. Заслуга англійскаго автора заключается именно въ полной объективности, съ которою онъ рисуетъ и свѣтлыя, и мрачныя стороны англійской промышленной исто[ріи]. Онъ не идеализируетъ прошлаго, но не поетъ дифирамбовъ и на[стоящему]. Анализируя послѣдствія современной капиталистической эв[олюціи], Гиббинсъ указываетъ на затруднительное положеніе англійских[ъ] фермеровъ и на развитіе фабричнаго пролетаріата. Но, вмѣстѣ съ тѣм[ъ], понимая вещи глубже и шире г. Каменскаго, онъ не задумываетс[я] констатировать положительный прогрессъ въ томъ, что̀ русскому пер[е]водчику кажется поучительнымъ лишь въ отрицательномъ смыслѣ.

„Англійскіе рабочіе нашего времени, — читаемъ мы на страницѣ 158, — представляютъ совсѣмъ другой классъ по сравненію съ ихъ предками пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Они узнали, какая сила заключается въ союзѣ, недозволенномъ прежде, но сдѣлавшемся теперь ихъ достояніемъ. Постоянный ростъ рабочихъ союзовъ и кооперативныхъ обществъ развили среди нихъ привычки къ бережливости и самостоятельности, причемъ они ближе ознакомились съ экономическими условіями современной промышленности... Громадная сила современнаго капитала встрѣчается теперь съ силой соединеннаго труда“... А вотъ какую, вполнѣ справедливую, отповѣдь получаютъ отъ Гиббинса идеализаторы того лучшаго прошлаго, когда „земледѣліе было основою народнаго благосостоянія“: „Кто-нибудь, — говоритъ онъ (стр. 19),—долженъ былъ платить за войны, которыми такъ увлекалась аристократія, и слѣдуетъ помнить, что всѣ, связанные съ ними, расходы падали на промышленную часть общества. И за всѣ безумія и жестокости этого суроваго вѣка съ его турнирами и застѣнками, идеализированнаго поэтами и романистами, приходилось расплачиваться *презираемому* населенію городовъ и маноровъ“.

Уже по приведеннымъ нами выдержкамъ читатель можетъ видѣть, что книга Гиббинса представляетъ собою не сухой перечень фактовъ, но живой очеркъ, полный сопоставленій, обобщеній и выводовъ. Не въ качествѣ человѣка опредѣленной партіи или предвзятаго взгляда, но и не въ качествѣ далекаго отъ жизни кабинетнаго ученаго писалъ Гиббинсъ свою „промышленную исторію“: передъ нами талантливый популяризаторъ, одинъ изъ лучшихъ представителей движенія, извѣстнаго подъ названіемъ University Extension, знатокъ своего предмета и человѣкъ вполнѣ прогрессивнаго образа мыслей. Передавая своимъ читателямъ факты, прежде всего и главнымъ образомъ факты, авторъ не отказывается дѣлиться съ ними попутно и своими соображеніями, всегда интересными даже въ томъ случаѣ, когда они не могутъ претендовать на полную безспорность. Это обстоятельство чрезвычайно оживляетъ изложеніе, отличающееся мѣстами нѣкоторою сухостью. Пріятно поражаетъ въ авторѣ и то, что онъ не ограничиваетъ своей темы исключительно *промышленною* исторіей, но дѣлаетъ постояяно экскурсіи въ область дипломатическихъ сношеній и политики.

Не представляя собою оригинальнаго изслѣдованія, составленная преимущественно по сочиненіямъ Торольда Роджерса (*Six centuries of Work and Wages*) и Тойнби (*Industrial revolution*), работа Гиббинса не даетъ, конечно, ничего новаго спеціалисту, знакомому съ названными трудами, но для людей еще желающихъ познакомиться съ промышленною исторіей Англіи, для изучающихъ исторію экономической науки или культурную исторію вообще, работа эта очень полезна. При незначительномъ объемѣ (160 стр. въ русскомъ изданіи), она отличается значительною полнотой, при популярности изложенія — пол[illegible] научностью. Можно порадоваться, что это полезное руководство [illegible]шло себѣ въ лицѣ г. Каменскаго хорошаго переводчика, отлично [illegible]равившагося съ своею задачей. Единственное замѣчаніе, которое мы [illegible]итаемъ нужнымъ сдѣлать по поводу русскаго перевода, касается со[illegible]шенно неумѣстной, на нашъ взглядъ, руссификаціи текста. Немного [illegible]анно и дико звучатъ въ англійской книжкѣ фразы вродѣ слѣдую[illegible]й: „вопросы рѣшались въ общемъ совѣтѣ (mark-moot), соотвѣтующемъ *нашему* мірскому сходу“, и т. п.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Юридическія изслѣдованія и статьи". *А. X. Гольмстена.* — „Отчетъ по главному тюремному управленію за 1893 г.".

Юридическія изслѣдованія и статьи. А. X. Гольмстена, орд. проф. военно-юрид. академіи. Спб., 1894 г. Въ названной книгѣ г. Гольмстенъ собралъ цѣлый рядъ своихъ трудовъ по общей теоріи права, обычному, гражданскому и торговому праву и процессу, печатавшихся въ различныхъ юридическихъ изданіяхъ, и подводитъ, такимъ образомъ, частичный итогъ своей ученой дѣятельности. Предпріятіе нельзя не привѣтствовать. Многія изъ помѣщенныхъ работъ очень цѣнны для нашей науки и практики (наприм., статья о душеприкащикахъ—цѣлое изслѣдованіе съ историческимъ очеркомъ, догматическое ученіе о неустойкѣ и рядъ очерковъ судебной практики); другія касаются ряда вопросовъ, вызывавшихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ живую полемику и серьезный интересъ въ нашей юридической литературѣ („Этюды о современномъ состояніи права: 1) нѣсколько мыслей о позитивизмѣ въ наукѣ права и 2) позитивизмъ, метафизика и римское право"); третьи, наконецъ, характеризуютъ хорошо пріемы ученой работы и взгляды самого автора (*Принципъ тождества въ гражданскомъ процессѣ*). Отыскивать ихъ въ журналахъ было слишкомъ утомительно, а, между тѣмъ, съ упоминаніемъ о нихъ и теперь приходится встрѣчаться. Авторъ обѣщаетъ и полное изданіе своихъ сочиненій. Искренно желаемъ успѣха его начинанію. Мы думаемъ только, что автору едва ли слѣдуетъ самому не только подводить итоги своей дѣятельности, но и считать ея результаты. Послѣднюю задачу исполнятъ уже читатели. Въ названномъ же выпускѣ г. Гольмстенъ самъ себя оцѣниваетъ. Въ предисловіи онъ упоминаетъ о своемъ ученомъ спорѣ съ проф. Муромцевымъ и указываетъ здѣсь на то, что послѣднее слово осталось за нимъ, что, по словамъ гг. Шершеневича и Азаревича, онъ побѣдитель, подчеркиваетъ словами перваго корректность своего поведенія и увѣряетъ читателей, что проф. Муромцевъ велъ полемику „не такъ, какъ это принято въ средѣ людей науки". Это тѣмъ болѣе прискорбно, что нѣкоторыхъ читателей г. Гольмстенъ этимъ ввелъ въ большое заблужденіе. Въ одной изъ большихъ петербургскихъ газетъ появилась замѣтка, гдѣ со словъ г. Гольмстена утверждалось, что г. Муромцевъ отвѣчалъ на статьи г. Гольмстена „руганью", что онъ „облилъ его цѣлымъ потокомъ грязи" и т. п. Благодаря авторской самооцѣнкѣ, противникъ г. Гольмстена, одинъ изъ наиболѣе строгихъ въ выборѣ выраженій писатель, помѣщавшій свои замѣтки въ журналѣ, тонъ котораго былъ всегда безупреченъ, послужилъ, такимъ образомъ, поводомъ къ выходкамъ указаннаго сейчасъ свойства, о которыхъ, вѣроятно, сожалѣетъ и самъ г. Гольмстенъ, какъ онъ сожалѣетъ въ томъ же предисловіи о „неистовомъ" напа[...]ніи г. Азаревича на труды проф. Муромцева. Въ своемъ дѣлѣ ни[...] не судья и для помнящихъ споръ гг. Муромцева и Гольмстена [...] представляется въ иномъ видѣ. Г. Муромцевъ написалъ книгу *Гра[ж]данское право древняго Рима*, появленіе которой „возмутило" г. Гол[ьм]стена, и онъ написалъ подробную рецензію на нее. Г. Муромце[въ] разъяснилъ г. Гольмстену въ своемъ отвѣтѣ вызванныя книгой не[до]разумѣнія, г. Гольмстенъ не согласился съ мнѣніями г. Муромцева[,] завязался споръ по очень важному общему вопросу о роли догм[...]

ческаго изученія права, поведшій къ еще болѣе общимъ спорамъ чисто-логическаго свойства: о статикѣ и динамикѣ, индукціи и дедукціи, анализѣ и синтезѣ и т. д. Смыслъ выраженій былъ тотъ, что авторъ критики на его книгу „игнорировалъ“ программу позитивнаго изслѣдованія, опиравшуюся на методологическіе пріемы, разработанные въ логикахъ Милля и Бэна. Въ своихъ замѣткахъ г. Муромцевъ и развивалъ читателямъ и г. Гольмстену смыслъ ученій Милля и Бэна и исправлялъ напрасныя попытки г. Гольмстена истолковать ихъ въ духѣ, имъ не свойственномъ. Г. Гольмстенъ обидѣлся не тономъ г. Муромцева, который былъ безусловно корректенъ, а лишь поучительностью его рѣчи, вызванной собственною неосторожностью и ошибками г. Гольмстена, скрыть которыя становилось уже невозможно. Что вина принятаго полемикой направленія падаетъ на г. Гольмстена, это не подлежитъ сомнѣнію. Г. Гольмстенъ не рѣшился помѣстить въ сборникѣ, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь, свою первую статью о книгѣ г. Муромцева, вызвавшую всю полемику и написанную излишне раздраженнымъ тономъ, и перепечатываетъ лишь два упомянутыхъ выше „этюда“. Этюды же г. Муромцева, написанные въ отвѣтъ г. Гольмстену, вышли въ свѣтъ отдѣльною книжкой подъ заглавіемъ: *Что такое догма права?* Книжка переведена была тогда же на нѣмецкій языкъ, и ея переводчикъ, пражскій проф. Эсмархъ, обратилъ вниманіе нѣмецкихъ читателей на то, что книга заслуживаетъ вниманія „nicht *ableich*, sondern *weil* die darin entwickelten Gedanken von den traditionellen Begriffen einigermeassen abweichen“, а книгу, „возмутившую г. Гольмстена, назвалъ: „ein Buch, welches, wie wenige, den Leser in den in neren „Schöpfungs process des Rom. Rechts einzuführen gecignet ist“ (*Was heisst Rechts-Dogmatik.* Prag, 1885). Проф. Эсмархъ добавляетъ къ этому, что своимъ переводомъ онъ надѣется оказать услугу своимъ товарищамъ по наукѣ, не опасаясь, что къ ознакомленію съ книгой послужитъ препятствіемъ незнакомство многихъ съ выводами англійской логики, особенно логики Милля. Если въ Германіи такъ мало было распространено это знакомство, то что же удивительнаго, что г. Гольмстенъ надѣлалъ большихъ ошибокъ? Да и въ изданныхъ теперь *Изслѣдованіяхъ и статьяхъ* г. Гольмстена не мало доказательствъ того, что г. Муромцевъ былъ правъ въ своихъ упрекахъ г. Гольмстену, когда утверждалъ, что послѣдній не достаточно ясно различалъ „словесныя предложенія отъ реальныхъ“ и смѣшивалъ „кажущіеся выводы и превращенія предложеній съ выводами дѣйствительными“—образщики „рѣзкаго тона“ г. Муромцева. Что скажутъ читатели о слѣдующихъ, напримѣръ, опредѣленіяхъ и разсужденіяхъ г. Гольмстена: „Принципъ тождества есть принципъ, въ силу котораго процессуальное отношеніе можетъ возникнуть лишь въ такомъ случаѣ, когда спорное матеріальное правовое отношеніе, являющееся поводомъ его, свободно отъ всякаго внѣшняго тождества, а затѣмъ, разъ возникнувъ, можетъ продолжать свое правомѣрное существованіе лишь подъ условіемъ сохраненія опорнымъ право-отношеніемъ своего внутренняго тождества“? (стр. 256). Или: „Мы невольно задались вопросомъ,— пишетъ г. Гольмстенъ (стр. 254),—какое отношеніе существуетъ между понятіями процессуальнаго и матеріально-правоваго отношенія, чѣмъ собственно является спорное матеріальное правоотношеніе по отношенію къ процессуальному отношенію?“ Обычный взглядъ, по г. Гольмстену, тотъ, что „между процессомъ и спорнымъ правоотношеніемъ или искомъ существуетъ то отношеніе, что послѣднее является

предметомъ перваго. Если „процессъ“=„процессуальному отношенію“, то спорное правоотношеніе будетъ по отношенію къ процессуальному отношенію тѣмъ же, чѣмъ оно является по отношенію къ процессу, т.-е. предметомъ его; слѣдовательно, спорное матеріальное отношеніе есть предметъ процессуальнаго отношенія“. Въ этомъ обычномъ взглядѣ (т.-е. что предметъ процесса—матеріальное право) г. Гольмстенъ открываетъ „глубокую логическую ошибку“: „Процессъ есть сумма дѣйствій“, а процессуальное отношеніе есть сумма правъ и обязанностей; понятно, *что сумма дѣйствій не можетъ равняться суммѣ правъ и обязанностей*. Очень можетъ быть,—продолжаетъ разсуждать г. Гольмстенъ,—что спорное правоотношеніе есть предметъ процессуальныхъ дѣйствій; но оно не можетъ быть предметомъ правъ и обязанностей. *Предметомъ правъ и обязанностей всегда является дѣйствіе*, совершеніе коего или предоставляется управомоченному, или обязательно для лица обязаннаго. Такъ что предметомъ процессуальнаго отношенія, какъ комплекса правъ и обязанностей, являются дѣйствія субъектовъ этого отношенія, а не спорное правоотношеніе“. А такъ какъ дѣйствія субъектовъ,—могъ бы и дальше продолжать г. Гольмстенъ,—направлены на выясненіе матеріальнаго права, и такъ какъ предметомъ ихъ „можетъ быть“ это право, а, слѣдовательно, если предметъ правоотношенія=дѣйствіямъ субъекта, предметъ дѣйствій=матеріальному праву, то, такъ какъ двѣ величины, равныя третьей, равны между собою, предметъ процессуальнаго отношенія есть матеріальное правоотношеніе. Было бы еще поучительнѣе! Въ добываніи подобныхъ „выводовъ“ и подобномъ „превращеніи предложеній“ г. Гольмстенъ видитъ главное занятіе юриста-теоретика. Г. Муромцевъ былъ съ нимъ не согласенъ, inde ira!... Повторяемъ, что появленіе собранія трудовъ г. Гольмстена желательно, но пусть г. Гольмстенъ оцѣнку ихъ предоставитъ читателямъ.

Отчетъ по главному тюремному управленію за 1893 годъ. Изданіе главнаго тюремнаго управленія. Спб., 1895 г. Изъ рѣчи сенатора Н. С. Таганцева, произнесенной на одномъ изъ засѣданій окончившагося 2 сентября 4-го съѣзда представителей русскихъ исправительныхъ заведеній и напечатанной въ газетахъ, мы познакомились уже съ главною сущностью новаго законопроекта о реформѣ суда надъ малолѣтними преступниками, имѣющаго, по словамъ г. Таганцева, въ непродолжительномъ времени войти въ силу закона. Законопроектъ, выработанный коммиссіей по пересмотру уголовнаго уложенія, предполагаетъ почти всѣ виды наказаній, которыя признавалось до сего времени возможнымъ примѣнять, наравнѣ со взрослыми, къ малолѣтнимъ преступникамъ (продолжительное заключеніе въ тюрьмѣ, лишеніе правъ, ссылка на поселеніе, каторжныя работы и т. д.), замѣнить помѣщеніемъ этого рода закононарушителей въ исправительныя заведенія, тамъ, гдѣ они есть, затѣмъ — въ монастыри, приказы общественнаго призрѣнія и, наконецъ, отдачею на поруки родителямъ, родственникамъ или опекунамъ или подъ особый надзоръ полиціи, состоящій въ томъ, что послѣдняя отдаетъ малолѣтнихъ или въ монастыри, или же на поруки извѣстнымъ ей благонадежнымъ частнымъ лицамъ. Отсюда вытекаетъ, что вся сумма благодѣтельныхъ послѣдствій проектируемой реформы будетъ всецѣло находиться въ зависимости отъ количества правильно устроенныхъ и хорошо обезпеченныхъ денежными средствами исправительныхъ пріютовъ и колоній для малолѣтнихъ преступниковъ и отъ степени распространенности подобныхъ заведеній по обширнымъ предѣламъ нашей родины. Въ виду этого въ

настоящее время получаютъ особый интересъ всѣ свѣдѣнія о дальнѣйшемъ ходѣ развитія у насъ дѣла исправительныхъ заведеній. Недавно вышедшій отчетъ по главному тюремному управленію заключаетъ въ себѣ, по обыкновенію, особую главу (раздѣлъ VI) подъ названіемъ: *Исправительно-воспитательныя заведенія,* въ которой и сосредоточены всѣ имѣющіяся въ распоряженіи управленія свѣдѣнія о дѣятельности постояннаго бюро съѣздовъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній, о числѣ этихъ заведеній, о капиталахъ, какими они располагаютъ, о доходахъ и расходахъ (въ сводныхъ таблицахъ), о составѣ воспитанниковъ (въ такихъ же таблицахъ) и, наконецъ, объ узаконеніяхъ и распоряженіяхъ, послѣдовавшихъ по этому дѣлу въ отчетномъ году. Мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя наиболѣе интересныя изъ этихъ данныхъ, могущихъ до извѣстной степени характеризовать положеніе настоящаго дѣла въ 1893 году.

Если принять во вниманіе, что законъ объ исправительныхъ заведеніяхъ, давшій первый толчокъ возникновенію у насъ подобныхъ заведеній, появился около 29-ти лѣтъ тому назадъ (высоч. утв. мнѣніе государственнаго совѣта отъ 5 декабря 1866 г.), то нельзя будетъ не признать, что до 1893 года включительно развитіе этого благого дѣла подвигалось на нашей родинѣ черезъ-чуръ тихими шагами, причемъ открывалось въ общемъ менѣе чѣмъ по одному заведенію въ годъ. Въ 1893 году, какъ и въ предъидущемъ, открылась вновь (21 марта) всего только 1 колонія—роденпойская, близъ Риги, устроенная лифляндскимъ обществомъ исправительныхъ колоній, такъ что число всѣхъ заведеній къ этому времени возросло всего до 21. Кромѣ того, къ существовавшимъ ранѣе обществамъ, образовавшимся съ цѣлью открытія исправительныхъ пріютовъ или колоній, но еще не приступившимъ къ ихъ устройству, прибавилось въ томъ же году еще два — уфимское и курское, уставы коихъ утверждены 8 апрѣля и 19 іюня, причемъ одновременно получилъ утвержденіе и уставъ курской исправительной колоніи, и одно, кременчугское, собравшее капиталъ въ 7,000 руб., сдѣлало постановленіе о прекращеніи своихъ дѣйствій, „въ виду невозможности, при бѣдности населенія г. Кременчуга, собрать необходимыя для осуществленія цѣлей общества средства". Такимъ образомъ, къ концу года число такихъ обществъ остановилось на 10-ти. Изъ этого числа о 5-ти обществахъ свѣдѣній не поступило, а о положеніи остальныхъ имѣлись слѣдующія: полтавское къ 1 мая обладало капиталомъ въ 24,793 р. 39 к. и обезпечено въ будущемъ, сверхъ того, ежегоднымъ доходомъ въ 5,300 р., и не открываетъ колоніи только благодаря неимѣнію участка земли; кавказское къ 21 марта имѣло денежныхъ средствъ 22,124 р. 22 к.; тверское къ 1 марта 1894 г.—47,383 р. 95 к.; смоленское—20,000 р. и утвержденный 28 декабря 1893 г. уставъ исправительной колоніи-пріюта.

Капиталы 16-ти исправительныхъ заведеній къ 1 января 1894 г. составляли въ общей сложности 397,867 р. 39 к., причемъ сюда не вошли, за неимѣніемъ свѣдѣній, денежныя средства таврическаго и московскаго Рукавишниковскаго пріютовъ. По размѣрамъ капитала, на первомъ мѣстѣ стоитъ варшавское общество (имѣющее колонію для мальчиковъ и пріютъ для дѣвочекъ)—94,419 р. 67 к., затѣмъ вятскій пріютъ—36,185 р. 60 к., астраханская колонія—34,759 р. 29 к., с.-петербургское общество и колонія—33,115 р. 75 к., Большевской пріютъ для дѣвочекъ (подъ Москвой)—32,940 р. 38 к., кіевское общество и колонія—26,952 р. 1 к., владимірское общество и колонія—22,769 р.

86 к., костромское—20,714 р. 39 к. и т. д.; менѣе всѣхъ имѣли: тульскій пріютъ—9,098 р. 29 к., одесскій—7,378 р. 91 к. и нижегородская колонія—4,182 р. 41 к.

Переходя къ даннымъ отчета о доходахъ по 20-ти заведеніямъ, находимъ, что по роду доходовъ первое мѣсто занимаютъ поступленія „отъ казны, правительственныхъ и общественныхъ учрежденій“, равнявшіяся 175,283 руб. 61 к., причемъ пособія общественныхъ и правительственныхъ учрежденій составляли 87,776 р. 13 к. (Рукавишниковскій пріютъ—41,832 р. 51 к., с.-петербургская колонія—7,996 р. 96 к., одесскій пріютъ—6,422 р. 58 к., харьковскій—6,182 р. 83 к. и т. д.), „отъ казны за продовольствіе и одежду“—34,949 р. 68 к., 10% отчисленія изъ штрафныхъ суммъ 29,782 уб. 20 к., особыя пособія отъ казны—19,071 р. 33 к. (с.-петербургской колоніи—15,000 р., симбирскому пріюту—2,192 р. 31 к. и харьковскому—1,879 р. 2 к.) и, наконецъ, пособія тюремныхъ комитетовъ составляли 3,704 р. 27 к. Затѣмъ, на второмъ мѣстѣ стоятъ доходы отъ обществъ, учредившихъ заведенія, и отъ частныхъ лицъ; они дали всего 101,184 р. 77 к. (пожертвованія и кружки—45,129 р. 56 к., членскіе взносы—22,802 р. 47 коп., % съ капитала—19,156 р. 62 к., концерты и пр.—14,096 р. 11 к.). Третій родъ доходовъ—„отъ самихъ заведеній“: выручка мастерскихъ—47,089 р. 71 к., отъ сельскаго хозяйства—25,520 р. 12 к. и аренда земель и угодій—6,802 р. 50 к.; всего 79,412 р. 33 к. Случайныя поступленія равнялись 6,572 р. 55 к. По доходамъ первое мѣсто занималъ въ отчетномъ году московскій Рукавишниковскій пріютъ (67,121 р. 59 к.), второе—студзенецкая колонія вмѣстѣ съ пріютомъ „Пуща“ (55,799 р. 17 к.), третье—с.-петербургская колонія (36,864 р. 34 к.), четвертое—кіевская колонія (23,785 р. 43 к.), пятое—нижегородская колонія (23,423 р. 80 к.) и т. д.; послѣднія мѣста принадлежатъ: казанскому пріюту (5,149 р. 67 к.) и роденпойской колоніи (7,434 р.). Доходы по всѣмъ пріютамъ и колоніямъ вмѣстѣ простирались до суммы 362,453 р. 26 к., болѣе противъ предъидущаго 1892 г. всего на 3,512 р. 91 к.

Израсходовали тѣ же пріюты въ 1893 г. 357,817 р. 92 к., т.-е. на 33,932 р. 64 к. болѣе противъ 1892 г.; по размѣрамъ расходовъ первыя мѣста занимаютъ: московскій Рукавишниковскій пріютъ (67,417 р. 26 к.), студзенецкая колонія (49,434 р. 76 к.), с.-петербургская колонія (34,907 р. 53 к.), кіевская (28,211 р. 5 к.), нижегородская (23,534 р. 82 к.), Галкинскій-Саратовскій пріютъ (20,400 р. 20 к.); послѣднія мѣста принадлежатъ: роденпойской колоніи (5,237 р. 6 к.), пріюту „Пуща“ (5,023 р. 55 к.) и костромской колоніи (4,761 р. 89 к.). Сводныя таблицы не могли дать интересныхъ итоговъ по разнымъ статьямъ расходовъ заведеній, взятыхъ вмѣстѣ, въ виду того, что, какъ и въ предшествовавшемъ году, въ отчетахъ отсутствовалъ однообразный порядокъ отчетности, причемъ, напримѣръ, расходы на церковь въ однихъ отчетахъ соединены съ расходами на лазаретъ, а въ иныхъ—на школу, есть даже случай соединенія въ одну рубрику расходовъ на освѣщеніе и мыло и т. д. Давно уже назрѣвшая потребность въ единообразіи отчетности сознана въ настоящее время самими заведеніями. По крайней мѣрѣ, на 4-мъ съѣздѣ вопросъ этотъ рѣшенъ былъ въ положительномъ смыслѣ.

По приведеннымъ въ отчетѣ даннымъ о числѣ воспитанниковъ оказывается, что въ 19-ти исправительныхъ заведеніяхъ (о таврическомъ пріютѣ и астраханской колоніи свѣдѣній не дано) на 1 января 1893 г.

имѣлось 900 мальчиковъ и 87 дѣвочекъ (саратовскій, Большевскій и „Пуща"). Поступило вновь въ теченіе года 309 м. и 23 д., а вышло 274 м. и 17 д. Затѣмъ, на 1 января 1894 г. осталось 912 м. и 93 д. Свѣдѣнія объ основаніяхъ поступленія въ пріюты и колоніи касаются лишь 685 мальчиковъ и 86 дѣвочекъ, причемъ оказывается, что 18 м. помѣщены туда по высочайшему повелѣнію, 639 м. и 17 д.—по судебнымъ приговорамъ и 28 м. и 69 д.—по распоряженію административныхъ властей и управленія заведеній, а также по ходатайству родителей. Что касается прежней судимости воспитанниковъ, то о ней имѣются свѣдѣнія только въ 7-ми отчетахъ и касаются 157 чел., изъ которыхъ большинство (125 ч.) осуждены были въ 1-й разъ, изъ остальныхъ 16 ч. осуждены во 2-й разъ, 4 ч.—болѣе 2-хъ разъ и 12 ч. вовсе не судились. По остальнымъ рубрикамъ таблицы (возрастъ, семейное положеніе, сословіе, состояніе, родъ занятій родителей и дѣтей, религія, грамотность и состояніе здоровья) итоги не могутъ быть пригодны, въ виду того, что въ отчетахъ заведеній по отношенію къ цифровымъ даннымъ, соотвѣтствующимъ этимъ рубрикамъ, замѣчается самое прихотливое разнообразіе. Тогда какъ одни даютъ самую обстоятельную разработку личной статистики своихъ питомцевъ, другіе, въ то же время, ограничиваются только нѣкоторыми свѣдѣніями, обходя молчаніемъ цѣлые ряды рубрикъ и обезцѣнивая, вмѣстѣ съ тѣмъ, работу своихъ сотоварищей. Нельзя не пожелать поэтому, чтобъ отчеты исправительныхъ заведеній и въ этомъ отношеніи отличались большимъ единообразіемъ.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Практическое руководство къ построенію динамо-машинъ съ постояннымъ токомъ". *Л. А. Боровича.*—„Курсъ низшей геодезіи". *А. Бика.*—„Очеркъ физическихъ основаній электро-техники въ общепонятномъ изложеніи". *Эпштейна.* — „Руководство для фабрикаціи чернилъ, ваксы, синьки и колесной мази". *Д-ра А. А. Леонарда.*— „Ретушь и раскрашиваніе фотографій". *Изд. Щепанскаго.* —„Химія каменноугольно-газоваго производства". *Альфреда Ванклина.*— „Извлеченіе золота ціанистымъ каліемъ въ Южной Африкѣ". *Н. Китаева.*—„Кожевенное производство". *М. А. Рылова.*

Практическое руководство къ построенію динамо-машинъ съ постояннымъ токомъ. Инженеръ-технолога Л. А. Боровича. Изданіе 2-е исправленное и значительно дополненное, съ 164 рисунками. Изданіе Риккера. Спб. Цѣна 3 р. Построеніе динамо-машинъ производится въ спеціальныхъ электротехническихъ мастерскихъ и обыкновенно составляетъ секретъ производителей. Въ обширной электротехнической литературѣ сравнительно очень мало данныхъ по этому вопросу, а потому авторъ взялъ на себя трудъ составить популярное практическое руководство для проектированія и построенія динамо-машинъ. Во 2-мъ изданіи онъ переработалъ и дополнилъ нѣкоторые [отъ]дѣлы на основаніи новѣйшихъ источниковъ. Книга распадается на [дв]ѣ части: теоретическую и практическую. Книга составлена удачно [и] безъ сомнѣнія, вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію, хотя по [ха]рактеру изложенія составленное г. Боровичемъ руководство едва ли [мо]жно назвать популярнымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова.

Курсъ низшей геодезіи. Составилъ А. Бикъ, межевой инженеръ, старшій преподаватель Константиновскаго межевого института. Часть III. Одобрена конференціей межевого института, [к]акъ руководство при преподаваніи въ межевыхъ учебныхъ за-

веденіяхъ. Москва, 1894 г. Цѣна 3 р. Въ книгѣ весьма подробно изложены практикуемые способы нивеллированія (геометрическій, геодезическій и барометрическій), разбивка на мѣстности длинныхъ прямыхъ линій и закругленій, тахеометрическія и нивеллиръ-теодолитныя работы; затѣмъ сообщаются свѣдѣнія о глазомѣрной съемкѣ, объ опредѣленіи скорости теченія воды, о проэкціяхъ картъ, а въ дополнительныхъ статьяхъ: о съемочныхъ работахъ въ Россіи (тригонометрическія работы военнаго вѣдомства описаны подробно) и о кадастровыхъ работахъ за границей. Прекрасно составленный и изданный курсъ геодезіи А. Бика можетъ служить не только хорошимъ руководствомъ для учебныхъ заведеній, но также весьма полезнымъ пособіемъ при производствѣ всякаго рода нивеллирныхъ и тому подобныхъ землемѣрныхъ работъ. Въ русской геодезической литературѣ трудъ этотъ займетъ видное мѣсто.

Очеркъ физическихъ основаній электротехники въ общепонятномъ изложеніи. Шесть популярныхъ опытныхъ чтеній Эпштейна. Переводъ со 2-го изданія И. С. Дрентельна. Съ 39 рисунками. Спб. Книжка Эпштейна представляетъ довольно удачный примѣръ чисто-экспериментальнаго изложенія важнѣйшихъ свѣдѣній объ электрическомъ токѣ, его измѣреніи и техническихъ примѣненіяхъ. Хорошо выбранные простые и наглядные опыты даютъ достаточно ясное понятіе объ электрическихъ явленіяхъ и ихъ взаимной связи. Авторъ не вдается въ искусственныя теоріи, мало понятныя для новичка, а вводитъ его въ кругъ извѣстныхъ явленій и понятій путемъ непосредственнаго опыта. Пріемъ самый, конечно, вѣрный, лучше всего ведущій къ цѣли. Все изложеніе настолько удобопонятно, что усвоеніе главнѣйшихъ понятій по электричеству не представляетъ никакихъ затрудненій. Переводъ сдѣланъ старательно и толково. Однимъ словомъ, книжка на самомъ дѣлѣ знакомитъ съ электрическими явленіями въ общедоступной формѣ.

Литература по электричеству весьма обширна, а популярныхъ сочиненій очень мало, между тѣмъ какъ эта-то именно область, въ виду успѣховъ электротехники, нуждается въ самой широкой популяризаціи. Какъ весьма удачная попытка въ этомъ родѣ, книжка Эпштейна заслуживаетъ вниманія.

Руководство для фабрикаціи чернилъ, ваксы, синьки и колесной мази. Д-ра А. А. Леонгарда. Изданіе Щепанскаго. Спб., 1894 г. Цѣна 60 к. Въ продажѣ очень много сортовъ чернилъ, но всѣ они имѣютъ свои болѣе или менѣе существенные недостатки. Обыкновенно употребляемыя въ практикѣ чернила скоро густѣютъ, сохнутъ, плѣсневѣютъ, а самое главное—быстро выцвѣтаютъ. Какъ велика потребность въ хорошихъ чернилахъ, это видно изъ того, что они ввозятся въ большомъ количествѣ изъ-за границы.

Приготовленіе чернилъ—дѣло несложное, но хорошіе рецепты держатся въ секретѣ, а обычные шаблонные способы даютъ продукты плохого качества. У насъ нѣтъ хорошихъ чернилъ потому, что и не умѣютъ дѣлать. Руководство Леонгарда учитъ этому искусст... Насколько хороши сообщаемые въ книжкѣ рецепты, объ этомъ мож... судить только путемъ непосредственнаго опыта. Во всякомъ случа... изданіе подобнаго руководства весьма полезно, если, разумѣется, ...цепты провѣрены и вполнѣ надежны. Съ такою книжкой въ рук... дѣло это является доступнымъ всякому грамотному человѣку. Мож... только пожалѣть, что книжка написана нелитературнымъ языкомъ

обнаруживаетъ мѣстами незнакомство съ химіей. Книжка много бы выиграла, если бы была тщательно проредактирована.

Ретушь и раскрашиваніе фотографій. Наставленіе для выработки фотографическихъ негативовъ и позитивовъ, а также для раскрашиванія ихъ акварельными и масляными красками. Для фотографовъ и любителей. Изданіе 2-е, Щепанскаго. Спб., 1894 г. Цѣна 85 к. Эта маленькая книжка даетъ полезныя указанія по части ретуши и раскрашиванія фотографій. Къ сожалѣнію, она написана такимъ языкомъ, какимъ обыкновенно пишутся спеціальныя сочиненія неспеціалистами. Изложеніе расплывчатое, обороты часто не русскіе. Существенное и важное теряется въ массѣ подробностей. Вообще говоря, такого рода книжки полезны и желательны при условіи составленія ихъ подъ руководствомъ хорошихъ спеціалистовъ. Въ противномъ случаѣ, даже при самомъ добросовѣстномъ заимствованіи матеріала изъ самыхъ надежныхъ источниковъ всегда чувствуется, что самъ составитель спеціальнаго руководства не владѣетъ предметомъ. Такой именно характеръ носятъ многія спеціальныя книжки, выпускаемыя нѣкоторыми издательскими фирмами.

Химія каменноугольно-газового производства. Альфреда Ванклина. Переводъ со 2-го изданія А. П. Лидова, проф. Харьковск. техн. института. Москва, 1895 г. Цѣна 60 к., съ пересылкой 75 к. Какъ извѣстно, газовое производство давно уже достигло за границей весьма высокаго развитія и составляетъ тамъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей промышленности. Въ Англіи капиталъ, вложенный въ это дѣло, достигаетъ 700 милліоновъ рублей, а ежегодная выручка отъ продажи газа и побочныхъ продуктовъ колеблется около 200 мил. рублей. Все дѣло поставлено и организовано столь просто, что каменноугольный газъ стойко выдерживаетъ конкурренцію электрическаго освѣщенія. Въ Россіи это производство далеко не имѣетъ того значенія, какъ за границей. Существующіе у насъ въ большихъ городахъ газовые заводы находятся въ рукахъ иностранныхъ компаній и могутъ быть названы русскими только потому, что построены въ Россіи.

На русскомъ языкѣ почти нѣтъ сочиненій по газовому производству, а потому переводъ прекрасной книжки Ванклина является весьма желательнымъ, хотя она трактуетъ только одну химическую часть дѣла, совершенно не касаясь другой, въ высшей степени важной—механической стороны. По существу производство газа скорѣе должно быть отнесено къ области механической технологіи, но это не исключаетъ важности имѣющихъ здѣсь мѣсто химическихъ процессовъ, подробно и обстоятельно разсматриваемыхъ въ трудѣ Ванклина.

Извлеченіе золота ціанистымъ каліемъ въ Южной Африкѣ. Горнаго инженера Н. Китаева. Отчетъ по командировкѣ въ Южную Африку. Спб. Цѣна 3 р. Трудъ г. Китаева является весьма полезнымъ вкладомъ въ русскую литературу по золотопромышленности по массѣ и новизнѣ сообщаемыхъ свѣдѣній не только о золотѣ южно-[illegible]риканской республики, но и вообще о современныхъ способахъ до[illegible]ванія золота. Авторъ изучалъ дѣло прямо на мѣстѣ, а потому всѣ [illegible]водимыя имъ данныя отличаются своею, такъ сказать, жизненностью. [illegible] живомъ и ясномъ изложеніи онъ знакомитъ, прежде всего, съ исто[illegible] возникновенія золотопромышленности въ Трансваалѣ, затѣмъ опи[illegible]аетъ геологическія условія страны, способъ извлеченія золота, дѣя[illegible]ьность отдѣльныхъ компаній, разныя законоположенія и инструкціи [illegible]. Предсказывая, что маленькая республика Трансвааля займетъ

въ будущемъ по размѣрамъ добычи золота первое мѣсто, авторъ указываетъ сравнительную производительность наиболѣе богатыхъ золотомъ странъ за 1891 г., когда было получено этого металла въ Соединенныхъ Штатахъ и Калифорніи на 45 милліон. руб., въ Австраліи на 42½ мил. руб., въ Россіи—30½ мил. руб. (2,600 пуд.) и Трансваалѣ—18.900,000 руб.

Повсюду замѣчается медленное возростаніе производительности, въ то время какъ въ Трансваалѣ правильная добыча золота началась всего лѣтъ 8 тому назадъ и уже успѣла достигнуть весьма внушительныхъ размѣровъ. Въ 1892 г. добыто 40.092,040 килогр., а въ 1891 г.—25.977,016 килогр. Среднее содержаніе золота было 6,56—8,42 золотника на 100 пуд. руды. Наиболѣе важны мѣсторожденія Витватерсранда, дающія золото съ 12% серебра и съ примѣсью колчедановъ, мышьяка и мѣди.

Золото находится обыкновенно въ кварцевомъ конгломератѣ и въ столь мелкораздробленномъ состояніи, что невооруженнымъ глазомъ его трудно замѣтить. Въ виду этого извлеченіе ртутью затруднительно. Удобнѣе оказалось извлеченіе посредствомъ ціанистаго калія, и этотъ способъ, несмотря на многія его несовершенства, быстро развивается въ Трансваалѣ.

Теоретическая сторона дѣла изложена въ книгѣ весьма обстоятельно. Пріемы обработки уясняются хорошо исполненными чертежами.

Кожевенное производство. Практическое руководство къ выдѣлкѣ кожи. Кожевеннаго мастера М. А. Рылова. 3-е исправленное и дополненное изданіе, подъ редакціей В. Тизенгольта. Изданіе Риккера. Цѣна 3 р. Въ обширной области химической технологіи трудно найти производство, менѣе поддающееся научному анализу, чѣмъ кожевенное. Здѣсь до сихъ поръ царитъ еще эмпиризмъ, а примѣняемые пріемы и способы обработки не находятъ удовлетворительнаго объясненія. Практическій опытъ стоитъ здѣсь на первомъ планѣ. Въ виду этого трудъ г. Рылова, работавшаго болѣе 35 лѣтъ на разныхъ русскихъ кожевенныхъ заводахъ, представляетъ значительный интересъ для заводчиковъ и техниковъ. Въ немъ собраны свѣдѣнія и указанія, непосредственно почерпнутыя изъ заводской практики и провѣренныя личнымъ опытомъ автора.

На русскомъ языкѣ почти нѣтъ отдѣльныхъ сочиненій по кожевенному производству, а иностранныя руководства не могутъ вполнѣ удовлетворить потребности, такъ какъ они не касаются русскихъ, во многомъ своеобразныхъ условій работы.

Трудъ г. Рылова извѣстенъ и по прежнимъ изданіямъ, но онъ много выигралъ отъ сдѣланныхъ въ немъ исправленій и дополненій, въ числѣ которыхъ особенно пріятно видѣть сжато, но толково изложенную суть электрическаго дубленія кожъ.

Книга снабжена тщательно исполненными рисунками и вообще издана хорошо.

Такого рода практическія руководства были бы желательны [illegible] другимъ, въ особенности мелкимъ, техническимъ производствам[illegible]

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Сборникъ свѣдѣній по культурѣ цѣнныхъ растеній на Кавказѣ".— „Сборникъ свѣдѣній по плодоводству въ Закавказскомъ краѣ". — „Бесѣды дѣдушки Андрея объ уходѣ за домашнимъ скотомъ".—„Какъ и въ чемъ можно быть обманутымъ при покупкѣ лошадей?" *М. А. Исакова.* — „Практическое значеніе сельско-хозяйственной литературы". *Л. А. Золотарева.*—„О насѣкомыхъ, вредящихъ лѣсамъ, и мѣры ихъ истребленія". *К. Э. Линдемана.* — „Первый съѣздъ агрономовъ тамбовскаго губернскаго земства".

Сборникъ свѣдѣній по культурѣ цѣнныхъ растеній на Кавказѣ. Выпускъ I. Тифлисъ, 1895 г.— Сборникъ свѣдѣній по плодоводству въ Закавказскомъ краѣ. Выпускъ I. Тифлисъ, 1895 г. По свидѣтельству компетентныхъ климатологовъ, во всемъ Старомъ Свѣтѣ, помимо тропическихъ странъ, нѣтъ мѣстностей настолько благопріятныхъ для самой роскошной растительности, какъ нѣкоторые углы Закавказья; однако, эти благопріятныя условія пока еще слишкомъ слабо эксплуатируются человѣкомъ. Во Франціи, по словамъ Гезё (*Journal d'agr. plat.* 1895 г., № 16), культивируются съ промышленными цѣлями (кромѣ декоративныхъ) 11 видовъ рода *citrus*; у насъ даже въ Батумскомъ округѣ пока культивируются три вида (апельсинъ, мандаринъ и лимонъ) въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ; кромѣ того, въ первомъ изъ вышеназванныхъ изданій отмѣчены отдѣльныя попытки культуры въ Сухумскомъ округѣ, въ Сигнахскомъ уѣздѣ, въ Кутаисѣ и даже въ Елисаветполѣ. Возможнымъ должно считаться воздѣлываніе апельсиновъ и въ Ленкоранскомъ уѣздѣ. Конечно, культура апельсиновъ требуетъ здѣсь особыхъ мѣръ предосторожности. Разведеніе маслины на Кавказѣ восходитъ къ глубокой древности, хотя размѣры этой культуры не велики и даже сократились послѣ послѣдней турецкой войны, когда часть мусульманъ эмигрировала въ Турцію. Успѣхамъ промышленнаго воздѣлыванія маслины препятствуютъ, между прочимъ, неудовлетворительные способы сохраненія оливокъ. Воздѣлыванію апельсиновъ, лимоновъ и маслины посвящены очерки С. Н. Тимоѳеева. Другой кавказскій агрономъ, Н. И. Моревъ, въ томъ же изданіи описываетъ опыты разведенія прядильнаго растенія рами (boehmeria), превосходящаго ленъ и коноплю по своимъ техническимъ достоинствамъ, и эксплуатацію лавра, развившуюся въ Закавказьи съ половины восьмидесятыхъ годовъ (съ того же времени сократился привозъ лавроваго листа изъ-за границы).

Второе изъ поименованныхъ изданій относится къ закавказскому плодоводству. Въ началѣ помѣщена краткая программа для собиранія свѣдѣній; программа представляется особенно краткою по сравненію съ той, которая разсылается въ нынѣшнемъ году министерствомъ земледѣлія и по которой съ января 1896 года въ статистическомъ отдѣлѣ этого министерства должна составляться детальная картина русскаго плодоводства. Г. Г. Даніельбекову принадлежитъ описаніе плодоводства въ Кубинскомъ уѣздѣ (Бакинской губерніи), Н. Н. Спѣшневу—очеркъ плодоводства въ Горійскомъ уѣздѣ (Тифлисской губ.) и Е. К. Накашидзе — краткая характеристика садовъ Шаропанскаго и Кутаисскаго уѣздовъ. При улучшеніи условій храненія закавказскіе фрукты и въ свѣжемъ, и въ сушономъ видѣ найдутъ себѣ широкій доступъ на рынки внутреннихъ губерній.

Бесѣды дѣдушки Андрея объ уходѣ за домашнимъ скотомъ. Изданіе 2-е. Ц. 5 к.—Какъ и въ чемъ можно быть обманутымъ

при покупкѣ лошадей? Изд. 2-е М. А. Исакова. Казань, 1895 г. Ц. 5 к. „Дѣдушкамъ“ посчастливилось въ качествѣ популяризаторовъ зоотехническаго знанія (см. „Библіографическій отдѣлъ“ *Русской Мысли* 1895 г., кн. VIII); въ первой брошюрѣ беллетристическому изложенію предпосланъ формуляръ практической дѣятельности воображаемаго Андрея; самое изложеніе сдѣлано живымъ и простымъ языкомъ. Во второй брошюрѣ авторъ съумѣлъ обойтись безъ пособія „дѣдушки“ и прямо отъ себя разсказываетъ о поддѣлкѣ возраста, о поддѣлкѣ породы, о скрываніи тѣлесныхъ недостатковъ и о скрываніи различныхъ лошадиныхъ болѣзней. Эту брошюру г. Исакова (ветеринарнаго врача) надо назвать прямо полезною для поселяющихся въ деревнѣ людей въ качествѣ напоминанія о тѣхъ многочисленныхъ фальсификаціяхъ, которыми лошадиные барышники стремятся исполнить завѣтъ пословицы: „не обманешь—не продашь“.

Практическое значеніе сельско-хозяйственной литературы. Л. А. **Золотарева. Изданіе В. Н. Маракуева.** М., 1894 г. Цѣна 20 к. Вопросъ, затронутый авторомъ, очень сложенъ и, конечно, нельзя было удовлетворительно исчерпать его въ небольшой брошюрѣ. Но, во всякомъ случаѣ, г. Золотаревъ собралъ много основательныхъ доводовъ въ пользу практическаго значенія сельско-хозяйственной литературы и, въ то же время, вѣрно намѣтилъ предѣлы, ограничивающіе это значеніе; чтеніе можетъ помочь только такимъ хозяевамъ, которые, во-первыхъ, умѣютъ читать и, во-вторыхъ, знакомятся съ хозяйственною практикой не изъ книги. Способность пониманія сельско-хозяйственныхъ явленій стоитъ въ тѣсной связи съ общимъ умственнымъ развитіемъ читателей, а для успѣшнаго приложенія этого пониманія къ техникѣ требуется то непосредственное усвоеніе техническихъ навыковъ, которое дается только на дѣлѣ. Нѣкоторые примѣры въ брошюрѣ г. Золотарева носятъ черезъ-чуръ частный, узкій характеръ. Въ концѣ намъ не понравилась выходка противъ *Настольной книги* (1874—76 гг.); это чрезвычайно полезное изданіе было быстро оцѣнено русскою публикой и разошлось вскорѣ по отпечатаніи (сейчасъ его можно находить лишь за дорогую цѣну у нѣкоторыхъ букинистовъ). Значительный ростъ сельско-хозяйственной литературы справедливо подчеркнутъ г. Золотаревымъ.

О насѣкомыхъ, вредящихъ лѣсамъ, и мѣры ихъ истребленія. К. Э. **Линдемана. Изд. К. И. Тихомирова.** М., **1895 г. Ц. 40** коп. Новая брошюра проф. Линдемана представляетъ сводъ важнѣйшихъ свѣдѣній по лѣсной энтомологіи и одинаково полезна какъ для практики лѣсного хозяйства, такъ и для учебнаго дѣла. Первая глава отведена врагамъ хвойнаго, вторая — лиственнаго лѣса; внутри главъ основаніемъ группировки сдѣланы повреждаемыя части дерева. Всего описано 30 главнѣйшихъ вредныхъ насѣкомыхъ, вредящихъ лѣсу. Къ описанію гусеницъ, объѣдающихъ листья, приложена полезная таблица опредѣленія этихъ гусеницъ, имѣющая у насъ живой современный интересъ въ виду тѣхъ громадныхъ поврежденій, которымъ одновреме[нно] подвергалась, а отчасти и подвергается листва лѣсовъ средней Рос[сіи]. Въ брошюрѣ 39 рисунковъ. Живое и, въ то же время, сжатое изло[же]ніе обезпечиваетъ новой брошюрѣ полный успѣхъ, которымъ уже п[оль]зуются ея предшественницы.

Первый съѣздъ агрономовъ тамбовскаго губернскаго земс[тва]. **Тамбовъ, 1895 г.** Съ весны 1894 года въ Тамбовской губерніи [н]а средства губернскаго земства приглашены были земскіе агрономы. [...]

тельность мѣстныхъ агрономовъ въ Тамбовской губерніи неизбѣжно должна быть сложнѣе, чѣмъ въ губерніи Вятской, наиболѣе богато снабженной органами земскаго содѣйствія сельскому хозяйству. Вятская губернія однородна въ смыслѣ почти исключительнаго существованія въ ней крестьянскаго хозяйства, между тѣмъ какъ въ Тамбовской губерніи владѣльческому хозяйству принадлежитъ очень крупное значеніе. Краткіе протоколы перваго съѣзда тамбовскихъ агрономовъ, происходившаго въ ноябрѣ 1894 г., не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что тамбовскими земскими агрономами на первую очередь выдвинуты нужды крестьянскаго хозяйства. Особаго вниманія заслуживаетъ записка подъ заглавіемъ: *Методы изслѣдованія*, составленная П. А. Вихляевымъ, бывшимъ агрономомъ Козловскаго уѣзда (нынѣ завѣдующимъ экономическимъ бюро тверского губернскаго земства). Большая часть докладовъ, разсмотрѣнныхъ на первомъ съѣздѣ, посвящена была выясненію общихъ вопросовъ дѣятельности земскихъ агрономовъ; детали оставлены до слѣдующихъ съѣздовъ, что̀ слѣдуетъ признать правильнымъ въ виду необходимости условиться, прежде всего, относительно общихъ основаній.

ИЗДАНІЯ ДЛЯ НАРОДА.

Наша лубочная литература.

Наталія или русская женщина въ войну 1812 г. Соч. К. Голохвастова, изд. Т. Кузина.—Геройскій подвигъ женщины-воина или гусарскій мундиръ. Соч. Королева, изд. Брильянтова.—Громобой, новгородскій воевода. Историческая повѣсть, изд. Е. Губанова.—Панъ Твардовскій, польскій колдунъ, изд. Губанова.—Приключенія отставного солдата Архипа Кузьмича, старинное народное преданіе, изд. Губанова. Москва, 1895 г. Ц. 8 — 12 к. Десять лѣтъ назадъ подъ народною литературой понималась почти исключительно литература лубочная, ничего или почти ничего общаго съ литературой для чистой публики не имѣющая. Въ теченіе десятилѣтняго періода совершилась великая и весьма поучительная перемѣна: при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, о какихъ западный человѣкъ даже не имѣетъ и понятія, на глазахъ одного поколѣнія, рядомъ съ литературою лубочной развилась, выросла, окрѣпла литература *общедоступная* и въ этомъ смыслѣ *общенародная*, общедоступная какъ въ смыслѣ содержанія, такъ и въ смыслѣ цѣлаго. Благодаря появленію *этой* литературы, затушевалась граница, отчасти заполнилась пропасть между литературой „для народа“ и литературой для „чистой публики“; въ первой владыка „сѣрый“ купецъ, смотрящій на книгу какъ на „товарецъ“, покупающій рукописи „произведеній“ по 2, по 3 р. и да- по 75 коп. *за штуку*, имѣющій дѣло съ кабацкими писателями, с…ди которыхъ Миша Евстигнѣевъ или Иванъ Кассировъ могутъ по …аву называться „образованными“, не смотрящій на качество, а лишь …количество расходящагося товара. Такого рода книгодѣи отлично …имали, что свой товарецъ они могутъ и не улучшать; то же понимали …писатели“, которые еслибъ и хотѣли, такъ лучше, изящнѣе, пожалуй, …не съумѣли бы ничего написать. Было бы ошибочно думать, что лу…чные писатели того времени—произведеніе деревни, фабрики; какъ …казываютъ ихъ біографіи, главнымъ образомъ, они выходили изъ …шихъ городскихъ слоевъ, являлись представителями трактирной ци-

вилизаціи. Въ *Сочиненіяхъ* Глѣба Успенскаго встрѣчается не мало такихъ типовъ, порожденныхъ „общимъ ходомъ вещей“ россійской общественной жизни за послѣднія 20—30 лѣтъ и наглядно показывающихъ связь трактирной цивилизаціи съ этимъ ходомъ вещей. При случаѣ, иной грамотѣй, добившійся грамотности и „образованія“ не въ народной школѣ, — такихъ тогда было еще очень мало, — а чаще въ передней, лакейской или кухнѣ, вдругъ превращался въ „писателя“, у котораго покупали товаръ Манухинъ и Леухинъ, Шараповъ и Морозовъ, товаръ и въ прозѣ, и въ стихахъ. Оргія, воспѣтая Некрасовымъ въ его „современныхъ дѣятеляхъ“, имѣетъ не столь далекія отношенія съ трактирно-лакейскою литературой, какъ это, быть можетъ, кажется съ перваго взгляда. Но оргія если не кончилась, то приняла другую форму; въ образованномъ обществѣ проявилось другое теченіе, демократическое, въ лучшемъ, широкомъ смыслѣ этого слова. Культурное движеніе, доступное и привлекательное не только для не многихъ „героевъ“, но для культурной „толпы“, быстро сдѣлало свое дѣло, въ результатѣ чего, между прочимъ, проявились силы, направленныя на улучшеніе народной литературы. Кончается періодъ интеллигентнаго *недѣланія*; потенціальная энергія переходитъ въ кинетическую; результатъ такого перехода можетъ быть одинъ — дальнѣйшее проясненіе общественнаго сознанія. Отражая на себѣ всѣ общественныя теченія, литература для народа отразитъ въ свое время и это. Теперь рядомъ съ лубочною литературой создана литература общенародная, матеріалъ для которой взятъ изъ общей сокровищницы человѣчества,—сокровищницы мысли, знанія, чувства, науки, искусствъ. Но изъ того, что создано это новое, еще не слѣдуетъ, что уже перестало жить старое. Потребность чтенія въ народѣ такъ велика, что найдутъ сбытъ себѣ всѣ тѣ милліоны дешевыхъ книгъ, которыя печатаются ежегодно. *Всѣ* ручьи изъ дешевыхъ книжекъ, если такъ можно выразиться, текущіе въ деревню, поглощаются ею, состоятъ ли они изъ лубочныхъ, или иныхъ изданій, поглощаются потому, что деревенскимъ покупателямъ *не изъ чего* сплошь и рядомъ *выбирать*, хотя многіе изъ этихъ покупателей и *могли бы* уже выбирать; съ точки зрѣнія жаждущаго читателя, лучше прочесть что-нибудь, чѣмъ ничего. Вотъ именно сбытомъ книгъ при такихъ условіяхъ и на такихъ основаніяхъ и поддерживается народно-лубочная литература, поддерживается во всей ея заскорузлой, старинной неприкосновенности и печальной цѣлости изъ года въ годъ. Это самое явленіе весьма поучительно, и на немъ есть основаніе остановиться, тѣмъ болѣе, что намъ еще ни разу не приходилось бесѣдовать съ читателями о лубочной литературѣ. Что эта послѣдняя, говоря абсолютно, *безъ* сравненія съ общедоступною литературой, съ каждымъ годомъ развивается, ростетъ, да и не можетъ не развиваться вслѣдствіе увеличивающагося спроса на книгу, показываютъ нижеслѣдующія цифры, заимствуемыя нами изъ добросовѣстно составляемаго при мос скомъ комитетѣ грамотности *Ежегодника народной литературы*. 1892 г. было напечатано 3.929,200 книгъ лубочныхъ издателей, томъ числѣ болѣе $^1/_3$ (1.401,400) книжекъ религіозно-нравствени содержанія, главнымъ образомъ, житій святыхъ (956,200) и поуче (304,800), затѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ литературный (1.785,200), ко рый значительно превышаетъ первый, затѣмъ сонники (266,600) и сенники (158,900), затѣмъ письмовники (38,400); на всѣ прочіе отд приходится 278,700 экз. Въ 1893 г. количество экземпляровъ лу

ныхъ изданій возросло болѣе чѣмъ на 500,000 и достигло почтенной цифры 4.491,300. Увеличеніе весьма неравномѣрно распредѣлилось по разнымъ отдѣламъ, главнымъ образомъ, по религіозно-нравственному (съ 1.401,400 до 1.692,400) и литературному (съ 1.785,200 до 2.169,600). Уменьшилось количество сонниковъ и письмовниковъ, — первые съ 266,600 до 168,300, вторые съ 38,400 до 31,200. На основаніи имѣющихся у насъ данныхъ за 1894 и 1895 г. позволяемъ себѣ думать, что за эти годы число экземпляровъ лубочныхъ книгъ увеличилось еще болѣе. Весьма поучителенъ и тотъ фактъ, что увеличивается также и число названій. Въ 1892 г. ихъ было 403, а въ 1893 г. 467. Увеличеніе это коснулось опять-таки отдѣла религіозно-нравственнаго и литературнаго, въ первомъ—житій святыхъ, во-второмъ—сказокъ. Что касается качества вновь выходящихъ лубочныхъ книгъ, то, принявъ на себя неблагодарный трудъ просмотра ихъ, мы, въ концѣ-концовъ, пришли къ тому печальному выводу, что никакихъ улучшеній въ нихъ не замѣтно: тѣ же мотивы, тѣ же манеры изложенія, тѣ же направленія, какъ и 7—8 лѣтъ тому назадъ. Отмѣтимъ эти мотивы и направленія, избирая, по нашему мнѣнію, довольно характерныя книжки. *Первый мотивъ*: враги внѣшніе. Въ настоящее время въ народѣ обращаются цѣлые милліоны книжекъ, наполненныхъ неумѣреннымъ патріотизмомъ самаго подозрительнаго свойства, по теоріи, „что̀ мое, то хорошо, а что̀ чужое, то скверно". Леббокъ, въ своей книгѣ *Les origines de la civilisation,* приводитъ фактъ такого же патріотизма одного готтентота, который на вопросъ: что̀ хорошо, а что̀ дурно, отвѣчалъ: „если у меня украдутъ жену — это дурно, а если я украду — это хорошо". Одинъ изъ самыхъ заскорузлыхъ питерскихъ издателей народныхъ книгъ издалъ, напримѣръ, такого рода произведеніе какого-то Голохвастова, гдѣ въ идеалъ русской женщины возводится нѣкая крестьянка Наталья, угостившая въ 1812 году цѣлый отрядъ французовъ виномъ, отравленнымъ ею. Удивительно потѣшна повѣсть И. Коренева, изданная въ Москвѣ г. Брильянтовымъ: *Геройскій подвигъ женщины-воина или гусарскій мундиръ*. Содержаніе таково: крестьянка Мареа, жена солдата, никогда не выѣзжавшая изъ деревни, вдругъ начинаетъ пылать воинственнымъ жаромъ и ѣдетъ отыскивать мужа. Для пущаго удобства она стрижетъ свою косу, надѣваетъ гусарскій мундиръ, съ помощью уголька наводитъ себѣ усы (стр. 38) и ѣдетъ воевать „за вѣ ру царя и отечество" *) (стр. 14), на томъ основаніи, что „вѣра и любовь къ отечеству даромъ не пройдетъ" (sic., стр. 29). Превращеніе Мареы въ рыцаря происходитъ мгновенно (стр. 38). Она сразу начинаетъ командовать, что твой юнкеръ, сразу познаетъ всѣ воинскіе порядки и даже пиво, вино и водку начинаетъ пить, что твой юнкеръ (стр. 39),—по два ковша заразъ. Всѣ это дѣлаетъ гусарскій мундиръ. Мареа становится предводителемъ партизановъ,—„героевъ народныхъ, положившихъ животъ свой на защиту и славу отечества,—говоритъ ...оръ: между ними попадались и не добрые люди, но крестьяне ува...ли ихъ" Со всѣмъ прочимъ въ сердцѣ Мареы вдругъ входитъ ...нѣвъ и свирѣпость" На цѣломъ рядѣ страницъ описывается, какіе ...двиги Мареа совершала: она убиваетъ просящаго пощаду (стр. 43), ...ставляетъ мужиковъ перебить „массу связанныхъ и безоружныхъ ...анцузовъ" (стр. 44), и тоже убивать просящихъ пощаду (стр. 54). Раз-

---

*) Что авторъ не совсѣмъ хорошо понимаетъ это выраженіе, доказываетъ от...ствіе запятой, встрѣчающееся въ книжкѣ неоднократно.

умѣется, при всемъ этомъ, авторъ старается сугубо внушить читателю, во-первыхъ—„знай нашихъ", во-вторыхъ—„смерть врагамъ". Въ концѣ-концовъ, баба-Марѳа дѣлается георгіевскимъ *кавалеромъ* (стр. 68) и „вцѣпляется мужу въ объятія" (стр. 68). Конецъ умилителенъ: „Вотъ какой примѣръ показала намъ героиня Марѳа! Она была необразованная деревенская женщина, а настолько привязалась *любовью* къ своему родному отечеству и мужу (sic), что даже не щадила свою молодую жизнь" (стр. 70). Во всемъ этомъ обращаютъ на себя вниманіе крайне смутныя представленія патріотическаго автора о томъ, что есть патріотизмъ. Къ концу книжки приложенъ рядъ анекдотовъ, которые должны доказать, что „нашъ землякъ воинъ безукоризненъ". *Второй мотивъ*: враги внутренніе. Въ прошломъ году (кн. XI) мы знакомили читателя съ книжкой не лубочной, гдѣ къ числу враговъ внутреннихъ причислялось *Родное Слово* Ушинскаго, якобы виновное въ пертурбаціяхъ начала 80-хъ годовъ. Не мало такихъ „патреотическихъ" книжекъ и въ лубочной литературѣ. Къ числу ихъ относится вышеуказанная книжка К. Голохвастова. Первая глава этой книжки—не беллетристика, а вотъ какого рода публицистика. Выписываемъ безъ комментарій: „Велика наша Русь!... Взгляните на карту Европы и Азіи. Въ западной части, словно въ тѣснотѣ, скучились „великія державы", а за ними къ востоку—одна Россія". „И съ годами эта громада не убываетъ, а все еще больше раздается, ростетъ не по днямъ, а по часамъ. Много враговъ у Руси, но передъ чѣмъ у нихъ страхъ? У Руси двѣ несокрушимыя крѣпости—православная вѣра и народъ". „Враги очень прекрасно знаютъ, чѣмъ мы сильны, и потому, вмѣсто того, чтобъ идти на насъ честнымъ боемъ, давно уже объявили намъ войну, войну негласную, а тайную и подпольную. Цѣль ихъ—ослабить нашъ сильный оплотъ—православіе, и, къ несчастію, это имъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удается. Но кто же эти враги? Я ихъ не буду называть по имени, но читатели сами догадаются, кто они. Между нами есть люди слабоумные и не тверды въ самомъ себѣ. Между такими-то людьми и поселяется, по обыкновенію, всякая иностранная сволочь (sic) и начинаетъ смущать ихъ несуразными проповѣдями. Явились люди, которые послушались ихъ словъ, и по деревнямъ и селамъ нашихъ южныхъ губерній начала быстро рости и распространяться такъ называемая штунда" (стр. 9). Авторъ объясняетъ распространеніе этой „полужидовской ереси" (sic) „вліяніемъ ложнаго страха передъ какимъ-то фантастическимъ завоевателемъ". Далѣе разсказывается исторія русской женщины Натальи-отравительницы и предлагается читателю поступать такъ и съ внутренними врагами. *Третій мотивъ*: чертовщина. Еслибъ подсчитать, сколько существуетъ въ лубочной литературѣ такихъ книжекъ, въ которыхъ фигурируютъ въ качествѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ черти и вообще сверхъестественныя силы, то, безъ сомнѣнія, цифры получились бы возмутительно-громадныя и невѣроятныя. Существуетъ масса книгъ, читающихся на-расхват вбивающихъ въ голову читателя, что нечистая сила—фактъ, съ ко рымъ нельзя не считаться, что она въ насъ и вокругъ насъ, что не можетъ не быть, и т. д. Нечистые духи фигурируютъ въ качест такихъ же дѣйствующихъ лицъ, какъ люди, которые какъ бы пред гаютъ вѣрить имъ и, во всякомъ случаѣ, не разувѣряютъ. Если прин въ разсчетъ, что, кромѣ суевѣрій, не аппробированныхъ даже ср образованнаго общества, существуютъ еще суевѣрія аппробированн то не трудно понять, въ чемъ состоитъ и какова роль народн

книжекъ съ чертовщиной въ народной средѣ. Одни изъ самыхъ распространенныхъ книжекъ лубочной литературы—разсказы о *Громобоѣ* и *Панѣ Твардовскомъ*, проникнутыя чертовщиной самаго недвусмысленнаго свойства. Недавно Губановымъ издано „старинное народное преданіе" *Приключенія отставного солдата Архипа Кузьмича*, существующее во многихъ варіантахъ даже въ литературѣ для „чистыхъ господъ". Сущность разсказа заключается въ томъ, какъ отставной солдатъ выживалъ нечистую силу изъ какого-то помѣщичьяго дома. Какъ водится, помогли ему въ этомъ благомъ дѣлѣ свѣтлыя силы. Благочестивый читатель съ удивленіемъ узнаетъ, что эти послѣднія не только помогали солдату въ борьбѣ съ чертями, но и угощали его водкой и пивомъ и скоромными пирогами (стр. 25). Вообще отношенія автора книжки къ нечистой силѣ, равно какъ и его религіозныя понятія нельзя не назвать, по меньшей мѣрѣ, странными. „Какой пакостникъ этотъ чортъ,—говоритъ, напримѣръ, солдатъ,—только и хлопочетъ о томъ, чтобъ православнаго соблазнить! Ахъ, кабы Царь Небесный послалъ мнѣ гдѣ-нибудь встрѣтиться съ чортомъ! Ужь я бы ему это припомнилъ" (стр. 21). Описанію чертей и чертовскихъ навожденій и посвящена вся книжка. Авторъ не только описываетъ, а смакуетъ (стр. 70—71). Въ концѣ-концовъ, за счастливую борьбу съ нечистою силой солдатъ попадаетъ въ рай (стр. 100). Характерна въ книжкѣ причина, почему поселилась нечистая сила въ помѣщичьемъ, княжемъ домѣ: потому, что князь скверно обошелся съ рабочими,—„проучилъ ихъ по-свойски: передралъ всѣхъ до одного, велѣлъ выбросить деньги за работу и гнать въ три шеи". Вотъ за рабочихъ и вступился дьяволъ, такъ какъ никто больше не заступался.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ И КАЛЕНДАРИ.

„Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азіатскимъ владѣніямъ Россіи". *Н. А. Гурьева и В. А. Долгорукова.* — „Крестный календарь на 1896 г.". *А. Гатцука.*— „Современный календарь на 1896 г.". *А. Д. Ступина.*

Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азіатскимъ владѣніямъ Россіи, съ подробнымъ дорожникомъ. Описаніе городовъ и разныхъ мѣстностей. Достопримѣчательности. Свѣдѣнія о рѣчныхъ и сухопутныхъ сообщеніяхъ. Судопроизводство и судоустройство. Спутникъ по минеральнымъ водамъ Азіатской Россіи. Составленъ подъ редакціей В. А. Долгорукова (Н. А. Гурьевымъ и В. А. Долгоруковымъ). Изданіе В. А. Долгорукова. Томскъ, 1895 г. Цѣна 75 коп., на лучшей бумагѣ 1 руб. Быстро подвигающаяся на дальній Востокъ постройка „великаго сибирскаго желѣзнодорожнаго пути", развитіе пароходныхъ сообщеній по рѣкамъ Сибири, предположенное продленіе въ глубь Средне-Азіатскихъ владѣній закаспійской и уральской желѣзныхъ дорогъ, удобства сообщенія съ адивостокомъ черезъ Одессу на пароходахъ Добровольнаго флота льно оживили интересъ къ столь недавно еще почти недоступнымъ я путешественниковъ окраинамъ Россіи. До сихъ поръ отправлялись да по доброй волѣ только люди, привлекаемые выгодами служебны- и торговыми. Теперь значительная часть Азіатской Россіи уже сво-дно доступна для обыкновенныхъ туристовъ, людей просто любознальныхъ, а не спеціалистовъ ученыхъ и изслѣдователей. И какъ нельзя лѣе во-время появляется въ свѣтъ первый *Путеводитель по всей Си-*

бири и Средне-Азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Въ предисловіи издатель говоритъ: „Сознаемся, это только слабая попытка дать справочную, доступную по цѣнѣ, дорожную книгу о Сибири (и, насколько было возможно вообще, о всей Азіатской Россіи). Но мы разсчитываемъ пополнить всѣ пробѣлы, которые окажутся въ настоящемъ выпускѣ, при второмъ его изданіи“. Свѣдѣнія о городахъ, лежащихъ на путяхъ сообщенія съ далекимъ Востокомъ, вполнѣ удовлетворительны для лицъ, ѣдущихъ въ эти страны. Къ *Путеводителю* приложенъ *Адресъ-календарь* двухъ городовъ: Красноярска и Томска,—„на первый разъ, въ видѣ опыта“,—какъ говорятъ составители. Было бы очень желательно, чтобы въ *Путеводитель* вошли при слѣдующихъ изданіяхъ *Адресъ-календари* всѣхъ крупныхъ городовъ Азіатской Россіи. Сдѣлать это издатель можетъ, только измѣнивши и внѣшность, и содержаніе адреснаго отдѣла. Шрифтъ необходимо взять для него очень убористый; сообщаемыя въ немъ свѣдѣнія надо, по возможности, сократить и совсѣмъ исключить все, имѣющее характеръ публицистическій и обличительный. Примѣръ: о гостиницахъ Красноярска расписано на двухъ страницахъ то, что можно и *должно* сказать въ двухъ строчкахъ, а именно: всѣ гостиницы плохи, грязны, ѣды въ нихъ не добьешься; ресторановъ нѣтъ; меблированныя комнаты дрянныя. Обличенію магазиновъ посвящена страница,—достаточно трехъ словъ: цѣны неимовѣрно дорогія. Гостиницы слѣдуетъ отмѣчать только лучшія,—до „постоялыхъ дворовъ“ туристамъ нѣтъ дѣла. Перечислять магазины нѣтъ никакой надобности, достаточно отмѣтить важнѣйшіе,—книжные, при которыхъ есть библіотеки для чтенія. О музеѣ, театрѣ, городскомъ садѣ сказано много лишняго и ненужнаго, могущаго интересовать только мѣстныхъ жителей. *Адресъ-календарь* гор. Красноярска занимаетъ 22 стр.,—при мелкой и убористой печати въ двѣ колонки, его можно умѣстить на двухъ страницахъ. Адресы гор. Томска занимаютъ 30 стр. Къ *Путеводителю* приложены портреты и біографіи Н. М. Ядринцева, П. П. Ершова, Г. Н. Потанина, Г. И. Шелехова, эмира Бухарскаго. Въ *Путеводитель* такія біографіи едва ли умѣстны. Занятое ими мѣсто лучше отвести для свѣдѣній, болѣе необходимыхъ путешественникамъ. Въ объявленіи о 2-мъ изданіи обѣщаны портреты: гр. Муравьева-Амурскаго, М. М. Сперанскаго, поэта Омулевскаго и др. и, кромѣ того, „адресъ-календарныя свѣдѣнія“ о Томскѣ, Красноярскѣ, Тобольскѣ и Иркутскѣ. Настаиваемъ на выраженномъ нами выше мнѣніи о необходимости измѣнить содержаніе и форму такихъ свѣдѣній и увеличить ихъ свѣдѣніями по другимъ городамъ. Въ *Путеводитель* 370 стр., при перемѣнѣ шрифта на болѣе убористый, при исключеніи изъ него всего ненужнаго въ справочной, дорожной книгѣ, на тѣхъ же 23 печатныхъ листахъ можно умѣстить вдвое, если не втрое, больше полезныхъ свѣдѣній, и тогда книга эта будетъ на самомъ дѣлѣ путеводителемъ по *всей* Сибири. Настоящій выпускъ изданъ роскошно и цѣна за него назначена весьма умѣренная. Дорожныя указанія составлены оче[нь] основательно и дѣльно.

Крестный календарь на 1896 годъ А. Гатцука. Москва. Цѣ[на] 15 коп. На обложкѣ календаря съ лѣвой стороны напечатано: „1800 Академіи наукъ дана *привилегія* на изд. календарей для удешевлен[ія] ихъ. 1865 г. разрѣшено всѣмъ изданіе календарей. 1869 г. прекращ[е]но изд. акад. мѣсяцеслова“. Однимъ изъ первыхъ издателей, воспол[ь]зовавшихся разрѣшеніемъ 1865 г. издавать календари, былъ А. Гатцукъ, выпустившій тогда же первый *Крестный календарь* по н

бывало дешевой цѣнѣ. Теперь календарь этотъ вступаетъ въ 31 годъ своего существованія, оставаясь вѣрнымъ тому типу, какой далъ ему его основатель, и сохраняя полноту свѣдѣній, желательныхъ въ календарѣ. Въ существенно измѣненномъ и сокращенномъ видѣ напечатано,—какъ въ этомъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ календаряхъ,—росписаніе желѣзныхъ дорогъ съ обозначеніемъ разстояній между станціями и безъ указанія цѣнъ за проѣздъ, такъ какъ по „новому пассажирскому тарифу" плата за проѣздъ назначена однообразная по числу верстъ и съ пониженіемъ при увеличеніи разстоянія. Правила пользованія „новымъ тарифомъ" помѣщены въ *Календарѣ.* Отмѣчая некрологи извѣстныхъ лицъ, умершихъ въ истекшемъ году (съ 1 іюля 1894 г. по 1 іюля 1895 г.), *Крестный календарь* даетъ портреты нѣкоторыхъ изъ нихъ, а также портреты лицъ, получившихъ за это время высшія назначенія въ государственномъ управленіи. Всѣ эти портреты неудовлетворительны, равно какъ и другіе политипажи, изображающіе выдающіяся событія. Въ прежнихъ выпускахъ того же календаря они были исполнены тщательнѣе и чище.

Современный календарь на 1896 годъ. А. Д. Ступина. Годъ 7-й. Москва. Цѣна 15 коп. Календарь г. Ступина издается въ такомъ же форматѣ (in 4°), какъ *Крестный календарь А. Гатцука,* и отличается отъ него очень немногимъ, — между прочимъ, тѣмъ, что г. Ступинъ даетъ въ своемъ изданіи изъ года въ годъ по двѣ страницы маленькихъ медальонныхъ портретовъ лицъ, пріобрѣтшихъ извѣстность въ наукѣ и литературѣ. На этотъ разъ приложены на одной страницѣ портреты публицистовъ, критиковъ и историковъ, на другой—дѣятелей духовнаго просвѣщенія и литературы. Портреты, приложенные къ некрологамъ, очень неудовлетворительны. По поводу одного изъ календарей на текущій 1895 годъ мы говорили, что давно пора бы составителямъ календарей совсѣмъ выкинуть *Предсказанія Брюсова календаря,* сплошь выдуманныя, никому не нужныя и нелѣпыя. Предсказанія эти ежегодно перепечатываются во многихъ календаряхъ и занимаютъ безполезно мѣсто. О достоинствѣ и степени достовѣрности такихъ, якобы Брюсовыхъ, предсказаній можно судить по тому, какъ они напечатаны въ лежащихъ передъ нами календаряхъ г. Ступина и А. Гатцука. Въ первомъ: „Предсказанія общія: весна тихая и пріятная, хорошіе всходы хлѣба. Лѣтомъ—жары и засуха. Осень—умѣренная, благопоспѣшная плодамъ земнымъ. Зима — вездѣ будетъ много хлѣба и вино будетъ дешево. Предсказанія частныя: воцарится великій государь, и процвѣтутъ художества и торговля во всѣхъ державахъ. Рожденіе знаменитаго принца въ нѣкоторомъ государствѣ". Въ календарѣ А. Гатцука, послѣ „рожденія знаменитаго принца въ одномъ государствѣ", значится: „Одна принцесса прославится своими дарованіями и обратитъ на себя вниманіе всей Европы". Чей же „Брюсъ" достовѣрнѣе, Гатцуковъ съ принцемъ и съ принцессой или Ступинскій съ однимъ принцемъ „въ нѣкоторомъ государствѣ"? Еще большую разницу можно указать „въ предсказаніяхъ" погоды по мѣсяцамъ и числамъ. Весь этотъ вздоръ давно пора бросить.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русское Богатство“, *августъ*. — „Сѣверный Вѣстникъ“, *сентябрь*. — „Вѣстникъ Европы“, *сентябрь*.

„Лишній человѣкъ“—специфическій продуктъ русской дѣйствительности. На Западѣ въ теченіе всей его многовѣковой и бурной исторіи вы напрасно стали бы искать такого психологическаго чудовища, какъ „лишній человѣкъ“; тамъ бывали борцы, не находившіе примѣненія своимъ силамъ среди враждебной имъ дѣйствительности; тамъ бывали люди, далеко опередившіе своихъ современниковъ и потому не находившіе отзыва и сочувствія своимъ стремленіямъ, но лишнихъ людей тамъ не было. Только особыя свойства славянской натуры вообще и русской въ особенности, въ соединеніи со спеціальными особенностями развитія русскаго общества, могли создать русскихъ лишнихъ людей. Развивавшіяся въ теченіе тысячелѣтняго историческаго процесса пассивность, безволіе, апатичность и смиреніе въ русскомъ человѣкѣ соединились съ его малою культурностью, съ его возвышенными идеалистическими запросами, съ его замѣчательною прямолинейностью въ идеяхъ и въ стремленіяхъ, съ его требованіями отъ жизни или всего, или ничего, наконецъ, съ отсутствіемъ у него способности надлежащимъ образомъ приспособлять среду къ своимъ требованіямъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ отсутствіемъ способности приспособляться къ ней и самому,—такъ что у него почти всегда выходитъ не настоящее приспособленіе къ средѣ, въ которомъ все же, несмотря на всю позорность и антипатичность такого приспособленія, есть нѣчто активное, а просто вялое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полное мрачнаго отчаянія и иногда негодованія подчиненіе. Соединеніе всѣхъ этихъ свойствъ создавало и, вѣроятно, еще долго будетъ создавать ту разновидность человѣческихъ существъ, которую у насъ принято называть „лишнимъ человѣкомъ“. Тѣ же изъ этихъ свойствъ, которыя слѣдуетъ признать высокопрогрессивными и которыя подаютъ надежду и даже увѣренность въ неизсякаемости живыхъ источниковъ въ русской душѣ и въ русской дѣйствительности,—прямолинейность, неспособность къ компромиссамъ, высокіе запросы отъ жизни, требованіе отъ нея или всего, или ничего,—повели къ тому, что общественное мышленіе зачислило въ одинъ общій разрядъ „лишнихъ людей“—людей самыхъ различныхъ по существу типовъ. Для общественнаго мышленія Рудины и Михалевичи такіе же лишніе люди, какъ и Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, хотя между двумя этими типами, очевидно, дистанція огромнаго размѣра. Рудины и Михалевичи—продукты русской дѣйствительности настолько же, какъ и Гамлетъ Щигровскаго уѣзда; но въ нѣкоторые изъ періодовъ европейской исторіи Рудины и Михалевичи были и тамъ, на Западѣ, довольно обычнымъ явленіемъ и тамъ никто не думалъ называть ихъ лишними людьми, да и сами они не считали себя таковыми. О[н] страдали, боролись, проповѣдывали въ пустынѣ, но не стыдились сво[ей] проповѣди и не казнили себя за нее. Случалось, что ихъ побива[ли] камнями, что ихъ жгли на кострахъ, но слово ихъ,—могучее челов[ѣ]ческое слово,—звучало не безполезно и не безплодно и никакой евр[о]пейскій Добролюбовъ не рѣшился бы зачислить ихъ въ разрядъ „лиш[]нихъ“ или въ разрядъ Обломовыхъ. Только наша родная требовател[ь]ность, наша прямолинейность могли на время забыть, что, въ сущ[]ности говоря, это они, эти безконечные болтуны, Рудины и Михал[е]

вичи, сдѣлали то, что крѣпостное право было уничтожено. Только тѣ же требовательность и прямолинейность заставили Рудиныхъ, въ концѣ-концовъ, точно устыдиться своей проповѣди и привести ихъ къ полному отчаянія молчанію. У одного изъ нашихъ крупныхъ писателей вырвались какъ-то такія поистинѣ трагическія слова: „Хорошо общеніе съ много пожившими и много подумавшими людьми, которые молчатъ!... Хорошая это черта въ русской натурѣ, но еще большой вопросъ, выигрышъ ли это для прогрессивнаго развитія общества?“

Типъ лишняго человѣка у насъ въ Россіи — типъ не умирающій, хотя разновидности его могутъ быть разнообразны до безконечности. Каково бы ни было, впрочемъ, разнообразіе разновидностей этого типа, всѣ онѣ болѣе или менѣе приводятся къ двумъ основнымъ: къ устыдившемуся своей проповѣди или, лучше сказать, устыдившемуся безплодности этой проповѣди Рудину и къ Гамлету Щигровскаго уѣзда. Это поистинѣ безсмертные типы и потому-то они такъ часто и повторяются. Видоизмѣненіе первой изъ этихъ разновидностей изобразилъ г. Вересаевъ въ любопытной во многихъ отношеніяхъ повѣсти *Безъ дороги* (*Русское Богатство*, іюль — августъ). Герой повѣсти, земскій врачъ,—это именно „замолчавшій“ человѣкъ. Онъ замолчалъ до того основательно, что живые разговоры съ хорошею, стремящеюся къ живой дѣятельности дѣвушкой ему крайне непріятны. „Съ величайшимъ удовольствіемъ,—говоритъ онъ,—прочту книгу по этому вопросу, не прочь и поговорить о немъ, но пусть для моего собесѣдника, какъ и для меня, вопросъ этотъ будетъ холоднымъ, теоретическимъ вопросомъ. Наташа же вноситъ въ дѣло слишкомъ много страстности и мнѣ становится неловко“. Когда Наташа видитъ въ дѣятельности врача глубокую идейную подкладку, когда она говоритъ *о долгѣ народу, о дѣлѣ, объ идеѣ*,—эти слова рѣжутъ ея собесѣднику ухо, какъ визгъ стекла подъ тупымъ шиломъ. „Напрасно я стараюсь убѣдить себя,—продолжаетъ герой,—что есть что-то болѣзненное въ моей боязни къ высокимъ словамъ; на душѣ скверно и стыдно, какъ будто я изъ желанія пустить пыль въ глаза нарядился въ богатое чужое платье...“ Герой повѣсти совсѣмъ не извѣрившійся въ свои идеалы человѣкъ, совсѣмъ не разочарованный и даже совсѣмъ не „лишній“ человѣкъ въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ этотъ терминъ, хотя для публики, для общественнаго мышленія онъ, несомнѣнно, принадлежитъ къ разряду лишнихъ. Онъ просто одинъ изъ замолкнувшихъ. И самъ онъ не вполнѣ ясно сознаетъ причины своего молчанія. „Къ чему мнѣ мое честное и гордое міросозерцаніе, что оно мнѣ даетъ? — спрашиваетъ онъ себя.— Оно уже давно мертво; это не любимая женщина, съ которой я живу одною жизнью,—это лишь ея трупъ, и я страстно обнимаю этотъ прекрасный трупъ и не могу, не хочу вѣрить, что онъ нѣмъ и безжизненно холоденъ... Но почему же въ немъ нѣтъ жизни? Не потому ли, что все мое внутреннее содержаніе лишь красивыя слова, въ которыя я самъ не вѣрю? Но развѣ можно *бояться словъ* больше, чѣмъ я боюсь, развѣ можно вѣрить больше, чѣмъ я вѣрю? Я не лишній человѣкъ. Я ненависть чувствую ко всѣмъ этимъ тунеядцамъ... Меня не пугаетъ нужда, не пугаетъ трудъ; я съ радостью пойду на жертву.. и, все-таки... пусто и мертво въ сердцѣ; *жизнь молчитъ*, какъ могила“. Въ этихъ послѣднихъ словахъ: „жизнь молчитъ“—вся разгадка явленія для героя. „Жить и ничего не видѣть впереди, блуждать въ темнотѣ, горько упрекать себя за то, что нѣтъ у тебя сильнаго ума, который бы вывелъ на дорогу... Жить для дру-

гихъ, работать для другихъ!... Все это слишкомъ обще. Ты (Наташа) хочешь идеи, которая бы наполнила всю жизнь, которая бы захватила тебя цѣликомъ и упорно вела къ опредѣленной цѣли... Но со мною то же, что съ тобой; *я не знаю*,—въ этомъ вся мука... Не я одинъ такой; все теперешнее поколѣніе переживаетъ то же, что я; у него *ничего нѣтъ*,—въ этомъ его ужасъ и проклятіе. Безъ дороги, безъ путеводной звѣзды оно гибнетъ невидно и безповоротно. Безвременье придавило всѣхъ и напрасны отчаянныя попытки выбиться изъ-подъ его власти".

Въ концѣ-концовъ, герой повѣсти г. Вересаева такъ же, какъ Рудинъ на баррикадахъ, умираетъ, убитый тою самою толпой, на служеніе которой онъ отдалъ послѣднія силы своего истомленнаго общественнымъ молчаніемъ организма, своей насильственно задавленной и замолчавшей души. Смерть его была прекрасна и предъ ней онъ ясно созналъ, что онъ дѣйствительно не былъ лишнимъ, что если онъ и не съумѣлъ жить, то съумѣлъ умереть. Онъ говоритъ Наташѣ, чтобъ „она любила людей, любила народъ, что не нужно отчаяваться, нужно много и упорно работать, нужно искать дорогу, потому что работы страшно много... И теперь мнѣ не стыдно говорить эти *высокія* слова... Тихая радость овладѣваетъ мною и я думаю о томъ, какъ много въ жизни хорошаго и какъ хорошо умирать..." Да, безспорно, такъ умирать хорошо; такое предсмертное просвѣтленіе прекрасно и даже высоко-эстетично и, тѣмъ не менѣе, оно, все-таки, только просвѣтленіе, т.-е. предполагаетъ, что раньше-то, до него, былъ мракъ, было уныніе, была настоящая смерть. Отчего? Безвременье задавило, ничего нѣтъ! Но надо помнить, что было же время, когда у насъ, среди той же *молчащей* жизни, раздавались гордыя слова: „Зачѣмъ я буду зависѣть отъ обстоятельствъ, пусть лучше обстоятельства отъ меня зависятъ..." Трудно съ большею реальностью, чѣмъ это сдѣлалъ г. Вересаевъ, намекнуть на основную причину молчанія человѣческой души и стыда предъ произношеніемъ высокихъ словъ, хотя, можетъ быть, авторъ и не вполнѣ ясно понимаетъ эту основную причину. А причина состоитъ именно въ нашей прямолинейности, въ нашей требовательности. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, все только хорошо умирать; въ исторіи всякаго народа бываютъ и такіе моменты, когда умирать не приходится, не изъ-за чего, и когда надо *хорошо жить*, потому что и въ такіе не героическіе моменты остается всецѣло дѣйствующимъ положеніе о необходимости много и упорно работать, о необходимости искать дорогу. Въ томъ-то и дѣло и въ томъ-то весь трагизмъ положенія героевъ, вродѣ героя повѣсти г. Вересаева, что они страшно неуклонны и прямолинейны. Не въ упрекъ имъ мы, конечно, говоримъ это. Нѣтъ, предъ ихъ подвигомъ, предъ ихъ геройскою смертью мы преклоняемъ голову; но какъ жаль, что они не могли жить и замолчали! Тутъ все дѣло не въ приспособленіи къ средѣ, а въ приспособленіи къ себѣ, къ своимъ основнымъ идеаламъ этой среды. Изъ того, что методы осуществленія ихъ идеаловъ оказались мало пригодным отнюдь не слѣдуетъ, что „честное и гордое" міросозерцаніе ниче не даетъ, что оно „давно мертво", а лишь то, что негодные мето должны быть замѣнены иными, болѣе дѣйствительными. Методъ, вѣ не идеалъ и идеалъ можетъ быть достигнутъ при посредствѣ разных сообразованныхъ съ условіями среды, методовъ. Не ждать же въ момъ дѣлѣ такого момента, когда *хорошо* умирать. Существованіе кихъ моментовъ не отъ воли человѣческой зависитъ. Но за то о

человѣческой воли зависитъ не зависѣть объ обстоятельствъ и заставить ихъ отъ себя зависѣть. И именно прямолинейность и смѣшиванiе метода достиженiя идеала съ самимъ идеаломъ не позволяютъ человѣку сказать о себѣ эти гордыя слова... И потомъ боязнь *высокихъ* словъ... Это очень характерное явленiе для молчальниковъ. Оно указываетъ на требованiе отъ жизни всего или ничего, и, главное, сейчасъ же, немедленно. Герой г. Вересаева и просвѣтленiе-то чувствуетъ только потому, что въ его трагической смерти дѣло непосредственно послѣдовало за словомъ. А правду сказать, такое непосредственное послѣдованiе дѣла за словомъ имѣетъ мѣсто только въ очень рѣдкiе историческiе моменты, изъ чего опять-таки не слѣдуетъ, чтобы за словомъ не слѣдовало въ тотъ или другой промежутокъ времени и дѣло, и, притомъ, слѣдовало бы непремѣнно и неизбѣжно. Основная болѣзнь устыдившихся и замолчавшихъ Рудиныхъ состоитъ именно въ невѣрiи въ могущество человѣческаго слова, въ могущество идеи, какъ силъ самостоятельныхъ, неизбѣжно ведущихъ къ дѣлу, хотя бы и въ позднѣйшую историческую эпоху. Безъ Рудиныхъ, повторяемъ, не было бы, можетъ быть, и той новой Россiи, въ которой мы живемъ... И потому и новымъ видоизмѣненiямъ этого типа нѣтъ никакой причины „стыдиться“ *высокихъ* словъ и молчать, хотя бы за ихъ словомъ и не слѣдовало дѣла. Отсутствiе ихъ слова—прямой и непосредственный проигрышъ для общественнаго развитiя,—проигрышъ, непополнимый никакими героическими смертями. Прямолинейность и требовательность—великiя душевныя качества; они неизсякаемые источники жизни и движенiя; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они иногда могутъ быть и сильными тормазами прогрессивнаго движенiя. Повторяемъ, что не всегда же нужно хорошо умирать и всегда нужно хорошо и полно, всею душой, всѣмъ сердцемъ жить. Проповѣдь хорошей смерти — большая проповѣдь и сильно дѣйствующая, а проповѣдь хорошей и полной жизни большое дѣло.

Вышеприведенныя замѣчанiя далеко не исчерпываютъ всего интереснаго въ повѣсти г. Вересаева. Очень хороши и реальны описанiя борьбы героя съ народнымъ мракомъ и невѣжествомъ. Сцена его посѣщенiя перваго холернаго больного очень хороша; также хороши и сцены въ больницѣ... Но самая сцена убiйства доктора толпой кажется намъ навѣянной автору теорiей, въ основанiи ея нѣтъ, по нашему мнѣнiю, живыхъ наблюденiй дѣйствительности. Въ ней есть все, что слѣдуетъ быть по теорiи: и толпа, и герой-фабричный, который, не разобравъ дѣла, наноситъ первый случайный ударъ. Нѣтъ только одного и самаго главнаго — жизненности. Мы не говоримъ о томъ, вѣрна или не вѣрна самая теорiя массовыхъ движенiй, которая руководила рукой автора, когда онъ писалъ эту сцену. Не думаемъ утверждать и того, что художникъ или беллетристъ не вправѣ руководиться въ своемъ творчествѣ тою или иною теорiей. Мы просто хотимъ сказать, что въ сценѣ, нарисованной г. Вересаевымъ, отсутствуютъ нѣкоторыя необходимыя черты и потому она вышла ненатуральна, не жизненна. Дѣло въ томъ, что во всякомъ массовомъ движенiи должно имѣться налицо одно основное настроенiе и должно всецѣло владѣть толпой, съ исключенiемъ всѣхъ иныхъ настроенiй. Разъ такое охватывающее, цѣльное настроенiе толпы нарушается чѣмъ-либо, разъ въ него привходитъ какое-либо иное настроенiе, чуждое или даже враждебное, противуположное съ прежнимъ, дѣйствiе не совершается или совершается иное дѣйствiе. У г. Вересаева съ толпой произошло имен-

но нѣчто въ этомъ родѣ: она, преисполненная сдержаннаго и свирѣпаго гнѣва, послѣ довольно мирной, хотя и не разрушившей недовѣрія бесѣды съ докторомъ, приходитъ въ нѣсколько иное, чѣмъ прежде, настроеніе; она шутитъ и смѣется, „гогочетъ". Цѣльность настроенія разрушена. Смѣхъ и остроты плохо уживаются въ душѣ толпы съ гнѣвомъ и звѣрскою свирѣпостью... Помните у Некрасова:

„У каждаго крестьянина... Душа, что туча черная... Гнѣвна, грозна и надо бы... громамъ гремѣть оттудова... кровавымъ лить дождямъ".

А кончается тѣмъ, что „разсмѣялась добрая... крестьянская душа".

И вотъ, когда она разсмѣялась, то ни грому, ни кровавыхъ дождей, пожалуй, и не произойдетъ. У г. Вересаева разсмѣявшаяся толпа при первомъ случайномъ ударѣ, все-таки, свирѣпѣетъ и производитъ злодѣйство... Выходитъ не совсѣмъ натурально и сцена, которая должна бы быть потрясающей, не потрясаетъ и оставляетъ насъ холодными.

Въ вопросѣ о массовыхъ движеніяхъ, преступныхъ или возвышенныхъ, самую главную и, можно сказать, рѣшающую роль играетъ всеохватывающее и исключающее всѣ другія настроенія толпы. Вопросъ только въ томъ, сознательно ли такое настроеніе, или нѣтъ. Намъ думается, что разсужденія г. Фр. Соллогуба, автора статьи: *Изъ прошлаго. Къ психологіи массовыхъ движеній*, сводятся къ тому, чтобы признать такое настроеніе сознательнымъ, хотя бы и имѣющимъ свое основаніе въ ложныхъ взглядахъ, въ мнимомъ знаніи, завѣщанномъ толпѣ, можетъ быть, отдаленными предками, стало быть, въ томъ, что называется обыкновенно невѣжествомъ толпы. Что же такое въ самомъ дѣлѣ невѣжество, какъ не знаніе, только не истинное, а ложное? Несомнѣнно,—говоритъ авторъ,—что общія причины, создавшія почву для холерныхъ безпорядковъ, разнообразны и коренятся какъ въ далекомъ прошломъ, такъ и въ обстоятельствахъ недавнихъ. Но почему возбужденіе толпы, вызванное настроеніемъ ея, созданнымъ общими причинами, направилось противъ врачей,—это вопросъ, для разрѣшенія котораго нѣтъ еще достаточныхъ матеріаловъ. Одно только можно сказать, что основная причина этого состоитъ въ умственной темнотѣ толпы. И, однако, умственная-то темнота—умственною темнотой, но и мы, не страдающіе темнотой, не безъ грѣха въ этомъ великомъ народномъ грѣхѣ. У насъ,—продолжаетъ авторъ,— многіе держатся нѣсколько страннаго взгляда на обывателя и въ особенности сѣраго. Исходя изъ того положенія, что темный человѣкъ дитя, а дитя — это воскъ, изъ котораго можно лѣпить что угодно и требуетъ за собой ухода и попеченія, мы въ своихъ мѣропріятіяхъ руководствуемся не законами и указаніями историческаго опыта, а педагогическими теоріями, и, притомъ, не умными. Самое основаніе такой системы дѣйствій,—уподобленіе темнаго человѣка ребенку,— есть положеніе рискованное. Только при взглядѣ на сѣрую толпу издали она представляетъ однообразный сѣрый цвѣтъ. Вблизи же этотъ сѣрый цвѣтъ есть оптическій обманъ; каждый индивидъ изъ этой сѣрой массы есть человѣкъ съ опредѣленнымъ характеромъ, темпераментомъ, идеями и вѣрованіями. А, кромѣ того, плечами этой толпы такъ же, какъ и у насъ, стоитъ тысячелѣт историческое прошлое, оставившее на ней свой слѣдъ. И понятно, бороться съ этимъ прошлымъ, — разъ оно оказывается ведущимъ вреднымъ общественнымъ послѣдствіямъ, даже къ безсмысленнымъ звѣрскимъ преступленіямъ,—можно не мѣропріятіями сомнительнаго п дагогическаго свойства и не мѣрами подавленія, а только посредств сообщенія толпѣ истинныхъ соціологическихъ и естественно-истори

скихъ знаній. Противъ настроенія, созданнаго ложнымъ знаніемъ, можетъ быть выставлено, какъ орудіе борьбы, только истинное знаніе. Противъ сознанія, основаннаго на ложныхъ идеяхъ, можетъ стать только сознаніе, построенное на знаніяхъ истинныхъ. Г. Соллогубъ анализируетъ три случая изъ своей практики судебнаго слѣдователя. Случаи эти достаточно разнообразны, но общее въ нихъ то, что въ нихъ объектами слѣдствія является толпа и что во всѣхъ нихъ эта толпа находится во власти настроенія, общаго ей, захватившаго ее цѣликомъ и созданнаго сознательнымъ процессомъ ложнаго мышленія и ложными знаніями. Сила такого настроенія столь велика, что она доводитъ людей до нѣкоторой галлюцинаціи, что они видятъ то, чего, въ сущности, и не было, что они самымъ добросовѣстнымъ образомъ даютъ очевидно ложныя показанія. Въ одномъ изъ приводимыхъ г. Соллогубомъ случаевъ, въ дѣлѣ объ избіеніи евреевъ и грабежѣ и уничтоженіи ихъ имущества, мотивы настроенія не простые, а сложные, характера отчасти религіознаго, а отчасти экономическаго. Но такая сложность мотивовъ не измѣняетъ дѣла, она отнюдь не противорѣчитъ сознательности дѣйствій толпы,—сознательности, основанной на ложныхъ идеяхъ и мнимыхъ знаніяхъ. „По отношенію къ экономической роли евреевъ,—замѣчаетъ г. Соллогубъ,—народная темнота, неспособность разобраться въ сложныхъ общественныхъ условіяхъ, незнакомство съ исторіей создаютъ почву, на которой выростаетъ не мало печальныхъ явленій. Темный человѣкъ не можетъ подняться до причинъ явленій, онъ чувствуетъ тяжесть факта и дѣйствуетъ подъ его давленіемъ". Неспособность разобраться въ общественныхъ явленіяхъ обусловливается, несомнѣнно, отсутствіемъ настоящихъ знаній и подмѣной ихъ знаніями ложными, и мы, вмѣсто словъ: „темный человѣкъ не можетъ подняться до причинъ явленій", употребили бы другія: онъ поднимается и поднимется непремѣнно до причинъ явленій, на то онъ и человѣкъ и обладаетъ человѣческимъ мышленіемъ, но причины-то онъ по своему незнанію ищетъ не тамъ, гдѣ ихъ искать слѣдуетъ. Выводы и заключенія, къ которымъ приходитъ г. Соллогубъ, не отличаясь особою оригинальностью, тѣмъ не менѣе, заслуживаютъ вниманія. „Это преступники особаго рода,—говоритъ онъ о дѣятеляхъ массовыхъ преступленій,—не подходящіе ни подъ одну статью уложенія и ждущіе своего спеціальнаго законодательства. При всей доказанности преступленія они могутъ возбуждать только тяжелое, грустное чувство за неправильно направленныя силы, за безвременно погибшую жизнь"... А притомъ, и судить-то такихъ преступниковъ если не невозможно, то крайне трудно. „Судебный матеріалъ, собранный при помощи обычныхъ способовъ изслѣдованія, совсѣмъ не представляетъ той степени достовѣрности, какая возможна при другихъ преступленіяхъ". Однимъ словомъ, такихъ преступниковъ не судить, а учить слѣдуетъ.

Если бы г. Соллогубъ далъ намъ только одинъ этотъ выводъ, ›рядъ ли его статья возбуждала бы большой интересъ. Въ ней, статьѣ этой, главный интересъ не юридическій, а соціологиче-й — указаніе на непреодолимость, на могущество общаго настрое-, созданнаго непремѣнно сознаніемъ, хотя бы, повторяемъ, и осно-чнымъ на ложныхъ идеяхъ. Что авторъ именно такъ смотритъ на ю, несмотря на нѣкоторую нерѣшительность и спутанность его вы-женій, это доказывается тою аналогіей, которую онъ видитъ въ йствіяхъ толпы и въ настроеніи и жизни культурнаго и интелли-тнаго слоя, въ переходахъ отъ прогрессивнаго, приподнятаго на-

строенія такого слоя къ регрессивному и низменному, къ безвременью. Интеллигентный слой, какъ и темная толпа,—говоритъ онъ,—можетъ быть охваченъ извѣстнымъ приподнятымъ или низменнымъ настроеніемъ, которое, *повидимому*, не вытекаетъ изъ условій данной исторической обстановки, а приходитъ какъ бы извнѣ и создается дѣйствіемъ какихъ-то невѣдомыхъ факторовъ. Такимъ періодомъ внезапнаго умственнаго подъема была прекрасная эпоха 60-хъ—70-хъ годовъ. Духовный подъемъ, которымъ было охвачено тогда наше общество, представляетъ всѣ признаки массоваго возбужденія, создавшаго чудную атмосферу добра, любви къ свѣту и къ ближнему. Вопросы о томъ, гдѣ причины такого подъема, какія историческія явленія создали его, пока не разрѣшимы; исторія, по мнѣнію автора, можетъ дать на нихъ только гадательный отвѣтъ. Съ увѣренностью можно сказать только то, что высокія стремленія этого времени были какъ будто разлиты въ воздухѣ. Человѣкъ вырабатывалъ ихъ не путемъ мысли и анализа, а вдыхалъ съ воздухомъ. Все высокое и хорошее *падготовлялось*, видимо, *издавна*. Каплю по каплѣ добрая фея исторіи собирала это высокое и хорошее, чтобы напоить имъ воздухъ этого благодатнаго времени. Собирательная работа доброй феи воплощалась въ извѣстныхъ историческихъ явленіяхъ, наприм., въ идеалистическомъ движеніи сороковыхъ годовъ (вотъ и отвѣтъ исторіи, совсѣмъ не гадательный, а вполнѣ достовѣрный и обоснованный. При чемъ же тутъ якобы *безсознательность* духовнаго подъема?). Опуская довольно яркую картину настроенія той эпохи, съ видимою любовью и даже съ восторгомъ нарисованную г. Соллогубомъ, приведемъ его заключительныя слова. Историческая волна идетъ на убыль, наступаетъ реакція,—не сразу, а понемногу. Появляется, наконецъ, господство разнузданнаго эгоизма, страха за сегодняшнее положеніе и трепета при мысли о смерти. Нарождаются философы и пророки безвременья; запуганная мысль разрабатываетъ идеи личнаго усовершенствованія, прячется въ аскетизмъ и мистику. Внимательно приглядываясь къ людямъ въ такіе періоды, когда одно теченіе смѣняется другимъ, діаметрально противуположнымъ, поражаешься не только рѣзкостью перемѣны, а и тѣмъ, что перемѣна дѣйствительная, а не притворство. Самая быстрота и рѣзкость перемѣны доказываютъ, что причина ея не въ работѣ мысли, не въ смѣнѣ одного міросозерцанія другимъ, а въ чемъ-то другомъ, лежащемъ внѣ человѣка. Чѣмъ объяснить такое явленіе, какъ не вліяніемъ разлитаго въ воздухѣ настроенія, которое можно назвать стихійнымъ *въ томъ смыслѣ, что причины его лежатъ глубоко и далеко* (въ данномъ случаѣ, можетъ быть, и не такъ далеко, какъ это кажется почтенному автору, хотя и несомнѣнно глубоко: въ идеяхъ и устояхъ крѣпостного состоянія общества, которые должны же были сказаться при извѣстныхъ, совершенно ясныхъ и легко опредѣлимыхъ историческихъ условіяхъ)?

Для внимательнаго читателя нѣтъ, мы полагаемъ, надобности о[...] навливаться на подробномъ анализѣ всѣхъ этихъ утвержденій г. [...] логуба, тѣмъ болѣе, что подобный анализъ потребовалъ бы очень [...] должительныхъ и сложныхъ разъясненій по вопросамъ о сущности [...] торическаго процесса, о возможности при извѣстныхъ историческ[...] условіяхъ и обстоятельствахъ вліянія личности и группъ личностей [...] настроеніе массы, о необходимой кратковременности такого вліяні[...] выплываніи наружу противуположныхъ, завѣщанныхъ прошлымъ [...] строеній при измѣнившихся условіяхъ и т. п. Понятно, что всѣ т[...]

разъясненія были бы, пожалуй, и не вполнѣ умѣстны въ краткихъ замѣткахъ о текущей журналистикѣ; да для внимательнаго читателя нашихъ обозрѣній они, пожалуй, и извѣстны,— по крайней мѣрѣ, въ ихъ сущности. Для насъ важно только указаніе г. Соллогуба на то, что нѣтъ „разницы между духовнымъ подъемомъ и паденіемъ въ интеллигентной средѣ и стихійнымъ возбужденіемъ темной толпы". И по нашему мнѣнію, нѣтъ разницы въ томъ смыслѣ, что оба эти психологическія массовыя явленія, въ сущности говоря, одинаково могущественны, непреодолимы и... сознательны. И то, и другое подготовляется личнымъ сознаніемъ, кристаллизовавшимся въ извѣстное массовое настроеніе. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть разница въ томъ смыслѣ, что первое, т.-е. настроеніе интеллигентной среды, болѣе подвижно и измѣнчиво и дѣйствуетъ или, лучше сказать, движется съ большею быстротой. Этому его свойству мы обязаны ускореніемъ прогресса въ странахъ молодыхъ, съ недавно усвоенною, заимствованною культурой. Это элементъ прогрессивный, даже въ періоды паденія, въ періоды смѣны настроеній; тогда какъ настроеніе толпы, какъ основанное на знаніяхъ, пріобрѣтенныхъ тысячу лѣтъ тому назадъ, и потому самому ложныхъ, есть элементъ застоя. Оба эти элемента неизбѣжно борятся и временная побѣда того или другого изъ нихъ—дѣло историческихъ условій, иногда довольно легко опредѣлимыхъ. Но окончательная побѣда никоимъ образомъ не можетъ остаться за настроеніемъ толпы. Именно это, и только это, и можно сказать съ „полною увѣренностью".

Самою характерною чертой для реакціонныхъ періодовъ можно считать то „молчаніе жизни", о которомъ говоритъ герой повѣсти г. Вересаева. Но дѣйствительно ли наша жизнь молчитъ? Не обманъ ли это нашего слуха, привыкшаго къ мрачному молчанію нашихъ ученыхъ и иныхъ кабинетовъ и отучившагося воспринимать голоса жизни? И въ самомъ дѣлѣ, жизнь говоритъ достаточно громко хотя бы въ тѣхъ же массовыхъ движеніяхъ, повторяющихся въ самыхъ разнообразныхъ формахъ все чаще и чаще. Правда, въ большинствѣ случаевъ, такія движенія суть явленія отрицательныя: это — голоса мрака и невѣжества. Но правильное воспріятіе даже такихъ голосовъ мрака можетъ дать намъ нѣчто положительное; да жизнь и не состоитъ, вѣдь, изъ однихъ отрицательныхъ явленій. Голоса жизни бываютъ и отрадные, полные энергіи и веселья; и, право, не вина жизни, что мы плохо слышимъ и еще хуже воспринимаемъ голоса такого рода. Извѣстно ли, наприм., читателю, что въ Херсонской губерніи, въ уѣздахъ Елизаветградскомъ и Александрійскомъ, существуетъ сильное, охватившее уже теперь значительные районы, движеніе артельное? Въ южнорусскихъ газетахъ, особенно въ одесскихъ, накопилось уже довольно матеріала для сужденія объ этомъ замѣчательномъ движеніи. Г. Левитскій, горячій, энтузіастическій пропагаторъ и иниціаторъ этого движенія, личность безспорно, судя по газетнымъ сообщеніямъ, выдающаяся, написалъ любопытный образцовый артельный договоръ для создающихся ...телей. Это любопытнѣйшій документъ для характеристики одного ...ъ теченій, происходящихъ въ народной жизни. Разбору артель...го договора г. Левитскаго г. Карышевъ посвящаетъ свои *Народнохозяйственные наброски*. Мы не будемъ слѣдовать за почтеннымъ ав...ромъ въ подробностяхъ этого разбора и замѣтимъ только, что, по ...шему мнѣнію, онъ не вполнѣ правъ, упрекая договоръ за чрезмѣр...е будто бы присутствіе въ немъ этическаго элемента. Этическій эле...нтъ въ артельномъ договорѣ настолько не соотвѣтствуетъ народ-

нымъ идеаламъ, народнымъ стремленіямъ, насколько и элементъ экономическій; онъ также не кабинетная выдумка, какъ и этотъ послѣдній; мало того, его присутствіе цѣнно, какъ указатель того, что движеніе вызывается не однѣми чисто-экономическими причинами (хотя, конечно, онѣ и составляютъ основную причину явленія), но и высшими духовными запросами южнорусскаго мужика. Формы этого этическаго элемента, можетъ быть, и окажутся въ жизни непригодными и при развитіи дѣла будутъ устранены жизнью, но дѣло, вѣдь, не въ формахъ, а въ значеніи явленія. Нѣкоторые изъ наблюдателей, имѣвшихъ возможность изучать явленіе на мѣстѣ, указывали намъ именно на этотъ этическій элементъ движенія, какъ на выдающійся; они отмѣчаютъ сильный духовный подъемъ въ населеніи, произведенный *одною идеей* о возможности жить въ артели по-божески, въ любви и согласіи. Разумѣется, духовный подъемъ не можетъ не имѣть важныхъ послѣдствій даже въ случаѣ экономической неудачи опыта.

Статья г. Карышева составлена на основаніи артельнаго договора и доклада г. Рагозина въ обществѣ содѣйствія промышленности и торговлѣ. Мысль о созданіи артелей возникла въ Херсонской губерніи десять лѣтъ назадъ (вотъ какъ давно уже раздаются голоса жизни!), но не осуществилась вслѣдствіе отсутствія средствъ. Теперь „общество“ постановило ходатайствовать о выдачѣ земледѣльческимъ артелямъ ссудъ изъ государственнаго банка, даже въ томъ случаѣ, если въ составъ ихъ входятъ недоимщики. Отмѣтимъ кстати любопытную черту въ отношеніяхъ къ артельному движенію высшихъ правительственныхъ учрежденій съ одной стороны и мѣстныхъ властей,—съ другой. Въ то время, какъ министры земледѣлія и финансовъ выражаютъ въ письмахъ къ г. Левитскому свое сочувствіе его дѣятельности, мѣстныя мелкія власти, въ большинствѣ случаевъ, относятся къ артелямъ почти враждебно. Очень это любопытная черта нашей общественности. Идея земледѣльческихъ артелей, — говоритъ г. Карышевъ, — живетъ у насъ уже около двухъ десятковъ лѣтъ; общественная мысль останавливается на ней съ теченіемъ времени все чаще и чаще и слѣдуетъ ожидать, что число типовъ и разновидностей артелей будетъ рости, благодаря крупнымъ хозяйственнымъ различіямъ въ разныхъ областяхъ. Херсонскій договоръ обладаетъ одною характерною чертой, которая позволяетъ предполагать его жизненность, цѣлесообразность, способность войти въ народную жизнь. Эта черта состоитъ въ томъ, что общіе его принципы не представляютъ ничего выдуманнаго, кабинетнаго, а почерпнуты изъ народной жизни, выработаны вѣковымъ опытомъ общинныхъ отношеній и составляютъ принадлежность народнаго міросозерцанія. Артель заимствовала у общины потребительный принципъ при раздѣлѣ продуктовъ. Ограниченія этого принципа заимствованы артелью изъ сферы трудовыхъ отношеній, также какъ и въ общинѣ. Далѣе, артельный договоръ, отнимая самостоятельность отдѣльной хозяйственной единицы, оставляетъ свободу р[аз]поряженія въ сферѣ потребительной. Эта черта цѣликомъ заимст[во]вана у общины. Это свойство основывать артели на почвѣ наличны[хъ] общинныхъ отношеній является весьма предусмотрительнымъ. Оно [по]казываетъ, что въ дѣлѣ организаціи артелей мы встрѣчаемся не [съ] теоретическимъ экспериментомъ, а съ нарожденіемъ такихъ союзов[ъ], которые близки къ прежнимъ традиціямъ ихъ членовъ. Договоръ ст[а]рается парализовать невыгоды мелкой культуры, направленъ къ вв[е]денію культуры болѣе крупной и стремится достигнуть этого путе[мъ]

сохраненія права собственности за земледѣльческою массой населенія. Задачи херсонскаго договора шире, полнѣе и смѣлѣе задачъ пермскихъ артелей. Въ этихъ послѣднихъ артельный принципъ распространяется только на орудія и скотъ, купленные на субсидіи; херсонскій же договоръ не дѣлаетъ различія между разными видами имущества артельщиковъ и требуетъ примѣненія артельнаго начала во всемъ объемѣ. „Потому результатъ опыта особенно интересенъ и тѣмъ больше отвѣтственность его организаторовъ".

Въ виду чрезвычайной важности производящагося въ Херсонской губерніи соціологическаго опыта, укажемъ на нѣкоторыя данныя, оставшіяся неизвѣстными г. Карышеву и имѣющія, по нашему мнѣнію, особое важное значеніе для вопроса о возможности удачи опыта. Дѣло въ томъ, что артели, какъ и слѣдуетъ ожидать, образуются изъ лицъ, не только не имѣющихъ орудій и скота, но и принадлежащихъ къ разряду почти безнадежныхъ недоимщиковъ. Понятно, какое значеніе имѣетъ это обстоятельство для вопроса о кредитоспособности артелей и, стало быть, для успѣха опыта. Въ одномъ изъ разсказовъ покойнаго Каронина повѣствуется о мужикѣ, который всю свою жизнь употреблялъ на то, чтобы, заработавъ рубль, утаить его отъ карауляющаго его старосты и купить на этотъ рубль хлѣба, который староста отнять у него не можетъ. Понятно, что такому мужику никакая артель и никакая ссуда не поможетъ, ибо всѣ доходы съ его хозяйства должны быть, прежде всего, употреблены на покрытіе недоимки. Чтобы помочь ему, его, прежде всего, надо вывести изъ разряда безнадежныхъ недоимщиковъ. Положеніе херсонскихъ артельщиковъ, въ большинствѣ случаевъ, такое же, какъ у этого мужика. Въ силу этого, они являются вполнѣ некредитоспособными и совсѣмъ неудивительно, что государственный банкъ не выдаетъ имъ ссуды, а земство не рѣшается ручаться за нихъ. Обладая на семью десятью десятинами на дворъ, артельщики имѣютъ по семидесяти рублей недоимки на десятину, т.-е. на артель изъ 4—5 дворовъ по триста и болѣе рублей недоимки. Понятно, что при подобныхъ условіяхъ неудача опыта не только возможна, но и вѣроятна. Для того, чтобъ артельное движеніе не имѣло такого печальнаго конца, прежде всего, необходимо сдѣлать артельщиковъ ненедоимщиками. Земскія учрежденія, съ одной стороны, и надлежащія вѣдомства (министерства земледѣлія и финансовъ)—съ другой, могли бы ходатайствовать о проведеніи общей законодательной мѣры, или вполнѣ освобождающей всѣхъ лицъ, образующихъ артели, отъ лежащихъ на нихъ недоимокъ, или, по крайней мѣрѣ, отсрочивающихъ недоимку на большое количество лѣтъ. Въ сущности говоря, такія лица имѣютъ всѣ права пользоваться такими же льготами, какъ и переселенцы, такъ какъ артельное движеніе гораздо болѣе цѣлесообразно и болѣе радикально рѣшаетъ вопросъ о крестьянскомъ малоземельи. Обладая такими льготами, артели станутъ вполнѣ кредитоспособными и могутъ разсчитывать на кредитъ не только государственный и земскій, а даже и на частный.

Говоря выше о типахъ „лишнихъ" людей, мы замѣтили, что всѣ разновидности этого типа болѣе или менѣе приводятся къ двумъ основнымъ: къ Рудинымъ, которые признаютъ себя лишними и признаются таковыми и другими только по недоразумѣнію, и къ типу разныхъ россійскихъ гамлетиковъ, „визжащихъ щенковъ", у которыхъ, въ сущности говоря, нѣтъ ничего, кромѣ старческаго малокровія, распутноэстетической души, огромнаго самолюбія и самомнѣнія при чрезмѣрно

маломъ душевномъ и умственномъ багажѣ. Люди этого типа—настоящіе лишніе люди и, вмѣстѣ съ тѣмъ, настоящіе герои безвременья. Въ эпохи живой общественной дѣятельности, въ эпохи пробужденія общественной мысли они куда-то скрываются, вмѣшиваются въ толпу и отличаются отъ нея только тѣмъ, что ихъ восторги мнимые, напускные, что они безпутно бьютъ своими безполезными руками въ свою грудь или, наоборотъ, занимаются старческимъ, никому не интереснымъ брюзжаньемъ, которое, однако, въ концѣ-то концовъ, сливается въ нѣкоторый неясный гулъ, заглушающій въ моменты перехода въ общественномъ настроеніи настоящіе живые голоса. Въ героѣ повѣсти г. Вересаева мы признали новое и довольно оригинальное видоизмѣненіе типа Рудиныхъ,—Рудиныхъ, потерявшихъ вѣру въ идею, въ могущество слова, выражающаго идею, и замолчавшихъ вслѣдствіе кажущагося молчанія жизни. Въ героѣ романа гр. Сологуба: *Тяжелые сны (Сѣверный Вѣстникъ)* мы можемъ признать видоизмѣненіе второго типа лишнихъ людей, типа Гамлета Щигровскаго уѣзда. Герой повѣсти г. Вересаева — весь любовь къ людямъ. Онъ любитъ не только народъ (эта любовь довольно абстрактная); онъ любитъ всѣхъ Ивановъ, Павловъ, составляющихъ народъ, любитъ своихъ больныхъ, съ невѣжествомъ которыхъ борется, любитъ даже тѣхъ, которые его убиваютъ. Онъ просто *любитъ человѣка* со всѣми его достоинствами и недостатками, со всѣми его высотами и низменностями. Логинъ, герой романа г. Соллогуба, любитъ только свое личное „я“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ненавидитъ и презираетъ его. Въ людяхъ онъ неспособенъ различить ничего, кромѣ пошлости. Онъ—и Гамлетикъ, и Пигасовъ въ одномъ лицѣ. Ему даже лица человѣческія противны; для него лица простыхъ людей, конечно, пустоватыхъ, пошловатыхъ и невѣжественныхъ, даже не лица, а „лупетки“. Человѣкъ для него—и въ томъ числѣ и онъ самъ для себя—не человѣкъ, а безобразный, гніющій и зловонный трупъ. Единственное, что онъ еще признаетъ въ жизни, это—красоту, да и той онъ наслаждаться не умѣетъ. Когда онъ видитъ восторженнаго юношу, немного глуповатаго, правда, и очень наивнаго, у него только одно впечатлѣніе получается: „восторгъ—это эстетично“. Когда онъ слышитъ хоръ золоторотцевъ, у него возбуждается только одна мысль, чисто-эстетическая, безъ примѣси какихъ-либо этическихъ или идейныхъ элементовъ: „поэтическій замыселъ, артистическое исполненіе и... пѣвцы-пропойцы. Дико и прекрасно“. Даже въ моментъ высшаго моральнаго возбужденія, когда у него является стремленіе къ любви и счастію, въ присутствіи прекрасной дѣвушки, онъ вдругъ думаетъ, что и она, это прекрасное, полное жизни существо, умретъ когда-нибудь, что она также, какъ и онъ, какъ и всѣ люди, въ сущности, только гніющій, зловонный трупъ: „и острая жалость, ужасъ и недоумѣніе пробѣжали въ его душѣ; онъ почувствовалъ, какъ погибло то молодое и счастливое, что трепетало сейчасъ въ его сердцѣ... Умерла минута счастія и не воскреснетъ... Что-то поблекло и облетѣло. Минуты умирали. Было тоскливо и бол но“. Гамлетикъ ненавидитъ самую жизнь, хотя и упорно держится нее. „Жизнь душила меня,—говоритъ онъ,—ея невозможность и обходимость. Мы вкладываемъ въ жизнь смыслъ,—продолжаетъ онъ,- своего-то смысла въ ней нѣтъ. И какъ ни наполняйте жизнь, все в въ ней останутся пустыя мѣста, которыя обличатъ ея безцѣльность невозможность“. Съ чего, однако, всѣ эти ужасы въ пустопорожне душѣ Гамлетика, откуда такая торжественность? Гамлетикъ вообра

жаетъ, что онъ постигъ всю мудрость, не только человѣческую, а и сверхчеловѣческую; онъ мнитъ себя непризнаннымъ геніемъ. Непремѣнно геніемъ и непремѣнно непризнаннымъ,—на меньшемъ Гамлетики не помирятся ни за что. „Я въ самомъ дѣлѣ живу слишкомъ рано,—съ грустью, а въ сущности глупо-самодовольно, замѣчаетъ онъ,—еще въ утреннихъ сумеркахъ, и это только тѣни далекаго будущаго ложатся на меня". И такъ, онъ геній, и вдругъ геній, также какъ и всѣ, долженъ будетъ умереть. Ну, какъ же не обидно, что драгоцѣнное существованіе г. Логина когда-нибудь кончится? Какъ не вознегодовать на міръ, на жизнь? Какъ не признать жизнь кладбищемъ, а людей—трупами? Не даромъ пьяненькій актерикъ произноситъ по адресу Гамлетика такія весьма мѣткія слова: „Экая бѣда—прямо по землѣ ходить человѣку приходится. Пьедестальчикъ, пьедестальчикъ, хоть махонькой, а то, вѣдь, такъ же нельзя, господа". И вотъ такому-то герою безвременье даетъ возможность взбираться на пьедестальчикъ и ломаться тамъ передъ глазами удивленной и недоумѣвающей публики, даетъ возможность жечь глаголами сердца неопытныхъ юнцовъ и юницъ, даетъ возможность задрапировать свое нравственное и умственное ничтожество, свою пустопорожнюю душу и свое изможденное, страдающее старческимъ безсиліемъ тѣло въ плащъ лживой мудрости. И, вѣдь, съ какимъ поражающимъ апломбомъ изрекаетъ онъ свои приговоры, вродѣ того, что „самое это словечко долговязое—альтруизмъ—дико и непонятно"! Мрачность и мудрость, однако, совсѣмъ не препятствуютъ Гамлетику напиваться не только въ одиночку, по ночамъ, по-фельдфебельски, но и совокупно съ тѣми самыми пошлыми и противными людьми-трупами, которыхъ онъ такъ ненавидитъ и презираетъ. Опять черта Гамлета Щигровскаго уѣзда и вообще россійскихъ Гамлетиковъ. Ненависть и презрѣніе къ людямъ у нихъ непремѣнно соединяются съ тяготѣніемъ къ пьяному и гнусному обществу; они сознаютъ, что безъ такой компаніи они—нули, что только эта компанія и можетъ послужить пьедестальчикомъ для ихъ драгоцѣннаго „я". Фигура выходитъ препротивная. Это впечатлѣніе было бы еще сильнѣе, еслибъ авторъ отдѣлался отъ непріятной манерности, отъ разныхъ символическихъ и декадентскихъ словечекъ, вродѣ „капающей съ деревьевъ грусти" или „вздрагивающаго и беззвучно, но внятно смѣющагося тумана", или „смѣющагося злобно и жалостно тумана".

Авторъ наврядъ ли вполнѣ уяснилъ себѣ, какого именно рода типъ онъ рисуетъ и каково вообще значеніе этого типа въ русской жизни въ нашу эпоху безвременья. Онъ и самъ, видимо, не прочь помочь своему герою забраться на пьедестальчикъ и самъ вѣритъ въ его глубокую мудрость и сверхчеловѣческое знаніе... Это тоже характерная черта для художественнаго творчества въ періоды безвременья. Напрасно также авторъ съ такою упорною серьезностью и даже съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ относится къ пьяному бреду Логина, видящаго свой собственный трупъ. И описаніе бреда, и психологическій анализъ выходятъ довольно спутанными, — и понятно почему: авторъ склоненъ видѣть въ видѣніяхъ Логина нѣчто значительное, нѣкоторый признакъ возвышеннаго безумія геніальной, но не уравновѣшенной натуры, тогда какъ эти видѣнія просто галлюцинація перепившаго человѣчка съ мелкою душой. Конечно, и Гамлетики иногда подвергаются безумію, иногда и они кончаютъ самоубійствомъ (участь эта, несомнѣнно, грозитъ Логину). Но это рѣдко бываетъ. Обыкновенно это людишки себѣ на умѣ и никакого возвышеннаго безумія у нихъ не бываетъ.

Въ сентябрьской книгѣ *Вѣстника Европы* на первомъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ статью покойнаго проф. Потебни, возстановленную по черновымъ бумагамъ покойнаго близкими къ нему лицами. Эта статья покойнаго ученаго (*Языкъ и народность*) посвящена опроверженію довольно распространеннаго мнѣнія, будто „ходъ развитія человѣчества постепенно слагаетъ съ человѣка и оковы народности, будто бы существованіе одного общечеловѣческаго языка было бы настолько же согласно съ высшими потребностями человѣка, насколько выгодны для насъ искусственныя условія жизни“. Возражая на это положеніе, профессоръ спрашиваетъ: какое значеніе имѣетъ подражательность въ личной жизни? И отвѣчаетъ: „На болѣе высокихъ ступеняхъ душевной жизни подражаніе другому есть пониманіе его движеній и звуковъ или предполагаетъ это пониманіе“. Вообще во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни *несамостоятельность*, *подражательность* выражаютъ лишь извѣстныя различія самостоятельности, своеобразности мыслей и дѣйствій. „Въ безусловномъ же смыслѣ эти понятія немыслимы“. То же можно сказать и о цѣлыхъ народахъ. „Взаимное ихъ вліяніе есть лишь взаимное возбужденіе. Распространеніе культуры одного народа на другіе кажется намъ объединеніемъ ихъ лишь до тѣхъ поръ, пока мы витаемъ на высотахъ абстракціи“. Намъ слѣдуетъ, наприм., говорить не о томъ, что единое въ себѣ и неизмѣнное христіанство разлилось по цивилизованному міру, а о томъ, что христіанство было поводомъ возникновенія цѣлой цѣпи христіанствъ, весьма различныхъ, если разсматривать ихъ конкретно. „Вся сила въ томъ, чтобы не принимать своихъ абстракцій за сущности“. То же можно сказать и объ языкѣ и о всѣхъ художественныхъ произведеніяхъ. Жизнь ихъ состоитъ въ томъ, что они понимаются и какъ понимаются. Кто станетъ утверждать, что пониманіе и вліяніе произведеній греческаго ваянія одно и то же въ цвѣтущія времена Греціи и теперь? Тогда и теперь — это совершенно различныя произведенія искусства, имѣющія одинъ матеріальный субстратъ, но не одну и ту же душу. Еслибъ языки были только средствами обозначенія уже готовой мысли, то для мысли было бы безразлично, на какомъ языкѣ ее ни выразить. Тогда было бы вѣроятно, что при распространеніи убѣжденія, что разница между языками внѣшняя и несущественная, люди стали бы мѣнять языки съ такою же легкостью, какъ платье. На самомъ же дѣлѣ языки потому только служатъ обозначеніемъ мысли, что они суть средства преобразованія первоначальныхъ элементовъ мысли и въ этомъ смыслѣ могутъ быть названы средствами созданія мысли. „Языки различны не только по степени своего удобства для мысли, но и качественно“. Если смотрѣть на языки, какъ на различныя системы пріемовъ мышленія, то отъ предполагаемой замѣны ихъ однимъ общечеловѣческимъ языкомъ мы можемъ ожидать лишь пониженія уровня мысли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, языкъ есть путь сознанія эстетическихъ и нравственныхъ идеаловъ и въ этомъ отношеніи различіе языковъ не менѣе важно, чѣмъ относительно познанія. Каждая мелочь въ строѣ языка должна давать безъ нашего вѣдома свои особыя комбинаціи элементовъ мысли. Влія[illegible] всякой мелочи языка на мысль въ своемъ родѣ единственно и ничѣ[illegible] незамѣнимо... Самыя сходныя нарѣчія представляютъ различные муз[illegible] кальные инструменты, не замѣнимые другъ другомъ. Есть мысли и ч[illegible] ства, которыхъ не вызвать на общелитературномъ языкѣ никакому [illegible] ланту, но которыя легко вызываются на областномъ нарѣчіи. Въ си[illegible] всѣхъ этихъ соображеній, дѣятельность мысли на иностранномъ язы[illegible]

происходитъ въ ущербъ не только мысли на отечественномъ языкѣ, но и общей продуктивности (это положеніе профессоръ доказываетъ примѣромъ творчества Тютчева). Вообще вліяніе двуязычности на цѣлые народы, наприм., на чеховъ, неблагопріятно. Какой же смыслъ имѣетъ денаціонализація? Она имѣетъ для подвергающагося ей народа значеніе вытѣсненія формъ сознанія, т.-е. опустошенія сознанія. Можно думать, что особенность и своеобразность народовъ существуетъ не наперекоръ ихъ взаимному вліянію, а такъ, что возбужденіе извнѣ является однимъ изъ главныхъ условій, благопріятствующихъ развитію народа такъ же, какъ вліяніе личности на другую не есть вытѣсненіе послѣдней, а возбужденіе ея къ новой дѣятельности. „Взаимное возбужденіе народовъ предполагаетъ не ассимиляцію ихъ, а лишь взаимное приспособленіе“. Съ точки зрѣнія языка, подъ понятіемъ о денаціонализаціи слѣдуетъ разумѣть вовсе не то, что разумѣютъ поборники идеи народности, жалующіеся на разрывъ между высшими и низшими слоями народа. Образованный человѣкъ не только не отдаленъ отъ простолюдина какою-то пропастью, но, напротивъ, имѣетъ право считать себя болѣе русскимъ, чѣмъ простолюдинъ. Ихъ связываетъ единство элементарныхъ пріемовъ мысли, важность которыхъ не ослабляется отъ сложности работы мысли. На простолюдина вліяетъ лишь незначительная часть народной традиціи, а интеллигентъ приходитъ въ соприкосновеніе съ многовѣковымъ теченіемъ народной жизни. Мы приходимъ, — говоритъ далѣе авторъ,— къ заключенію, что „если цивилизація состоитъ, между прочимъ, въ созданіи и развитіи литературъ, то она не только сама по себѣ не сглаживаетъ народностей, но содѣйствуетъ ихъ укрѣпленію. По направленію къ будущему общечеловѣчность въ смыслѣ сходства можетъ только уменьшаться. Она увеличивается лишь въ смыслѣ силы взаимнаго вліянія“.

Г. Пыпинъ въ своемъ изслѣдованіи объ исторіи русской литературы начала XIX столѣтія дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія по вопросу объ отношеніи литературы къ народу и народной жизни. „Литература XVIII и XIX вѣковъ,—говоритъ онъ,—очевидно, не была народною въ томъ смыслѣ, что она не была доступна народу ни по содержанію, ни по языку. Параллельно съ этимъ образованное общество, какъ говорится, *оторвалось* отъ народа. Кромѣ того разрыва, который разъединялъ высшій классъ отъ массы въ силу сословной привилегіи, былъ и другой разрывъ по складу понятій. И такой разрывъ неизбѣженъ. Литература, если она не остается на первоначальной ступени непосредственнаго народнаго творчества, требуетъ школы, а школы-то и не было. Такимъ образомъ, каковы бы ни были свойства самой литературы, причина ея разъединенія отъ массы лежала въ условіяхъ самой этой массы. Литература, далекая отъ народа, тѣмъ не менѣе, съ самаго начала обнаружила несомнѣнную жизненность тѣмъ, что направила свои интересы на народную жизнь. Несомнѣнно, что литература и ..., XVIII вѣкѣ достигла бы бóльшихъ результатовъ, если бы надъ ней ... тяготѣло общее положеніе русскаго общества. Это положеніе въ ...ыслѣ общественнаго мнѣнія было совершенно безправнымъ. Лучшіе ...ди достаточно ясно высказали свое отношеніе къ народу; не вина ...тературы, что зачатки здраваго пониманія не развились въ цѣльную ...стему мнѣній; мысли лучшихъ людей остались одинокимъ заявле...мъ, самыя имена ихъ были опальными. Вопросъ объ отношеніяхъ ...тературы къ народу нерѣдко становился фатальнымъ. Литература ... могла сдѣлаться народной, потому что для этого нужно было гово-

рить о народѣ безъ умолчаній. Съ другой стороны, народъ и не подозрѣвалъ о существованіи литературы. И такое же ненормальное положеніе сохраняется отчасти и донынѣ. Литература, не будучи народной, не имѣла подъ собой надлежащей почвы, въ концѣ-концовъ, она была открыта всѣмъ нападеніямъ тѣхъ, кто захотѣлъ бы отыскивать и карать *недозволенныя мысли* и *превратныя ученія*. Противъ такихъ нападеній она была беззащитна; общество лишено было всякой возможности высказывать свое отношеніе къ этому положенію вещей, такъ какъ и его голосъ былъ подъ тѣмъ же надзоромъ. Надзоръ, однако, не былъ случайнымъ произволомъ; онъ исполнялъ указанія власти, но на немъ отражалась и степень развитія массы общества—это былъ ея отголосокъ. Вся исторія литературы представляетъ борьбу просвѣтительныхъ стремленій меньшинства съ тою массой застоя, упорной неподвижности мысли, закоренѣлаго суевѣрія, которая господствовала въ громадномъ большинствѣ. Эти столкновенія должны были служить для литературы указаніемъ, что для ея собственнаго интереса необходима была забота объ этой „непросвѣщенной черни", пассивная косность которой становилась тяжелымъ препятствіемъ для всякихъ успѣховъ просвѣщенія и литературы. Все это, разумается, совершенно вѣрно, не только по отношенію къ прошлому, но и къ настоящему. Вѣдь, въ сущности говоря, въ теченіе вѣка взаимное положеніе народа и литературы измѣнилось не особенно значительно.

Очень интересенъ очеркъ г. Марусина: *Шатуны. Въ степяхъ и предгорьяхъ Алтая*. Извѣстно, что въ дѣлѣ переселеній у насъ совершается много неладнаго и даже трагическаго. Переселившіеся въ Сибирь крестьяне часто не находятъ на мѣстахъ своего новаго поселенія возможности существованія, а часто и мѣстъ-то самихъ не находятъ и, потерявъ значительную часть членовъ своихъ семей, разорившись окончательно и отощавъ до утраты человѣческаго облика, бредутъ, питаясь Христовымъ именемъ, на свои старыя мѣста, гдѣ и превращаются въ безнадежныхъ пролетаріевъ-нищихъ. Причины такихъ грустныхъ явленій намъ отлично извѣстны — это беззаботность лицъ, которыя должны бы быть заботливыми, и полная неурядица и неурегулированность дѣла переселенія. Все это сводится къ тому простому требованію, что, молъ, дайте мужику земли въ достаточномъ количествѣ, а онъ ужь самъ дальше съумѣетъ устроиться. Г. Марусинъ знакомитъ насъ теперь съ очень страннымъ, парадоксальнымъ явленіемъ изъ жизни переселенцевъ, которое не совсѣмъ-то согласуется съ такимъ простымъ и прямолинейнымъ утвержденіемъ. Представьте себѣ совершенно голоднаго „рассейскаго" мужика, который у себя на родинѣ, что называется, и спалъ, и видѣлъ „землицу" въ большемъ количествѣ. Оголодавъ въ дорогѣ въ Сибирь еще больше, онъ, наконецъ, дорывается до землицы и начинаетъ работать до упаду. Земель масса, и онъ съ жадностью хватаетъ цѣлую уйму; онъ уже не пашетъ землю, а просто жретъ ее. И вотъ онъ превращается въ „богатѣя", закрома у него ломятся отъ зерна, во дворахъ его скотина не у щается; онъ перестаетъ работать; за него работаютъ другіе, самъ живетъ помѣщикомъ. И вдругъ этотъ „богатѣй" срывается съ мѣ распродаетъ все имущество за безцѣнокъ и идетъ искать новыхъ мѣ въ смутной и нелѣпой надеждѣ, что тамъ еще лучше будетъ, и зе будетъ больше, и достоинство ея выше. Онъ превращается въ „ туна"; иногда ему удастся устроиться и разбогатѣть и на новомъ стѣ, а часто онъ разоряется и превращается въ нищаго. Но р

онъ усидитъ и на этомъ новомъ мѣстѣ, онъ дѣлается какимъ-то „вѣчнымъ жидомъ“, бродящимъ по Сибири. Несомнѣнно, что подобныя парадоксальныя явленія рѣдки и исключительны. Но, во-первыхъ, не такъ уже рѣдки, чтобы на нихъ можно было не обращать вниманія, а, во-вторыхъ, все же они не укладываются въ рамки обычныхъ объясненій крестьянской бѣды и потому требуютъ новаго объясненія. Вотъ какъ объясняетъ это любопытное явленіе г. Марусинъ: „Мысленно пропуская передъ собой шатуновъ-богатѣевъ, я нахожу одну общую всѣмъ имъ черту и въ ней лежитъ главная причина явленія. Всѣ они начинаютъ однимъ и тѣмъ же — голодомъ“. *Они не имѣютъ иныхъ стремленій, иныхъ желаній, кромѣ желанія утолить вызываемыя голодомъ боли и судороги.* Наконецъ, они достигаютъ цѣли своихъ многолѣтнихъ мечтаній... Но имъ всего мало, въ нихъ развивается неутолимая жадность къ землѣ; помня горькое прошлое, они только и думаютъ о томъ, какъ бы захватить въ свои руки кусокъ побольше и пожирнѣе... А личныхъ силъ уже не хватаетъ, онѣ давно истощены и цѣликомъ отданы землѣ... А дальше все идетъ какъ слѣдуетъ: разрывъ съ личнымъ земледѣльческимъ трудомъ и переходъ къ насмному труду, эксплуатація ближняго, ссуды, торговля. И вотъ превращеніе готово: вмѣсто коренного пахаря, передъ нами чистокровный стяжатель; онъ уже не ходитъ за землей, а самымъ безсовѣстнымъ образомъ грабитъ ее. „Перепакостивши“ все, что только можно, онъ жадно ловитъ слухи о томъ, гдѣ еще есть цѣлина, гдѣ онъ можетъ продолжать свое грабительское дѣло; получивъ нужныя свѣдѣнія, онъ уходитъ туда. Годы идутъ, и стяжательскую душу охватываютъ тоска, тревога; онъ мечется изъ стороны въ сторону, переходя съ мѣста на мѣсто, разстраивая свое хозяйство и постепенно спускаясь на ту ступень, съ которой началъ—къ бѣдности... Передъ нами „шатунъ“, завершившій весь кругъ своей дѣятельности. Что такое шатунъ-хищникъ по своему внутреннему содержанію? Сынъ голоднаго отца и самъ нѣкогда голодный, онъ съ дѣтства не зналъ иного стремленія, кромѣ стремленія утолить муки голода, къ этому сводились всѣ его помыслы; въ насыщеніи онъ видѣлъ весь смыслъ своей жизни. Его душа выѣдена, его сознаніе опустошено. И вотъ такой-то человѣкъ, видѣвшій кругомъ съ дѣтства только такія же опустошенныя души, получаетъ возможность удовлетворить стремленіе, бывшее цѣлью жизни для нѣсколькихъ поколѣній его предковъ. У него кружится голова; онъ теряетъ почву отъ нахлынувшей массы новыхъ впечатлѣній. Лично онъ начинаетъ насыщаться, но голодъ нѣсколькихъ поколѣній не знаетъ насыщенія. Казалось бы, что онъ достигъ всего, о чемъ мечталъ. Но въ опустошенной душѣ нѣтъ мѣста инымъ стремленіямъ, инымъ побужденіямъ, которыя можно бы противупоставить жаждѣ насыщенія, перешедшей въ стяжательство, а такъ какъ безъ цѣли человѣкъ жить не можетъ, то онъ начинаетъ страстно искать ее, метаться изъ стороны въ сторону; окружающее уже не удовлетворяетъ его. Но цѣль онъ можетъ искать только въ одномъ направ-...іи... удовлетворенія онъ не найдетъ, потому что стяжательство не ...етъ границъ. И вотъ шатунъ съ опустошенною душой, съ истерзан...ъ, жаждущимъ успокоенія сердцемъ бродитъ, не зная отдыха, не ...я конца своимъ скитаніямъ.

...Странное, парадоксальное явленіе, какъ видите, оказывается со...змъ не парадоксальнымъ, а, напротивъ, типическимъ. Причина его ...житъ въ жизни цѣлаго ряда поколѣній, направлявшихъ всѣ свои по...ны на кусокъ хлѣба,—поколѣній съ выѣденною душой и опустошен-

нымъ сознаніемъ. Очевидно, что простыя формулы не примѣнимы къ такой странной жизни, гдѣ значительная масса живущихъ оказывается людьми съ опустошеннымъ сознаніемъ. Для устраненія крестьянской бѣды, конечно, прежде всего, необходима экономическая основа жизни и въ особенности необходимы прочность и устойчивость этой основы. Но это не все, что необходимо; одной экономической основы маловато. Нужно еще и нѣчто иное; нужно удовлетвореніе высшихъ духовныхъ потребностей человѣка и пробужденіе этихъ потребностей. Кромѣ земли, нужна еще и душа, въ широкомъ смыслѣ этого термина. Школа въ этомъ отношеніи можетъ сдѣлать многое, но далеко не все. Необходимо широкое, энергичное и всестороннее воздѣйствіе интеллигенціи на массу; необходимы и общественныя условія, дѣлающія возможнымъ такое воздѣйствіе. Иначе душа опустошится безнадежно и непоправимо. Надо искать дороги, ибо работы страшно много.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 сентября по 1 октября 1895 г.

Агаѳоновъ, В. К. Настоящее и прошлое земли (популярная геологія). Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Арнольдъ, Эдвинъ. Свѣтъ Азіи. Переводъ въ стихахъ А. М. Ѳедорова. Изд. П. К. Прянишникова. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Арсеній, Г. Капризъ. Пов. 2-е изданіе. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Вакгофъ, Э. Карта россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Изд. Маркса. Спб., 1895 г.

Борисовъ, Е. И. Систематическій сводъ постановленій елисаветградскаго уѣзднаго земскаго собранія за 1865—1895 гг. Елисаветградъ, 1895 г.

Гнѣдичъ, П. П. Китайскія тѣни.

Гроссъ, Г. Экономическая система Карла Маркса съ научной стороны. Популярный очеркъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.

Gray, Charlotte. Значеніе женщины въ борьбѣ съ алкоголизмомъ. Москва, 1895 г. Ц. 20 к.

Даневскій, В. П., проф. Приготовительныя къ суду распоряженія. Харьковъ, 1895 г.

Джаншіевъ, Гр. Судъ надъ судомъ присяжныхъ. М., 1895 г.

Дитятинъ, И. Статьи по исторіи русскаго права. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Добролюбовъ, Александръ. Natura naturans. Спб., 1895 г.

Докладъ волоколамской уѣздной земской управы по экономической части.

Дриль, Дмитрій. Преступность и преступники. Изд. Канторовича. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Dujardin-Beaumetz, prof. Искусство прописывать рецепты. Перев. съ франц. д-ра В. К. Панченко. Изданіе . П. Петрова. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

егодникъ тобольскаго губернскаго муея. Вып. III. Тобольскъ, 1895 г.

элтовъ, Ѳ. Кость и золото. Изд. -е И. Жиркова. М., 1895 г. Ц. 3 к.

ирковъ, И. Спасибо отцу. Разсказъ. зд. 3-е. И. Жиркова. М., 1895 г. Ц. 5 к.

ирковъ, И. Нѣтъ худа безъ добра. азсказъ. Изд. 2-е И. Жиркова. М., 895 г. Ц. 3 к.

Зеленый, П. А. Докладъ по вопросу о сельско-хозяйственномъ кризисѣ.

— Докладъ „о тѣлесныхъ наказаніяхъ“. Елисаветградъ, 1895 г.

Земскій сборникъ Черниговской губерніи 1895 г. №№ 4—5. Черниговъ, 1895 г.

Калугинъ, И. Задачи общей зоотехніи.

Каптеревъ, П. Ѳ. Душевныя свойства женщины. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.

Карышевъ, И. А. Основы истинной науки. Книга II. Составъ человѣческаго существа, жизнь и смерть. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Каутскій, Карлъ. Очерки и этюды. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кватцъ, Э. Причины смертности грудныхъ дѣтей воспитательныхъ домовъ. М., 1895 г.

Ковалевскій, Максимъ. Происхожденіе современной демократіи. Т. II. Изд. К. Т. Солдатенкова. М., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Колеръ, I., проф. Шекспиръ съ точки зрѣнія права. Изд. Канторовича. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Комментарій къ четвертому изданію россійской фармакопеи. Сост. И. Кальнингъ. Т. III. Вып. X. М., 1895 г.

Коппе, Р. Алкогольная хилость. М., 1894 г.

Коровинъ, А. Общественная борьба съ пьянствомъ въ Англіи, Швейцаріи и Германіи. М., 1895 г. Ц. 20 к.

Корелинъ, М. Паденіе античнаго міросозерцанія. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.

Кравчинскій, Дмитрій. О хозяйствѣ въ лѣсахъ. Изд. 2-е К. И. Тихомирова. М., 1895 г. Ц. 25 к.

Крестный календарь Гатцука на 1896 г. Ц. 15 к.

Крыловъ, И. А. Басни. Изд. Жиркова. Въ 4-хъ книгахъ. М., 1895 г. Цѣна каждой книгѣ 5 к.

Лависсъ, Е., и Рамбо, А. Культура и цивилизація Западной Европы въ эпоху крестовыхъ походовъ. Пер. съ франц. съ предис. Виктора Михайловскаго. Изд. П. К. Прянишникова. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Леонтьевъ, А. Волостной судъ и юридическіе обычаи крестьянъ. Изд.

книжнаго магазина Н. К. Мартынова. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Летурно, Ш. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. I. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
Лященко, А. I. Басня И. А. Крылова „Водолазы". (По поводу статьи г. Нечаева: „Объ отношеніи Крылова къ наукѣ"). Спб., 1895 г.
Меньшиковъ, Н. Начальная географія (для Орловской губерніи). Курсъ начальныхъ школъ. Орелъ, 1895 г.
Мерцаловъ, А. Е. Очерки изъ исторіи смутнаго времени. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Мережковскій, Д. Отверженный. Романъ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
Мензбиръ, М. А. Птицы Россіи. Вып. V, VI, VII. М., 1895 г. Цѣна семи выпускамъ 10 р.
Морозовъ, П. Финляндія въ торгово-промышленномъ отношеніи. Изд. департ. торговли и мануфактуръ. Спб., 1895 г.
Мурашкинцевъ, Н. Страхованіе скота. Казань, 1895 г.
Никифоровскій, Н. Я. Очерки простонароднаго житья-бытья въ витебской Бѣлоруссіи. Витебскъ, 1895 г. Ц. 3 р.
Новицкая, А. Южно-Уссурійскій край и переселенцы.
— На краю свѣта. Изд. хар. общ. расп. въ нар. грам.
Нотнагель, Г., и Россбахъ, М. Руководство къ фармакологіи. Ч. I и II. Спб., 1895 г. Цѣна за обѣ части 4 р.
Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1864 г. Полтава, 1895 г. Ц. 1 р.
Отчетъ о дѣятельности воронежской коммиссіи народныхъ чтеній за 1894—95 г.
Отчетъ тверской губернской земской управы о взаимномъ земскомъ отъ огня страхованіи за 1894 г. Тверь, 1895 г.
Папернъ, Г. А. Спиноза, Біографическій очеркъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
Петровъ, Н. В. Инвентарь американскаго пчеловодства. Изд. К. И. Тихомирова. М., 1895 г. Ц. 40 к.
— Какъ кормить и поить пчелъ. Изд. К. И. Тихомирова. М., 1895 г. Ц. 35 к.
Penzoldt, F. dr., Hintzing, R. dr. Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней. Вып. II и III. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1895 г.
Покровскій, П. А. Сравнительное значеніе санитарной и медицинской наукъ въ вопросѣ о боевой силѣ арміи. Ковно, 1895 г.
Порозовская, Б. Д. А. Д. Меншиковъ, его жизнь и государственная дѣятельность. Біографическій очеркъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
Предтеченскій, Е. Астрономъ-любитель. Изд. П. П. Сойкина. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.
П., Д. Нѣкоторыя черты народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Изд. В. А. Долгорукова. Томскъ, 1895 г. Ц. 75 к.
Рихтеръ, Е. Элементарная геометрія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 40 к.
Ришаръ, Ш. Начало и конецъ міра. Изд. Сойкина Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
Рубакинъ, Н. А. Испытанія доктора Исаака. Изд. 3-е Жиркова. М., 1895 г. Ц. 5 к.
Руководство къ устройству безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. Харьковъ, 1895 г. Ц. 20 к.
Свѣдѣнія о ветеринарно-санитарномъ состояніи Московской губерніи. № 2, за февраль 1895 г.
Сирота, И. М. Практическіе курсы русскаго правописанія. Ч. II. Одесса, 1895 г. Ц. 75 к.
Смирнова, В. Д. Аксаковы, ихъ жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
Сторожевскій, В. Для дѣтской сцены: 1) „Квартирантъ", вод. въ 1-мъ дѣйствіи. 2) „Переполохъ въ сельской школѣ", вод. въ 1-мъ дѣйствіи. Баку, 1892 г.
Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи. 1895 г. Вып. II. Спб., 1895 г.
Таргонскій, В. А. Характеристика мѣстностей, подверженныхъ градобитіямъ въ Европейской Россіи. М., 1895 г.
Тимирязевъ, К. Нѣкоторыя основныя задачи современнаго естествознанія. Изд. В. Н. Маракуева. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Трачевскій, А., проф. Русская исторія. Ч. II. Изд. Риккера. Спб., 1895 г. Цѣна за 2 части 8 р.
Тютчевъ, Ѳ. Рядовой Саватьевъ. Раз. Изд. 2-е И. Жиркова. М., 1995 г. Ц. 5 к.
— Одинъ день на полѣ сраженія. Раз. Изд. 2-е И. Жиркова. М., 1895 г. Ц. 8 к.
Tillmanns, Hermann, Dr. Руководство общей хирургіи. Вып. II. М., 1895 г. Цѣна за оба вып. 7 р.
Фирсовъ, П. Опытъ элементарной алгебры въ связи съ логикой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Фирсовъ, В. Разсказы и леге[нды]. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.
Харузинъ, Н. Н. Очеркъ исто[ріи] развитія жилища у финновъ. М., 18[95 г.]
Чернявськый, М. Писни коха[нья]. Харькивъ, 1895 г. Ц. 65 к.
XXVI-й годовой отчетъ выс. утв. о[бщества] для распространенія Св. Писанія [въ] Россіи за 1894 г. Спб., 1895 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА".

I. Книги.

II. Перiодическiя изданiя.

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцiю журнала „Русская Мысль“ съ 1 сентября по 1 октября 1895 г.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп.
Сенкевичъ, Генрикъ. Янко музыкантъ. Цѣна 1 коп.
— Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 коп.
Разсказъ про смутное время на Руси. Цѣна $1^1/_2$ коп.
Немировичъ-Данченко, Вас. И. Счастье Ивана Непомнящаго. Цѣна 5 к.
Короленко, В. Г. Убивецъ. Цѣна $1^1/_2$ коп.

Абламскій, Д. Всенощное бдѣніе, вечерня и утреня, и Божественная литургія св. Іоанна Златоустаго, св. Василія Великаго и Преждесвященныхъ Даровъ св. Григорія Двоеслова. Первый выпускъ круга обычнаго православнаго церковнаго пѣнія, положеннаго на ноты на 3 голоса партитурою для хора, фисгармоніи и фортепіано. Кіевъ, 1888 Ц. 1 руб. 75 коп.
***Абровъ, Н.** Отъ Марселя до Одессы черезъ Аѳины и Константинополь. М., 1893 г. Ц. 1 р.
Агаповъ, Д. В. Новая тригонометрія. Оренбургъ, 1894 г. Ц. 85 к.
— Подробное рѣшеніе и объясненіе типическихъ задачъ по ариѳметикѣ. Ц. 50 к.
— Искусственные способы рѣшенія уравненій второй степени со многими неизвѣстными. Ц. 60 к.
— Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ помощію теоремы Агапова. Ц. 35к.
Аданъ, Юлія. Дурнушка. Романъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
***Азбелевъ, И. П.** Японія и Корея. Замѣтки изъ кругосвѣтнаго плаванія. Съ 15-ю рис. М., 1895 г. Ц. 75 к.
***Александровъ, Д. А.** Звонокъ. Юмористическій альманахъ и календарь на 1896 г. М., 1895 г. Ц. 60 к.
Алексѣевъ, А. А. Воспоминанія актера. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, его жизнь и сочиненія. Чтеніе для юношества. М., 1877 г. Ц. 75 к.
Альбомъ. Русскіе типы, М. ф. ц. 50 к.; сред. ф. ц. 60 к.; больш. ф. ц. 75 к.
Альбомъ. Русскіе народы, съ текстомъ. 3 в. М. Ц. по 60 к.
Альбомъ копій съ картинъ русскихъ художниковъ. 2 вып. М. Ц. по 2 р.
Альгренъ. Деньги. Романъ. Пер. со шведскаго. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.
Альмедингенъ. Химія. Спб., 1885 г. Ц. 2 р.
— Домашній опредѣлитель поддѣлокъ питательныхъ и др. веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.
— На всякій случай. Научно-популярные совѣты. 2 ч. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.
***Алябьевъ, Б.** Связка интимныхъ писемъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Аммонъ, д-ръ. Обязанности матери. Гигіена беременности. Уходъ за маленькимъ ребенкомъ. Золотая книжка. Переводъ съ 32 нѣмецкаго изданія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
Амниторъ, Г., фонъ. За правду и за честь женщины. Противъ Крейцеровой сонаты Л. Н. Толстого. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
Амфитеатровъ. Психопатъ. Правда и вымыселъ. М., 1893 г. Ц. 1 р.
Анго, А. Физика. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 коп.
Андрэ, М. Ф. Упражненія въ тригонометріи. Сборникъ задачъ съ подробными рѣшеніями. М., 1895 г. Ц. 35 к.
Андерсенъ, Гансъ. Повѣсти и сказки. Новый полный пер. съ датскаго подлинника. 7 в. М., 1894 г. Ц. по 25 к.
Андерсенъ, И. Иллюстрированныя сказки въ 6 томахъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к. за томъ.
Анне, Ж. П. Практическое руководство къ устройству электрич. освѣщенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Анурьевъ, Іоаннъ. Столяръ-самоучка, опытъ, наставленія грамотныхъ поселянъ въ столярномъ ремеслѣ. Ц. 15к.
— Какъ дѣлаютъ простую мебель. Ц. 45 к.
— Домашній переплетчикъ. Ц. 10 к.
— Вспомогательная книга при возведеніи каменныхъ и деревянныхъ зданій. Вологда, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Ардовъ, Е. И. Эскизы. М., 1893 г. Ц. 1 р.
Арендтсъ и Брандтъ. Атласъ естественной исторіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Арнгеймъ. Математическая географія. Изд. 5-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
Арсеньевъ. Изъ жизни и исторіи. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 50 к. въ переплетѣ.
Бажина. Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ, съ 44 картинками. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
Баранцевичъ, К. С. Родныя картинки. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Картинки жизни. 39 разсказовъ [...]мата. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Баратынскій, Е. А. Полное со[...] соч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
— Полное собраніе сочиненій. Съ порт[...] томъ автора, біографіей и его пись[...]нами. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Бахтіарова, А. По роднымъ кра[...] Валаамская обитель, съ 3 отдѣльн[...] рисунками. Спб., 1893 г. Ц. 10 к.

Безобразовъ, П. В. Историческія статьи (вып. I). М. 1893 г. Ц. 1 р. 80 к.
— Женихъ двухъ невѣстъ. Историческій романъ. М. 1894 г. Ц. 40 к.
— О правахъ женщины. М. 1895 г. Ц. 50 к.
— Публичныя лекціи о современномъ положеніи женщины (3-е изд.). М. 1893 г. Ц. 20 к.
— О назначеніи женщины (2-е изд.). Ц. 20 к.
— Сборникъ государственныхъ знаній, 8 томовъ. Спб., 1880 г. Ц. 24 р.
Безэ, д-ръ. Построеніе деревянныхъ лѣстницъ. 1890 г. Ц. 1 р.
Бендціулъ, Альбертъ. Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ. Оффиц. докладъ, съ 22 рис. Пер. А. Ѳедорова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.
Беръ, Альфредъ. Гигіена сифилиса. Общедоступное изложеніе, какъ предохранить и лечить себя отъ сифилиса. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
Бергергофъ, Г. Руководство для драпировщиковъ, обойщиковъ и декораторовъ. М., 1891 г. Ц. 2 р.
Бернетъ, Френсисъ. Исторія маленькаго лорда. Повѣсть для юношества. Спб., 1892 г. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 50 к.
Бергеръ, Поль. Спутникъ малокровныхъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
Бернксенъ, А. Краткій учебникъ химіи (органической). Спб., 1892 г. Ц. 3 р.
Бессонъ, А. Г. О нефтяномъ отопленіи паровыхъ котловъ. Спб., 1888 г. Ц. 1 р 20 к.
Библіотека ремесленниковъ и кустарей. Окрашиваніе металловъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
— Золоченіе и серебреніе деревян. издѣлій. М., 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.
Библіотека экономистовъ. Адамъ Смитъ. Изслѣдованіе о богатствѣ народовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Библіотека-крошка. Миніатюрное изданіе, роскошно-отпечатанное, содержащее въ себѣ отдѣльныя произведенія лучшихъ русскихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, фонъ-Визина, Кольцова, Карамзина, Богдановича и мн. др. Кіевъ. Изданіе Ф. А. Іогансона. Цѣна 5, 10, 15 и 20 к. за книжку.
***Бильдерлингъ, А.** Просвѣтители Россіи. Фототипіи исполнены въ мастерской А. И. Вильборга. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
Бичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
Благовѣщенскій. Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Блекслей, Т. Т. Перемѣнные электрическіе токи (Руководство для студентовъ и техниковъ). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
Блекки. Самовоспитаніе. Изд. 3-е. Спб., 1891 г. Ц. 75 к.
Блекловъ. За фактами и цифрами. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Блокъ, Морисъ. Матери великихъ людей. Пер. съ франц. Н. М. Дементьевой, съ 33 рис. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.
Блокъ, Ю. Велосипедъ, его значеніе для здоровья, практическое примѣненіе, уходъ за машиною и пр. Изд. 2-ое. М., 1893 г. Ц. въ переплетѣ 2 р.
Боборыкинъ, П. Д. Трупъ. Разсказъ. Москва, 1893 г. Ц. 20 коп.
Богдановъ, профессоръ. Сельско-хозяйственный словарь. Кіевъ, 1895 г. Ц. 8 р.
Богдановъ, И. Счетоводство и денежная отчетность земскихъ начальниковъ, городскихъ и мировыхъ судей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Переводъ Буйницкаго (въ 2-хъ томахъ). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Исторія цивилизаціи въ Англіи въ популярномъ изложеніи Нотовича. Седьмое изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
Бородинъ, И. Весна, русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Краткій учебникъ ботаники. (изд. 3-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Боровичъ, Л. А. Практическое руководство къ построенію динамо-машинъ съ постояннымъ токомъ (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
— Фабричные паровые котлы, устройство ихъ и уходъ за ними. Съ 172 политипажами въ текстѣ. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 коп.
Боттонъ. Электрическіе звонки. Практическое руководство для любителей. Спб., 1890 г. Ц. 1 р.
— Какъ сдѣлать простой фонографъ и микрофонъ. Руководство для любителей ремесла, искусства и научныхъ приложеній. М., 1895 г. Ц. 35 к.
Брайсъ, Джемсъ. Американская республика. Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 3 р. 50 к. М. 89; часть II. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.; часть III. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.
***Брассъ, Леонъ.** Гуттаперча, ея происхожденіе, добыча и обработка. Перев. съ французскаго Бессонъ инженеръ-технологъ. Спб., 1895 годъ. Ц. 1 р.
Браунъ, М., проф. Какъ заражается человѣкъ паразитами. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
Брикнеръ. Потемкинъ. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
Бриксъ. Гидравлика. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
Брусиловскій, Е. Одесскіе лиманы и ихъ лечебныя средства 1895 г. Одесса, Ц. 50 к., на зеленой бум. 60 к.
Брюкке, Эрнестъ. Красота и не-

достатки человѣческихъ формъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Врэмъ, А. Жизнь животныхъ. 130 выпусковъ. Одесса, 1893 г. Ц. 25 к. за вып.

— Жизнь на сѣверѣ и югѣ (Дополненіе къ соч. „Жизнь животн.). Спб., 1891 года. Ц. 2 р.

Врэмъ. Комнатныя пѣвчія птицы. М., 1876 г. Ц. 75 к.

Буанъ, Эмиль. Гальванопластика, никелированіе, золоченіе, серебреніе и электрометаллургія. Съ 26 рис. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.

Буасье, Гастонъ. Римская религія отъ Августа до Антониновъ. Перев. М. Корсакъ. Ц. 5 р. М., 1878 г.

— Цицеронъ и его друзья. Пер. М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1880 г.

— Паденіе язычества. Пер. подъ ред. и съ предисл. М. С. Корелина. Ц. 4 р. М., 1892 г.

Бугаевъ, Н. Задачникъ къ ариѳметикѣ цѣлыхъ чиселъ. М., 1876 г. Ц. 25 к.

— Задачникъ къ ариѳметикѣ дробныхъ чиселъ. М., 1877 г. Ц. 30 к.

— Руководство къ ариѳметикѣ. Цѣлыя числа. М., 1895 г. Ц. 40 к.

— Ариѳметика дробныхъ чиселъ. Ц. 50 к.

Бузольтъ, Георгъ. Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Бутовскій, В. И. Русское искусство и мнѣнія о немъ Е. Віоле-ле-Дюка и Ѳ. И. Буслаева. М., 1879 г. Ц. 1 р.

Бутсъ, Вильямъ. Въ трущобахъ Англіи. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Бьерстьерне-Бьернсонъ. Новыя вѣянія. Въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. каждой части 35 к.

— Леонарда (драма). Новая система (драма). Кіевъ, 1894 г. Ц 35 к.

— Новобрачные (комедія). 1865 г. Сигурдъ крестоносецъ (драма). 1872 г. Банкротство (драма). 1874 г. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

— Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.

— По Божьему пути. Романъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

Бѣлецкій, И. Почвовѣдѣніе. Образованіе почвы, ея составъ и свойства. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Бэръ, Адольфъ. Исторія всемірной торговли. Пер. Э. Циммермана. М., 1876 г., 3 части, цѣна за нихъ 7 руб. 50 к.

Бэръ, Поль. Первыя понятія о зоологіи. (3-е изданіе). Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Бюрстенбиндеръ. Раздѣлка и улучшеніе земель. Руководство для практическихъ хозяевъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 60 к.

В. В. Артель въ кустарномъ промыслѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Очерки теоретической экономіи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Наши направленія. Спб., 1893 года. Ц. 1 р. 50 к.

— Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Спб., 1892 г. Цѣна 1 р. 35 к.

— Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. I Крестьянская община. М., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.

— Артельныя начинанія русскаго общества. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Вагнеръ. Химическая технологія. Спб., 1892 г. Ц. 8 р.

— Какъ пріобрѣтаются болѣзни желудка. Спб., 1893 г. Ц. 40 к.

Вальтеръ-Скоттъ. Иллюстр. романы: 1) Замокъ Кенильвортъ; 2) Легенда о Монтрозѣ; 3) Аббатъ; 4) Антикварій; 5) Астрологъ; 6) Пресвитеріане; 7) Монастырь; 8) Ламермурская невѣста; 9) Черный карликъ; 10) Певериль Пикъ; 11) Пиратъ; 12) Обрученные; 13) Веверлей; 14) Карлъ Смѣлый; 15) Квентинъ Дорвардъ; 16) Перская красавица; 17) Робъ-Рой; 18) Ричардъ Львиное Сердце; 19) Вудстокъ. Спб. 1892 г. Ц. каж. кн. 40 к.

— Квентинъ Дорвардтъ. Романъ. М. 1885 г. Ц. 2 р.

***Вальтеръ, проф.** Море и его жизнь. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ примѣчаніями проф. А. Н. Краснова. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Ванковъ. Полный карманный техникъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Турбины. Практическое руководство для техниковъ, сельскихъ хозяевъ (съ 46 рис.). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Ванъ-Тигемъ. Общая ботаника (морфологія, анатомія и физіологія растеній). Подъ редакціею, съ примѣчаніями и дополненіями Ростовцева, съ предисловіемъ Тимирязева. 477 полит. М., 1895 г. Ц. 3 р. 75 к.

Ванклинъ, Альфредъ. Химія каменноугольно-газоваго производства. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Варіо, Ж. Дѣтскій докторъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Вармингъ, д-ръ. Систематика растеній. М., 1893 г. Ц. 5 р.

Вахтеровъ, В. П. Всеобщее начальное обученіе. М., 1894 г. Ц. 15 к.

***Введенскій, Алексѣй.** О характерѣ, составѣ (сжатое изложеніе) и значеніи философіи В. Д. Кудрявцева-Платонова. Серг. Пасадъ, 1893 г. Ц. 60 к.

*— П. Е. Астафьевъ, его философскіе и публицистическіе взгляды. Серг. Пас 1893 г. Ц. 25 к.

*— О религіозной философіи Викт Дмитріевича Кудрявцева. Харько 1893 г. Ц. 40 к.

*— Очеркъ современной французской лософіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.

*— Рѣчь передъ защитой диссерта Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и ос ванія. М., 1891 г. Ц. 30 к.

*— Демоніонъ Сократа. Этюдъ по исторіи древней философіи. Серг. Посадъ, 1893 г. Ц. 40 к.
*— Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи. Сергіевъ Посадъ. 1894 г. Ц. 3 р.
*— Западная дѣйствительность и русскіе идеалы. (Письма изъ-за границы). Съ приложеніемъ характеристики: „Папа Левъ XIII по отзывамъ современниковъ". Серг. Посадъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Т. 1. Переводъ Андреева. Ц. 4 р. М. 90 г. Т. 2. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 3. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 92 г. Т. 4. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 92. Т. 5. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 6. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 7. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 94. Т. 9. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 коп. М. 1888. Т. 10. Пер. Андреева. Ц. 4 руб. М. 1888 г. Т. 11. Пер. Андреева. П. 5 руб. 50 коп. М. 1889 г. Т. 12. Пер. Андреева и Невѣдомскаго. Ц. 4 р. 50 к. М. 90. Т. 13. Пер. Циммермана. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 14. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 6 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 1-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 2-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 93 г., съ портретомъ автора.

Веберъ, К. К. Практическое руководство по производству кирпича, черепицы и проч. лицевого товара съ атласомъ. Спб., 1893 г. Ц. 5 р.
— Двигатели и приводы. Практ. руководство къ постройкѣ вѣтрен. и водян. двигателей съ атласомъ. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
— Канатное и веревочное производство (съ 58 рис. въ текстѣ). Спб., 1895 г. Ц. 75 к.

Вегеле, Францъ. Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Пер. А. Веселовскаго. Ц. 3 р. М., 1881 г.

Вегетаріанская кухня. Наставленіе къ приготовленію болѣе 800 блюдъ, хлѣбовъ и напитковъ для безубойнаго питанія, съ вступительною статьей о значеніи вегетаріанства. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 70 к.

Вейнбергъ, Павелъ. Новые разсказы и сцены. Второе изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Вейсъ, Германъ. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и И. Васильева. Т. I, часть 1-я. Москва, 1873 г.; часть 2-я, Москва, 1874 г. Т. II, ч. 2-я. Москва, 1876 г. Т. III, ч. 1-я и часть 2-я. Москва, 1879 г. По 4 р. за каждую часть.

Верещагинъ, В. В. Литераторъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
· Дѣтство и отрочество. Т. I. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Веселовскій, Ал. Этюды и характеристики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 75 коп.
— Мизантропъ. Этюды о Мольерѣ. М., 1881 г. Ц. 2 р.
— Старинный театръ въ Европѣ. Историческіе очерки. М., 1870 г. Ц. 2 р.

Викторовъ, П. Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ. Вып. I. Ц. 1 р. М. 1887 г.

Винкельманъ, I. I. Исторія искусства древности. Ревель, 1890 г. Ц. 3 р.

Виноградовъ. Extemporalia съ рус. яз. на латинскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Н. Федонъ. Діалогъ объ идеѣ „безсмертіе" философа классической древности Платона. М., 1892 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Павелъ. Учебникъ всеобщей исторіи. Часть II. Средніе вѣка. Изд. 2-ое. М., 1894 г. Ц. 90 к.

Виргилій, Маронъ. Энеида, книги 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Кіевъ, 1887 г. Ц. 40 к.
— Книга 3-я. Кіевъ, 1892 г. Ц. 35 к.
— Книги 10, 11 и 12. Кіевъ, 1883 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вирховъ. О питательныхъ веществахъ. Спб., 1891 Ц. 50 к.

Владимірова, А. К. (А. Европеусъ). Сказки, преданія и легенды всѣхъ временъ и народовъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Владиславлевъ, М. Убебникъ логики. Одобренъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія какъ руководство для гимназій. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Водовозовъ, В. И. Книга для первоначальнаго чтенія. Ч. I Ц. 45 к. Ч. II. Ц. 80 к.
— Книга для учителей. Ц. 60 к.
— Русская азбука для дѣтей. Ц. 30 к.
— Руководство къ русск. азбукѣ. Ц. 20 к.
— Дѣтскіе разсказы и стихотворенія съ картинками. Ц. 75 коп.
— Разказы изъ русской исторіи Вып. I. Ц. 40 к. Вып. II. Ц. 60 к.
— Предметы обученія въ народной школѣ (для учителей). Ц. 70 к.
— Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к.
— Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к.
— Очерки изъ рус. исторіи XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.
— Русскія сказки въ стихахъ съ картинками въ переплетѣ. Ц. 1 р. 50 к.
— Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

Водовозова, Е. Н. Жизнь европейскихъ народовъ. Ч. I. Жители юга (съ 26 рисунк.). Изд. 4-е. Ц. 3 р. 75 к., въ переплетѣ 4 р. 55 к. Ч. II. Жители сѣвера. (съ 24 рис.). Изд. 3-е. Ц. та же. Ч. III. Жители средней Европы. Спб.
— На отдыхъ. Иллюстрирован. разсказы

для мал. дѣтей. (40 рис.). Ц. 1 р.; въ папкѣ 1 р. 35 к. Спб.
— Изъ русской жизни и природы. Разсказы для дѣтей (изд. 6-е). Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. Спб.
— Умственное и нравственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до школьнаго возраста (Изд. 4-е совершенно переработаное). Спб. Ц. 2 р.
— Одноголосныя дѣтскія пѣсни. (Музыка Рубца). Изд. 5-е. Спб., Ц. 1 р.
— Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Ц. 40 к.
— Турки. Спб., Ц. 40 к.

Войнаровскій, П. Устройство въ домахъ электрическаго освѣщенія, телефоновъ, электрическихъ звонковъ и другія примѣненія электричества въ домашнемъ быту. М., 1892 г. Ц. 1 р. 85 к.

Войславъ, С. Развѣдки пластовыхъ мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ посредствомъ шурфованія. Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 40 к.
— Разсчетъ и построеніе частей машинъ и передаточныхъ механизмовъ. Текстъ съ атласомъ въ 76 таблицъ. Спб., 1885 г. Ц. 4 р.
— Уходъ за паровыми котлами. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

Волкенштейнъ, П. Е. Садовый словарь. Спб., 1889 г. Ц. 4 р.

Ворисгоферъ, С. Сказочная страна. Пер. съ нѣмецк. Ц. 2 р. 75 к. въ роскошн. переплетѣ.
— Образовательное путешествіе (изд. 2-е). Спб., 1892 г., съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.
— Черезъ дебри и пустыни. Скитанья молодого бѣглеца. Спб., 1894 г. (2-ое изд.). Ц. 1 р. 50 к.
— Приключеніе контрабандиста. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вундтъ, Вильгельмъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ (Пер. со 2-го нѣмец. изд.). Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
— Душа и мозгъ. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.
*— Гипнотизмъ и внушеніе. Перевелъ съ нѣмец. Колубовскій. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Гаварре, Ж. Теорія Гаусса, примѣненная къ сферическимъ зеркаламъ и стекламъ. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гавкинъ, Н. Я. Карманный словарь иностранныхъ словъ. Изд. 4-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Гаймъ, Р. Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. ц. 5 р. и Т. II ц. 5 р. М., 1888 г.
— Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М., 1891 г.

Гамбурцевъ, В. Архитекторская команда. Очеркъ московскихъ учрежденій по строительному дѣлу. Москва, 1894 г. Ц. 40 коп.

Гано, А Полный курсъ физики (въ 2 ч.). Спб., 1892 г. Ц. 4 р.

— Магнетизмъ и электричество. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гарейсъ, Карлъ. Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. Съ четвертаго, вновь переработаннаго и значительно измѣненнаго нѣмецкаго изданія 1892 г., перев. Н. И. Ржондковскій, товар. предсѣд. московскаго коммерческаго суда, подъ редакціей проф. Московскаго университета Н. О. Нерсесова. Вып. первый. М., 1893 г. Ц. 2 р.
*— Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Гаринъ, Н. Дѣтство Тёмы. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.

Гартманъ, Эдуардъ. Сущность міроваго процесса или философія безсознательнаго. Пер. А. А. Козлова. Вып. 2-й. Ц. 2 р. 50 к. М., 1875 г.

Гартвигъ. Воздухъ и его жизнь. М., 1875 г. 2 р. 50 к.

Гаспари, Альфредъ. Исторія итальянской литературы. Т. I. Итальянская литература среднихъ вѣковъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Гегаръ-Альфредъ. Половое влеченіе. Одесса, 1895 г. Ц. 75 к.

Гейнце, Н. Э. Коронованный рыцарь. Историческій романъ изъ временъ царствованія императора Павла I. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Князь тавриды. Историческій романъ. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Аракчеевъ. Историческій романъ XIX столѣтія. Въ 2 томахъ и 6 частяхъ. Изданіе второе. Спб., 1895 г. Ц. за оба тома 2 р.

Гервинусъ. Автобіографія (съ 4 портретами) М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Герценштейнъ, М. Кредитъ для земствъ и городовъ. М., 1892 г. Ц. 75 к.

Герценъ, А. Общая физіологія души (2 изд.). 1894 г. Ц. 75 г.

Гердеръ. Нѣмецко-русскій словарь важнѣйшихъ техническихъ терминовъ употребляемыхъ при описаніи и опредѣленіи растеній. Спб., 1881 г. Ц. 50 к.

Германъ, Ф. Л., д-ръ. Какъ лѣчились московскіе цари. Медико-историческій очеркъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 45 к.
*— Суевѣріе въ медицинѣ. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.

Гертвигъ, Оскаръ. Клѣтка и ткани. Основы общей анатоміи и физіологіи (168 рис. въ текстѣ). Спб., 1894 Ц. 3 р.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III, кн. 1. Пер. Пыпина и А. Плещеева. Ц. 2 р. 1872 г.

***Гиббинсъ, Г.** Промышленная исторія Англіи. Переводъ съ англійскаго

примѣчаніями и предисловіемъ Каменскаго. Культурно-историческая библіотека № 1. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Гиббонъ, Эдуардъ. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть II. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть III. Ц. 4 р. М. 84 г. часть IV. Ц. 3 р. 50 к. М. 84 г.; часть V. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VI. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VII. Ц. 3 р. 50 к. М. 86 г.

Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1881 г.

Гильти, К. Счастье. Популярные очерки по нравственной философіи. Изд. 2-е Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

***Гиляровъ, А. Н.** Источники о софистахъ. Платонъ какъ историческій свидѣтель. Кіевъ, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гинтервальднеръ. Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Гиршъ Вильямъ, д-ръ. Геніальность и вырожденіе. Пер. со 2 нѣм. изд. Одесса, 1895 г. Ц. 1 р.

Глинскій, А. Г. Руководство къ частной патологіи и терапіи внутреннихъ болѣзней. Т. I. Вып. I. Инфекціонныя болѣзни. Съ двумя таблицами рис. Харьковъ, 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.

Глинскій, Б. Біографическій очеркъ о Николаѣ Мих. Ядринцевѣ. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Гнейстъ, Рудольфъ. Исторія государствен. учрежд. въ Англіи. Перев. подъ редак. С. А. Венгерова. Ц. 4 р. 50 к. М., 1885 г.

Говсѣева, А. А. Симуляція душевныхъ болѣзней и патологическое притворство. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гоголь, Н. В. Сочиненія въ 5-ти том. Изд. двѣнадцатое. Спб., 1894 г. Ц. 6 руб. Въ переплетѣ. Ц. 8 р. 50 к.

Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ. Спб., 1872 г. Ц. 3 р.

— Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла. Спб., 1881 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Вопросы государственнаго хозяйства. Спб., 1873 г. Ц. 1 р.

Головачева-Панаева. Русскіе писатели и артисты 1824—1870 гг. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 35 к.

Гольдсмитъ, Оливеръ. Векфильдскій священикъ. М., 1890 г. Ц. 1 р.

Гольцендорфъ, Ф., проф. Общественное мнѣніе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Головъ, Д. Двигатели малой силы для промышленности и сельскаго хозяйства (съ 95 рис. въ текстѣ). Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Гоніондзскій, З. А. Краткій очеркъ добыванія и обработки каучука и гуттаперчи. М., 1895 г. Ц. 40 к.

— Машины и станки для обработки картона. Съ 40 рис. М., 1894 г. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.

Горацій Сатиры. Переводъ съ подстрочн. словаремъ. 2-е изд. Кіевъ, 1891 г. Ц. 60 к.

— Оды. Переводъ I-й и II-й книги. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

— III и IV книги. Изд. 2-е, сост. Сахаровъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.

Горбуновъ. Программы мужскихъ гимназій и прогимназій. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 55 к.

— Программы городскихъ училищъ. Изд. 4-е. М., 1893 г. Ц. 35 к.

— Программы реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 35 к.

Горкевичъ, Л. Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій Гай Саллюстій Криспъ. Югуртинская война. Борисоглѣбскъ, 1893 г. Ц. 45 к.

Горнъ, Винкель. Исторія скандинавской литературы. Пер. К. Бальмонта. Ц. 2 р. 50 к. М., 1894 г.

Горстманъ, А. О теоріи растворовъ. Спб. 1893 г. Ц. 40 к.

Госпиталье, Э. Электричество въ домашнемъ быту (со многими рисунками). Спб., 1886 г. Ц. 2 р.

— Главнѣйшія приложенія электричества (2 изд.). Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гофштеттеръ, И. Доктринеры капитализма (по поводу книги г. Струве: „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россія). Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

Грабинъ, А. Т. Воздушные замки. Комическій этюдъ. 2-е изд. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Гравинкель. Справочная книга для электротехниковъ. Спб., 1893 г. Ц. 4 р. 80 к.

Гранатъ, А., и К°. Настольный энциклопедичекій словарь, 8 т. или 108—115 вып. М., 1894 г. Ц. вып. на обыкновенной бумагѣ ц. 30 к., на лучшей бумагѣ ц. 40 к. Тому въ изящ. колен. пер., ц. 5 рублей, безъ переплета п. 4 р. 50 к., на лучшей бумагѣ безъ переплета ц. 5 р. 60 к., въ изящн. колен. пер. 6 р.

Грегуаръ, Л. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Пер. подъ редакціей Лучицкаго. Т. I. Ц. 4 р. М., 1893 г. Т. II. Ц. 4 р. М., 1894 г.

Григоровичъ, И. И. Очерки новѣйшей исторіи (6-е изданіе). Спб., 1892 года. Ц. 2 р.

***Гримо, Э.** Элементарный курсъ органической химіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.

Гриммъ. Книжки I и II въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Книжки III и IV въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Книжка I млад. возр., безъ пер. М. 1893 г. Ц. 20 к.

— Книжка II млад. в., б. пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.
— Книжка III, IV и V-я сред. воз. М., 1893 г. Ц. по 20 к.
Гриммъ, братья. Сказки. 13 вып. М., 1894 г. Ц. по 20 к. вып.
Гриммъ, Д. Очерки по ученію объ обогащеніи. Спб., 1893 г.
Гринъ, Джонъ. Исторія англійскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 3 р. М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92. Т. IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 1892 г.
Громека М. С. О Л. Н. Толстомъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
Гротъ, Н. Я. Основные моменты въ развитіи новой философіи. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.
*— Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности. М., 1889 г. Ц. 50 к.
*— О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ. Одесса, 1886 г. Ц. 70 к.
*— Устои нравственной жизни и дѣятельности. М., 1895 г. Ц. 30 коп., съ перес. 40 к.
*— Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка. М., 1889 г. Ц. 40 к.
*— Нравственные идеалы нашего времени. Фридрихъ Нитше и Левъ Толстой. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.
***Грузинцевъ, А. П.** Электромагнитная теорія свѣта. Харьковъ, 1893 г. Ц. 2 р. 25 к.
Грэхэмъ. Ж. Ж. Русо. Его жизнь, произведенія и окружающая среда. М., 1890 г. Ц. 1 р.
Губеръ. Механика. Изд. 2-е. Спб.,
Гулишамбаровъ. Нефтяное отопленіе пароходовъ, паровозовъ, котловъ и проч. (3-е исправлен. и дополнен изд. съ 150 рис.). Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 1891 г. Ц. 3 р.
Гурляндъ. Римскій юристъ Гай и его сочиненія. Ярославль, 1894 г.
Густафсонъ, Р. Сказки. Переводъ съ нѣмецк. изданія. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 25 к., въ роск. перепл—1 р. 75 к.
Густавсонъ. Двадцать лекцій агрономической химіи. Курсъ читанный въ Петровской земледѣльческой академіи. Второе изд. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
Гюббаръ, Гюставъ. Исторія современной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Допельмайеръ. М., 1892 г. Ц. 2 р.
Гюго, Викторъ. Сочиненія въ двухъ томахъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к. за оба тома.
— Отважный предводитель негровъ Бюгъ-Жаргаль. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.
— Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. II. Центральная книжная торговля въ Тифлисѣ, 1895 г. Ц. 20 к. за каждый выпускъ.
— Собраніе стихотвореній, въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. III. Тифлисъ, 1895 г. Ц. каждаго выпуска 20 к.
— Стихотворенія. Вып. IV. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к. за вып.
— Стихотворенія. Вып. V. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к. за вып.
Данилевскій, Г. П. Сочиненія въ 9-ти томахъ. (Изд. 7-е). Спб., 1892 г. Ц. 15 руб.
Данилевскій, Александръ. Основное вещество протоплазмы и его видоизмѣненія жизнью. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
***Данилевскій, В. Я., проф.** Чувство и жизнь. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.
***Данилевскій, Н. Я.** Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе. Т. II. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
Данте, Алигьери. Божественная комедія. Адъ. Съ 68 рис. французскихъ художниковъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Божественная комедія. Чистилище. Съ 72 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Божественная комедія. Рай. Съ 74 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Дебо, Эмиль. Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика). М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
Декандолль, Альфонсъ. Мѣстопроисхожденіе воздѣлываемыхъ растеній. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 60 к.
Деминевъ, В. М. Краткій курсъ электрической телеграфіи по программѣ техническихъ желѣзно-дорожныхъ училищъ, съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
Деппъ, Г. Ф. Бездымное сожиганіе топлива въ топкахъ паровыхъ котловъ. Съ прилож. 254 чертежей въ отдѣльномъ альбомѣ изъ 39 таблицъ. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
Дерюжинскій, В. Ф. Habeas Corpus Актъ и его пріостановка по англійскому праву. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
Демосѳенъ. Олинѳскія рѣчи. Первая рѣчь противъ Филиппа. Изд. 3-е. Кіевъ, 1893 г. Ц. 65 к
— Рѣчи противъ Филип. (2, 3 и 4). Кіевъ, 1889 г. Цѣна 60 к.
Дефоэ. Робинзонъ Крузо, 1 и 2 ч. М., 1888 г. Ц. за обѣ ч. 4 р.
Джабадари, И. С. Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
Джеромъ, К. Праздныя мысли лѣнтя... Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
Диккенсъ, Чарльзъ. Пол. соб. со... 6 т. Спб., 1894 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.
Длусскій. Стенографія. Спб., 1889 Ц. 1 р. 50 к.
Добкевичъ, В. Конспектъ по уголов... ному процессу. Составилъ примѣнител... но къ программѣ юридической комми... сіи по судебнымъ уставамъ император...

Александра II. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Доброе дѣло. Сборникъ повѣстей и разсказовъ К. Баранцевича, А. Барыковой, Н. Гарина, А. Засодимскаго, В. Короленка, Н. Лѣскова, Д. Мамина-Сибиряка, Н. Минскаго, И. Потапенка, Н. Рубакина, А. Стернъ, С. Филиппова. Москва, 1894 г. Ц. 90 к.

Добротворскій, П. Разсказы, очерки и наброски. Спб., 1888 г. Ц. 1 р.

Додоновъ, А. М. Руководство къ правильной постановкѣ голоса и изученію искусства пѣнія. М., 1891 г. Ч. I. Ц. 50 к. Ч. II, практическая, М., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к. Одобрено Петербургской и Московской консерваторіями.

***Додэ, Альфонсъ.** Сцена и кулисы. М., 1895 г. Ц. 50 к.

***Дриль, Дм.** Преступность и преступники (уголовно-психологическіе этюды). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Дройзенъ, И. Г. Исторія эллинизма. Пер. М. Шелгунова. Т. I, ц. 3 р. 50 коп. М., 1891 г.; т. II, ц. 3 руб. М., 1893 г.; т. III, перев. Э. Циммермана. Ц. 4 р. 50 к. М., 1893 г.

Дрэперъ, Дж. В. Исторія умственнаго развитія Европы, въ 2-хъ томахъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дѣтское Чтеніе. XXV. Юбилейный номеръ. 1869—1894. Редакторъ П. В. Голяховскій. Спб., 1894 г.

Дювернуа, А. Словарь болгарскаго языка въ 9 т. М., 1889 г. Ц. 18 р.

— Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1867 г. Ц. 2 р.

— Станиславъ Зноемскій и Янъ Гусъ. М., 1871 г. Ц. 1 р. 60 к.

— Блаженный Меѳодій, первоучитель славянскій. Рѣчь, произнесенная въ университетѣ на празднествѣ тысячелѣтія дня кончины бл. Меѳодія. М., 1894 г. Ц. 40 к.

— Матеріалы для словар. древне-русскаго языка. М., 1894 г. Ц. 3 р.

Дюмуленъ. Цвѣтная фотографія. Воспроизведеніе красокъ фотографіей. М., 1895 г. Ц. 70 к.

Дюрсенъ, А., д-ръ. Спутникъ гинеколога. Руководство для студентовъ и врачей. Пер. съ третьяго дополненнаго и исправленнаго изданія, съ 105 рис. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

***Дю-Прель, Карлъ.** Философія мистики или двойственность человѣческаго существа. Перев. съ нѣм. М. С. Аксенова. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

...вневичъ. Гидравлика. Изд. 2-е. Спб., за два тома 6 р.

...вропейская библіотека. Генрихъ Ибсенъ. Счастливецъ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.

— Избранныя мысли Сафира. Спб., 1894 г. Ц. 30 к.

— Коппе, Франсуа: „Генріетта". Спб., 1894 г. Ц. 25 к.

— Тэнъ, Ипполитъ: „Бальзакъ". Спб., 1894 г. Ц. 30 к.

— Золя, Эмиль: „Завѣтъ матери". Спб., 1894 г. Ц. 40 к.

Ежегодникъ. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія и народныхъ картинъ 1893 г. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Елпатьевскій, С. Я. Очерки Сибири. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Ечинацъ, А. Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ. Для учителей, родителей и учениковъ. Спб., 1892 г. Ц. 45 к.

Жакье, Э. Сборникъ физическихъ задачъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.

Желанскій, А. Скамья и каѳедра. Разсказы изъ гимназической жизни семидесятыхъ годовъ. М., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Женэ, Рудольфъ. Шекспиръ, его жизнь, сочиненія. Переводъ А. Н. Веселовскаго, съ примѣчан. Н. Стороженка. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.

Жоржъ-Зандъ. Замокъ Вильпрэ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.

Жуковъ, Николай. Электрометаллургія и обработка металловъ электрическимъ токомъ. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.

Жюль Вернъ. Гекторъ Серваданъ, путешествіе въ солнечномъ мірѣ. Пер. Самойловичъ. Москва, 1887 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Жэ. Задачи по физикѣ. М., 1892 г. Ц. 2 руб.

Заблудовскій и Таненбаумъ. Другъ кочегара. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.

Забѣлинъ, И. Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.

Замысловатый квадратъ. (Головоломка). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна 25 к., пересылка за 1 ф. по разстоянію.

Записки желудка. Переводъ съ 10-го англійскаго изданія. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.

Засодимскій, П. В. Задушевные разсказы въ 2-хъ томахъ (изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 т. 1 р. 50 к., II т. 2 р. въ роскошномъ перепл.

Затруднительное путешествіе. (Игра-задача для дѣтей). Изд. Вл. А. Попова. Спб., 1894 г. Цѣна 15 коп., съ пер. 25 коп.

Законы о векселяхъ и упрощенный порядокъ судопроизводства. (Изданіе неоффиц.). М., 1894 г. Ц. 30 коп.

Зелинскій, В. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 2 р.

— Справочникъ по русскомъ правописанію. Вып. I, изд. 7-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Справочникъ по русскому правописанію. Вып. II. М., 1892 г. Ц. 50 к.

— Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій. Изд. 3-е. М., Ц. 25 к.

— Зрительный диктантъ. Ч. I, изд. 5-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Зрительный диктантъ. Ч. II, изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 40 к.

— Справочный словарь буквы Ѣ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 25 к.

— Корнесловъ русскаго языка. М., 1891 г. Ц. 50 к.

— Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 25 к.

— Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Обученіе грамотѣ по звуковому способу. М., 1893 г. Ц. 1 р.

— Критическій комментарій къ сочиненію Ѳ. М. Достоевскаго, три части. М., 1894 г. Цѣна по 1 руб.

— Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, три части. М., 1887 г. Цѣна по 1 руб.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ С. Пушкина, три части. М., 1888 г. по 1 руб.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого, три части. М., 1888 г. по 1 руб.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, двѣ части. М., 1889 г. Ц. по 1 руб.

— Критическіе разборы романа Тургенева „Отцы и дѣти". М., 1894 г. Ц. 35 к.

— Критическіе разборы романа Достоевскаго „Братья Карамазовы". М., 1894 г. Ц. 50 к.

— Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. I. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— Критическіе Момментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. II. Ц. 1 р. М., 1895 г.

Землеръ, Генрихъ. Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. М., 1890 г. Ц. 75 к.

Земмерфельдъ, Т., д-ръ. Какъ предохранить себя и своихъ дѣтей отъ скарлатины, дифтерита, чахотки, тифа и друг. заразныхъ болѣзней. Врачъ въ домѣ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Зиберъ, Н. И. Очерки первобытно-экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1883 г.

Златовратскій. Новые разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Золя, Эмиль. Серія романовъ Ругоны-Маккаръ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 21 р.

Зонтагъ. Болѣзни желудка и кишекъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Зудерманъ, Г. Честь. Комедія въ 4-хъ д. М., 1891 г. Ц. 50 к.

— Родина. Драма въ 4-хъ д. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Свадьба Іоланты и др. разсказы. М., 1895 г. Ц. 40 коп.

Зутнеръ, Берта. Долой оружіе. Спб., 1898 г. Ц. 80 к.

Ибсенъ, Генрикъ. Привѣдѣнія (Драма въ 3 актахъ), переводъ Бальмонта. М., 1894 г. Ц. 50 к.

*— Маленькій Эйольфъ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Съ портретомъ автора и краткими свѣдѣніями объ его жизни и литературной дѣятельности. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Ивановъ, Ив. Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII-го вѣка. М. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Иванюковъ, И. Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб., 1882 г. Ц. 3 руб.

— Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 3 р.

— Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Игерингъ, Рудольфъ. Борьба за право. Пер. Волкова. М., 1874 г. Ц. 75 к.

Игра футоолъ съ политипажами въ текстѣ. М., 1895 г. Ц. 70 к.

Изъ дневника Аміеля. Пер. съ фр. М. Л. Толстой. Спб., 1894 г. Ц 35 к.

Изготовленіе рисунковъ для волшебнаго фонаря. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Иллюстрированная сказочная библіотека. 30 сказокъ Андерсена, въ переводѣ Порозовской, со множествомъ рисунковъ. Цѣна каждой книжки отъ 5 до 20 коп. 6 сказокъ Гауфа. Ц. та же. Спб., 1894/5 г.

Иллюстрированная пушкинская библіотека (Изд. Павленкова), состоящая изъ 40 книжекъ со многими иллюстрац., цѣною отъ 2 к. и дороже (изд. 2). Спб., 1891 г.

Иллюстрированная Лермонтовская библіотека (изд. Павленкова), состоящая изъ 30 книжекъ, цѣною отъ 2 коп. и дороже. Спб., 1891 г.

Ингремъ, Джонъ. Исторія политической экономіи. Пер. подъ редакціей Янжула. Ц. 1 р. 50 к. М., 1891 г.

Кадіа. Электричество. Изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.

***Казанскій, А.** Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Казотъ. Влюбленный дьяволъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Камаровскій, Л., проф. Война или миръ? Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.

Канониковъ. Руководство къ химическимъ изслѣдованіямъ питательныхъ [illegible] вкусовыхъ веществъ. Спб., 1891 г. Ц. [illegible]

Канторовичъ, Я. Литературная [illegible]ственность. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Кантъ, Иммануилъ. Пролегом[illegible] ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2[illegible] М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Кандезъ, Э. Приключеніе сверч[illegible] Спб., 1889 г. Цѣна въ роскошн. пе[illegible]плетѣ 2 р. 50 к.

Карасевъ. А. Музыкальная хрестоматія. Ч. I. Дѣтскій возрастъ. М. Ц. 40 к. Тоже часть II. Ц. 60 к.

Каронинъ (Петропавловскій). Разсказы. 3 т. М., 1890 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.

Каро, Э. Пессимизмъ въ XIX в. Изд. 2-ое. М. 1893 г. Ц. 1 р.,
— Современная критика и причины ея упадка. М. 1883 г. Ц. 30 к.

Карышевъ, Ив. А. Православно-христіанскій взглядъ на основанія, принятыя гр. Л. Н. Толстымъ для своего лжеученія, изложеннаго въ его сочин. „Въ чемъ моя вѣра". М., 1891 г. Ц. 60 к.
— Духовно-нравственный міръ въ человѣкѣ по ученію св. православной вѣры. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Богъ неопровержимъ наукой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
*— Составъ человѣческаго существа. Жизнь и смерть. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Каррьеръ, Морицъ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ человѣка. Пер. Е. Корша. Т. I, ц. 3 р. Москва, 1870 г. Т. II, ц. 3 р. 50 к. Москва, 1871 г. Т. III, ц. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, ц. 4 р. Москва, 1874 г.

Карѣевъ, Н., проф. Роль идей, учрежденій и личности въ исторіи. Одесса, 1895 г. Ц 20 к.
*— Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Каццолино, Пр. Гигіена уха. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Квикъ. Реформаторы воспитанія. Перев. и передѣлка З. Перцовой. Москва, 1893 г. Ц. 2 р.

Квитка-Основьяненко. Панъ Халявскій. Миніатюрное изданіе Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1893 г. Ч. 1-я и 2-я. Ц. 50 к.
— Драм. соч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.
— Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грыцкомъ Основьяненкомъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 75 к.

Кенигсбергъ, М. М., д-ръ медиц. Главныя основы анатоміи, физіологіи и гигіены въ научно-популярныхъ бесѣдахъ. Съ предисловіемъ профессора Эрисмана и 38 рисунками въ текстѣ. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 2 р.

Кенигъ, Ф., д-ръ. Руководство къ частной хирургіи для врачей и учащихся. Въ 2 томахъ, съ 278 рис. Русское изд. третье. Спб., 1894 г. Ц. 10 р.

Кесслеръ. Синтаксисъ латинскаго языка для гимназій. Изд. 6-е. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.

Киландъ, Александръ. Ядъ. Фортуна (два романа). М., 1895 г. Ц. 1 р.

Кингсфордъ, Анна, докт. мед. Научныя основанія вегетаріанства. Пер. съ англ. М., 1893 г. Ц. 30 коп.

Кистяковскій, А. Ө. Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. Третье изданіе. Кіевъ, 1891 г. Часть общая. Цѣна 4 р.

***Клау, Ө. Ө.** Краткій очеркъ химическихъ явленій. Составилъ по программѣ реальныхъ училищъ. Съ 34 политипажами въ текстѣ. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 70 к.

Кнейппъ, Севастьянъ. Мое водолеченіе. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Изд. 3-е. Спб., 1887 г. Ц. 3 р.

Кобеллъ. Таблицы. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Ковалевская, Софія, и Леффлеръ, А. Борьба за счастье. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.

Ковалевскій, М. Очеркъ происхожденія семьи и собственности. Лекціи, читанныя въ Стокгольмскомъ университетѣ. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
— Происхожденіе современной демократіи. Въ 2-хъ томахъ. М., 1895 г. Цѣна каждаго тома 2 р. 50 коп.

***Козловъ, А. А.** Очерки изъ исторіи философіи. Понятія философіи и исторіи философіи. Философія восточная. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р.
*— Тардъ (G. Tarde) и его теорія общества. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р.
*— Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики. Кіевъ, 1887 г. Ц. 75 к.
*— Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого: „О жизни". М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.
*— Свое слово. Философско-литературный сборникъ, издаваемый вмѣсто „Философскаго трехмѣсячника". Кіевъ, 1888 г. № 1. Ц. 2 р. съ пер.; 1889 г. № 2. Ц. 2 р. съ пер.; 1890 г. № 3. Ц. 2 р. съ пер.

Козловскій, С. А. Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариѳметическихъ задачъ И. П. Верещагина. Ч. III. Отношенія, пропорціи и правила тройныя (простое и сложное), простыхъ процентовъ, учета векселей, цѣнное, пропорціональнаго дѣленія, смѣшенія и уравненія сроковъ платежей (съ № 2466—3288 включительно). Минскъ, 1895 г. Ц. 75 к.
*— Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариѳметическихъ задачъ А. Малинина и К. Буренина. Вып. II. Правило процентовъ (простыхъ и сложныхъ). Съ № 2891—3100 включительно. Борисовъ, 1894 г. Ц. 25 к., съ перес. 35 к.

***Козлинина, Е. И.** Обездоленныя дѣти. Очеркъ изъ судебной практики. М., 1894 г. Ц. 60 к.

***Колеръ, I., проф.** Шекспиръ съ точки зрѣнія права. (Шейлокъ и Гамлетъ). Переводъ съ нѣмецкаго. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Коломбо, маркиза. Красавица. Разсказъ. Перев. съ итальян. М., 1894 г. Ц. 35 коп.

Коломбъ, Ж. Дѣдушкина внучка. Съ французскаго. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб. въ роскошн. переплетѣ.

* **Колубовскій, Я.** Философскій ежегодникъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кольбе. Введеніе къ ученію объ электричествѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Колэ, Л. Дѣтство и юность великихъ людей (Важнѣйшіе эпизоды и выдающіяся приключенія въ ихъ жизни). Съ 57 рис. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Корелинъ, М. С. Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія. Вып. 1 и 2. М., 1892 г. Ц. за оба выпуска 6 р.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь. 25 выпусковъ. Ц. каждаго вып. 40 к. М. 1892—1895 гг. (всего будетъ 35—40 выпусковъ).

Корнетъ, Г. Какъ уберечь себя отъ чахотки. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Коропчевскій, Д. А. Люди. Этнографическіе очерки. Съ картой Африки. М., 1886 г. Ц. 65 к.

Короленко. Голодный годъ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Ц. 35 к.

Корсакъ, Марія. Первоначальные уроки русской грамматики. Ц. 60 коп. М., 1878 г.

Коршъ. Всеобщая исторія литературы. Томъ III. Спб., 1888 г. Ц. 5 р.

— Томъ IV. Спб., 1888 г. Ц. 6 р. 50 к.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь 5 вып. (1 т.). Ц. каждаго вып. 40 к. М., 1892—1895 года (всего будетъ 35—40 выпусковъ).

Корнигъ. Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.

— Гигіена цѣломудрія. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.

Корфъ, Н. А. Нашъ другъ, книга для чтенія въ школѣ и дома (16 изд.). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Костычевъ, П. Общедоступное руководство къ земледѣлію (Изд. 2). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

— Обработка и удобреніе чернозема. Сбп., 1892 г. Ц. 2 р.

— Ученіе объ удобреніи почвъ. (Изд. 2). Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Котельниковъ, М. Г. Справочная книжка по винокуренію для лицъ акцизнаго надзора. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Котельниковъ. Начальныя свѣдѣнія по скотоводству (Изд. 3). Спб., 1893 г. Ц. 40 к.

— Бесѣды по земледѣлію. Вып. I. О почвѣ. 1893 г. Вып. II. Объ удобреніи почвы. 1894 г. Вып. III. Травосѣяніе 1894 г. Вып. IV. О сѣменахъ и посѣвѣ, 1895 г. Вып. V. О воздѣлываніи хлѣбовъ. 1894 г. Вып. VI. Широколиствен. мучнистыя растенія. 1892 г. Вып. VII. О воздѣл. картофеля и корнеплодовъ. 1894 г. Спб. Цѣна кажд. вып. 30 к.

Коченовскій. Краткое руководство къ простому изслѣдованію сельско-хозяйственныхъ матеріаловъ и продуктовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 80 к.

Краткій курсъ кожныхъ и венерическихъ болѣзней. Составленный примѣнительно къ программѣ испытательной медицинской коммиссіи. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Краффтъ-Эбингъ. О здоровыхъ и больныхъ нервахъ. М., 1885 г. Ц. 75 к.

— Судебная психопатологія (Перевелъ Ал. Черемшанскій). Спб., 1895 г. Ц. 5 руб.

*— Прогрессивный общій параличъ. Пер. д-ра Вольтера. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Альбомъ, группы и портреты. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кривенко, Н. Бесѣды о рогатомъ скотѣ. М. 1892 г. Ц. 70 к.

* **Кривенко, С. Н.** На распутьи. (Культурные скиты и культурныя одиночки). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

* **Кривошеинъ, Г. Г., и Саткевичъ, А. А.** Военные инженеры. Висячій мостъ со среднимъ шарниромъ статически-опредѣлимая система. Чертежи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Криста, М. Конецъ крейцеровой сонаты Льва Толстого. Спб., Ц. 30 к.

Криницкій, Маркъ. Въ туманѣ. Москва, 1895 г. Ц. 40 к.

Крихлеръ, Францъ. Породы собакъ. Описаніе всѣхъ породъ собакъ: охотничьихъ, сторожевыхъ, защитныхъ и комнатныхъ. Дрессировка собакъ. Лѣчебникъ собакъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Кругловъ, А. В. Свои-чужіе. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.

— Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1894 г. Цѣна 1 р.

— Незабудки. Разсказы и стихотворенія для дѣтей. Спб. 1885 г. Ц 1 р. 50 к., въ роскошн. перепл.—2 р.

— Вечерніе досуги. Сборникъ дѣтск. разсказ. и стихотвореній, съ 45 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Добрымъ дѣтямъ иллюстрированные разсказы въ прозѣ и стихахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Крыловъ, И. А. Избранныя басни для школъ и народа. М., 1895 г. Ц. 8 к.

Ксенофонтъ. Анабазисъ. Подстрочн. пер. Кремера. Книга I-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Книга II-я, изд. 3-е. Кіевъ, 189 Ц. 40 к.

— Книги III-я, и IV-я, изд. 2-е. Кіе 1892 г. Ц. 60 к.

— Книги V-я, VI и VII. Кіевъ, 1892 Ц. 1 р.

Куглеръ, Францъ. Руководство къ исторіи искусства, обработан. Люб Пер. Е. Корша. Ч. I, съ 320 рисунк.

текстѣ, ц. 5 р. М. 1869 г.; т. II, ц. 5 р. съ 167 рис. М. 1870 г.
— Руководство къ исторіи живописи со времени Константина Великаго. Перев. И. К. Васильева, съ портрет. автора. Ц. 7 р. М., 1872 г.
Кузьминскій, К. Н. Устройство сцены для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.
Кулагинъ Н. Насѣкомыя, вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
Кулешовъ, П. Свиноводство. М. 1893 г. Ц. 1 р.
— Коневодство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.
— Научныя и практическія основанія подбора племенныхъ животныхъ въ овцеводствѣ. М. 1890 г. Ц. 2 р.
Куно - Фишеръ. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 1 руб. 25 к. М., 1882 г.
*— Артуръ Шопенгауэръ. Пер. Грумъ-Гржимайло. М., 1894 г. Цѣну за два выпуска 2 р. 50 к., по выходѣ второго выпуска 3 р.
Курбскій, А. С. Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. Спб., 1875 г. Ц. 2 р.
Курціусъ, Эрнстъ. Т. II, пер. А. Веселовскаго. Ц. 5 р. М., 1883 г. Т. III, пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1880 г.
Лабрюйеръ, Жанъ. Характеры или нравы этого вѣка (съ предисловіемъ Прево-Парадоля и Сентъ-Бёва). Спб., 1890 г. Ц. 2 р.
Лабулэ, Эдуардъ. Голубыя сказки. Въ роскошномъ переплетѣ съ 150 рисунк. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
Лавелэ, Эмиль. Балканскій полуостровъ. Пер. Н. Е. Васильева. Ц. 6 р. М., 1889 г.
*— Основанія политической экономіи. Переводъ съ 4-го французскаго изданія. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Лависъ, Э. Общій очеркъ политической исторіи Европы. М., 1891 г. Ц. 50 к.
Лампрехтъ, Карлъ. Исторія германскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I (части 1 и 2). Ц. 4 р. М., 1894 г.
***Ланге, Н. Н.** Психологическія изслѣдованія. Законъ перцепціи. Теорія волевого вниманія. Одесса, 1893 г. Ц. 2 р.
Ландцертъ, В. П. Спутникъ по Россіи. Лѣтнее движеніе. М., 1895 г. Ц. 50 к.
***Лаоси.** „Тао те кингъ". Переводъ съ китайскаго со введеніемъ Д. П. Конисси. М., 1894 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.
Леббокъ, Дж. Красота природы и чудеса міра. Пер. подъ ред. А. М. Павлова, съ 36 полит. Ц. 1 р. 50 к. М., 1893 г.
— Радости жизни. Второе исправленное и дополненное изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
*— Какъ надо жить. Перев. съ англійскаго. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Лёбе, В. Молочное хозяйство, молочный скотъ, маслодѣліе и сыровареніе. Съ 42 рис. въ текстѣ. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
Лёвенфельдъ. Л. Половая неврастенія. Одесса, 1892 г. Ц. 1 р.
Левицкій, В. Н. Временныя правила о волостномъ судѣ, преобразованномъ по закону 12 іюля 1889 года. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Левитовъ. Собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и статьей о его жизни Ф. Д. Нефедова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Ц. 1 р. 50 к. М., 84.
Ле-Бонъ, Губтавъ. Эволюція цивилизацій. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
Ладвезъ. Фото-сепія и фото-сангвинъ. Руководство для фотографовъ-любителей. М., 1895 г. Ц. 35 к.
Лейбницъ, Г. В. Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
*— Избранныя философскія сочиненія. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
Лейненбергъ, Н. Берегите дѣтей отъ вина, пива и водки! Мнѣнія 45 выдающихся ученыхъ о вліяніи спиртныхъ напитковъ на тѣлесное, духовное и нравственное здоровье дѣтей. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
Леонтьевъ, Н. І. Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.
Лермонтовъ, М. Ю. Пол. собр. сочиненій. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
Лессингъ, Г. Минна фонъ-Барнгельмъ. Перев. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Эмилія Галотти. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Натанъ Мудрый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Молодой ученый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Гамбургская драматургія. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 3 р М., 1883 г.
— Драматич. соч.: Минна фонъ Барнгельмъ, Эмилія Галлотти, Натанъ Мудрый. Спб. 1886 г. Ц. 2 р.
Лесгафтъ, Ф. Хлѣбопекарное производство (по Бирнбауму) и описаніе производства сухарей и проч. на русскихъ заводахъ. Спб., 1880 г. Ч. I. Ц. 3 р.
Ливій, Титъ. Подстрочный переводъ 30-й книги сдѣл. Румянцевъ и Подгурскій. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
— Исторія Рима отъ основанія города. Книги I и II. Кіевъ, 1892 г. Ц. по 75 к.
— Римская исторія Кн. XXI, XXII. Изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Цѣна 60 к.
***Лидовъ, А. П., проф.** Руководство къ химическому изслѣдованію жировъ и восковъ. Съ 38 рисунками въ текстѣ. Харьковъ, 1894 г. Ц. 3 р.
Липпертъ, Ю. Исторія культуры. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
Ли, Іонасъ. Осужденный на вѣкъ. Разсказъ, съ норвежск. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Лихіе наѣздники. (Шутка-задача для дѣтей). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна 10 к.

Лодыгинъ, П. Дѣдушкины разсказы о лошади—кормилицѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.

***Лопатинъ, Л. М.** Понятіе объ индукціи. М., 1893 г. Ц. 25 к.

*— Положительныя задачи философіи. М., 1886 г. Ц. 2 р.

Лотце, Германъ. Микрокозмъ (мысли о естественной и бытовой исторіи человѣка, опытъ антропологіи). Пер. Е. Корша. Часть I. Ц. 2 р. М., 64 г. Часть II. Ц. 2 р. М. 66 г. Часть III. Ц. 2 р. 50 к. М., 67 г.

Луговой, А. Добей его! (Pollice verso). Параллели. Москва, 1893 г. Ц 50 к.

— Соч. Т. I. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

— Сочиненія. Т. II-ой. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Лункевичъ, В. Наука о жизни. Общедоступная физіологія человѣка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Лучицкій, И., проф. Проповѣдникъ религіозной терпимости въ XVI вѣкѣ. М., 1895 г. Ц. 30 к.

Льюисъ, Георгъ Генри. На берегу моря (зоологическіе этюды). М., 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лѣтневъ, П. Невидимый бичъ. Ром. Вмѣсто хлѣба, камень. Ром. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р. 50 к.

— Бархатные когти. Ром. въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— На волоскѣ. Ром. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— Современный недугъ. Ром. въ 3-хъ ч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

— Поперекъ дороги. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

— На смѣну прошлаго. Ром. Безъ воли. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р.

— Бѣшеная лощина. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

- Волчья яма. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.

— Сочиненія. 10 томовъ. Кіевъ, 189 г. Ц. 8 р.

Любке, Вильгельмъ. Исторія пластики съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Перев. В. Чаева, съ 231 рис. въ текстѣ. Ц. 6 р. М., 1870 г.

Магаффи, Дж. Исторія классическаго періода греческой литературы. Пер. А. Веселовской. Т. I (поэзія). Ц. 3 р. М., 1882 г. Т. II (проза). Ц. 3 р. М., 1883 г.

Магнусъ Блаубергъ. Русское виноградное вино и хересъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.

Маевскій, П. Флора средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растенія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к. Изд. 2-е исправлен. и дополнен.

Майеръ, Викторъ. Задачи химіи нашего времени. Спб., 1890 г. Ц. 50 к.

Мазуринъ, К., и Высоцкій, В. Формулы по ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ. М., 1887 г. Ц. 50 к.

Макарова, С. Отголоски старины. Историческіе разсказы для дѣтей. М., 1894 г. Ц. въ папкѣ 1 р., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 30 к.

Македонскій. Права и обязанности подсудимаго предъ военнымъ судомъ. М., 1886 г. Ц. 1 р.

Маклеодъ, Д. Г. Основанія политической экономіи. Спб., 1865 г. Ц. 2 р. 50 к.

Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Т. I. М., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Максимовъ, С. В. Годъ на сѣверѣ. М. 1890 г. Изд. 4-е. Ц. 3 р.

— Куль хлѣба и его похожденія. Четвертое иллюстрированное изданіе. Спб., 1894 г. Ц. р. 50 к.

Мальтусъ, Т. Р. Опытъ закона о народонаселеніи. Вып. III. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Дѣтскія тѣни. М., 1894 г. Ц. 80 к.

— Разсказы и сказки для дѣтей младшаго возраста. М., 1895 г. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к.

— Акъ-Бозатъ. Разсказъ. М., 1895 г. Ц. 30 к.

— Уральскіе разсказы. Т. II. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Горное гнѣздо. Романъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

*— Три конца. (Уральская лѣтопись). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Мантегацца, П. Физіологія любви. Второе исправленное изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Физіологія женщины. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мартыновъ. Anciens monuments des environs de Moscou. M., 1889 г. Ц. 10 р.

Мартъ, Констанъ. Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Переводъ М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1879 г.

Матеріалы для біографіи Добролюбова, собран. въ 1861—1862 гг. Т I. Ц. 2 р. М., 1890 г.

Маракуевъ, Н. Н. Элементарная алгебра въ 2-хъ ч. М., 1887 г. Ц. 4 р.

— Галилей, его жизнь и ученые труды. М., 1888 г. Ц. 35 к.

Масперо, Ж. Древняя исторія на довъ Востока. Москва, 1895 г. Ц. 3

Массе. Исторія кусочка хлѣба. Сп. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к.

Масловичъ, Н. Татьянинъ день 1 января. Харьковъ, 1895 г. Ц. 20 к.

Маудсли, Генри. Сонъ и сновид нія. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

Мауреръ, Людвигъ. Введеніе

исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. В. Корша. Ц. 2 руб. 75 к. М., 1880 г.

Мачтетъ, Григорій. Баба и другіе разсказы. (Силуэты. Т. I.). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Блудный сынъ. Повѣсть. (Силуэты. Т. I). Изданіе 2-ое. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.

*— На досугѣ. Новый сборникъ повѣстей и разсказовъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.

*— Живыя картины. Новый сборникъ повѣстей и разсказовъ. М. 1895 г. Ц. 1 р.

Между прочимъ. Сбор. разсказовъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Международная библіотека. № 1. Ферд. Брюнетьеръ. Источники пессимизма, 2-е изд. Ц. 15 к. № 2. Кеттлеръ. Что такое женская эмансипація. 2-е изд. Ц. 15 к. № 3. Вундтъ. Связь философіи съ жизнью за послѣднія 100 л. 2-е издан. Ц. 15 к. № 4. Леметръ. Этюды о русскихъ писателяхъ: Достоевскій, Островскій. 2-е изд. Ц. 15 к. № 5. Шенбахъ. Государственный строй С.-Амер. Соедин. Штатовъ. 2-е изд. Ц, 15 к. № 6. Брюнетьеръ. Отличительный характеръ французской литературы. Ц. 15 к. № 7. Шарль Рише. Геніальность и помѣшательство. Ц. 15 к. № 8. фонъ-Шеля. Самоубійство и современная цивилизація. Ц. 15 к. № 9. И. Тэнъ. Шекспиръ. Ц. 15 к. № 10. Рене Думикъ. Литература и вырожденіе. Ц. 15 к. № 11. Луйо Брентано. Причины экономическаго разстройства въ Европѣ. Ц. 15 коп. № 12. Брандесъ. Звѣрь въ человѣкѣ. Ц. 15 к. № 13. Лесли Стефенъ. Этика и борьба за существов. Ц. 15 к. № 14. Отто-Генне-амъ-Ринъ. Законы культуры. Ц. 15 к. № 15. Ф. Штрайслеръ. Происхожденіе семья. П. 15 к. № 16—17. А. Фулье. Псих. о..ія мужчины и женщины и ея физіологическія основанія. Ц. 25 к. № 18. А. Шопенгауэръ о возростахъ человѣка. Ц. 15 к. № 19. По Лабанду. Государственный строй германской имперіи. Ц. 15 к. № 20. Густавъ Шенбергъ. Новая политическая экономія. Ц. 15 к. № 21. Альфредъ Бинэ. Механизмъ мышленія. Ц. 15 к. № 22. Ф. Паульсенъ. Гамлетъ, какъ трагедія пессимизма. Ц. 15 к. Рюмелинъ. Что такое соціальный законъ № 23. Ц. 15 к. Фердинандъ Лагранжъ. Реформа физическаго воспитанія № 24. Цѣна 20 к. Шарля Ферре. Наслѣдственность болѣзненнаго предрасположенія № 25. Ц. 15 к. Миттермайеръ. Судъ присяжныхъ и его значеніе № 26. Ц. 15 к. № 27. Сила и право. Меркеля. № 28. Основы государственной критики. А. Гацфельдта. № 29. Государственный строй Франціи, по Лебону. № 30. Исторія народнаго образованія въ Англіи, Л. Флейшнера. Ц. 15 к. № 31. Нервная система человѣка. Д-ра П. Мёбіуса. Ц. 15 к. № 32. Эмиль Золя. Георга Брандеса. Ц. 15 к.

Мёбіусъ, д-ръ. Гигіена, діэта и леченіе нервныхъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Мейеръ. Основанія теоретической химіи. Спб., 1894 г. Ц 2 р.

Мекензи, Уоллэсъ. Россія. Т. I и II. Спб., 1880. Ц. 5 р.

Мензбиръ, М. Дарвинизмъ въ біологіи и близкихъкъ ней наукахъ. М., 1886 г. Ц. 75 к.

Мессеръ. Звѣздный атласъ. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 5 р.

Металлодавильное дѣло (выдавливаніе полыхъ металлическихъ издѣлій) съ 8 табл. М., 1898 г. Ц. 1 р. 35 к.

Микуличъ, В. Зарницы. М., 1895 г. Ц. 65 к.

Миллеръ, В. П. Аквариумъ. Краткое руководство къ уходу за аквариумомъ и его населеніемъ. Описаніе водяныхъ растеній и рыбокъ. Съ 37 рис. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Милль, Джонъ-Стюартъ. Основанія политической экономіи. Вып. IV. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Мильтонъ. Потерянный и возвращенный рай. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Милюковъ, П. Н. Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.

— Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Михайловъ-Викторовъ. Собраніе анекдотовъ изъ жизни замѣчательныхъ людей. Т. 2. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.

Михайловскій, Н. К. Литература и жизнь. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

— Критическіе опыты. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб.. 1895 г. Ц. 1 р.

Михеевъ, В М. Художники. Очерки и разсказы. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Мольеръ, Собр. соч. въ 3-хъ т. Спб., 1884 г. Ц. 7 р. 50 к.

Молло, М. Правила адвокатской профессіи во Франціи. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Момсенъ, Ѳ. Римская исторія. Перев. Невѣдомскаго. Т. I, ц. 6 р. М., 1887 г. Т. II и III, ц. 7 р. М., 1887 г. Т. V, ц. 3 р. 50 к. М., 1885 г.

Мопассанъ, Гюи. Монтъ-Оріоль. Москва, 1894 г. Ц. 70 коп.

— Сочиненія, избранныя Л. Н. Толстымъ. 1 т. М 1893 г. Ц. 1 р. 25 к. Т. 2-й. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— На водѣ, сборникъ разсказовъ. Пер. съ фр. Никифорова, съ предисловіемъ Л. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Морлей, Джонъ. Вольтеръ. Переводъ съ 4-го англ. изд. М., 1889 г. Ц. 2 р.

— Руссо. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1881 г.

— Дидро и энциклопедисты. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1882 г.

Моръ. Краткая этимологія греческаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Книга упражненій по греческому языку. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

***Мороховецъ, Левъ, проф.** Имп. Моск. унив. Физико-химическія основы біологическихъ и врачебныхъ методовъ изслѣдованія съ физіологической техниковой для естествоиспытателей, врачей и студентовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 30 к.

Москвичъ. Путеводитель по Крыму (4 изд.). 1895 г. Ц. въ коленк. пер. 1 р.

Мостовскій М. Этнографическіе очерки Россіи. М., 1874 г. Ц. 1 р.

Мотлей, Д. Л. Исторія Нидерландской революціи. 3 т. Спб., 1865 г. Ц. 7 р. 50 к.

Мункъ, І., д-ръ мед. Руководство къ кормленію больныхъ, для врачей, студентовъ и завѣдующихъ больницами, пріютами и пр. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.

Мусселіусъ. В. Русско-латинскій словарь. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Мудреный кругъ. (Головоломка). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна 25 коп., пересылка за 1 ф. по разстоянію.

Мятлевъ, И. П. Полное собр. сочиненій. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— Полное собраніе сочиненій. Изданіе иллюстрированное. М., 1894 г. Три тома. Ц. 1 р. 20 к.

Мясницкій, Ив. Замоскворѣцкія свахи. Юмористич. разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— „На добрую память“ изъ русскихъ писателей. Книга для семейнаго чтенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к., составл. Никифоровымъ.

***N. N.** Снабженіе горячей водой небольшихъ жилыхъ домовъ. Переводъ съ англійскаго инж. техн. Л. Л. Боровича. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Надсонъ, С. Я. Литературные очерки (1883—1886 гг.). Спб., 1887 г. Изд. 2-е Ц. 1 р.

Наединѣ. Сборникъ переводныхъ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній Матильды Серао, Альфонса Додэ, Бьёрнсонъ - Бьернстерна, Генри Лонгфелло, Гюи де-Мопассана, Уйда, Поля Маргеритъ, Франсуа Коппэ, Пьера Лоти, Жана Ришпена, Поля Бурже. М., 1894 г. Ц. 70 коп.

Народныя русскія сказки и загадки. Собраны сельскими учителями Тульск. губ. въ 1862 и 1863 годахъ. Редакція А. А. Эрленвейна. Изд. 2-е. М., 1892 г. Ц. въ папкѣ 1 р.

Неверъ, Эмилія. Искусство быть красивой. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Немировичъ - Данченко. В. И. Гроза. Ром. въ 2-хъ ч. Изд. седьмое. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Бѣломорье и Соловки. Изд. 4-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Ѳедька-рудокопъ. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— Контрабандисты. Романъ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 2 р.

— На краю свѣта. Другъ за друга. Изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. Повѣсть для дѣтей. Въ трехъ частяхъ. Москва, 1893 г. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 30 к.

— Большое сердце. Повѣсть. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.

Немировичъ-Данченко, Влад. Ив. Старый домъ (Мертвая ткань). М., 1895 г. Ц. 1 р.

Нетыкса, М. А. Краткое руководство кузнечнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Крат. руков. слесарнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

— Техника черченія (о томъ, какъ и чѣмъ чертить). Съ 433 политипаж. въ текстѣ и 4 литогр. табл. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 к.

— Способы воздухонасыщенія комнатныхъ акваріумовъ. Съ 37 политипаж. въ текстѣ. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Нефедовъ, Ф. Д. Сочиненія. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. М., 1894 г.

— Томъ II. М., 1805 г. Ц. 1 р. 50 к.

Нивеллирный планъ города Москвы, съ указаніемъ раздѣленія города на судебно-мировые участки и съ описаніемъ ихъ. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Никитинъ, В. Н. Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировыхъ судей шестидесятыхъ годовъ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Николаевъ, П. Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Соціологическій этюдъ. Ц. 1 р. 50 коп. М., 1892 г.

Николаевъ, Н. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Нордау, Максъ. Вырожденіе. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Въ поискахъ за истиной (парадоксы, изд. 3-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Нотнагель, Г. д-ръ. Руководство къ фармакологіи, въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 4 р.

Новѣйшая исторія Англіи 1865—1895 гг. Краткій очеркъ событій. Изд. „Международной библіотеки“. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Новѣйшая исторія Германіи 1866—1895 гг. Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Нурокъ. Ключъ къ русскимъ упр[illegible] грам. англійскаго языка. Кіевъ, 18[illegible] Ц. 50 к.

Ньюкомбъ, С., и Энгельма[illegible] Р. Астрономія въ общепонятномъ и[illegible]женіи. Спб., 1894—1895 гг. Ц. I и [illegible] вып. по 1 р. 40 к., подписная ц[illegible] за все соч. (4 вып.) 5 р. 60 к.

Нюренбергъ, А. М. Городовое п[illegible]женіе (изд. 2-е). М., 1893 г. Ц. 8[illegible]

— Правила о раздробительной торговлѣ крѣпкими напитками (изд. 2). М., 1894 г. Ц. 1 р.

Обзоръ дѣятельности комитета грамотности, состоящаго при Императорскомъ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства. М., 1895 г. Ц. 15 к.

Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ при участи Э. К. Брандта составленъ Я. Н. Шмулевичемъ (Изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 3 р.

Объ устройствѣ водяныхъ клозетовъ (16 рис. въ текстѣ), изд. „Ремеслен. Газеты“. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Овидій, Назонъ. Избранныя басни изъ „Метаморфозъ“. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к. Пер. 8-й, 11-й, 12-й и 15-й книги „Метоморфозъ“.

— Переводъ 1-й и 2-й книги съ прилож. біографіи автора. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

— Пер. 6-й, 7-й и 13-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

— Переводъ 3-й, 10-й, 14-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 40 к.

Огородниковъ, П. Въ странѣ свободы. Библіотека современныхъ писателей. Въ 2-хъ т. Спб., 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

Оже, Люсьенъ. Семь чудесъ свѣта. Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ научною цѣлью. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Ольденбергъ, Германъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.

Оржешко, Элиза. Диарка. Повѣсть. Пер. съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Орловъ, К. В., д-ръ мед. Основы діагностики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней у призываемыхъ къ военной службѣ солдатъ. Изд. 2 исправленное и дополненное. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб.

Оровичъ, Я. Женщина въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.

*О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ психологическаго общества. М., 1889 г. Ц. 2 р.

Освальдъ, Фридрихъ. Лягавая собака. Руководство къ уходу за лягавою собакой. Ея воспитаніе, содержаніе и дрессировка безъ побоевъ. Лечебникъ собакъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Острогорскій, Викторъ. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. 1894 г. Ц. 40 к.

— Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихъ и учащихся. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 50 к.

— Изъ міра великихъ преданій. Разсказы для юношества. Изд. 5-е. М, 1894 г. Ц. 1 р.

— Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.

— Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Хорошіе люди. Сборникъ разсказ. съ 45 рисунк. (изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 1 р., въ роскошн. перепл.—1 р. 60 к.

*— Изъ исторіи моэго учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

П., Г. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 35 к.

Павленковъ, Ф. „Жизнь замѣчательныхъ людей“ (Біографическая библіотека). Аввакумъ, Андерсенъ, Аристотель, Бальзакъ, Бахъ, Байронъ, Бентамъ, и Беккаріа, Берне, Бэконъ, Бѣлинскій, Карлъ Бэръ, Беранже, Бетховенъ, Богданъ Хмѣльницкій, Боккачіо, Бомарше, Боткинъ, Джіордано Бруно, Рихардъ Вагнеръ, Леонардо-да-Винчи, Волковъ, Вольтеръ, Воронцовы, Галилей, Гарвей, Гарибальди, Гаррикъ, Гегель, Гейне, Гёте, Гладстонъ, Глинка, Говардъ, Гоголь, Гракхи, Грибоѣдовъ, Григорій VII, А. Гумбольдъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Дагерръ и Ніэпсъ, Даламберъ, Дантъ, Дарвинъ, Даргомыжскій, Дашкова, Демидовы, Державинъ, Дефо, Дженнеръ, Диккенсъ, Добролюбовъ, Достоевскій, Жоржъ-Зандъ, Жуковскій, Ивановъ (художн.), Іоаннъ Грозный, Кальвинъ, Канкринъ, Кантъ, Кантемиръ, Каразинъ, Карамзинъ, Карлейль, Кеплеръ, Кетле, Ковалевская, Колумбъ, Кольцовъ, Конфуцій, Кондорсэ, Контъ, Коперникъ, баронъ Корфъ, Крамской, Кромвель, Крыловъ, Кювье, Лавуазье, Лапласъ, Лейбницъ, Лермонтовъ, Лессепсъ, Лессингъ, Ливингстонъ, Линкольнъ, Линней, Лобачевскій, Лойола, Локкъ, Ломоносовъ, Ляйелль, Маколей, Мейерберъ, Микель-Анджело, Милль, Мильтонъ, Мирабо, Мицкевичъ, Мольеръ, Монтескьё, Томасъ Моръ, Моцартъ, Никитинъ, Никонъ, Новиковъ, Ньютонъ, Робертъ Оуэнъ, Паскаль, Песталоцци, Перовъ, Пироговъ, Писемскій, Потемкинъ, Пржевальскій, Прудонъ, Пушкинъ, Рабле, Рафаэль, Рембрандтъ, Ришелье, Ротшильды, Руссо, Сакіа-Муни, Салтыковъ, Савонарола, Свифтъ, Сенковскій, Сервантесъ, Скобелевъ, Вальтеръ-Скоттъ, Адамъ Смитъ, С. Соловьевъ, Сперанскій, Стефенсонъ и Фультонъ, Струве, Стэнли, Сѣровъ, Теккерей, Толстой, Торквемада, Тургеневъ, Уаттъ, Ушинскій, Фарадей, Фонвизинъ, Франклинъ, Цвингли, Шевченко, Шиллеръ, Шопенгауэръ, Шопенъ, Шуманъ, Щепкина, Эдисонъ и Морзе, Джоржъ Элліотъ, Юмъ, Өедотовъ

Пальчикова. Двѣ сказки для дѣтей. Спб., 1893 г. Ц. 50 коп.

Парксъ, Генрихъ. 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.

Паульсенъ, Фр. Введеніе въ философію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. Изд. редакціи журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“. М , 1894 г. Ц. 3 р.

Паульсонъ. Стенографія. Спб., 1892 г. Ц. за 2 части 1 р.
— Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.
Пель. Фальсификаціи и мѣры борьбы съ ними. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.
Пашкевичъ, В. Культура лѣкарствен. растеній. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
***Педаевъ, Д.** Атмосферное электричество. Очеркъ. Харьк., 1895 г. Ц. 60 к.
Пекаторосъ, Г. М. Человѣческія расы. Народы Африки № 1. Серія II. Одесса, 1895 г. Ц. 25 к.
Пелисье, Ж. Французская литература XIX вѣка. М., 1895 г. Ц. 1 р.
*— Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Сочиненіе, увѣнчанное французской академіей. М., 1895 г. Ц. 2 р.
***Пеллико, Сильвіо.** Мои темницы. Съ рисунками. Переводъ Гариной. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
Пергаментъ, О. Краткій историческій очеркъ развитія ученія объ электричествѣ. Кіевъ, 1890 г. Ц. 60 к.
Персональный. Учебникъ зоологіи. М., 1893 г. Ц. 85 к.
Песоцкій, Н. А. Древесная шерсть, ея употребленіе и производство (съ чертежами на отдѣльныхъ листахъ). М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Систематическое обученіе практическимъ пріемамъ столярнаго ремесла въ 2-хъ частяхъ. Съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Спб., 1890 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.
Петровъ, А. Н. Русская военная сила. Т. I и II. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. за оба тома 6 р.
Петрова, проф., съ продолженіемъ проф. Надлеръ. Лекціи по всемірной исторіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
Петунниковъ, А. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.
Пешель, Оскаръ. Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1885 г.
Писаревъ, Д. И. Пол. собр. соч., въ 6 т. Спб., 1894 г. Ц. 6 р.
Платонъ. Апологія Сократа. Подстрочн. пер. Изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Критонъ. Изд. 2-е. Кіевъ, 1890 г. Ц. 35 коп.
Плутархъ. Александръ Великій. М., 1893 г. Ц. 30 к.
— Юлій Цезарь. М., 1890 г. Ц. 25 к.
— Жизнь и дѣла знаменитыхъ людей древности. Въ 4-хъ т. М., 1893 г. Ц. за всѣ тома 3 р. 50 коп.
Подвижныя животныя. (Для вырѣзыванія, склеиванія и разстановки; игра—пособіе для ознакомленія дѣтей съ животнымъ міромъ.) Изд. Вл. А. Попова. Два выпуска, содержащихъ въ себѣ по 4 таблицы. съ 11 экз. различныхъ животныхъ. Цѣна каждаго вып. 45 к.
Покровскій. К. Путеводитель по небу. М., 1894 г. Ц. 2 р.
Покровскій, Е. А. Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья. Ц. 20 к.
— Площадки для дѣтскихъ игръ и физическихъ упражненій. М., 1894 г. Ц. 20 к.
— Русскія дѣтскія подвижныя игры. М., 1892 г. Ц. 75 к.
— Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей (Популярное руководство для матерей). М., 1895 г. Ц. 1 руб. 50 коп. (изд. 2-е).
Покорни, д-ръ. Общее землевѣдѣніе. Ч. 3-я (послѣдняя). М., 1891 г. Ц. 2 р.
Политикосъ. Европейскіе монархи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
Полонскій, Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. М., 1881 г. Ц. 1 р. 25 к.
Поповъ. Курсъ общаго скотоводства. Казань, 1894 г. Ц. 2 р.
Порошинъ, Ив. Разсказы. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Потапенко, И. Н. Повѣсти. 8 т. Спб., 1893 г. Ц каждаго т. 1 р.
Починъ. Сборникъ общества любителей россійской словесности на 1895 годъ. М., 1895 г. Ц. 2 р.
Прейеръ, В. О сохраненіи здоровья и продленія жизни. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
Прессъ. Руководство къ борьбѣ съ огнемъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Защита жизни и здоровья рабочихъ. Вып. I и II. Спб., 1891 г. Ц. по 2 р.
— Искусственное высушиваніе дерева, съ 25 рис. 2 исправл. и дополн. изд. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Прёльсъ, Р. Эстетика. Подъ редакціей и съ дополнительною статьей В. В. Чуйко. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
Приготовленіе протравъ для дерева и поддѣлка простыхъ породъ дерева. Изд. „Ремеслен. Газеты", 2-е дополнен. М., 1892 г. Ц. 40 к.
Програмы домашняго чтенія на 1894—1895 г. Коммиссія по организаціи домашняго чтенія. М., 1894 г. Ц. 25 к.
Проблески. Сборникъ произведеній русскихъ авторовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Пругавинъ, А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
Прудонъ, П. Искусство, его основанія и общественное назначеніе. Спб., 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.
Птицынъ, Владиміръ. Др... адвокаты и наши присяжные цицер... Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
— Адвокатъ за адвокатуру. Спб., 18... Ц. 30 к.
— Пересмотръ нашихъ судебныхъ з... новъ. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
Путешествія В. В. Юнкер... Африкѣ. Изложен. Петри, съ 114 ... сунками. Спб., 1898 г. Ц. 3 р. ...

Пушкинъ, А. С. Пол. собр. сочиненій. Спб., 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.
***Рабовъ, С., проф.** Способы прописыванія лѣкарственныхъ веществъ,для врачей и студентовъ. Харьковъ, 1894 г. Цѣна въ клеенкѣ 1 р. 40 к.
Радда-Бай (Е. П. Блаватская). Изъ пещеръ и дебрей Индіи. Загадочныя племена на „Голубыхъ горахъ". Спб., 18.3 г. Ц. 1 р. 75 к.
***Радловъ, Э. Л.** „Объ истолкованіи" Аристотоля. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.
Раевскій, М. Н. Плодовая школа и плодовой садъ (изд. 4-е). Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
Райтъ, Л. Практическое птицеводство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Жизнь первобытныхъ народовъ. Эскимосы и алеуты. М., 1888 г. Ц. 15 к.
Регель. Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Изд. 2-е. Спб., 1890 г. Ц. 5 р. 50 к.
— Однолѣтнія и двулѣтнія цвѣтущія растенія. Изд. 3-е. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.
Рейтцъ, В. Лекціи по паталогіи и терапіи дѣтскаго возраста. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
Рейхъ. Оптическая гигіена глазъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
Рекламъ, Карлъ. Ключъ къ здоровью.Популярная гигіена. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.
Реклю, Э. Современные политическіе дѣятели. Спб., 1876 г. Ц. 2 р.
*— Земля. Въ VI выпускахъ. Вып. I—ц. 90 к. Вып. II—ц. 1 р. 30 к. Вып. III—ц. 1 р. 10 к. Вып. IV—ц. 1 р. 10 к. Вып. V—ц. 1 р. Вып. VI—ц. 1 р. 30 к.
Рембольдтъ, д-ръ. Школьная гигіена. Пер. съ нѣмецкаго д-ра И. М. Рахманинова. М., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.
Ренанъ,Эрнестъ. Разореніе Іерусалима. М., 1886 г. Ц. 50 к
— Историческіе и религіозные этюды. Изд. 3. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Рецептура. Составлена для студеотовъ-медиковъ. Кіевъ. Ц. 50 к.
Рибо, Т. Современная англійская психологія. Подъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.
— Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
— Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Перев. съ 8 дополн. франц. изд. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
*— Изслѣдованіе аффективной памяти. Пер. съ французск. Максимовой. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
Рикардо, Давидъ. Начала политической экономіи. Вып. II. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Риль, А. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Корша. Ц. 2 р. М., 1888 г.
Рисованіе по трафаретамъ. Цвѣты (шесть шаблоновъ различн. цвѣтовъ). Животныя (шесть шаблоновъ различн. животныхъ). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна каждаго конверта 35 к.
***Рихтеръ, Е.** Элементарная геометрія въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 40 к.
Ричардсонъ, Чарльзъ. О выборѣ книгъ. М., 1889 г. Ц. 50 к.
Рише, Шарль. Черезъ сто лѣтъ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
Розенбахъ. Современный мистицизмъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.
Розенбергъ-Липинскій. Практическое земледѣліе (изд. 5). Спб., 1893 г. Ц. 3 р.
Романовъ, С. И. Словарь ружейной охоты. М., 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.
Ромашкевичъ, П. А. Полный русскій ореографическій словарь. Настольная книга для всякаго, пишущаго по-русски. Составленъ по „русскому правописанію" академика Як. Грота. Изд. третье исправл., дополн. и вновь обработанное. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Рони, Ж. До потопа. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.
Ростовская, М. Ѳ. Звѣздочки. Повѣсти и разсказы для дѣтей. Съ раскрашенными рисун. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Жучка. Разсказъ для дѣтей. Съ литографированными рисунк. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Четыре времени года. Разсказы изъ деревенскаго быта. Съ рисун. Изданіе третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Сельцо Лебяжье. Повѣсть для дѣтей. Съ хромолитографированными рисунк. Изд. третье, исправлен. Сбп., 1895 г. Ц. 1 р.
— Пони. Приключенія эмскаго осла. Повѣсть для дѣтей съ хромолитографированными рисунками. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Рохау, А. Л. Исторія Франціи. Ч. I и II. Спб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.
***Рубакинъ, Н. А.** Этюды о русской читающей публикѣ. Факты, цифры и наблюденія. Спб., 1895 г. Цѣна 1 руб. 50 к.
Рудзкій, Ал. Лѣсная таксація. Пособіе для лѣсничихъ и лѣсопромышленниковъ. (Изд. 2). Спб., 1890 г. Ц. 3 р.
Руководство для метеорологическихъ наблюденій. Изд. харьковскаго календаря. Харьковъ, 1894 г. Ц. 30 к.
Руссо, Жанъ-Жакъ. Юлія или Новая Элоиза. М., 1892 г. Ц. 2 р.
Русскій сельскій календарь. Годъ II. М., 1895 г. Ц. 20 к.
Ручныя тѣни. (Любимая дѣтская забава). Изд. Вл. А. Попова. Спб., 1894 г. Ц. 15 к., съ перес. 25 к.
Рѣшетниковъ Ѳ. М. Собраніе со-

чиненій, въ 2-хъ т. Спб., 1890 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.

Рябининъ. Элеваторы и наше увлеченіе ими. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Саади-Ширази. Гюлистанъ, „Цвѣтникъ розъ". Пер. съ персидск. подлин. И. Холмогорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.

Сабатье, П. Жизнь Франциска Ассизскаго. Перев. съ франц. М., 1895 г. Ц. 90 к.

Салтыковъ (Щедринъ). Полное соб. соч. 12 т. (Изд. 3-е). Ц. 18 р., а за каждый томъ отдѣльно по 1 р. 75 к. Спб., 1894 г.

Саловъ, И. Уютный уголокъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.

— Суета мірская. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— Съ натуры. Очерки и разсказы. М., Ц. 1 р.

Саллюстій Криспъ. Пособіе къ изученію и чтенію „Заговора Катилины". Сост. Логвиновъ. Кіевъ, 1886 г. Ц. 60 к.

Сборникъ рисунковъ токарныхъ издѣлій М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ рисунковъ мебели и столярныхъ издѣлій. М. Ц. 2 р.

Сборникъ общества любителей россійской словесности на 1891 г. М., 1891 г. Ц. 4 руб.

Свифтъ, Джонатанъ. Путешествія Лемьюэля Гулливера. Ч. I и II. М., 1889 г. Ц. за обѣ части 4 р. 40 к.

***Свѣтухинъ, М. И.** Къ діагностикѣ болѣзней сердца. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Святловскій, В. В. Фабричная гигіэна (153 рис.). Спб., 1891 г. Ц. 4 р.

Северъ, Риббингъ. Половая гигіена и ея нравственныя послѣдствія. Одесса, 1893 г. Ц. 1 р.

— Бракъ. Совѣты и предостереженія врача. Одесса, 1894 г. Ц. 30 к.

Сёлли, Джемсъ. Геніальность и помѣшательство. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.

Семеновъ, С. Т. Крестьянскіе разсказы, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Серао, Матильда. Прощай, любовь! Романъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Сервантесъ. Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчкій. Т. 1. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сигеле. Преступная толпа (опытъ коллективной психологіи). Спб., 1893 года. Ц. 80 к.

Сикорскій. Заиканіе. Спб., 1889 г. Ц. 3 р.

Симсонъ, Э. О невыдачѣ собственныхъ подданныхъ. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.

Сиповскій, В. Д. Сократъ и его время. Историческій очеркъ. П. Короленко, В. Г. Тѣни. (Фантазія). М., 1894 г. Ц. 35 коп.

Скабичевскій, А. М. Исторія новѣйшей русской литературы. 1848—1892 гг. 2-е изд. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.

— Очерки исторіи русской цензуры (1700—1863 г.). Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

— Сочиненія: критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики (въ 2-хъ томахъ). Спб. 1895 г. Ц. 3 р. Изданіе 2-ое.

Скворцовъ. Гигіена. Спб., 1881 г.

***Скворцовъ, Ир. П., проф.** Основные вопросы лечебной гигіены. Отдѣлъ первый. Леченіе климатическое. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Складная карта Европейской Россіи. (Пособіе при изученіи географіи и для самообразованія.) Изданіе Вл. А. Попова. Ц. 60 к.

***Сковорода, Г. С.** Сочиненія собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣевымъ. Харьк., 1894 г Ц. 4 р.

Сковронская, Марія. Изъ жизни и фантазіи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Скоровъ, А. Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства о крестьянахъ. Т. I (изд. 3-е). Уфа, 1891 г. Ц. 5 р. Т II. М., 1893 г. (изд. 2-е). Ц. 4 р.

— Уставъ горный. Т. I (изд. 3-е). М., 1895 г. Ц. 4 р. Т. II. Уставъ о частной золотопромышленности. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

— Уставъ лечебныхъ заведеній вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ. М., 1894 г. Ц. 70 к.

Скоровъ. Русскіе судебные ораторы въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.

Скоровъ, А., и Богдановъ. Руководство для волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ и сборщиковъ податей. М., 1895 г. Ц. 60 к.

— Формы приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 60 коп.

Скоровъ и Полянскій. Сводъ уставовъ о службѣ гражданской. Т. I. Уставъ о службѣ по опредѣленію отъ правительства. М., 1895 г. Ц. 2 р. Т. II. Уставы о пенсіяхъ. М., 1895 г. Ц. 2 руб.

Сказки русскихъ писателей для дѣтей. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

Сказки русскаго народа. 7 в. М., 1894 г. Ц. кажд. выпуска 25 к.

Сказка про лису да про волка. М., 1892 г. Ц. 25 к.

Складныя картинки, служащія иллюстраціями къ произведеніямъ русскихъ авторовъ, съ приложеніемъ портретовъ пи-сателей, краткихъ ихъ біографій и с-михъ произведеній: 1) „Цыгане" Пу-кина; 2) „Мазай и зайцы" Некрасов 3) „Дѣдушка" Никитина. Изд. В. А. П-пова. Цѣна каждой картинкѣ, зак-ченной въ изящную коробку, 45 к пересылка за 1 ф. по разстоянію.

Слезскинскій, А. Бунтъ военны поселянъ въ холеру 1831 г. Новг., 1894 Ц. 1 р.

Словарь юридической терминологіи къ источникамъ римскаго права. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

Смайльсъ, Самуэль. Путешествіе мальчика вокругъ свѣта. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Характеръ. Воспитаніе и образованіе. Изд. шестое. Спб., 1889 г. Ц. 90 к.

— Саморазвитіе, умственное, нравственное и практическое. Съ дополнительною статьей „Русскіе дѣятели". Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Умъ и энергія. Характеристики изъ жизни великихъ людей. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Долгъ (Нравственныя обязанности человѣка). Изд. второе, исправлен. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Смирновъ. А. Живыя картинки сборникъ разсказовъ съ 50 рис. Спб., 1885 года. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

— Москва—Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія. М., 1895 г. Ц. 40 к.

***Снегиревъ.** Судебныя драмы. А. Бартеневъ. Убійство Висновской. Г. Шамбижъ. Убійство Гриль. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Соболевскій, А. И. Фонетика церковно-славянскаго языка. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Лекціи по исторіи русскаго языка. Спб., 1891 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

Соболевскій, Н. И. Собраніе алгебраическихъ задачъ. М., 1892 г. Ц. 40 к

Соважо, Давидъ. Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. Ц. 2 р. М., 1891 г.

Совѣтовъ. Итальянско-русскій словарь. М., 1894 г. Ц. 2 р.

Соколовъ, В. Д. Прошлое и настоящее земли. М., 1890 г. Ц. 50 к.

— Москва-Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія). М., 1894 г. Ц. 40 к.

Соннэ. Геометрія теоретическая и практическая. М., 1878 г. Ц. 4 р.

Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Эдипъ-царь. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Филоктетъ. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.

— Электра. Кіевъ, 1888 г. Ц. 40 к.

Спенсеръ, Гербертъ. Начала соціологіи (обрядовыя учрежденія). Кіевъ, 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Основныя начала. Пер. Алексѣева. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Сперанскій, Сергѣй. Нѣкоторыя изъ учрежденій общественнаго благоустройства въ Западной Европѣ. Отчетъ по заграничной командировкѣ оставленнаго при Императорскомъ московскомъ университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ полицейскаго права. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Спиноза, Бенедиктъ. Этика, съ приложеніемъ портрета. М., 1892 г. Ц. 2 р.

— Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Одесса, 1893 г. Ц. 75 к.

Справочная книга для ремесленниковъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Ставровскій, Л. Жизнь и солнце. Х., 1892 г. Ц. 1 р.

Станюковичъ. Безшабашный. (Изъ современныхъ нравовъ). Разсказъ. Москва, 1894 г. Ц. 20 к.

***Станюковичъ, К. М.** Откровенные. Романъ въ двухъ частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Степовичъ, А. Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.

Стенинъ, П. А. Востокъ. Историко-географическое и этнографическое обозрѣніе левантскаго міра. Спб., 1892 г. Ц. въ роскошномъ переплетѣ 6 р., съ 200 рисунками.

Стэнли, Г. Какъ я отыскалъ Ливингстона. Спб., 1874 г. Ц. 3 р.

Стернъ, А. В. Бракъ по любви. Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 50 коп.

— Очнулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны). Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 80 коп.

Стокгэмъ, Алиса В., д-ръ медицины. Токологія или наука о дѣторожденіи. Гигіена беременныхъ и новорожденныхъ. Изд. 2-е, съ предисл. гр. Л. Н. Толстого. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Столповская, Анна. Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Ц. 3 р. М., 1891 г.

Стороженко, Н. И., проф. Поэзія міровой скорби. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.

Страбонъ. Географія (въ 17 кн. въ I томѣ). Пер. съ греч. Ѳ. Г. Мищенко. Ц. 10 р. М., 1874 г.

***Страховъ, Н.** Міръ какъ цѣлое, черты изъ науки о природѣ. Изданіе 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Строковскій, В. Токарное и слесарное ремесла. М., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.

Струве, П. Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Судебныя драмы. Жанъ Делаклонжъ. Ц. 30 к.

— Грекъ Кетоло. Поэтическое сумашествіе. Ц. 30 к.

— Убійство Маріи Аниза и ея дѣтей. Ц. 20 коп.

— Убійство Бефани. Ц. 40 к.

— Шайка Лемэра. Ц. 30 к.

— Сборникъ процессовъ всѣхъ странъ. Ц. 30 к.

— Дуэль Пушкина. Ц. 40 к.

Сундквистъ, Оскаръ, и Марія Лазарева. Учебникъ новой практической и первой научной методы кройки дамскаго, дѣтскаго и верхняго платья всѣхъ фасоновъ. М., 1892 г. Ц. съ атласомъ 3 р.

Суриковъ, И. З. Стихотворенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.

Сюзевъ, А. Луженіе, цинкованіе и освинцованіе. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Тайный порокъ. Выпускъ I и II. М., 1895 г. Ц. 20 к. и 15 коп.

Талдыкинъ, М. Объяснительный текстъ къ атласу чертежей слесарно-токарныхъ работъ, составленному примѣнительно къ программамъ ремесленныхъ училищъ. М., 1892 г. Ц. атласа съ текстомъ 6 р.

Тардъ, Ж. Законы подражанія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тардъ, Г. Сущность искусства. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

Таренецкій, А., проф. Каѳедра и музей нормальной анатоміи при императорской военно-медицинской (бывшей медико-хирургич. академія) въ Петербургѣ, за сто лѣтъ. Историческій очеркъ. Съ 11 рис. въ текстѣ и съ 4 планами. Спб., 1895 г. Ц. 3 р.

Терешкевичъ. Дядя Чернышъ. М., 1891 г. Ц. 60 к.

Тикноръ. Исторія испанской литературы. Пер. Н. И. Стороженко. Т. I. Ц. 3 р. М. 83 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1886 г. Т. III. Ц. 3 р. 50 к. М., 1891 г.

Тимирязевъ, К. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Земледѣліе и физіологія растеній. Ч. I. Борьба растенія съ засухой. М., 1893 г. Ц. 50 к. Ч. II. Происхожденіе азота растеній. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Тиндаль, Джонъ. Теплота, разсматриваемая какъ родъ движенія. Изд. 2-е М., 1888 г. Ц. 3 р. 75 к.

Тихомировъ, Д. И. Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій. Методическое пособіе для преподавателя элементарной школы. Изд. 8-е. М., 1889 г. Ц. 55 к.

— Азбука правописанія. Ч. I. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія буквъ, съ приложеніемъ краткаго ороографическаго указателя. Семнадцатое изданіе. Ц. 40 к. Ч. II. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знаковъ препинанія. Девятое изданіе. Ц. 40 к. М., 1892 г.

— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 1 р.

— Азбука церковно-славянская для первоначальныхъ упражненій въ церковнославянскомъ чтеніи. Изд. 6-е. М., 1892 г. Ц. 6 к.

— Какъ жить по слову Божію? Русскій сборникъ статей и изреченій, содержащихъ въ себѣ нравственное ученіе изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. М., 1892 г. Ц. 5 к.

— Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и ариѳметикѣ. Изд. 2-е. Москва, 1893 г. Ц. 30 к.

— Какъ учить читать, писать и считать на первой ступени обученія. Общедоступное руководство для учащихъ по букварю. Изд. 12-е. М., 1893 г. Ц. 40 к.

— Изъ исторіи родной земли. Очерки и разсказы для школъ и народа. Ч. I. Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. М., 1893 г.

— Чему и какъ учить на урокахъ родного языка въ начальной школѣ. Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей подготовительной и народной школы. Изд. 3-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Ч. I. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Изд. 8-е. Ц. 30 к. Ч. II. Руководство для учениковъ двуклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к. М., 1894 г.

— Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двуклассныхъ училищъ. Изд. 45-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.

— Начатки грамматики. Руководство для начальныхъ сельскихъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 8-е. М., 1894 г. Ц. 15 к.

Тихомировъ, Д., и Зенгбушъ, И. Начатки географіи. Руководство для народныхъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.

Тихомировъ, Д., и Тихомирова, Е. Букварь для совмѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету. Для народныхъ школъ. Изд. 60-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Тодгентеръ, И. Алгебра (съ обширнымъ собраніемъ примѣровъ). Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Токарскій, А. А., приватъ-доцентъ императорскаго московскаго университета. Психическія эпидеміи. Рѣчь, произнесенная на четвертомъ годичномъ засѣданіи общества невропатологовъ и психіатровъ, состоящаго при императорскомъ московскомъ университетѣ,— 24 октября 1893 г. М., 1893 г. Ц. 25 к.

— Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ. Рѣчь произнесенная на пятомъ годичномъ засѣданіи 24 окт. 1894 г. М., 1895 г. Ц. 25 к.

*— Гипнотизмъ въ педагогіи. Ц. 20

*— Международный конгрессъ по экспементальному и терапевтическому гипнотизму. М., 1889 г. Ц. 10 к.

*— Къ вопросу о вредномъ вліяніи гипнотизированіи. Спб., 1889 г. Ц. 50 к.

*— Меряченіе и болѣзнь судорожныхъ дергиваній. М., 1893 г. Ц. 1 р.

*— Терапевтическое примѣненіе гипнотизма. М., 1890 г. Ц. 60 к.

Токвиль. Алексисъ. Воспоминанія. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 2 руб. М., 1893 г.
Толстой, Л. Н. Плоды просвѣщенія. Комедія въ 4-хъ д. Кіевъ, 1892 г. Ц. 15 к.
— „Ходите въ свѣтѣ“ и другія произведенія, вошедшія въ XIV томъ полнаго собранія сочиненій. М., 1895 г. Ц. 60 к.
— Смерть Ивана Ильича. Кіевъ, 1891 г. Ц. 10 к.
— Хозяинъ и работникъ. М., 1895 г. Ц. 20 к.
Торминъ. Опытный маляръ и живописецъ. Подробное руководство къ исполненію всякаго рода домовыхъ и комнатныхъ малярныхъ работъ по камню, штукатуркѣ, дереву и металламъ. Различные способы разрисовки и раздѣлки. Составленіе различнаго рода лаковъ и всевозможныхъ красокъ. Бронзировка. Писаніе вывѣсокъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Траутшольдъ, Г. Основы геологіи. Ч. II. Палеонтологія. М., 1875 г. Ц. 2 р. 75 к.
— Часть III. Стратиграфія. М., 1877 г.
Трачевскій. Древняя исторія. Изд. 2-е. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
— Новая исторія. Спб., 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Русская исторія, второе, исправленное и расширенное изданіе съ указателями именъ, годовъ и предметовъ, съ 96 рисунками, 6 картами, 6 планами и 8 раскрашенными картинами. Въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц 8 р.
*— Русская исторія. Цѣна въ переплетѣ 9 р. 60 к.
Тренделенбургъ, Адольфъ. Логическія изслѣдованія. Пер. Е. Корша. Ч. I, ц. 2 р.; ч. II, ц. 2 р. М., 1868 г.
Трефолевъ, Л. Н. Стихотворенія (64—93 г.). М., 1894 г. Ц. 2 р.
***Троицкій, М.** Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Т. I и II. М., 1883 г. Цѣна за оба тома 6 р.
Трояновскій. Первая помощь у себя дома и на полѣ битвы въ отсутствіи врача. Изд. 2-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.
***Трубецкой, Евг., кн.** Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. Ч. I. Міросозерцаніе блаж. Августина. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
***Трубецкой, С., кн.** Мнимое язычество или ложное христіанство? Отвѣтъ о. Буткевичу. М., 1891 г. Ц. 20 к.
Тумскій, К. И. Алюминій и сплавы съ нимъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Противузаразныя средства и дезинфекція. М., 1893 г. Ц. 50 к.
Тургеневъ. Стихотворенія. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Турскій, М. Лѣсоводство. М., 1892 г. Ц. 2 р. 80 к.
— Лѣсоводственные орудія и инструменты. М., 1893 г. Ц. 60 к.
— Сборникъ статей по лѣсоразведенію. М., 1894 г. Ц. 70 к.

Турскій, М., и Яшновъ, Л. Опредѣленіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. 2-е изд. М., 1893 г. Ц. 75 к.
Тьюкъ, Хэкъ. Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка. Пер. П. Викторова. М., 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.
Тѣневые портреты русскихъ писателей. (Для вырѣзыванія и отраженія на стѣнѣ). Пушкинъ.—Лермонтовъ.—Гоголь.—Грибоѣдовъ.—Кольцовъ.—Крыловъ.—Тургеневъ.—Некрасовъ.—Гр. Л. Толстой. Изд. В. А. Попова. Цѣна 40 к.
Тэнъ, Г. Титъ Ливій, критическое изслѣдованіе. Пер. А. Иванова и Е. Щепкина. Ц. 1 р. 50 к. М., 1885 г.
Тэнъ, И. Чтеніе объ искусствѣ. Пять курсовъ лекцій. Изд. третье, исправлен. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 75 к.
Тэнъ. Критическіе опыты. Спб., 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.
Уерингъ, Рудольфъ. Объ основаніи защиты владѣнія. М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Гражданско-правовые казусы безъ рѣшеній (перев. съ 4-го нѣмецкаго изд.). М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.
Уильямсъ, Х. Этика пищи или нравственные основы безубойнаго питанія. Перев. съ англійск. Со статьей Л. Н. Толстого „Первая ступень“. М. 1893 г. Ц. 2 руб.
***Ульцманнъ, Робертъ, проф.** Лекціи по болѣзнямъ мочевыхъ органовъ. Вып. IV и V послѣдній. Переводъ подъ редакціей доктора медицины Н. П. Федченко. Харьковъ, 1893 г. Ц. 1 р.
Урусовъ. Полицейскій урядникъ. М., 1894 г. Ц. 60 к.
Усовъ, С. А. Сочиненія. Томъ I. Статьи зоологическія. М. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к.
Успѣнскій, П. П. содержаніе растеній въ комнатахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. (изд. 3-е).
Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи. Изд. 4-е. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
*Ученыя записки Императорскаго Московскаго университета. Отдѣлъ историко-филологическій. Вып. XII. М., 1891 г. Ц. 2 р.
Файфъ, Ч. А. Исторія Европы 19 в. Т. III, пер. подъ ред. Лучицкаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1890 г.
Файнштейнъ, С. Что такое мнемоника. Искусство укрѣпленія памяти (четвертое изданіе). Одесса, 1894 г. Ц. 25 к.
Фарраръ, Ф. В. Жизнь Іисуса Христа. Пер. съ англійскаго Ѳ. М. Матвѣева. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Въ 2-хъ частяхъ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.

Фаусеттъ. Популярная политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Федоровъ, П. А., техн. Иллюстрированный, домашній ремесленникъ. Школа работъ: плотничныхъ, изъ сучьевъ. Столярныхъ. Окрашиваніе дерева. Выпиловочныхъ и мозаики. Токарныхъ. Рѣзныхъ. Корзинныхъ. Кузнечныхъ. Слесарныхъ. Щеточныхъ. Гипсовыхъ и папьемаше. Картонажно-футлярныхъ и переплетныхъ. Съ 406 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Федоровъ. Зубы и ихъ сохраненіе. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.

Федоровичъ, Флоріанъ. Сельскохозяйственная архитектура. Спб., 1893 г. Ц. съ атласомъ 5 р.

Федосѣевъ, П. А. Выборъ, установка и уходъ за фабричными паровыми котлами, машинами и приводами. Съ приложеніемъ новаго закона 30 іюля 1890 г. объ устройствѣ, установкѣ и содержаніи паровыхъ котловъ и о порядкѣ ихъ освидѣтельствованія. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фейгинъ, Ф., д-ръ мед. Привычные запоры и геморрой, причины ихъ развитія и средства къ исцѣленію. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Фельзбергъ, Матильда. Химическая чистка платья и стирка бѣлья. М., 1894 г. Ц. 50 к.

Ферьеръ, Э. Дарвинизмъ (общедоступное изложеніе теоріи Дарвина), изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Филипповъ, Сергѣй. Подъ лѣтнимъ небомъ. М., Ц. 1 р.

Финлей, Георгъ. Греція подъ римскимъ владычествомъ. Пер. Софьи Никитенко. Ц. 4 р. М., 1877 г.

Филипповъ, Ал. Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Фиске, Джонъ. Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія. Пер. Николаева. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. II. Ц. 2 р. М., 1893 г.

Фишеръ, Г. Практическій мыловаръ. Практическое руководство къ фабрикаціи всѣхъ сортовъ мыла по новѣйшимъ усовершенствованнымъ пріемамъ. Съ 44 рисунк. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.

Фламмаріонъ, К. По волнамъ безконечности. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.
— Въ небесахъ. 2 изд. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.
— Разсказы о небѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
— Конецъ міра. 1895 г. Ц. 60 к.
— Общедоступная астрономія. Спб., 1894 года. Ц. 80 к.

Флеровъ, А. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Одесса, 1894 г. Ц. 60 к.
— Грамматика древн. церковнаго языка. Одесса 1894 г. Ц. 50 к.

Фойгтъ, Георгъ. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Переводъ И. П. Расадина. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1884 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1885 г.

Фонвизинъ, С. Конецъ дневника. Разсказъ. 1894 г. Ц. 30 к.

Фортунатовъ, А. Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Урожаи ржи въ Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

***Фонъ-Хейденфельдъ.** Изъ женской жизни по поводу Крейцеровой сонаты. Перев. съ нѣмецкаго. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Французы и русскіе въ Крыму. Письмо франц. офицера къ своей семьѣ во время восточной войны. Пер. съ фр. Халютина. Минскъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Фрикенъ. Римскіе катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I. Ц. 1 р. М. 72 г. Часть II. Ц. 1 р. 50 к. М. 77 г. Часть III. Ц. 1 р. 50 к. М. 80 г. Часть IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 85 г.

Фрикенъ, А. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. I. Ц. 2 руб. М., 1891 г. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. 2-я. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Фриманъ, Эдуардъ. Историческая географія Европы. Пер. подъ редакц. профес. И. К. Лучицкаго. Т. I. (текстъ). Т. II (карты). Цѣна 6 р. за оба тома. М., 1892 г.
— Методы изученія исторіи. Пер. П. Николаева. Ц. 2 р. М,. 1893 г.

Фуллье, Альфонсъ. Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 3 р.
— Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Фулье Альфредъ. Декартъ. Пер. подъ редакціей профес. Грота. М., 1894 г. Ц. 80 коп.
— Страданіе и удовольствіе и о выраженіи душевныхъ волненій. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

Фэйе. Происхожденіе міра. Космогоническія теоріи, древнія и современныя, критика гипотезы Лапласа и собственная теорія автора. Съ добавленіемъ: космогоническія гипотезы К. Вольфа. Пер. со 2 дополнен. изд. Изд. второе. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.

Фюстель-де-Куланжъ. Древ[…] гражданская община. Изслѣдованіе […] культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи […] Рима. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Хвольсонъ, О. Докторъ физики. По[…]лярныя лекціи объ электричествѣ и м[…]нетизмѣ (2-е изд.). Спб., 1886 г.

Хиггинсонъ, Т. Здравый смыслъ […] женскій вопросъ. Москва, 1895 […] Ц. 1 р

Христіановичъ, П. Опытъ устройства общеобразовательной школы съ цѣлью большей подготовки учащихся къ жизни. М., 1894 г. Ц. 40 к.

***Хрущовъ, П.** Введеніе къ изученію теоріи химическихъ равновѣсій. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Художественная Россія. Т. I-й Спб. 1885 г. Изд. П. И. Полевого. Ц. вмѣсто 5 р.— 2 руб.

Цвѣтковъ, А. А. Новѣйшіе русскіе писатели (для старшихъ классовъ гимназій и домашняго чтенія), съ 27 портретами. Спб., 1883 г. Ц. 3 р.

— Электрическое освѣщеніе въ примѣненіяхъ къ жизни и военному искусству, (151 рис.). Спб., 1885 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Курсъ государственной науки, ч. I. М., 1894 г. Ц. 3 р.

Цвѣтковъ, Н. Практическій курсъ русскаго правописаніе (согласованъ съ „Руководствомъ Я. Грота"). Ч. I и II. Ц. по 50 коп. Тула, 1895 г.

Цигенъ, Т. Физіологическая психологія. Спб., 1893 г. Ц. 75 к.

Цицеронъ. Рѣчь за царя Дейотара. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Рѣчь противъ Верреса (о казняхъ). Ц. 60 к.

— Рѣчь за Архія. поэта 1891 г. Ц. 30 к.

— Рѣчь къ судьямъ за Т. Аннія Милона. 1892 г. Ц. 60 к.

— Первая филиппика противъ Марка-Антонія. Ц. 30 к.

— Вторая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 50 к.

— Рѣчь въ защиту Секста Росція Америйскаго. Ц. 60 к.

— Рѣчи противъ Калитины. Ц. 50 к. Рѣчь за Луція Мурену. Ц. 40 к. Рѣчь за Квинта Лигарія. Ц. 30 к.

— Рѣчь о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. Ц. 50 к.

— Тускуланскія бесѣды. Книга I. О презрѣніи къ смерти. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.

— Книги 2 и 3-я. О перенесеніи боли и объ утѣшеніи печали. 1889 г. Ц. 75 к.

— Книга 4-я. Объ остальныхъ душевныхъ волненіяхъ. Книга 5-я. О добродѣтели. 1889 г. Ц. за обѣ книги 75 к.

Частный почанъ въ дѣлѣ народнаго образованія. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Чеховъ, Ант. П. Жена. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 25 к.

— Именины. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 20 коп.

– Палата № 6. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 35 коп.

— Въ сумеркахъ. Изд. 7-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

- Разсказы. Изд. 8-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

- Палата № 6. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

— Каштанка. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

- Дуэль. Изд. 4-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Чешихинъ, Евграфъ Вас. Краткая исторія прибалтійскаго края. Изд. 2-е. Рига, 1894 г. Ц. 35 к.

Чижъ, В., проф. Криминальная антропологія. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Чиколевъ, Д. Руководство къ приготовленію и сжиганію фейерверковъ съ описаніемъ устройства электрическаго освѣщенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.

Чичеринъ, Б. Н. Положительная философія и единство науки. М., 1892 г. Ц. 3 р.

— Основанія логики и метафизики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

*— Опыты по исторіи русскаго права. М., 1858 г. Ц. 1 р.

*— Нѣсколько современныхъ вопросовъ. М., 1862 г. Ц. 1 р.

*— Курсъ государственной науки. Ч. I. Общее государственное право. Москва, 1894 г. Ц. 3 р.

*— Собственность и государство. Т. I. М., 1882 г. Ц. 4 р. Т. II. М., 1883 г. Ц. 4 р.

*— Очерки Англіи и Франціи. Москва, 1858 г. Ц. 1 р.

Чмыревъ, Н. Кобзарь Т. Г. Шевченка. М., 1874 г. Ц. 1 р.

Чудиновъ, А. Н. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.

***Чуевскій, И. А., д-ръ.** Конспектъ физіологіи человѣка. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.

Чукмасовъ, К. А. Практическое руководство по мыловаренію. М. 1893 г. Ц. 40 к.

Шалуны. Юмористическія сцены съ рисунками Буша. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Шамуринъ-Макарьевскій, Н. В. Сельское хозяйство. Съ 110 рис. Четвертое дополнен. изд. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 35 к.

Шараповъ. По русскимъ хозяйствамъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.

Шаховъ, А. Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Лекціи по исторіи французской литературы, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Швейеръ-Лерхенфельдъ, А. Ф. Женщина. Ея жизнь, нравы и общественн. положеніе у всѣхъ народовъ земного шара. Переводъ съ нѣмец. Спб., 1892 г. Ц. въ роскошномъ переплетѣ съ 200 рисунк. 3 р. 75 к.

Швингаммеръ и Кикъ, Вильгельмъ. Простѣйшая школа кройки для драпировщиковъ и декораторовъ. Съ рисунками на 10-ти отдѣльныхъ листахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Шекспиръ. Драматическія сочиненія, въ пер. Кетчера, въ 9 част. Ц. первыхъ 8 част. по 1 р.; ц. 9 ч. 2 р. М., 1862 г

Шелли. Сочиненія. Вып. I и II. Спб., 1894 г. (изд. 3-е). Цѣна кажд. вып. 50 коп.
— Вып. III. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
Шелгунова, Л. П. „Звѣздочка". Разсказы для маленькихъ дѣтей. Съ рисунк. Спб., Ц. 1 р. 25 к.
***Шелгуновъ, Н. В.** Сочиненія въ 2-хъ томахъ. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Цѣна за оба тома 3 р.
Шенланкъ, Бруно. Промысловые синдикаты. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
Шенрокъ, В. И. Матеріалы для біографіи Гоголя. М., 1895 г. т. I ц. 2 р., т. II ц. 2 р., т. III ц. 3.
Шербюлье, Викторъ. Искусство и природа. Новая теорія изящныхъ искусствъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шерръ, Іоганнъ. Шиллеръ и его время. М., 1875 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Всеобщая исторія литературы. Т. I и II. Спб., 1879 г. Ц. 4 р.
Шервинскій, М. Образцы архитектурныхъ деталей (15 листовъ образцовъ). Спб , 1891 г. Цѣна 1 р. и атласъ 6 рублей.
Шиллеръ, Ф. Вильгельмъ Телль. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Орлеанская дѣва. Пер. Шереметевскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Коварство и любовь. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Разбойники. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Племянникъ-дядя. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
Шилтовъ, А., проф. Среди безбожниковъ. (Посмертныя записки врача-философа). Харьковъ, 1895 г. Ц. 40 к.
Шильдбахъ. Дѣтская гимнастика. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.
Шимко. Патріаршій казенный приказъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Шишкинъ, А. Н. Сельско-хозяйственная экономія. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Шлоссеръ, Ф. К. Исторія XVIII столѣтія и XIX-го до паденія Французской имперіи. 8 томовъ. Спб., 1868 г. Ц. 10 р.
Шмейдлеръ. Желѣзно-дорожное дѣло. Спб., 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шмидтъ, Карлъ. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Пер. Э. Циммермана. Т. I, ц. 5 руб. М. 1890 г.; т. III, ц. 5 р. 50 к. М., 1880 г., т. IV, двѣ части, цѣна имъ 7 р. М.; 1881 г.
Шольцъ, Фридрихъ. Ненормальности дѣтскихъ характеровъ. Пер. съ нѣмецкаго Л. Л. Счепсновича. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шопенгауэръ, Артуръ. Лучи свѣта его философіи. Извлечено изъ его соч. Юліусомъ Фрауэнштедтомъ. М., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шперкъ, Ѳ. Система Спинозы. Спб., 1893 г.
Шредеръ, В., д-ръ. Половыя болѣзни. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
Шредеръ, Р. И. Хмѣль и его разведеніе въ Россіи и заграницей (изд. 4-е). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шредеръ, Р. И. Русскій огородъ, питомникъ и плодовой садъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 руб. 50 к. (Изданіе 5-е).
Штаркенбургъ. Горе отъ любви. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.
***Штейнъ, Вл.** Артуръ Шопенгауэръ, какъ человѣкъ и мыслитель. Спб., 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.
*— Графъ Джіакомо Леопарди и его теорія infelicità. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Штолль, Г. В. Великіе греческіе писатели. Спб. 1880 г. Ц. 2 р.
— Миѳы классической древности. М., 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Спб., 1879 г. Ц. 2 р.
— Великіе римскіе писатели. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
— Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
Шулинъ, Фридрихъ. Учебникъ исторіи римскаго права. Въ 2-хъ вып. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
Шумковъ, И. В. Верблюдъ какъ сельско-хозяйственное животное въ Россіи. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 1 р. съ пер.
Шутце, Фр. Училищевѣдѣніе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
Щ., Л. Неизбѣжное зло. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.
Щепкина, А. В. Родныя мѣста. Чтеніе для дѣтей. Изд. 2-е. М., 1882 г. Ц. 1 р.
Эдвинсонъ, Г. Руководство спайки и луженія. Съ 66 политипажами въ текстѣ. М., 1894 г. Ц. 85 к.
Эдвинсонъ, Д. Какъ дѣлается маленькій электродвигатель. М., 1895 г. 2 изд. Ц. 40 к.
— Какъ сдѣлать маленькую динамо-электрическую машину. М., 1895 г. Второе исправлен. изд. Ц. 50 к.
Эйдамъ, Сохраненіе здоровья. (Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни). Спб., 1891 г. Ц. 40 к.
Экштейнъ, І., проф. № 1. Чест[illegible] философіи и въ правѣ. Спб., 189[illegible] Ц. 80 к.
Экштейнъ, Ф. А. Преподаваніе [illegible]тинскаго и греческаго языковъ. Рев[illegible] 1889 г. Ц. 3 р.
Элерсъ, Отто. Популярная полити[illegible]ская экономія. Одесса, 1895 г. Ц. 5[illegible]
Энгельгардтъ, А. Н. Фосфор[illegible] и сидерація. Спб., 1891 г. Ц. 2 р.

Энцлеръ, К. Уходъ за больными въ семьѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
Эртель, А. И. Двѣ пары. Повѣсть. М., 1894 г. Ц. 60 к.
— Записки степняка. Очерки и разсказы. I и II. Спб., 1883 г. Ц. 3 руб.
Эсмархъ. Первая помощь. Спб., 1890 г. Ц. 80 к.
Эспинасъ, А. Соціальная жизнь животныхъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
Южаковъ., С. Н. Афганистанъ исопредѣльныя страны. Политико-историческій очеркъ. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.
Юровъ, А. Систематическій курсъ логики для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
Юрьевъ, Мих. Мои письма (4 дек. 1893 г. — 15 мая 1894 г.). М., 1895 г. Ц. 50 к.
— Карлъ Пятый и его время. Этюдъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
— Спорные вопросы западно-европейской исторической науки. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Юлій Цезарь. Записки о междоусобной войнѣ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 75 к.
Якимовъ, Н. М. Бѣдный Тунгатай. Разсказъ изъ жизни киргизскихъ дѣтей, для дѣтей младшаго возраста. Тифлисъ. 1894 г. Ц. 15 к.
Яковлевъ, Е. Французско-русскій карманный словарь. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Янжулъ, И. И., проф. Изъ психологіи народовъ. Одесса, 1893 г. Ц. 20 к.
Янъ. Термохимія. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
Ѳедоровъ. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Bow, R. H. Графическія данныя раціональнаго разсчета рѣшетчатыхъ фермъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
Cornelii Nepotis. Vitae excellentium imperatorum cum vita Catonis et Attici. Переводъ. Кіевъ, 1889 г. Ц. 75 к.
C. Julii. Caesaris commentarium de bello Gallico. Liber quintus. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Записки о Гальской войнѣ. Книга 1-я Кіевъ, 1890 г. Ц. 85 к.
— Книги 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по 50 к.
Donjean, A. Офортъ. Руководство травленія крѣпкой водкой на мѣди, цинкѣ и стали. М., 1893 г. Ц. 75 к.
Hager'a, H., д-ръ. Руководство къ фармацевтической и медико-химической практикѣ, съ 7 по 25 выпускъ, съ алфавитнымъ указателемъ. Спб., 1895 г. Ц. 25 р.
Häusser. Исторія реформаціи. М., 1882 г. Ц. 5 р.
Herodoti historiarum. Книга первая. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
– Книги 4, и 9. Ц. по 50 к.
– Книги 5, 6, 7 и 8. Ц. по 60 к.
Heitzmann, C., D-r. Анатомическій атласъ съ 625 рѣзанными на деревѣ рисунками. Переводъ съ 7-го нѣмецкаго изданія. За всѣ пять выпусковъ 3 р. Кіевъ, 1895 г.
Iordan, Dr. W. Руководство высшей геодезіи. М., 1881 г. Ц. 8 р.
Joward, Alfred. Домашніе фильтры для очищенія воды, ихъ приготовленіе и уходъ за ними. М., 1894 г. Ц. 75 к.
Jul Parreidt. Зубы и уходъ за ними. Популярная гигіена зубовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Kercoff A. G. Cours gradué de langue française. Parties I, II. M., 1880 г. Ц. 1 р. 25 к. III и IV parties. М. 1892 г. Ц. 1 р. 25 коп.
Lehner, S. Клей и замазки. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Lenhartz. H., проф. Микроскопическія и химическія изслѣдованія у постели больного. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Marissiaux, L., et. Nomdrah, C. R. Простое устройство электрическихъ часовъ и будильниковъ. Руководство для электротехниковъ любителей. Съ 15 рисунками на отдѣльной таблицѣ. М., 1895 г. Ц. 35 к.
Moscou et ses environs, rues et monuments. Nouveau guide du voyageur. M., 1891 г. Ц. 40 к.
Mörius, Paul, Dr. Гигіена нервныхъ людей. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Paul Julius Moebius. Общая діагностика нервныхъ болѣзней. Пер. съ нѣмец. подъ ред. Минора. М., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
Ribot, Th. О чувственной памяти. Казань, 1895 г. Ц. 40 к.
Roux, D-r и его сотрудниковъ. Матеріалы для изученія дифтеріи. Бактеріологическія и клиническія изслѣдованія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 25 к.
***Salomonsen, C., проф., и Черевковъ, д-ръ.** Руководство къ практической (технической) бактеріологіи. Общая и спеціальная часть для врачей, ветеринаровъ и студентовъ. Съ 81 рис. въ текстѣ. Харьк., 1894 г. Ц. 3 р.
Schrader, W. Гимназіи и реальныя училища воспитаніе и обученіе. Ревель, 1892 г. Ц. 3 р.
Sell, д-ръ. Спиртъ и его добываніе, свойства и примѣси. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
Schamaus, Hans. Основы патологической анатоміи. М., 1895 г. Ц. 6 р. (199 рис. въ текстѣ).
Tedeschi, V. Пища маленькихъ дѣтей. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
Tillaux, P. Руководство къ топографической анатоміи въ примѣненіи къ хирургіи. Пер. съ 7 франц. изданія, под. ред. и съ примѣчаніями д-ра С. Таубера, проф. варшавскаго университета. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. Подписная цѣна за все сочиненіе (6 выпусковъ) 9 р.

Unwin. Основы построенія частей машинъ или изложеніе законовъ и условій, отъ которыхъ зависятъ размѣры и форма частей машинъ. Руководство для инженеровъ, механиковъ, строителей, фабрикантовъ для техническихъ и реальныхъ училищъ. М., 1887 г. Ц. 3 р. 50 к.

Weil-Mantou, d-r. Руководство для врачей по страхованію жизни. М. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Иностранныя книги, доставленныя книжнымъ магазиномъ Гросманъ и Кнебель въ Москвѣ.

Французскія дѣтскія книги.

Французскія азбуки:

L'Abc des **tout petits.** Couveture en couleurs. Av. 6 grav. col. *Цѣна 8 коп.*

L'Abc **du premier âge.** Couvert. en coul. Av. 24 grav. col. *Цѣна 30 коп.*

L'Alphabet **usuel.** Av. 24 grav par Adrien-Marie. *Цѣна 65 коп.*

L'Album **Alphabet.** Av. 27 illust. en coul. et de nombreuses grav. en noir. *Цѣна 1 р. 25 к.*

—

Французскія книжки съ раскрашенными карт. для маленькихъ дѣтей.

Первая серія.

Цѣна по 5-ти коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.

La Fête **de Jeanne**, ill. par Bouisset.
Le Mariage **de Toto**, ill. par Bouisset.
La Première **Poupée**, ill. par Bouisset.
Le Voyage **de Lucie**, ill. Godefray
Le Jardin **de Juliette**, ill. par Godefray.
La Semaine **de Noël**, ill. par Bouisset.
Le Bain **de Minet**, ill. par Godefray.
La petite **fermière**, ill. par Bouisset.
La petite **Ménagère** ill. par Bouisset.

—

Вторая серія.

Цѣна по 8-ми коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.

Monsieur **Dumolet**, ill. par Vogel.
Mon père **m'a donné un mari**, ill par Bouisset.
Saint-Nicolas **et Guilleri**, ill. par Vogel.
Gribouille, ill. par Steinlen.
Il était **une bergère**, ill. par Bouisset.
Le Chevalier **du Roi**, ill. par Vogel.
M. de la **Palisse**, ill. par Chovin.
Malb'raugh, ill. par Clérice.
Cadet **Rousselle**, ill. par Faria.
La Mère **Michel**, ill. par Faria.
Le Roi **Dagobert**, ill. Chovin.
Abc des **tous petits**, ill. par Bouisset.
Le Renard **et le Corbeau**, ill. par Gélibest.
Sur le **pont du nord**, ill. par Bouisset

—

Третья серія.

Цѣна по 13-ти коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.

Cendrillon, ill. par Grivaz.
Tome **Pouce**, ill. par Vogel.
Folle journée, ill. par Steinlen.
Barbe bleue, ill. par Vogel.
Pierrot, ill. par Jozet.
L'assaut du moulin, ill. par Tofani.
Le Chat botté, ill. par Myrbach.
Le prince Saphir, ill. par Gumery.
Riquet à la houppe, ill. par Vogel.

—

Четвертая серія.

Цѣна по 20 коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couvrture en couleurs.

Jean le Chanceux, ill. par Chovin.
La Semaine de Julie, ill. par Martin.
Guignol, ill. par Job.
Jean L'ours, ill. par Massé.
Paul dans la lune, ill. par Job.
L'oiseau bleu, d'apres M-me d'Aulnoy, ill. par Clérice.
Sept d'un coup! D'après Grimm, ill. par Poirson.
Le Baron de Krack, ill. par. Chovin.

—

Пятая серія.

Цѣна по 40 коп.

16 pages mprimées en gros earactères sur papier fort. 8 gravures en couleurs. Couverture en carton souple avec or et couleurs.

Frère et soeur, ill. par Vogel.
Gargantua, ill. par Myrbach.
Petite Poucette, ill. par Job.
Don Quichotte, ill. par Myrbach.
Robinson Crusoé, ill. par Myrbach.

—

Шестая серія.

Цѣна по 65 коп.

16 pages imprimées en gros caractères sur papier fort. 8 gravures très fort. 7 gravures en couleurs. Couverture en carton souple avec or et couleurs.

Le dormeur éveillé, ill. par Chovin.
Les animaux domestiques, ill. par. Gambard.
Ali-Baba ou les 40 voleurs, ill. par. Myrbach.
Au Pays des fleurs, ill. par. Gamb

—

Седьмая серія.

Цѣна по 1 руб.

Contenant vers 30 ill. en couleurs, cartnage en couleurs.

Le voyage de M-lle Rosalie, ill. T. Marie.
Bambins et bambines, ill. par Hardi

—

Восьмая серія.

Цѣна по 1 руб. 75 коп.

Les jardins de Paris. 32 ill. de Grigny. Texte par Bonhomme.
La journée de Bébé. 32 illustrat. de Bouisset. Texte par Arnaud.
Album des enfants sages. Illust. par Harding.
Heureux âge, ill. par Harding.

—

Книги для чтенія для дѣтей отъ 5—8 лѣтъ.

Напечатанныя крупнымъ шрифтомъ съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ.

Цѣна каждаго тома безъ перепл. 40 коп. въ перепл. 65 коп.

Les histoires de tante Rose, par M-me de Bosguérard.
Mémoires de Cigarette, par Théo-Sritt.
Contes aux tout petits, par. P. Andriveau.
Bébés en vacances, par M-me Gameau.
La chatte de M-lle Ilda, par M-me de Paloff.
Petits amis, par M-me de Bosguérard.
Les Bonspoints de Bébé, par M-me de de Sobol.
Mignonnettes, par M-me Noémi Balleyquier.
Scènes enfantines, par M-me de Bosguérard.
Le petit monde, par M-me A. de Wailly.
Moi et mes ponpées, par M-me de Bosguérard.
L'histoire d'une troupe de marionnettes, par M A. de Bréville.
Aimé pour son bon coeur, par M-lle Eva Gatouil.
Les plage de Wimeraux, par Noéme Balleyguier.
Les enfants de cigarette, par Theodor Cahu.

—

Книги для дѣтей отъ 9—12 лѣтъ.

Bibliothèque blanche illustrée.

Каждый томъ въ переплетѣ 1 руб.

Bertin, M. Les deux côtés du mur
Bignon. Un singulier petit omme.
Chewille, de. Histoire d'un trop bon chien.
Dickens Ch. L'Embranchement de Mugbiy.
Dumas, A. La Bouillie de la comtesse Berthe.
Durand, H. Histoire d'une bonne aiguille.
Feuillet (Octave). La vie de Polichinelle.
Lackroy, S. Les Fées de la famille.
Mayne-Reid. Les Exploits des jeunes Boërs.
Muller, Eugéne. Récits enfantins.
Musset, P. de. M. le Vent et M-me la Pluie.
Nurliac, E. Le Prince Coqueluche.
Perrault. Les Lunettes, de Grand'Maman.
Sand, George. Gribouille.
Stahl. P.—J. Les Aventures de Tom Pouce.
„ „ Contes de la tante Judith.
Verne, Jules. Un Hivernage dans les glaces.

—

Книги для дѣтей отъ 10—13 лѣтъ.

Bibliothèque de l'éducation maternelle illustrée.

Каждый томъ безъ перепл. 1 р. 15 к., въ перепл. 1 р. 75 к.

Anfosti. Le secret de sir William.
„ Jacques l'abandonné.
Balleygièr. Aux garennes.
„ Les Rogimbot.
„ M-lle Trimbalmouche.
Bellaigue. La vengeance d'un haut coeur.
Bonhomme. Récis de l'oncle Paul.
Boret. Histoire d'un garçon.
Carnoy. La nuit de Noël.
„ Hans Mertens.
Dumont. Fables pour les petits.
Le Conte. Ce bon Loff.
Jane. Le 28 jours de Suzanne.
Le Roy. Le fils de l'amiral.
Mesureur. Voyage à la mer.
„ Histoire d'un enfant de Paris.
Mirzel. Notre ami Polly.
Monceau. Mon petit frère.
„ L'enfant des Vosges.
Paloff. Echos des vacances.
Quantin. Histoire de Germaine.
Sobol. Bouton d'or.
Verne. Aventures d'enfants.
Witt. L'hiver à la campagne.
„ Les héros modestes.

—

Книги для дѣтей отъ 12—14 лѣтъ.

Bibliothèque rose illustrée.

Каждый томъ въ переплетѣ 1 р. 75 к.

Jean qui grogne et Jean qui rit. par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Castelli.
Les bons enfants, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Ferogio.
Les deux nigauds, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Castelli.
Pierrot, par m-lle Julie Gouraud, ill. par éd. Zier.
L'auberge de l'ange-Gardien., par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Foulquier.
Pauvre Blaise, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Castelli.
Contes de fées, tirés de Charles Perrault de m-me d'Aulnoy et le prince de Beaumont, Ill, par Bertall, Beaugé etc.
La soeur de gribouille, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Castelli.
Contes choisis des frères Grimm., traduits de pallemand par Frédéric Baudry ill. par Bertall.
Après la pluie le beau tempa, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par E. Bayard.
Voyages de Gulliver, a lilliput, a brobdingnag et au pays des houyhnhnms par Swiet.
Memoires d'un ane, par m-me la comtesse de Ségur ill. par Horage Castelli.
Le mauvais Génie, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Bayard.
Les premiers chants, par Fournier, ill. par Gustave Roux.

François le Bossu, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Emile Bayard.
Quel amour d'enfant, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Bayard.
Bibliothèque de la famille. In 8°. illustrée.

Каждый томъ въ переплетѣ 3 руб.

Carnoy. Les légendes de France, ill. par Zier.
Graffigny. Contes d'un vieux savant. Ill. par Nac.
Rochemont, Au pays des fées, ill. par. Mès
Cooper. Bas de cuir, arr. par Dubois, ill. en couleurs.
Mille et une nuits de la jeunesse Arr. par Dubois, ill. en couleurs.

Нѣмецкія дѣтскія книги.

Крупная печать, хорошая бумага, изящныя иллюстраціи.

Новая изящная коллекція съ раскрашенными картинками по англійскому способу

отъ 25 коп. до 90 коп.

1. Serie à Band 25 kop.

Glückliche Reise. — Tromm, Tromm, Dremm.—Puck—Mein Miezi.—Nach Helgoland.— Mutter Glaus und ihre Lieblinge—Frau Mieze — Eichhörnchen. — Müller Klaus—Fürs Herzblättchen—Das Haus das Haus, baute—Der Kinderomnibus—Im Freien.

2. Serie à Band 30 kop.

Des Lieblings Bilderbuch — Kasperltheater.—Kätzchen zu Hause—Die En ten familie.—Tick-Tack für kleine Leute.

3. Serie à Band 45 kop.

Am Strande—Noahs Arche — Durch Flur und Hain—Ringel, Ringel, Rosenkranz—Puppen-Gesellschaft — Die wunderliche Kutsche.

4. Serie à Band 60 kop.

Feierstündchen — Von Nah und Fern.— Kleine und grosse Freunde - Allerlei Gesellschaft.

5. Serie à Band 90 kop.

Gute Bekannte—Laterna Magica—Lustiger Reigen—Lieblings Kurzweil—Comitshe clowns—Unsere Lieblingsthiere.

—

Нѣмецкія дѣтскія книги по удешевленнымъ цѣнамъ.

Sturm, J. Neues Fabelbuch. Mit. Jll. nach Originalzeichnungen von F. Flinzer cartonnirt statt 1 R. 20 K., nur 75 K.
Hey, Fabeln für Kinder. In Bildern gezeichnet von Otto Speckter (Original-Ausgabe des weltbekannten, klassischen Kinderbuches) 2 Bände („50 Fabeln" und „Noch 50 Fabeln") cartonirt zusammen statt 3 R. 60 K., nur 1 R. 50 K.
Scharz, 101 neue Fabeln. Mit Beiträgen von Bodenstedt. Lohmeyer, Sturm etc. Zahlreiche Illustrationen v. Flinzer. eleg. gebunden, statt 2 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.
Biller, Im Reich der Heinzelmännchen oder Reiseabenteuer einer Puppe und eines Nussknackers. Mit vielen bunten Bildern, statt 3 R. 50 K, nur 1 R. 50 K.
Deutsche Jugend. Gediegenste, Auswal, von Bildern, Märchen, Reisegeschichten, Gedichten, Fabeln. statt 3 R. 50 K., nur 2 R.
Die Kinderlaube, Erzählungen, Märchen Schilderungen, Lebensbeschreibungen Gedichte etc. bearb. von. Th. Schäfal (Dresden). Mit zahlreichen bunten Volbidern und Textillustrationen. Jeder Band in 4° (über 380 Seiten). In elegantem Leinenband. Bd. 27, 28, 29. Jeder Band statt 3 R. 60 K., nur 2 R. 50 K.
Biller, E. Lieschens kluge Einfälle Hänschens Reise durch die Stube. Mariele und die sieben Puppen. Wie es Fritzchen auf seiner Schwester Hochzeit ging, Mit vielen farbigen Illustrationen v. Kleinmichel. 4 kurze Geschichten in einem Bande gebunden, statt 2 R., nur 85 K.
Frey, A. Schweizersagen. Mit Holzchnitten nach Original-zeichnunden deutscher Künstler, cartonnirt. statt 1 R. 80 K., nur 1 R.
Lottka, Kinderträume. Mit zahlreichen prächtigen Illustrationen von Claudius, eleg. geb, statt 3 R., nur 1 R. 50 K.
Krüger, Märchen aus Heimat und Fremde. Mit 50 Original-Illustrationen, darunten 4 Buntdruckbilder, 246 Seiten) in eleganten Einband, statt 1 R. 50 K., nur 85 K.
Bern, M., Anthologie für die Kinderstube. Eine Auswahl der besten Ammenscherze, Spielverse, Puppengedichte, Räthsel, Fabeln, Neckmärchen Kindergebete altberkömmlichen Reime, sowie fier neuesten Kinderlieder. Mit zahlreichen Illustrationen von Flinzer. Pletsch, Richter, Thumann und A. eleg. gebunden, statt 2 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.
Kletke, Hermann. Die Kinderwelt. In Märchen und Liedern. Mit zahlreichen Holzschnitten nach Original zeichnungen deutscher Künstler Eleg. gebunden, statt 1 R. 80 K. nur R.
Strässle, Franz, Kleine illustrierte Naturgeschichte für die Jugend. sechste vermehrte und vielfach verbesserte Auflage Mit 179 Holzschnitten und 15 Tafeln Abbildungen in Farbendruck. Elegant gebunden, statt 3 R., nur 1 R. 80 K.

—

Нѣмецкія азбуки.

Eisenbahn A. B. mit vielen du Aildern. 25 K.
Bilder A. B. C., oder der fleissige seschüler (mit bunten Bildern) car nirt. 25 K.
Das goldene A. B. C., für kleine fl sige A. B. C. Schützen (mit vielen h ten Bildern) cartonnirt. 30 K.

Haestors, A. Fibel oder der Schreib-Lese-Unterricht. 85 K.
Gurcke, J. Schreib—und Lese Fibel. Mit Holzschnitten von Q. Speckter cartonnirt. 45 K.
Dietlen, R. Des Kindes erstes Lesebuch. Illustrirte Fibel mit farbigen Bildern. Auf Grundlage des mit dem Anschauungs unterrichte verbundenen ersten Sprech., Schreib, u. Lese-Unterrichtes bearb. für Schule und Haus, cartonnirt. 60 K.

Списокъ періодическихъ изданій, на которыя принимается подписка въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль" В. М. Лаврова.

Русскія.

Афиши театральныя. Ц. съ достав. 5 р., на лучшей бумагѣ 10 р.
Биржевыя Вѣдомости. Газета биржи, финансовъ, торговли, политики и обществ. жизни. Ц. съ доставк. и перес. на 1-е изд. 15 р., на $1/2$ г. 9 р., на 2-е изд. 4 р. въ годъ.
Будильникъ. Журналъ сатирическій, съ каррикатурами. Москва. Еженедѣльно. Ц. съ пер. и дост. 10 р.; на $1/2$ г. 6 р.
Варшавскій Дневникъ. Еженедѣльная газета. Ц. съ пер. и дост. 12 р., на $1/2$ г. 6 р.
Вокругъ Свѣта. Еженед. иллюстр. журналъ 4 р. съ пер.
Волгарь. Ежеднев. газ. Н.-Новгородъ. Ц. 8 р.
Волжскій Вѣстникъ. Еженедѣльный журн. съ прилож. сборника научно-беллетристическаго содерж. Казань. Ц. съ пер. 7 р.
Волынь. Газета; 8 раза въ недѣлю. Житоміръ. Ц. съ дост. и пер. 5 р.
Воскресенье. Иллюстрированный еженедѣльный журналъ для народа. Ц. съ дост. и пер. 3 р.
Восточное Обозрѣніе. Литературно-политическая газета. Иркутскъ. Ц. съ пер. 6 р.
Восходъ. Ежемѣсячный журналъ съ приложеніемъ „Еженедѣльной хроники" Ц. съ дост. и пер. 10 р.; на $1/2$ г. 6 р.
Всемірная Иллюстрація. Большой иллюстрированный журналъ. Выходитъ еженедѣльно съ ежемѣс. л.—н. прилож. „Трудъ". Ц. съ дост. 17 р. съ пер. 18 р.
Вѣдомости Спб. Градоначальства. Ц. съ дост. 5 р.; съ пер. 7 р.
Вѣстникъ Европы. Журналъ исторіи, политики и литературы. 12 нумер. въ годъ. Ц. 15 р. 50 к., съ дост. 16 р., съ пер. 17 р
Вѣстникъ иностранной литературы. Ежемѣсячн. журн. Ц. 4 р.
Вѣстникъ Кавказа. Газета ежедневная. Тифлисъ. Ц. съ пер. 10 р.
Гражданинъ. Ежедневная газета. Ц. 12 р. съ ежемѣс. прилож., съ дост. и пер. 15 р.
Донская Пчела. Газета; два раза въ недѣлю. Ростовъ-на-Дону. Ц. съ пер. и дост. 7 р.
Досугъ и Дѣло. Журналъ для солдатъ и народа. 6 выпуск. въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.
Екатеринбургская Недѣля. Еженедѣльная газета. Екатеринбургъ. Ц. съ перес. 6 р.
Живописное Обозрѣніе. Иллюстрированный беллетристическій журналъ. Еженедѣльно, съ ежемѣсяч. литер. прилож. Ц. съ дост. и пер. 8 р., на велен. бум. 15 р.
Journal de St.-Pétersbourg. Ежедневная газета. Ц. съ дост. 18 р., съ пер. 22 р., $1/2$ года: 10 р., съ пер. 12 р. 25 коп.
Journal d'Odessa. Ежедневная газета. Одесса. Ц. съ дост. и пер. 14 р.
Зодчій. Художественно - техническій журналъ ежемѣсячный. Ц. съ дост. 12 р., съ пер. 14 р.
Историческій Вѣстникъ. Ежемѣсячн. журн. Ц. съ дост. и пер. 10 р.
Кавказъ. Газета политич. и литерат. Ежедневно. Тифлисъ. Ц. съ дост. и пер. 13 р.
Кіевлянинъ. Газета юго-западнаго края. Ежедневно, выходитъ въ Кіевѣ. Ц. съ достав. и пер. 12 р., $1/2$ г. 7 р.
Книговѣдѣніе. Цѣна съ дост. и перес. 6 руб.
Край („Kraj"). Ежемѣсячная политическая и общественная газета на польскомъ языкѣ. Ц. съ дост. 10 р., $1/2$ г. 5 р., съ пер. 12 р., $1/2$ г. 6 р.
Кронштадтскій Вѣстникъ. Морская газета. Ц. съ доставк. и пер. 8 р.
Лучъ. Газета. Три раза въ недѣлю. Ц. съ дост. и пер. 6 р., съ приложеніемъ еженедѣльнаго журнала „Иллюстрированный Міръ". Безъ прилож. 8 р.
Московскія Вѣдомости. Газета политическая и литературная. Ц. съ дост. и пер. 17 р., $1/2$ г. 10 р. 50 к.
Moscauer deutsche Zeitung. 6 разъ въ недѣлю. Ц. съ дост. и перес. 10 р.
Московскій Листокъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 10 р.
Наблюдатель. Литературно-политич. журналъ. Ц. съ дост. 13 р., съ перес. 14 р.
Недѣля. Еженедѣльная газета съ приложеніемъ ежемѣсячнаго „Журнала романовъ и повѣстей". Ц. съ пер. и дост. 9 р.

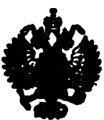
Нива. Иллюстрир. журналъ для семейнаго чтенія. 52 №№ въ годъ, съ ежем. литер. прилож. Ц. безъ дост. 5 р., съ дост. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р.
Новое Время. Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. 16 р., съ перес. 17 р.; 1/2 г. съ достст. р., съ перес. 10 р.
Новороссійскій Телеграфъ. Газета политич., литер. и эконом. Ежедневно. Одесса. Ц. съ перес. и дост. 14 р.; 1/2 г. 8 р.
Новости. Ежедневн. политич. и литературн. газета. I-е изд.: съ дост. 16 р., 1/2 г. 9 р.; съ перес. 17 р., 1/2 г. 10 р.— II-е изд.: съ дост. 9 р., 1/2 г. 6 р.; съ перес. 10 р., 1/2 г. 6 р.
Новости Дня. Ежедневная газета. М. Ц. съ перес. 10 р., 1/2 г. 5 р. 50 к.
Новь. Иллюстрированный двухнедѣльн. вѣстникъ. Годовая подписная цѣна 14 р,
Нувеллистъ. Музыкальный журналъ. съ музыкально-литературнымъ прибавл. 12 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и перес. 6 р.
Осколки. Еженедѣльн. иллюстр. журн. Ц. съ дост. и перес. 9 р.
Петербургская Газета. Газета общественн. жизни и литерат. Ц. съ дост. 9 р., 1/2 г. 5 р.; съ пер. 10 р., 1/2 г. 6 р.
Петербургская Жизнь. Иллюстр. еженедѣльн. журналъ. Ц. 6 р. съ дост. и перес.
Петербургскій Листокъ. Газета общественной жизни и литерат.; ежедн. Ц. съ дост. 9 р., 1/2 г. 5 р. 50 к.; съ перес. 10 р., 1/2 г. 6 р.
Природа и люди. Журналъ путешествій. Еженедѣльно. Ц. 5 р.
Правительственн. Вѣстникъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 12 р., 1/2 г. 8 р.
Развѣдчикъ. Журналъ библіографическій и научно-литературный, отъ 20 до 40 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 6 руб.
Развлеченіе. Журналъ литературн. и юмористич., съ политипажами. Выходитъ еженедѣльно. Ц. съ пер. и дост. 6 р.
Ребусъ. Еженедѣльно. Ц. съ дост. и пер. 5 р.
Родина. Еженедѣльный иллюстрированный журналъ съ приложеніемъ романовъ. Ц. съ пер. 5 р. 60 к.
Русское Богатство. Ежемѣсячный журналъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р.
Русскій Вѣстникъ. Журналъ литературный и политическій. 12 кн. въ годъ. Ц. съ дост. 16 руб., съ пер. 17 р.
Русскій Инвалидъ. Газета военная, ежедневная. Ц. съ дост. и пер. 9 р., вмѣстѣ съ „Военнымъ Сборн." 13 р.
Русское Обозрѣніе. Ежемѣсячный литературно-политич. журналъ. М. Ц. съ пер. 15 р. 50 к.
Русскія Вѣдомости. Газета политическая. Ц. съ дост. и пер. 11 р., 1/2 г. 6 р.
Русь. Газета политич. и литерат. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 3 р., съ еженедѣльными и ежемѣсячными приложеніями; ц. 8 р.
С.-Петербургскія Вѣдомости. Газета политическая и литературная; выходитъ ежедневно. Ц. съ дост. 17 р., съ пер. 18 р.
St.-Petersb. Herold. Ежедневно. Политическая и литературная газета. Ц. съ дост. 18 р., съ пер. 14 р.; за 6 м. 7 р. 50 к. съ дост. и пер.
St.-Petersburg.Zeitung. Газета политическая, ежедневная. Ц. съ дост. 13 р., съ пер. 14 р.
Свѣтъ. Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 4 р., съ приложеніемъ романовъ и повѣстей 8 р.
Сельскій Вѣстникъ. Еженедѣльная народная газета. Ц. съ дост. 2 р., съ пер. 2 р. 60 к.
Сенатскія Вѣдомости съ собраніемъ указовъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р. 55 к.
Стрекоза. Художественно-юмористич. журналъ. Еженедѣльно. Ц. съ дост. 9 р., съ пер. 10 р.; 1/2 г. 6 р.
Судебная Газета. Еженедѣльная газета. Ц. въ годъ 7 р.
Сѣверный Вѣстникъ. Литературно-научный и политическій журналъ. 12 №№ въ годъ. Ц. съ дост. 12 р. 50 к., съ пер. 13 р. 50 к.
Сѣверъ. Литературный иллюстрированный журналъ. 52 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 7 р.
Сынъ Отечества. Газета политич., ученая и литерат. Выходитъ ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 8 р.
— Второе изданіе безъ приложен. 4 р.
Тифлисскій Листокъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 6 р.
Чтеніе для солдатъ. 6 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.
Шахматы. Выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ Ц. 5 р.
Школьное Образованіе съ приложеніемъ „Сборника". Еженедѣльная общепедагогическая газета. Ц. съ пер. и доставкой 5 р.
Шутъ. Художественно-юмористическій журналъ карrикатуръ. Еженедѣльно. Ц. съ дост. и перес. 7 р., съ преміею 7 р. 65 к.

Польскія.

Atheneum. Pismo naukowe i literackie. Rocznie 12 zeszytów, rs. 12.
Bibliotekа najcelniejszych utworow literatury europejskiej. 12 zeszytów, rs. 6.
— romansów i powiesci. 52 numera, rs. kop. 80.

— Warszawska. 12 zeszytów, rs. 10.
Biesiada literacka. Pismo literackie illustrowane. 52 num, rs. 6 z dodatkiem powieści, rs. 8.
Bluszcz. Pismo tygodniowe illustr. dla kobiet. 52 num., rs. 10. Z dodatkiem mód kolorowanych i krojów. Wydanie II rs. 18; wydanie III rs. 16.
Czasopismo Techniczne, miesięczne Kraków. Rs. 6 kop. 80.
Echo Muzyczne i Teatralne. Tygodnik literasko-artystyczny, zawiera utwory zagranicznych i krajowych kompozytorów. Z bezpłatnym dwutygodniowym dodatkiem not, rs. 10.
Gazeta Handlowa, codziennie, rs. 11.
Gazeta Lekarska. 52 numera. rs. 6.
Gazeta Polska, dziennik polityczny, rs. 12.
Gazeta przemyslowo - rzemieslnicza, pismo tygodniewe, rs. 5 k. 20.
Gazeta Rolnicza, rs. 9. Z Kurjerem rolniczym, rs. 13.
Gazeta Sadowa Warszawska. 52 numera, rs. 8.
Gazeta Swiateczna. 52 numera, rs. 3.
Gazeta Warszawska codziennie. rs. 12.
Izraelita. Organ poświęcony sprawom religii i oświaty. 22 numera. rs. 8.
Kolce. Tygodnik humorystyczny, rs. 8.
Kosmos. Czasopismo polskiego Towarzystwaprzyrodnikówimienia„Kopernika". Lwów, 21 zeszytów, rs. 6.
Kraj, tygodnikpolityczno-społeczny w Petersburgu, rs. 12.
Kronika Lekarska. Dwutygodnik naukowy, poświęcony przeglądowi postępów nauk lekarskich, rs. 6.
Kronika Rodzinna. 52 numera, rs. 5.
Kurjer Codzienny, dziennik, rs. 9.
Kurjer Poranny. Wychodzi codzień, rs. 8.
Kurjer Bolniczy. 52 numera, rs. 5.
Kurjer Swiateczny. Wychodzi co niedziela i święta, rs. 4.
Kurjer Warszawski, dziennik, rs. 12.
Kwartalnik Historyczny. 4 numera, rs. 6.
Medycyna, Tygodnik lekarski, pod redakcya d-ra Benni, rs. 6.
Mucha. Tygodnik humorystyczny illustrowany, rs. 5.
Niwa. Dwutygodnik naukowy, literacki i artystyczny, rs. 9.
Ogrodnik Polski. Dwutygodnik illustrowany, rs. 8.
Prawda. Tygodnik polityczny, społeczny i literacki. Pod redakcyą Aleksandra Swiętochowsckiego. 6. rs. 10.
Przegląd tugodniowy życia społecznego, literatury i sztuk pięknych, rs. 10; z dodatkiem rs. 12.
Przyjaciel dzieci. Pismo tygodniowe, rs. 5.
Przyjaciel zwierząt domowych i pożytecznych. Miesięcznik, rs. 3.
Rola. Tygodnik poświęcony sprawom społecznym, ekonomicznym i literackim, rs. 8.
Rolnik. Czasopismo dla gospodarzy wiejskich (Lwów). Rocznie 24 numerów, rs 6.
Romans i Powiesc. 52 numera, rs. 4.
Słowo. Gazeta codzienna, rs. 12.
Sylwan piśmo poświęcone leśnictwu, rs. 5.
Tygodnik illustrowany, pośw. literaturze, nauce i sztukom pięknym, z tygodniowym dodatkiem powieści, rs. 12.
Tygodnik mód i powiesci. Z dodatkiem illustrowanych ubrań i robót kobiecych, rs. 5.
Tygodnik powiesci. Poznań, rs. 4.
Tygodnik Romansów i Powieści, rs. 4.
Wędrowiec. Pismo illustr., obejmujące podróże, rs. 8.
Wiadomosci farmaceutyczne (tylko rocznie), rs. 5.
Wieczory rodzinne. Czasopismo tygodniowe illustrowane dla dzieci, rs. 5.
Wiek, dziennik polityczny i społeczny. rs. 12.
Wszechswiat. Tygodnik popularny, poświęcony naukom przyrodniczym. Pod. redakcyą B. Znatowicza, rs. 10.
Zdrowie, miesięcznik poświęcony hygjenie, rs. 5.
Zorza. Pismo dla miast i wiosek. Rocznie 52 Nr., rs. 4.

Книги, вновь поступившія въ магазинъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца, обозначены *.

ВЪ КНИЖНОМЪ **МАГАЗИНѢ**

Н. ФЕНУ и К°

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40)

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ НОВЫЯ КНИГИ:

Агаѳоновъ, В. К. Настоящее и прошлое земли. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
Алексѣевскій, А. И. Памяти императора всероссійскаго Александра III. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
Алябьевъ, В. Связка интимныхъ писемъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Андреовъ, Ѳ. А. Курсы для заикающихся. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
Боровичъ, Л. Л. Снабженіе горячею водой небольшихъ жилыхъ домовъ. М., 1895 г. Ц. 40 к.
Брандесъ, Г. Литература XIX вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ. Сбп., 1895 года. Ц. 2 р.
Гейнце. Генералиссимусъ Суворовъ. Историческій романъ XVIII ст. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.
Гроссъ, Г. Экономическая система Карла Маркса съ научной стороны. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
Дитятинъ, И. И. Статьи по исторіи русскаго права. Спб., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
Изготовленіе рисунковъ для волшебнаго фонаря. Съ 13 политип. въ текстѣ. М., 1895 г. Ц. 75 к.
Какъ я излѣчилъ свою нервную болѣзнь. Ревель, 1895 г. Ц. 25 к.
Карѣевъ, Н. Мысли объ основахъ нравственности. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
Корневэнъ, Х. Ядовитыя растенія и отравленія, ими причиняемыя. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
Корелинъ, М. С. Паденіе античнаго міросозерцанія. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.
Летурно, Ш. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. I. Съ 53 рисунками. Спб., 1895 г. Ц. 60 коп.
Липпертъ, Ю. Исторія культуры. Съ 83 рис. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Три конца. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
Майковъ, Л. Батюшковъ, его жизнь и сочиненія. Изд. 2-е. Спб., 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.
Мережковскій, Д. С. Отверженный. Романъ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
Никитинъ, В. В. Многострадальные. Очерки прошлаго. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Пашкевичъ, И. А. Набивка чучелъ. Съ 25 рис. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.
П. Д. Нѣкоторыя черты народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
Сервантесъ, Мигель. Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Т. 2. М., 1895 г. Ц. 3 р.
Шперкъ, Ѳ. О страхѣ смерти и принципѣ жизни. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.

Дешевыя книжки для школъ и народа, издан. фирмой:

Животовскій, Н. Отчего происходитъ дождь и снѣгъ. Спб., 1895 г. Ц. 10 к.
— О грозѣ. Спб., 1895 г. Ц. 10 к.
— О теплѣ и воздухѣ. Спб., 1895 г. Ц. 10 к.
Погосскій, А. Суходольщина. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
— Подосиновики. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
— Штуцерникъ. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
— Наши добрые слуги. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
— Маіорская дочка. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
— Камень Кромневичъ. Спб., 1895 года. Ц. 10 к.
— Божеское правосудіе. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
— Земля, вода и воздухъ. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
— Солдатскія замѣтки. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
Савельевъ, А. Пить до дна—не видать добра. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.
— Зубы. Уходъ за зубами. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.

Пересылка—по вѣсу и разстоянію. Частнымъ лицамъ—съ наложеннымъ платежомъ.